

3

Н.В. ГОГОЛЬ

H. Torguey

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

им. А.М. ГОРЬКОГО

Н. В. ГОГОЛЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В двадцати трех томах

МОСКВА НАУКА 2009

Н. В. ГОГОЛЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

Том третий

МОСКВА НАУКА 2009

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Г58

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Редакционная коллегия:

*Е.И. Анненкова, А.Г. Битов, С.Г. Бочаров,
Л.Д. Громова-Опульская, В.М. Гуминский, И.А. Зайцева,
И.В. Карташова, Ю.В. Манн (главный редактор)*

Тексты подготовила

Л.В. Дерюгина

Комментарии подготовили:

С.Г. Бочаров, Л.В. Дерюгина

Ответственный редактор тома

С.Г. Бочаров

Рецензенты:

Н.К. Гей, И.В. Карташова

Лингвистический консультант издания

А.Д. Шмелев

Подписное

ISBN 5-02-032711-5

ISBN 978-5-02-035686-3 (т. 3)

- © Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, составление, подготовка текстов, комментарии, 2009
- © Российская академия наук и издательство «Наука», Полное (академическое) собрание сочинений и писем Н.В. Гоголя в 23 томах, оформление, 2003 (год начала выпуска), 2009
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2009

Арабески

Разные сочинения
Н. Гоголя

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

〈ПРЕДИСЛОВИЕ〉

Собрание это составляют пиэсы, писанные мною в разные времена, в разные эпохи моей жизни. Я не писал их по заказу. Они высказывались от души, и предметом избирал я только то, что сильно меня поражало. Между ними читатели, без сомнения, найдут много молодого. Признаюсь, некоторых пиэс я бы, может быть, не допустил вовсе в это собрание, если бы издавал его годом прежде, когда я был более строг к своим старым трудам. Но вместо того, чтобы строго судить свое *прошедшее*, гораздо лучше быть неумолимым к своим занятиям *настоящим*. Истреблять прежде написанное нами, кажется, так же несправедливо, как позабывать минувшие дни своей юности. Притом если сочинение включает в себе две, три еще не сказанные истины, то уже автор не вправе скрывать его от читателя и за две, три верные мысли можно простить несовершенство целого.

Я должен сказать о самом издании: когда я прочитал отпечатанные листы, меня самого испугали во многих местах неисправности в слогe, излишности и пропуски, происшедшие от моей неосмотрительности. Но недосуг и обстоятельства, иногда не очень приятные, не позволяли мне пересматривать спокойно и внимательно свои рукописи, и потому смею надеяться, что читатели великодушно извинят меня.

АРАБЕСКИ.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Н. ГОГОЛЯ.

—
Часть первая.
—

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1855.

«Арабески». Титульный лист издания 1835 г.

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА

Благодарность Зиждигителю мириад за благость и сострадание к людям! Три чудные сестры посланы им украсить и усладить мир: без них он бы был пустыня и без пения катился бы по своему пути. Дружнее, союзнее сдвинем наши желания и первый кубок за здравие скульптуры! Чувственная, прекрасная, она прежде всего посетила землю. Она мгновенное явление. Она оставшийся след того народа, который весь заключился в ней, со всем своим духом и жизнью. Она ясный призрак того светлого, греческого мира, который ушел от нас в глубокое удаление веков, скрылся уже туманом и до которого достигает одна только мысль поэта. Мир, увитый виноградными гроздьями и масличными лозами, гармоническим вымыслом и роскошным язычеством; мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений, где чувство красоты проникло всюду: в хижину бедняка, под ветви платана, под мрамор колонн, на площадь, кипящую живым своенравным народом, в рельеф, украшающий чашу пиршества, изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии, где из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны несутся ударяя в ладони, Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии серебряный и белый; мир, где вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины, — этот мир весь остался в ней, в этой нежной скульптуре; ничто кроме ее не могло так живо выразить его светлое существование. Белая, млечная, дышащая в прозрачном мраморе красотой, негой и сладострастием, она сохранила одну идею, одну мысль: красоту, гордую красоту человека. В каком бы ни было пылу страсти, в каком бы ни было сильном порыве, но всегда в ней человек является прекрасным, гордым и вольно становится атлетическим, свободным своим положением. Все в ней слилось в красоту и чувственность: с ее страдающими группами не сливаешь страдающий вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самым их страданием; так чувство красоты пластической, спокойной пересиливает в ней

стремление духа! Она никогда не выражала долгого глубокого чувства, она создавала только быстрые движения: свирепый гнев, мгновенный вопль страдания, ужас, испуг при внезапности, слезы, гордость и презрение и наконец красоту, погруженную саму в себя. Она обращает все чувства зрителя в одно наслаждение, в наслаждение спокойное, ведущее за собою негу и самодовольство языческого мира. В ней нет тех тайных, беспредельных чувств, которые влекут за собою бесконечные мечтания. В ней не прочитаешь всей долгой, исполненной потрясений и переворотов жизни. Она прекрасна, мгновенна, как красавица, глянувшая в зеркало, усмехнувшаяся видя свое изображение и уже бегущая, влача с торжеством за собою толпу гордых юношей. Она очаровательна, как жизнь, как мир, как чувственная красота, которой она служит алтарем. Она родилась вместе с языческим, ясно образовавшимся миром, выразила его — и умерла вместе с ним. Напрасно хотели изобразить ею высокие явления христианства, она так же отделялась от него, как самая языческая вера. Никогда возвышенные, стремительные мысли не могли улесться на ее мраморной сладострастной наружности. Они поглощались в ней чувственностью.

Не таковы две сестры ее живопись и музыка, которых христианство воздвигнуло из ничтожества и превратило в исполинское. Его порывом они развились и исторгнулись из границ чувственного мира. Мне жаль моей мраморно-облачной скульптуры! Но... светлее сияй покал мой в моей смиренной келье и да здравствует живопись! Возвышенная, прекрасная, как осень в богатом своем убранстве, мелькающая сквозь переплет окна, увитого виноградом, смиренная и обширная, как вселенная, яркая музыка очей — ты прекрасна! Никогда скульптура не смела выразить твоих небесных откровений. Никогда не были разлиты по ней те тонкие, те таинственно-земные черты, вглядываясь в которые слышишь, как наполняет душу небо, и чувствуешь невыразимое. Вот мелькают, как в облачном тумане, длинные галереи, где из старинных, позолоченных рам выказываешь ты себя живую и темную от неумолимого времени, и перед тобою стоит, сложивши накрест руки, безмолвный зритель; и уже нет в его лице наслаждения, взор его дышит наслаждением не здешним. Ты не была выражением жизни какой-нибудь нации; нет, ты была выше: ты была выражением всего того, что имеет таинственно-высокий мир христианский. Взгляните на нее, задумчивую, опустившую на руку прекрасную свою голову: как вдохновенен и долог ясный взор ее! Она не схватывает одного только быстрого мгновения, какое выражает мрамор; она длит это мгновение, она продолжает жизнь за границы

чуждым людям, потому что они не знают, что это такое, и не понимают, зачем
они это делают. Они только видят, что кто-то делает, и хотят сделать то же самое.
Эта идея была представлена в своем первоначальном виде в 1812 году.
и в течение нескольких лет она была переработана и дополнена. В 1815 году
когда Пушкин был в ссылке, он написал несколько глав, которые были
опубликованы в 1816 году. В 1817 году он написал еще несколько глав,
которые были опубликованы в 1818 году. В 1819 году он написал еще
несколько глав, которые были опубликованы в 1820 году. В 1821 году
он написал еще несколько глав, которые были опубликованы в 1822 году.
В 1823 году он написал еще несколько глав, которые были опубликованы
в 1824 году. В 1825 году он написал еще несколько глав, которые были
опубликованы в 1826 году. В 1827 году он написал еще несколько глав,
которые были опубликованы в 1828 году. В 1829 году он написал еще
несколько глав, которые были опубликованы в 1830 году. В 1831 году
он написал еще несколько глав, которые были опубликованы в 1832 году.
В 1833 году он написал еще несколько глав, которые были опубликованы
в 1834 году. В 1835 году он написал еще несколько глав, которые были
опубликованы в 1836 году. В 1837 году он написал еще несколько глав,
которые были опубликованы в 1838 году. В 1839 году он написал еще
несколько глав, которые были опубликованы в 1840 году. В 1841 году
он написал еще несколько глав, которые были опубликованы в 1842 году.
В 1843 году он написал еще несколько глав, которые были опубликованы
в 1844 году. В 1845 году он написал еще несколько глав, которые были
опубликованы в 1846 году. В 1847 году он написал еще несколько глав,
которые были опубликованы в 1848 году. В 1849 году он написал еще
несколько глав, которые были опубликованы в 1850 году. В 1851 году
он написал еще несколько глав, которые были опубликованы в 1852 году.
В 1853 году он написал еще несколько глав, которые были опубликованы
в 1854 году. В 1855 году он написал еще несколько глав, которые были
опубликованы в 1856 году. В 1857 году он написал еще несколько глав,
которые были опубликованы в 1858 году. В 1859 году он написал еще
несколько глав, которые были опубликованы в 1860 году. В 1861 году
он написал еще несколько глав, которые были опубликованы в 1862 году.
В 1863 году он написал еще несколько глав, которые были опубликованы
в 1864 году. В 1865 году он написал еще несколько глав, которые были
опубликованы в 1866 году. В 1867 году он написал еще несколько глав,
которые были опубликованы в 1868 году. В 1869 году он написал еще
несколько глав, которые были опубликованы в 1870 году. В 1871 году
он написал еще несколько глав, которые были опубликованы в 1872 году.
В 1873 году он написал еще несколько глав, которые были опубликованы
в 1874 году. В 1875 году он написал еще несколько глав, которые были
опубликованы в 1876 году. В 1877 году он написал еще несколько глав,
которые были опубликованы в 1878 году. В 1879 году он написал еще
несколько глав, которые были опубликованы в 1880 году. В 1881 году
он написал еще несколько глав, которые были опубликованы в 1882 году.
В 1883 году он написал еще несколько глав, которые были опубликованы
в 1884 году. В 1885 году он написал еще несколько глав, которые были
опубликованы в 1886 году. В 1887 году он написал еще несколько глав,
которые были опубликованы в 1888 году. В 1889 году он написал еще
несколько глав, которые были опубликованы в 1890 году. В 1891 году
он написал еще несколько глав, которые были опубликованы в 1892 году.
В 1893 году он написал еще несколько глав, которые были опубликованы
в 1894 году. В 1895 году он написал еще несколько глав, которые были
опубликованы в 1896 году. В 1897 году он написал еще несколько глав,
которые были опубликованы в 1898 году. В 1899 году он написал еще
несколько глав, которые были опубликованы в 1900 году.

Всего в тетради 12 страниц, из которых 10 страниц заняты черновиками
повести «Портрет» и 2 страницы — черновиками статей «Несколько слов о Пушкине»
и «Скульптура, живопись и музыка».

Лист «тетради Тарновских» с фрагментами черновых автографов повести «Портрет» и статей «Несколько слов о Пушкине» и «Скульптура, живопись и музыка». Российская государственная библиотека. Москва

чувственного, она похищает явления из другого, безграничного мира, для названия которых нет слов. Все неопределенное, что не в силах выразить мрамор, рассекаемый могучим молотом скульптора, определяется вдохновенною ее кистью. Она также выражает страсти, понятные всякому, но чувственность уже не так властвует в них; духовное невольно проникает все. Страдание выражается живее и вызывает сострадание, и вся она требует сочувствия, а не наслаждения. Она берет уже не одного человека, ее границы шире: она заключает в себе весь мир, все прекрасные явления, окружающие человека, в ее власти; вся тайная гармония и связь человека с природою в ней одной. Она соединяет чувственное с духовным.

Но сильнее шипи третий покал мой! Ярче сверкай и брызгай по золотым краям его звонкая пена, — ты сверкаешь в честь музыки. Она восторженнее, она стремительнее обеих сестер своих. Она вся порыв; она вдруг за одним разом отрывает человека от земли его, оглушает его громом могущих звуков и разом погружает его в свой мир. Она властительно ударяет, как по клавишам, по его нервам, по всему его существованию и обращает его в один трепет. Он уже не наслаждается, он не страдает, он сам превращается в страдание; душа его не созерцает непостижимого явления, но сама живет, живет своею жизнью, живет порывно, сокрушительно, мятежно. Невидимая, сладкогласная, она проникла весь мир, разлилась и дышит в тысяче разных образов. Она томительна и мятежна; но могущественней и восторженней под бесконечными, темными сводами катедраля, где тысячи поверженных на колени молельщиков стремится она в одно согласное движение, обнажает до глубины сердечные их помышления, кружит и несется с ними горé, оставляя после себя долгое безмолвие и долго исчезающий звук, трепещущий в углублении остроконечной башни.

Как сравнить вас между собою, три прекрасные царицы мира? Чувственная, пленительная скульптура внушает наслаждение, живопись тихой восторг и мечтание, музыка страсть и смятение души; рассматривая мраморное произведение скульптуры, дух невольно погружается в упоение. Рассматривая произведение живописи, он превращается в созерцание; слыша музыку, в болезненный вопль, как бы душою овладело только одно желание вырваться из тела. Она наша! она принадлежность нового мира! Она осталась нам, когда оставили нас и скульптура, и живопись, и зодчество. Никогда не жаждали мы так порывов, воздвигающих дух, как в нынешнее время, когда наступает на нас и давит вся дробь прихотей и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век. Все составляет

заговор против нас; вся эта соблазнительная цепь утонченных изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждем спасти нашу бедную душу, убеждать от этих страшных оболыстителей и бросились в музыку. О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! Не оставляй нас! буди чаще наши меркантильные души! ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам! Волнуй, разрывай их и гони хотя на мгновение этот холодно-ужасный эгоизм, сияющий овладеть нашим миром. Пусть при могущественном ударе смычка твоего смятенная душа грабителя почувствует хотя на миг угрызение совести, спекулятор растеряет свои расчеты, бесстыдство и наглость невольно выронит слезу пред созданием таланта. О не оставляй нас, божество наше! Великий Зиждитель мира поверг нас в немеющее безмолвие своею глубокою мудростью. Дикому, еще не развернувшемуся человеку Он уже ввинул мысль о зодчестве. Простыми, без помощи механизма, силами он ворочает гранитную гору, высоким обрывом громоздит ее к небу и повергается ниц перед безобразным ее величием. Древнему, ясному, чувственному миру послал он прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту — и весь древний мир обратился в фимиам красоте. Эстетическое чувство красоты слило его в одну гармонию и удержало от грубых наслаждений. Векам беспокойным и темным, где часто сила и неправда торжествовали, где демон суеверия и нетерпимости изгонял все радужное в жизни, дал он вдохновенную живопись, показавшую миру неземные явления, небесные наслаждения угодников. Но в наш юный и дряхлый век ниспослал он могущественную музыку, стремительно обращать нас к нему. Но если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?

О СРЕДНИХ ВЕКАХ

Никогда история мира не принимает такой важности и значительности, никогда не показывает она такого множества индивидуальных явлений, как в Средние веки. Все события мира, приближаясь к этим векам, после долгой неподвижности, текут с усиленною быстротою, как в пучину, как в мятежный водоворот, и закружившись в нем, перемешавшись, переродившись, выходят свежими волнами. В них совершилось великое преобразование всего мира; они составляют узел, связывающий мир Древний с Новым; им можно назначить то же самое место в истории человечества, какое занимает в устройении человеческого тела сердце, к которому текут и от которого исходят все жилы. Как совершилось это всемирное преобразование? какие удержались в нем старые стихии? что прибавлено нового? каким образом они смешались? что произошло от этого смешения? как образовалось величественное, стройное здание веков Новых? — Это такие вопросы, которым равные по важности едва ли найдутся во всей истории. Все, что мы имеем, чем пользуемся, чем можем похвалиться перед другими веками, все устройство и искусное сложение наших административных частей, все отношения разных сословий между собою, самые даже сословия, наша религия, наши права и привилегии, нравы, обычаи, самые знания, совершившие такой быстрый прогрессивный ход, — все это или получило начало и зародыш, или даже развилось и образовалось в темные, закрытые для нас Средние века. В них первоначальные стихии и фундамент всего нового; без глубокого и внимательного исследования их не ясна, не удовлетворительна, не полна Новая история; и слушатели ее похожи на посетителей фабрики, которые изумляются быстрой отделке изделий, совершающейся почти перед глазами их, но позабывают заглянуть в темное подземелье, где скрыты первые всемогущие колеса, дающие толчок всему: такая история похожа на статую художника, не изучившего анатомии человека.

Отчего же, несмотря на всю важность этих необыкновенных веков, всегда как-то неохотно ими занимались? Отчего, прибли-

жаясь к ним, всегда спешили скорее пройти их и отделаться от них² и редкие, очень редкие, пораженные величием предмета, возлагали на себя труд разрешить некоторые из приведенных вопросов³ Мне кажется, это происходило оттого, что Средней истории назначали самое низшее место. Время ее действия считали слишком варварским, слишком невежественным, и оттого-то оно и в самом деле сделалось для нас темным, раскрытое не вполне, оцененное не по справедливости, представленное не в гениальном величии. Невежественным можно назвать разве только одно начало, но это невежественное время уже имеет в себе то, что должно родить в нас величайшее любопытство. Самый процесс слияния двух жизней Древнего мира и Нового, это резкое противоречие их образов и свойств, эти дряхлые, умирающие стихии старого мира, которые тянутся по новому пространству, как реки, впавшие в море, но долго еще не сливающие своих пресных вод с сильными волнами; эти дикие, мощные стихии нового, упорно не допускающие к себе чуждого влияния, но наконец невольно принимающие его; это старание, с каким европейские дикари кроют по-своему римское просвещение; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римских форм, законов, среди новых, еще неопределенных, не получивших ни образа, ни границ, ни порядка; самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы и тысящелетней силы ее, — они все для нас занимательнее и более возбуждают любопытства, нежели неподвижное время всесветной Римской империи под правлением ее бессильных императоров.

Другая причина, почему неохотно занимались историею Средних веков, это — мнимая сухость, которую привыкли сливать с понятием о ней. На нее глядели, как на кучу происшествий нестройных, разнородных, как на толпу раздробленных и бессмысленных движений, не имеющих главной нити, которая бы совокупляла их в одно целое. В самом деле ее страшная, необыкновенная сложность с первого раза не может не показаться чем-то хаотическим, но рассматривайте внимательнее и глубже, и вы найдете и связь, и цель, и направление; я однако же не отрицаю, что для самого умения найти все это нужно быть одарену тем чутьем, которым обладают немногие историки. Этим немногим предоставлен завидный дар увидеть и представить все в изумительной ясности и стройности. После их волшебного прикосновения происшествие оживает и приобретает свою собственность, свою занимательность; без них оно долго представляется для всякого сухим и бессмысленным. Все, что было и происходило, — все занимательно, если только о нем сохранились верные летописи, выключая

разве совершенное бесстрашие народов; везде есть нить, как во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бывает заткана утком, как в лучистом камне есть невидимый свет, который он отливает, будучи обращен к солнцу, — она исчезает только с утратою известий. Так и в первоначальных веках Средней истории сквозь всю кучу происшествий невидимую нитью тянется постепенное возрастание папской власти и развивается феодализм. Казалось, события происходили совершенно отдельно и блеском своим затемняли уединенного, еще скромного римского первосвященника; действовал сильный государь или его вассал, и действовал лично для себя, а между тем существенные выгоды незаметно текли в Рим. И все, что ни происходило, казалось, нарочно происходило для папы. Гильдебрандт только отдернул занавес и показал власть, уже давно приобретенную папами.

История Средних веков менее всего может назваться скучною. Нигде нет такой пестроты, такого живого действия, таких резких противоположностей, такой странной яркости, как в ней: ее можно сравнить с огромным строением, в фундаменте которого улегся свежий, крепкий как вечность гранит, а толстые стены выведены из различного, старого и нового материала, так что на одном кирпиче видны готфские руны, на другом блестит римская позолота; арабская резьба, греческий карниз, готическое окно — все слепилось в нем и составило самую пеструю башню. Но яркость, можно сказать, только внешний признак событий Средних веков; внутреннее же их достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юноши, и оригинальность, делающая их единственными, не встречающими себе подобия и повторения ни в древние, ни в новые времена.

Бросим взгляд на те из событий, которые произвели сильное влияние. Главный сюжет Средней истории есть папа. Он — могущественный обладатель этих молодых веков, он движет всеми силами их и, как громовержец, одним мановением своим правит их судьбою. Словом, вся Средняя история есть история папы. — Его непреодолимое желание властвовать, его постоянные средства, исполненные проницательности и мудрости, следствия старческого возраста, его деспотизм и деспотизм бесчисленных легионов его могущественного духовенства — ревностных подданных духовного монарха, наложивших свои железные оковы на все углы мира, куда ни проникло знамение Креста, — представляют явление единственное, колоссальное и не повторявшееся никогда. — Не стану говорить о злоупотреблении и о тяжести оков духовного деспота. Проникнув более в это великое

событие, увидим изумительную мудрость Провидения: не схвати эта всемогущая власть всего в свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанию народы — и Европа рассыпалась бы, связи бы не было; некоторые государства поднялись бы, может быть, вдруг, и вдруг бы развратились; другие сохранили бы дикость свою на гибель соседям; образование и дух народной разлились бы неровно; в одном уголку выказывалось бы образование, в другом бы чернел мрак варварства; Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит; она бы долее была в хаосе, она бы не слилась железною силою энтузиазма в одну стену, утрашившую своею крепостью восточных завоевателей, и, может быть, без этого великого явления Европа уступила бы их напору, и магометанская Луна горделиво вознеслась бы над нею, вместо Креста. — Невольно преклонишь колена, следя чудные пути Провидения: власть папам как будто нарочно дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнут возраста повелевать другими; чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна. И как только народы достигли состояния управлять собою, власть папы, как исполнившая уже свое предназначение, как более уже не нужная, вдруг поколебалась и стала разрушаться, несмотря на все сильные меры, на все желание удержать гибнущие силы свои. Власть их в этом отношении была то же, что подмостки и лес для постройки здания; вначале они выше и кажутся значительнее самого строения, но как только строение достигло настоящей высоты, они, как ненужные, принимаются прочь.

С мыслями о Средних веках невольно сливается мысль о Крестовых походах — необыкновенном событии, которое стоит как исполин в середине других, тоже чудесных и необыкновенных. Где, в какое время было когда-нибудь равное ему своею оригинальностью и величием? Это не какая-нибудь война за похищенную жену, не порождение ненависти двух непримиримых наций, не кровопролитная битва между двумя алчными властителями за корону или за клочок земли, даже не война за свободу и народную независимость. Нет! ни одна из страстей, ни одно собственное желание, ни одна личная выгода не входят сюда: все проникнуто одною мыслию — освободить гроб Божественного Спасителя! Народы текут с крестами со всех сторон Европы; короли, графы в простых власяницах; монахи, препоясанные оружием, становятся в ряды воинов; епископы, пустынночники с крестами в руках предводят несметными толпами — и все текут освободить свою веру. Владычество одной мысли объемлет все народы. Нет ли

чего-то великого в этой мысли? И напрасно Крестовые походы называются безрассудным предприятием. Не странно ли было бы, если бы отрок заговорил словами рассудительного мужа? Они были порождение тогдашнего духа и времени. Предприятие это — дело юноши, но такого юноши, которому определено быть гением. А какие бесчисленные, какие удивительные и непредвиденные следствия Крестовых походов! Нужно было всю массу образовать и воспитать, дать ей увидеть свет, который часто заслоняло духовенство, и вся масса для этого извергается в другую часть света, где потухающее аравийское просвещение силится передать ей свой пламень, и — вся Европа вояжирует по Азии. Не вправе ли мы изумляться? Обыкновенно какой-нибудь выходец из земли образованной один приносит просвещение и первые сведения в неизвестную страну и постепенно образует дикарей; но образование это тянется медленно, неровно. Здесь же, напротив, народы сами всею своею массою приходят за образованием и, несмотря на долгое пребывание, не сливаются с своими учителями, ничего не перенимают у них роскошного и развратного, удерживают свою самобытность при всем заимствовании множества азиатских обыкновений и возвращаются в Европу европейцами, а не азиатцами. Я уже не говорю о тех следствиях, тех переменах в феодальном правлении, для которых нужно было временное удаление многих сильных.

Но бросим взгляд на другие происшествия, наполняющие Среднюю историю. Они хотя в сравнении с Крестовыми походами могут почестся второстепенными, но тем не менее все исполнены чудесности, сообщающей Средним векам какой-то фантастический свет, все — порождение юношества прекрасного, исполненного самых сильных и великих надежд, часто безрассудного, но пленительного и в самой безрассудности. Рассмотрим их по порядку времени; возьмем то блестящее время, когда появились аравитяне — краса народов восточных. И одному только человеку и созданной им религии, роскошной, как ночи и вечера Востока, пламенной, как природа, близкая к Индийскому морю, важной и размышляющей, какую только могли внушить великие пустыни Азии, — обязаны они всем своим блестящим, радужным существованием! С непостижимою быстротою они, эти смуглые чалмоносцы, воздвигают свои калифаты с трех сторон Средиземного моря. И воображение их, ум и все способности, которыми природа так чудно одарила араба, развиваются в виду изумленного Запада, отпечатываясь со всею роскошью на их дворцах, мечетях, садах, фонтанах, и так же внезапно, как в их сказках, кипящих изумрудами и перлами восточной поэзии. Век вперед —

и уже он исчез, этот необыкновенный народ, так что в раздумьи спрашиваешь себя: точно ли он жил и существовал, или он — самое прекрасное создание нашего воображения?

Как чудесно и какой сильной исполнено противоположности появление норманнов — народа, которого гневный Север свирепо выбросил из ледяных недр своих. Горсть людей дерзких, за которыми как будто гонятся по пятам мрачный их Один и снеговые горы Скандинавии, наводит панический страх на обширные государства! По Северному океану плывут их движущиеся королевства под начальством морских своих королей, — и все падает ниц перед этими малолюдными пришлецами, воспитанными бурей, морями, страшною бедностью Скандинавии и дикою религиею.

Колоссальные завоевания и распространение монголов были также делом почти сверхъестественным. Необъятная внутренность Азии, которая была скрыта от глаз всех народов, осветилась вдруг в самом страшном величии. Эти степи, которым нет конца, озера и пустыни исполинского размера, где все раздалось в ширину и беспредельную равнину, где человек встречается как будто для того, чтобы собою увеличить еще более окружающее пространство; степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым, травую, почти равняющуюся ростом с деревьями, степи, где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал, и сами владельцы не знают настоящего количества, эти степи увидели среди себя Чингис-Хана, давшего обет перед толпами своих узкоглазых, плосколицых, широкоплечих, малорослых монголов завоевать мир, и — многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере, стада пригоняются к границам Индии, табуны кишат при Волге. Словом, как будто на завоеваниях их отразилась колоссальность Азии. Такого быстрого распространения тоже не видала ни Древняя, ни Новая история.

Я уже ничего не говорю о важной торговле Венеции — этого небольшого лоскутка земли, которую всю занимал один город, и город без государства, выжимая золото со всего мира, и коего царственные купцы своими кораблями, горделиво обошедшими все моря, и дворцами при Адриатическом море далеко превосходили многих монархов. Этого явления я не считаю единственным и необыкновенным. Оно повторяется в истории мира часто, хотя в других формах и с разными изменениями. Несравненно оригинальнее жизнь Европы во время и после Крестовых походов, когда в ней все еще темны и неопределенны границы государств, когда еще государь звучит одним

именем своим и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленькой император в своей земле; когда вся Европа облакается в неприступные замки с башнями и зубцами и твердые крепости усеивают ее поверхность; когда воспитанная взаимным страхом и битвами сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души. Казалось, эта дикая храбрость должна бы совершенно закалить их и сделать так же бесчувственными, как непроницаемые их латы. Но как удивительно они были укрощены, и таким явлением, которое представляет совершенную противоположность с их нравами! это — всеобщее беспредельное уважение к женщинам. Женщина Средних веков является божеством; для ней турниры, для ней ломаются копья, ее розовая или голубая лента вьется на шлемах и латах и вливает сверхъестественные силы; для ней суровый рыцарь удерживает свои страсти так же мощно, как арабского бегуна своего, налагает на себя обеты изумительные и неподражаемые по своей строгости к себе, и все для того, чтобы быть достойным повергнуться к ногам своего божества. Если эта возвышенная любовь изумительна, то влияние ее на нравы и того более. Все благородство в характере европейцев было ее следствием. А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу в какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи опытов и приключений каждому и произведшая впоследствии в европейцах жажду к открытию новых земель! Как самые их взаимные брани и битвы, вечно беспокойное положение, вместо того чтобы ослабить всеобщий дух и напряжение, как то обыкновенно делается в периодах истории, когда роскошь разъедает раны нравственной болезни народов и алчность выгод личных выводит за собою низость, лезть и способность устремиться на все утонченные пороки, — вместо этого они только укрепили и развили их! Пороки народов образованных не смели коснуться рыцарства Европы. Казалось, Провидение бодрствовало над ним неусыпно и с заботливостью преданного наставника берегло его. Едва только возникли улучшения для жизни, которые подносила Венеция и Ганза, и начали отдалять рыцарей от их обетов и строгой жизни, подогревать желание наслаждений и уменьшать энтузиазм религиозный, как появившиеся чудные, небывалые никогда дотоле общества стали грозными соглядатаями, неумолимою совестью перед народами Европы. Никогда история не представляла обществ, связанных такими неразрывными узами, как эти духовные ордена рыцарей. Ничего для своей пользы или для своего существования, что всегда составляло цель обществ! Уничтожить все, что

составляет желание человека, и жить для всего человечества; жить, чтобы быть грозными хранителями мира, чтобы носить в себе одно: защиту веры Христовой; все принести ей в жертву и отказаться от всего, что отзывается выгодою жизни! Не чудесно ли это явление! Эта энергия и сила для него могла быть только вычерпнута из Средних веков. И как только ордена рыцарские стали уклоняться от своей цели и обращать глаза на другие, как только начали заражаться желанием добычи и корысти, и роскошь заставляла их живее привязываться к собственной жизни, и они стали походить сами на тех, за которыми наложили на себя сами же смотрение, — как возникают уже страшные тайные суды, неумолимые, неотразимые, как высшие предопределения, являющиеся уже не совестью перед ветренным миром, но страшным изображением смерти и казни. Ни сила, ни обширные земли, ни даже самая корона не спасают и не отменяют произнесенного ими приговора. Незнаемые, невидимые как судьба, где-нибудь в глуши лесов, под сырым сводом глубокого подземелья, они взвешивали и разбирали всю жизнь и дела того, которому, посреди необъятных своих земель и сотни покорных вассалов, и в мысль не приходило, есть ли где в мире власть выше его. И если эти подземные судьи раз произносили обвиняющее слово — все кончено. Напрасно властитель грозою могущества своего затрудняет к себе приближение, напрасно его золото залепляет уста и заставляет всех прославлять его — неумолимый кинжал настигает его на конце мира, крадется мимо пышной толпы и разит его из-за плеча друга. — Не составляет ли это чудесности почти сказочной? Только там так неотразимо, так сверхъестественно, так неправильно действует человек, оторванный от общества, лишенный покрова законной власти, не знающий, что такое слово: невозможность.

А самый образ занятий, царствовавший в середине и конце Средних веков, — это всеобщее устремление всех к чудесной науке, это желание выпытать и узнать таинственную силу в природе, эта алчность, с какою все ударились в волшебство и чародейственные науки, на которых ясно кипит признак европейского любопытства, без которого науки никогда бы не развились и не достигли нынешнего совершенства! Самая даже простодушная вера их в духов и обвинения в сообщении с ними имеют для нас уже необыкновенную занимательность. А занятия алхимиею, считавшеюся ключом ко всем познаниям, венцом учености Средних веков, в которой заключилось детское желание открыть совершеннейший металл, который бы доставил человеку все! Представьте себе какой-нибудь германский город в Средние веки, эти узенькие, неправильные улицы, высокие, пестрые

готические домики, и среди их какой-нибудь ветхий, почти валяющийся, считае́мый необитаемым, по растреснувшимся стенам которого лепится мох и старость, окна глухо заколочены, — это жилище алхимика. Ничто не говорит в нем о присутствии живущего, но в глухую ночь голубоватый дым, вылетая из трубы, докладывает о неусыпном бодрствовании старца, уже поседевшего в своих исканиях, но все еще неразлучного с надеждою, — и благочестивый ремесленник Средних веков со страхом бежит от жилища, где, по его мнению, духи основали приют свой и где вместо духов основало жилище неугасимое желание, непреоборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже от неудачи, — первоначальная стихия всего европейского духа, — которое напрасно преследует инквизиция, проникая во все тайные мышления человека: оно вырывается мимо и, облеченное страхом, еще с большим наслаждением предается своим занятиям.

А самая инквизиция? Какое мрачное и ужасное явление! Инквизиция свирепая, слепая, владевшая бесчисленными сводами и подземельями монастырей, не верящая ничему, кроме своих ужасных пыток, на которых человек показал адскую изобретательность; инквизиция, выпускавшая из-под монашеских мантий свои железные когти, хватавшие всех без различия, кто только ни предавался странным и необыкновенным занятиям; подтвердившая великую истину, что если может физическая природа человека, доведенная муками, заглушить голос души, то в общей массе всего человечества душа всегда торжествует над телом.

Не единственны ли все эти явления? Не дают ли они права назвать Средние века веками чудесными? Чудесное прорывается при каждом шаге и властвует везде во все течение этих юных десяти веков. Юных потому, что в них действует все молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, не думавшие о следствиях, не призывавшие на помощь холодного соображения, еще не имевшие прошедшего, чтобы оглянуться. Все было в них — поэзия и безотчетность. Вы вдруг почувствуете перелом, когда вступите в область истории Новой. Перемена слишком ощутительна, и состояние души вашей будет похоже на волны моря, прежде воздымавшиеся неправильными, высокими буграми, но после улегшиеся и всею своею необозримою равниною мерно и стройно совершающие правильное течение. Действия человека в Средних веках кажутся совершенно безотчетны; самые великие происшествия представляют совершенные контрасты между собою и противоречат во всем друг другу. Но совокупление их всех вместе в целое являет изумительную мудрость. Если можно

сравнить жизнь одного человека с жизнью целого человечества, то Средние века будут то же, что время воспитания человека в школе. Дни его текут незаметно для света, деяния его не так крепки и зрелы, как нужно для мира: об них никто не знает, но зато они все — следствие порыва и обнажают за одним разом все внутренние движения человека, и без них не состоялась бы будущая его деятельность в кругу общества.

Теперь рассмотрите, между какими колоссальными событиями заключается время Средних веков! Великая империя, повелевавшая миром, двенадцативековая нация, дряхлая, истощенная, падает; с нею валится полсвета, с нею валится весь Древний мир с полуязыческим образом мыслей, безвкусными писателями, гладиаторами, статуями, тяжестью роскоши и утонченностью разврата. Это их начало. Оканчиваются Средние века тоже самым огромным событием: всеобщим взрывом, подымающим на воздух все и обращающим в ничто все страшные власти, так деспотически их обнявшие. Власть папы подрывается и падает, власть невежества подрывается, сокровища и всемирная торговля Венеции подрываются, и когда всеобщий хаос переворота очищается и проясняется, пред изумленными очами являются монархи, держащие мощною рукою свои скипетры; корабли, расширенным взмахом несущиеся по волнам необъятного Океана мимо Средиземного моря; в руках у европейцев вместо бессильного оружия — огонь; печатные листы разлетаются по всем концам мира; и все это результаты Средних веков. Сильный напор и усиленный гнет властей, казалось, были для того только, чтобы сильнее произвести всеобщий взрыв. Ум человека, задвинутый крепкою толщею, не мог иначе прорваться, как собравши все свои усилия, всего себя. И оттого-то, может быть, ни один век не представляет таких гигантских открытий, как XV; век, которым так блистательно оканчиваются Средние века, величественные, как колоссальный готический храм, темные, мрачные, как его пересекаемые один другим своды, пестрые, как разноцветные его окна и куча изузуривающих его украшений, возвышенные, исполненные порывов, как его летящие к небу столпы и стены, оканчивающиеся мелькающим в облаках шпирем.

ГЛАВА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА*

Между тем посланник наш переехал границу, отделяющую ныне Пириятинский повет от Лубенского. Общих езжалых дорог тогда не было в Малороссии; но почти каждому известна была какая-нибудь проселочная, по мнению его, самая ближайшая. Часто такая дорога, уклоняясь от ровной поверхности, проскальзывала в рытвины, царапалась по косогору, вешалась над провалами, и один неровный, слегка протоптанный подковою коня след означал ее уклонения. Достаточно было только выехать в дорогу, чтобы выучиться не разбирать ночлегом. Главное же неудобство для путешественника, не ознакомленного с местами, было то, что он должен был на расстоянии 25 или 50 ружейных выстрелов выведывать и выпрашивать пути у жителей, которых показания всегда почти разногласили.

Пустив повода и наклонив голову, всадник наш давно уже погружен был в раздумье, и только изредка попадавшие кочки и пни срубленных деревьев, заставляя спотыкаться верного его товарища, борзого коня, перерезывали разом его думы, которые снова обычным ожерельем низались в голову его. В первый раз еще случалось ему выполнять такое поручение: ехать Бог знает куда, в незаселенные степи Украйны! и кто этот Глечик?.. какая нужда Казимиру до начальника какой-то шайки, называвшего себя полковником Миргородского полку?... Ему не объявлено было ничего удовлетворительного ни о характере, ни о силе его, ни о том, какие он имеет сношения и с кем... К чему же эта осторожность, какую нужно было иметь в речах с ним? Зачем перелетать такую даль, чтобы только доставить ему сведения о событиях, волновавших Варшаву? И чем мог быть полезен такой отдаленный союзник?.. Мысленно досадовал он на себя, что не выведал обстоятельно об этом от Бригитты: ей, без сомнения, сколько-нибудь были известны причины такого странного посольства.

* Из романа под заглавием: Гетьман; первая часть его была написана и сожжена, потому что сам автор не был ею доволен; две главы, напечатанные в периодических изданиях, помещаются в этом собрании.

Солнце медленно прощалось с землею. Живописные облака, обхваченные по краям огненными лучами, поминутно меняясь и разрываясь, летели по воздуху. Сумерки угрюмо надвигали сизую тень свою и притворяли мало-помалу ставни окошек, освещавших светлый Божий мир. В это время путник наш, после долгого степного странствия, въехал в лес. Раздетые безжалостною осенью деревья сквозили, как решето, и казалось, дрожали от вечернего холода. Желтые листья, как объедки и битые ковши от недавнего пиршества, валялись не прибранные, и один только шелест их, ходя по лесу, давал знать о присутствии в нем нашего всадника. Сквозь обнаженную вершину леса темнело небо; резкий ветер подымался с поля и мчал заунывные свои вопли в гущу леса. Путник поневоле задумался и остановил коня своего в нерешимости, что предпринять, потому что дорога совершенно исчезла и перед ним торчал один только лес, да неизвестность; как вдруг громкий голос: «цоб, цоб!» поразил слух его, тяжело нагруженный воз заскрипел и пара волов показалась из-за деревьев. Надобно вообразить себя на месте путешественника, чтобы вполне почувствовать радость такой встречи. Луна в это время вырезалась на небе. Серебряный свет, перепутанный тенью от дерев, пал решеткою на землю, осветив далеко окрестность, и Лапчинский увидел перед собою дюжего пожилого селянина. Седые, закрученные вниз усы его гордо покоились на смуглом, означенном резкими мускулами лице, которое так простодушно оттеняла какая-то азиатская беспечность. По черным бровям серебрилась седина, огонь вылетал из небольших карих глаз, и в огне том высвечивались попеременно то хитрость, то простодушие. На голове у него была черная козацкая шапка с синим верхом. Коротенький нагольный тулуп, затянутый яркоцветным поясом, служил непроницаемыми латами от холода; сверх этого одеяния в добавку накинут был обыкновенный кобеняк из толстого смурого сукна, который и поныне носят малороссийские мужики. Из-за пояса торчала пищаль и изогнутая татарская сабля — оружие, которое в тогдашние смутные времена всякой козак, ратник и селянин, почитал необходимостью всегда иметь при себе.

«Помогай Боже», — сказал он, остановив волов и обнажив увенчанную только на верхушке кистью волос голову, в знак того уважения, какое обыкновенно оказывали тогда простые поселяне ратным людям. Надобно припомнить, что Лапчинский, в избежание неприятностей, каким бы он неминуемо подвергнулся от жителей, не терпевших всего, что только носило название ляха или принадлежало ляхам, принужден был переменить щегольской костюм свой на

скромное одеяние козацкого десятника. Всадник наш отвечал легким наклонением головы на сие приветствие. — «Не знаешь ли, земляк, — молвил он с ласковым видом, — далеко ли отсюда до Ромодановского шляху?»

— Не сумею, добродию, сказать вдруг; повремените немножко! — Тут принялся он высчитывать, что выражали машинально сгибаемые им пальцы. — До Ромодановского шляху!... Как бы вам сказать... оно не так, чтобы близко. Надобно знать, что козаки наши немного было перетрусили: кто-то пронес слух, что все шляхетство собирается к нам на Сулу в гости. — Спихватились сдуру и разломали мосты; так вам, добродию, чтоб не пришлось давать больших объездов. Впрочем, Бог его знает: я говорю это потому, что другие говорят... так, может быть, выберется и короткий путь; только, знаете, теперь время осеннее... то станется, что и далеко... Только опять же как подумаешь, то кажется, что и близко. Вот другое дело, если б были поставлены столбы по дороге, какие, без сомнения, сами, добродию, если бывали в Польше, встречали по тамошним дорогам.

Не должно удивляться противоречиям, испестрявшим монолог нашего поселянина. Кроме действительной неизвестности, малороссияне любили поусомниться и в самом знакомом им деле. Малороссиянин и доньине ничего не скажет наобум, но раз десять поправит себя, а иногда с умыслом запутает своего слушателя так, что тот, к изумлению своему, видит, что до такого-то места и далеко и близко.

— Куда же, по крайней мере, мне теперь держать путь? — спросил странник, вперив испытующий взор на своего наставника.

Тут селянин наш осмотрел его хорошенько с головы до ног. «А вы, добродию, хотите теперь ехать?»

— Почему же не теперь?

— Бог с вами! теперь и наш брат, здешний, уже сильно подумавши разве поедет. Знаешь, мосьпане! ведь нам сто́ит только проехать такое время, в какое добрый мужик успеет вымолотить полкопны жита, чтобы слышать собачий лай с моего двора. Все бы лучше опочить в теплой хате, а завтра хоть и с Богом! — От такого предложения нельзя было отказать путнику, который, кажется, того только и ожидал.

— А куда, — спросил дорогою поселянин наш своего будущего гостя, — лежит путь вам, мосьпане?

— Еду-то я далеко, на ту сторону Ворскла, к миргородскому полковнику Глечуку. Что, земляк, не знаешь ли и ты его?

— Как не знать этой старой собаки. А из каких мест Бог несет?

— Из великой станицы, что под Лохвицею.

— Как же это, добродию! мы не слышали ничего про то, чтобы станица была под Лохвицею? — Тут вонзил он в него острый взор свой, который, казалось, хотел выпытать его душу. — И то сказать! где уже мужику знать все про войсковые дела; до нашего захолустья еще и слухи не дошли об этом.

Посланник наш спохватился, что не нужно бросать осторожности в рассказах и с простым селянином, и потому, собравшись немного с мыслями, продолжал: «То есть, вот видишь, земляк, наверное я еще не могу сказать. В самой-то станице я не был, а встретившийся под Лохвицею запорожский сотник Шляйко, узнав, что я еду в эти места, дал мне грамотку к миргородскому полковнику. Летел он как угорелый; из расспросов его я ничего не мог узнать наверное. Недавно перед тем возвратился я из Варшавы... Видишь, он, может быть, имел причины не доверять мне... то есть... он... ты, думаю, понимаешь меня».

— Что вы говорите, добродию! Разве мужик поймет то, что толкуют пань? Ей Богу, нет; где нам понять! у нас и голова не так сделана, как у панов; черт знает, что такое, больше на капусту похоже, чем на голову.

«О! да ты штука!» — подумал про себя Лапчинский и положил себе быть как можно осторожнее в словах. Он во все это время ехал шагом, уравнивая легкую поступь своего гордого коня с ленивою выступкою тяжелых волов, впереди которых с флегматическою важностью шел селянин, помахивая батоном и потягивая коротенькую люльку*. Дым от нее обнимал облаками смуглое лицо его, которое, освещаясь иногда вспыхивавшим огоньком, казалось лицом какого-нибудь упыря, выказывавшимся по временам из непробудного болотного тумана и сеявшим искры чудного огня. Это заставляло Лапчинского чаще всматриваться ему в глаза, чтоб удостовериться, точно ли то был его товарищ. Но селянин наш сам отгонял всякое насчет его сомнение, не давая минуты задуматься своему гостю. — «Слышали ль вы, добродию, про таковое диво? — говорил он, не выпуская изо рта своей трубки, — видишь ли сосну, вон далеко, далеко чернеет перед нами?» — и путник, к удивлению своему, точно увидел сосну. Каким образом зашла она сюда, когда во всей почти этой стороне Малороссии, на расстоянии, может быть, по сту верст во все стороны, взор не отыскивал этой суровой жилицы Севера? Невольно вперил он на нее глаза свои: она одна только посреди обнаженного леса сохраняла, казалось, жизнь, но жизнь ли это? Это была

* Трубку.

мумия, которую с изумлением отыскивают между голыми скелетами, одну не сокрушенную тлением. В ней видны те же черты, та же прекрасная форма человека объемлет ее. Но, Боже! в каком виде? Неотразимое, непонятное чувство тоски и ужаса врывается в душу при взгляде на жалкий обман, которым суетное искусство силится выхватить и удержать что-то похожее на жизнь.

«Это еще не большое диво, что сосна, а вот что диво: лет за пятьдесят перед тем, как мы балагурим с вами, жил, чуть ли не на вот этом месте, в хоромах великий пан. Воевода ли он был, сотник ли какой, или просто пан, этого я не умею сказать; знаю только, что он был лях и не нашей веры. Жил он, как все нечистые польские паны живут: дом с утра до вечера ходенем ходил от вина да от песень, и далече прохватывала дрожь крещеного человека, когда он слышал раздававшиеся из лесу крики. Хлопцы из дворни его то и дело что наездничали по хуторам да обирали бедных жителей. Этого мало. Стали обворовывать да обдирать Божьи церкви, и такое делали... враг с ними! не хочу и говорить, что такое. Побить бы их всех, добродию, — так нельзя, потому что дворни одной у них было, может, с полторы сотни, да и на каждого бердыши, самопалы и вся сбруя ратная. Вот и вызвался один дьякон — как уже его звали и из какого приходу он был, ей Богу, добродию, не знаю, — вызвался и пришел в лес. Если бы теперь не ночь, и не засыпало листьям, то я, может статься, показал бы вам останки этого дьявольского гнезда. На ту пору — так, видно, сам Бог уже хотел — был у них какой-то окаянный праздник. Дьякон шел уже напропало, сказал: “Господи благослови” и, сколько доставало духу, толкнулся в ворота, запертые толпившимся народом. Цымбалы и бандуры брэнчали и гудели, словно на свадьбе, а пьяные паны и дворня изо всей силы отдирали краковяк. Как только завидели дьякона, так, добродию, и закричали: “Зачем сюда принесло попа?” А пан говорит: “Гей, хлопцы! налейте-ка попу водки: пусть его танцует с нами, добрыми христианами, краковяк, да подгоняйте его хорошенько батожьем!” Дьякон, исполнившись, видно, Святого Духа, начал представлять нечестивым весь грех беззаконного житья их, и какие на том свете будут им муки, и как будут они плясать в пекле*, только не по своей воле, а подгоняемые горячими вилами чертей. — “А! так ты еще и проповедь читаешь! Гей, хлопцы! поднимите попа на крылос, а чтоб не застудил горла, накиньте ему галстук на шею!” И тут же челядь с нечеловечьим смехом и гиканьем встацила несчастного дьякона на ту самую сосну, мимо

* В аде.

которой лежит нам путь. Позвольте, добродию: тут-то и история. Сосна эта как раз стояла перед хоромами, и как нарочно еще перед самыми окошками панской светлицы. Вот как ночь уже разогнала всех: кого на лавку, кого под лавку, пану нашему чудится, что на него каплет что-то холодное. “Что за нечистой! — подумал пан, — отчего это каплет?” Встал с постели, глядит: колючие ветви сосны царапаются к нему сквозь стену и, будто живые, вытягиваются длиннее, длиннее и как раз достают до него. Перекрестился, может быть, в первый раз от роду наш пан, когда увидел, что из них каплет чело-вечья кровь, сначала холодная как лед, а потом жжет да и только! К окну — так и ноги подкосились: сосна вся посинела, как мертвец, и страшно кивает ему черною, всклокоченною бородою. Сначала было думал пан, не хмель ли бродит у него в голове; так на следующую ночь то же диво, и вся дворян в один голос, что по лесу то и дело, что отпевают усопшего таким страшным голосом, что всякого мороз драл по коже и волосы щетиною поднимались на голове. Чего уж ни дела-ли: и погребли с честью тело дьякона, и принимались было рубить сосну — так секира не берет: что ни ударят, топор вызубрится, а де-рево стонет, будто дитя некрещеное. Решились наконец бросить это окаянное место. Вот каждый день и соберется вся челядь, оседлают коней, заберут все с собою и выедут, еще черти не бьются на кулач-ки; едут, едут, до самого вечера: кажись, Бог знает куда заехали! Остановятся ночевать — смотрят, знакомые все места: опять тот же дикой лес, те же хоромы, а проклятая сосна, протягивая ветви, слов-но руки, хватает пана и обдает его кровавыми каплями, а черная, всклокоченная борода так же жудко кивает ему...» Тут рассказчик наш стремительно ударил в слушателя огненными глазами своими, блиставшими еще ярче посреди ночи, и казалось, не без удовольствия заметил в нем впечатление, произведенное его рассказом. Действи-тельно путник наш не мог не ощутить какого-то тайно врывавшегося в душу страха и с беспокойством посматривал вокруг. В это время по-равнялись они с сосной. Серебряный свет падал на печальные ветви ее, и отбрасывавшиеся от них тени, будто продолжение их, перелам-ливаясь о встречные деревья, ложились бесконечною лестницею на землю. Ветер слегка покачивал вершину, и когда путник, немного проехав, оглянулся назад, то ему показалось, что какой-нибудь не-приятный дух, приняв дикий, величественный образ, медленно следовал за ним, печально покачивая угрюмою бородою и раскиды-вая темно-зеленые объятия свои, в намерении схватить его.

— Что же далее случилось? — спросил он умолкшего рассказчи-ка, стараясь подавить невольную робость.

— Что? круто пришлось пану: распустил всю свою дворню, стал схимником, и как отправил пятьдесят две панихиды за упокой души дьякона, тогда только стихнуло чудо. Куда же делся после того схимник, этого никто не скажет вам. Дня за три до Купала каплет с этого дерева день и ночь роса. Говорят еще, что и сгубленная чья-то душа таскается по лесу. Теща рассказывала года за четыре, когда была еще при памяти, что встретила однажды в лесу дьявола в красном жупане, в каком ходил и покойный пан. — Цоб, цоб, цобе! гей! Вот мы, добродию, и приехали. — Лапчинский увидел действительно перед собою низенькие ворота, редко убитые впоперег положенными досками, какие и теперь можно видеть почти у каждого малороссийского поселянина. Лай собак залился по лесу, и старая женщина, в накинута на плеча тулупе, вышла отворить ворота. Глазам нашего путника представился небольшой дворик, обнесенный забором из болотного тростника, несколько сараев и хлевов, укрытых таким же тростником, и обыкновенная малороссийская хата. На дворе навален был ворох ульев, из которых многие развешены были на деревьях, нагибавших со всех сторон любопытные ветви свои во двор, как будто низкая буколическая жизнь его могла доставить им, величественным, занимательное зрелище. Позади двора тянулось еще какое-то строение, которого за темнотою нельзя было распознать. По всему можно было заключить, что имение сие принадлежало слишком зажиточному козаку: в тогдашние времена не у всякого могло найтись подобное великолепие. Пока хозяин занимался выгрузкою своего вьюка, Лапчинскому было довольно времени рассмотреть внутренность этого обиталища. Все в нем было почти так же, как и ныне у простолюдимов Малороссии: против дверей несколько окон, перед ними стол, на котором заметил он ржаной хлеб и соль, не снимавшиеся с него никогда в знак того, что гость во всякое время может найти радушный прием себе. Всю комнату обходили липовые широкие и узкие лавки; у дверей громоздилась печь, с отверстием внизу, заслоненным частою решеткою, из-за которой выглядывали куры, гуси, индейки и домашние кролики. Каждый из сих бессловесных жильцов суетился по-своему: пиццал, кудахтал, гоготал и давал знать, что он нимало не последнее из творений. На полу мальчишка лет четырех колотил огромным подсолнечником по опрокинутому горшку, между тем как другой, годом постарее, душил за горло кота, напевая какую-то песню, которую, верно, от частого повторения его матери, заучил навеки. Перед большим окованным сундуком сидела девочка лет одиннадцати, держа на руках грудного ребенка, плакавшего изо всех сил, несмотря на то, что она, желая забавить его, побрякивала

огромным замком и страдала малютку вошедшим гостем. На стене висели: серп, сабля, ружье, которого замок был развинчен и лежал близ него на полке, вероятно отложенный для подчинки, секира, турецкий пистолет, еще ружье, неотпущенная коса и коротенькая нагайка — орудия, с незапамятных времен вечно враждовавшие между собою и которые непонятный человек заставляет мириться, несмотря на несходные их свойства.

— Прошу не прогневаться, добродию, что заставил вас ждать немного, — сказал вошедший хозяин, — так проклятая ярмарка ошеломила меня, что до сих пор в голове базар ходит. Счастье еще, что старухи моей нет дома; а то бы она вымыла мне голову. Дома только нас: я да теща. — При сем слове вошла та самая старуха, которая отворяла ворота. С каким-то грустным чувством рассматривал ее путник: казалось, перед ним стояла жертва могилы, в которой сильная природа нарочно удерживала жизнь, чтобы показать человеку всю ничтожность долголетия, к коему так жадно стремятся его желания. Могильное равнодушие разливалось на усеянных морщинами чертах ее. Ни искры какой-нибудь живости в глазах! мутные, они устремлялись порой на него; но тот бы обманулся, кто прочитал бы в них что-нибудь похожее на любопытство. Они ни на что не глядели; им все казалось смутно, как не совсем проснувшемуся человеку. Покамест предавался он таким чувствам, старуха отправилась на печь, всегдашнее свое жилище, весь мир свой, который так же казался ей просторен и люден, как и всякой другой; а хозяин обратился к детям своим. — Ай да Федот! — говорил он, поднимая одною рукою под потолок мальчика с подсолнечником, — где ты взял такой страшный сонечник*? да этим ты как-нибудь человека убьешь! Ты что там делаешь, Карпо? кота душишь? какой же я тебе гостинец привез! Ступай же, собачий сын! что ж ты стоишь и рот разинул? Вот как видите, добродию, сто раз толкую, что я его батька: до сих пор не верит, ледача детина**! А ты, плакса, долго будешь реветь? А подайте мне батог! вот я его! Давай его сюда, Маруся; я сейчас за окошко: пусть там съедят его волки, либо ляхи.....

— Тебя таки, земляк, Бог наделил детьми? — сказал гость наш своему хозяину.

— Да, не без того, мосьпане! всех-то их у меня семеро. Два уже поженились на чужой стороне, только черт знает какое приданое взяли за невестами: по сажени земли, на которой ничего не родится, кроме

* Подсолнечник, по малороссийскому произношению.

** Негодный ребенок.

полюни и бурьяну. Что ж ты, Федот, не скажешь спасибо? пан дает пряник, а он и не поклонится. Не извольте целовать его! у него вся рожа выпачкана золою. Были мне с ним порядочные хлопоты. Услышал, что еду на ярмарку: «Возьми и меня, тату!» — «Да куда я тебя дену? там тебя задавят!» — «Нет, не задавят! возьми да и возьми!» — «Да там теперь столько цыганов, что еще украдут тебя, и тогда поминай как звали». — «Возьми, да и только!» — Что станешь делать? плачу такого натворил, что Боже упаси. Насилу унял его обещанием привезти медового коня с золотой головою. Ну, Маруся, матери не зачем дожидаться: давай-ка нам вечерять, баба уж верно спит! Так до кого, добродию, — продолжал он, вдруг оборотясь к гостю и садясь за стол, — говоришь ты, едешь? у меня под старость голова как дырявое ведро: сколько ни лей воды в него, все пусто; сколько ни толкуй умных речей, все позабудет.

— Как, земляк? разве я не сказал тебе, что до Глечика, — отвечал гость, немного удивленный такою странною забывчивостью.

— До миргородского полковника? так нечего тебе и забираться так далеко: не кто другой, как он, сидит перед тобою, мосьпане!

Если бы в это время пуля пролетела мимо ушей Лапчинского, он был бы менее удивлен. Так внезапно, так неожиданно напасть на него врасплох, когда все мысли его разбрелись.... когда.... нет! не может быть: он ослышался! И глаза его неподвижно устремились на хозяина, как бы желая удостовериться в лживости того, о чем донес ему слух его.

О ПРЕПОДАВАНИИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

I

Всеобщая история, в истинном ее значении, не есть собрание частных историй всех народов и государств без общей связи, без общего плана, без общей цели, куча происшествий без порядка, в безжизненном и сухом виде, в каком очень часто ее представляют. Предмет ее велик: она должна обнять вдруг и в полной картине все человечество, каким образом оно из своего первоначального, бедного младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и наконец достигло нынешней эпохи. Показать весь этот великий процесс, который выдержал свободный дух человека кровавыми трудами, борясь от самой колыбели с невежеством, природой и исполинскими препятствиями: вот цель всеобщей истории! Она должна собрать в одно все народы мира, разрозненные временем, случаем, горами, морями, и соединить их в одно стройное целое; из них составить одну величественную полную поэму. Происшествие, не производившее влияния на мир, не имеет права войти сюда. Все события мира должны быть так тесно связаны между собою и цепляться одно за другое, как кольца в цепи. Если одно кольцо будет вырвано, то цепь разрывается. Связь эту не должно принимать в буквальном смысле. Она не есть та видимая, вещественная связь, которою часто насильственно связывают происшествия, или система, создающаяся в голове независимо от фактов и к которой после своевольно притягивают события мира. Связь эта должна заключаться в одной общей мысли: в одной неразрывной истории человечества, перед которою и государства и события — временные формы и образы! Мир должен быть представлен в том же колоссальном величии, в каком он являлся, проникнутый теми же таинственными путями Промысла, которые так непостижимо на нем означались. Интерес необходимо должен быть доведен до высочайшей степени, так, чтобы слушателя мучило желание узнать далее; чтобы он не в состоянии был закрыть книгу или не дослушать, но если бы и сделал это, то разве с тем только,

чтобы начать сизнова чтение; чтобы очевидно было, как одно событие рождает другое и как без первоначального не было бы последующего. Только таким образом должна быть создана история.

II

Все, что ни является в истории: народы, события — должны быть непременно живы и как бы находиться пред глазами слушателей или читателей, чтоб каждый народ, каждое государство сохраняли свой мир, свои краски, чтобы народ со всеми своими подвигами и влиянием на мир проносился ярко, в таком же точно виде и костюме, в каком был он в минувшие времена. Для того нужно собрать не многие черты, но такие, которые бы высказывали много, черты самые оригинальные, самые резкие, какие только имел изображаемый народ. Для того, чтобы извлечь эти черты, нужен ум, сильный схватить все не заметные для простого глаза оттенки, нужно терпение перерыть множество иногда самых неинтересных книг. Но что уже один узнал, то другим передается легко; и потому слушатели должны узнать это, не роясь в архивах.

III

Преподаватель должен призвать в помощь географию, но не в том жалком виде, в каком ее часто принимают, т. е. для того только, чтобы показать место, где что происходило. Нет! География должна разгадать многое, без нее неизъяснимое в истории. Она должна показать, как положение земли имело влияние на целые нации; как оно дало особенный характер им; как часто гора, вечная граница, взгроможденная природою, дала другое направление событиям, изменила вид мира, преградив великое разлитие опустошительного народа или заключивши в неприступной своей крепости народ малочисленный, как это могучее положение земли дало одному народу всю деятельность жизни, между тем как другой осудило на неподвижность; каким образом оно имело влияние на нравы, обычаи, правление, законы. Здесь-то они должны увидеть, как образуется правление; что его не люди совершенно устанавливают, но нечувствительно устанавливает и развивает самое положение земли; что формы его оттого священны и изменение их неминуемо должно навлечь несчастье на народ.

IV

События и эпохи великие, всемирные, должны быть означены ярко, сильно, должны выдвигаться на первом плане со всеми своими следствиями, изменившими мир: не так, как делают иногда преподаватели, которые, сказавши, что такое-то происшествие есть великое, тем и отделяются или приводят близорукие следствия в виде отрубленных ветвей, тогда как должно развить его во всем пространстве, вывести наружу все тайные причины его явления и показать, каким образом следствия от него, как широкие ветви, распространяются по грядущим векам, более и более разветвляются на едва заметные отпрыски, слабеют и наконец совершенно исчезают или глухо отдаются даже в нынешние времена, подобно сильному звуку в горном ущельи, который вдруг умирает после рождения, но долго еще отзывается в своем эхе. Эти события должно показать в таком виде, чтобы все видели ясно, что они великие маяки всеобщей истории; что на них она держится, как земля держится на первозданных гранитах, как животное на своем скелете.

V

Теперь об образе преподавания. Слог профессора должен быть увлекательный, огненный. Он должен в высочайшей степени овладеть вниманием слушателей. Если хоть один из них может предаться во время лекции посторонним мыслям, то вся вина падает на профессора: он не умел быть так занимателен, чтобы покорить своей воле даже мысли слушателей. Нельзя вообразить не испытавши, какое вредное влияние происходит от того, если слог профессора вял, сух и не имеет той живости, которая не дает мыслям ни на минуту рассыпаться. Тогда не спасет его самая ученость: его не будут слушать; тогда никакие истины не произведут на слушателей влияния, потому что их возраст есть возраст энтузиазма и сильных потрясений; тогда происходит то, что самые ложные мысли, слышимые ими стороною, но выраженные блестящим и привлекательным языком, мгновенно увлекут их и дадут им совершенно ложное направление. Что же тогда, когда профессор еще сверх того облечен школьною методою, схоластическими мертвыми правилами, и не имеет даже умственных сил доказать их; когда юный развертывающийся ум слушателей, начиная понимать уже выше его, приучается презирать его? Тогда даже справедливые замечания возбуждают внутренний смех и желание действовать и умствовать наперекор; тогда самые священные слова в устах его, как-то: преданность к религии и привязанность к Отечеству и

Государю, превращаются для них в мнения ничтожные. Какие из этого бывают ужасные следствия, это видим, к сожалению, нередко. И потому-то не должно упускать из внимания, что возраст слушателей есть возраст сильных впечатлений; и потому нужно иметь всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этот энтузиазм их на прекрасное и благородное; чтобы рассказ профессора дышал сам энтузиазмом. Его убеждения должны быть так сильны, так выведены из самой природы, так естественны, чтобы слушатели сами увидели истину еще прежде, нежели он совершенно укажет на нее. Рассказ профессора должен делаться по временам возвышен, должен сыпать и возбуждать высокие мысли, но вместе с тем должен быть прост и понятен для всякого. Истинно высоко одето величественною простотою: где величие, там и простота. Он не должен довольствоваться тем, что его некоторые понимают; его должны понимать все. Чтобы делаться доступнее, он не должен быть скуп на сравнения. Как часто понятное еще более поясняется сравнением! и потому эти сравнения он должен всегда брать из предметов самых знакомых слушателям. Тогда и идеальное и отвлеченное становится понятным. Он не должен говорить слишком много, потому что этим утомляется внимание слушателей и потому что многосложность и большое обилие предметов не дадут возможности удержать всего в мыслях. Каждая лекция профессора непременно должна иметь целость и казаться оконченною, чтоб в уме слушателей она представлялась стройною поэмою; чтобы они видели в начале, что она должна заключать в себе и что заключает: чрез это они сами в своем рассказе всегда будут соблюдать цель и целость. А это необходимее всего в истории, где ни одно событие не брошено без цели.

VI

План же для преподавания, после многих наблюдений, испытанный себя и слушателей, я полагаю лучшим следующий.

Прежде всего почитаю необходимым представить слушателям эскиз всей истории человечества, в немногих, но сильных словах и в нераздельной связи, чтобы они вдруг обняли все то, о чем будут слышать, иначе они не так скоро и не в такой ясности постигнут весь механизм истории. Все равно, как нельзя узнать совершенно город, исходивши все его улицы: для этого нужно взойти на возвышенное место, откуда бы он виден был весь, как на ладони. Я набрасываю здесь эскиз для того, чтобы показать вместе, в каком виде и в какой связи должна быть история.

Прежде всего я должен представить, каким образом человечество началось Востоком. Я должен изобразить Восток с его древними патриархальными царствами, с религиями, облеченными в глубокую таинственность, так непонятную для простого народа, кроме религии евреев, между коими сохранилось чистое, первобытное ведение истинного Бога; как эти древние государства оградилась друг от друга, будто неприступною стеною, нетерпимостью и китайскою осторожностью; как один только народ финикийский, первые мореплаватели Древнего мира, приводил невольно своею промышленностью в сообщдение эти почти неподвижные государства и каким образом первый всемирный завоеватель, Кир, с свежим и сильным народом, персами, подверг весь Восток своей власти и насильно соединил разнохарактерные народы; но нравы, религия, формы правления остались в государствах те же, цари только обратились в сатрапов, и весь Восток видел над собою одну верховную власть царя царей, персидского повелителя; как постепенно от взаимного сообщения эти народы теряли свою особенность и национальность и вместе с своим царем царей, почти богом, невидимым для народа, поверглись в азиатскую роскошь. — Здесь я останавливаюсь и обращаюсь к другой части Древнего мира, к Европе. Я должен изобразить, как возник в ней этот цвет его, народ греческий, с живым, любопытным умом, республиканским духом, совершенно противоположными формами правления, поэтической религией, ясными, живыми идеями, так противоборствующими важной таинственности Востока; как развернулось у них просвещение в таком необыкновенном блеске, и как наконец один честолюбивый грек подверг их своей монархической власти, как этот великий грек задумал гигантское дело: соединить Восток с Европою и разнести везде греческое просвещение. И вот, чтобы связать теснее три части света, строится город Александрия; герой умирает, всесветная монархия падает вместе с ним. Но подвиги его живы, плоды зреют: настает знаменитый Александрийский век, когда весь Древний мир толпится у гавани Александрийской, когда греческие ученые во всех городах, и национальность опять исчезает, народы опять смешиваются! А между тем в Италии, почти невидимо от всех, созревает железная сила римлян.

Я должен изобразить, как этот суровый, воинственный народ покоряет одно за другим государства, обогащается награбленными богатствами, поглощает весь Восток. Легионы его проникают в те земли Европы, где владение уже не доставляет ничего нужного для человека. Уже Цезарь заносит ногу в Британию, римские орлы на скалах Албиона.... между тем неведомые степи Средней Азии извергают

толпу неведомых народов, которые теснят и гонят пред собою других, вгоняют их в Европу, сами несутся по пятам их и грозно останавливаются на Севере, как зловещая кара, ожидающая обреченной жертвы, скрытые от римлян германскими лесами и непроходимыми болотами. А между тем уже ни одного не остается независимого царства. Весь мир разделен на римские провинции. Римляне перенимают все у побежденных народов, сначала пороки, потом просвещение. Все мешается опять. Все делается римлянами и ни одного настоящего римлянина! И когда развратные императоры, своевольное войско, отпущенники и содержатели зрелищ тиранствуют над миром, — в недрах его неприметно совершается великое событие: в ветхом мире рождается новый! воплощается не узанный миром Божественный Спаситель его; и вечное слово, не понятое властелинами, раздаётся в темницах и пустынях, таинственно выжидая новых народов. Наконец на весь Древний мир непостижимо находит летаргический сон, та страшная неподвижность, то ужасное онемение жизни, когда просвещение не двигается ни вперед, ни назад, сила и характер исчезают, все обращается в мелкий, ничтожный этикет, жалкую развратную бесхарактерность. А в Азии между тем новый толчок, как электрическая искра, пробегает по всей цепи: один народ теснит и гонит перед собою другой, который в свою очередь сгоняет третий, и самые крайние появляются уже на римских границах, тогда как жалкие победители мира употребляют все усилия спасти себя: сначала откупаются золотом, потом из них же составляют себе войско защитников, потом отдают им одну за другою все свои провинции, наконец предают им Рим, и те, которые сохраняли еще слабые остатки познаний, бегут на Восток, прочие, невежественные и слабые исчезают в сильных толпах нового народа.

Я должен изобразить, как начинается новая жизнь в Европе; как основываются и принимают крещение дикие государства в границах, назначенных природою, с феодальными правами, с вассальными владениями, и как могущественный папа, прежде только римский первосвященник, делается государем, незаметно присоединяет к своей сильной религиозной власти светскую. Между тем на Востоке остатки римлян теснятся и покоряются новым сильным народом, мгновенно, как бы фантастически возродившимся на своем каменном Аравийском полуострове, подвигнутым до испуга религией, совершенно восточной, основанной полупомешанным энтузиастом Магометом; как этот народ, с азиатской саблей в руках, распространял магометанство на место прежних остатков греческого просвещения, и как изумительно, быстро этот чудесный народ из завоевателей дела-

ется просветителем, разворачивается во всем блеске, с своей роскошной фантазией, глубокими мыслями и поэзией жизни, и как он вдруг меркнет и затмевается выходцами из-за моря Каспийского, которым оставляет в наследство одно магометанство, как почти в то же время в Европе корсары северных морей, норманны, с неслыханною дерзостью, в малом числе, грабят и овладевают целыми государствами, наконец переменяют дикую религию свою на христианство и прибавляют Европе свою силу и нравы; а между тем папа мало-помалу делается неограниченным монархом всей Европы, и самый император немецкий, которого уважали все народы, не смеет противустать ему, и как по мановению его целые народы, вассалы, короли оставляют свои земли, богатства, кладут пламенный Крест на рамена и спешат с энтузиазмом в Палестину; как вся Европа, двинувшись с мест, валится в Азию, Восток сшибается с Западом, и две грозные силы, христианство с магометанством; как это великое событие порождает рыцарство, обнявшее всю Европу; как возникли орденские общества, осудившие себя на безбрачную, одинокую жизнь, чтобы быть верными одной цели, и произошел самый сильнорелигиозный христианской век; как энтузиазм к вере перешел потом границы, начертанные десницею Божественного Спасителя; и как в то же время невидимо от всей Европы совершается великий эпизод всемирной истории: создается беспримерная по величине монархия Чингисханова, поглотившая все азиатские земли, неизвестные европейцам. В Европе одни только монастыри имеют землю и оседлость; все обратилось в рыцарство, все кочует, все беспокойно: каждый вместе и воин и полководец, и вассал и повелитель, и слушается и не слушается, — век величайшего разъединения и вместе единства! Каждый управляется своей волей, и между тем все согласны в одной цели и мыслях. Бедные поселяне, вытерпев чашу бед, наконец решаются соединиться независимо от своих повелителей в города. Возникает среднее сословие граждан, города начинают богатеть, и на Севере Европы, в отпор рыцарям, образуется Ганзейский союз, связывающий всю Северную Европу своей торговлей. Между тем на юге возникает порождение Крестовых походов — страшная торговля Венеция, эта царица морей, эта чудная республика, с таким замысловатым и необыкновенно устроенным правлением. Все богатства Европы и Азии невидимо перешли в ее руки, и как папа религиозною властью, так Венеция непомерным богатством повелевала Европою. Духовный деспот употреблял все силы убить ее торговлю, но все было напрасно — пока наконец генуэзский гражданин не убил ее открытием Нового Света. Наконец я должен представить, как вдруг расширился круг действий;

как пала торговля Средиземного моря. Европейцы с жадностью спешат в Америку и вывозят кучи золота; Атлантический и Восточный океаны в их власти; и в то же время папские миссии проникают в Северо-Восточную Азию и Африку — и мир открывается почти вдруг во всей своей обширности. Между тем в Европе понемногу сомневаются в справедливости папской власти, и как прежде торговлю Венеции убил бедный генуэзец, так власть папы сокрушил августинский монах Лютер. Как образовалась эта мысль в голове смиренного монаха, как сильно и упрямо защищал он свои положения! Как, при падении своем, папа становился грознее и изобретательнее: ввел ужасную инквизицию и страшный невидимую силою орден иезуитский, который вдруг рассыпался по всему свету, проник во все, прошел везде и тайно сообщался между собою на двух розных концах мира. — Но чем грознее становился папа, тем сильнее против него работали типографские станки. Вся Европа разделилась на две партии, и эти партии наконец схватились за оружие, и война жестокая внутри и вне государств, долгая, обхватила вдруг всю Европу. Но уже не копьями и не стрелами производилась она. Нет! пушками, ядрами, громом и огнем, ужасным и благодетельным изобретением монаха-алхимиста разыгралась эта великая тяжба. Духовная власть пала. Государи становятся сильнее. Я должен изобразить, как изменилась Европа после этих войн. Государства, народы сливаются плотнее в нераздельные массы. Нет того разъединения власти, как в Средние века. Она сосредоточивается более в одном лице. И как оттого сильные характеры становятся виднее, круг государей, министров, полководцев обширнее! Сам собою, невольно завязывается в Европе политический союз, полагающий защищать оружием неприкосновенность каждого государства. А между тем неутомимые купцы — голландцы, вырвавшие свою землю у моря, овладевают островами Восточного океана, берут миллионы за разводимые на них плантации драгоценных растений Юга и, как прежде Венеция, схватывают торговлю всего мира, пока один необыкновенный государь не подрывает ее и не покушается на неприкосновенность государств. Я должен изобразить блестящий век, произведенный этим государем (Лудовиком XIV), когда Франция закипела изделиями роскоши, фабриками, писателями, когда Париж сделался всемирною столицею, куда съезжались со всей Европы, и французский язык, французские нравы, французский этикет и обычаи распространились по всей Европе. Но, нарушивши неприкосновенность чужих владений, этот честолюбивый король хотя и расстроивает торговлю голландцев, но вместе разоряет свое государство и сам убивает свое величие.

Как быстро пользуются этим островитяне британские, которые до того медленно, но верно близились к своей цели, наконец очутились почти вдруг обладателями торговли всего мира: ворочают миллионами в Индии, собирают дань с Америки, и где только море, там британский флаг. Им преграждает путь исполин XIX века, Наполеон, и уже действует другим орудием: совершенно военным деспотизмом; своими быстрыми движениями оглушает Европу и налагает на нее железное свое протекторство. Напрасно гремит против него в английском парламенте Питт и составляет страшные союзы. Ничто не имеет духа ему противиться, пока он сам не набегает на гибель свою, вторгнувшись в Россию, где неведомые ему пространства, лютость климата и войска, образованные суворовскою тактикою, погубляют его. И Россия, сокрушившая этого исполина о неприступные твердыни свои, останавливается в грозном величии на своем огромном Северо-Востоке. Освобожденные государства получают прежний вид и прежние формы, утверждают снова союз и неприкосновенность владений. Просвещение, не останавливаемое ничем, начинает разливаться даже между низшим классом народа; паровые машины доводят мануфактурность до изумительного совершенства; будто невидимые духи помогают во всем человеку и делают силу его еще ужаснее и благодетельнее; и он, в священном трепете, видит, как Слово из Назарета обтекло наконец весь мир.

Когда история мира будет удержана в таком кратком, но полном эскизе и происшествия будут так связаны между собою, тогда ничто не улетит из головы слушателей, и в уме их невольно составитя целое. Наконец этот эскиз, развившись в великом объеме, составит полную историю человечества.

VII

После изложения полной истории человечества, я должен разобрать отдельно историю всех государств и народов, составляющих великий механизм всеобщей истории. Натурально та же полнота, та же целостность должна быть видна и здесь в обозрении каждого порознь. Я должен обнять его вдруг с начала до конца: как оно основалось, когда было в силе и блеске, когда и отчего пало (если только пало) и каким образом достигло того вида, в каком находится ныне; если же народ стерся с лица земли, то каким образом на место его образовался новый и что принял от прежнего.

VIII

Чтоб еще глубже все сказанное вошло в память, по окончании курса необходимы повторительные обзоры. Но чтобы повторение было успешнее, нужно стараться давать ему интерес и занимательность новизны. После истории всего мира и отдельно каждой земли и народа, не мешает сделать обзор каждой части света и тут показать все отличие как их, так и народов, в них находящихся, чтоб слушатели сами могли вывести результат.

Во-первых, об Азии, этой обширной колыбели младенчающего человечества — земле великих переворотов, где вдруг возрастают в страшном величии народы и вдруг стираются другими; где столько наций невозвратно пронесли, одна за другою, а между тем формы правления, дух народов одни и те же, все так же важен, так же горд азиатец, так же быстро воспламеняется и кипит страстями, так же скоро предается лени и бездейственной роскоши. И вместе с сим эта часть света есть земля разительных противоположностей и какого-то великого беспорядка: еще один народ кочует беззаботно в необозримом многолюдстве с необозримыми табунами, а между тем на другом конце, где-нибудь в пустыне, исступленный изувер, изнуря себя бесконечным постом, замышляет новую религию, которая впоследствии обхватит всю Азию, оденет народ, как непроницаемой броней, своим исступленным вдохновением и поведет его на разрушение; и тут же, может быть, недалеко от него находится народ, уже перешедший все эти явления и кризисы, уже погруженный в роскошь, утомленный азиатским пресыщением. Только здесь может находиться та странная противоположность, которой удивимся в дереве Юга, где на одной ветке, в одно время, один плод цветет, между тем как другой наливается, третий зреет, четвертый переспелый валится на землю.

Потом о Европе, история которой означена совершенно противоположною характерностью, где существование народов, напротив, долго и мощно; где все, напротив, порядок и стройность: народы разом подвигаются такт в такт, как регулярные европейские войска; государства все почти в одно время растут и совершенствуются; при всех характерных отличиях наций, в них видно общее единство и каждая из них так чудно запутана с другими, что становится совершенно понятною только в соединении со всей Европою, и вся Европа кажется одним государством. И в этой небольшой части света решилась долгая тяжба: человек стал выше природы, а природа обратилась в искусство; самая бедность и скупость ее вызвали наружу весь безгра-

ничный мир, скрывавшийся в человеке, дали ему почувствовать, во сколько он выше земного, и превратили всю страну в вечную жизнь ума. В этой одной только части света могущественно развился высокий гений христианства, и необъятная мысль, осененная небесным знаменем Креста, витает над нею, как над отчизною.

Потом об Африке, представляющей в противоположность Европе смерть ума, где природа всегда деспотически властвовала над человеком; где она во всем своем царственном величии и всегда почти возвращала его в первобытное состояние, в жизнь чувственную; где ни один коренной туземной народ не прожил мощною жизнью и не отбросил от себя ярких лучей на мир; где даже переселенцы с других земель напрасно вступали в борьбу с палящею природою африканскою; чем далее погружались они в Африку, тем глубже повергались в чувственность.

Наконец об Америке, этой всемирной колонии, вавилонском смешении наций, где столкнулись три противуречащие части света, смешались, но еще не слились в одно, и потому еще не имеющей покамест никакого единства, даже единства религии; невзирая на частную характерность не получившей общего характера; несмотря на огромную массу, все еще состоящей из первоначальных стихий, разложенных начал; несмотря на независимые государства, все еще похожей на колонию.

Быстрый обзор истории каждой части света, во всей ее резкой характерности, не поверхностный, но глубокий, — результат веков и событий, потому необходим, что он наводит на мысли и заставляет слушателей думать. Ум тогда быстрее развивается, когда сам предлагает себе великий и поэтический вопрос. Этот обзор каждой части тем более еще необходим, что показывает часто с новой стороны те же предметы. А для полного уразумения нужно, чтобы предмет был освещен со всех сторон. Только тогда вы знаете хорошо историю, говорит Шлецер, когда знаете ее и вдоль и поперек, и вкось, и во всех направлениях.

IX

И для того в виде эпилога после окончания курса хорошо рассмотреть за одним разом весь мир по столетиям. Тогда всеобщая история представит у меня великую лестницу веков. Я должен непременно показать, чем ознаменовано начало, середина и конец каждого столетия, потом дух и отличительные черты его. Чтобы лучше определить каждый век и избежать монотонности числ, я назову его именем то-

го народа, или лица, который стал в нем выше других и ярче действовал на поприще мира. Эта лестница столетий есть лучшее средство к утверждению в памяти слушателей современности событий, лиц и явлений.

Х

Мне кажется, что такой образ преподавания будет действительно и ближе к истине. По крайней мере глубоко понимающий величие истории увидит, что он не произведение мгновенной фантазии, но плод долгих соображений и опыта; что ни один эпитет, ни одно слово не брошено здесь для красоты и мишурного блеска, но их породило долговременное чтение летописей мира, что составить эскиз общий, полный истории всего человечества, хотя даже столь краткий, как здесь, можно не иначе, как когда узнаешь и постигнешь самые тонкие и запутанные нити истории, и что одна любовь к науке, составляющей для меня наслаждение, понудила меня объявить мои мысли; что цель моя — образовать сердца юных слушателей той основательной опытностью, которую развертывает история, понимаемая в ее истинном величии; сделать их твердыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великого Государя, чтобы ни в счастье, ни в несчастье не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными Отечеству и Государю.

Гоголь. Портрет работы К. Горюнова. 1835 г.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург

ПОРТРЕТ

ПОВЕСТЬ

§ I

Нигде столько не останавливалось народа, как перед картинною лавочкою на Щукином дворе. Эта лавочка представляла точно самое разнородное собрание диковинок. Картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты темно-зеленым лаком, в темно-желтых мишурных рамах. Зима с белыми деревьями, совершенно красный вечер, похожий на зарево пожара, фламандский мужик с трубкою и выломанною рукою, похожий более на индейского петуха в манжетах, нежели на человека, — вот обыкновенные их сюжеты. К этому нужно присовокупить несколько гравированных изображений: портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке, портреты каких-то генералов в треугольных шляпах с кривыми носами. — Двери такой лавочки обыкновенно бывают увешаны связками тех картин, которые свидетельствуют самородное дарование русского человека. На одной из них была Царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другой город Иерусалим, по домам и церквям которого без церемонии прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двух молящихся русских мужиков в рукавицах. Покупателей этих произведений обыкновенно не много, но зато зрителей куча. Какой-нибудь забуддыга лакей уже верно зеваает перед ними, держа в руке судки с обедом из трактира для своего барина, который, без сомнения, будет хлебать суп не слишком горячий. Перед ними верно уже стоит солдат, этот кавалер толкучего рынка, продающий два перочинные ножика; торговка из Охты с коробкою, наполненною башмаками. Всякой восхищается по-своему. Мужики обыкновенно тыкают пальцами; кавалеры рассматривают сурьезно; лакеи-мальчишки и мальчишки-мастеровые смеются и дразнят друг друга нарисованными карикатурами; старые лакеи в фризových шинелях смотрят потому только, чтобы где-нибудь позевать; а торговки, молодые русские бабы, спешат по инстинкту,

чтобы послушать, о чем калякает народ, и посмотреть, на что он смотрит. — В это время невольно остановился перед лавкою проходивший мимо молодой художник Чертков. Старая шинель и нещегольское платье показывали в нем того человека, который с самоотвержением предан был своему труду и не имел времени заботиться о своем наряде, всегда имеющем таинственную привлекательность для молодежи. Он остановился перед лавкою и сперва внутренне смеялся над этими уродливыми картинами; наконец невольно овладело им размышление: он стал думать о том, кому бы нужны были эти произведения. Что русской народ заглядывается на *Ерусланов Лазаричей*, на *объедал и обпивал*, на *Фому и Ерему*, это ему не казалось удивительным: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но где покупатели этих пестрых, грязных, масляных малеваний? кому нужны эти фламандские мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показывают какое-то притязание на несколько уже высший шаг искусства, но в которых выразилось все глубокое его унижение. Если бы это были труды ребенка, покоряющегося одному невольному желанию, если бы они совсем не имели никакой правильности, не сохраняли даже первых условий механического рисования, если бы в них было все в карикатурном виде, — но в этом карикатурном виде просвечивалось бы хотя какое-нибудь старание, какой-нибудь порыв произвести подобное природе, — но ничего этого нельзя было отыскать в них. Какое-то тупоумие старости, какая-то бессмысленная охота или, лучше сказать, неволя водила рукою их творцов. Кто трудился над ними? И трудился, без сомнения, один и тот же, потому что те же краски, та же манера, та же набившаяся, приобывшая рука, принадлежавшая скорее грубо сделанному автомату, нежели человеку. Он все так же стоял перед этими грязными картинами и глядел на них, но уже совершенно не глядя, между тем как содержатель этого живописного магазина, серинькой человек, лет пятидесяти, во фризовой шинели, с давно не бритым подбородком, рассказывал ему, что картины *самой первой сорт* и только что получены с биржи, еще и лак не высох и в рамки не вставлены. *Смотрите сами, честно уверяю, что останетесь довольны.* Все эти заманчивые речи летели мимо ушей Черткова. Наконец, чтобы немного ободрить хозяина, он поднял с полу несколько запылившихся картин. Это были старые фамильные портреты, которых потомки вряд ли бы отыскались. Почти машинально начал он с одного из них стирать пыль. Легкая краска вспыхнула на лице его, краска, которая означает тайное удовольствие при чем-нибудь неожиданным. Он стал нетерпеливо тереть рукою и скоро увидел портрет, на

котором ясно была видна мастерская кисть, хотя краски казались несколько мутными и почерневшими. Это был старик с каким-то беспокойным и даже злобным выражением лица; в устах его была улыбка, резкая, язвительная, и вместе какой-то страх; румянец болезни был тонко разлит по лицу, исковерканному морщинами; глаза его были велики, черны, тусклы; но вместе с этим в них была заметна какая-то странная живость. Казалось, этот портрет изображал какого-нибудь скрягу, прошедшего жизнь над сундуком, или одного из тех несчастных, которых всю жизнь мучит счастье других. Лицо вообще сохраняло яркий отпечаток южной физиогномии. Смуглота, черные как смола волосы, с пробившеюся проседью — все это не попадаетя у жителей северных губерний. Во всем портрете была видна какая-то неокончателность; но если бы он приведен был в совершенное исполнение, то знаток потерял бы голову в догадках, каким образом совершеннейшее творение Вандика очутилось в России и зашло в лавочку на Щукин двор. С биющим сердцем, молодой художник, отложивши его в сторону, начал перебирать другие, не найдется ли еще чего подобного, но все прочее составляло совершенно другой мир и показывало только, что этот гость глупым счастьем попал между них. Наконец Чертков спросил о цене. Пронырливый купец, заметив по его вниманию, что портрет чего-нибудь стоит, почесал за ухом и сказал: «Да что, ведь десять рублей будет за него маловато». Чертков протянул руку в карман.

— Я даю одиннадцать! — раздалось позади его.

Он оборотился и увидел, что народу собралась куча и что один господин в плаще долго, подобно ему, стоял перед картиною. Сердце у него сильно забилося и губы тихо задрожали, как у человека, который чувствует, что у него хотят отнять предмет его исканий. Осмотревши внимательно нового покупателя, он несколько утешился, заметив на нем костюм, нисколько не уступающий его собственному, и произнес дрожащим голосом: «Я дам тебе двенадцать рублей, картина моя».

— Хозяин! картина за мною, вот тебе пятнадцать рублей! — произнес покупатель.

Лицо Черткова судорожно вздрогнуло, дух захватился, и он невольно выговорил: «Двадцать рублей».

Купец потирал руки от удовольствия, видя, что покупщики сами торгуются в его пользу. Народ гуще обступил покупающих, услышав носом, что обыкновенная продажа превратилась в аукцион, всегда имеющий сильный интерес, даже для посторонних. Цену наконец набили до пятидесяти рублей. Почти отчаянно закричал Чертков: пять-

десять, вспомнивши, что у него вся сумма в 50 рублях, из которых он должен, хотя часть, заплатить за квартиру и, кроме того, купить красок и еще кое-каких необходимых вещей. Противник в это время отступился, сумма, казалось, превосходила также его состояние, и картина осталась за Чертковым. Вынувши из кармана ассигнацию, он бросил ее в лицо купцу и ухватился с жадностью за картину, но вдруг отскочил от нее, пораженный страхом. Темные глаза нарисованного старика глядели так живо и вместе мертвенно, что нельзя было не ощутить испуга. Казалось, в них неизъяснимо странною силою удержана была часть жизни. Это были не нарисованные, это были живые, это были человеческие глаза. Они были неподвижны, но верно не были бы так ужасны, если бы двигались. Какое-то дикое чувство, не страх, но то неизъяснимое ощущение, которое мы чувствуем при появлении странности, представляющей беспорядок природы или, лучше сказать, какое-то сумасшествие природы, — это самое чувство заставило вскрикнуть почти всех. С трепетом провел Чертков рукою по полотну, но полотно было гладко. Действие, произведенное портретом, было всеобщее: народ с каким-то ужасом отхлынул от лавки; покупатель, вошедший с ним в соперничество, боязливо удалился. Сумерки в это время сгустились, казалось, для того, чтобы сделать еще более ужасным это непостижимое явление. Чертков не в силах был оставаться более. Не смея и думать о том, чтобы взять его с собою, он выбежал на улицу. Свежий воздух, гром мостовой, говор народа, казалось, на минуту освежил его, но душа была все еще сжата каким-то тягостным чувством. Сколько ни обращал он глаз по сторонам на окружающие предметы, но мысли его были заняты одним необыкновенным явлением. Что это? думал он сам про себя, искусство или сверхъестественное какое волшебство, выглянувшее мимо законов природы? Какая странная, как непостижимая задача! или для человека есть такая черта, до которой доводит высшее познание, и чрез которую шагнув, он уже похищает не создаваемое трудом человека, он вырывает что-то живое из жизни, одушевляющей оригинал. Отчего же этот переход за черту, положенную границею для воображения, так ужасен? или за воображением, за порывом, следует наконец действительность, та ужасная действительность, на которую соскакивает воображение с своей оси каким-то посторонним толчком, та ужасная действительность, которая представляется жаждущему ее тогда, когда он, желая постигнуть прекрасного человека, вооружается анатомическим ножом, раскрывает его внутренность и видит отвратительного человека. Непостижимо! такая изумительная, такая ужасная живость! или чересчур близкое подражание природе

так же приторно, как блюдо, имеющее чересчур сладкий вкус. С такими мыслями вошел он в свою маленькую комнатку в небольшом деревянном доме на Васильевском острове в 15 линии, в которой лежали разбросанные во всех углах ученические его начатки, копии с антиков, тщательные, точные, показывавшие в художнике старание постигнуть фундаментальные законы и внутренний размер природы. Долго рассматривал он их, и наконец мысли его потянулись одна за другою и стали выражаться почти словами; так живо чувствовал он то, о чем размышлял!

И вот год, как я тружусь над этим сухим, скелетным трудом! стараюсь всеми силами узнать то, что так чудно дается великим творцам и кажется плодом минутного быстрого вдохновения. Только тронут они кистью, и уже является у них человек вольный, свободный, таков, каким он создан природою; движения его живы, непринужденны. Им это дано вдруг, а мне должно трудиться всю жизнь; всю жизнь исследовать скучные начала и стихии, всю жизнь отдать бесцветной, не отвечающей на чувства работе. Вот мои маранья! Они верны, схожи с оригиналами; но захоти я произвести свое — и у меня выйдет совсем не то: нога не станет так верно и непринужденно; рука не подыметься так легко и свободно; поворот головы у меня вовеки не будет так естествен, как у них, а мысль, а те невыразимые явления... Нет, я не буду никогда Великим Художником!

Размышления его прерваны были вошедшим его камердинером, парнем лет осьмнадцати в русской рубашке, с розовым лицом и рыжими волосами. Он без церемонии начал стягивать с Черткова сапоги, который был погружен в свои размышления. Этот парень, в красной рубашке, был его лакей, натурщик, чистил ему сапоги, зевал в маленькой его передней, тер краски и пачкал грязными ногами его пол. Взявши сапоги, он бросил ему халат и выходил уже из комнаты, как вдруг оборотил голову назад и произнес громко: «Барин, свечу зажигать или нет?» — «Зажги», — отвечал рассеянно Чертков. «Да еще хозяин приходил, — примолвил кстати грязный камердинер, следуя похвальному обычаю всех людей его звания упоминать в Р. S. о том, что поважнее, — хозяин приходил и сказал, что если не заплатите денег, то вышвернет все ваши картины за окошко вместе с кроватью».

— Скажи хозяину, чтобы не беспокоился о деньгах, — отвечал Чертков, — я достал деньги. — При этом он обратился к карману фрака, но вдруг вспомнил, что все деньги свои оставил за портрет у лавочника. Мысленно начал он укорять себя в безрассудности, что выбежал без всякой причины из лавки, испугавшись ничтожного

случая, и не взял с собою ни денег, ни портрета. Завтра же решился он идти к купцу и взять деньги, почи(тая) себя совершенно вправе отказать от такой покупки, тем более, что его домашние обстоятельства не позволяли сделать никакой лишней издержки.

Свет луны ярким, белым окном ложился на его пол, захватывая часть кровати и оканчиваясь на стене. Все предметы и картины, висевшие в его комнате, как-то улыбались, захвативши иногда краями своими часть этого вечно-прекрасного сияния. В эту минуту как-то нечаянно он взглянул на стену и увидел на ней тот же самый странный портрет, так поразивший его в лавке. Легкая дрожь невольно пробежала по его телу. Первым делом его было позвать своего камердинера и натурщика и расспросить, каким образом и кто принес к нему портрет; но камердинер-натурщик клялся, что никто не приходил, выключая хозяина, который был еще поутру и, кроме ключа, ничего не имел в своих руках. Чертков чувствовал, что волосы его зашевелились на голове. Севши возле окна, он силился себя уверить, что здесь не могло ничего быть сверхъестественного, что мальчик его мог в это время заснуть, что хозяин портрета мог его прислать, узнавши каким-нибудь особенным случаем его квартиру... Короче, он начал приводить все те плоские изъяснения, которые мы употребляем, когда хотим, чтобы случившееся случилось непременно так, как мы думаем. Он положил себе не смотреть на портрет, но голова его невольно к нему обращалась и взгляд, казалось, прикипал к странному изображению. Неподвижный взгляд старика был нестерпим; глаза совершенно светились, вбирая в себя лунный свет, и живость их до такой степени была страшна, что Чертков невольно закрыл свои глаза рукою. Казалось, слеза дрожала на ресницах старика; светлые сумерки, в которые владычица луна превратила ночь, увеличивали действие; полотно пропадало, и страшное лицо старика выдвинулось и глядело из рам, как будто из окошка.

Приписывая это сверхъестественное действие луне, чудесный свет которой имеет в себе тайное свойство придавать предметам часть звуков и красок другого мира, он приказал подать скорее свечу, около которой копался его лакей, но выражение портрета ничуть не уменьшилось: лунный свет, слившись с сиянием свечи, придал ему еще более непостижимой и вместе странной живости. Схвативши простыню, он начал закрывать портрет; свернул ее втрое, чтобы он не мог сквозь нее просвечивать, но при всем том или это было следствие сильно потревоженного воображения, или собственные глаза его, утомленные сильным напряжением, получили какую-то беглую, движущуюся снаровку, только ему долго казалось, что взор старика

сверкала сквозь полотно. Наконец он решился погасить свечу и лечь в постель, которая была заставлена ширмами, скрывавшими от него портрет. Напрасно ожидал он сна: мысли самые неутешительные прогоняли то спокойное состояние, которое ведет за собою сон. Тоска, досада, хозяин, требующий денег, недоконченные картины — создания бессильных порывов, бедность — все это двигалось перед ним и сменялось одно другим. И когда на минуту удавалось ему прогнать их, то чудный портрет властительно втеснялся в его воображение и казалось, сквозь щелку в ширмах сверкали его убийственные глаза. Никогда не чувствовал он на душе своей такого тяжелого гнета. Свет луны, которой содержит в себе столько музыки, когда вторгается в одинокую спальню поэта и проносит младенчески очаровательные полусны над его изголовьем, этот свет луны не наводил на него музыкальных мечтаний; его мечтания были болезненны. Наконец впал он не в сон, но в какое-то полузабвение, в то тягостное состояние, когда одним глазом видим приступающие грезы сновидений, а другим в неясном облике окружающие предметы. Он видел, как поверхность старика отделялась и сходила с портрета, так же, как снимается с кипящей жидкости верхняя пена, подымалась на воздух и неслась к нему ближе и ближе, наконец приближалась к самой его кровати. Чертков чувствовал занимавшееся дыхание, силился приподняться — но руки его были неподвижны. Глаза старика мутно горели и вперились в него всею магнитною своею силою.

«Не бойся, — говорил странный старик, и Чертков заметил у него на губах улыбку, которая, казалось, жалила его своим ослаблением и яркою живостью осветила тусклые морщины его лица. — Не бойся меня, — говорило странное явление, — мы с тобою никогда не разлучимся. Ты задумал весьма глупое дело: что тебе за охота целые веки корпеть за азбукою, когда ты давно можешь читать по верхам? Ты думаешь, что долгими усилиями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что-нибудь, — да, ты получишь, — при этом лицо его странно исковеркалось и какой-то неподвижный смех выразился на всех его морщинах, — ты получишь завидное право кинуться с Исакиевского моста в Неву или, завязавши шею платком, повеситься на первом попавшемся гвозде; а труды твои первый маляр, накупивши их на рубль, замажет грунтом, чтобы нарисовать на нем какую-нибудь красную рожу. Брось свою глупую мысль! Все делается в свете для пользы. Бери же скорее кисть и рисуй портреты со всего города! бери все, что ни закажут; но не влюбляйся в свою работу, не сиди над нею дни и ночи; время летит скоро и жизнь не останавливается. Чем более смастеришь ты в день своих

картин, тем больше в кармане будет у тебя денег и славы. Брось этот чердак и найми богатую квартиру. Я тебя люблю и потому даю тебе такие советы; я тебе и денег дам, только приходи ко мне». При этом старик опять выразил на лице своем тот же неподвижный, страшный смех.

Непостижимая дрожь проняла Черткова и выступила холодным потом на его лице. Собравши все свои усилия, он приподнял руку и наконец привстал с кровати. Но образ старика сделался тусклым, и он только заметил, как он ушел в свои рамы. Чертков встал с беспокойством и начал ходить по комнате. Чтобы немного освежить себя, он приблизился к окну. Лунное сияние лежало все еще на крышах и белых стенах домов, хотя небольшие тучи стали чаще переходить по небу. Все было тихо; изредка долетало до слуха отдаленное дребезжание дрожек извозчика, который где-нибудь в невидном переулке спал, убаюкиваемый своею ленивою клячею, поджидая запоздалого седока. Чертков уверился наконец, что воображение его слишком расстроено и представило ему во сне творение его же возмущенных мыслей. Он подошел еще раз к портрету. Простыня его совершенно скрывала от взоров, и казалось, только маленькая искра сквозила изредка сквозь нее. Наконец он заснул и проспал до самого утра.

Проснувшись, он долго чувствовал в себе то неприятное состояние, которое овладевает человеком после угара: голова его неприятно болела. В комнате было тускло, неприятная мокрота сеялась в воздухе и проходила сквозь щели его окон, заставленных картинами или натянутым грунтом. Скоро у дверей раздался стук и вошел хозяин с Квартальным Надзирателем, которого появление для людей мелких так же неприятно, как для богатых умильное лицо просителя. Хозяин небольшого дома, в котором жил Чертков, был одно из тех творений, какими обыкновенно бывают владельцы домов в пятнадцатой линии Васильевского острова, на Петербургской стороне или в отдаленном углу Коломны; творение, каких очень много на Руси и которых характер так же трудно определить, как цвет изношенного сюртука. В молодости своей он был и капитан и крикун, употреблялся и по штатским делам, мастер был хорошо высечь, был и расторопен, и щеголь, и глуп, но в старости своей он слил в себе все эти резкие особенности в какую-то тусклую неопределенность. Он был уже вдов, был уже в отставке; уже не щеголял, не хвастал, не задирался; любил только пить чай и болтать за ним всякой вздор; ходил по своей комнате, поправлял сальной огарок, аккуратно по истечении каждого месяца наведывался к своим жильцам за деньгами; выходил на улицу с ключом в руке, для того, чтобы посмотреть на крышу своего дома;

выгонял несколько раз дворника из его кануры, куда он запрятывался спать, — одним словом, был человек в отставке, которому, после всей забубенной жизни и тряски на перекладной, остаются одни пошлые привычки.

— Извольте сами глядеть, — сказал хозяин, обращаясь к Квартальному и расставляя руки, — извольте распорядиться и объявить ему.

— Я должен вам объявить, — сказал Квартальный Надзиратель, заложивши руку за петлю своего мундира, — что вы должны непременно заплатить должны вами уже за три месяца квартирные деньги.

— Я бы рад заплатить, но что же делать, когда нечем, — сказал хладнокровно Чертков.

— В таком случае хозяин должен взять себе вашу движимость, равностоящую сумме квартирных денег, а вам должно немедленно сегодня же выехать.

— Берите все, что хотите, — отвечал почти бесчувственно Чертков.

— Картины многие не без искусства сделаны, — продолжал Квартальный, перебирая из них некоторые. — Жаль только, что не кончены и краски-то не так живы.... Верно, недостаток в деньгах не позволял вам купить их? А это что за картина, завернутая в холстину? — При этом Квартальный, без церемонии подошедши к картине, сдернул с нее простыню, потому, что эти господа всегда позволяют себе маленькую вольность там, где видят совершенную беззащитность или бедность. Портрет, казалось, изумил его, потому что необыкновенная живость глаз производила на всех равное действие. Рассматривая картину, он несколько крепко сжал ее рамы, и так как руки у полицейских служителей всегда несколько отзываются топорной работою, то рамка вдруг лопнула; небольшая дощечка упала на пол вместе с брякнувшим на землю свертком золота, и несколько блестящих кружков покатились во все стороны. Чертков с жадностью бросился подбирать и вырвал из полицейских рук несколько поднятых им червонцев.

— Как же вы говорите, что не имеете чем заплатить, — заметил Квартальный, приятно улыбаясь, — а между тем у вас столько золотой монеты.

— Эти деньги для меня священны, — вскричал Чертков, опасаясь искусных рук полицейского. — Я должен их хранить, они вверены мне покойным отцом, впрочем, чтоб вас удовлетворить, вот вам за квартиру! — При этом он бросил несколько червонцев хозяину дома.

Физиогномия и приемы в одну минуту изменились у хозяина и достойного блюстителя за нравами пьяных извозчиков.

Полицейский стал извиняться и уверять, что он только исполнял предписанную форму, а впрочем никак не имел права его принудить, а чтобы более в этом уверить Черткова, он предложил ему приз табакку. Хозяин дома уверял, что он только пошутил, и уверял с такою божбою и бессовестностию, с какою обыкновенно уверяет купец в гостинном дворе.

Но Чертков выбежал вон и не решился более оставаться на прежней квартире. Он не имел даже времени подумать о странности этого происшествия. Осмотревши сверток, он увидел в нем более сотни червонцев. Первым делом его было нанять щегольскую квартиру. Квартира, попавшаяся ему, была как нарочно для него приготовлена: четыре в ряд высокие комнаты, большие окна, все выгоды и удобства для художника! Лежа на турецком диване и глядя в цельные окна на растущие и мелькающие волны народа, он был погружен в какое-то самодовольное забвение и дивился сам своей судьбе, еще вчера пресмыкавшейся с ним на чердаке. Недоконченные и оконченные картины развесились по стройным колоссальным стенам; между ними висел таинственный портрет, который достался ему таким единственным образом. Он опять стал думать о причине необыкновенной живости его глаз. Мысли его обратились к видимому им полусновидению, наконец к чудному кладу, скрывавшемуся в его рамках. Все привело его к тому, что какая-нибудь история соединена с существованием портрета и что даже, может быть, его собственное бытие связано с этим портретом. Он вскочил с своего дивана и начал его внимательно рассматривать: в раме находился ящик, прикрытый тоненькой дощечкой, но так искусно заделанной и заглаженной с поверхностью, что никто бы не мог узнать о его существовании, если бы тяжелый палец Квартального не продавил дощечки. Он поставил его на место и еще раз на него посмотрел. Живость глаз уже не казалась ему так страшною среди яркого света, наполнявшего его комнату сквозь огромные окна, и многолюдного шума улицы, громившего его слух, но она заключала в себе что-то неприятное, так что он постарался скорее от него отворотиться. В это время зазвенел звонок у дверей и вошла к нему почтенная дама пожилых лет, с талией в рюмочку, в сопровождении молоденькой, лет осьмнадцати; лакей в богатой ливрее отворил им дверь и остановился в передней.

— Я к вам с просьбою, — произнесла дама ласковым тоном, с каким обыкновенно они говорят с художниками, французскими парикмахерами и прочими людьми, рожденными для удовольствия

других. — Я слышала о ваших дарованиях... — Чертков удивился такой скорой своей славе. — Мне хочется, чтобы вы сняли портрет с моей дочери. — При этом бледное личико дочери обратилось к художнику, который если бы был знаток сердца, то вдруг бы прочел на нем многоотомную историю ее. Ребяческая страсть к балам, тоска и скука продолжительного времени до обеда и после обеда, желание побегать в платье последней моды на многолюдном гуляньи, нетерпеливость увидеть свою приятельницу для того, чтобы ей сказать: ах, милая, как я скучала, или объявить, какую мадам Сихлер сделала уборку к платью княгини Б... Вот все, что выражало лицо молодой посетительницы, бледное, почти без выражения, с оттенкою какой-то болезненной желтизны.

— Я бы желала, чтобы вы теперь же принялись за работу, — продолжала дама, — мы можем вам дать час. — Чертков бросился к краскам и кистям, взял уже готовый натянутый грунт и устроился как следует.

— Я вас должна несколько предупредить, — говорила дама, — насчет моей Анет, и этим облегчить несколько ваш труд. В глазах ее и даже во всех чертах лица всегда была заметна томность; моя Анет очень чувствительна, и признаюсь, я никогда не даю ей читать новых романов! — Художник смотрел в оба и не заметил никакой томности. — Мне бы хотелось, чтобы вы изобразили ее просто в семейном кругу или еще лучше одну на чистом воздухе в зеленой тени, чтобы ничто не показывало, будто она едет на бал. Наши балы, должно признаться, так скучны и так убивают душу, что, право, я не понимаю удовольствия бывать на них. — Но на лице дочери и даже самой почтенной дамы было написано резкими чертами, что они не пропускали ни одного бала.

Чертков был минуту в размышлении, как согласить эти небольшие противоположности, наконец решился избрать благоразумную середину. При том его прельщало желание победить трудности и торжествовать искусством, согласив двусмысленное выражение портрета. Кисть бросила на полотно первый туман, художнический хаос; из него начали делиться и выходить медленно образующиеся черты. Он приник весь к своему оригиналу и уже начал уловлять те неуловимые черты, которые самому бесцветному оригиналу придают в правдивой копии какой-то характер, составляющий высокое торжество истины. Какой-то сладкий трепет начал им одолевать, когда он чувствовал, что наконец подметил и, может быть, выразит то, что очень редко удается выразить. Это наслаждение неизъяснимое и прогрессивно возвышающееся известно только таланту. Под кистью

его лицо портрета как будто невольно приобретало тот колорит, который был для него самого внезапным открытием; но оригинал начал так сильно вертеться и зевать перед ним, что художнику еще неопытному трудно было ловить урывками и мгновеньями постоянное его выражение.

— Мне кажется, на первой раз довольно, — произнесла почтенная дама.

Боже, как это ужасно! А душа и силы разохотились и хотели разгуляться. Повесивши голову и бросивши палитру, стоял он перед своею картиною.

— Мне однако ж сказали, что вы в два сеанса оканчиваете совершенно портрет, — произнесла дама, подходя к картине. — А у вас до сих пор еще только почти один абрис, мы приедем к вам завтра в это же время.

Молчаливо выпроводил своих гостей художник и остался в неприятном размышлении. В его тесном чердаке никто не перебивал ему, когда он сидел над своею незаказною работою: с досадою отодвинул он начатый портрет и хотел заняться другими недоконченными работами. Но как будто можно мысль и чувства, проникнувшие уже до души, заместить новыми, в которые еще не успело влюбиться наше воображение. Бросивши кисть, он вышел из дому.

Юность счастлива тем, что перед нею бежит множество разных дорог, что ее живая, свежая душа доступна тысяче разных наслаждений; и потому Чертков рассеялся почти в одну минуту. Несколько червонцев в кармане — и что не во власти исполненной сил юности. Притом русской человек, а особливо дворянин или художник, имеет странное свойство: как только завелся у него в кармане грош — ему все трын-трава и море по колена. У него оставалось еще от денег, заплаченных вперед за квартиру, около тридцати червонцев. И все эти тридцать червонцев он спустил в один вечер. Прежде всего он приказал себе подать обед отличнейший, выпил две бутылки вина и не захотел взять сдачи, нанял щегольскую карету, чтобы только съездить в театр, находившийся в двух шагах от его квартиры, угостил в кондитерской трех своих приятелей, зашел еще кое-куда и возвратился домой без копейки в кармане. Бросившись в кровать, он уснул крепко, но сновидения его были так же несвязны и груды, как и в первую ночь, сжималась, как будто чувствовала на себе что-то тяжелое; он увидел сквозь щелку своих ширм, что изображение старика отделилось от полотна и с выражением беспокойства пересчитывало кучи денег, золото сыпалось из его рук... глаза Черткова горели; казалось, его чувства узнали в золоте ту неизъяснимую прелесть, которая дото-

ле ему не была понятна. Старик его манил пальцем и показывал ему целую гору червонцев. Чертков судорожно протянул руку и проснулся. Проснувшись, он подошел к портрету, тряс его, изрезал ножом все его рамы, но нигде не находил запрятанных денег; наконец махнул рукою и решился работать, дал себе слово не сидеть долго и не увлекаться заманчивою кистью. В это время приехала вчерашняя дама с своею бледною Анетою. Художник поставил на станок свой портрет, и на этот раз кисть его неслась быстрее. Солнечной день, ясное освещение дали какое-то особенное выражение оригиналу, и открылось множество дотоле незамеченных тонкостей. Душа его загорелась опять напряжением. Он силился схватить мельчайшую точку или черту, даже самую желтизну и неровное изменение колорита в лице зевавшей и изнуренной красавицы с тою точностию, которую позволяют себе неопытные артисты, воображающие, что истина может нравиться так же и другим, как нравится им самим. Кисть его только что хотела схватить одно общее выражение всего целого, как досадное «довольно» раздалось над его ушами и дама подошла к его портрету. «Ах, Боже мой! что это вы нарисовали?» — вскрикнула она с досадою. — Анет у вас желта; у ней под глазами какие-то темные пятна; она как будто приняла несколько склянок микстуры. Нет, ради Бога, исправьте ваш портрет: это совсем не ее лицо. Мы к вам будем завтра в это же время».

Чертков с досадою бросил кисть; он проклинал и себя, и палитру, и ласковую даму, и дочь ее, и весь мир. Голодный просидел он в своей великолепной комнате и не имел сил приняться ни за одну картину. На другой день, вставши рано, он схватил первую попавшуюся ему работу: это была давно начатая им Псишей, поставил ее на станок с намерением насильно продолжать; в это время вошла вчерашняя дама.

— Ах, Анет, посмотри, посмотри сюда! — вскричала дама с радостным видом. — Ах как похоже! прелесть! прелесть! и нос, и рот, и брови! чем вас благодарить за этот прекрасной сюрприз? Как это мило! Как хорошо, что эта рука немного приподнята. Я вижу, что вы точно тот великий художник, о котором мне говорили.

Чертков стоял как оторопелый, увидевши, что дама приняла его Псишею за портрет своей дочери. С застенчивостью новичка он начал уверять, что этим слабым эскизом хотел изобразить Псишею; но дочь приняла это себе за комплимент и довольно мило улыбнулась, улыбку разделила мать. Адская мысль блеснула в голове художника, чувство досады и злости подкрепило ее, и он решился этим воспользоваться.

— Позвольте мне попросить вас сегодня посидеть немного подолее, — произнес он, обратясь к довольной на этот раз блондинке. — Вы видите, что платья я еще не делал вовсе, потому что хотел все с большею точностию рисовать с натуры. — Быстро он одел свою Псишею в костюм XIX века; тронул слегка глаза, губы, просветлил слегка волосы и отдал портрет своим посетительницам. Пук ассигнаций и ласковая улыбка благодарности были ему наградою.

Но художник стоял, как прикованный к одному месту. Его грызла совесть; им овладела та разборчивая, мнительная боязнь за свое непорочное имя, которая чувствуется юношею, носящим в душе благородство таланта, которая заставляет если не истреблять, то по крайней мере скрывать от света те произведения, в которых он сам видит несовершенство, которая заставляет скорее вытерпеть презрение всей толпы, нежели презрение истинного ценителя. Ему казалось, что уже стоит перед его картиною грозный судия и, качая головою, укоряет его в бесстыдстве и бездарности. Чего бы он не дал, чтоб возвратить только ее назад. Уже он хотел бежать вслед за дамою, вырвать портрет из рук ее, разорвать и растоптать его ногами, но как это сделать? Куда идти? Он не знал даже фамилии его посетительницы.

С этого времени однако ж произошла в жизни его счастливая перемена. Он ожидал, что бесславие покроет его имя, но вышло совершенно напротив. Дама, заказывавшая портрет, рассказала с восторгом о необыкновенном художнике, и мастерская нашего Черткова наполнилась посетителями, желавшими удвоить и, если можно, удесятерить свое изображение. Но свежий, еще невинный, чувствующий в душе недостойным себя к принятию такого подвига, Чертков, чтобы сколько-нибудь загладить и искупить свое преступление, решился заняться со всевозможным старанием своею работою; решился удвоить напряжение своих сил, которое одно производит чудеса. Но намерения его встретили непредвиденные препятствия. Посетители его, с которых он рисовал портреты, были большею частию народ нетерпеливый, занятой, торопящийся, и потому едва только кисть его начинала творить что-нибудь не совсем обыкновенное, как уже вваливался новый посетитель, преважно выставлял свою голову, горя желанием увидеть ее скорее на полотне, и художник спешил скорее оканчивать свою работу. Время его наконец было так разобрано, что он ни на одну минуту не мог предаться размышлению; и вдохновение, беспрестанно истребляемое при самом рождении своем, наконец отвыкло навещать его. Наконец, чтобы ускорять свою

работу, он начал заключаться в известные, определенные, однообразные, давно изношенные формы. Скоро портреты его были похожи на те фамильные изображения старых художников, которые так часто можно встретить во всех краях Европы и даже во всех углах мира, где дамы изображены с сложенными на груди руками и держащими цветок в руке, а кавалеры в мундире, с заложенною за пуговицу рукою. Иногда желал он дать новое, еще не избитое положение, отличавшееся бы оригинальностью и непринужденностью, — но увы! все непринужденное и легкое у поэта и художника достается слишком принужденно и есть плод великих усилий. Для того, чтобы дать новое смелое выражение, постигнуть новую тайну в живописи, для этого нужно было ему долго думать, отвративши глаза от всего окружающего, унесшись от всего мирского и жизни. Но на это у него не оставалось времени, и притом он слишком был изнурен дневною работою, чтобы быть в готовности принять вдохновение; мир же, с которого он рисовал свои произведения, был слишком обыкновенен и однообразен, чтобы вызвать и возмутить воображение. Глубоко размышляющее и вместе неподвижное лицо Директора Департамента, красивое, но вечно на одну мерку лицо Уланского Ротмистра, бледное, с натянутою улыбкою, петербургской красавицы и множество других, уже чересчур обыкновенных, — вот все, что каждой день менялось перед нашим живописцем. Казалось, кисть его сама приобрела наконец ту бесцветность и отсутствие энергии, которою означались его оригиналы.

Беспрестанно мелькавшие перед ним ассигнации и золото наконец усыпили девственные движения души его. Он бесстыдно воспользовался слабостью людей, которые за лишнюю черту красоты, прибавленную художником к их изображениям, готовы простить ему все недостатки, хотя бы эта красота была во вред самому сходству.

Чертков наконец сделался совершенно модным живописцем. Вся столица обратилась к нему; его портреты видны были во всех кабинетах, спальнях, гостиных и будуарах. Истинные художники пожимали плечами, глядя на произведения этого баловня могущественного случая. Напрасно силились они отыскать в нем хотя одну черту верной истины, брошенную жарким вдохновением, — это были правильные лица, почти всегда недурные собою, потому что понятие красоты удержалось еще в художнике, но никакого знания сердца, страстей или хотя привычек человека, ничего такого, что бы отзывалось сильным развитием тонкого вкуса. Некоторые же, знавшие Черткова, удивлялись этому странному событию, потому что видели

в первых его началах присутствие таланта, и старались разрешить непостижимую загадку: как может дарование угаснуть в цвете сил, вместо того, чтобы развиться в полном блеске.

Но этих толков не слышал самодовольный художник и величался всеобщую славою, потряхивая червонцами своими и начиная верить, что все в свете обыкновенно и просто, что откровения свыше в мире не существует и все необходимо должно быть подведено под строгий порядок аккуратности и однообразия. Уже жизнь его коснулась тех лет, когда все дышащее порывом сжимается в человеке, когда могущественный смычок слабее доходит до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновение красоты уже не превращает девственных сил в огонь и пламя, но все отгоревшие чувства становятся доступнее к звуку золота, вслушиваются внимательнее в его заманчивую музыку и, мало-помалу, нечувствительно позволяют ей совершенно усыпить себя. Слава не может насытить и дать наслаждения тому, который украл ее, а не заслужил; она производит постоянный трепет только в достойном ее. И потому все чувства и порывы его обратились к золоту. Золото сделалось его страстью, идеалом, страхом, наслаждением, целью. Пуки ассигнаций росли в сундуках его. И как всякой, которому достается этот страшный дар, он начал становиться скучным, недоступным ко всему и равнодушным ко всему. Казалось, он готов был превратиться в одно из тех странных существ, которые иногда попадаются в мире, на которых с ужасом глядит исполненный энергии и страсти человек и которому они кажутся живыми телами, заключающими в себе мертвеца. Но однако же одно событие сильно потрясло его и дало совершенно другое направление его жизни.

В один день он увидел на столе своем записку, в которой Академия Художеств просила его, как достойного ее члена, приехать дать суждение свое о новом присланном из Италии произведении усовершенствовавшегося там русского художника. Этот художник был один из прежних его товарищей, который от ранних лет носил в себе страсть к искусству; с пламенной силою труженика погряз в нем всею душою своею и для него, оторвавшись от друзей, от родных, от милых привычек, бросился без всяких пособий в неизвестную землю; терпел бедность, унижение, даже голод, но с редким самоотвержением, презревши все, был бесчувствен ко всему, кроме своего милого искусства.

Вошедши в залу, нашел он толпу посетителей, собравшихся перед картиною. Глубочайшее безмолвие, какое редко бывает между многочелюдными ценителями, на этот раз царствовало всюду. Чертков, при-

нявши значительную физиогномию знатока, приблизился к картине; но, Боже, что он увидел!

Чистое, непорочное, прекрасное, как невеста, стояло перед ним произведение художника. И хоть бы какое-нибудь видно было в нем желание блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславие, хотя бы мысль о том, чтобы показаться черни, — никакой, никаких! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, как талант, как гений. Изумительно прекрасные фигуры группировались непринужденно, свободно, не касаясь полотна, и, изумленные столькими устремленными на них взорами, казалось, стыдливо опустили прекрасные ресницы. В чертах божественных лиц дышали те тайные явления, которых душа не умеет, не знает пересказать другому; невыразимо выразимое покоилось на них, — и все это было наброшено так легко, так скромно-свободно, что, казалось, было плодом минутного вдохновения художника, вдруг осенившей его мысли. Вся картина была — мгновение, но то мгновение, к которому вся жизнь человеческая — есть одно приготовление. Невольные слезы готовы были покатиться по лицам посетителей, окруживших картину. Казалось, все вкусы, все дерзкие, неправильные уклонения вкуса слились в какой-то безмолвный гимн божественному произведению. Неподвижно, с открытым ртом стоял Чертков перед картиною, и наконец, когда мало-помалу посетители и знатоки зашумели и начали рассуждать о достоинстве произведения и когда наконец обратились к нему с просьбою объявить свои мысли, он пришел в себя; хотел принять равнодушный обыкновенный вид, хотел сказать обыкновенное пошлое суждение зачерствелых художников: что произведение хорошо и в художнике виден талант, но желательно, чтобы во многих местах лучше была выполнена мысль и отделка, — но речь умерла на устах его, слезы и рыдания нестройно вырвались в ответ и он как безумный выбежал из залы.

С минуту неподвижный и бесчувственный стоял он посреди своей великолепной мастерской. Весь состав, вся жизнь его была разбужена в одно мгновение, как будто молодость возвратилась к нему, как будто потухшие искры таланта вспыхнули снова. Боже! и погубить так безжалостно все лучшие годы своей юности, истребить, погасить искру огня, может быть теплившегося в груди, может быть развившегося бы теперь в величии и красоте, может быть также исторгнувшего бы слезы изумления и благодарности! И погубить все это, погубить без всякой жалости! Казалось, как будто в эту минуту ожили в душе его те напряжения и порывы, которые некогда были ему знакомы. Он схватил кисть и приблизился к холсту. Пот усилия

проступил на его лице, весь обратился он в одно желание и, можно сказать, загорелся одною мыслию: ему хотелось изобразить отпадшего Ангела. Эта идея была более всего согласна с состоянием его души. Но увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображение слишком уже заключились в одну мерку, и бессильный порыв преступить границы и оковы, им самим на себя наброшенные, уже отзывался неправильностию и ошибкою. Он пренебрег утомительную длинную лестницу постепенных сведений и первых основных законов будущего великого. В досаде он принял прочь из своей комнаты все труды свои, означенные мертвою бледностию поверхностной моды, запер дверь, не велел никого впускать к себе и занялся, как жаркий юноша, своею работою. Но увы! на каждом шагу он был останавливаем незнанием самых первоначальных стихий; простой, незначащий механизм охлаждал весь порыв и стоял неперескочимым порогом для воображения. Иногда осенял его внезапный призрачный великой мысли, воображение видело в темной перспективе что-то такое, что, схвативши и бросивши на полотно, можно было сделать необыкновенным и вместе доступным для всякой души, какая-то звезда чудесного сверкала в неясном тумане его мыслей, потому что он точно носил в себе призрачный талант; но Боже! какое-нибудь незначащее условие, знакомое ученику, анатомическое мертвое правило — и мысль замирала, порыв бессильного воображения цепенел нерассказанный, неизображенный; кисть его невольно обращалась к затверженным формам, руки складывались на один заученный манер, голова не смела сделать необыкновенного поворота, даже самые складки платья отзывались вытверженным и не хотели повиноваться и драпироваться на незнакомом положении тела. И он чувствовал, он чувствовал и видел это сам! Пот катился с него градом, губы дрожали, и после долгой паузы, во время которой бунтовали внутри его все чувства, он принимался снова; но в тридцать с лишком лет труднее изучать скучную лестницу трудных правил и анатомии, еще труднее постигнуть то вдруг, что развивается медленно и дается за долгие усилия, за великие напряжения, за глубокое самоотвержение. Наконец он узнал ту ужасную муку, которая как поразительное исключение является иногда в природе, когда талант слабый силится выказаться в превышающем его размере и не может выказаться, ту муку, которая в юноше рождает великое, но в перешедшем за грань мечтаний обращается в бесплодную жажду, ту страшную муку, которая делает человека способным на ужасные злодеяния. Им овладела ужасная зависть, зависть до бешенства. Желчь проступала у него на лице, когда он видел произ-

ведение, носившее печать таланта. Он скрежетал зубами и пожирал его взором василиска. Наконец в душе его возродилось самое адское намерение, какое когда-либо питал человек, и с бешеною силою бросился он приводить его в исполнение. Он начал скупать все лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою ценою, осторожно приносил в свою комнату и с бешенством тигра на нее кидался, рвал, разрывал ее, изрезывал в куски и топтал ногами, сопровождая ужасным смехом адского наслаждения. Едва только появлялось где-нибудь свежее произведение, дышащее огнем нового таланта, он употреблял все усилия купить его во что бы то ни стало. Бесчисленные собранные им богатства доставляли ему все средства удовлетворять этому адскому желанию. Он развязал все свои золотые мешки и раскрыл сундуки. Никогда ни одно чудовище невежества не истребило столько прекрасных произведений, сколько истребил этот свирепый мститель. И люди, носившие в себе искру Божественного познания, жадные одного великого, были безжалостно, бесчеловечно лишены тех святых прекрасных произведений, в которых великое искусство приподняло покров с неба и показало человеку часть исполненного звуков и священных тайн его же внутреннего мира. Нигде, ни в каком уголке не могли они сокрыться от его хищной страсти, не знавшей никакой пощады. Его зоркий, огненный глаз проникал всюду и находил даже в заброшенной пыли след художественной кисти. На всех аукционах, куда только показывался он, всякой заранее отчаивался в приобретении художественного создания. Казалось, как будто разгневанное небо нарочно послало в мир этот ужасный бич, желая отнять у него всю его гармонию. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колорит на его лицо. На нем всегда почти была разлита желчь; глаза сверкали почти безумно; нависнувшие брови и вечно перерезанный морщинами лоб придавали ему какое-то дикое выражение и отделяли его совершенно от спокойных обитателей земли.

К счастью мира и искусств, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться; размер страстей был слишком неправилен и колоссален для слабых сил ее. Припадки бешенства и безумия начали оказываться чаще, и наконец все это обратилось в самую ужасную болезнь. Жестокая горячка, соединенная с самою быстрою чахоткою, овладели им так свирепо, что в три дня оставалась от него одна тень только. К этому присоединились все признаки безнадежного сумасшествия. Иногда несколько человек не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновенного портрета, и тогда бешенство его было ужасно.

Все люди, окружавшие его постель, казались ему ужасными портретами. Портрет этот двоился, четверился в его глазах, и наконец ему чудилось, что все стены были увешаны этими ужасными портретами, устремившими на него свои неподвижные, живые глаза. Страшные портреты глядели на него с потолка, с полу, и вдобавок он видел, как комната расширялась и продолжалась пространнее, чтобы более вместить этих неподвижных глаз. Доктор, принявший на себя обязанность его пользоваться и уже несколько наслышавшийся о странной его истории, старался всеми силами отыскать тайное отношение между грезившимися ему привидениями и происшествиями его жизни, но ничего не мог успеть. Больной ничего не понимал и не чувствовал, кроме своих терзаний, и пронзительным невыразимо раздирающим голосом кричал и молил, чтобы приняли от него неотразимый портрет с живыми глазами, которого место он описывал с странными для безумного подробностями. Напрасно употребляли все старания, чтобы отыскать этот чудный портрет. Все было перерыто в доме, но портрет не отыскивался. Тогда больной приподнимался с беспокойством и опять начинал описывать его место с такою точностью, которая показывала присутствие ясного и пронзительного ума; но все поиски были тщетны. Наконец доктор заключил, что это было больше ничего кроме особенное явление безумия. Скоро жизнь его прервалась в последнем, уже безгласном порыве страдания. Труп его был страшен. Ничего тоже не могли найти от огромных его богатств, но, увидевши изрезанные куски тех высоких произведений искусства, которых цена превышала миллионы, поняли ужасное их употребление.

§ II

Множество карет, дрожек и колясок стояло перед подъездом дома, в котором производилась аукционная продажа вещей одного из тех богатых любителей искусств, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные в зефиры и амурсы, которые невинно прослыли меценатами и простодушно издержали для этого миллионы, накопленные их основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Длинная зала была наполнена самою пестрою толпою посетителей, налетевших, как хищные птицы, на неприбранное тело. Тут была целая флотилия Русских Купцов из гостиного двора и даже толкучего рынка в синих немецких сюртуках. Вид их и физиогномия была здесь как-то тверже, вольнее и не означалась тою приторною услужливостию, которая так видна в русском купце.

Они вовсе не чинились, несмотря на то, что в этой же зале находилось множество тех значительных Аристократов, перед которыми они в другом месте готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здесь они были совершенно развязны, щупали без церемонии книги и картины, желая узнать доброту товара, и смело перебивали цену, набавляемую Графами-знатоками. Здесь были многие необходимые посетители аукционов, постановившие каждый день бывать в нем вместо завтрака; Аристократы-знатоки, считающие обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцию и не находившие другого занятия от 12 до 1-го часа; наконец, те благородные господа, которых платья и карманы чрезвычайно худы, которые являются ежедневно без всякой корыстолюбивой цели, но единственно чтобы посмотреть, чем что кончится, кто будет давать больше, кто меньше, кто кого перебьет и за кем что останется. Множество картин разбросано было совершенно без всякого толку. С ними были перемешаны и мебели, и книги с вензелями прежнего владельца, который верно не имел похвального любопытства в них заглядывать. Китайские вазы, мраморные доски для столов, новые и старинные мебели с выгнутыми линиями, с грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченные и без позолоты, люстры, кенкеты — все было навалено и вовсе не в таком порядке, как в магазинах. Все представляло какой-то хаос искусств. Вообще ощущаемое нами чувство при виде аукциона странно: в нем все отзывается чем-то похожим на погребальную процессию. Зал, в котором он производится, всегда как-то мрачен; окна, загроможденные мебелью и картинами, скупо изливают свет; безмолвие, разлитое на лицах всех, и голоса: «сто рублей», «рубли и двадцать копеек», «четыреста рублей пятьдесят копеек», протяжно вырывающиеся из уст, как-то дики для слуха. Но еще более производит впечатления погребальный голос Аукциониста, постукивающего молотком и отпевающего панихиду бедным, так странно встретившимся здесь искусствам.

Однако же аукцион еще не начинался; посетители рассматривали разные вещи, набросанные горою на полу. Между тем небольшая толпа остановилась перед одним портретом: на нем был изображен старик с такою странною живостью глаз, что невольно приковал к себе их внимание. В художнике нельзя было не признать истинного таланта, произведение хотя было не окончено, но однако же носило на себе резкий признак могущественной кисти; но при всем том эта сверхъестественная живость глаз возбуждала какой-то невольный упрек художнику. Они чувствовали, что это верх истины, что изобразить ее в такой степени может только гений, но что этот гений уже

слишком дерзко перешагнул границы воли человека. Внимание их прервало внезапное восклицание одного, уже несколько пожилых лет, посетителя. «Ах, это он!» — вскрикнул он в сильном движении и неподвижно вперил глаза на портрет. Такое восклицание натурально загло во всех любопытство, и некоторые из рассматривавших никак не утерпели, чтобы не сказать, оборотившись к нему: «Вам верно известно что-нибудь об этом портрете».

— Вы не ошиблись, — отвечал сделавший невольное восклицание. — Точно, мне более нежели кому другому известна история этого портрета. Все уверяет меня, что он должен быть тот самый, о котором я хочу говорить. Так как я замечаю, что вас всех интересует о нем узнать, то я теперь же готов несколько удовлетворить вас. — Посетители наклоном головы изъявили свою благодарность и с большою внимательностию приготовились слушать.

«Без сомнения, немногим из вас, — так начал он, — известна хорошо та часть города, которую называют Коломною. Характеристика ее отличается резкою особенностью от других частей города. Нравы, занятия, состояния, привычки жителей совершенно отличны от прочих. Здесь ничто не похоже на столицу, но вместе с этим не похоже и на провинциальный городок, потому что раздробленность многосторонней и, если можно сказать, цивилизованной жизни проникла и сюда и оказалась в таких тонких мелочах, какие может только родить многолюдная столица. Тут совершенно другой свет; и, въехавши в уединенные коломенские улицы, вы, кажется, слышите, как оставляют вас молодые желания и порывы. Сюда не заглядывает живительное, радужное будущее. Здесь все тишина и отставка. Здесь все, что осело от движения столицы. И в самом деле, сюда переезжают отставные чиновники, которых пенсия не превышает пятисот рублей в год; вдовы, жившие прежде мужними трудами; небогатые люди, имеющие приятное знакомство с сенатом и потому осудившие себя здесь на целую жизнь; выслужившиеся кухарки, толкающиеся целый день на рынках, болтающие вздор с мужиком в мелочной лавке и забирающие каждый день на 5 копеек кофею и на 4 копейки сахару; наконец, весь тот разряд людей, который я назову пепельным, которые с своим платьем, лицом, волосами имеют какую-то тусклую пепельную наружность. Они похожи на серинькой день, когда солнце не спит своим ярким блеском, когда тоже буря не свищет, сопровождаемая громом, дождем и градом, но просто когда на небе бывает ни се, ни то: сеется туман и отнимает всю резкость у предметов. Лица этих людей бывают как-то искрасна-рыжеватые, волосы тоже красноватые; глаза почти всегда без блеска; платье их

тоже совершенно матовое и представляет тот мутный цвет, который происходит, когда смешаешь все краски вместе, и вообще вся их наружность совершенно матовая. К этому разряду можно причислить отставных театральных капельдинеров, уволенных пятидесятилетних Титулярных Советников; отставных питомцев Марса с 200-рублевым пенсионом, выколотым глазом и раздутою губою. Эти люди все бесстрастны: им все трын-трава. Идут они, совершенно не обращая внимания ни на какие предметы, молчат — совершенно не думая ни о чем. В комнате их только кровать и штоф чистой, русской водки, которую они однообразно сосут весь день без всякого смелого прилива в голове, возбуждаемого сильным приемом, какой обыкновенно любит задавать себе по воскресным дням молодой немецкий ремесленник, этот студент Мещанской улицы, один владеющий тротуаром за двенадцать часов ночи.

Жизнь в Коломне всегда однообразна: редко гремит в мирных улицах карета, кроме разве той, в которой ездят актеры и которая звоном, громом и бряканьем своим смущает всеобщую тишину. — Здесь все почти пешеходы. Извозчик редко, лениво, и почти всегда без седока, волочитя, таща вместе с собою сено для своей скромной клячи. Цена квартир редко достигает тысячи рублей; их больше от 15 до 20 и 30 руб. в месяц, не считая множества углов, которые отдаются с отоплением и кофеем за четыре с полтиною в месяц. Вдовы-чиновницы, получающие пенсион, самые солидные обитательницы этой части. Они ведут себя очень хорошо, метут довольно чисто свою комнату и говорят с своими соседками и приятельницами о дороговизне говядины, картофеля и капусты; при них находится очень часто молоденькая дочь, молчаливое безгласное существо, впрочем иногда довольно милостивое; при них находится также довольно гадкая собачонка и старинные часы с печально постукивающим маятником. Эти-то чиновницы занимают лучшие отделения от двадцати до тридцати, а иногда и до сорока рублей. За ними следуют актеры, которым жалованье не позволяет выехать из Коломны. Это народ свободный, как все артисты, живущие для наслаждения. Они сидя в своих халатах или выточивают из кости какие-нибудь безделки, или починивают пистолет, или клеят из картона какие-нибудь полезные для дома вещи, или играют с пришедшим приятелем в шашки или карты и так проводят утро; то же делают ввечеру, примешивая к этому часто пунш. После этих тузов, этого аристократства Коломны, следует необыкновенная дробь и мелочь; и для наблюдателя так же трудно сделать перечень всем лицам, занимающим разные углы и закоулки одной комнаты, как поименовать все то множество насекомых, кото-

рое зарождается в старом уксусе. Какого народа вы там не встретите! Старухи, которые молятся, старухи, которые пьянствуют, старухи, которые пьянствуют и молятся вместе, старухи, которые перебиваются непостижимыми средствами, как муравьи таскают с собою старые тряпья и белье от Калинкина моста до Толкучего рынка с тем, чтобы продать его там за пятнадцать копеек. Словом, весь жалкий и несчастный осадок человечества.

Естественное дело, что этот народ терпит иногда большой недостаток, не дающий возможности вести их обыкновенную, бедную жизнь. Они должны часто делать экстренные займы, чтобы выпутаться из своих обстоятельств. Тогда находятся между ними такие люди, которые носят громкое название капиталистов и могут снабжать за разные проценты, всегда почти непомерные, суммою от двадцати до ста рублей. Эти люди мало-помалу составляют состояние, которое позволяет завестись иногда собственным домиком. Но на этих ростовщиков вовсе не было похоже одно странное существо, носившее фамилию Петромихали. Был ли он грек, или армянин, или молдаван — этого никто не знал, но по крайней мере черты лица его были совершенно южные. Ходил он всегда в широком азиатском платье, был высокого роста, лицо его было темно-оливкового цвета, нависнувшие черные с проседью брови и такие же усы придавали ему несколько страшный вид. Никакого выражения нельзя было заметить на его лице: оно всегда почти было неподвижно и представляло странный контраст своею южною резкою физиогномией с пепельными обитателями Коломны. Петромихали вовсе не был похож на помянутых ростовщиков этой уединенной части города. Он мог выдать сумму, какую бы только от него ни потребовали, натурально, что зато и проценты были тоже необыкновенны. Ветхий дом его со множеством пристроек находился на Козьем болоте. Он был бы не так дряхл, если бы владелец его сколько-нибудь разорился на починку, но Петромихали не делал решительно никаких издержек. Все комнаты его, выключая небольшой лачужки, которую он занимал сам, были холодные кладовые, в которых кучами были набросаны фарфоровые, золотые, яшмовые вазы, всякой хлам, даже мебели, которые приносили ему в залог разных чинов и званий должники, потому что Петромихали не пренебрегал ничем, и несмотря на то, что давал по сотне тысяч, он также готов был служить суммою, не превышавшею рубля. Старое негодное белье, изломанные стулья, даже изодранные сапоги — все готов он был принять в свои кладовые, и нищий смело адресовался к нему с узелком в руке. Дорогие жемчуги, обвивавшие, может быть, прелестнейшую шею в мире, заключались в его грязном

железном сундуке, вместе с старинною табакеркою пятидесятилетней дамы, вместе с диадемою, возвышавшеюся над алебастровым лбом красавицы, и бриллиантовым перстнем бедного чиновника, получившего его в награду неутомимых своих трудов. Но нужно заметить, что одна только слишком крайняя нужда заставляла обращаться к нему. Его условия были так тягостны, что отбивали всякое желание. Но страннее всего, что с первого разу проценты казались не очень велики. Он посредством своих странных и необыкновенных выкладок расположил таким непонятным образом, что они росли у него страшною прогрессией и даже контрольные чиновники не могли проникнуть этого непостижимого правила, тем более что оно казалось основанным на законах строгой математической истины; они видели явно преувеличение итога, но видели тоже, что в этих вычетах нет никакой ошибки. Жалость, как и все другие страсти чувствующего человека, никогда не достигала к нему, и никакие мольбы не могли преклонить его к отсрочке или к уменьшению платежа. Несколько раз находили у дверей его окостеневших от холода несчастных старух, которых посиневшие лица, замерзнувшие члены и мертвые вытянутые руки, казалось, и по смерти еще молили его о милости. Это возбуждало часто всеобщее негодование, и полиция несколько раз хотела разобратить внимательнее поступки этого странного человека, но Квартальные Надзиратели всегда умели под какими-нибудь предлогами уклонить и представить дело в другом виде, несмотря на то, что они гроша не получали от него. Но богатство имеет такую странную силу, что ему верят, как государственной ассигнации. Оно не показываясь может невидимо двигать всеми, как раболепными слугами. Это странное существо сидело поджавши под себя ноги на почерневшем диване, принимая недвижно просителей, слегка только мигнувши бровью в знак поклона; и ничего не можно было от него услышать лишнего или постороннего. Носились однако ж слухи, что будто бы он иногда давал деньги даром, не требуя возврата, но только такие предлагал условия, что все бежали от него с ужасом и даже самые болтливые хозяйки не имели сил пошевелить губами, чтобы пересказать их другим. Те же, которые имели дух принять даваемые им деньги, желтели, чахли и умирали, не смея открыть тайны.

В этой части города имел небольшой домик один художник, славившийся в тогдашнее время своими действительно прекрасными произведениями. Этот художник был отец мой. Я могу вам показать несколько работ его, выказывающих решительный талант. Жизнь его была самая безмятежная. Это был тот скромный набожный живописец, какие только жили во времена религиозных средних веков.

Он мог бы иметь большую известность и нажить большое состояние, если бы решился заняться множеством работ, которые предлагали ему со всех сторон; но он любил более заниматься предметами религиозными и за небольшую цену взялся расписать весь иконостас приходской церкви. Часто случалось ему нуждаться в деньгах, но никогда не решался он прибегнуть к ужасному ростовщику, хотя имел всегда впереди возможность уплатить долг, потому что ему стоило только присесть и написать несколько портретов — и деньги были бы в его кармане. Но ему так жалко было оторваться от своих занятий, так грустно было разлучиться хотя на время с любимой мыслью, что он лучше готов был несколько дней просидеть голодным в своей комнате. И на что бы он всегда решился, если бы не имел страстно любимой им жены и двух детей, из которых одного вы видите теперь перед собою. Однако же один раз крайность его так увеличилась, что он готов уже был идти к греку, как вдруг внезапно распространилась весть, что ужасной ростовщик находился при смерти. Это происшествие его поразило, и он уже готов был приписать его нарочно посланным свыше для воспрепятствования его намерению, как встретил в сенях своих запыхавшуюся старуху, исправлявшую при ростовщике три разные должности: кухарки, дворника и камердинера. Старуха, совершенно отвыкшая говорить, находясь при своем странном господине, глухо пробормотала несколько несвязных отрывистых слов, из которых отец мой мог только узнать, что господин ее имеет в нем крайнюю нужду и просил его взять с собою краски и кисти. Отец мой не мог придумать, на что бы он мог быть ему нужен в такое время и притом еще с красками и кистями, но, побуждаемый любопытством, схватил свой ящик с живописным прибором и отправился за старухой.

Он насилу мог продраться сквозь толпу нищих, обступивших жилище умиравшего ростовщика и питавших себя надеждою, что авось-либо наконец перед смертью раскается этот грешник и раздаст малую часть из бесчисленного своего богатства. Он вошел в небольшую комнату и увидел протянувшееся почти во всю длину ее тело азиатца, которое он принял было за умершее, так оно вытянулось и было неподвижно. Наконец высохшая голова его приподнялась и глаза его так страшно устремились, что отец мой задрожал. Петромихали сделал глухое восклицание и наконец произнес: “Нарисуй с меня портрет!” Отец мой изумился такому странному желанию; он начал представлять ему, что теперь уже не время об этом думать, что он должен отвергнуть всякое земное желание, что уже не много минут осталось жить ему и потому пора помыслить о прежних своих делах и принести

покаяние Всевышнему. “Я не хочу ничего; нарисуй с меня портрет!” — произнес твердым голосом Петромихали; при чем лицо его покрылось такими конвульсиями, что отец мой верно бы ушел, если бы чувство весьма извинительное в художнике, пораженном необыкновенным предметом для кисти, не остановило его. Лицо ростовщика именно было одно из тех, которые составляют клад для артиста. Со страхом и вместе с каким-то тайным желанием поставил он холст за неизменением станка к себе на колени и начал рисовать. Мысль употребить после это лицо в своей картине, где хотел он изобразить одержимого бесами, которых изгоняет могущественное слово Спасителя, эта мысль заставила его усилить свое рвение. С поспешностью набросал он абрис и первые тени, опасаясь каждую минуту, что жизнь ростовщика вдруг перервется, потому что смерть уже, казалось, носилась на устах его. Изредка только он издавал хрипение и с беспокойством устремлял страшный взгляд свой на картину; наконец что-то подобное радости мелькнуло в его глазах, при виде как черты его ложились на полотно. Опасаясь ежеминутно за жизнь его, отец мой прежде всего решился заняться окончательною отделкою глаз. Это был предмет самый трудный, потому что чувство, в них изображавшееся, было совершенно необыкновенно и невыразимо. Около часу трудился он возле них и наконец совершенно схватил тот огонь, который уже потухал в его оригинале. С тайным удовольствием он отошел немного подалее от картины, чтобы лучше рассмотреть ее, и с ужасом отскочил от нее, увидев живые глядящие на него глаза. Непостижимый страх овладел им в такой степени, что он, швырнув палитру и краски, бросился к дверям; но страшное, почти полумертвое тело ростовщика приподнялось с своей кровати и схватило его тощею рукою, приказывая продолжать работу. Отец мой клялся и крестился, что не станет продолжать. Тогда это ужасное существо повалилось с своей кровати, так, что его кости застучали, собрало все свои силы, глаза его блеснули живостью, руки обхватили ноги моего отца и он ползая целовал полы его платья и умолял дорисовать портрет. Но отец был неумолим и дивился только силе его воли, перемогшей самое приближение смерти. Наконец отчаянный Петромихали выдвинул с необыкновенною силою из-под кровати сундук и страшная куча золота грянула к ногам моего отца; видя и тут его непреклонность, он повалился ему в ноги и целой поток заклинаний полился из его молчаливых дотоле уст. Невозможно было не чувствовать какого-то ужасного и даже, если можно сказать, отвратительного сострадания. “Добрый человек! Божий человек! Христов человек! — говорил с выражением отчаяния этот живой скелет. — Заклинаю тебя

маленькими детьми твоими, прекрасною женою, гробом отца твоего, кончи портрет с меня! еще один час только посиди за ним! Слушай, я тебе объявлю одну тайну”. При этом смертная бледность начала сильнее проступать на лице его. “Но тайны этой никому не объявляй, ни жене, ни детям твоим, а не то и ты умрешь и они умрут и все вы будете несчастны. Слушай, если ты теперь не сжалишься, то уже больше не стану просить. После смерти я должен идти к тому, к которому бы я не хотел идти. Там я должен вытерпеть муки, о каких тебе и во сне не слышалось; но я могу долго еще не идти к нему, до тех пор покуда стоит земля наша, если ты только докончишь портрет мой. Я узнал, что половина жизни моей перейдет в мой портрет, если только он будет сделан искусным живописцем. Ты видишь, что уже в глазах осталась часть жизни; она будет и во всех чертах, когда ты докончишь. И хотя тело мое гибнет, но половина жизни моей останется на земле и я убегу надолго еще от мук. Дорисуй! дорисуй! дорисуй!..” — кричало раздирающим и умирающим голосом это странное существо. Ужас еще более овладел моим отцом. Он слышал, как поднялись его волосы от этой ужасной тайны, и выронил кисть, которую было уже поднял, тронутый его мольбами. “А, так ты не хочешь дорисовать меня? — произнес хрипящим голосом Петромихали. — Так возьми же себе портрет мой: я тебе его дарю”. При сих словах что-то в роде страшного смеха выразилось на устах его; жизнь, казалось, еще раз блеснула в его чертах, и чрез минуту пред ним остался синий труп. Отец не хотел притронуться к кистям и краскам, рисовавшим эти богоотступные черты, и выбежал из комнаты.

Чтобы развлечь неприятные мысли, нанесенные этим происшествием, он долго ходил по городу и ввечеру возвратился домой. Первый предмет, попавшийся ему в мастерской его, был писанный им портрет ростовщика. Он обратился к жене, к женщине, прислуживавшей на кухне, к дворнику, но все дали решительный ответ, что никто не приносил портрета и даже не приходил во время его отсутствия. Это заставило его минуту задуматься. Он приблизился к портрету и невольно отвратил глаза свои, проникнутый отвращением к собственной работе. Он приказал его снять и вынести на чердак, но при всем том чувствовал какую-то странную тягость, присутствие таких мыслей, которых сам пугался. Но более всего поразило его, когда уже он лег в постель, следующее, почти невероятное происшествие: он видел ясно, как вошел в его комнату Петромихали и остановился перед его кроватью. Долго глядел он на него своими живыми глазами, наконец начал предлагать ему такие ужасные предложения, такое адское направление хотел дать его искусству, что отец мой с болезненным

стоном схватился с кровати, проникнутый холодным потом, нестерпимую тяжестью на душе и вместе самым пламенным негодованием. Он видел, как чудное изображение умершего Петромихали ушло в раму портрета, который висел снова перед ним на стене. Он решил в тот же день сжечь это проклятое произведение рук своих. Как только затоплен был камин, он бросил его в разгоревшийся огонь и с тайным наслаждением видел, как лопались рамы, на которых натянут был холст, как шипели еще не высохшие краски; наконец куча золы одна только осталась от его существования. И когда начала она улетать легкою пылью в трубу, казалось, как будто неясный образ Петромихали улетел вместе с нею. Он почувствовал на душе какое-то облегчение. С чувством выздоровевшего от продолжительной болезни оборотился он к углу комнаты, где висел писанный им Образ, чтобы принести чистое покаяние, и с ужасом увидел, что перед ним стоял тот же портрет Петромихали, которого глаза, казалось, еще более получили живости, так что даже дети испустили крик, взглянувши на него. Это чрезвычайно поразило моего отца. Он решил открыться во всем священнику нашего прихода и просить у него совета, как поступить в этом необыкновенном деле. Священник был рассудительной человек и кроме того преданный с теплою любовью своей должности. Он немедленно явился по первому призыву к моему отцу, которого уважал как достойнейшего прихожанина. Отец не считал даже нужным отводить его в сторону и решил тут же при матери моей и детях рассказать ему это непостижимое происшествие. Но едва только произнес он первое слово, как мать моя вдруг глухо вскрикнула и упала без чувств на пол. Лицо ее покрылось страшною бледностью, уста остались неподвижно открыты, и все черты ее исковеркались судорогами. Отец и священник подбежали к ней и с ужасом увидели, что она нечаянно проглотила десяток иголок, которые держала во рту. Пришедший доктор объявил, что это было неизлечимо: иголки остановились у нее в горле, другие прошли в желудок и во внутренность и мать моя скончалась ужасною смертью.

Это происшествие произвело сильное влияние на всю жизнь моего отца. С этого времени какая-то мрачность овладела его душою. Редко он чем-нибудь занимался, всегда почти оставался безмолвным и убегал всякого сообщества. Но между тем ужасной образ Петромихали с его живыми глазами стал преследовать его неотлучнее и часто отец мой чувствовал прилив таких отчаянных свирепых мыслей, которых невольно содрогался сам. Все то, что улегаются, как черный осадок, во глубине человека, истребляется и выгоняется воспитанием, благородными подвигами и лицезрением прекрасного, все это он

чувствовал возмущавшимся и беспрестанно силившимся выйти наружу и развиться во всем своем порочном совершенстве. Мрачное состояние души его именно было таково, чтобы заставить его ухватиться за эту черную сторону человека. Но я должен заметить, что сила характера отца моего была беспримерна; власть, которую он брал над собою и над страстями, была непостижима, его убеждения были тверже гранита, и чем сильнее было искушение, тем он более рвался противопоставить ему несокрушимую силу души своей. Наконец обессилив от этой борьбы, он решился излить и обнажить всего себя в изображении всей повести своих страданий тому же священнику, который всегда почти доставлял ему исцеление размышляющими своими речами. Это было в начале осени; день был прекрасный; солнце сияло каким-то свежим осенним светом; окна наших комнат были открыты; отец мой сидел с достойным священником в мастерской; мы играли с братом в комнате, которая была рядом с нею. Обе эти комнаты были во втором этаже, составлявшем антресоли нашего маленького дома. Дверь в мастерской была несколько растворена; я как-то нечаянно заглянул в отверстие, видел, что отец мой придвинулся ближе к священнику и услышал даже, как он сказал ему: “Наконец я открою всю эту тайну...” Вдруг мгновенный крик заставил меня оборотиться: брата моего не было. Я подошел к окну и — Боже! я никогда не могу забыть этого происшествия: на мостовой лежал облитый кровью труп моего брата. Играя, он верно как-нибудь неосторожно перегнулся чрез окошко и упал, без сомнения, головою вниз, потому что она вся была размозжена. Я никогда не позабуду этого ужасного случая. Отец мой стоял неподвижен перед окном, сложа накрест руки и подняв глаза к небу. Священник был проникнут страхом, вспомнив об ужасной смерти моей матери, и сам требовал от отца моего, чтобы он хранил эту ужасную тайну.

После этого отец мой отдал меня в Корпус, где я провел все время своего воспитания, а сам удалился в монастырь одного уединенного городка, окруженного пустынею, где бедный север уже представлял только дикую природу, и торжественно принял сан монашеский. Все тяжкие обязанности этого звания он нес с такою покорностью и смирением, всю труженическую жизнь свою он вел с таким смирением, соединенным с энтузиазмом и пламенем веры, что по-видимому преступное не имело воли коснуться к нему. Но страшный им же начертанный образ с живыми глазами преследовал его и в этом почти гробовом уединении. Игумен, узнавши о необыкновенном таланте отца моего в живописи, поручил ему украсить церковь некоторыми образами. Нужно было видеть, с каким высоким религиозным

смирением трудился он над своею работою, в строгом посте и молитве, в глубоком размышлении и уединении души приуготовлялся он к своему подвигу. Неотлучно проводил ночи над своими священными изображениями, и оттого, может быть, редко найдете вы произведений даже значительных художников, которые носили бы на себе печать таких истинно христианских чувств и мыслей. В его праведниках было такое небесное спокойствие, в его кающихся такое душевное сокрушение, какие я очень редко встречал даже в картинах известных художников. Наконец все мысли и желание его устремились к тому, чтобы изобразить Божественную Матерь, кротко простирающую руки над молящимся народом. Над этим произведением трудился он с таким самоотвержением и с таким забвением себя и всего мира, что часть спокойствия, разлитого его кистью в чертах божественной покровительницы мира, казалось, перешла в собственную его душу. По крайней мере страшный образ ростовщика перестал навещать его и портрет пропал неизвестно куда.

Между тем воспитание мое в Корпусе окончилось. Я был выпущен офицером, но, к величайшему сожалению, обстоятельства не позволили мне видеть моего отца. Нас отправили тогда же в действующую армию, которая по поводу объявленной войны турками находилась на границе. Не буду надоедать вам рассказами о жизни, проведенной мною среди походов, бивак и жарких схваток; довольно сказать, что труды, опасности и жаркий климат изменили меня совершенно, так, что знавшие меня прежде не узнавали вовсе. Загоревшее лицо, огромные усы и хриплый крикливый голос придали мне совершенно другую физиогномию. Я был весельчак, не думал о завтрашнем, любил выпорожнить лишнюю бутылку с товарищем, болтать вздор с смазливенькими девчонками, отпустить спроста глупость, словом, был военный беспечный человек. Однако ж как только окончилась кампания, я почел первым долгом навестить отца.

Когда подъехал я к уединенному монастырю, мною овладело странное чувство, какого прежде я никогда не испытывал, я чувствовал, что я еще связан с одним существом, что есть еще что-то неполное в моем состоянии. Уединенный монастырь посреди природы, бледной, обнаженной, навел на меня какое-то пиитическое забвение и дал странное, неопределенное направление моим мыслям, какое обыкновенно мы чувствуем в глубокую осень, когда листья шумят под нашими ногами, над головами ни листа, черные ветви сквозят редкою сетью, вороны каркают в далекой вышине и мы невольно ускоряем свой шаг, как бы стараясь собрать рассеявшиеся мысли. Множество

деревянных почерневших пристроек окружали каменное строение. Я вступил под длинные, местами прогнившие, позеленевшие мохом галереи, находившиеся вокруг келий, и спросил монаха отца Григория. Это было имя, которое отец мой принял по вступлении в монашеское звание. Мне указали его келью. Никогда не позабуду произведенного им на меня впечатления. Я увидел старца, на бледном изнуренном лице которого не присутствовало, казалось, ни одной черты, ни одной мысли о земном. Глаза его, привыкшие быть устремленными к небу, получили тот бесстрастный, проникнутый нездешним огнем вид, который в минуту только вдохновения осеняет художника. Он сидел передо мною неподвижно как святой, глядящий с полотна, на которое перенесла его рука художника, на молящийся народ; он, казалось, вовсе не заметил меня, хотя глаза его были обращены к той стороне, откуда я вошел к нему. Я не хотел еще открыться и потому попросил у него просто благословения как путешествующий молещик, но каково было мое удивление, когда он произнес: “Здравствуй, сын мой, Леон!” Меня это изумило: я десяти лет еще расстался с ним; притом меня не узнавали даже те, которые меня видели не так давно. “Я знал, что ты ко мне придешь, — продолжал он. — Я просил об этом Пречистую Деву и Св. Угодника и ожидал тебя с часу на час, потому что чувствую близкую кончину и хочу тебе открыть важную тайну. Пойдем, сын мой, со мною и прежде помолимся!” Мы вошли в церковь, и он подвел меня к большой картине, изображавшей Божию Матерь, благословляющую народ. Я был поражен глубоким выражением божественности в Ее лице. Долго лежал он повергшись перед изображением и наконец после долгого молчания и размышления вышел вместе со мною.

После того отец мой рассказал мне все то, что вы сейчас от меня слышали. В истину его я верил потому, что сам был свидетелем многих печальных случаев нашей жизни. “Теперь я расскажу тебе, сын мой, — прибавил он после этой истории, — то, что мне открыл виденный мною святой, не узнанный среди многолюдного народа никем, кроме меня, которого милосердый Создатель сподобил такой неизглаженной своей благодати”. При этом отец мой сложил руки и устремил глаза к небу, весь отданный Ему всем своим бытием. И я наконец услышал то, что сейчас готовлюсь рассказать вам. Вы не должны удивляться странности его речей: я увидел, что он находился в том состоянии души, которое овладевает человеком, когда он испытывает сильные, нестерпимые несчастья; когда, желая собрать всю силу, всю железную силу души и не находя ее довольно мощною, весь повергается в религию; и чем сильнее гнет его несчастий, тем пламен-

нее его духовные созерцания и молитвы. Он уже не походит на того тихого размышляющего отшельника, который как к желанной пристани причалил к своей пустыне с желанием отдохнуть от жизни и с христианским смирением молиться Тому, к Которому он стал ближе и доступнее; напротив того, он становится чем-то исполинским. В нем не угаснул пыл души, но, напротив, стремится и вырывается с большею силою. Он тогда весь обратился в религиозный пламень. Его голова вечно наполнена чудными снами. Он видит на каждом шагу видения и слышит откровения; мысли его раскалены; глаз его уже не видит ничего принадлежащего земле; все движения, следствия вечного устремления к одному, исполнены энтузиазма. Я с первого раза заметил в нем это состояние и упоминаю о нем потому, чтобы вам не казались слишком удивительными те речи, которые я от него услышал. “Сын мой, — сказал он мне после долгого, почти неподвижного устремления глаз своих к небу. — Уже скоро, скоро приблизится то время, когда искуситель рода человеческого, Антихрист, народится в мир. Ужасно будет это время: оно будет перед концом мира. Он промчится на коне-гиганте, и великие потерпят муки те, которые останутся верными Христу. Слушай, сын мой: уже давно хочет народиться Антихрист, но не может, потому что должен родиться сверхъестественным образом; а в мире нашем все устроено Всемогущим так, что совершается все в естественном порядке, и потому ему никакие силы, сын мой, не помогут прорваться в мир. Но земля наша прах пред Создателем. Она по Его законам должна разрушаться и с каждым днем законы природы будут становиться слабее и оттого границы, удерживающие сверхъестественное, приступнее. Он уже и теперь нарождается, но только некоторая часть его порывается показаться в мир. Он избирает для себя жилищем самого человека и показывается в тех людях, от которых уже, кажется, при самом рождении отшатнулся ангел и они заклеены страшною ненавистью к людям и ко всему, что есть создание Творца. Таков-то был тот дивный ростовщик, которого дерзнул я, окаянный, изобразить преступною своею кистью. Это он, сын мой, это был сам Антихрист. Если бы моя преступная рука не дерзнула его изобразить, он бы удался и исчезнул, потому что не мог жить долее того тела, в котором заключил себя. В этих отвратительных живых глазах удержалось бесовское чувство. Дивись, сын мой, ужасному могуществу беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение художника. Бесчисленны будут жертвы этого адского духа, живущего невидимо без образа на земле. Это тот черный дух, который врывается к нам даже в минуту самых чистых и святых

помышлений. О, если бы моя кисть не остановила своей адской работы, он бы еще более наделал зла, и нет сил человеческих противустать ему. Потому, что он именно выбирает то время, когда величайшие несчастья постигают нас. Горе, сын мой, бедному человечеству! Но слушай, что мне открыла в час святого видения сама Божия Матерь. Когда я трудился над изображением Пречистого лика Девы Марии, лил слезы покаяния о моей протекшей жизни и долго пребывал в посте и молитве, чтобы быть достойнее изобразить божественные черты Ее, я был посещен, сын мой, вдохновением, я чувствовал, что высшая сила осенила меня и ангел возносил мою грешную руку, я чувствовал, как шевелились на мне волосы мои и душа вся трепетала. О сын мой! за эту минуту я бы тысячи взял мук на себя. И я сам дивился тому, что изобразила кисть моя. Тогда же предстал мне во сне Пречистый лик Девы — и я узнал, что в награду моих трудов и молитв сверхъестественное существование этого демона в портрете будет не вечно, что если кто торжественно объявит его историю по истечении пятидесяти лет в первое новолуние, то сила его погаснет и рассеется яко прах и что я могу тебе передать это перед моею смертью. Уже тридцать лет, как он с того времени живет; двадцать впереди, помолимся, сын мой!” При этом он повергнулся на колени и весь превратился в молитву. Признаюсь, я внутренне все эти слова приписывал распаленному его воображению, воздвигнутому беспрестанным постом и молитвами, и потому из уважения не хотел делать какого-нибудь замечания или соображения. Но когда я увидел, как он поднял к небу иссохшие свои руки, с каким глубоким сокрушением молчал он, уничтоженный в себе самом, с каким невыразимым умилением молил о тех, которые не в силах были противиться адскому обольстителю и погубили все возвышенное души своей, с какою пламенной скорбью простерся он, и по лицу его лились говорящие слезы, и во всех чертах его выразилось одно безмолвное рыдание, — о! тогда я не в силах был предаться холодному размышлению и разбирать слова его. Несколько лет прошло после его смерти. Я не верил этой истории и даже мало думал о ней; но никогда не мог ее никому пересказать. Я не знаю, отчего это было, но только я чувствовал всегда что-то удерживавшее меня от того. Сегодня без всякой цели зашел я на аукцион и в первой раз рассказал историю этого необыкновенного портрета — так что я невольно начинаю думать, не сегодня ли то новолуние, о котором говорил отец мой, потому что действительно с того времени прошло уже 20 лет».

Тут рассказывавший остановился и слушатели, внимавшие ему с неразвлекаемым участием, невольно обратили глаза свои к странному

портрету и, к удивлению своему, заметили, что глаза его вовсе не сохраняли той странной живости, которая так поразила их сначала. Удивление еще более увеличилось, когда черты странного изображения почти нечувствительно начали исчезать, как исчезает дыхание с чистой стали. Что-то мутное осталось на полотне. И когда подошли к нему ближе, то увидели какой-то незначащий пейзаж. Так что посетители, уже уходя, долго недоумевали, действительно ли они видели таинственный портрет, или это была мечта и представилась мгновенно глазам, утружденным долгим рассматриванием старинных картин.

ВЗГЛЯД НА СОСТАВЛЕНИЕ МАЛОРОССИИ*

I. Какое ужасно-ничтожное время представляет для России XIII век! Сотни мелких государств единоверных, одноплеменных, одноязычных, означенных одним общим характером, и которых, казалось, против воли соединяло родство, — эти мелкие государства так были между собою разъединены, как редко случается с разнохарактерными народами. Они были разъединены не ненавистью, сильные страсти не досягали сюда, ни постоянною политикою — следствием непреклонного ума и познания жизни. Это был хаос браней за временное, за минутное, браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманнских князьях. Религия, которая более всего связывает и образует народы, мало на них действовала. Религия не срослась тогда тесно с законами, с жизнью. Монахи, настоятели, даже митрополиты были схимники, удалившиеся в свои кельи и закрывшие глаза для мира; молившиеся за всех, но не знавшие, как схватить с помощью своего сильного оружия, веры, власть над народом и возжечь этой верой пламень и ревность до энтузиазма, который один властен соединить младенчествующие народы и настроить их к великому. Здесь была совершенная противоположность Западу, где самодержавный папа, как будто невидимую паутину, опутал всю Европу своею религиозною властью, где его могущественное слово прекращало брань или возжигало ее, где угроза страшного проклятия обуздывала страсти и полудикие народы. Здесь монастыри были убежищем тех людей, которые кротостью и незлобием составляли исключение из общего характера и века. Изредка пастыри из пещер и монастырей увещали удельных князей; но их увещания были напрасны: князья умели только

* Эскиз этот составлял введение к Истории Малороссии; но так как вся первая часть Истории Малороссии переделана вовсе, то он остался заштатным и помещается здесь как совершенно отдельная статья. —

поститься и строить церкви, думая, что исполняют этим все обязанности христианской религии, а не умели считать ее законом и покоряться ее велениям. Самые ничтожные причины рождали между ими бесконечные войны. Это были не споры королей с вассалами или вассалов с вассалами, — нет! это были брани между родственниками, между родными братьями, между отцом и детьми. Не ненависть, не сильная страсть воздымала их — нет! брат брата резал за клочок земли или просто чтобы показать удаливость. Пример ужасный для народа! Родство рушилось, потому что жители двух соседних уделов, родственники между собою, готовы были каждую минуту восстать друг против друга с яростью волков. Их не подвигала на это наследственная вражда, потому что кто был сегодня друг, тот завтра делался неприятелем. Народ приобрел хладнокровное зверство, потому что он резал, сам не зная за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство, ни фанатизм, ни суеверие, ни даже предрассудок. Оттого, казалось, умерли в нем почти все человеческие сильные благородные страсти, и если бы явился какой-нибудь гений, который бы захотел тогда с этим народом совершить великое, он бы не нашел в нем ни одной струны, за которую бы мог ухватиться и потрясти бесчувственной состав его, выключая разве физической, железной силы. Тогда история, казалось, застыла и превратилась в географию: однообразная жизнь, шевелившаяся в частях и неподвижная в целом, могла почтяться географическою принадлежностью страны.

II. Тогда случилось дивное происшествие. Из Азии, из средины ее, из степей, выбросивших столько народов в Европу, поднялся самый страшный, самый многочисленный, совершивший столько завоеваний, сколько до него не производил никто. Ужасные монголы, с многочисленными, никогда дотеле не виданными Европою табунами, кочевыми кибитками, хлынули на Россию, осветивши путь свой пламенем и пожарами — прямо азиатским буйным наслаждением. Это нашествие наложило на Россию двухвековое рабство и скрыло ее от Европы. Было ли оно спасением для нее, сберегши ее для независимости, потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей, или оно было наказанием за те беспрерывные брани, как бы то ни было, но это страшное событие произвело великие следствия: оно наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в Южной России, которого вся жизнь была борьба и которого историю я взялся представить.

III. Южная Россия более всего пострадала от татар. Выжженные города и степи, обгорелые леса, древний, разрушенный Киев, безлюдье

и пустыня — вот что представляла эта несчастная страна! Испуганные жители разбежались или в Польшу, или в Литву; множество бояр и князей выехало в Северную Россию. Еще прежде народонаселение начало заметно уменьшаться в этой стороне. Киев давно уже не был столицею; значительные владения были гораздо севернее. Народ, как бы понимая сам свою ничтожность, оставлял те места, где разнovidная природа начинает становиться изобретательницею; где она раскинула степи прекрасные, вольные, с бесчисленным множеством трав почти гигантского роста, часто неожиданно среди них опрокинула косогор, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рытвину всю в цветах и по всем выющимся лентам рек разбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днепр с ненасытными порогами, с величественными гористыми берегами и неизмеримыми лугами, и все это согрела умеренным дыханием Юга. Он оставлял эти места и столплялся в той части России, где местоположение, однообразно-гладкое и ровное, везде почти болотистое, истыканное печальными елями и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движения, но какое-то прозябение, поражающее душу мыслящего. — Как будто бы этим подтвердилось правило, что только народ сильный жизнью и характером ищет мощных местоположений или что только смелые и поразительные местоположения образуют смелый, страстный, характерный народ.

IV. Когда первый страх прошел, тогда мало-помалу выходцы из Польши, Литвы, России начали селиться в этой земле, настоящей отчизне славян, земле древних полян, северян, чистых славянских племен, которые в Великой России начинали уже смешиваться с народами финскими, но здесь сохранялись в прежней целности со всеми языческими поверьями, детскими предрассудками, песнями, сказками, славянской мифологией, так простодушно у них смешавшейся с христианством. Возвращавшиеся на свои места прежние жители привели по следам своим и выходцев из других земель, с которыми от долговременного пребывания составили связи. Это население производилось боязненно и робко, потому что ужасный кочевой народ был не за горами: их разделяли или, лучше сказать, соединяли одни степи. Несмотря на пестроту населения, здесь не было тех браней междоусобных, которые не переставали во глубине России: опасность со всех сторон не давала возможности заняться ими. Киев — древняя мать городов русских, — сильно разрушенный страшными обладателями табунов, долго оставался беден и едва ли мог сравниться со многими, даже не слишком значительными городами Северной России. Все оставили его, даже монахи-летописцы, для

которых он всегда был священ. Известия о нем разом прервались, и несмотря на то, что там оставалась еще отрасль князей русских, ничто не спасло его от полувекового забвения. Изредка только, как будто сквозь сон, говорят летописцы, что он был страшно разорен, что в нем были ханские баскаки, — и потом он от них задержался как бы непроницаемою завесю.

V. Между тем как Россия была повергнута татарами в бездействие и оцепенение, великий язычник Гедимин вывел на сцену тогдашней истории новый народ, народ бедный и жизнью и средствами для жизни, населявший дикие сосновые леса нынешней Белоруссии, еще носивший звериную кожу вместо одежды, еще боготворивший Перуна и поклонявшийся древнему огню в не троганных топором рощах, плативший прежде дань русским князьям, известный под именем литовцев. И этот народ при своем князе Гедимине сделался самым видным на огромном Северо-Востоке Европы! Тогда города, княжества и народы на Западе России были какие-то отрывки, обрезки, оставшиеся за гранью татарского порабощения. Они не составляли ничего целого, и потому литовский завоеватель почти одним движением языческих войск своих, совершенно созданных им, подверг своей власти весь промежуток между Польшей и татарской Россией. Потом двинул он войска свои на юг, во владения вольных князей. Весьма естественно, что успех сопровождал его везде. В Луцке однако ж князь Лев сильно сопротивлялся, но не в силах был отстоять землю своих. Гедимин, назначив старост и начальников, шел далее на юг, к самому сердцу Южной России, к Киеву. Убежавший луцкий князь Лев успел кое-как уговорить киевского князя Станислава выйти с своими немногочисленными дружинами навстречу грозному победителю: дружины были усилены союзниками татарами; но все бежало перед мощным литовцем. Гедимин, сильно поразив их при реке Ирпени, вступил с торжеством в Киев, носивший на себе свежую печать татарского посещения, и постановил в нем правителем князя Миндова ольшанского, принявшего греческую веру. И так литовский завоеватель у самых татар вырвал почти перед глазами их находившуюся землю! Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами, но Гедимин был человек ума крепкого, был политик, несмотря на видимую свою дикость и свое невежественное время. Он умел сохранить дружбу с татарами, владея отнятыми у них землями и не платя никакой дани. Этот дикий политик, не знавший письма и поклонявшийся языческому богу, ни у одного из покоренных им народов не изменил обычаев и древнего правления; все оставил по-прежнему, подтвердил все привилегии и старшинам строго

приказал уважать народные права; нигде даже не означил пути своего опустошением. Совершенная ничтожность окружавших его народов и прямо исторических лиц придают ему какой-то исполинской размер. Он умер в 1340 году; мертвый был посажен на коня с своим оруженосцем, с охотничьими собаками, соколами, и сожжен по языческому обычаю литовцев. Вслед за ним такие же два сильные характера, Ольгерд и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику с присоединенными народами.

VI. И вот Южная Россия, под могущественным покровительством литовских князей, совершенно отделилась от Северной. Всякая связь между ими разорвалась; составились два государства, называвшиеся одинаким именем — Русью. Одно под татарским игом, другое под одним скипетром с литовцами. Но уже сношений между ими не было. Другие законы, другие обычаи, другая цель, другие связи, другие подвиги составили на время два совершенно различные характера. Каким образом это произошло, составляет цель нашей истории. Но прежде всего нужно бросить взгляд на географическое положение этой страны, что непременно должно предшествовать всему, ибо от вида земли зависит образ жизни и даже характер народа. Многое в истории разрешает география.

Эта земля, получившая после название Украины, простирающаяся на север не далее 50° широты, более ровна, нежели гориста. Небольшие возвышенности встречаются очень часто, но ни одной гористой цепи. Северная ее часть перемежается лесами, содержавшими прежде в себе целые шайки медведей и диких кабанов; южная вся открыта, вся из степей, кипевших плодородием, но только изредка засевавшихся хлебом. Девственная и могучая почва их своевольно произращала бесчисленное множество трав. Эти степи кипели стадами сайг, оленей и диких лошадей, бродивших табунами. С севера на юг проходит великий Днепр, опутанный ветвями впадающих в него рек. Правой берег его горист и представляет пленительные и вместе дерзкие местоположения; левый весь из лугов, покрытых рощами, потоплявшимися водою. Двенадцать порогов — выросших из dna реки скал, недалеко от впадения его в море, преграждают течение и делают плавание по нем чрезвычайно опасным. Около порогов водился род диких коз *сугаки*, с белыми, лоснящимися рогами, с мягкою, (а)тласною шерстью. Прежде воды в Днепре были выше, разливался он шире и далее потоплял луга свои. Когда воды начинают опадать, тогда вид поразителен: все возвышенности выходят и кажутся бесчисленными зелеными островами среди необозримого океана воды. В Днепр впадает только одна судоходная река, Десна, проходящая в

Северной Украине, с лесистыми берегами, почти с обеих сторон потопляемыми водою; но и эта река только в некоторых местах судоходна. Кроме того на севере Остер и часть Сейма, на юге Сула, Псел, с цепью видов, Хорол и другие; но ни одна из них не судоходна. Сообщения никакого нет; произведения не могли взаимно размениваться — и потому здесь не мог и возникнуть торговый народ. Все реки разветвляются посередине; ни одна из них не протекала на рубеже и не служила естественною гранью с соседственными народами. К северу ли с Россией, к востоку ли с кипчакскими татарами, к югу ли с крымскими, к западу ли с Польшей — везде она граничила полем, везде равнина, со всех сторон открытое место. Будь хотя с одной стороны естественная граница из гор или моря — и народ, поселившийся здесь, удержал бы политическое бытие свое, составил бы отдельное государство. Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошений и набегов, местом, где сшибались три враждующие нации, унавожена костями, утучнена кровью. Один татарский наезд разрушал весь труд земледельца: луга и нивы были вытаптываемы конями и выжигаемы, легкие жилища сносимы до основания, обитатели разгоняемы или угоняемы в плен вместе с скотом. Это была земля страха; и потому в ней мог образоваться только народ воинственный, сильный своим соединением, народ отчаянный, которого вся жизнь была бы повита и взлелеяна войною. И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей — татар и турков. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю Украину, сделавший чудо — превративший мирные славянские поколения в воинственные, известный под именем козаков, народ, составляющий одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это опустошительное разлитие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу.

VII. Если не к концу XIII, то к началу XIV века можно отнести появление козачества, к тем векам, когда святая, сильная ревность к религии еще не остыла в Европе, когда почти вдруг во всех концах беспрестанно образовывались братства и ордена рыцарские, составлявшие странную противоположность с тогдашним разъединением, с изумительным самоотвержением разрушившие и отвергнувшие условия обыкновенной жизни, безбрачные, суровые, неотразимые согла-

датаи дел мира, железные поборники веры Христовой. Чем слабее была связь тогдашних государств, тем сильнее росла ужасная сила этих обществ. Разлитие магометанства и магометанских новых сильных народов, уже врывавшихся в Европу, увеличивало их еще более. Дух этих братств распространился везде и не между рыцарями и не для подобных предназначений. В это время явился близ порогов городок или острог Черкасы, построенный удалыми выходцами, имя которого звучит обитателями Кавказа, которого даже построение многие приписывают им и где было главное сборище и местопребывание козаков. Вначале частые нападения татар на северную часть Украины заставляли жителей спасаться бегством, приставать к козакам и увеличивать их общество. Это было пестрое сборище самых отчаянных людей пограничных наций. Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший от деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин, может быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днепра, впоследствии постановившему целью, подобно орденским рыцарям, вечную войну с неверными. Это скопище людей не имело никаких укреплений, ни одного замка. Землянки, пещеры и тайники в днепровских утесах, часто над водою, на днепровских островах, в гуще степной травы, служили им укрытием для себя и для награбленных богатств. Гнездо этих хищников было невидимо; они налетали внезапно и, схвативши добычу, возвращались назад. Они поворотили против татар их же образ войны, те же азиатские набеги. Как жизнь их определена была на вечный страх, так точно с своей стороны они решились быть страхом для соседей. Татары и турки должны были всякой час ожидать этих неумолимых обитателей порогов. Магометанский сосед не знал, как назвать этот ненавистный народ. Если кто хотел к кому выразить величайшее презрение, то называл его козаком.

VIII. Большая часть этого общества состояла однако ж из первобытных, коренных обитателей Южной России. Доказательство в языке, который, несмотря на принятие множества татарских и польских слов, имел всегда чисто славянскую южную физиономию, приближавшую его к тогдашнему русскому, и в вере, которая всегда была греческая. Всякой имел полную волю приставать к этому обществу, но он должен был непременно принять греческую религию. Это общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников; но, бросивши взгляд глубже, можно было увидеть в нем зародыш политического тела, основание характерного народа, уже в начале имевшего одну главную цель — воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей. Это однако ж не были строгие рыцари като-

лические: они не налагали на себя никаких обетов, никаких постов; не обуздывали себя воздержанием и умерщвлением плоти; были неукротимы, как их днепровские пороги, и в своих неистовых пиршествах и бражничестве позабывали весь мир. То же тесное братство, которое сохраняется в разбойничьих шайках, связывало их между собою. Все было у них общее — вино, цехины, жилища. Вечный страх, вечная опасность внушали им какое-то презрение к жизни. Козак больше заботился о доброй мере вина, нежели о своей участи. Но в нападениях видна была вся гибкость, вся сметливость ума, все умение пользоваться обстоятельствами. Нужно было видеть этого обитателя порогов в полутатарском, полупольском костюме, на котором так резко отпечаталась пограничность земли, азиатски мчавшегося на коне, пропадавшего в густой траве, бросавшегося с быстротою тигра из неприметных тайников своих или вылезавшего внезапно из реки или болота, обвешанного тиною и грязью, казавшегося страшилищем бегущему татарину. Этот же самый козак после набега, когда гулял и бражничал с своими товарищами, сорил и разбрасывал награбленные сокровища, был бессмысленно пьян и беспечен до нового набега, если только не предупреждали их татары, не разгоняли их пьяных и беспечных и не разрывали до основания городка их, который, как будто чудом, строился вновь, и опустошительный ужасный набег был отпущением. После чего снова та же беспечность, та же разгульная жизнь.

IX. Казалось, существование этого народа было вечно. Он никогда не уменьшался: выбывшие, убитые, потонувшие заменялись новыми. Такая разгульная жизнь приманивала всякого. Тогда было то поэтическое время, когда все добывалось саблею; когда каждый в свою очередь стремился быть действующим лицом, а не зрителем. Это скопление мало-помалу получило совершенно один общий характер и национальность, и чем ближе к концу XV века, тем более увеличивалось приходящими вновь. Наконец целые деревни и села начали поселяться с домами и семействами около этого грозного оплота, чтобы пользоваться его защитой, с условием за то некоторых повинностей. И таким образом места около Киева начали пустеть, а между тем по ту сторону Днестра люднели. Семейные и женатые мало-помалу от обращения и сношения с ними получали тот же воинственный характер. Сабля и плуг сдружились между собою и были у всякого селянина. Между тем разгульные холостяки вместе с червонцами, цехинами и лошадьми стали похищать татарских жен и дочерей и жениться на них. От этого смешения черты лица их, вначале разнохарактерные, получили одну общую

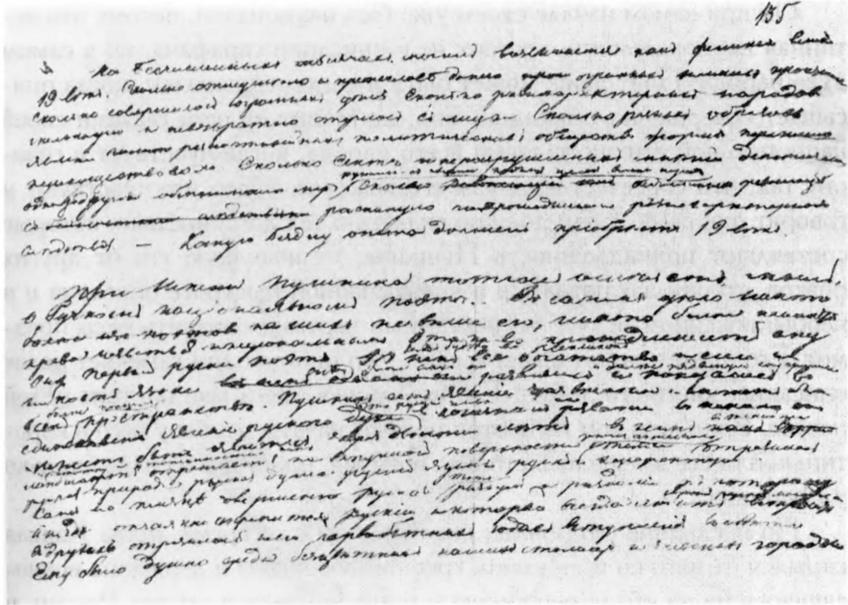
физиогномию, более азиатскую. И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование.

1832

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПУШКИНЕ

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное; и, может быть, единственное явление русского духа. Это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русской язык, русской характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Самая его жизнь совершенно русская. Тот же разгул и раздолье, к которому иногда позабывшись стремится русской и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет. — Судьба как нарочно забросила его туда, где границы России отличаются резкою, величавою характерностью; где гладкая неизмеримость России прерывается подоблачными горами и обвеивается югом. Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, среди знойных долин, поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях. Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набеги; и с этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию. Рисует ли он боевую схватку чеченца с казаком — слог его молния; он так же блещет, как сверкающие сабли, и летит быстрее самой битвы. Он один только певец Кавказа: он влюблен в него всею душою и чувствами; он проникнут и напитан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии и великолепными крымскими ночами и садами. Может быть, оттого и в своих творени-

Лист «тетради Тарновских» с отрывком «На бесчисленных тысячах могил»; ниже начало статьи «Несколько слов о Пушкине», черновой автограф. Российская государственная библиотека. Москва

ях он жарче и пламеннее там, где душа его коснулась Юга. На них он невольно означил всю силу свою, и оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его. Смелое более всего доступно, сильнее и просторнее раздвигает душу, а особливо юности, которая вся еще жаждет одного необыкновенного. Ни один поэт в России не имел такой завидной участи, как Пушкин. Ничья слава не распространялась так быстро. Все кстати и некстати считали обязанностью проговорить, а иногда исковеркать какие-нибудь ярко сверкающие отрывки его поэм. Его имя уже имело в себе что-то электрическое, и стоило только кому-нибудь из досужих марателей выставить его на своем творении, уже оно расходилось повсюду*.

* Под именем Пушкина рассенвалось множество самых нелепых стихов. Это обыкновенная участь таланта, пользующегося сильною известностью. — Это вначале смешит, но после бывает досадно, когда наконец выходишь из молодости и видишь эти глупости не прекращающимися. Таким образом начали наконец Пушкину приписывать: Лекарство от холеры, Первую ночь и тому подобные.

Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами. Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означить весь предмет. Его эпитет так отчетлив и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает. Его небольшая пьеса всегда стоит целой поэмы. Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина.

Но последние его поэмы, писанные им в то время, когда Кавказ скрылся от него со всем своим грозным величием и державно возносящуюся из-за облак вершиною и он погрузился в сердце России, в ее обыкновенные равнины, предался глубже исследованию жизни и нравов своих соотечественников и захотел быть вполне национальным поэтом, — его поэмы уже не всех поразили тою яркостью и ослепительной смелостью, какими дышит у него все, где ни являются Эльбрус, горцы, Крым и Грузия.

Явление это, кажется, не так трудно разрешить. Будучи поражены смелостью его кисти и волшебством картин, все читатели его, образованные и необразованные, требовали наперерыв, чтобы отечественные и исторические происшествия сделались предметом его поэзии, позабывая, что нельзя теми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить более спокойный и гораздо менее исполненный страстей быт русской. Масса публики, представляющая в лице своем нацию, очень странна в своих желаниях; она кричит: изобрази нас так, как мы есть, в совершенной истине, представь дела наших предков в таком виде, как они были. Но попробуй поэт, послушный ее велению, изобразить все в совершенной истине и так, как было, она тотчас заговорит: это вяло, это слабо, это не хорошо, это нимало не похоже на то, что было. Масса народа похожа в этом случае на женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий, но горе ему, если он не умел скрыть всех ее недостатков. Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частью был

Пушкин рукою Гоголя. 1837 г.

бесцветен; разнообразие страстей ему мало было известно. Поэт не виноват; но и в народе тоже весьма извинительное чувство придать больший размер делам своих предков. Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слог, дать силу бессильному, говорить с жаром о том, что само в себе не сохраняет сильного жара, тогда толпа почитателей, толпа народа на его стороне, а вместе с ним и деньги; или быть верну одной истине, быть высоким там, где высок предмет, быть резким и смелым, где истинно резкое и смелое, быть спокойным и тихим, где не кипит происшествие. Но в этом случае прощай толпа! ее не будет у него, разве когда самый предмет, изображаемый им, уже так велик и резок, что не может не произвести всеобщего энтузиазма. Первого средства не избрал поэт, потому что хотел остаться поэтом и потому, что у всякого, кто только чувствует

в себе искру святого призвания, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талант таким средством. Никто не станет спорить, что дикий горец в своем воинственном костюме, вольный как воля, сам себе и судия и господин, гораздо ярче какого-нибудь заседателя, и несмотря на то, что он зарезал своего врага, притаясь в ущельи, или выжег целую деревню, однако же он более поражает, сильнее возбуждает в нас участие, нежели наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом посредством справок и выправок пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ. — Но тот и другой, они оба явления принадлежащие к нашему миру: они оба должны иметь право на наше внимание, хотя по естественной причине то, что мы реже видим, всегда сильнее поражает наше воображение, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего кроме нерасчет поэта, нерасчет перед его многочисленную публику, а не перед собою. Он ничуть не теряет своего достоинства, даже, может быть, еще более приобретает его, но только в глазах немногих истинных ценителей. Мне пришло на память одно происшествие из моего детства. Я всегда чувствовал маленькую страсть к живописи. Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево. Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи мои были окружные соседи. Один из них, взглянув на картину, покачал головою и сказал: хороший живописец выбирает дерево рослое, хорошее, на котором бы и листья были свежие, хорошо растущее, а не сухое. В детстве мне казалось досадно слышать такой суд, но после я из него извлек мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпе. Сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и беспорывны, как русская природа. Их только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять не блестящие с виду русские песни и русский дух. Потому что чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочим совершенная истина. По справедливости ли оценены последние его поэмы? Определил ли, понял ли кто Бориса Годунова, это высокое, глубокое произведение, заключенное во внутренней неприступной поэзии, отвергнувшее всякое грубое пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа? — по крайней мере печатно нигде не произнеслась им верная оценка и они остались донныне нетронуты.

В мелких своих сочинениях, этой прелестной антологии, Пушкин разносторонен необыкновенно и является еще обширнее, виднее, нежели в поэмах. Некоторые из этих мелких сочинений так резко-ослепительны, что их способен понимать всякой, но зато большая часть из них и притом самых лучших кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобы быть доступною понимать их, нужно иметь слишком тонкое обоняние. Нужен вкус выше того, который может понимать только одни слишком резкие и крупные черты. Для этого нужно быть в некотором отношении сибаритом, который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ест птичку не более наперстка и услаждается таким блюдом, которого вкус кажется совсем неопределенным, странным, без всякой приятности привыкшему глотать изделия крепостного повара. Это собрание его мелких стихотворений — ряд самых ослепительных картин. Это тот ясный мир, который так дышит чертами, знакомыми одним древним, в котором природа выражается так же живо, как в струе какой-нибудь серебряной реки, в котором быстро и ярко мелькают ослепительные плечи, или белые руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темных кудрей, или прозрачные гроздия винограда, или мирты и древесная сень, созданные для жизни. Тут все: и наслаждение, и простота, и мгновенная высота мысли, вдруг объемлющая священным холодом вдохновения читателя. Здесь нет этого каскада красноречия, увлекающего только многословием, в котором каждая фраза потому только сильна, что соединяется с другими, и оглушает падением всей массы, но если отделить ее, она становится слабою и бессильною. Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия; никакого наружного блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; все лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов не много, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт. Отсюда происходит то, что эти мелкие сочинения перечитываешь несколько раз, тогда как достоинства этого не имеет сочинение, в котором слишком просвечивает одна главная идея.

Мне всегда было странно слышать суждения об них многих, слывающих знатоками и литераторами, которым я более доверял, покамест еще не слышал их толков об этом предмете. Эти мелкие сочинения можно назвать пробным камнем, на котором можно испытывать вкус и эстетическое чувство разбирающего их критика. Непостижимое дело! казалось, как бы им не быть доступными всем! Они так просто-возвышенны, так ярки, так пламенны, так сладо-

страстны и вместе так детски чисты. Как бы не понимать их! Но увы! это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы и наконец так становится тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных ценителей.

1832

ОБ АРХИТЕКТУРЕ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, непрерывно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величеством рисунка, или своевольною дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротой украшений. Невольно втесняется мысль: неужели прошел невозвратно век архитектуры? Неужели величие и гениальность больше не посетят нас, или они принадлежность народов юных, полных одного энтузиазма и энергии и чуждых усыпляющей бесстрастной образованности? Отчего же те народы, перед которыми мы так самодовольно гордимся, которым едва даем место в истории мира, отчего же они так возвышаются перед нами созданиями своего темного, не освещенного дробью познаний, ума? Отчего же колоссальные памятники индусов так величавы и неизмеримы, отчего аравийские так роскошны и очаровательны? отчего у нас в Европе в Средние века так много воздвиглось их в изумительном величии?

Не хотелось бы убедиться в этой грустной мысли, но все говорит, что она истинна. Они прошли, те века, когда вера, пламенная, жаркая вера устремляла все мысли, все умы, все действия к одному, когда художник выше и выше стремился вознести создание свое к небу, к нему одному рвался и пред ним, почти в виду его, благоговенно подымал молящуюся свою руку. Здание его летело к небу; узкие окна, столпы, своды тянулись нескончаемо в вышину; прозрачный, почти кружевной шпиг, как дым, сквозил над ними, и величественный храм так бывал велик, как велики требования души нашей перед требованиями тела.

Была архитектура необыкновенная, христианская, национальная для Европы — и мы ее оставили; забыли, как будто чужую, пренебрегли, как неуклюжую и варварскую. Не удивительно ли, что три века протекло и Европа, которая жадно бросалась на все, алчно перенимала все чужое, удивлялась чудесам древним, римским и византийским, или уродовала их по своим формам, Европа не

знала, что среди ее находятся чуда, перед которыми было ничто все ею виденное, что в недрах ее находятся Миланский и Кельнский соборы и еще донныне чернеют кирпичи недоконченной башни Стразбургского мюнстера.

Готическая архитектура, та готическая архитектура, которая образовалась пред окончанием Средних веков, есть явление такое, какого еще никогда не производил вкус и воображение человека. Ее напрасно производят от арабской: идеи этих двух родов совершенно расходятся; из арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массе здания роскошь украшений и легкость; но самая эта роскошь украшений вылилась у ней совершенно в другую форму. — Она обширна и возвышенна, как христианство. В ней все соединено вместе: этот стройной и высоко возносящийся над головою лес сводов, окна огромные, узкие, с бесчисленными изменениями и переплетами, присоединение к этой ужасающей колоссальности массы самых мелких, пестрых украшений, эта легкая паутина резьбы, опутывающая его своею сетью, обвивающая его от подножия до конца шпица и улетающая вместе с ним на Небо; величие и вместе красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость — это такие достоинства, которых никогда, кроме этого времени, не вмещала в себе архитектура. Вступая в священный мрак этого храма, сквозь который фантастически глядит разноцветный цвет окон, поднявши глаза кверху, где теряются пересекаясь стрельчатые своды один над другим, один над другим, и им конца нет, — весьма естественно ощутить в душе невольный ужас присутствия святыни, которой не смеет и коснуться дерзновенный ум человека.

Но она исчезла, эта прекрасная архитектура! Как только энтузиазм Средних веков угас и мысль человека раздробилась и устремилась на множество разных целей, как только единство и целостность одного исчезло — вместе с тем исчезло и величие. Силы его раздробившись сделались малыми; он произвел вдруг во всех родах множество удивительных вещей, но истинно великого, исполинского уже не было. Византийцы, убежавши из своей развратной столицы, занятой мусульманами, перепортили вкус европейцев и колоссальную их архитектуру. Византийцы давно уже не имели древнего аттического вкуса; они уже не имели и первоначального византийского и принесли только испорченные остатки его. Они языческие, круглые, пленительные, сладострастные формы куполов и колонн тщились применить к христианству и применили так же неудачно, как неудачно привили христианство к своей языческой жизни, дряхлой, лишенной свежести. Купол вытянулся вверх и сделался почти угловатым,

стройные линии, фронтоны как-то странно изломались и произвели ничтожные формы. В таком виде получили эту архитектуру европейцы, которые с своей стороны изменили ее еще более, потому что в душе своей еще носили первоначальный образ готический и мысль, совершенно противоположную расслабленной многосторонности греков. Тогда произошли тяжелые дворцы с колоннами, полуколоннами без всякой цели. Все это было робко, мелко. Это была не роскошь, но искаженность простоты. Множество мифологических голов и украшений без смысла, облепив тяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крепких черт ее нежными и не выразили никакой идеи. Стремление в высоту, сообщавшее величие и легкость самым тяжелым массам, исчезло; вместо того они разъехались в ширину.

Но церкви, строенные в XVII и начале XVIII века, еще менее выражают идею своего назначения. Глядя на них, кажется, чувствуешь то же, как если бы человек грубый начал подделываться под светскую утонченность. В них прямая линия без всякого условия вкуса соединялась с выгнутой и кривою; при полуготической форме всей массы, они ничего не имеют в себе готического, окна мелкие, сбитые в кучу или раскиданные без всякой гармонии, пилястры не тянувшиеся во всю длину здания, но приклеенные иногда вверху под куполом, иногда на середине, коротенькие, неуклюжие, сверх которых часто находился другой этаж таких же колонн, маленьких, некрасивых, крыша из ломаных линий, при этом часто удерживался и готический шпиль, но уже не тот легкий и прозрачный, который под рукою художника Средних веков принимал такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летел к Небу. Все, что только отзывалось высокими, устремленными кверху готическими деталями, было оставлено как безвкусное.

Хотя в продолжение XVIII века вкус несколько улучшился, но из этого не выиграли мы ровно ничего: он улучшился в веригах чужих форм. Тяжесть готическая была справедливо изгнана совершенно, потому что она в греческой форме была уже до невозможности безобразна. Тогда еще с большим рвением стали изучать древние формы, но изучали так, как робкие ученики, копирующие с точностью мелочные подробности оригинала и позабывающие об идее целого. Брали части и с необыкновенным излишеством лепили в огромную массу, показавшую еще никогда дотоле не бывалое разъединение в целом. Колонны и купол, больше всего прельстившие нас, начали приставлять к зданию без всякой мысли и во всяком месте. Они уже не были главною идеею строения, а только частями или, лучше, украшениями

его. Размер самого строения мы увеличили гораздо более, а размер купола в отношении к строению уменьшили. Мы не посмотрели в увеличительное стекло на строение, которое избрали моделью; не взглянули на него отошедши на известное расстояние, но смотрели вблизи. Купол сделался ничтожным, малым. Видя его пустынную и одиночество на верху здания, прибавили к нему несколько других, возвысили для этого под ними башни — и куполы стали походить на грибы. И купол, это лучшее, прелестнейшее творение вкуса, сладострастный, воздушно-выпуклый, который должен был обнять все строение и роскошно отдыхать на всей его массе белою, облачную своей поверхностью, исчез совершенно. Я люблю купол, тот прекрасный, огромный, легко-выпуклый купол, который возродил роскошный вкус греков в Александрийский век и позже, в век наслаждений и эгоизма, век утонченного раздробления жизни, век Антологии легкой, душистой, дышащей сладострастием, ленью и роскошью, когда каждый принадлежал себе, жил для себя, а не для общества, когда на великолепных роскошных банях, везде был виден этот смело выпуклый, как небесный свод, купол. Ничто не может так сладострастно, так пленительно украсить массу домов, как такой купол. Но для этого он должен быть помещен только на том здании, которое неизмеримо своею шириною и как можно более захватывает пространства; он должен лечь на всей обширной его платформе; он должен быть светлее самого здания, и лучше если он весь белый. Ослепительная белизна сообщает неизъяснимую очаровательность и полноту его легко-выпуклой форме, — он тогда лучше, роскошнее и облачнее круглится на небе. И доньше города сирийские и антиохийские имеют необыкновенную прелесть через то, что удержали некоторое подобие этих куполов; и доньше на Востоке можно встретить их в величавом и огромном виде.

Портик с колоннами, это ясное произведение аттического стройного вкуса, который не терпел над собою никаких надстроек, у нас тоже пропал. Ему не догадались дать колоссального размера, раздвинуть во всю ширину здания, возвысить во всю высоту его. Его не развили, не увеличили, но стали употреблять в обыкновенном виде. Удивительно ли, что здания, которые требовались огромные, казались пусты, потому что фронтоны с колоннами лепились только над крыльцами их. Громоздкие над ними в церквах, дворцах башни и массы, вовсе ему не отвечавшие, подавили и уничтожили его совершенно. Таким самым образом поэт, не имеющий обширного гения, всегда не доволен одним простым сюжетом и вместо того, чтобы развить его и сделать огромным, он привязывает к нему множество

других; его поэма обременяется пестротой разных предметов, но не имеет одной господствующей мысли и не выражает одного целого.

В начале XIX столетия вдруг распространилась мысль об аттической простоте и также, как обыкновенно бывает, обратилась в моду и отразилась вдруг на всем начиная с дамских костюмов, преобразовавшихся в небрежное, легкое одеяние гетер. Казалось, еще ближе присмотрелись к древним; еще глубже изучили их дух; но все, что ни строили по их образцу, все носило отпечаток мелкости и миниатюрности: узнали искусство более связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства давать величие всему целому и определить ему размер, способный вызвать изумление. Это новое стремление решительно было издержано на мелочные беседки, павильоны в садах и подобные небольшие игрушки. Они носили в себе много аттического, но их нужно было рассматривать в микроскоп. В огромных же публичных зданиях не считали за нужное ими руководствоваться: они сделались наконец просты до плоскости. Самое вредное направление архитектуре внушила мысль о соразмерности, не о той соразмерности, которая должна быть в строении в отношении к нему самому, но просто о соразмерности в отношении к окружающим его зданиям. Это все равно если бы гений стал удерживаться от оригинального и необыкновенного потому только, что перед ним будут слишком уже низки и ничтожны обыкновенные люди. Эта соразмерность состояла еще в том, чтобы строение как бы велико ни было в своем объеме, но непременно чтобы казалось малым. Его стали уединять и помещать на такой огромной и обширной площади, что оно казалось еще более ничтожным. Как будто бы старались нарочно внушить мысль: что великое совсем не велико, как будто бы насильно старались истребить в душе благоговение и сделать человека равнодушным ко всему.

Всем строениям городским стали давать совершенно плоскую, простую форму. Дома старались делать как можно более похожими один на другого; но они более были похожи на сараи или казармы, нежели на веселые жилища людей. Совершенно гладкая их форма ничуть не принимала живости от маленьких правильных окон, которые в отношении ко всему строению были похожи на зажмуренные глаза. И этою архитектурою мы еще недавно тщеславились, как совершенством вкуса, и настроили целые города в ее духе! Осмелился бы кто-нибудь даже теперь, среди этой гладко-однообразной кучи, воздвигнуть здание, носившее бы на себе печать особенной, резкой архитектуры, осмелился бы кто-нибудь возле строения в аттическом вкусе непосредственно воздвигнуть готическое — его бы сочли едва

ли не сумасшедшим. Оттого новые города не имеют никакого вида. Они так правильны, так гладки, так монотонны, что пройдешь одну улицу, уже чувствуешь скуку и отказываешься от желания заглянуть в другую. Это ряд стен и больше ничего. Напрасно ищет взгляд, чтобы одна из этих непрерывных стен в каком-нибудь месте вдруг выросла и выбросилась на воздух смелым переломленным сводом или изверглась какою-нибудь башней-гигантом. Старинной германской городок с узинькими улицами с пестрыми домиками и высокими колокольнями имеет вид несравненно более говорящий нашему воображению. Даже вид какого-нибудь восточного города с высокими тонкими минаретами, с восточными пестрыми куполами, потонувшими в садах, имеет более характера, более дышит поэзией и воображением, нежели наши европейские города позднейшей архитектуры.

Башни огромные, колоссальные необходимы в городе, не говоря уже о важности их назначения для христианских церквей. Кроме того что они составляют вид и украшение, они нужны для сообщения городу резких примет, чтобы служить маяком, указывавшим бы путь всякому, не допуская сбиться с пути. Они еще более нужны в столицах для наблюдения над окрестностями. У нас обыкновенно ограничиваются высотой, дающею возможность обглядеть один только город. Между тем как для столицы необходимо видеть по крайней мере на полтора верст во все стороны и для этого может быть один только или два этажа лишних — и все изменяется. Объем кругозора по мере возвышения распространяется необыкновенною прогрессией. Столица получает существенную выгоду, обзорева провинции и заранее предвидя все; здание, сделавшись немного выше обыкновенного, уже приобретает величие; художник выигрывает, будучи более настроен колоссальностью здания к вдохновению и сильнее чувствуя в себе напряжение.

Это направление архитектуры старалось как будто нарочно скрывать свое величие, вместо того, чтобы как можно более выказывать его пространству. Нет, не таков закон великого. Строение должно неизмеримо возвышаться почти над головою зрителя; чтобы он стал, пораженный внезапным удивлением, едва будучи в состоянии окинуть глазами его вершину. И потому строение всегда лучше, если стоит на тесной площади. К нему может идти улица, показывающая его в перспективе, издали, но оно должно иметь поражающее величие вблизи. Чтобы дорога проходила мимо его! Чтобы кареты гремели у самого его подножия! Чтобы люди лепились под ним и своею малостью увеличивали его величие! Дайте человеку большое расстояние — и он уже будет глядеть выше, гордо на

находящиеся пред ним предметы; ему покажется все малым. Мы так непостижимо устроены, наши нервы так странно связаны, что только внезапное, оглушающее с первого взгляда, производит на нас потрясение. И потому высоту строения подымайте в соразмерности с площадью, на которой оно стоит. Если оно с последнего края площади кажется малым и зритель не ощущает изумления, но должен для этого близко подходить к нему, то здание пропало, а вместе с ним пропали труды и издержки, употребленные на сооружение его. —

Но возвращаюсь к простоте архитектуры, которая заразила наш XIX век. Сами греки чувствовали, что одни прямые линии и совершенная простота строений будут казаться уже чересчур плоскими, особливо если множество такого рода строений соединятся вместе. Они чувствовали, что строгая правильность и гладкость строения должна непременно иметь возле себя какую-нибудь противоположность, чтобы быть более оригинальною и заметною. И потому простирали над ними навес древесный. Белизна прямолинейной стены или стройного с колоннами фронтона, выказываясь из-за темной гущи зелени, действительно хороша, потому что составляет контраст с облачным расположением дерева, почти всегда неправильно, но красиво раскидывающего свои ветви. Как только здание их окружалось другими и находилось среди города, они чувствовали излишнюю простоту его и старались придать сколько можно более игры. Мысль о дереве и о природе прежде всего приходила им в голову. Но в городе дерево драгоценность; тогда они чаще начали употреблять не гладкие дорические колонны, но большею частию коринфские с капителью из завитых листьев. Вообще убирать строения листьями, вьющимися гроздьями винограда или украшениями, носящими неясный образ ветвей дерева, было инстинктом у всех народов. Они невольно, слепо следовали тайному внушению своего вкуса. В готической архитектуре более всего заметен отпечаток, хотя неясный, тесно сплетенного леса, мрачного, величественного, где топор не звучал от века. Эти стремящиеся нескончаемыми линиями украшения и сети сквозной резьбы не что другое, как темное воспоминание о стволе, ветвях и листьях древесных. И потому смело возле готического строения ставьте греческое, исполненное стройности и простоты: оно будет стоять между ними, как между величественными, прекрасными деревьями. И готическое и греческое получат от этого двойную прелесть. Истинный эффект заключен в резкой противоположности: красота никогда не бывает так ярка и видна, как в контрасте. Контраст тогда только бывает дурен, когда располагается грубым вкусом

или, лучше сказать, совершенным отсутствием вкуса, но, находясь во власти тонкого, высокого вкуса, он первое условие всего и действует ровно на всех. Разные части его гармонируют между собою по тем же законам, по которым цвет палевый гармонирует с синим, белый с голубым, розовый с зеленым и так далее. — Все зависит от вкуса и от умения расположить. Не мешайте только в одном здании множества разных вкусов и родов архитектуры. Пусть каждое носит в себе что-то целое и самобытное, но пусть противоположность между этими самобытными в отношении их друг к другу будет резка и сильна. Чем более в городе памятников разных родов зодчества, тем он интереснее; тем чаще заставляет осматривать себя, останавливаться с наслаждением на каждом шагу. Неужели было бы хорошо, если бы в английском саду вместо беспрерывных, неожиданных видов гуляющий находил ту же самую дорожку или по крайней мере так похожую своими окрестностями на виденную им прежде, что она кажется давно известною?

Терпимость нам нужна; без нее ничего не будет для искусства. Все роды хороши, когда они хороши в своем роде. Какая бы ни была архитектура: гладкая массивная египетская, огромная ли, пестрая индусов, роскошная ли мавров, вдохновенная ли и мрачная готическая, грациозная ли греческая — все они хороши, когда приспособлены к назначению строения; все они будут величественны, когда только истинно постигнуты.

Если бы однако ж потребовалось отдать решительное преимущество которой-нибудь из этих архитектур, то я всегда отдам его готической. Она чисто европейская, создание европейского духа и потому более всего прилична нам. Чудное ее величие и красота превосходит все другие. Но из милости, из сострадания, не ломайте, не коверкайте ее! Смотрите чаще на знаменитый Кельнский собор; там все ее совершенство и величие. Лучшего памятника никогда не производили ни древние, ни новые веки. Я предпочитаю потому еще готическую архитектуру, что она более дает разгула художнику. Воображение живее и пламеннее стремится в высоту, нежели в ширину. И потому готическую архитектуру нужно употреблять только в церквях и строениях высоко возносящихся. Линии и бескарнизные готические пиластры, узко одна от другой, должны лететь через все строение. Горе, если они отстоят далеко друг от друга, если строение не перевысило по крайней мере вдвое своей ширины, если не втрое! Оно тогда уничтожилось само в себе. Возносите его таким, каким оно быть должно. Чтобы выше, выше, сколько можно выше поднимались его стены, чтобы гуще, как стрелы, как тополы, как сосны, окружали их бесчис-

ленные угольные столбы! никакого перереза, или перелома, или карниза, давшего бы другое направление или уменьшившего бы размер строения! чтобы они были ровны от основания до самой вершины! Огромнее окна, разнообразнее их форму, колоссальнее их высоту! воздушнее, легче шпиц! чтобы все чем более подымалось кверху, тем более бы летело и сквозило. И помните самое главное: никакого сравнения высоты с шириною. Слово ширина должно исчезнуть. Здесь одна законодательная идея — высота.

Я уверен, что некоторые будут утверждать, что постройка здания слишком высокого бесполезна, потому что нам нужно больше места, что высота ни к чему не служит и даром истрачивает материалы. Но я вовсе не советую этот готический образ строений употреблять на театры, на биржи, на какие-нибудь комитеты и вообще на здания, назначаемые для собраний веселящегося, или торгующего, или работающего народа. Со мною согласится всякой, что нет величественнее, возвышеннее и приличнее архитектуры для здания христианскому Богу, как готическая. И что же должны мы тогда уничтожить, чего лишиться? величественного колоссального, при взгляде на которое мысли устремляются к одному и отрывают молельщика от низкой его хижины. Весьма не мешает вспомнить великую старую истину, что народ не в силах понять религии в такой же самой чистоте и бестелесности, как получившие высшее образование, что на него более всего производят впечатление видимые предметы; что чем меньше этот видимый предмет на него действует, тем слабее его энтузиазм и простая вера. Великолепие повергает простолюдина в какое-то онемение, и оно-то единственная пружина, двигающая диким человеком. Необыкновенное поражает всякого, но тогда только, когда оно смело, резко и разом бросается в глаза. Здесь уже прочь всякое скряжничество и расчет! В противном случае этот расчет будет не расчет; и выгода, возникшая из него, будет выгода одного человека перед выгодой целого человечества.

Валтер Скотт первый отряхнул пыль с готической архитектуры и показал свету все ее достоинство. С того времени она быстро распространилась. В Англии все новые церкви строят в готическом вкусе. Они очень милы, очень приятны для глаз, но увы, истинного величия, дышащего в великих зданиях старины, в них нет. Они несмотря на стрельчатые окна и шпицы не сохраняют в целом истинно готического вкуса и уклонились от образцов. Во-первых, они сами по себе вовсе не огромны (великий недостаток готического строения), во-вторых, весь этот лес четырехгранных тонких столбов и линий, союдно стремящихся чрез все строение, позабыт или отвергнут вовсе,

оставшаяся чрез это гладкость нечувствительно дает им совершенно другое выражение.

Могущественным словом Валтер Скотта вкус к готическому распространился быстро везде и проникнул во все. Еще не сделавшись великим, он уже сделался мелким. Сельские домики, шкафы, ширмы, столы, стулья — все обратилось в готическое. И эти величественные, прекрасные украшения употреблены были на игрушки. Век наш так мелок, желания так разбросаны по всему, знания наши так энциклопедически, что мы никак не можем усредоточить на одном каком-нибудь предмете наших помыслов и оттого поневоле раздробляем все наши произведения на мелочи и на прелестные игрушки. Мы имеем чудный дар делать все ничтожным. Египетскую архитектуру, которой весь эффект в колоссальности, мы издерживаем на небольшие мостики, на ворота, вершину которых проезжающий кучер может достать рукою. Из готической мы делаем серьги, футляры для часов; греческую мы употребляем в беседках. В публичных же и огромных зданиях показываем такую архитектуру, которую вряд ли можно признать особенным родом. В ней столько безмыслия, такое негармоническое соединение частей, такое отсутствие всякого воображения, что недостает сил назвать ее имеющею свой характер архитектуру.

Есть рудник, о котором едва только знают, что он существует; есть мир совершенно особенный, отдельный, из которого менее всего черпала Европа. Это — архитектура восточная. Архитектура, которая создана одним только воображением, воображением восточным, горячим, чудесным, облекшимся в иперболу и аллегория, пролетевшим мимо жизни и прозаических нужд ее. Жизнь азиатцев никогда не имела такого многостороннего развития, как европейцев. Никогда потребности их не были так разнообразны и бесчисленны, как наши, и потому очень естественно, что обыкновенные жилища их лишены пестроты, ясности и стройности; они уединенны, однообразны, так же скучны отсутствием всякой мысли, как самый азиатец во время своего покоя. Но зато везде, куда ни проникала только азиатская роскошь, огромная, великолепная, та роскошь, которая блещет в их волшебных сказках, везде, куда ни проникала эта увешанная ожерельями дочь восточного воображения, там стоят донныне дворцы, великолепие которых изумительно. Строение их захватывало целые веки, целый народ, целая нация над ним трудилась, и предки верили, как в неотразимое предопределение, что здание будет окончено их потомками. Везде, куда ни проникала эта всемогущая массивная роскошь или дикий энтузиазм первоначальной их религии, везде гро-

моздились памятники, ужасные своею огромностию, перед которыми мысль немеет от изумления, когда вспомнишь, как бедны были их средства и познания; как ничтожны их машины для поднятия и укрепления этих страшных масс. Еще более изумление овладевает духом, когда видишь, как почти дикий, неразвившийся человек развился внезапно на этом гигантском здании; как был он проникнут и восторжен мыслью о божестве, что невольно показал разоблачение своего гения и упредил медленные годы векового образования.

Взгляните на этот массивный величественный Триченгурский храм у индусов, едва ли не одно из первых зданий по величине своей. Это пирамидальное склонение массы кверху, постепенное уменьшение этажей, бездна индейских портиков, облепливающих их стены, пиластры, громоздящиеся над пиластрами, колонны над колоннами, как будто ступающие одна на другую, чтобы скорее достать вершины этой массы, — все это явление совершенно оригинального вкуса. Но если Триченгурский храм слишком уже тяжел и дышит язычеством, взгляните на стройный, прекрасный Кутуб-Минар, которым по справедливости славятся Дельфи. Я не знаю в мире башни, которая бы при простоте почти аттической столько дышала глубиною красоты, где бы воображение вылилось так чисто и величаво. Если этот род не может быть совершенно усвоен нами, то европейцы вообще могут заимствовать с пользою это пирамидальное или конусообразное устремление кверху — резкое отличие индейского стиля.

Восточная архитектура дворцов представляет совершенно противоположный род: здесь царство азиатской роскоши. Строение раздается пространнее в ширину. Огромный восточный купол, или совершенно круглый, или выгибающийся, как сладострастная ваза, опрокинутая вниз, или в виде шара, или обремененный, облепленный резьбою и украшениями, как богатая митра, патриархально властвует над всем зданием; внизу у самого подножия строения небольшие куполы целою оградой обходят его пространные стены, как покорные рабы; со всех сторон летят тонкие минареты, представляющие самый очаровательный контраст своею легкою, веселою торньюрою с важным величественным видом всего здания. Так величественный магометанин в широком, убранном золотом и камнями платье возлежит среди гурий стройных, обнаженных, ослепительных своею белизною. —

Нигде зодчество не принимало столько разнообразных форм, как на Востоке. Там каждое здание выливалось, можно сказать, всегда мимо прежних условий, или, лучше сказать, оно выливалось облечен-

ное новыми условиями собственного предчувствия, сходствовавшими с прежними разве только в самом отдаленном начале религиозном или национальном. Вся Индия усеяна прекрасными зданиями. Каждое из них сохраняет свое резкое отличие, свой особый отпечаток, до такой степени, что их совершенно нельзя подвести под одну категорию. Множество разных куполов всех возможных форм, вовсе не похожих один на другого, украшений и убранств совсем отличных и всегда новых — все говорит о необыкновенном воображении их, которое не стеснялось никакими правилами. Впрочем, причину этого разнообразия, может быть, было бесчисленное множество сект, наполняющих Индию, производивших вечную оппозицию, вечную раздражительность воображения. Но более исполнены роскоши очаровательной, которою говорит восточная природа, те здания, которых коснулся вкус аравитян. В Азии, во время этих разрушительных встреч новых и старых народов, особенно магометан, произошло необыкновенное смешение архитектур, произошли самые дерзкие отступления. Но никогда, нигде не соединялось смелое с такою прекрасною роскошью, как у аравитян. Они заимствовали от природы все то, что есть в ней верх прекраснейшего. Их архитектура не носит на себе печати дремучих лесов; она вся состоит из цветов. Она убрана цветами, она потоплена целым морем цветов, прекрасных, роскошных, какими убрана нежная долина Кашемира. Их узорные колонны увенчаны тюльпаном; их резьба в виде незабудок и цветов с четырьмя лепестками или развивающихся роз; их галереи похожи на ветви пальм, вершинами своими образующих своды. Все отозвалось необыкновенной роскошью цветистого их вкуса. Эта архитектура как-то именно создавалась для жизни отданной наслаждениям, для веселых, светлых жилищ человека. Она решительно изгнала из себя все мрачное. Здание так прелестно, очаровательно, как восточная красавица с черными, яркими как молния глазами, в пестром своем убранстве и драгоценных ожерельях.

Восточная архитектура имеет у себя то, чего никогда еще не употребляли европейцы. Это колонны, не гладкие, но расщепленные украшениями от пьедестала до капители. Иногда эти колонны бывают совершенно сквозные и прозрачные: резьба проникает их насквозь. Они составляют пленительнейшее изобретение восточного вкуса. Здание как бы ни было громоздко, но с такими колоннами кажется воздушно. Почему бы, казалось, нам не перенести их на свою почву? Но ум и вкус человека представляют странное явление: прежде нежели достигнет истины, он столько даст объездов, столько наделает несообразностей, неправильностей, ложного, что после

сам дивится своей недогадливости. Обо всех сих памятниках Европа и не заботилась. Один только вкус китайцев, который можно назвать самым мелким, самым ничтожным из всех восточных народов, каким-то поветрием занесся к нам в конце XVIII столетия. Хорошо, что европейцы, по обыкновению своему, тотчас обратили его на мостики, павильоны, вазы, камины, а не вздумали приспособить к большим строениям. Этот вкус точно был не дурен в безделках, потому, что европейцы его тотчас усовершенствовали по-своему и дали ему ту прелесть, которой он сам в себе не имеет, так же, как и его народ не имеет энергии несмотря на всю свою образованность.

Есть еще особенный род архитектуры, совершенно отличный от всего доселе показанного мною. Это архитектура катакомб индейских и египетских, где эти два народа так удивительно сошлись между собою и дали повод подозревать древнее между ими родство. Главный характер ее тяжесть. Здесь все должно соединиться в массу и толщу; здание тяжело ступает, как на слоновых пядях, на коротких тяжелых колоннах, которых ширина своим диаметром равняется почти с высотой. Здесь уже совершенно все ширина и масса. На ней как будто отпечаталась тяжесть земли, внутри которой она скрывает тяжелое свое величие. То, что порок в других родах ее, то здесь достоинство. Эта подземная архитектура имеет что-то также величавое, хотя внушает совершенно другие мысли. Здесь тяжесть не безобразна, а величественна, потому что составляет главную идею всего здания. Если художник предположил создать тяжелое и массивное и выполнил это, его творение верно будет хорошо; но когда начертил он план тяжелого, а из него вышло вовсе не тяжелое, или наоборот, когда он замыслил произвести легкое, а вышло тяжелое, то это уже решительно дурно. Здание это, когда с него сбрасывали землю и оно выходило на свет, представляло всегда странный и вместе страшный вид; как будто бы земля выказывала свою глубокую внутренность, как будто бы мрак очутился вдруг среди яркого света, мрак только освещаемый светом, а не прогоняемый им, как египетская урна или мертвая голова среди пиршеств. Мне кажется, напрасно эту архитектуру вгоняют в землю: показавшись вдруг, нечаянно среди светлых, легких домиков, она должна непременно поразить всякого и произвести свой эффект. Одно такого рода строение среди многолюдного города было бы прелесть, но только одно, не более. В строениях такого рода все части состоят из тяжестей, но при всем том отношения их между собою исполнены какой-то внутренней, несколько страшной гармонии и создать в этом роде совершенное весьма нелегко.

Египетская архитектура надземная составляет совершенно другой род: она массивна тоже; но стройность и простота в высшей степени с нею неразлучны; главный же ее характер — колоссальность. Чем она глаже снизу доверху, без всяких разделений и резких украшений, тем лучше. Но не употребляйте ее на небольшие мостики: без колоссальности эта архитектура менее нежели ничто. Еще раз повторяю: всякая архитектура прекрасна, если соблюдены все ее условия и если она выбрана совершенно согласно назначению строения. Без этой благонамеренной, беспристрастной терпимости не будет ни истинных талантов, ни истинно величественных произведений. Прочь этот схоластизм, предписывающий строения ранжировать под одну мерку и строить по одному вкусу! Город должен состоять из разнообразных масс, если хотим, чтобы он доставлял удовольствие взорам. Пусть в нем совокупится более различных вкусов. Пусть в одной и той же улице возвышается и мрачное готическое, и обремененное роскошью украшений восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройным размером греческое. Пусть в нем будут видны: и легко выпуклый млечный купол, и религиозный бесконечный шпиг, и восточная митра, и плоская крыша италийская и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелиск. Пусть как можно реже дома сливаются в одну ровную, однообразную стену, но клонятся, то вверх, то вниз. Пусть разных родов башни как можно чаще разнообразят улицы. Неужели найдется такой смельчак или, лучше сказать, несмельчак, который бы ровное место в природе осмелился сравнить с видом утесов, обрывов, холмов, выходящих один из-за другого?

Архитектор-творец должен иметь глубокое познание во всех родах зодчества. Он менее всего должен пренебрегать вкусом тех народов, которым мы в отношении художеств обыкновенно оказываем презрение. Он должен быть всеобъемлющ, изучить и вместить в себе все бесчисленные изменения их. Но самое главное: должен изучить все в идее, а не в мелочной наружной форме и частях. Но для того чтобы изучить в идее, нужно быть ему Гением и Поэтом.

Но обратимся к архитектуре городов. Город нужно строить таким образом, чтобы каждая часть, каждая отдельно взятая масса домов представляла живой пейзаж. Нужно толпе домов придать игру, чтобы она, если можно так выразиться, заиграла резкостями, чтобы она вдруг врезалась в память и преследовала бы воображение. Есть такие виды, которые век помнишь, и есть такие, которых при всех усилиях не можешь заметить в памяти. Зодчество грубее и вместе колоссаль-

нее других искусств, как-то: живописи, скульптуры и музыки, и потому эффект его в эффекте. Масса города имеет уже тем выгоду, что ее вдруг можно изменить, исправить по своему произволу. Иногда одно только строение среди ее — и она совершенно изменяет вид свой, принимает другое выражение; так, как всякой рисунок ученика вдруг оживляется под кистью или карандашом его учителя, который в одном месте подкрепит, в другом отделит, в третьем только тронет, — и все уже не то. Притом самые ошибки уже подают идею о том, как избежать их, бесхарактерное подает мысль о характерном, мелкое и плоское вызывают в противоположность дерзкое и необыкновенное, углубление вниз подает идею о возвышении вверх и наоборот. Гений богач страшный, перед которым ничто весь мир и все сокровища.

При построении городов нужно обращать внимание на положение земли. Города строятся или на возвышении и холмах, или на равнинах. Город на возвышении менее требует искусства, потому что там природа работает уже сама, то подымает дома на величественных холмах своих и кажет их великанами из-за других домов, то опускает их вниз, чтобы дать вид другим. В таком городе можно менее употреблять разнообразия. В нем можно более употреблять гладких и одинаковых домов, потому что неровное положение земли уже дает им некоторым образом разнообразие, помещая их в разных местоположениях. Нужно наблюдать только, чтобы дома показывали свою высоту один из-за другого, так, чтобы стоящему у подошвы казалось, что на него глядит двадцатипятиэтажная масса. Там мало нужно искусства, где природа одолевает искусство; там искусство только для того, чтобы украсить ее. Но где положение земли гладко совершенно, где природа спит, там должно работать искусство во всей силе. Оно должно простереть, если можно сказать, изрыть, скрыть равнину, оживить мертвенность гладкой пустыни. Здесь однообразие и простота домов будет большая погрешность. Здесь архитектура должна быть как можно своенравнее: принимать суровую наружность, показывать веселое выражение, дышать древностью, блестеть новостью, обдавать ужасом, сверкать красотою, быть то мрачной, как день обхваченный грозой с громовыми облаками, то ясною, как утро в солнечном сиянии. Архитектура тоже летопись мира. Она говорит тогда, когда уже молчат и песни и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе. Пусть же она, хоть отрывками, является среди наших городов в таком виде, в каком она была при отжившем уже народе. Чтобы при взгляде на нее осенила нас мысль о минувшей его жизни и погрузила бы нас в его быт, в его привычки и степень пони-

мания и вызвала бы у нас благодарность за его существование, бывшее ступенью нашего собственного возвышения*.

Неужели однако же невозможно создание (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежних условий? Когда дикий и малоразвившийся человек, которому одна природа, еще грубо им понимаемая, служит руководством и вдохновением, создает творение, в котором является и красота и тайный инстинкт вкуса, отчего же мы, которых все способности так обширно развились, которые более видим и понимаем природу во всех ее тайных явлениях, отчего же мы не производим ничего совершенно проникнутого таким богатством нашего познания? Идея для зодчества вообще была черпана из природы, но тогда, когда человек сильно чувствовал на себе ее влияние; теперь же искусство поставил он выше самой природы, — разве не может он черпать своих идей из самого искусства или, лучше сказать, из гармонического слияния природы с искусством? Рассмотрите только, какую страшную изобретательность показал он на мелких изделиях утонченной роскоши; рассмотрите все эти модные безделицы, которые каждый день являются и гибнут, рассмотрите их, хотя в микроскоп, если так они не останавливают вашего внимания. Какого они исполнены тонкого вкуса! какие принимают они совершенно небывалые прелестные формы! Они создаются в таком особенном роде, который еще никогда не встречался. Резьба и тонкая отделка их так незаимствованы и вместе с тем так хороши, что мы иногда долго любимся ими и увы! вовсе не ощущаем жалости при виде, как гибнет вкус человека в ничтожном и временном, тогда как он был бы заметен в неподвижном и вечном. Разве мы не можем эту раздробленную мелочь искусства превратить в великое? Неужели все то, что встречается в природе, должно быть непре-

* Мне прежде приходила очень странная мысль: я думал, что весьма не мешало бы иметь в городе одну такую улицу, которая бы вмещала в себе архитектурную летопись. Чтобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами, прошедши которые зритель видел бы с двух сторон возвышающиеся величественные здания первобытного дикого вкуса, общего первоначальным народам. Потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты египетскую, потом в красавицу греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом в римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравийскою, потом дикою готическою, потом готико-арабскою, потом чисто готическою, венцом искусства, дышащею в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшим от обращения к византийской, потом древнею греческою в новом костюме и наконец чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса. Эта улица сделалась бы тогда в некотором отношении историею развития вкуса, и кто ленив перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать все. —

менно только колонна, купол и арка. Сколько других еще образов нами вовсе не тронуто. Сколько прямая линия может ломаться и изменять направление, сколько кривая выгибаться, сколько новых можно ввести украшений, которых еще ни один архитектор не вносил в свой кодекс. — В нашем веке есть такие приобретения и такие новые, совершенно ему принадлежащие стихии, из которых бездну можно заимствовать никогда прежде не воздвигаемых зданий. — Возьмем, например, те висящие украшения, которые начали появляться недавно. Покамест висящая архитектура только показывается в ложах, балконах и в небольших мостиках. Но если целые этажи повиснут, если перекинутся смелые арки, если целые массы вместо тяжелых колонн очутятся на сквозных чугунных подпорах, если дом обвесится снизу доверху балконами с узорными чугунными перилами и от них висящие чугунные украшения в тысячах разнообразных видов облекут его своєю легкою сетью и он будет глядеть сквозь них, как сквозь прозрачный вуаль, когда эти чугунные сквозные украшения, обвитые около круглой, прекрасной башни, полетят вместе с нею на небо — какую легкость, какую эстетическую воздушность приобретут тогда дома наши! Но какое множество есть разбросанных на всем намеков, могущих зародить совершенно необыкновенную живую идею в голове архитектора, если только этот архитектор творец и Поэт*.

1831

* Статья эта писана давно. В последнее время вкус в Европе улучшился и особенно в нашей любезной России. Многие архитекторы уже ей делают честь; из них должно упомянуть о Брюлове, которого здания исполнены истинного вкуса и оригинальности.

АЛ-МАМУН

(ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Ни один государь не принимал правления в такую блестящую эпоху своего государства, как Ал-Мамун. Грозный Калиф величественно возвышался на классической земле Древнего мира. Он обнимал на востоке всю цветущую юго-западную Азию и замыкался Индией, на западе он простирался по берегам Африки до Гибралтара. Сильный флот покрывал Средиземное море; Багдад, столица этого нового чудесного мира, видел повеления свои исполняющимися в отдаленных краях провинций; Бассора, Нигабур и Куфа зрели новообращенную Азию, стекающуюся в свои блестящие школы; Дамаск мог одеть всех сластолюбцев дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и араб уже думал, как бы осуществить на земле рай Магомета, создавал водопроводы, дворцы, целые леса пальм, где сладострастно били фонтаны и дымились благовония Востока. И к такому развитию роскоши еще не успела привиться ни одна нравственная болезнь политического общества. Все части этой великой империи, этого магометанского мира были связаны довольно сильно, и связь эта укреплена была волею необыкновенного Гаруна, который постигнул все разнообразные способности своего народа. Он не был исключительно государь-философ, государь-политик, государь-воин или государь-литератор. Он соединял в себе все, умел ровно разлить свои действия на все и не доставить перевеса ни одной отрасли над другою. Просвещение чужеземное он прививал к своей нации в такой только степени, чтобы помочь развитию ее собственного. Уже арабы перешли эпоху своего фанатизма и завоеваний, но все еще были исполнены энтузиазма, и огненные страницы Корана перелистывались с тем же благоговением, исполнялись так же раболепно. Гарун умел ускорить весь административный государственный ход и исполнение повелений страхом своей вездесущности. Наместники и эмиры, из которых каждый обыкновенно стремится быть деспотом, опасались встретить всезрящего, переодетого калифа — и правление без законов двигалось крепко и

определенно. В таком виде принял государство Ал-Мамун, государь, которого Царьград назвал великодушным покровителем наук, которого имя история внесла в число благодетелей человеческого рода и который замыслил государство политическое превратить в государство муз. Он был одарен всею живостию и способностию к долгому изучению. Его характер исполнен был благородства. Желание истины было его девизом. Он был влюблен в науку, и влюблен совершенно бескорыстно: он любил науку для нее же самой, не думая о ее цели и применении. Он предался ей с исключительною страстью. Тогда арабияне только что открыли Аристотеля. Многообъемлющий и точный философ Греции не мог сойтись с их воображением, слишком стремительным, слишком колоссальным и восточным, но аравийские ученые, занимаясь долгое время копотливою работою, уже несколько привыкнули к точности и формальности и оттого принялись за него с ученым энтузиазмом. Эти бесконечные выводы, это облечение в видимость и порядок того, что они прежде чувствовали в душе пламенными отрывками, не могли не околдовать тогдашних ученых. Воспитанный под их влиянием Ал-Мамун, исполненный истинной жажды просвещения, употреблял все старания ввести в свое государство этот чуждый дотоле греческий мир. Багдад распростер дружелюбные длани всему ученому тогдашнему свету. Милости калифа были открыты всякому, кто принадлежал к какому бы то ни было званию, какой бы ни был он религии, каких бы ни был исполнен противоречащих начал. Естественно, что тогда более всего приносили свои познания в Багдад те, которые еще сохраняли в душе своей образ политеизма, облеченного христианскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммония Саккаса, Плотина и других последователей новоплатонизма, которые уже не находили поля для своих ученых ристаний в Царьграде, слишком занятом спорами о догмах христианства. Багдад превратился в республику разнородных отраслей познаний и мнений. Венценосный араб вслушивался внимательно в усыпительную музыку ученых толкований и тонкостей. Правители государственных мест не могли не увлечься примером государя, и тогда высшие ступени государства обняла какая-то литературная мономания. Визиря и эмиры старались окружить свой двор учеными пришельцами. Очевидно, что административная часть была как будто чем-то второстепенным, что правители должны были многое относящееся к управлению поверять усмотрению своих секретарей и любимцев, что эти любимцы были иногда вовсе невежды, часто получали пронырствами места, что все это должно было отзываться на народе и в последствии времени обрушиться на самих правителей. Толпа теоретических философов и поэтов, занявших

правительственные места, не может доставить государству твердого правления. Их сфера совершенно отдельна; они пользуются верховным покровительством и текут по своей дороге. Отсюда исключаются те великие поэты, которые соединяют в себе и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человека, проникли минувшее и прозрели будущее, которых глагол слышится всем народом. Они великие жрецы. Мудрые властители чествуют их своею беседою, берегут их драгоценную жизнь и опасаются подавить ее многосторонней деятельностью правителя. Их призывают они только в важные государственные совещания, как ведателей глубины человеческого сердца.

Благородный Ал-Мамун истинно желал сделать счастливыми своих подданных. Он знал, что верный путеводитель к тому — науки, клонящиеся к развитию человека. Он всеми силами заставлял своих подданных принимать вводимое им просвещение. Но просвещение, вводимое Ал-Мамуном, менее всего отвечало природным элементам и колоссальности воображения арабов. Лишенные энергии начала политеизма, обратившиеся в кучу слов, дерзко обезображенные идеи христианства, странно озарившие тогдашние науки, не слившиеся с ними, но, можно сказать, уничтожившие их своим преобладанием, — представляли совершенной контраст пламенной природе араба, у которого воображение слишком потопляло тощие выводы холодного ума. Этот чудный народ не шел, а летел к своему развитию. Гений его вдруг оказывался в войне, торговле, искусствах, мануфактурах и роскошной поэзии Востока. Его доселе небывалые в истории человечества стихии вспыхнули богато, ярко, странно и совершенно оригинально. Казалось, этот народ обещал дотоле невиданное совершенство нации. Но Ал-Мамун не понял его. Он упустил из вида великую истину: что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий. Но для араба поле подвигов было заграждено этим бесплодным чужестранным просвещением. Самый космополитизм Ал-Мамуна, открывавшего вход в государство ученым всех партий, уже зашел несколько далеко. Выгоды, которые в государстве получали христиане, не могли не возродить в собственных подданных ненависти, а вместе и презрения к самым даже полезным их учреждениям, — и народ уже терял любовь к своему калифу. В правлении Ал-Мамун был больше философ-теоретик, нежели философ-практик, каким бы должен быть государь. Он знал жизнь своего народа из описаний, из рассказов других, а не изведal сам как очевидец, как изведal его великий Гарун. В азиатских обра-

зах правления, не имеющих определенных законов, вся административная часть падает на самого монарха и потому деятельность его должна быть необыкновенна, внимание его должно быть вечно напряжено; он не может ввериться совершенно никому и глаз его должен иметь многосторонность Аргуса: минуто засни он — и его полномочные наместники вдруг возрастают и государство наполняется миллионами деспотов. Но Ал-Мамун в своем Багдаде жил как в государстве муз, им же самим созданном и совершенно отдельном от мира политического. Христиане, которые стали наконец вмешиваться в административные должности, не могли узнать народного духа и обычаев земли. Притом самое иноверство их было невыносимо для араба, еще сохранявшего энтузиазм и нетерпимость. И когда имя Ал-Мамуна повторялось на устах ученых тогдашнего века, когда его гостеприимство привлекало пестрые флаги к берегам сирийским, власть его внутри государства становилась между тем слабее. Жители провинций, никогда не видавшие своего калифа, мало дорожили его именем. Военная сила ослабла. Просвещение обыкновенно стремилось из Багдада, как из центра, уменьшаясь и угасая по мере приближения к отдаленным границам. На границах арабы еще сохраняли свой первый период. На границах стояли войска, еще полные фанатизма, еще стремившиеся огнем и мечом водружать веру Магомета. Сильные эмиры их, почувствовавши слабость связи Багдада, думали о независимости, и Ал-Мамун уже при жизни своей видел отторжение Персии, Индии и дальних провинций Африки. Но, может быть, все это неверное направление администрации было бы еще исправимое зло, если бы Ал-Мамун не простер уже слишком далеко своей любви к истине. Он захотел быть религиозным реформатором своей нации. Исполненный ума чисто теоретического, будучи выше суеверий и предрассудков, будучи ближе познакомлен с некоторыми догмами христианства, нежели его предшественники, он не мог не видеть всех бесчисленных противоречий, пламенных нелепостей, которые вырывались всеместно в постановлениях исступленного творца Корана. Он решился очистить и преобразовать священную книгу магометан и в то самое время, когда еще все низшие государственные ступени, вся чернь была уверена, что она принесена с Неба, и когда усомниться в маловажном постановлении ее уже считалось величайшим преступлением. Полугреческой образ мыслей Ал-Мамуна чуждался совершенно слепого энтузиазма его подданных. Первым шагом к образованию своего народа он почитал истребление энтузиазма, того энтузиазма, который составил существование народа аравийского, того энтузиазма, которому он обязан был всем своим развитием и блестящею эпохою,

подорвать который значило подорвать политический состав всего государства. Ему нелепее, несообразнее всего казался Магометов рай, куда араб переносил всю чувственную земную жизнь свою, жизнь, назначенную для наслаждения и сладострастия. Но Ал-Мамун не принял в соображение того, что это постановление изверглось из огненного аравийского климата, из огненной природы араба, что этот рай для магометанина есть великий оаз среди пустыни его жизни, что надежда в этот рай одна только заставляла чувственного араба терпеливо сносить бедность, притеснение, подавлять в душе своей зависть при виде утопающего в роскоши сибарита. Мысль, что и он будет наконец находиться среди гурий, среди роскоши, превышающей роскошь земных владык, одна могла быть доступна для такой чувственности и цветистости воображения, какими природа наделила араба, и что, может быть, с дальнейшим только развитием его могла нечувствительно очиститься его вера. Но Ал-Мамун не постигал азиатской природы своих подданных.

Можно себе представить силу негодования многочисленного класса народа, когда распространились вести о преобразованиях калифовых. Как должен был принять это народ, который уже за одно покровительство христианам и привязанность к иностранцам обвинял гласно калифа в мотализме, или ереси. Грубая толпа прежних точных исполнителей Корана жестоким упорством своим наконец заставила калифа взяться за оружие. И благородный великодушный Ал-Мамун, проникнутый истинною любовью к человечеству, явился гонителем своих подданных. Гонением своим он воскресил опять в арабах дикой фанатизм, но уже не тот фанатизм, который сдвинул прежде кочевых обитателей Аравии в одну массу, — он произвел оппозиционный фанатизм, который растерзал массу, который посеял плевелы в недрах государства, который разбудил дикие страсти араба, который дал нож и яд ненависти в руки исступленных последователей ислама, который произвел множество ослепленных сект и ужаснее всего секту карматитанов, долго еще свирепствовавшую под именем Сирийских Убийц, во время Крестовых походов. Среди волнений, оказывавшихся в разных концах государства, среди смут и партий, рассыпая одною рукою благодетия и милости на школы, фабрики, искусства, поражая другою непокорных, исступленных подданных, умер благородный Ал-Мамун. Умер, не поняв своего народа, не понятый своим народом. Во всяком случае он дал поучительный урок. Он показал собою государя, который при всем желании блага, при всей кротости сердца, при самоотвержении и необыкновенной страсти к наукам был между прочим невольно одною из главных пружин, ускоривших падение государства.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ

Бедному сыну пустыни снился сон.

Лежит и расстилается великое Средиземное море, и с трех разных сторон глядят в него: палящие берега Африки с тонкими пальмами, сирийские голые пустыни и многолюдный, весь изрытый морем берег Европы.

Стоит в углу над неподвижным морем древний Египет. Пирамида над пирамидою; граниты глядят серыми очами обтесанные в сфинксов; идут бесчисленные ступени. Стоит он величавый, питаемый великим Нилом, весь убранный таинственными знаками и священными зверями. Стоит и неподвижен, как очарованный, как мумия, несокрушимая тлением.

Раскинула вольные колонии веселая Греция. Кишат на Средиземном море острова, потопленные зелеными рощами; кинамон, виноградные лозы, смоковницы помагают облитыми медом ветвями; колонны белые, как перси девы, круглятся в роскошном мраке древесном, мрамор страстный дышит, зажженный чудным резцом, и стыдливо любит свою прекрасною наготою; увитая гроздиями, с тирсами и чашами в руках, она остановилась в шумной пляске. Жрицы молодые и стройные с разметанными кудрями вдохновенно вонзили свои черные очи. Тростник, связанный в цевницу, тимпаны, мусикийские орудия мелькают, перевитые плющом. Корабли как мухи толпятся близ Родосса и Корциры, подставляя сладострастно выгибающийся флаг дыханию ветра. И все стоит неподвижно, как бы в окаменелом величии.

Стоит и распростирается железный Рим, устремляя лес копий и сверкая грозною сталью мечей, вперив на все завистливые очи и протянув свою жилистую десницу. Но он неподвижен, как и все, и не тронется львиными членами.

Весь воздух Небесного Океана висел сжатый и душный. Великое Средиземное море не шелохнет, как будто бы царства предстали все на Страшный Суд перед кончиною мира.

И говорит Египет, помавая тонкими пальмами, жилищами его равнин, и устремляя иглы своих обелисков: «Народы, слушайте! я один постиг и проник тайну жизни и тайну человека. Все тлен. Низки искусства, жалки наслаждения, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвует над миром и человеком! Все пожирает смерть, все живет для смерти. Далеко, далеко до воскресения, да и будет ли когда воскресение. Прочь желанья и наслаждения! Выше строй пирамиду бедный человек, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое бедное существование».

И говорит ясный, как небо, как утро, как юность, светлый мир греков, и казалось, вместо слов слышалось дыхание цевницы: «Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вместе с нею ее наслаждения. Все носи ему. Гляди, как выпукло и прекрасно все в природе, как дышит все согласием. Все в мире; все, чем ни владеют боги, все в нем; умей находить его. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель мира; венчай дубом и лавром прекрасное чело свое! мчись на колеснице, проворно правя конями на блистательных играх. Далее корысть и жадность от вольной и гордой души! Резец, Палитра и Цевница созданы быть властителями мира, а властительницею их — красота. Увивай плющом и гроздием свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги. Жизнь создана для жизни, для наслаждения — умей быть достойным наслаждения!»

И говорит покрытый железом Рим, потрясая блестящим лесом копий: «Я постигнул тайну жизни человека. Низко спокойствие для человека; оно уничтожает его в самом себе. Мал для души размер искусств и наслаждений. Наслаждение в гигантском желании. Презренна жизнь народов и человека без громких подвигов. Славы, славы жаждай человек! В порыве нерассказанного веселия, оглушенный звуком железа, несись на сомкнутых щитах браноносных легионов! Слышишь ли, как у ног твоих собрался весь мир и, потрясая копьями, слился в одно восклицание? Слышишь ли, как твое имя замирает страхом на устах племен, живущих на краю мира? Все, что ни объемлет взор твой, наполняй своим именем. Стремись вечно: нет границ миру — нет границ и желанию. Дикий и суровый, далее и далее захватывай мир — ты завоюешь наконец Небо».

Но остановился Рим и вперил орлиные очи свои на восток. К востоку обратила и Греция свои влажные от наслаждения прекрасные очи; к востоку обратил Египет свои мутные, бесцветные очи.

Камениста земля; презренен народ; немногочисленная весь прислонилась к обнаженным холмам, изредка, неровно оттененным иссох-

шею смоковницею. За низкою и ветхою оградю стоит ослица. В деревянных яслях лежит младенец; над ним склонилась непорочная мать и глядит на него исполненными слез очами; над ним высоко в небе стоит звезда и весь мир осияла чудным светом.

Задумался древний Египет, увитый иероглифами, понижая ниже свои пирамиды; беспокойно глянула прекрасная Греция; опустил очи Рим на железные свои копья; приникла ухом великая Азия с народами-пастырями; нагнулся Арарат, древний прапращур земли...

ШЛЕЦЕР, МИЛЛЕР И ГЕРДЕР

Шлецер, Миллер и Гердер были великие зодчие всеобщей истории. Мысль о ней была их любимой мыслью и не оставляла их во все время разнообразного их поприща. Шлецер, можно сказать, первый почувствовал идею об одном великом целом, об одной единице, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы. Он хотел одним взглядом обнять весь мир, все живущее. Казалось, как будто бы он силился иметь сто аргусовых глаз, для того чтобы разом видеть сбывающееся во всех отдаленных углах мира. Его слог молния, почти вдруг блещущая то там, то здесь и освещающая предметы на одно мгновение, но зато в ослепительной ясности. Я не знаю, исполнил ли бы он в самом деле то, что резко показывал другим, но по крайней мере никто так сильно не поражен был сам своим предметом, как он. Он имел достоинство в высшей степени сжимать все в малообъемный фокус и двумя, тремя яркими чертами, часто даже одним эпитетом обозначать вдруг событие и народ. Его эпитеты удивительно горячи, дерзки, кажутся плодом одной счастливой минуты, одного внезапного вдохновения и так исполнены резкой, поражающей правды, что не скоро бы пришли на ум определившему себя на долгое глубокое исследование, выключая только если этот исследователь будет сам Шлецер. Он не был историк, и я думаю даже, что он не мог быть историком. Его мысли слишком отрывисты, слишком горячи, чтобы улечься в гармоническую, стройную текучесть повествования. Он анализировал мир и все отжившие и живущие народы, а не описывал их; он рассекал весь мир анатомическим ножом, резал и делил на массивные части, располагал и отделял народы таким же образом, как ботаник распределяет растения по известным ему признакам. И оттого начертание его истории, казалось бы, должно быть слишком скелетным и сухим; но, к удивлению, все у него сверкает такими резкими чертами, могущественный удар его глаза так верен, что, читая этот сжатый эскиз мира, замечаешь с изумлением, что собственное воображение горит, расширяется и дополняет все по такому

же самому закону, который определил Шлецер одним всемогущим словом, иногда оно стремится еще далее, потому что ему указана смелая дорога. Будучи одним из первых тревожимых мыслью о величии и истинной цели всеобщей истории, он долженствовал быть непременно гением оппозиционным. Это положение сообщило ему сильную энергию, жар и даже досаду на близорукость предшественников,рывающиеся очень часто в его сочинениях. Он уничтожает их одним громовым словом, и в этом одном слове соединяется и наслаждение и сардоническая усмешка над пораженным и вместе несокрушимая правда; его справедливее, нежели Канта, можно назвать всеокрушающим. Всегда действующие в оппозиционном духе слишком увлекаются своим положением и в энтузиастическом порыве держатся только одного правила: противоречить всему прежнему. В этом случае нельзя упрекнуть Шлецера: германский дух его стал неколебим на своем месте. Он как строгий, всезрящий судия; его суждения резки, коротки и справедливы. Может быть, некоторым покажется странным, что я говорю о Шлечере как о великом зодчем всеобщей истории, тогда как его мысли и труды по этой части улеглись в небольшой книжке, изданной им для студентов, — но эта маленькая книжка принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь целые томы; ее можно сравнить с небольшим окошком, к которому приставивши глаз поближе можно увидеть весь мир. Он вдруг осеняет светом и показывает, как нужно понять, и тогда сам собою наконец видишь все.

Миллер представляет собою историка совершенно в другом роде. Спокойный, тихий, размышляющий, он представляет противоположность Шлечеру. Он с какою-то очаровательною, особенною любовью предается своему предмету. Его слог не блещит тем резким отличием, каким означен слог Шлецера; нет тех порывов, того меткого лаконизма, какими исполнен Шлецер. Он не схватывает вдруг за одним взглядом всего и не сжимает его мощною рукою, но он исследывает все находящееся в мире спокойно, поочередно, не показывая той быстроты и поспешности, с какою выражается автор, опасаясь, чтобы у него не перехватил кто-нибудь мысли и не предупредил его. Слово исследование весьма идет к его стилю; его повествование именно исследовательное. Как человек государственный, он более всего занимается изложением форм правления и законов существующих и минувших государств; но он не предпочитает эту сторону до такой степени, чтобы оставить совершенно в тени все другие, к чему способен бывает историк односторонний и чего не мог избежать и Герен, напротив того, он обращает внимание и на все сопредельное. Все, что не ясно в истории, что менее разоблачено, все это более друго-

го подвергается его исследованию. Заметно даже, что он охотнее занимается временами первобытными и вообще теми эпохами, когда народ еще не был подвержен образованности и порокам, сохранял свои простые нравы и независимость. Это время изображает он с ясною подробностью, с тихим жаром, как будто позабываясь и воображая видеть себя среди своих добрых швейцарцев. Главный результат, царствующий в его истории, есть тот, что народ тогда только достигает своего счастья, когда сохраняет свято обычаи своей старины, свои простые нравы и свою независимость. Везде в нем видны старческая мудрость и младенческая ясность души. Благородство мыслей и любовь к свободе проникают все его творение. Мысль о единстве и нераздельной целости не служит такою целью, к которой бы явно устремлялось его повествование; он даже никогда не говорит о нем, но единство чувствуется в целом творении несмотря на то, что он, кажется, забывает вовсе дела всего мира, занявшись одним народом. История его не состоит из непрерывной движущейся цепи происшествий; драматического искусства в нем нет; везде виден размышляющий мудрец. Он не выказывает слишком ярко своих мыслей; они у него таятся так скромно, иногда в таком незаметном уголке, что не ищущий не найдет их никогда; но зато они так высоки и глубоки, что открывшему их открывается, по выражению Вагнера в Фаусте, на земле небо. Этот скромный, незаметный слог его и отсутствие ослепляющей яркости производит в душе невольное сожаление: чрез него Миллер очень мало известен или, лучше сказать, не так известен, как должен бы быть. Одни сильно проникнутые мыслью о истории и способные к тонкому развитию могут только вполне понимать его, другим же он кажется легким и не глубокомысленным.

Гердер представляет совершенно отличный образ воззрения. Он видит уже совершенно духовными глазами. У него владычество идеи вовсе поглощает осязательные формы. Везде он видит одного человека как представителя всего человечества. Он выпытывает глубоко, вдохновенно, как брамин природы — название, которое придают ему немцы. У него крупнее группируются события; его мысли все высоки, глубоки и всемирны. Они у него являются мало соединенными с видимою природою и как будто извлеченными из одного только чистого ее горнила. Оттого они у него не имеют исторической осязательности и видимости. Если событие колоссально и заключается в идее — оно у него развертывается все, со всеми своими сокровенными явлениями; но если слишком коснулось жизни и практического, оно у него не получает определенного колорита. Если он нисходит до частных лиц и деятелей истории, они у него не так ярки, как общие

группы; они принимают слишком общую физиогномию; они у него или добрые или злые; все бесчисленные оттенки характеров, все смешение и разнообразие качеств, познание которых достается в удел взвешивающему с недоверчивостию на других, все эти оттенки у него исчезли. Он мудрец в познании идеального человека и человечества, но младенец в познании человека, по весьма естественному ходу вещей, как всегда мудрец бывает велик в своих мыслях и невежа в мелочных занятиях жизни. Как поэт он выше Шлецера и Миллера. Как поэт он все создает и переваривает в себе, в своем уединенном кабинете, полный высшего откровения, избирая только одно прекрасное и высокое, потому что это уже принадлежность его возвышенной и чистой души. Но высокое и прекрасное вырываются часто из низкой и презренной жизни или же вызываются натиском тех бесчисленных и разнохарактерных явлений, которые беспрестанно пестрят жизнь человеческую и которых познание редко дается отвлеченному от жизни мудрецу. Стиль его более, нежели у кого другого, исполнен живописи и широкого размера, потому что он поэт и этим резко отличается от Миллера, философа-законодателя, всегда спокойного и размышляющего, и Шлецера, философа-критика, всегда почти резкого и недовольного.

Мне кажется, что если бы глубокость результатов Гердера, нисходящих до самого начала человечества, соединить с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростию Миллера, тогда бы вышел такой историк, который бы мог написать всеобщую историю. Но при всем том ему бы еще много кое-чего недоставало: ему бы недоставало высокого драматического искусства, которого не видно ни у Шлецера, ни у Миллера, ни у Гердера. Я разумею однако ж под словом драматического искусства не то искусство, которое состоит в умении вести разговор, но в драматическом интересе всего творения, который сообщил бы ему неодолимую увлекательность, тот интерес, который иногда дышит в исторических отрывках Шиллера и особенно в *тридцатилетней войне* и которым отличается почти всякое немногосложное происшествие. Я бы к этому присоединил еще в некоторой степени занимательность рассказа Валтера Скотта и его умение замечать самые тонкие оттенки; к этому присоединил бы шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах, и тогда бы, мне кажется, составился такой историк, какого требует всеобщая история. Но до того времени Миллер, Шлецер и Гердер долго останутся великими путеводителями. Они много, очень много осветили всеобщую историю, и если в нынешнее время мы имеем несколько замечательных сочинений, то этим обязаны им одним.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

ПОВЕСТЬ

Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блестит эта улица-красавица нашей столицы? Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сертук, но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волосы и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского проспекта. А дамы! — О, дамам еще больше приятен Невский проспект. Да и кому же он неприятен? Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем. Хотя бы имел какое-нибудь нужное, необходимое дело, но взошедши на него, верно позабудешь о всяком деле. Здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург. Кажется, человек, встреченный на Невском проспекте, менее эгоист, нежели в Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской и других улицах, где жадность, и корысть, и надобность выражаются на идущих и летящих в каретах и на дрожках. Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга. Здесь житель Петербургской или Выборгской части, несколько лет не бывавший у своего приятеля на Песках или у Московской заставы, может быть уверен, что встретится с ним непременно. Никакой адрес-календарь и справочное место не доставят такого верного известия, как Невский проспект. Всеобщий Невский проспект! Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга! Как чисто подметены его тротуары и, Боже, сколько ног оставило на нем следы свои! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под тяжестью которого, кажется, трескается самый гранит, и миниатюрный легкий, как дым, башмачок молодинькой дамы, оборачивающей свою головку к блестящим окнам магазина,

как подсолнечник к солнцу, и гремящая сабля исполненного надежд прапорщика, проводящая по нем резкую царапину, — все вымещает на нем могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на нем фантазмагория в течение одного только дня! Сколько вытерпит он перемен в течение одних суток! Начнем с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими только что выпеченными хлебами и наполнен старухами в изодранных платьях и солопах, совершающими свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих. Тогда Невский проспект пуст: плотные содержатели магазинов и их комми еще спят в своих голландских рубашках или мылят свою благородную щеку и пьют кофе; нищие собираются у дверей кондитерских, где сонный ганимед, летавший вчера как муха с шоколадом, вылезает с метлой в руке без галстука и швыряет им черствые пироги и объедки. По улицам плетется нужной народ: иногда переходят ее русские мужики, спешащие на работу, в сапогах, запачканных известью, которых и Екатерининский канал, известный своею чистотою, не в состоянии бы был обмыть. В это время обыкновенно не прилично ходить дамам, потому что русской народ любит изъясняться такими резкими выражениями, каких они верно не услышат даже в театре. Иногда сонный чиновник проплетется с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент. Можно сказать решительно, что в это время, т. е. до 12 часов, Невский проспект не составляет ни для кого цели, он служит только средством: он постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о нем. Русской мужик говорит о гривне или о семи грошах меди, старики и старухи размахивают руками или говорят сами с собою иногда с довольно разительными жестами, но никто их не слушает и не смеется над ними, выключая только разве мальчишек в пестрядевых халатах с пустыми штофами или готовыми сапогами в руках, бегущих молниями по Невскому проспекту. В это время что бы вы на себя ни надели, хотя бы даже вместо шляпы картуз был у вас на голове, хотя бы воротнички слишком далеко высунулись из вашего галстука, — никто этого не заметит.

В 12 часов на Невский проспект делают набегу гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках. Английские Джонсы и французские Коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению питомцами и с приличною солидностью изъясняют им, что вывески над магазинами делаются для того, чтобы можно было посредством их узнать, что находится в самых магазинах. Гувернанки, бледные миссы и розовые славянки, идут величаво

позади своих легеньких вертлявых девчонок, приказывая им поднимать несколько выше плечо и держаться прямее; короче сказать, в это время Невский проспект — педагогический Невский проспект. Но чем ближе к двум часам, тем уменьшается число гувернеров, педагогов и детей: они наконец вытесняются нежными их родителями, идущими под руку с своими пестрыми, разноцветными, слабонервными подругами. Мало-помалу присоединяются к их обществу все, окончившие довольно важные домашние занятия, как-то поговорившие с своим доктором о погоде и о небольшом прыщике, вскочившем на носу, узнавшие о здоровье лошадей и детей своих, впрочем показывающих большие дарования, прочитавшие афишу и важную статью в газетах о приезжающих и отъезжающих, наконец выпившие чашку кофею и чаю; к ним присоединяются и те, которых завидная судьба наделила благословенным званием чиновников по особенным поручениям. К ним присоединяются и те, которые служат в иностранной коллегии и отличаются благородством своих занятий и привычек. Боже, какие есть прекрасные должности и службы! как они возвышают и услаждают душу! но увы, я не служу и лишен удовольствия видеть тонкое обращение с собою начальников. Все, что вы ни встретите на Невском проспекте, все исполнено приличия: мужчины в длинных сюртуках с заложенными в карманы руками, дамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках. Вы здесь встретите бакенбарды, единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстух, бакенбарды бархатные, атласные, черные как соболь или уголь, но увы, принадлежащие только одной иностранной коллегии. Служащим в других департаментах провидение отказало в черных бакенбардах, они должны, к величайшей неприятности своей, носить рыжие. Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью не изображимые; усы, которым посвящена лучшая половина жизни, — предмет долгих бдений во время дня и ночи, усы, на которые излились восхитительнейшие духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорта помад, усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою, усы, к которым дышит самая трогательная привязанность их посессоров и которым завидуют проходящие. Тысячи сортов шляпок, платьев, платков пестрых, легких, к которым иногда в течение целых двух дней сохраняется привязанность их владетельниц, ослепят хоть кого на Невском проспекте. Кажется, как будто целое море мотыльков поднялось вдруг со стеблей и волнуется блестящею тучею над черными жуками мужского пола. Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда: тонинь-

кие, узинькие, талии никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми вы почтительно отойдете к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем; сердцем вашим овладеет робость и страх, чтобы как-нибудь от неосторожного даже дыхания вашего не переломилось прелестнейшее произведение природы и искусства. А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте! Ах какая прелесть! Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужина; потому что даму так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, наполненный шампанским. Нигде при взаимной встрече не раскланиваются так благородно и непринужденно, как на Невском проспекте. Здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства, иногда такую, что можно растаять от удовольствия, иногда такую, что увидите себя вдруг ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше Адмиралтейского шпица и поднимете ее вверх. Здесь вы встретите разговаривающих о концерте или о погоде с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства. Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений. Создатель! какие странные характеры встречаются на Невском проспекте! Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши, и если вы пройдете, они оборотятся назад, чтобы посмотреть на ваши фалды. Я до сих пор не могу понять, отчего это бывает. Сначала я думал, что они сапожники, но однако же ничуть не бывало: они большею частью служат в разных департаментах, многие из них превосходным образом могут написать отношение из одного казенного места в другое, или же люди, занимающиеся прогулками, чтением газет по кондитерским, словом большею частью все порядочные люди. В это благословенное время от 2-х до 3-х часов пополудни, которое может назваться движущеюся столицею Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой греческой прекрасной нос, третий несет превосходные бакенбарды, четвертая пару хороших глазок и удивительную шляпку, пятой перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая ножку в очаровательном башмачке, седьмой галстух, возбуждающий удивление, осьмой усы, повергающие в изумление. Но бьет три часа, и выставка оканчивается, толпа редеет.... В три часа новая перемена. На Невском проспекте вдруг настает весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах. Голодные Титулярные, Надворные и прочие Советники

стараятся всеми силами ускорить свой ход. Молодые Коллежские Регистраторы, Губернские и Коллежские Секретари спешат еще воспользоваться временем и пройтись по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели 6 часов в присутствии. Но старые Коллежские Секретари, Титулярные и Надворные Советники идут скоро, потупивши голову: им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они еще не вполне оторвались от забот своих; в их голове ералаш и целой архив начатых и не оконченных дел; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами или полное лицо правителя канцелярии.

С четырех часов Невский проспект пуст и вряд ли вы встретите на нем хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея из магазина перебежит чрез Невский проспект с коробкою в руках, какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого повывтчика, пущенная по миру во фризовой шинели, какой-нибудь заезжий чужак, которому все часы равны, какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикюлем и книжкою в руках, какой-нибудь артельщик, русской человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине, с узинькою бороною, живущий всю жизнь на живую нитку, в котором все шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова, когда он учтиво проходит по тротуару, иногда низкой ремесленник, больше никого не встретите вы на Невском проспекте.

Но как только сумерки упадут на дома и улицы и будошник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь, а из низеньких окошек магазинов выглянут те эстампы, которые не смеют показаться среди дня, тогда Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться. Тогда настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет. Вы встретите очень много молодых людей, большею частию холостых, в теплых сюртуках и шинелях. В это время чувствуется какая-то цель или, лучше, что-то похожее на цель. Что-то чрезвычайно безотчетное, шаги всех ускоряются и становятся вообще очень неровны. Длинные тени мелькают по стенам и мостовой и чуть не достигают головами Полицейского моста. Молодые Губернские Регистраторы, Губернские и Коллежские Секретари очень долго прохаживаются; но старые Коллежские Регистраторы, Титулярные и Надворные Советники большею частию сидят дома, или потому что это народ женатый, или потому что им очень хорошо готовят кушанье живущие у них в домах кухарки-немки. Здесь вы встретите почтенных стариков, которые с такою важностью и с таким удивительным благородством прогуливались в два часа по Невскому проспекту. Вы их увидите бегущими так

же, как молодые Коллежские Регистраторы, с тем чтобы заглянуть под шляпку издали завиденной дамы, которой толстые губы и щеки, нащечкутуренные румянами, так нравятся многим гуляющим, а более всего сидельцам, артельщикам, купцам, всегда в немецких сюртуках гуляющим целую толпою и обыкновенно под руку.

— Стой! — закричал в это время поручик Пирогов, дернув шедшего с ним молодого человека во фраке и плаще. — Видел?

— Видел, чудная, совершенно Перуджинова Бианка.

— Да ты о ком говоришь?

— Об ней, о той, что с темными волосами, и какие глаза, Боже, какие глаза! все положение и контура, и оклад лица — чудеса.

— Я говорю тебе о блондинке, что прошла за ней в ту сторону. Что ж ты не идешь за брюнеткою, когда она так тебе понравилась?

— О, как можно! — воскликнул покрасневшись молодой человек во фраке. — Как будто она из тех, которые ходят ввечеру по Невскому проспекту; это должна быть очень знатная дама, — продолжал он вздохнувши, — один плащ на ней стоит рублей восемьдесят!

— Простак! — закричал Пирогов, насильно толкнувши его в ту сторону, где развеялся яркой плащ ее, — ступай, простофиля, прозеваешь! а я пойду за блондинкою.

Оба приятеля разошлись.

«Знаем мы вас всех», — думал про себя с самодовольною и самонадеянною улыбкою Пирогов, уверенный, что нет красоты, могшей бы ему противиться.

Молодой человек во фраке и плаще робким и трепетным шагом пошел в ту сторону, где развеялся вдали пестрый плащ, то окидывавшийся ярким блеском по мере приближения к свету фонаря, то мгновенно покрывавшийся тьмою по удалении от него. Сердце его билось, и он невольно ускорял шаг свой. Он не смел и думать о том, чтобы получить какое-нибудь право на внимание улетающей вдали красавицы, тем более допустить такую черную мысль, о какой намекал ему поручик Пирогов; но ему хотелось только видеть дом, заметить, где имеет жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетело с Неба прямо на Невский проспект и верно улетит неизвестно куда. Он летел так скоро, что сталкивал беспрестанно с тротуара солидных господ с седыми бакенбардами. Этот молодой человек принадлежал к тому классу, который составляет у нас довольно странное явление и столько же принадлежит к гражданам Петербурга, сколько лицо, являющееся нам в сновидении, принадлежит к существенному миру. Это исключительное сословие очень необыкновенно в том городе, где все или чиновники, или купцы, или мастеровые-немцы.

Это был художник. Не правда ли, странное явление? Художник петербургский! художник в земле снегов, художник в стране финнов, где все мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно. Эти художники вовсе не похожи на художников итальянских, гордых, горячих, как Италия и ее небо; напротив того, это большею частию добрый, кроткий народ, застенчивый, беспечный, любящий тихо свое искусство, пьющий чай с двумя приятелями своими в маленькой комнате, скромно толкующий о любимом предмете и вовсе небрегающий об излишнем. Он вечно зазовет к себе какую-нибудь нищую старуху и заставит ее просидеть битых часов шесть с тем, чтобы перевести на полотно ее жалкую, бесчувственную мину. Он рисует перспективу своей комнаты, в которой является всякой художественной вздор: гипсовые руки и ноги, сделавшиеся кофейными от времени и пыли, изломанные живописные станки, опрокинутая палитра, приятель, играющий на гитаре, стены, запачканные красками, с растворенным окном, сквозь которое мелькает бледная Нева и бедные рыбаки в красных рубашках. У них всегда почти на всем серинькой мутный колорит, — неизгладимая печать севера. При всем том они с истинным наслаждением трудятся над своею работою. Они часто питают в себе истинный талант, и если бы только дунул на них свежий воздух Италии, он бы верно развился так же вольно, широко и ярко, как растение, которое выносят наконец из комнаты на чистый воздух. Они вообще очень робки; звезда и толстый эполет приводят их в такое замешательство, что они невольно понижают цену своих произведений. Они любят иногда пощеголять, но щегольство это всегда кажется на них слишком резким и несколько походит на заплату. На них встретите вы иногда отличный фрак и запачканный плащ, дорогой бархатной жилет и сюртук весь в красках. Таким же самым образом, как на неоконченном их пейзаже увидите вы иногда нарисованную вниз головою нимфу, которую он, не найдя другого места, набросал на запачканном грунте прежнего своего произведения, когда-то писанного им с наслаждением. Он никогда не глядит вам прямо в глаза, если же глядит, то как-то мутно, неопределенно; он не вонзает в вас ястребиного взора наблюдателя или соколиного взгляда кавалерийского офицера. Это происходит оттого, что он в одно и то же время видит и ваши черты и черты какого-нибудь гипсового Геркулеса, стоящего в его комнате, или ему представляется его же собственная картина, которую он еще думает произвести. От этого он отвечает часто несвязно, иногда невпопад, и мешающиеся в его голове предметы еще более увеличивают его робость. К такому роду принадлежал описанный нами молодой человек, художник Пискарев, застенчивый, робкий, но в

душе своей носивший искры чувства, готовые при удобном случае превратиться в пламя. С тайным трепетом спешил он за своим предметом, так сильно его поразившим, и, казалось, дивился сам своей дерзости. Незнакомое существо, к которому так прильнули его глаза, мысли и чувства, вдруг поворотило голову и взглянуло на него. Боже, какие божественные черты! Ослепительной белизны прелестнейший лоб осенен был прекрасными как агат волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть их, падая из-под шляпки, касалась щеки, тронутой тонким свежим румянцем, проступившим от вечернего холода. Уста были замкнуты целым роем прелестнейших грез. Все, что остается от воспоминания о детстве, что дает мечтание и тихое вдохновение при светящейся лампаде, — все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось в ее гармонических устах. Она взглянула на Пискарева, и при этом взгляде затрепетало его сердце; она взглянула сурово, чувство негодования проступило у ней на лице при виде такого наглого преследования; но на этом прекрасном лице и самый гнев был обворожителен. Постигнутый стыдом и робостью, он остановился, потупив глаза; но как утратить это божество и не узнать даже той святыни, где оно опустилось гостить? Такие мысли пришли в голову молодому мечтателю, и он решился преследовать. Но чтобы не дать этого заметить, он отдалился на дальнейшее расстояние, беспечно глядел по сторонам и рассматривал вывески, а между тем не упускал из виду ни одного шага незнакомки. Проходящие реже начали мелькать, улица становилась тише; красавица оглянулась, и ему показалось, как будто легкая улыбка сверкнула на губах ее. Он весь задрожал и не верил своим глазам. Нет, это фонарь обманчивым светом своим выразил на лице ее подобие улыбки, нет, это собственные мечты смеются над ним. Но дыхание занялось в его груди, все в нем обратилось в неопределенный трепет, все чувства его горели и все перед ним окинулось каким-то туманом. Тротуар неся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу, и алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице его глаз. И все это произвел один взгляд, один поворот хорошенькой головки. Не слыша, не видя, не внимая, он неся по легким следам прекрасных ножек, стараясь сам умерить быстроту своего шага, летевшего под такт сердца. Иногда овладевало им сомнение: точно ли выражение лица ее было так благосклонно, и тогда он на минуту останавливался, но сердечное биение, непреодолимая сила и тревога всех чувств стремилась его вперед. Он даже не заметил, как вдруг возвы-

сился перед ним четырехэтажный дом, все четыре ряда окон, светившиеся огнем, глянули на него разом и перилы у подъезда противупоставили ему железный толчок свой. Он видел, как незнакомка летела по лестнице, оглянулась, положила на губы палец и дала знак следовать за собою. Колени его дрожали; чувства, мысли горели; молния радости нестерпимым острием вонзилась в его сердце. Нет, это уже не мечта! Боже! столько счастья в один миг! такая чудесная жизнь в двух минутах!

Но не во сне ли это все? ужели та, за один небесный взгляд которой он готов бы был отдать всю жизнь, приблизиться к жилищу которой уже он почитал за неизъяснимое блаженство, ужели та была сейчас так благосклонна и внимательна к нему? Он взлетел на лестницу. Он не чувствовал никакой земной мысли; он не был разогрет пламенем земной страсти, нет, он был в эту минуту чист и непорочен, как девственный юноша, еще дышащий неопределенною духовною потребностью любви. И то, что возбудило бы в развратном человеке дерзкие помышления, то самое, напротив, еще более освятило их. Это доверие, которое оказало ему слабое прекрасное существо, это доверие наложило на него обет строгости рыцарской, обет рабски исполнять все повеления ее. Он только желал, чтоб эти веления были как можно более трудны и неудобноисполняемы, чтобы с большим напряжением сил лететь преодолевать их. Он не сомневался, что какое-нибудь тайное и вместе важное происшествие заставило незнакомку ему верить; что от него верно будут требоваться значительные услуги, и он чувствовал уже в себе силу и решимость на все.

Лестница вилась, и вместе с нею вились его быстрые мечты. «Идите осторожнее!» — зазвучал, как арфа, голос и наполнил все жилы его новым трепетом. В темной вышине четвертого этажа незнакомка постучала в дверь — она отворилась, и они вошли вместе. Женщина довольно недурной наружности встретила их со свечою в руке, но так странно и нагло посмотрела на Пискарева, что он опустил невольно свои глаза. Они вошли в комнату. Три женские фигуры в разных углах представились его глазам. Одна раскладывала карты; другая сидела за фортепианом и играла двумя пальцами какое-то жалкое подобие старинного полонеза; третья сидела перед зеркалом, расчесывая гребнем свои длинные волосы, и вовсе не думала оставить туалета своего при входе незнакомого лица. Какой-то неприятный беспорядок, который можно встретить только в беспечной комнате холостяка, царствовал во всем. Мебели довольно хорошие были покрыты пылью; паук застилал своею паутиною лепной карниз; сквозь

непритворенную дверь другой комнаты блестел сапог со шпорой и краснела выпушка мундира; громкий мужской голос и женский смех раздавались без всякого принуждения.

Боже, куда зашел он! Сначала он не хотел верить и начал пристальнее всматриваться в предметы, наполнявшие комнату; но голые стены и окна без занавес не показывали никакого присутствия заботливой хозяйки, изношенные лица этих жалких созданий, из которых одна села почти перед его носом и так же спокойно его рассматривала, как пятно на чужом платье, все это уверило его, что он зашел в тот отвратительный приют, где основал свое жилище жалкий разврат, порожденный мишурною образованностью и страшным многолюдством столицы. Тот приют, где человек святотатственно подавил и посмеялся над всем чистым и святым, украшающим жизнь, где женщина, эта красавица мира, венец творения, обратилась в какое-то странное, двусмысленное существо, где она вместе с чистотою души лишилась всего женского и отвратительно присвоила себе ухватки и наглости мужчины и уже перестала быть тем слабым, тем прекрасным и так отличным от нас существом. Пискарев мерял ее с ног до головы изумленными глазами, как бы еще желая увериться, та ли это, которая так околдовала и унесла его на Невском проспекте. Но она стояла перед ним так же хороша; волосы ее были так же прекрасны; глаза ее казались все еще небесными. Она была свежа; ей было только 17 лет; видно было, что еще недавно настигнул ее ужасный разврат; он еще не смел коснуться к ее щекам, они были свежи и легко оттенены тонким румянцем — она была прекрасна.

Он неподвижно стоял перед нею и уже готов был так же просто-душно позабыться, как позабылся прежде. Но красавица наскучила таким долгим молчанием и значительно улыбнулась, глядя ему прямо в глаза. Но эта улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости: она так была странна и так же шла к ее лицу, как идет выражение набожности рожке взяточника или бухгалтерская книга поэту. — Он содрогнулся. Она раскрыла свои хорошенькие уста и стала говорить что-то, но все это было так глупо, так пошло... Как будто вместе с непорочностью оставляет и ум человека. Он уже ничего не хотел слышать. Он был чрезвычайно смешон и прост как дитя. Вместо того чтобы воспользоваться такою благосклонностью, вместо того чтобы обрадоваться такому случаю, какому, без сомнения, обрадовался бы на его месте всякой другой, он бросился со всех ног, как дикая коза, и выбежал на улицу.

Повесивши голову и опустивши руки сидел он в своей комнате, как бедняк, нашедший бесценную жемчужину и тут же выронивший

ее в море. «Такая красавица, такие божественные черты и где же? в каком месте?...» Вот все, что он мог выговорить.

В самом деле, никогда жалость так сильно не овладевает нами, как при виде красоты, тронутой тлетворным дыханием разврата. Пусть бы еще безобразие дружилось с ним, но красота, красота нежная... она только с одной непорочностью и чистотой сливается в наших мыслях. Красавица, так околдовавшая бедного Пискарева, была действительно чудесное, необыкновенное явление. Ее пребывание в этом презренном кругу еще более казалось необыкновенным. Все черты ее были так чисто образованы, все выражение прекрасного лица ее было означено таким благородством, что никак бы нельзя было думать, чтобы разврат распустил над нею страшные свои когти. Она бы составила неоцененный перл, весь мир, весь рай, все богатство страстного супруга; она была бы прекрасной тихой звездой в незаметном семейном кругу и одним движением прекрасных уст своих давала бы сладкие приказания. Она бы составила божество в многолюдном зале на светлом паркете при блеске свечей, при безмолвном благоговении толпы поверженных у ног ее поклонников, — но увы! она была какою-то ужасною волею адского духа, жаждущего разрушить гармонию жизни, брошена с хохотом в свою пучину.

Проникнутой разрывающею жалостью, сидел он перед нагоревшею свечою. Уже и полночь давно минула, колокол башни бил половину первого, а он сидел неподвижный, без сна, без деятельного бдения. Дремота, воспользовавшись его неподвижностью, уже было начала тихонько одолевать его, уже комната начала исчезать, один только огонь свечи просвечивал сквозь одолевавшие его грезы, как вдруг стук у дверей заставил его вздрогнуть и очнуться. Дверь открылась, и вошел лакей в богатой ливрее. В его уединенную комнату никогда не заглядывала богатая ливрея, притом в такое необыкновенное время... Он недоумевал и с нетерпеливым любопытством смотрел на пришедшего лакея.

— Та барыня, — произнес с учтивым поклоном лакей, — у которой вы изволили за несколько часов пред сим быть, приказала просить вас к себе и прислала за вами карету.

Пискарев стоял в безмолвном удивлении: карету, лакей в ливрее!.. Нет, здесь верно есть какая-нибудь ошибка... «Послушайте, любезной, — произнес он с робостью, — вы верно не туда изволили зайти. Вас барыня, без сомнения, прислала за кем-нибудь другим, а не за мною».

— Нет, сударь, я не ошибся. Ведь вы изволили проводить барыню пешком к дому, что в Литейной, в комнату четвертого этажа?

— Я.

— Ну так пожалуйста поскорее, барыня непременно желает видеть вас и просит вас уже пожаловать прямо к ним на дом.

Пискарев сбежал с лестницы. На дворе точно стояла карета. Он сел в нее, дверцы хлопнули, камни мостовой загремели под колесами и копытами — и освещенная перспектива домов с яркими вывесками понеслась мимо каретных окон. Пискарев думал во всю дорогу и не знал, как разрешить это приключение. Собственный дом, карета, лакей в богатой ливрее... все это он никак не мог согласить с комнатой в четвертом этаже, пыльными окнами и расстроенным фортепианом. Карета остановилась перед ярко освещенным подъездом, и его разом поразили: ряд экипажей, говор кучеров, ярко освещенные окна и звуки музыки. Лакей в богатой ливрее высадил его из кареты и почтительно проводил в сени с мраморными колоннами, с облитым золотом швейцаром, с разбросанными плащами и шубами, с яркою лампою. Воздушная лестница с блестящими перилами, надушенная ароматами, неслась вверх. Он уже был на ней, уже взошел в первую залу, испугавшись и попятившись с первым шагом от ужасного многолюдства. Необыкновенная пестрота лиц привела его в совершенное замешательство, ему казалось, что какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе. Сверкающие дамские плеча и черные фраки, люстры, лампы, воздушные летящие газы, эфирные ленты и толстый контра-бас, выглядывавший из-за перил великолепных хоров, — все было для него блистательно. Он увидел за одним разом столько почтенных стариков и полустариков с звездами на фраках, дам, так легко, гордо и грациозно выступавших по паркету или сидевших рядами, он услышал столько слов французских и английских, к тому же молодые люди в черных фраках были исполнены такого благородства, с таким достоинством говорили и молчали, так не умели сказать ничего лишнего, так величаво шутили, так почтительно улыбались, такие превосходные носили бакенбарды, так искусно умели показывать отличные руки, поправляя галстух, дамы так были воздушны, так погружены в совершенное самодовольство и упоение, так очаровательно потупляли глаза, что... но один уже смиренный вид Пискарева, прислонившегося с боязнию к колонне, показывал, что он растерялся вовсе. В это время толпа обступила танцующую группу. Они неслись, увитые прозрачным созданием Парижа, в платьях, сотканных из самого воздуха; небрежно касались они блестящими ножками паркета и были более эфирны, нежели если бы вовсе его не касались. Но одна между ими всех лучше, всех роскошнее и блиста-

тельное одета. Невыразимое, самое тонкое сочетание вкуса разлилось во всем ее уборе, и при всем том она, казалось, вовсе о нем не заботилась и оно вылилось невольно само собою. Она и глядела и не глядела на обступившую толпу зрителей, прекрасные длинные ресницы опустились равнодушно, и сверкающая белизна лица ее еще ослепительнее бросилась в глаза, когда легкая тень осенила при наклоне головы очаровательной лоб ее.

Пискарев употребил все усилия, чтобы раздвинуть толпу и рассмотреть ее; но, к величайшей досаде, какая-то огромная голова с темными курчавыми волосами заслоняла ее беспрестанно; притом толпа его притиснула так, что не смел податься вперед, не смел попятиться назад, опасаясь толкнуть каким-нибудь образом какого-нибудь Тайного Советника. Но вот он продрался-таки вперед и взглянул на свое платье, желая прилично оправиться. Творец Небесный, что это! на нем был сюртук и весь запачканный красками. Спеша ехать, он позабыл даже переодеться в пристойное платье. Он покраснел до ушей и потупив голову хотел провалиться, но провалиться решительно было некуда: Камер-юнкера в блестящем костюме сдвинулись позади его совершенною стеною. Он уже желал быть как можно подалее от красавицы с прекрасным лбом и ресницами. Со страхом поднял глаза посмотреть, не глядит ли она на него: Боже! она стоит перед ним... Но что это? что это? «Это она!» — вскрикнул он почти во весь голос. В самом деле это была она, та самая, которую встретил он на Невском и которую проводил к ее жилищу.

Она подняла между тем свои ресницы и глянула на всех своим ясным взглядом. «Ай, ай, ай как хороша!...» — мог только выговорить он с захватившимся дыханием. Она обвела своими глазами весь круг, наперерыв жаждавший остановить ее внимание, но с каким-то утомлением и невниманием она скоро отвратила их и встретилась с глазами Пискарева. О какое Небо! какой рай! дай силы, Создатель, перенести это! жизнь не вместит его, он разрушит и унесет душу! Она подала знак, но не рукою, не наклоном головы, нет, в ее сокрушительных глазах выразился этот знак, таким тонким незаметным выражением, что никто не мог его видеть, но он видел, он понял его. Танец длился долго; утомленная музыка, казалось, вовсе погасала и замирала и опять вырывалась, визжала и гремела; наконец — конец! — Она села, грудь ее воздымалась под тонким дымом газа; рука ее (Создатель, какая чудесная рука!) упала на колени, сжала под собою ее воздушное платье, и платье под нею, казалось, стало дышать музыкою, и тонкий сиреневый цвет его еще виднее означал яркую белизну этой прекрасной руки. Коснуться бы только ее — и ничего

больше! никаких других желаний — они все дерзки.... Он стоял у ней за стулом не смея говорить, не смея дышать. «Вам было скучно?» — произнесла она, — я также скучала. Я замечаю, что вы меня ненавидите....» — прибавила она, потупив свои длинные ресницы.

— Вас ненавидеть? мне? я... — хотел было произнести совершенно потерявшийся Пискарев и наговорил бы верно кучу самых несвязных слов, но в это время подошел Камергер с острыми и приятными замечаниями, с прекрасным завитым на голове хохлом. Он довольно приятно показывал ряд довольно недурных зубов и каждую остроту своею вбивал острый гвоздь в его сердце. Наконец кто-то из посторонних, к счастью, обратился к Камергеру с каким-то вопросом.

— Как это несносно! — сказала она, подняв на него свои небесные глаза. — Я сяду на другом конце зала; будьте там! — Она проскользнула между толпою и исчезла. Он как помешанный растолкал толпу и был уже там.

Так это она! она сидела как царица, всех лучше, всех прекраснее, и искала его глазами.

— Вы здесь, — произнесла она тихо. — Я буду откровенна перед вами: вам верно странными показались обстоятельства нашей встречи. Неужели вы думаете, что я могу принадлежать к тому презренному классу творений, в котором вы встретили меня. Вам кажутся странными мои поступки, но я вам открою тайну. Будете ли вы в состоянии, — произнесла она, устремив пристально на его глаза свои, — никогда не изменить ей?

— О, буду! буду! буду!...

Но в это время подошел довольно пожилой человек, заговорил с ней на каком-то непонятном для Пискарева языке и подал ей руку. Она умоляющим взглядом посмотрела на Пискарева и дала знак остаться на своем месте и ожидать ее прихода, но в припадке нетерпения он не в силах был слушать никаких приказаний даже из ее уст. Он отправился вслед за нею; но толпа разделила их. Он уже не видел сиреневого платья; с беспокойством проходил он из комнаты в комнату и толкал без милосердия всех встречных, но во всех комнатах все сидели тузы за вистом, погруженные в мертвое молчание. В углу комнаты спорило несколько пожилых людей о преимуществе военной службы перед статскою; в другом люди в превосходных фраках бросали легкие замечания о многотомных трудах поэта-труженика. Пискарев чувствовал, что один пожилой человек с почтенною наружностью схватил за пуговицу его фрака и представлял на его суждение одно весьма справедливое его замечание, но он грубо оттолкнул его, даже не заметивши, что у него на шее был довольно

значительный орден. Он перебежал в другую комнату — и там нет ее. В третью тоже — нет. Где же она! дайте ее мне! о, я не могу жить не взглянувши на нее! мне хочется выслушать, что она хотела сказать, — но все поиски его оставались тщетными. Беспокойный, утомленный, он прижался к углу и смотрел на толпу; но напряженные глаза его начали ему представлять все в каком-то неясном виде. Наконец ему начали явственно показываться стены его комнаты. Он поднял глаза; перед ним стоял подсвечник с огнем почти потухавшим в глубине его: вся свеча истаяла; сало было налито (на) столе его.

Так это он спал! Боже, какой сон! и зачем было просыпаться! зачем было одной минуты не подождать: она бы верно опять явилась! Досадный свет неприятным своим тусклым сиянием глядел в его окна. Комната в таком сером, таком мутном беспорядке... О как отвратительна действительность! Что она против мечты? Он разделся наскоро и лег в постель, закутавшись одеялом, желая на миг призвать улетевшее сновидение. Сон точно не замедлил к нему явиться, но представлял ему вовсе не то, что бы желал он видеть: то поручик Пирогов являлся с трубкою, то академический сторож, то Действительный Статский Советник, то голова чухонки, с которой он когда-то рисовал портрет, и тому подобная чепуха.

До самого полудня пролежал он в постеле, желая заснуть; но она не являлась. Хотя бы на минуту показала прекрасные черты свои, хотя бы на минуту зашумела ее легкая походка, хотя бы ее обнаженная, яркая, как заоблачный снег, рука мелькнула перед ним.

Все откинувши, все позабывши, сидел он с сокрушенным, с безнадежным видом, полный только одного сновидения. Ни к чему не думал он притронуться; глаза его без всякого участия, без всякой жизни глядели в окно, обращенное в двор, где грязный водовоз лил воду, мерзнувшую на воздухе, и козлиной голос разносчика дребезжал: *старого платья продать*. Вседневное и действительное странно поражало его слух. Так просидел он до самого вечера и с жадностью бросился в постель. Долго боролся он с бессонницею, наконец пересилил ее. Опять какой-то сон, какой-то пошлой, гадкой сон. Боже, умилосердись: хотя на минуту, хотя на одну минуту покажи ее! Он опять ожидал вечера, опять заснул, опять снился какой(-то) чиновник, который был вместе и чиновник, и фагот. О! это нестерпимо. Наконец она явилась! ее головка и локоны... она глядит... О как ненадолго! опять туман, опять какое-то глупое сновидение.

Наконец сновидения сделались его жизнью, и с этого времени вся жизнь его приняла странный оборот: он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне. Если бы его кто-нибудь видел сидящим

безмолвно перед пустым столом или шедшим по улице, то верно бы принял его за лунатика или разрушенного крепкими напитками; взгляд его был вовсе без всякого значения, природная рассеянность наконец развилась и властительно изгоняла на лице его все чувства, все движения. Он оживлялся только при наступлении ночи.

Такое состояние расстроило его силы, и самым ужасным мучением было для него то, что наконец сон начал его оставлять вовсе. Желая спасти это единственное свое богатство, он употреблял все средства восстановить его. Он слышал, что есть средство восстановить сон, для этого нужно принять только опиум. Но где достать этого опиума? Он вспомнил про одного персиянина, содержавшего магазин шалей, который всегда почти, когда ни встречал его, просил нарисовать ему красавицу. Он решился отправиться к нему, предполагая, что у него, без сомнения, есть этот опиум. Персиянин принял его сидя на диване и поджавши под себя ноги. «На что тебе опиум?» — спросил он его. Пискарев рассказал ему про свою бессонницу. «Хорошо, я дам тебе опиуму, только нарисуй мне красавицу. Чтob хорошая была красавица! чтобы брови были черные и очи большие, как маслины; а я сама чтобы лежала возле нее и курила трубку! слышишь, чтобы хорошая была! чтобы была красавица!» Пискарев обещал все. Персиянин на минуту вышел и возвратился с баночкою, наполненною темною жидкостью, бережно отлил часть ее в другую баночку и дал Пискареву с наставлением употреблять не больше как по семи капель в воде. С жадностию схватил он эту драгоценную баночку, которую не отдал бы за груды золота, и опрометью побежал домой.

Пришедши домой, он отлил несколько капель в стакан с водою и, проглотив, завалился спать.

Боже, какая радость! Она! опять она! но уже совершенно в другом виде! О как хорошо сидит она у окна деревенского светлого домика! наряд ее дышит такою простотою, в какую только облакается мысль поэта. Прическа на голове ее... Создатель, как проста эта прическа и как она идет к ней! Коротенькая косынка была слегка накинута на стройной ее шейке; все в ней скромно, все в ней тайное неизъяснимое чувство вкуса. Как мила ее грациозная походка! как музыкален шум ее шагов и простинького платья! как хороша рука ее, стиснутая волосьяным браслетом. Она говорит ему со слезою на глазах: «Не презирайте меня: я вовсе не та, за которую вы принимаете меня. Взгляните на меня, взгляните пристальнее и скажите: разве я способна к тому, что вы думаете?» — «О! нет, нет! пусть тот, кто осмелится подумать, пусть тот...» Но он проснулся! растроганный,

растерзанный, с слезами на глазах. «Лучше бы ты вовсе не существовала! не жила в мире, а была бы создание вдохновенного художника! Я бы не отходил от холста, я бы вечно глядел на тебя и целовал бы тебя. Я бы жил и дышал тобою, как прекраснейшею мечтою, и я бы был тогда счастлив. Никаких бы желаний не простирали далее. Я бы призывал тебя как ангела-хранителя пред сном и бдением, и тебя бы ждал я, когда бы случилось изобразить божественное и святое. Но теперь... какая ужасная жизнь! что пользы в том, что она живет? Разве жизнь сумасшедшего приятна его родственникам и друзьям, некогда его любившим? Боже, что за жизнь наша! вечный раздор мечты с существенностью!» Почти такие мысли занимали его беспрестанно. Ни о чем он не думал, даже почти ничего не ел и с нетерпением, со страстию любовника ожидал вечера и желанного видения. Беспреданное устремление мыслей к одному наконец взяло такую власть над всем бытием его и воображением, что желанный образ являлся ему почти каждый день, всегда в положении противоположном действительности, потому что мысли его были совершенно чисты, как мысли ребенка. Через эти сновидения самый предмет как-то более делался чистым и вовсе преображался.

Приемы опиума еще более раскалили его мысли, и если бы когда-нибудь влюбленный до последнего градуса безумия, стремительно, ужасно, разрушительно, мятежно, то этот несчастный был он.

Из всех сновидений одно было радостнее для него всех: ему представилась его мастерская, он так был весел, с таким наслаждением сидел с палитрою в руках. И она тут же. Она была уже его женою. Она сидела возле него, облокотившись прелестным локотком своим на спинку его стула, и смотрела на его работу. В ее глазах, томных, усталых, написано было бремя блаженства: все в комнате его дышало раем; было так светло, так убрано. Создатель! она склонилась к нему на грудь прелестную свою головку... Лучшего сна он еще никогда не видывал. Он встал после него как-то свежее и менее рассеянный, нежели прежде. В голове его родились странные мысли. Может быть, думал он, она вовлечена каким-нибудь невольным ужасным случаем в разврат; может быть, движения души ее склонны к раскаянию; может быть, она желала бы сама вырваться из ужасного состояния своего. И неужели равнодушно допустить ее гибель, и притом тогда, когда только стоит подать руку, чтобы спасти ее от потопления. Мысли его простирались еще далее. Меня никто не знает, говорил он сам себе, да и кому какое до меня дело, да и мне тоже нет до них дела. Если она изъявит чистое раскаяние и переменит жизнь

свою, я женюсь тогда на ней. Я должен на ней жениться и верно сделаю гораздо лучше, нежели многие, которые женятся на своих ключницах и даже часто на самых презренных тварях. Но мой подвиг будет бескорыстен и может быть даже великим. Я возвращу миру прекраснейшее его украшение.

Составивши такой легкомысленный план, он почувствовал краску, вспыхнувшую на его лице; он подошел к зеркалу и испугался сам впалых щек и бледности своего лица. Тщательно начал он принаряжаться; приумылся, пригладил волосы, надел новый фрак, щегольской жилет, набросил плащ и вышел на улицу. Ондохнул свежим воздухом и почувствовал свежесть на сердце, как выздоравливающий, решившийся выйти в первый раз после продолжительной болезни. Сердце его билось, когда он подходил к той улице, на которой нога его не была со времени роковой встречи.

Долго он искал дома; казалось, память ему изменила. Он два раза прошел улицу и не знал, перед которым остановиться. Наконец один показался ему похожим. Он быстро вбежал на лестницу, постучал в дверь: дверь отворилась, и кто же вышел к нему навстречу? Его идеал, его таинственный образ, оригинал мечтательных картин, та, которою он жил, так ужасно, так страдательно, так сладко жил. Она сама стояла перед ним: он затрепетал; он едва мог удержаться на ногах от слабости, обхваченный порывом радости. Она стояла перед ним так же прекрасна, хотя глаза ее были закрыты, хотя бледность кралась на лице ее, уже не так свежем, но она все была прекрасна.

— А! — вскрикнула она, увидевши Пискарева и протирая глаза свои. Тогда было уже два часа. — Зачем вы убежали тогда от нас?

Он в изнеможении сел на стул и глядел на нее.

— А я только что теперь проснулась; меня привезли в семь часов утра. Я была совсем пьяна, — прибавила она с улыбкою.

О лучше бы ты была нема и лишена вовсе языка, чем произносить такие речи! Она вдруг показала ему как в панораме всю жизнь ее. Однако ж несмотря на это, скрепившись сердцем, решился попробовать он, не будут ли иметь над нею действия его увещания. Сбравшись с духом, он дрожащим и вместе пламенным голосом начал представлять ей ужасное ее положение. Она слушала его со внимательным видом и с тем чувством удивления, которое мы изъясняем при виде чего-нибудь неожиданного и странного. Она взглянула, легко улыбнувшись, на сидевшую в углу свою приятельницу, которая, оставивши вычищать гребешок, тоже слушала со вниманием нового проповедника.

— Правда, я беден, — сказал наконец после долгого и поучительного увещания Пискарев, — но мы станем трудиться; мы постараемся наперерыв один перед другим улучшить нашу жизнь. Нет ничего приятнее, как быть обязану во всем самому себе. Я буду сидеть за картинами, ты будешь, сидя возле меня, одушевлять мои труды, вышивать или заниматься другим рукоделием, и мы ни в чем не будем иметь недостатка.

— Как можно! — прервала она речь с выражением какого-то презрения. — Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работой.

Боже! в этих словах выразилась вся низкая, вся презренная жизнь, жизнь, исполненная пустоты и праздности, верных спутников разврата.

— Женитесь на мне! — подхватила с наглым видом молчавшая до толе в углу ее приятельница. — Если я буду женою, я буду сидеть вот как! — при этом она сделала какую-то глупую мину на жалком лице своем, которою чрезвычайно рассмешила красавицу.

О! это уже слишком! этого нет сил перенести. Он бросился вон, потерявши и чувства, и мысли. Ум его помутился: глупо, без цели, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродил он весь день. Никто не мог знать, ночевал он где-нибудь или нет, на другой только день каким-то глупым инстинктом зашел он на свою квартиру, бледный, с ужасным видом, с растрепанными волосами, с признаками безумия на лице. Он заперся в свою комнату и никого не впускал, ничего не требовал. Протекли четыре дня, и его запертая комната ни разу не отворялась, наконец прошла неделя, и комната все так же была заперта. Бросились к дверям, начали звать его, но никакого не было ответа; наконец выломали дверь и нашли бездыханный труп его с перерезанным горлом. Окровавленная бритва валялась на полу. По судорожно раскинутым рукам и по страшно искаженному виду можно было заключить, что рука его была неверна и что он долго еще мучился, прежде нежели грешная душа его оставила тело.

Так погиб, жертва безумной страсти, бедный Пискарев, тихий, робкий, скромный, детски-простодушный, носивший в себе искру таланта, быть может со временем бы вспыхнувшего широко и ярко. Никто не поплакал над ним; никого не видно было возле его бездушного трупа, кроме обыкновенной фигуры квартального надзирателя и равнодушной мины городского лекаря. Гроб его тихо, даже без обрядов религии, повезли на Охту; за ним идучи, плакал один только солдат-сторож, и то потому, что выпил лишний штоф водки. Даже поручик Пирогов не пришел посмотреть на труп несчастного бедняка, которому он при жизни оказывал свое высокое покровительство.

Но в другой статье... (The text is a handwritten draft, mostly illegible due to cursive and fading. It appears to be a continuation of a story or a set of notes.)

Лист чернового автографа повести «Невский проспект» в «тетради Тарновских». Российская государственная библиотека. Москва

Впрочем, ему было вовсе не до того: он был занят чрезвычайным происшествием. Но обратимся к нему. — Я не люблю трупов и покойников, и мне всегда неприятно, когда переходит мою дорогу длинная погребальная процессия и инвалидный солдат, одетый каким-то капуцином, нюхает левою рукою табак, потому что правая занята факелом. Я всегда чувствую на душе досаду при виде богатого катафалка и бархатного гроба; но досада моя смешивается с грустью, когда я вижу, как ломовой извозчик тащит красной, ничем не покрытый гроб бедняка и только одна какая-нибудь нищая, встретившись на перекрестке, плетется за ним, не имея другого дела.

Мы, кажется, оставили поручика Пирогова на том, как он расстался с бедным Пискаревым и устремился за блондинкою. Эта блондинка была легинькое, довольно интересное созданище. Она останавливалась перед каждым магазином и заглядывалась на выставленные в окна кушаки, косынки, серьги, перчатки и другие безделушки, беспрестанно вертелась, глазела во все стороны и оглядывалась назад. «Ты, голубушка, моя!» — говорил с самоуверенностию Пирогов, продолжая свое преследование и закутавши лицо свое воротником шинели, чтобы не встретить кого-нибудь из знакомых. Но не мешает известить читателей, кто таков был поручик Пирогов.

Но прежде нежели мы скажем, кто таков был поручик Пирогов, не мешает кое-что рассказать о том обществе, к которому принадле-

жал Пирогов. Есть офицеры, составляющие в Петербурге какой-то средний класс общества. На вечере, на обеде у Статского Советника или у Действительного Статского, которой выслужил этот чин сорокалетними трудами, вы всегда найдете одного из них. Несколько бледных, совершенно бесцветных, как Петербург, дочерей, из которых иные перезрели, чайный столик, фортепиан, домашние танцы — все это бывает нераздельно с светлым эполетом, которой блещет при лампе, между благонаправленной блондинкой и черным фраком брата или домашнего знакомого. Этих хладнокровных девиц чрезвычайно трудно расшевелить и заставить смеяться; для этого нужно большое искусство или, лучше сказать, совсем не иметь никакого искусства. Нужно говорить так, чтобы не было ни слишком умно, ни слишком смешно, чтобы во всем была та мелочь, которую любят женщины. В этом надобно отдать справедливость означенным господам. Они имеют особенный дар заставлять смеяться и слушать этих бесцветных красавиц. Восклицания, задушаемые смехом: «ах перестаньте! не стыдно ли вам так смешить!» — бывают им часто лучшею наградою. В высшем классе они попадаются очень редко или, лучше, никогда. Оттуда они совершенно вытеснены тем, что называют в этом обществе аристократами; впрочем, они считаются учеными и воспитанными людьми. Они любят потолковать об литературе; хвалят Булгарина, Пушкина и Греча и говорят с презрением и остроумными колкостями об А.А. Орлове. Они не пропускают ни одной публичной лекции, будь она о бухгалтерии или даже о лесоводстве. В театре, какая бы ни была пиеса, вы всегда найдете одного из них, выключая разве если уже играют какие-нибудь филатки, которыми очень оскорбляется их разборчивый вкус. В театре они бесценны. Это самые выгодные люди для театральной дирекции. Они особенно любят в пиесе хорошие стихи, также очень любят громко вызывать актеров, многие из них, преподавая в казенных заведениях или готовя к казенным заведениям, заводятся наконец кабриолетом и парой лошадей. Тогда круг их становится обширнее; они достигают наконец до того, что женятся на купеческой дочери, умеющей играть на фортепиано, с сотнею тысяч или около того наличных и кучею братодатой родни. Однако ж этой чести они не прежде могут достигнуть, как выслуживши по крайней мере до полковничьего чина. Потому что русские бородки несмотря на то, что от них еще несколько отзывается капуста, никаким образом не хотят видеть дочерей своих ни за кем, кроме Генералов или по крайней мере Полковников. Таковы главные черты этого сорта молодых людей. Но поручик Пирогов имел множество талантов, собственно ему принадлежавших. Он пре-

восходно декламировал стихи из Димитрия Донского и Горе от Ума, имел особенное искусство пускать из трубки дым кольцами так удачно, что вдруг мог нанизать их около десяти одно на другое. Умел очень приятно рассказывать анекдот о том, что пушка сама по себе, а единорог сам по себе. Впрочем, оно несколько трудно перечесть все таланты, которыми судьба наградила Пирогова. Он любил поговорить об актрисе и танцовщице, но уже не так резко, как обыкновенно изъясняется об этом предмете молодой прапорщик. Он был очень доволен своим чином, в который был произведен недавно, и хотя иногда, ложась на диван, он говорил: «ох, ох! суета, все суета! что из этого, что я поручик?» — но втайне его очень льстило это новое достоинство; он в разговоре часто старался намекнуть о нем обвиняком, и один раз, когда попался ему на улице какой-то писарь, показавшийся ему невежливым, он немедленно остановил его и в немногих, но резких словах дал заметить ему, что перед ним стоял поручик, а не другой какой офицер. Тем более старался он изложить это красноречивее, что тогда проходили мимо его две весьма недурные дамы. Пирогов вообще показывал страсть ко всему изящному и поощрял художника Пискарева; впрочем, это происходило, может быть, оттого, что ему весьма желалось видеть мужественную физиогномию свою на портрете. Но довольно о качествах Пирогова. Человек такое дивное существо, что никогда не можно исчислить вдруг всех его достоинств, и чем более в него всматриваешься, тем более является новых особенностей и описание их было бы бесконечно. Итак, Пирогов не переставал преследовать незнакомку, от времени до времени занимая ее вопросами, на которые она отвечала редко, отрывисто и какими-то неясными звуками. Они вошли темными Казанскими воротами в Мещанскую улицу, улицу табачных и мелочных лавок, немцев-ремесленников и чухонских нимф. Блондинка бежала скорее и впорхнула в ворота одного довольно запачканного дома. Пирогов за нею. Она взбежала по узинькой темной лестнице и вошла в дверь, в которую тоже смело пробрался Пирогов. Он увидел себя в большой комнате с черными стенами, с закопченным потолком. Куча железных винтов, слесарных инструментов, блестящих кофейников и подсвечников была на столе; пол был засорен медными и железными опилками. Пирогов тотчас смекнул, что это была квартира мастерового. Незнакомка порхнула далее в боковую дверь. Он было на минуту задумался, но, следуя русскому правилу, решился идти вперед. Он вошел в комнату, вовсе не похожую на первую, убранную очень опрятно, показывавшую, что хозяин был немец. Он был поражен необыкновенно странным видом.

Перед ним сидел Шиллер, не тот Шиллер, который написал Вильгельма Теля и историю Тридцатилетней войны, но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера. Шиллер был пьян и сидел на стуле, топая ногою и говоря что-то с жаром. Все это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно странное положение фигур. Шиллер сидел выставив свой довольно толстый нос и поднявши вверх голову; а Гофман держал его за этот нос двумя пальцами и вертел лезвием своего сапожнического ножа на самой его поверхности. Обе особы говорили на немецком языке, и потому поручик Пирогов, который знал по-немецки только «гут-морген», ничего не мог понять из всей этой истории. Впрочем, слова Шиллера заключались вот в чем.

«Я не хочу, мне не нужен нос! — говорил он размахивая руками. — У меня на один нос выходит три фунта табаку в месяц. И я плачу в русской скверной магазин, потому что немецкой магазин не держит русского табаку, я плачу в русской скверной магазин за каждый фунт по 40 копеек; это будет рубль двадцать копеек — это будет четырнадцать рублей сорок копеек. Слышишь, друг мой Гофман? на один нос четырнадцать рублей сорок копеек. Да по праздникам я нюхаю рапе, потому что я не хочу нюхать по праздникам русской скверной табак. В год я нюхаю два фунта рапе, по два рубли фунт. Шесть да четырнадцать — двадцать рублей сорок копеек на один табак! Это разбой, я спрашиваю тебя, мой друг Гофман, не так ли?» Гофман, который сам был пьян, отвечал утвердительно. «Двадцать рублей сорок копеек! Я швабский немец; у меня есть Король в Германии. Я не хочу носа! режь мне нос! вот мой нос!»

И если бы не внезапное появление поручика Пирогова, то без всякого сомнения Гофман отрезал бы ни за что ни про что Шиллеру нос, потому что он уже привел нож свой в такое положение, как бы хотел кроить подошву.

Шиллеру показалось очень досадно, что вдруг незнакомое, непрошеное лицо так некстати ему помешало. Он несмотря на то, что был в упоительном чаду пива и вина, чувствовал, что несколько неприлично в таком виде и при таком действии находиться в присутствии постороннего свидетеля. Между тем Пирогов слегка наклонился и с свойственною ему приятностию сказал: «Вы извините меня....»

— Пошел вон! — отвечал протяжно Шиллер.

Это озадачило поручика Пирогова. Такое обращение ему было совершенно ново. Улыбка, слегка было показавшаяся на его лице,

вдруг пропала. С чувством огорченного достоинства он сказал: «Мне странно, милостивый государь.... вы верно не заметили... я офицер...»

— Что такое офицер! я швабской немец. Мой сам, — при этом Шиллер ударил кулаком по столу, — будет офицер: полтора года юнкер, два года поручик, и я завтра сейчас офицер. Но я не хочу служить. Я с офицером сделает так: фу! — При этом Шиллер подставил ладонь и фукнул на нее.

Поручик Пирогов увидел, что ему больше ничего не оставалось, как только удалиться; однако ж такое обхождение, вовсе неприличное его званию, ему было неприятно. Он несколько раз останавливался на лестнице, как бы желая собраться с духом и подумать о том, каким бы образом дать почувствовать Шиллеру его дерзость. Наконец рассудил, что Шиллера можно извинить, потому что голова его была наполнена пивом; к тому же представилась ему хорошенькая блондинка, и он решился предать это забвению. На другой день поручик Пирогов рано поутру явился в мастерской жестяных дел мастера. В передней комнате встретила его хорошенькая блондинка и довольно суровым голосом, который очень шел к ее личику, спросила: «Что вам угодно?»

— А, здравствуйте, моя миленькая! вы меня не узнали? плутовочка, какие хорошенькие глазки! — При этом поручик Пирогов хотел очень мило поднять пальцем ее подбородок. Но блондинка произнесла пугливое восклицание и с тою же суровостию спросила: «Что вам угодно?»

— Вас видеть, больше ничего мне не угодно, — произнес поручик Пирогов, довольно приятно улыбаясь и подступая ближе, но, заметив, что пугливая блондинка хотела проскользнуть в дверь, прибавил: — Мне нужно, моя миленькая, заказать шпоры. Вы можете мне сделать шпоры? хотя для того, чтобы любить вас, вовсе не нужно шпор, а скорее бы уздечку. Какие миленькие ручки! — Поручик Пирогов всегда бывал очень любезен в изъяснениях подобного рода.

— Я сейчас позову моего мужа, — вскрикнула немка и ушла, и чрез несколько минут Пирогов увидел Шиллера, выходявшего с заспанными глазами, едва очнувшегося от вчерашнего похмелья. Взглянувши на офицера, он припомнил как в смутном сне происшествие вчерашнего дня. Он ничего не помнил в таком виде, в каком было, но чувствовал, что сделал какую-то глупость, и потому принял офицера с очень суровым видом. «Я за шпоры не могу взять меньше пятнадцати рублей», — произнес он, желая отделаться от Пирогова; потому что ему, как честному немцу, очень совестно было смотреть на того,

кто видел его в неприличном положении. Шиллер любил пить совершенно без свидетелей, с двумя, тремя приятелями, и запирался на это время даже от своих работников.

— Зачем же так дорого? — ласково сказал Пирогов.

— Немецкая работа, — хладнокровно произнес Шиллер, поглаживая подбородок. — Русской возьмется сделать за два рубля.

— Извольте, чтобы доказать, что я вас люблю и желаю с вами познакомиться, я плачу пятнадцать рублей!

Шиллер минуту оставался в размышлении. Ему, как честному немцу, сделалось немного совестно; желая сам отклонить его от заказывания, он объявил, что раньше двух недель не может сделать. Но Пирогов без всякого прекословия изъявил совершенное согласие.

Немец задумался и стал размышлять о том, как бы лучше сделать свою работу, чтобы она действительно стоила пятнадцати рублей. В это время блондинка вошла в мастерскую и начала рыться на столе, уставленном кофейниками. Поручик воспользовался задумчивостью Шиллера, подступил к ней и пожал ручку, обнаженную до самого плеча. Это Шиллеру очень не понравилось.

— Мейн фрау! — закричал он.

— Вас волен зи дох? — отвечала блондинка.

— Гензи на кухня! — Блондинка удалилась.

— Так через две недели? — сказал Пирогов.

— Да, через две недели, — отвечал в размышлении Шиллер, — у меня теперь очень много работы.

— До свидания! я к вам зайду!

— До свидания, — отвечал Шиллер, запирая за ним дверь.

Поручик Пирогов решил не оставлять своих исканий, несмотря на то, что немка оказала явный отпор. Он не мог понять, чтобы можно было ему противиться; тем более, что любезность его и блестящий чин давали полное право на внимание. Надобно однако же сказать и то, что жена Шиллера при всей миловидности своей была очень глупа. Впрочем, глупость составляет особенную прелесть в хорошенькой жене. По крайней мере я знал много мужей, которые в восторге от глупости своих жен и видят в ней все признаки младенческой невинности. Красота производит совершенные чудеса. Все душевные недостатки в красавице, вместо того, чтобы произвести отвращение, становятся как-то необыкновенно привлекательны; самый порок дышит в них миловидностью; но исчезни она — и женщине нужно быть в двадцать раз умнее мужчины, чтобы внушить к себе если не любовь, то по крайней мере уважение. Впрочем, жена Шиллера при всей глупости была всегда верна своей обязанности, и пото-

му Пирогову довольно трудно было успеть в смелом своем предприятии; но с победою препятствий всегда соединяется наслаждение, и блондинка становилась для него интереснее день ото дня. Он начал довольно часто осведомляться о шпорах, так что Шиллеру это наконец наскучило. Он употреблял все усилия, чтобы окончить скорей начатые шпоры; наконец шпоры были готовы.

— Ах, какая отличная работа! — закричал поручик Пирогов, увидевши шпоры. — Господи, как это хорошо сделано! У нашего Генерала нет эдаких шпор.

Чувство самодовольствия распустилось по душе Шиллера. Глаза его начали глядеть довольно весело, и он совершенно примирился с Пироговым. «Русской офицер умной человек», — думал он сам про себя.

— Так вы, стало быть, можете сделать и оправу, например к кинжалу или другим вещам?

— О, очень могу! — сказал Шиллер с улыбкою.

— Так сделайте мне оправу к кинжалу. Я вам принесу; у меня очень хороший турецкий кинжал, но мне бы хотелось оправу к нему сделать другую.

Шиллера это как бомбою хватило. Лоб его вдруг наморщился. «Вот тебе на!» — подумал он про себя, внутренне ругая себя за то, что накликал сам работу. Отказаться он почитал уже бесчестным, притом же русский офицер похвалил его работу. — Он, несколько покачавши головою, изъявил свое согласие; но поцелуй, который уходя Пирогов вlepил нахально в самые губки хорошенькой блондинки, поверг его в совершенное недоумение.

Я почитаю не излишним познакомить читателя несколько покороче с Шиллером. Шиллер был совершенный немец в полном смысле всего этого слова. Еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, которое русской живет на фуфу, уже Шиллер размерил всю свою жизнь и никакого ни в коем случае не делал исключения. Он положил вставать в семь часов, обедать в два, быть точным во всем и быть пьяным каждое воскресенье. Он положил себе в течение 10 лет составить капитал из пятидесяти тысяч, и уже это было так верно и неотразимо, как судьба, потому что скорее чиновник позабудет заглянуть в швейцарскую своего начальника, нежели немец решится переменить свое слово. Ни в каком случае не увеличивал он своих издержек, и если цена на картофель слишком поднималась против обыкновенного, он не прибавлял ни одной копейки, но уменьшал только количество и хотя оставался иногда несколько голодным, но однако же привыкал к этому. Аккуратность

его простиралась до того, что он положил целовать жену свою в сутки не более двух раз, а чтобы как-нибудь не поцеловать лишней раз, он никогда не клал перцу более одной ложечки в свой суп; впрочем, в воскресной день это правило не так строго исполнялось, потому что Шиллер выпивал тогда две бутылки пива и одну бутылку тминной водки, которую однако же он всегда бранил. Пил он вовсе не так, как англичанин, которой тотчас после обеда запирает дверь на крючок и нарезывается один. Напротив, он, как немец, пил всегда вдохновенно, или с сапожником Гофманом, или с столяром Кунцом, тоже немцем и большим пьяницею. Таков был характер благородного Шиллера, который наконец был приведен в чрезвычайно затруднительное положение. Хотя он был флегматик и немец, однако ж поступки Пирогова возбудили в нем что-то похожее на ревность. Он ломал голову и не мог придумать, каким образом ему избавиться от этого русского офицера. Между тем Пирогов, куря трубку в кругу своих товарищей, потому что уже так провидение устроило, что где офицеры, там и трубки, куря трубку в кругу своих товарищей, намекал значительно и с приятною улыбкою об интрижке с хорошенькою немкою, с которою, по словам его, он уже совершенно был накоротке и которую он на самом деле едва ли не терял уже надежды преклонить на свою сторону.

В один день прохаживался он по Мещанской, поглядывая на дом, на котором красовалась вывеска Шиллера с кофейниками и самоварами; к величайшей радости своей, увидел он головку блондинки, свесившуюся в окошко и разглядывавшую прохожих. Он остановился, сделал ей ручкою и сказал: «гут морген». Блондинка поклонилась ему как знакомому.

— Что, ваш муж дома?

— Дома, — отвечала блондинка.

— А когда он не бывает дома?

— Он по воскресеньям не бывает дома, — сказала глупиная блондинка.

«Это недурно, — подумал про себя Пирогов, — этим нужно воспользоваться». — И в следующее воскресенье как снег на голову явился пред блондинкою. Шиллера действительно не было дома. Хорошенькая хозяйка испугалась; но Пирогов поступил на этот раз довольно осторожно, обошелся очень почтительно и раскланявшись показал всю красоту своего гибкого перетянутого стана. Он очень приятно и учтиво шутил, но глупиная немка отвечала на все односложными словами. Наконец, заходивши со всех сторон и видя, что ничто не может занять ее, он предложил ей танцевать. Немка согла-

силась в одну минуту, потому что немки всегда охотницы до танцев. На этом Пирогов очень много основывал свою надежду, во-первых, это уже доставляло ей удовольствие, во-вторых, это могло показать его торнюру и ловкость, в-третьих, в танцах ближе всего можно сойтись, обнять хорошенькую немку и проложить начало всему, короче, он выводил из этого совершенный успех. Он начал какой-то гавот, зная, что немкам нужна постепенность. Хорошенькая немка выступила на средину комнаты и подняла прекрасную ножку. Это положение так восхитило Пирогова, что он бросился ее целовать. Немка начала кричать и этим еще более увеличила свою прелесть в глазах Пирогова, он ее засыпал поцелуями. Как вдруг дверь отворилась и вошел Шиллер с Гофманом и столяром Кундом. Все эти достойные ремесленники были пьяны, как сапожники.

Но я предоставляю самим читателям судить о гневе и негодовании Шиллера.

— Грубиян! — закричал он в величайшем негодовании, — как ты смеешь целовать мою жену! Ты подлец, а не русской офицер. Черт побери, мой друг Гофман, я немец, а не русская свинья. — Гофман отвечал утвердительно. — О, я не хочу иметь роги! бери его, мой друг Гофман, за воротник, я не хочу, — продолжал он, сильно размахивая руками, причем лицо его было похоже на красное сукно его жилета. — Я восемь лет живу в Петербурге, у меня в Швабии мать моя, и дядя мой в Нюрнберге, я немец, а не рогатая говядина! прочь с него все, мой друг Гофман! держи его за руку и нога, комрат мой Кунц! — И немцы схватили за руки и ноги Пирогова.

Напрасно силился он отбиваться; эти три ремесленника были самой дюжий народ из всех петербургских немцев и поступили с ним так грубо и невежливо, что, признаюсь, я никак не нахожу слов к изображению этого печального события.

Я уверен, что Шиллер на другой день был в сильной лихорадке, что он дрожал как лист, ожидая с минуты на минуту прихода полиции, что он Бог знает чего бы не дал, чтобы все происходившее вчера было во сне. Но что уже было, того нельзя переменить. Ничто не могло сравниться с гневом и негодованием Пирогова. Одна мысль об таком ужасном оскорблении приводила его в бешенство. Сибирь и плети он почитал самым малым наказанием для Шиллера. Он летел домой, чтобы одевшись оттуда идти прямо к Генералу, описать ему самыми разительными красками буйство немецких ремесленников. Он разом хотел подать и письменную просьбу в Главный штаб, если же назначение наказания будет неудовлетворительно, тогда идти дальше и дальше.

Но все это как-то странно кончилось. По дороге он зашел в кондитерскую, съел два слоеных пирожка, прочитал кое-что из Северной Пчелы и вышел уже не в столь гневном положении. Притом довольно приятный прохладный вечер заставил его несколько пройти по Невскому проспекту; к 9 часам он успокоился и нашел, что в воскресенье нехорошо беспокоить Генерала, при том он без сомнения куда-нибудь отозван, и потому он отправился на вечер к одному Правителю Контрольной Коллегии, где было очень приятное собрание чиновников и офицеров. Там с удовольствием провел вечер и так отличился в мазурке, что привел в восторг не только дам, но даже и кавалеров.

«Дивно устроен свет наш! — думал я, идя третьего дня по Невскому проспекту и приводя на память эти два происшествия. — Как странно, как непостижимо играет нами судьба наша! получаем ли мы когда-нибудь то, чего желаем? Достигаем ли мы того, к чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Все происходит наоборот. Тому судьба дала прекраснейших лошадей, и он равнодушно катается на них, вовсе не замечая их красоты, тогда как другой, которого сердце горит лошадиною страстью, идет пешком и довольствуется только тем, что пощелкает языком, когда мимо его проводят рысака. Тот имеет отличного повара, но, к сожалению, такой маленькой рот, что больше двух кусочков никак не может пропустить, другой имеет рот величиною в арку Главного штаба, но увы! должен довольствоваться каким-нибудь немецким обедом из картофеля. Как странно играет нами судьба наша!»

Но страннее всего происшествия, случающиеся на Невском проспекте. О, не верьте этому Невскому проспекту. Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Все обман, все мечта, все не то, чем кажется. Вы думаете, что этот господин, который гуляет в отлично сшитом сюртучке, очень богат, — ничуть не бывало: он весь состоит из своего сюртучка. Вы воображаете, что эти два толстяка, остановившиеся перед строящеюся церковью, судят об архитектуре ее, совсем нет, они говорят о том, как странно сели две вороны одна против другой. Вы думаете, что этот энтузиаст, размахивающий руками, говорит о том, как жена его бросила из окна шариком в незнакомого ему вовсе офицера, совсем нет, он говорит о Лафаэте. Вы думаете, что эти дамы... но дамам меньше всего верьте. Менее заглядывайте в окна магазинов: безделушки, в них выставленные, прекрасны, но пахнут страшным количеством ассигнаций. Но Боже вас сохрани заглядывать дамам под шляпки. Как ни развевайся вдали плащ краса-

вицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Далее, ради Бога, далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом. Но и кроме фонаря все дышит обманом. Он лжет во всякое время, этот Невской проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валятся с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде.

О МАЛОРОССИЙСКИХ ПЕСНЯХ

Только в последние годы, в эти времена стремления к самобытности и собственной народной поэзии, обратили на себя внимание малороссийские песни, бывшие до того скрытыми от образованного общества и державшиеся в одном народе. До того времени одна только очаровательная музыка их изредка заносилась в высший круг; слова же оставались без внимания и почти ни в ком не возбуждали любопытства. Даже музыка их не появлялась никогда вполне. Бездарный композитор безжалостно разрывал ее и клеил в свое бесчувственное, деревянное создание*. Но лучшие песни и голоса слышали только одни украинские степи: только там, под сенью низеньких глиняных хат, увенчанных шелковицами и черешнями, при блеске утра, полудня и вечера, при лимонной желтизне падающих колосьев пшеницы, они раздаются, прерываемые одними степными чайками, вереницами жаворонков и стеньящими иволгами.

Я не распространяюсь о важности народных песен. Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была деятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтического и он при всей многосторонности ее не получил высшей цивилизации, то весь пыл, все сильное, юное бытие его выливается в народных песнях. Они — надгробный памятник былого, более нежели надгробный памятник. Камень с красноречивым рельефом, с историческою надписью — ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи. В этом отношении песни для Малороссии — все: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России. Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении не многие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт,

* Впрочем, любители музыки и поэзии могут несколько утешиться: недавно издано прекрасное собрание песен Максимовичем и при нем голоса, переложенные Алябевым.

стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и пороэль каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии.

Песни малороссийские могут вполне назваться историческими, потому что они не отрываются ни на миг от жизни и всегда верны тогдашней минуте и тогдашнему состоянию чувств. Везде проникает их, везде в них дышит эта широкая воля козацкой жизни. Везде видна та сила, радость, могущество, с какою козак бросает тишину и беспечность жизни домовитой, чтобы вдатся во всю поэзию битв, опасностей и разгульного пиршества с товарищами. Ни чернбровая подруга, пылающая свежестью, с карими очами, с ослепительным блеском зубов, вся преданная любви, удерживающая за стремя коня его, ни престарелая мать, разливающаяся как ручей слезами, которой всем существованием завладело одно материнское чувство, — ничто не в силах удержать его. Упрямый, непреклонный, он спешит в степи, в вольницу товарищей. Его жену, мать, сестру, братьев, все заменяет ватага гульвивых рыцарей набегов. Узы этого братства для него выше всего, сильнее любви. Сверкает Черное море; вся чудесная, неизмеримая степь от Тамана до Дуная — дикий океан цветов колыхается одним налетом ветра; в беспредельной глубине неба тонут лебеди и журавли; умирающий козак лежит среди этой свежести девственной природы и собирает все силы, чтоб не умереть, не взглянув еще раз на своих товарищей.

То ще добре козацька голова знала,
Що без вийска козацького не вмирала.

Увидевши их, он насыщается и умирает. Выступает ли козацкое войско в поход с тишиною и повиновением, извергает ли из самопалов потоп дыма и пуль; кружает ли вольно мед, вино; описывается ли ужасная каэль гетмана, от которой дыбом подымается волос, мщенье ли козаков, вид ли убитого козака, с широко раскинутыми руками на траве, с разметанным чубом, клеткы ли орлов в небе, спорящих о том, кому из них выдирать козацкие очи: все это живет в песнях и окинуто смелыми красками. Остальная половина песней изображает другую половину жизни народа: в них разбросаны черты быта домашнего; здесь во всем совершенная противоположность. Там одни козаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здесь, напротив, один женский мир, нежный, тоскливый, дышащий любовью. Эти два пола виделись между собою самое короткое время и потом разлуча-

лись на целые годы. Годы эти были проводимы женщинами в тоске, в ожидании своих мужей, любовников, мелькнувших перед ними в своем пышном военном убранстве, как сновидение, как мечта. Оттого любовь их делается чрезвычайно поэтической. Свежая, невинная, как голубка, молодая супруга вдруг узнала все блаженство, весь рай женщины, которая вся создана для любви. Все начало весны ее, проведенное с этим мощным, вольным питомцем войны, столпило для нее радость всей жизни в одно быстро мелькнувшее мгновение. Против него ничто вся остальная жизнь; она живет одним этим мгновением. Тоскуя, ждет она с утра до вечера возврата своего чернобрового супруга.

Ой черные бровенята!
Лыхо мини з вами:
Не хочете ночеваты
Ни ноченьки сами.

Она вся живет воспоминанием. Все, на что они глядели вместе, куда они вместе ходили, что вместе говорили, все это припоминает она, не упуская ни одной мелкой черты. Она обращается ко всему, что ни видит в природе, дышащей жизнью, и даже к бесчувственным предметам, и всем им говорит и жалуется. И как просты, как поэтически-просты ее исполненные души речи! Ко всему применяет она состояние свое и не может наговориться, потому что человек много-речив всегда, когда в его грусти заключается тайная сладость. Наконец с тихим, но безнадежным отчаянием говорит она:

Да вжеж мини не ходыты,
Куды я ходыла!
Да вжеж мини не любиты,
Кого я любила!
Да вжеж мини не ходыты
Ранком по-пид замком!
Да вжеж мини не стояты
И з моим коханком!
Да вжеж мини не ходыты
В лиски по оришки!
Да вжеж мини минулися
Дивоцкие смишки!

Чтобы сколько-нибудь сделать доступною для не знающих малороссийского языка глубину чувств, рассыпанных в этих песнях, привожу одну из них в переводе.

Рассердился, разгневался на меня мой милый! Вот он седлает своего вороного коня и едет далеко-далеко от меня.

«Куда же ты, мой милый, голубчик мой сизый, куда ты уезжаешь? Кому ты меня беззащитую, молодую, кому оставляешь?»

«Оставляю тебя, моя милая, одному Богу. Жди меня, пока не возвращусь из дальней дороги».

О если б я знала, если бы видела, откуда будет ехать мой милый: я бы ему по всей дороге мостила мосты из зеленого тростника и все бы ждала его в гости.

Боже Всесильный! выровняй все долины и горы, чтобы везде было ровно, чтобы отголе ему до самого дому было хорошо ехать.

Чу! луга шумят, берега звенят, по дороге зеленеет трава — это он! это мой милый едет!

Чу! луга шумят, берега звенят, расцветает калина — верно где-нибудь мой милый, голубчик мой сизый, с другою разговаривает.

«Зачем же ты не приехал, зачем не прилетел, как я тебе говорила? Коня ли не имел, дороги ли не знал, или мать не велела тебе?»

«Я коня имею; я и дорогу знаю, и мать еще вчера с вечера велела мне седлать коня —

Но только лишь сяду на коня, только лишь выеду за ворота, как уже бежит за мною другая и так жалко стонет, так плачет, что тоска ее хватает за самое сердце».

Можно привести до тысячи подобных песен, может быть даже гораздо лучших. Все они благозвучны, душисты, разнообразны чрезвычайно. Везде новые краски, везде простота и невыразимая нежность чувств. Где же мысли в них коснулись религиозного, там они необыкновенно поэтически. Они не изумляются колоссальным созданиям вечного Творца: это изумление принадлежит уже ступившему на высшую ступень самопознания; но их вера так невинна, так трогательна, так непорочна, как непорочна душа младенца. Они обращаются к Богу, как дети к отцу; они вводят Его часто в быт своей жизни с такою невинною простотою, что безыскусственное Его изображение становится у них величественным в самой простоте своей. От этого самые обыкновенные предметы в песнях их облекаются невыразимою поэзией, чему еще более помогают остатки обрядов древней славянской мифологии, которые они покорили христианству. Часто тоскующая дева умоляет Бога, чтобы Он засветил на небе восковую свечку, пока ее милый перебредет через реку Дунай. На всем печать чистого первоначального младенчества, стало быть и высокой поэзии. Изложение песней их, как женских, так и козацких, почти всегда драматическое — признак развития народного духа и деятель-

ной, беспокойной жизни, долго обнимавшей народ. Песни их почти никогда не обращаются в описательные и не занимают долго изображением природы. Природа у них едва только скользит в куплете; но тем не менее черты ее так новы, тонки, резки, что представляют весь предмет; впрочем, к ним прибегают для того только, чтобы сильнее выразить чувства души, и потому явления природы послушно влекутся у них за явлениями чувства. То же самое у них представляется разом и во внешнем и во внутреннем мире. Часто вместо целого внешнего находится только одна резкая черта, одна часть его. В них нигде нельзя найти подобной фразы: *был вечер*; но вместо этого говорится то, что бывает вечером, напр(имер):

Шли коровы из дубровы, а овечки с поля.
Выплакала кари очи, край милого стоя.

Оттого весьма многие, не поняв, считали подобные обороты бессмыслицей. Чувство у них выражается вдруг, сильно, резко, и никогда не охлаждается длинным периодом. Во многих песнях нет одной мысли, так что они походят на ряд куплетов, из которых каждый заключает в себе отдельную мысль. Иногда они кажутся совершенно беспорядочными, потому что сочиняются мгновенно, и так как взгляд народа жив, то обыкновенно те предметы, которые первые бросаются на глаза, первые помещаются и в песни. Но зато из этой пестрой кучи вышибаются такие куплеты, которые поражают самую очаровательную безотчетность поэзии. Самая яркая и верная живопись и самая звонкая звучность слов разом соединяются в них. Песня сочиняется не с пером в руке, не на бумаге, не с строгим расчетом, но в вихре, в забвении, когда душа звучит и все члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положение, становятся свободнее, руки вольно вскидываются на воздух и дикие волны веселья уносят его от всего. Это примечается даже в самых заунывных песнях, которых раздирающие звуки с болью касаются сердца. Они никогда не могли излиться из души человека в обыкновенном состоянии, при настоящем воззрении на предмет. Только тогда, когда вино перемешает и разрушит весь прозаический порядок мыслей, когда мысли непостижимо-странно в разногласии звучат внутренним согласием, в таком-то разгуле, торжественном, больше нежели веселом, душа, к непостижимой загадке, изливается нестерпимо-унылыми звуками. Тогда прочь дума и бдение! Весь таинственный состав его требует звуков. Оттого поэзия в песнях неуловима, очаровательна, градиозна, как музыка. Поэзия мыслей более доступна каждому, нежели поэзия звуков или, лучше сказать, поэзия поэзии. Ее один только избран-

ный, один истинный в душе поэт понимает; и потому-то часто самая лучшая песня остается незамеченною, тогда как незавидная выигрывает своим содержанием.

Стихосложение малороссийское самое выгодное для песен: в нем соединяются вместе и размер, и тоника, и рифма. Падение звуков в них скоро, быстро; оттого строка никогда почти не бывает слишком длинна; если же это и случается, то цезура по середине с звонкою рифмою перерезывает ее. Чистые, протяжные ямбы редко попадают. Большею частию быстрые хорей, дактили, амфиврахии летят шибко один за другим, прихотливо и вольно мешаются между собою, производят новые размеры и разнообразят их до чрезвычайности. Рифмы звучат и сшибаются одна с другою, как серебряные подковы танцующих. Верность и музыкальность уха — общая принадлежность их. Часто вся строка созвучивается с другою, несмотря, что иногда у обеих даже рифмы нет. Близость рифм изумительна. Часто строка два раза терпит цезуру и два раза рифмуется до замыкающей рифмы, которой сверх того дает ответ вторая строка, тоже два раза созвучившись на середине. Иногда встречается такая рифма, которую по видимому нельзя назвать рифмою, но она так верна своим отголоском звуков, что нравится иногда более, нежели рифма, и никогда бы не пришла в голову поэту с пером в руке.

Характер музыки нельзя определить одним словом: она необыкновенно разнообразна. Во многих песнях она легка, грациозна; едва только касается земли и, кажется, шалит, резвится звуками. Иногда звуки ее принимают мужественную физиогномию; становятся сильны, могучи, крепки; стопы тяжело ударяют в землю, и кажется, как будто бы под них можно плясать одного только гопака. Иногда же звуки ее становятся чрезвычайно вольны, широки, взмахи гигантские, силающиеся обхватить бездну пространства, вслушиваясь в которые танцующий чувствует себя исполином: душа его и все существование раздвигается, расширяется до беспредельности. Он отделяется вдруг от земли, чтобы ударить в нее блестящими подковами и взнестись опять на воздух. Что же касается до музыки грусти, то она нигде не слышна так, как у них. Тоска ли это о прерванной юности, которой не дали довеселиться; жалобы ли это на бесприютное положение тогдашней Малороссии... но звуки ее живут, жгут, раздирают душу. Русская заунывная музыка выражает, как справедливо заметил М. Максимович, забвение жизни: она стремится уйти от нее и заглушить вседневные нужды и заботы; но в малороссийских песнях она слилась с жизнью — звуки ее так живы, что, кажется, не звучат, а говорят: говорят словами, выговаривают речи, и каждое слово этой

яркой речи проходит душу. Взвизги ее иногда так похожи на крик сердца, что оно вдруг и внезапно вздрагивает, как будто бы коснулось к нему острое железо. Безотрадное, равнодушное отчаяние иногда слышится в ней так сильно, что заслушавшийся забывается и чувствует, что надежда давно улетела из мира. В другом месте отрывистые стенания, вопли, такие яркие, живые, что с трепетом спрашиваешь себя: звуки ли это? Это невыносимый вопль матери, у которой свирепое насилие вырывает младенца, чтобы с зверским смехом расшибить его о камень. Ничто не может быть сильнее народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни; если натиски насилий и непреодолимых вечных препятствий не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали из него жалобы и если эти жалобы не могли иначе и нигде выразиться, как только в его песнях. Такова была беззащитная Малороссия в ту минуту, когда хищно ворвалась в нее Уния. По ним, по этим звукам можно догадываться о ее минувших страданиях, так точно, как о бывшей буре с градом и проливным дождем можно узнать по бриллиантовым слезам, унизывающим с низу до вершины освеженные деревья, когда солнце мечет вечерний луч, разреженный воздух чист, вдали звонко дребезжит мычание стад, голубоватый дым — вестник деревенского ужина и довольства — несетя светлыми кольцами к небу и вечер, тихий, ясный вечер обнимает успокоенную землю.

МЫСЛИ О ГЕОГРАФИИ

(ДЛЯ ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА)

Велика и поразительна область географии: край, где кипит Юг и каждое творение бьется двойною жизнью, и край, где в искаженных чертах природы прочитывается ужас и земля превращается в оледенелый труп; исполины-горы, парящие в небо, наброшенный небрежно, дышащий всею роскошью растительной силы и разнообразия вид, и раскаленные пустыни и степи, оторванный кусок земли посреди безграничного моря, люди и искусство, и предел всего живущего! — Где найдутся предметы, сильнее говорящие юному воображению! — Какая другая наука может быть прекраснее для детей, может быстрее возвысить поэзию младенческой души их! И не больно ли, если показывают им, вместо всего этого, какой-то безжизненный, сухой скелет, холодно говоря: «вот земля, на которой живем мы, вот тот прекрасный мир, подаренный нам Непостижимым его Зодчим!» — Этого мало: его совершенно скрывают от них и дают им вместо того грызть политическое тело, превышающее мир их понятий и несвязное даже для ума, обладающего высшими идеями. — Невольно при этом приходит на мысль: неужели великий Гумбольдт и те отважные исследователи, принесшие так много сведений в область науки, истолковавшие дивные иероглифы, коими покрыт мир наш, — должны быть доступны немногочисленному числу ученых? а возраст, более других нуждающийся в ясности и определенности, должен видеть перед собою одни непонятные изображения?

Детский возраст есть еще одна жажда, одно безотчетное стремление к познанию. Он всего требует, все хочет узнать. Его более всего интересуют отдаленные земли: как там? что там такое? какие там люди? как живут — эти вопросы стремятся у него толпою, и все они относятся прямо к физической географии, и потому мир в его физи-

ческом состоянии — величественный, роскошный, грозный, пленительный — должен более и обширнее занять его.

Во многих заведениях наших, по невозможности воспитанников узнать в один год всей географии, читают ее в двух и даже в трех классах. Это хорошо, и география стоит, чтоб ее проходили не в одном классе; но преподаватели впадают в большую ошибку: размежевывают земной шар на две или, смотря по классам, на три части и самому начальному классу достается Европа, рассматриваемая обыкновенно в политическом отношении с подробнейшими подробностями, тогда как высшие классы блуждают по степям и пескам африканским и беседуют с дикарями. Не говоря уже о безрассудности и странной форме такого преподавания, нужно иметь необыкновенную память, чтобы удержать в ней всю эту нестройную массу. Если же и допустить такой феномен в природе, то в голове этого феномена никогда не удержится одно прекрасное целое. — Это будут тщательно отделанные, разрозненные части, которыми не управляет одна мощная жизнь, бьющая ровным пульсом по всем жилам. Это народ, созданный для монархического правления и утративший его в буре политических потрясений.

Гораздо лучше, если воспитанник будет проходить географию в два разные периоды своего возраста. В первом он должен узнать один только великий очерк всего мира, но очерк такой, который бы пробудил всю внимательность его, который бы показал всю обширность и колоссальность географического мира. В этот курс должны ниспослать от себя дань и естественная история, и физика, и статистика, и все, что только соприкасается к миру, чтобы мир составил одну яркую, живописную поэму, — чтобы сколько возможно открыть ему все концы его. Ничего в подробности; но только одни резкие черты, но только чтобы он чувствовал, где стужа, где более растительность, где выше мануфактурность, где сильнее образованность, где глубже невежество, где ниже земля, где стремительнее горы. — Во втором периоде его возраста этот мир должен быть перед ним раздвинут. Он должен рассмотреть в микроскоп те предметы, которые доселе видел простым глазом. Тогда уже он узнает все исключения и переходы менее резкие и более исполненные тонкого отличия.

Воспитанник не должен иметь вовсе у себя книги. Она, какая бы ни была, будет сжимать его и умерщвлять воображение: перед ним должна быть одна только карта. Ни одного географического явления

не нужно объяснять, не укрепивши на месте, хотя бы это было только яркое, живописное описание. Чтобы воспитанник, внимая ему, глядел на место в своей карте и чтобы эта малинькая точка как бы раздвигалась перед ним и вместила бы в себе все те картины, которые он видит в речах преподавателя. Тогда можно быть уверенным, что они останутся в памяти его вечно: и взглянувши на скелетной очерк земли, он его вмиг наполнит красками.

Фигура земли прежде всего должна удержаться в его памяти. Черчение карт, над которым заставляют воспитанников трудиться, мало приносит пользы. Множество мелких подробностей, множество отдельных государств может только в голове их уничтожиться одно другим. Гораздо лучше дать им прежде сильную, резкую идею о виде земли: для этого я бы советовал сделать всю воду белой и всю землю черною, чтобы они совершенно отделились, резкостью своею невольны вторгнулись в мысли их и преследовали бы их неотступно неправильно своею фигурою. После этого будет им гораздо легче начертить вид земли, но никак не допускать до подробностей, т. е. означать все мелкие мысы и искривления берегов. Пусть лучше они вначале совсем не знают их, но зато удержат общий вид земли.

Гораздо лучше проходить вначале разом весь мир, глядеть разом на все части света, чрез это очевиднее будут их взаимные противоположности. Заметивши их в общей массе, они могут тогда погрузиться глубже в каждую часть света. Но в порядке частей света я бы советовал лучше следовать за постепенным развитием человека, стало быть, вместе и за постепенным открытием земли: начать с Азии, с его колыбели, с его младенчества, перейти в Африку, в его пламенное и вместе грубое юношество, обратиться к Европе, к его быстрому разоблачению и зрелости ума. Шагнуть вместе с ним в Америку, где развитый и властительный встретился он с первообразным и чувственным, и окончить разрозненными по необозримому океану островами.

Такое разделение, мне кажется, будет гораздо естественнее. Прежде всего воспитанник должен составить себе общее характеристическое понятие о каждой из них. Во-первых, об Азии, где все так велико и обширно, где люди так важны, так холодны с вида и вдруг кипят неукротимыми страстями; при детском уме своем думают, что они умнее всех; где все гордость и рабство; где все одевается и вооружается легко и свободно, все наездничает; где турок рад просидеть

целый век, поджав ноги и куря кальян свой, и где бедуин как вихорь мчится по пустыне; где вера переходит в фанатизм и вся страна — страна вероисповеданий, разлившихся отсюда по всему миру. Об Африке, где солнце жжет и океаны песчаных степей растягиваются на неизмеримое пространство, львы, тигры, кокосы, пальмы и человек, мало чем разнящийся наружностью и своими чувственными наклонностями от обезьян, кочующих по ней ордами; и т(ак) далее.

Начертив вид части света, воспитанник указывает все высочайшие и низменные места на ней, рассказывает, как разветвляются по ней горы и протягивают свои длинные, безобразные цепи. В этом смысле можно с пользой употреблять Риттерево барельефное изображение Европы, хотя оно не совсем еще удобно для детей, по причине неясного отделения света от теней. Всего бы лучше на этот случай отлить из крепкой глины или из металла настоящий барельеф. Тогда воспитаннику стоило бы только взглянуть на него, чтобы сохранить навсегда в памяти все высокие и низменные места.

Так как горы сообщили форму всей земле, то познание их должно составить, так сказать, начало всей географии. Показав разветвление их по лицу земли, должно показать вид их, форму, состав, образование и наконец характер и отличие каждой цепи, все это не сухо, не с подробною ученостью, но так, чтобы он знал, что такая-то цепь из темных и твердых гранитов, что внутренность другой белая, известковая или глинистая, рыхлая, желтая, темная, красная или наконец самых ярких цветов земель и камней. Можно даже рассказать, как в них лежат металлы и руды и в каком виде — и можно рассказать занимательно. Что же касается до поверхности их, то само собою разумеется, что нужно показать высочайшие точки, примечательные явления на них и высоту, до которой подымался человек.

Не мешало бы коснуться слегка подземной географии. Мне кажется, нет предмета более поэтического, как она, хотя совершенно понять ее может только возраст высший. Тут все явления и факты дышат исполинскою колоссальностью. Здесь встречаются целые массы. Тут на всем отпечаток величественных потрясений земли; душа сильнее чувствует великие дела Творца. Тут лежат погребенными целые цепи подземных лесов. Тут лежит в глубоком уединении раковина и уже превращается в мрамор. Тут дышат вечные огни и от

взрыва их изменяется поверхность земли. Часть этих явлений, будучи слегка открыта юному воспитаннику, нельзя чтоб не тронула его воображения.

Процесс и расселение растительной силы по земле должно показывать на карте лестницею градусов: где растение Юга хозяин, куда перешло оно как гость, под каким градусом умирает, где начинается растение Севера, где и оно наконец гибнет, прозябение прекращается, природа обмирает в объятиях студеного океана и чудный полюс закутывается недоступными для человека льдами. Таким же образом и расселение животных. Но почва требует другого разделения земли по полосам, из которых каждая должна заключать в себе особенный вид ее.

Произведения искусства вообще являются доселе у географов отрывисто. Перехода нет никакого от природы к произведениям человека. Они отрублены как топором от своего источника. Я уже не говорю о том, что у них не представлен вовсе этот брачный союз человека с природою, от которого рождается мануфактурность. Итак, прежде нежели воспитанник приступит к обозрению мануфактур и произведений рук человека, нужно, чтобы он был приуготовлен к тому произведениями земли, чтобы он сам собою мог вывести, какие мануфактуры должны быть в таком-то государстве; если же встретится исключение, тогда необходимо показать, отчего оно произошло, может быть, беспечный характер народа, может, сторонние обстоятельства: или излишнее богатство соседей, или невозможность дальнейших сообщений, или другие подобные им, воспрепятствовали. Приуготовивши себя мануфактурностью, он может уже переходить к торговле, которая без того будет тоже незанимательна и непонятна.

При исчислении народов преподаватель необходимо обязан показать каждого физиогномию и те отпечатки, которые принял его характер, так сказать, от географических причин. Все народы мира он должен сгруппировать в большие семейства и представить прежде общие черты каждой группы, потом уже разветвление их. И потом физическую их историю, т. е. историю изменения их характера, чтоб объяснилось, отчего, например, тевтонское племя среди своей Германии означено твердостью флегматического характера и отчего оно, перейдя Альпы, напротив, принимает всю игривость характера легкого.

Весьма полезны для детей карты, изображающие расселение просвещения по земному шару. Эта польза превращается в необходимость, когда проходят они Европу. Но как у нас нет таких карт, то преподавателю небольшого труда стоит сделать оные самому. Места, где просвещение достигло высочайшей степени, означать светом и бросать легкие тени, где оно ниже. Тени сии становятся чем далее, тем крепче и наконец превращаются в мрак, по мере того, как природа дичает и человек оканчивается бездушным эскимосом.

Величину земель, государств, никогда нельзя заучивать исчислением квадратных миль. Нужно только смотреть на карту — вот одно средство узнать ее. Не мешало бы вырезать каждое государство особенно, так, чтобы оно составляло отдельный кусок и, будучи сложено с другими, составило бы часть мира. Тогда будет видима и величина их и форма.

При изображении каждого города непременно должно означить резко его местоположение: подымается ли он на горе, опрокинут ли вниз; его жизнь, его значительность, его средства — и вообще сильными и немногими чертами обозначить характер его. Преподаватель обязан исторгнуть из обширного материяла все, что бросает на город отличие и отменяет его от множества других. Пусть воспитанник знает, что такое Рим, что Париж, что Петербург. Пусть не меряет своим масштабом, составившимся в его понятиях при виде Петербурга, — других городов Европы. Все общее городам должно быть исключено в определении отдельно каждого города. Во многих наших географиях и до сих пор еще в определениях губернского города рассказывается, что в нем есть гимназия, соборная церковь; уездного, что в нем есть уездное училище и т. п. К чему? воспитаннику довольно сказать сначала, что у нас гимназии во всех губернских городах, церкви также. Но Кремля, Ватикана, Пале-рояля, Фальконетова Петра, Киевопечерской лавры, Кинг-Бенча нет других в мире. Об них дитя верно потребует подробного сведения. Не нужно заниматься ничтожным и скучным для воспитанника вычислением числа домов, церквей, разве только в таком случае, когда оно по своей величине или отрицательно выходит из категории обыкновенного. Вместо этого можно занять его архитектурой города, в каком вкусе он выстроен, колоссальны ли, прекрасны ли его строения. Если он древний, то как величественна даже в самой странности своей его старинная, повитая столетиями и на чудо взлелеянная самими потря-

сениями архитектура и как, напротив того, легка и изящна архитектура другого города, созданного одним столетием. При мысли о каком-нибудь германском городке ученик тотчас должен представить себе тесные улицы, небольшие, узенькие и высокие домики, где все так просто, так мило, так буколически, и рядом с ними угловатые, просекающие острием воздух, шпицы церквей. При мысли о Риме, где глухо отозвался весь канувший в пучину столетий древний мир, у него должна быть неразлучна с тем мысль о зданиях-исполинах, которые, свободно поднявшись от земли и опершись на стройные портики и гигантские колонны, дряхлеют, как бы размышляя об утекших событиях великой своей юности. Для этого не мешает чаще показывать фасады примечательнейших зданий: тогда необыкновенный вид их врежется в памяти, притом это послужит невольно и нечувствительно к образованию юного вкуса.

История изредка должна только озарять воспоминаниями географический мир их. Протекшее должно быть слишком разительно и разве уже происходит из чисто географических причин, чтобы заставить вызывать его. Но если воспитанник проходит в это время и историю, тогда ему необходимо показать область ее действия; тогда география сливается и составляет одно тело с историей.

Слог преподавателя должен быть увлекающий, живописный; все поразительные местоположения, великие явления природы должны быть окинуты яркими красками. Что действует сильно на воображение, то не скоро выбьется из головы. Слог его должен более подходить к слогу путешественника. Строгая аналитическая систематика не может удержаться в голове отрока, особливо если она распространена в мелочах. Дитя тогда только удерживает систему, когда не видит ее глазами, когда она искусно скрыта от него. Его система — интерес, нить происшествий или нить описаний. Все, что истинно нужно, что более относится к нашей жизни, что более можем мы впоследствии приспособить к себе, все это уже интересно. Да впрочем, что не интересно в географии. Она такое глубокое море, так раздвигает наши самые действия и, несмотря на то, что показывает границы каждой земли, так скрывает свои собственные, что даже для взрослого представляет философически-увлекательный предмет. Короче, нужно стараться познакомить сколько можно более с миром, со всем бесчисленным разнообразием его, но чтобы это никак не обременило памяти, а представлялось бы светло нарисованною картиною. Бога-

тый для сего запас заключается в описаниях путешественников, которых множество и из которых, кажется, донныне в этом отношении мало умели извлекать пользы.

Леность и непонятливость воспитанника обращаются в вину педагога и суть только вывески его собственного нерадения; он не умел, он не хотел овладеть вниманием своих юных слушателей; он заставил их с отвращением принимать горькие свои пилюли. Совершенной неспособности невозможно предполагать в дитяти. Мне часто случалось быть свидетелем, как ребенок, признанный за неспособного ни к чему, обиженного природою, — слушал с неразвлекаемым вниманием страшную сказку и на лице его, почти бездушном, не ожидаемом до того никаким чувством участия, попеременно прорывались черты беспокойства и боязни. Неужели нельзя задобрить такого внимания в пользу науки?

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ

(КАРТИНА БРЮЛОВА)

Картина Брюлова одно из ярких явлений 19 века. Это светлое воскресение живописи, пребывавшей долгое время в каком-то полунетаргическом состоянии. Не стану говорить о причине этого необыкновенного застоя, хотя оно представляет занимательный предмет для исследования, замечу только, что если конец 18 столетия и начало 19 ничего не произвели полного и колоссального в живописи, то зато они много разработали ее части. Она распалась на бесчисленные атомы и части. Каждый из этих атомов развит и постигнут несравненно глубже, нежели в прежние времена. Заметили такие тайные явления, каких прежде никто не подозревал. Вся та природа, которую чаще видит человек, которая его окружает и живет с ним, вся эта видимая природа, вся эта мелочь, которую пренебрегали великие художники, достигли изумительной истины и совершенства. Все наперерыв старались заметить тот живой колорит, которым дышит природа. Все тайное в ее лоне, весь этот немой язык пейзажа подмечены или, лучше сказать, украдены, вырваны из самой природы; хотя все это украдено отрывками, хотя все произведения этого века похожи более на опыты или, лучше сказать, записки, материалы, свежие мысли, которые наскоро вносит путешественник в свою книгу с тем, чтобы не позабыть их и чтобы составить из них после нечто целое. Живопись раздробилась на низшие ограниченные ступени: гравировка, литография и многие мелкие явления были с жадностью разрабатываемы в частях. Этим обязаны мы 19 веку. Колорит, употребляемый 19 веком, показывает великий шаг в знании природы. Взгляните на эти беспрестанно появляющиеся отрывки, перспективы, пейзажи, которые решительно в 19 веке определили слияние человека с окружающею природою: как в них делится и выходит окунутая мраком и освещенная светом перспектива строений! как сквозит освещенная вода, как

дышит она в сумраке ветвей! как ярко и знойно уходит прекрасное небо и оставляет предметы перед самыми глазами зрителя; какое смелое, какое дерзкое употребление теней там, где прежде вовсе их не подозревали! и вместе, при всей этой резкости, какая роскошная нежность, какая подмечена тайная музыка в предметах обыкновенных, бесчувственных. Но что сильнее всего постигнуто в наше время, так это освещение. Освещение придает такую силу и, можно сказать, единство всем нашим творениям, что они, не имея слишком глубокого достоинства, показывающего гений, необыкновенно приятны для глаз. Они общим выражением своим не могут не поразить, хотя, внимательно рассматривая, иногда увидишь в творце их необширное познание искусства.

Возьмите все беспрестанно являющиеся гравюры, эти отпрыски яркого таланта, в которых дышит и веет природа так, что они кажутся как будто оцвечены колоритом. В них заря так тонко светлеет на небе, что, всматриваясь, кажется, видишь алый отблеск вечера; деревья, облитые сиянием солнца, как будто покрыты тонкою пылью; в них яркая белизна сладострастно сверкает в самом глубоком мраке тени. Рассматривая их, кажется, боишься дохнуть на них. Весь этот эффект, который разлит в природе, который происходит от сражения света с тенью, весь этот эффект сделался целию и стремлением всех наших артистов. Можно сказать, что 19 век есть век эффектов. Всякой от первого до последнего торопится произвести эффект, начиная от поэта до кандитера, так что эти эффекты, право, уже надоедают и, может быть, 19 век по странной причуде своей наконец обратится ко всему безэффектному. Впрочем, можно сказать, что эффекты более всего выгодны в живописи и вообще во всем том, что видим нашими глазами. Там если они будут ложны и неуместны, то их ложность и неуместность тотчас видна всякому. Но в произведениях, подверженных духовному оку, совершенно другое дело. Там они если ложны, то вредны тем, что распространяют ложь, потому что простодушная толпа без рассуждения кидается на блестящее. В руках истинного таланта они верны и превращают человека в исполина, но когда они в руках поддельного таланта, то для истинного понятеля они отвратительны, как отвратителен карло, одетый в платье великана, как отвратителен подлый человек, пользующийся незаслуженным знаком отличия. Но все это однако ж не относится к нынешнему делу. Должно признаться, что в общей массе стремление к эффектам более полезно, нежели вредно: оно более двигает вперед, нежели назад, и даже в последнее время подвинуло все к усовершенствованию. Желая произвести эффект, многие более стали рассмат-

ривать предмет свой, сильнее напрягать умственные способности. И если верный эффект оказывался большею частию только в мелком, то этому виною безлюдие крупных гениев, а не огромное раздробление жизни и познаний, которым обыкновенно приписывают. Притом стремление к эффектам обделало многие части чрезвычайно удовлетворительно и резко своею очевидностию сделало их доступными для всех. Не помню, кто-то сказал, что в 19 веке невозможно появление гения всемирного, обнявшего бы в себе всю жизнь 19 века. Это совершенно несправедливо, и такая мысль исполнена безнадежности и отзывается каким-то малодушием. Напротив: никогда полет гения не будет так яростен, как в нынешние времена. Никогда не были для него так хорошо приготовлены материалы, как в 19 веке. И его шаги уже верно будут исполински и видимы всеми от мала до велика.

Картина Брюлова может назваться полным, всемирным созданием. В ней все заключилось. По крайней мере она захватила в область свою столько разнородного, сколько до него никто не захватывал. Мысль ее принадлежит совершенно вкусу нашего века, который вообще, как бы сам чувствуя свое страшное раздробление, стремится совокуплять все явления в общие группы и выбирает сильные кризисы, чувствуемые целою массою. Всякому известны прекрасные создания, к которым принадлежат: Видение Валтазара, Разрушение Ниневии и несколько других, где в страшном величии представлены великие катастрофы, которые составляют совершенство освещения; где молния в грозном величии озаряет ужасный мрак и скользит по верхушкам голов молящегося народа. Общее выражение этих картин поразительно и исполнено необыкновенного единства. Но в них вообще только одна идея этой мысли. Они похожи на отдаленные виды; в них только общее выражение. Мы чувствуем только страшное положение всей толпы, но не видим человека, в лице которого был бы весь ужас им самим зримо разрушения. Ту мысль, которая виделась нам в такой отдаленной перспективе, Брюлов вдруг поставил перед самими нашими глазами. Эта мысль у него разрослась огромно и как будто нас самих захватила в свой мир. Создание и обстановку своей мысли произвел он необыкновенным и дерзким образом: он схватил молнию и бросил ее целым потоком на свою картину. Молния у него залила и потопила все, как будто бы с тем, чтобы все выказать, чтобы ни один предмет не укрылся от зрителя. Оттого на всем у него разлита необыкновенная яркость. Фигуры он кинул сильно такую рукою, какою мечет только могущественный гений. Эта вся группа, остановившаяся в минуту удара и выразившая тысячи разных

чувств, этот гордый атлет, издавший крик ужаса, силы, гордости и бессилия, закрывшийся плащом от летящего вихря камней, эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда не являвшуюся в такой красоте руку, этот ребенок, вонзивший в зрителя взор свой, этот несомый детьми старик, в страшном теле которого дышит уже могила, оглушенный ударом, которого рука окаменела в воздухе с распростертыми пальцами, мать, уже не желающая бежать и непреклонная на моления сына, которого просьбы, кажется, слышит зритель, толпа, с ужасом отступающая от строений и со страхом, с диким забвением страха взирающая на страшное явление, наконец знаменующее конец мира, жрец в белом саване, с безнадежно яростью мечущий взгляд свой на весь мир, — все это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего.

Я не стану изъяснять содержания картины и приводить толкования и пояснения на изображенные события. Для этого у всякого есть глаз и мерило чувства; притом же это слишком очевидно, слишком касается жизни человека и той природы, которую он видит и понимает, потому-то они доступны всем от мала до велика; я замечу только те достоинства, те резкие отличия, которые имеет в себе стиль Брюлова, тем более что эти замечания, вероятно, сделали немногие. Брюлов первый из живописцев, у которого пластика достигла верховного совершенства. Его фигуры несмотря на ужас всеобщего события и своего положения не вмещают в себе того дикого ужаса, наводящего содрогание, каким дышат суровые создания Микеля-Анжело. У него нет также того высокого преобладания бесно-непостижимых и тонких чувств, которыми весь исполнен Рафаэль. Его фигуры прекрасны при всем ужасе своего положения. Они заглушают его своею красотой. У него не так, как у Микеля-Анжело, у которого тело только служило для того, чтобы показать одну силу душевного страдания, ее вопль, ее грозные явления, у которого пластика погибала, контура человека приобретала исплинский размер, потому что служила только одеждою мысли, эмблемою, у которого являлся не человек, но только его страсти. Напротив того, у Брюлова является человек для того, чтобы показать всю красоту свою, все верховное изящество своей природы. Страсти, чувства, верные, огненные, выражаются на таком прекрасном облике, в таком прекрасном человеке, что наслаждаешься до упоения. Когда я глядел в третий, в четвертый раз, мне казалось, что скульптура, которая была постигнута в таком пластическом

совершенстве древними, что скульптура эта перешла наконец в живопись и сверх того проникнулась какою-то тайной музыкой. Его человек исполнен прекрасно-гордых движений, женщина его блещет, но она не женщина Рафаэля, с тонкими незаметными, ангельскими чертами, она женщина страстная, сверкающая, южная, итальянская во всей красе полудня, мощная, крепкая, пылающая всею роскошью страсти, всем могуществом красоты, прекрасная как женщина. Нет ни одной фигуры у него, которая бы не дышала красотой, где бы человек не был прекрасен. Все общие движения групп его дышат мощным размером и в своем общем движении уже составляют красоту. В создании их он так же крепко и сильно правит своим воображением, как житель пустыни арабским бегуном своим. Оттого вся картина упруга и роскошна.

Вообще во всей картине выказывается отсутствие идеальности, т. е. идеальности отвлеченной, и в этом-то состоит ее первое достоинство. Явись идеальность, явись перевес мысли, и она бы имела совершенно другое выражение, она бы не произвела того впечатления; чувство жалости и страстного трепета не наполнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и верной истины, утратилась бы вовсе. Нам не разрушение, не смерть страшны, напротив, в этой минуте есть что-то поэтическое, стремящее вихрем душевное наслаждение, нам жалка наша милая чувственность; нам жалка прекрасная земля наша. Он постигнул во всей силе эту мысль. Он представил человека как можно прекраснее; его женщина дышит всем, что есть лучшего в мире. Ее глаза светлые как звезды, ее дышащая нею и силою грудь обещают роскошь блаженства. И эта прекрасная, этот венец творения, идеал земли, должна погибнуть в общей гибели наряду с последним презренным творением, которое недостойно было и ползать у ног ее. Слезы, испуг, рыдание, все в ней прекрасно.

Видимое отличие, или манера Брюлова уже представляет тоже совершенно оригинальный, совершенно особенный шаг. В его картинах целое море блеска. Это его характер. Тени его резки, сильны, но в общей массе тонут и исчезают в свете. Они у него так же, как в природе — незаметны. Кисть его можно назвать сверкающею, прозрачною. Выпуклость прекрасного тела у него как будто просвечивает и кажется фарфоровою; свет, обливая его сиянием, вместе проникает его. Свет у него так нежен, что кажется фосфорическим. Самая тень кажется у него как будто прозрачною и при всей крепости дышит какою-то чистою тонкою нежностью и поэзией.

Его кисть остается навеки в памяти. Я прежде видел одну только его картину: семейство Витгенштейна. Она с первого раза, вдруг врезалась в мое воображение и осталась в нем вечно в своем ярком блеске. Когда я шел смотреть картину: Разрушение Помпеи, у меня прежняя вовсе вышла из головы. Я приближался вместе с толпою к той комнате, где она стояла, и на минуту, как всегда бывает в подобных случаях, я позабыл вовсе о том, что иду смотреть картину Брюлова, я даже позабыл о том, есть ли на свете Брюлов. Но когда я взглянул на нее, когда она блеснула передо мною, в мыслях моих как молния пролетело слово: Брюлов! я узнал его. Кисть его вмещает в себе ту поэзию, которую чувства наши всегда знают и видят даже отличительные признаки, но слова их никогда не расскажут. Колорит его так ярок, каким никогда почти не являлся прежде, его краски горят и мечутся в глаза. Они были бы нестерпимы, если бы явились у художника градусом ниже Брюлова, но у него они облечены в ту гармонию и дышат тою внутреннею музыкою, которой исполнены живые предметы природы.

Но главный признак и что выше всего в Брюлове, так это необыкновенная многосторонность и обширность гения. Он ничем не пренебрегает: все у него, начиная от общей мысли и главных фигур до последнего камня на мостовой, живо и свежо. Он силится обхватить все предметы и на всех разлить могучую печать своего таланта. Обыкновенно художник прежних времен всегда почти избирал себе какую-нибудь одну сторону и в нее погружал весь талант свой, развивавшийся оттого в необыкновенном и каком-то отвлеченном величии. Рафаэль обыкновенно писал одни только лица, одно развитие на них небесных страстей и помышлений, все прочее, даже одежду, бросал он доделывать ученикам своим. Все другие великие художники, настроенные высокостью религиозною или высокостью страстей, небрегли об окружающем и второстепенном в их картинах. У них небо является всегда бурое; облака похожи более на копны сена или на гранитные массы; дерево или детски-однообразно своею правильностью, или негармонически-безобразно своею неправильностью. Но у Брюлова, напротив, все предметы от великих до малых для него драгоценны. Он силится схватить природу исполинскими объятиями и сжимает ее с страстью любовника. Может быть, в этом ему помогла много раздробленная разработка в частях, которую приготовил для него 19 век. Может быть, Брюлов, явившись прежде, не получил бы того разностороннего и вместе полного и колоссального стремления. Оттого-то его произведения, может быть, первые, которые живостью, чистым зеркалом природы, доступны

всякому. Его произведения первые, которых могут понимать (хотя неодинаково) и художник, имеющий высшее развитие вкуса, и не знающий, что такое художество. Они первые, которым сужден завидный удел пользоваться всемирною славю, и высшею степенью их есть до сих пор: *Последний день Помпеи*, которую, по необыкновенной обширности и соединению в себе всего, можно сравнить разве с оперою, если только опера есть действительно соединение троинственного мира искусств: живописи, поэзии и музыки.

1834. Августа

ПЛЕННИК

(ОТРЫВОК ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА)

В 1543 году, в начале весны, ночью, тишина маленького городка Лукомья была смущена отрядом рейстровых коронных войск. Ущербленный месяц, вырезываясь блестящим рогом своим сквозь непрерывно обступавшие его тучи, на мгновение освещал дно провала, в котором лепился этот небольшой городок. К удивлению немногих жителей, успевших проснуться, отряд, которого одно уже появление служило предвестием буйства и грабительств, ехал с какою-то ужасающею тишиною. Заметно было, что всю силу напряженного внимания его останавливал тащившийся среди его пленник, в самом странном наряде, какой когда-либо налагало насилие на человека: он был весь с ног до головы увязан ружьями, вероятно для сообщения неподвижности его телу. Пушечный лафет был укреплен на спине его. Конь едва ступал под ним. Несчастный пленник давно бы свалился, если бы толстый канат не прирастил его к седлу. Осветить бы месячному лучу хоть на минуту его лицо — и он бы верно блеснул в каплях кровавого пота, катившегося по щекам его! Но месяц не мог видеть его лица, потому что оно было заковано в железную решетку. Любопытные жители, с разинутыми ртами, иногда решались подступить поближе, но, увидя угрожающий кулак или саблю одного из провожатых, пятились и бежали в свои щедушные домики, закутываясь покрепче в наброшенные на плеча татарские тулупы и продрагивая от свежести ночного воздуха.

Отряд минул город и приближался к уединенному монастырю. Это строение, составленное из двух, совершенно противоположных, частей, стояло почти в конце города на косогоре. Нижняя половина церкви была каменная и, можно сказать, вся состояла из трещин; обожжена, закурена порохом, почерневшая, позеленевшая, покрытая крапивою, хмелем и дикими колокольчиками, носившая на себе всю летопись страны, терпевшей кровавые жатвы. Верх церкви с теми

изгибистыми деревянными пятью куполами, которые установила испорченная архитектура византийская, еще более изуродованная варваризмом подражателей, был весь деревянной. Новые доски, желтевшие между почернелыми старыми, придавали ей пестроту и показывали, что еще не так давно она была подчинена богомольными прихожанами. Бледный луч серпорогого месяца, продравшись сквозь кудрявые яблони, укрывавшие ветвями в своей гуще часть здания, упал на низкие двери и на выдавшийся над ними вызубренный карниз, покрытый небольшими своевольно выросшими желтыми цветами, которые на тот раз блестели и казались огнями или золотою надписью на диком карнизе. Один из толпы с неизмеримыми когда-либо виданными усами, длиннее даже локтей рук его, которого по замашкам и дерзкому повелительному взгляду признать можно было начальником отряда, ударил дулом ружья в дверь. Дряхлые монастырские стены отозвались и, казалось, испустили умирающий голос, уныло потерявшийся в воздухе. После сего молчание снова заступило свое место. Брань на разных наречиях посыпалась из-под огромнейших усов начальника отряда. «Теремте те, поповство проклятое! А то я знаю, чем вас разбудить!» Раздался пистолетный выстрел, пуля пробила ворота и шлепнулась в церковное окно, стекла которого с дребезгом посыпались во внутренность церкви. Это произвело смятение в кельях, которые примыкали к церкви; показались огни; связка ключей загремела; ворота со скрыпом открылись, — и четыре монаха, предшествуемые игуменом, предстали бледные с крестами в руках.

— Изыдите, нечистые! кромешники! — произнес едва слышным, дрожащим голосом настоятель. — Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, изыди, диавол!

— Але то еще и брешет, поганый, — прогремел начальник языком, которому ни один человек не мог бы дать имени: из таких разнородных стихий был он составлен. — То брешешь, лайдак! же говоришь, что мы дьяволы, а то мы не дьяволы, мы коронные.

— Что вы за люди? я не знаю вас! зачем вы пришли смущать православную церковь?

— Я тебе, псяхоха, порохом прочищу глаза! Давай нам ключи от монастырских погребов.

— На что вам ключи от наших погребов?

— Я, глупой поп, не буду с тобой говорить. А если ты хочешь, басамазенята, поговори з моим конем!

— Принеси им, антихристам, ключи, брат Касьян! — простонал настоятель, оборотившись к одному монаху. — Только у меня нет вина!

Как Бог свят, нет! ни одной бочки, ни бочонка и ничего такого, что бы вам было нужно.

— А мне какое дело! ребята хотят пить. Я тебе говорю, если ты, глупой поп, сена, стойла и пшеницы не дашь лошадям, то я их в костел ваш поставлю и тебя сапогом до морды.

Настоятель, не говоря ни слова, возвел на них оловянные свои глаза, которые, казалось, давно уже не принадлежали миру сему, потому что не выражали никакой страсти, и встретился с злобно устремившимися на него глазами иезуита. Он отворотился от него и остановил их на странном пленнике с железным наличником. Вид этот, казалось, поразил почти бесчувственного ко всему, кроме церкви, старца.

— За что вы схватили этого человека? Господи, накажи их трехипостасною силою своею! Верно опять какой-нибудь мученик за веру Христову!

Пленник испустил только слабое стенание.

Ключи были принесены, — и при свете сонно горевшей светильни вся эта ватага подошла ко входу пещеры, находившейся за церковью. Как только опустились они под земляные безобразные своды, могильная сырость обдала всех. В молчании шел начальствовавший отрядом, и непостоянный огонь светильни, окруженный туманным кружком, бросал в лицо ему какое-то бледное привидение света, тогда как тень от бесконечных усов его подымалась вверх и двумя длинными полосами покрывала всех. Одни только грубо закругленные оконечности лица его были определительно тронуты светом и давали разглядеть глубоко бесчувственное выражение его, показывавшее, что все мягкое умерло и застыло в этой душе, что жизнь и смерть — трывь-трава; что величайшее наслаждение — табак и водка; что блаженство там, где все дребезжит и валится от пьяной руки. Это было какое-то смешение пограничных наций. Родом серб, буйно искоренивший из себя все человеческое в венгерских попойках и грабительствах, по костюму и несколько по языку поляк, по жадности к золоту жид, по расточительности его козак, по железному равнодушию дьявол. Во все время казался он спокоен; по временам только шумела между усами его обыкновенная брань, особенно когда неровной земляной пол, час от часу уходивший глубже вниз, заставлял его оступаться. Тщательно осматривал он находившиеся в земляных стенах норы, совершенно обсыпавшиеся, служившие когда-то кельями и единственными убежищами в той земле, где в редкий год не проходило по степям и полям разрушение, где никто не строил крепких строений и замков, зная, как непрочно их существование. Наконец пока-

залась деревянная заросшая мхом, зацвевшая гнилью, дверь, закиданная тяжелыми бревнами и камнями. Пред ней остановился он и оглянул ее значительно снизу доверху. «А ну!» — сказал он, мигнувши бровью на дверь, и от его волосистой брови, казалось, пахнул ветер. Несколько человек принялись и не без труда отваливали бревна. Дверь отворилась. Боже, какое ужасное обиталище открылось глазам! Присутствовавшие взглянули безмолвно друг на друга, прежде, нежели осмелились войти туда. Есть что-то могильно-страшное во внутренности земли. Там царствует в оцепенелом величии смерть, распутившая свои костистые члены под всеми цветущими весями и городами, под всем веселящимся, живущим миром. Но если эта дышащая смертью внутренность земли населена еще живущими, теми адскими гномами, которых один вид уже наводит содрогание, тогда она еще ужаснее. Запах гнили пахнул так сильно, что сначала заняло у всех дух. Почти исполинского роста жаба остановилась неподвижно, выпучив свои страшные глаза на нарушителей ее уединения. Это была четырехугольная, без всякого другого выхода пещера. Целые лоскутья паутины висели темными клоками с земляного свода, служившего потолком. Обсыпавшаяся со сводов земля лежала кучами на полу. На одной из них торчали человеческие кости; летавшие молниями ящерицы быстро мелькали по ним. Сова или летучая мышь были бы здесь красавицами.

— А чем не светлица? Светлица хорошая! — проревел предводитель. — Але тебе, псяюхе, тут добре будет спать. Сам ложись на коваки, а под голову подмости ту жабу, али возьми за женку на ночь!

Один из коронных вздумал было засмеяться на это, — но смех его так страшно-беззвучно отдался под сырими сводами, что сам засмеявшийся испугался. Пленник, который стоял до того неподвижно, был столкнут на середину и слышал только, как захрипела за ним дверь и глухо застучали заваливаемые бревна. Свет пропал, и мрак поглотил пещеру.

Несчастный вздрогнул. Ему казалось, что крышка гроба захлопнула над ним, и стук бревен, заваливших вход его, показался стуком заступа, когда страшная земля валится на последний признак существования человека и могильно равнодушная толпа говорит, как сквозь сон: «Его нет уже, но он был». После первого ужаса, он предался какому-то бессмысленному вниманию, бездушному существованию, которому предается человек, когда удар бывает так ужасен, что он даже не собирается с духом подумать о нем, но вместо того устремляет глаза на какую-нибудь безделицу и рассматривает ее. Тогда он принадлежит к другому миру и ничего не разделяет челове-

ческого. Видит без мыслей; чувствует, не чувствуя; странно живет. Прежде всего внимание его впилося в темноту. Все было на время забыто, и ужас ее и мысль о погребении живого. Он всеми чувствами вселился в темноту. И тогда пред ним развернулся совершенно новый, странный мир: ему начали показываться во мраке светлые струи — последнее воспоминание света! Эти струи принимали множество разных узоров и цветов. Совершенного мрака нет для глаза. Он всегда, как ни зажмурь его, рисует и представляет цветы, которые видел. Эти разноцветные узоры принимали или вид пестрой шали, или волнистого мрамора, или, наконец, тот вид, который поражает нас своею чудною необыкновенностью, когда рассматриваем в микроскопе часть крылышка или ножки насекомого. Иногда стройный переплет окна — которого, увы! не было в его темнице, — проносился перед ним. Лазурь фантастически мелькала в черной его раме, потом изменялась в кофейную, потом исчезала совсем и обращалась в черную, усеянную или желтыми, или голубыми, или неопределенного цвета крапинами. Скоро весь этот мир начал исчезать: пленник чувствовал что-то другое. Сначала чувствование это было безотчетное; потом начало приобретать определительность. Он слышал на руке своей что-то холодное; пальцы его невольно дотронулись к чему-то склизкому. Мысль о жабе вдруг осенила его!... Он вскрикнул и разом переселился в мир действительный. Мысли его окунулись вдруг в весь ужас сущности. К тому еще присоединилось изнурение сил, ужасный спертый воздух: все это повергло его в продолжительный обморок.

Между тем отряд коронных войск разместился в монастырских кельях как дома, высылал монахов подчищать конюшни и пировал, радуясь, что наконец схватил того, кто им был нужен.

О ДВИЖЕНИИ НАРОДОВ В КОНЦЕ V ВЕКА

Великое странствие народов, произведшее нынешнее население Европы, касается началом своим глубокой древности. Оно было, может быть, современно основанию Рима, если еще не прежде. Когда Средиземное море омывало еще возрождающиеся государства, видело первые шаги возникающей торговли, и развивался дух народов, составивших цвет древнего мира, — во глубине Азии скрывался другой неведомый мир, которому определено было уничтожить, убить все древнее величие, древний дух, древние формы прежнего и заместить его всем новым. Средняя Азия совершенно противоположна Южной, Юго-Западной, африканским и европейским берегам Средиземного моря, где цветущее разнообразие природы, почвы, произведений, смесь земли и моря, куча бесчисленных островов, мысов, заливов, казалось, были созданы нарочно для того, чтобы быстро развить деятельность и ум человека. Природа Средней Азии совершенно другого рода: она однообразна и неизмерима. Степи ее безбрежны, как-то огромно ровны, как будто похожи на пустынный Океан, нигде не останавливаемый островом. Неподвижные озера беспредельных равнин не могли возбудить никакой деятельности. Казалось, сама природа определила эту землю народам пастушеским, чтобы по ним имели мы понятие о первобытной жизни первоначальных людей. Неизмеримость равнин не могла внушить человеку никакой идеи о постоянном жилище, которая обыкновенно возрождается у него при виде утесистой горы, берега моря, острова, и вообще где только есть возможность укрепиться. Где же природа усыплена и недвижима, там и человек беспечен: он заботится только о слишком нужном. Патриархальные обитатели степей питались только молоком, сыром, доставляемыми их полудикими животными, и редко питались мясом. Оттого стада их множились необыкновенным образом; владельцы их чаще должны были переходить с места на место; степей требовалось с каждым годом более и более — и те земли, которые ужасают донныне своею неизмеримостью, земли, бывшие вдвое более

тогдашнего образованного мира, земли, с которыми бы земледельцы всего света не знали, что делать, — эти земли сделались тесными. Сильнейшие властители должны были вытеснить слабейших. Народы пастушеские, не имея неподвижной собственности, укрепленной давностию владения, легко уступают первому напору и уходят с своими стадами далее. И таким образом Азия сделалась народовержущим вулканом. С каждым годом выбрасывала она из недр своих новые толпы и стада, которые в свою очередь сгоняли с мест изверженных прежде. Они перешли горы и потянулись в Европу. Народы, можно сказать, не шли вперед, а машинально сталкивали других с мест. Это не были завоеватели, а какие-то невольники, действовавшие только от страха наказания. Цепь народов от востока и северо-востока протянулась таким образом по всей Европе к самому югу. На юге они встретили первое сопротивление, ощутили огромную власть римлян и встретились с древним миром. Между тем Азия продолжала извергать новые толпы. Толчок от каждого нового извержения проходил по всей цепи: новые теснили прежних, предыдущие последующих. Стремление народов становилось сильно, но зато и отпор со стороны римлян был очень силен, и потому-то на границах Римской империи накопилось такое множество народов. После каждого нового извержения это накопление становилось сильнее и римлянам труднее было сопротивляться им. Наконец римляне уступили — и тогда орды стремительнее хлынули на юг Европы. Не имей Европа южную границу своею Средиземного моря или имей эти толпы народов какое-нибудь понятие о мореплавании, это переселение долго бы не остановилось, потому что Азия не переставала извергать новые толпы, народы перешли бы в Африку, Европа еще бы несколько лет не устоялась, хаос бы продолжился надолго, государства составились бы гораздо позже и вообще весь ход образования отодвинулся бы на дальнейшие времена. Но как только народы, овладевшие югом Европы, увидели позади себя море и невозможность идти далее, то решились всеми силами сопротивляться нападавшим на них неприятелям. Сии последние, встретивши неожиданный отпор, решились отразить и своих неприятелей, которые с своей стороны употребили то же с своими, и таким образом толчок получил обратное направление и движение вдруг остановилось. Следствие этого почувствовалось даже в Азии, где некоторые пастушеские народы принуждены были заняться земледелием.

Это переселение совершилось бы гораздо быстрее, если бы Европа состояла из таких гладких открытых равнин, какими исполнена Азия. Но в ней, напротив того, природа на небольшом пространстве

показала страшную нерегулярность и разнообразие. Со всех сторон она изрыта морями, берега ее все из полуостровов и мысов, середина почти нигде не имеет ровной поверхности: она идет то вверх, то вниз, то подымается безобразными высокими горами, то опускается долинами, как будто провалившимися между ними. К этому нужно прибавить, что она в то время вся была облечена дремучим, непроходимым лесом и пронята топкими болотами. И потому движение народов чем глубже касалось Европы, тем происходило медленнее: они должны были продирались сквозь леса, перелезали через горы и обходить болота. Они селились оазами и были так скрыты один от другого лесами и неведомыми местами, что часто долго были безопасны от всяких нападений. И когда новое наводнение толпы слишком многочисленной, водимой предприимчивым повелителем, освещало Европу великолепными иллюминациями, зажигая вековые леса ее, и леса исчезали, — тогда изумленным глазам их представлялся народ, которого существования они даже и не подозревали и который нравами своими, хотя уже отделившись, все еще сходил с ними. Вся Европа состояла, можно сказать, из клочков и отрывков, отторженных друг от друга самою природою, оттого покорение ее и соединение под одну власть было вовсе невозможно, и оттого произошли ее бесчисленные нации, которые, без всякого сомнения, слились бы и изгладились, если бы она состояла из открытых равнин. Это был новый невидимый мир, о котором древние просвещенные народы ничего не знали и который, можно сказать, сам мало знал себя.

Основу его составляло множество разных отраслей германских племен, простиравшихся по всему западу. Берега Немецкого моря, Рейна и Дуная и вся середина Европы до Балтийского моря были заняты ими. Состояние их во время первого знакомства с ними римлян уже показывало давнюю оседлость в Европе и что переселение их совершилось в глубокой древности. Но что оно истекло из Азии, тому доказательством служит странное сходство некоторых коренных слов языка германского с персидским*. Выбросила ли Азия в первоначальной древности за одним разом племена на юг, образовавшиеся среди гор в народ персидский, и на север, превратившиеся в лесах Европы в германцев, или позже тяжелое влияние парфян, ринувшихся из середины Азии, принесло в язык персидский множество слов, раздававшихся дотоле в неизмеримых степях ее и распространившихся уже и в Европе**. Как бы то ни было, но первоначальное

* Шлегель

** Миллер

происхождение германцев было из Азии и переселение их совершилось в отдаленные времена.

Эти народы представляли совершенно противоположный и вовсе отличный мир от римского. Физическая и духовная их природа носила резкий отпечаток самобытности и особенности. Их организация физическая совершенно спорила с организацией народов древнего мира: черные блестящие глаза, темные волосы, выразительные, южные черты лица, казалось дышавшие потребностью роскоши и пресыщающих наслаждений — общей физиогномией уже остановившегося древнего мира, встречали здесь совершенную противоположность: голубоглазые, светловолосые, рослые, крепкие, с одним только свирепым выражением войны на лице, германцы показали собою совершенно новую природу, которою означился новый мир. Их религия, их жизнь, их темперамент, первообразные стихии характера разнились во всем от образованных тогдашних народов. Религия германских народов отличалась особенною оригинальностью. Их божество и предмет поклонения была Земля. Казалось, как будто мрачный вид тогдашней Европы внушил им идею этой религии. Будучи редко освещаемы солнцем и находясь вечно под мрачною тенью вековых дубов, роя пещеры для первоначальных своих жилищ или сохранения сокровищ, видя одну только землю, могущественно выбрасывавшую на поверхность растения, приносившие им бедную пищу, и величественные высокие деревья, шумевшие над ними, они почитали ее зиждительницею всего. От ней производили они бога своего Туистона или Тевта, у которого был сын Ман, а от него различные ветви германских народов, которые, по мнению их, были древнейшими обитателями мира. По-видимому, такое понятие о религии совершенно отделяет их от Азии, но мы должны вспомнить, что владычество природы и положения земли всегда было сильно. Природа деспотически властвует над первоначальным человеком. Развиваясь и зрея умом, он получает над нею верх и предписывает ей законы, но в первобытном, но в диком состоянии он должен сам исполнять ее законы: он раб ее. В Средней Азии небо все открыто перед глазами. Там оно необозримо и велико. Земля перед ним кажется слишком низменною. Никакое высокое растение, никакая остроконечная, высокая, узкая скала не останавливает взора; расстилающаяся по необозримым пространствам трава представляет ее еще низменнее. Солнце там течет величественно обливая все своим светом, звезды усыпают густо небесный небосклон и одни только могут остановить человека и препятствовать совратиться с пути. Оттого во всей Азии царствовало всегда поклонение солнцу и небесным светилам. Передвигаясь в

Европу, народы реже виделись с солнцем. Густой и величественный мрак европейских лесов сильнее поражал их дикое воображение. Туманы Севера и болотные испарения скрывали вовсе небо; самая необходимость заниматься иногда земледелием заставляла их более привязаться к земле. И потому-то у германских народов было очень слабо поклонение светилам; едва у немногих сохранилась о нем память. Во глубине и глуши лесов, не проникаемых солнцем, они приносили свои жертвы богине-матери Герте. Казалось, мрак считался у них чем-то священным, и потому-то их религия уже в самом начале несходствовала с другими. Они верили в бессмертие. Но их небеса были мрачны. Они в своем Валгале видели продолжение воинственной их жизни: туда переселяли они свои германские дубы, пылающие костры и гром оружий. Небеса облакали в свинцовые тучи и населяли темными тенями своих великих, уже погибших на войне героев. Поклонение Герте разошлось между всеми почти германскими племенами. К предметам поклонения их принадлежали также тени умерших героев, которых они представляли в колоссальном виде. Такие же почести разделяли их товарищи кони, из которых белые почитались, по свидетельству Тацита, священными и хранились в заповедных рощах. Их впрягали в священную колесницу, за которою шел король, жрецы, и по храпению их узнавали будущее.

Германские народы долго сохраняли первобытный образ жизни. Они жили и веселились одною войною. Они трепетали при звуке ее, как молодые исполненные отваги тигры. Думали о том только, чтобы померяться силами и повеселиться битвой. Их мало занимала корысть или добыча. Блеснуть бы только подвигом, чтобы после рассказали его дело в песнях. С именем прославившегося в боях соединялись у них все выгоды и счастье жизни. Его выбирали в предводители; к нему чувствовалось у всех народов уважение и изумление. Он был посредник и судья во всех спорах; на войне полный распорядитель добычи; ему даже чуждые отдаленные племена присылали конные сбруи; ему родные и подвластные племена добровольно приносили в дар произведения полей своих: плоды, скот и лошади. Храбрость казалась чем-то божеским, под его знамена все спешили наперерыв и сражались не для добычи, но чтобы показаться перед ним и заслужить его одобрительное слово. Его имя долго поминалось в песнях, и по смерти его в честь ему совершались пиршества, и долго племя, имевшее его, превозносилось его подвигами перед другими; тень его становилась божеством и служила предметом поклонения. Такой удел был завиден, потому что жажда бессмертия уже кипит и в неразвившемся человеке. Все наперерыв стремились прошуметь

подвигами; битвы были часты, и германцы по первому призыванию готовы были лететь с своими дикими силами.

Они сражались почти наги, выказывая во всей простоте атлетическую свою силу. Плащ, застегнутый вместо пряжки терновым шипом, кожа дикого зверя на плече — вот их убранство. Они строились густо, кучами в виде клина; действовали вблизи и вдали короткими копьями, называемыми фремеями; львиная сила мышц их бросала их так далеко, сколько нужно было, чтобы достать неприятеля; одни щиты их показывали роскошь, испещряемые яркими цветами; толпа жен, детей следовала за ними в битву; сопровождала их своим криком и была причиною нового мужества: они не мыслили предаться бегству при мысли о рабстве, ожидающем их жен и детей, усугубляли дикой напор свой, и неприятели уступали. Их жены тут же среди битвы высасывали раны мужей своих, залечивали их и даже уносили на плечах своих. Смерть предводителя, вместо того чтобы расстроить их, связывала железною силою мести и делала их несокрушимыми. Бросить щит было верх бесчестия, и несчастный, жертва всеобщего презрения, убивал сам себя. Предводитель силою одного уважения, без власти, правил самовластно племенами, и воины с изумительною покорностью исполняли его веления. Предводя на войне, они оставляли при себе власть эту иногда и среди мира и назывались гериманами*.

Они были вольны и не хотели никакой иметь над собою власти. Правления у них почти не было. Они собирались на народные собрания, стекавшиеся при новолунии и полнолунии каждого месяца, а в случаях чрезвычайных и во всякое время. На эти собрания они приходили лениво и медленно, желая показать, что делают это по своей воле; несколько дней протекало, покамест могло составиться нужное число для совещания. Они сидели в полном вооружении; одни только жрецы могли приказывать наблюдать молчание; председательствовали старейшины семейств седовласые (*grawion*), после изменившие это название в графов; говорили князья и прославившиеся в битвах; речи их были просты, но исполнены того сильного и сжатого лаконизма, которым отличается бесхитростное красноречие народов свежих.

Они были просты, прямодушны: их преступления были следствие невежества, а не разврата. То, что было бесчестие и низость духа, называлось только преступлением: переметчики, изменники были вешаны и предаваемы мучительной казни, за низкие и бесчестные поступки бросали в болото, забрасывали тиною и фашинником, как

* Тацит

бы желая скрыть то, что не должно бы никогда показываться. Жена, изменившая мужу, была в его власти, он мог отрезать ей волосы, лишить одеяния и обнаженную, покрытую стыдом, гнать розгами чрез веси и деревни, и никто не смел изъявлять сожаления, несмотря на всю красоту ее; но примеры эти были редки, потому что германцы были дики и жестки нравами и что у них были только обычаи, которые обыкновенно сильнее самих законов.

Они были беспечны, бездейственны в домашней жизни и представляли совершенную противоположность беспокойному быту воинскому. Они были бесчувственно ленивы и лежали в своих хижинах не трогаясь с места. Чем более кто почитал себя храбрым, тем более считал для себя низким всякое занятие; поля обрабатывали старики, бесильные, малолетние и рабы, которые пользовались совершенною свободою и платили только небольшую подать от полей своих. Все домашние заботы лежали на женах. Жена не приносила мужу приданого; напротив, он должен был сам накануне свадьбы принести в дар быка в ярме, вооруженную лошадь и копье, как бы желая этим дать знать, что она должна разделить все его занятия.

Они одевались совершенно противоположно римскому миру и всем народам южным, любителям вольных, широких одежд: они носили платье узкое, которое совершенно обвивалось около их тела; звериные кожи, носимые ими, придавали им что-то дикое и зверообразное. Одеяния жен их мало отличались от мужских: у иных платье было льняное алое, доходившее только до пояса, так что шея, грудь и руки были открыты. Дети были совершенно преданы своей воле и росли вместе с домашним скотом. Когда они достигали совершенного возраста, тогда только получали право носить оружие и заседать в собраниях. Гостеприимство, свойственное почти всем дикарям и первобытным нравам, было их принадлежностью. Гости дарили подарками; не могший угостить его отводил сам к другому.

Но более всего можно было видеть древнего германца в его пиршествах, в которых проводили они напролет целые ночи, где зажженные дубы величественно освещали леса и хлебный напиток из ячменя, может быть, пращур нынешнего пива, так употребительного в Германии, разрешал их мысли, речи и намерения. В этих-то пиршествах созревали все их предприятия. Тут они задумывали свои смелые и дерзкие дела, которые не всегда и не всем могли прийти в голову во время медленных народных собраний. Они были стремительны, азартны и как только были разбужены, потрясены и выходили из своего хладнокровного положения, то уже не знали пределов своему стремлению. Азартность их более всего оказывалась в игре, в которую

заигрывался дикий германец до того, что проигрывал свой дом, оружие, жену, детей, наконец самого себя и становился рабом — состояние нестерпимее для него самой смерти! Эта азартность, может быть, служила основанием тех дерзких сильных страстей, которыми исполнены европейцы.

Таковы были народы германские — грубые стихии, из которых образовалась новая Европа. Они делились на бесчисленные племена и, как густые европейские леса, усеивали Северную Европу. Чтобы яснее обозреть их, начнем с тех мест, где древний мир уже видел этих первоначальных зиждителей нового, т. е. от реки Дуная, служившего пределом для римлян. Тут обитали уже входившие в сношение с древним просвещенным Римом, все еще вольные, но уже не столь одичавшие, как-то: гермундуры, нариски, маркоманы и квады. Потом великая цепь племен германских толпилась по Рейну от устья и вниз до впадения его в море: вангионы, трибоки, неметы, матиаки, убии; за ними следовали тенктеры, бывшие первыми наездниками, которых конница славилась и у римлян, которых все имущество были лошади и оставлялись в наследство только храбрым, за ними узипетры и у самого впадения Рейна в море сильные батавы. Средине Германии, погруженная в леса, скрывала самых свирепых и сильных народов. Начиная с запада и на восток первые встречались хаты, предки нынешних гессенцев, жившие при реке Майне, где Германия состоит из частых возвышенностей. Народ, страшивший своею пехотою, регулярным устройством ее, осмотрительностию в нападениях и диким выражением лиц своих. Их обычаи невольно поражали своею оригинальностью. Ни один юноша не смел отрезать волос своих до тех пор, пока не омыл рук своих в крови неприятеля; в битвах они должны были находиться впереди и своими обросшими косматыми лицами наводили робость на врага. Всякой хат носил на руке своей железное кольцо, что считалось бесчестьем, потому что напоминало цепи; сбросить его он мог тогда только, когда поражал собственною рукою неприятеля. На юг от хатов были херуски, обитатели Гарца; далее следовали фозы, сигамбры, бруктеры, ангруарии, хазуарии, наконец аряне, отличавшиеся совершенно особенным родом нападений, которые они производили в глухие мрачные ночи и, желая облечь их страхом, выкрашивали тело, носили щиты, покрытые черною краскою, и в виде погребальной процессии представлялись изумленным глазам неприятелей, не могших выносить такого зрелища. За ними на восток в пространствах несколько более открытых обитали свевы, состоявшие из множества разных племен и ведшие долго еще жизнь

пастушескую, несмотря на то, что положение земли, еще болотной, мало представляло для ней удобства.

Вообще можно сказать: чем ближе к западу и юго-западу, тем более было занимавшихся земледелием или по крайней мере оно мешалось у них с пастушескою жизнью; чем ближе к востоку, к Венгрии, Дакии и Польше, тем более преобладала пастушеская жизнь, чем глубже в леса Гарца, тем мрачнее и сильнее становились германские племена. Но самые опасные, которых римляне даже во все почти не знали и которые были истинные разрушители их владычества, — это были все населявшие берега морей и прибалтийские земли. Сюда никогда не досягали римляне. Здесь жили пираты, самые предприимчивые из германцев, которых уже положение земли и моря заставляло отваживаться на дерзкие дела. Таким образом, по Немецкому морю жили фризы и хавки, за ними самые сильные корсары Севера саксы, в Голштинии кимвры, по Балтийскому морю готы, варны, ругии, бургунды и в Пруссии ломбарды, вандалы, герулы. Кроме того в середине Германии находилось еще множество разных отродий, совершенно скрытых болотами и лесами, которые во время частых битв между ее племенами были вытесняемы и видели необходимость избирать неприступные места. Горы Альп и Карпата заключали в себе множество клочков или остатков разных племен гальских, германских и венедских, бандитствовавших в дикой Европе. Северо-восток ее совершенною бедностию почвы, уединением и страшным пространством не мог образовать и возрастить сильных народов. В рассеянных, бездомовных, бесприютных его обитателях финнах и отростках народов этских замирала жизнь, как и в самой природе того края.

Вот каков был тот отдельный мир дикой Европы! Вот каковы были те народы, которых мощную силу прежде всего должны были испытать римляне. И если всемирная Империя не пала гораздо ранее, то причиною этого были: чрезвычайное раздробление народов германских, положение Европы, препятствовавшее им слиться в одно, простота нравов, заставлявшая их довольствоваться грубыми произведениями своей земли, незнание корысти, так свойственной разрушающим дикарям, оседлость и любовь к свободе, заставлявшая их удаляться во глубину своих лесов. Римляне чувствовали всю опасность от этих свежих сил европейских народов. И оттого никакая из границ Империи: ни восточно-азиатская, ни южно-африканская не была так защищена, как северо-европейская. Сюда, можно сказать, стеклась вся сила их. И должно признаться, что средства защиты при тогдашнем изнемогающем состоянии Империи были приняты самые

благоразумные. Империя отдавала опасные границы свои свежим воинственным народам, которые лучше всего могли защищать их и были довольны вначале немногим. Но к чести народов германских нужно сказать, что одна только сильная необходимость заставляла их принимать этот дар римлян. Эта зависимость казалась для них рабством, и они спешили в глубину лесов своих скрыть там свою свободу. Покушения римлян принуждали их составлять сильные между собою союзы, но эти союзы никогда не были нападательны; цель их была только привести в безопасность свою волю, бывшую для них дороже всего. Один из сих союзов, известный под именем союза франков, более других возрос и усилился благодаря благоприятному положению земли и умножавшимся натискам со стороны всех народов. Разнородные племена, его составившие, заняли часть Вестфалии и Гессена и так тесно слились, что составили наконец одну нацию под именем франков. Но этот союз не был бы так страшен для римлян и вся Германия долее пребывала бы неподвижною, если бы не действовали на нее посторонние силы выходивших из Азии народов. Восточная часть Европы была очень страшна своими равнинами. Это были широкие ворота в Западную Европу, большая дорога, через которую переходили попеременно разноцветные народы; леса были здесь более выжжены, нежели в других местах; болота скорее высохли, и с каждым столетием она становилась просторнее и удобнее для переходов. Открытые места ее давали средство народам и племенам соединиться в большие массы, представляли удобность для кочующей жизни, которая дает средства производить великие набеги. Народ вдруг мог подняться с легких жилищ своих и произвести всею массою самое страшное, ничем не отражимое, разрушительное нападение.

Одному из народов германских определено было прежде всех других произвести всеобщее движение. Этот народ был готы*, народ, над которым, казалось, тяготело какое-то проклятие, осудившее его на скитание. Долго блуждал он и показывался то в Скандинавии на противоположных берегах Балтийского моря, то наконец на широком востоке Европы. По свидетельству историка Иорнанда, он первобытную жизнь вел в Скандинавии. Может быть даже, что это был один из первоначальных народов Европы. Перебравшись из снеговой своей отчины, он устремился на берег Пруссии и произвел страшный всемирный переворот, вытеснив оттуда вандалов, ломбардов, герулов, бургундов и саксов, и против их собственной воли

* О готах: Прокофий, Иорнанд, Гиббон

заставил их быть одними из ревностных деятелей в разрушении Западной империи. Всеобщее потрясение ощутилось во всей Европе. Вся эта цепь сильных прибалтийских народов придвинулась ближе к границам римским, потеснила в горы и болота множество племен, сжала сильнее их силу, и римляне должны были завести новое знакомство: герулы, вандалы, ломбарды уже стали появляться в войсках их.

Между тем готы, прочистивши перед собою дорогу, отчасти разогнали, отчасти покорили придунайских народов: маркоманов, квадов; соединились в южных равнинах Дакии в многочисленные массы и с приведенными под власть свою народами устремились к Черному морю. Чем далее к югу, тем удобнее была им дорога и тем быстрее был их путь; наконец они очутились в середине Греции и в Малой Азии, выжгли берега Черного моря. Халцедон, Эфес были обращены в пепел; Афины были разграблены страшно, безжалостно. Император Деций видел опасность восточных границ обширной своей Империи, и между тем как на западных границах войска его сражались с вандалами, свевами, герулами, сдвинутыми с мест готами, он сам предводил войсками на востоке и погиб с оружием в руках. Готы с великою добычею возвратились, заняли нынешнюю Россию, приобрели трактатом от римлян всю Дакию и остались здесь, владея над придунайскими народами и тревожа присутствием своим беспечную Империю. Тогда всемирные императоры, узнавшие несчастным опытом дикое мужество готов, составили план принимать их в свои войска и выдавать жалованье этим неодолимым дикарям. Сим приобрели они сильных защитников, но вместе с тем приобрели и сильных неприятелей, потому что открыли им тайну благоустроенной тактики, которая еще более могла придать им перевеса. Но, впрочем, тактика готов и без того была неодолима. Она соединяла в себе вместе и тактику народов легких и кочующих и тактику неподвижных народов. Они строились густыми, великими массами и сохраняли одинаковую крепость в порыве первого нападения, в разгаре битвы и в потухающей силе ее окончания. Как бы долго ни длилась битва, их ряды невозможно было сдвинуть с места. Нападения свои они сопровождали, так же как и другие германские племена, песнями. В песнях провозглашались имена древних героев Фридригера, Видигана, Этесбамера и других. Власть религиозная заключалась в одном лице, который был вместе и царь, и предводитель войск, и верховный жрец, и при всем том зависел от совета храбрых.

У готов с незапамятных времен тянулось царственное поколение Бальтов, из которых только одних можно было избирать царей.

Поклонялись Водану, бывшему в отдаленные веки их предводителем, вместе с Оденом, этим северным Улисом*. Из всех народов германских готы более других способны были принять цивилизацию. До середины четвертого века власть готов признавалась более или менее народами на Дунае, на западе и на востоке нынешней России. Имя царя их Германриха было уважаемо от берегов Черного моря до Ливонии... Но владычество готов было смущено великим азиатским нашествием гуннов.

Гунны, или гионгну, по свидетельству Дегине, были племена сильные, занимавшие великие степи Татарии, Манжурии, потрясшие Китай, но не умевшие противиться китайской лукавой политике и обратившиеся впоследствии в данников китайских монархов. Однако же многочисленная часть поднялась с своими кибитками и табунами, направляя на запад, заняла закаспийские земли и скрылась таким образом из виду Китая. Поселение их на берегах каспийских историки римские относят ко времени Домициана. Не мешает при этом заметить, что образованный тогдашний римско-греческий мир ничего не знал даже о том, существует ли на свете этот народ, до времени императора Валенса, т. е. до того времени, когда увидели вдруг извергавшиеся из гор Азии толпы гуннов и с ними аваров, гуннуюров, ульзингуров и других народов, которых имена дико звучали для утонченного и вместе испорченного слуха римлян — греков. Набег этих обитателей Азии, разрушительной, неотразимый, обычай их есть сырое мясо, пить из неприятельских черепов и приносить на окровавленном костре в жертву теням своих предков первых попадавшихся пленников, самые их калмыцкие лица, плоские, неуклюжие, смуглые, наводившие робость одним своим свирепым движением, их приземистый рост, весь состоявший из одних мускул, привели в такой ужас азиатско-римские провинции, что жители не смели производить их от человеческого племени. Они думали, что маги и волшебники неизмеримых каспийских пустынь вошли в нечистое сношение с дьяволами и от этого союза произошли гунны.

Гунны, по какому-то странному инстинкту или, может быть, испугавшись слишком пестрой поверхности римской Азии, усеянной садами и городами, которых всегда убегают кочевые народы, считающие их темницами, или не находя вольных пустынных степей, необходимых для их неисчисляемых стад, как бы то ни было, только они двинулись, вместо того чтобы на юг, на северо-запад; зацепили путем своим Кавказа, сорвали с его подошвы несколько народов кавказ-

* Шлегель

ских и увлекли с собою. Вся эта кочевая толпа высыпала в Европу. Великий аванпост Европы занят был, как мы уже видели, владычеством готов. Их многочисленные племена и покоренные ими народы были передовыми ее стражами и наполняли ее обширные ворота, к несчастью слишком обширные для такой небольшой части света, какова Европа. И готы, те готы, которые считались непобедимым ее оплотом и силою, уступили перед ними. Это так и должно было быть. Тайна азиатского многочисленного набега была совершенно неизвестна готам. Если бы они знали, что азиатское нападение более всего страшно силою первого порыва, что умение долее противустать ему и продлить битву одни только могут выиграть, если бы готы знали это, то гунны убралась бы снова за Кавказ и Европа не почувствовала бы сильного потрясения, изменившего снова ее вид. Но эта тайна не была постигнута готами. Впрочем, надобно сказать и то, что нужно было иметь нечеловеческую храбрость и крепость духа, чтобы выдержать первый напор гуннов. Нападения их были производимы с таким ужасным криком; многочисленная масса их летела так густо и с такою силою на лошадях бешеных, почти диких, как будто бы была сброшена с крутого утеса и не в состоянии была сама удержать бега; узкий, почти пропадавший между пухлых щек их глаз был так быстр и верен, в одно мгновение они давали столько изменений ходу битвы, так быстро могли рассыпаться и исчезнуть из виду, так скоро собраться в кучи, так метко высылать летящий лес стрел, даже убегая так ловко они умели отстреливаться и все это сопровождали таким диким оглушительным криком, что вряд ли мог сыскаться предводитель, чей глаз не разбежался бы и голова не закружилась в битве с ними.

Погнавши готов, гунны заняли нынешний польской запад России да северные и дунайские земли — и география Европы изменилась снова. Занявши такое огромное пространство, гунны необходимо должны были произвести сильное потрясение и всеобщую перемену мест. Сдвинутые готы хотя с трудом, но подались на запад и юг; вандалы и свевы, с которыми римляне или, лучше сказать, римские германцы мерялись уже на самых границах своими силами, ворвались чрез Францию и Альпы в Испанию. И в Испании ко всеобщему изумлению столкнулись народы совершенно с противоположных стран света: свевы с берегов Балтики и снежной Скандинавии и алане, оторванные гуннским порывом с подошвы Кавказа.

Гунны бродили по степям России, переносили свои кибитки и перегоняли табуны в течение целых пятидесяти лет не производя

дальних завоеваний, потому что западную Европу и на тот раз спасало лесистое и неровное положение и потому что гуннам недоставало предприимчивого предводителя. Они производили свои набеги на соседей, которые обыкновенно состояли в хищничестве жен, детей и в угонке стад в свои пределы. Эти хищничества более всего должны были испытать готы, как ближайшие к ним народы. Готы в это время разделились на две великие ветви, на визиготов, которых цари были избираемы из прежней царственной линии Бальтов, и остроготов, избравших царей из новой царственной ветви Амалов. Столкнутые гуннами, они притеснились к самому югу нынешней Украины и Молдавии. Не нашедшая безопасности часть визиготов под начальством Фридригера, Алета, Сафраха обратилась с просьбою к римскому императору о позволении перейти через Дунай и, поселившись на южной стороне его, защищать провинции от нападения усилившихся варваров. Император Валентиниан, управлявший Империей вместе с братом своим Валентом, принял с радостью неожиданную помощь — и визиготы перешли чрез Дунай. Между тем остроготы и часть визиготов, живших на юго-востоке, терпели часто голод и видели беспрестанно увеличивающиеся свои нужды, просили императора Валенса, который имел надзор над восточными провинциями и жил в Константинополе, снабдить их нужными произведениями и позволить им торговать с тамошними жителями. Император поручил удовлетворить их во всем фракийским правителям Лупичину и Максиму, которые были совершенные греки времен византийских, коварные, готовые оказать злодейские поступки даже без побудительных причин и почитавшие позволительными все поступки с варварами. Они не торговали, но просто грабили готов и доводили их до крайности продавать жен и детей; наконец под видом приязни призвали доблестнейших готов и решились тайно умертвить их. Это побудило мщение в диком, но сохранявшем первоначальные человеческие чувства народе. Многочисленные толпы готов ворвались во Фракию и до самого Константинополя жгли, грабили и обратили в пепел все находившиеся по дороге города и окрестности. Император Валент находился в весьма неблагоприятном положении. Он был ревностный арианец и потому гнал без милосердия противников секты, потому имел врагов, и сам брат его Валентиниан, императорствовавший в Риме, отказал подать ему помощь; кроме того, император Валент был жесток и ужасно подозрителен: ему предсказали, что гибель его последует от человека, которого имя начинается словом *Φεο*, — и он перерезал и передушил всех Феодориков, Феодотов и Феодосиев, которые только занимали какие-нибудь значительные

должности. Само собою разумеется, что такие поступки не внушили его подданным излишнего жара защищать своего монарха. Притом и самые подданные были жалкой бесхарактерной народ, войска умели только бунтоваться и готовы были бежать при первом случае; финансы разбрелись по рукам евнухов, любимцев, любовниц и пронырливого духовенства. И так Валенту наконец пришлось поплатиться за прежнюю жизнь свою. Оставленный бегущими войсками, он спрятался в бедную хижину и был сожжен вместе с нею мстительными готами. Константинополь уцелел благодаря незнанию готов осаждать города. Готы с торжеством с бесчисленною добычею возвратились в свои жилища, оставив римлянам страшную память своего посещения.

Скоро после этого произошло совершенное разделение Римской империи. Император Феодосий думал спасти ее чрез эту секуляризацию, приписывая слабость ее неизмеримости и невозможности одному управлять. Восточная империя, которая очень справедливо стала называться Греческою, а еще справедливее могла бы назваться Империей евнухов, комедиантов, любимцев, ристалищ, заговоров, низких убийц и диспутствующих монахов, досталась Аркадию, которым управлял пронырливый опекун его Руфим; Западная, которая тоже весьма несправедливо называлась Римскою, потому что все административные значительные места были заняты выслужившимися варварами из готов, вандалов и других германцев, получивших только слабый наружный лоск римского образования, которая уже в собственном сердце своем видела насильно теснившихся врагов, которая в живом трупe своем видела и чувствовала онеменение жизни, эта Западная империя вручена была малолетнему Гонорию, которым управлял Стиликон, родом вандал, бывший верным и храбрым при Феодосии и сделавшийся низким и слабым при ничтожном его сыне. Опекуны, правительствовавшие в разных углах Европы, ненавидели друг друга. Первый подарок, который Руфим, хитрый как византийский грек, препроводил к своему неприятелю Стиликону, состоял в сильных войсках визиготов, которых он настроил воевать Италию, обещая с своей стороны не подавать никакой помощи. Все визиготы поднялись с своих становищ в Дакии и с берегов Дуная и вступили в Италию. Но Стиликон, вместо того чтобы утрашиться такого нашествия, втайне был рад ему. Он основывал на нем кучу планов. Прежде всего он думал этими свежими многочисленными и сильными варварами истребить других варваров, уже втеснявшихся в самые пределы Римской империи. Тогда Галлия и принадлежала, и не принадлежала римлянам. Сильный франкский

союз стоял на границах ее вместе с накопленными под его эгидом племенами; на востоке и на юге, т. е. в недрах самой Франции, вольно расположились алеманы и бургунды. В Испании свевы, аланы и вандалы захватили всю лучшую часть ее, т. е. юг. Среди их римские префекты и начальники играли самую жалкую роль, имели достоинство без власти. Казалось, вместо Римской империи лежала над полумиром одна только величественная длинная тень ее. Империя была похожа на тысячелетний дуб, который изумляет своею страшною толщиной и которого середина давно уже обратилась в гниль и прах. Стиликон искусно отклонил Алариха от желания поселиться в Италии и предложил ему богатую, цветущую Испанию. Он даже замышлял обратить этих варваров против врага своего Руфима, вместе с тем он располагал даже в случае удачи объявить себя императором вместо слабого Гонория, но чересчур перехитрил, и собственная голова слетела с плеч его. Слабый ничтожный Гонорий, не понявший ни одного прожекта Стиликона, велел одному из своих также нерассудительных полководцев напасть с тыла на готов, уже выступавших в Испанию, с тем чтобы нанести им какой-нибудь вред. Аларих вдруг обратился и очутился под стенами Рима. Гонорий по обыкновению бежал. Сенат, видевши бессилие свое, умолил могущественного гота отступить, обещая дань, часть которой ему была выдана тогда же, остальной решился победитель ждать и отступил от Рима. Как только узнал Гонорий, что опасность миновалась, как уже вновь прибыл в Рим и вовсе не думал платить дани. На этот раз Аларих явился под стенами уже гневный, грозивший обратиться в пепел вечный город. 23 августа 409 года стены всемирной столицы увидели среди себя предводителя готов. Великолепные дома и дворцы были разграблены, но грозный Аларих запретил зажигательство и пролитие крови. Из этого можно видеть силу воли и власть, какую он имел над своими дикарями, удержав их от того, от чего иногда не властен удержать и начальник образованных войск. Гонория и следа уже не было в Риме, он давно умел скрыться. Но зато победитель показал в величайшей степени презрение, какое чувствовал к римлянам: возвел им царя их же префекта Атала и заставил его ползать у дверей палат своих. Насытив свое мщенье, оставил он Рим и обратился на юг Италии. Здесь он замышлял великие планы, строил флот и намеревался перенести свои победительные знамена на берега Африки, но смерть остановила его подвиги. Для гробницы его визиготы отвели течение реки Везанто, вырыли на бывшем дне ее глубокую могилу, в которую зарыли труп, и потом снова возвратили ее на прежнее лоно, чтобы никто не мог осквернить и поругаться над могилою великого гота.

Избранный после него Астольф наконец вывел готов в Испанию, где они быстро утвердились и составили сильное готское королевство, изгнав не имевших значения римских начальников.

Вторжение визиготов было сильно почувствовано во всех концах Испании. Алане и свевы были крепко стеснены, и большая часть их должна была признать власть готов. Даже вандалы, бывшие сильнейшими в Испании, были сильно притеснены и придвинуты к Средиземному морю. Уже король их Гензерих помышлял о переправе в Африку. Но одно происшествие как будто нарочно ускорило исполнение его мысли. В Риме управлял именем малолетнего Валентиниана и его матери знаменитый Аэций, предприимчивый, честолюбивый, хитрый, не слишком разборчивый на средства к достижению желаемого. Он имел сильного противника в Бонифации, правителе Африки, и решил его погубить; для этого призывал его именем императора в Рим. Бонифаций, проникнувши умысел, решил остаться в Африке и призвать на помощь Гензериха. В 427 году Гензерих с вандалами и частью аланов высадился на берег Африки и означил путь свой пожарами и опустошениями. Бонифаций увидел наконец свою ошибку, что призвал такого гостя. Он успел уже примириться с императором и решил поставить преграду беспокойному своему союзнику. Но с Гензерихом не так было легко управиться. Бонифаций был разбит. Гензерих зажег Карфагену, ограбил дома, рубил жителей и извлек, где только могли скрываться, сокровища.

Быстрые успехи разожгли его хищное честолюбие. Скоро весь северный берег Африки подвергнулся его вандальскому владычеству. Огнем и мечом окрестил он его в арианство и составил сильнейшее в этот мятежный и темный век государство. С этого времени разгулялся Гензерих. Страшный флот его рассыпался по Средиземному морю и прекратил своим корсарством всякое плавание. Каждой год этот нумидийский лев появлялся у всех берегов Средиземного моря от Греции и Илирии до Гибралтара, собирая, как жатву на собственном поле, все, что могла только произвести цветущая населенность их. Испания, Сицилия, Сардиния, Далмация попеременно чувствовали ужасную разрушительную руку этого венчанного пирата, который так быстро воздвигнул первое государство христианских корсаров. Но наконец среди величия и награбленных богатств им овладело то состояние духа, та свирепая задумчивость, которая сушит, мучит душу и служит близким предвестием тиранства, ужасной нравственной болезни властителя. Он стал подозревать всех окружающих и подозрение наконец простер на жену свою, дочь визиготского короля; ему вообразилось, что она имеет умысел отравить его. Наполненный

этой мыслию, он приказал отрезать ей нос и уши и в таком виде отправить к ее отцу. Но испугавшись сам мщения готов, пригласил Аттилу, предводителя гуннов, напасть с севера на Испанию и Италию.

Аттила имел свою резиденцию в Дакии, где недалеко от Дуная находилось становище из грубых деревянных юрт, среди которых возвышался неуклюжий дворец его. Аттила был именно такой предводитель, какого дотеле не доставало гуннам. Он показал, как может быть ужасна стремительная азиатская сила. Весь северо-восток Европы признавал его владычество. Цепь народов, несших дань непобедимому царю гуннов, начиналась у Кавказа и оканчивалась у Рейна. Готы, гепиды, алане, герулы, аказиры, туринги и славяне очутились в границах его быстро раздавшейся кочевой империи. Греческий император, испытывавший его презрение, униженно присылал ему дань и ползал перед его могуществом. Это был маленькой человек, почти карло, с огромною головою, с небольшими калмыцкими глазами, но так быстрыми, что ни один из подданных его не мог выносить их без невольного трепета. Одним этим взглядом он двигал всеми своими племенами, которые несмотря на разбросанное свое положение, различие жизни, нравов и обычаев слились его словом в одну душу. Посреди своих придворных, блиставших награбленным золотом, этот необыкновенный человек носил грубую широкую одежду, лежал на простом войлоке, пил почти одну воду из деревянного котла, ни седло, ни лошадь его не видали на себе драгоценных камней, и сам себя называл бичом Божиим, посланным для того, чтобы исправить мир. Власть его над войском была беспредельна: оно верило, что у него находится чудесный меч, который должен завоевать ему весь мир. Повиновение покоренных народов было изумительно. Впрочем, невозможно было и думать им о возмущении потому, что Аттила мог выставить возле своей ставки такую пирамиду из отрубленных голов, глядя на которую немного находилось охотников. Он не любил заводить напрасно войны, особенно когда мир мог ему доставить то же самое. Справедливость его была ужасна. Он показывал и великодушие, но только рабам, простертым у ног его. Мщение же Аттилы... но вызвать его мщение никто не имел духа.

Предложение Гензериха, казалось, упредило его собственную мысль. Властительно собрал он бесчисленные племена свои и шел на запад. Римская империя почувствовала всю опасность. Все народы, составлявшие тогда запад Европы, встревожились. И тогда случилось странное событие: вся западная дикая Европа сдвинулась в один союз. Римляне соединились с своими разрушителями визигота-

ми, аланами, франками. Народы кочующие и пастушеские шли на неподвижных и уже отчасти земледельцев. Стремительная и деспотическая Азия на крепкую и вольную Европу. Нужно заметить, что германские народы чем ближе к западу, тем более означались вольным духом. Альпы были древним хранилищем европейской свободы, и вокруг их на далекое расстояние племена хранят еще и донныне черты независимости. Равнинам близ Марны во Франции определено было быть театром этой единственной битвы. Западная вольная Европа из римлян, визиготов, арморикан, беонов, бургундов, саксонов, аланов и франков под начальством королей, военных предводителей и под высшим распоряжением искусного Аэция и восточная кочевая Европа из остроготов, аланов, гепидов, маркоманов, венеков, ломбардов, герулов, аказиров, аваров, турингов, роксоланов и некоторых племен славянских под начальством своих князей, королей и принцев и движимых одною всемогущею волею Аттилы должны были решить многое важное в потомстве. Вольная Европа устояла. Неотразимая, разрушительная конница Аттилы была опрокинута вместе с союзными народами, и непобедимый гунн, употребивший все возможное напряжение своей воли, поворотил свои табуны и народы в равнины Венгрии и Панонии. Аэций, не желая дать перевеса визиготам, действовавшим сильнее других в этой кровопролитной сече, облегчил ему удаление. Великая лига, исполнившая свое назначение, разошлась и обратилась в прежние начала, увидя минувшую опасность.

Но ужасный предводитель гуннов рвал на себе благородный клок волос своих от гнева и через год, пополнивши свои войска новыми, вступил в Италию, где беспечный император Валентиниан и даже сам Аэций не мыслили об опасности. Первый город, испытывший его тяжелую руку, был Аквилея. Он его обратил в пепел и заставил горсть спасшихся жителей зародить на Адриатическом море Венецию. Отсюда прошел он всю Италию, действуя как огненный бич. Города Конкордия, Бресция, Виченца, Падуа, Верона, Мантуа, Милан, Модена, Парма представили одни обнаженные стены. «Клянусь, — гордо провозгласил дикой гунн, — что где коснется копыто коня моего, там более не вырастет трава!» Наконец и Рим увидел под стенами своими Аттилу. Испуганный папа в облачении со всем крестным ходом вышел навстречу неумолимому гунну, и великолепный ли обряд христианства, или мысль, рассеянная между дикими даже языческими народами, о пребывании чего-то священного в Риме, что бы то ни было, но Аттила отступил, взявши великой выкуп, и вышел из Италии.

Теперь предстояла очередь испытать его мщенье и силу соединенной лиге западных народов, — но внезапная смерть его спасла ее. Аттила умер необыкновенным образом. Суровый, воздержный, не позволявший золотым украшениям и камням убраться даже рукояти сабли и войлочного седла своего, он в один день изменил свою жизнь. Сочетавшись браком с дочерью бактрианского царя, необыкновенною красавицею, упоенный вином и пиршеством, он с таким неистовством предался сладострастию, что выпил за одним разом всю железную жизнь свою. Кровь у него пошла из ушей, из носа, изо рта — и он задохнулся.

В неведомой пустыне, среди глубокой ночи копали могилу Аттиле, сопровождая песнями о его подвигах. Тело его было положено в тройной гроб из золота, серебра и меди; с ним легли его оружия, его конные сбруи. На могиле его были заколоты все рабы и копавшие землю, чтобы никто из живущих не ведал о месте, где лежат кости великого человека*.

По смерти Аттилы гунны вдруг рассеялись и рассыпались, как всякой азиатской народ, связанный только могущественною волею предводителя. Тогда европейские народы шире и вольнее раздались и более приняли самостоятельности, и на востоке начали виднее показываться племена славян, которые мало-помалу разрослись в шестьдесят разных ветвей**, протянулись до Тироля, прошумели по уходе остроготов на границах империи Греческой и, углубившись в великие пространства, наконец превратились в мирных оседлых народов.

Италия еще дымилась после опустошений Аттилы, но и среди полуразрушенных развалин ее крылись еще происки. И в этом изнеможенном государстве еще нашлись жалкие честолюбцы! Сенатор Максим успел очернить перед бессильным императором Валентинианом единственную опору его шаткого трона — Аэция, и неблагодарный Валентиниан убил его собственной рукою. Но лишившись этой опоры, он сам погиб, умерщвленный Максимом, который надел на свою детски честолюбивую голову императорскую корону и женился на его вдове Евдоксии. Мстительная вдова, раздраженная низким умерщвлением своего супруга и мало заботившаяся об участи всей Италии, тайно пригласила Гензериха вступить в Рим и отомстить за смерть императора, его союзника и друга.

Гензерих не любил заставлять долго ждать себя, он немедленно поднялся с берегов Африки с толпами своих вандалов на пиратских

* О гуннах и об Аттиле: Иорнанд, Дегине, Фишер

** Конрад Геснер

судах и высадился в Италию. И что только уцелело от меча Аттилы, все то истребил по своему обыкновению Гензерих. Он не очень разбирает, кто прав, кто виноват и кому он должен оказать помощь. Все испытало равную участь. Гензерих имел необыкновенное искусство грабить: после него уже никто не мог ничем поживиться. Рим, который дотоле щажён был даже язычниками, был ограблен без милосердия этим христианским королем; все, что только можно было взять, он взял. Корабли свои он наполнил множеством пленников, с которыми сам не знал что делать; вывез множество артистов и художников, увез даже супругу императора, к которой пришел сам на помощь, вместе с дочерьми ее, наконец даже сорвал золотой купол с Капитолия и утащил его вместе с другими сокровищами в Африку.

После всех этих событий Италия не походила и на тень прежней своей славы. Цветущая, прекрасная — венец европейской природы, она представила дикий вид опустошенной, уничтоженной страны. Титло императора едва слышалось в опустелых городах. Римский император уже не мог иметь никаких доходов. Он не был в состоянии даже платить жалованья собственному войску, набранному из герулов, ругиев и турцелингов. И тогда предводитель их Одоакр отрешил своего императора от должности, сделался неограниченным и независимым и уже не хотел принять императорского достоинства, но назвался просто королем герулов. Еще часть римского войска находилась как бы отрезанною за Альпами в Галлии, и предводитель ее Сиagriй, не зная ничего о происшествиях в Италии, защищал несуществующую империю против соединенного франкского союза, который сделался уже слишком страшным потому, что имел предприимчивого короля и полководца Кловиса. Сиagriю, отрезанному от своего государства, не получавшему никаких подкреплений, трудно было противоборствовать этим свежим силам: он уступил — и Галлия потопилась франкскими народами. Скоро после того остроготы, предводимые Феодориком, двинулись с северных границ империи Восточной и заняли Италию, подчинив ее народы своей власти. Скоро после того англосаксы на своих неуклюжих дерзких кораблях перебрались через море и овладели Англиею — и потом великие эмиграции народов большими массами совершенно остановились, но в частности и малыми силами они производились непрерывно. Дикие охотники, воспитанные этими всеобщими странствиями и непрерывною переменою мест, получили страсть к приключениям и путешествиям, и вся Европа, несмотря на то, что по-видимому уже казалась неподвижною, двигалась и шевелилась подобно огромному рынку. Все нации перемешались между собою так, что уже невозможно было отыскать совершенно цельной;

и только впоследствии постоянный образ правления или занятий сообщил главным из них некоторую особенность и некоторые признаки отличия. Тогда было четыре первенствующих великих собраний или масс народа, четыре главные пункта европейской силы. В Испании визиготы, вторгнувшись туда с частью покоренных народов и присоединившие к себе уже в Испании аланов, свевов, вандалов и разных подданных им народов, зародившие толпу сильных против себя бандитов в горах Астурийских. В Галлии франки, уже составившие нацию из прежних соседей римлян дунайских и рейнских германцев: узипетров, сигамбров, херусков, хатов, бруктеров, ангривариев, хазуариев и других, соединившиеся с туземцами римскими галлами, соединившиеся, но не слившиеся с покоренными армориканцами, бретонами, алеманами, бургундами, отчасти бауарами и фризами, и простершие владычество за Альпы и Рейн. — Это было одно из сильнейших собраний народов. В северной Германии саксоны, страшные своею дикостью и пиратством, менее смешавшиеся с другими народами, и в Италии остrogоты, имевшие в толпах своих множество отродий народов, странствовавших по восточной Европе, свевских, аланских, аварских, славянских, гепидских, и под расторопным, твердым правлением Феодорика получившие на время перевес в Европе. Сверх того еще все эти великие массы народов распространяли покровительственную власть свою над многими отдаленными племенами. — Взаимные границы их часто терялись в неопределенных пространствах; в этих промежутках земли иногда чересполосно и независимо сохранялись многие народы. Таким образом, в средней Германии ломбарды, потом блеснувшие в Италии, часть бауаров, все народы, жившие в неизмеримых прежде лесах Гарца и в гористых уклонениях Альп. Восток Европы занимали совершенно разбросанные племена славянские, которые, находясь под вечным угнетением всех стремившихся из Азии народов, еще не успели явиться деятелями всемирной истории. За означенным кругом на север и на восток рассеивались народы, еще покрытые темною недеятельностью.

Такова была Европа в это шумное окончание V века, когда непостижимою волею Провидения величественный хаос, носивший темные начала Нового света, опустился на Европу, когда разрушающие народы безобразными массами текли на народы, колоссально совершались мрачные события, когда имена Алариха, Гензериха и Аттилы пронеслись беспокойными кометами, когда между тем Древний мир долго дотлевал на востоке, робкое римское просвещение прижалось к берегам Сирии, Александрии, Цареграда и ереси Нестория и Евтихия раздирали дряхлые старческие его силы.

КЛОЧКИ ИЗ ЗАПИСОК СУМАСШЕДШЕГО

Октября 3.

Сегодняшнего дня случилось необыкновенное приключение. Я встал поутру довольно поздно, и когда Мавра принесла мне вычищенные сапоги, я спросил, которой час. Услышавши, что уже давно било десять, я поспешил поскорее одеться. Признаюсь, я бы совсем не пошел в Департамент, зная заранее, какую кислую мину сделает наш Начальник Отделения. Он уже давно мне говорит: что это у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой? Ты иной раз метаешься как угорелой, дело подчас так спутаешь, что сам сатана не разберет, в титуле поставишь маленькую букву, не выступишь ни числа, ни номера. Проклятая цапля! он верно завидует, что я сижу в директорском кабинете и очиниваю перья для Его Пр-ва. Словом, я не пошел бы в Департамент, если бы не надежда видетсья с Казначеем и авось-либо выпросить у этого жида хоть сколько-нибудь из жалованья вперед. Вот еще создание! Чтобы он выдал когда-нибудь вперед за месяц деньги — Господи Боже мой, да скорее страшный суд придет. Проси, хоть тресни, хоть будь в разнужде — не выдаст, седой черт. А на квартире собственная кухарка бьет его по щекам. Это всему свету известно. Я не понимаю выгод служить в Департаменте. Никаких совершенно ресурсов. Вот в Губернском Правлении, Гражданских и Казенных Палатах совсем другое дело: там смотришь, иной прижался в самом уголку и пописывает. Фрачишка на нем гадкой, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую он дачу наживает! Фарфоровой вызолоченной чашки и не носи к нему: это, говорит, докторской подарок, а ему давай пару рыжаков, или дрожки, или бобер рублей в триста. С виду такой тихинькой, говорит так деликатно: одолжите ножичка починить перышко, а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителе. Правда, у нас зато служба благородная, чистота во всем такая, какой вовеки не видеть Губернскому Правлению: столы из красного дерева, и все начальни-

ки на вы. Да, признаюсь, если бы не благородство службы, я бы давно оставил Департамент.

Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел проливной дождик. На улицах не было никого; одни только бабы, накрывшись полами, да русские купцы под зонтиками, да кучера попадались мне на глаза. Из благородных только наш брат чиновник плелся. Я увидел его на перекрестке. Я, как увидел его, тотчас сказал себе: эге! нет, голубчик, ты не в Департамент идешь, ты спешишь вон за тою, что бежит впереди, и глядишь на ее ножки. Что это за бестия наш брат чиновник! Ей Богу, не уступит никакому офицеру: пройди какая-нибудь в шляпке, непременно зацепит. Когда я думал это, увидел подъехавшую карету к магазину, мимо которого я проходил. Я сейчас узнал ее. Это была карета нашего Директора. Но ему незачем в магазин, я подумал, верно это его дочка. Я прижался к стенке. Лакей отворил дверцы, и она выпорхнула из кареты как птичка. Как взглянула она направо и налево, как мелькнула своими бровями и глазами.... Господи, Боже мой! пропал я, пропал совсем. И зачем ей выезжать в такую дождевую пору. Утверждай теперь, что у женщин не велика страсть до всех этих тряпок. Она не узнала меня, да и я сам нарочно старался закутаться как можно более; потому что на мне была шинель очень запачканная и притом старого фасона. Теперь плащи носят с длинными воротниками, а на мне были коротенькие один на другом; да и сукно совсем не дегазированное. Собачонка ее, не успевши вскочить в дверь магазина, осталась на улице. Я знаю эту собачонку. Ее зовут: Меджи. Не успел я пробыть минуту, как вдруг слышу тоненький голосок: «Здравствуй, Меджи!» Вот тебе на! кто это говорит? Я обсмотрелся и увидел под зонтиком шедших двух дам: одну старушку, другую молоденькую; но они уже прошли, а возле меня опять раздалось: «Грех тебе, Меджи!» Что за черт! я увидел, что Меджи обнюхивалась с собачонкою, шедшею за дамами. Эге! сказал я сам себе, да полно, не пьян ли я? Только это, кажется, со мною редко случается. «Нет, Фидель, ты напрасно думаешь, — я видел сам, что произнесла Меджи. — Я была, ав, ав, ав! очень больна». Ах ты ж собачонка! Признаюсь, я очень удивился, услышав ее говорящую по-человечески. Но после, когда я сообразил все это хорошенько, то тогда же перестал удивляться. Действительно на свете уже случилось множество подобных примеров. Говорят, в Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на таком странном языке, что ученые уже три года стараются определить и еще до сих пор ничего не открыли. Я читал тоже в газетах о двух коровах, которые пришли в лавку и спросили себе фунт чаю. Но признаюсь, я гораздо более удивился, когда Меджи сказала: «Я писала к тебе, Фидель; верно Полкан

Дом Зверкова на Екатерининском канале.
Фотография И.П. Золотусского

не принес письма моего!» Да чтоб я не получил жалованья! Я еще в жизни не слыхивал, чтобы собака могла писать. Это меня удивило. Признаюсь, с недавнего времени я начинаю иногда слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видывал и не слыхивал. Пойду-ка я, сказал я сам себе, за этой собачонкою и узнаю, что она и что такое думает. Я развернул свой зонтик и отправился за двумя дамами. Перешли в Гороховую, поворотили в Мещанскую, оттуда в Столярную, наконец к Кокушкину мосту и остановились перед большим домом. Этот дом я знаю, сказал я сам в себе. Это дом Зверкова. Эка машина! Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько приезжих! а нашей братьи чиновников как собак, один на другом сидит. Там есть и у меня один приятель, которой хорошо играет на трубе. Дамы взошли в пятый этаж. Хорошо, подумал я, теперь не пойду, а замечу место и при первом случае не премину воспользоваться.

Сегодня среда, и потому я был у нашего Начальника в кабинете. Я нарочно пришел пораньше и засевши перечинил все перья. Наш Директор должен быть очень умной человек. Весь кабинет его уставлен шкафами с книгами. Я читал название некоторых: все ученость, такая ученость, что нашему брату и приступа нет: все или на французском, или на немецком. А посмотреть в лицо ему: фу, какая важность сияет в глазах! Я еще никогда не слышал, чтобы он сказал лишнее слово. Только разве когда подашь бумаги, спросит: «Каково на дворе?» — «Сыро, Ваше Превосходительство!» Да, не нашему брату чета! Государственный человек. Я замечаю однако же, что он меня особенно любит. Если бы и дочка... эх канальство!... Ничего, ничего, молчание! — Читал пчелку. Эка глупой народ французы! Взял бы, ей Богу, их всех да и перепорол розгами! Там же читал очень приятное изображение бала, описанное курским помещиком. Курские помещики хорошо пишут. После этого заметил я, что уже било половину второго случилось происшествие, которого никакое перо не опишет. Отворилась дверь, я думал, что Директор, и вскочил со стула с бумагами. Но это была она, она сама! Святители, как она была одета! платье на ней было белое как лебедь: фу какое пышное! а как глянула: солнце! ей Богу, солнце! Она поклонилась и сказала: «Папа здесь не было?» Ай, ай, ай! какой голос! Канарейка, право, канарейка! Ваше Превосходительство, хотел я было сказать, не прикажите казнить, а если уже хотите казнить, то казните вашею генеральскою ручкою. Да, черт возьми, как-то язык не поворотился, и я сказал только: никак нет-с. Она поглядела на меня, на книги и уронила платок. Я кинулся со всех ног, подскользнулся на проклятом паркете и чуть-чуть не расклеил носа, однако ж удержался и достал платок. Святые, какой платок! тончайший, батистовый — амбра, совершенная амбра! так и дышит от него генеральством. Она поблагодарила и чуть-чуть усмехнулась, так что сахарные губки ее почти не тронулись, и после этого ушла. Я еще час сидел, как вдруг пришел лакей и сказал: «Ступайте, Аксентий Иванович, домой, барин уже уехал из дому». Я терпеть не могу лакейского круга: всегда развалится в передней и хоть бы головою потрудился кивнуть. Этого мало: один раз одна из этих бестий вздумала меня, не вставая с места, потчивать табачком. Да знаешь ли ты, глупой холоп, что я чиновник, я благородного происхождения. Однако ж я взял шляпу и надел сам на себя шинель, потому что эти господа никогда не подадут, и вышел. Дома

большую часть лежал на кровати. Потом переписал очень хорошие стишки: «Душеньки часок не видя, Думал, год уж не видал; Жизнь мою возненавидя, Лязь ли жить мне, я сказал». Должно быть, Пушкина сочинение. Вечеру, закутавшись в шинель, ходил к подъезду Ее Пр-ва и поджидал долго, не выйдет ли сестра в карету, чтобы посмотреть еще разик, — но нет, не выходила.

Ноября 6.

Разбесил Начальник Отделения. Когда я пришел в Департамент, он позвал меня к себе и начал мне говорить так: «Ну скажи пожалуйста, что ты делаешь?» — «Как что? Я ничего не делаю», — отвечал я. «Ну размысли хорошенько! ведь тебе уже за сорок лет — пора бы ума набраться. Что ты воображаешь себе? Ты думаешь, я не знаю всех твоих проказ? Ведь ты волочишься за директорскою дочерью! Ну посмотри на себя, подумай только, что ты? ведь ты нуль, более ничего. Ведь у тебя нет ни гроша за душою. Взгляни хоть в зеркало на свое лицо, куды тебе думать о том». Черт возьми, что у него лицо похоже несколько на аптекарской пузырьек, да на голове клочок волос, завитый хохолком, да держит ее кверху, да примазывает ее какою-то розеткою, так уже думает, что ему только одному все можно. Понимаю, понимаю, отчего он злится на меня. Ему завидно; он увидел, может быть, предпочтительно мне оказываемые знаки благорасположенности. Да я плюю на него! Велика важность Надворный Советник! вывесил золотую цепочку к часам, заказывает сапоги по тридцати рублей — да черт его побери! я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных или из унтер-офицерских детей? Я дворянин. Что ж, и я могу дослужиться. Мне еще сорок два года — время такое, в которое по-настоящему только что начинается служба. погоди, приятель! будем и мы Полковником, а может быть, если Бог даст, то чем-нибудь и побольше. Заведем и мы себе репутацию еще и получше твоей. Что ж ты себе забрал в голову, что кроме тебя уже нет вовсе порядочного человека. Дай-ка мне ручевской фрак, сшитой по моде, да повяжи я себе такой же, как ты, галстук, — тебе тогда не стать мне и в подметки. Достатков нет — вот беда.

Ноября 8.

Был в театре. Играли русского дурака Филатку. Очень смеялся. Был еще какой-то водевиль с забавными стишками на стряпчих, особенно на одного Коллежского Регистратора весьма вольно написан-

ные, так что я дивился, как пропустила цензура, а о купцах прямо говорят, что они обманывают народ и что сынки их дебошничают и лезут в дворяне. Про журналистов тоже очень забавной куплет: что они любят все бранить и что автор просит от публики защиты. Очень забавные пиэсы пишут нынче сочинители. Я люблю бывать в театре. Как только грош заведется в кармане — никак не утерпишь не пойти. А вот из нашей братьи чиновников есть такие свиньи: решительно не пойдет, мужик, в театр; разве уже дашь ему билет даром. Пела одна актриса очень хорошо. Я вспомнил о той... эх канальство!... ничего, ничего... молчание.

Ноября 9.

В восемь часов отправился в Департамент. Начальник Отделения показал такой вид, как будто бы он не заметил моего прихода. Я тоже с своей стороны как будто бы между нами ничего не было. Пересматривал и сверял бумаги. Вышел в четыре часа. Проходил мимо директорской квартиры, но никого не было видно. После обеда большею частию лежал на кровати.

Ноября 11.

Сегодня сидел в кабинете нашего Директора, починил для него 23 пера и для ее, ай! ай... для Ее Превосходительства четыре пера. Он очень любит, чтобы стояло побольше перьев. У! должен быть голова! Все молчит, а в голове, я думаю, все обсуживает. Желалось бы мне узнать, о чем он больше всего думает; что такое затевается в этой голове. Хотелось бы мне рассмотреть поближе жизнь этих господ, все эти экивоки и придворные штуки, как они, что они делают в своем кругу — вот что бы мне хотелось узнать! Я думал несколько раз завести разговор с Его Пр-вом, только, черт возьми, никак не слушается язык: скажешь только, холодно или тепло на дворе, а больше решительно ничего не выговоришь. Хотелось бы мне заглянуть в гостиную, куда видишь только иногда отворенную дверь, за гостиною еще в одну комнату. Эх какое богатое убранство! какие зеркала и фарфоры. Хотелось бы заглянуть туда, на ту половину, где Ее Пр-во, вот куда хотелось бы мне! В будуар, как там стоят все эти баночки, скляночки, цветы такие, что идохнуть на них страшно, как лежит там разбросанное ее платье, больше похожее на воздух, чем на платье. Хотелось бы заглянуть в спальню... там-то, я думаю, чудеса, там-то, я думаю, рай! Посмотреть бы ту скамеечку, на которую она

становит, вставая с постели, свою ножку, как надевается на эту ножку белый как снег чулочик.... ай! ай! ай! ничего, ничего... молчание.

Сегодня однако ж меня как бы светом озарило: я вспомнил тот разговор двух собачонок, который слышал я на Невском проспекте. Хорошо, подумал я сам в себе. Я теперь узнаю все. Нужно захватить переписку, которую вели между собою эти дрянные собачонки. Там я верно кое-что узнаю. Признаюсь, я даже подозревал было к себе один раз Меджи и сказал: «Послушай, Меджи, вот мы теперь одни, я, когда хочешь, и дверь запру, так что никто не будет видеть, расскажи мне все, что знаешь про барышню, что она и как? я тебе побожусь, что никому не открою». Но хитрая собачонка поджала хвост, съежилась вдвое и вышла тихо в дверь так, как будто бы ничего не слышала. Я давно подозревал, что собака гораздо умнее человека; я даже был уверен, что она может говорить, но что в ней есть только какое-то упрямство. Она чрезвычайной политик: все замечает, все шаги человека. Нет, во что бы то ни стало я завтра же отправляюсь в дом Эверкова, допрошу Фидель и, если удастся, перехвачу все письма, которые писала к ней Меджи.

Ноября 12.

В два часа пополудни отправился с тем, чтобы непременно увидеть Фидель и допросить ее. Я терпеть не люблю капусты, запах которой валит из всех мелочных лавок в Мещанской; к тому же из-под ворот каждого дома несет такой ад, что я, заткнув нос, бежал во всю прыть. Да и подлые ремесленники напускают копоти и дыму из своих мастерских такое множество, что решительно невозможно здесь прогуливаться. Когда я пробрался в шестой этаж и зазвонил в колокольчик, вышла девчонка не совсем дурная собою с маленькими веснушками. Я узнал ее. Это была та самая, которая шла вместе со старушкою. Она немножко покраснелась, и я тотчас смекнул: ты, голубушка, жениха хочешь. «Что вам угодно?» — сказала она. «Мне нужно поговорить с вашей собачонкой». Девчонка была глупа! я сейчас узнал, что глупа! Собачонка в это время прибежала с лаем; я хотел ее схватить, но мерзкая чуть не схватила меня зубами за нос. Я увидел однако же в углу ее лукошко. Э, вот этого мне и нужно! Я подошел к нему, перерыл солому в деревянной коробке и, к необыкновенному удовольствию своему, вытащил небольшую связку маленьких бумажек. Скверная собачонка, увидевши это, сначала укусила меня за икру, а потом, когда пронюхала, что я взял бумаги, начала визжать и ластиться, но я сказал: «Нет, голубушка, прощай» и

бросился бежать. Я думаю, что девчонка приняла меня за сумасшедшего, потому что испугалась чрезвычайно. Пришедши домой, я хотел было тот же час приняться за работу и разобрать эти письма, потому что при свечах несколько дурно вижу. Но Мавра вздумала мыть пол. Эти глупые чухонки всегда некстати чистоплотны. И потому я пошел прохаживаться и обдумывать это происшествие. Теперь-то наконец я узнаю все дела, помышления, все эти пружины, и доберусь наконец до всего. Эти письма мне все откроют. Собаки народ умный, они знают все политические отношения, и потому верно там будет все: портрет и все дела этого мужа. Там будет что-нибудь и о той, которая... ничего, молчание! К вечеру я пришел домой. Большею частию лежал на кровати.

Ноября 13.

А ну посмотрим: письмо довольно четкое. Однако же в почерке все есть как будто что-то собачье. Прочитаем:

Милая Фидель, я все не могу привыкнуть к твоему мещанскому имени. Как будто бы уже не могли дать тебе лучшего? Фидель, Роза — какой пошлой тон, однако ж все это в сторону. Я очень рада, что мы вздумали писать друг к другу.

Письмо писано очень правильно. Пунктуация и даже буква *ъ* везде на своем месте. Да эдак просто не напишет и наш Начальник Отделения, хотя он и толкует, что где-то учился в университете. Посмотрим далее:

Мне кажется, что разделять мысли, чувства и впечатления с другим есть одно из первых благ на свете.

Гм, мысль почерпнута из одного сочинения, переведенного с немецкого. Названия не припомню.

Я говорю это по опыту, хотя и не бегала по свету далее ворот нашего дома. Моя ли жизнь не протекает в удовольствии? Моя барышня, которую папа называет Софи, любит меня без памяти.

Ай, ай!.. ничего, ничего. Молчание.

Папа тоже очень часто ласкает. Я пью чай и кофий со сливками. Ах, та *chère*, я должна тебе сказать, что я вовсе не вижу удовольствия в больших обглоданных костях, которые жрет на кухне наш Полкан. Кости хороши только из дичи и притом тогда, когда еще никто не высосал из них мозга. Очень хорошо мешать несколько соусов вместе, но только без каперсов и без зелени; но я не знаю ничего хуже обыкновения давать собакам скатанные из хлеба шарики. Какой-нибудь сидящий за столом господин, который

в руках своих держал всякую дрянь, начнет мять этими руками хлеб, подзывает тебя и сунет тебе в зубы шарик. Отказаться как-то неучтиво, ну и ешь; с отвращением, а ешь...

Черт знает что такое. Экой вздор! Как будто бы не было предмета получше, о чем писать. Посмотрим на другой странице. Не будет ли чего поделнее.

Я с большою охотою готова тебя уведомлять о всех бывающих у нас происшествиях. Я уже тебе кое-что говорила о главном господине, которого Софи называет папа. Это очень странный человек.

А! вот наконец! Да; я знал: у них политической взгляд на все предметы. Посмотрим, что папа:

...очень странный человек. Он больше молчит. Говорит очень редко; но неделю назад беспрестанно говорил сам с собою: получу или не получу? Возьмет в одну руку бумажку, другую сложит пустую и говорит: получу или не получу? Один раз он обратился и ко мне с вопросом: как ты думаешь, Меджи? получу или не получу? я ровно ничего не могла понять, понюхала его сапог и ушла прочь. Потом, та сhère, через неделю папа пришел в большой радости. Все утро ходили к нему господа в мундирах и с чем-то поздравляли. За столом он был так весел, как я еще никогда не видала.

А! так он честолобец! Это нужно взять к сведению.

Прощай! та сhère! я бегу и прочее... и прочее... Завтра окончу письмо. Ну здравствуй! я теперь снова с тобою. Сегодня барышня моя Софи

А! ну, посмотрим, что Софи. Эх, канальство!.. Ничего, ничего... будем продолжать.

...барышня моя Софи была в чрезвычайной суматохе. Она собиралась на бал, и я обрадовалась, что в отсутствие ее могу писать к тебе. Моя Софи всегда чрезвычайно рада ехать на бал, хотя при одевании всегда почти сердится. Я никак не понимаю, та сhère, удовольствия ехать на бал. Софи приезжает с балу домой в 6 часов утра, и я всегда почти угадываю по ее бледному и тощему виду, что ей, бедняжке, не давали там есть. Я признаюсь, никогда бы не могла так жить. Если бы мне не дали соуса с рябчиком или жаркого куриных крылышек, то... я не знаю, что бы со мною было. Хорош также соус с кашкою. А морковь, или репа, или артишоки никогда не будут хороши...

Чрезвычайно неровный слог. Тотчас видно, что не человек писал. Начнет так, как следует, а кончит собачиною. Посмотрим-ка еще в одно письмецо. Что-то длинновато. Гм! и числа не выставлено.

Ах! милая, как ощутительно приближение весны. Сердце мое бьется, как будто все чего-то ожидает. В ушах у меня вечный шум. Так что я часто

поднявши ножку стою несколько минут, прислушиваясь к дверям. Я тебе открою, что у меня много куртизанов. Я часто сидя на окне рассматриваю их. Ах, если б ты знала, какие между ними есть уроды. Иной преаляповатой, дворняга, глуп страшно, на лице написана глупость, преважно идет по улице и воображает, что он презнатная особа, думает, что так на него и заглядятся все. Ничуть. Я даже и внимания не обратила, так, как бы и не видала его. А какой страшный дога останавливается перед моим окном! Если бы он стал на задние лапы, чего, грубиян, он верно не умеет, то он бы был целою головою выше папа моей Софи, который тоже довольно высокого роста и толст собою. Этот болван, должно быть, наглец преужасной. Я поворчала на него, но ему и нуждочки мало. Хотя бы поморщился! высунул свой язык, повесил огромные уши и глядит в окно — такой мужик! Но неужели ты думаешь, та сhère, что сердце мое равнодушно ко всем исканиям, — ах, нет... Если бы ты видела одного кавалера, перелезающего через забор соседнего дома, именем Трезора. Ах, та сhère, какая у него мордочка!

Тьфу, к черту!... Экая дрянь!... И как можно наполнять эдакими глупостями. Мне подавайте человека! Я хочу видеть человека; я требую пищи, той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вместо того эдакие пустяки... перевернем через страницу, не будет ли лучше: ...Софи сидела за столиком и что-то шила. Я глядела в окно, потому что я люблю рассматривать прохожих. Как вдруг вошел лакей и сказал: «Теплов!» — «Проси», — закричала Софи и бросилась обнимать меня. «Ах, Меджи, Меджи! Если б ты знала, кто это: брюнет, Камер-Юнкер, а глаза какие! черные и светлые, как огонь». И Софи убежала к себе. Минуту спустя вошел молодой Камер-Юнкер, с черными бакенбардами; подошел к зеркалу, поправил волоса и осмотрел комнату. Я поворчала и села на свое место. Софи скоро вышла и весело поклонилась на его шарканье; а я себе так, как будто не замечая ничего, продолжала глядеть в окошко; однако ж голову наклонила несколько набок и старалась услышать, о чем они говорят. Ах, та сhère, о каком вздоре они говорили! Они говорили о том, как одна дама в танцах вместо одной какой-то фигуры сделала другую. Также что какой-то Бобов был очень похож в своем жабо на аиста и чуть было не упал. Что какая-то Лидина воображает, что у ней голубые глаза, между тем как они зеленые — и тому подобное. Я не знаю, та сhère, что она нашла в своем Теплове. Отчего она так им восхищается?...

Мне самому кажется здесь что-нибудь да не так. Не может быть, чтобы ее мог так обворожить Теплов. Посмотрим далее:

Мне кажется, если этот Камер-Юнкер нравится, то скоро будет нравиться и тот чиновник, который сидит у папа в кабинете. Ах, та сhère, если б ты знала, какой это урод. Совершенная черепаха в мешке....

Какой же бы это чиновник?

Фамилия его престранная. Он всегда сидит и чинит перья. Волоса на голове его очень похожи на сено. Папа всегда посылает его вместо слуги...

Мне кажется, что эта мерзкая собачонка метит на меня. Где ж у меня волоса как сено?

Софи никак не может удержаться от смеха, когда глядит на него.

Врешь ты, проклятая собачонка! Экой мерзкой язык! Как будто я не знаю, что это дело зависти. Как будто я не знаю, чьи здесь штуки. Это штуки Начальника Отделения. Ведь поклялся же человек непримиримую ненавистию — и вот вредит да и вредит, на каждом шагу вредит. Посмотрим однако же еще одно письмо. Там, может быть, дело раскроется само собою.

Ma chère Фидель, ты извини меня, что так давно не писала. Я была в совершенном упоении. Подлинно справедливо сказал какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь. Притом же у нас в доме теперь большие перемены. Камер-Юнкер теперь у нас каждый день. Софи влюблена в него до безумия. Папа очень весел. Я даже слышала от нашего Григория, который метет пол и всегда почти разговаривает сам с собою, что скоро будет свадьба; потому что папа хочет непременно видеть Софи или за Генералом, или за Камер-Юнкером, или за военным Полковником....

Черт возьми! я не могу более читать... Все или Камер-Юнкер, или Генерал. Желал бы я сам сделаться Генералом, не для того, чтобы получить руку и прочее. Нет; хотел бы быть Генералом для того только, чтобы увидеть, как они будут увиваться и делать все эти разные придворные штуки и экивоки, и потом сказать им, что я плюю на вас обоих. Черт побери. Досадно! Я изорвал в клочки письма глупой собачонки.

Декабря 3.

Не может быть. Враки! Свадьбе не бывать! Что ж из того, что он Камер-Юнкер. Ведь это больше ничего кроме достоинство; не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять в руки. Ведь через то, что Камер-Юнкер, не прибавится третий глаз на лбу. Ведь у него же нос не из золота сделан, а так же, как и у меня, как и у всякого; ведь он им нюхает, а не ест, чихает, а не кашляет. Я несколько раз уже хотел добраться, отчего происходят все эти разности. Отчего я Титулярный Советник и с какой стати я Титулярный Советник? Может быть, я какой-нибудь Граф или Генерал, а только так кажусь Титулярным Советником? Может быть, я сам не знаю, кто я таков.

Ведь сколько примеров по истории: какой-нибудь простой, не то уже чтобы дворянин, а просто какой-нибудь мещанин или даже крестьянин — и вдруг открывается, что он какой-нибудь вельможа, или Барон, или как его. Когда из мужика да иногда выходит эдакое, что же из дворянина может выйти? Вдруг, например, я вхожу в генеральском мундире: у меня и на правом плече эполета и на левом плече эполета, через плечо голубая лента — что? как тогда запоет красавица моя? что скажет и сам папа, Директор наш? О, это большой честолюбец! это масон, непременно масон, хотя он и прикидывается таким и этаким, но я тотчас заметил, что он масон: он если даст кому руку, то высовывает только два пальца. Да разве я не могу быть сию же минуту пожалован Генерал-Губернатором, или Интендантом, или там другим каким-нибудь. Мне бы хотелось знать, отчего я Титулярный Советник? Почему именно Титулярный Советник?

Декабря 5.

Я сегодня все утро читал газеты. Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их. Пишут, что престол упразднен и что чины находятся в затруднительном положении о избрании наследника и оттого происходят возмущения. Мне кажется это чрезвычайно странным. Как же может быть престол упразднен? говорят, какая-то Дона должна взойти на престол. Не может взойти Дона на престол. Никак не может. На престоле должен быть Король. Да говорят, нет Короля — не может стать, чтобы не было Короля. Государство не может быть без Короля. Король есть, да только он где-нибудь находится в неизвестности. Он, стать может, находится там же, но какие-нибудь или фамильные причины, или опасения со стороны соседственных держав, как-то: Франции и других земель, заставляют его скрываться, или есть какие-нибудь другие причины.

Декабря 8.

Я было уже совсем хотел идти в Департамент, но разные причины и размышления меня удержали. У меня все не могли выйти из головы испанские дела. Как же может это быть, чтобы Дона сделалась Королевою? Не позволят этого. И во-первых Англия не позволит. Да притом и дела политические всей Европы: Австрийский Император... признаюсь, эти происшествия так меня убили и потрясли, что я решительно ничем не мог заняться во весь день. Мавра замечала мне, что я за столом был чрезвычайно развлечен.

И точно, я две тарелки, кажется, в рассеянности бросил на пол, которые тут же расшиблись. После обеда ходил под горы. Ничего поучительного не мог извлечь. Большею частью лежал на кровати и рассуждал о делах Испании.

Год 2000 Апреля 43 числа.

Сегодняшний день — есть день величайшего торжества! В Испании есть Король. Он отыскался. Этот Король я. Именно только сегодня об этом узнал я. Признаюсь, меня вдруг как будто молнией осветило. Я не понимаю, как я мог думать и воображать себе, что я Титулярный Советник. Как могла взойти мне в голову эта сумасбродная мысль. Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда в сумасшедший дом. Теперь передо мною все открыто. Теперь я вижу все как на ладоне. А прежде, я не понимаю, прежде все было передо мною в каком-то тумане. И это все происходит, думаю, оттого, что люди воображают, будто человеческий мозг находится в голове; совсем нет: он приносится ветром со стороны Каспийского моря. Сначала я объявил Мавре, кто я. Когда она услышала, что перед нею Испанский Король, то всплеснула руками и чуть не умерла от страха. Она, глупая, еще никогда не видала Испанского Короля. Я однако же старался ее успокоить, сказавши, что я вовсе не сержусь за то, что она мне иногда дурно чистила сапоги. Ведь это черный народ. Им нельзя говорить о высоких материях. Она испугалась оттого, что находится в уверенности, будто все Короли в Испании похожи на Филиппа II. Но я растолковал ей, что между мною и Филиппом нет никакого сходства. В Департамент не ходил. Черт с ним! Нет, приятели, теперь не заманите меня; я не стану переписывать гадких бумаг ваших!

Мартобря 86 числа. Между днем и ночью.

Сегодня приходил наш экзекутор с тем, чтобы я шел в Департамент, что уже более трех недель как я не хожу на должность. Я для шутики пошел в Департамент. Начальник Отделения думал, что я ему поклонюсь и стану извиняться, но я посмотрел на него равнодушно, не слишком гневно и не слишком благосклонно, сел на свое место, как будто никого не замечая. Я глядел на всю канцелярскую сволочь и думал: что если бы вы знали, кто между вами сидит... Господи Боже! какую бы вы ералашь подняли, да и сам Начальник Отделения начал бы мне так же кланяться в пояс, как он теперь

кланяется перед Директором. Передо мною положили какие-то бумаги, чтобы я сделал из них экстракт. Но я и пальцем не притронулся. Через несколько минут все засуетилось. Сказали, что Директор идет. Многие чиновники побежали наперерыв, чтобы показать себя перед ним. Но я ни с места. Когда он проходил через наше отделение, все застегнули на пуговицы свои фраки; но я совершенно ничего! Что за Директор! чтобы я встал перед ним — никогда! Какой он Директор? он пробка, а не Директор. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего. Вот которую закупоривают бутылки. Мне больше всего было забавно, когда подсунули мне бумагу, чтобы я подписал. Они думали, что я напишу на самом кончике листа: Столоначальник такой-то, как бы не так? а я на самом главном месте, где подписывается Директор Департамента, черкнул: Фердинанд VIII. Нужно было видеть, какое благоговейное молчание воцарилось; но я кивнул только рукою, сказав: «Не нужно никаких знаков подданничества!» и вышел. Оттуда я пошел прямо в директорскую квартиру. Его не было дома. Лакей хотел меня не впустить, но я ему такое сказал, что он и руки опустил. Я прямо пробрался в уборную. Она сидела перед зеркалом, вскочила и отступила от меня. Я однако же не сказал ей, что я Испанский Король. Я сказал только, что счастье ее ожидает такое, какого она и вообразить себе не может, и что несмотря на козни неприятелей мы будем вместе. Я больше ничего не хотел говорить и вышел. О, это коварное существо женщины. Я теперь только постигнул, что такое женщина. До сих пор никто еще не узнал, в кого она влюблена: я первый открыл это. Женщина влюблена в черта. Да, не шутя. Физики пишут глупости, что она то и то — она любит только одного черта. Вон видите, из ложки первого яруса она наводит лорнет. Вы думаете, что она глядит на этого толстяка со звездой? — совсем нет, она глядит на черта, что у него стоит за спиною. Вон он спрятался к нему во фрак. Вон он кивает оттуда к ней пальцем! И она выйдет за него. Выйдет. Все это честолюбие, и честолюбие оттого, что под язычком находится малинькой пузырек и в нем небольшой червячок величиною с булавочную головку, и это все делает какой-то цирюльник, который живет в Гороховой. Я не помню, как его зовут; но достоверно известно, что он вместе с одною повивальною бабкою хочет по всему свету распространить магометанство и оттого уже, говорят, во Франции большая часть народа признает веру Магомета.

*Никоторого числа. День был
без числа*

Ходил инкогнито по Невскому проспекту; однако же не подал никакого вида, что Испанский Король. Почел неприличным открыться тут же при всех; потому, что прежде всего нужно представиться ко Двору. Меня останавливало только то, что я до сих пор не имею испанского национального костюма. Хотя бы какую-нибудь достать мантию. Я хотел было заказать портному, но это совершенные ослы, притом же они совсем небрегут своею работою, ударились в аферу и большею частию мостят камни на улице. Я решился сделать мантию из нового вицмундира, который надевал всего только два раза. Но чтобы эти мерзавцы не могли испортить, то я сам решился шить, заперши дверь, чтобы никто не видал. Я изрезал ножницами его весь, потому что покрой должен быть совершенно другой.

*Числа не помню. Месяца тоже не было.
Было черт знает что такое.*

Мантия совершенно готова и сшита. Мавра вскрикнула, когда я надел ее. Однако же я еще не решаюсь представляться ко Двору. До сих пор нет Депутации из Испании. Без Депутатов неприлично. Никакого не будет веса моему достоинству. Я ожидаю их с часа на час.

Число 1.

Удивляет меня чрезвычайно медленность Депутатов. Какие бы причины могли их остановить. Неужели Франция? Да, это самая неблагоприятствующая держава. Ходил справляться на почту, не были ли Испанские Депутаты. Но Почтмейстер чрезвычайно глуп, ничего не знает: нет, говорит, здесь нет никаких Испанских Депутатов, а письма если угодно написать, то мы примем по установленному курсу. — Черт возьми! Что письмо? Письмо вздор. Письма пишут аптекари...

Мадрит. Февруарий тридцатой.

Итак, я в Испании, и это случилось так скоро, что я едва мог очнуться. Сегодня поутру явились ко мне Депутаты Испанские и я вместе с ними сел в карету. Мне показалась странную необыкновенную скорость. Мы ехали так шибко, что через полчаса достигли испанских границ. Впрочем, ведь теперь по всей Европе чутунные дороги и пароходы ездят чрезвычайно скоро. Странная земля Испания:

когда мы вошли в первую комнату, то я увидел множество людей с выбритыми головами. Я однако же догадался, что это должны быть или Гранды или солдаты, потому что они бреют головы. Мне показалось чрезвычайно странным обхождение Государственного Канцлера, который вел меня за руку, он толкнул меня в небольшую комнату и сказал: сиди тут, и если ты будешь называть себя Королем Фердинандом, то я из тебя выбью эту охоту. Но я, зная, что это было больше ничего кроме искушение, отвечал отрицательно, — за что Канцлер ударил меня два раза палкою по спине так больно, что я чуть было не вскрикнул, но удержался вспомнивши, что это рыцарский обычай при вступлении в высокое звание, потому что в Испании еще и доньше ведутся рыцарские обычаи. Оставшись один, я решился заняться делами государственными. Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля и только по невежеству считают их за разные государства. Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай. Но меня однако же чрезвычайно огорчало событие, имеющееся быть завтра. Завтра в 7 часов совершится странное явление: земля сядет на луну. Об этом и знаменитой английский химик Велингтон пишет. Признаюсь, я ощутил сердечное беспокойство, когда вообразил себе необыкновенную нежность и непрочность луны. Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается. Я удивляюсь, как не обратит на это внимание Англия. Делает ее хромой бочар, и видно, что дурак никакого понятия не имеет о луне. Он положил смоляной канат и часть деревянного масла; и оттого по всей земле вонь страшная: так что нужно затыкать нос. И оттого самая луна такой нежной шар, что люди никак не могут жить и там теперь живут только одни носы. И потому-то самому мы не можем видеть носов своих, ибо они все находятся в луне. И когда я вообразил, что земля вещество тяжелое и может насевши размолоть в муку носы наши, то мною овладело такое беспокойство, что я, надевши чулки и башмаки, поспешил в залу Государственного Совета с тем, чтобы дать приказ полиции не допустить земле сесть на луну. Бритые Гранды, которых я застал в зале Государственного Совета великое множество, были народ очень умный, и когда я сказал: «Господа, спасем луну, потому что земля хочет сесть на нее», то все в ту же минуту бросились исполнять мое Монаршее желание и многие полезли на стену с тем, чтобы достать луну; но в это время вошел Великий Канцлер. Увидевши его, все разбежались. Я, как Король, остался один. Но Канцлер, к удивлению моему, ударил меня палкою и прогнал в мою комнату. Такую имеют власть в Испании народные обычаи!

*Январь того же года, случившийся
после Февраля.*

До сих пор не могу понять, что это за земля Испания. Народные обычаи и этикетки Двора совершенно необыкновенны. Не понимаю, не понимаю, решительно не понимаю ничего. Сегодня выбрили мне голову несмотря на то, что я кричал изо всей силы о нежелании быть монахом. Но я уже не могу и вспомнить, что было со мною тогда, когда начали мне на голову капать холодной водою. Такого ада я еще никогда не чувствовал. Я готов был впасть в бешенство, так что едва могли меня удержать. Я не понимаю вовсе значения этого странного обычая. Обычай глупой, бессмысленный! Для меня непостижима безрассудность Королей, которые до сих пор не уничтожают его. Судя по всем вероятностям, догадываюсь: не попался ли я в руки Инквизиции, и тот, которого я принял за Канцлера, не есть ли сам великий Инквизитор. Только я все не могу понять, как же мог Король подвергнуться Инквизиции. Оно правда могло со стороны Франции и особенно Полиньяк. О, это бестия Полиньяк! Поклялся вредить мне по смерти. И вот гонит да и гонит; но я знаю, приятель, что тебя водит англичанин. Англичанин большой политик. Он везде юлит. Это уже известно всему свету, что когда Англия нюхает табак, то Франция чихает.

Число 25.

Сегодня Великий Инквизитор пришел в мою комнату, но я, услышавши еще издали шаги его, спрятался под стул. Он, увидевши, что нет меня, начал звать. Сначала закричал: Поприщин! — я ни слова. Потом: Аксентий Иванов! Титулярный Советник! дворянин! — я все молчу. — Фердинанд VIII, Король Испанский! — я хотел было высунуть голову, но после подумал: нет, брат, не надуешь! знаем мы тебя: опять будешь лить холодную воду мне на голову. Однако же он увидел меня и выгнал палкою из-под стула. Чрезвычайно больно бьется проклятая палка. Впрочем, за все это вознаградило меня нынешнее открытие: я узнал, что у всякого петуха есть Испания, что она у него находится под перьями. Великий Инквизитор однако же ушел от меня разгневанный и грозя мне каким-то наказанием. Но я совершенно пренебрег его бессильною злобою, зная, что он действует как машина, как орудие англичанина.

Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! что они делают со мною! Они льют мне на голову холодную воду! Они не внемлют, не видят, не слушают меня. Что я сделал им? За что они мучат меня? Чего хотят они от меня бедного? Что могу дать я им? Я ничего не имею. Я не в силах, я не могу вынести всех мук их, голова горит моя, и все кружится предо мною. Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых как вихорь коней! садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеса, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего. Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали; лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане. С одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли то мой синее вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят! — Матушка! пожалей о своем больном дитятке!... А знаете ли что, у Алжирского Дея под самым носом шишка?

Произведения 1830–1834 гг.

УЧИТЕЛЬ

(ИЗ МАЛОРОССИЙСКОЙ ПОВЕСТИ: СТРАШНЫЙ КАБАН)

Прибытие нового лица в благословенные места голтвянские наделало более шуму, нежели пронесшиеся за два года пред тем слухи о прибавке рекрут, нежели внезапно подымавшаяся цена на соль, вывозимую из Крѣма украинскими степовиками. В шинке, по улицам, на мельнице, в винокурне только и речей было, что про приезжего учителя; догадливые политики в серых кобеняках и свитах, пуская дым себе под нос с самым флегматическим видом, пытались определить влияние такого лица, которому судьба, казалось, при рождении указала высоту, чуть-чуть не над головами всех мирян; которое живет в панских покоях и обедает за одним столом с обладательницею пятидесяти душ их селения. Поговаривали, что званія учителя для него мало, что, без всякого сомнѣнія, влияние его будет накинута и на хозяйственную систему; по крайней мере, уже верно не от другого кого-либо будет зависеть наряженіе подвод, отпуск муки, сала и проч. Некоторые с значительным видом давали заметить, что едва ли и сам приказчик не будет теперь нулем. Один только *мирошник** Солопій Чубко дерзнул утверждать, что старщинам со стороны его нечего опасаться, что готов он держать заклад об новой шапке из серых решетиловских смушков, если смыслит учитель, как остановить пятерню и поворотить застоявшійся жернов. Но важная осанка, блистательное торжество над дьячком, громоподобный бас, приведшій в умиленіе всех прихожан, живы были во всеобщей памяти, и выгодное мнѣніе об учителе подтверждалось. И если в честь гостя не было ни одного турнира между именитыми обитателями села, зато любезныя сожительницы их не ударили себя лицом в грязь: одаренныя тем звонким и пронзительным языком, который по неисповедимым веленіям судьбы у женщин почти вчетверо быстрее поворачивается, нежели у мужчин, они гибко раз-

* Мельник

вертывали его в опровержение и защиту достоинств учителя. Трескотня и разногосица, прерываемые взвизгиваньем и бранью, раздавались по мирным закоулкам села Мандрык. А как почтеннейшие обитательницы его имели похвальную привычку помогать своему языку руками, то по улицам то и дело что находили кумушек, уцепившихся так плотно друг за друга, как подлипало цепляется за счастливаца, как скряга за свой боковой карман, когда улица уходит в глушь и одинокий фонарь отливает потухающий свет свой на палевые стены уснувшего города. Более всего доставалось муженькам, пытавшимся разнимать их; очипки, черепья как град летели им на голову, и часто раздраженная кумушка, в пылу своего гнева, вместо чужого, колотила собственного сожителя. В это время педагог наш почти освоился в доме Анны Ивановны. Он принадлежал к числу тех семинаристов, *убоявшихся бездны премудрости*, которыми ***ская семинария снабжает не слишком зажиточных панков в Малороссии рублей за сто в год, в качестве домашнего учителя. — Впрочем, Иван Осипович дошел даже до богословия и залетел бы невесть куда, вероятно еще далее, если бы не шалуны его товарищи, которые беспрестанно подсмеивались над усами и колючею его бородой. С годами, когда одни выходили совсем, а на место их поступали моложе и моложе — ему наконец не давали прохода: то бросали цепким репейником в бороду и усы, то привешивали сзади побрякушки, то пудрили ему голову песком или подсыпали в табакерку его чемерки, так что Иван Осипович, наскуча быть безмолвным зрителем беспрестанно менявшегося ветреного поколения и детской игрушкой, принужден был бросить семинарию и определиться *на ваканцию**. Перемещение это сделало важную эпоху и перелом в его жизни. Беспрестанные насмешки и проказы шалунов заместило наконец какое-то почтение, какая-то особенная приязнь и расположение. Да и как было не почувствовать невольного почтения, когда он появлялся, бывало, в праздник в своем светло-синем сюртуке, — заметьте: в светло-синем сюртуке, это немаловажно. Долгом поставляю надоумить читателя, что сюртук вообще (не говоря уже о синем), будь только он не из смурого сукна, производит в селах на благословенных берегах Голтвы удивительное влияние: где ни показывается он, там шапки с самых неповоротливых голов перелетают в руки и солидные, вооруженные черными, седыми усами, загоревшие лица отмеривают в пояс почтительные поклоны. Всех сюртуков, полагая в то число и хламиду дьячка, считалось в селе три; но как величественная тыква гордо громоз-

* Эти слова в украинских семинариях значат: пойти в домашние учителя.

дится и заслоняет прочих поселенцев богатой *бакши**, так и сюртук нашего приятеля затемнял прочих собратьев своих. Более всего придавали ему прелести большие костяные пуговицы, на которые толпами заглядывались уличные ребятишки. Не без удовольствия слышал наш щеголеватый наставник юношества, как матери показывали на них грудным ребятам, и малютки, протягивая ручонки, лепетали: *цяця, цяця!*** За столом приятно было видеть, как чинно, с каким умилением, почтенный наставник, завесившись салфеткой, отправлял всеобщий процесс житейского насыщения. Ни слова постороннего, ни движения лишнего; весь переселялся он, казалось, в свою тарелку. Опорожнив ее так, что никакие принадлежащие к гастрономии орудия, как-то: вилка и нож, ничего уже не могли захватить, отрезывал он ломтик хлеба, вздевал его на вилку и этим орудием проходил в другой раз по тарелке, после чего она выходила чистою, будто из фабрики. Но все это, можно сказать, были только наружные достоинства, выказывавшие в нем знание тонких обычаев света, и читатель даст большой промах, если заключит, что тут-то были и все способности его. Почтенный педагог имел необъятные для простолюдина сведения, из которых иные держал под секретом, как-то: составление лекарства против укушения бешеных собак, искусство окрашивать посредством одной только дубовой коры и острой водки в лучший красный цвет. Сверх того он собственноручно приготавливал лучшую ваксу и чернила, вырезывал для маленького внука Анны Ивановны фигурки из бумаги; в зимние вечера мотал мотки и даже пряд. — Удивительно ли, если с такими дарованиями сделался он необходимым человеком в доме, если вся дворня была без ума от него, несмотря, что лицо его и окладом и цветом совершенно походило на бутылку, что огромнейший рот его, которого дерзким покушениям едва полагали преграду оттопырившиеся уши, поминутно строил гримасы, приневоливая себя выразить улыбку, и что глаза его имели цвет яркой зелени, глаза, какими, сколько мне известно, ни один герой в летописях романов не был одарен. Но, может быть, женщины видят более нас. Кто разгадает их? Как бы то ни было, только и сама старушка, госпожа дома, была очень довольна сведениями учителя в домашнем хозяйстве, в умении делать настойку на шафране и *herba garbarum*, в искусном разматывании мотков и вообще в великой науке жить в свете. Ключнице более всего нравился щегольской сюртук его и умение одеваться; впрочем, и она заметила, что учитель имел удивитель-

* Нива, засеянная арбузами, дынями, тыквами и т.п.

** Хорошол! Хорошол!

но умильный вид, когда изволил молчать или кушать. Маленького внука забавляли до чрезвычайности бумажные петухи и человечки. Сам кудлатый Бровко едва только завидит, бывало, его, выходящего на крыльцо, как, ласково помахивая хвостом своим, побежит к нему навстречу и без церемонии целует его в губы, если только учитель, забыв важность, приличную своему сану, соизволит присесть под величественным фронтоном. Одни только два старшие внука и домашние мальчишки, с которыми проходил он: Аз, Ангел, Архангел, буки, Бог, Божество, Богородица, — боялись красноречивых лоз грозного педагога.

В краткое пребывание свое, Иван Осипович успел уже и сам сделать свои наблюдения и заключить в голове своей, будто на вогнутом стекле, миньятюрное отражение окружавшего его мира. Первым лицом, на котором остановилось почтительное его наблюдение, как верно вы догадаетесь, была сама владетельница поместья. В лице ее, тронутом резкою кистью, которою время с незапамятных времен расписывает род человеческий и которую, Бог знает с каких пор, называют морщиною, в темно-кофейном ее капоте, в чепчике (покрой которого утратился в толпе событий, знаменовавших XVIII-е столетие), в коричневом шушуне, в башмаках без задков глаза его узнали тот период жизни, который есть слабое повторение минувших; холодный, бесцветный перевод созданий пламенного, кипящего вечными страстями поэта; тот период, когда воспоминание остается человеку как представитель и настоящего, и прошедшего, и будущего; когда роковые 60 лет гонят холод в некогда бывшие огненным ключом жилы и термометр жизни переходит за точку замерзания. Впрочем, вечные заботы и страсть хлопотать несколько одушевляли потухшую жизнь в чертах ее; а бодрость и здоровье были верно порукою еще за 30 лет вперед. Все время от 5-ти часов утра до 6-ти вечера, т. е. до времени успокоения, было непрерывною цепью занятий. До 7-ми часов утра уже она обходила все хозяйственные заведения, от кухни до погребов и кладовых, успевала побраниться с приказчиком, накормить кур и замороженных гусей, до которых она была охотница. До обеда, который не бывал позже 12-ти часов, завертывала в пекарню и сама даже пекла хлебы и особенного рода крендели на меду и на яйцах, которых один запах производил непостижимое волнение в педагоге, страстно привязанном ко всему, что питает душевную и телесную природу человека. Время от обеда до вечера мало ли чем заняться хозяйке? красить шерсть, мерять полотна, солить огурцы, варить варенья, подслащивать наливки. Сколько способов, секретов, домашних средств производится в это время в действо! От

наблюдательного взгляда нашего педагога не могло ускользнуть, что и Анна Ивановна не чужда была тщеславия; и потому положил он за правило рассыпаться, разумеется, сколько позволяла природная его застенчивость, в похвалах необыкновенному ее искусству и знанию хозяйничать; и это, как после увидел он, послужило ему в пользу: почтенная старушка до тех пор не закупоривала сладких наливок и варенья, покамест Иван Осипович, отведав, не объявлял превосходной доброты того и другого. Все прочие лица стояли в тени пред этим светилом, так, как все строения во дворе, казалось, пресмыкались пред чудным зданием с великолепным его фронтоном. Только для глаз проницательного наблюдателя заметны были их взаимные соотношения и особенный колорит, обозначающий каждого, и тогда ему открывалось, словно в муравьином рою, вечное движение, суматоха и ни на минуту не останавливавшийся шум. И педагог наш, как мы уже видели, умел угодить на вкус всех и, как могучий чародей, приковать к себе всеобщее почтение. Непонятны только были причины, заставившие его сблизиться с кухмистром. Высокое ли уважение, которое Иван Осипович невольно чувствовал к его искусству, другое ли какое обстоятельство, мы этого не беремся решить. Довольно, что не прошло двух дней — и в Мандрыках воскресли Орест и Пилад нового мира. Но еще непонятнее была власть кухмистра над нашим педагогом; так что от природы скромный, застенчивый учитель, не бравший ничего в рот, кроме лекарственной настойки на буквицу и herba gabarbagum, невольно плелся за ним по шинкам и по всем закоулкам, куда разгульный кухмистр наш показывал только нос свой. Ивану Осиповичу нравилось романическое положение его местопребывания. Скоро осмотрел он обступившие в неровный кружок просторный господский двор кухню, сарай, анбары, конюшни и кладовые, с особенным удовольствием остановился на густо разросшемся саде, которого гигантские обитатели, закутанные темно-зелеными плащами, дремали, увенчанные чудесными сновидениями, или, вдруг освободясь от грез, резали ветвями, будто мельничными крыльями, мятежный воздух, и тогда по листьям ходили непонятные речи и мерные, величественные движения всего их тела напоминали древних лицедеев, вызывавших на поприще Мельпомены великие тени усопших. Но глаза нашего учителя искали своего предмета и лепились около не столь высокопарных жильцов сада, зато увешанных с ног до головы грушами и яблоками, которыми кипит роскошная Украина. Отсюда продирались они к кухне, за которою стлались плантации гороху, капусты, картофелю и вообще всех зелий, входящих в микстуру деревенской кухни. Не без особенного удовольствия вошел он в чистую, опрятно

выбеленную и прибранную комнату, определенную для его помещения, с окошком, глядевшим на пруд и на лиловую, окутанную туманом окрестность.

Мы имели уже случай заметить нечто о влиянии нашего учителя на мандрыковских красавиц: потупленные взгляды, перешептывание, низкие поклоны показывали, что овладение им считала каждая из них немаловажным делом; впрочем, не мешает припомнить любезному читателю, что на Иване Осиповиче был синий фабричного сукна сюртук с черными, величиною с большой грош, костяными пуговицами; итак, ему очень было простительно перетолковать в свою пользу перемигиванья чернобровых проказниц. Но к счастью или несчастью, чувство, так много известное бедному человечеству, наносившее ему с незапамятных времен море нестерпимых мук, не касалось нашего педагога. В этом случае Иван Осипович был настоящий стоик, и несмотря на то, что не дошел еще до философии, он твердо знал, что ни один из философов, начиная от Сенеки, Сократа и до лектора ***ской семинарии, не ставил ни во что причудливую половину человеческого рода; ergo, любви не существует. Такие положения, обратившиеся у него наконец в правила, были тверды, слишком тверды.... Но homo proponit, Deus disponit, говаривал часто лектор ***ской семинарии, отсчитывая удары линейкою ленивым своим слушателям; а потому и мы в следующей главе увидим небольшое обстоятельство, сильно поколебавшее философию учителя и надвинувшее облако недоразумения на ум его, доселе неуклонно шествовавший стезею своих великих наставников и бывший ровным пульсом в своей бутылкообразной сфере.

УСПЕХ ПОСОЛЬСТВА

(ИЗ МАЛОРОССИЙСКОЙ ПОВЕСТИ: СТРАШНЫЙ КАБАН)

(Кухмистер, несмотря на собственную сердечную рану, внезапно полученную им при виде мывшейся на берегу пруда Катерины, решает исполнить данное им учителю обещание и быть посланником и представителем его страсти. С таким намерением отправляется он в хату козака Харька Потылицы.)

Окончив туалет свой, Онисько не без боязни и тайного удовольствия переступил через порог. Бес как будто нарочно дразнил его (сам он после признавался в этом), поминутно рисуя перед ним стройные ножки соседки. «Эх! если бы не учитель!» повторял он несколько раз сам себе: «ну, что бы задумать ему немного позже влюбиться?..» И в задумчивости, тихими шагами он мерял широкий выгон, по которому бежала его дорога. Разноголосный лай прорезал облекавшую его тучу задумчивости, и мысли его, как дикие утки, переполошась, разлетелись во все стороны. Подняв глаза, увидел он, что далее идти некуда. Перед ним торчали ворота, сквозь которые, как сквозь транспарант, светилось все недвижимое имущество козака. Мелькнула синяя запаска, огненная лента... Сердце в нем вспрыгнуло... и белокурая красавица, разгоняя хворостиной докучных собак, встретила его, отворяя ворота.

Двор Харька представлял собою большой на покатоности к пруду квадрат, обнесенный со всех сторон плетнем. Когда ворота были открыты, глаза ударялись прямо в чисто выбеленную хату с большими, неровной величины окнами, с почерневшею от старости дубовою дверью, с низеньким из глины фундаментом (*присьбою*), обремененным, по обыкновению малороссиян, бельем, мисками и каким-нибудь инвалидом-горшком, которому, несмотря на раны и увечье, не дают отставки и, в награду за ревностную службу, наливают помоями. По сторонам избы стояли с растрепанными крышами хлевы и анбары.

Из-за хаты возвышалось гумно; из-за гумна еще выше подымалась голубятня, сверх которой уже ходили только одни облака и плавали голуби. К пруду, как богатая турецкая шаль, развернулся огород козака. Кучи соломы разнесены были по всему двору.

Катерина показала немного удивленною приходом Ониська. Полагая, что его, без всякого сомнения, завлекла нужда к ее отцу, отворила вполовину только ворота и проговорила с некоторою застенчивостью: «*Батька* нет дома, да вряд ли и к вечеру будет!»

— *Нехай ему так легенько икнется, як з тыну ввирветься!* Что бы я был за олух Царя небесного, когда бы стал убирать постную кашу, когда перед самым носом вареники в сметане?

Белокурая красавица остановилась в недоумении, не зная, как понимать слова его. Улыбка, вызванная наружу этою странностью, показалась на лице ее и ожидала, казалось, изъяснения. Кухмистер почувствовал сам, что выразился не совсем ясно, и притом помянул отца ее немного шероховатыми словами; он продолжал: «Нелегкая понесла бы меня к *батьке*, когда есть такая хорошенькая дочка».

— А, вот что! — проговорила Катерина, усмехнувшись и покраснев. — Милости просим! — и пошла вперед его к дверям хаты. Девушки в Малороссии имеют гораздо более свободы, нежели где-либо; и потому не должно показаться удивительным, что красавица наша, без ведома отца, принимала у себя гостя. — Ты пешком сюда пришел, Онисько? — спросила она его, садясь на *присъбе* у дверей хаты и стараясь принять степенный вид, хотя лукавая улыбка явно изменяла ей и заставляла против воли показать ряд красивых зубов.

«Как пешком? — Что за нелегкая! неужели она знает про вчерашнее?» — подумал кухмистер. «Без всякого сомнения пешком, моя красавица. Черт ли бы заставил меня запрягать нарочно панского *гнедога*, чтобы только перетащиться из одного двора в другой».

— Однако ж от кухни до *коморы* не так-то далеко. — Тут, не удержавшись более, она захохотала.

«Нет! плутовка! сам лукавый не хитрее этой девки!» — повторил сам себе несколько раз кухмистер и громогласно послал учителя к черту, позабыв и приязнь и дружбу их. «Однако ж, моя красавица, я бы согласился, чтоб у меня пригорели на сковороде караси с свежепросольными *опенками*, лишь бы только ты еще раз этак засмеялась». Сказав это, кухмистер не утерпел, чтоб не обнять ее.

— Вот этого-то я уж и не люблю! — вскрикнула покраснев Катерина и приняв на себя сердитый вид. — Ей Богу, Онисько, если ты в другой раз это сделаешь, то я прямехонько пуцну тебе в голову вот этот горшок. — При сем слове сердитое личико немного прояснело и

улыбка, мгновенно проскользнувшая по нем, выговорила ясно: я не в состоянии буду этого сделать.

— Полно же, полно! *не возом зацепил тебя*. Есть из чего сердиться! как будто Бог знает какая беда обнять красную девушку.

— Смотри, Онисько: я не сержусь, — сказала она, садясь немного от него подальше и приняв снова веселый вид. — Да что ты, послышалось мне, упомянул про учителя?

Тут лицо кухмистра сделало самую жалкую мину и по крайней мере на вершок вытянулось длиннее обыкновенного. «Учитель.... Иван Осипович, то есть... Тьфу, дьявольщина! у меня, как будто после запеканки, слова глотаются прежде, нежели успевают выскочить изо рта. Учитель.... вот что я тебе скажу, *сердце!* Иван Осипович *вклепался** в тебя так, что... ну, словом: рассказать нельзя. Кручинится да горюет, как покойная бурая, которую *пани* купила у жида и которая околела после *запала*. Что делать? сжалился над бедным человеком: пришел наудачу похлопотать за него».

— Хорошую же ты выбрал себе должность! — прервала Катерина с некоторою досадой. — Разве ты ему сват или *родич* какой? Я советовала бы тебе еще набрать изю всего околотка бродяг к себе в кухню, а самому отправиться по миру выпрашивать под окнами для них милостины.

— Да это все так; однако ж я знаю, что тебе любо, и слишком любо, что вздумалось учителю приволокнуться....

— Мне любо? Слушай, Онисько: если ты говоришь с тем, чтобы посмеяться надо мною — то с этого мало тебе прибудет. Стыдно тебе же, что ты обносишь бедную девушку! Если же вправду так думаешь, то ты верно уже наиглупейший из всего села. Слава Богу, я еще не ослепла; слава Богу, я еще при своем уме.... Но ты не сдуру это сказал: я знаю, тебя другое что-то заставило. Ты верно думал... Нет, ты недобрый человек! — Сказав это, она отерла шитым рукавом своей сорочки слезу, мгновенно блеснувшую и прокатившуюся по жарко зардевшейся щечке, будто падающая звезда по теплому вечернему небу. — Черт побери всех на свете учителей! думал про себя Онисько, глядя на зардевшееся личико Катерины, на котором по-прежнему показавшаяся улыбка долго спорила с неприятным чувством и наконец рассеяла его.

— Убей меня гром на этом самом месте! — вскричал он наконец, не могши преодолеть внутреннего волнения и обхватывая одной рукою кругленькой стан ее, — если я не так же рад тому, что ты не любишь Ивана Осиповича, как старый *Бровко*, когда я вынесу ему помои.

* То есть влюбился.

— Нашел, чему радоваться! поэтому ты станешь еще более скалить зубы, когда услышишь, что почти все девушки нашего села говорят то же.

— Нет, Катерина, этого не говори. Девушки-то любят его. Намедни шли мы с ним через село, так то и дело, что выглядывают из-за плетня, словно лягушки из болота. Глянь направо — так и пропала, а с левой стороны выглядывает другая. Только дьявол побери их вместе с учителем! Я бы отдал штоф лучшей третьепробной водки, чтоб узнать от тебя, Катерина, любишь ли ты меня хоть на копейку?

— Не знаю, люблю ли я тебя; знаю только, что ни за что бы на свете не вышла за пьяницу. Кому любо жить с ним? Несчастливая доля семье той, где выберется такой человек; в хату и не заглядывай: нищенство да голь. Голодные дети плачут.... Нет, нет, нет! Пусть Бог милует! Дрожь обдает меня при одной мысли об этом.... — Тут прекрасная Катерина пристально взглянула на него. Как осужденный, с поникнутою головою погрузился кухмистер в свое протекшее. Тяжелые думы, порождения тайного угрызения сердечного, вырезывались на лице его и показывали ясно, что на душе у него не слишком было радостно. Пронзительный взор Катерины, казалось, прожигал его внутренность и подымал наружу все разгульные поступки, проходившие перед ним длинною, почти бесконечною цепью. «В самом деле, на что я похож? кому угодно житье мое? только что досаждаю пании. Что я сделал до сих пор такого, за что бы сказал мне спасибо добрый человек? Все гулял да гулял! Да гулял ли когда-нибудь так, чтобы и на душе и на сердце было весело? Напьюсь, как собака, да и протрезвишься тоже как собака, если не протрезвят тебя еще хуже. Нет! прах возьми.... собачья моя жизнь!»

Прелестная Катерина, казалось, угадывала его философские рассуждения с самим собою; и потому, положив на плечо ему смугленькую руку свою, прошептала вполголоса: «Не правда ли, Онисько, ты не станешь более пить?»

— Не стану, мое *серденько!* Не стану: пусть ему всякая всячина! Все для тебя готов сделать. — Девушка посмотрела на него умильно, и восхищенный кухмистер бросился обнимать ее, осыпая градом поцелуев, какими давно не оглашался мирный и спокойный огород Харька.

Едва только влюбленные поцелуи успели раздаться, как звонкий и пронзительный голос страшнее грома поразил слух разнежившихся. Подняв глаза, кухмистер с ужасом увидел стоявшую на плетне Симолину. «Славно! славно! ай да ребята! У нас по селу еще и не знают, как парни целуются с девками, когда батька нет дома! Славно! ай да

мандрыковская овечка! Говорите же теперь, что лжет поговорка: в тихом омуте черти водятся. Так вот что делается! так вот какие шашни!....» Со слезами на глазах принуждена была красавица уйти в хату, зная, что ничем иным нельзя было избавиться от ядовитых речей содержательницы шинка.

— Типун бы тебе под язык, старая ведьма! — проговорил кухмистер, — тебе какое дело?

— Мне какое дело? — продолжала неутомимая шинкарка, — вот прекрасно! Парни изволят лазить через плетни в чужие огороды, девки подманивают к себе молодцов, и мне нет дела! изволят *жениться*, целуются, — и мне нет дела! Ты слышал ли, Карпо? — вскричала она, быстро оборотась к мимо проходившему мужику, который, не обращая ни на что внимания, шел, помахивая батогом, впереди так же медленно выступавшей коровы, — слышал ли ты? постой, на минуточку. Тут такая история. Харькова дочка.....

— Тыфу, дьявол! — вскричал кухмистер, плюнув в сторону и потеряв последнее терпение. — Сам сатана перерядился в эту бабу. Пстой, Яга! разве не найду уже, чем отплатить тебе. — Тут кухмистер наш занес ногу на плетень и в одно мгновение очутился в панском саду.

Было уже не рано, когда он пришел на кухню и принялся стряпать ужин. Евдоха однако ж не могла не заметить во всем необыкновенной его рассеянности. Часто задумчивый кухмистер подливал уксусу в сметанную кашу или с важным видом надвигал свою шапку на вертел и хотел жарить ее вместо курицы. За ужином Анна Ивановна никак не могла понять, отчего каша была кисла до невероятности, а соус так пересолен, что не было никакой возможности взять в рот. Единственно только из уважения к понесенным им в тот день трудам оставили его в покое: в другое время это не прошло бы даром нашему герою. — «Нет, господин учитель! — твердил он, ложась на свою деревянную лавку и подмащивая под голову свою куртку, — не видать вам Катерины, как ушей своих!» И, завернув голову, как доморощенный гусь, погрузился в мечты, а с ними и в сон.

ЖЕНЩИНА

«Адское порождение! Зевс Олимпиец! О! ты неумолим в своей ярости! Ты захотел насладиться бичом на мир, ты извлек весь яд, незаметно разлитый в недрах прекрасной земли твоей, сжал его в одну каплю, гневно бросил ее светодарною десницей и отравил ею чудесное творение свое: ты создал женщину! Тебе завидно стало бедное счастье наше, тебе не желалось, чтобы человек источал вечное благословение из недр благодарного сердца; пусть лучше проклятие сверкает на преступных устах его.... Ты создал женщину!» — Так говорил, представ перед Платона, Телеклес, юный ученик его. Глаза его кидали пламя; по щекам бушевал пожар, и дрожащие губы пересказывали мятежную бурю растерзанной души. Рука его с негодованием откидывала пурпуровые волны богатой одежды, и расстегнутая пряжка небрежно висела на девственной груди юноши. «Что, мой божественный учитель? не ты ли представлял нам ее в богоподобном, небесном облачении? Не твои ли благоуханные уста лили дивные речи про нежную красоту ее? Не ты ли учил нас так пламенно, так неувещественно любить ее? Нет, учитель! твоя божественная мудрость еще младенец в познании бесконечной бездны коварного сердца. Нет, нет! и тень свирепого опыта не обхватывала светлых мыслей твоих, ты не знаешь женщины». — Огненные слезы брызнули из глаз его; окутав голову хитомом и закрыв лицо руками, прислонился он к мраморной колонне, на которой роскошно покоилось богатое коринфское оглавление, осыпанное искрами лучей. Глубокий, тяжелый вздох вырвался из груди юноши, как будто все тайные нервы души, все чувства и все, что находится внутри человека, издало у него скорбные звуки, и звуки эти прошли потрясением по всему составу, и созерцаемая чувствами природа, в бессилии рассказать бессмертные, вечные муки души, переродилась в один болезненный стон. Между тем вдохновенный мудрец в безмолвии рассматривал его, выражая на лице своем думы, еще напечатленные прежним высоким размышлением. Так остатки дивного сновидения долго еще не расстаются и мешаются с началами

идей, покамест человек совершенно не входит в мир действительности. Свет сыпался роскошным водопадом чрез смелое отверстие в куполе на мудреца и обливал его сиянием; казалось, в каждой вдохновенной черте лица его светилась мысль и высокие чувства. «Умеешь ли ты любить, Телеклес?» — спросил он спокойным голосом. «Умею ли любить я! — быстро подхватил юноша. — Спроси у Зевса, умеет ли он манием бровей колебать землю. Спроси у Фидия, умеет ли он мрамор зажечь чувством и воплотить жизнь в мертвой глыбе. Когда в жилах моих кипит не кровь, но острое пламя, когда все чувства, все мысли, я весь перерождаюсь в звуки, когда звуки эти горят и душа звучит одною любовью, когда речи мои — буря, дыхание — огонь.... Нет, нет! я не умею любить! Скажи же мне, где тот дивный смертный, кто обладает этим чувством? Уж не открыла ли премудрая Пифия это чудо между людьми?»

«Бедный юноша! Вот что люди называют любовью! Вот какая участь готовится для этого кроткого существа, в котором боги захотели отразить красоту, подарить миру благо и в нем показать свое присутствие на земле! Бедный юноша! Ты бы сжег своим раскаленным дыханием это кроткое существо, ты бы возмутил бурей страстей это чистое сияние! Знаю, ты хочешь говорить мне об измене Алкиной. Твои глаза были сами свидетелями... но были ли они свидетелями твоих собственных мятежных движений, совершавшихся в то время во глубине души твоей? Высмотрел ли ты наперед себя? Не весь ли бунт страстей кипел в глазах твоих? а когда страсти узнавали истину? Чего хотят люди? они жаждут вечного блаженства, бесконечного счастья, и довольны одной минутной горечи, чтобы заставить их детски разрушить все медленно строившееся здание! Пусть глазами твоими смотрела сама истина, пусть это правда, что прекрасная Алкиноя очернила себя коварною изменой. Но вопросы свою душу: что был ты, что была она в то время, когда ты и жизнь и счастье и море восторгов находил в Алкиноиных объятиях? Переверни огненные листы своей жизни и найдешь ли ты хотя одну страницу красноречивее, божественнее той? Захотел ли бы ты взять все драгоценные камни царей персидских, все золото Ливии за те небесные мгновения? И что против них и первая почесть в Афинах и верховная власть в народе! И существо, которое, как Промефей, все, что ни исхитило прекрасного от богов, принесло в дар тебе, водворило небо со светлыми его небожителями в твою душу, — ты поражаешь преступным проклятием; когда вся твоя жизнь должна переродиться в благодарность, когда ты должен весь вылиться слезами и умилением и кротким гимном жизнедавцу Зевесу, да про-

длит прекрасную жизнь ее, да ответ облако печали от светлого чела ее.

Устремил на себя испытующее око: чем был ты прежде и чем стал ныне, с тех пор как прочитал вечность в божественных чертах Алкиной; сколько новых тайн, сколько новых откровений постиг и разгадал ты своею бесконечною душою и во сколько придвинулся ближе к верховному благу! Мы зреем и совершенствуемся; но когда? когда глубже и совершеннее постигаем женщину. Посмотри на роскошных персов: они переродили своих женщин в рабынь, и что же? им недоступно чувство изящного — бесконечное море духовных наслаждений. У них не выбьется из сердца искра при виде богини Праксителиевой; восторженная душа их не заговорит с бессмертною душою мрамора и не найдет ответных звуков. Что женщина? — Язык богов! Мы дивимся кроткому, светлому челу мужа; но не подобие богов созерцаем в нем: мы видим в нем женщину, мы дивимся в нем женщине и в ней только уже дивимся богам. Она поэзия! она мысль, а мы только воплощение ее в действительности. На нас горят ее впечатления, и чем сильнее и чем в большем объеме они отразились, тем выше и прекраснее мы становимся. Пока картина еще в голове художника и бесплотна округляется и создается, она женщина; когда она переходит в вещество и облачается в осязаемость — она мужчина. Отчего же художник с таким несатым желанием стремится превратить бессмертную идею свою в грубое вещество, покорив его обыкновенным нашим чувствам? Оттого, что им управляет одно высокое чувство: выразить божество в самом веществе, сделать доступною людям хотя часть бесконечного мира души своею, воплотить в мужчине женщину. И если ненароком ударят в нее очи жарко понимающего искусство юноши, что они ловят в бессмертной картине художника? видят ли они вещество в ней? Нет! оно исчезает, и перед ними открывается безграничная, бесконечная, бесплотная идея художника. Какими живыми песнями заговорят тогда духовные его струны! как ярко отзовутся в нем, как будто на призыв родины, и безвозвратно умчавшееся и неотразимо грядущее! как бесплотно обнимется душа его с божественною душою художника! Как сольются они в невыразимом духовном поцелуе!..... Что бы были высокие добродетели мужа, когда бы они не осенялись, не преображались нежными, кроткими добродетелями женщины? Твердость, мужество, гордое презрение к пороку перешли бы в зверство. Отними лучи у мира — и погибнет яркое разнообразие цветов: небо и земля сольются в мрак, еще мрачнейший берегов Аида. Что такое любовь? — Отчизна души, прекрасное стремление человека к минувшему, где совершалось беспорочное начало

его жизни, где на всем остался невыразимый, неизгладимый след невинного младенчества, где все родина. И когда душа потонет в эфирном лоне души женщины, когда отыщет в ней своего отца — вечного Бога, своих братьев — дотеле невыразимые землею чувства и явления, — что тогда с нею? Тогда она повторяет в себе прежние звуки, прежнюю райскую в груди Бога жизнь, развивая ее до бесконечности.....» Вдохновенные взоры мудреца остановились неподвижно: перед ними стояла Алкиноя, незаметно вошедшая в продолжение их беседы. Опершись на истукан, она вся, казалось, превратилась в безмолвное внимание, и на прекрасном челе ее прорывались гордые движения богоподобной души. Мраморная рука, сквозь которую светились голубые жилы, полные небесной амброзии, свободно удерживалась в воздухе; стройная, перевитая алыми лентами поножия нога, в обнаженном, ослепительном блеске, сбросив ревящую обувь, выступила вперед и, казалось, не трогала презренной земли; высокая, божественная грудь колебалась встревоженными вздохами, и полуприкрывавшая два прозрачные облака персей одежда трепетала и падала роскошными, живописными линиями на помост. Казалось, тонкий, светлый эфир, в котором купаются небожители, по которому стремится розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь в бесчисленных лучах, коим и имени нет на земле, в коих дрожит благовонное море неизъяснимой музыки, — казалось, этот эфир облекся в видимость и стоял перед ними, освятив и обоготворив прекрасную форму человека. Небрежно откинутые назад, темные, как вдохновенная ночь, локоны надвигались на лилейное чело ее и лились сумрачным каскадом на блистательные плеча. Молния очей исторгала всю душу... — Нет! никогда сама Царица любви не была так прекрасна, даже в то мгновенье, когда так чудно возродилась из пены девственных волн!... — В изумлении, в благоговении повергнулся юноша к ногам гордой красавицы, и жаркая слеза склонившейся над ним полубогини канула на его пылающие щеки.

БОРИС ГОДУНОВ. ПОЭМА ПУШКИНА

(Посвящается Петру Александровичу Плетневу)

Книжный магазин блестел в бельэтаже ***ой улицы, лампы отбивали теплый свет на высоко взгроможденные стены из книг, живо и резко озаряя заглавия голубых, красных, в золотом обресе, и запыленных, и погребенных, означенных силою и бессилием человеческих творений. Толпа густилась и росла. Гром мостовой и экипажей с улицы отзывался дребезжанием в цельных окнах, и казалось, лампы, книги, люди, все окидывалось легким трепетом, удвоившим пестроту картины. Сидельцы суетились. «Славная вещь! Отличная вещь!» — отдавалось со всех сторон. «Что, батюшка, читали Бориса Годунова, нет? ну ничего же вы не читали хорошего», — бормотала кофейная шинель запыхавшейся квадратной фигуре. «Каков Пушкин?» — сказал, быстро поворотившись, новоиспеченный гусарский корнет своему соседу, нетерпеливо разрезывавшему последние листы. «Да, есть места удивительные! Ну вот наконец дождались и Годунова!» — «Как, Борис Годунов вышел! Скажите, что это такое Борис Годунов! как вам кажется новое сочинение!» — «Единственно! Единственно! еще бы некоторые картины.... О, Пушкин далеко шагнул!» — «Мастерство-та, главное мастерство, посмотрите, посмотрите, как он искусно того....» — трещал толстенькой кубик с веселыми глазками, поворачивая перед глазами своими руку с пригнутыми немного пальцами, как будто бы в ней лежало спелое прозрачное яблоко. «Да, с большим, с большим достоинством! — твердил сухощавой знаток, отправляя разом пол-унции табаку в свое римское табакохранилище. — Конечно, есть места, которых строгая критика.... Ну знаете... еще молодость.... впрочем произведение едва ли не первоклассное!» — «Насчет этого позвольте-с доложить, что за прочность, — присовокупил с довольным видом книгопродавец, — ручается успешная-с выручка денег....» — «А самое-то сочинение действительно ли чувствительно написано?» — с смиренным видом заикнулся вошедший сенатский рябчик. «И конечно чувствительно! — подхватил книго-

продавец, кинув убийственный взгляд на его истертую шинель, — если бы не чувствительно, то не разобрали бы 400 экземпляров в два часа!» Между тем лица беспрестанно менялись, выходя с довольною миною и книжкою в руках. В это самое время Элладий подошел к другу своему Поллиору, рассеянно глядевшему на жадную толпу покупателей. «Не правда ли, милый Поллиор! не правда ли, что ни с чем не можешь сравнить этого тихого восторга, напоющего душу при виде, как пламенно любимое нами великое творение неумолчно звучит и отдается сочувствием во всех сердцах, и люди, кажется отбежавшие навеки от собственного, скрытого в самих себе, непостижимого для них мира души, насильно возвращаются в ее пределы!» Молчаливо и безмолвно пожал Поллиор ему руку. Они вышли. Но ни томительный, как слияние радости и грусти, свет луны, так дивно вызывающий из глубины души серебряный сонм видений, когда ночное небо бесплотнo обнимется вдохновением и земля полна непонятной любви к нему, ни те живые чувства, пробуждающиеся у нас мгновенно, когда чудный город гремит и блещет, мосты дрожат, толпы людей и теней мелькают по улицам и по палевым стенам домов-гигантов, которых окна, как бесчисленные огненные очи, кидают пламенные дороги на снежную мостовую, так странно сливающиеся с серебряным светом месяца, ничто не в состоянии было его вывести из какой-то торжественной задумчивости, какая-то священная грусть, тихое негодование сохранялось в чертах его. Как будто бы он слышал в душе своей пророчество о вечности, как будто бы душа его терпела муки невыразимые, непостижимые для земного... «Что же ты до сих пор, — спросил его Элладий, когда они вошли в его уединенную комнату, одиноко озаряемую трепетною лампой, — не поверг от себя дани нашему великому творению, не принес посильного выражения — истолкователя чувств в чашу общего мнения?»

«Ты понимаешь меня, Элладий, к чему же ты предлагаешь мне этот несвязный вопрос? Что мне принести? кому нужна, кто пожелает знать мои тайные движения? Часто слушая, как всенародно судят и толкуют о поэте, когда прения их воздымают бурю и запенившиеся уста горланят на торжищах — думаю во глубине души своей: не святотатство ли это? Не то же ли, если бы кто вздумал стремительно ворваться в площадь, где чернь кипит и суетится, исполняя обычные свои требы, и воссылать упавши на колени жаркие молитвы к небу? И что бы сказал я? Прекрасно! бесподобно, единственно! но выразят ли эти слова хотя одну струю безграничного океана чувств? Бессильные! они от частого повторения людьми потеряли даже бедное собственное значение. Но еще бессмысленнее, еще смешнее мне кажутся

люди, которые дарят поэтов будто чинами жалкими эпитетами, называют их первоклассными, как будто поэты, как растения или безжизненные минералы, требуют системы, чтобы удержаться в голове. Великий! Когда развертываю дивное творение твое, когда вечный стих твой гремит и стремится по мне молнию огненных звуков, священный холод разливается по жилам и душа дрожит в ужасе, вызвавши Бога из своего беспредельного лона.... что тогда? Если бы небо, лучи, море, огни, пожирающие внутренность земли нашей, бесконечный воздух, объемлючий миры, Ангелы, пылающие планеты превратились в слова и буквы — и тогда бы я не выразил ими и десятой доли дивных явлений, совершающих(ся) в то время в лоне невидимого меня. И что́ они все против души человека? против воплощения Бога? в какие звуки, в какие светлые звуки превращается она, разрешаясь от всего носящего образ выразимого и конечного, сильным порывом вонзаясь в безобразную грудь его! Как горит, как сохнет бранный страдальческий состав! как дрожит, как стонет бессильное земное, пока все не сольется в духовное море, пока потоп благодарных слез не хлынет дождем в размученную грудь, не прольет примирения между двумя враждующими природами человека. — Как суетны люди, требующие отчета впечатлений, произведенных великим созданием поэта, зная наперед, что он не будет ответом на безрассудное желание их. Когда из безобразного земного черепа извлекают результат — ослепительный камень, когда из струн исторгают звуки, какой же они результат хотят извлечь из звуков? Может быть, и исполнится это желание, только когда? когда человек исчезнет и душа на ветвях его развалинах воздвигнется в величественном необъятном здании».

«Итак, по-твоему, — спросил его после мгновенного молчания Элладий, — люди не должны делиться между собою впечатлениями и сообщать как откровения хотя неполные отчеты чувств, может быть убедившие бы других в духовной изящности создания?»

«Нет, Элладий, нет. Кто здесь требует убеждения, тому будут бесплодны все твои попытки возму(тить) его душу. Разогни перед ним великое творение. Читайте вместе, и если дивные его буквы не ударят разом в тайные струны сердец ваших, обратив в непостижимый трепет все нервы, не брызнут ответными слезами и души ваши почувствуют разъединение — закрой книгу и не трать пустых слов. Но если встретишь ты пламенно понимающее тебя чувство — прекрасную половину прекрасной души твоей, — потребуете ли вы друг от друга отчета? К чему бы послужил он вам, когда вы так чудно сливаетесь в одно. И какая презренная радость сравнится с тем мгновением, когда творение разом читается в вас. Как понимаете вы его?»

Боже! часто говорю себе: какое высокое, какое дивное наслаждение даруешь ты человеку, поселя в одну душу ответ на жаркой вопрос другой! как эти души быстро отыскивают друг друга, несмотря ни на какие разделяющие их бездны.

Будто прикованный, уничтожив окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный Поэт! И когда передо мною медленно передвигается минувшее и серебряные тени в трепетании и чудном блеске тянутся бесконечным рядом из могил в грозном и тихом величии, когда вся отжившая жизнь отзывается во мне и страсти переживают(ся) сызнова в душе моей — чего бы не дал тогда, чтобы только прочесть в другом повторение всего себя, какими бы, казалось, драгоценностями не искупил этого блага. Возьмите, возьмите от меня все, воскликнул бы тогда с поднятыми руками к небесам, и ниспослите мне это понимающее меня существо. Всемогуший! зачем дал ты мне неполную душу? или пополни ее, или возьми к себе и остальную половину. —

О как велик сей царственный страдалец! Столько блага, столько пользы, столько счастья миру — и никто не понимал его... Над головой его гремит определение... Минувшая жизнь будто на печальный звон колокола вся совокупляется вокруг него! Умершее живет!.. И дивные картины твои блещут и раздаются все необъятнее, все необъятнее, все необъятнее..... И в груди моей снова муки!.. Ответные струны души гремят... Звон серебряного неба с его светлыми херуви(ма)ми стремится по жилам..... О дайте же, дайте мне еще, еще этих мук, и я выльюсь ими весь в лоно Творца, не оставя презренном(у) телу ни одной их божественной капли....

Великий! над сим вечным творением твоим клянусь!... Еще я чист, еще ни одно презренное чувство корысти, раболепства и мелкого самолюбия не заронялось в мою душу. Если мертвящий холод бездушного света исхитит святотатственно из души моей хотя часть ее достояния, если кремень обхватит тихо горящее сердце, если презренная, ничтожная лень окует меня, если дивные мгновения души понесу на торжище народных хвал, если опозорю в себе тобой исторгнутые звуки.... О! тогда пусть оболется оно немолчным ядом, вопьется миллионами жал в невидимого меня, неугасимым пламенем упреков обовьет душу и раздастся по мне тем пронзительным воплем, от которого бы изныли все суставы и сама бы бессмертная душа застонала, возвратившись безответным эхом в свою пустыню..... Но нет, оно как творец, как благодать! ему ли пламенеть казнью? Оно обнимет снова морем светлых лучей и звуков душу и слезою примирения задрожит на отуманенных глазах обратившегося преступника!....»

О ПОЭЗИИ КОЗЛОВА

Светлый, полный — раздольное море жизни — мир древних греков не властен был дать направление поэзии Козлова. Когда весь блеск, все разнообразие постоянно светлой, в бесчисленных формах проявляющейся жизни природы слилось для него в одну ужасную единицу — в мрак, — могла ли душа жить прежними ясными явлениями. Как будто в исступлении, как будто подавляемая горестью, с порывом, с немолчною жаждою — торжествовать, возвыситься над собственным несчастьем, она искала другой встречи и в изумлении остановилась пред Байроном, так чудно обхватившим гигантскою мрачною душою всю жизнь мира и так дерзостно посмеявшимся над нею, может быть от бессилия передать ее индивидуальную светлость и величие. Душе нашего поэта желалось обвиться около этой гордо одинокой души, исполински замышлявшей заключить в себе в замену отвергнутого собственный ею же созданный нестройный и чудный мир и, обвинившись около нее, горько улыбнуться уже несуществующей для нее прежней Илиаде жизни. Кроткое христианское величие веры, так доступное человеку в то страшное мгновение перерождения его, — проникло и облекло чистым сиянием своим все полученное им в сообществе с душою этого исполина, с которым меряться не имел он достаточных сил, и сообщило ему индивидуальность, без которой он был бы только бессильным подражателем. Но даже и в тихом порыве религиозной души своей, когда благословляет он тяжкий крест несчастий, вырывается у него скорбь, какое-то, можно сказать, даже злобное наслаждение души собственными муками. Он сильно дает чувствовать все великие горькие траты сво(и). Часто собирает в один момент все исчезнувшее, живо представляет его во всем ослепительном блеске, чтобы показать вместе, чего стоит ему позабыть и удалить мысль о нем. Глядя на радужные цвета и краски, которыми кипят и блещут его роскошные картины природы, тотчас узнаешь с грустью, что они уже утрачены для него навеки: зрящему никогда бы не показались бы они в таком ярком и даже увеличенном блеске, они

могут быть достоянием только такого человека, который давно уже не любовался ими, но верно и сильно сохранил об них воспоминание, которое росло и увеличивалось в горячем воображении и блистало даже в неразлучном с ним мраке. Но и в сих созданиях, в которых, кажется, он стремится позабыть все грустное касающееся собственной души и ловит невидимыми очами видимую природу, и здесь, и под цветами горит тихая печаль. Он весь в себе. Весь нераздельный мир свой носит в душе и не властен оторваться от него. Иногда стремление его центробежно и будто хочет разлиться во внешнем, но для того только, чтобы снова с большею силою устремиться к своему центру, самому себе, как будто угадывая, что там только его жизнь, что там только найдет ответ себе. — Если он долго останавливается на внешнем каком-нибудь предмете, он уже лишает его индивидуальности, он проявляет уже в нем самого себя, видит и развивает в нем мир собственной души. Мне кажутся и доныне странными замечания и упреки многих Козлову, что в поэмах у него вечное тожество и однообразие жизни, что лица его не имеют полной романической отделки и не живут собственной жизнью, что Безумная нимало не похожа на русскую крестьянку, словом, требуют от Козлова того, чего только вправе мы требовать от Пушкина, забывая, что для Козлова полная разнообразия внешняя жизнь не существует, что весь мир его сосредоточился в нем самом и его одного силен он следить в многообразных изменениях. А лица и герои у него только образы, условные знаки, в которые облакает он явления души своей. Что обнять во всей полноте внутреннюю и внешнюю жизнь — удел гения всемирного и что наконец Козлов относится к Пушкину так, как часть к целому. Поэт понимает все достоинство последнего. Оно лестнее жаркой душе его и кадил и безотчетных хвал. И для кого не блистательно, кому не завидна участь: быть частью необъятного Пушкина!!*

* Новые прелестные стихотворения Козлова, Субботний вечер, перевод, и мелкие с трогательным посвящением — Прекрасным цветком, брошенным на гроб

Той красоте, которой много
Российский жертвовал Парнасс,
Когда туманною дорогой
Брела Поэзия у нас.

Находится в таких-то книжных лавках. Продается по такой-то цене.

1834

Великая, торжественная минута. Боже! как слились и столпились около ней волны различных чувств. Нет, это не мечта. Это та роковая неотразимая грань между воспоминанием и надеждой. Уже нет воспоминания, уже оно(?) несетя, уже пересиливает его надежда... У ног моих шумит мое прошедшее, надо мною сквозь туман светлеет неразгаданное будущее. Молю тебя, жизнь души моей, мой Гений! О не скрывайся от меня, пободрствуй надо мною в эту минуту и не отходи от меня весь этот так заманчиво наступающий для меня год. Какое же будешь ты, мое будущ(ее). Блистательное ли, широкое ли. Кипишь ли великими для меня подвигами или... О будь блистательно, будь деятельно, все предано труду и спокойствию. Что же ты так таинственно стоишь предо мною, 1834¹. Будь и ты моим Ангелом. Если лень и бесчувственно(сть) хотя на время осмелятся коснуться меня, о разбуди меня тогда, не дай им овладеть мною. Пусть твои мно(го)говорящие цифры как неумолкающие часы, как завет стоят передо мною, — чтобы каждая цифра твоя громче набата разила слух мой, чтобы она, как гальванический прут, производила судорожное потрясение во всем моем составе. Таинственный, неизъяснимый 1834. Где я означу я¹ тебя великими труда(ми). Среди ли этой кучи набросанных один на другой домов, гремящих улиц, кипящей меркантильности, этой безобразной кучи мод, парадов, чиновников, диких северных ночей, блеску и низкой бесцветности. В моем ли прекрасном древнем обетованном Киеве, увенчанном многоплодными садами, опоясанном моим южным прекрасным чудным небом, упоительными ночами, где гора обсыпана кустарниками с своими так гармоническими обрывами и подмывающий ее мой чистый и быстрый мой Днепр. — Там ли? — О!... Я не знаю, как назвать тебя, мой Гений! Ты, от колыбели еще пролетавший с своими гармоническими песнями мимо моих ушей, такие чудные необъяснимые донныне зарождавший

¹ Так в рукописи

КРОВАВЫЙ БАНДУРИСТ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

В 1543 году, в начале весны, ночью, тишина маленького городка Лукомья была смущена отрядом рейстровых коронных войск. Ущербленный месяц, вырезываясь блестящим рогом своим сквозь беспрерывно обступавшие его тучи, на мгновение освещал дно провала, в котором лепился этот небольшой городок. К удивлению немногих жителей, успевших проснуться, отряд, которого прежде одно появление служило предвестием буйства и грабительства, ехал с какою-то ужасающею тишиною. Заметно было, что всю силу напряженного внимания его останавливал тащившийся среди его пленник, в самом странном наряде, какой когда-либо налагало насилие на человека: он был весь с ног до головы увязан ружьями, вероятно для сообщения неподвижности его телу. Пушечный лафет был укреплен на спине его. Конь едва ступал под ним. Несчастный пленник давно бы свалился, если бы толстый канат не прирастил его к седлу. Осветить бы месячному лучу хоть на минуту его лицо — и он бы верно блеснул в каплях кровавого пота, катившегося по щекам его! Но месяц не мог видеть его лица, потому что оно было заковано в железную решетку. Любопытные жители, с разинутыми ртами, иногда решались подступить поближе, но, увидя угрожающий кулак или саблю одного из провожатых, пятились и бежали в свои щедушные домики, закутываясь покрепче в наброшенные на плеча татарские тулупы и продрогивая от свежести ночного воздуха.

Отряд минул город и приближался к уединенному монастырю. Это строение, составленное из двух, совершенно противоположных частей, стояло почти в конце города на косогоре. Нижняя половина церкви была каменная и, можно сказать, вся состояла из трещин, обожжена, закурена порохом, почерневшая, позеленевшая, покрытая крапивою, хмелем и дикими колокольчиками, носившая на себе всю летопись страны, терпевшей кровавые жатвы. Верх церкви с теми изгибистыми деревянными пятью куполами, которые установила испорченная архитектура византийская, еще более изуродованная варваризмом подра-

жателей, был весь деревянный. Новые доски, желтевшие между почерневшими старыми, придавали ей пестроту и показывали, что еще не так давно она была починена богомольными прихожанами.

Бледный луч серпорогого месяца, продравшись сквозь кудрявые яблони, укрывавшие ветвями в своей гуще часть здания, упал на низкие двери и на выдавшийся над ними вызубренный карниз, покрытый небольшими своевольно выросшими желтыми цветами, которые на тот раз блестели и казались огнями или золотой надписью на диком карнизе. Один из толпы, с неизмеримыми когда-либо виданными усами, длиннее даже локтей рук его, которого по замашкам и дерзкому повелительному взгляду признать можно было начальником отряда, ударил дулом ружья в дверь. Дряхлые монастырские стены отозвались и, казалось, испустили умирающий голос, уныло потерявшийся в воздухе. После сего молчание снова заступило свое место. Брань на разных наречиях посыпалась из-под огромнейших усов начальника отряда:

— Теремте те, поповство проклятое! А то я знаю, чем вас разбудить!

Раздался пистолетный выстрел, пуля пробила ворота и шлепнулась в церковное окно, стекла которого с дребезгом посыпались во внутренность церкви. Это произвело смятение в кельях, которые примыкали к церкви; показали огни; связка ключей загремела; ворота со скрипом отворились, — и четыре монаха, предшествуемые игуменом, предстали бледные с крестами в руках.

— Изыдите, нечистые! крошеники! — произнес едва слышным дрожащим голосом настоятель. — Во имя Отца и Сына и Святого Духа, изыди, диаволе!

— Але то еще и брешет, поганый собака! — прогремел начальник языком, которому ни один человек не мог бы дать имени: из таких разнородных стихий был он составлен. — То брешешь, лайдак, же говоришь, что мы дьяволы; а то мы не дьяволы, мы коронные.

— Что вы за люди? Я не знаю вас! Зачем вы пришли смущать православную церковь? — произнес настоятель.

— Я тебе, псяюха, порохом прочищу глаза! Дай нам ключи от монастырских погребов!

— На что вам ключи от наших погребов?

— Я, глупой поп, не буду с тобою говорить. Але ты хочешь, басамазенята, поговори з моим конем: нех тебе отвечает из под.....

— Принеси им, антихристам, ключи, брат Касьян! — простонал настоятель, оборотившись к одному монаху. — Только у меня нет вина! Как Бог свят, нет! Ни одной бочки, ни бочонка, и ничего такого, что бы вам было нужно.

— А то мне какое дело! Ребята хотят пить. Я тебе говорю, же ты, глупой поп, сена, стоила и пшеницы не дашь лошадям, то я в костел ваш поставлю их и тебя сапогом до морды.

Настоятель, не говоря ни слова, возвел на них оловянные свои глаза, которые, казалось, давно уже не принадлежали миру сему, потому что не выражали никакой страсти, и встретился с злобно устремившимися на него глазами иезуита. Отворотившись от него, он остановил их на странном пленнике с железным наличником. Вид этот, казалось, порастил почти бесчувственного ко всему, кроме церкви, старца.

— За что вы схватили этого человека? Господи, накажи их трехипостасною силою своею! Верно опять какой-нибудь мученик за веру Христову!

Пленник испустил только слабое стенание.

Ключи были принесены, и при свете сонно горевшей светильни вся эта ватага подошла ко входу пещеры, находившейся за церковью. Как только опустились они под земляные безобразные своды, могильная сырость обдала всех. В молчании шел начальствовавший отрядом, и непостоянный огонь светильни, окруженный туманным кружком, бросал в лицо ему какое-то бледное привидение света, тогда как тень от бесконечных усов его подымалась вверх и двумя длинными полосами покрывала всех. Одни только грубо закругленные оконечности лица его были определительно тронуты светом и давали разглядеть глубоко бесчувственное выражение его, показывавшее, что все мягкое умерло и застыло в этой душе; что жизнь и смерть — трин-трава; что величайшее наслаждение — табак и водка; что рай там, где все дребезжит и валится от пьяной руки. Это было какое-то смешение пограничных наций. Родом серб, буйно искоренивший из себя все человеческое в венгерских попойках и грабительствах, по костюму и несколько по языку поляк, по жадности к золоту жид, по расточительности его козак, по железному равнодушию дьявол.

Во все время казался он спокоен; по временам только шумела между усами его обыкновенная брань, особенно когда неровный земляной пол, час от часу уходивший глубже вниз, заставлял его оступаться. Тщательно осматривал он находившиеся в земляных стенах норы, совершенно обсыпавшиеся, служившие когда-то кельями и единственными убежищами в той земле, где в редкий год не проходило по степям и полям разрушение, где никто не строил крепких строений и замков, зная, как непрочно их существование. Наконец показалась деревянная, заросшая мхом, зацветшая гнилью, дверь, закиданная тяжелыми бревнами и камнями. Перед ней остановился он и оглядел ее значительно снизу доверху.

— А ну! — сказал он, мигнувши бровью на дверь, и от брови, казалось, пахнул ветер.

Несколько человек принялись и не без труда отвалили бревна. Дверь отворилась. Боже! какое обиталище открылось глазам! Присутствовавшие взглянули безмолвно друг на друга, прежде, нежели осмелились войти туда. Есть что-то могильно-страшное во внутренности земли. Там царствует в оцепенелом величии смерть, распутившая свои костистые члены под всеми цветущими городами, под всем веселящимся, живущим миром. Но если эта дышащая смертью внутренность земли населена еще живущими, теми адскими гномами, которых один вид уже наводит содрогание, тогда она еще ужаснее. Запах гнили пахнул так сильно, что сначала заняло у всех дух. Почти исполинского роста жаба остановилась неподвижно, выпучив свои страшные глаза на нарушителей ее уединения. Это была четырехугольная, без всякого другого выхода пещера. Целые лоскутья паутины висели толстыми клоками с земляного свода, служившего потолком. Обсыпавшаяся со сводов земля лежала кучами на полу. На одной из них торчали человеческие кости; летавшие молниями ящерицы быстро мелькали по ним. Сова или летучая мышь была бы здесь красавицею.

— А чем не светлица? Светлица хорошая! — проревел предводитель. — Терем-те-те! Лысый бес начхай тебе в кашу! Але тебе, псяюхе, тут добре будет спать. Сам ложись на ковалки, а под голову подмости ту жабу, али возьми ее за женку на ночь!

Один из коронных вздумал было засмеяться на это, — но смех его так страшно, беззвучно отдался под сырыми сводами, что сам засмеявшийся испугался. Пленник, который стоял до того неподвижно, был втолкнул на средину и слышал только, как заскрипела за ним дверь и глухо застучали заваливаемые бревна, свет пропал, и мрак поглотил пещеру.

Несчастный вздрогнул. Ему казалось, что крышка гроба захлопнулась над ним, а стук бревен, заваливших вход его, казался стуком заступа, когда страшная земля валится на последний признак существования человека и могильно равнодушная толпа говорит, как сквозь сон: «Его нет уже, но он был».

После первого ужаса, он предался какому-то бессмысленному вниманию, бездушному существованию, которому предается человек, когда удар бывает так ужасен, что он даже не собирается с духом подумать о нем и вместо того устремляет глаза на какую-нибудь безделицу и рассматривает ее. Тогда он принадлежит к другому миру и ничего не разделяет человеческого. Видит без мыслей; чувствует, не чувствуя; странно живет. Прежде всего внимание его впилося в темноту. Все было на время забыто, и ужас ее, и мысль о погребении живого.

Он всеми чувствами вселился в темноту. И тогда пред ним развернулся совершенно новый, странный мир. Ему начали показываться во мраке светлые струи, — последнее воспоминание света! Эти струи принимали множество разных узоров и цветов. Совершенного мрака нет для глаза. Он всегда, как ни зажмурь его, рисует и представляет цвета, которые видел. Эти разноцветные узоры принимали или вид пестрой шали, или волнистого мрамора, или, наконец, тот вид, который поражает нас своею чудною необыкновенностью, когда рассматриваем в микроскоп часть крылышка или ножки насекомого. Иногда стройный переплет окна, — которого, увы! не было в его темнице, — проносился перед ним. Лазурь фантастически мелькала в черной его раме, потом изменялась в кофейную, потом исчезала совсем и обращалась в черную, усеянную или желтыми, или голубыми, или неопределенного цвета крапинами.

Скоро весь этот мир начал исчезать: пленник чувствовал что-то другое. Сначала чувствование это было безотчетное; потом начало приобретать определительность. Он слышал на руке своей что-то холодное; пальцы его невольно дотронулись к чему-то склизкому. Мысль о жабе вдруг осенила его!..... он вскрикнул.... и разом переселился в мир действительный. Мысли его окунулись вдруг в весь ужас существования. К тому еще присоединилось изнурение сил, ужасный спертый воздух: все это повергло его в продолжительный обморок.

Между тем отряд коронных войск разместился в монастырских кельях как дома, высылал монахов подчищать конюшни и пировал от радости, что наконец схватил того, кто им был нужен!

— Попался, псяюха! — говорил усатый предводитель. — Хотел бы я знать, чего они так быстры на ноги, собачьи дети? Пойдем, хлопцы, доведемся, кто с ним был, лысый бес начхай ему в кашу!

Жолнеры опустились вниз и нашли пленника лежащего без чувств.

— Дай ему понюхать чего-нибудь!

Один из них немедленно насыпал ему на руку порошу, к которой прислонилась его голова, и зажег его. Пленник чихнул и поднял голову, будто после беспокойного сна.

— Толкните его дубиной! рассказывай, терем-те-те, бабий сын! Але кто с тобою разбойничал? Двенадцать дьяблов твоей матке! Где твои ребята?

Пленник молчал.

— А то я тебя спрашиваю, псяюха! Скиньте с него наличник! Сорвите с него епанчу! А то лайдак! Але то я знаю добре твою морду: зачем ее прячешь?

Жолнеры принялись, разорвали верхнюю епанчу тонкого черного сукна, которую закрывался пленник, сорвали наличник... и глазам их

мелькнули две черные косы, упавшие с головы на грудь, очаровательная белизна лица, бледного как мрамор, бархат бровей, обмершие губы и девственные обнаженные груди, стыдливо задрожавшие, лишенные покрыва.

Начальник отряда коронных войск окаменел от изумления; команда тоже.

— Але то баба? — наконец обратился он к ним с таким вопросом.

— Баба! — отвечали некоторые.

— А то как могла быть баба? Мы козака ловили.

Предстоящие пожали плечами.

— На цугундру бабу! Как ты, — глупая баба, дьявол бы тебя!...

Але как ты смела? ... рассказывай, где тот псяюха, где Остржаница?

Полуживая не отвечала ни слова.

— То тебя заставят говорить, лысый бес начхай тебе в кашу! — кричал в ярости воевода. — Ломайте ей руки!

И два жолнера схватили ее за обнаженные руки, белизною равнявшиеся пыли волн. Раздирающий душу крик раздался из уст ее, когда они стиснули их жилистыми руками своими.

— Что? скажешь теперь, бесова баба?

— Скажу! — простонала жертва.

— Оставь ее! Рассказывай, где тот бабий сын, сто дьяблов его матке!

— Боже! — проговорила она тихо, сложив свои руки, — как мало сил у женщины! Отчего я не могу стерпеть боли!

— То мне того не нужно! Мне нужно знать, где он?

Губы несчастной пошевелились и, казалось, готовы были что-то вымолвить, как вдруг это напряжение их было прервано неизъяснимо странным происшествием: из глубины пещеры послышались довольно внятно умоляющие слова: «Не говори, Ганулечка! Не говори, Галюночка!» Голос, произнесший эти слова, несмотря на тихость был невыразимо пронзителен и дик. Он казался чем-то средним между голосом старика и ребенка. В нем было какое-то, можно сказать, не человеческое выражение; слышавшие чувствовали, как волосы шевелились на голове и холод трепетно бегал по жилам; как будто бы это был тот ужасный *черный голос*, который слышит человек перед смертью.

Допросчик содрогнулся и положил невольно на себя крест, потому что он всегда считал себя католиком. Минуту спустя уже ему показалось, что это только почудилось. Жолнеры обшарили углы, но ничего не нашли, кроме жаб и ящериц.

— Говори! — проговорил снова неумолимый допросчик, однако же не присовокупив на этот раз никакой брани.

Она молчала.

— А ну, принимайтесь! — При этом густая бровь воеводы мигнула предстоящим.

Исполнители схватили ее за руки.

И те снежные руки, за которые бы сотни рыцарей переломали копыя, те прекрасные руки, поцелуй в которые уже дарит столько блаженства человеку, эти белые руки должны были вытерпеть адские мучения! Не многие глаза выдержали бы то ужасное зрелище, когда один из них с варварским зверством свернул ей два пальца, как перчатку. Звук хрустевших костей был тих, но его, казалось, слышали самые стены темницы. Сердцу с не совсем оглохлыми чувствами не достало бы сил выслушать этот звук. Страшно внимать хрипению убиваемого человека; но если в нем повержена сила, оно может вынести и не тронуться его страданиями. Когда же врывается в слух стон существа слабого, которое ничто пред нашею силою, тогда нет сердца, которого бы даже сквозь самую ярость мести не ужалила ядовитая змея жалости.

Пленница ни звука не издала. Лицо ее только означилось мгновенным судорожным движением муки и губы задрожали.

— Говори, я тебя!.. поганая лайдачка!... — произнес воевода, которому муки слабого доставляли какое-то сладострастное наслаждение, которое он мог только сравнить с дорого доставшеюся рюмкою водки.

Но только что он произнес эти слова, как снова тот же нестерпимый голос так же явственно раздался и так же невыносимо жалобно произнес: «Не говори, Ганулечка!»

На этот раз страх запал глубже в душу начальника.

Все обратились в ту сторону, откуда послышался этот странный голос — и что же?....

Ужас оковал их. Никогда не мог предстать человеку страшнейший фантом!.... Это был.... ничто не могло быть ужаснее и отвратительнее этого зрелища! Это был..... у кого не потряслись бы все фибры, весь состав человека! Это был.... ужасно! — это был человек.... но без кожи. Кожа была с него содрана. Весь он был закипевший кровью. Одни жилы синели и простирались по нем ветвями!.... Кровь капала с него!.... Бандура на кожаной ржавой перевязи висела на его плече. На кровавом лице страшно мелькали глаза.....

Невозможно было описать ужаса присутствовавших. Все обратилось, казалось, в неподвижный мрамор со всеми знаками испуга на лицах. Но, к удивлению, это появление, отнявши силу у сильных, возвратило ее слабому. Собравши всю себя, всю душевную крепость, молодая узница тихо поползла к дверям и вступила в земляной коридор, которого гнилой воздух показался ей райским в сравнении с ее темницей....

Отрывки и наброски

⟨НЕСКОЛЬКО ГЛАВ ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВЕСТИ⟩

ГЛАВА ⟨I⟩

Был апрель 1645 года, время, когда природа в Ма⟨ло⟩россии похожа на первый день своего творенья, самая нежная детская зелень убирала очнувшиеся деревья и степи. Этот день был перед самым воскресеньем Христовым. Он уже прошел, потому что молодая ночь давно уже обнимала землю. А чистый девственный воздух, разносивший дыхание весны, веял сильнее. Сквозь жидкую сеть вишневых листьев мелькали в огне окна деревянной церкви села Комишны. Старая, истерзанная временем, покрытая мохом церковь будто обновилась, вокруг ее как рои пчел толпились козаки с ближних и дальних хуторов, из которых едва десятая часть поместилась в церкви. Было душно, но что-то говорило светлым торжеством. Автор просит читателей вообразить себе эту картину 17 столетия. Мужественные, худощавые, с резкими чертами лица, подбритые головы, опустившиеся вниз усы, падавшие на грудь, широкие плечи атлетск⟨ой⟩ силы, при каждом почти заткн⟨ут⟩ые за пояс пистолеты, сабли показывали уже, в какую эпоху собравшиеся¹ козаки. Странно было глядеть на это море голов, почти не волновавшееся. Благоговейное чувство обнимало зрителя. Все здесь собравшееся было характер и воля, но и то и другое было тихо и безмолвно. — Свет паникадила, отбрасываясь на всех, придавал еще сильнее выраженья лицам. Это была картина Великого Художн⟨ика⟩, вся полная движения жизни, действия и между тем неподвижная. Почти незаметно прибавилось одно новое лицо к молящимся. Оно возвышалось над другими целую голову, какой-то крепкий смелый оклад, какая-то легкая беспечность означивалась на нем. Оно было спокойно и вместе так живо, что взглянувший ожидал бы в стороне непременно услышать от него слово, чтобы

¹ Так в рукописи

Т. Савин

Судя по количеству страниц, эта повесть была написана в 1880 году. Она была переписана в 1881 году. В рукописи много исправлений, вычеркнутых слов и предложений. В начале рукописи написано: «Несколько глав из неоконченной повести». В конце рукописи написано: «Начало черного автографа».

«Несколько глав из неоконченной повести». Начало черного автографа.
Российская государственная библиотека. Москва

увидеть его изменившимся, как будто бы оно непременно должно было все заговорить конвульсиями. Но между тем как все мало-помалу начали обращаться на него, вся масса двинулась из храма для торжественного хода вокруг церкви, и замечательная физиономия смешалась с другими. Выходя по церковной лестнице у самого крыльца стояли несколько жидов, содержавшие по велению польского правительства откуп, и спорили между собою, помечая мелом пасхи, приносимые для освящения христианами. Нужно было видеть, как на лице каждого выходившего дрогнули скулы. Это постановл(ение) правительства было уже давно объявлено, народ с ропотом, но покорился, оппозиционисты были испровержены, к этому, кажется, все уже привыкли, знали, что это так поступлено, но, несмотря на это, при виде это(го) постановления, приводимого в исполнение, они так изумлялись исполнению, как будто бы это было новость. Так преступник, знающий о своем осуждении на смерть, еще движется, еще думает о всех делах, но прочитанный приговор разом разрушает в нем жизнь. После перемены в лице рука каждого невольно опускалась к кинжалу или к пистолетам. Но ход окончился, и все спокойно вошли в церковь при пении. Между тем совершенно наступило утро. «Христос воскр(есе) из мертвых» потрясло дряхлые стены церкви. На всех лицах просияла радость: у одних при мысли о пасхах(?), у девушек при целованьи, а козако(в) при попойке, как

вдруг страшный шум извне заставил многих поверн(уть). Народ, окруживший церковь, собрался в кучу, из которой раздавалась брань и крик жидов. Три жиды отбирали у дряхлого поседевшего как лунь козака пасху, яйца и барана, утверждая, что он не вносил за них денег. За старика вступилось двое стоящих около него, к ним пристали еще, и наконец целая толпа готовилась задавить жидов, если бы тот же самой широкоплечий высокого росту, чья физиономия так поразила находившихся в церкви, не остановил одним своим мощным взглядом. «Чего вы, хлопцы, сдуру беснуетесь. У вас видно нет ни на волос Божьего страху. Люди стоят в церкви и молятся. А вы тут черт знает что делаете. Гайда по местам!» Послушно все как овцы разбрелись по своим местам, рассуждая, что это за чудо такое, откуда оно взялось и с какой стати ввязывается он, куда его не просят, и отчего он хочет, чтобы слушали. Но это каждый только подумал. А не сказал вслух. Взгляд и голос незнакомца как будто имели волшебство, так были повелительны. Один жид стоял только не отходя и как скоро оправился от первого страха, то, будучи ободрен незваною помощью, начал было снова приступать. Как тот же самый и схватил его могучею рукой за ворот так, что бедный потомок Израилев съежился и присел на колене. «Э, не понимаешь, свиное ухо! Так тебе еще мало, что душа осталась в галанцях. Ступай же, тебе говорю, поганая жидовина, пока не оборвал тебе пейсики». После того толкнул его, и жид распласт(ал)ся на земле как лягушка. Приподнявшись же немного, с страхом(?) и без памяти пустился бежать и спустя несколько времени возвратился с начальником польских улан. Это был довольно рослый поляк с глупой и дерзкой физиономиею, которая всегда почти отличает полицейских служителей. «Что это?.. Как это... Гунство теремтете. Зачем драка, холопство проклятое. Лысый бес в кашу с смальцем! Разве что все? что тут драка? Порвал бы вас собака...» Блюстителю порядка не знал бы, куда обратиться и на кого излить поток своих наставлений, направляемых бранью, если бы жид не подвел его к старому козаку, которого волосы, вздуваемые ветром, как снежный иней серебрились. «Что ты, глупой холоп, вздумал? Что ты драку начал драку? Баса мазенята, гунство! Знаешь ты, что жид? Гунство проклят(ое)... Знаешь, что борода попа вашего не стоит подошвы. Черт бы тебя схватил в бане зубами за пуп, у него еломок краше, чем ваша холопска вяра...» Тут схватил за вол(осы) старца и выдернул клоч серебряных волос его. —

² Так в рукописи

Глухое стенание испустил старый козак. «Бей, пан, дери меня за чуб. Бей еще! Сам я виноват, что дожил до таких лет, что и счету уж им потерял. Сто лет, а может, и больше тому назад меня драли за чуб, когда я был хлопцем у батька. Теперь опять бьют, видно снова воротили лета мои. Только нет, не то, не в силах теперь и руки поднять. Бей же меня!..» При сих словах двадцатилетний старец наклонил свою белую голову на руки, сложенные крестом на палке, и, подпершись ею, долго стоял в живописном положении. В словах старца было невыразимо трогательное. Заметно было, что многие хватались рукою за сабли и пистолеты. Но вид нескольких усатых уланов на лошадях и несколько слов, сказанных незнакомцем тихо почти каждому, заставили всех принять положение молельщиков и креститься.

— Что ты врешь, глупой мужик, терем-те-те! Что(бы?) я на тебе руки марал, гунство проклятое! Лысый бес начхай тебе в кашу. Гершко, возьми от него пасху, пусть его освящен^ным сухарем разговееется!.. Вишь! Гунство (1 нрзб.) проклятое, — говорил блюс(ти)тель правосудия, подвигаясь к ряду девичьему и ущипнув одну из них за руку. — Что за драку? Ох, славная девка! Вишь драку!.. А(й) да Параска! Ай да Пидорка! Вишь, глупой мужик, порвал бы его собака!... Ай, ай, ай, ай! сколько тут жиру.... — Блюститель порядка верно себе позволил нескромность, потому что одна из девушек вскрикнула во все горло. В это время пасхи были освящены и обедня кончилась, и многие стали уже расходиться, и двигаясь толпа народу обступила козака, так заинтересовавшего толпу, который между тем подходил к исправлявшему звание алгвазила. «Славный у тебя ус, пан!» — проговорил он, подступив к нему близко.

— Хороший, у тебя, холопа, не будет такого! — произнес он (и) расправил его рукою. «Славный! Только не туда ты, пан, его крутишь, вот куда нужно», — произнес мощный козак, дернув его сильной рукою так, что половина уса осталась у него. Старый волокита закричал и заревел от боли. Лицо его [сде]лалось цвета вареной свеклы. «Рубите его! рубите лайдака!» — кричал он. Но почувствовав себя в руках дюжего(?) высокого козака и увидя насмешливые лица всех, стал искать глазами своих воинов. Малеванной шут струсил и топорщился, стараясь вырваться. «Как же тебе, пан, не совестно бить такого старика. А если бы твоего старого отца кто-нибудь стал бесчестить так поносно при всех, как ты обесчестил старейшего из всех нас. Что тогда? весело тебе было бы терпеть это? Ступай, пан. Если б ты не у короля в службе был, я бы тебя не выпустил живого». — Выпущенный пленник побежал вовсю отряхиваясь, за ним следом

повалил народ. Между тем козак (3 нрзб.) отвязавши коня, привязанного к церковной ограде, готовился сесть, как был остановлен среднего росту воином, поседевшим человеком, который долго не отводил от него внимания и заглядывал ему в глаза с таким любопытством, как иногда собака, когда видит ядущего хлеб. «Добродию, ведь я вас знаю». — «Может быть и правда?» — «Ей-Богу, знаю, не шучу, таки точно взаправду знаю. Ей-Богу, знаю. Не Острица ли вы Омельченко?» — «Может, и он».

— Ну так! Я стою в церкви и говорю: вот то, что стоит возле, — то Тарас Остран(ица), ей-ей, Острица. Да, может быть, и нет. Может быть, и не Острица. Нет, Острица. Ей, тебе так показалось. Ну как нет, Острица да и Острица... Как только послушал голос, ну тогда и рукой махнул, вот так точнехонько покойный батюшка, пусть ему легко икнется на том свете, так же разумно, бывало, каждое слово отлепит.

Острица внимательно начал в него всматривать(ся) и нашел точно что-то знакомое. Небольшое продолговатое лицо его было уже проре(зано?) морщинами, шея, нагнувшаяся вниз, придавала ему несколько горбатое сложение и неподвижность голове, но зато небольшие серые глаза проридались довольно увертливо сквозь чашу насунувшихся бровей, которые верно придали бы лицу суровый вид, если бы нижняя часть лица, что-то простодушное и веселое в губах не давало ему противного выражения. Под кобеняком, надетым в рукава, виден был овчинный кожух, хотя воздух был довольно тепел и день весь жарок (1 нрзб.).

— Я верю и не верю, что вижу опять вас. А что, добродию, не во гнев будь сказано, прошу извинить, но я хотел бы узнать, что случилось с теми, которые пошли с вами. Что Дигтяй, Кузубия? воротились ли они с вами или там остались, или ворон, может, где-нибудь доедает козацкие косточки.

«Дигтяй твой сидит на колу у турецкого султана. А Кузубия гуляет с рыбами на дне Сивача и тянет гнилую воду вместо горелки.... Но, Пуд(ько), после об этом поговорим. Я тебя тоже узнал. Здравствуй, старый Пудько. Христос воскресел!..» — «Воистину воскресел, — говорил целуясь Пудько. — Как назло и крашанки и нет. Жинка давала, побоялся взять, народу таки множество... передал бы на кисель. Так, добродию, как будто сердце знало...»

— Ну, Пудько, ты, ты по-прежнему торгуешь всякою дрянью? — «А что же делать? Нужно торговать. Еще слава Богу, что продал табак прошлого(дний?) и (на?) зиму опять с полвоза накупил кремней, дрови, пороху, серы, ну и всего, что до мизерии относится. Напро-

сился на дороге жидок один: “Свези, чоловиче, на Хыякивску ярмарку, дам три рубли”. Свез его как доброго, и надул проклятый жидок, ей-Богу надул, хоть бы четвертку горелки дал, грязная(?) лысина(?). Знаете, что у меня чуть было ляхи не отняли всего скота, 2 кобыл взяли под верх вербуны. Теперь у меня только и конины, что Гнедко, — промолвил он, садясь на гнедого коня и видя, что Острианица поворотил коня ехать. — Эх, добродию. Если бы теперь кто сказал: “А ну, старый, гайда на войну бить ляхов”, все бы продал, и жинку и детей бы покинул, пошел бы в компанейство». При этом Пудько выпрямился и поскакал за Острианицей, который пришпорил сильнее коня своего. «Скажите, добродию, пане сотнику, — говорил он, поравнявшись с ним, — может, вы теперь уже и не сотник, в другом ранге како(м) значитесь. Скажите, до какой это поры дожили, что уже и храмы Божии взяло на откуп жидовство. Как же это, добродию, не обидно. Каково было снести всякому христианину, что горелка находится (у) врагов Христовых? А теперь и храмы Божии? Тут, добродию, нужно нам взять вправо, ибо мимо валу нет уже проезду. Да и забыл, что он при вас был подкопан. Говорят, как свечка полетел под самое небо. Боже ты мой, сколько народу перемерло. Так и Дигтяй, вы говорите, теперь сидит на колу. И Кузубия потонул! А какой важной, какой сильной народ был. Сколько, как подумаешь, пропадает козачества... Вы слышите, как потешаются хлопцы из мушкетов да хаты вздраги(вают)? Мы сейчас будем ехать мимо площади, где поселится народ. Если вы в хутор свой едете, добродию, то и я с вами. Лучше там разговееусь святою пасхою, чем дома с бабами. Пусть жинка и дочка остается сама. Верно, добродию, что произошло меж народом, потому что все столпились в кучу и бросили всякое гулянье». В самом деле, на открывавшей(ся) в это время из-за изб площади народ сросся в одну кучу. Качели, стрельба и игры были оставлены. Острианица, взглянувши, тотчас увидел причину: на платане был повешен вверх ногами жид, тот самый, которого он освободил из рук разгневанного народа, на ту самую виселицу тащили храбреца с оборванным усом. Острианица ужаснул(ся), увидев это. «Нужно поспешить, — говорил он, пришпорив коня. — Народ не знает сам, что делает. Дурни, это на их же головы рушится». «Стойте, козаки, рыцарство и посполитый народ. Разве этак по-козацки делать», — произнес он, возвысив голос. «Что смотреть (на) него! — посылша(лся) гневный говор между молодежью. — В другой раз хочет у нас вытащить из рук». — «У кого есть свой разум, послушайте. Он правду говорит», — говорили несколько умеренных. «Молоды вы еще. Я вам расскажу, как делают по-козацки. Когда один да выйдет против

трех — то бравой козак, против десяти — еще лучше, один против одного не штука. Когда же три на одного нападут, то все не казаки. Бабы они тогда, то, что..... плюнуть хочется, для святого праздника не скажу страшного слова. Как же назвать тех теперь, братцы, которые гурьбою нападут на беззащитного, как будто на какую крепость страшн(ую). Спрашиваю вас, братцы, — продолжал Острица, заметив размышление, — как назвать тех...» — «А чем назвать его?» — поговаривали многие вполголоса. — «Что ж есть хуже бабы или того, что он постыдился сказать, мы не знаем». — «Э, не к тому речь козак своротил, — произнесли в голос несколько парубков. — Что ж, разве мы должны позволить, чтоб всякая падаль топтала нас ногами». — «Глупы вы еще, невелик видно ус у вас, — продолжал Острица, при этом многие ухватились за усы и начали покручивать их как бы в <о>провержение сказанного им. — Слушайте, я расскажу вам одну присказку. Один школяр учился у одного дьяка. Тому школяру не далось слово Божье, верно он был придурков(ат), а может быть, и лень тому мешала. Дьяк его поколотил дубинкою раз, а после в другой. А там и в третий. “Крепко бьется проклятая дубина!” — сказал школ(яр), принес дурень секиру и изрубил ее в куски. “А постой же ты”, — сказал дьяк, да и вырубил дубину толщиной с оглоблю и так погладил ему бока, что и теперь еще болят. — Кто ж тут виноват? Дубина разве?» — «Тут виноват, виноват король».

Радуюсь, что наконец удалось успокоить народ и спасти <шл>яхтича, Острица выехал из местечка и пришпорил коня сильнее и услышал, что его нагоняет Пудько. Как-то тягостно ему было видеть возле себя другого. Множество скопившихся чувств нудило его к раздумью. Свежий тихий весенний воздух, нежно одевающиеся деревья всем располагали в такое состояние, когда всякой товарищ бывает скучен возле на вечно упоительной природе. И потому Острица выдумал предлог отослать вперед Пудька в хутор и ожидать его там. А сам, сказав, что ему еще нужно заехать к одному пану, повернул с дороги.

Этому распоряжению Пудько не слишком, кажется, был не доволен или, может, принял на себя только такой вид, потому что чрез это нимало не изменял любимой привычке своей говорить, вся разница, что вместо Острицы он все это пересказывал своему Гнедко... «О, это разумная голова. Ты еще не знаешь его, Гнедко. Он тогда еще, когда было поднялось все наше рыцарство на ляхов, он славную им дал перебойку, дали б и они ему перцу, когда бы не улизул на Запорожье... А правда, важно жид болтается на виселице. А пана

напрасно было затянули веревкою за шею. Правда, у него недостает одной клепки в голове, ну да что ж делать, он от короля поставлен. Может, ты еще спросишь, за что ж жиды повесили, ведь и он от короля поставлен. Гм, ведь ты дурень, Гнедко. Он на то враг Христов, нашего Бога святого». — При $\langle се \rangle_m \langle ? \rangle$ он ударил хлыстом своего скромного слушателя: убаюкиваем $\langle \text{ый} \rangle$ его рассказами $\langle конь \rangle$ развесил уши и начал ступать уже шагом. «Оно не так-то далеко и хутор, а все лучше раньше поспеть... хочется разговеться святою пасхою. Говори, мол, мне не пасхи, мне овса подавай. Потерпи немножко, у пана славный овес, и пашницы даст вволю, и сивухою попотчивают. Я давно хотел у тебя спросить, Гнедко, что лучше для коня, пшеница или овес? Молчишь? Ну и будешь же век молчать, потому что Бог повелел только человеку и да еще одной маленько $\langle \text{й} \rangle$ птишке...» При этом он опять хлестнул Гнедка, заметив, что он заслушался и стал выступать опять по-прежнему... Но вместо того, чтобы слушать рассуждения наших путешественников на седле и по $\langle д \rangle$ седлом, обратимся к Остринице, давно скакавшему по проселочной дороге.

⟨ГЛАВА⟩ II

Как только рыцарь потерял из вида своего сотоварища, тот же час остановил рысь коня своего и поехал шагом. Солнце показывало полдень. День был ясный, как душа младенца, изредка два или три небольших облак, повиснув, еще более увеличивали собою яркость небесной лазури. Лучи солнечные были осязательно живительны, ветру не было, но щеки чувствовали какое-то томное веяние свежести. Пти $\langle цы \rangle$ чиликали и перепархивали по недавно разрытым нивам, на которых стройно, как будто лес из зеленых игол, восходил молодой посев. Дорога входила в рытви $\langle ны \rangle$ и была с обеих сторон сжата крутыми глинистыми стенами. Без сомнения, очень давно была прорыта эта дорога в горе, потому что по обеим сторонам недо $\langle ст \rangle$ упного обрыва поросла орешником, на самой же горе подымались по обеим сторонам высокие, как стрела, как разящие копь $\langle я \rangle$, осокори, иногда перемежевывала их лоза вся в отпрысках. Иногда дуб толстый, которому сто лет, и весь он, убранный повиликой, плющом, величаво расширял вершину свою над не $\langle ю \rangle$ и казался еще выше от обросшего зеленью подмостка. Местами дикая яблоня протягивалась искривленными своими кудрявыми ветвями на противоположную сторону и образовала над головою свод и сыпала на голову путешественника сребророзовые цветы свои $\langle 1 \text{ нрзб.} \rangle$, между тем как из деревьев часто

выглядывал обрыв, весь в цветах и самых нежных первенцах весны. Уже дорога становилась шире, и наконец открылась равнина раздольная, [ограниченная] как рамами [окружен(ная)] синевш(ими) вдали горами и лесами, сквозь которые искра(ми) серебра блестела прерывист(ая) нить реки, и над нею стлались хутора. Здесь путешественник наш остановился, встал с коня и, как будто в усталости или в желании собраться с мыслями, стал поваживать рукою по лбу. Долго стоял он в таком положении, наконец, как бы решившись на что, сел на коня и, уже не останавливаясь более, поехал в ту сторону, где на косогоре синели сады и по мере приближения становились белее разбросанные хаты. Посреди хутора над прудом находил(ась) вся закрытая вишневыми и сливными деревьями светлица. Серая очеретяная ее крыша, местами поросшая [зеленью] и местами на которой ярко отливалась желтая свежая заплатка, с белою трубою, покрытою китайскою черною крышею, была очень хороша. В эту минуту солнце стало кидать лучи уже вечерние, и тогда нежной сребророзовый колер цветущих дерев становился пурпурным. Путешественник (слез) с коня и, держа его за повод, пошел пешком через плотину, стараясь идти как можно тише. Полощущие(ся) утки покрывали пруд, через плотину девчонка лет 7-ми гнала гусей. —

«Дома пан?» — спросил путеш(ественник). «Дома», — отвечала девчонка, разинув рот и став совершенно в онемелое(?) положение. «А пани?» — «И пани дома». — «А панночка?» — Это слово произнес путешественник как-то тише и с каким-то страхом. «И панночка дома».

— Умная девчонка! Я дам тебе пряник. А как сделаешь то, что я скажу, дам и другой, еще и золотый.

— Дай, — говорила простодушно девчонка, протягивая руку.

«Дам, только пойди наперед к панночке и скажи, чтоб она на минуту вышла, скаж(и), что одна баба старая дожидается ее, слышишь. Ну скажешь ли ты так?» — «Скажу». — «Как же ты скажешь ей?» — «Не знаю». Рыцарь засмеялся и повторил ей снова те самые слова и, наконец уверившись, что она совершенно поняла, отпустил ее вперед. А сам в ожидании сел под вербою. Не прошло несколько минут, как мелькнула меж дерев белая сорочка и девушка лет осьмнадцати стала спускаться к гребле. Шелковая плахта и кашемировая запаска туго обхватывали стан ее, так что все формы ее были как будто отлиты. Стройная роскошь совершенно нежных ног не была скрыта, широкие рукава, шитые красным шелком и все в мережках рукава спускались с плеча, и обнаженное плечо, слегка зарумянившее(ся), выка-

зывалось мило, как спеющее яблоко, тогда как на груди под сорочкою упруго трепетали молодые перси. Сходя на плотину, она подняла голову, и черные очи и брови мелькнули как молния. Это не была правильная совершенно голов(а), профиль лица совершенно не приближавши(йся) к греческому, ничего в ней не было законно прекрасного правильного, ни одна черта лица почти не соответствовала положенным правилам красоты. Но в этом своенравном, несколько смугловатом, словно огненном или живом лице что-то было такое, что вдруг поражало всякого. От взгляда ее холонуло на сердце, душа занималась, и дыханье отрывисто уходило.

— Откудова ты, человек добрый? — спросила она, увидев козака.

— А из Запорожья, панночка. Зашел сюда по просьбе одного пана, коли милости вашей известно, Острианицы?

Девушка вспыхнула. «А ты видел его?» — «Видел». — «Слушай, нет, говори по правде. Может быть, ты научен от злых людей или сам имеешь какой умысел? Ну скажи же еще раз, видел?» — «Видел». — «Забожись». — «Ей Богу!» — «Ну, теперь я верю, — повторила она, немного успокоивш(ись). — Где ж ты его видел, что, он не позабыл меня?» — «Тебя позабыть, моя Галочка, мое серденько, дорогой ты кристалл мой, голубочка моя. Разве хочется мне быть растоптану татарским конем...» Тут он схватил ее за руки и посадил подле себя. Удивление девушки так было велико, что она краснела и бледнела, не произнося ни одного слова. «Как ты сюда прискакал?» — говорила она шепотом. — «Тебя поймают, еще никто не позабыл про тебя. Ляхи еще не вышли из Украйны». — «Не бойсь, моя голубочка. Я не один, со мною соберется кой-кто из наших... Слушай, Прис(ка), любишь ли ты меня?»

«Люблю», — отвечала она и склонила к нему на грудь разгоревшееся лицо. «Когда любишь, слушай же, что я скажу тебе. Убежим отсюда. Мы поедem в Польшу к королю, он (1 нрзб.) даст мне землю, не то поедem куда, хоть в Галицию или хоть к султану, и он даст мне землю. Мы с тобою не разлучимся тогда ник(огда?) и заживем так же хорошо, еще лучше, чем тут на хуторах наших. Золота у меня немало, ходить есть в чем, суконь, эдамашек, чего захоти только». —

— Нет, нет, нет, козак, — говорила она, качая головою с грустным выраженьем в лице, — не поеду (с) тобою, пусть у тебя и золото, и сукни, и эдамашки. Хотя я тебя больше люблю, чем все сокровища, но не пойду. Как я оставлю престарелую бедную мать мою, кто приглядит за нею? Глядите, люди, скажет она, как бросила меня родная дочка моя. — Слезы покатались по ее щекам.

— Мы не надолго ее оставим, — говорил Острица. — Только год один пробудем на Перекопе или на Запорожье, а тогда я выхлоп(оч)у грамоту от короля и шляхетства и мы воротимся снова сюда. Тогда не скажет ничего и отец твой.

Прися качала головою все с то(ю) же грустью и слезами на глазах.

— Тогда мы оба станем присматривать за матерью. И у меня тоже есть старая мать, гораздо старше твоей. Но я не сижу с ней вместе. Придет время, женюсь — тогда и мать будет со мною.....

— Нет, нет. Ты не то, ты козак, тебе подавай коня, сбрую да степь, и больше ни о чем тебе не думать. Если б я была козаком, и я бы закурила люльку, села на коня и все мне (при этом она махнула грациозно рукой) трын-трава. Но что будешь делать, я козачка. У Бога не вымолишь, чтоб переменял долю... Еще бы я кинула, может быть, когда бы она была на руках у добрых людей, хоть даже одна, но ты знаешь, каков отец мой. Он прибьет ее, жизнь ее, бедненькой моей матери, будет горше полыни. Она и то говорит: видно скоро поставят надо мною крест, потому что мне все снится то что замуж выходит она, то что рядят ее в богатое платье, но все с черными пятнами.

— Может быть, тебе оттого так жаль своей матери, что ты не любишь меня, — говорил Острица, поворотив голову на сторону.

— Я не люблю тебя? Гляди, я как хмелинонька около дуба вьюсь к тебе, — говорила она, обвиняя его руками.

— Может быть, вместо меня какой-нибудь другой. С шпорами, с золотую кистью. Чего доброго, может быть и лях...

— Тарас, Тарас, пощади, помилуй. Мало я плакала по тебе? зачем ты укоряешь меня так, — сказа(ла) она, почти упав на колених и в слезах.

— О, ваш род таков, — продолжал все так же Остри(ца), — вы, когда захотите, подымете такой вой, как десять волчиц, и слез, когда захотите, напускаете вволю, хоть ведра подставляй, а как на деле.....

— Ну чего ж тебе хочется, скажи, что тебе нужно, чтоб я сделала?

— Едешь со мною или нет?

— Еду, еду...

— Ну вставай, полно плакать, встань, моя голубочка, Галочка, — говорил он, принимая ее на руки и обсыпая поцелуями. — Ты теперь моя! теперь я знаю, что тебя никто не отнимет. Не плачь, моя³, за это согласен я, чтобы ты осталась с матерью до тех пор, пока не пройдет наше горе. Что делает отец твой? отец твой?

³ Так в рукописи

— Он спал в саду под грушею, теперь, я слышу, ведут ему коня, верно он просну(лся). Прощай, советую тебе ехать скорее и лучше не попадайся ему теперь, он на тебя сердит. — При этом Ганна вскочила и побежала в светлицу... Острианица медленно садилась на коня и, выехавши, оборачивался несколько раз назад, как желая вспомнить, не позабыл ли он чего... И уже поздно, почти около полуночи, достигнул он своего хутора.

(ГЛАВА III)

Небо звездилось, но оде(я)ние ночи было так темно, что рыцарь едва мог только при(м)етить хаты, почти подъехав к самому хутору. В другое время путешественник наш верно бы досадовал на темноту, мешавшую взглянуть на знакомые хаты, сады, огороды, нивы, с которыми срослось его детство. Но теперь столько его занимали происшествия дня, что он не обращал внимания, не чувствовал, почти не заметил, (как) конь сам собою ускорил шаг, угадав родимое стойло, как заливавшиеся со всех сторон собаки прыгали перед лошадьёю его так высоко, что, казалось, хотели ее укусить за морду, и только одни приветливые ветки вишен, которые, перекидываясь через плетень, стеснявший узкую улицу, хлеставши его полу, заставляли его иногда братья рукою, но это движение было машинально. Тогда только, когда конь остановился под воротами, окошки низенькие решетчатые отворились. «Кто такой?» Так человек, которого будят, открывает на мгновение глаза и тотчас их смыкает. Он еще не разлучился со сном, неподвижною рукою берется он за платье, но это движение для того только, чтобы обмануть разбудившего его, будто он хочет вставать, а между тем он еще весь в бреду и во сне, щеки его горят, можно читать целый водопад сновидений, а утро дышит свежестью, и лучи солнца еще так жив(ительны) и прохладны, как горный ключ. Наконец ворота отворились. Острианица въехал в(о) двор, но к изумлению своему чуть не наехал на улан польских, спящих в их мундирах. Это выгнало все мечты из головы его. Он терялся в догад(ках), откуда взялись польские уланы. Неужели успели уже узнать о его при(быт(ии)). И кто бы мог открыть это. Если бы точно узнали, то как можно в так скором времени совершить эту экспедици(ю) и где же делись его запорожцы, которые должны были еще утром поспеть в его хутор. Все это повергло его в такое недоумение, что не знал, на что решиться, ехать ли опроретью назад или остаться и узнать причину такой странности. [Посреди] тех размышлений он был тронут

слегка тем самым, который отпер ему ворота. Первым его движением было схватиться за саблю, но увидевши, что это запорожец, он опустил руку. «Но пойдите, добродию, в светлицу, здесь не в обычае говорить, слишком многолюдно», — отвечал последний. В сенях вышла старая ключница, бывшая нянькою нашего героя, с каганцом в руках. Осмотревши с головы до ног вошедших, она начала ворчать: «Чего вас носит черт сюда, все только пугают меня. Я думала, что наш пан приехал. Чего вам нужно. Еще мало горелки выпили?» — «Дурна баба, рассмотри хороше(нько), ведь это пан ваш». Горпина снова начала осматривать с ног до головы, наконец в(ос)кликнула: «Да это ж ты, мой голубчик! Да это ж ты, моя мутусенька!.. Да это ж ты, мой сокол. Как же ты переменялся весь, как же ты загорел, как же ты оброс. Да у тебя, я думаю, и головка не мыта, и сорочки никто не дал переменить». Тут Горпина (за)рыдала навзрыд и подняла такой вой, что лай собак, который было начал стиха(ть), удвоился... — «Сумасшедшая баба, — говорил запорожец, отступивши и плюнувши ей почти в глаза. — Чего сдуру ты заревела. Народ весь разбудишь».

«Довольно, Горпина, — прервал Острица, — вот тебе, гляди на меня. Ну, насмотрелась?» — «Насмотрелась, моя матинко родная, как не наглядет(ь)ся. Еще когда ты маленьким был, носила я на руках тебя, и как вырастал, все не спускала глаз. Боже ты м(ой), а теперь вот опять вижу тебя. Охо, хо, хо», — и старуха принялась рыдать.

— Слушай, Горпина, — сказал Острица, приметив, что ключница для праздника наградила себя порядочной кружкой водки. — Лучше ты принеси закусить чего-нибудь и наперед подай св(ятой) пасхи, и потому, что я, грешной, целый день сегодня не ел ничего и даже не попроб(овал) пасхи.

— Да ты ж вот это и пасхи еще не отвеживал, бедная моя головонька, несчастная горемыка я на этом свете. Охо, хо, хо. — Тут потоки слез разрешившись хлынули целым водопадом и [Горпина], подперши щеку рукою, снова было готовилась завывать, если бы не увидела над собою замахнувшейся руки запорожца.

«Добродию, позволь кием угомонить проклятую бабу. Что это за соромны(й) народ! пришла ж охота Господу Богу породить эдакое племя. Или ему недосуг тогда было, иль Бог его знает, что ему тогда было». Острица вошел между тем в светлицу и, сбросивши с себя кобеняк, бросился на ковер, дорога, голод и встречи привели его в такую усталость, что он, разлегшись на нем в совершенной бесчувственности, не обращал ни на что глаз своих. И потому наше дело пред-

ставить описание светлицы, замечательной тем, что постройка ее принадлежала еще деду. Очень замечательная достопамятность в той стране, где древностей почти не было, где брани, вечные брани производили жестокое опустошение и обращали в руины все то, что успевало сделать трудолюбие и общежительность. Это была просторная, более продолговатая комната и вместе с тем низенькая, как обыкновенно строилось в прошлое время у нас. Ничто в ней не говорило о прочности, как будто, кажется, строитель был твердо уверен, что существование должно быть эфемерно. Но однако же с поправками, приделками ветхое строение простояло около 50 лет. Стены были очень тонки и вымазаны глиною и выбелены снаружи и внутри так ярко, что глаза едва могли выносить этот блеск. Пол в комнате был тоже вымаз(ан) глиною, но так был чисто выметен, что на нем можно было лечь, не опасаясь запылить платье. В углу комнаты у дверей находилась огромная печь и занимала почти четверть комнаты, сторона ее, обращенная к окнам, была покрыта белыми изразцами, на которых синею краскою были нарисованы подобию человеческого лицам с желтыми глазами и губами, другая сторона состояла из зеленых гладких изразцов. Окна были невели(ки), круглые матовые стекла, пропуская свет, не давали видеть ничего происходящего (на) дворе. На стене висел портрет деда Острианицы, воевавш(его) под(?) знаменем Батория. Он был изображен почти во весь рост, в кольчуге, с парюю заткнутых за пояс (пистолетов), нижняя часть ног до колен его не была только видна. Потемневшие краски едва позволяли видеть суровое, мужественное лицо, которому жалость и все мягкое, казалось, было совершенно неизвестно. Над дверьми висела тоже небольшая картина масляными красками, изображающая беззаботного запорожца с бочонком водки с надписью «Козак, душа правдивая, сорочки не мае», которую и доньне можно иногда встретить в Малороссии. Против дверей несколько икон, убранных калиною и ранними цветами, а под ними на длинной деревянной доске [несколь(ко)] нарисованных сцен из Священного Писания. Там был Авраам, прицеливающийся из пистолета в Исаака, св(ятой) Дамиан, сидящий на колу, и другие — под(обные). Подальше висели несколько турецких саблей, ружье и разной величины пистолеты, — и подвижной под образами стол, накрытый чистою скатертью, шитою по краям красным шелком и потемневшим сер(е)бром, два странного вида складные стула, в этом состояло убранство комнаты... — Острианица между тем теперь только заметил, что стол был уставлен деревянными блюдами с яйцами, маслом и бараниною. Первое его дело было приблизиться к столу и утолить голод, который теперь начал сильнее

докучать ему. В это время вошла старая ключница с св(ятоу) пасхой, с сметаной, сыром... «Вот тебе, паньчику мой, и пасха, вот тебе и сметанка. Куды ж как проголодалось бедная дитина, — хоть как не подавится, бедненько. А я-то думала. А я хлопотала... А я бегала, как бы ему, моему сердечному. А вот Господь сподобил, опять вижу тебя. Охо хо хо хо!» Горпина опять было хотела всплакнуть, и запорож(ец), которой начал было подремывать, сидя возле насыщавшего свой голод рыцаря, устремив на нее глаза, проговорил: «Ну, ну, ну! попробуй только зареветь...» —

Это остановило намерение Горпины. «Кушай, кушай, сынку мой, ешь на здоровье, ешь, я не мешаю тебе. Голубчик мой, мы с тобою только раз христосовались, похристосуемся, мое серденько... похристосуемся....»

— Еще и христо(со)ваться! — проговорил Пудько сквозь сон и (с)хватив вместо палки(?) баранью ногу. — Пошла, проклятая баба. —

«Ступай, Горпина, полно тебе, — про(го)ворил поднявшись Острианица. — А не то я, несмотря на то, что ты стара и что нянчила меня, сниму со стены вот этот батог, видишь ты этот батог». Горпина, которая привыкла бояться повелительного голоса своего(?) пана, немедленно повиновалась. «Ну, Пудько, где ж Тарас, что он делает, что я его не вижу». — «А что ж ему делать? Известно, что делает, спит где-нибудь». — «Ну так пойдем же и мы спать, только не в душной хате, а на вольной земле под небом». Запорожец натя(н)ул на себя кобеняк и вышел вслед за Острианицею из светлицы, которой чуть было не упал, зацепившись за что-то лежавшее у порогу. По голосу, которо(й) подало завернувшееся в кожух туловище, Острианица узнал Курника, но заметно было, что он хватил не меньше других, потому что в его словах была странная противоположность тому, что он еще говорил вечером. Даже самый образ выражения был не тот, множество слов вмешивалось таких, которых странно и смешно было от него слышать. Заметно было, что на него много сделали влияния запорожцы. «Эх, славная конница у запорожцев. Торо, торо, торо, торо, гоп, гоп, гоп... Эх, славная конница у запорожцев. Торо, торо, гоп, гоп, гоп, слав(на)я конница! Послушай, любезной, скажи мне, какая у тебя конница. У меня конница запорожская. Откуда ты, мужик, зачем ты пришел. Не скажу, у меня конница запорожская! Торо, торо, торо, хоп, гоп, гоп», — и тому подобное. Острианица попробовал было подойти к атаману, которого указал ему Пудько и которой лежал, подмостивши себе под голову бочонок, но услышал от него одни со-

вершенно бессвязные слова, из чего он заключил, что все гуляли как следует, и решил оставить их в покое и присоединиться к другим, которых храпение составило самую фантастическую музыку. Скоро все заснуло.

ГЛАВА IV

Однако ж Острица долго не мог заснуть, напрасно переворачивался он с боку на бок и пробовал все положения, сон убегал его, а думы незванные приходили и силою ложились в его мозг. Итак его приезд понапрасну, столько приуготовлений, столько забот, все по-пустому. Она не хочет ехать с ним. Так вот это та любовь, та горячая, та безграничная любовь. Ей жаль матери, для матери готова она забыть свою любовь. Способна ли она для страсти, когда может еще думать при ней об другом, об отце или матери. Нет, нет, где любовь настоящая, такая как следует, нет ни брата, ни отца. «Нет, я хочу, — говорил он, разбрасывая руками, — чтоб она или меня одного, или никого не любила. Целуй, прижимай меня, пусть жар дыханья твоего пахнет мне на щеки, дрожащие груди твои прижмутся к моим грудям. И еще при этом думать об другом!.. О! как чудно! как странно создана женщина. Нас приводит она в бешенство, весь горишь, весь пламень в сердце, душно, тоска, а им... а сама она, может, и не знает, что творит в нас. Она с(е)бе так, как ни в чем не бывало, глядит беспечно и не знает, что за муку произвела». Между тем луна, плывшая среди необозримого синего роскошного неба, и свежий воздух весенней ночи на время успокоили его мысли. Они излились в длинном монологе, из которого, может быть, узнают сколько-нибудь о жизни героя. «И как же ей в самом деле оставить бедную мать, которая когда-то ее лелеяла и которую теперь она лелеет, для которой нет ничего и не будет уже ничего в мире, когда не будет [с нею дочери]. Она одна для нее радость, пища, жизнь, защита от отца. Нет, права она. Странная судьба моя. Отца я не видал, его убили на войне, когда меня на свете еще не было. Мать утонула. Я видел только посинелый и разрезанный труп. Она, говорят, утонула. Ее вытянули мертвую и из утробы ее вырезали меня, бесчувственного, неживого. Как мне спасли жизнь, сам не знаю. Кто спас, зачем спас, лучше б пропал не живши. Чужие пригрели. Еще мал и глуп, я уже наездничал с запорожцами. Дальше опять случай, меня полонили татары. Не годится жить меж ними христианину, пить кобылье молоко, есть конину. Однако ж я был весел душой, ну вырвусь же ко-

гда-нибудь на волю. И вот приехал я на родину сирота сиротою. Не встретил никого знакомого. Хоть бы собака была такая, которая знала меня в детстве. Никого, никого. Однако ж (хоть) грустная, а все-таки радость была, и печально и радостно. — Больно было глядеть, как измывался католик православному народу, и вместе весело. Подожди, ляше, увидишь, как растопчет тебя вольный как степи народ. Что же? вот тебе и похвалился! увидел хорошую дивчину и все позабыл, все к черту. Ох, очи, черные очи, захотел Бог погубить людей за беззаконья и послал вас. Собиралось компанейство отмстить за ругательств(во) над Христовой верой и за бесчестье народу. Я ни об чем не думал, меня почти силою уже заставили схватиться за саблю. В недобрый час затеялась эта битва. Что-то делают теперь в полону (1 нрзб.) гетман наш и полковники. Грех лежит на мне. Еще бы можно было поправить, вражью потерю верно б была сильнее, когда бы ударил из (за)сады я. Бежит все Запорожье, увидав, что и Галькин отец держит вражью сторону. А все вы, черные брови, вы всему виною. И вот я снова приехал сюда с ватагою товарищей, но не правая месть и не жажда искупить себе славу силой и кровью завела меня. Все вы, все вы, черные брови. Дивно диво любовь? ни об чем не дума(ешь), ничего на свете не хочешь, только сидеть бы возле ней, оставивши на нее очи, прижавши ее ближе к себе, так, чтобы пылающая щека коснулась щеки, и все бы глядеть. Боже, как хороша она была сегодня. Вот она глядит на меня. Серденько мое, Галя, Галюночка, Галочка, Галюня, душа моя, краса(вища?) моя, что-то теперь делаешь ты, верно не спишь и думаешь обо мне. Нет, не могу, не в силах оставить тебя, не оставлю ни за что... Как же придумать, голова моя горит, и не знаю, что делать. Поеду к коро(лю), упрошу Ивана Острицу, он добудет мне грамоту и королевское прощение, и тогда, тогда, Бог знает, что тогда будет, только все лучше, я буду близ нее жить...» Так раздумывал и почти разговаривал сам с собою Острица. Уже он обним(ал) в мыслях свою жизнь и Галю вместе... уже воображал себя с нею в одной светлице, они хозяйничали в этом семейном рае. Но настоящее опять вторглось в это обворожительное будущее, и герой наш в досаде снова разбрасывал руками, кобенья слетел с плеч его. Его терзала мысль, каким образом объявить запорожскому атаману, что теперь уже он оставляет свое предприятие и, стало быть, помощь его больше не нужна.

Как только проснулся Острица, то увидел весь двор наполненный народом, усы, (1 нрзб.), женские парчовые кораблики, белые намитки, синие кунтуши, одним словом, двор представлял игрушечную лавку или блюдо винегрета или, еще лучше, пестрый турецкий платок. Со всею этою кучей народа должен был перецеловаться и принять необозримое множество яиц, подносимых в шапках, в платках, уток, гусей и прочего, обыкновенную дань, которую подносили поселяне своему господину, который с своей стороны должен был отблагодарить угощением. Подносимое приняли, и сначала яйца, будучи сложены в кучу, казались пирамидою ядер, выставленных на крепости, против этого выкатили по повелению пана две страшные бочки. Хозяин пригласил за стол всех гостей и хуторянцев. Сделав самое страшное выражение и поглаживая усы, толпа нетерпеливо ждала вступить в бой с этим драгоценным неприятелем.

И между тем как одна толпа бросилась на столы, трещавшие под баранами, жареными поросятами, сыром и салом, а другая к пустившей хмельной водопад бочке, Остра(ница) пошел искать атамана, которого наконец нашел. — Крепко держа в руке плеть, он хлестал ею одного из подчиненных своих, который стоял неподвижно, только почесываясь, и сколько мог удерживал стенания. При каждом ударе атаман приговаривал таким дружеским образом, что если бы у него не было в руках плети, то можно подумать, что он ласкает родного сына: «Вот это тебе, голубчик, за то, чтоб ты знал, как почитать старших. Вот тебе, любезный, еще на придачу. А вот еще один прими. Вот тебе до пары. Да, голубчик, не делай так. А вот это как тебе кажется? А этот вкусен, признайся, вкусен. Когда до вкуса, так вот еще. Что за славная плеть! Чудная плеть! что, как вот это? Нашлись же такие искусники, что так хитро сплели. Что танцуешь? тебе видно весело, то-то я знал, что будет весело. Я затем тебя и благословляю так...» Тут атаман, увидев, что молодой преступник, несмотря на все старания устоять на месте, готов был закричать, остановился. «Ну теперь подойди да поклонись же. Да ниже поклонись!» Принявший удары с опущенными глазами, из которых разом полились слезы, приблизился и отвесил поклон в ноги. «Говори, любезный: благодарю, атаман, за науку». — «Благодарю, атаман, за науку». — «Теперь ступай! Гайда! задай перцю баранам и сивухе».

«Христос воскрес, атаман, мы с тобой еще не христосовались». — «Воистину воскрес», — отвечал атаман. «Нет ли у тебя в запасе

губки, охота берет люльку затынуть». При этом вложил в зубы вытяну(тую) из кармана трубку.

«Как не быть. Что за козак, когда мизерия не имеется». — «Я хотел тебе сказать дело», — примолвил Острица с некоторою робостью.

— Гм, — отвечал атаман, вырубивая огонь. —

— Мое дело не кроится!

— Не кроится! — примолвил он, раскуривая трубку. — Погано!

— Вряд ли нам что-нибудь достанется здесь.

— Не достанется — погано!

— Придется нам возвратиться ни с чем.

— Гм...

— Что ж ты скажешь? — спросил Острица, удивленный таким неудовлетворительным ответом.

— Когда воротиться, — отвечал запорожец сплевывая, — так и воротиться. —

Острицу ободрило такое равнодушие. «Только я не пойду с вами. Я поеду на время в Варшаву».

— Гм... — отвечал атаман.

— Ты может быть сердит, извини, что я так обманул и подвел вас. Божусь, что я сам обманут. — При этом слове грянула музыка и вместе с ней грянуло топанье танцующих. Атаман с трубкою в зубах ринулся в кучу танцующих, кулаками очистил около себя круг и пустился выбивать ногами и навприсядку.

(ГЛАВА VI)

«Что он себе думает, этот дурень Острица, — говорил старый Куз(убия). — Щенок! Еще и родниться задумал за мною. Поганый нечестивец, поди к матери своей, чтоб доносила тебя наперед. И достало духу у него сказать это. Дурень, дурень! — говорил он, дергая рукою, как будто драл кого-нибудь за волоса. — Молод козак, ус еще не прошибся. — Старый Кузубия не мог вынести, когда видел, что младший равняет(ся) с старшим. — Знать должен, что кто задумал мстить, то от того не жди милости. Скорее солнце посинеет, вместо дождя посыплются раки с неба, чем я позабуду прошлое. Пропаду, но не забуду. Не хочу! Не хочу! Жинка! Жинка!» Этим восклицанием обыкновенно окончивал он свою речь, когда бывал сердит, и Боже сохрани жинке не явиться тот же час. На эту речь, едва передвигая ноги, пришло или, лучше сказать, приползло иссохнувшее, едва жи-

вущее существо... Вид ее не вдруг проник, нужно было вглядеться в этот несчастной остаток человека, в это олицетворенное страдание, чтобы ощутить в душе неизъяснимо тоскливое чувство. Представьте себе длинное, все в морщинах, почти бесчувственное лицо. Глаза черные некогда как уголь, огонь, буря, ныне почти неподвижные, губы какого-то мертвого цвета, но однако ж они были когда-то свежи, как румянец на спеющем яблоке. И кто бы подумал, что эти слившиеся в сухие руины щеки были некогда чертовски очаровательны, что движение этих некогда гордых и величественных бровей дарило счастье необитаемое на земли, и все прошло, прошло, перегорело и обратилось наконец в бесчувстве(нное) терпение и безграничное повиновение.

〈МНЕ НУЖНО ВИДЕТЬ ПОЛКОВНИКА〉

〈1〉

— Мне нужно видеть полковника. Я к нему имею дело, — говорил почти отрок 17 лет.

— Тебе полковника.... — произнес с расстановкою сторожевой козак перед большою ставкою, рассматривая и переминая на своей ладоне с какой-то недоверчивостью грубо искрошенный табак — это странное растение, которое с такою изумительною быстротой разнесла во все концы мира вновь открытая часть света. Трубка давно у него была в зубах. — На что тебе полко〈вник〉? — При этом взглянул на просителя. Это был почти отрок, готовящийся быть юношею, лет 16, с уже мужественными чертами лица, воспитанного солнцем, здоровым воздухом... в полотняном крашеном кунтуше и шароварах. — С тобою не станет говорить полковник, — промолвил, поглядев на него почти презрительно и 〈1 нрзб.〉 закинув назад свой алый рукав с золотым шнурком.

— Отчего же он не станет со мною говорить?

— Кто ж с тобою станет говорить, ты еще недавно молоко сосал. Если б у тебя был хоть суконный кундтуш да пищаль, тогда бы конечно можно. Ведь ты верно попович или школяр. Знаешь ли ты этот инструмент? — примолвил с видом самодовольной гордости, указав на трубку.

— Да думаешь.... — Но молодой воин остановился, увидевши, что козак вдруг онемел, потупил глаза в землю и снял шапку, до того заломленную набекрень. Двое пожилых мужчин, один в коротком плаще, с поясом, простеганным золотом, с узорно вычеканенными пистолетами, другой в шитом кафтане, с серебряною привесною к поясу чернильницею, прошагали мимо него и вошли в ставку. Дрожа и бледнея, шмыгнул за ними молодой человек и вошел в хату.

Молодой человек ударил поклон в самую землю от страха, увидевши, как вошедшие перед ним богатые кафтаны поклонились в

пояс и почтительно потупили глаза в землю с тем безгранич(ным) повиновением, которое так странно вмещалось вместе с необузданно(стью), чем особенно славились козацкие войска. Прямо на разостланном ковре сидел полковн(ик). Ему, казалось, на вид было лет 50. Волоса у него стали седеть, сизые усы величаво опускались вниз. Длинный синий рубец на щеке и лбу тянулся по его почти бронзовому лицу. Кажется, нельзя было отыскать никакой резкой характерной черты, на простом (лице) выражалось спокойствие, уверенность коза(ка). Глядя на него, можно было тотчас угадать, что у него рука железная и мощно может управлять уздою. На нем были широкие, синие с серебром шаровары. Верхнее платье небрежно валялось на полу. Несколько пистолетов и ружей стояли и висели по углам ставки, уздечки, в углу куль соломы. Полковник сам своею рукой чинил свои седла, когда вошли к нему писарь и эсаул.

— Здравствуйте, панове, мои верные, мои добрые товарищи. Вот вам приказ не пускать далеко на попас, потому что татарва теперь рыскает по степям. Идти как можно подольше, и выбирайте траву повыше и шапки даже не снимайте. Да чтоб козаки не стреляли по дорогам дрохв и гусей, потому что и порох избывят даром, да что за мясоед такой козаку? Сухари та вода то козацкая еда. А вы, мой любый кум и мой любезный приятель, — при этом он оборотился к писарю, — сделайте сей же час переключку и запишите всех, кто налицо. Да смотрите оба, что(бы) все было как следует. А то я вам скажу, вчера я видел, как козак кланялся что(-то) слишком часто (на) коне. Я хотел было поучить его, да жаль было заряда, у меня пистоль был заряжен хорошим порохом.

⟨2⟩

— Мне нужно к полковнику. Я хочу видеть самого полковника!

— Тебе полковника.... — говорил полунасмешливым и полупрезрительным тоном сторожевой козак, потряхивая откидными руками алого цвета с золотым шнурком и поглядевши пристально на просителя, почти отрока, в темном длинном кунтуше. — Подожди немножко.

— Мне наскучило ждать, я устал и очень долго ожидаю.

— Подожди немножко.

— Да до коих пор ждать мне?

— А вот пока подрастешь, — отвечал хладнокровно козак, готовя и прочищая свою трубку.

— Дядюшка ты мой, батька, мать моя родная, пусти к полковнику.

— Какого тебе дьявола нужно. Пан полковник не станет говорить с такими, как ты.

— Не будет говорить, так прогонит, пусти только меня.

— Нельзя. Пан полковник теперь спит.

— Лжет он. Я не сплю, — послышался голос из ставки. Козак привстал. Молодой проситель вздрогнул, бледность вдруг осенила его лицо, и сердце начало так сильно биться, что другому можно было слышать его.

— Ну, ступай, иди, чего ж стал.

Но обеспамятевший насилу мог собраться с духом. В это время пошли в ставку эсаул и полковой писарь. Обрадовавшись этому случ(аю), он скрепился и пошел вслед за ними. —

СТРАШНАЯ РУКА

ПОВЕСТЬ ИЗ КНИГИ ПОД НАЗВАНИЕМ:
ЛУННЫЙ СВЕТ В РАЗБИТОМ ОКОШКЕ ЧЕРДАКА
НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ В 16^й ЛИНИИ

Было далеко за полночь. Один фонарь только озарял неровно улицу и бросал какой-то страшный блеск на каменные дома и остав(лял) в мраке деревян(ные).

〈ФОНАРЬ УМИРАЛ〉

Фонарь умирал на одной из дальних линий Васильевского Острова, одни только белые каменные дома кое-где вызначивались, деревянные чернели и сливались с густою массою мрака, тяготевшего над ними. Как страшно, когда каменный тротуар прерывается деревянным, когда деревянный даже пропадает, когда все чувствует 12 часов, когда отдаленный будошник спит, когда кошки, бессмысленные кошки одни спевываются и бодрствуют, но человек знает, что они не дадут сигнал(а) и не поймут его несчастья, если внезапно будет атакован мошенника(ми), выскочившими из этого темного переулка, который распротер к нему свои мрач(ые) объят(ья). Но проходивший в это время пешеход ничего подобного не имел в мыслях. Он был не из обыкновенны(х) в Петербурге пешеходо(в). Он был не чиновник, не русская борода, не офицер и не немецкий ремеслен(ник). Существо вне гражданства столицы. Это был приехавший из Дерпта студент на факул(ь)теты, готовый на все должности, но еще покамест ничего кроме студент, занявший пол-угла в Мещанской у сапожника-немца. Но обо всем этом после. Студент, который в этом чинном городе был тише воды, без шпаги и рапиры, закутавшись шинелью, пробирался под домами, отбрасывая от себя саму(ю) огромную тень, головою терявшу(ю)ся во мраке. Все, казалось, умерло, нигде огня. Ставни были закрыты. Наконец подходя к большому проспекту, особенно остановил внимание н(а) одном доме. Тонкая щель в ставне, светившаяся огненною чертою, невольно привлекала(?) и заманила загляну(ть). Прильнув к ставне и приставив глаз к тому месту, где щель была пошире, и задумался. Лампа блистала в голубой комнате. Вся она была завалена разбросанными штукаами материй. Газ почти невидимы(й), бесцветный воздушно висел на ручках кресел и тонкими струями, как льющййся водопад, падал на пол. Палевые цветы на белой шелковой блиставшей блеском серебра материи светились из-под газа. Около дюжины шалей, легких и мягких, как пухов(ые), с цветами совершенно живыми, смятые, были брошены на полу.

Кушаки, золотые цепи висели на взбитых до потолка облаках бати-ста. Но более всего занимала студента стоявшая в углу комнаты стройная(?) женская фигура, все для студента, в чудесно очаровательном, в ослепительно божественном платье, в самом прекраснейшем белом. Как дышит это платье. Сколько поэ(э)ии для студента в женском платье. Но белый цвет, с ним нет сравнения. Женщина выше женщины в белом. Она царица, видение, что похоже на самую гармоническую мечту. Женщина чувствует это и потому в важные(?) минуты преобразается в белую. Какие искры пролетают по жилам, когда блеснет среди мрака белое платье. Я говорю, среди мрака, потому что все тогда кажется мраком, все чувства переселяются тогда в запах, несущийся от него, и в едва слышимый, но музыкальный шум, производимый им. Это самое высшее и самое сладострастнейшее сладострастие. И потому студент наш, которого всякая горничная девушка на улице кидала в озноб, который не знал прибрать имени женщине, пожирал глазами чудесное видение, которое, стоявши с наклоненною на сторону головою, охваченною досадною тенью, наконец поворотило прямо против него ослепительную белизну лица и шеи с китайскою прическою. Глаза, неизъяснимые глаза, с бездною души под капризно и обворожительно поднятым бархатом бровей, были невыносимы для студента. Он задрожал и тогда только увидел другую фигуру, в черном фраке, с самым странным профилем. Лицо, в котором нельзя было заметить ни одного угла, но вместе с сим оно не (о)значалось легкими округленными чертами. Лоб не опускался прямо к носу, но был совершенно покат, как ледяная гора для катанья. Нос был продолжение его, велик и туп. Губа только верхняя выдвинулась далее, подбородка совсем не было, от носа шла диагональная линия до самой шеи. Это был треуголь(ни)к, верши(на) которого находилась в носе. Лица, которые более всего выражают глупость.

〈ДОЖДЬ БЫЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ〉

Дождь был продолжительный, сырой, когда я вышел на улицу. Серодымное небо предвещало его надолго. Ни одной полосы света, ни в одном месте нигде не разрывалось им(?) серое покрывало. Движущаяся сеть дождя задернула почти соверш(ен)но все, что прежде видел глаз, непроницаемым полотном, и только ближние дома показывались(?) будто сквозь тонки(й) газ. Тускло мельк(а)ла вывеска над (вы)веской. Еще тусклее над ними балкон, выше его еще этаж, наконец крыша готова была потеряться в дождевом и только мокрый блеск ее отлич(ал) ее немного от воздуха, вода урчала с труб. На тротуарах лужи. Черт возьми, люблю я это время. Ни одного зеваки на улице. Теперь не найдешь ни одного из тех господ, которые останавливаются для того, что(бы) посмотреть на сапоги ваши, на штаны, на фрак или на шляпу, и потом разинувши рот поворачиваются несколько раз назад для того, чтобы осмотреть задний фасад ваш. Теперь раздолье мне закут(ываться) крепче в свой плащ. Как удирает этот любезный молодой (человек) с личиком, которое можно упрятать в дамский ридик(юль), напрасно, не спасет новенького сюртука, красу и загляденье Невского проспекта. Крепче его, крепче, дождик, пусть он вбежит как мокрая крыса домой. А вот и суровая дама бежит в своих пе(с)стрых тряпках, поднявши платье далее чего нельзя поднять, не нарушив последней благопристойности. Куда девался характер, и не ворчит видя, как чиновная крыса в вицмундире с крестиком запустил свои зеленые, как его воротничок, глаза и наслаждается видом полных, при каждом шаге трепещущих почти как бламанже выпуклостей ноги. О, это таковской народ... Они большие бестии, эти чиновники, ловить рыбу в мутной воде, в дождь, снег, ведро всегда эта амфибия на улице. Его воротник, как хамелеон, меняет свой цвет каждую минуту от температуры, но он сам неизменен, как его канцелярский поряд(ок). Навстречу русская борода, купец в синем немецкой работы сюртуке с талией на спине или, лучше, на шее. С какую купеческою ловкостью держит он зонтик над своею полови-

ною. Как тяжело пыхтит эта масса мяса, обернутая в капот и чепчик. Ее скорее можно причислить к моллюскам, нежели к позвоночным животным. Сильнее, дождик, ради Бога, сильнее кропи и сюртук немецкого покрою, и жирное мясо этой обитательни(цы) пуховиков и подушек. Боже, какую адскую струю они оставили после себя в воздухе из капусты и луку. Кропи их, дождь, за все, за наглое бесстыдство плутовской бороды, за жадность к деньгам, за бороду, полную насекомых, за сыромятную жизнь сожительницы... Но какой вздор, их не проймет оплеуха квартального надзирателя, что же может сделать дождь. Но как бы то ни было, только такого дождя давно не было. Он увеличился, переменял косвенное свое направление, сде(лал)ся прямой, (с) шумом хлынул в крыши, мостовую, как [бы] желая вдавить еще ниже этот болотный город. Окна в кондитерских захлопнулись. Голова с усами и трубкою, долее всех глазевшая, спряталась. Даже серый рыцарь с алебардою и завя(зан)ною щекою убежал в будку.

⟨РУДОКОПОВ⟩

Я знал одного чрезвычайно замечательного человека. Фамилия его была Рудокопов и действительно отвечала его занятиям, потому что, казалось, к чему ни притрогивался он, все то обращалось в деньги. Я его еще помню, когда он имел только 20 душ крестьян да сотню десятин земли и ничего больше, когда он еще принадлежал

⟨НА БЕСЧИСЛЕННЫХ ТЫСЯЧАХ МОГИЛ⟩

На бесчисленных тысячах могил возвышается как феникс великий 19 век. Сколько отшумело и пронеслось до него огромных великих происшеств⟨ий⟩. Сколько совершилось огромных дел. Сколько разнохарактерных народов мелькнуло и невозвратно стерлось с лица. Сколько разных образов, явлений, разностихийных политических обществ, форм пересуществовало. Сколько сект и неразрушимых мнений де⟨с⟩потически одна за другой обнимало мир, рушились с своих пьедест⟨ал⟩ов⟨?⟩ целые велик⟨ие⟩ народы. Сколько бесчисленных революций раскинуло по прошедшем⟨?⟩ их⟨?⟩ разнохарактерные следствия. — Какую бездну опыта должен приобрести 19 век.

〈ОТРЫВОК ДЕТСКОЙ КНИГИ ПО ГЕОГРАФИИ〉

«Что это за зима! Как уж она нам надоела, эта зима! Всё снег да снег, куды как весело, не выходи из дому, не закутавшись наперед в шубу. Скучно в окно взглянуть, все одно да одно, ни травки, ничего... только мужик с дровами проедет на рынок. Право, даже смотреть жалко, как он, бедняжка, дрожит от холоду и хлопает руками. То ли дело лето. Ах, Соничка, Соничка, помнишь, как нам весело было прошлого года на даче. Когда были маминькины именины и мы все обедали в саду и катались по реке. Я бы с утра до вечера играла все в саду. Как я люблю темно-зеленые деревья! Как они растут высоко-высоко, не правда ли, сестрица Соничка, ведь они достают до самого неба? Как все тепло тогда, как весело, как хорошо, зачем не приходит так долго это веселое лето». — Но знаете ли вы, мои маленькие друзья, что есть такая земля, где круглый год почти лето, а осени и зимы, которой вы так не любите, и духу 〈не〉 слышно. И в той земле апельсинов, лимонов, ананасов, за которые мы платим так дорого, такое множество, что уж и не собирает никто. Там растут лавры, смоковницы, фиговое дерево, пальма. Как там должно быть весело! как хорошо!

§ 1

Не совсем весело. Там живут звери самые большие, самые страшные и самые лютые. Там живут люди, которые ничем не лучше зверей, и если бы показался кто-нибудь из нас, то они, может быть, съе(ли) бы, как едят сырое мясо. Они 〈не у〉меют ни шить себе платья, ни читать, ни учиться. А лица у них такие черные, как 〈у〉 трубочистов, и безобразные, как у обезьян.

§ 3

Есть еще такие места на земле нашей: холод вечный, зима круглый год, и так скучно в тех местах, так уныло — как будто ничего нет живого там, ни травки, ни деревца, только недели на две зазеленеет

мох на земле и после опять все снег, все снег... люди такие маленькие, такие бедные, ходят всё в шубах и никогда не скидают их. Только и дела, что ловят рыбу да оленей, которые одни только и живут там. Снега так там <м>ного, и пройти нельзя в башмаках или сапогах, потому что тотчас можно провалиться, и бедные люди тамошние, чтобы помочь этому, приделывают под сапоги себе маленькие саночки, которые называют *лыжами* и на которых они гоняются за зверями. Хотите ли вы знать, что это за люди? Это камчадалы, эскимосы, самоеды, чукчи. А¹

* Так в рукописи

Варианты

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА

Варианты ЧА Ск

С. 9

- ¹ Скульптура, живопись и музыка / *В рукописи нет*
- 2–6 Благодарность ~ за здоровье скульптуры / а. [Пре(красная?)] Впереди стройная [обнаженна(я)] исполненная неги Скульптура (*вписано на л. 23 под наброском «Страшная рука»; не зачеркнуто*); б. Как прекрасные сестры, без которых бы мир был пустыня. Эти три полные до краев кубка. И первый кубок за здоровье скульп(туры). Благодарность Великому Творцу⁰ (*вписано и зачеркнуто в верхней части л. 23; совпадающий с печатным вариант вписан на л. 22 об. — левой чистой стороне разворота, на правой стороне которого начата статья*)
- ² за благодать и сострадание к людям / а. за его Благодать к; б. за Благодать и милость к нашему миру⁰
- ⁴ он бы был / он был⁰
- ⁴ и без пения катился бы / а. Он бы катился; б. и без пения катился в⁰
- ⁷ оставшийся след того народа / [призрак того ясного грече(ского?)] след того народа *Над строкой вписано: оставшийся признак народа*
- ⁸ духом и жизнью / духом жизни
- ⁹ ясный призрак того светлого / ясный¹ призрак того ясного
- ¹⁰ скрылся уже туманом / скрыт уже туманом в [своей] отдаленной перспективе
- ¹¹ одна только / еще одна только
- 11–12 виноградными гроздьями и масляными лозами / гроздьями и виноградными лозами *Над строкой вписано: масляными ветв(ями)*
- 13–14 мир, несущийся ~ в порыве вакхических движений / где религия за-
кля(чилась) *Над строкой вписано и зачеркнуто: где звучит тимпан В нижней части листа вписано: где [звучит тимпан и]² стройная пляска [где звучит] при звуке тимпана и [сверкают снеж(ные)] и при в порыве Вакхических движений, обнажающих [алебастровые плечи] ослепительные руки и плечи. Мир языческий*
- 14–15 проникло всюду / проникло везде
- ¹⁶ кипящую живым своенравным / кипящую [тол(пой)] живым ве-
сельем в⁰
- ¹⁷ украшающий / увивающий *Над строкой вписано: обним(ающий)*

¹ ясный *вписано*

² *Над строкой вписано: несущийся в*

- 17 чашу пиршества / чашу [празд(нества²)] пиршества на котором пре-
 18 краснейшим воображением человека [изобр(ажена)] из пены волн⁰
 18 грациозной мифологии / а. прекраснейшего вымы(сла; б. из наглядной
 мифологи(и)
 18 где из пены волн / где прекрасней(шая)⁰
 19 богиня красоты / образ красоты
 20 и белый / и белый, как она сама⁰
 21 где вся религия / а. Как в тексте; б. где религия
 22–23 этот мир ~ ничто кроме ее / а. Никто; б. Ничто
 23–24 выразить его светлое существование / выразить этот полный светлый³
 мир как [белая] Скульптура
 25 негой и сладострастием / а. и сладострастьем; б. негой и сладостра-
 стьем
 25–26 она сохранила ~ красоту человека / И потому в скульптуре одно глав-
 ное свойство, одна мысль красота, гордая красота человека
 26–27 В каком бы ни было пылу страсти / В какой бы ни было страсти
 27 но всегда / везде
 28 является ~ становится / прекрасен, горд и невольно остановит
 29 свободным своим / вольным⁰
 30 с ее страдающими группами / с страданием груп(п)
 31 вопль сердца / вопль своего сердца⁰
 31–32 но, можно сказать ~ их страданием / но наслаждаешься их страдани(ем)
 32 чувство ~ пересиливает / чувство красоты [пере(силивает)] телесной
 пересиливает

C. 10

- 1 Она никогда не выражала / [Скуль(птура)] Прекрасная Скульптура
 никогда не выражала и не могла выразить
 2 она создавала / Она [мгн(овенно)] [быстро] выражает одни
 2–4 свирепый гнев ~ саму в себя / один только гнев, один только порыв-
 ный, мгновенный вопль страдан(ия) и ужас, только ужас или красоту,
 погруженную в саму себя
 4–5 Она обращает / обра(щает)⁰
 5 зрителя / всего зрителя
 6 и самодовольство / и самодовольст(в)ие
 7 В ней нет / а. Но нельзя чу(вства²); б. На ней нет
 7–8 влекут за собою / влекут
 9 потрясений и переворотов / потрясений, кризисов и переворотов
 10–11 глянувшая в зеркало, усмехнувшаяся видя свое изображение / вдруг
 глянувшая в зеркало и увидевшая в нем свое чудесн(ое) изображение
 [и по(том²)] усмехнувшая(ся)
 11 влача с торжеством / и [влекущая гордо за собой и] с торжеством
 влекущая
 12 гордых юношей / юношей гордых, суровых, но не в силах противить-
 ся ее божественной красоте. Прекрасная, языческая
 13 служит олтарем / [зи(ждет²)] возведена алтарем
 14 вместе с языческим / вместе с эт(им)⁰
 15–16 хотели изобразить ею высокие явления христианства / а. хотели
 выражать²) ею; б. хотели изобразить ею и мир Христианский
 17 возвышенные, стремительные мысли / мысли⁰
 20 две сестры ее / две мл(адшие)⁰
 20–21 христианство воздвигнуло из ничтожества / [возд(вигнуло)] Христи-
 анство воздвигнуло из низкой доли

³ Над строкой вписано: горд(ый)

- 21–22 Его порывом они развилась и исторгнулись / Его сильным порывом они раздвинулись [и] развилась и [вы(шли)?] исторгнулись мимо(?)
- 23–24 Мне жаль ~ да здравствует живопись / И последний поцелуй тебе, <1 нрзб.> скульптура [Я пью], выше кубок, и второй кубок в честь живописи. Она небесн(о)⁴ прекрасна, она вдохновенно чиста (вписано на л. 22 об.)
- 24–27 Возвышенная ~ ты прекрасна! / Но я лучше люблю е(е) блистательную сестру ее. Она живее, она больше говорит нам, она прекрасна, [богата] как богатая осень в ярком убранстве (вписано в верхней части л. 24)
- 27–39 Никогда скульптура ~ взор ее / Яркая цветистая живопись⁵ знакомее нам сестры своей краткой пластической⁶ скульптуры, которой мы не в силах так понимать, как пон(имали) ее жители древнего мира. Живопись, создание [веков Христианс(ких)] [нового мира] многостороннего нового мира, обширнее распространила свою область
- 40 не схватывает ~ мгновения, какое / [не мгн(овение)] уже схватывает не [м(г)но(вение)] только то быстрое мгновение, которое
- 41 она длит / Она [дл(ит)] продолжает

С. 10–12

41–1 за границы чувственного / а. за грань; б. за границы чувственности

С. 12

- 1 похищает явления / похищает мысли
- 2 для названия которых нет слов / [которым нет слов] для определения которы(х) нет слов. [Жи(вопись?)] Зритель [ее] оторвавшись от всего стоит полный неподвижного созерцания перед божественным ликом мадонны. Он [уже] наслаждается, но уже наслаждается нездешним мир(ом). Мысли его все уже устремились в [тот мир, где уже не могут они остановиться, но текут далее], где им не предписано границ. Предварительный набросок на л. 24: Глядите на Зрителя, стоящего⁷ перед ее изображением, лицо его покойно, в глазах уже выражается задумчивость, они глядят не на существенный предмет, нет, они видят, что не всегда нам дается видеть. Он весь исполнен неподвижного тайного созерцания
- 3–4 определяется вдохновенною ее кистью / [все с] определяется [кистью] вдохновенною кистью Живописца
- 4–5 Она также ~ всякому / Она выражает также и мгновенные порывы и страсти, [но чув(ственность)] порывы, понятные всякому
- 6 невольно проникает все / сильнее проникает во все даже обыкновенное
- 6–7 выражается живее и вызывает / а. живее изображается и произв(одит); б. живее выливается и вызывает
- 7 и вся она требует / а. Художник требует; б. как будто бы сам живописец
- 8–11 Она берет ~ с духовным / [Кажется] Живопись [менее имеет]⁸ средств приблизиться к [природе]. Она лишена выпуклостей. Она должна на гладкой поверхн(ости) произвести все. Но дух человека чем беднее имеет видимые средст(ва), тем сильнее и пространнее выражается

⁴ небесн(о) вписано

⁵ Над строкой вписано: ряд <1 нрзб.> изменений характера

⁶ краткой пластической вписано

⁷ стоящего написано дважды

⁸ Над строкой вписано: отринала(?) средс(тва)

- 12–13 Но сильнее ~ в честь музыки / а. Но Музыки; б. Но что касается
Музыки мучит(ельной), созданной религиозным стремлением духа
Над строкой вписано и зачеркнуто: то власть ее Предварительный
набросок в нижней части листа: а. как будто по ее велению вос-
спи(тался); в. то власть ее могущественнее всех, ее звуками воспитал-
ся мрачный Север
- 14–15 Она восторженнее ~ вся порыв / Ее мир, ее облик и власть вов(с)е
отличны от двух сестер ее
- 15–16 отрывает человека ~ звуков / отрывает человека от всего, оглушает
его разом громом могущественных падений звука
- 16 и разом погружает его / не дает ему [расс(е)яния] минуты рассеяния⁰
- 16–17 в свой мир / в мир свой
- 17 Она властительно / Он не имеет [времени] даже минуты размыслить
и подумать. Он весь в одно мгновение в ее власти. Она могущественно
- 19 он не сострадает / он не созерцает⁰
- 20 не созерцает / не созерцает, не видит
- 21 живет порывно / а. живет пламенно; б. живет порывно (1 нрзб.)
- 21–22 Невидимая, сладкогласная, она проникла весь мир / а. Она [прони-
кла] дыш(ит); б. Невидимая, неосозаемая Музыка проникла весь
наш мир
- 22 разлилась / она разлилась
- 22–23 в тысяче разных образов / в тысячи разных образах
- 23–24 Она томительна и мятежна ~ темными сводами / но [могущест-
ве(ней)] и восторженне(й) и самовластной одна под темными беско-
нечными сводами
- 25–27 молельщиков ~ кружит / людей она устремляет в одно движение и
кружит и обнажает [все страсти и мысли] до глубины сердечной стра-
сти и мысли⁹
- 27–28 долгое безмолвие и долго исчезающий звук, трепещущий / вырази-
тельное священное безмолвие и последний звук, который трепещет,
умирая
- 28 в углублении / под⁰
- 30–31 Как сравнить вас ~ Чувственная, пленительная / Чувственная,
пленительная, роскошная
- 31–32 живопись / Живопись глубокая, скромная, возвышенная
- 32 тихой восторг и мечтание / тихое [размышление] и мечтанье
- 32 музыка страсть / Музыка стремительная, неудержимая страсть
- 33–34 рассматривая ~ дух невольно погружается / Рассматривая мраморное
[небесное] легкое произведение скульптуры, дух¹⁰ погружается
- 34–35 он превращается в созерцание / она превращается в созерцание
неб(есного)
- 35 слыша музыку / Слушая музыку⁰
- 35–36 в болезненный вопль, как бы душою овладело только одно желание /
она превращается в [крик] [вопл] болезненный вопль, показывающий
желание
- 37 нового мира / нашего нового мира
- 38–39 Никогда не жаждали мы так порывов / Может быть, никогда так не
жаждали мы порыв(ов)
- 40 когда наступает на нас и давит вся дробь / на нас наступает, нас давит
меркантиль и вся дробь

⁹ страсти и мысли вписано

¹⁰ дух вписано

- 40–41 и наслаждений, над выдумками которых / а. наслаждения, над кото-
ры(м); б. наслаждений, над изобретением которых⁰
- С. 13
- 1 заговор против нас / заговор, чтобы усыпить наши⁰
- 1–2 утонченных изобретений / изобретений⁰
- 4 обольстителей / неприятелей
- 5 нашим хранителем, спасителем / наш хранитель, спаситель наш
- 6 меркантильные души / меркантильные *Над строкой вписано: <1 или 2 нрзб.>*
- 6 ударяй резче своими звуками / а. впивайся, разрывая своими звуками;
б. ударяй резче [яркими] пронзитель(ными) звуками своими
- 7–8 Волнуй, разрывай их и гони хотя на мгновение / а. Хотя на мгновение,
хотя на мгновение; б. Жги, разрывая, хотя на мгновение, гони
- 10 угрызение совести / упрек совести
- 10–11 спекулятор / спекулятор
- 12 пред созданием / перед созданием
- 13–14 Великий Зиджидитель мира ~ своею глубокою мудростью / [Всевыш-
ний] Создатель простер на нас немеющее безмолвие своею глубокою
мудростью. В каждой Эпохе мира он послал ему [Гения] благодетель-
ного осенявшего крылом своим и разливавшего гармонию и удержи-
вавшего его от Хаосу¹¹
- 16–17 ворочает ~ громоздит ее / ворочает граниты, обрывом подымает их
- 18 Древнему, ясному, чувственному миру / а. Древнему, чувственному,
готовому; б. Древнему, ясному, чувственному миру, готовому¹² погряз-
нуть в⁰
- 19 чистую, стыдливую / чистую, непо(рочную)⁰
- 21 слило его / слило всех⁰
- 22–24 Векам беспокойным ~ дал он / а. Средним векам он; б. Векам тем-
ным, тревожным(?), где часто сила и неправда торжество(вали) он <дал>
показавшую миру / показывавшую миру
- 24 показавшую миру / показывавшую миру
- 25 наслаждения угодников / наслаждения жизни его угоднико(в)
- 25–26 Но в наш юный и дряхлый век ниспослал он / Нам(?), новому наше-
му времени послал на(м?)
- 26–27 стремительно обращать / смело обращать
- 27 Но если и музыка / Но если музыка
- 27 что будет тогда / что тогда будет
- 29 1831 / В рукописи нет

О СРЕДНИХ ВЕКАХ

Варианты ЧА Ср (Р1, Р2, Р3) и ЖМНП₄

С. 14

- 1 О Средних веках / В рукописи нет; О Средних веках. Вступительная лекция, читанная в С. Петербургском Университете Адъюнкт-Профессором Н. Гоголем (ЖМНП₄)

¹¹ В каждой Эпохе ~ от Хаосу вписано в нижней части листа без знака вставки

¹² готовому написано дважды

Никогда история мира ~ ни в древние, ни в новые времена / Средние Веки составляют [самое важное] самую интересную самую часть, самое интересное время Истории мира, интересное потому что никогда народы не действовали так энергически и никогда не было такой пестроты происшествий как в то время.

Потому что эта часть Истории гораздо меньше других обрабатываема, о ней меньше прилагали старания нежели о прочих, Ей слишком уж безотчет(но?) часто прилагали имя Варварских и основываясь на этом имени почитали не слишком важным глубоко исследовать эти времена. Ныне [же] когда почти инстинктом или электричеством все проникнулись мыслью глядеть на вещь не просто в настоящем ее виде но выпытать все отдаленные причины ее [существования] бытия и дознаться. Ныне гораздо более сделали¹ покушений исследовать и представить многие явлен(ия) [Крест(овых)] Средних веков и хотя нет еще ни одного полного удовлетворения [их] истории всего средне(го) врем(ни), но по крайней мере многие отдельные части ее обработаны с большим старанием. И потому вы можете видеть что нам уже потому будет интереснее заниматься этими века(ми) что мы можем принести и с своей стороны сделав новые открытия или яснее постигну(в) многие происшествия может быть не совсем доселе объясненные.

[История] Кроме того История Средних веков уже сама по себе так важна, что постигнуть и знать ее значит постигнуть и узнать всю Историю Человечества, по крайней мере самую сильную, самую огромную, самую величественную катастрофу. В них умирающий древний мир и беспорядочные стихии ново(го), вся их связь, все их влияние производимое, все что ни случилось впереди заключается в этих темных веках, в них фундамент и зародыш всех Элементов развивших(ся) в нынешние времена, все что ни представляет нам новая Исто(рия), все что ни происходило в новые времена с такою часто стройностью и обдуманность(ю) — все получило начало в Средние веки, там зрело, воспитывалось, колебалось, утверждалось почти в ее сов(е)ршенной неизвестности, почти в глуши, как воспитание юноши в закрытом от света убежище наук. Тут дряхл(ые) стихии старого мира тянутся как жилы среди [нового] еще неопределенного, не получивших ни образа, ни границ, ни определенного хода, все, что отзывается борьбой, уже имеет всегда достоинств(во) самой сильной занимательности. Тут происшествия на воле сами собою разгораются, вступают в бой. — Напрасно Среднюю Историю [иног(да)] часто почитают сухою. Это [может тогда от] случилось от того, что на нее часто глядели как на толпу происшествий истории разнородной, как на кучу самых раздробленных и бессмысленных явлен(ий), которые не проникнуты одно(й) какою-нибудь и мыслью или нитью, сообщившею бы ей целость и связь. Но [это несправедливо даже с самого начал(а)] это показывает, что [мало] еще вникали в смысл, не предавали(сь) при разборе факто(в) глубоким обдумываниям каждого происшествия. Да это необходимо в Истории. Не пропускайте ни одно(го) происшествия, ни одного факт(а), ни одного явления, что(бы) не размыслить о нем долее, что(бы) не рассмотреть со всех сторон. Помните, что мы потомки, мы судьи минувш(его), но мы должны быть так же беспристанны, так же мудры, как судьи, но должны соображать произносить

¹ Над строкой вписано: хотя несмотря на то что 30 гг.

свои решения, не предаваться мгновенно сверкнувшей мысли, но строго взвесить ее, от нас зависит также судьба и не одного человека но целых поколений. Что легкомысленным решением мы уже [пр(оизводи)] [дел(аем)] производим преступление, потому что слово сказанное миру [уже] то же что и дело. — [По в(нимательному)] И потому-то по внимательному рассмотрению его увидим, что самое [внимательное] начало средней истории, представляющее по виду кучу происшествий совершенно отдельных одно от другого, тайно проникнуто одною [невидимую но] могущественною связью, [вы(растающею)] [постепенно] невидимо вырастающею силою папы. Она незаметна вначале, она кроется и затемняется рядом Варварских при остром взгляде уже видная с <1 нрзб.> начал [Все Сре(дние?)] и наконец увидевши простор вырывается вдруг как пламя из Везувия (P1)

C. 14

- 2 Никогда / а. Приступая к Истории Средних веков; б. Приступая к чтению Истории Средних веков, я должен необходимо изъяснить прежде всего достоин(ство). Никогда (P3) Фрагменту соответствует запись на л. 50: Приступая в изложении материи, о чем говорит(?) важность истории средних веков (P2); Приступая к чтению моих лекций Истории Средних Веков, я необходимо должен прежде всего изъяснить вам истинное достоинство ее. Никогда (ЖМНП4)
- 2-4 не принимает такой важности и значительности ~ как в Средние веки / не принимает для нас такой важности, как в это время, несмотря на то, что оно обыкновенно считается мелким и самым безынтересным в Истории человечества [в средних веках смешались(?) [Подхо(?)] [Повто(?)] (P3); не принимает такой важности и значительности для нас, как в это время, несмотря на то, что его часто почитают мелким и безынтересным (ЖМНП4)
- 4-6 приближаясь ~ водоворот / а. текут [в] с усиленною быстрот(ою) к; б. текут при конце их как будто в пучину в великий водоворот, приближаясь к этому; в. текут приближаясь при середине как будто в пучину в мятежный водоворот (P3)
- 6 и закружившись / и смешавшись^o (P3)
- 7 свежими волнами / новыми волнами (P3)
- 8-9 составляют узел / составляет Великий узел (P3)
- 10-11 какое занимает в устройении человеческого тела сердце / как занимает сердце в устройении человеческого тела (P3)
- 11-12 все жилы / все жилы и нервы (P3)
- 13 что прибавлено нового / Как они изменились^o (P3)
- 13-14 каким образом они смешались / Как составилось^o (P3)
- 14 как образовалась / а. Как соверш(ался) весь этот процесс и как твори(лось); б. и как образовалась (P3)
- 14-15 величественное / это величественное (P3)
- 16-17 Все, что мы имеем ~ чем можем похвалиться / а. Все, что мы име(ем); б. Все, что мы ни имеем, чем мы ни пользуемся, чем ни можем похвалиться (P3)
- 18 все устройство и искусное сложение / а. все сложение; б. все устройство и все тонкое сложение (P3)
- 19 разных сословий между собою / между собою разных сословий (P3)
- 20 наша религия, наши права и привилегии / Религия [нра(вы)] [обыч(аи)] и привилегии (P3)
- 21 самые знания, совершившие / самые даже чудные знания наши, которые совершили (P3)
- 21 прогрессивный / изумительный^o (P3)

- 22 все это или получило / все [они] получили (P3)
 22–23 развилось и образовалось в темные / образовались в эти темные (P3)
 23–24 В них первоначальные стихии и фундамент всего нового / В них первоначальные стихии и фундамент всего (вписано) (P3)
 26 и слушатели ее похожи на посетителей фабрики / Она в этом отношении похожа на великолепное строение фабрики (P3)
 26–28 которые изумляются ~ заглянуть в темное подземелье / [где когда наблюдатель входит в комнаты окончательной отделки, он видит] [Он вид(ит)] в которой мы изумляемся быстрому образованию и отделке² почти в глазах наших самых трудных изделий, но позабываем заглянуть в мрачное подземелье (P3)
 29 первые всемогущие колеса, дающие толчок всему / всемогущие колеса, поднимаю(щие)⁰ (P3)
 29–30 такая история / История эта (P3)
 30 не изучившего анатомии человека / а. которая, несмотря на реш(ительные?) достоинства, несо(ве)ршенна, потому что художник не знал вполне Анатомии; б. не знавшего Анатомии человека (P3)
 31 Отчего же / Но отчего же (P3)
 31–32 этих необыкновенных веков / а. этих великих вопро(с)в; б. этого необыкновенного времени (P3)
 32 неохотно ими занимались / неохотно занимались среднюю истори(ей) (P3)

C. 14–15

- 32–1 Отчего, приближаясь к ним ~ отделаться от них? / В рукописи нет

C. 15

- 1–3 и редкие ~ из приведенных вопросов / редкие возлагали на себя обет разрешить хотя некоторые из сказанных мною вопросов (P3); Отчего редкие, очень редкие возлагали на себя труд разрешить некоторые из приведенных мною вопросов (ЖМНП₄)
 3–4 Мне кажется, это происходило оттого, что / На это отвечать [теперь весьма] не трудно (P3); Отвечать на это не трудно (ЖМНП₄)
 5–6 слишком варварским / варварским⁰ (P3)
 6–11 слишком невежественным ~ любопытство / слишком невежественным, чтобы заняться им. Но³ если бы [даже] это обвинение было [совершенно] вполне справедливо, то и тогда ничем не оправдывается их невнимание. Те же люди, которые так пренебрегали этими невежественными веками, готовы были бог знает что за [то, чтобы] горсть сведений о первоначальных веках древнего мира, которые были также [невежественны, как и] ничуть не просвещенные первоначального времени веков средних. Но назвать совершенно Варварским и невежественным это время⁴ — это непростительная⁵ неосмотрительность, недальновидность, чтобы не сказать⁶ даже невежество (P3); слишком невежественным, чтобы заняться им. Но если бы это обвинение было вполне справедливо, то и тогда ничем не оправдывается такое невнимание. Те же люди, которые так пренебрегали этими невежественными Веками, готовы были заплатить Бог знает что за одну искру сведений о первоначальных временах Древнего мира, которые были так же

² и отделке вписано

³ Но вписано

⁴ Было: варварскими и невежественными эти времена

⁵ непростительная вписано

⁶ чтобы не сказать вписано

- невежественны, как и первоначальные времена Веков Средних, имеющих на своей стороне перевес близостью родственных уз с нами. Назвать же их совершенно варварскими и невежественными — неосмотрительность непростительная, недальновидность, чтобы не сказать невежество (ЖМНП₄)
- 11 Самый процесс слияния / а. Это сли(яние?)⁷; б. Как в тексте; в. Самый интересный процесс слияния (РЗ)
- 12 их образов и свойств / а. образов, форм; б. их образов, свойств (РЗ)
- 15 своих пресных вод с сильными волнами / а. своих [вод] пресных вод с [морскими] мощными; б. своих пресных вод с его сильными волнами (РЗ); своих пресных вод с солеными волнами (ЖМНП₄)
- 16 чуждого влияния / чуждого просвещенного влияния (РЗ)
- 18 кроют ~ просвещение / кроют Римское просв(ещение)⁷ по-своему (РЗ)
- 19–20 среди новых, еще неопределенных / среди новых стихий, среди новых, еще неопределенных (РЗ)
- 21–22 самый этот хаос ~ тысячелетней силы ее / [Самый этот хаос](РЗ)
- 22–23 они все ~ любопытства / Все это мне кажется гораздо занимательнее, гораздо более возбуждает [⟨1 нрзб.⟩] ⟨1 нрзб.⟩ любопытство (РЗ); они все для меня занимательнее и более возбуждают любопытства (ЖМНП₄)
- 24–25 неподвижное время ~ императоров / все неподвижное время [бессильных] всесветной Империи под правлением бессильных Римских императоров (РЗ)
- 26 неохотно занимались историею Средних веков / [не так много] не хотели обращать внимание на [крестовые походы] первоначальн(ую)⁸ историею средних веков (РЗ); мало обращали внимания на историею средних веков (ЖМНП₄)
- 27 привыкли сливать / [они] привыкли сливать в мыслях (РЗ)
- 27–28 с понятием о ней / а. с эт(им); б. с первоначальным временем; в. с первоначальной историей нынешней Европы (РЗ)
- 28 На нее глядели / а. Они глядят; б. На нее глядят (РЗ)
- 29 как на толпу раздробленных / как на [кучу] толпу самых раздробленных (РЗ)
- 29–30 не имеющих главной нити / а. не находят нити; б. не находят привязывающ(ей) нити; в. не имеют(их) нити (РЗ)
- 30 которая бы совокупляла их / которая бы связывала их и совокупляла (РЗ)
- 31–32 В самом деле ~ но рассматривайте / [Я не почитаю даже] Мнение это я не почитаю стоящим возражения, [его] несообразность его видна сама собою. Рассматривайте (РЗ); Мнения этого я не почитаю стоящим возражения: несообразность его видна сама собою. Рассматривайте (ЖМНП₄)
- 32–33 внимательнее ~ найдете / внимательнее, глубже, и вы можете отыскать (РЗ)
- 33–34 я однако же не отрицаю / но я не отрицаю (РЗ); но я не отрицаю также (ЖМНП₄)
- 34 умения найти все это / а. умения оты(скать); б. умения найти это (РЗ)
- 35 одарену / одарену свыше (РЗ, ЖМНП₄)
- 35 обладают немногие историки / весьма немногие Историки (РЗ)

⁷ просв(ещение) вписано

⁸ первоначальн(ую) вписано

- 35–37 Этим немногим ~ стройности / Этим немногим предоставлен завидный дар представить все в изумительной ясности и стройности (вписано) (P3)
- 37–40 После их волшебного ~ сухим и бессмысленным / В P3 нет
- 40 Все, что было / [Нет] Все события и происшествия, все, что было (P3)
- 41 сохранились верные летописи / остались летописи (P3)
- C. 15–16
- 41–1 выключая разве совершенное бесстрашие народов / и если страсти сильно горели и действовали (P3); выключая только разве ~ народов (ЖМНП₄)
- C. 16
- 1–5 везде есть нить ~ будучи обращен к солнцу ~ с утратою известий / Везде есть нити и связи, состав(ля)ющие события, но они более или менее скрыты и совершенно исчезают, когда⁹ только прекраща(ются) всякие известия (вписано под текстом в нижней части листа) (P3); везде есть нить ~ только будучи обращен к солнцу ~ с утратою известий (ЖМНП₄)
- 5 Так и в первоначальных веках / Так [и в средней] в первоначальных веках (P3)
- 6 невидимо нитью тянется / тянется невидимо (P3)
- 6–7 возрастание папской власти / возрастание власти папы (P3)
- 8 происходили совершенно отдельно и блеском своим затемняли / происходили такие, которые блеском совершенно затемняли (P3)
- 8–9 уединенного, еще скромного / [Смирен(ного)] Уединенного (P3)
- 10 или его вассал, и действовал лично для себя / или вассал (P3)
- 10–11 а между тем существенные выгоды незаметно текли в Рим / а [вся выгода] существенные выгоды незаметно переходили (P3)
- 12 казалось, нарочно происходило для папы / кажется, нарочно происходило для того, чтобы прибавить новую силу Папе (P3)
- 12–13 Гильдебрандт / Гильдебрант (P3, ЖМНП₄)
- 13 только отдернул занавес и показал / а. первый поднял занавес и, можно сказать, только показал; б. только поднял занавес и показал (P3)
- 13–14 власть ~ папами / а. могущество, приобретенное папами, до тех пор оно было скрыто; б. могущество уже давно приобретенное папами, но незаметное для прочих, как основа в ткани, затканная пестрым утком (P3)
- 15 История Средних веков менее всего может / [в доказательство] [Доказательством же что] История средних веков менее всех других может *Над строкой вписано и зачеркнуто*: Обвинения в сухости менее всего (P3)
- 16 такого живого действия / такой силы действ(ия) (P3)
- 17 странной / изумительной *Над строкой вписано*: странной (P3)
- 17–18 ее можно сравнить / Она похожа⁰ (P3)
- 18 с огромным строением / с величественным строением⁰ (P3)
- 18–19 в фундаменте ~ гранит / а. [фунда(мент)] выстроенным на новом фундаменте из крепкого гранита; б. в новом фундаменте которого улегся крепкий гранит (P3)
- 20 так что на одном кирпиче / на одном кирпиче (P3)
- 21 на другом блестит / на другом (P3)
- 23–24 Но яркость, можно сказать, только внешний признак / Но яркость [только ви(димое?)], можно сказать, только видимое достоинство (P3)
- 24 событий / происшест(вий)⁰ (P3)

⁹ Было: но исчезают совершенно когда вс(якие?)

- 25 исполинская, почти чудесная / и исполинская, почти чудесная (P3)
 27 делающая их / которая делает их (P3)
 27–28 не встречающими себе подобия и повторения / не встретившими себе [подобия] повторения (P3)
 29–33 Бросим взгляд ~ история папы / Средние Века можно назвать Историю папы. Он могущественны(й) обладатель [средних веков] их. Он как движет всеми силами и как бог языческий одним мановением своим [уп(равляет)] правит их судьбою. [Его возраст] Его история есть главный сюжет средних веков (P1)
 33–34 Его непреодолимое желание / Его [средства] Его [старание] желание (P1)
 36 деспотизм бесчисленных легионов / деспотизм легионов⁰ (P1)
 37–39 наложивших свои ~ знамение Креста / наложившиеся(?) во всех уголках мира, куда ни проникло небесное знамение креста, свои *Над строкой вписано*: оковы своей [власти] тяжелой власти (P1)
 39–40 представляют явление ~ никогда / Это [так же чудное так же] дивное великое¹⁰ явление — такое великое явление, которому равного вряд ли может предст(авить) история (P1)
 40–41 Не стану ~ оков / Не буду говорить о злоупотреблениях, о тяжести оков, наложенных на мир рукою (P1)
 41 Проникнув более / Проникнув глубже (P1)

C. 17

- 1 увидим / мы увидим (P1)
 2 в свои руки / в свою руку (P1)
 3–5 связи бы не было ~ развратились / [Государства] связи бы не было. Государства вдруг бы, может быть, некоторые¹¹ поднялись, вдруг развратились (P1)
 5–6 на гибель соседям / на гибель другим (P1)
 6 образование ~ неровно / образован(ие) и дух неровно бы разлился (P1)
 6–7 в одном уголку выказывалось бы образование / на [одном] [одной сто(роне)][одна сторона слишком бы вознеслась образовани(ем)] одном месте высветилась(?) бы вперед (P1)
 8 Европа бы не устоялась / Европа не устоялась (Ар.)
 8 не сохранила / не сохранила бы (P1)
 9 так удивительно / удивительно (P1)
 9 она бы долее / она бы более (Ар.)
 9 была в хаосе / а. бродила в хаосе; б. была хаосом (P1)
 9–10 она бы не слилась / она бы не имела⁰ (P1)
 10–11 устранившую свою крепостью восточных завоевателей / а. отразившую [Магом(етан)] [Арабов] Магом(етан); б. устранившую Восточных завоевателей (P1); устранившую свою крепостью восточных завоевателей (ЖМНП₄, Ар.)
 11–12 и, может быть, без этого великого явления Европа / [Без это(го)] Может быть, без [этого] того великого события вся Европа (P1)
 13 горделиво ~ вместо Креста / [утвердила(сь)] вознеслась бы над нею (P1)
 14 Невольно ~ пути Провидения / а. Мы невольно должны преклониться святой мудрости провидения; б. Рассматривая деянья провидения, мы невольно должны преклониться пред ним (P1)

¹⁰ великое вписано

¹¹ некоторые вписано

- 15 власть папам / Власть папы (P1)
 15–16 в продолжение этого времени юные государства / государства в это время (P1)
 16–17 чтобы они ~ нежелали / чтобы [в них] они повиновались, покамест (P1)
 18 жизнь народов / жизнь человека⁰ (P1)
 19 состояния / того состояния⁰ (P1)
 21 как более уже не нужная / [бо(лее:?)] как более уже не нужная, чтобы руководить народы (P1)
 22–23 гибнущие силы свои / за (со)бою гибнущую силу свою (P1)
 24–25 выше и кажутся ~ как только строение / а. выше самого здания; б. выше и значительнее самого здания, но как только здание (P1)
 26 принимаются прочь / от(ни)маются(?) прочь (P1)
 27–28 С мыслию о Средних веках ~ необыкновенном событии / а. Самое великое событие средних век(ов) мысль о которых неволью сливается при первом слове о крестовых походах; б. При слове¹² средних веках неволью сливае(тся) мысль о Крестовых походах, великом гигантском событии (P1)
 29–30 в какое время было когда-нибудь равное ему / в какое другое время бывало когда-нибудь ему равное (P1)

C. 17–18

- 31–1 Это не какая-нибудь ~ в этой мысли? / Это не [война] какая-нибудь война за похищенную жену, не следствие мелких страстей, всегда почти бывшие одни причиною войн, не упорная¹³ защита даже прав и обязанностей всегда справедливая, но с которою все же сопряжена личная выгода. Нет, все эти предприятия обыкновен(ные?) [всегда почти везде] случающиеся всегда и везде. В самом деле какое дивное происшествие: народы текут с крестами со всех сторон Европы. [Цари] Короли, Графы в простых власяницах, [Епископы] Монахи [вперед] в духовном облачении становятся в ряд воинов. Монахи и безыменные пустынноики предводят [воинством] несметными вассалами, и все текут проникнутые одною мыслию освободить Гроб Христов. Владычество одно(й) мыслию объемлет все народы. Не есть ли что-то великое в этой мысли. *Предварительный набросок на соседнем л. 32:* Это не (ка)кая-нибудь война за жену Менелая, не порождение ненависти двух непримиримых наций. Это не [би(тва)] [распря] кровопролитная битва между алчными властителями¹⁴ за корону, даже не война за свободу и народную¹⁵ независимость. Нет, ни одна из страстей, ни одно собственное желание, ни одна личная выгода не входит сюда. Всеми народами¹⁶ объемлет одна высокая мысль. — Народы текут освобожда(ть) свою веру. Где [друг(ое)] подобное событие отразилось когда-нибудь! (P1)

C. 18

- 1–2 называются / иные называют (P1)
 2 Не странно ли было бы / Странно бы было (P1)
 4–5 Предприятие это ~ которому / Это предприятие такого рода, которое может только сделать не достигнувший возраста мужа. Но совершить это предприятие может такой только юноша, которому (P1)
 6 удивительные и непредвиденные / непредвиденные (P1)
 8 заслоняло духовенство / заслоняло от нее духовенство (ЖМНП₄)

¹² Над строкой вписано: мысли

¹³ упорная вписано

¹⁴ между алчными властителями вписано

¹⁵ народную вписано

¹⁶ народами вписано

- 8–9 для этого ~ часть света / извергается (1 нрзб.) к [незнакомой] друго(й) части света (P1); извергается для того в другую часть света (ЖМНП4)
- 10 передать ей / передать (P1)
- 11 Не вправе ли мы изумляться? / Не достойно ли это уд(ивления)^o (P1)
- 12–14 один приносит ~ Здесь же / а. приносит к дикарям первые сведения и постепенно образует их. Здесь; б. приносит сам первые сведения диким народам и постепенно образует их, и это образование тянется медленно, страшно медленно. Здесь (P1)
- 15 всю свою массою приходят / а. теку(т); б. переходят всю массою (P1)
- 16–17 не сливаются ~ не перенимают у них / а. ничего не пер(енимают?)^o; б. не сливаются с своими учителями, ничего не применяют от них (P1)
- 19–20 европейцами, а не азиатцами / Европейцами, не Азиатцами (P1)
- 20 тех переменах / о тех переменах (P1)
- 21–22 нужно было ~ сильных / нужно было [уда(ление?)^o] временное удаление множества сильных таким образом, как переделывая дом необходимо нужно удалить на время его жильцов и вынести все находящее(ся) в нем (P1)
- 23 Но бросим взгляд / Но кроме Крестовых Походов бросим взгляд (P1)
- 23–24 Среднюю историю / средние веки (P1)
- 24–25 Они хотя в сравнении ~ все исполнены / все они исполнены (P1)
- 26 Средним векам / всей [истории] средней истории (P1)
- 26 фантастический / радужный^o (P1)
- 27 все — порождение / все они порождение (P1)
- 28 пленительного / привлека(тельного)^o (P1)
- 29 в самой безрассудности / в своей безрассудности (P1)
- 29–30 Рассмотрим их ~ возьмем то блестящее время / Взглянем на то время (P1)
- 31 и созданной им религии / [обязаны] и созданной им религии обязаны блестящею своею [короткою жизнью и в] Над строкой вписано: они своею (P1)
- 33 к Индийскому морю / к Индейскому морю (P1)
- 33–34 какую только могли внушить / какую могут только внушить (P1)
- 34 великие пустыни Азии / пустыни Азии^o (P1)
- 34–35 обязаны они ~ радужным существованием! / В рукописи нет
- 35–36 С непостижимою быстротою они, эти смуглые чалмоноscopy / [И в одно мгнов(ение)] и почти с непостижимою внезапностью смуглые чалмоноscopy (P1)
- 37–39 И воображение их ~ в виду изумленного Запада / и воображение и ум их в виду изумленного Запада [так же быстро] развиваются (P1)
- 40–41 и так же внезапно ~ восточной поэзии / так же быстро, как в их богатых сказках и поэзии (P1)

C. 18–19

- 41–3 Век вперед ~ создание нашего воображения^o / В рукописи нет

C. 19

- 4–5 Как чудесно ~ появление / Не чудесно ли и не исполнено ли совершенно противоположной оригинальности на севере появление (P1)
- 5–6 народа, которого ~ из ледяных недр своих / В рукописи нет
- 6–12 Горсть людей ~ дикою религиею / Вообразите себе пустыню северного Океана наполненную узкогрудыми кораблями легкими и опасными, на которых спускается и хлопочет дерзкая горсть людей подвигаемая дикою религиею и всей холодность(ю), за которыми как будто по пятам несутся мрачный их Один и снеговые [горы] хребты Скандинавии.

- Не удивительно ли, когда людные и значительные государства со страхом уступают этим малолюдным пришл(ещам) воспитанным бурео и морями (P1)
- 13 Колоссальные завоевания и распространение монголов / а. Завоевания Монголов; б. Колоссальные завоевания Монголов (P1)
- 15 осветилась вдруг / а. показала; б. осветилась (P1); осветилась (ЖМНП₄)
- 16 Эти степи / а. Степи; б. Все эти степи (P1)
- 16 нет конца / почти конца нет (P1)
- 17 пустыни / пустыни, на которых означено¹⁷
- 18 как будто для того, чтобы / для того как будто^o (P1)
- 19 собою увеличить еще более окружающее пространство / еще более увеличить вокруг себя пространство (P1)
- 19 степи / эти степи (P1)
- 20 не сеянным / не сеемым (P1)
- 20–21 равняющуюся / касающуюся^o (P1)
- 21 степи, где пасутся / (где) пустынно пасутся (P1)
- 21 стада / стада овец (P1)
- 23 Чингис-Хана / Чингис Хана (P1)
- 24–25 плосколидых, широкоплечих, малорослых монголов / широколидых монголов^o (P1)
- 26–28 миллион народа ~ на замерзшем озере / В рукописи нет
- 28 стада пригоняются к границам Индии / стада тянутся в Индию (P1)
- 29 Словом, как будто / Как будто (P1)
- 29 на завоеваниях их / на их завоеваниях (P1, ЖМНП₄)
- 29–30 отразилась колоссальность Азии / отразилась колоссальность Азии, чтобы лучше показать ее другим народам (P1)
- 30–31 Такого быстрого распространения тоже не видала ни Древняя, ни Новая история / Подобного события не видели ни новые, ни [средние] древние веки (P1)
- 32 о важной торговле Венеции / о появлении Венеции (P1)
- 34 выжимая золото со всего мира / а. стягивал сокровища со всего мира; б. выжимая золото со всего мира, и собирал тяжелую дань с крупнейших государств (P1); выжимал золото со всего мира (Ар.)
- 34–37 и коего ~ многих монархов / эти(х) царственных купцах, которых великопепные дворцы при Адриатическом море вмещали в себе сокровищ более, <чем> тогдашний доход всей Европы, и которых корабли нигде не встречали соперников, ни о союзе Ганзы, игравшем (не дописано) (P1); и коего царственные купцы с своими кораблями, горделиво объездившими ~ монархов (ЖМНП₄)
- 37–38 Этого явления ~ Оно повторяется / Эти явления повторяются (P1); Этого явления ~ Они повторяются (ЖМНП₄)
- 38 формах / обликах^o (P1)
- 38–39 с разными / с некоторыми (P1)
- 39 Несравненно оригинальнее / Гораздо чудеснее (P1)
- 39–40 во время и после Крестовых походов / по(с)ле крестовых походов (P1)
- 40–41 все еще темны и неопределенны / являются темны [и] неопределенны (P1)
- С. 19–20
- 41–1 когда еще государь звучит одним именем своим и вместо того / а. когда она вся облакается; б. когда Государь едва звучит своим именем и вместо (P1)

¹⁷ на которых означено *вписано*

- 2–3 облекается / а. одевается; б. облакает состоящая из (P1)
- 3–4 крепости усеивают ее поверхность / усеивают [ее] всю поверхность земли (P1)
- 4–5 воспитанная взаимным страхом и битвами / а. вся возникшая(?); б. [их(?)] воспитанная страхом (P1)
- 5 и заковычивается / облакает(ся)⁰ (P1)
- 6 еще не выносил / а. прежде; б. ни прежде, ни после не выносил (P1)
- 7 независимо развивается / независимо [воспитывается] возрастает (P1)
- 7 гордость души / гордость души. Это беспредельное уважение и планетная⁰ Над строкой вписано: Смягчение(?) (P1)
- 7–9 Казалось ~ бесчувственными / Казалось, они должны бы совершенно закалиться чувствами и сделать их так же бесчувственными (P1)
- 9 их латы / латы их (P1)
- 9–11 Но как удивительно ~ представляет / Но как чудно это¹⁸ смягчается, и это смягчает явление, которое тем более удивитель(но), что составляет (P1)
- 11 совершенную противоположность / совершенный контраст (P1, ЖМНП₄)
- 12 беспредельное / и беспредельное (P1)
- 13 божеством / каким-то божеством (P1)
- 13 для ней турниры / Для ней топлятся турниры (P1)
- 15 суровый рыцарь / а. рыцарь; б. суровый рыцарь (P1)
- 15–16 свои страсти / свои неукротимые страсти (P1)
- 17–18 и все ~ достойным / и все [бы(ть)] чтобы быть (1 нрзб.)¹⁹ достойным (P1)
- 18 к ногам / у ног⁰ (P1)
- 19 Если эта / Эта⁰ (P1)
- 19 изумительна / удивительна (P1)
- 20–21 и того более ~ ее следствием / достойно еще большего изумления (P1)
- 21 странническая жизнь / кочующая и странническая жизнь, на которую обрекали себя рыцари (P1)
- 22 Европу / всю Европу (P1, ЖМНП₄)
- 22 в какую-то движущуюся / а. как; б. в какую-то шумную движущуюся (P1)
- 22–23 доставившая тысячи ~ каждому / Сколько опытов, сколько приключений представляла она каждому (P1); доставившая тысячу ~ каждому (ЖМНП₄)
- 23–24 и произведшая ~ к открытию новых земель / В рукописи нет
- 24–25 Как самые их ~ положение / а. и как от взаимного столкновения сила их крепла; б. и как самые силы их от взаимного столкновения (P1)
- 25–26 вместо того ~ делается / вместо того чтобы ослабевать, как то делается (P1)
- 28 и алчность выгод личных / [Лесть и выгоды корысти] и алчность выгод (P1)
- 29 утонченные пороки / а. возможные; б. утонченные низости и пороки (P1)
- 29–30 вместо этого они только укрепили и развили их / В рукописи нет

¹⁸ это написано дважды

¹⁹ (1 нрзб.) вписано

- 30 Пороки / а. Едва; б. Но пороки (P1)
 30–31 не смели / не могли (P1)
 31–33 Кажалось, Провидение ~ возникли / Едва только [Венеция и Г(анза)]
 по(я)вились(ъ?) (P1)
 33 улучшения для жизни / улучшения жизни⁰ (P1)
 34 подносила / хитро подносила⁰ (P1)
 34 и начали отдалять / начали отвлек(ать) (P1)
 34–35 от их обетов ~ и уменьшать / от их обетов строгой жизни и [усто-
 (ев)(ъ?)], разогревая(ъ?) в них коры(сть), уменьшать (P1)
 36–39 как появившиеся ~ не представляла обществ / как появились нового
 рода²⁰ общества (P1)
 39–41 связанных ~ цель обществ / так [связанные] [такою крепость(ю)
 у(ъ)] связанные такими неразрешимыми узами, какими ни одно обще-
 ство ни в каком периоде Истории не было связано, не для своей поль-
 зы, не для своего существования, что обыкновенно должно быть целью
 общества. Но... Это необыкновенное явление [могут] могли только
 произвести одни средние веки, положившие для себя [обязанность]
 строгую обязанность наблюдать за всем миром (P1)
 41 Уничтожить все, что / уничтожить все то, что (P1)

С. 21

- 1–3 жить, чтобы ~ защиту / [отвер(гать?)] быть грозными неумолимыми
 защитник(ам)и (P1)
 3 все принести ей в жертву / все принести на жертву ей (*Фрагменту*
соответствует запись на л. 32: все: отеческий дом, имущество,
родство) (P1)
 3–4 от всего, что отзывается выгодой жизни / от всех выгод жизни (P1);
 от всего, что отзывается выгодой жизни (*ЖМНП₄*)
 4 это явление / явление это⁰ (P1)
 5 Эта энергия ~ вычерпнута / Эту энергию и силу для него можно
 только было вычерпну(ть) (P1)
 6 И как только / И только (*ЖМНП₄*)
 6 ордена рыцарские / Ордера рыцарские (P1)
 6–7 от своей цели / от своей постоянной цели (P1)
 7 обращать / стали обращать (P1)
 7 начали / они начали (P1)
 8 желанием / желаньем (P1)
 8 и роскошь / [когда] как только роскошь (P1)
 9 и они стали походить сами на тех / [как только] они стали более похо-
 дить на тех (P1)
 10 наложили на себя сами же смотрение / сами наложили на себя неусып-
 ное смотрение (P1)
 10–11 как возникают уже / одним словом, как только на мгновение пошат-
 нулся общий энтузиазм в них²¹, как уже новое явление чудесным обра-
 зом стремится поддержать. Возникают (P1)
 11–13 как высшие ~ казни / как [опред(еления)] Высшие предопределения (P1)
 13–14 Ни сила, ни обширные земли / Ни слава, ни [богатства] золото (P1)
 14 ни даже самая корона / ни корона⁰ (P1)
 14 не спасают и не отменяют / не спасают и отменяют (P1); не спасают
 от них и не отменяют (*ЖМНП₄*)
 14–15 произнесенного ими приговора / раз произнесенного приговора (P1)

²⁰ нового рода *вписано*

²¹ в них *вписано*

- 15 Незнаемые, невидимые / Невидимые[◊] (P1)
 15–16 где-нибудь в глуши лесов / [в своих] в глуши лесов[◊] (P1); в глуши
 леса (ЖМНП₄)
 16–17 они взвешивали / они грозно[◊] (P1)
 17 которому / который[◊] (P1)
 18 своих земель / своих [васса(лов)] владений (P1)
 18 и сотни покорных вассалов / среди сотни покорных вассалов[◊] (P1)
 18–19 и в мысль не приходило / и в мысль не мог взять[◊] (P1)
 19 власть выше его / выше его власть (P1)
 19–20 И если эти подземные судьи / и если [злодеяния его] [обвинения]
 [перетянули добрые дела] и если²² [жизнь] эти подземные мрачные
 судьи (P1)
 20 раз произносили / [решили] раз произнесли (P1)
 21 властитель / сильный властитель (P1)
 21–22 затрудняет к себе приближение / становится трудным приближение к
 себе (P1)
 22–23 его золото ~ прославлять его / золото его залепливает уста его при-
 ближенных (P1)
 24 крадется / неотразимо крадется (P1)
 24 толпы / толпы придворных (P1, ЖМНП₄)
 24 и разит его из-за плеча друга / из-за плеча его друга или верной же-
 ны проскальзывает он и настигает его (P1)
 25–28 Не составляет ~ невозможность *вписано в разрыве следующего абза-*
ца (P1)
 25–26 Только там ~ так неправильно / Там только так быстро, так неотрази-
 мо, так почти²³ сверхъестественно (P1); Только там так быстро, так
 неотразимо, так сверхъестественно (ЖМНП₄)
 27 оторванный от ~ законной власти / В рукописи и в ЖМНП₄ нет
 29–30 царствовавший в середине и конце Средних веков / [пред] [у] неясное
 [жела(ние)] начало образования (P1)
 31 желание / всеобщее желание[◊] (P1)
 31 таинственную силу в природе / таинственную силу[◊] (P1)
 32 все ударились / уда(рились) (P1)
 33 на которых / [(1 нрзб.)] алчность, на которой (P1)
 33 европейского любопытства / любопытства[◊] (P1)
 35–37 Самая даже ~ занимательность / Это ужасное²⁴ гонение их, эта про-
 стодушная вера в духов даже самих обвиняемых в сообщении с ними
Далее вписан фрагмент: Не составляет ~ невозможность (см.
выше) (P1)
 37–38 А занятия алхимиею ~ учености / А это занятие Алхимиею, считав-
 шееся самой велико(й) попыткой Познания – венец [познаний]
 учености (P1)
 38 в которой заключилось / в котором заклю(чено)² (P1)
 38–39 детское / самое детское (P1)
 39–40 совершеннейший металл ~ человеку все / такое свойство, чтобы все
 обращало(сь) в золото, найти такое средство, которое бы вдруг доста-
 вило человеку всевозможное счастье (P1)

C. 21–22

- 41–1 пестрые готические / готические[◊] (P1)

²² и если написано дважды

²³ почти вписано

²⁴ ужасное вписано

- 1–2 какой-нибудь ветхий ~ необитаемым / ветхой [развалившийся] почти валяющийся, считаемый [почти] необитаем(ым) (P1)
- 3 мох и старость / мох и ветхость (P1)
- 3 окна / [Это жилище алхимика] Ставни окон (P1)
- 4 не говорит в нем / не говорит (P1)
- 6–7 старца ~ все еще неразлучного / а. поседевшего в своих исканиях, вечно неразлучного; б. уже стареющего, поседевшего в своих исканиях старика, вечно неразлучного (P1)
- 8 от жилища, где, по его мнению, духи / от этого жилища, где духи (P1)
- 10 только собою / [одним] собою (P1)
- 11 от неудачи / от неудач (P1)
- 11–12 первоначальная стихия / Первоначалом (P1)
- 12 напрасно / а. Как в тексте; б. тщетно(?) (P1)
- 13 проникая во все тайные / и проникает во все потаенные (P1)
- 13–14 оно вырывается / они вырываются(?) (P1)
- 14 облеченное страхом / [пуга(ю)тся] пыткам] [со стр(ахом)] облеченные страхом (P1)
- 15 предается / предаются (P1)
- 16–25 Инквизиция свирепая ~ душа всегда / Железные когти страшно протягивают(ся) [и хватают] из монастырских стен, из-под монашеских и хватают без различия всех, на кого только ни упала²⁵ мысль подозрения. Под бесчисленн(ыми) монастырскими сводами и переходами производятся допросы, не верящие никаким [объ(яснением)] оправдани(ям)²⁶, [и ужасное изобретение всех] телесных мук, бесчисленность орудий пыток [изумительно(?) свидетел(ьству)ют] совершен(ную?) изобретательность ума монахов изуверов. Какие ужасные гран(и)цы налагаются беспредельному [человеческому] человеческой алчности знать все и как неудержима эта алчность. Несмотря на всеобщую слабость физической силы каждого человека, душа в общей массе всего человечества (P1)
- 26 Не единственны / Единственны^o (P1)
- 27 веками чудесными / [чудесными] веками чудесного (P1)
- 27 прорывается / [было истинной сутью] верно означает характер их^o (P1)
- 28–29 этих юных десяти веков / этих десяти юных веков (P1)
- 29 действует все молодое / действительно все молодое (P1)
- 30–32 порывы и мечты ~ оглянуться / порывы и мечты юноши, не думавшие²⁷ о следствиях, не призывавшего на помощь холодного со(о)бражения, еще не имевшего прошедшего, чтобы оглянуться назад²⁸ (P1)
- 32 Все было в них — поэзия и безотчетность / а. В них более поэзии и безотчетности; б. В них все было поэзия и безотчетность, оттого-то они имеют особенную привлекательность и с ними так же жаль расстаться, как <с> улетевшию юностью (P1)
- 35 на волны моря / на море^o (P1)
- 35 воздымавшиеся / воздымавшиеся, пенившиеся (P1)
- 37 мерно и стройно / верно и [медленно] стройно (P1)
- 38–41 Действия человека ~ изумительную мудрость / В рукописи нет

²⁵ ни упала вписано

²⁶ Под строкой вписано: и верящие одним

²⁷ Так в рукописи

²⁸ назад вписано

С. 23

- 1 с жизнью / с жизнью (P1)
 2 Средние века / средние веки (P1)
 2 то же, что время воспитания человека в школе / а. то же что для человечества; б. то же для человечества, что для [юноши] человека время воспитания (P1)
 4 для мира / для света (P1)
 4–6 следствие порыва ~ движения человека / следствия порывов (P1)
 6 и без них ~ деятельность / зато без них не образовалась бы деятельность его жизни (P1)
 9 заключается время Средних веков / заключены средние веки, какие сильные катастрофы ограничивают их (P1)
 9–10 Великая империя ~ падает / Великая Империя, повелевавшая миром, дряхлая, истощен(на)я²⁹ падает (P1)
 10–11 с нею валится / валится^δ (P1)
 12–13 безвкусными писателями ~ роскоши / с [роско(шью?)] писателями, статуями и тяжестью роскоши (P1)
 13 утонченностью разврата / утонченного разврата (P1)
 13 Это их начало. Оканчиваются Средние века / Этим великим событием начинаясь, оканчиваются средние веки (P1)
 14 самым огромным событием / самым великим, самым изумитель(ным) событием (P1); огромнейшим событием или, лучше сказать, целую оглушающею массою событий (ЖМНП₄)
 15 подымающим на воздух все и обращающим / подымающим на воздух и повергающим (P1)
 16–17 подрывается и падает / потрясается (P1)
 17–24 власть невежества ~ Средних веков / печатные листы [издают гром] разносят(ся) громом, слышимым вдруг во всех концах мира, и звонят свободу. Сокровища Венец(ии) и всемирная торговля подрывается смелым подвигом одного чело(в)ека, и корабли расшире(нны)м взмахом разделяя волны неведомого Океана несутся мимо Средиземного моря, отягченного сокровищами (P1)
 24–26 Сильный напор ~ были для того только ~ всеобщий взрыв / Усиливающийся гнет властей к концу средних веков, чтобы сильнее приготовить взрыв (P1); Сильный напор ~ были только для того ~ всеобщий взрыв (ЖМНП₄)
 26–32 Ум человека ~ его окна / В рукописи нет
 32–33 и куча ~ украшений / В рукописи нет; и куча разных украшений (ЖМНП₄)
 33–34 возвышенные, исполненные порывов ~ шпигем / В рукописи нет

ГЛАВА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Варианты СЦв и НР Гл¹

С. 24

- 2 границу, отделяющую / границу, разграничивающую
 3 Пирятинский повет / Пирятский повет
 4–5 какая-нибудь проселочная / какая-нибудь особенная

²⁹ дряхлая, истощен(на)я вписано

¹ Если варианты совпадают, источник не указывается.

- 8 означал ее уклонения / означал ее уклонение (НР Гл)
 9 только выехать ~ не разбирать / не совсем темной ночи, достаточно было ввалиться в лес и далее как в СЦв (НР Гл); ввалиться в лес или на безлюдное поле, чтобы заставить странствующего рыцаря не разбирать (СЦв)
- 11–12 25 или 50 ружейных выстрелов / 50 или 100 ружейных выстрелов
 17–18 обычным ожерельем / разноцветным ожерельем
 26 сведения о событиях / полусправедливые сведения о событиях (НР Гл)
- 27 досадовал он / досадовал путешественник
 30–32 Из романа под заглавием ~ в этом собрании / В НР Гл и СЦв нет
- С. 25
 1–2 обхваченные по краям / охваченные по краям (НР Гл)
 3 летели по воздуху / будто чудные тени волшебного фонаря, летели по воздуху
 25 из небольших карих глаз / из больших карих глаз
 35 «Помогай Боже» / «Помогай Боже, земляк!»
- С. 26
 8 Надобно знать, что козаки / Знаете, Козаки
 10 Спихватились / Ну, спихватились
 16–17 если бывали в Польше, встречали / бывали в Польше и встречали
 40 этой старой собаки / этой старой собаки, которая ни себе, ни другим добра на полшеляга не сделала
- С. 27
 16–21 Что вы говорите, добродию! ~ осторожнее в словах / Понимаю! где уже нам, темным людям, разжевать, как следует!
 21 Он во все это время / Гость во все это время
 32 про таковое диво / про такое диво
- С. 28
 6 что-то похожее на жизнь / тень, одну только тень жизни из челюстей разрушения
 7 Это еще не большое диво / То еще не диво
 8–9 чуть ли не на вот этом месте / чуть ли не на вот этом самом месте (НР Гл)
 10 не умею сказать / не могу сказать
 11 не нашей веры / не нашей православной веры
 13 крещеного человека / Христианина
 14–15 наездничали по хуторам / наездничали по окрестностям
 16–19 и такое делали ~ с полторы сотни / так что Христианам стало жудко и далее как в СЦв (НР Гл); так что Христианам приходилось жудко. Что станешь делать! их горсть, а дворни-то, может быть, с полторы сотни (СЦв)
 22 и не засыпало листьям / да не засыпано листьям
 23 останки / остатки (СЦв)
 25–26 Дьякон шел ~ толкнулся в ворота / У дьякона вещее застучало, как на заре дятел. Скрепившись, сколько доставало духу, толкнулся он в ворота
 29 Как только завидели дьякона / Едва только увидели дьякона
 29 так, добродию, и закричали / как закаркали (НР Гл); как и закаркали (СЦв)
 35–36 подгоняемые / понуждаемые
 36 проповедь читаешь / проповедь читать
 37 не застудил / не простудил
 38 галстук / галстух

- С. 29
 5–6 “Что за нечистой! ~ каплет?” Встал с постели, глядит / Дрожь про-
 няла его; метнулся, как полоумный, с постели, смотрит
 32–33 на печальные ветви ее / на печальные ветви
 40–41 умолкшего рассказчика / умолкнувшего рассказчика (СЦв)
- С. 30
 1 круто пришлось пану / жизнь не в жизнь стала пану
 9–10 Лапчинский увидел действительно перед собою низенькие ворота /
 Тут принялся он стучать в низенькие ворота
 34–35 и давал знать, что он нимало не последнее из творений / и, казалось,
 с гордостью давал знать, что и его голос участвует во всеобщей разно-
 голосице (НР Гл); и, казалось, давал знать, что и его голос участвует
 во всеобщей разноголосице (СЦв)
- С. 31
 3 близ него / близ ружья
 3 для подчинки / для починки (СЦв)
 31 А ты, плакса, долго будешь реветь / Э, э! да ты долго у меня будешь
 реветь, негодный плакса
 34–35 сказал гость наш своему хозяину / обратился гость наш с вопросом
 к своему хлопотливому хозяину
- С. 31–32
 38–1 кроме полыни и бурьяну / кроме волчца и бурьяну
- С. 32
 4 Возьми и меня / так возьми и меня
 5 возьми да и возьми / возьми да возьми (НР Гл)
 10 давай-ка нам вечерять / давай-ка нам вечерять (Примечание:) Ужинать
 12 говоришь ты, едешь / говоришь, едешь (НР Гл)
 25 1830 / В СЦв и НР Гл нет

О ПРЕПОДАВАНИИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Варианты ЖМНП₁

- С. 33
 1 О преподавании всеобщей истории / План преподавания Всеобщей
 Истории
 22–23 создающаяся в голове / создающегося в голове
- С. 34
 7–8 сохраняли свой мир / сохраняли свой свет
- С. 35
 7–8 во всем пространстве / во всем величии
- С. 36
 13 Он не должен / Я не должен
 21 Каждая лекция / Рассказавши часть или эпизод, имеющий целость, я ос-
 танавливаюсь и до тех пор не начинаю другого, пока не уверюсь, что все
 меня поняли точно в таком виде, в каком я им говорил. Каждая лекция
 39 должна быть история / будет моя История
- С. 37
 5–6 ведение истинного Бога / видение истинного Бога (Ар.)
- С. 38
 1 толпу / толпы
 36 фантастически возродившимся / фантастически возродившимся

- С. 39
 24 имеют землю / имеют земли
- С. 40
 7 генуэзец / Генуезец
 9–10 Как, при падении своем / Как быстро росла толпа его приверженцев!
 Как, при падении своем
 35 Лудовиком XIV / Людовиком XIV
- С. 41
 7 движеньями / движениями
 37 и что принял от прежнего / и в каком виде
- С. 42
 21–22 непроницаемой броней / непроницаемую броню
- С. 43
 13 погружались они / погружались
- С. 44
 6–8 Мне кажется ~ увидит, что он / Вот мой план, мои мысли и мой
 образ преподавания! Истинно понимающая душа увидит, что они
 14 и что одна любовь / что не желание выгод, не личная польза, не необ-
 ходимость, но одна любовь
 15 наслаждение / все наслаждение
 15 понудила ~ мысли / понуждает меня осуществить мой план препода-
 вания
 25 1832/ В ЖМНП, нет

ПОРТРЕТ

Варианты ЧА Прт

- С. 46
 1–2 Портрет. Повесть / В рукописи нет; Портрет (Ар., *шмуцтитул*)
 3 § I / В рукописи нет
 4–5 как перед картинною лавочкою / а. перед лавкою; б. перед картинною
 лавкою
 5 на Шукином дворе / в Шукином дворе
 5–6 Эта лавочка ~ собрание диковинок / Для меня до сих пор загадка, кто
 поставляет сюда свои произведения, какие люди, какою ценою, но
 [народ] много зевак толпилось засматриваясь <на> картины
 6–7 Картины большею частью были писаны / Они большею частью были
 все писаны
 8 Зима с белыми деревьями / С белыми деревьями зима
 8–9 совершенно красный / красный совершенно
 10 и выломанною рукою / с выломанною рукою
 10–11 на индейского петуха в манжетах / на Индейского петуха
 11–14 вот обыкновенные их сюжеты ~ кривыми носами / Портр(еты)
 Забалканского и Эриванского с красными лицами и саблями в руках и
 тому подобные предметы¹ занимали проходящих. Между тем толпа
 сменялась другою. Из числа зрителей нельзя было не заметить одно
 лицо, выставившееся далее всех вперед. [Судорожно смеющееся]
 Судорожной смех еще трепетал на губах его, между тем как глаза, со-
 вершенно выразившие задумчивость, были уже безмысленно и не
 глядя² устремлены на картину

¹ предметы написано дважды

² и не глядя вписано

С. 46–47

14–2 Двери такой лавочки ~ посмотреть, на что он смотрит *Соответствующий фрагмент вписан на соседнем л. 24 об.*

С. 46

14–15 Двери ~ бывают увешаны связками / Эта лавка точно представляла [собра(ние)] самое разнородное собрание дикови(н), и наконец на дверях лавки висели связками

15 тех картин / а. те картины; б. те гравированные на лубках картины

16–17 На одной из них была Царевна Миликтриса Кирбитьевна / Они все почти были раскрашены, но только одною³ красною краскою, потому что [Рус(с)кий] народ очень уважает этот цвет. [На одном из них] Эстамп представлял Миликтри(су) Кирбитьевну

16–18 на другой город Иерусалим, по домам и церквям которого / другой город Ерусалим, по домам которого

19 захватившая часть земли и двух / а. захвативши и двух; б. захвативши частью и двух

20–24 Покупателей ~ суп не слишком горячий / [Посе(тителей)] [Немуд(рено)] [Посетителей было б(ольше?)] Не мудрено, что возле нее всегда кто-нибудь. Забуддыга лакей [нес(я)] уже верно зевает перед ними, неся в руках судки с обедом из трактира для своего барина, который без сомнения не слишком горячий [буд(ет)] хлебать будет суп

24–25 Перед ними верно ~ два перочинные ножика / солдат, продающий два перочинных ножика

26–27 Всякой восхищается по-своему / *В рукописи нет*

27–28 кавалеры рассматривают серьезно / а. солдаты смотрят; б. кавалеры смотрят (1 нрзб.)

28 лакей-мальчишки / маль(чишки)⁰

30 смотрят / нюхают табак и смотрят

С. 46–47

31–1 спешат по инстинкту, чтобы послушать / по инстинкту послушать

С. 47

3 молодой художник Чертков / молодой художник

3–4 Старая шинель и нещегоольское платье показывали в нем / которого [потертая] старая шинель и нещегоольское платье казалось показывало предан был своему труду / предан был труду своему

5–7 и не имел времени ~ привлекательность для молодежи / и так был занят им, что не думал о своем костюме, [предмете] имеющем всегда какую-то прелесть для юности, прелесть, [которая разве может] которую заставит совершенно позабыть разве только слишком сильная страсть

7 Он остановился / [Он] Остано(ви)вшись

7–8 и сперва внутренно смеялся / он [в начале] сперва внутренно смеялся

8–9 неволью овладело им размышление / неволью какая-то грусть овладела им

9 стал думать о том / а. начинал размы(шлять); б. стал размы(шлять) о том

10–11 на Ерусланов Лазаричей, на объедал и обпивал, на Фому и Ерему / на Еруслан Лазоревичей, на Объедал и Обпивал, на Фому и Иерему

11–12 не казалось удивительным / не казалось странно

12 изображенные предметы / предметы изображенные

14 малеваний / картин

15–17 которые показывают ~ глубокое его унижение / который показывает уже какое(-то) притязание на высший шаг искусств(ва), но в котором выразилось все глубокое унижение

³ одною вписано

- 18 одному невольному желанию / невольному желанию
 19 не сохраняли / не имели⁰
 21–22 просвечивалось бы хотя какое-нибудь старание / просвечивалось
 какое-нибудь желание
 22 порыв произвести / порыв сделать
 22–23 но ничего этого нельзя было отыскать в них / но в них [нельзя] ниче-
 го этого нельзя было отыскать
 25–26 И трудился ~ один и тот же / И трудился⁴ без сомнения одна и та же
 рука
 27 приобывшая рука / привыкшая рука [казалась совершенно]
 28–29 Он ~ перед этими грязными картинами / Он (без) внимания стоял
 29 но уже совершенно / уже совершенно
 32 рассказывал ему / рассказал ему
 34 честью уверяю / я вас уверяю
 35 заманчивые речи / заманчивые слова
 35 мимо ушей Черткова / мимо ушей художника
 35–36 Наконец, чтобы немного ободрить хозяина / Наконец
 36–37 запылившихся картин / запылившихся портретов⁰
 37 Это были старые / Это были или старые
 37–38 которых потомки вряд ли бы отыскались / а. которым верно бы непри-
 ис(кались); б. которых вряд ли бы нашлись потомки [Но с]
 39 на лице его / на лице художника
 39–40 краска, которая означает тайное удовольствие / а. така(я); б. та крас-
 ка, [от] которая означает удовольствие
 41 Он стал нетерпеливо тереть рукою / Он начал ее старательно и нетер-
 пеливо отирать рукою и пла(тком?)

С. 48

- 1 краски казались / краски его были
 2 и почерневшими / и почернелыми
 3 даже злобным выражением / [хитрым] несколько даже злобным
 выражением
 3–4 в устах его была улыбка / в устах была и улыбка
 4 резкая, язвительная / резкая, ядови(тая)⁰
 4 какой-то страх / какой-то страх дрожал на губах. [Манжеты]
 5 тонко разлит по лицу, исковерканному морщинами / [живо] тонко
 разлит по его лицу, изрезанном(у) темными морщинами
 5–6 глаза его были велики, черны, тусклы / Глаза были тусклы
 6–7 была заметна какая-то / была видна какая
 7–8 какого-нибудь скрягу / какого-нибудь ростовщика или скрягу
 8–12 или одного из тех ~ у жителей северных губерний / В рукописи нет
 12 Во всем портрете была видна / Манжеты хотя не были совершенно⁵
 окончены, но чувствовали прикосновение руки искусного художника.
 Во всем была видна
 13 приведен был / приведен
 14–15 то знаток ~ творение Вандика / а. то может быть его [бы при(писы-
 вали)] бы долго приписывали или Вандику или др(угому); б. то знато-
 ки не могли бы разрешить, каким образом неизвестное дотоле⁶ творе-
 ние Вандика [зашло]
 16 на Шукин двор / на Шукином дворе

⁴ Так в рукописи

⁵ совершенно вписано

⁶ неизвестное дотоле вписано

- 17 отложивши его в сторону, начал / поставил его в сторону и начал
 17–18 не найдется ли еще чего / не найдет ли еще чего
 18 но все прочее составляло / но все было[◊]
 19 и показывало только / и показывало
 19–20 попал между них / попал между ними
 20 Наконец Чертков / Художник наконец
 20–21 заметив по его вниманию / заметив по вниманию его
 21 что портрет чего-нибудь стоит / что он должен [б(ыл)?] чего-нибудь
 стоять
 21 почесал за ухом / возвысил голос
 22 Да что ~ маловато / а. десять рублей; б. Я с вас возьму десять рублей
 23 Чертков протянул руку / Художник протянул руку
 25 собралась куча / собралась целая куча
 25–26 господин в плаще ~ перед картиною / человек, подобно ему, долго
 смотрел на портрет
 27 сильно забилося / сильнее забилося
 28 предмет его исканий / предмет его исканиям
 28–29 Осмотревши внимательно / Обсмотревши внимательно
 29 нового покупателя / [нового] этого(?) покупателя
 29 он несколько утешился / Корчин несколько утешился
 30 заметив на нем костюм / увидев на нем костюм
 34 произнес покупатель / произнес противник
 35 Лицо Черткова судорожно вздрогнуло / Лицо молодого художника
 горело
 35–36 и он невольно выговорил / и [неволь(но)] почти невольно произнес он
Над строкой вписано: выговорил
 37 потирал руки / поти(рал?)
 38–39 обступил покупающих, услышав носом / обступил покупателей, увидев
 39 продажа превратилась в аукцион / продажа обратилась в Аукцион
 39–40 всегда имеющий / [(1 нрзб.)] всегда имеющий в себе
 40 даже для посторонних / а. для участвующих; б. даже не для уча-
 ствующих
 40–41 набили до пятидесяти рублей / набили до 50
 С. 48–49
 41–1 закричал Чертков: пятьдесят / закричал Корчин 50 рублей и оста-
 новился
 С. 49
 1 вся сумма в 50 рублях / [(1 нрзб.)] вся сум(м)а из 50 рублей
 1–2 он должен, хотя часть, заплатить за квартиру / половину он должен
 был заплатить [половину] за квартиру
 2–3 и, кроме того, купить красок / а на др(угую) купить красок
 3 и еще кое-каких необходимых вещей / и кое-каких необходимых вещей
 3 Противник / Противник его
 4 отступился / остановился и казалось плата(?)[◊]
 4 превосходила также его состояние / [и его⁷] превосходила его состояние
 5 за Чертковым / за Корчевым
 6 он бросил ее в лицо / бросил он в глаза
 6–7 но вдруг отскочил от нее, пораженный страхом / но [впер(ив?)] вдруг
 отскочил от нее с чувством испуга[◊]
 7 Темные глаза / Серые оловянные(?) глаза *Над строкой вписано:*
 мутные

⁷ и его вписано

- 8 глядели так живо и вместе мертвенно / так глядели живо и вместе
мертво
- 9 не ощутить испуга / не испугаться *Над строкой вписано: явственно
горели⁸*
- 9–10 Казалось, в них ~ часть жизни / в них неизъяснимо-странно была, ка-
залось⁸, удержана часть жизни
- 10 Это были не нарисованные / Это не были нарисованные
- 11 были неподвижны / были недви^(жимы?)⁰
- 11–12 но верно не были бы / но кажется их^(?) [*1 нрзб.*] они верно не были
бы
- 12–13 Какое-то дикое ~ неизъяснимое ощущение / Какое дикое чувство, не
страх, но то [чув^(ство?)] неизъяснимое чувство
- 14 странности, представляющей / [странного] странности необыкновен-
ной^(?) и вместе представляющей
- 16–17 провел Чертков / провел художник
- 18–19 отхлынул от лавки / отступился от лавки
- 19–20 покупатель ~ боязливо удалился / Покупщик [состязавший^(ся)] всту-
пивший с ним в спор, боязливо ушел
- 20 Сумерки в это время сгустились / Сумерки в это время [более] сгу-
стившиеся
- 20–21 чтобы сделать еще более / чтобы более сделать
- 21–22 Чертков не в силах был оставаться более / [Леон] Художник не в си-
лах был оставаться более и вынести хоть минуту этот неизъяс^(имый)
взгляд
- 22–23 взять его с собою / взять его
- 23–24 Свежий воздух ~ говор народа / Воздух, гром мостовой и говор
народа
- 24–25 все еще сжата / сжата⁰
- 25–27 Сколько ни обращал он глаз ~ одним необыкновенным явлением /
И сколько он ни обращал глаз по сторонам, они не могли заняться
окружающими предметами. Мысли рисовали перед ними другой пред-
мет, и этот предмет были живые глаза. — Мысли его были заняты
этим необыкновенным явлением
- 27 думал он сам про себя / думал он сам в себе
- 29 Какая странная, как непостижимая задача! / Непостижимая задача!⁰
- 29–30 или для человека / Или человек⁰
- 30 высшее познание / высшее познание искусства
- 31 и чрез которую / и через которую
- 31 не создаваемое трудом / несоздаваемое дерев^(я)нным трудом
- 32 вырывает что-то живое из жизни / вырывает что-то из жизни⁰
- 32–33 одушевляющей оригинал / одушевляющей самый [предмет] оригинал
- 33–34 Отчего же этот переход ~ для воображения / а. Но этот; б. Но отче-
го переход за эту черту положенную границею воображения человека
так ужасен / ужасен⁰
- 34 или за воображением ~ наконец действительность / Или [наконец] за
воображением, за порывом наконец следует действительность [или и
челов^(ек)] [Так челове^(к), желающий ис^(пытать?)]
- 36 соскакивает воображение с своей оси / соскакивает воображение
- 38 тогда, когда он, желая постигнуть / а. когда он, желая глубже рассмо-
треть и постигнуть; б. тогда, когда он, желая рассмотреть и постигнуть
или чересчур близкое / или совершенно близкое

⁸ казалось вписано

- 2-4 маленькую комнатку ~ в которой лежали / малинькую комнатку где лежали
- 4 разбросанные / разбросанными
- 4 ученические его начатки / ученические начатки его
- 5 в художнике / в не(м)⁰
- 5-6 старание постигнуть / а. сильное старание; б. сильное старание постигнуть
- 6 и внутренний размер природы / и [размер] внутренний размер всей природы
- 7-8 потянулись одна за другою / разом хлынули одни за другими
- 8 так живо чувствовал он / так живо он чувствовал
- 10 И вот год / Вот четыре года⁰
- 12 быстро вдохновения / быстрого воображения
- 12-13 Только тронут они кистью, и уже является у них человек / [Быстро] Как только размахнулась быстрая их кисть на полотне — и уже является человек
- 14 каким он создан / каким создан
- 14-15 живы, непринужденны / живы и непринужденны
- 15 Им это дано вдруг, а мне / а [кажется]⁹ означены вдруг за одним махом кисти. Оно, кажется, вдруг дается, а между тем [для этого нужно] чтобы достигнуть его
- 18 схожи с оригиналами / схожи с оригиналом
- 19 выйдет совсем не то / совсем не то выйдет
- 19 так верно / так свободно⁰
- 21 не будет так естествен / не будет естествен
- 21-22 а мысль ~ Великим Художником! / чорт возьми, я не буду верно никогда хорошим Художником
- 23-24 прерваны ~ парнем лет осьмнадцати / прервал вошедший мальчик лет 18
- 24-25 и рыжими волосами / рыжими волосами
- 25 Он без церемонии начал / и начал без церемонии
- 25-26 стягивать ~ в свои размышления / стягивать сапоги с нашего художника
- 26-27 Этот парень ~ лакей, натурщик / Он был [вместе] его лакей, натурщик
- 28-29 и пачкал ~ его пол / и марал своими грязными ногами пол его комнаты
- 29 Взявши сапоги / Снявши сапоги
- 29 выходил уже из комнаты / выходил из своей комнаты⁰
- 30 оборотил голову назад / оборотил назад голову⁰
- 30 произнес громко / сказал [не гр(омко)]
- 31 отвечал рассеяннo Чертков / отвечал рассеян(но) Коблев
- 32 еще хозяин приходил / хозяин еще приходил⁰
- 33 следуя похвальному обычаю / по похвальному обычаю
- 33 всех людей его звания / всех этих людей
- 33-34 упоминать в P. S. о том, что поважнее / о том, что поважнее, упоминать в post scriptum
- 37 чтобы не беспокоился о деньгах / чтобы не беспокоился⁰
- 37-38 отвечал Чертков / отвечал Коблин
- 38 я достал деньги / я сегодня достал
- 38 он обратился / он по какому-то невольному чувству⁰
- 39 но вдруг вспомнил / И наконец вспомнил

⁹ Над строкой вписано: оно

- 1 и не взял / и оста(вил)⁰
 3 отказаться от такой покупки / отказаться от портрета
 4 не позволяли сделать / не позволяют сделать
 4 никакой лишней издержки / никакой покупки
 5–6 ложился на его пол ~ оканчиваясь на стене / ложился на его полу, захватывал часть кровати и оканчивался на стене
 6–7 Все предметы и картины, висевшие в его комнате / [и поневоле увлек его музыкою своего сияния за собою] Все [предметы] картины в его комнате
 7–8 краями своими / краем своим⁰
 8 вечно-прекрасного сияния / музыкального сияния
 9 нечаянно он взглянул / нечаян(н)о взглянул
 9–10 тот же самый странный портрет / тот самый ужасный портрет
 10 так поразивший / поразивший
 10–11 Легкая дрожь невольно пробежала по его телу / Мгновенный холод пробежал по его жилам
 11–12 камердинера и натурщика / камердинера натурщика
 12–13 каким образом ~ портрет / каким образом зашел сюда портрет и кто принес его
 14 который был еще поутру / который [приходил тол(ько)] был поутру
 15–16 Чертков чувствовал ~ зашевелились на голове / Невольная дрожь пробежала по его жилам
 16 он силился / он старался
 17 не могло ничего быть / здесь не могло быть ничего
 17–18 что мальчик его мог в это время / [ма(льчик)] что мальчик его в это время мог
 18 хозяин портрета мог его прислать / хозяин портрет мне вполне⁰
 19 его квартиру / и его квартиру
 19 Короче / И вообще
 20 те плоские изъяснения / те назидательные изъяснения, сделавшиеся общими местами⁰
 20–21 употребляем, когда хотим / всегда употребляем, чтобы случившееся⁰
 22 Он положил себе / Он положил
 22–23 к нему обращалась / обращалась к нему
 23 взгляд, казалось, прикипал / взгляд, казалось, примерзал
 24 Неподвижный взгляд / Взгляд⁰
 25 вбирая в себя лунный свет / [вбирались] вбирая в себя свет
 25–27 до такой степени была страшна ~ слеза дрожала / а. до такой степени была страшна, что даже влажность была на них видна; б. до такой степени была страшна, что [казалось] даже видна была даже влажность и слеза дрожала
 27 на ресницах старика / на ресницах
 27–28 светлые сумерки / Су(мерки)⁰
 29 и страшное лицо / а. и лицо; б. и ужасное лицо
 30 как будто / б(удто)⁰
 33–34 свечу, около которой / а. свечу, которой; б. свечу, возле которой
 34 его лакей / его камерд(инер)⁰
 35 лунный свет, слившись с сиянием свечи / а. лунный свет, соединившись со светом огн(я); б. Лунное сияние, слившись с сиянием от свечи более непостижимой / более неизъяснимой⁰
 36 начал закрывать / начал закутывать
 37 это было следствие / это было следствием [вообра(жения)]
 40–41 получили ~ сноровку / сохраняли слишком живо это воспоминание

- 1 сверкал / сверкает
 1–2 погасить свечу и лечь в постель / погасить постель⁰
 2 скрывавшими от него / скрывавшими от нее
 3 Напрасно ожидал он сна / Сон даже⁰
 3 мысли самые неутешительные / [Мечтания самые] Мысли неутешительные [разбивали тот]
 5 недоконченные картины / [картины, рисунки] недоконченные картины [за которые никто не даст гроша]
 6–7 двигалось перед ним и сменялось одно другим / двигалось перед ним
 7 И когда / когда
 7–8 прогнать их / прогнать эти мысли⁰
 8 портрет властительно втеснялся / портрет являлся⁰
 10 Никогда не чувствовал он / Никогда он не чувствовал
 11–12 вторгается в одинокую спальню поэта / а. врывается в спа(льню); б. вторгается в одиноку(ю) спальню поэту
 12–13 и проносит младенчески-очаровательные полусны / а. и несет поэти(ческие); б. и проносит младенческие очаровательно несвязные сны
 13 над его изголовьем / над его изголовием
 13–14 не наводил на него / не наносил ему
 15 упал он / он упал
 15 но в какое-то полузабвение / но в полузабвение⁰
 16–17 когда одним глазом ~ окружающие предметы / когда [вид(ишь)] [и] вместе и видишь в неясном облике [действительные:²] окружающие предметы и видишь¹⁰ предметы, принадлежащие к миру сновидения
 18 и сходила с портрета, так же, как / от портрета так, как
 19 с кипящей жидкости / с [накипевшей] кипящей(ся) жидкости
 19 подымалась на воздух / выходила на воздух
 21 Чертков чувствовал / [Дыхание за(нималось)] Коблев чувствовал
 22 но руки его / но члены его
 23 и вперились в него всюю / а. и находились перед ним; б. и вперились всюю
 24 Чертков / Коблев
 24–25 заметил у него на губах улыбку / увидел улыбку⁰
 25–26 жалила его ~ живостью осветила / а. жалила своим движением и подернула; б. жалила своим ослаблением и вдруг тронула яркою живостью
 26 его лица / всего лица
 27 Не бойся меня / Не бойся, ведь я теперь твой. Ты купил меня⁰
 27 мы с тобою никогда / мы теперь никогда⁰
 29 целые веки корпеть за азбукою / корпеть целые веки над Азбукой
 29–30 читать по верхам / читать
 30–31 думаешь, что долгими усилиями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь / думаешь что долгими усилиями постигнуть искусство ты выиграешь
 32 лицо его / лицо
 33–34 ты получишь завидное право / [Ты получишь на шею веревку или] завидное право
 34–35 или, завязавши шею / а шею завязывавши [ше(ю)] [завязавши] шею
 36 накупивши их / купивший их

¹⁰ Над строкой вписано: восприним(аешь)

- 36–37 чтобы нарисовать ~ красную рожу / а. и нарисует какую-ни(будь);
б. и нарисует свои красные лица и синие платья; в. и нарисует свои
красные фигуры
- 37–38 Брось свою глупую мысль / Брось[◊]
- 38 Все делается в свете для пользы / Все делается в мире¹¹ для пользы
- 38–39 и рисуй / рисуй
- 39 бери все / бери все, все
- 41 жизнь не останавливается / жизнь не останов(ишь?)
- 41 Чем более смастеришь / чем больше отхватываешь

С. 53

- 1 будет у тебя денег / у тебя будет денег
- 2 и найми / а. и нанимай себе; б. и найми себе
- 2 Я тебя люблю и потому / а. Я тебя люблю поэтому; б. Люблю и по-
(т)ому
- 3 и денег / и деньги[◊]
- 6 дрожь проняла Черткова / [(1 нрзб.)] тоска проняла Коблева
- 7 на его лице / на лице его
- 7 все свои усилия / все усилия [свои]
- 8 привстал с кровати / привст(ал) на кровати
- 8 сделался тусклым / сделался тусклым, тусклым[◊]
- 9 он только заметил / он заметил
- 9 он ушел в свои рамы / он в свои рамы[◊]
- 9–10 Чертков встал с беспокойством / Коблев [встал с постели] в сильном
беспокойстве
- 10 Чтобы немного / [Лунное сияние] [духота] [уставши(?)] и чтобы не-
много
- 11 он приблизился / приблизился
- 11 лежало все еще / лежало
- 12–13 хотя небольшие тучи стали чаще переходить по небу / В рукописи нет
- 13 Все было тихо / Все было тихо [тихо(е?)]
- 13 изредка долетало до слуха / долетал до слуха отдаленный
- 13–14 отдаленное дребезжание / отдаленное медленное дребезжание
- 15 своею ленивою клячею / сво(е)ю спокойною клячею
- 15–16 поджидая запоздалого седока / ожидая запоздалого седока
- 16 Чертков уверился / [Осенний х(олод?)] Коблев уверился
- 17 представило ему во сне творение / представляет ему во сне порож-
(дение)[◊]
- 19–20 только маленькая искра сквозила изредка сквозь нее / только не-
большая искра [мелькала сквозь полотно] сквозила только сквозь
нее
- 21 Проснувшись / Проспавшись[◊]
- 21 он долго чувствовал в себе / чувствовал [то состояние] себя
- 22 овладевает человеком / а. Как в тексте; б. остается в человеке
- 23 было тускло / а. было темно; б. было тускло от (2 или 3 нрзб.)
- 24–25 сквозь щели ~ натянутым грунтом / сквозь его окна, заставленные его
картинами или натянутым на рамы грунтом
- 27 умильное лицо просителя / рожа просителя
- 28 жил Чертков / жил Коблев
- 28–31 одно из тех творений ~ творение, каких / одно из творений Божиих,
которых
- 33 В молодости своей / Он был уже вдов[◊]

¹¹ в мире вписано

- 33–34 был и капитан и крикун ~ был и расторопен / а. был и капитан и стряпчий, был и крикун и расторопен; б. был и капитан, [и штатский] был и штатский, мастер был хорошо высечь, был и крикун и расторопен
 35 но в старости своей он слил / [в] но в старости смесивший
 36–37 был уже в отставке / а. через каждые две недели; б. был отст(авным?)
 37 не задирался / Как в тексте. Над строкой вписано: одним словом был человек в от(ставке)
 38 болтать за ним всякой вздор / болтать за ним всякой вздор [одним словом был человек] Над строкой вписано: на крыши(?)
 39 поправлял сальной огарок / поправлял сальной огарок, выходил (не дописано; в рукописи далее знак вставки #).

С. 54

- 1 дворника из его кануры / дворника забирав(шегося)⁰
 2 был человек в отставке / был в отставке⁰
 2–4 которому ~ пошлые привычки / которому остаются только привычки.
 5 Извольте сами глядеть / Вот, извольте видеть
 5–6 обращаясь к Квартальному и расставляя руки / обращаясь к [почтенному лицу] полицейскому
 8 Я должен вам объявить / а. Позвольте спросить; б. Позвольте вам объявить
 9 заложивши ~ мундира / заложивши [руку] палец за пуговичку мундира
 10–11 квартирные деньги / деньги за квартиру
 12 когда нечем / когда не имею⁰
 12–13 сказал хладнокровно Чертков / а. отвечал равнодушно; б. отвечал с равнодушною досадою Коблев; в. отвечал равнодушно Коблев
 17 Берите все, что хотите / Берите все
 17–18 отвечал почти бесчувственно Чертков / отвечал Коблев
 20 перебирая из них некоторые / [рассматр(ивая)] перебирая некоторые
 21 и краски-то не так живы / и не заметно [живости] хороших красок
 21 недостаток в деньгах / [вы] у вас был⁰
 23–24 При этом Квартальный ~ сдернул с нее простыню / продолжал квартальный, без церемонии подошедши к портрету и сдернувши с него простыню
 25 маленькую вольность / маленькие вольности
 26 изумил его / поразил его
 27 на всех равное действие / на всех равное действие, даже на (во)все непосвященного в тайны искусства
 29 отзываются топорной работой / отзываются железом
 30 то рамка вдруг лопнула / то рамка лопнула
 30 небольшая дощечка ~ свертком золота / маленькая досточка отскочила и разорван(ный)¹² сверток червонцев брякнул на землю
 31–32 и несколько блестящих кружков покатилося во все стороны / Несколько золотых кружков покатилося по полу
 32 Чертков / Коблев
 33–34 несколько поднатяг им червонцев / взятые им с полу червонцы
 35–36 заметил Квартальный, приятно улыбаясь / В рукописи нет
 38 Эти деньги / Эта монета⁰
 38 вскричал Чертков / Я их не должен тратить, вскричал Коблев
 39 искусных рук полицейского / хищных рук
 39–40 они вверены мне / они вверены еще мне
 40 чтоб вас / чтобы вас

¹² разорван(ный) вписано

- 1 Физиогномия и приемы в одну минуту изменились / [«Но я спрашивал(?)»] [Лица] Физиогномии, манера, все в одну минуту изменилось
- 2 блюстителя за нравами пьяных извозчиков / блюстителя нравов [за] и пьяных извозчиков
- 3 Полицейский ~ уверять / [Хозяин] Полицейский стал извиняться
- 4–6 его принудить ~ приз табаку / его принудить *Над строкой вписано и зачеркнуто*: причем предло(жил) *В нижней части листа со знаком вставки # вписано*: причем предложил приз табаку
- 6–8 с такою божбою ~ купец в гостинном дворе / так сурьезно, как только может уверять рус(с)кой Купец
- 9 Но Чертков выбежал / Но Корчин выбежал
- 9–11 на прежней квартире ~ этого происшествия / в своем жилище. *Над строкой вписано и зачеркнуто*: по доро(ге) *В нижней части листа со знаком вставки # вписано*: по дороге он думал о странном происшеств(вии)
- 11 Осмотревши сверток / Обсмотревши сверток
- 11 более сотни / около 10
- 13 как нарочно для него приготовлена / очень хороша
- 14 высокие комнаты / высоких комнат
- 14–15 все выгоды и удобства / все [принадлежно(сти)] выгоды удобства
- 15 Лежа на турецком диване / казалось как будто¹³ нарочно [были соединены] в(ся) она была сделана для него. Лежа [на своем] на Турецком диване
- 15 глядя в цельные окна / глядя в окна⁰
- 17 дивился сам своей судьбе / дивился сам быстрой перемене судьбы своей
- 19 по стройным колоссальным стенам / по высоким стенам его
- 19–20 между ними / между ними как (*не дописано; далее небольшой пробел в строке*)
- 20 висел таинственный портрет / повесил таинственный портрет
- 20–21 который достался ему таким единственным образом / *В рукописи нет*
- 21 Он опять / [Коблев] Коблев опять
- 21–22 необыкновенной живости / странной живости
- 22 к видимому им / к виденному им
- 23 к чудному кладу / к чудесному кладу
- 23 в его рамках / в рамках портрета
- 24–25 какая-нибудь история соединена с существованием / какая-нибудь история [сопровождала] произве(ла?)⁰
- 25–26 и что даже, может быть, его собственное бытие связано / а. Чего бы не был¹⁴, чтобы разрешить; б. что его собственное бытие должно быть; в. что даже, может быть, его собственная жизнь каким-нибудь таинственным образом связана
- 26 с этим портретом / с [его] (*1 нрзб.*) портретом
- 26 Он вскочил / Странн(о)⁰
- 26 и начал / начал(?)
- 27 рассматривать / осматривать
- 28 тоненькой дощечкой / тоненькой дощечкою
- 28 заглаженной / сглаженной

¹³ как будто вписано

¹⁴ Так в рукописи

- 29 никто бы не мог / никогда бы не мог
 29 о его существовании / о существовании
 30 не продавил дощечки / не продавил ее
 31 и еще раз на него посмотрел / и [начал] еще раз посмотрел на него
 32 среди яркого света / а. среди света; б. среди белого света
 33 сквозь огромные окна / чрез огромные окна
 33 и многолюдного шума / и [шуму] многолюдно(го) шуму
 34 его слух / слух его
 34 что-то неприятное / что-то невыразимо неприятное
 34–35 постарался скорее от него отворотиться / невольно отвлек свои глаза
 35–36 зазвенел звонок у дверей / звонок¹⁵ зазвучал у его дверей
 36–37 дама пожилых лет ~ лет осьмнадцать / дама пожилых лет с [де(вуш-
 кой)] молоденькою девушкою лет 18
 39 Я к вам с просьбою / Я слышавши [узнавши], что вы недавно приехали⁰
 39 произнесла дама ласковым тоном / произнесла ласковым тоном дама

С. 55–56

- 40–1 с художниками ~ для удовольствия других / с артистами, [немецкими
 ремесленника(ми)] французскими парикмахерами и [другими] прочи-
 ми рожденными для удовольствия других людьми

С. 56

- 1 Я слышала / Мне хочется нарисовать портрет⁰
 1 Чертков удивился / Коблев удивился
 3 При этом ~ обратилось / Бледнинькое¹⁶ личико дочери обратилось
 при этом
 4 знаток сердца / большой знаток души
 4 то вдруг бы прочел на нем / то верно прочел бы на нем
 4–5 немноготомную историю ее / [все что] всю [историю] немноготомную
 историю [молодой] его хозяйки
 5 Ребяческая страсть к балам / ребяческая [страстишка] страсть к ба-
 лам, к щегольскому наряду
 7 на многолюдном гуляньи / на многолюдном собрании
 7–8 нетерпеливость увидеть / желание [встре(тить)] увидеть *Над стро-
 кой вписано: нетерпеливость*
 9–10 какую мадам Сихлер сделала уборку к платью княгини Б... / как не-
 давно мадам Сихлер убрала жакой(?) княгине Б...
 11–12 бледное ~ болезненной желтизны / бледное [с какой-то болезненной
 желтизною] почти без выражения с как(ой)-то болезненной желтизной
 13–14 Я бы желала ~ продолжала дама / Если Вам [нужн(о?)] можно, то
 мне хотелось [бы], чтобы вы теперь же занялись
 14 Чертков бросился / Коблев бросился
 14–15 к краскам и кистям / к краскам, к кистям
 17 несколько ~ дама / несколько предупредить [несколько]
 18 и этим облегчить несколько / и можно сказать облегчить
 19 во всех чертах лица / и чертах лица
 20 и признаюсь, я никогда не даю ей / и я признаюсь ей никогда не даю
 22 вы изобразили ее / ее изобразили
 24 будто она едет / чтобы она ехала
 24–25 Наши балы, должно признаться, так скучны / Наши балы так скучны⁰
 26 и даже самой / и самой
 29 Чертков был / а. Художн(ик); б. Наш Коблев был

¹⁵ *Над строкой вписано: зазвенел*

¹⁶ *Бледнинькое вписано*

- 30 решился избрать / решился на том благоразумном (п)равиле, [чтобы
его прельщало желание / его льстило жел(ание)
31
31–32 восторжествовать искусством / восторжествовать над искусством
32 согласив двусмысленное / сохр(анив) точное¹⁷, двусмысленное
33–34 бросила на полотно первый туман, художнический хаос / бросила пер-
вый туман, художнический хаос на полотно
34 медленно образующиеся / образующ(иеся)[◊]
35 и уже начал / и [казалось оследова(л)(?)[◊]] начал[◊]
37 в правдивой копии / в снимке
38–39 он чувствовал / он видел
40–41 неизъяснимое и прогрессивно возвышающееся / нетерпеливое [возвы-
шающее(ся)] и прогрессивно возвышающееся
41 известно только таланту / [достается только тал(анту)] известно толь-
ко [чувствов(авшему) чувствующему в себе искру таланта

С. 56–57

- 41–1 Под кистью его лицо портрета / Лицо его начало

С. 57

- 1–2 приобретало тот колорит, который / приобретать тот колори(т), какой
3–4 художнику еще неопытному трудно было / кисти [очень трудно было]
еще не совсем опытной, утвердившейся было трудно
4 урывками и мгновеньями / урывками, мгновениями
6–7 произнесла почтенная дама / произнесла почтенная дама подхо(дя)[◊]
8 как это ужасно / как это досадно
8–9 А душа и силы разохотились и хотели разгуляться / А кисть только
начала [достигать желаний] быть художественной
9 бросивши палитру, стоял он / бросивши кисть стоял худож(ник)
9–10 перед своею картиною / перед своею палитрой[◊]
11–12 оканчиваете совершенно портрет / оканчиваете совершенно портрет свой
12–13 до сих пор еще только почти один абрис / [только] до сих еще только
почти один только абрис
13 мы приедем / Я приеду
13–14 в это же время / в такое же время
17 над своею незаказною работою / а. над незаказною своею работою и
чувствовал жажду; б. над своею незаказною работою и чувствовал жа-
жду порыва
17–18 с досадою отодвинул он / [брос(ил)] с досадою бросил он
18–19 другими недоконченными работами / другими работами[◊]
19–20 проникнувшие уже до души / проникшие до самой [души] [глубины]
души
20 заместить новыми / вытеснить новыми
20 в которые еще / еще[◊]
22 Юность счастлива тем / юность тем[◊]
22 бежит множество / тысячи бегут
24 и потому Чертков / и потому наш Копьев
25 и что не во власти / Боже! что не во власти[◊]
25 исполненной сил юности / свежей исполненной силы юности
26 русской человек ~ имеет / Рус(с)кой человек имеет[◊]
27 странное свойство: как только / то странное свойство: что как только
29 за квартиру / за квартиру и [мебель]
29 около тридцати червонцев / двадцать червонцев
29–30 все эти тридцать червонцев / все эти двадцать червонцев

¹⁷ точное вписано

- 31 обед отличнейший / отличнейший обед
 31–32 и не захотел взять сдачи / и не хотел взять [сдачи] [при] после рас-
 платы сдачи
 32 нанял ~ только / [отправился в театр] нанял щегольскую карету, чтобы
 33–34 в кондитерской / в кондитерских
 35 без копейки в кармане / усталый без копейки в кармане
 35–36 Бросившись в кровать, он уснул крепко / [и заснул крепким сном]
 Бросившись в кровать он уснул крепким сном
 36–38 но сновидения ~ он увидел / а. и потому только проснулся, что [упал]
 скатился с кровати; б. и проспал бы сам очень долго, если бы не слетел
 с кровати на пол. Боль, причиненная ему падением, несколько време-
 ни прогнала сон. Он начал размышлять [и между прочим ему пришло
 на ум, что у него нет ни копейки]. Ему очень показалась жизнь [одно-
 го] минувшего дня, но в кармане у него не оставалось ни копейки. Это
 было ему неприятно. При этом чувства все его были как-то странно
 стеснены, он чувствовал на душе какую(-то) тяжесть [с в(ремени)²],
 которая, казалось, поселилась в него со времени приобретения [чудно-
 го] того странного портрета. Мысль о нем вдруг предстала его уму, и
 он заворотился крепче¹⁸ своим одеялом, чтобы не встре(тить) его
 пронзительных глаз. [Как] Едва только дремота начала овладева(ть)
 им, как слух его был поражен каким-то неприятным царапаньем.
 Он видел
 38 изображение старика / изображенный (на) портрете старик
 38–40 отделилось от полотна ~ золото сыпалось / с беспокойством отделил-
 ся от полотна¹⁹ и второпях пересчитывал [монеты] деньги, кучи золо-
 та сыпались

С. 57–58

- 40–1 глаза Черткова горели ~ не была понятна / [Как золото] Глаза его за-
 горелись, и казалось все чувства [почувствовали ту] находили в золо-
 те ту неизъяснимую прелесть, которая²⁰ еще никогда не была им до то-
 го понятна и которой не может противиться человек переш(едший)
 за 50-летний возраст

С. 58

- 2 целую гору червонцев / кучу денег
 2 Чертков судорожно / Копьев судорожно и с какою-то боязнью
 3–4 тряс его, изрезал ножом все его рамы / тряс его рамы, изрезал их
 ножом
 4 не находил / не нашел
 6 заманчивую кистью / запальчивую кистью
 7 с своею бледною Анетою / с своею [Леною] бледною Анет
 7 Художник / и художник
 7–8 поставил на станок свой портрет / поставил начатый портрет
 8 и на этот раз кисть его неслась быстрее / [В это время он скорее]
 (В это)т раз кисть его быстрее касала(сь), быстрее работалось
 8 Солнечной день / Солнеч(ный) день и
 9–10 дали какое-то особенное ~ Душа его / дали какой-то особенный эф-
 (фект) его²¹ оригиналу, [и] ему открылось множество таких²² тонкостей
 и тайн, которых тогда в первый раз он [и] вовсе и не заметил. Душа

¹⁸ Над строкой вписано: в, под строкой: свое

¹⁹ отделился от полотна вписано

²⁰ В рукописи: которой

²¹ Над строкой вписано: выражение его

²² таких вписано

- 11–12 мельчайшую точку или черту / [последнюю] мельчайшую точку и черту
 12 даже самую желтизну / а. всю желтизну; б. всю имеющую(ся)^(?) желтизну
- 12 неровное изменение / а. изменение; б. *(1 нрзб.)* изменение
- 12–13 в лице ~ красавицы / лица [ее] зевавшей [перед] и изнуренной перед ним
 в с тою точностию, которую / с тою точностию, с которою (*Ар., ПСС*); с тою точностью, которую
- 14–15 может нравиться так же и другим, как нравится им самим / будет нравит(ь)ся и другим так же <как> им самим [Но досадно(е) слово д(овольно)]
- 16 схватить одно общее выражение всего целого / схватить самое эффектное и восторжествовать над трудность(ю)
- 18–19 вскрикнула она с досадою / вскрикнула с досадою
 21 не ее лицо / не лицо
 23 Чертков с досадою / Художник с досадою
 24 и ласковую даму, и дочь ее / и ласковую²³ даму [и весь] и ее дочь
 24 просидел он / просидел
- 24–25 в своей великолепной комнате / в своей комнате⁰
 27 работу ~ Псишея / картину, на которой была [изобразена] начата Психея^(?)
 28 вошла / взошла
- 31–32 Ах как похоже! ~ и брови! / Ах как похоже!
- 32–33 прекрасной сюрприз ~ рука немного приподнята / приятный сюрприз
 34 о котором мне говорили / о котором вы говорили⁰
 35 Чертков стоял / Копьев стоял
- 35–36 приняла ~ своей дочери / приняла [портрет] Псишею за портрет ее дочери
 36 С застенчивостью новичка / С застенчивостью⁰
 37 этим слабым эскизом хотел изобразить Псишею / [эскиз] слабый [эскиз] эскизом он хотел представить Псишею
- 40–41 чувство досады ~ этим воспользоваться / чувство досады и злости подкрепило ее и внушило смелость (*вписано в нижней части листа под чертой со знаком вставки #, соответствующим знаку в тексте*)

С. 59

- 1–2 немного подолее / немного поболее
 2 произнес он / отвечал он
 3 что платья я еще не делал вовсе / я платья совершен(н)о не делал без вас²⁴
 4 с большею точностию / с самую точно(стию)
- 4–5 он одел / одел он
 5 XIX века / девятнадцат(ого) века
 6 просветлил слегка волосы / светлым покрыл волоса
 10 им овладела / к этому⁰
 10 мнительная боязнь / тонкая боязнь
- 12–14 которая заставляет если не истреблять ~ заставляет скорее / которая заставляет его истреблять и по крайней мере таить то произведение, которого он сам видит несовершенство (*вписано в нижней части листа под чертой со знаком вставки #, соответствующим знаку в тексте*) [Ему предств(лялось)] и которая²⁵ заставит его скорее

²³ ласковую *вписано*

²⁴ без вас *вписано*

²⁵ и которая *вписано*

- 15 истинного ценителя / истинного ценителя. Ему казалось(сь)⁰
 16 грозный судия / грозный судья
 17 укоряет его в бесстыдстве и бездарности / укоряет в бесстыдстве, в бездарности
 18 возратить только ее назад / возратить ее назад
 18–19 вслед за дамою / за уше(дшею) дамою
 19–20 вырвать ~ растоптать его ногами / вырвать из рук ее и разорвать, растоптать
 20 но как это сделать? Куда идти? / но как, куда
 20 даже фамилии / даже имени
 22–23 С этого времени однако ж произошла в жизни его счастливая перемена / Между тем с нашим художником²⁶ произошла счастливая перемена
 24–25 рассказала с восторгом / рассказывала с восторгом
 25 о необыкновенном художнике / о необыкновенном тал(анте) художника
 26 и, если можно / и даже если можно
 28 недостойным себя / всю недостойность своего²⁷
 28 такого подвига / великого подвига
 28–29 Чертков, чтобы сколько-нибудь загладить / Чертков решился загладить⁰
 30 заняться ~ работою / заняться со всевозможным стара(нием) и тщанием
 31 удвоить напряжение своих сил / усилить напряжение своих желаний
 35 кисть его начинала творить что-нибудь / кисть начинала что-нибудь творить
 36 преважно выставял / и преважно выставял
 37 горя желанием / желая
 37–38 художник спешил / художник старался⁰
 38 свою работу / свои работы
 39 что он ни на одну минуту / что ни одну минуту
 39 предаться размышлению / предаться вдохновению
 40 при самом рождении / при самом начале⁰
 41 чтобы ускорять / чтобы живее [облег(чить)] ускорять

С. 60

- 1 он начал заключаться / он начал заключать
 1–2 определенные, однообразные / определенные, одинаковые
 3 изображения старых художников / изображения тех художников⁰
 3–4 так часто можно встретить / так часто вст(речаются)⁰
 4 во всех краях ~ углах мира / во всех углах мира и краях Европы
 5–6 с сложенными ~ цветком / с сложенными накрест руками или с цветком
 7 желал он дать / а. хотелось дать; б. хотелось ему дать
 7 новое, еще не избитое положение / новую форму и положение
 7–8 отличавшееся бы / а. своей; б. своему; в. свои(м)⁰
 8 и непринужденностью / а. и свобод(ой); б. и непринужденною свободою
 9 достается / достается ему
 10 и есть плод великих усилий / и есть (плод) ужасных усилий
 10–11 дать новое смелое выражение / дать своему смелое новое выражение [найти]

²⁶ Над строкой вписано: с судьбою

²⁷ Так в рукописи

- 11 новую тайну в живописи / новую тайну музыки и живописи
 12 отравивши глаза от всего / закрыв глаза для всего
 13 от всего мирского и жизни / а. от мира; б. разом от всего мирского в жизни
 13–15 Но на это ~ вдохновение / Но для этого ему [не было] не оставалось времени и минуты, он был слишком изнурен для вдохновения от своей дневной работы
 17 чтобы вызвать / вызвать
 19–21 красивое ~ и множество других / [или] красивое лицо лейб-уланского ротмистра, бледное изнуренное [лицо] натянутую улыбкою Петербургской красавицы [и наконец множество еще] к этому присовокупить множество лиц
 22–23 приобрела наконец / наконец приобрела
 23–24 которою означались / которая означала
 25 ассигнации и золото / золото и Ассигнации
 28 к их изображениям / к их изображению
 28–29 простить ему все недостатки / простить все его недостатки
 32 Вся столица / Весь Петербург⁰
 32–33 во всех кабинетах / во всех гост(иных)⁰
 36 черту верной истины, брошенную жарким вдохновением / черту верной истины природы, брошенн(ую) жарко брошенным вдохновением
 37–38 почти всегда ~ понятие красоты / [иногда довольно хороше(нькие)] почти всегда хорошенькие собою, потому что [чувство] понятие красоты
 39 страстей или хотя привычек / страстей [и дви(жений²)] и привычек
 40 тонкого вкуса / тонкого вкуса художника
 40 Некоторые же / Мн(огие)⁰
 41 потому что видели / потому что зн(али)⁰

С. 61

- 2 непостижимую загадку / эту непостижимую загадку
 2–3 угаснуть в цвете сил, вместо того, чтобы развиться / угаснуть в цвете сил человека, когда оно по верным законам природы должно развиться
 4 Но этих толков / Но этого
 4–5 величался всеобщую славою / величался своею всеобщую славою
 5 потряхивая червонцами своими / гордо потряхивая своими червонцами
 6 что откровения свыше / вдохновения и высш(его) откровения
 7–8 под строгий порядок / под строгий однообразный порядок⁰
 8–9 коснулась тех лет / коснулось тридцати лет, тех лет
 10 доходит до души / доходит до сердца *Над строкой вписано: души*
 10–11 не обвивается пронзительными звуками около сердца / [замирает в сладких живых и ярких конвульсиях по встрепенувшимся нервам]⁰
(вариант, совпадающий с печатным, вписан в нижней части листа без знака вставки)
 11 прикосновение красоты / прикосновение [кр(асоты?)] пылающей⁰
 12 девственных сил / свежих⁰
 12–13 отгоревшие чувства / оставшиеся чувства
 13–14 вслушиваются внимательнее в его заманчивую музыку / а. вслушиваются в его заманчивую; б. вслушиваются внимательнее в его заманчивую его музыку⁰
 15 совершенно усыпить себя / усыпить себя
 16 дать наслаждения ~ не заслужил / дать наслаждение обыкновенному человеку

- 16–17 производит постоянный трепет только в достойном ее / производит только⁰
- 19 целью / целью жизни
- 19 Пуки ассигнаций / Кучи Ассигнаций
- 20 страшной дар / страшный подарок⁰
- 21–22 и равнодушным ко всему / равнодушным ко всему
- 22 превратиться в одно / обратиться в одно
- 23 иногда попадаютсЯ / иногда часто попадаютсЯ
- 24–25 глядит ~ мертвеца / глядит [страстная душа живущего человека] исполненный страсти и жизни человек. [Она] [ей] [Ему показались(?) они] Характер их определяется ему в странном виде(?)²⁸: как будто [в живом теле человеческом теле носится мертвец] их живое человеческое тело заключает в себе мертвеца
- 26 Но однако же одно событие / Но одно необыкновенное событие
- 26 и дало / и произвело
- 27 направление его жизни / направление характера
- 29 достойного ее члена / достойного [ее] своего члена
- 29–30 приехать дать суждение / пожаловать⁰
- 33 с пламенною силою / с пламенною жаждою⁰
- 34 душою своею / душою своею
- 35 бросился ~ в неизвестную землю / бросился в неизвестную землю⁰
- 36–37 но с редким самоотвержением, презревши все / и [др(угие?)?] исполнившись [само(отвержением?)?] редким самоотвержением *Над строкой вписано*: презревши привычки
- 37–38 своего милого искусства / своего тр(уда?)⁰
- 39 Вошедши в залу / Когда художник наш вош[ел] в залу *Над строкой вписано*: Вошедши
- 39 нашел он толпу / [толпа] нашел толпу
- 39–40 перед картиною / пред картиною⁰
- 40–41 между многолюдными ценителями / между многолюдными знатоками
- 41 на этот раз царствовало всюду / царствовало на этот раз всю(ду)
- C. 62
- 3 Чистое, непорочное, прекрасное / чистое, прекрасное⁰
- 4 произведение / изображение⁰
- 4–5 И хоть бы какое-нибудь видно было в нем желание / а. Никакого желания; б. И хоть бы какого желания
- 5–6 хотя бы даже ~ никакой, никаких! / Никакого даже извинительного тщеславия, никакой мысли о том, чтобы угодить многолюдн(ой) черни. *Над строкой вписано*: никакой
- 7 Оно было просто, невинно / Оно было невинно⁰
- 8 Изумительно прекрасные фигуры / Неизобразимо прекрасные фигу(ры)
- 8–9 группировались непринужденно / стояли [так легко, как] непринужденно
- 9 не касаясь полотна / не касаясь к полотн(у)
- 9 и, изумленные / и [оглушенные] и онемелые(?)⁰
- 10 казалось, стыдливо / они²⁹ казалось к(ак) будто стыдливо
- 11 божественных лиц / божественных лицах их(?)⁰
- 12 которых душа не умеет, не знает / которых не умеет, не знает душа⁰
- 12–13 невыразимо выразимое покоилось на них / на них [сия(ло)] было брошено невыразимо [невы(разимое)] выразимое

²⁸ виде(?) вписано

²⁹ они вписано

- 14 что, казалось, было / так непринужденно, так смело, что, казалось, было[◊]
 16 но то мгновение / но это[◊]
 17 есть одно приготовление / а. приготовление; б. есть только приготовление
 17–18 Невольные слезы готовы были покатиться / Невольн(ые) слезы текли
 19 уклонения вкуса / уклонения вкусов
 22 начали рассуждать / начали шуметь[◊]
 26 зачерствелых художников / старых художников
 28 лучше была выполнена / была лучше выполнена
 31 С минуту неподвижный / [Заперш(ись)] [Весь] В расстройст(ве?)[◊]
 31 стоял он посреди / стоял посредине
 32 вся жизнь его была / вся жизнь была
 33–34 как будто молодость ~ вспыхнули снова / В рукописи нет
 34–35 погубить так безжалостно / погубить таким[◊]
 35–36 истребить, погасить искру огня / а. зарыть, изгнать тот талант; б. зарыть, [разруш(ить)] истребить талант
 36–37 может быть ~ развившегося бы / а. может быть уже полнее развившийся бы; б. может быть теплившийся в груди, может быть развившийся бы
 37 в величии и красоте / в величии и ослепительно
 37–38 исторгнувшего бы слезы изумления и благодарности / исторгнувший бы слезы изумления и благодарность
 38–39 И погубить все это, погубить без всякой жалости! / О как нестерпимо это жгучее, ядовитое, безотрадное бесприютное состояние, эта [необъяснимая] горечь³⁰ об утрате богатства души, которая так сильно чувствуется отпадшим Ангелом
 39 Казалось, как будто / Возв(ышенные?)[◊]
 40 ожили в душе его / ожили [загорелись] в душе
 40–41 были ему знакомы / Как в тексте. Над строкой вписано и зачеркнуто: как будто потух(шие) В нижней части листа вписано без знака вставки: как будто потухшие искры таланта вспыхнули
 41 приблизился к холсту / приблизился к полотну

С. 63

- 1 весь обратился он в одно желание / весь впился он
 3–4 Эта идея ~ его души / Это положение было более согласно с состоянием души
 4 Но увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились / Но увы его [останавливали] фигуры его, положения их, установка ложил(ис)ь
 6 бессильный порыв / малый порыв
 6 границы и оковы / границы
 8–9 лестницу постепенных сведений / лестницу сведений[◊]
 9 и первых основных законов / и зак(онов)[◊]
 10 все труды свои / все свои картины
 11 мертвую бледностью поверхностной моды / мертв(ою) бледностью моды[◊]
 13 он был останавливаем / он останавливаем[◊]
 13–14 самых первоначальных стихий / самы(х) первоначальных фундаментов
 16 Иногда осенял его / [рука у него невольно охладевала] Иногда его осенял

³⁰ Над строкой вписано и зачеркнуто: отпадшего Ангела

- 16–17 воображение видело / а. воображение видело; б. воображение его^(?) видело
- 18 можно было сделать / можно бы сделать
- 18–19 и вместе доступным / и вместе с этим доступным
- 19–20 в неясном тумане его мыслей / в его мыслях
- 20–21 он точно носил в себе призрак таланта / а. он точно был; б. точно были когда-то подозрения *Над строкой вписано*: он точно^(?) имел в себе талант
- 21 какое-нибудь незначщее условие / а. всякой взмах кисти дышал нестройность^(ю) и обращал к ста^(рым?); б. какое-нибудь незначщее правило⁰
- 22 анатомическое мертвое правило / анатомическая мертвая³¹ мелкость
- 22–24 мысль замирала ~ неизображенный / а. мы^(сль) застывала в воздухе, цепенела; б. мы^(сль) останавлив^(алась), порывы бессильного воображения цепенели без видимого выражения
- 24 к затверженным формам / к затверж^(енному?)
- 24–25 руки складывались / руки ложились⁰
- 25–26 сделать необыкновенного поворота / сделать необыкновенного⁰
- 26 самые складки платья / складки самой одежды
- 26–27 отзывались вытверженным / отзывались заученною формой
- 28 и видел это / он видел это
- 30–31 он принимался снова / он снова принимался
- 31 в тридцать с лишком лет / в тридцать лет
- 31 труднее изучать / уже труднее изучать
- 31–32 скучную лестницу / а. лестницу; б. тяжелую^(?) лестницу
- 32 трудных правил и анатомии / трудн^(ых) правил, условий и анатомии
- 33 дается за долгие усилия / дается как⁰
- 34–36 ту ужасную муку ~ в природе / то ужасное мучение, которое [изредка] как страшное исключение является в природе
- 37 ту муку, которая / то мучение, которое
- 38 в перешедшем за грань / в перешедшем гр^(ань)⁰
- 38–39 в бесплодную жажду / в бесплодную сухую жажду⁰
- 39 ту страшную муку, которая / то ужасное³² мучение, которое
- 40 ужасная зависть / страшная зависть
- 41 у него на лице / у него на лицо
- 41 он видел / он увидел⁰

С. 64

- 1 носившее печать / носящее на себе печать
- 3 какое когда-либо / когда⁰
- 3 с бешеною силою / со всем пылом
- 4 приводить его в исполнение / а. его выполнять; б. приводить его ^(в) действо
- 4 начал скупать / начал покупать
- 4–5 все лучшее, что только производило / все лучшее произ^(водимое?)⁰
- 5–6 Купивши ~ в свою комнату / осторожно приносил их в свою мастерскую^(ю)
- 6–8 на нее кидался ~ адского наслаждения / кидался на него, рвал, разрывал, изрезывал [его] их в куски, сопровождая это адским смехом ужасного³³ наслаждения

³¹ мертвая *вписано*

³² ужасное *вписано*

³³ ужасного *вписано*

- 9 дышащее огнем / дышащее скромным огнем
 9–10 нового таланта / а. худ(ожественного[?]); б. таланта⁰
 10 купить его / купить
 11–12 Бесчисленные ~ адскому желанию / *В рукописи нет*
 12–13 свои золотые мешки / свои обширные мешки⁰
 13 раскрыл сундуки / раскрыл сундуки [свои] своего бесчисленного богатства³⁴ для [этой] этого адского проекта
 14 столько прекрасных произведений / столько произведений⁰
 14 сколько истребил / как⁰
 15 свирепый мститель / ужасной мститель *Над строкой вписано:*
 15 свирепый
 15 носившие в себе / носившие в сердце
 16 жадные одного великого / и исполненные [прекрасного вкуса прекрасной] потребности *Над строкой вписано:* знать^(?) его^(?)
 17 тех святых прекрасных произведений / тех произведений⁰
 17–18 в которых великое искусство / где божественное искусство
 18 и показало / и дало⁰
 18–19 часть исполненного звуков / часть исполненной⁰
 20–23 Нигде, ни в каком уголке ~ художественной кисти / [Все золото, которое он собирал] Бесчисленные его богатства давали возможность удов(ле)твор(ять) своей адской страсти. Его зоркие огненные глаза проникали всюду и находили [на дне] даже в заброшенной пыли в неизвестности произведения искусства
 23–24 всякой заранее ~ создания / всякой [пок(упатель?)[?]] заранее [был уверен, что ему не удастся приобрести] отчаявался в приобретении хороших произведений
 25 нарочно послало в мир / послало в мир⁰
 26 отнять ~ его гармонию / отнять [у него всю] гармонию [которую прид(ает?)[?]]
 26–31 Эта ужасная страсть ~ от спокойных обитателей земли *Соответствующий фрагмент вписан в нижней части листа под чертой*
 27–28 На нем всегда ~ желчь / На лице всегда почти разлита была желчь
 29 перерезанный морщинами лоб / перерезанный морщинами размышления лоб
 29–30 придавали ему какое-то дикое выражение / придавали какое-то хищно дикое выражение
 30–31 от спокойных обитателей земли / от спокойных обитателей мира
 34 неправилен и колоссален / неправилен и велик⁰
 35 начали оказываться чаще / а. начали чаще; б. начали оказываться все^(?) чаще
 35–36 в самую ужасную болезнь / в сумасшествие³⁵ [в начале] [которое сначала было порывно. Несколько чел(овек)] [и] [Между тем силы его^(?)] [усиленный порыв]³⁶ весь сост(ав) [его уже был [раз] почти разрежен и переломан (?)] собственным же его порывом]
 37 овладели им / а. им овладели; б. овладели им в одно время
 37–38 оставалась ~ тень только / от (него) уже одна тень только оставалась
 39 безнадёжного сумасшествия / ужасного сумасшествия
 39–40 не могли удержать его / не могли держать (его)
 41 необыкновенного портрета / ужасного портрета

³⁴ богатства написано дважды

³⁵ *Над строкой вписано:* в самое ужасное

³⁶ *Над строкой вписано:* изнеможением

С. 65

- 2–3 наконец ему чудилось / ему наконец казалось
 3 были увешаны / глядели на⁰
 4 свои неподвижные, живые глаза / неподвижные, живые глаза
 5–6 он видел, как комната расширялась и продолжалась пространнее /
 7 комната ему представлялась (*1 нрзб.*) расширяшеюся для того
 7 этих неподвижных глаз / а. этих непод(вижных); б. этих живых не-
 подвижных; в. этих живых неподвижно смотрящих на него глаз
 8–9 слышавшийся о странной его истории / слышав³⁷ об странной жизни
 Черткова. [Всеми стар(ался²)] [которой с ста(ранием²)]
 9–10 тайное отношение между грезившимися ему привидениями / между
 этим грезившим(ся²) ему привидени(ем²)
 12 своих терзаний / своих ужасных терзаний
 12–13 невыразимо раздрающим голосом / невыносимо раздрающим голосом
 13 кричал и молил / а. к(ричал); б. мол(ил)⁰
 13 неотразимый портрет / этот [ужасны(й)] неотразимый портрет
 14–15 с странными для безумного подробностями / с странною для безумно-
 го подробности(ю)
 15 Напрасно употребляли / Но [Доктор] напрасно употребляли
 16 перерыто в доме / пере(рыто²) во всем доме
 18 и опять начинал / опять начинал
 18 с такою точностью / с такою [необык(новенной)] подробностью
 19 присутствие ясного / присутст(вие) самого ясного
 21 Скоро жизнь его / Наконец жизнь его
 23 тоже не могли найти / не могли тоже найти
 23–24 от огромных его богатств / от огромных богатств
 24 тех высоких произведений / миллионных произведений⁰
 25–26 ужасное их употребление / ужасное употребление этих богатств⁰
 27 § II / 2
 28 стояло / стояли
 28–29 перед подъездом дома / [перед д(омом)] перед подъездом⁰
 29–30 вещей одного из тех богатых любителей / одного богатого любителя⁰
 30–31 сладко продремали всю жизнь / всю жизнь⁰
 32 издержали для этого / издержали
 33 даже собственными / их²⁰
 34 наполнена самую пеструю / (на)полнена самую ра(знообразною²)
 35–36 на неприбранное тело / на неприбранный труп
 36 флотилия Русских Купцов / флотилия купцов⁰
 37 в синих немецких сюртуках / в [нем(ецких)] [син(их)] немецких сюр-
 туках
 37–38 Вид их и физиогномия / а. Вид; б. Вид их, их физиогномия
 38 тверже, вольнее / тверже и вольнее

С. 66

- 3 готовы были своими поклонами / [поклонами своими] готовы были⁰
 4 своими же сапогами / их же сапогами
 5 щупали без церемонии книги и картины / а. щупали книги, картины;
 б. щупали без церемонии книги, картины
 6 смело перебивали цену / перебивали цену⁰
 6 Графами-знатоками / знатоком графом
 7 Здесь были многие / Здесь были также многие
 7–8 постановившие ~ вместо завтрака / положившие посещать его каж-
 дый день вместо завтрака [и желая]

³⁷ Над строкой вписано: зная

- 10 занятия от 12 до 1-го часа / занятия [после] от 12го до 1го часа
 11–12 которых платья ~ худы *Вписано в нижней части соседнего листа со знаком вставки #, соответствующим такому же знаку в тексте*
 12–13 которые являются ежедневно без всякой корыстолюбивой цели /
 а. которые совершенно без целей; б. которые являются всегда совершенно без всякой корыстолюбивой цели
 13 чем что кончится / чем кончится⁰
 14 и за кем что останется / и за кем
 15 разбросано было / развешено было *Над строкой вписано: разбросано*
 16 С ними были перемешаны / С ним [вместе] были перемешаны
 16–17 с вензеями прежнего владельца / с вензеями влад(етеля)⁰
 17 который верно не имел / которой однако же не имел
 18–19 новые и старинные мебели / стар(инные)⁰
 22–23 Вообще ощущаемое нами чувство при виде аукциона странно / На меня³⁸
 страшное влияние производит Аукцион³⁹
 23 в нем все отзывается чем-то / в нем что⁰
 24–25 Зал ~ мрачен / Зала, в которой он производится, всегда как-то
 мрачна
 26 и голоса / *Как в тексте. Над строкой вписано и зачеркнуто: прот-
 тяжно*
 27–28 «рубль и двадцать копеек», «четыреста рублей пятьдесят копеек» /
 рубль и двадцать [коп(еек)], четыреста [и] рублей и пятьдесят копеек
 28 протяжно вырывающиеся / всегда [как-то] почти как-то странны для
 слуха⁰
 28 как-то дики / как-то странны
 29 Но еще более / Но еще более всего⁰
 29–30 голос Аукциониста / голос оценщика
 31 встретившимся здесь искусствам / [сошед(шимся)] встретив(шимся)
 произведениям искусства
 32 Однако же аукцион еще не начинался / Однако ж [Аукцио(н)] еще
 [было рано] не начался
 32 посетители рассматривали / посетители между тем рассматривали
 34 толпа остановилась / толпа остановилась внимательно⁰
 34 перед одним портретом / перед одним портретом ст(арика?)⁰
 35–36 с такою странною живостью глаз, что невольно приковал к себе /
 странная живость глаз которого приковала совершенно
 37 хотя было не окончено / было не окончено⁰
 38 резкий признак / знаки
 40–41 что изобразить ее / для изоб(ражения?)⁰
 С. 66–67
 41–1 уже слишком дерзко / слишком уже дерзко
 С. 67
 2–3 одного, уже несколько пожилых лет, посетителя / одного молодого
 3 в сильном движении / с сильным движением
 5–6 и некоторые ~ оборотившись к нему / а. и на их губах невольно гото-
 ва была слететь убедительная просьба *Над строкой вписано: показа-
 лась невнятно(?)*; б. И один из рассматривавших, чрезвычайно любо-
 пытный человек⁴⁰, не мог не утерпеть, чтобы не спросить его
 6–7 Вам верно известно / а вам верно известно

³⁸ *Над строкой вписано:* Вообще Аукцион

³⁹ *Над строкой вписано:* на людей с сильными чувствами

⁴⁰ чрезвычайно любопытный человек *вписано*

- 9 более нежели кому другому / более нежели кому-нибудь другому
 10 Все уверяет меня / Я по всем признакам сужу
 10–11 о котором я хочу говорить / о котором я знаю
 11 вас всех интересуе^т / а. все очень интере(суются[?]); б. всех очень интересуе^т
 11–12 о нем узнать / о нем знать
 12 я теперь же готов несколько / с моей стороны я почту для себя удовольствием
 13–14 с большою внимательностию / с большою внимательностью
 15–16 известна хорошо / хорошо известна
 16–17 Характеристика ее отличается / Характеристика ее совершенно отличает
 18–19 отличны от прочих / особенны от других
 19 Здесь ничто не похоже / Тут все не похоже
 20 на провинциальный городок / на провинциальный город
 21 цивилизированной / цивилизированной
 22 в таких тонких мелочах / в таких мелочах⁰
 23 другой свет / другой отде(льный[?]) мир
 23–24 и, въехавши в уединенные коломенские улицы / а. и [въехавши в него] как только ступишь; б. и въехавши в него
 24 вы, кажется, слышите / а. чувств(уешь) порывы не; б. вы кажется чувствуете⁰
 25 Сюда не заглядывает / [Тут] Сюда кажется уже не заглядывает
 27 Здесь все, что осело от движения столицы *вписано*
 29 вдовы, жившие прежде мужними трудами / [отст(авные[?])] Вдовы жившие прежде бедными⁰
 30 имеющие приятное знакомство с сенатом / имеющие сообщение⁰
 31 выслужившиеся кухарки / кухарки⁰
 32 болтающие вздор с мужиком / беседующие с мужиком
 32–33 в мелочной лавке / в мелочной лавочке
 33 на 5 копеек кофею / на 5 копеек кофию
 34–35 я назову пепельным / я назову [одним сл(овом)] пепельными
 36 тусклую пепельную наружность / серенькую тусклую наружность⁰
 37 своим ярким блеском / своим [острым] ясным блеском
 38 сопровождаемая громом / и не бунтует⁰
 39–40 отнимает всю резкость у предметов / а. облакает все предметы в однообразную мутность *Над строкой вписано*: и отнимает всю; б. отнимает от строений всю их резкость (*вписано под строкой*)
 40 Лица этих людей / Их⁰
 40 как-то искрасна-рыжеватые / как-то изрыжа-красноватые

С. 68

- 1 тоже совершенно матовое / совершенно матовое
 1–2 мутный цвет, который происходит, когда смешаешь / цвет непременно происход(ящий), если смешаешь
 2–3 вся их наружность совершенно матовая / а. они сами совершенно матовые; б. их самих можно назвать матовые
 3 можно причислить / причисляем⁰
 4 уволенных пятидесятилетних / отставных вечных
 5–6 с 200-рублевым пенсионом / с трехсотрублевым пенсионом
 6 выколотым глазом / с выколотым глазом
 6–7 Эти люди вовсе бесстрастны / Эти люди [совершенно] бесстрастны
 9 В комнате их / В их(?) комнате⁰
 9 только кровать и штоф / кровать и штоф⁰
 10 которую они однообразно / которую одн(образно)⁰

- 10–11 смелого прилива в голове / смелого прилива пьянства[◊]
 11–12 приемом, какой обыкновенно / приемом, каким[◊]
 12–13 любит ~ студент Мещанской улицы / любят задавать себе по воскрес-
 ным дням⁴¹ молодые Немецкие ремесленники, [эти] этот студент
 Мещанской улицы и кандидат в [первые] привилегирован(ные) са-
 пожники [затягивающий с]
 14 за двенадцать часов ночи / за 12 часов ночи [Оттого на их лицах
 всегда почти] [Никогда почти]
 15–16 в мирных улицах карета / на ее мирных улицах <карета>
 16 кроме разве той / выключая[◊]
 16 ездят актеры / ездит Акт(ер?)
 17 смущает всеобщую тишину / смущает тишину[◊]
 18–19 Извозчик редко, лениво, и почти всегда без седока, волочитсЯ / Из-
 вошки редко, лениво, и почти всегда без седоков, влачатсЯ
 19–20 для своей скромной клячи / для своих [пожил(ых)] [рассудительных]
 кляч *Над строкой вписано: <2 нрзб.>*
 20 Цена квартир / а. Квартиры; б. Дороговизна квартиры
 20 достигает тысячи рублей / а. переходит; б. доходит до 1000 рублей
 21–22 отдаются с отоплением / отдаются помесЯчно[◊]
 22–23 Вдовы-чиновницы / Квартиры[◊]
 23 пенсион / пансион
 23 солидные обитательницы / солидные обитатели
 24–25 свою комнату / свои комнаты
 25 и говорят / говорят
 27 молоденькая дочь / маленькая дочка
 27–28 впрочем ~ миловидное / иногда довольно миловидное [довольно]
 30 Эти-то чиновницы / Эти-то владеть(ницы)[◊]
 31–32 актеры, которым жалованье не позволяет выехать из Коломны / Ак-
 теры [театральные музыканты и подобн(е) типы(?)] которых жало-
 вание не позволяет выйти (и)з Коломны
 33–34 Они сидя в своих халатах / Они занимаютсЯ(?) дома[◊]
 34 безделки / безделушки
 34–35 починивают пистолет / подчинивают пистолет
 35 клеят из картона / вырезают из картона
 36–37 и так проводят утро / так проводят [д(ень?)] утро
 37 то же делают ввечеру / то же делают и ввечеру
 38 После этих тузов, этого аристократства Коломны / После этих тузов
 Коломны
 40–41 закоулки одной комнаты / закоулки часто одной комнаты[◊]
- С. 68–69
 41–1 поименовать ~ в старом уксусе / перечесть по именам удельных кня-
 зей, наполняющих Рус(с)кую историю
- С. 69
 1–2 Какого народа вы там не встретите / [Здесь] Какого [народу] народа
 вы не встретите [там][◊]
 3 пьянствуют и молятся / и пьянствуют и молятся[◊]
 4 как муравьи таскают / таскают
 5 старые тряпья / старое тряпье
 5 от Калинкина моста / от Калинкина мосту
 6 за пятнадцать копеек / за 15 копеек
 6 Словом, весь / Весь[◊]

⁴¹ по воскресным дням *вписано*

- 8–9 большой недостаток, не дающий возможности / а. страшный недостаток даже против своей бедной жизни, иногда он должен; б. большой недостаток, который даже не дает возможности
- 10 должны часто делать / должны иногда делать⁰
- 10 экстренные займы / даже экстренные займы⁰
- 12 носят громкое название / носят название⁰
- 13–14 суммою от двадцати до ста рублей / иногда [почти] даже до ста рублей
- 15 позволяет завестись иногда собственным домиком / позволяет им иногда даже завестись собственным домом
- 15–17 Но на этих ростовщиков ~ фамилию Петромихали / а. Но тот, о котором я хочу вам теперь сказать, вовсе не похож был на [на] них; б. Из этих ростовщиков более всего был замечателен [Попендуло] Пердомихали
- 17–18 Был ли он ~ никто не знал / Грек или армянин, решить этого было нельзя
- 18–19 черты лица его были / черты лица были⁰
- 19–20 Ходил он всегда в широком азиатском платье, был высокого роста / [Он был высокого] росту, ходил всегда в широком [платье] азиатском платье
- 21 и такие же усы / черные с проседью усы⁰
- 23–24 и представляло странный контраст / Пертомихали вовсе не принад⟨лежал⟩⁰
- 25 Петромихали / Пертомихали
- 25–26 на помянутых ростовщиков / на [об⟨ычных?⟩] вышесказанных ростовщиков
- 27–28 за то и проценты / за это и проценты
- 28 были тоже необыкновенны / тоже были необыкновенные
- 28–29 Ветхий дом его ~ находился / Ветхий дом его находился⁰
- 29 Он был бы / Он был уж⁰
- 30 если бы владелец его сколько-нибудь разорился на починку / если бы его Владелец [делал когда-нибудь] сколько-нибудь разорился на его починку
- 31 но Петромихали / Но Пертомихали
- 33 были набросаны / были [б⟨рошены?⟩] брошены
- 34 всякой хлам / и [все] вся ⟨1 нрзб.⟩
- 35 разных чинов и званий должники / бедные⁰
- 35–36 потому что Петромихали / Между ними находился иногда самый негодный хлам, потому что Пертомихали
- 36 и несмотря на то, что давал / несмотря на то, что он даже отпускал
- 37 он также готов был / но не отказывался выдавать суммы не превышающие
- 37 служить суммою / служить и суммою
- 39 и нищий / а. нищие; б. и всякий очень нуждавшийся в его копейках
- 41 может быть, прелестнейшую / может, прелестнейшую⁰
- 41 заключались / были заключены

C. 70

- 1–2 вместе с старинною табакеркою пятидесятилетней дамы / В рукописи нет
- 5 только слишком крайняя нужда / бол⟨ьшая⟩ нужда⁰
- 5–6 заставляла обращаться к нему / заставляла к нему обращаться
- 6 Его условия были так тягостны / условия его так были тягостны
- 6 отбивали всякое желание / отбивали цели во всех
- 7 проценты казались / проценты его казались

- 7–8 не очень велики / очень не велики
8 посредством своих странных и необыкновенных выкладок / посредством своих искусных и странных выкладок
9 расположил таким непонятным образом / [*1 нрзб.*] располагал таким необыкновенным образом
9–10 росли у него страшную прогрессию / росли страшную прогрессию
10 контрольные чиновники / чиновники⁰
11 этого непостижимого правила / а. этой математ(ики?)[?]; б. этого непостижимого правила
11–12 основанным на законах / совершенно основано на всех законах
12 они видели явно / они чувствовали явно⁰
13 преувеличение итога / а. итог; б. несправедлив(ый) итог
13 что в этих вычетах / что все это вытекает⁰
14 как и все другие / как все другие⁰
16–17 находили у дверей его / нашли у дверей его
17 окостеневших от холода / околелых от холода
18 посиневшие лица, замерзнувшие члены / посинелые лица, замерзнувшие лица
19 и по смерти еще молили / и по смерти [просили] молили⁰
20–21 хотела разобрать / делала ему замечания⁰
22–23 под какими-нибудь предложениями ~ дело / а. представить ей совершенно; б. (*1 нрзб.*) под⁴² какими-нибудь предложениями отклонить [от] и представить все
24 не получали от него / не получали от Пертомихали
24 имеет такую странную силу / такую имеет странную силу
25–26 Оно, не показываясь, может / Оно, не показывая[сь] [сво(ю?)] может двигать ~ слугами / двигать всеми⁴³ раболопными слугами
26 поджавши под себя ноги / поджавшись под себя
27 поджавши под себя ноги / поджавшись под себя
29–30 ничего ~ постороннего / а. ничего не сказала лишнего; б. ничего не можно было от него услышать лишнего и постороннего
30–31 будто бы он / будто он
31 иногда давал деньги даром, не требуя возврата / давал иногда [такие] даже даром деньги
31–32 такие предлагал условия / такое предлагал условие (*Ар.*)
32 все бежали от него / большая часть людей бежала⁰
32–33 и даже самые болтливые хозяйки не имели сил / и не имели сил
33–34 чтобы пересказать / чтобы [рассказать] объявить
34–35 принять даваемые им деньги / принять
36 небольшой домик / скромный домик
36–37 художник, славившийся / художник, который очень славился
39 несколько работ его, выдающихся / некоторые его работы, которые выказывают
39–40 Жизнь его была самая безмятежная / *В рукописи нет*
40–41 тот скромный ~ жили / а. скромный религиозный живописец, каких можно только отыскать; б. тот скромный религиозный живописец, какие жили только

С. 71

- 1 иметь ~ большое состояние / иметь большую известность и большие деньги
2 если бы решился заняться / если бы занялся

⁴² под *вписано*

⁴³ всеми *вписано*

- 2 множеством работ / множеством предлагаемых работ⁰
 2–3 предлагали ему / ему предлагали
 3 он любил / он почти всегда любил
 4 взялся расписать / взялся расписывать
 5 приходской церкви / приходской его церкви
 5 случалось ему нуждаться / случалось, что он нуждался
 6 не решался он / не решался
 7 возможность уплатить долг / возможность ему уплатить
 7–8 ему стоило только присесть / ему только стоило присесть
 8–9 были бы в его кармане / были бы всегда в его кармане
 9 так жалко было / так жаль было
 9–10 от своих занятий ~ с любимой мыслью / от своей работы
 11–12 готов был ~ на что бы он / готов неско(лько) дней не есть, на что бы он
 12–13 если бы не имел страстно любимой / если бы у него не было любимой
 14 Однако же один раз / Наконец один раз
 14–15 он готов уже был / он уже готов был
 15–16 распространилась весть / распространилась смерть
 17 его поразило / его остан(овило)
 17 приписать его / его [приписать] признать
 18 для воспрепятствования его намерению / [препят(ствовать)] чтобы
 18–19 воспрепятствовать ему в его намерении
 18–19 встретил ~ старуху, исправлявшую / встретил(ся)² в сенях своих (с)
 запыхавшую старухой [служившей] [бывш(ею)] исправляющею
 19 при ростовщике / при этом ужасно(м) ростов(щике)⁰
 20 три разные должности: кухарки, дворника и камердинера / а. долж-
 ность кухарки, дворника и прислужника; б. должность кухарки (и)
 дворника вместе
 20–21 Старуха ~ говорить / Старуха в немногих отрывочных⁰
 22 глухо пробормотала ~ слов / в отрывистых словах пробормотала
 какие-то⁴⁴ несвязные речи
 23 отец мой мог только узнать / мой отец мог только узнать
 24–25 Отец мой не мог придумать / Мой отец не мог придумать
 25 он мог быть ему нужен / он мог ему быть нужен
 25–26 в такое время и притом еще с красками / и еще с красками
 29 Он насилу мог продраться сквозь толпу нищих / а. Подошедши к
 дому он увид(ел); б. Он едва мог пробраться сквозь кучу нищих
 29–30 обступивших жилище / обступивших его жилище⁰
 30 и питавших себя / и нак(онец)⁰
 30–31 что авось-либо наконец перед смертью / а. авось-либо перед смертью;
 б. авось-либо перед его смертью наконец
 31–32 раздаст малую часть / раздаст им хотя малую часть⁰
 33 протянувшееся почти во всю длину / протянувш(еся) [и при(?)] во
 всю длину⁰
 33–34 тело азиатца / тело [индийца] Грека
 34 принял было за умершее / принял было⁴⁵ сначала за умершего
 35 и глаза его / а. Как в тексте; б. и глаза
 36 Петромихали / Пертомихали
 39 не время об этом думать / не время этим заниматься
 40 уже не много минут осталось / времени ему немного осталось

⁴⁴ какие-то вписано

⁴⁵ было вписано

- 41 и потому пора помыслить / и потом под(умать)⁰
- С. 71–72
- 41–1 принести покаяние Всевышнему / принести покаяние
- С. 72
- 2 Петромихали / Пертомихали
- 2–3 лицо его покрылось / лицо его вдруг покрылось
- 3–4 отец мой верно бы ушел / отец мой готов⁰
- 3–5 если бы чувство ~ не остановило его / если бы чувство художника, пораженного необыкновенным оригиналом для его кисти, не остановило
- 5–6 Лицо ростовщика ~ клад для артиста *Соответствующий фрагмент вписан в нижней части листа со знаком вставки #; такой же знак поставлен в тексте*
- 5–6 Лицо ростовщика / потому что лицо ростовщика
- 6 было одно из тех / было тем⁰
- 6 клад для артиста / клад для художника⁰
- 7 поставил он холст / а. расставил он станок свой; б. [положил] поставил он вместо ст(анка)⁰
- 8 к себе на колени / себе на колени
- 8–9 Мысль употребить после это лицо / Его побудила ревностно этим⁴⁶ заняться мысль употребить это⁰
- 10 которых изгоняет могущественное слово / [исцелимо(го)] изгнанными могущественным словом
- 11–12 С поспешностью набросал он абрис и первые тени / Он с поспешностью набрасывал первые тени
- 13 жизнь ростовщика вдруг перервется / жизнь ростовщика прервется⁰
- 13–14 смерть уже, казалось, носилась на устах его / а. все возвещало в нем у(же); б. смерть уже казалась касалась к устам его
- 15 страшный взгляд / потухающий взгляд *Над строкой вписано: страшный*
- 17 Опасаясь ежеминутно / Опасаясь
- 18 заняться окончательно отделкою глаз / а. [совершенно] окончательно [от(делать)] заня(ться); б. заняться окончательно отделкою глаз
- 19 потому что чувство / потому чувство
- 21 трудился он возле них / трудился он около них
- 21 схватил тот огонь / схватил тот потуха(ющий)⁰
- 22 уже потухал в его оригинале / казалось уже потухал в оригинале
- 22–23 он отошел немного подальше / он [вста(л)] отошел он немного(?) подальше
- 23 чтобы лучше рассмотреть ее / чтобы увидеть действие⁰
- 24 отскочил от нее / отступил еще далее от нее
- 25–26 швырнув палитру / [бросил] [оставивши кр(аски)] швырнувши палитру
- 26–27 почти полумертвое тело / казалось уже полумертвое тело
- 28 Отец мой клялся / Отец клялся *Над строкой вписано и зачеркнуто: Но*
- 29 что не станет продолжать / что не будет продолжать
- 29–30 Тогда это ужасное существо повалилось / Тогда ростовщик повалился *Над строкой вписано: У этого ужасного существа*
- 30–31 собрало все свои силы / собрало все силы свои
- 32 полы его платья / его полы
- 32–33 и умолял дорисовать портрет / прося дорисовать его порт(рет)
- 33 Но отец был неумолим / Дед(?) мой был неумолим

⁴⁶ этим вписано

- 33–34 воли, перемогшей самое приближение смерти / воли, которая казалось
 (могла) столько собрать сил, чтобы пересилить напор смерти
 35 из-под кровати / из кровати
 35–36 и страшная куча / и куча
 36–37 видя и тут его непреклонность / видя его непреклонность
 38 не чувствовать / чувствовать[◊]
 40–41 говорил с выражением отчаяния / говорил ст(арик)[◊]

C. 73

- 1 прекрасною женою / твоею прекрасною женою[◊]
 2 кончи портрет / окончи портрет
 2 один час только / минуту⁴⁷ [один] только один час
 3–4 начала сильнее проступить / начала живее проступить[◊]
 4 Но тайны этой / Но тайну[◊]
 4 никому не объявляй / никому не долж(ен) объявлять
 5–6 и все вы будете / а. и все будете; б. и вы все будете
 6 Слушай, если ты теперь не сжалишься / Слушай. Сжа(лься)[◊]
 7 больше не стану просить / больше не буду просить
 7–8 иди к тому, к которому бы я / я должен идти к которому я бы
 10 если ты только dokonчишь / если ты dokonчишь
 11–12 перейдет в мой портрет ~ живописцем / перейдет непременно в мой
 портрет
 12 Ты видишь, что уже / Ты [уж(е)] видишь уже
 14–15 хотя тело мое ~ от мук / я, хотя тела моего не будет [на земле], но [я
 буду жить] половина жизни моей будет на земле и я [не буду мучить-
 ся] долго еще избегну от мук
 17 Ужас еще более овладел моим отцом / Невольный ужас овладел отцом
 моим
 19 тронутый его мольбами / тронутый страшными мольбами
 20–21 Петромихали / Пердомихали
 22 что-то в роде страшного смеха / что-то вроде смеха
 22 на устах его / на устах
 23 в его чертах / в чертах его
 23 и чрез минуту пред ним / и через минуту перед ним
 24 Отец / Отец мой [не имел(?) желанья оставить]
 24 не хотел притронуться к кистям и краскам / не хотел притронуться
 25 рисовавшим эти / которые рисовали
 26–27 неприятные мысли, нанесенные этим происшествием / эти неприятные
 мысли
 27 он долго / отец мой долго
 28 в мастерской его / в мастерской
 28–29 писанный им портрет ростовщика / рисованный им портрет ростов-
 щика[◊]
 29–30 прислуживавшей на кухне / которая за ними ухаживала
 30–31 никто не приносил / никто не был в[◊]
 31 во время его отсутствия / в его отсутствие
 32 Он приблизился / [{1 или 2 нрзб.}] Приблизившись[◊]
 34 но при всем том / а. но с этого времени; б. однако ж при всем том
 35–36 присутствии таких мыслей, которых сам пугался / чувствовал присут-
 ствие таких мыслей, что сам даже пугался их
 36 поразило его / поразило
 36–37 лег в постелю / лег в постель

⁴⁷ Над строкой вписано: [один] час

- 38 Петромихали / образ Мавромихала
 39 глядел он на него / глядел на него
 39 своими живыми глазами / ужасными своими глазами

C. 74

- 1 проникнутый холодным потом / проникнутый потом[◊]
 2 самым пламенным негодованием / пламенным негодованием
 3 Петромихали / грека
 3–4 ушло в раму / ушло в рамы
 5 в тот же день сжечь / на другой же день
 7 с тайным наслаждением / с наслаждением[◊]
 8–9 куча золы одна только осталась / куча золы осталась о(д)на[◊]
 9–10 И когда начала она улетать / и когда и она начала улетать
 11 улетел вместе с нею / образов(ался)[◊]
 11 Он почувствовал / Отец почувствовал
 12–13 от продолжительной болезни / от боле(зни)
 13 оборотился он / он обратился
 13 писанный им Образ / им писанный образ [девы и начал молиться]
 14 принести чистое покаяние / принести пок(аяние)[◊]
 15 тот же портрет Петромихали / [уж(асный)] тот же самый [пор(трет)]
 им писанный портрет Мавромихала [получивший таку(ю) живо(сть)]
 16 дети испустили крик / дети [кричали] испускали крик
 17 Это чрезвычайно поразило моего отца / Это очень поразило отца моего
 17–18 Он решился открыться / Он не знал, на что решиться, и решился
 открыться
 18–19 просить у него ~ необыкновенном деле / просить его совета
 19–20 Священник ~ человек / Этот священник был рассудительный
 20 преданный с теплою любовью / с какою-то трогательною любовью
 преданный
 21 своей должности / своей [великой] священной должности
 22 достойнейшего прихожанина / достойнейшего его прихожанина
 22–23 Отец не считал / Он не считал
 23 отводить его в сторону / говорить[◊]
 25 произнес он / а. сказал он; б. произнес
 26 Лицо ее / Губы[◊]
 27–28 все черты ее исковеркались / все прекрасное лицо ее исковеркалось
 28–29 с ужасом увидели / увидели с ужасом
 29 что она нечаянно / мать моя нечаянно
 29 десяток иголок / [целу(ю) бум(ажку?)] целый десяток иголок
 30 Пришедший доктор / Она[◊]
 30–31 это было неизлечимо / это неизлечимо
 34 С этого времени какая-то мрачность / Какая-то мрачность
 35 Редко он чем-нибудь занимался / Мысли его редко чем-нибудь зани-
 мались
 35 всегда почти оставался / он всегда оставался
 37 стал преследовать его неотлучнее / стал неотлучно преследовать его
 38 чувствовал прилив / чувствовал привал(?)[◊]
 38–39 которых невольно содрогался / [что] от котор(ых) невольно содрогался
 39–40 улегається ~ человека / улегається или [в(?)] [покор(яется)] в человеке

C. 74–75

- 41–1 он чувствовал / он чувствовал в себе

C. 75

- 2 во всем своем порочном / во всем порочном своем
 3–4 чтобы заставить его ухватиться / воспитать и ухватиться

- 5–6 он брал над собою / он приним(ал) над собою
 6 была непостижима / непостижима
 6–7 его убеждения были / его убеждени(е) было
 7 чем сильнее было искушение / чем сильнее искушение⁰
 7–8 более рвался противопоставить ему / более⁴⁸ рвался противопоставить
 9 излить и обнажить всего себя / во что бы то ни стало⁴⁹ излить и обнажить [все свои] [всю] всего себя [представител(ю)] священнику / священнику, ревностному блюстителю) веры
 10 доставлял ему исцеление / доставлял ему целение
 11 Это было в начале осени / Это было в начале
 12 день был прекрасный / Я [так²] помню] помню этот день, он был прекрасен
 14 с достойным священником / а. с священником; б. с добрым священником
 16–17 антресоли нашего маленького дома / антресоли [это(го)] нашего дома
 17 Дверь в мастерской / Мастерская⁰
 18 нечаянно заглянул / невольно заглянул
 18 видел / и видел
 19 и услышал даже, как он сказал ему / и сказал ему тихо, но с твердостью
 20 крик заставил / крик и стук заставил
 21–22 Боже! я никогда / Боже! что⁰
 23 Играя, он верно / Играя, как-то⁰
 24 перегнулся чрез окошко / перегнулся и грянулся на мостову(ю) и упал / [Голова его была] [удар без сомнения] упал⁵⁰ и
 25 она вся была разможена / она была вся разможена
 26–27 сложа накрест руки и подняв глаза / сложил накрест руки и поднял глаза
 27–28 проникнут страхом / проникнут ужасом
 28–29 требовал от отца / требовал чтобы⁰
 29 эту ужасную тайну / эту страшную тайну
 30 После этого / а. После этого; б. Скоро после этого
 31–32 уединенного городка, окруженного пустынею / уединенного городка только дикую природу / однообразную дикую природу
 33 принял сан монашеский / принял обряд монашеский
 34–35 с такою покорностью и смирением / с такими же желанием и волею по-видимому преступное / [казалось бы] по-видимому ничто преступное
 37 не имело воли / не имело до(ступа)⁰
 38 преследовал его / стоял п(еред²)⁰
 40–41 украсить церковь некоторыми образами / украсить некоторыми образами⁰

С. 76

- 1 трудился он / сидел о(н)⁰
 1–2 в строгом посте и молитве / в посте и молитве готовился⁰
 2 и уединении души / и умилении души
 2 приутоплялся он / а. готовился он; б. приутопился он
 3 Неотлучно проводил ночи / и неотлучно проводил ночи

⁴⁸ более *вписано*

⁴⁹ во что бы то ни стало *вписано*

⁵⁰ упал *вписано*

- 4–5 и оттого ~ художников / [и от] [и оттого редко вы найдете произведе-
 6 ний даже среди⁵¹ древних] значительных художников [на которых]
 7 таких истинно христианских чувств и мыслей / а. такого христианско-
 8 го; б. таких христианских чувств(в) и мыслей
 9 было такое / такое было
 10 в его кающихся / в его кающихся грешниках
 11 какие я / какое я
 12 известных художников / замечательных Художн(иков)
 13 все мысли и желание его / все [его] мысли (и) желания
 14 трудился он с таким самоотвержением / с таким самоотвержением
 15 что часть спокойствия / что спокойст(вие)⁰
 16 перестал навещать его / перестал навещать
 17 в Корпусе окончилось / в корпусе кончилось
 18 к величайшему сожалению / но (к) величайшему моему сожалению
 19 не позволили мне / мне не позволили
 20 объявленной войны турками / объявленной Турками войны
 21 Не буду надоедать вам рассказами о жизни / Я [ничего] [не стал] не
 22 буду [ничего говорить вам] надоедать вам рассказами о [моих] жизни
 23 походов ~ схваток / походов [и трудностей] бивак и жарких сражений
 24 довольно сказать / довольно вам сказать⁰
 25 что труды, опасности / [все] что трудности [войны] дорог(?)
 26 знавшие ~ вовсе / а. знавшие меня светлоликим⁵² прапорщиком никак
 27 не могли бы узнать моего [загоревш(его)] почерневшего лица с;
 28 б. знавшие меня тотчас по выпуске не могли совершенно, сколько ни
 29 желали⁵³, узнать в тогдашнем
 30 огромные усы ~ голос / огромные усы, изменившиеся черты и голос
 31 придали ~ физиогномии / все придадо мне совсем другую физиогномию
 32 Я был весельчак, не думал о завтрашнем / [По окончании войны]
 33 Я был всегда весельчак, мало думал о завтра⁵⁴
 34 с смазливенькими девчонками / с молодыми [жен(щинами)] смазли-
 35 венькими девками
 36 отпустить спроста глупость / отпустить спроста, а иногда и свысока
 37 глупость
 38 был военный беспечный человек / был военный человек⁰
 39 как только окончилась кампания / по окончании войны⁰
 40 навесить отца / навесить моего отца
 41 Когда подъехал я / а. Я подъехал; б. Когда я подъехал
 42 прежде я никогда / я прежде никогда
 43 я чувствовал / я видел
 44 что есть / и что есть
 45 какое-то пиитическое забвение / какое(-то) поэтическое забвение всего
 46 и дал странное, неопределенное направление моим мыслям / и стран-
 47 ное [устр(емление)] неопределенное направление мыслей
 48 мы чувствуем в глубокую осень / мы чувствуем [когда] [обнесен-
 49 н(ой?)] [обнажено] [грустно-пустынно(?)]] осень⁰
 50 когда листья шумят / листья шумят⁰
 51 черные ветви сквозят редкою сетью / [тонкие] черные [тонкие] вет-
 52 ви⁵⁵ сквозят

51 среди вписано

52 светлоликим вписано

53 сколько ни желали вписано

54 Так в рукописи

55 Над строкой вписано: редко(?)

- 40 в далекой вышине / в вышине[◊]
 40 мы невольно ускоряем / а. [закутавшись] ускоривши; б. невольно ускоряешь
- 41 стараясь собрать рассеявшиеся мысли / желая собрать рассеивающиеся мысли
- С. 77
- 1 каменное строение / каменное здание
 2 прогнившие, позеленевшие / [согнившие] прогнившие и позеле(не)вшие
 3 нашедшиеся вокруг келий / идущие вокруг келий
 6–7 на бледном изнуренном лице / [на лице] на [ли(це)] бледном изнуренном [тягостью трудов лице]
 7–8 не присутствовало ~ мысли о земном / казалось, ни одной черты, ни одной мысли не присутствовало о земном
 9–10 проникнутый ~ вид / проникнутый напряженным(?) [вид] свет
 10 в минуту / в минуты
 12 на которое перенесла / на который[◊]
 12 рука художника / кисть худож(ника)
 13 не заметил / не [видел] видал[◊]
 14 я вошел к нему / я предстал ему
 14–15 открыться / открываться
 15–16 как путешествующий / [заехавший, но ка(ково?)] как заезжий
 17 сын мой, Леон / сын мой
 17 десяти лет еще / десяти лет
 18–19 меня видели не так давно / видели [меня не более как за] назад четыре года
 19 ты ко мне прибудешь, — продолжал он / ты [при(будешь)] будешь ко мне
 20 Св. Угодника / угодника
 24 благословляющую народ / благословящую народу
 24–27 Я был поражен ~ вышел вместе со мною / Я никогда не видел такого [бож(ественного)] глубокого неб(есного)
 28 рассказал мне все то, что / рассказал мне эту самую[◊]
 29 В истину его / В истину [этого] всего этого
 29–30 свидетелем многих / свидетелем стольких[◊]
 30–31 Теперь я расскажу ~ то, что / а. Слушай, сын, прибавил после этого отец мой; б. Теперь, прибавил после этого, сын мой, к тому, что не узанный ~ никем / [среди] неузанный никем среди многолюдной толпы
 33 кроме меня / кроме меня грешного[◊]
 33 милосердый / милосердный
 33–34 такой ~ благодати / быть ясновидящим зрителем [неиз(аголанной)]
 36–37 Вы не должны ~ находился / Но прежде я должен предупредить, что отец мой, как я увидел, находился
 38 в том состоянии души / в том бес(покойном)[◊]
 38–39 он испытывает сильные, нестерпимые несчастья / он испытывает⁵⁶ сильные [ужасные] [невыразимые] невыносимые нещастия
 40 не находя ее довольно мощною / не находя необ(ходимого?)[◊]
- С. 78
- 2–3 как к желанной пристани причалил / [пристал] как к желанной пристал
 3 с желанием отдохнуть от жизни / [Движ(имый)] [и от(?)] [отдохнуть] чтобы отдохнуть от бурь жизни

⁵⁶ он испытывает *вписано*

- 3–4 с христианским смирением / с тихим христианским смирением
 4 он стал ближе / он уже стал ближе
 5 напротив того ~ исполинским / [напротив] [поэт(ому?)] напротив то-
 го он становится [чем(-то) <1 нрзб.>] становится чем-то исполинским
 6 стремится / он стремится
 6–7 с большою силою / с большою силою
 7 Он тогда весь обратился / Он весь обратился⁰
 8 Его голова вечно / [вид(ит)] Его голова *Над строкой вписано*: его
 вечно
 8–9 Он видит ~ откровения / Он бесконечно⁵⁷ видит и слышит на каждом
 шагу видения и откровен(ия)
 9–10 глаз его уже / все⁰
 10 ничего принадлежащего земле / ничего земного
 10–11 все движения ~ энтузиазма / и все движения следствия [нап(ряжен-
 ного)] вечно напряженного энтузиазма
 12–13 заметил ~ удивительными / заметил такое его расположение и говорю
 об <том> для того, чтобы вам не казались удивительными
 14 сказал он мне после / сказал он после⁰
 15 устремления глаз своих / устремления очей своих
 15–16 скоро приблизится то время / скоро приближается то время
 16 когда искуситель / когда Великий искуситель
 17 Ужасно будет это время / Ужасное, ужасное будет это время
 18–19 Он промчится ~ останутся верными / Он [проедет] в последний [раз]
 промчится по миру на [белом] коне-гиганте, и великие потерпят муки
 все те, которые [лю(бят)] останутся верны
 20 хочет народиться Антихрист, но не может, потому что / хочет наро-
 диться этот Антихрист [в мир, но его уд(ерживает)] но он не в силах
 еще народиться, потому [что] он [не мо(жет)]
 21 сверхъестественным / сверхъ ест(ест)венным
 21–22 все устроено Всемогушим так / все так устроено Всемогушим⁰
 21–22 совершается все / совершается
 23 ему никакие силы, сын мой, не помогут / [ему очень] ему никакие си-
 лы не могут *Над строкой вписано*: сын мой
 24 Но земля наша / а. но земля наша по Муд(рости); б. но природа⁰
 24 пред Создателем / перед Создателем
 26 удерживающие сверхъестественное / удерживающие его
 27 Он уже и теперь / Он уже теперь⁰
 27 но только некоторая часть / но не весь, только некоторая часть
 28 порывается показаться / стремится(ся)⁰
 28 Он избирает для себя жилищем / а. Он для себя избирает; б. Как в
 тексте; в. Он избирает <1 нрзб.> для себя [<1 нрзб.>] жилищем
 31 что есть создание Творца / что только ни есть создание [Рук(?)] бла-
 гости Всевышнего кот(орый?)
 32 тот дивный ростовщик / и тот [страш(ный)] дивный ростовщ(ик)
 33 свою кистью / свою рукою
 34 преступная рука / преступная кисть
 34–35 он бы удалился и исчезнул / он бы [бы(л) должен] удалился и исчез-
 нул, в который удалось попасть
 35 потому что не мог / потому что он не может

⁵⁷ бесконечно вписано

- 36 В этих отвратительных живых глазах / Да, сын мой, в этих [глазах] отвратительных живых глазах
- 37 Дивись, сын мой / [С кем] [У кого только ни будет этот портрет] Дивись, сын
- 38–39 в самое вдохновение художника / в самое вдохновение художника. Кому⁵⁸ только ни попадется в мире этот портрет, тот уже про-ст(ит)ся навеки с миром души своим, все, что только скрывалось когда или было⁵⁹ порочное на дне души его, все то вдруг станет расти и разра-статься так, что заглушит и пересилит все благое в человеческой ду(ше).
- C. 78–79
- 39–2 Бесчисленны будут ~ наделал зла *Соответствующий фрагмент вписан в нижней части листа без знака вставки*
- C. 78
- 39–40 этого адского духа / этого адского дивного духа
- 40 живущего невидимо без образа на земле / живущего без образа⁰
- C. 78–79
- 41–2 врывается к нам ~ наделал зла / врывается в минуту даже самых чи-стных, сам(ых) святых помышлений. И моя преступная кисть продлила его мерзкое существование. Но еще более нанес бы он бедствий, если бы она докончила свою адскую работу
- C. 79
- 3 он именно выбирает / он любит именно выбирать⁰
- 4 постигают нас / постигнут человека
- 5–6 мне открыла в час святого видения сама Божия Матерь / мне откры-ла⁶⁰ сама Божия [матерь, представ мне во сне в самое т(о)д] *Над строкой вписано: ночью*
- 6–7 Пречистого лика Девы Марии / пречистой <1 нрзб.> девы Марии
- 7 лил слезы покаяния о моей протекшей жизни / и лил слезы раскаяния о моей жизни (*вписано*)
- 9 черты Ее / черты его
- 9 я был посещен / я был прон(икнут)
- 9–10 я чувствовал, что высшая сила осенила меня / О, это было не(из)яс-нимое вдохновение, я чувствовал, что самая высшая сила слилась с ним
- 10–11 я чувствовал ~ волоса мои / волоса поднялись на мне
- 11 душа вся трепетала / душа до дна трепет(ала)⁰
- 12 за эту минуту я бы тысячи взял мук / за эту жизнь выс(о)кую, (что) я провел в эту минуту вдохн(овения) нет мук, каких бы я не захотел взять
- 12–13 И я сам дивился / и почти⁰
- 13–14 Тогда же предстал мне во сне Пречистый лик Девы / Тогда же во сне предстал мне пречистый лик девы и святой угодник, котор(ых) ты видел во храме
- 14 моих трудов / моих [гре(шных)] безъим(янных) трудов
- 15 сверхъестественное существование / существование⁰
- 16–17 по истечении пятидесяти лет / после⁰
- 18 рассеется яко прах / рассеется как прах
- 18 тебе передать это / тебе об эт(ом)⁰
- 19 как он с того времени живет / протекло с того времени, как он живет
- 19–20 двадцать впереди / 20 впереди
- 21–22 все эти слова приписывал распаленному его воображению, воздвигну-тому / [отвергал с каким-то насмешливым] все эти слова, приписывая их распаленному его воображению, восторженному

⁵⁸ Было: С кем только будет жить этот *Над строкой вписано: Эту*

⁵⁹ когда или было *вписано*

⁶⁰ *Над строкой вписано: сказал святой отец*

- 23–24 делать какого-нибудь замечания или соображения / возражать и сделать какого-нибудь своего замечания *Над строкой вписано*: отвечал благоговейным
- 25 иссохшие свои руки / [свои] иссохшие руки
- 26 молчал он / молился он⁰
- 26–27 с каким невыразимым умилением / когда я увидел⁰
- 27 молил о тех / а. молился за тех; б. молил он о тех
- 28–29 с какою пламенной скорбью простерся он / с какою пламенной скорбью (*вписано в разрыве следующей строки между двумя вертикальными чертами*)
- 30 во всех чертах его / на всех чертах его
- 31 я не в силах был / я сам не в силах был
- 31 холодному размышлению / холодному наблюдению
- 31–32 разбирать слова / разобрать слова
- 32 после его смерти / после смерти
- 33 но никогда не мог / но не зная⁰
- 34–35 но только ~ удерживавшее меня от того / но я [всегда] чувствовал, что меня всегда как будто что-то удерживало (от) этого
- 35 Сегодня без всякой цели / [Та(к?)] Сегодня без всякой почти цели случайно
- 36 рассказал историю / рассказал всю историю⁰
- 37–38 не сегодня ли то новолуние / [не] что точно [теперь] сегодня новолуние
- 38–39 действительно с того времени прошло уже 20 лет / сегодня действительно прошло с того времени двадцать лет
- 40 и слушатели / и слушатели его [к сво(ему)]

С. 80

- 1 к удивлению своему, заметили / к удивлению своему увидели
- 2 так поразила их / так поразила его⁰
- 3 когда черты / когда сами черты
- 4 почти нечувствительно начали исчезать / начали исчезать так же
- 5 Что-то мутное / что-то неясное⁰
- 5 И когда подошли / [и] когда подошли
- 6–7 Так что посетители, уже уходя / [Так что] Посетители уходя *Над строкой вписано*: посетители в недоумении
- 7 долго недоумевали / долго думали [о том] во все время дороги своей
- 8 или это была мечта / а. или казалось(?) только; б. или это было в мечте
- 8–9 представилась мгновенно / представилось утруж(ленным)⁰

ВЗГЛЯД НА СОСТАВЛЕНИЕ МАЛОРОССИИ

Варианты ЖМНП₂

С. 81

- 1 Взгляд на составление Малороссии / Отрывок из Истории Малороссии. Том I, Книга I, Глава I
- 29–31 Эскиз этот ~ отдельная статья / Автор избрал первую главу Истории Малороссии для помещения в Журнале, потому что она представляет нечто целое и вместе служит введением в самую Историю. Приложения и ссылки отлагаются за недостатком места.

С. 82

- 1 думая, что исполняют / и думали, что исполняют

- С. 89² но между тем / и между тем
¹⁰ 1832 / Н. Гоголь

Варианты ЧА Взгл с включением ЧН Взгл₁ и ЧН Взгл₂

- С. 81¹ Взгляд на составление Малороссии / В рукописи нет; Взгляд на Малороссию (Ар., оглавление)
- С. 81–82^{2–30} I. Какое ужасно-ничтожное время ~ наслаждением / В рукописи нет
- С. 82^{30–31} Это нашествие / Это Азиатское происшествие Над строкой вписано: нашествие
- ³² Было ли оно спасением для нее / Было ли спасение для России
- ³² сберегши ее / а. сохранившее ее от; б. сберегшее ее
- ^{33–34} от литовских завоевателей / от Литовских исполинов
- ³⁴ за те / за эти
- ³⁵ страшное событие / огромное нашествие
- ³⁵ произвело великие / произвело важные[◊]
- ³⁶ на се́верные и средние / на северную и среднюю
- ³⁶ русские княжения / а. Россию; б. Как в тексте; в. Княже(ния)
- ^{36–37} но дало между тем / но дало
- ³⁷ новому славянскому / а. Как в тексте; б. нового Славянского
- ^{37–38} поколению в Южной России / поколению в Южной России¹, так резко отличного в нравах, обычаях и жизни,
- ³⁸ которого вся жизнь была борьба и вписано под строкой без знака вставки
- ⁴⁰ III. Южная Россия более всего пострадала от татар / Южная Россия [всег(о)] более всего пострадала от Татар. [Она]
- С. 82–83^{41–1} безлюдье и пустыня — вот что представляла / вот что представляла[◊]
- С. 83^{1–2} Испуганные жители / Напуганные жители
- ² или в Польшу, или в Литву / или в Польшу или Литву
- ^{2–3} множество бояр и князей выехало в Северную Россию / В рукописи нет
- ⁴ заметно уменьшаться в этой стороне / уменьшаться в этой стороне России
- ⁵ не был столицею / не был столицею великокняжения
- ^{6–22} Народ, как бы ~ характерный народ / Народ, как бы понимая... (не дописано)
- С. 83–84^{23–6} IV. Когда первый страх ~ непроницаемую завесую / Когда первый страх прошел, тогда мало-помалу начали селиться в этой земле выходцы из Литвы, из России. Это новое население было странное, оно не составляло одного народа. Тут были и Литовцы, и поляки, и рус(с)кие. Даже [часть(ю)] татары. [Новые пришельцы должны были поневоле соединиться между собою] Общий страх [от] нападения со стороны татар почти против воли заставил их соединиться и даже исповедовать одну религию. Наконец и Киев наполнился жителями.
- С. 84⁷ V. Между тем как Россия была повергнута / Между тем когда Рос(с)ия повергнута была
- ¹⁰ населявший дикие сосновые леса нынешней Белоруссии / а. еще

¹ в Южной России вписано

- од(еавшийся²); б. населявший дикие белорус(с)кие леса; в. населявший дикие леса белорус(с)кие сосен, елей
- 11 носивший звериную кожу вместо одежды / носивший [вместо] звериные кожи
- 12 в не троганных топором рощах / в не знавших топора рощах (вписано)
- 13 плативший прежде дань / плативший дань
- 13–14 известный под именем литовцев / а. Этот народ был Литовцы; б. народ, известный под им(енем) Литовцы. Были ли в этой земле природные рус(с)кие князья или Ханские Баскаки, я не стану исследовать, верного об этом ничего нет. А говорить о том времени, когда народ был беден и [мал] ничтожен и притом не осталось о нем ни одной черты в Истории, значит мнить(?) историю
- 14–20 И этот народ ~ и татарской Россией / Польшей и Татарской Россией²
- 21 Потом двинул он войска / Наконец двинул войска
- 21–24 во владения ~ отстоять земель своих / Оставшиеся княз(ья?) в Луцке Лев сильно сопротивлялись ему, но не в силах были отстоять этих земель
- 24 назначив старост / назначив своих старост
- 24–25 шел далее на юг / подвигался далее к югу
- 25–31 Убедивший ~ постановил / Дорогу заступил ему вышедший [из Киева] с войском князь Киевский Станислав с союзниками Татарами и изгнанным Луцким князем. Сражение было при [Ирп(ени)] реке Ирпени. Гедимин остался победителем и вступивши с торжеством в Киев, бедами обяванный татарам³, поставил
- 31–32 князя Миндова / [князя] своего племянника князя Миндова
- 33 перед глазами их / перед ними
- 34 должно бы, казалось, возбудить / должно бы возбудить⁰
- 34–35 между двумя народами / между этими⁰
- 35–36 был человек ума крепкого, был политик / [был так умен] необыкновенный человек с необыкновенным умом, ясным, пронизательным, Гений политики⁴
- 36–37 несмотря на видимую свою дикость и свое невежественное время / и в такое невежественное время
- 38 не платя никакой дани / не платя дани
- 38–39 Этот дикий политик ~ поклонявшийся / Гедимин был глубокой политик, не зная письма, поклоняясь
- 39 ни у одного / Ни одного
- 40 не изменил обычаев / не изменил он обычаев
- 41 и старшинам / и даже [указами] пост(ановлениями) старшинам

С. 85

- 1–2 нигде даже не означил пути своего опустошением / Нигде не означивал пути своего опустошением, и в такое невежественное время
- 2–4 окружавших его народов ~ исполинской размер / окружавших народ (1 нрзб.) исторических лиц придают еще более исполинс(кий) размер этому Великану
- 4–5 с своим оруженосцем / с любимым оруженосцем⁰
- 5 с охотничьими собаками, соколами / с охотничьими собаками, с соколами
- 5 и сожжен / и был сожжен
- 6 Вслед за ним / Вслед за Гедимином

² Так в рукописи

³ бедами обяванный татарам вписано

⁴ Гений политики вписано

- 6–7 два сильные характера / два исполина
 7 Ольгерд и Ягайло / Ольгерд и за ним Ягайло
 7–8 употребляя ~ с присоединенными народами / и [таким] ту же самую политику имели с побежденными народами
 9 VI / В рукописи нет
 9–10 под могущественным покровительством / под Литовскими^o
 10 совершенно отделилась / отделилась совершенно
 11–14 между ними разорвалась ~ между ними не было / между ними разорвалась
 14 другая цель / другие характеры
 15–16 составили на время ~ нашей истории / [об(рати)ли] совершенно обратили ее в другие народы (1 нрзб.) наконец. Между тем как
 17 Но прежде всего нужно / Теперь не мешает
 18 этой страны / Малорос(с)ии
 18 предшествовать всему, ибо / предшествовать Истории, потому что
 18–19 от вида земли зависит / а. от земли; б. от вида земли (не зачеркнуто); в. вид земли [рож(дает)] дает народу ха(рактер); г. от вида земли часто зависит⁵
 19–20 Многие в истории / Многие особенное разгадывается^o
 21–22 Эта земля ~ более ровна, нежели гориста / Эта земля вообще ровная
 22–23 Небольшие возвышенности / а. Гор нигде больших, если; б. Как в тексте; в. Небольшие возвышенности и небольшие горы
 23–24 но ни одной гористой цепи / а. но высоких нет; б. но ни одной цепи^o
 24 Северная ее часть / Северная часть
 24–25 содержащими ~ кабанов / в которых тогда бегало множество диких кабанов
 26–28 кипевших плодородием ~ кипели стадами / изредка засевавшихся хлебом, местами убир(авшихся) ковром диких злаков(?), наполненных тогда стадами
 30 великий Днепр, опутанный ветвями / Великая река Днепр, раскинувший ветви
 31–32 пленительные и вместе дерзкие / приятные и дерзкие
 32–33 весь из лугов, покрытых рощами, потоплявшимися / из лугов, степей и рощ^б, которые все потопляются
 33–37 Двенадцать порогов ~ шерстью / 12 порогов — выросших из дна реки скал⁷ переграждают его течение и делают плавания по нем чрезвычайно опасными
 38–39 Когда воды начинают опадать, тогда вид поразителен / Когда вода спадала, тогда вид необыкновенен и поразителен
 39–40 бесчисленными зелеными островами / бесчисленными островами^o
 40 среди необозримого океана / посреди неизмеримого океана
 41 только одна судоходная река / одна только река судоходная
 С. 85–86
 41–1 в Северной Украине / а. в Северную Украину; б. в Северной части Малорос(с)ии
 С. 86
 1–2 потопляемыми водою / ровными и потопляющимися(?) водою

⁵ зависит написано дважды

⁶ степей(?) и рощ(?) вписано

⁷ Над строкой вписано: недалеко от падения его На соседнем л. 4 продолжение вписанного: в море. Около порогов водилось род диких коз Сугаки с белыми лоснящимися рогами с мягкой Атласною шерстью (мягкою вписано)

- 2 но и эта река / но эта река
3 Кроме того / кроме этих
3 Остер и часть Сейма / Остер, часть Сейма
4 с цепью видов / с живописными берегами и цепью видов самых разнообразных
5–6 не могли взаимно размениваться / не могли [сносить(ся?)] взаимно разменивать *Над строкой вписано:* (размен)ять
6 не мог и возникнуть / не мог возникнуть
7 разветвляются посередине / разветвлялись в середине этой земли
8 гранью / а. границею; б. защитою *Над строкой вписано:* гранью
8 с соседственными народами / от [вражеских] неприятельских земель
8–10 К северу ~ с Польшей / С Севера ли к России, с востоку ли к Кипчакским татарам, с Юга ли Крымским, с Запада ли к Польше
10–11 везде она граничила полем / везде поле
11–12 Будь хотя с одной стороны естественная граница / а. Если бы хоть с одной стороны была р(ека?); б. Будь хоть с одной стороны естественная граница
12 из гор или моря / состоявшая⁰
12 и народ / и эта ча(сть)⁰
13–14 удержал бы ~ государство / [составил бы] удержал бы политическое бытие, составил бы независимое государство
14–15 была землей опустошений / была земля опустошений (<?)
15 местом / страшным местом
15–16 три враждующие нации / три враждующие народа
17 луга и нивы / травистые степи и нивы
18 вытаптываемы конями и выжигаемы / вытоптываемы конями
18–19 легкие жилища сносимы до основания / бедные⁸ жилища сносимы и сжигаемы
19 обитатели разгоняемы или угоняемы / обитатели изрубливаемы [или] угоняемы *Над строкой вписано:* разгоняемы
20–21 в ней мог образоваться только / в этой земле мог только образоваться которого вся жизнь была бы / которого бы вся жизнь была
22 те, которым нечего было терять / лишенные всего
23–24 которым жизнь — копейка / такие, которым жизнь была копейка
24 которых буйная воля / такие, которых буйная воля
25 законов и власти / никаких законов
25 которым везде грозила виселица / и такие, которых везде ожидала виселица
26–27 расположились ~ татар и турков / расположились [в самом страшном] месте⁹ [перед глазами тех] в виду страш(ных) завоевателей — Татар и Турок
28–30 целый народ ~ известный / особый народ и нацию, известную
31 народ, составляющий одно из замечательных / одно из самых замечательных
32 которое, может быть / народ⁰
33 опустошительное разлитие двух магометанских народов / опустошительное Азиатское разлитие двух Магометанских народов, Турок и татар,
С. 86–87
35–10 VII. Если не к концу ~ местопребывание козаков / В конце XIV или начале XV в. можно положить происхождение их, по крайней мере уже тогда был выстроен за Днестром небольшой город их Черкас

⁸ бедные вписано

⁹ *Над строкой вписано:* выбрали себе самое страшное

- 10–12 Вначале ~ общество / Нападения Татар на Киев и западную часть Малорос(с)ии заставило многих убежавших жителей приставать к ним и увеличивать их
- 12 пестрое сборище / самое пестрое сборище
- 12–13 самых отчаянных людей пограничных наций / [людей] самых отчаянных
- 13 Дикий горец / Дикий Горец, Черкес, или Косог
- 14–15 убежавший ~ даже беглец / убежавший от палачей и веревки поляк, беглец
- 15–16 может быть, положили первое начало этому / эти люди¹⁰ положили начало
- 16–17 впоследствии ~ вечную войну / постановив целью и правилом подобно рыцарям¹¹ воевать
- 18–19 никаких укреплений, ни одного замка / вначале ни домов, ни жен, ни детей
- 19 пещеры и тайники / пещеры^δ
- 20 в гуще степной травы / В рукописи нет
- 20–21 служили ~ богатств / служили им зато укрытием себя и награбленных богатств
- 22–23 схвативши добычу, возвращались / угоняли (2 нрзб.), возвращаясь
- 24 те же азиатские набеги / внезапные Азиатские набеги. Никакое препятствие не могло остановить этого немногочленного, но разрушительного набега
- 24–29 Как жизнь их ~ называл / [Татары] Соседственные Татары и Турки оказывали им(?) самое(?) сильное презрение. Султан Турецкий, желая нанести большое(?) оскорбление, называл
- 30–31 VIII. Большая часть ~ Южной России / [Козаки были со всех сторон] Природных Россиян было больше других
- 31–32 Доказательство в языке / (Это) доказывает самый язык
- 33 имел ~ южную физиономию / имеет чисто славянскую физиогномию
- 34–35 и в вере, которая всегда была греческая / а. Это общество сохраняло все те черты; б. и вера Христианская
- 35 Всякой имел / Всяк имел
- 35–36 к этому обществу / к этому скопищу
- 36 принять греческую религию / принять Греческую Религию и уже совершенно обновленный(?) принять другие обычаи и обыкновения
- 37 Это общество сохраняло / а. Это странное общество сохраняло; б. Это странное общество с первого взгляда сохраняло по-видимо(му)
- 37 которыми рисуют / которые рисуют
- 38 бросивши взгляд глубже / рассмотревши вниматель(нее)
- 38–40 увидеть в нем ~ воевать / видеть, что это зародыш политического общества, начало великого характерного народа, который уже в начале имел цель вести вечную борьбу

С. 87–88

- 41–4 Это однако ж не были ~ позабывали весь мир / в том только отличие их от рыцарей, что никакие обеты, никакие посты ни воздержание не обуздывали их, они были вольны как степи и в своих буйных наслаждениях позабывали весь мир (вписано без знака вставки в нижней части листа)

¹⁰ люди вписано

¹¹ подобно рыцарям вписано

- 4–5 тесное братство ~ связывало их / братство, которое так [отличало] со-
храняет(ся) в буйных разбойнич(ьих) скопищах, связывало их тесно
- 6 Все было у них общее — вино, цехины, жилища / Все было общее у
них [деньги] [вино] турецкие цехины, [жи(лища)] вино, жилища
- 7–8 больше заботился / более заботился
- 8 о доброй мере / о доброй кружке
- 8 о своей участи / о своей жизни
- 8–9 Но в нападениях / в [войне] нападениях
- 9 вся гибкость, вся сметливость ума / вся гибкая сметливость
- 10 пользоваться обстоятельствами / пользо(в)ать(ся) местами
- 10–12 этого обитателя ~ пограничность земли / [этого Козака] обитателя
порогов в полутатарском, полупо(ль)ском [костюме], полурус(с)ком
костюме, на котором отпечат(алась) пограничность народа
- 12 азиатски мчавшегося / а. летаю(щего); б. мчавшегося¹²
- 13 с быстротою тигра / с хищностью тигра
- 14–15 или вылезавшего внезапно из реки или болота / и (1 нрзб.) или выле-
завшего внезапно¹² из болот
- 15–16 казавшегося страшилищем бегущему татарину / как [будто] подобно
подземному гному. Это заставило Турецкого [су(лтана)] салтана ска-
зать: когда поляки и немцы воюют, я сплю на оба уха, когда же коза-
ки зашевелиятся, я должен одним ухом слушать
- 16 после набега, когда гулял / когда гулял
- 17–18 разбрасывал награбленные сокровища / бросал награбленные¹³ сокровища
- 18 был бессмысленно пьян / и был пьян
- 19 не предупреждали их / не упреждали их
- 19–20 не разгоняли их пьяных и беспечных / не разгоняли их (2 нрзб.)
- 20 и не разрывали до основания городка их / не разрушая до основания¹⁴
городок
- 20–22 который, как будто чудом ~ После чего снова / который вдруг по про-
гнании их [ст(роился)] как будто чудом строился вновь, и мстительный
набег вознаградил(?). И потом
- 24 IX / В рукописи нет
- 24 было вечно / было бескон(ечно)¹⁴
- 24–25 Он никогда ~ потонувшие / оно никогда не уменьшалось, выбывшие
- 26 разгульная жизнь / вольная буйная жизнь
- 27–28 все добывалось ~ не зрителем / каждый стремился жить и действо-
вать вместе
- 29 мало-помалу получило совершенно один / получив (?), наконец один
- 30–31 и чем ближе ~ увеличивалось / чем долее, увеличивалось более и бо-
лее
- 32 начали поселяться / начали переселяться
- 32 с домами / с своими домами
- 32 около этого грозного / вокруг сего грозного
- 33–34 его защитю, с условием за то некоторых повинностей / защитю *Над
строчкой вписано: (1 нрзб.)*
- 34–35 места ~ люднели / [людность(?)] места около Киева пустыли, около
Днепра заселялись
- 36 от обращения ~ получали / получали от обращения и сношения с ними

¹² внезапно вписано

¹³ награбленные вписано

¹⁴ до основания вписано

- 38 у всякого селянина / у всякого семьянина
 38–39 холостяки / холостяки начали жениться
 39 вместе с червонцами, цехинами / и вместе с цехинами и реалами
 40 дочерей и жениться на них / девиц, на которых женились
- С. 88–89
 41–1 черты лица их ~ более азиатскую / самые черты лица начали изменять(ся) и приобрели¹⁵ больше общего между собою
- С. 89
 1–2 и месту жительства / по месту жительства
 2–3 но между тем ~ совершенно азиатский / по чертам лица, жизни(?), по некоторым обычаям, даже по костюму Азиатец
 4 так странно столкнулся две противоположные / две совершенно противоположные *Над строкой вписано: столк(нулись)*
 5–8 европейская осторожность ~ желание / Европейская [деятельность] осторожность и вся¹⁶ Азиатская беспечность, [Смирение и Гордость] Хитрость и простодушие, Деятельность [и лень], нега, лень, совершенно приставшая(?) обитателям Азии, стремление к лучшему и между(тем) желание
 10 1832 / *В рукописи нет. На том же листе далее вписано: Какое было первоначальное устройство этого необыкновенного. Какие были первоначальные¹⁷ законы для вольнолюбивой и буйной вольницы, я об этом теперь ничего не скажу, хотя всякой может себе верно представить, как должно было быть тогда¹⁸, потому¹⁹ что до времен Ружинского ничего [об] не известно [ни один инок-летописец не укрывался в монастыре(?) и самых²⁰ монастырей нигде не было в этой изруинованной земле. Летописи писались тогда не пером, а кривыми саблями и пищаля(ми). Ни один инок-временнописец не укрывался в монастыре. Иностранцы, особливо впоследствии французские инженеры, писавшие об Украине, нигде не доискивали сведений исторически(х), не расспрашиваясь старых, еще касавшихся прежними годами своими времен патриархальных, еще живо хранивших в памяти первые подвиги и дела. Они большею частью (1 нрзб.) в географию в настоящем тогдашнем виде. Как досадно, когда минувшее, может быть кипевшее событиями, бежит и темнеет в виду всех [людей] и ни один не хватится остановить его. Это похоже — но вперед моя история.—²¹*

Литовские князь(я)²² на северо-востоке Европы были сильнейшие владетели. Когда в Польше произошли Великие смуты по случаю смерти [бездетного] Короля Людовика, не оставившего сыновей, [престол] была коронована тринадцатилетняя его дочь, знаменитая красавица Ядвига. [Кучи] женихов [окружили ее двор], знатнейших ее (1 нрзб.) и более блистательных²³, стеклись в Польшу. Но Литовский князь Ягайло взял перевес и получил руку Венценосной красавицы с условием (1 нрзб.) присоединить [Литвы] свои пространные рус(с)кие владения и литовские владения, самому принять Христианскую веру вместе с Ли-

¹⁵ и приобрели *вписано*

¹⁶ и вся *вписано*

¹⁷ первоначальные *вписано*

¹⁸ хотя всякой ~ быть тогда *вписано без знака вставки*

¹⁹ потому *написано дважды*

²⁰ *В рукописи: самого*

²¹ *В рукописи далее пробел в одну строку*

²² князь(я) *вписано*

²³ знатнейших ~ блистательных *вписано*

товским народом. [И вот]²⁴ Таким образом три [народа] зем(ли) Литва, Южная Рос(с)ия и Польша соединились вместе. [Папа] Ягйло провозгласил²⁵ себя Владиславом, а Папа приобрел в свою обширнейшую обнимавшую почти все моря (1 нрзб.) новую паству(?) (ЧН Вzgl₁).

Сохранился также набросок на листе из той же книги: Народ не мог сделаться торговым, получивши заматерелость, следствие местоположения. Никогда Малороссий(ские) купцы не были значительны. Всегда или рус(с)кие [или] ныне, или греки и жиды прежде держали в руках своих торговлю.

Этот народ не имел строгой расчетливости и размера на всю жизнь, следствие местоположения, беспечность, равнодушие к богатству и неуверенность в нем. Часто все накопленное трудами обращало(сь) в одну праздничную попойку, в увеселение и забвение на одну минуту.

Особенная страсть к увеселениям, к общественным гульбищам, с начала весны все девки и парни выходят на улицу из хат и поют [в которой] приветствия весне. Улица делается всеобщим собранием.

Как просто, как высоко постигнуто это удержимое средство (о свадьбах). Человек ничего так не боится, как стыда.

Вольность в обращении

Все, что до наслаждения относилось, все это имел народ, он в этом не отказывал себе никогда. Разнообразие разных блюд, совершенно [приличных] отличных в разные времена года, в разных случаях (ЧН Вzgl₂).

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПУШКИНЕ

Варианты ЧА Пушкин

С. 90

- ³ никто из поэтов наших / никто [более из поэтов] наших
³⁻⁴ и не может более / никто более не имеет права
⁴⁻⁵ решительно принадлежит ему / принадлежит ему. Он Первый русский поэт
⁵⁻⁶ В нем ~ богатство / В нем, как будто в лексиконе¹, все богатство
⁶ сила и гибкость нашего языка / [и] сила и гибкость языка
⁶⁻⁷ Он более всех ~ пространство / а. в нем одном они развились и показались во всем пространстве; б. Он более всех его развил и далее раздвинул ему границы, более показал пространство
⁹ Это русский человек в его развитии / а. в конечном развитии; б. Это рус(с)кий человек в конечном его развитии
¹⁰ чрез двести лет / через двести лет
¹⁰⁻¹³ В нем ~ стекла / В нем [как в зерка(ле)] в такой же чистоте и утонченности, как² ландшафт отражается на выпуклой поверхности зажигательного³ стекла, отразилась рус(с)кая природа, рус(с)кая душа, рус(с)кий язык, рус(с)кий характер
¹⁴ Тот же разгул / а. разгул; б. Тот разгул
¹⁵ позабывшись стремится / отчаянно стремится

²⁴ вместе с Литовским народом. [И вот] вписано

²⁵ Над строкой вписано без знака вставки: (5 нрзб.)

¹ как будто в лексиконе вписано

² в такой же чистоте и утонченности, как вписано

³ зажигательного вписано

- 15–16 которое всегда нравится свежей русской молодежи / который всегда любит встречать в других *Над строкой вписано*: свежая рус(с)кая молодежь
- 17 Судьба / Ему было душно среди бесцветных наших столиц и чинных городов, и судьба
- 18 границы России отличаются / границы [Ру(сские)] России отличались
- 20–21 покрытый вечным снегом ~ поразил его / покрытый вечным⁴ снегом [среди цветущих долин] Кавказ [страшно] поразил он, можно сказать, вызвал / он вызвал ви(утреннюю?)⁵
- 21–22 разорвал последние цепи / [сообщил ему ту] разорвал все последние цепи⁶
- 22–23 тяготели на свободных мыслях / а. связывали [дух] свободный дух его; б. тяготели над его свободными мыслями
- 23 Его пленила / Ему понравилась⁷
- 24–25 и с этих пор кисть его приобрела / кисть приобрела его
- 26–27 поражала только что начинавшую читать Россию / поражала Россию⁸
- 27 с казаком / с Козаком или Татаринном
- 28 сверкающие сабли / мелькающие сабли
- 28 и летит / и несется *вписано*
- 29 Он один ~ в него / Он⁵ один только и первый певец Кавказа, в него влюблен он
- 30–32 он проникнут ~ садами / и южным его небом и долинами прекрасной Грузии⁶ [он напитан] [насытился со всею жаждою упоения]⁷ он проникнут и напитан

С. 90–91

- 32–1 Может быть ~ пламеннее / Оттого и в творениях своих он жарче, пламеннее

С. 91

- 1–2 он невольно означил / он старался [вылить^(?)] означить
- 2–3 произведения его, напитанные Кавказом / а. произведения его; б. все произведения его напитанные Кавказом *Над строкой вписано*: которые внушены
- 4 магическую силу / Магнитную силу
- 4 им изумлялись / они им⁴
- 5 душевных способностей / душевных сил⁵
- 5–6 чтобы быть в силах понимать его / чтобы понимать его
- 6 Смелое более всего доступно, сильнее / Смелое быстрое более всего доступно
- 6–7 и просторнее раздвигает душу *вписано*
- 8 необыкновенного / необыкновенного и ненавидит стеснения
- 9–10 Ничья слава ~ обязанностью / Он был каким-то идеалом молодых людей. Его смелые, всегда исполненные оригинальности поступки и случаи жизни заучивались ими и повторялись, [и] разумеется, как обыкнов(енно) бывает, с прибавлениями и вариантами. Стихи [его неволь(но)] учились наизусть. Армейские и Штатские и кстати и некстати⁸ почитали обязанностью
- 10–11 а иногда ~ его поэм / а. и исковеркать несколько какое-нибудь ярко сверкающее место из его поэм; б. и исковеркать какие-нибудь ярко сверкающие отрывки из его поэм

⁴ вечным *вписано*

⁵ Он *вписано*

⁶ *Над строкой вписано*: садами и ночами Крыма

⁷ *Над строкой вписано*: (1 нрзб.)

⁸ и кстати и некстати *вписано*

- 11–14 Его имя ~ повсюду / И если сказать истину, то его стихи воспитали и образовали истинно благород(ные) чувства, несмотря на то, что старики и богомольные тетушки старались уверить, что они рассеивают вольнодумство, потому только⁹, что смелое благородство его(?) мыслей и выражени(я) и отвага души были слишком противоположны их бездейственной вялой жизни, бесполезной и для них и для государства
- С. 92 15–19 Под именем Пушкина ~ тому подобные / В рукописи нет
- 1 уже был национален / [был] национален
- 3–7 Поэт даже может ~ они сами / В рукописи нет
- 7–8 которые составляют / [которые] составляют [такую]
- 8 отличающую его / которая отличает его
- 9 то они заключаются / [то] то она состоит
- 11 так отчетист / так удачен, так резок
- 11 один заменяет / заменяет один
- 12 небольшая пьеса всегда стоит / небольшие пьесы стоят всякая(?)¹⁰
- 13 Вряд ли о ком из поэтов можно сказать / а. в немногих стихах ее отливается такая высокая; б. Ни у кого из Поэтов небольшие пьесы; в. Вряд ли кто из Поэтов может сказать⁰
- 13–14 у него ~ столько / [в] у него в небольшой пьесе¹¹ столько вмещалось
- 17 скрылся от него / скрылся перед ним
- 18 из-за облак / из облак
- 19 предался глубже / и предался глубже [познанию]
- 20–21 вполне национальным поэтом / национальным поэтом⁰
- 21–22 его поэмы ~ дышит у него все / эти поэмы уже не поражают каждого той яркостью и ослепительною смелостью, какими дышат все
- 24 Явление это, кажется, не так трудно разрешить / [видевшие] Отчего же это произошло. Это произошло вот от чего
- 26 образованные / и образованные
- 27 исторические происшествия / исторические происшествия наши
- 29–30 более спокойный / [бы(т)] [гораздо] слишком спокойный
- 31 в лице своем нацию / а. весь народ; б. в лице своем народ
- 31 очень странна / [чрезвыч(айно)] странна
- 32 она кричит / она треб(ует)⁰
- 34 ее велению / велению ее
- 35 тотчас заговорит / тотчас говорит
- 37 женщину, приказывающую / Женщину, повелева(ющую)⁰
- 39 не умел скрыть всех ее недостатков / не прикр(асил?) и не скрыл все ее недостатки
- С. 92–93 39–3 Русская история ~ Поэту оставалось / Русская История, я не говорю о последнем ее направлении со времени Императоров, не слишком много вмещала в себе живости. Характер народа был слишком бесцветен. [Стра(сти)] разнообразие страстей не было ему известно. Ему оставалось
- С. 93 5–6 говорить с жаром о том, что само в себе не сохраняет сильного жара / говорить с жаром о том, что не име(ет) жара¹², как то делают многие
Под строкой вписано: сохраняет

⁹ только вписано

¹⁰ всякая(?) вписано

¹¹ в небольшой пьесе вписано

¹² говорить с жаром о том, что не имеет жара вписано

- 6 тогда ~ толпа народа / Тогда [бы он] толпа почитателей, толпа народа [за]
- 6-7 а вместе с ним и деньги / а. Шуму более; б. Тогда его имя более окружено шумом; в. шум на его стороне, деньги на его стороне
- 8 быть резким / быть простым⁰
- 10 прощай толпа! ee не будет у него / прощай толпа, шум, почести¹³, ee не будет
- 10-11 когда самый предмет ~ резок / а. происшествие уже так велико; б. это уже так велико
- 12 всеобщего энтузиазма / энтузиазма
- 13 хотел остаться поэтом / хотел быть истин(ным) поэтом, таким⁰
- С. 94**
- 2 выказывать свой талант таким средством / выказать таким средством свой талант
- 4 и судия и господин / и судья (и) царь
- 4-5 ярче какого-нибудь / выше и лучше какого-нибудь пьяного
- 5 и несмотря на то / и что, несмотря на то
- 5-6 зарезал своего врага / зарезал своего неприятеля⁰
- 6 или выжег / или заж(ег)⁰
- 6-7 однако же он более поражает / нас более поражает и
- 8 в истертом фраке / в Европей(ском)⁰
- 9-10 пустил по миру ~ крепостных и свободных душ / [сослал в] пустил по мир(у) (в) легкой тележке свободных и ревижских¹⁴ душ
- 10-11 они оба / После(дний?)⁰
- 12 хотя по / а. Предпочесть предмет обы(кновенный); б. Хотя по весьма
- 13 всегда сильнее поражает / сильнее поражает⁰
- 15 перед его многочисленную публикую / перед своими⁰
- 16 перед собою / пред собою
- 17 но только / только
- 19 Я всегда чувствовал / а. Я чувствовал всегда; б. Я всегда чувствовал в себе
- 19 маленькую страсть / больш(ую)⁰
- 20 занимал писанный мною пейзаж / занимала картина⁰
- 21-22 Я жил ~ окружные соседи / Знатоки и Судьи мои были соседи, наши помещики
- 24-25 хорошо растущее / и хорошо растущие
- 25 В детстве мне казалось / Мне казалось тогда
- 26 я из него извлек мудрость / а. я увидел в нем великую памятку; б. я из него извлек познание
- 26 что нравится / что нравится толпе⁰
- 28 так же тихи / так же тихи, светлы(?)⁰
- 29 совершенно понимать / совершенно понять
- 30 чья душа так нежно / и чья душа [так же] нежно
- 31 в чувствах / чувствами
- 31-32 понять не блестящие с виду / понять вполне неблестящие
- С. 94-95**
- 35-6 По справедливости ли ~ для многочисленной толпы / В рукописи нет
- С. 95**
- 8-9 резкие и крупные черты / резкие черты и крупные массы
- 9 Для этого нужно быть / а. Все равно; б. Почитателям Антологии его нужно быть

¹³ шум, почести вписано

¹⁴ Над строкой вписано: крепости(ых)

- 9–10 сибаритом, который / Сибаритами, который¹⁵
 10 уже давно пресытился / уже пресытился⁰
 10 и тяжелыми яствами / а. яс(твами); б. и тяжелыми блюдами
 11 не более наперстка / не больше наперстка
 11 услаждается таким блюдом / таким блюдом [услаждается]
 12–13 без всякой приятности / а. и бол(ее?); б. и без всякой приятности
 13 крепостного повара / крепостного повара в грязном фартуке¹⁶, нюхающего табак во время своей стряпни и с малиновым носом
 15–17 Это тот ясный мир ~ серебряной реки / Все черты полного ясного мира, так знакомого одним древним (вписано со знаком вставки в нижней части листа) В них природа выражается так же живо, как в струях какой-нибудь серебряной [струи] реки (вписано над предыдущей вставкой в нижней части листа).
 17–18 в котором ~ руки / в которых мелькают или яркие белые плечи или руки
 19 обсыпанная ночью темных кудрей / накинута⁰
 19–20 или прозрачные ~ для жизни. Тут все / Спелые¹⁷ гроздия винограда
 22 вдруг объемлющая ~ читателя / [которая] вдруг объемлющая холодом вдохновения читат(еля), от которого невольно волосы шевелятся на голове
 25–26 но если отделить ее, она становится слабою и бессильною / но отделившись, слаба и бессильна
 26–27 Здесь нет красноречия, здесь / Тут нет красноречия, тут
 29 все лаконизм, каким / все Лаконизм, кот(орым)⁰
 31 каждое слово необъятно, как поэт / каждым словом необъятен поэт
 31–32 Отсюда ~ сочинения / От этого происходит, что ее
 33 не имеет сочинение / никогда не имеет сочинение длинное¹⁸
 34 просвечивает одна главная идея / просвечивает (2 или 3 нрзб.)
- С. 95–96
- 35–1 Мне всегда было странно ~ Как бы не понимать их! / В рукописи нет
- С. 96
- 1–2 Но увь! это неотразимая истина: что / Увь, это справедливо
 2–3 чем более изображает ~ одним поэтам / чем он изображает чувства знакомые одним поэтам¹⁹
 3–4 тем заметней ~ толпы и / тем [менеe] более уменьшается круг его читателей (?)
 4–5 становится тесен / становится тесен вокруг него
 5–6 перечеть ~ истинных ценителей / счесть количество своих ценителей почти по пальцам. Над строкой вписано: друзей (1 или 2 нрзб.)
 7 1832 / В рукописи нет

ОБ АРХИТЕКТУРЕ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

Варианты ЧА Арх

С. 97

- 1 Об архитектуре нынешнего времени / В рукописи нет; Об архитектуре (на шмуцтитуле и в оглавлении I части Ар.)
 2 становится грустно / становится очень грустно
 2 на новые здания / на новые строения⁰

¹⁵ Так в рукописи

¹⁶ в грязном фартуке вписано

¹⁷ Спелые вписано

¹⁸ длинное вписано

¹⁹ чем он ~ одним поэтам вписано

- 3 непрерывно строящиеся / беспрестанно строящиеся
 3 на которые брошены / (на) которых идут
 4 редкие останавливают / ни одно [не поражает] не останавливает
 4 изумленный глаз / изумленного глаза
 4–5 величеством рисунка ~ роскошью / ни величественною смелостью
 рисунка, ни [роскошью] дерзостью воображения, ни даже роскошью
 6 втесняется мысль / приходит на мысль
 7 прошел невозвратно / прошел невозвратно
 8 больше не посетят нас / не посетят и нас
 8–9 или они принадлежность народов юных, полных одного / а. или этот
 неукротимого воображения; б. неужели [и величие ее] принадлежит
 одним только народам юным, полным одного
 9 и чуждых / и чуждым
 10 Отчего же / Отчего это⁰
 11 мы так самодовольно / мы те(м?) самодовольно⁰
 12 отчего же они так возвышаются / так [высоко] возвышаются
 13–14 Отчего ~ неизмеримы / Отчего Индейск(ие) колоссальные памятни-
 ки так неподражаемы, так величавы и недоступ(ны) [От(чего)]
 Египетские обелиски
 14–15 отчего аравийские так роскошны и очаровательны? отчего у нас /
 а. От(чего) [наши]; б. Отчего у нас *Над строкой вписано*: отчего
 Аравийские так роскошны.
 16 воздвиглось ~ величии / воздвиглось изумительных памятников
 17 Не хотелось бы / Не желалось бы
 17–18 говорит, что она истинна / говорит ясно, что это так
 18–19 жаркая вера / чистая вера⁰
 19 все действия к одному / все деяния в одно
 21–22 пред ним ~ руку / пред¹ далеким образ(ом) подымал свою молящую-
 ся руку
 23–24 прозрачный, почти кружевной шпиг / [сквозным(и)] [кру(жевной?)]
 изузоренный шпиг *Над строкой вписано*: прозрачный прямо кру-
 жевой
 25 так бывал велик / так бывал велик перед обыкновенными жилищами людей
 25–26 перед требованиями тела / от требований тела
 27–28 Была архитектура ~ национальная / Эта Архитектура была необык-
 новенная, она была чисто Христиан(ская), она была национальная
 29 Не удивительно ли / Удивительно, когда вспомнишь
 30 и Европа / и Европа [позабыла] вовсе их не зн(ала)⁰
 31 перенимала все чужое / перенимала [все, не зная]
 32 или уродовала их по своим формам / алчно отрывала Помпею
- С. 97–98
 32–1 Европа не знала / не знала
- С. 98
 1 находятся чуда / находятся чуда такие⁰
 1–2 было ничто все ею виденное / все виденное ею было ничтожно
 2 что в недре ее / не знала, что среди ее
 3–4 и еще доныне ~ Стразбургского мюнстера / а. что еще открыты
 кирпичи башни; б. и еще обнажены кирпичи недоконченной башни
 Стразбур(гск)ого собора
 6 пред окончанием Средних веков / а. в последние ве(ка); б. перед окон-
 чанием средних веков; в. незадол(го) перед окончанием средних веков

¹ *Над строкой вписано*: <2 нрзб.>

- 7 никогда не производил вкус и воображение / не [производили] производил ум, воображение и способность
- 8 производят от арабской / называют Арабскою
- 8–10 идеи этих двух родов ~ искусство / Эти два вкуса так различны, как земля и небо. Это правда, Европейцы заимствовали у ней, но только что только [роскошь] одну мысль
- 10 тяжелой массе / тяжелой исполинской⁰
- 10 роскошь украшений / роскошь стройных(?)⁰
- 11 но самая ~ вылилась у ней / но эта роскошь украшений вылилась
- 12 Она обширна и возвышенна, как христианство / Если глубоко рассмотреть дух Христианской Религии, если рассмотреть всю силу ее влияния, то должно согласиться, что никакая другая Архите(ктура) не прилична так Храму Христианского Бога, как Готическая
- 13 все соединено / все соединяется
- 13–14 этот стройной ~ над головою / этот стройно и высоко поднимает(ющийся)
- 14–15 с бесчисленными изменениями / с бесчисленным расположением⁰
- 15 присоединение к этой / к это(й)⁰
- 17–18 обвивающая его ~ вместе с ним / обвивающая его до конца шпица и улетающая с ним
- 19–20 это такие достоинства / это те достоинства
- 22 глядит разноцветный цвет окон / глядят разноцветные [окон] стекла длинных окон [невольно]
- 23 где теряются ~ один над другим / отдаленно и высоко переплетаются неразветвленные(?) стрелчатые своды
- 25–26 присутствия святыни ~ ум человека / присутствия священного
- 27 Но она исчезла, эта прекрасная архитектурал / В рукописи нет
- 29–30 как только единство и целость одного исчезло / Единство и устремление помы(шлений) человека к одному исчезло
- 32 великого, исполинского / великого и исполинского
- 33–34 занятой мусульманами / занятой магомет(анской) луною
- 34 перепортили вкус / разнесли и⁰
- 34–35 колоссальную их архитектуру / колоссальную Архитектуру
- 35 Византийцы / Обратились к памятникам греков и начали сооружать здания по образу древних таким же самым образом, как творения Классиков стали законодателями новейшим и рабски оковали самих гение(в), все упрямо вообразили себе, что [истинной] истинно изящный вкус непременно должен быть греков и [чрез обр(аз)] самый образ строений не должен ни на шаг отступать от греческого. — Это сделалось совершенно модою и было так же легкомысленно и легко, как мода, т.е. не основано ни на чем. Никто не потрудился подумать о том, (что) Архитектура возник(ает?) из среды самой страны, ее климата, ее удобства жизни, из образа жизни самого народа, из [образа его жизни] его характера, его² потребностей, его привычек, его нужд. Безделица, хотела только, чтоб рыбы жили на земле, так же и как и звери. Архитектура, последовавшая за средней, была так странна и безвкусна, какую вряд ли где [можно было] когда (2 нрзб.)³ отыскать, потому что византийцы
- 35–36 древнего аттического вкуса / Аттического⁰
- 36–37 они уже ~ остатки его / и принесли уже довольно испорченный вкус

² его характера, его вписано

³ когда (2 нрзб.) вписано

- 37 языческие, круглые / языческие сладострастные⁰
 38 формы куполов и колонн / формы купола и колонны
 38–41 тщились применить ~ лишенной свежести / сили(лись) облеч(ь) [к] в
 Христианство и так же неудачно [соединили] облekli, как соединили,
 как неудачно, как душно привили к себе Христианство, к своей лишен-
 ной свежести и молодости жизни
 41 Купол вытянулся / а. Куполы растянулись; б. Купол растянулся
 41 и сделался почти угловатым / а. почти островаты(м); б. сделался поч-
 ти угловатым и грушеобразным

С. 99

- 1–2 стройные линии ~ ничтожные формы / [ли(нии)] стройные линии
 фронтона как-то изломались и произв(ели) странные формы
 3–8 которые ~ простоты / они еще более изменили ее, потому что в душе
 своей еще носила Готическую, потому что [не умели] не могли отделать-
 ся совершенно от тяжести Готического вку(са²), и тогда произошли тя-
 желые неуклюжие дворцы с колоннами, не помещавшими(ся) рядами
 длинных и стройных галерей, какие необходимы были в городах под
 южным аттическим небом. Колонны лепили(сь) напротив к самым сте-
 нам, не поддерживая ничего и отнимая только свет у (о)кон, которые
 сделались тоже необыкновен(ными), не окончивались стрельча(тою)
 дугою готическою или круглою Аркою римскою, или даже просто ров-
 ною линиею, но получили что-то похожее на самую плоскую Арку по
 пря(мой) линии, только⁴ несколько [изогнувшю(ся)] выпукло
 8–9 мифологических голов и украшений / мифологических голов
 9 облепив тяжелую массу, не придали / облепили тяжелую массу и не
 придали
 10 черт ее / ее черт
 10–11 и не выразили никакой идеи. Стремление в высоту / [Здание] Стрем-
 ление в вы(соту)
 12–13 вместо того они разъехались / и вместо того они⁵ разъехались
 14–17 Но церкви ~ прямая линия / Но Архитектур(а) церковей [представля-
 ет еще гораздо], строенных в то время, т. е. в шестнадцатом и 17 сто-
 летии [и 18 ст(олетии)], представля(ет) самое безобразное, без всякой
 идеи, без всякого понятия о величии и красоте, по крайней мере я жаль-
 че того ничего не могу найти, прямая линия везде
 18 с выгнутою / с выпуклою
 19 они ничего не имеют / она ничего не имела
 19–21 окна мелкие ~ пилястры не тянувшиеся / окна с круглыми арками,
 мелкие, [без] кучею набросанн(ые) в здании, пилястры [иногда даже]
 полуколонны, и никогда не тянувшиеся
 21 иногда вверху под куполом / иногда вверху⁰
 22 на середине / в середину
 22 коротенькие, неуклюжие / коротенькие
 23–24 другой этаж ~ крыша из ломаных линий / и второй этаж этих же са-
 мых колонн, крыша ломаными линия(ми)⁶
 26 художника Средних веков / великого художника
 26 такую воздушность / такую легкость⁰
 27–29 который уже ~ было оставлено / потому что [все] отвергнуто было
 все летящее кверху, все стрельчатые и узкие своды и тонкие линии⁷,

⁴ только *вписано*

⁵ они *вписано*

⁶ крыша ломаными линия(ми) *вписано*

⁷ и тонкие линии *вписано*

сопровождавш(ие) здание снизу [доверху] до самой верши(ны), все это было оставлено

30 Хотя в продолжение XVIII века вкус несколько улучшился / В продолжение 18 столетия вкус необходимо должен был улучшиться, но он улучшался и ут(верждался?) к сожалению

31–32 в веригах чужих форм / в чужих формах. Он у⁰

34 Тогда еще с большим / и с боль(шим)

C. 99–100

35–1 но изучали ~ украшениями его / почитая их венцом вкуса. Они воображали, что [постигнул(и)] гораздо более достигнули своей цели, что наконец совершенно постигнули вкус древних, но между прочим они были далеки [сами], ник(ак) не подозревая, так же, как неопытной ученик копируя воображает, что снимок совершенно точен, потому что все малейшие подробно(сти) и тонкости оригинала у него сохранены, между тем как посторонний зритель, ставши на далекое расстояние, увидит тотч(ас), что абрис и скелет всего целого сделан совершенно неправильно. Древние не так нуждались в огромных [зда(ниях)] строениях для жительства, как мы. Круг всех потребностей наших раздал(ся) пообширнее и [от размера всего строения] оттого необходимо было [размер наших зданий был более. Но ошибка вот в чем заключа(лась)]. Мы увеличили размер всего строения, но уменьшили]. Купол и колонны очаровали совершенно нас, все⁸ везде начали употреблять, но [в них] [совершенно] [сделали] они все(?) разместились у нас совершенно не так, как ран(е) размещал сладострастный вкус Аттический

C. 100

- 1 Размер самого строения / Размер строения⁰
- 1–2 размер купола в отношении к строению / размеры самого купола
- 3 которое избрали моделью / [которое] с которого хотели делать модель, или лучше
- 3–4 не взглянули на него отошедши / не взглянули от(ошедши?)⁰
- 4 на известное расстояние / на значительное расстояние
- 4–5 но смотрели вблизи / но посмотрели вблизи, заметили все подробно(сти) и [не заметили] позабыли о целостности всего здания и отношении частей между собою. Забыли, что нужно увеличить все части, увеличили только некоторые
- 6 несколько других / несколько
- 8–9 прелестнейшее творение ~ должен был / и прелестнейшее творение греческого роскошного вкуса, [который до(лжен)] сладострастный, легко воздушно выпуклый, который (должен) был
- 10–11 роскошно отдыхать ~ исчез совершенно / а. роскошною белизною [осле(пительно)] сво(е)ю должен был упоительно; б. роскошною выпуклою белизною своей правильной массы упоительно (1 нрзб.) отделяться в небе на всей массе строения
- 11–29 Я люблю купол ~ в величавом и огромном виде / [Я говорю] Это(т) купол потерял совершенно свое значение, он, который должен был тотчас⁹ ложиться сверх его¹⁰ фронтона [своей] и под которым карниз должны были подпирать колонны, идущие во всю величину здания.

Я не могу никак удержать(ся), чтобы здесь еще не сделать замечания о куполе. Чем он более, чем необъятнее и далее обнимает всю

⁸ все вписано

⁹ Над строкой вписано: непосредственно

¹⁰ его вписано

массу, тем он более выполняет свое назначение. Если строение [высоко в] более идет в высоту, нежели в ширину, тогда [купол] горе поставить [купол(?)] на узкой высоте купол. [(1 или 2 нрзб.)] Это смешно и больше ничего, [Самые] и неприличность это(го) так очевидно, что самые Архитекторы, употреблявшие [купол] его вопреки назначению, [верили] все¹¹ [будто бы¹²] чувствовали сами это и старались его почти плоскую выпуклость возвысить и сделать почти остроконечную, но это уже не могло скрасить их строений и ни одно [строение] такое созд(ание) не осталось великим по своему духу, не выключая даже Римского Петра, колоссальнейшего строения. Строение, над которым должен лечь купол, должно быть массивно и [гораздо шире в высоту, нежели] самое большое изме(рение) должно иметь в ширину. Здание должно идти до самой вершины своей в одинаковом виде, не изменяя формы, не перерезываясь другим этажом, составляющим контраст первому, или разделившись на башни, или вдруг [изменив] уменьшая совершенно размер. Он может быть также величествен и хорош, если строение разделится на этажи, но в таком только случае, чтобы эти этажи постепенно уменьшали свою величину и шли кверху как будто лестницею или пирамидою, но чтобы ширина каждого этажа была несравненно обширнее вышины и чтобы последн(ий) этаж все же (был) столько велик и широк, чтобы купол не те(рял) величественность(?) [всего] своего пространства. Чему пример представляет величественный Мавзолей Шер-шаха у Индусов, которые удивительным чутьем и инстинктом поняли. Купол должен иметь цвет самого строения, лучше ежели он весь белого цвета, как и все строение¹³, как [стали] употреблять Афиняне¹⁴ в счастливое время развития своего вкуса, ослепительная белизна сообщает [ему] неизъяснимую¹⁵ очаровательность и сладострастие его легко выпуклой форме. (1 нрзб.) От этого самого же и¹⁶ вид Иеросали(ма), когда приближаешься к неприступной стене его, из-за которой как белые облака являются один из-за другого¹⁷ [в ослепительной красоте плоские ку(поль)] выпуклые куполы, когда цвет воздуха темнеет и [обложен туча(ми)] синее(т) (?), тогда вид еще разитель(нее), белизна ослепительно ярка и

30–32 Портик с колоннами ~ колоссального размера / И фронтоны, это правильное¹⁸ изящное произведение греческого ясного стройного ума, который не должен терпеть над собою ничего, никаких надстроек, никакого продолжения здания, этот фронтоны у нас совершенно потерял свое значение. Ему боялись [дать] или не догадались дать колоссальный размер

33–34 Его не развили ~ в обыкновенном виде / [Его подавляли кучею надстроек, считали невоз(можным?)] Его не развивали, не увеличивали, но оставляли в обыкновенном (виде)

35–38 Удивительно ли ~ не отвечавшие / но так (как) зда(ния)м требовалось непременно колос(с)альности, то сверх его начали нагромождать в

¹¹ все вписано

¹² бы вписано

¹³ Над строкой вписано: здание

¹⁴ Над строкой вписано: его греки

¹⁵ неизъяснимую вписано

¹⁶ же и вписано

¹⁷ один из-за другого вписано

¹⁸ Было: стройное

- церквях и дворцах башни и массы [соверш(енно)] ничуть не отвечающие ему, которые
- 38 подавили и уничтожили / подавили⁰
- 39 Таким самым образом поэт / Таким самым образом же¹⁹, как [человек] поэт
- 40–41 развить его / развить
- 41 он привязывает / привязывает
- C. 101**
- 1 пестротую разных / раз(ными?)⁰
- 5 отразилась вдруг на всем / проникла во все
- 5–6 преобразовавшихся / а. которые; б. в которые все начали одеваться⁰
- 7 присмотрелись к древним / [пригляде(лись)] присмотрели(сь) к духу древних
- 7 глубже изучили их дух / более изучили
- 8 по их образцу / по образцу дре(вних)
- 9 узнали искусство / а. Ча(сти); б. Они⁰
- 11 определить ему размер / определить границ(ы?)⁰
- 11 способный вызвать изумление / достойный вызвать удивление
- 12 Это новое стремление / Этот ве(ликий?)⁰
- 12–13 на мелочные беседки / на мелочи. Беседки
- 13 и подобные / и другие
- 14 Они носили / носили
- 14 их нужно было / а. дурно то, что их нужно было; б. увы! их нужно было
- 15–16 В огромных же ~ руководствоваться / [Публичные же] В огромных же публичных зданиях [их] не считали за нужные издержки
- 16–17 просты до плоскости / просты до глупости⁰
- 17 направление архитектуре / направление
- 18 не о той соразмерности / соразмерности мнимой⁰
- 19–20 но просто о соразмерности в отношении / но в отношении
- 20–22 если бы гений ~ ничтожны / как гений должен удерживаться потому только от оригинального и необыкновенно(го), что перед ним слишком низки будут
- 24 как бы велико ни было / сколько ни велико бы было
- 25 стали уединять и помещать / ста(ра)лись уединить и поместить
- 27 Как будто бы старались / Ста(ра)л(ись)⁰
- 28 как будто бы насильно старались истребить / что его не существ(ует?), как будто старались отнять
- 28–29 в душе благоговение / а. душу невольню ищущую благоговения; б. у души невольное чувство благоговения
- 29 ко всему / ко всему. — Как бы ни казалось это далеким от произведения влияния на жизнь и характер людей, но оно [им(еет)] точно имеет влияние, отсюда невольное уменьшение религиозности, охлаждение энтузиазма, на который [несмотря на то, что так нечув(ствительно)] хотя неза(метно?), но [вли(яют?)] [чувствительно незаметно] действуют [каждый день] видимые предметы
- 31 похожими / однообразными, как можно более похожими
- 32 но они более были похожи / они [более] стали походить более
- 34 от маленьких правильных окон / несмотря на маленькие [окна] правильные четырехугольные окна
- 35 были похожи / похожи

¹⁹ же вписано

- 36 мы еще недавно тщеславились / тщеславились
 37 и настроили целые города / старали(сь), [чтобы] города непременно были
- С. 101–102**
 37–1 Осмелился бы ~ сумасшедшим / [и чтобы (какое-)нибудь особенно] и поставить среди их какое-нибудь произведение, носящее отпечаток особенной Архитектуры, [счита(ли)] [почли бы то] почитали едва ли не сума(с)шествием. Боже сохрани, если бы даже теперь кто-нибудь возле здания в Аттическом вкусе вздумал непосредственно воздвигнуть Готическое
- С. 102**
 2–3 прошедши ~ отказываешься / а. уже один взгляд на них рождает скуку; б. уже прошедши одну улицу чувствуешь скуку и верно откажешься
 5 одна из этих ~ месте / она хотя в одном месте
 6–7 выбросилась ~ башней-гигантом / выскочила каким-нибудь башнею-Гигантом *Над строкой вписано:* (вы)бросилась на воздух смелым переломленным сводом
 7–10 Старинной германской городок ~ Даже вид / Эта архитектурная нетерпимость вкуса [просто] убивает [все] дарования Зодчего, она [его ведет] сообщает ему односторонность и лениво ведет по одной и той же убитой дороге. Вид
 10–13 с высокими ~ позднейшей архитектуры / издали [гораздо] имеет более Эффекта и более пленяет воображение, нежели наш Европейски(й) позднейшей Архитектуры, узкие, высокие²⁰ Минареты между [низкими обыкновенными] плоскими(?) домами или широкими и массивными турецкими куполами, облепленными резьбою, [все это прямо бросается] так(?) нам бросаются на глаза, так же веселят их, так же хороши [летающие] к(ак) устремленные копытами к небу тополи среди [кр(углых?)] дерев, раскинувшихся круглыми массами
 14–15 не говоря уже / Я уже не говорю
 15–16 Кроме того ~ украшение / но они нужны для доставления красоты
 16–17 для сообщения ~ маяком / для сообщения городу примет знаком, маяком
 18 не допуская сбиться с пути / и не допуская их заблудиться
 18–19 Они еще более нужны в столицах / Они нужны в столицах более всего
 19 У нас обыкновенно / а. Как в тексте; б. Обыкновенно
 20–21 только город / только город. Слишком колоссальное тотчас пугает нас
 21 для столицы / столице
 21–22 по крайней мере на полтораста верст / верст по крайней мере на полтораста
 22–23 один только или два / один только, два
 23 все изменяется / все изменяет
 24 необыкновенною прогрессией / изумительною прогрессиею
 26 предвидя все / а. предвидя все то, что; б. предвидя все бедст(вия)(?) здание, сделавшись немного выше / а. [приобретя] приобретает величие, заключая в себе колоссальные; б. Здание [(1 нрзб.)] сделавшись выше
 28–29 настроен ~ напряжение / настроен колоссально(стю) строения, невольно ощущает смелое напряжение
 30 старалось как будто нарочно / как будто нарочно старал(ось)
 31–32 как можно более выказывать / [показыва(ть)] как можно более выказать

²⁰ *Над строкой вписано:* тонкие и стройные

- 32–33 Нет, не таков закон великого. Строеие должно / [Тогда] Строеие должно
 33 возвышаться / возвышать
 33–34 чтобы он стал / а. что стал; б. что(бы) он стал
 35 окинуть глазами / окинуть поднятыми вверх глазами
 36 если стоит / ежели стоит
 37 издали / вдали
 37 должно иметь / непременно должно иметь
 39 у самого его подножия / у самого подножия его
 39–40 лепились под ним / проходили мимо под ним⁰
 40 его величие / нас пор(ажает) величие²

C. 102–103

- 40–2 Дайте ~ устроены / Дать человеку расстояние большое, и уже будет глядеть²¹ гордо на находящееся пред ним, уже ему все покажется малым. Мы так устроены

C. 103

- 2 так странно связаны / так связаны
 3 внезапное, оглушающее / внезапн(ое) и оглушающее
 3–4 производит на нас потрясение / потря(ясает)⁰
 4–5 вышину строения ~ оно стоит / строеие увеличивай в соразмерности к площади, на которой стоит
 6 кажется малым / кажется мало
 7 должен ~ к нему / для этого должен слишком близко подходить
 7–9 то здание ~ на сооружение его / такое строеие [погибло] пропало, а вместе с этим пропали труды, издержки, употребленные к созиданию его
 10–11 которая заразила наш XIX век / 19 века
 12–13 будут казаться ~ строний / будет казаться плоскою и уже слишком²² обыкновенною, если множество строний такого рода
 14 Они чувствовали / Они, кажется, чувствовали
 15–16 какую-нибудь противоположность / непременно как-нибудь противуположность
 17 навес древесный / навес деревьев
 18 стройного с колоннами фронтона / а. фронтона; б. стройного фронтона
 19 потому что составляет / потому уже, что составляет
 20–21 но красиво / но всегда красиво
 21 Как только / Но как только
 22–23 чувствовали излишнюю простоту его и старались придать / чувствовали излишнюю простоту и старались придать ему
 24 приходила им в голову / бросалась им
 25 тогда они / и оттого⁰
 25–27 не гладкие ~ из завитых листьев / не гладкие дорические или [тосканские], (но) коринфские с капителью завитых листьев
 27–29 виоцимися гроздьями ~ ветвей дерева / или неясным образом [дерева] ветвей дерева, виоцихся листьев винограда
 29 было инстинктом / было как инстинктом
 30–31 В готической архитектуре / Красота безотчетна и является как будто назло, мимо правил, извергается из вкуса. Едва по ней составят правил(а), она вдруг ускользает и творит вновь исключения. Так в Готической Архитектуре

²¹ Над строкой вписано: выше

²² уже слишком вписано

- 31–32 отпечаток ~ леса / хотя неясный отпечаток густо(го) сплетенного
тесно леса
- 32 не звучал от века / не звучал, не раздавался от века
- 34–35 о стволе, ветвях и листьях / [ветвей и листьев] стволов(?), ветвей и
листьев
- 36 исполненное стройности и простоты / исполненное [всегда роско-
ш(и)]²³ стройно(сти) [исполнен(ное)] простоты здание. [И Готического]
- 37 между ними, как между величественными / возле как между величе-
ственными, между
- 38 получают от этого / получит от этого

С. 103–104

- 39–4 Истинный эффект ~ с синим / Никогда²⁴ так [кр(асота?)] [не видна]
[не выгодна и не видна красота двух разных] не бывает так [кр(асо-
та?)] ярка и видна красота, как в контрасте. [Чем полнее] [Нужен
сильн(ый) вкус, ум и] [Который бы в контрасте избега(л)] [Само собою
разумеется, чтобы постигнут(ь)] Контраст [может] бывает дурен тог-
да только, когда он располагается [дурным] грубым вкусом, но во вла-
сти тонкого вкуса он выше всего. [Он] Эффект действует на всех. Таким
образом цвет палевый всегда гармонирует с синим, несмотря на их со-
вершенну(ю) противоположно(сть)

С. 104

- 5 и так далее / но соединение зеленого с синим или красного с черным
отзыва(ется) чем-то варварским
- 5–6 и от умения / и еще более от умения
- 6 в одном здании / в одном и том же
- 8 пусть противоположность / пусть контраст
- 9 в отношении их друг к другу / в отношении друг к другу
- 9 будет резка и сильна / будет сильнее
- 11 осматривать себя / осматриваться⁰
- 11–12 останавливаться с наслаждением / тем более среди его гуляний глаз с
наслаждением останавливает(ся)
- 12–14 Неужели было бы хорошо ~ гуляющий находил / В истине этого ни-
кто не будет спорить²⁵, кроме бездарных, безвкусных, тяжелых по-
клонников старых правил, которых впрочем они сами [плохо] не слиш-
ком понимают. Хорошо ли бы было, если бы в Аглицком саду вместо
того, чтобы показывались беспрестанно неожиданные и новые виды
[эрит(ель)] гуляющий находил бы
- 15 своими окрестностями / с своими окрестностями
- 15 что она кажется / что поневоле кажущуюся
- 17 Терпимость нам нужна / Терпимость, терпимость! Бога ради подавай-
те нам терпимость
- 18 когда они хороши в своем роде / когда они хороши
- 19 огромная ли, пестрая / огромная ли и пестрая
- 20–21 и мрачная готическая / а. и мрачная и Гот(ическая); б. и мрачная и ле-
тящая к небу Готическая
- 21–22 хороши, когда приспособлены / хороши приспособленные
- 22–23 когда только истинно постигнуты / [но тогда только, когда] но только
глядите [поглубже] подальше, постигайте глубже и точнее их истинные
стихии, без того они будут ничтожны
- 26 чисто европейская / чисто Европейское создание

²³ Над строкой вписано: исполненное

²⁴ Над строкой вписано и зачеркнуто: нигде

²⁵ не будет спорить вписано

- 27 прилична нам / идет нам
 27 ее величие и красота / а. величие ее, красота; б. величие ее и красота
 28 Но из милости, из сострадания, не ломайте / Но не ломай(те) ее
 31 предпочитаю потому еще / предпочитаю еще и потому
 32 дает разгула / дает разгулу
 33 живее и пламеннее стремится / [светлее] живее стремится⁰
 34–35 нужно употреблять ~ строениях / только в церквях и в строениях
 35–36 бескарнизные готические пиластры / пиластры
 36 через все строение / чрез все строение
 37 они отстоят далеко / отстоят несуразно
 38 по крайней мере вдвое своей ширины / а. вышины; б. ширины; в. своей ширины по крайней мере вдвое
 38–39 Оно тогда ~ быть должно / В рукописи нет. Поставлен знак вставки #. Над строкой вписано и зачеркнуто: Окна огромнее и

C. 104–105

- 40–31 Чтобы выше ~ человечества вписано со знаком # под чертой в нижней части соседнего следующего листа, продолжено и закончено на его обороте сверху

C. 104

- 40 его стены / стены строе(ния)
 41 чтобы гуще / гуще

C. 105

- 1 угольные столбы / а. столпы; б. готические столпы
 2–3 уменьшившего бы размер строения / уменьшившего бы²⁶ размер
 3 чтобы они были ровны от основания / но ровными с основания
 5 воздушнее, легче / и более всего⁰
 5 чтобы все чем более / чтобы чем⁰
 6 летело и сквозило / сквозило
 6 самое главное / главное
 7 с шириною / с широтою⁰
 7–8 Слово ~ высота / а. Ширина должна; б. Слово ширина должна²⁷ исчезнуть
 9–10 что некоторые ~ больше места / [много] что много найдется таких людей, которые будут возражать мне и утверждать, что строить здания слишком высокими бесполезно [что строение назначается чт(обы)] для того, чтобы более было места
 11 истрачивает материалы / истрачивает материал
 12 я вовсе не советую / я спрошу с своей стороны, разве советую
 12–15 употреблять на театры ~ работающего народа / для каких-нибудь [Нар(одных?)] театров, гульбищ и собраний веселящего(ся) народа
 15–16 величественнее, возвышеннее / величественнее и возвышеннее
 16–17 для здания ~ как готическая / для храмов Христианскому Богу
 17 должны мы тогда уничтожить / должны уничтожить тогда
 18–20 величественного колоссального ~ не мешает вспомнить / [Того] Дивного величественного впечатления, которое [прежде всего] [отр(ыва-ет)] при одном взгляде устремляет мысли к одному и отрывает от его низкой хижины. Помните
 21 в такой же самой / в той же самой⁰
 21–22 бестелесности / бесплотности
 25–26 Великолепие ~ человеком Соответствующий фрагмент вписан в верхней части листа над текстом без знака вставки

²⁶ бы вписано

²⁷ Так в рукописи

- 25 Великолепие повергает простолюдима / Простолюдима великолепие повергает
 27 но тогда только / тогда только
 28 разом бросается в глаза / первое бросится на глаза
 28 Здесь уже / В этом [случае] деле
 28–29 прочь всякое скряжничество и расчет / прочь всякой расчет и⁰
 29–30 и выгода / а. Выгода; б. Потому выгода
 30 будет выгода / есть выгода
 32 Валтер Скотт / Вальтер Скот(т)
 32 с готической архитектуры / с этой Архитектуры
 33 все ее достоинство / всю ее роскошь
 35 истинного величия / величия⁰
 36 в них нет / [уже] нет в них
 37–38 готического вкуса / готического духа
 39 вовсе не огромны / не выс(оки) и не огромны
 39 великий недостаток готического строения / а. первый недостаток;
 б. первый и жесточайший недостаток для Готического строения
 40 тонких столбов / столп(ов)⁰
 40–41 союзно стремящихся / тянувши(хся)
 41 отвергнут вовсе / отвергнут

С. 106

- 1 оставшаяся чрез это гладкость / а. и строен(ие); б. и плоская гладкость
 1 дает им / вторгается⁰
 3 Могущественным словом / После⁰
 4 распространился быстро везде и проникнул во все / распространился
 быстро и проложил путь во все
 5–6 шкафы, ширмы / даже ширмы
 7–8 прекрасные украшения ~ разбросаны / [упо(треблены)] украшения
 употреблены были на игру. Век наш так мелок, [что мы позабыли]
 мысли так разбросаны
 9 мы никак не можем / не можем никак
 9–10 на одном каком-нибудь предмете / на одном чем-нибудь⁰
 10 наших помыслов / наши мысли
 11 все наши / и все наши
 11–12 и на прелестные игрушки / на прелестные игрушки
 12 Мы имеем ~ ничтожным / Мы все делаем (?) ничтожным
 16 футляры для часов / а. часы; б. пьедесталы для ч(асов?)⁰
 17 и огромных зданиях / самых огромных здани(ях)
 18–19 столько безмыслия / в ней мы столько [начтем бессвязного(?)] бес-
 смыслия⁰
 19–21 такое отсутствие ~ архитектуру / а. несмотря на то, что воображали
 делать по самым строгим²⁸ правилам; б. что вряд ли можно дать ей ка-
 кой-нибудь род. — Готическая возникла из нашего кинмата. Истин-
 ны(й?) ; в. такое отсут(ст)вие всякого воображения, несмотря на само-
 довольную уверенность Архитекторов, что они не отступили ни на шаг
 от Витрувия
 22–27 Есть рудник ~ нужд ее / Архитектура востока доселе еще не тронута
 нами. Мы как будто в отмщение Азиатцам за их пренебрежение²⁹ ко
 всему Европейскому платили им тем же презрением, решительно
 громко провозгласили безвкусным все созданное Азиатцами и отложи-

²⁸ по самым строгим *вписано*

²⁹ *Над строкой вписано:* (пре)зрение

- ли всякое попечение об точном и беспристрастном исследовании на-
 правления их Архи(тектуры)
- 27 Жизнь азиатцев / а. Я никак не берусь; б. Я совсем не имею намере-
 ния утверждать, чтобы³⁰ Азиатцы имели преимущество перед Евро-
 пою. Жизнь их
- 29 потребности их / нужды их⁰
- 30 обыкновенные жилища их / жилища
- 31 ясности и стройности / ясности, стройности
- 32–33 так же скучны ~ Но зато / [скучны] так же скучны отсутствием вся-
 кой мысли о многообразных занятиях человека, как самый Азиатец³¹.
 Но зато
- 34–35 в их волшебных сказках / в их волшебных (не дописано)
- 37 изумительно / изумительно доньше³²
- 37–40 Строеие их ~ потомками / [Они редки] Их немного, они редко
 встречаются глазам иногда среди пустыни и тем еще более поразитель-
 ны, потому что на построение их [целый десяток] иногда захватывало
 целый десяток веков, целая нация, целый народ часто трудился и как в
 неотразимое предопределение³³ верил, что строеие будет же когда-
 нибудь окончено

C. 106–107

- 41–1 везде громоздились памятники / везде стояли⁰

C. 107

- 1 огромностию / огромностью
- 3–4 и укрепления этих страшных масс / и укрепления
- 4 Еще более изумление овладевает духом / Еще больш(е) изумляешься
- 5 дикий, неразвившийся человек развился / дикий [вкус] неразвив-
 шийся (1 нрзб.) развернулся
- 6 на этом гигантском / на гигантском
- 6 как был он проникнут / [и] как без того был проникнут
- 6–7 восторжен мыслью / восторженной своею мыслью⁰
- 7 невольно показал / невольно³⁴ на нем показал постепенно(е)
- 9 Взгляните на этот массивный величественный / Массивный великий
- 10–11 одно из первых ~ склонение массы / первое по величине своей в мире
 здание [Бездна индейских пила(стров)] Это пирамидальное [его]
 склонение всей массы
- 12–13 облепывающих их стены / а. над портиками, на которые (1 нрзб.)
 стены; б. облепывающих стены этой массы, лепящихся к ней
- 13 пиластры, громоздящиеся / пиластров, громоздящих(ся)
- 14 как будто ступающие / а. как; б. как будто лезущими
- 14–15 чтобы скорее достать вершины / а. до самой вершины облепывают;
 б. чтобы достать до самой вершины, улепывающие нескончаемые
 стены
- 15 все это явление / все это представляет явление
- 16–21 Но если ~ чисто и величаво / Масса сама по себе тяжела, видишь и
 кажется чувствуешь ее страшную тяжесть, [в ней] в этой тяжести нет
 неуклюжего
- 21 Если этот род / К сожалению этот род

³⁰ Было: что

³¹ как самый Азиатец вписано

³² доньше вписано

³³ Было: определение

³⁴ невольно вписано

- 21 совершенно усвоен нами / усвоен нами. Он слишком велик, слишком колосален для Европы и при том само строение³⁵ [нельзя определить для нашего назначения] нельзя дать места и употребления у нас. По величине своей и устремлению в высоту он [может] мог бы быть употреблен только для церквей. Но для церквей христианских он очень много дышит языческим
- 21–22 то европейцы вообще / Но Европейцы
- 22–23 пирамидальное или / пирамидаль(ное) [устремление] или иногда³⁶
- 23–24 резкое отличие индийского стиля / [какими почти всегда] резко отличается индийский [вкус] стиль и в вкусе которого [все (?)] Магабилипурский храм и несколько других строен(ий), соединяющих уже с массивностью и легкостью, может служить образцом царство азиатской роскоши / Азиатская роскошь⁰
- 26 Строение раздается пространнее в ширину / Строение [раздвигает-ся] раздается пространнее в ширину, но могущество высоты в нем не потеряно
- 26–27
- 27–30 Огромный ~ облепленный резьбой / [Ку(пол)] Огромный Восточный купол, не совершенно круглый, но выгибающийся(ся) как³⁷ сладострастная ваза, облепленный резьбой *Над строкой вписано*: на котором резьба
- 30 как богатая митра / как богатая митра *Над строкой вписано*: как яркая патриархально властвует над всем зданием / властвует как патриарх, как [великий мо(нарх)] восточный повелитель, над всем строением³⁸
- 30–31
- 31 подножия строения / подножия здания
- 31–32 небольшие куполы целою оградкою *вписано*
- 35 Так величественный / Как величественный
- 36–37 в широком ~ среди гурий / в [чалме, окружен(ой) жемчуга(ми), в пла(атье?)] в широком, шитом золотом и камнями платье посреди гурий

С. 107–108

^{39–31} Нигде зодчество ~ и драгоценных ожерельях *вписано на л. 71 об.*

С. 107

³⁹ Нигде зодчество / Нигде Архи(тектура)⁰

³⁹ разнообразных форм / разных форм

⁴⁰ Там каждое / Дух⁰

^{40–41} всегда мимо прежних условий / мимо прежних условий

С. 108

1–3 сходствовавшими ~ национальном / [в них можно только отыскать]

сходство с другим в самом отдаленном начале его, в религиозном

3 прекрасными зданиями / прекраснейшими здания(ми), исполнены(ми) [такой] смелой оригина(льности?) [такого резкого отличия между собою]

4–5 свой особый отпечаток, до такой степени / свой [от] особый (от)печата-ток до такой крайности

7 украшений и убранств / украшений

8–9 которое не стеснялось никакими правилами / которые не стеснялись никакими правилами и никаким кодексом

10 может быть, было / может быть, были⁰

11–12 вечную оппозицию, вечную раздражительность / вечную оппозицию в идея(х), вечное раздражение

³⁵ Так в рукописи

³⁶ Было: лучше

³⁷ как написано дважды

³⁸ над всем строением *вписано*

- 12 Но более / а. Еще более; б. Но были более
 12–13 роскоши очаровательной, которую говорит / роскоши, роскоши очаро-
 вательной как *Над строкой вписано: <1 нрзб.>*
 13–14 которых коснулся / [по] к которым тронул
 15 новых и старых народов / новых наро(д)ов⁰
 15 особенно магометан / особенно магометанских
 16–17 самые дерзкие отступления / [такие] <1 нрзб.> дерзкие отступления
 создания. [Но вообще те здания, которые носят в себе более отпеча-
 тка воображения Арабов]
 17 Но никогда, нигде не соединялось смелое / Никогда не соединялось
 смелое с такую роскошью
 19 что есть в ней верх прекраснейшего / что было в ней самого прекрас-
 нейшего
 20 на себе печати дремучих лесов / в себе элементов дремучих лесов³⁹
Над строкой вписано: деревь(ев)(?)
 21 морем цветов / морем цветочей(?) *Над строкой вписано: цел(ым?)*
 22 какими убрана / какими изоб(илует?)⁰
 24 или развивающихся роз / *В рукописи нет*
 24–28 на ветви ~ изгнала / на ряды пальм [соед(иняющихся?)], вершинами
 своими образующих. Какая Архитектура пошла бы так для частных
 домов [наших, как Арабская] Она [изгоняя из]
 29 очаровательно / так мило и очаровательно глядит (?)
 30 яркими как молния / живым(и)⁰
 33 Это колонны / Это сквозные прозрачные колон(н)ы⁰
 33–34 расщепленные украшениями / облепленные украшениями
 34–35 колонны бывают / колонны встречаются
 35–36 проникает их насквозь / проходит насквозь
 37 как бы ни было / [кажется соверш(енно)] как бы ни было оно
 с такими колоннами / с этими колоннами
 38 нам не перенести их / европейцам не заметить это и не перенести это
 39 Но ум и вкус / Но странное⁰
 40 достигнет истины / он достигнет к истине
 40 столько даст объездов / такие сделает объезды
 41 ложного / фальшивого

C. 109

- 2 и не заботилась / и заботиться не хотела
 2 вкус китайцев / вкус китайской
 3 самым ничтожным / самым низшим
 4 XVIII столетия / 18 столетия, вкус, который решительно не способен
 ни к чему великому
 6 на мостики / (на) мостики, беседки в садах⁰
 6–7 приспособить к большим строениям / приспособлять к строениям
 9 сам в себе / сам по себе
 9–10 и его народ / и народ его
 11 Есть еще ~ отличный / Есть особенный совершенно отличный⁰
 11 и дали повод / что дали повод⁰
 15 характер ее / характер ее должен быть⁰
 17 тяжелых / тол(стых)⁰
 17–18 равняется почти с высотой / почти равняется с высотой их
 20 тяжелое свое величие / свое тяжелое величие
 20 То, что порок / То, что было порок⁰

³⁹ Возможно, к этому месту относится вставка в нижней части листа под чер-
 той: Первых внушителей [Архитек(туры)] Зодчества

- 21 то здесь достоинство / то здесь первое достоинство [Она]
 21–22 имеет что-то также величавое / также величава
 22–23 Здесь тяжесть / Если художник[◊]
 25 и выполнил это / и исполнил это [точно] это хорошо
 25 будет хорошо / величественно
 26 начертал он / начертал
 27 он замыслил произвестъ / а. он произвестъ; б. он мыслит произвестъ
 28 то это уже решительно дурно / В рукописи нет
 28 Здание это / Эта Архитектура[◊]
 30 странный и вместе страшный / странной и вместе страшной
 30 земля выказывала / земля выказала
 32–33 только освещаемый светом, а не прогоняемый им / кото(рый) свет освещает, (но) не прогоняет
 34 Мне кажется, напрасно / И мне кажется, что напрасно
 37 среди многолюдного города *вписано*
 38 но только одно / только одно
 38–39 В строениях ~ из тяжестей / В нем хотя [все дышит тяжестью] все части дышат тяжестью [все(?)]
 39–40 но при всем ~ гармонии / а. в отношении их между собою наблюда(ется) великая гармония; б. но отношение их между собою исполнено гармонии
 40–41 и создать в этом роде совершенное / и сделать в этом роде совершенное здание

С. 110

- 2–3 простота в высшей степени / простота величайшая[◊]
 3 главный же ее характер / а. Главный характер ее; б. Главный же характер ее
 4 Чем она глаже / Даже чем глаже она
 5 Но не употребляйте / Но Бога ради не употребляйте
 7–8 все ее условия / все условия[◊]
 8–9 согласно назначению строения / согласно [к] назначению здания
 9 Без этой ~ терпимости / Терпимость, терпимость нам нужна, без нее
 12 Город должен / Поболее в[◊]
 14 взорам / взору
 14 совокупится более / более совокупится
 15–17 мрачное готическое ~ колоссальное египетское / величественное готическое и массивное обремененное роскошною⁴⁰ резьбою и украшения(ями) восточное и [простое] колоссальное Егип(етское)
 18 Пусть в нем будут видны / В рукописи нет
 18 млечный купол / млечный сладостра(стный)[◊]
 19 бесконечный шпир / темный шпир⁴¹ [теряющийся в небе]
 20–21 четырехгранная пирамида / Египетская пирамида[◊]
 21 и круглая колонна, и угловатый обелиск / колонна и обелиск
 21–22 Пусть как можно реже / Пускай как можно менее[◊]
 22 дома сливаются / дома соединя(ются)
 22–23 но клонятся / но идут
 23–24 как можно чаще разнообразят улицы / как можно чаще⁴² разнообразят улицу

⁴⁰ роскошною *вписано*

⁴¹ *Над строкой вписано:* бесконечный

⁴² как можно чаще *вписано*

24–27 Неужели ~ один из-за другого / Можно ли [срав(нить)] ровное [мест(о)] гладкое место в природе сравнить с тем (как) горы [подымаются] возвыша(ются) в виде утесов, обрывов, холмов, (которые) выходят один из другого. [Мне скажут, что нельзя же для частных домов и]⁴³. Но и в гладкой простой Архитектуре сколько можно найти нового. Это(му) [для] доказательством может служить прекрасная лютеранская кирка, строящаяся Брюловым, Архитектором, который доселе у нас один только показал решительный истинный⁴⁴ талант. Жаль, что ему⁴⁵ до сих пор не поручено⁴⁶ еще ни одно колоссальное дело [не попало ем(у)] [не поручено ему. Я уверен что]. Но если только это последует, [то Любители Изящных искусств верно не будут вместе с нами обмануты надеждою] то во мне заранее теплится предчувствие, что я увижу гениальное творение⁴⁷. Но я знаю, что соглашаясь на разнообразие зданий общественных, со мно(ю) будет спорить⁴⁸ в том, что [долж(но)] частные дома не должны и не мо(гут) [принимать] разнообразить [Архитекту(ру)?] фасад свой. Правда в столицах, где меркантильность и существенные выгоды выгнали великолепное украшение и⁴⁹ употребляют его на пустые мелочи [в столицах], там дома частные не могут принимать такого разнообразия и смелости Архитектуры. Но из этого никак не следу(ет), чтобы лепить совершенно однообразными. Возьмите самые старинные города немецкие или фламандские, они несмотря на всю невыгоду своих узиньких улиц имеют то преимущество, (что) сохраняют характерно(сть). Массы домов их, на которых можно читать всю летопись города, совсем⁵⁰ не сливаются в однообразную стену, дома делятся один от другого и отличаются бесконечным разнообраз(ием) своих фронтонов, украшенных или вазами, или другими украшениями, всегда разными, окна исполненные бесчисленных вариантов. Я согласен, что дома должны в столице⁵¹ выигрывать побольше места и потому тут колонны и арки совершенно не нужны, а особливо в городах север(ных), где отнимают еще и солнце у жителей. Тут должна быть Архитектура совершенно гладкая, строение почти не должно выступать⁵² или уходить выпуклостями и уступами, их главная идея четырехуголь(ник). Но эту четырехугольную стену⁵³ можно [представить(?)] скрасить разным образом. Ее можно испестрить всю тысячью разными украшения(ями) или всю обратить в клетку и решетчатобразную поверхность, как есть некоторые дома в Венеции, или [обратить вс(ю)?] [превратить всю] по(ве)рхность его составить всю из линий и узоров, густо один к одному⁵⁴ идущи(х) густо снизу доверху, натурально перемежая

⁴³ Над строкой вписано: Но

⁴⁴ истинный вписано

⁴⁵ ему вписано

⁴⁶ не поручено вписано

⁴⁷ Но и в гладкой ~ творение вписано в нижней части листа

⁴⁸ Было: не соглашаться

⁴⁹ Над строкой вписано и зачеркнуто: часто

⁵⁰ Было: нимало

⁵¹ в столице вписано

⁵² Было: выходить

⁵³ Было: а. четырехугольную стену; б. четырехугольной стене (незаконченная правка)

⁵⁴ и узоров, густо один к одному вписано

это поперечными противоположными⁵⁵ или множеством таких украшений, которые Архитектор(ы) совершенно изгнали из своих кодексов. Но между этими домами необхо(димо) помещать совершенно гладкие без всяких карнизов, тогда дома будут лучше отделяться один от другого [и всегда луч(ше)]. Еще другое украшение гладких домов балконы. [Это самое] Доныне делают их делают⁵⁶ слишком просто и очень мало вариру(ю)т. Между тем как они могут составить прелест(ное) украшение. Их нужно как можно более лепить к дому по всем этажам его, чтобы балкон висел над балконом, чугунные перила как можно [эфирнее] воздушнее и разнообразнее решетку. [Чтобы] от них пускать вниз множество висящих чугунных украшений. Тогда они сообщат легкость гладкой массе дома. При этом это сообщают [нево(льно)] живость городу [жители чаще] сидящие на балконе группы, внушая какую-то веселость.

Если же групп(ы) не на всех балконах показывают(ся), тогда выставлять на них цветы, для этого можно приделывать их к окнам, и дом, облеченный этою сквозною⁵⁷ паутиною балкон(ов) с цветами и амфитеатром голов, освещенный солнцем, всегда будет картин(ою). [Лучше гораздо, если дома б(ыли бы?)] Разнообразие могут придать еще окна. Есть много родов окон, которых Архитекторы тоже не внесли в свой словарь, образцы их может представить Архитектура Фламандская. Есть окна широкие четырехугольные с тонкими и густыми переплетами, есть окна узкие, длинные и делятся только вдоль [переплетом], есть окна, оканчивающие(ся) вверх правильным треугольником, стрелчатую аркою, есть [двойные, тройные] окна, соедин(енные) по два, по три вместе, будучи размещены строгим и тонким вкусом, они скрасят здание. Но главное правило то, чтобы окна делать большого размера и погуще их, особливо в ту сторону, где солнце⁵⁸. Через это дом будет веселее. Всегда лучше, ежели дом более высок, нежели [широк и] длинен, и потому [слишком] дом, имеющий слишком длинный фасад, лучше делить таким образом, чтобы он казался двумя или тремя домами, чтобы⁵⁹ единственно по соединении [можно заметить] его видно было только симметрию. Но между рядом узких и высоких домов [не дурно] не мешаает иногда помести(ть) и длинный, раз(у)меемся, чтобы [этого] она не была похожа на ту гладкую, неуклюжую⁶⁰ длину, какую обыкновенно положили у нас употреблять для казарм, конюшен и других зданий⁶¹. Но для Архитектора, одаренного гением, можно представить столько бесчисленных оттенков [различия], какие не могут прийти на ум нам, пишушим только (о) том, что ему назначено исполнять на деле. Но как только Архитектор коснулся здания [не для], назначенного не для существенных и мелких⁶² выгод человека,

⁵⁵ натурально перемежая это поперечными противоположными *вписано*

⁵⁶ их делают *вписано*

⁵⁷ сквозною *вписано*

⁵⁸ особливо в ту сторону, где солнце *вписано*

⁵⁹ чтобы *вписано*

⁶⁰ неуклюжую *вписано*

⁶¹ Но между рядом ~ и других зданий *вписано в нижней части листа со знаком вставки #, повторенным в тексте*

⁶² и мелких *вписано*

- его должна в ту же минуту осенить мысль о великом, он должен разом оторваться от низменных расче(тов), развязать все [препятствия] вериги, связывающие свободную мысль, и вольно прекрасную устремить к небу⁶³.
- 28 Архитектор-творец / Истинный Архитектор
 30 в отношении художеств / в художественном отношении
 30 обыкновенно оказываем / [прив(ыкли?)] (о)быкнов(енно) показываем
 32 изменения их / изменения их. Тогда они соста(вят) ему великий запас
 32–34 Но самое главное ~ и Поэтом / Но [впрочем для] [это более всего] [ему должно] Гению, умевшему бы вдруг схватить [резкое] физиогномию каждого. [Это] У него же они⁶⁴ ничего не значат, если он обременил [память] всеми чертами [стр(оения)] здания. Сколько ни затвердил он имен, сколько ни заметь все последние игрушки(?)⁶⁵, все украшения здания, он все будет мелок, ничтожен и пуст, если не имеет истинного гения, если он не поэт. [Общая] Идея Здания ему во веки будет недоступна. Он будет похож на [того] Любопытного в басне Крылова, который заме(тил) букашек и таракашек и не заметил слона
 35 к архитектуре городов / к городу
 36–37 отдельно взятая ~ Нужно толпе / отдельн(ая) и не отде(льная) масса дом(ов) могла⁶⁶ представить [пейз(аж)] пестрый пейзаж. Нужно непременно толпе
 38 заиграла резкостями / заиграла контрастами, резкостями
 38–39 чтобы она вдруг / так чтобы [ее] она вдруг
 39–40 Есть такие виды, которые / к(оторые?)⁶
 40–41 которых при всех усилиях ~ в памяти / которые Бог знает сколько употребляешь времени чтобы заметить
 41 Зодчество грубее / Архитектура грубее
- C. 111
- 2 эффект его / Э(ф)фект ее
 2 имеет уже тем выгоду / тем имеет выгоду для художника
 3 исправить / поправить [и до(полнить?)]
 3–4 Иногда одно / Иногда одним⁶
 4 среди ее / между ними
 4–5 она совершенно ~ рисунок / уже [вся] оно изменяет вид ее, она принимает совершенно другое выражение. [Ка(к)] Так же, как негодный и вялый рисунок
 7–11 в третьем ~ необыкновенное / в [дру(гом)] третьем только тронет кистью, и рисунок заиграл вдруг и выходит совершенно другим. Притом [талан(ту)] Гению все дает пищу. Самые ошибки уже дают ему идею и понуждают к противн(ому) [совершенно] и открывают совершенно новую мысль поправить их и вооб(ражением?) превратить во что-то оригинальное. Самые плоскости уже вызывают из него в противоположность ему⁶⁷ неплоское
 11 подает идею / дает ему идею
 12–13 все сокровища / все его [золотые] сокровища
 14–16 При построении ~ Город на возвышении / Больше всего нужно обращать внимание на положение городов. [Два род(а)] Обыкновенно два рода бывает городо(в), город на возвышении и холм(ах) и город на равнине. Первый

⁶³ Если же групп(ы) ~ устремить к небу *перечеркнуто* несколькими косыми чертами

⁶⁴ У него же они *вписано*

⁶⁵ Было: точки

⁶⁶ могла *вписано*

⁶⁷ Так в *рукописи*

- 16–17 потому что ~ подымает / потому что⁶⁸ там уже природа работает, она подымает
- 18–19 то опускает их вниз, чтобы дать вид другим / *В рукописи нет*
- 19–20 можно менее употреблять разнообразия / менее можно разнообразия
- 20–21 гладких и одинаковых домов / одинаких обычных⁶⁹ прямых домов
- 21–23 неровное положение ~ в разных местоположениях / [розное] неровное положение⁷⁰ земли уже дает каж(дому) розную физиогноми(ю), помещая его не в одинаком положении
- 23 Нужно наблюдать / Там нужно наблюдать
- 23–24 показывали свою вышину один из-за другого / шли террасами, возвышаясь один на другом
- 25–27 Там мало ~ украсить ее / Этот город всегда грозно⁷¹ величественен. И там природа одолевает искусство, по крайней мере искусство только украшает ее
- 27–28 Но где положение ~ во всей силе / а. Но где природа гладка и однообра(зна); б. Но где положение земли совершенно гладко и ровно [город должен], где природа спит, там должно работать во всей силе работать искусство
- 29 если можно сказать, изрыть / изреза(ть)
- 30–31 простота домов будет большая погрешность / гладкость домов будет страшная погрешн(ость)
- 33 веселое выражение / грациозное выражение
- 34 сверкать красотою / обольщать красотою⁷⁰
- 35–36 то ясною, как утро в солнечном сиянии / быть ясною, как утро потопленное в солнечном сиянии
- 36 тоже летопись мира / великая летопись мира [гово(рящая?)]
- 37 молчат ~ и когда уже / ни [песни] предания, ни песни, ни монеты
- 37–38 о погибшем народе / а. о существовании погибшего народа; б. о погибшей стране
- 38–40 является ~ народе / [напоминает нам о то(м)] является в городах [как пуст(ынный?) старец, вышедш(ий) на свет из полувекового своего заключения] напоминает о том что (3 нрзб.) народ(?), [что] движет(?) искусство

C. 111–112

- 40–2 Чтобы при взгляде ~ ступенью нашего собственного возвышения / Пусть она разом погружает нас в воспоминание и движет духовную нашу деятельность⁷²

C. 112–113

- 3–1 Неужели ~ и арка Соответствующий фрагмент вписан на л. 78, в промежутке между уже сделанными на нем записями

C. 112

- 3–4 Неужели ~ новой архитектуры / Но неужели невозможно создание совершенно [отдел(ьной?)] особенной новой Архитектуры
- 4–5 мимо прежних условий / мимо всех [услов(ий)] прежних условий
- 5 и малоразвившийся человек / или малоразвившийся человек [черпающ(ий)]
- 6 еще грубо им понимаемая / только⁷³ еще грубо понимаемая им

⁶⁸ потому что вписано

⁶⁹ обычных вписано

⁷⁰ Над строкой вписано: измен(ение)

⁷¹ грозно вписано

⁷² в воспоминание и движет духовную нашу деятельность вписано на предыдущем

листе

⁷³ только вписано

- 6 служит руководством / служит руководителем
 7 создает творение, в котором / [когда] и этот создает творения, в которых
 8 отчего же / и некоторое совершенство⁷⁴, отчего же [народ]
 8 так обширно / так [безгранично] огромно
 9–10 видим и понимаем ~ отчего / видим [природу и дивимся ей как] и понимаем, по(че)му
 10–11 ничего совершенно ~ познания / а. оригинального; б. совершенно оригинального
 11–12 Идея ~ была черпана / Идея для Архитектуры вообще черпана была
 13 чувствовал на себе ее влияние / чувствовал влияние^o
 13 теперь же искусство поставил он / [Природа] Но человек [⟨1 нрзб.⟩] искусство поставил теперь
 14–15 из самого искусства или, лучше сказать / [те(перь?)] из самого искусства или лучше
 16–17 какую ~ показал он / какую он страшную изобретательность показал
 17 утонченной роскоши / роскоши
 18 модные безделушки, которые каждый день являются / модные безделушки, которые кучей являются
 19–20 рассмотрите их ~ вашего внимания / рассмотрите хоть в микроскоп, если они так не останавливают внимания
 20 Какого они исполнены тонкого вкуса / Какого тонкого вкуса они исполнены
 21 совершенно небывалые прелестные / новые, совершенно небывалые
 22 который еще никогда не встречался / какого никогда еще не видывано
 23–24 так заимствованы ~ любимы ими / так оригинальны, так не заимствованы ни отку(да) и вместе так хороши, что их мы иногда долго разглядываем
 25 при виде, как гибнет вкус / ⟨когда⟩ видим, как гибнет ум
 27–28 эту раздробленную мелочь искусства превратить в великое / из этого раздробленного на мелочи искусства извлечь великое

С. 112–113

- 28–1 все то ~ и арка / мы видим вокруг себя только колонну, купол и Арку. [Разве] И если мы не можем заимствовать целой идеи, потому что идея цел(ая?) слишком велика⁷⁵, то разве не можем заимствовать этой роскоши совершенно новых украшений

С. 112

- 29–43 Мне прежде ~ чтобы узнать все *вписано на л. 72, предшествующем первому листу статьи*
 29 Мне прежде / Мне часто
 29 я думал / я думал все о том
 30 которая бы вмещала / которая вмещала бы
 31 прошедши которые / а. вошедши; б. прошедши ворота
 32 величественные здания / гром(адные) [тяжелые] и величественные здания
 33 первоначальным народам / всем первоначальным народам
 33 изменение ее / изменение
 34–35 в красавицу греческую / а. в красавицу греческую; б. в стройную красавицу греческую в полном соверш(енстве)
 35 александрийскую и византийскую / Александрийского вкуса

⁷⁴ и некоторое совершенство *вписано*

⁷⁵ потому что идея цел(ая?) слишком велика *вписано*

- 35 с плоскими куполами / с [куп(олами)] плоскими куполами и раскидистую⁰
 36 с арками в несколько рядов / [*2 нрзб.*] с арками и колоннами⁰
 36–37 далее вновь нисходящую к диким временам / потом вдруг снова начинающею диким временем
 37 потом поднявшеюся / [в одно] почти разом вознесешю(ся)
 37 аравийскою / [Аравий(ской?)] прекрасной аравийскою *Над строкой*
вписано: богат(ой) и смелой
 37–38 потом дикою готическою / [потом] и тут же подымающею(ся) в первонач(альной)⁷⁶ дикос(ти) Готическою⁷⁷
 38 чисто готическою / чисто Готической
 39–40 от обращения / от неловкого(?)⁷⁸ обращения
 40 потом ~ costume / Потому⁷⁹ древнею гре(чес)кой в новом фраке
 41 оканчивалась ~ нового вкуса / оканчивалась [тоже] ворот(ами) уже⁸⁰
 позаклучившими бы в себе все стихии [нового] нашего вкуса
 41–42 сделалась бы ~ развития вкуса / была бы историею всего человечества
Над строкой вписано: тогда (бы) сделалась в некотором отношении
 42–43 и кто ленив перевертывать толстые томы / а. и вместо; б. и кто ленив
 читать многотомную всеобщую Историю
 43 пройти по ней, чтобы узнать все / а. пройти по улице; б. пройти бы по
 ней, чтобы узнать минувшее жизни человечества

С. 113

- 1–21 Сколько других ~ творец и Поэт / *В рукописи нет*
 22 1831 / *В рукописи нет*
 23–25 Статья эта писана давно ~ и оригинальности / *В рукописи нет*

АЛ-МАМУН

Варианты ЧА АлМ

С. 114

- 1–2 Ал-Мамун (Историческая характеристика) / *В рукописи нет; Ал-Мамун (на шмуцтителе и в оглавлении I части Ар.)*
 3 Ни один / Нигде⁰
 5 на классической земле / на развалинах⁰
 5–6 обнимал ~ Азию / обнимал всю цветущую юго-восточную Азию
 7 он простирался / он с(т)лался
 7 до Гибралтара / и [ограни(чивался?)] встречал Гибралтар
 8 флот покрывал / флот усти(лал?)⁰
 8 Багдад, столица / Багдад, знойная столица
 10–11 зрели ~ стекающуюся / влекли всю новообращенную Азию
 14 создавал водопроводы / Он создавал водопроводы⁰
 14–15 леса пальм, где сладострастно били / леса садов, где били
 15 дымились благовония / дымились восточные благовония⁰
 15–16 И к такому развитию роскоши / И¹ к такому развитию и роскоши

⁷⁶ в первонач(альной) вписано

⁷⁷ *Над строкой вписано:* (1 нрзб.); *под строкой вписано:* (4 нрзб.)

⁷⁸ неловкого(?) вписано

⁷⁹ Так в рукописи

⁸⁰ уже вписано

¹ И вписано

- 16 не успела привиться / не успела присоединиться
 18 магометанского мира / целого Магометанского мира
 18 были связаны довольно сильно / были связаны
 18–19 укреплена была волею / укреплена была мудрою вол(ею)⁰
 19 который постигнул / который понял и⁰
 20–21 государь-философ, государь-политик, государь-воин / [по(литик)]
 государь-философ, [или] государь-политик, или государь-воин
 23 над другою / над другой
 23–25 Просвещение ~ собственного / Просвещение чуждое он прививал к
 Арабам только в такой степени, чтобы помочь развитию и(х²) собствен(ного) *вписано в нижней части листа со знаком вставки*
 28 исполнялись / и исполнялись⁰
 28–30 Гарун умел ~ вездесущности / [Он] При азиатском [деспотизме]
 образе правления [где не столько страшен верховный властитель, сколько его наместники, желающие каждый в свою очередь быть деспотом, он умел обуздать их страхом своей вездесущности. От Визирских чертогов до последнего кадия всякой боялся встретить переоде(того) всеярящего калифа] [Гарун весь административный] Гарун умел ускорить весь административный государственный ход [стра(хом)] и исполнение своих повелений⁰
 30–31 Наместники ~ стремится / [В Азиатских] Наместники и Эмиры, из которых каждый при азиатских формах правлени(я) стремится

С. 115

- 2 Царьград назвал / Цареград называл
 3–4 и который замыслил государство политическое превратить / который хотел политическое общество превратить
 5 живостию и способностию / живостью и жаждою
 6 Его характер исполнен / Он исполне(н)⁰
 6 благородства / благородством
 8 для нее же самой, не думая / для науки, не думал
 9 с исключительною страстью / с исключительным...²
 10–11 Многообъемлющий и точный философ Греции не мог сойтись / [Он] Многообъемлющий философ Греции не мог отвечать и сойт(ись)
 11–12 слишком ~ колоссальным / слишком стремительным и колоссальным
 14–15 принялись за него с ученым энтузиазмом / нашли в нем в богатстве себе пищу⁰
 17 не околдовать / не [овладеть] околдовать их⁰
 18–20 исполненный ~ греческий мир / [влюбился до страсти в мысль толковать] и в душе исполненный истинной жажды просвещения
 21 тогдашнему свету / тогдашнему миру. [День(ги)]
 22 к какому бы то ни было званию / к [вся(кому)] какому-нибудь³ званию учен(ых). [Ца(рьградские)] [Естественное дело, что более Царьградские греки]
 23 противоречащих / противуречащих
 24 приносили / приб(ывали)⁰
 25 еще сохраняли / еще носили⁰
 25–26 христианскими формами / обезображенными Христианскими идеями⁰
 26–27 за Аммония Саккаса / за Аммония Саффаса [и]
 27 последователей новоплатонизма, которые / [новоплатонических] новоплатонизма последователей и которые

² Так в рукописи

³ Над строкой вписано и зачеркнуто: бы

- 28 для своих ученых ристаний / для своих ристаний⁰
 28 в Царьграде / в Цареграде
 28–29 слишком занятом спорами / слишком подавленным⁰
 29–30 Багдад превратился в республику / [И рес(публика?)] Багдад превра-
 тился в республику мнений⁰
 32 толкований и тонкостей / толкований тонкостей
 34–35 Визири ~ Очевидно / [Натураль(но)] [Естест(венно)] Очевидно
 37 поверять усмотрению / поверять [совершенному] полномочному усмо-
 трению
 38–39 были иногда вовсе невежды / [по(лучали)] были невежи⁰
 39 часто получали / получали иногда
 39 места / [своими] свои места

C. 116

- 1 правительственные места / правительственные (*не дописано*)
 1 не может / никогда почти не может
 2–3 Их сфера ~ Отсюда / Их область должна быть вовсе отдельна.
 Их направление священнее и выше, они должны пользо(ваться) по-
 кровительством, а не действовать в своей сфере, облекшись формою
 государственного слуги. Из этого без сомнения
 5–6 и прозрели / а. и узрели; б. и увидели
 7 Мудрые властители чувствуют их / Их мудрые властители чувствуют
 7 берегут / Они берегут
 8 подавить ее / подавить
 9 только в важные / в важные⁰
 12 своих подданных / бесчисленных⁰
 12–14 науки, клонящиеся ~ просвещение / есть просвещение *Под строкой*
вписано: науки, клонящиеся к развитию человека В нижней части
листа вписано со знаком вставки ##, повторенным в тексте:
 Он [заставлял своих] подданных всеми силами заставлял принимать
 вводимое им просвещение
 15 природным элементам / силе, природным элементам
 16 воображения арабов / Арабского воображения⁰
 18 странно озарившие / [в который] под видом [которых и] [кото-
 рыми облекались тогдашние науки] странно, вяло и не довольно оза-
 рившие
 19 можно сказать, уничтожившие / умалившие
 20 представляли / все это представляло
 20–22 у которого ~ холодного ума *Соответствующий фрагмент вписан в*
нижней части листа со знаком вставки #, повторенным в тексте
 21 тощие выводы / сухие тощие выводы
 22 Этот чудный народ / Этот чудесной народ,
 23–24 и роскошной поэзии / и в [по(эзии)] роскошной поэзии
 25 вспыхнули богато, ярко, странно / ярко, странно, пестро, сильно
 26 Казалось, этот народ / Казалось, он
 26–27 совершенство нации / совершенство народа
 27–28 Но Ал-Мамун ~ великую истину / Но бла(го)родный и просвещен-
 ный Ал-Мамун не понял своего народа. И того еще более он не по-
 нял великой [пра(вды)] истины *Над строкой вписано: Он упустил*
из вида
 28–29 просвещение наносное / [посто(роннее?)] образование за(имство-
 ванное)⁰
 30 помогать собственному развитию / помогать развитию⁰
 31 из своих же / из [собственных] своих

- 31–32 Но для араба поле подвигов / Но поле подвигов для Арабов
 32 заграждено этим / заграждено этими⁰
 33–34 в государство / в свое государство
 35 в государстве получали христиане / получали в государстве одни Иностранцы
 35–36 в собственных / в собственной⁰
 36–37 и презрения к самым даже полезным их / презрения и к самым их полезным
 38–39 В правлении ~ каким бы / Правление Ал-Мамуна отзывалось тоже космополитизмом. Он был философ-теоретик, а не философ-практик, каким
 39 Он знал / Он, кажется, знал
 40 из описаний, из рассказов других / из рассказов других, он получи(л) это познание через другие руки

C. 117

- 1–2 вся административная часть / вся [тягость] административная
 2 деятельность его / [деятель(ность)] административная деятельность
 3 внимание его должно / а. глаза его устремлены на всех; б. внимание должно
 4 ввериться совершенно никому / ввериться совершенно
 5–6 минутой засны он — и его полномочные наместники / Минута усыпления монарха — и его полномочные⁴ наместники
 6 и государство / и государство его
 9–10 Христиане ~ должности / Иностранцы, которые нача(ли) наконец получать и [государственные] административные должности
 11 самое иноверство их было невыносимо / самая [разность] их [религии] была невыносима *Над строкой вписано*: иноверство
 13 на устах ученых / на устах все(х) ученых
 14–15 власть его ~ Жители провинций / его власть между тем становилась слабее внутри государства. Жители отдаленных провинций
 16–17 Военная сила ослабла ~ стремилась / Просвещение, стремившееся
 18 уменьшаясь и угасая / становилось темнее и угасало
 18–19 к отдаленным границам / к отдаленным провинциям⁰
 20 На границах стояли / Там стояли
 21 Сильные эмиры их / Сильные прав(ители)⁰
 22 думали о независимости / уже думали о независимости⁰
 24–26 Но, может быть ~ своей любви к истине / Наконец самую любовь свою к истине Ал-Мамун простер слишком далеко *Над строкой вписано*: Но, может быть, все это неверное направление администрации было бы еще исправимое зло
 28 ума чисто теоретического / ума теоретического⁰
 29 будучи ближе познакомлен с некоторыми догмами христианства *вписано*
 30 нежели его предшественники / *В рукописи нет*
 31 противоречий, пламенных / противуречий [и пла(менных?)], грубых
 31 которые вырывались всеместно / а. которыми наполнены; б. которые вырывались поминутно
 32–33 Он решился очистить и преобразовать / Он [пред(принял?)] решился преобразовать, очистить, исправить
 33–34 и в то самое время, когда еще / [книгу] когда еще

⁴ полномочные *вписано*

- 35–36 и когда усомниться ~ считалось / когда усомниться в каком-нибудь постановлении ее уже [считали] считалось магометанами
- 37 Полугреческой / а. Полухристианский; б. Полугреческий; в. Полуцарградский
- 37 чуждался совершенно / не мог понять⁰
- 38–40 Первым шагом ~ который составил / Он считал первым шагом к образованию своего народа истребить энтузиазм, тот энтузи(азм), который составлял
- 40–41 того энтузиазма, которому он обязан был / тот энтузиазм, которому обязан он
- 41 блестящею эпохою / блестящею своею жизнью

С. 118

- 1–2 подорвать который ~ несообразнее всего / подорвавши который, подрывалось и все политическое тело государст(ва). Ему нелепее всего, несообразнее
- 4–5 не принял в соображение того / не сообразил того
- 6–7 этот рай для магометанина / а. Рай Магометов; б. это(т) Рай для его последова(телей)
- 8 надежда в этот рай одна только заставляла / а. чувствен(ный) Араб терпеливо сносил бедность, притеснение; б. надежда в этот рай одна⁵ заставляла
- 10–11 что и он будет / что он будет⁰
- 11 находиться среди гурий / утопать среди Гурий
- 11 роскоши, превышающей / возможнейшей роскоши, превышающей всяку(ю) земную⁰
- 13 цветистости воображения / цветистого воображения
- 14 и что, может быть / Но европеизм Ал-Мамунов⁰
- 14 с дальнейшим только развитием его / а. дальнейшее развитие Араба уже по начатым законам; б. с дальнейшим развитием Араба
- 14–15 могла нечувствительно очиститься / могла бы только очиститься нечувствительно
- 15 Но Ал-Мамун / Но полуевропеизм Ал-Мамунов
- 17–18 многочисленного класса народа / многочисленных⁰
- 18 распространились вести / дошли наконец до него вести
- 19 Как должен был принять это народ, который / народа, который *Над строкой вписано*: Как должен был принять это
- 21–22 точных исполнителей / закор(нелых) [букв(альных)] точных исполнителей
- 23 И благородный / Благородный⁰
- 25–26 он воскресил опять в арабах дикой фанатизм / он произвел фанатизм⁰
- 26–27 кочевых обитателей Аравии / обитателей Аравии
- 27–28 оппозиционный фанатизм, который / оппозиционный фанатизм, фанатизм, который
- 30 иступленных последователей / иступленных стор(онников)⁰
- 30–31 который произвел ~ и ужаснее всего / [Посреди] который произвел множест(во) сект и [мнений] и ужаснее всех
- 33 Среди волнений / И среди волнений
- 35 на школы, фабрики, искусства / на [фабрики] школы, фабрики и искусства
- 35 поражая / и поражая

⁵ одна вписано

- 36 подданных / своих подданных
 36–37 Умер, не поняв / не поняв⁰
 38 он дал поучительный урок / он представил [собою] поучительный пример
 38 показал собою государя, который / показал собою как Государь⁰
 38–39 при всем желании блага, при всей кротости сердца, при самоотвержении / при всей страстной любви к [благу] просвещению, при всем желании блага, при всей кротости своего сердца, при всем самоотвержении
 40 был между прочим невольно / был между прочим⁰
 41 пружин, ускоривших падение государства / пружин падения своего государства⁰

ЖИЗНЬ

Варианты ЧА Ж₁, (без обозначения источника) и ЧА Ж₂

С. 119

- 1 Жизнь / В рукописи нет
 2 Бедному сыну / Бедному жителю
 4 палящие берега / бер(ега)⁰
 5 многолюдный, весь изрытый / движущийся, многолюдный¹, изрытый
 7 древний Египет / Египет⁰
 8 над пирамидою / над Пирамидой⁰
 8–9 граниты ~ идут бесчисленные ступени / граниты глядят серыми очами обделанные в сфинксы(?); идут величавые ступени (ЧА Ж₂); гранитные [горы превращенные] глядят обтесанные в сфинсков². Идут ступени, бесчисленные ступени, покрытые народом
 9 Стоит он величавый / Стоит он убранный⁰
 10–11 таинственными знаками и священными зверями / мумиями, жрецами, [таинствен(ными)] [священными] таинственными зверями и [священными?]
 11–12 несокрушимая тлением / несокрушаемая тлением. Цвѣтут (не дописано)
 13 Раскинула вольные колонии веселая Греция / В рукописи нет
 14 острова ~ рощами / острова [бесчисленные] как песок(?) при берегу, все [в гармонических зеленых] потопленные зелеными (не дописано)
 15–16 колонны белые, как перси девы / Колонны [белые] как обла(ка)
 16–17 мрамор страстный / Мрамор [нежный] страстной
 17 зажженный чудным резцом / оживленный чудным резцом⁰
 17–18 и стыдливо любит / и любит / и стыдит(ся)
 18 увитая гроздиями / увитый гроздиями
 19 она остановилась / народ остановился
 19–21 Жрицы ~ вонзили свои черные очи / Жрицы с черными очами и разметанными кудрями вдохновенно вонзили (не дописано)
 21 Тростник, связанный / Звонкий трос(т)ник³ связан
 21–22 тимпаны ~ перевитые плющом / тимпаны и Мусийские орудия лежат небрежно разбросаны по ветвям древесным

¹ многолюдный вписано

² В рукописи: свинском

³ Над строкой вписано: <1 нрзб.>

- 22–23 толпятся близ Родосса и Корциры / толпятся под Родосом, Корсирою
и закры(ва)ют все Архипе(лажское) море
24 в окаменелом величии / в (о)каменелом неподвижном величии
25 Стоит и распространяется / Стоит на Итальянском берегу
26 сверкая грозно сталью / сверкая светом⁰
26 вперив ~ очи / [грубый, суровый, с львиными] вперив завистливые очи⁰
26–27 и протянув / и протянувши
27–28 и не тронется львиными членами / и (1 нрзб.) львиными членами
29 Весь воздух / Вместе с⁰
30 как будто бы царства предстали все / а. как будто [умер(ло?)]) (вместе
с) царствами; б. как будто царства предстали
31 перед кончиною мира / перед концом мира

С. 120

- 1–2 тонкими пальмами, жилицами его равнин / пальмами своих равнин
2 и устремляя иглы своих / подым(ая) иглы своих прямых(?)⁴
2 Народы, слушайте / Все суета
3 Все тлен / Все тлен, все прах⁰
6–7 далеко до воскресения, да и будет ли когда воскресение / далеко до
воскресенья, да и будет ли когда до⁵ воскресен(ья?)
7 желанья и наслаждения / желание и наслаждение
9 продлить / продлить здесь(?)
10 как небо, как утро, как юность / как небо, как [(1 нрзб.) волны]⁶
10–11 светлый мир ~ цевницы / светлый⁷ мир Греков (1 нрзб.) цевницами
12–13 и развивай ~ Все неси ему / [развивай все] и с нею все, что составля-
ет музыку жизни. Все для наслаждений, для наслаждений пре-
крас(ных). Беден человек, ищущий не в себе наслаждений, они в само-
доволь(стве). Беден народ и Государство, сохнувшее за расчетом⁸
торговли и недовольное собою
13–20 Гляди ~ красота Соответствующий фрагмент вписан без знака
вставки на соседнем л. 101 ниже окончания текста статьи
14 Все в мире / Все в нем⁰
16 обладатель мира / житель мира
17 проворно правя конями / [гордо(?)]) искусно⁹ пра(вя) [гордыми]
конями
18 Далее корысть / Далее от⁰
19 Резец, Палитра и Цевница / Резец и палитра⁰
19 властителями мира / правителями⁰
20 Увивай плющом и гроздием / Увивай плющом и гроздьям(и)
21 стыдливой подруги / подруги. [Стремись к красоте, она одна вечна в
мире]
21–23 Жизнь создана ~ достойным наслаждения Соответствующий фраг-
мент вписан на соседнем л. 101 вплотную к предыдущей вставке
22–23 быть достойным наслаждения / быть достоин наслаждени(я)
24 покрытый железом Рим, потрясая / мускулистый Рим, возлежа на
щитах и⁰
26 Мал для души размер / Мал размер для души

⁴ прямых(?) вписано

⁵ Так в рукописи

⁶ Над строкой вписано: как [день] утро

⁷ светлый вписано

⁸ Над строкой вписано: над ра(счетом)

⁹ искусно вписано

- 28 народов и человека / и государств
 28–29 Славы, славы жаждай человек / Слава и желание удел человека
 29–34 В порыве нерассказанного веселия ~ своим именем *Соответствующий фрагмент вписан на соседнем л. 101, ниже предыдущей вставки*
 29–30 В порыве ~ оглушенный звуком железа / В порыве нерассказанного веселия [в вихре] и *Над строкой вписано: оглушенный звуком*¹⁰
 31 Слышишь ли, как / Ты слышишь ли, как
 31–32 потрясая копьями / потрясая копья
 32 Слышишь ли, как твое имя / Ты слышишь ли, как твое [бессм(ертное)] имя
 33 племен, живущих на краю мира / [отдаленных] племен, живущих на краю мира
 33–34 Все, что ~ своим именем / Оно наполнило весь мир
 34–35 Стремись вечно: нет границ миру / Нет границ
 35–36 Дикий и суровый, далее и далее захватывай мир / Больше и больше стремись, дикий народ, далее¹¹ захватывать [земли] мир
 37 орлиные очи свои / орлиные очи
 38–39 прекрасные очи / прекрасные
 39 обратил Египет / обратил и Египет
 39 бесцветные очи / раскрытые очи
 40–41 немногочисленная весь прислонилась / [бедный] [низ(кий)] невеликий город лепится

С. 120–121

^{41–1} неровно ~ смоковницею / осененным иссохш(ею)¹² смоковницею

С. 121

- 1 За низкою и ветхою оградюю стоит ослица / Стоит ослица [и в простых] за оградо(й) ослица
 3 исполненными слез / исполненными благо(овейных) слез
 4 стоит звезда и весь мир осияла чудным светом / [светит] стоит звезда и тихо льет(?) свет миру
 5 Задумался древний Египет / Задумался [дре(вний)] Египет
 6 беспокойно глянула / беспокойно взирает
 9 1831 / В рукописи нет

ШЛЕЦЕР, МИЛЛЕР И ГЕРДЕР

Варианты ЧА Шлу

С. 122

- 2 Шлецер ~ зодчие / Эти три мужа были великими зодчими
 3 любимую мыслью / любимой мыслью
 4 Шлецер, можно сказать, первый / Шлецер первый[◊]
 7 одним взглядом обнять / обнять[◊]
 8 Казалось, как будто бы он силился / [Он хотел тысячью] Казалось, как будто бы он телел
 9 для того чтобы разом видеть / что[бы за одним] разом видеть
 10 почти вдруг блещущая / вдруг блещущая[◊]

¹⁰ В порыве ~ звуком вписано в пробеле без знака вставки

¹¹ далее вписано

¹² иссохш(ею) вписано

- 11 освещающая предметы на одно мгновение / а. освещающая на мгновение предметы; б. освещающая предметы на мгновение
 12 в самом деле / в самом-то деле
 13 но по крайней мере / но по крайней (не дописано)
 15 в малообъемный фокус / в самый малообъемный фокус
 15 и двумя, тремя яркими чертами / [и] двумя, тремя яркими мыслями
 16 часто даже одним / часто одним даже
 19 не скоро бы пришли / никогда бы не пришли⁰
 20–21 выключая только если этот / а. разве э(тот); б. выключая только разве этот
 21–22 я думаю даже, что он / я думаю, что он даже
 23–24 текучесть повествования / текучесть историка⁰
 24 все отжившие / все бывшие на нем⁰
 25 не описывал их / не описывал его
 25 рассекал весь мир / рассекал его
 26–27 располагал и отделял народы таким же образом / [таким же образом ботаник] располагал [народы] и отделял народы таким же самым образом⁰
 28 начертание его истории, казалось бы / [(1 нрзб.)] начертание Истории казалось [бы ему (1 нрзб.)]
 29 все у него сверкает / все это исполнено
 31 этот сжатый эскиз мира / это сжатое его представле(ние) всего мира
 31–32 замечаешь с изумлением, что собственное воображение / а. воображение; б. замечаешь с изумлением, что воображение

С. 123

- 2 стремится еще далее / еще⁰
 4 всеобщей истории / Истор(ии)⁰
 4 долженствовал быть непременно / должен был [непременным] непременно быть
 5 гением оппозиционным / оппозиционным⁰
 6–7 прорывающиеся / которая прорывается
 7–8 Он уничтожает их одним громовым словом / а. Слово; б. Он уничтожает их одним словом; в. Он уничтожает часто их одним громовым словом
 8 и в этом одном слове / а. но в этом слове; б. в этом слове; в. и в этом слове
 8 и наслаждение / и наслаждение [над] на⁰
 11 Всегда действующие / Всегда почти действовавш(ие)
 11–13 увлекаются своим положением ~ В этом случае / а. предавались [своем(у)] желанию; б. увлекались своими направле(ниями) [прини(мали)] и в энтузиастическом¹ порыве [своем] нечувствительно принимали правило принимать за истину то, что противуречит всему прежнем(у). В этом германский дух его / Германский его дух
 15 всезрящий судия / [зор(кий)] всезрящий судья
 15 его суждения / суждения его
 16 и справедливы / но всегда справедливы
 16–17 я говорю / мы говорим
 18 труды по этой части улеглись / а. труд улегся; б. труд по этой части улегся
 20 тех, читая которые / тех книг, читая которую
 20 ее можно / она может⁰

¹ энтузиастическом *вписано*

- 21–22 к которому приставивши глаз поближе / сквозь которое, приставивши к нему ближе глаз
 23 как нужно понять / как нужно
 23 и тогда сам / и сам⁰
 23 видишь все / видишь, как нужно приняться
 24 историка совершенно в другом роде / Гений совершенно особенный⁰
 26–27 очаровательно, особенно любовью / особенно любовью⁰
 29–30 не схватывает вдруг за одним взглядом всего / а. схватывает вдруг одним взглядом; б. не схватывает вдруг за одним взглядом
 31–32 не показывая той быстроты и поспешности *вписано*
 32–34 с какою выражается ~ не предупредил его *Соответствующий фрагмент вписан в нижней части листа со знаком вставки #, повторным в тексте*
 33 не перехватил / не отня(л)⁰
 35 именно исследовательное / именно исследовательно
 37 минувших государств / минувших законов⁰
 37–38 не предпочитает эту сторону / предпочитает эту часть, чтобы⁰
 38 оставить совершенно в тени / оставить в тени⁰
 39 историк односторонний и чего / один только Историк односторонний и от⁰
 40 напротив того, он обращает внимание / а. он обращает глубокое внимание; б. напротив, он обращает внимание

С. 124

- 1–3 охотнее ~ подвержен образованности / более занимается временами первобытными [европейских народов] [когда] и теми эпох(ами), когда народ [меньше] еще не был подвержен цивилизации
 3–4 сохранял свои простые нравы / сохранял свою простую жизнь⁰
 4–5 Это время изображает он с ясною подробностью / а. Везде выражает; б. Здесь он изображает с величайшею подробностью; в. Эти времена изображает с ясною подробностью
 5 как будто позабываясь и воображая / воображ(ая?)⁰
 6 видеть себя среди своих / видеть своих⁰
 6–7 Главный результат, царствующий / [Везде явл(ялось)] Главное начало, царствующ(щее)
 7 есть тот / а. состоит; б. то
 11 проникают / проникает
 12 нераздельной целости / неразделимой целости
 14 но единство чувствуется / а. но чтобы цел(ое?)⁰; б. но единственно⁰
 15–16 забывает вовсе ~ одним народом / совершенно оставляет один народ, занявшись другим
 17 в нем нет / в нем совсем нет⁰
 18 размышляющий мудрец / глубоко размышляющий [философ] мудрец
 18 Он не выказывает / Он выказывает⁰
 20 уголке / уголку [исто(рии?)]
 20 не ищущий не найдет их / не ищущий их не найдет
 21–22 открывается ~ на земле небо / а. открывает(ся) [целый] седьмое небо; б. По выражению Гетева Варнера² в Фаусте, открывается на земле небо
 22 слог его / его слог
 23 производит ~ сожаление / производит невольное сожаление в душе
 24 чрез него Миллер / Как в тексте. Над строкой вписано: Он

² Так в рукописи

- 25 как должен бы быть / а. как был он должен быть известен; б. как бы должен был
 25 проникнутые мыслью / почувствовавшие в себе мысль⁰
 26 могут только / способны
 28 отличный образ воззрения / противоположный⁰
 29 У него владычество / Он види(т)⁰
 30 вовсе поглощает осязательные формы / совершенно поглощает видимые формы *Над строкой вписано: зри(мые?)*
 31 как представителя / представителя⁰
 32–33 вдохновенно, как брамин ~ немцы / полно, как Индейский Брамин, по выражению Немцев
 34 и всемирны / и всеобщи [Но все же]
 34–35 являются мало соединенными / кажутся³ без соединения
 35–36 и как будто ~ ее горнила / и [кажутся] как будто отвлеченными
 39 если слишком / если оно слишком
 40–41 Если он нисходит ~ истории / Если же снисходит до самых лиц — деятелей истории *Над строкой вписано: и де(ятелей)*

С. 125

- 1 они принимают / они у него принимают даже
 1–2 они у него или добрые или злые / а. в них только два соверш(енно); б. они у него добрые или злые
 3 качеств / качеств у него⁰
 3–4 в удел взирающему с недоверчивостию на других / [тому, кто глубоко] много изведal и [рожден не] оттого взирающему с недоверчивостию
 5–8 Он мудрец ~ занятиях жизни / *В рукописи нет*
 8 Шлецера и Миллера / и Шлецера и Миллера
 8–9 Как поэт он все создает / Но как поэт он все создает
 9–10 полный высшего откровения / полный одного высшего откровения
 11 его возвышенной / его прек(расной?)⁰
 12 вырываются часто / вырывается часто
 13 или же вызываются / или оно вызывается
 13–14 и разнохарактерных явлений / явлений⁰
 14–15 которые беспрестанно ~ мудрецу / которые пестрят жизнь человечества
 16 более, нежели у кого другого / более нежели у кого-нибудь другого (*вписано*)
 17–19 от Миллера ~ и Шлецера / от Миллера, [мудреца] философа-законодателя, и от Шлецера
 19 резкого и недовольного / резкого
 20–21 глубокость результатов Гердера, нисходящих / а. к глубокости [исследований] великих исследований Гердера; б. глубокость результатов Гердера, простирающи(хся)
 21–23 с быстрым, огненным взглядом ~ тогда бы вышел / с быстрым взглядом [рез(кого)] и резким осуждением⁴ Шлецера и кроткою [умерен(ностью?)] [расторопностью Мил(лера)] расторопною мудростию Миллера, тогда бы [был] (вы)шел
 25 высокого драматического искусства / драматического искусства⁰
 27 Я разумею однако ж / Я разумею
 27–28 не то искусство, которое состоит в умении / не умение
 28–29 но в драматическом интересе / но собственно драматический интерес

³ кажутся *вписано*

⁴ и резким осуждением *вписано*

- 29 который сообщил бы ему / который бы ему сообщил
 30 который иногда дышит / который дышит
 31 и особенно / особенно
 31–32 и которым отличается ~ происшествие / и которым означает всякое
 немногосложное происшествие (*вписано*)
 32 Я бы к этому / Но я бы к этому
 33 занимательность рассказа / очаровательность[◊]
 33–34 Валтера Скотта / Валтера
 34–36 к этому присоединил ~ границах / а. к тому [присо(во)купить] умение
 замечать крупные черты [Шек(спира)] [и умение представлять их в
 действующем виде] Шекспира; б. к тому шекспировское умение раз-
 вивать крупные черты характера в малых границах
 36 тогда бы, мне кажется, составился / тогда бы вышел наконец
 38 долго останутся великими путеводителями / остан(утся) долго велики-
 ми путеводителями⁵
 39–40 в нынешнее время ~ сочинений / мы имеем несколько замечательных
 сочинений [об этом предмете] в нынешние времена
 40 им одним / им одним, без которых[◊]
 41 1832 / В рукописи нет

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Варианты ЧА НвПр

С. 126

- 1–2 Невский проспект. Повесть / В рукописи нет; Невский проспект
 (*Ар., именуется и оглавление*)
 3–10 Нет ничего лучше ~ от Невского проспекта *вписано на верхних полях
 листа*
 4–5 для него он ~ нашей столицы / Чудный Невский проспект. Единст-
 венный Невский Проспект. Улица-красавица нашей столицы. Гм
 5–6 ни один ~ не променяет на все блага / бледный чиновный житель ее
 ни за что не отдаст
 7–8 прекрасные усы ~ сертук / прекрасный и удивительно сшитый сертук
 8–9 у кого на подбородке выскакивают белые волоса / [кому] у кого пока-
 зывается на подбородке (*не дописано*)
 9 как серебряное блюдо / как серебряная лоханка
 9 и тот в восторге от / и тот (в) восторге тоже (от)
 10–14 А дамы! ~ позабудешь о всяком деле / [Невский проспект единствен-
 ная улица] в Петербурге, [где сколько-нибудь показывается наше
 таинственное] общество, [кото(р)е] в многолюдной массе¹ пользую-
 щееся самой бесцветною славою, заставляющею даже подозревать²
 [все(?)] и сомневаться в его существовании. Тут оно иногда высыпается
 из карет своих. Но Живописец [резкий] харак(еров), резкий наблю-
 датель отличный, лопнет с досады, если захочет его изобразить в живых
 огненных чертах. Никакого резкого особенного, ни(ка)кого признака
 индивидуальности. А (д)амы [без ума от Невского Проспекта] О, дамам
 еще больше приятен Невский Проспект, да и кому он неприятен? Чуть

⁵ долго великими путеводителями *вписано*

¹ в многолюдной массе *вписано*

только взойдешь на Невский Проспект³, так уже и пахнет гуляньем. Хотя бы имел какое-нибудь (дело), но взошедши на него верно позабудешь⁴ (не дописано)

- 14–15 Здесь ~ не загнала их / Тут только [могут] столкнуться [все] различные классы [нашего] общества. Единственное место [где] [можно видеть людей, которых не за(гнала)] показываются люди не по необходимости, куда их не загнала
- 17 человек, встреченный / встреченный человек
- 17 менее эгоист / меньше эгоист
- 18–21 где жадность, и корысть ~ Здесь житель / где интерес и надобность и жадность [видны] выражаются на едущих и [идуших] летящих на дрожках и в⁵ каретах. Я готов клясться, что половина жителей Петербурга без ума от Невского проспекта. Да как и⁶ не быть без ума? Жилец какой-нибудь
- 22 несколько лет не бывавший у своего приятеля / а. который не выставляет своего носа в продолже(ние); б. который десять лет не выставляет своего носа знакомому⁷ своему
- 23–24 может быть уверен, что встретится с ним непременно / здесь он встретится с ним прежде, нежели думает
- 24 адрес-календарь / Адрес-курант
- 25 не доставят / не доставит
- 25 верного известия / верного мест(а)⁰
- 25–26 Всемогуший / Чудный⁰
- 26–27 бедного на гулянье / [и гулянье] бедного на гулянья
- 28 сколько ног оставило на нем следы свои / а. сколько народу пройдет по ним; б. сколько ног всякого народу оставит на них следы в один день
- 28–29 неуклюжий грязный сапог отставного солдата / неуклюжий сапог солдата⁰
- 29–30 под тяжестью ~ гранит / под которым трескается даже гранит
- 30–31 молодинькой дамы / молоденькой дамочки

C. 126–127

- 31–1 оборачивающей ~ к солнцу / оборачивающей свою головку, точно подсолнечник свою милую головку к солнцу⁰

C. 127

- 1–2 и гремящая сабля ~ проводящая по нем / [сабля] и гремящая сабля [проводящая(?)] исполненного надежд прапорщика⁸, оставляющая на нем вымещает на нем / а. Как в тексте; б. показывает на нем [слаб(ость)] следы свои⁰
- 4 одного только дня / только одного дня
- 5 Сколько вытерпит он перемен в течение одних суток / а. в один день сколько перемен; б. Сколько вытерпит он перемен в один день
- 5–6 с самого раннего утра, когда / с [утра] самого раннего утра, как
- 7 и наполнен / наполнен
- 7–8 в изодранных платьях и солопах / в солопах и изодранных платьях
- 8 совершающими / совершающих (Ар.); а. спешащих; б. совершающих

² Над строкой вписано и зачеркнуто: все(?)

³ А (д)амы ~ на Невский Проспект вписано между абзацами

⁴ так уже и пахнет ~ верно позабудешь вписано слева на полях поперек текста

⁵ в вписано

⁶ и вписано

⁷ Над строкой вписано: приятелю

⁸ [проводящая(?)] исполненного надежд прапорщика вписано

- 8 на церкви / а. на церкви; б. на все(?) церкви
 10 и их комми / их Комми
 11 свою благородную щеку / свою щ(еку)⁰
 11 пьют кофе / пьют кофий
 12 сонный ганимед / сонный [без] ганимед [с метлою]
 13 вылезает с метлой в руке без галстука / [выл(езает)] лениво⁰
 13 и швыряет / и выбрас(ывает)⁰
 14–15 иногда переходят ~ в сапогах, запачканных / [пере(ходят)] [иногда переходят]⁹ Ру(сс)кие Мужики [спешаш(ие)] [в сапогах] спешащие на работу в сапогах [забеленных] заляпанных
 16–17 чистотою / чистотой
 17 не в состоянии бы был / не в состоянии был
 19–20 верно не услышат даже в театре / [может быть даже нигде не слышали] не услышат ни в магазинах, [ни в концерт(ах)] ни в театрах
 20–21 с портфелем под мышкою / с портфелем
 21 если через / а. особенно когда к департа(менту); б. в таком случае когда через
 21–22 лежит ему дорога в департамент / лежит дорога в его департамент
 22 Можно сказать решительно, что в это время, т.е. до 12 часов / В это время и до 12 час(ов)¹⁰ можно сказать решительно, что он служит только средством / В рукописи нет
 23–24 русской / Рус(с)кий
 25–26 или о семи грошах / или семи грошах
 27–28 или говорят ~ разительными жестами / [или] и говорят сами (с) собою иногда¹¹ с жаром и самыми разительными жестами
 29–30 с пустыми штофами / с што(фами)⁰
 30–31 бегущих молниями по Невскому проспекту / бегущих молнией по Невскому проспекту (вписано)
 31 В это время / Тут⁰
 32–34 хотя бы воротнички ~ не заметит / хотя бы вы воротничка слишком много высунули из вашего¹² галстука, никто этого¹³ не заметит
 37–38 с вверенными ~ питомцами / с вверенными их родительскому попечению
 38 солидностю / солидностью и [назидательно(стью)]
 39 вывески ~ для того / вывески делаются для того над магазинами⁰
 39–40 чтобы ~ узнать / чтобы [уз(нать)] можно было через них узнать
 40 в самых / в самих
 41 бледные миссы / [Миссы] Мадам⁰
 41 славянки идут величаво / [Мамзели] [Мадамы и] Мадмазели идут величаво [держась в струнку]

С. 128

- 1 легеньких / легиньких
 1–2 приказывая им ~ держаться прямее / а. направляя их сзади или; б. приказывая поднять несколько левое плечо или держаться [ровн(ее)] прямее
 4–5 тем уменьшается ~ детей / тем более Педагоги и дети⁰

⁹ [пере(ходят)] [иногда переходят] вписано

¹⁰ и до 12 час(ов) вписано

¹¹ Над строкой вписано: даже

¹² вашего вписано

¹³ этого вписано

- 6–7 пестрыми, разноцветными, слабонервными подругами / [разноцветными] пестрыми разноцветными [слабыми подругами] слабонервными и томными⁰
- 7 к их обществу / к их составу
- 7–8 все, окончившие / все не имеющие уже в это время⁰
- 9 и о небольшом прыщике / и небольшом прыщике
- 10–11 детей своих ~ дарования / а. показывающих большие дарования детей; б. детей своих, показывающих большие дарования
- 11–12 и важную статью в газетах о приезжающих и отъезжающих / и (о) приезжающих и отъезжающих в газетах⁰
- 12–13 наконец выпившие чашку кофею / и наконец выпившие чашку кофею
- 13 к ним присоединяются и те / К ним присоединятся и те
- 14–15 званием чиновников по особенным поручениям / местом¹⁴ чиновников по особым поручениям
- 16 и отличаются / Боже, какие⁰
- 20 мушины / Мужчины
- 21 в карманы / в карман
- 21–22 в розовых ~ рединготах и шляпках / в щегольских шляпках
- 23 Вы здесь встретите / Вы встретите здесь
- 25–26 принадлежащие / а. принадлежат(ащие); б. почти принадлежат(ащие) которым посвящена / которым (не дописано)
- 30 во время дня и ночи / а. днем и ночью; б. среди дня и ночи
- 31–32 восхитительнейшие духи и ароматы / [духи?] лучшие восхитительнейшие духи и [помазания?] ароматы
- 32–33 драгоценнейшие и редчайшие / редчайшие и драгоценнейшие
- 34 тонкою веленовою бумагою / одою известного писателя
- 35 их посессоров / посессоров⁰
- 36 Тысячи сортов / [На Невском проспекте вы увидите дам в таких] вы встрети(те)⁰
- 36 платков пестрых, легких / платков [ослепительных?] таких [легких, что все] пестрых, легких [так ослепят?] вас
- 37 в течение целых двух дней / на целые два дни
- 38 ослепят хоть кого / ослепят вас. Вам кажется⁰
- 39–40 поднялась вдруг ~ блестящею тучею / поднялось разом [и волнуется] с стебелька и волнуется морем
- 40–41 Здесь вы ~ какие даже / Вы встретите здесь такие талии, какие
- С. 128–129
- 41–1 тониньки, узиньки / талии тоненькие, узиньки
- С. 129
- 2 отойдете ~ как-нибудь / пройдете к сторонке, чтобы какой-нибудь невежливым локтем / локтем⁰
- 3 сердцем вашим / [и что(бы)] сердцем *Над строкой вписано: в(ашим?)*
- 4–6 как-нибудь ~ и искусства / каким-нибудь образом это прелестнейшее произведение природы и искусства¹⁵ не переломилось
- 6 А какие встретите вы дамские рукава / [Вообразите] [А] [Дамские рукава] [Эти роскошные] А какие встретите дамские рукава
- 7 Они несколько похожи / [кажется] вообразите себе, что⁰
- 9 если бы не поддерживал ее / если бы ее не поддерживал

¹⁴ *Над строкой вписано:* званием

¹⁵ и искусства *вписано*

- 11–12 Нигде ~ непринужденно / [На Невском Проспекте] При встре(че) нигде так благородно и непринужденно¹⁶ не раскланиваются
- 13 улыбку верх искусства / *chef-d'oeuvre*¹⁷ искусства
- 14–15 что увидите / *Как в тексте. Над строкой вписано: вы*
- 16–17 поднимете ее вверх / поднимете
- 17 Здесь вы встретите / Здесь [у(видите?)] вы увидите⁰
- 17 о концерте или о погоде / о погоде или теат(ре?)⁰
- 20 Создатель! какие странные / Боже [какие есть] [вст(речаются?)] Да, странные
- 21 Есть множество / Вообразите⁰
- 21–22 встретившись с вами, непременно / непр(еменно)⁰
- 22–23 и если вы пройдете ~ на ваши фалды / и когда вы пройдете, они [пово(ротятся?)] оборотятся непременно назад и¹⁸ посмотрят на спину вашу
- 25 однако же ~ они / [после уверился, что] нет, после решил я, что они
- 25–26 в разных департаментах / по разным департаментам
- 26 многие из них / и многие из них
- 28 по кондитерским / в кондитерских
- 30 от 2-х до 3-х часов пополудни / от 2 до 3 часов
- 33 щегольской сюртук с лучшим бобром / [прекрасный] сюртук
Над строкой вписано: сюртук с бобром из сукна
- 33–34 греческой прекрасной нос / греческий прекрасн(ый) (*не дописано*)
- 34 превосходные бакенбарды / бакен(барды)⁰
- 35 пятой / пятый
- 36 на щегольском мизинце / на мизинце⁰
- 38 Но бьет три часа / [За три часа] Но п(осле?)⁰
- 39 толпа редет / толпы редуют
- 39–40 В три часа ~ настает весна / В три часа настает на Невском проспекте весна
- 41 Голодные ~ Советники / а. Голодн(е) [столон(ачальники)] Столона-чальники и другие начальники бегут, ускоряют ход свой; б. Голодн(е) помощники надворные (и) прочие советники

C. 130

- 2 Губернские и Коллежские Секретари / кол(л)ежские секретари⁰
- 2–3 спешат еще воспользоваться / еще стараются воспользоват(ся)
- 5 Титулярные / и титулярные⁰
- 8 целый архив / целый архив
- 8–9 не оконченных дел / неконченных делов
- 11–12 вы встретите на нем / вы встретите
- 14–15 во фризовой шинели / во фризовой шинеле
- 16 какая-нибудь длинная / Какой-нибудь Артельщик с узинькой боро(дой)⁰
- 16–17 с ридикюлем и книжкою / с ридикулем и книжкой
- 18 с узинькою бороною / с узинькою бородкою
- 19–20 спина, и руки, и ноги / спина, и ноги⁰
- 21 не встретите вы / вы не встретите в это время
- 23–24 накрывшись рогожею / на(де)вши рогожу
- 25 из низеньких окошек магазинов / из низких окошек
- 25–26 не смеют показаться / не смеют показываться

¹⁶ и непринужденно *вписано*

¹⁷ В рукописи: *che(?)-d'evre*

¹⁸ назад и *вписано*

- 26–27 тогда Невский проспект ~ настает / [то(гда?)] как уж Невский про-
 спект [в одно мгновение наполняется гуляющими. Но эти гуляющие]
 опять оживает и шевелится. [Молодые люди в с(юртуках?)] Настает
 28 заманчивый, чудесный свет / зама(н)чивый чрезвычайно свет
 29 очень много / чрезвыча(йно)⁰
 29–30 в теплых сюртуках / в их теплых сюртуках
 31 что-то похожее на цель / похожее на цель
 32–33 тени ~ чуть не достигают / тени их мелькают [головами] и чуть не до-
 стают
 37 большую частью / большою частью
 37–38 или потому ~ или потому что им / а. потому, (что) это или народ же-
 натый; б. или потому, (что) это народ женатый, или им
 38 готовят кушанье / готовят кушанья
 38 у них в домах / у них на домах
 39 кухарки-немки / немки⁰
 40–41 прогуливались / расхажив(али)⁰

С. 131

- 3 нащекатуренные / нащекатуренные
 3 так нравятся / так по душе
 3–5 а более всего сидельцам ~ под руку / но еще более сидельцам и при-
 казчикам, ходящим всегда в немецких сертуках под руку
 8 Видел, чудная, совершенно / Видел. Чудная, чудная, совершенная
 9 о ком говоришь / об какой говоришь
 10 о той, что / о той, котор(ая)⁰
 11 все положение ~ чудеса / и все сложение(?) и оклад лица чудесны
 12 Я говорю ~ в ту сторону / Я говорю об блондинке, что прошла с этой
 стороны
 13 так тебе понравилась / тебе так понравилась
 14 покрасневшись / почти покрасневшись
 16–17 это должна быть ~ вздохнувши / В рукописи нет
 17 стоит рублей восемьдесят / стоит больше 300 рублей. Это должна
 быть какая-нибудь дама высшего.....
 18 закричал ~ толкнувши / закричал порутчик¹⁹ Пирогов толкнувши
 19 где разведался яркой плащ ее / (г)де далеко уже разведался щеголь-
 ской яркой плащ красавицы
 21 разошлись / расстались
 22 Знаем мы вас всех / Знаем мы всех их
 22–23 думал ~ Пирогов / прибавил он с самодовольною
 улыбкою
 23–24 могшей бы / осмелившей(ся)
 25–26 робким и трепетным шагом пошел / с робким и трепетным движением
 поворотил
 26–27 то окидывавшийся / [вдруг] беспрестан(н)о то окидывавший(ся)
 28 мгновенно покрывавшийся тьмою / покрывав(шийся) темн(от)ою(?)
 29 и он невольно ускорял / и он ускорил
 30 получить ~ на внимание / иметь какое-нибудь право²⁰ (на) внимание
 31–32 о какой намекал ему / какую только что объявил
 33 где имеет жилище / где имеет свое жилище
 34 слетело с Неба / сорвалось с неба
 34 и верно улетит / и верно улет(ит) опять

¹⁹ порутчик вписано

²⁰ право вписано

- 35 летел так скоро ~ с тротуара / а. ускорил сколько можно было; б. ускорил шаги свои сколько было возможно^(?), казалось летел за ним сталкивая
- 36 с седыми бакенбардами / с черными и поседевшими бакенбардами
- 37–39 составляет у нас ~ сколько лицо / [принадле(жит)] составляет у нас²¹ странное явление и вовсе не принадлежит [какому] гражданам Петербурга. [Он представляет какое(-то) маленькое легонько(е) исключение], так же как лицо
- 39 принадлежит / не принадлеж(ит)
- 40 Это исключительное сословие очень необыкновенно / Это небольшое сословие чрезвычайно странно [между тем]
- 41 мастеровые-немцы / а. Немцы мастеровые; б. ремесленники Немцы

С. 132

- 1–2 Это был ~ художник в земле снегов, художник / Это сословие художников. Какое стран(ное) явление: Художники петербургские! Художники северные. Художники
- 3 ровно, бледно, серо / серо⁰
- 4 итальянских / Итальянских
- 5 напротив того, это большею частью / Петербургские художники совершенно другое. Это большею частью
- 6–8 любящий ~ об излишнем / любящий пить с двумя приятелями своими в маленькой комнате чай и скромно потолковать об любимом предмете
- 9 Он вечно завоет / Он любит⁰
- 10 с тем, чтобы перевести / а. за на(турщицу); б. в качестве натурщицы; в. с тем чтобы перевести
- 11 бесчувственную мину / бесчувственную рожу
- 13–15 изломанные ~ на гитаре / изломанные станки, опрокинутую палитру
- 15 стены, запачканные красками / пол запа(чканный)⁰
- 15–16 сквозь которое / в котором
- 17 У них всегда / Они почти (?) с любов(ью)⁰
- 17 мутный колорит / смутный колорит
- 18 При всем том / Но при всем том
- 18 с истинным наслаждением / с истинным(?) желанием и даже наслаждением
- 19 над своею работою / над своими картинами
- 20 и если бы только / которому²² недостает только пламенной Италии, чтобы развиться смело, вольно, широко и ярко⁰
- 20 дунул на них свежий воздух / пахнул на них свежий пламенны(й) воздух
- 21–22 так же вольно ~ на чистый воздух / вольно, ярко и широко, так, как растение, которое из теплицы²³ выносят наконец на вольный воздух
- 22–23 Они вообще ~ замешательство / Они вообще робки, их звезда и толстый эплет в такое приводят замешательство
- 24 своих произведений / своим произведениям
- 25–26 всегда кажется ~ походит / кажется на них слишком резко и как-то несколько²⁴ похоже
- 26 встретите вы / вы встретите
- 27 отличный фрак / прекрасный фрак⁰

²¹ у нас вписано

²² Над строкой вписано: и если

²³ Над строкой вписано: комнаты

²⁴ несколько вписано

- 28 и сюртук / и фрак
 28–29 как на не оконченном / на недоконченном
 29–32 увидите вы иногда ~ с наслаждением / вы увидите иногда опрокину-
 тою вниз головою нимфу, которую он от рассеянности и не желая
 искать порожного²⁵ грунта наметал на прежней когда-то им с наслажде-
 нием [рисов(анной)] писанной картине
 32 в глаза / мутно⁰
 33 он не вонзает / и не вонзает
 33–34 ястребиного взора / орлиного взора⁰
 34–35 кавалерийского офицера / военного⁰
 35 Это происходит оттого, что он / Потому что он
 36 гипсового Геркулеса / геркулеса
 37–38 его же собственная картина ~ он отвечает / а. та картина, которой;
 б. та самая картина, за которую он готовится приняться, и [поэтому]
 от этого отвечает он
 39 иногда невпазд, и мешающиеся / и вовсе невпазд, и эти мешаю-
 щиеся
 40–41 описанный нами / и описываемый нами
 41 художник Пискарев / Палитрин
- С. 133**
- 1 искры чувства, готовые / огонек, готовый
 2 в пламя / в пламень
 2–3 спешил он за своим предметом / спешил за предметом
 3 дивился сам / дивился
 4 Незнакомое существо / Существо
 4 так прильнули / а. устремились; б. приков(аны) были
 5 мысли и чувства / мысли, чувства
 5 поворотило голову и взглянуло на него / оборотилось на повороте
 улицы и взглянуло на Палитрина
 6–7 прелестнейший лоб осенен был / [лоб] прелестнейший надвинут [был
 также]
 7–8 чудные локоны / прекрасн(ые) волосы
 8–9 часть их ~ свежим румянцем / [локон прелестны(й)] отдел(ившийся)²
 упал из-под шляпы и коснул(ся) щеки, тонко тронутый свежим [вечер-
 ним] румянцем
 10–11 Все, что остается / что остается
 11 дает мечтание / доставляет мечтание
 12 при светящейся лампаде / в священный час ночи при тихой лампаде
 поэта
 12 все это / Боже, все это
 13 и отразилось в ее гармонических устах / в ее [божественных чертах]
 гармонических устах *Над строкой вписано*: отразилось в ее
 на Пискарева / на Палитрина
 13–14 затрепетало его сердце / казалось упало, задрожало сердце
 14 на этом прекрасном лице / а. *Как в тексте*; б. на этих прекрасных
 чертах
 16 и самый гнев / самой²⁶ гнев
 18–19 и не узнать даже той святыни, где оно опустилось / не узнать даже
 места²⁷ [где] земли, где он²⁸ решился

²⁵ Было: нового

²⁶ *Над строкой вписано*: черты(?)

²⁷ *Над строкой вписано*: того святого

²⁸ Было: оно решилось

- 23 незнакомки / чудной незнакомки
 24–26 и ему показало^{сь} ~ не верил / и встретила(сь) с [глазами] потупленными глазами Палитрина. Легкая²⁹ улыбка [блеснула] сверкнула на губах и молнией сверкнула на его сердце. Он задрожал, он не верил
 26–27 выразил на лице ее / дал на лице ее
 27 это собственные мечты / это глаза, [напряженные глаза] напряженный взор его *Над строкой вписано*: это собственные мечты
 28 дыхание занялось / дыхание, казалось, улетело⁰
 28 все в нем обратилось / все обратилось в нем
 29 горели / превратили(сь)⁰
 29–30 все перед ним окинулось / все перед [смешалось] ним окинулось
 30–31 кареты со скачущими лошадьми / кареты с лошадьми⁰
 31 казались недвижимы / были неподвижны
 31–32 мост ~ на своей арке / (мост) растягивался и ломался на своде
 32 дом стоял крышею вниз / опрокид(ывался)⁰
 33 и алебарда часового / алебарда ее капеляна
 33 вместе с золотыми словами вывески / а. блесте(ла); б. вместе с вывеско(ю)⁰
 33–34 и нарисованными ножницами / и ножницами⁰
 36 по легким следам / по воздушным следам *Над строкой вписано*: по легким
 37–38 стараясь сам ~ шага, летевшего / по временам только стараясь умерить быстроту своего [шага, ступа(вшего)] бежавшего
 38–39 точно ли ~ благосклонно / действительно ли выражение лица [изобразило] ее лишено было гнева
 41 даже не заметил / не заметил

С. 134

- 1 четырехэтажный дом / четырехэтажн(ый) (*не дописано*)
 1 четыре ряда окон / четыре ряда окон глянули⁰
 2 глянули на него разом / глянули разом на него
 2–3 перилы у подъезда противопоставили / [решетка] перилы у подъезда [ударил(и)] противопоставили
 5 мысли горели / мысли горели. Нет, это уже не мечта⁰
 6 нестерпимым острием *вписано*
 6 вонзилась в его сердце / ударила в сердце
 7 сколько счастья в один миг / сколько счастья [в один] (1 нрзб.) [в течение]
 9 Но не во сне ли / Если⁰
 9 небесный взгляд / небесный взор
 10 он готов бы был / он бы готов был
 12 сейчас так благосклонна / сию минуту³⁰ так благосклонна
 14–15 и непорочен / и непорочен. Это доверие к нему еще⁰
 17 дерзкие помышления / дерзкие [стр(емления²)] мысли
 17–18 то самое ~ освятило их / то, напротив того, еще более освятило
 18 которое оказало ему / а. которым удостоил; б. которое оказало
 19 это доверие наложило на него обет / а. доставило; б. наложило на него обет
 20 обет рабски исполнять / обет самоотвержения, обет [следова(ть)] рабски исполня(ть)

²⁹ Легкая *вписано*

³⁰ сию минуту *вписано*

- 20 Он только желал, чтоб / а. и произвело только желание, чтобы;
б. и он только желал, чтобы
- 21 как можно более трудны и неудобноисполняемы / как можно труднее
и неудобноисполнимее
- 24 ему верить / а. <в>верить; б. ему верить
- 25 значительные услуги / какие-нибудь великие услуги
- 25–26 силу и решимость на все / непреодолимую силу отважиться на все
- 27 Лестница вилась / Лестница вилась выше
- 27 его быстрые мечты / его мечты
- 28–29 зазвучал ~ трепетом / зазвучал прелестный голос и наполнил его
новым эдемом
- 30 и они вошли вместе / и [вме(сте)] приняла и(х?)³¹
- 32 на Пискарева / на Палитрина
- 32–33 опустил невольно свои глаза / опустил глаза
- 33 вошли в комнату / вошли в комнаты [возле окна] и
- 34 в разных углах / в разных углах комнаты
- 35–36 сидела ~ полонеза / [бренчала] [играла двумя пальцами] сидела за
фортепиано и играла двумя пальцами како(й)-то пошлы(й) полонез
- 37 расчесывая / расчесывала
- 37 волосы / волоса
- 37–38 вовсе не думала ~ при входе / [нима(ло)] [не остави(ла)] вовсе не
думала³¹ оста[вить] свой туалет при [внезапном приходе] входе
который / которой
- 39 комнате холостяка, царствовал во всем / комнате холостяка
- 40 Мебели / [Прек(расные?)] Комнаты
- 41 застилал / а. затенил; б. застелил

С. 134–135

- 41–1 сквозь непритворенную дверь / Две двери одна против другой вели в
другие комнаты. [Одна] Около непритворенной двери

С. 135

- 1 блестел сапог / блестела военная³¹
- 2 громкий мужской голос / Мужской голос
- 3 раздавались без всякого принуждения / [сме(ло?)] слышался сквозь
непритворе(нные?)
- 4 Сначала он не хотел верить / Он сначала не верил
- 5 наполнявшие комнату / наполнявшие комнаты
- 6–7 заботливой хозяйки / заботливого [ра(споржения?)] [правления]
наблюдения хозяйки
- 7 изношенные лица / поношенные лица
- 8 перед его носом / перед носом
- 9 уверило его / уверило
- 11 мишурную образованностию / [образовани(ем)] [наружную] мишур-
ную образованностью
- 12–13 подавил ~ украшающим жизнь / подавил все чистое [укр(ашающее?)]
и посмеялся над всем святым, скрашивающим мир
- 14 эта красавица мира, венец творения / [эта залетевшая] эта красавица
мира
- 15–16 где она ~ лишилась всего женского / где [она как] картина правильно
написанная и лишенная внутренней³² поэзии. Где она лишилась всего
женского³³

³¹ Над строкой вписано: нимало не

³² внутренней вписано

³³ Над строкой вписано: вместе с чистотою души

- 17–18 тем прекрасным и так отличным / тем [кротким] грациозным, тем так отличным
- 18 Пискарёв мерял / Картина на<писанная> правильно, но лишенная поэзии. Палитрин мерял
- 19 изумленными глазами / выпученными от удивления глазами
- 19 как бы ещё желая увериться / как бы желая увериться
- 21 волосы ее / ее волосы
- 22 глаза ее казались / глаза казались
- 23 видно было, что ещё / ещё разврат⁰
- 23–24 настигнул ее ужасный разврат / ужасный разврат ее настигнул
- 25 она была прекрасна *вписано*
- 26 Он неподвижно стоял перед нею / Он стоял неподвижно перед нею и значительно улыбнулась / [улыб<нулась>] значительно⁰
- 28 эта улыбка ~ поэту / эта улыбка так была²⁴ невыразимо несносна, [она так шла к ее лицу] так³⁵ исполнена какой-то жалкой наглости, так шла к ее лицу, как идет [чувство] выражение набожности на роже взятчика или скряги, к(ак) поэту идет мундир или бухгалтерская книга
- 32–33 стала говорить что-то / стала говорить
- 34 с непорочностью / с непорочностью
- 35 и прост как дитя / и прост
- 36 такую благосклонностью / благосклонностью
- 37–38 какому, без сомнения, обрадовался бы / какому бы верно обрадовался
- 38–39 он бросился со всех ног, как дикая коза / а. бросился вдруг как дикая коза; б. он бросился вдруг со всех ног, как дикая сайга
- 41 и тут же уронивший / а. и в то же самое время от нечаянной³⁶ радости уронивший; б. и тут же уронивший

С. 136

- 1–2 в каком месте? / в таком презренном омуте!
- 2 Вот все, что он мог выговорить / а. Эти восклицания прежде всего вырвались у него; б. Эти восклицания вырвались прежде всего у него
- 3 никогда жалость так сильно не овладевает нами / никогда так сильно не овладевает нами чувство жалости⁰
- 4–5 Пусть бы еще безобразии дружилась с ним / Пусть он навеки остается с безобразием *Над строкой вписано*: Если безобразие погрязнет, мы не жалеем *В нижней части листа вписано со знаком вставки #, повторенным в тексте*: хотя должны бы жалеть по чувству человечности
- 5–10 красота, красота нежная ~ чисто образованы / красота [она] нежная, [дол<жна>] нам кажется, должна быть каким-то божеством непорочности и чистоты. [Черты лица это<й>] Красавица, так околдовавш(ая) нашего бедного мечтателя, была действительно чудесна. Появление ее в этом презренном³⁷ кругу еще более казалось чудесным. Черты лица были так чисты, так образованы
- 10–11 было означено таким благородством / [носило какое³⁸ благородство] означено было каким-то образом благородства
- 12 распустил / уже распустил
- 13–14 страстного супруга / верного супруга⁰
- 14 прекрасной тихой звездой / тихой звездой

³⁴ была *вписано*

³⁵ так *вписано*

³⁶ нечаянной *вписано*

³⁷ презренном *вписано*

³⁸ Так *в рукописи*

- 14–15 в незаметном семейном / в се(мейном)⁰
 17 на светлом паркете / на зеркальном паркете
 17–18 при безмолвном благоговении ~ поклонников / при безмолвной благоговейной толпе поверженных поклонников
 19–20 волею адского духа ~ в свою пучину / волею злого духа, смеющего(ся) над всем святым и прекрасным, жаждущего везде рассеять гармонию мира и произвести расстройство естества, она была волею этого злого духа, с[о смехом] хохотом брошена в эту страшную пучину разрывающею жалостью / [ядо(витой?)] разрывающей жалость(ю)
 21 давно минула / давно возвещена⁰
 22 колокол башни / колокол башенки
 23 а он сидел / Он сидел
 23–24 без сна, без деятельного бдения / [нако(нец)] без сна, без бдения⁰
 24–25 воспользовавшись ~ одолевать его / соскучившись его неподвижно(стью), начала тихонько одолевать
 25 уже комната / уже комната и све(ча)⁰
 25–26 один только огонь свечи / а. одна только свеча; б. один только огонь свечи еще
 27 стук у дверей / стук в двери
 29–30 богатая ливрея, притом в такое необыкновенное время / такая богатая ливрея и притом в [таком необыкновенном] такой необыкновенный (не дописано)
 30 Он недоумевал / чувство⁰
 30 смотрел / смотрел в оба
 32 Та барыня / а. Позвольте узнать; б. Та барыня, у которой⁰
 32 произнес с учтивым поклоном лакей / начал лакей
 33 изволили за несколько часов пред сим быть / [сегодня] изволили³⁹ быть за несколько⁴⁰ часов пред сим
 33–34 приказала просить вас к себе / приказала просить
 35 Пискарев стоял / Палитрин стоял
 36 здесь верно есть / здесь верно
 36 Послушайте / Послушай⁰
 37 произнес он / сказал он
 38–39 Вас барыня ~ а не за мною / [Это] Ваша бары(ня) без сомнения [к] кому-нибудь⁴¹ другим, а не за мною прислала вас
 40 Нет, сударь, я / Нет, я *Над строкой вписано*: сударь
 41 к дому, что в Литейной, в комнату / до дома в Литейную в комнаты

С. 137

- 2 пожалуйста поскорее / пожалуйста же скорее
 3 просит вас уже пожаловать прямо к ним на дом / а. просит вас в; б. просит вас уже в собственной дом свой
 4 Пискарев сбежал / Палитрин сбежал
 4 На дворе / под вор(отами)⁰
 5 Он сел в нее, дверцы хлопнули / Он вошел, за ним дверцы хлопнули и освещенная перспектива ~ это приключение / а. и перспектива понеслась; б. и перспектива домов с фонарями и вывеска(ми) понеслась мимо его по обеим сторонам каретных окон. Палитрин думал всю дорогу об [этом] [своем]
 8 Собственный дом / До(м)⁰

³⁹ *Над словом вписана цифра 1*

⁴⁰ *Над словом вписана цифра 2*

⁴¹ *Над словом вписано: за*

- 9–11 все это он ~ фортепианом / он ничего не мог [понять] вывести из этого
- 12–13 и его разом ~ звуки музыки / и его разом поразили⁴² говор кучеров, ряд экипажей, глухо вылетающие слова, яркие окна, звуки музыки с разбросанными / с сидящ(ими)⁰
- 15 надушенная ароматами / надушенная ароматом
- 16–17 в первую залу / в первый зал⁰
- 17–18 с первым шагом / при первом шаге
- 19 Необыкновенная пестрота лиц / а. Пестрота; б. Ужасная пестрота
- 19–20 в совершенное замешательство / в страшное замешательство
- 20 какой-то демон искрошил / [весь мир] казалось какой-то демон искромсал
- 21–22 без смысла, без толку смешал вместе / без толку⁴³ смешал вместе
- 22 Сверкающие дамские плеча / Ослепительные дамские плечи
- 23 люстры, лампы / свечи⁰
- 23–24 эфирные ленты и толстый контра-бас / и эфирные ленты, толстый смычок контрабас⁴⁴
- 24–25 все было для него блистательно / *В рукописи нет*
- 25–26 почтенных стариков / почтенных сед(ых)⁰
- 26 на фраках / на груди
- 26–27 легко, гордо / легко, вольно⁰
- 27 выступавших / а. касавшихся; б. всходивших^(?)⁰
- 27 или сидевших / и сидевших
- 28 он услышал ~ к тому же / что растерялся совершенно. И в самом деле
- 32 такие превосходные носили / а. так умели выставлять; б. с таким искусством умели показывать свои зубы и руки, украшенные перстнем; в. носи(ли)⁰
- 33 дамы так были воздушны / Там так были воздушны
- 34–37 так очаровательно ~ растерялся вовсе / так умели очаровательно улыб(аться), [словом все со(вершенно?)]⁴⁵ но нечего говорить более, все клонилось к тому, чтобы совершенно (*не написано*)
- 37 В это время толпа / Но толпа
- 38 прозрачным созданием Парижа / прозрачным газом
- 38–40 в платьях, сотканых ~ паркета / и платья, сотканны(е) из самого воздуха, небрежно касались паркета
- 40–41 его не касались / не касали(сь) его
- 41 между ими / между ними

С. 137–138

- С. 138^{41–1} всех роскошнее и блистательнее / всех роскошнее
- 2 и при всем том она, казалось, вовсе / и как будто она вовсе
- 3 и оно вылилось невольно само собою / но оно как бы невольно вылилось само
- 4 на обступившую толпу зрителей / на толпу плясавш(их) и зрителей
- 5 опустились равнодушно / опустились
- 5 и сверкающая белизна лица ее / и [стыдливая] чистая белизна [ее] лица
- 5–6 еще ослепительнее / еще ярче⁰

⁴² и его разом поразили *вписано*

⁴³ без толку *вписано*

⁴⁴ Так в рукописи

⁴⁵ Над строкой *вписано*: и так

- 6–7 когда легкая тень ~ лоб ее / особенно когда при наклоне головы ее [осенила] легкая тень осенила очаро(ва)тельный лоб
- 8–24 Пискарев ~ к ее жилищу / Пискарев продрался [сквозь] ближе. Боже, это она!
- 25 подняла ~ глянула на всех / подняла свои⁴⁶ ресницы и глянула
- 26 Ай, ай, ай как хороша!... / О! как хороша!
- 26–27 выговорить он / а. выговорить; б. он выговорить
- 27 с захватившимся дыханием / с захваченным почти дыханием
- 28 наперерыв жаждавший остановить ее внимание / а. утомление, невнимание к все(му?); б. который напер(ер)ыв жаждал [пере(хватить?)] остановить на себе ее взор
- 28–29 но с каким-то ~ отвратила их / но с каким(-то) утомлением тихо отвратила [свой] его, с каким-то невниманием опускала его
- 31 перенести это / перенести [все] его *Над строкой вписано: Этого*
- 31 жизнь не вместит его, он разрушит / Жизнь не может вместить. Он разрушит ее, он исторгнет
- 32 Она подала знак, но не рукою / Она подала⁴⁷ знак не рукою
- 34 никто ~ он понял его / никогда бы не заметил его, но он заметил [его]
- 35 утомленная музыка, казалось / [Утомленная музыка, казалось] О как [горела его] нетерпеливо он ожидал, утомленная, казалось
- 36–37 наконец — конец / наконец [Она] [последним звуком исчезла] танец кончился
- 37 грудь ее / а. грудь ее воз(ышалась?); б. [утомл(енная)] усталая грудь ее
- 37–38 рука ее / рука ее оказа(лась)⁰
- 38 Создатель, какая чудесная рука / Боже, какие руки
- 38 сжала / и [сжала] измявши
- 39–40 стало дышать музыкою / задышало⁰
- 40–41 еще виднее означал яркую белизну / еще прелестнее означил эт(у) божественную форму
- 41 Коснуться бы только ее / Коснуть(ся) бы только
- C. 138–139
- 41–1 и ничего больше / и ничего⁰
- C. 139
- 1 Он стоял / Вам⁰
- 2 не смея говорить, не смея дышать / не смея дышать⁰
- 3 произнесла она / произнесли ее [очаровательные] уста
- 3–4 я также скучала ~ ненавидите / [Я] Вы меня⁴⁸ [не]навидите
- 4 прибавила она, потупив свои длинные ресницы / *В рукописи нет*
- 5–6 хотел было произнестъ совершенно потерявшийся Пискарев / готов был произнестъ он⁴⁹, совершенно потерявшись
- 7–8 Камергер ~ Он довольно / с какими(-то) острыми и тонкими замечаниями Камергер с прекрасным завитым [хохлому(?)] на голове хохлом, он⁵⁰ довольно
- 9 ряд довольно недурных зубов / свои зубы
- 10 острый гвоздь в его сердце / кучу игл в сердце Пискарева
- 10–11 кто-то ~ вопросом / [он заговорил с]⁵¹ (к) ему обратился с вопросами

⁴⁶ В нижней части листа вписано без знака вставки: пол(ны)е безграничного невыразимого блаженства

⁴⁷ Было: дала

⁴⁸ меня вписано

⁴⁹ он вписано

⁵⁰ он вписано

⁵¹ Над строкой вписано: к камергер(у)

- 12–13 Как это несносно ~ небесные глаза / Как это скучно, — произнесла она, пользуясь временем
- 15–16 уже там ~ как царица / уж там. Там она сидела и [искала] как царица [как сон]
- 18 Вы здесь ~ тихо / Вы здесь⁵² [сказала] произнесла она тихо, его увидевши, и [подняла их⁵³ на не(го)] начала(?)
- 18–20 Я буду откровенна ~ нашей встречи / В рукописи нет
- 21 встретили меня / встретили
- 21–22 Вам кажутся странными мои поступки, но / а. Вам кажется странно все, что происходит, но я; б. Вам кажутся странными [и непостижимыми] мои поступки, но я [сейчас]
- 22–24 в состоянии ~ никогда не изменить ей / в состоянии никогда не измениться
- 26 Но в это время / И в это время
- 27 на каком-то непонятном / на непонятном
- 27 и подал / подал⁰
- 28 умоляющим взглядом / умоляющим взором
- 31 Он отправился / отправился
- 32 проходил он / [переходил] пробирался он
- 33 и толкал / толкал⁰
- 33–34 но во всех комнатах ~ в мертвое молчание / но там были все тузы, все сидели за вистом, [молчали] погруженные в мерт(вое)⁵⁴ [молчание]
- 35 В углу комнаты / по углам⁰
- 35 пожилых людей / а. ученых о каком; б. важных⁵⁵ пожилых людей
- 36 перед статскую / перед штатскую
- 36 в другом люди / в другом молодые люди
- 38–39 с почтенною наружностью / почтенной наружности (вписано)
- 39 его фрака / фрака его

С. 140

- 3 выслушать, что / выслушать то, что
- 4–5 Беспокойный, утомленный, он прижался к углу / Беспокойный, [он] утомленный, он обратил(?) [к окну, но глаза] в угол
- 5 напряженные глаза его / напряженные глаза
- 8 стоял подсвечник / стояла свеча уже⁰
- 9 (на) столе его / на [столе его] ветхом столе его
- 10 Боже, какой сон / Боже, какой прекрасный сон
- 11 одной минуты / минуты
- 12 Досадный свет / Досадный свет дня(?)⁵⁶
- 15 желая на миг призвать / желая насильно призвать
- 16–17 но представлял ему вовсе не то / но снилось вовсе не то *Над строкой вписано*: но представлялось (1 нрзб.) неясно
- 18 академический сторож / академический сторож с позументом⁰
- 20 и тому подобная чепуха / а. и черт знает какая дрянь; б. и тому подобная дрянь
- 23–24 ее обнаженная, яркая, как заоблачный снег, рука мелькнула / прелестная рука грациозно⁵⁷ мелькнула

⁵² здесь вписано

⁵³ их вписано

⁵⁴ *Над строкой вписано*: обычное

⁵⁵ важных вписано

⁵⁶ дня(?) вписано

⁵⁷ грациозно вписано

- 26 только одного сновидения / только сновидения своего
 27 глаза его / Он просто [◊]
 29 и козлиной голос / козлий голос [◊]
 30 старого платья продать / а. (1 нрзб.); б. Как в тексте. В нижней
 части листа вписано без знака вставки: и нищие две старухи напе-
 30–31 Вседневное и действительное странно поражало / Действительное
 вседневное⁵⁸ странно поражало
 32 боролся он / боролся
 33 пересилил ее / сон пересилил ее. [Опять]
 33–38 Опять какой-то сон ~ какое-то глупое сновидение / В рукописи нет;
 вместо этого следует фрагмент: Боже, какая радость ~ преобра-
 жался (см. ниже)
 39 Наконец сновидения сделались его жизнью / Жажда сновидений сде-
 лалась наконец его жизнью
 40 вся жизнь ~ оборот / [образ] самая жизнь приняла странный образ
 41 и бодрствовал / и жил [◊]

С. 140–141

- 41–1 сидящим безмолвно перед пустым столом / сидящим дома

С. 141

- 2 за лунатика / за безумно задумчивого [◊]
 3 без всякого значения / без всякого выражен(ия)
 3 природная рассеянность / а природная рассеянность
 4 развилась / разрослась [◊]
 4–5 изгоняла на лице его все чувства, все движения / вытеснила все чув-
 ства, все движения на его лице
 5 при наступлении ночи / (при) приближении ночи
 6 расстроило его силы / неминуемо должно было расстроить его силы
 6–7 самым ~ для него / самое ужасное [наказание] мучение для него было
 7 начал его оставлять вовсе / [оставил] начал оставлять его вовсе
 8 это единственное свое богатство / единственное свое счастье
 9 средства восстановить его / средства, наводящие сон
 9–28 Он слышал ~ завалился спать / и наконец прибегнул к опиуму

С. 141–142

- 29–19 Боже, какая радость ~ и вовсе преображался / В рукописи фрагмент
 расположен выше, после слов: наконец сон пересилил ее

С. 141

- 29 Она! опять она! / опять она
 29–30 в другом виде / в другом мире
 30 О как хорошо сидит она у окна деревенского / Она⁵⁹ сидит (у) дере-
 венского
 31 наряд ее дышит такою простотою, в какую / Наряд⁶⁰ весь⁶¹ ее⁶²
 (1 нрзб.) [кажется той⁶³ проникнут простотою, како(ю)] такой которую
 32 Прическа / Как в тексте. Над строкой вписано: Создатель!
 32–33 как проста эта прическа и как она идет к ней / как хороша [в своей]
 33 Коротенькая / Простенькая
 33–34 была слегка накинута / а. завязалась узлом; б. была накинута
 34 ее шейке / шейке и груди

⁵⁸ вседневное вписано

⁵⁹ Над строкой вписано: О как хорошо

⁶⁰ Над строкой вписано и зачеркнуто: Скром(ный)

⁶¹ Над строкой вписано и зачеркнуто: ее(?)

⁶² ее вписано

⁶³ той вписано

- 35 неизъяснимое чувство вкуса / чувство вкуса и музыки
 35 Как мила ее грациозная походка / Как чудесно [ее] грациозна ее походка
 35–36 как музыкален шум ее шагов и простинького платья / а. как музыкальный шум ее платья и башмаков; б. как музыкален милый шум ее простенького платья
 36–37 как хороша ~ браслетом / как хороша рука⁶⁴, стиснутая браслетом⁶⁵
 37 со слезою / а. с слезинкой; б. с слезой
 39 Взгляните / Поглядите
 41 осмелится подумать / осмелится это подумать

С. 141–142

- 41–1 Но он проснулся ~ с слезами на глазах / Но⁶⁶ он проснулся. [О Боже] Боже! [Это ужасно. Как болит расстрой(ное) бедное сердце]

С. 142

- 3 от холста / от холста, на котором изобразила теб(я)<?>⁶⁷ божественная кисть
 3 и целовал бы / я бы целовал
 4–5 и я бы был тогда счастлив / я бы был счастлив⁰
 5–6 Я бы призывал тебя / [О тебе] О, тебя бы⁶⁸ призывал я
 6–7 и тебя бы ждал я, когда бы случилось изобразить / О тебе бы молился я, когда бы⁶⁹ случилось [бы] мне представить
 8 Но теперь ~ в том / Но теперь <по>думай, как ужасна ее жизнь. Что пользы
 10 некогда его любившим / которые его любили⁰
 11 Почти такие мысли / Такие мы(сли)
 12–13 Ни о чем ~ со страстью / [Ни о чем он не думал, даже в течение всего дня ничего не ел почти] и ожидал веч(ера). И с этого времени жизнь его приняла странное направление. Ни о чем он не думал, даже почти не ел и [только] с нетерпением, с страстью
 15 и воображением / и чувствами
 16 являлся ему почти каждый день, всегда в положении / неотразимо являлся ему каждую ночь всегда почти в [виде] положении
 18 как мысли ребенка / как ребенка⁰
 18 Через эти сновидения / через это⁰
 19 как-то более делался чистым и вовсе преображался / как-то⁷⁰ более [с]делался чистым и мало-помалу⁷¹ преображался
 20 Приемы опиума еще более / а. Жизнь его опять началась; б. Любимые сновидения опять снились; в. Это средство сильнее всех других помогло ему, и сновидения начали ему представлять еще в лучшем [всё это] виде. Они еще более
 21 до последнего градуса безумия / совершенно до безумия
 22–23 то этот несчастный был он / Как в тексте. В нижней части листа вписано без знака вставки: Он ждал как любовного свидания сна, там было все его счастье. Там был его весь рай, там была вся жизнь, вся поэзия, все небо
 24 Из всех сновидений одно было радостнее / Из всех сновидений его один был радостнее, прекраснее

⁶⁴ Над строкой вписано: кисть

⁶⁵ Над строкой вписано: простым<?>

⁶⁶ Было: Боже!

⁶⁷ теб(я)<?> вписано

⁶⁸ бы вписано

⁶⁹ бы вписано

⁷⁰ Было: как бы

⁷¹ мало-помалу вписано

- 25–26 он так был ~ с палитрою / Картин было множество, он так [ра(достоно?)] [живо и рад(остно?)] прилежно и с таким наслаждени(ем) сидел с кистью
- 26–27 И она тут же. Она была уже его женою / И она тут (1 нрзб.). Она была его женой⁷²
- 27–28 локотком ~ его стула / локотком [на стол] ее на спинку его (стула)
- 31–32 он еще никогда / он никогда[◊]
- 34 Может быть, думал он / Может быть
- 34–35 невольным ужасным случаем / невольным случаем
- 37 состояния своего / своего состояния
- 37 И неужели / а. Неужели он; б. Может быть, она [(1 нрзб.)] может [возродит(ся)] [возвратит(ся) к добродетели] И неужели [должна она погибнуть]⁷³
- 37–38 и притом ~ подать руку / [тогда] как [одна] только поданная рука
- 39 Мысли его / Меня ни(кто)[◊]
- 40 говорил он сам себе / говорил он сам в себе
- 40 какое до меня дело / какое дело [до] ко мне
- 40–41 нет до них дела / нет дела ни до кого

С. 142–143

⁴¹–1 и переменит жизнь свою / В рукописи нет

С. 143

- 1 я женюсь тогда на ней. Я должен на ней жениться / я женюсь на ней⁷⁴, я должен тогда жениться
- 2 многие, которые женятся / многие [действительные] статские и даже действительные советники. Пискарев уже начал [вольнод(умствовать)], как сами читатели заметят, немного вольнодумствовать[◊]
- 3 даже часто на самых презренных / даже на самых презренных[◊]
- 3–4 Но мой подвиг ~ даже великим / Мой подвиг будет велик
- 5 прекраснейшее его украшение / одно прекраснейшее его украшение[◊]
- 6–7 Составивши ~ на его лице / Краска живости осенила мутное лицо его
- 8 бледности своего лица / бледности лица
- 11–13 выздоравливающий ~ продолжительной болезни / больной⁷⁵, в первой раз решившийся [после] выйти после своей долгой⁷⁶ болезни
- 13 билось / билось [сильн(о)] страшно
- 15 казалось, память / но память
- 17 Он быстро вбежал на лестницу / Он взбежал на лестницу с сердцем казалось стремившим(ся) вырваться из груди
- 18–19 и кто же вышел к нему навстречу / и кто же ему навстречу
- 20 та, которую он жил / Она, она сама. Он затрепетал[◊]
- 21 Она сама / [Он] Она, она сама
- 21 он затрепетал / Он задрожал
- 21 он едва мог / он едва не упал[◊]
- 22 обхваченный порывом / охваченный порывом
- 24 хотя бледность краслась на лице ее / бледность устало(сти) проступала на ее лице
- 26 А! – вскрикнула она / а. Зачем вы; б. А! сказала она
- 27 убежали тогда от нас / убежали тогда от меня⁷⁷

⁷² Она была его женой вписано

⁷³ Над строкой вписано: дать

⁷⁴ на ней вписано

⁷⁵ Над строкой вписано: выздоравливающий

⁷⁶ долгой вписано

⁷⁷ Над строкой вписано: нас

- 29–30 меня привезли ~ совсем пьяна / Меня ведь привезли совершенно без чувств, тогда уже было 7 часов утра. Я была совсем почти пьяна
- 31–32 чем произносить / нежели произн(осить)
- 32–34 Она вдруг показала ~ попробовать он / В этих немногих словах выразилась вся беспорядочная, вся жалкая развратная жизнь. Однако ж [Писка(рев)] Он⁷⁸ решился попробовать
- 35–36 дрожащим и вместе пламенным голосом начал представлять ей / дрожащим голосом начал представлять
- 36–37 со внимательным видом / [со] с внимательным видом
- 38 чего-нибудь неожиданного и странного / какой-нибудь странности⁷⁹ или [неожиданности] [при неожиданности]
- 38–39 Она взглянула, легко улыбнувшись / Она взглянула
- 39 свою приятельницу / женщину[◊]
- 39–40 которая, оставивши вычищать гребешок, тоже слушала / которая оставила свои карты и тоже слушала
- 40–41 нового проповедника / нового проповедника, и улыбулась

С. 144

- 1–2 после долгого и поучительного увещания / после долгого увещания[◊]
- 2 Пискарев / наш худож(ник)
- 2–3 мы постараемся наперерыв один перед другим / а. труд будет нам приятен; б. мы станем наперерыв один перед другим стараться
- 3–4 Нет ничего приятнее / Нет лучше
- 4–5 за картинами / над картинами
- 5–6 сидя возле меня ~ вышивать / а. сидя возле меня, шить; б. сидеть возле меня и одушевлять мои труды, шить
- 8–9 с выражением какого-то презрения / В рукописи нет
- 11 спутников / спутников
- 13–14 молчавшая дотолё / сидевш(ая)[◊]
- 16–17 которую ~ бросился вон / причем красавица начала смеяться от души. Боже! помоги мне вынести! произнес отчаянным голосом Пискарев и уже готов был собрать весь гром [душевного] сильного, из самой души излитого красноречия, чтобы потрясти бесчувственную замерзшую душу красавицы, как вдруг дверь отворилась и вошел с шумом один Офицер. Здравствуй, Липушка, произнес без церемонии ударивши по плечу красавицу. — Не мешай же нам, сказала красавица, принимая глупо сурьезный вид. Я выхожу замуж и сейчас⁸⁰ должна принять [сватов(ство)] предлагаемое мне сватовство. О! этого уже нет сил перенести. [Как сумасшедший] бросился он вон
- 18 Ум его помутился *вписано*
- 19 бродил он весь день / бродил он весь день по гор(оду)[◊]
- 20–21 ночевал он ~ зашел он / ночевал ли он где-нибудь или (нет). Но на другой только день он каким-то глупым инстинктом зашел
- 23 заперся ~ не впускал / заперся в своей комнате и никого не пускал
- 24 Протекли четыре дня / а. так что; б. четыре дня прошло
- 25 и комната / и его [все] комната
- 27 нашли бездыханный труп его / нашли труп
- 29 по страшно искаженному виду / по страшно искаженному лицу
- 30 что рука его была неверна / что бритва была довольно тупа

⁷⁸ Над строкой вписано: несмотря

⁷⁹ Над строкой вписано: неожиданно(сти)

⁸⁰ и сейчас вписано

- 31 прежде нежели / прежде еще⁰
 32–33 тихий, робкий / а. тихой, робкий; б. всегда робкий
 33–34 носивший в себе искру таланта / носивший в себе такую любовь⁰
 34 быть может со временем бы вспыхнувшего широко и ярко / и, может
 быть, [когда-нибудь с блеском показ(авший?)] [развившийся] совер-
 шивший бы со славою свое поприще
 36 обыкновенной фигуры / пошлой фигуры⁰
 37 равнодушной мины / а. равнодушной; б. равнодушного лица
 37–38 тихо, даже без обрядов религии, повезли / а. отвезли скромно [без
 всяких обр(ядов)] даже без обрядов Христианских; б. тихо, даже без
 утешительных обрядов Религии, осуждающей; в. тихо, даже без вся-
 ких обрядов Религии, отвезли
 38–39 один только солдат-сторож / один сторож
 39 потому, что выпил / а. Как в тексте; б. потому только, что выпил
 поутру еще
 40–41 на труп несчастного бедняка / на несчастный⁰
 которому он при жизни / которому [он] при жизни он
- С. 145**
- 1 вовсе не до того / вовсе не до того, чтобы вспомнить об этом⁰
 3 и мне-всегда / а. Как в тексте; б. мне всегда
 3 переходит мою дорогу / мне переходит дорогу
 4–7 и инвалидный солдат ~ с грустью / [и] инвалидные солдаты⁸¹ нюхают
 табак левою рукою, одетые в черный капишон, потому что в [левой]
 в правой они держат дымные факелы, но⁸² для меня еще грустнее
 8 как ломовой извозчик / как Ванька⁰
 8 красной, ничем не покрытый гроб / красный непокрыт(ый)⁸³ гроб
 9 какая-нибудь нищая / как-нибудь нищая
 10 плетется за ним / тащится за ним⁰
 11 Мы, кажется, оставили поручика Пирогова на том, как / Мы остави-
 ли, кажется⁸⁴, Пирогова на том, как
 12 с бедным Пискаревым / с Пи(скаревым)⁰
 13 Эта блондинка была / Эта⁸⁵ было
 14–15 на выставленные в окна ~ и другие / на [всякие] всяческие [ку(ша-
 ки)] выставленные за стеклами⁸⁶ кушаки, платочки, серьги [и всякие]
 или другие
 17 «Ты, голубушка, моя!» — говорил / а. Ты, голубушка, моя! уже гово-
 рил; б. Ты, голубушка, уже моя! говорил
 19 воротником шинели / бобровым воротником шинели⁰
 20 не мешает известить читателей / кстати [нужно] не мешает читателю
 дать известие
- С. 145–146**
 22–40 Но прежде нежели ~ молодых людей / В рукописи нет
- С. 146**
 40–41 Но поручик Пирогов имел / Но порутчик Пирогов имел кроме этого
 41 ему принадлежавших / ему принадлежащих
- С. 147**
 1–2 из Димитрия Донского и Горе от Ума / из Дмитрия Дон-
 ского, из Горе от Ума

⁸¹ Над строкой вписано: одетые

⁸² Над строкой вписано: досада моя смешивается

⁸³ непокрыт(ый) вписано

⁸⁴ Над строкой вписано и зачеркнуто: на том как

⁸⁵ Так в рукописи

⁸⁶ за стеклами вписано

- 2 имел / умел (*Ар.*; *ЧА НвПр*)
- 2–3 особенное ~ около десяти / особенное искусство, куря трубку⁸⁷, пускать дым кольцами так, что он мог вдрут⁸⁸ около десяти колец нанизать
- 4 рассказывать анекдот / рас(ска)зать анекдот
- 5–6 Впрочем, оно ~ все таланты / Впрочем всех талантов⁰
- 9–10 хотя иногда, ложась на диван, он говорил / хоть иногда говорил *Над строкой* вписано: ложась на диван
- 10 ох, ох! суета / ох, ох, ох! суета
- 11–12 льстило это новое достоинство; он / льстило новое достоинство, и он
- 12 намекнуть о нем обиняком / нечаянно обиняком намекнуть кое-что о себе
- 13–14 какой-то писарь, показавшийся ему невежливым / маленькой кадет, жевавший крендель и проглядевш(ий) его
- 14 немедленно остановил его / остановил
- 15–16 дал заметить ~ офицер / дал заметить, что он поручик
- 16–17 Тем более старался ~ недурные дамы / Он тем более старался это изложить красноречивее, что в это время проходила [хорошенька(я)] мимо его дама
- 18–21 Пирогов вообще ~ на портрете / *В рукописи нет*
- 22 дивное существо / странное существо
- 22–23 вдрут всех его достоинств / за одним разом всех достоинств
- 23–24 и чем более ~ новых особенностей / [или для этого очень мно(го) нужно места и времени, потому что] всякой раз когда ни [глядишь] всматриваешь(ся) на него, встречают(ся) [вечно] беспрест(анно) новые особенности
- 25–26 от времени до времени занимая ее вопросами / и от времени до времени занимать [приятным(и)] тонкими вопросами
- 26 отвечала редко / отвечала резко (*Ар.*); отвечала очень редко
- 27–28 Казанскими воротами / воротами Казанского
- 29 и чухонских нимф / и вечерних нимф⁰
- 29–30 и впорхнула / впорхнула
- 31 по унизивкой темной лестнице / на лестн(ицу)⁰
- 31–32 и вошла ~ пробрался Пирогов / [Пирогов туда же. Она] и вошла в дверь⁸⁹. Пирогов смело в(зо)брался(?) в комнату
- 32–36 Он увидел ~ железными опилками / Эта большая комната с черными [стенами] закопченным потолком, куча слесарных инструментов лежала на столе и на полу
- 36 тотчас смекнул / догадался, что это⁰
- 37 в боковую дверь / в дверь
- 37–38 Он было на минуту ~ идти вперед / Пирогов на минуту остановился, но наконец решил идти вперед, следуя рус(с)кому правилу
- 39 в комнату / а. в комнату; б. в другую комнату
- 39 на первую / на переднюю
- 40 показывавшую / доказывавшую⁰
- 40–41 Он был поражен ~ видом / И что же он увидел вошедши в комнату

С. 148

- 1–2 написал Вильгельма Теля / написал Валленштейна
- 2–3 но известный ~ мастер / но извест(ный)⁸⁰ Шиллер, слесарной мастер

⁸⁷ куря трубку *вписано*

⁸⁸ мог вдрут *вписано*

⁸⁹ *Над строкой вписано:* (2 нрзб.)

⁹⁰ извест(ный) *вписано*

- 6 сидел на стуле / сидел на столе
 7–8 положение фигур / положение обеих фигур
 8 Шиллер сидел / сидел[◊]
 8 выставив ~ нос / выстави(вши) свой довольно толстый⁹¹ нос
 9 за этот нос / за этот толстой нос
 10 вертел лезвием / держал лезвие
 11 Обе особы / Оба лица
 12–13 знал по-немецки только «гут-морген» / знал только по-немецки Gut Morgen
 13 ничего не мог понять / [и] ничего не мог (не дописано)
 16 выходит три фунта табаку / выходит рус(с)ко(го)[◊]
 19–20 это будет рубль ~ сорок копеек / это будет [рубль] 120 копеек. Двенадцать раз рубль двадцать копеек... это будет 14 рублей 40 копеек на один нос четырнадцать рублей сорок копеек / на один нос⁹² 14 рублей 40
 23–24 В год ~ четырнадцать / Я⁹³ два фунта нюхаю рапе в год по 2 рубли. Шесть да 14
 25–26 Это разбой ~ утвердительно Соответствующий фрагмент вписан ниже; порядок фраз затем изменен пометами 1) и 2)
 25 Это разбой, я спрашиваю тебя / Я спрашиваю тебя
 27 Двадцать рублей сорок копеек! / В рукописи нет
 30–31 Шиллеру нос / [как подошву] Шиллеров нос
 31 в такое положение / совершенно в такое положение

С. 148–149

- 33–8 Шиллеру показалось очень досадно ~ фукнул на нее / В рукописи нет

С. 149

- 9–11 Поручик Пирогов ~ ему было неприятно / Черткову очень неприятно было такое обхождение, вовсе неприличное его званию⁹⁴
 12–13 подумать о том, каким бы образом / подумать, каким образом
 13–14 Наконец рассудил / но наконец рассудил
 15 наполнена пивом / наполнена пивом и вином
 15–16 хорошенькая блондинка / блондинка[◊]
 16 решился предать это забвению / решил, что на этот раз ему можно извинить невольное преступление
 17–18 рано поутру явился в мастерской жестяных дел мастера / в 10 часов утра явился как снег на голову в мастерскую оловянных дел мастера
 18 В передней комнате / В мастерской
 18–19 хорошенькая блондинка ~ к ее личику / та же хорошенькая блондинка, довольно суровым голоском, который очень шел ее личику
 23 поднять пальцем / поднять своим пальцем
 23–24 произнесла / сде(лала)[◊]
 24 с тою же суровостию / а. произнесла; б. с такой же суровостию
 26 мне не угодно / мне не нужно
 28 проскользнуть в дверь, прибавил / проскользнуть в двери, прибавил⁹⁵
 29 заказать шпоры / сделать[◊]
 30–31 чтобы любить вас ~ миленькие ручки / чтобы любить, вовсе не нужно шпор, скорее уздечку [нужно наложи(ть) на мои чувства пылающие к вам]

⁹¹ свой довольно толстый вписано

⁹² нос вписано

⁹³ Над строкой вписано: Прибл(изительно?)

⁹⁴ Над строкой вписано: чину

⁹⁵ прибавил вписано

- 32 бывал очень любезен / очень бывал [мил] любезен
 33–34 и чрез несколько минут / и чрез несколько минут
 36 как в смутном сне, происшествие / как в смутном тумане, проис-
 шествия
 37 в таком виде, в каком было / в таком же виде, как было
 38 чувствовал, что / чувствовал, как⁰
 39–40 не могу ~ рублей / меньше не могу взять как пятнадцать рублей

C. 150

- 1 видел его в неприличном / видел в таком неприлич(ном)
 1 Шиллер любил / потому что Шиллер любил
 2–3 и запирался на это время даже / а. так даже чтобы; б. и запирался
 даже⁰
 4 Зачем же так дорого? / но Пирогов к удивлению его согласился в ту
 же минуту⁰
 6 за два рубля / за 2 рубля
 8 плачу пятнадцать рублей / плачу 15 рублей
 10 немного совестно / несколько совестно
 11 раньше двух недель не может сделать / а. раньше не может; б. рань-
 ше двух недель не может
 12 совершенное согласие / совершенное свое согласие
 14 чтобы она / а. Как в тексте; б. так, чтобы она
 14 пятнадцати рублей / 15 рублей
 15 вошла в мастерскую / впорхнула в мастерскую
 16–17 воспользовался задумчивостию Шиллера / воспользовался этим и ви-
 дя задумчивость Шиллера
 17 пожал ручку / пожал ей ручку
 19 Мейн фрау! / Mein Frau
 20 Вас волен зи дох? / Was wollen sie doch⁹⁶
 21 Гензи на кухня! / Gehen sie⁹⁷ на кухня
 22 Так через две недели? / Нет, я может не сделаю сам⁰
 26 До свидания / Прощайте
 26 запирая за ним дверь / запирая дверь
 27 решился не оставлять своих исканий / не решался оставить надежд
 своих
 28 оказала явный отпор / оказала сопротивле(ние)⁰
 28 не мог понять / не мог никак понять
 29 ему противиться / долго ему противиться
 29 любезность его / самая его любезность
 30–32 давали полное право ~ Впрочем, глупость / [мо(гли)?] [пода(вали)]
 кажется, подавали ему полное (право) на всякое внимание прекрасного
 полу. [Он] Жена Шиллера была при всей миловидности своей
 очень глупа, но глупость
 33 я знал много мужей / я знаю многих мужей
 35 совершенные чудеса / удивительные чудеса
 35–37 душевные недостатки ~ произвести отвращение / [пороки] душев-
 ные⁹⁸ в красавице, вместо того, чтобы [отвращать] отвращение
 38–39 и женщине нужно / и женщина становится с ними⁹⁹ Демон и ей нужно
 39 чтобы внушить к себе / чтобы зас(лужить)?⁰

⁹⁶ В рукописи: Was Volen si doch

⁹⁷ В рукописи: Gehn si

⁹⁸ душевные вписано

⁹⁹ с ними вписано

- 41 при всей глупости была всегда верна / была всегда верна⁰
- C. 151
- 1 довольно трудно / весь(ма)⁰
- 2-3 но с победою препятствий ~ интереснее день ото дня / а. но эта интрига его стала интересовать чрезвычайно; б. но блондинка становилась с каждым днем для него интереснее
- 3-4 Он начал довольно часто осведомляться / а. Он начал посещать Шиллера; б. Он довольно часто стал осведомляться
- 5 наскучило / сделалось очень скучным
- 5 Он употреблял / Он употребил
- 5-6 окончить скорей начатые шпоры / окончить проклятые шпоры
- 7-8 увидевши шпоры / В рукописи нет
- 11 он совершенно примирился / он в мыслях совершенно примирился
- 14 сделать и оправу / может(е)⁰
- 15 или другим вещам / и к другим вещам
- 16 О, очень могу / О! о! о! очень могу⁰
- 18 но мне бы хотелось оправу к нему / но оправу мне хотелось
- 21-22 внутренно ругая себя за то, что накликал сам / внутренно себя браня за то, что сам накликал
- 23-24 Он, несколько покачавши головою, изъявил / Он не(с)колько почесал свою голову и изъявил
- 27 Я почитаю не излишним познакомить читателя / Я почитаю [читателя] долгом познакомить читателя
- 29 всего этого слова / этого слова
- 29-30 с того счастливого времени, которое / с [того] счастливого времени, в которое [для рус(с)кого все]
- 31 всю свою жизнь / всю свою будущую жизнь
- 31 ни в коем случае / ни в каком случае
- 32-33 быть точным во всем и быть пьяным каждое воскресенье / [ложиться после обеда, трудиться по будням] трудиться [весь день] [по воскресеньям] каж(дое) воскресенье [аккуратно] быть пьяным каждое воскресенье, а летом играть в кегли
- 35 неотразимо, как судьба / неотразимо как судьба, потому что скорее земля разрушится...¹⁰⁰
- 35-37 потому что скорее чиновник ~ переменить свое слово / В рукописи нет
- 38-39 и если цена ~ против обыкновенного / а. если картофель делался дороже обыкновенного; б. если цена картофеля поднималась против обыкновенного
- 39-40 не прибавлял ни одной копейки / ни (о)дной копейки не прибавлял
- 41 но однако же привыкал / но [никогд(а)] скоро однако же привыкал

C. 152

- 1-2 целовать ~ не более двух раз / целовать жену в сутки не более как два раза
- 2 а чтобы как-нибудь не поцеловать / и чтобы [это не случилось] не поцеловать
- 3 не клал перцу более одной ложечки в свой суп / в свой (суп) не клал перцу более одной чайной ложечки
- 5 и одну бутылку / и бутылку
- 6 которую однако же / которую впрочем
- 7 которой тотчас / который тотчас
- 7 запирает дверь на крючок / запирает дверь
- 10-11 Шиллера, который / Шиллера, несмотря на то, что он был⁰

¹⁰⁰ потому что скорее земля разрушится... *вписано*

- 13–14 Он ломал голову и не мог придумать / Он [вовсе] не знал
 17–18 намекал значительно / намекал очень значительно
 19 с которою / с которою [он(?)]
 20–21 и которую он ~ на свою сторону / Однако же Поручик не довольст-
 вова(сь) одними похва(ьбами), [он решился в самом деле скорее
 око(нчить)] непременно [успеть] в оправдании [слова] *Над строкой*
вписано: хотя в самом деле он почти лишился терпения
 22 В один день / Наконец один день
 24 к величайшей / и к величайшей
 24–25 увидел он головку блондинки, свесившуюся / увидел голову блондин-
 ки [свесившейся] свесившуюся
 26 и сказал: «гут morgen» / и сказал: Gut Morgen
 27 как знакомому / как знакомому лицу
 31 по воскресеньям / по воскресениям
 33 Это недурно / Хорошо
 34 И в следующее воскресенье / и в воскресенье явился
 35 пред блондинкою / [в] [к квартире Шиллера] перед блондинкою
 41 занять ее / занять его [прекр(асную)] хорошенькую компани(онку)

C. 153

- 1 немки всегда охотницы до танцев / молоденькие немки очень любят
 танцовать
 2 На этом / Притом на этом
 2 основывал свою надежду / основывал надежд
 3 это уже доставляло ей / это ей уже могло доставить
 4 его торжору и ловкость / все совершенство его торжоры и ловкость в
 движении
 4 в-третьих / во-вт(орых)^δ
 4–5 ближе всего ~ начало всему / ближе можно сойтись, несколько раз
 обнять хорошенькую немку без всякого с ее стороны неудовольствия
 5–6 короче, он выводил из этого / короче сказать, на этом он основывал
 6 совершенный успех / весь сво(й)^δ
 6 Он начал какой-то гавот / Он начал напевать какой-то гавот
 7 зная, что немкам нужна постепенность *вписано*
 7 Хорошенькая немка / [Хорош(енькая)] Молоденькая немка
 9 бросился ее целовать / [об(нял)] схватил ее в свои объятия и [начал
 целовать] засыпал поцелуями
 11 он ее засыпал поцелуями / который еще сильнее начал целовать
 11–12 и вошел / и вошли
 12–13 достойные ремесленники / ремеслен(ники)
 18 мой друг Гофман, я немец, а не русская свишня / не так как¹⁰¹ ли, мой
 друг Гофман
 18–19 Гофман отвечал утвердительно *вписано*
 19 О, я не хочу иметь роги! / [О, я не хочу] Я не посмотрю на то, что ты
 офицер. О, я не хочу иметь роги. [Я восемь лет как живу в Рос(сии)]
 20 за воротник / прямо за шею
 20 продолжал он / продолжал (*не дописано*)
 21 причем лицо / причем все [руко(?)] лицо
 22–23 в Швабии ~ в Нюрнберге / в Швабии живет и мать моя, и дядя
 23–24 прочь с него все ~ комрат мой Кунц / [Вон] Прочь с него платье!
 мой друг [держи] Гофман, держи его за рука, [мой] камарат мой
 Кунц

¹⁰¹ Так в рукописи

- 25 за руки и ноги Пирогова / за ноги и руки Пирогова [катор(ый)]
 26–29 эти три ремесленника ~ печального события / а. Немцы были очень
 сильные; б. Эти три немца были самый дюжий народ из всех петербург-
 ских ремесленник(в). Если бы Пирогов был в полной форме, то веро-
 ятно¹⁰² [они почувствовали] бы почтение к его чину и званию остано-
 вило бы буйных тевтонов. Но он прибыл [приватно] совершенно как
 частный приватный человек в сюртучке и без эполетов. Немцы с вели-
 чайшим неистовством сорвали с него все платье, Гофман всей тяже-
 стью своей сел ему на ноги, Кунц схватил за голову, а Шиллер схватил
 в руку пук прутьев, служивших метлою. Я должен с прискорбием при-
 знаться, что Поручик Пирогов был очень больно высечен. —
 30 Шиллер на другой день был в сильной лихорадке / Шиллера на дру-
 гой день трясла страшная лихорадка
 32–33 он Бог знает чего ~ во сне / он бы Бог знает что дал, чтобы все то, что
 происходило вчера, происходило во сне
 33 что уже было, того нельзя / что было, того уже нельзя
 33–34 Ничто не могло / Но ничто не могло
 34–35 Одна мысль ~ в бешенство / Губы его сохнули и дрожали от ярости
 при одной мысли об этом ужасном оскорблении. Он не находил доста-
 точного мщения
 36 он почитал ~ для Шиллера / казались ему весьма легким наказанием
 за это ужасное бесчестие и [само(управство)] наглое самоуправство
 37 одевшись ~ к Генералу / оттуда прямо идти к генерал(у) [с тем чтобы] и
 38 буйство немецких ремесленников / это поношение
 39–41 если же ~ дальше и дальше / если же главный Штаб определит недо-
 статочное наказание, тогда прямо¹⁰³ в Государственный совет, а не то
 самому государю. [Но все]

С. 154

- 2–3 кое-что из Северной Пчелы / [Телегр(аф)] очень(?) внима-
 т(ельно)(?)¹⁰⁴ кое-что из Северной пчелы
 4 довольно приятный / [хор(оший)] довольно приятной
 4–5 пройтись по Невскому проспекту / долее пройтись по Невском про-
 спекте
 5 к 9 часам он / а. В 9 часов; б. К 9 часам он почти совершенно
 5–6 в воскресенье / в воскресенье
 6 при том он без сомнения / который может быть притом без сомнения⁰
 7 отправился на вечер / решился идти на ве(че)р
 8 Контрольной Коллегии / Контрольной Комиссии
 9 чиновников и офицеров / многих чиновников и офицеров его корпуса
 9–10 Там ~ отличился в мазурке / а. Здесь он так хорошо танцевал мазур-
 ку; б. И там так хорошо отличился в мазурке
 10–11 и кавалеров / и офицеров его полку
 12 Дивно устроен свет наш / Странные события случаются в свете⁰
 12 идя / бредя
 14–16 Как странно ~ наоборот / [Тот застрелился, другого высекали. Боже,
 как чудно устроен свет наш. Как непостижимо играет нами судьба на-
 ша. Одному дается все] Тот стреляется по своей воле, другого секут,
 когда он вовсе этого не желает *Над строкой вписано*: Один имея,
 думал я, все разом, не любит его, другой не имея ничего

¹⁰² *Над строкой вписано*: тевтоны

¹⁰³ прямо вписано

¹⁰⁴ очень(?) внимат(ельно)(?) вписано

- 17 судьба дала / судьба дает
 18 не замечая их красоты / не замечая красоты
 18–19 которого сердце / которого все сердце
 19 лошадиною страстью / а любовью к этому; б. лошадиной любовью
 22 двух кусочков / двух кусков
 22 пропустить / отправить
 23 рот величиною в арку Главного штаба / рот с хороший чемодан и горло [так широкое], что мог¹⁰⁵ бы проглотить [яд(ро)] пушечное ядро
Над строкой вписано: что смог(?) бы съест все что вокруг(?)
 23–24 должен довольствоваться / должен довольствуется¹⁰⁶
 24 Как странно / Как непостижимо
 26 происшествия, случающиеся / происшествия случаются
 27–28 О, не верьте ~ плащом своим / а. Я никогда не гля(жу?)[?]; б. Я положил себе за правило никогда не глядеть на предметы, попадающие на Невском проспекте; в. Я всегда закутываюсь крепче своим плащом
 28 иду по нем / всхожу на [Невском] Невский проспект
 28–29 вовсе не глядеть на / вовсе¹⁰⁷ не поглядеть [на нечто]
 29–30 Все обман, все мечта, все не то, чем кажется / [Все обман] Не верьте ни в чем Невскому проспекту, все обман, все мечта
 30–31 который гуляет в отлично сшитом сюртучке, очень богат / очень богат, который идет в краси(во)(?) сшитом сюртучке
 32 из своего сюртучка / из своего сюртучка и всегда ожидает несколько часов дома, покамест вы(сти)рается его белье, потому что второй перемной он не обзавелся еще
 32 два толстяка / два господина
 33 перед строящеюся церковью / перед Лютеран(скою) киркою
 33 об архитектуре ее / об ее Архитектуре
 34–35 говорят о том ~ одна против другой / а. [сообщают друг другу] говорят о том, как странно; б. удивляются, [как странно] две вороны сели одна против другой
Над строкой вписано: очень странным образом
 35–37 Вы думаете, что этот энтузиаст ~ о Лафаяте / Вы воображаете, что этот господин [ра(змахивающий?)[?]] в несколько истертом фраке, размахивающий руками, говорит о вкусном обеде или о том, что жена бросила из окна шарик в вовсе незнакомого ему гвардейского офицера, ничуть не бывало, он доказывает, в чем состояла главная ошибка Лафаята (*вписано на следующем листе*)
 37–38 Вы думаете, что эти дамы... но дамам меньше всего верьте / Вы вообража(ете), что эти дамы говорят (об) очень, очень смешном, совсем нет, они для того шевелят губами с приятной улыбкою, что уверены [во всей(?)[?]] в грациозности такого положения
 38–40 Менее заглядывайте ~ ассигнаций / Не заглядывайте в окна магазинов на [весь этот сверкающий] сверкающую кучу ослепительных безделок, они обольстительны, но пахнут страшным количеством ассигнаций (*вписано в нижней части предыдущего листа*)
 40 Но Боже / а. Боже; б. Еще Боже
 40–41 заглядывать дамам / не заглядывайте женщ(инам)

¹⁰⁵ бы вписано под строкой

¹⁰⁶ Так в рукописи

¹⁰⁷ вовсе вписано

- 41 Как ни развевайся вдали / а. Пусть; б. Как привлекательно¹⁰⁸ ни развевайся вечером вдали
- С. 155
- 1-3 Далее, ради Бога ~ Это счастье еще / Все обман. Мимо фонаря! скорее сколько можно проходите мимо¹⁰⁹. Это еще счастье
 4 сюртук / сертук
 4 своим маслом / маслом своим
- 4-5 Но и кроме фонаря ~ Невской проспект / Он опасен¹¹⁰ необыкновенно, этот Невской проспект! [он] опасен для карма(на)х(?), для сердца, для всего, он во всякое время жлет, обольщает
 6 наляжет на него / наляжет
 7 когда весь город / когда¹¹¹ огни сделают его почти транспарантом, когда весь город
 8 мириады карет валяются с мостов / [когда] мириады карет валяются с мостов, мелькая фонарями
- 8-9 кричат и прыгают на лошадях / кричат и прыгают и когда⁰
 9-10 зажигает лампы для того только, чтобы показать все / зажигает [обольстите(льные?)] ярко лампы для того, чтобы [показать] все показать

О МАЛОРОССИЙСКИХ ПЕСНЯХ

Варианты ЖМНП₃

- С. 156
- 1 О малороссийских песнях / Малороссийские песни (Ар., *шмуцтитул и оглавление*)
 5 До того времени / Доказательством этому служат вышедшие недавно издания Гг. Максимовича и Срезневского. До того времени
 31-32 Впрочем, любители музыки ~ Алябьевым / В ЖМНП₃ нет
- С. 157
- 30 описывается ли / описываются ли
 37 совершенная противоположность / совершенная противоположность
- С. 158
- 2 своих мужей, любовников / своих мужей и любезных
 9-10 живет одним этим мгновением / живет одним им, одним этим мгновением
- С. 159
- 5-6 пока не возвращусь / пока я не возвращусь
 7 если бы видела / если бы я видела
 16-22 Зачем же ты не приехал ~ хватает за самое сердце / Если с такою, как я, то... помоги ему, Боже! когда же не с такою, но с худшею — разлучи его, Боже!
 25 Везде новые краски / Везде новые черты, новые краски
- С. 160
- 8-9 вместо целого внешнего / вместо целого внешнего предмета
 12-13 Шли коровы ~ край милого стоя / Ой ревнула корова из череды йдучи: Наскучило миленького ждучи

¹⁰⁸ привлекательно *зачеркнуто и восстановлено пунктирным подчеркиванием*

¹⁰⁹ мимо *вписано*

¹¹⁰ Над строкой *вписано*: он

¹¹¹ когда *вписано*

- 16–17 нет одной мысли / нет одной общей мысли
 22–23 самую очаровательную / очаровательную
 31 в обыкновенном состоянии / в прозаическом состоянии
 34–35 в таком-то разгуле / в каком-то разгуле
 35 больше нежели / более нежели
 35–36 к непостижимой загадке / в непостижимой загадке
 37 требует звуков / требует звуков, одних звуков

С. 161

- 27 только гопака / только гопака или трепака
 32 чтобы ударить / чтобы сильнее ударить
 37–38 заметил М. Максимович / заметил Максимович

С. 162

- 9 сильнее народной музыки / выше народной музыки
 23 1833 / В ЖМНП₃ нет

МЫСЛИ О ГЕОГРАФИИ

Варианты ЛГ₁

С. 163

- 1–2 Мысли о географии (для детского возраста) / О географии (Ар., *шмуцтитул*); Мысли о географии (Ар., *оглавление*); Несколько мыслей о преподавании детям Географии
 7–8 небрежно ~ вид / небрежно кистью очаровательный, полный разнообразия вид

С. 163–164

- 27–2 Его более всего ~ занять его / Но удовлетворять этому любопытству нужно с большою осторожностью; подавать то наперед, что ближе к нему, без чего нельзя проразуметь другого, вести его на лестницу самого с первой ступени, а не переносить через несколько ступеней разом. И потому Физическая География, как ближайшая, должна более занять его; Политическая же войти только общим очерком своим

С. 164

- 20–21 Гораздо лучше ~ своего возраста / География, по моему мнению, должна быть преподаваема воспитанникам в два различные возраста их детства
 21–31 В первом ~ стремительнее горы / В первом классе должен быть брошен весь эскиз мира; все части земного шара должны составить одно целое, одну прекрасную поэму, в которой выразилась идея Великого Творца. В поэме этой все должно быть ясно, все поставлено, утверждено на своем месте; в ней все должно быть живо, ярко, всякая часть должна соответствовать прочим и ни одна не должна принимать окончательной, мелкой отделки
 32–35 Во втором ~ тонкого отличия / В другом классе или возрасте эта идея, начертанная в голове воспитанника, только раздвигается. Тут он рассматривает в микроскоп тот самый мир, который схватил он доселе простым взглядом. Тут уже политическая География может более войти в состав поэмы; юный ум ознакомливается короче с техническими терминами и положениями науки

С. 164–165

- 36–7 Воспитанник ~ наполнит красками / В ЛГ₁ нет

С. 165

- 8–19 Фигура земли ~ общий вид земли / Преподаватель более всего должен стараться, чтобы дитя удержало в памяти своей вид, фигуру земли.

- Для этого нужно заставляя его чаще чертить наизусть такую-то землю, такое-то море; а чтобы облегчить трудность, сопряженную с таким занятием, он должен замечать ему сходство такой-то земли с видимым физическим предметом (Европы, например, с сидящею на коленях женщиною или летящим драконом) и т.п.
- 20–23 Гораздо лучше ~ в каждую часть света / В ЛГ₁ нет
- 23–31 Но в порядке ~ островами / Порядок частей Света должен быть для воспитанника расположен таким образом: первое место должна занимать Азия, как колыбель человечества; второе Африка, как жаркое юношество; третье Европа — зрелость и мужество; четвертое Америка и наконец разрозненные по необозримому Океану острова
- 32–34 Такое разделение ~ о каждой из них / Такое разделение для него, кажется, естественнейшее: в это время своего возраста воспитанник обыкновенно проходит начало Древней Истории и уже ознакомлен с священными событиями Ветхого Завета, которые все совершались в Азии. — Дитя наперед всего должно непременно составить себе общее характеристическое понятие о каждой из сих частей света
- 34–35 где все так велико / где так все велико
- С. 166⁶ разнящийся наружностью / разнящийся и наружностью
- 20 должно показать / преподаватель показывает
- 21–28 все это не сухо ~ нужно показать / В ЛГ₁ нет
- С. 166–167
- 30–3 Не мешало бы ~ его воображения / В ЛГ₁ нет
- С. 167
- 4–5 Процесс ~ должно показать / Преподаватель должен показать процесс и расселение растительной силы по земле
- 13–27 Произведения искусства ~ непонятна / В ЛГ₁ нет
- 28–36 При исчислении народов ~ от географических причин ~ характера легкого / При исчислении ~ от Географических причин: от климата, от положения земли; как величественная, разительная природа подымает человека до идеальности и деятельного стремления духа, как роскошная и упоительная вдыхает в него чувственные наклонности. — Верное познание физиогномии каждого народа сколько любопытно для воспитанника в начале, столько и важно по последствиям: оно объяснит ему потом, отчего одному народу необходим такой именно, другому иной образ правления (в ЛГ₁ помещено после двух фрагментов, соответствующих тексту Ар. «Слог преподавателя ~ извлекать пользы»; см. ниже)
- С. 168
- 4 небольшого труда стоит / небольшого труда будет стоить
- 8–9 бездушным эскимосом / Как в тексте. Далее в ЛГ₁ отдельный фрагмент: История Географии должна необходимо войти некоторыми фактами своими в состав преподавания. Нельзя пропустить, говоря об Америке, времени и обстоятельства открытия оной; об Африке — отважных путешествий, совершенных во внутренность ее, для сорвания с нее покрывала неизвестности; о северных экспедициях, о пути в Индию и проч. и проч. Разумеется, что все это должно быть не так пространно, не так учено, как требуется для возрастов высших; но так, чтобы воспитанник видел, какие величайшие усилия, какие неимоверные, благородные подвиги были производимы для того, чтобы доставить ему верные сведения о земле нашей
- 10–15 Величину земель ~ и форма / Понятие о величине земли каждого Государства должно внушать воспитаннику так, чтобы оно навсегда врезалось в памяти его; исчисление квадратных миль и механическое затверживание их никогда не будет иметь успеха, наведет скуку, сме-

шается, растеряется — и из единиц и десятков останутся только нули в голове его. Чтоб избежать этого, я полагаю взять одну землю за среднюю пропорциональную и по ней определять величину прочих. Положим: я беру Францию; говорю: она имеет столько-то квад(ратных) миль; но Россия больше ее во столько раз, Пруссия меньше столько-то, к Италии недостает целой половины, чтобы сделаться по величине равною Франции. Небесполезно при этом показывать воспитаннику вырезанное из картонной бумаги каждое Государство, которое, будучи сложено с другими, составило бы одну плотную массу земли. Положив одно Государство на другое, например, Францию на Россию, он тотчас увидит, сколько раз содержится она в России (в ЛГ₁ помещено после фрагмента «При исчислении ~ образ правления»; см. выше)

16–18 При изображении ~ и вообще / Означив на карте, им же начертанной, место главного города, воспитанник должен узнать его положение, вид и резкими

19–20 Преподаватель обязан / Воспитатель обязан

21–22 воспитанник знает / дитя знает

26 и до сих пор еще / В ЛГ₁ нет

31 Кинг-Бенча / Кингс-Бенча

C. 169

11–12 чаще показывать фасады / приносить с собою в класс фасады

12–14 тогда необыкновенный вид ~ и нечувствительно / необыкновенный вид их врежется в память навеки; притом это послужит вместе и лучшим средством

16–17 и разве ~ причин / должно иметь сильное влияние на судьбу мира

19 ее действия / его действия

C. 169–170

21–3 Слог преподавателя ~ извлекать пользы Соответствующий фрагмент в ЛГ₁ расположен после фрагмента, начинающегося со слов: «История Географии ~ сведения о земле нашей»; см. выше

C. 169

23 яркими красками / огненными красками

24–38 Слог его ~ картину / Преподаватель должен пользоваться всеми такими мгновениями и привязывать к ним сведения, кои без того были бы сухими; но только искусно, в противном случае они развяжутся сами и улетят из памяти

C. 170

3 извлекать пользы / Как в тексте. Далее в ЛГ₁ отдельный фрагмент: Преподаватель должен быть обилён сравнениями, потому что первоначальный возраст более прочих возрастов жаждет примеров и подобий. В эти примеры, в эти уподобления должны входить предметы, сколько можно ближайšie к еще ограниченным его понятиям, и ни одну чертою, ни одним порывом не должны они вырываться из области детского мира.

Самые же факты науки должны возвышаться постепенно; но до такой только высоты, до которой может подняться дитя с своими бережно развивающимися понятиями. Перешагнув эту заповедную черту, педагог облечетя в туман и неясность

15 1829 / {Продолжение обещано (Примечание:.) Просим читателей смотреть на предложенную здесь статью, как на одно только начало. Автору, который совершенно посвятил себя юным питомцам своим, более всего желательно знать о сем предмете мнения ученых наших Преподавателей. В последующих за сим мыслях читатели встретят, может быть, более нового, более относящегося к облегчению науки и приведению оной в ясность и понятность для детей.}

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ

Варианты ЧА Пмп

С. 171

- 1-2 Последний день Помпеи (Картина Брюлова) / В рукописи нет;
О картине Брюлова (Ар., на шмуцтитуле и в оглавлении II части)
- 3 Это светлое / Она светлое
- 4-5 пребывавшей ~ состоянии / [находи(вшейся)] пребывавшей около
двух половин двух веков в каком(-то) летаргическом состоянии
- 5-6 Не стану говорить ~ представляет / Я не буду говорить об причине
этого необыкновен(ного) онемения, хотя бы она могла¹ представить
- 7 замечу только / Я замечу только
- 8 начало 19 / начало 19 века
- 9 зато они / зато не б(ыли?)⁰
- 10-11 Каждый ~ развит и постигнут / а. Но все эти; б. Но каждой из этих
атом(ов); в. Но каждой из этих мелких атомов [был развит] развился
и постигнулся
- 11 нежеди в прежние / неж(ели) он постигался в прежние
- 11 Заметили / Замечены
- 13-14 и живет с ним / (1 нрзб.) и [которая]
- 15 достигли изумительной истины / достигла изумительной живо(сти?)
- 16 Все наперерыв старались / а. Можно сказать, что в этот век человек;
б. Все старались
- 17 в ее лоне / в природе
- 18 пейзажа / пейзажа
- 18-19 подмечены ~ украдены, вырваны из самой природы / подмечено или,
лучше сказать, украдено, вырвано из самой (не дописано)
- 20 этого века / нашего века
- 20 похожи более на опыты / похожи на опыты
- 22-23 чтобы не позабыть ~ после / чтобы [после из] не позабыть их и по-
сле составить из них
- 23-25 раздробилась ~ в частях / раздоби(лась) у нас [на Литографии, Гра-
вировки, на множество наконец чрезвычайно миниатюрных явлений]
на низшие сорта, Гравировки, Литографии и многочис(ленные?) мел-
кие явления в частях своих с жадно(стью) были разработаны
- 25-26 Этим обязаны мы / Этим всем именно мы обязаны
- 27-28 на эти беспрестанно появляющиеся / на беспрестанно являющие(ся)

С. 171-172

- 28-1 перспективы ~ знойно уходит / особенно пейзажей, которые реши-
тельно прин(адлежат?) 19 веку², и [слияния] вообще высокие слияния
человека с природою, как дышит в них вода в темном сумраке ветвей,
как ярко уходит в них

С. 172

- 2 предметы перед самыми глазами / все предметы на глазах
- 3-4 где прежде вовсе их не подозревали / где прежде их вовсе их не подо-
зревали
- 4 при всей этой резкости / [при(?)] в самой(?) их резкости
- 5 какая подмечена тайная музыка в предметах / какая в предметах⁰
- 6-7 Но что сильнее всего постигнуто в наше время / и наконец что силь-
нее всего постигнуто в нашем веке

¹ Было: оно могло

² которые решительно прин(адлежат?) 19 веку *вписано*

- 8–9 не имея ~ показывающего / а. не имея никакого слишком глубокого; б. не имея вовсе(?)³ никакого глубокого достоин(ства), показывавшего бы
- 9–10 необыкновенно приятны / необыкновенно однако же приятны⁰
- 10 выражением своим не могут не поразить / выражением своим поразят
Над строкой вписано: своим не могут не
- 11–12 иногда ~ искусства / а. не увидишь ничего [что б(ы)] такого, что бы показало [глубокого]; б. должно согласиться обширного познания искусства
- 13 эти отпрыски / эти блестящие искры(?)
- 14–18 дышит и веет природа ~ яркая белизна / дышит природа (так), что кажется [на бум(аге) бум(ага) [принял(а)] от(в)чена колоритом. Где деревья, освещенные сиян(ие)м солнца, каж(ется)(?)⁴ как бы⁴ пылят, где яркая белизна [красавицы]
- 19 Рассматривая их / рассматривая которые
- 21 сделался целию / сделал(ся) целью
- 23–24 торопится ~ от поэта до кондитера / топорщится произвестъ Эффект, от [ученого и] Поэта до Кондитера
- 25 уже надоедают / уже начинают надоедат(ь)
- 26 Впрочем, можно сказать / Однако можно сказать
- 27 более всего выгодны / менее всего приторны
- 28–35 Там если они ~ отвратительны / а. Но более всего они отврат(ительны); б. потому что (если) они будут ложны и несообразны, то эта ложь и несообразность вдруг видна. Но они бывают отвратит(ел)ьны, если [не] употреблены не⁵ талантом, в тех произведениях, которые подлежат одному духовному оку, которые всегда почти бывают ложны, [(I нрзб..)] тень представляют светом и свет тенью, которые дурчат толпу, глядящу(ю) видимыми поверхностными глазами, но отвратительны [истин(ному)] в глазах истинного [це(нителя)] понимателя таким же самым образом
- 36–37 пользующийся незаслуженным знаком отличия / украшенный знаками отличий. Эти Э(ф)фекты отвратительнее всего в литера(туре), когда они сделаются целью бесстыдных торгашей, а не людей, дышащих искусством. Следствия их вредны, потому что [добра(я)] простодушная толпа принимает блестящую ложь (*не дописано*)
- 37–38 Но все это ~ к нынешнему делу / Но это рассуждение ник(ак)(?)⁶ не относится к нынешнему делу *Над строкой вписано:* к разговору(?)
- 38–39 признаться, что в общей массе стремление к эффектам / признать, что стремление к Э(ф)фектам в общей массе
- 40–41 в последнее время подвинуло все к усовершенствованию / можно сказать, сильно подвинуло вперед
- 41 многие более стали / более начал(и)⁰

С. 173

- 2 верный эффект оказывался / [Э(ф)фект] верный Э(ф)фект являет(ся)
- 3 безлюдие / безлюдье
- 3–5 раздробление ~ Притом / [раздробление] страшное раздробление знаний, которому обыкновенно⁷ приписывают причину. Притом это

³ вовсе(?) *вписано*

⁴ каж(ется)(?) как бы *вписано*

⁵ не *вписано*

⁶ рассуждение ник(ак)(?) *вписано*

⁷ обыкновенно *вписано*

- 5 многие части / а. многие части; б. многие мелкие части
 6 очевидностию / очевидностью
 6–7 сделало их доступными для всех / сделало доступными и низшей толпе⁰
 7 Не помню, кто-то сказал, что / Не помню кто сказал
 8 обнявшего бы в себе / объемлющего бы в себе
 9–10 такая мысль ~ малодушием / а. такое [отчаяние] безнадежность; б. такая мысль исполнена безнадежности, показывает только какое-то душевное малодушие произнесшего ее
 10–11 никогда полет гения / никогда Ге<ний>⁰
 12 так хорошо приготовлены / приготовлены так хорошо
 13 уже верно будут / уже всегда(?) будут
 15 может назваться / может называться
 18 вкусу нашего века / а. 19; б. нашему⁰
 19 как бы сам чувствуя свое страшное раздробление, стремится / стремится, [чу<вствуюя>] как бы чувствуя сам свое страшное раздробление, [к общим] стремится [создавать]
 20 в общие группы / в одно⁰
 21 целую массу / а. массу; б. целую массу [Таким]
 22 принадлежат / принадлежит
 23 и несколько других / В рукописи нет
 24 великие катастрофы / эти великие катастрофы [где]
 25 где молния / и где молния⁰
 26 молящегося народа / моля<щихся>⁰
 26 Общее выражение / а. Должно; б. Общая мы<сль>⁰
 27–28 Но в них вообще только / Но [эта] вообще⁸ эта [мысль показывает]
 28 Они похожи / Они вообще похожи
 29–30 только страшное положение / только положение⁰
 30–31 в лице которого был бы / с лицом, на котором был
 31 им самим зримо / св<оего>⁰
 32 виделась нам / там(?) виделась⁰
 33 перед самими нашими глазами / перед самим⁰
 33 Эта мысль у него разрослась / Он разви<л>⁰
 34 как будто нас самих захватила в свой мир / картина(?) как будто⁹ захватила нас самих в свой мир. Никто столько не сил<ил>ся произвести всеобщий Э<ф>фект и никто так не исполнил этого, как Брюлов. В его картине [все образы] все от великого до малого, все означено так, <чтобы> произвести явление и дать себя заметить, все, все начиная от общей огромно<й> мысли всего разрушения до последнего камня на мостовой, [от] до мальчи<ка>, вонзившего свой [острый] взгляд в зрителя. Самое смелое и вместе резкое¹⁰ освещение, молния, которая не осветила, но залила своим светом всю картину, весь первый план, придав сверкающую яркость [уменьшив] каждому предмету и сделавшая матовым весь бьющий вдали пожар [ла<вы>] огненной лавы, который без этого никогда (не дописано), потому что огонь в великом сиянии своем [был] доселе неуловим для художника. — Все группы кинуты мощно, так дерзко, вольно и ярко, как только может кинуть всемогу-

⁸ Над строкой вписано: в них только

⁹ картина(?) как будто вписано

¹⁰ резкое вписано

щая рука Гения. Все создание их заключено в минуте мгновения [за], наставшей за последним ударом землетрясения и можно сказать¹¹ еще не простывшей

С. 173–174

34–4 Создание ~ в такой красоте руку *Соответствующий фрагмент вписан на л. 104 (правая, чистая сторона разворота рядом с окончанием статьи)*

С. 173

34–35 Создание и обстановку своей мысли / Создание [сво(ей?)?] [исполнение] [установление] обстановку своей мысли
35–36 необыкновенным и дерзким образом / дерзким(?) (*не дописано*)
37 и потопила все / и потопила и все
37–38 все выказать / все выказать зрителю
38 ни один предмет не укрылся от зрителя / ни один предмет — [признак разнообразного таланта] печать многостороннего направления не ускользнул из вида зрителей
38–39 Оттого на всем у него разлита / От этого на них всех разлилась
39–40 Фигуры он кинул сильно / [На всей(?)?] Вся картина облечена фосфорическим светом. Для поэта его картина — [кра(сота)] могущественная красота. Фигуры он кинул дерзко
40 какую мечет / а. какая(?)?; б. как(?)? мечет
40–41 Эта вся группа, остановившаяся / [Он] В создании их он правил самым воображением своим так мощно и сильно¹², как житель пустыни правит Арабским бегуном. [У него все разнообразие подчинилось одной воле] Эта вся группа, оста(но)вившая(ся)

С. 174

1 этот гордый атлет, издавший / этот гордый, издавший⁰
1–2 силы, гордости и бессилия / силы и бессилия⁰
2 закрывшийся плащом от / закрывшийся плащом и⁰
3 эта грянувшая / а. Эта группа; б. Эта грянувшая
3–4 свою чудесную, еще никогда не являвшуюся / свою еще никогда даже⁰
6 огушенный ударом / [оста(новленный?)?] огушенный [стра(шною)] ужасною (*не дописано*)
7 которого рука ~ пальцами / распростер⁰
8 мать / Старая мать⁰
8 на моления сына / на прось(бы)⁰
9–15 толпа ~ гения всеобщего *Соответствующий фрагмент вписан на л. 104 (правая, чистая сторона разворота рядом с окончанием статьи), под упомянутым выше*
10 и со страхом, с диким забвением / она(?) с страхом, с забвением
11 наконец знаменующее конец / [означавшее конца] знаменующее наконец
12–13 жрец в белом саване ~ на весь мир / Этот жрец, [мечущий] как [бы в] в белом саване(?), мечущий взгляд ярости
13 все это у него так мощно, так смело / все это так мощно, так дерзко как только ~ всеобщего / как только [мог] может свести один Брюлов
14–15 приводить толкования и пояснения на изображенные события / делать толкования изображенным событиям
16–17 притом же это / потому что это
18 слишком касается ~ от мала до велика / и слишком касается к жизни человека
18–20

¹¹ *Вместо:* и можно сказать *было:* можно

¹² и сильно *вписано*

- 22 тем более что / потому что
 22 вероятно, сделали / сделали вероятно
 23–24 пластика достигла / пластика достигает
 24–25 всеобщего события / а. катастрофы; б. всеобщей катастрофы
 25–26 не вменяют ~ наводящего / не дышат тем диким ужасом, тем ужасом, наводящим
 26 суровые создания / создания⁰
 27 нет также того / нет того
 27–28 небесно-непостижимых и тонких / тонких небесно¹³-непостижим(ых)
 29 при всем ужасе / при ужасе
 30 заглушают его своею красотой / заглушают свою красоту, красотой пластической, красотой [изваяния(?)] человека, так блистательно проявляющейся у древних
 30–31 у Микеля-Анджело / у Микель Анжело
 32 силу душевного страдания / силу [одни] души, одни ее¹⁴ страдания, ее [муки]
 33 у которого пластика погибала / а. У него физика пог(ибала); б. у которого физика погибала
 33–34 приобретала исполинский размер / приобрела исполинский размер
 34 одеждою мысли / вывескою мысли
 36–37 для того, чтобы показать / для показания⁰
 37 всю красоту ~ своей природы / свою красоту и природу
 38–39 прекрасном облике / прекрасном теле⁰
 39 в таком / на таком
 39–40 наслаждаешься до упоения / наслаждаешься им до упоения
 41 что скульптура / что скульптура, та скульптура

C. 175

- 2 и сверх того проникнулась какою-то тайной музыкой / В рукописи нет
 3–4 Его человек ~ но она / Везде у него преобладает и [бле(стит)] [сверк(ает)] блестит женщина
 5 она женщина страстная / но женщи(на) страстная
 6 итальянская во всей красе полудня / Итальянка во всей красоте полудня
 6–7 пылающая всю роскошью страсти / пылающая роскошью страсти⁰
 9–13 Все общие движения ~ упруга и роскошна / В рукописи нет
 16 перевес мысли / преобладание мысли
 17 другое выражение ~ впечатления / другое впечатление
 18 страстного трепета / сладкого страстного трепета
 19 мысль прекрасная / мысль прекрасная, волнующая мысль⁰
 19 художества / и художества
 20 утратилась бы / мысль утратилась бы
 20–21 не разрушение, не смерть страшны / не минута разрушения, не смерть страшна
 21 есть что-то / есть уже что-то
 22 душевное наслаждение / а. душу; б. душевное явление
 22–23 наша милая чувственность / милая чувственность
 23 прекрасная земля наша / наша⁰
 24 эту мысль / эту мысль, верно он истинный в душе художник и поэт
 24–27 его женщина ~ блаженства / женщина его, о как она создана для жизни, для наслажден(ия), как она дышит всем, что есть прекрасного

¹³ небесно вписано

¹⁴ ее вписано

- [в природе]. Какую роскошь блаженства обещают ее светлые как звезды глаза, ее дышащая негой и силою¹⁵ грудь
- 27 идеал земли / идеал земной красоты
- 28 должна погибнуть / должна погибнуть безжалостно
- 28 в общей гибели / в общей массе⁰
- 29 ползать у ног ее / видеть это прекрасное творение
- 30 все в ней / все в нем
- 32–33 В его картинах / У него везде
- 33 Это его характер / В рукописи нет
- 34 но в общей массе / но однако же в общей массе
- 35 Кисть его / Его кисть
- 36 Выпуклость прекрасного тела / [Его(?) Тело у него про(свечивает?)⁰
- 36–37 у него как будто просвечивает / просвечивает у него [как]
- 37–39 свет, обливая ~ кажется фосфорическим / свет, обливая, как будто [обливая] заливая своим сия(нь)ем, вместе с тем как будто проникает его насквозь
- 39–41 Самая тень ~ и поэзией / Самая тень у него как прозрачна и при всей крепости¹⁶ дышит какою-то тонкою, чистою нежностью и поэзией (вписано в нижней части листа со знаком вставки #, повторенным в тексте)

C. 176

- 1 Его кисть остается навеки / Кисть его надолго остается
- 1–2 одну только его картину / только одну картину его
- 2 Она с первого раза / а. Она оста(лась); б. Она с первого разу
- 3 в мое воображение / в воображение мое
- 3–4 в своем ярком блеске / в сверкающем своем блеске
- 4–5 у меня прежняя вовсе вышла из головы / я позабыл о ней [и]
- 5 Я приближался / Я шел⁰
- 5–6 к той комнате / к комнате
- 6–7 в подобных случаях / в этих случаях
- 8–9 Но когда я взглянул / [Ког(да)] Но когда [она бле(снула?)] я глянул
- 11 ту поэзию ~ видят даже / [то] море поэзии, которую только чувствуешь и можешь узнать, всегда чувства наши знают и видят
- 14–15 если бы явились у художника / если бы у⁰
- 15–16 в ту гармонию / в такую гармонию
- 16 которой исполнены / которою дышат
- 18 Но главный признак ~ так это / Наконец главный признак¹⁷ и самый великий характер Брюлова это есть
- 20 начиная от общей мысли и главных фигур / В рукописи нет
- 23 художник / художники
- 23–24 избирал себе / избирали себе
- 24 в нее погружал / в нее погружали
- 25–26 в необыкновенном ~ величии / до необыкновенного величия
- 27–28 все прочее ~ ученикам своим / а. прочее, одежду; б. все прочее, даже одежду, он бросал [и отдавал] доделывать ученикам
- 29 высокостью религиозною / высокою религиозностью человека
- 30 и второстепенном / и о второстепенном
- 31 похожи более / похожи
- 32 или на гранитные массы / или гранитные массы⁰

¹⁵ и силою вписано

¹⁶ и при всей крепости вписано

¹⁷ Над строкой вписано: общий

- 32–33 или детски-однообразно своею правильностью, или / а. бывало или
однообразно-детское; б. или однообразно-детски своею правиль-
ность(ю), или¹⁸
- 35 для него драгоценны / все для него драгоценны
- 35 схватить природу / сжать природу⁰
- 37 ему помогла много / много помогла ему
- 38 приготовил для него / приуготовил для него
- 38–39 явившись прежде / явившись в другое⁰
- 39 того разностороннего / так разностороннего
- 39–40 и колоссального стремления / колоссального желания⁰
- 41 живостью, чистым зеркалом природы, доступны / [до(ступны?)]
живостью, похищенною из самой природы, доступны

С. 177

- 1 первые, которых могут / может быть, первые, которые может
- 2–3 и не знающий / и не понимающий
- 4 всемирною славою / всемирностью славы
- 6 соединению в себе всего / соединению в себе всего прекрасного
- 6–7 сравнить разве / сравнить только⁰

ПЛЕННИК

Варианты КО КрБд

С. 178

- 1–2 Пленник (Отрывок из исторического романа) / Кровавый бандурист.
Глава из романа
- 8–9 которого одно уже появление / которого прежде одно появление
- 9 и грабительств / и грабительства
- 23–24 продрагивая от свежести / продрогивая от свежести

С. 179

- 3 весь деревянной / весь деревянный
- 4 почернелыми / почерневшими
- 5 была подчинена / была починена
- 22 примыкали к церкви / примыкали к церкви
- 23 со скрипом отворились / со скрипом отворились
- 28 изыди, диавол / изыди, диаволе
- 29 еще и брешет, поганый / еще и брешет, поганый собака
- 33–34 православную церковь? / православную церковь? — произнес настоятель.
- 35 Давай нам ключи / Дай нам ключи
- 38 с тобой / с тобою
- 38 А если ты хочешь / Але ты хочешь
- 39 поговори з моим конем! / поговори з моим конем: нех тебе отвечает из
под...

С. 180

- 3 А мне какое дело / А то мне какое дело
- 3 хотят пить / хотят пить
- 3 Я тебе говорю, если ты / Я тебе говорю, же ты
- 4–5 их в костел ваш поставлю / в костел ваш поставлю их
- 9–10 Он отворотился от него и остановил / Отворотившись от него, он
остановил

¹⁸ или вписано

- 28 трын-трава / трын-трава
 28–29 что блаженство там / что рай там
 35–36 неровной земляной пол / неровный земляной пол
- С. 181**
- 1 зацвешая гнилью / зацветшая гнилью
 2–3 и оглянул ее / и оглядел ее
 4 от его волосистой брови / от брови
 5 отваливали бревна / отвалили бревна
 6 Боже, какое ужасное обиталище / Боже! какое обиталище
 10–11 под всеми цветущими весями и городами / под всеми цветущими городами
 12 смертью / смертию
 18 темными клоками / толстыми клоками
 22 были бы здесь красавицами / была бы здесь красавицею
 24 Але тебе / Терем-те-те! Лысый бес начай тебе в кашу! Але тебе
 25 возьми за женку / возьми ее за женку
 27 так страшно-беззвучно / так страшно, беззвучно
 29 столкнут на середину / втолкнут на средину
 29 как захрипела / как заскрипела
 32–33 захлопнула над ним / захлопнулась над ним
 33 и стук бревен / а стук бревен
 33–34 показался стуком заступа / казался стуком заступа
 39 но вместо того / и вместо того
- С. 182**
- 8 представляет цветы / представляет цвета
 11–12 рассматриваем в микроскопе / рассматриваем в микроскоп
 27–28 и пировал, радуясь / и пировал от радости
 29 1830 / 1832 года

КЛОЧКИ ИЗ ЗАПИСОК СУМАСШЕДШЕГО

Варианты ЧН ЭпСм и ЧА ЭпСм

- С. 205**
- 1 Клочки из записок сумасшедшего / В рукописи нет; Записки Сумасшедшего (Ар., на шмуцтитуле и в оглавлении II части)
 2 Октября 3 / 3 Окт. 30(?) (вписано в левом верхнем углу листа)
 4 довольно поздно / довольно поздно
 5 которой час / который час
 5–6 давно било десять / било давно десять
 6–7 я бы совсем ~ кислую мину / я бы вовсе не пошел [в тот день в департамент], я знал заранее, какую кислую минуту¹
 8 Он уже давно мне говорит: / а. Что это, братец, говорит он [мне(?)²]
 9 часто мне у тебя; б. Он уже давно говорит он мне
 9 в голове всегда ералаш / в голове ералаш⁰
 10 как угорелой / как угорелый
 10 дело подчас так спутаешь / Дело [иной раз] иногда спутаешь так
 11 не выставишь / никогда не выставишь
 12 Проклятая цапля! он / Чорт возьми! он

¹ Так в рукописи

² мне(?) вписано

- 13 очиниваю перья / подчиниваю перья
 13 для Его Пр-ва / для Его П^{ва}
 14 если бы не надежда видеться / если бы не надежда, что буду видеться
 14–15 авось-либо выпросить / авось-либо как-нибудь успею выпросить
 15–16 из жалованья вперед / из жалованья [вперед за]
 16–17 вперед за месяц деньги ~ придет / вперед [часть] за месяц часть де-
 нег — никогда
 19 собственная кухарка бьет его / его собственная кухарка бьет
 19–20 всему свету известно / всякому известно
 20 не понимаю выгод / не понимаю выгоды
 21–22 Гражданских и Казенных / в [казен(ных)] Гражданских или Казенных
 23 Фрачишка на нем / фрачишка у него
 26 докторской подарок / докторский подарок
 26–27 а ему давай пару рыжаков ~ говорит / а. а ему [или пару рысаков(?)]
 неси бобер рублей в триста; б. а ему давай или пару рыжак(ов), или
 дрожки, или бобер рублей в триста. Посмотришь, тихенькой такой, го-
 ворит: [одол(жите)]
 28 починить перышко / подчинить перышко
 29–30 Правда, у нас зато / Оно правда, у нас

С. 206

- 3 Я надел / Я надел на себя⁰
 3–4 шел проливной дождик. На улицах / [дождик б(ыл)] шел [на(?)] ули-
 це шел дож(дик) проливной дождик. По улицам
 4–5 накрывшись полами / накрывшись полами платья³
 5 да кучера / да курьеры
 6 Из благородных *вписано*
 6 чиновник плелся / чиновник попался мне
 8–9 не в Департамент ~ ее ножки / не в Департ(амент) спешишь, вон за
 тою, что приподняла немного свое платье и показала <1 нрзб.> икры
 свои [То есть ч(то)]
 10 пройди какая-нибудь / пройди только какая-нибудь
 12 к магазину, мимо которого / мимо⁰
 13–14 Но ему незачем ~ его дочка / Но чего бы ему поутру в магазин.
 [Э(то)] Верно это его дочка. [Лакей отвор(ил)]
 15–19 Как взглянула ~ тряпок / Повернула направо и налево головою из-под
 шляпы, мелькнула бровя(ми) [и блеснула глазами], глянула как огонь и
 ушла. Довольно. Довольно, пропал, пропал я совсем. Сокрушила.
 И чего бы ей в такую дождевую (*не дописано*). [У жен(щин)] Да, ве-
 лика страсть у женщин до этих всех тряпок. Хоть ты ей снег сыпни на
 самую (*не дописано*), а в магазин поедет
 19–20 нарочно старался закутаться как можно более / старался нарочно за-
 кутаться как можно поболее
 20–21 и притом старого фасона / да притом и старого фасона
 22–23 не дегатированное / не дигатированное (*Ар.*)
 23–24 Собачонка ~ осталась на улице / Я остался [подождать]. Собачон-
 ка ее осталась [потому что] на улице, не успевши вскочить в дверь
 магазина⁴
 24–25 Не успел я пробыть минуту / [Только] не успел я пробыть минуты
 25 тоненький голосок / тоненько голос
 26–27 под зонтиком шедших / шедших под зонтиком

³ платья *вписано*

⁴ Было: в магазине

- 27 другую молоденькую / другую молодинькую
 30–31 Эге! сказала я ~ кажется / Эхе, хе! [никак] [неужели] да полно, не
 пьян ли я? Только, кажется, это
 32 я видел сам, что произнесла / произнесла, я видел сам, что произнесла
 32–33 я была, ав, ав, ав! очень больна / Я была [вав!] вав! вав! Я была, вав,
 вав, вав, я была очень⁵ больна
 33 Ах ты ж собачонка! / Ах ты собаченька! вишь!
 34 услышав ее говорящую / когда услышал ее говорящего
 35 то тогда же перестал / то тогда же почти я перестал
 36 уже случилось множество подобных примеров / случается множество
 подобных случаев
 37–38 на таком странном языке, что ученые уже три года / на таком языке
 странном⁶, что ученые до сих пор
 38–39 и еще до сих пор ничего не открыли / и еще ничего не открыли
 39 о двух коровах / о двух (не дописано)

С. 207

- 1 не принес письма / не принес тебе письма
 1–2 Да чтоб я ~ не слыхивал / Чорт возьми. Я еще в жизни не слышал(?)
 2–3 Это меня удивило. Признаюсь / Правильно писать может только дво-
 рянин. — Оно конечно, некоторые и купчики-конторщики и даже кре-
 постной народ пописывает иногда, но их писание большею частью
 механическое, ни запятых, ни точек, ни слога. — Это меня удивило.
 Я должен признаться, что
 4–5 Пойду-ка я, сказал я сам себе / [Тут однако же] [Пото(му?)] Пойду-
 ка я, сказал я сам в себе
 5–6 что она и что такое думает / что она такое думает
 8–10 наконец к Кокушкину мосту ~ не живет / Остановились у дома
 Зверкова. Что это за дом, какого народу там не живет
 10 сколько приезжих / сколько Поляков
 11 один на другом сидит / один на другом сидит, а третьим погоняет
 12 играет на трубе / на трубе играет
 12–13 взошли в пятый этаж / вошли в пятый этаж
 13 теперь не пойду / теперь я еще не пойду к вам
 13–14 и при первом случае не премину / После не премину

С. 208

- 1 Октября 4 / В рукописи нет
 3 и засевши / и забравшись один
 3–4 Наш Директор должен быть / Наш должен быть
 6 и приступа нет / и приступу нет
 7 А посмотреть в лицо ему: фу / Посмотришь в лицо ему, фу ты
 8 Я еще никогда / Никогда я еще
 8–9 сказал лишнее слово / сказал когда-нибудь лишнее слово
 9 Только разве когда / Только иногда когда
 11–12 Я замечаю ~ любит / Я однако ж замечаю, что он меня особенно
 любит и благоволит. [Если бы ты(?)]
 13–14 Взял бы, ей Богу / Ну чего хотят они? Взял бы, ей Богу
 16 После этого заметил я / а. Его П^{во} к удивле(нию) долго не; б. После
 этого я заметил
 17 а Наш не выходил / а Его П^{во} не выходил
 19–20 я думал ~ со стула / я думал, что Наш, и схватился со стула
 20–21 Святители, как она была одета / Боже ты мой, как была одета

⁵ очень вписано

⁶ Над строкой вписано и зачеркнуто: непонятном

- 21 фу какое пышное / фу ты, какое пышное платье(е)
 22–23 Она ~ «Папа здесь не было?» / «Папа здесь не было», сказала она
 23 какой голос / какой голосок
 24 Ваше Превосходительство, хотел я было сказать / а. Она поглядела на
 меня и на стены и урон(ила) платок; б. Ваше Превосходительство, хо-
 тел я сказать
 25 а если уже хотите казнить / а [хоти(те)] если хотите казнить
 29 однако ж удержался / но однако ж удержался
 30 тончайший, батистовый — амбра / Ам(бра)⁰
 31 Она поблагодарила / Она слегка поклонилась
 32 почти не тронулись / только что тр(онулись)⁰
 33 ушла / и ушла
 34 как вдруг пришел лакей / как [при(шел)] [вдруг] пришел слуга
 34 барин уже уехал / Его⁰
 35 Я терпеть не могу лакейского круга / Чорт возьми, я терпеть не люб-
 лю этого [холоп(его)(?)] лакейского круга
 36 хоть бы головою потрудился кивнуть / а. головою не ки(внет?)[?]; б. хоть
 бы головою кивнул
 36–37 Этого мало: один раз ~ вздумала / Один раз один из (них) вздумал
 [попот(чивать)]
 37 потчивать / поподчивать
 38–39 Да знаешь ли ~ и надел / Да я дворянин, глупой ты холоп. Я чинов-
 ник, я благороден(?) и просвещен. — Однако же я взял шляпу, надел

С. 209

- 1 лежал на кровати / лежал в постеле⁰
 1–3 очень хорошие ~ я сказал» / хорошие стишки: На то ль, чтобы в печа-
 ли нам время проводить, нам боги сердце да(ли)
 4–5 к подъезду ~ долго / к подъезду Его Пр^{ва} и поджидал долго ее
 7 *Ноября 6 / В рукописи нет*
 9 начал мне говорить так / начал мне говорить
 11–13 Ну размысли ~ твоих проказ / а. Ну посмотри на себя, ведь уже ско-
 ро может быть 50 будет; б. Ну посмотри на себя, ведь уж за сорок лет.
 Ведь пора бы и набраться. Ну что ты думаешь себе, ведь будто я не
 знаю проказ твоих
 14 Ну посмотри на себя / Но посмотри на себя [ведь]
 14–15 ведь ты нуль, более ничего / ведь ты нуль, ты Титулярный советник
 15–16 Взгляни ~ думать о том / а. [Посмотри] Взгляни на свою образину;
 б. Взгляни хотя в зеркало на свою образину, на свое платье, на свой
 костюм⁷
 16–17 лицо похоже / мордашка похожа
 17–19 на голове клочок ~ розеткою / а. на голове завитый хохолок; б. на го-
 лове кусочек волос, завитый хохолком, [щеки мажет] да все⁸ держит
 [голову] ее вверх *В нижней части листа вписано*: да намазывает
 какую-то розеткою
 19 так уже думает ~ одному / так уж и думает, что только одному ему
 20–22 Понимаю, понимаю ~ благорасположенности / Понимаю, понимаю,
 приятель, отчего это. Ему завидно, он сам приволакивает(ся)⁹, он уви-
 дел, может быть, предпочтительно оказываемые мне знаки благорас-
 положен(ности) (*вписано в нижней части листа*)

⁷ на свое платье, на свой костюм *вписано под строкой*

⁸ *Над строкой вписано и зачеркнуто*: ее

⁹ он сам приволакивает(ся) *вписано*

- 22–23 Да я плюю ~ заказывает сапоги / Да что он надворный советник¹⁰,
ему Петерс фрак делает, да что вывесил цепочку золотую к часам, да
заказывает сапоги
- 24–25 да черт ~ разночинцев / так уж задумал(?) себе чорт знает что. Чорт
бы его побрал. Да и я разве из разночинцев каких-нибудь
25 или из унтер-офицерских детей / или [из] унтер-офицерских детей¹¹
- 26–27 время такое, в которое / время такое, с которого
29–30 репутацию еще и получше / квартиру и еще может быть получше
- 30–31 Что ж ты ~ руческой фрак / Что ж, конечно может быть я собою ка-
жусь не так теперь виден. Да(й)-ка мне ты(?) ручев(ской) фрак,
[да подвяжи]
- 32–33 такой же ~ в подметки / такой же галстук, да надень лакированные
сапоги
- 34 *Ноября 8 / В рукописи нет*
- 36–37 особенно на одного / и на одного

C. 210

- 1–2 прямо говорят / так прямо и говорят⁰
- 4 все бранить / бранить все
- 4 от публики защиты / у публики защиты его(?)
- 4–5 Очень забавные / Какие смешные
- 5 сочинители / Авторы
- 5–8 Я люблю ~ даром / Я люблю бывать иногда в театре. [Это услажда-
ет душу.] Никак не утерпишь, шельмовство, чтобы не пойти, как толь-
ко лишний грош в кармане — [в театр. Это однако ж услаждает душу.]
А есть из нашей братии чиновников такие свиньи, [которые] из кото-
рых иной решительно не пойдет, мужик, в театр, разве уж дашь ему
даром билет (*вписано в нижней части листа*)
- 8 Пела / В театре пела
- 9 очень хорошо / очень хорошая(?)
- 11 *Ноября 9 / В рукописи нет*
- 13 не заметил моего прихода / и не заметил, как я вошел
- 14 как будто бы / так будто
- 14–15 Пересматривал и сверял бумаги. Вышел / [вышел]⁰
- 16 но никого не было / никого не было
- 16–17 большею частию / большею частью
- 18 *Ноября 11 / В рукописи нет*
- 19 починил для него / подчинил для него
- 20 и для ее, ай! ай... для Ее Превосходительства четыре пера / *В руко-
писи нет*
- 22 все обсуживает / все это обсуживает⁰
- 24 Хотелось бы ~ жизнь / (Хотелось) бы мне рассмотреть жизнь
- 25 все эти экивоки и придворные штуки, как они / как они *Над строкой
вписано: всю эту жизнь, все эти экивоки и придворные штуки*
- 26 Я думал / Я хотел
- 31 Эх какое богатое убранство / Богатое убранство
- 32–36 Хотелось бы заглянуть ~ чем на платье / Хотелось бы мне заглянуть,
что там она делает. Хотелось бы заглянуть в бу(ду)ар этот, где... эх,
канальство... *В нижней части листа вписано: как там стоят все эти
баночки, скляночки, [фл(аконь?)]* [не платье] цветы такие, что и

¹⁰ он надворный советник *вписано*

¹¹ детей *вписано*

- дохнуть страшно, как лежит это платье, которое она надева(ет), что
похоже больше на воздух, чем на платье
- 36 там-то, я думаю, чудеса / Ай! Ай! Ай! Там-то, я думаю, чудеса
37 там-то, я думаю, рай / там-то, я думаю, рай, какого и на небесах нет
- С. 211**
- 1 становится, вставая с постели, свою ножку / становится свою⁰
1-2 как надевается на эту ножку белый как снег чулочик / на которую¹²
надевается как снег¹³ белый чулочик
3 Сегодня ~ озарило / Однако ж меня вдруг как откровением осенило
5 Хорошо, подумал я сам в себе / Эге, думал я в себе
5 узнаю все / узнаю все, что и как
7-8 подозвал было к себе один раз Меджи и сказал / было один раз подо-
звал к себе Меджи и сказал ей
9 так что никто / так что никогда⁰
10 что она и как / что она, как
11 никому не открою / никому не расскажу
11-12 съезжилась вдвое / свернула(сь) в три погибели
12 в дверь / в двери
14 что она может ~ только / что может говорить, да только есть
19 *Ноября 12 / В рукописи нет*
20 отправился с тем / отправился я в д(ом?)¹⁴ с тем
21 Я терпеть не люблю / Чорт возьми, я терпеть не люблю
22 мелочных лавок / мелочных лавочек
22 к тому же / к тому же в добавку
23 несет такой ад / валит такой ад
23 заткнув нос, бежал / заткнул нос и бежал
24-25 напускают копоты ~ такое множество, что / пускают такую копоть и
едкой дым из своих мастерских, что человеку благородному
26 Когда я / Экие бы⁰
27-28 девчонка не совсем дурная собою с маленькими веснушками / моло-
динькая девчонка не дурная собою с маленькими веснушками, та⁰
31 с вашей собачонкой / с собачонкой вашей Фиделькой
31 Девчонка была глупа / Она посмотрела мне в глаза, глупая
32 Собачонка в это время / В (это время?)⁰
33 но мерзкая / [(1 нрзб.)] но дрянная
34 Я увидел однако же / Я однако ж увидел
34 вот этого мне и нужно / вот это мне и нужно
35-36 и, к необыкновенному удовольствию своему, вытащил / и в(ыта-
щил?)⁰
37 Скверная собачонка, увидевши это / Дрянная собачонка, как увидела
это
38 а потом, когда пронюхала / а после увидевши
39 но я сказал: «Нет, голубушка, прощай» / «Нет, голубушка» сказал
- С. 212**
- 1 что девчонка / что девчонка-то
2 испугалась чрезвычайно / ужас(но?) испугалась⁰
2-3 Пришедши домой, я хотел было / Я хотел⁰
5-6 пошел прохаживаться и обдумывать / пошел прохаживаться и обду-
мать

¹² Над строкой вписано: <1 нрзб.>

¹³ Над строкой вписано: беле(е)

¹⁴ в д(ом?) вписано

- 7 все дела ~ пружины / а. все что; б. все дела и все эти пружины
 7 и доберусь / Я доберусь
 8 народ умный / народ умной
 9–10 там будет ~ дела / а. я н(айду?)[?]; б. там будет все про Нашего, все дела
 10 что-нибудь и о той, которая / верно и про ту, которая
 13 *Ноября 13 / В рукописи нет*
 14 письмо довольно четкое / ру(ка?)^o
 14–15 Однако же ~ собачье / [Строки] Однако ж все¹⁵ есть как будто что-то собачье в подчерке
 16 Милая Фидель, я все не могу / [Любезная] Милая Фидель, я все [однако же] не могу
 17–18 Как будто ~ в сторону / Будто не могли тебе дать лучшего имени?[?] (*вписано*)
 18 Я очень рада, что мы / Я очень рада, что мы [положили]
 20–22 Письмо писано ~ Начальник Отделения / а. Эка(я) дрянная со(бачонка); б. Странно. Письмо писано очень прави(льно), и пунктуация и [да(же)] Ъ на своем месте. Да эдак не написать и нашему Начальнику
 22 учился в университете / в университете учился
 24 разделять мысли, чувства и впечатления с другим / разделять мысли и чувства с другим^o
 26–27 переведенного с немецкого / переведенного с немецк(ого) Лабзинным [напечатанного не помню в котором году]
 27 Названия не припомню / Заглавия не могу припомнить (*вписано*)
 28–29 по свету далее ворот нашего дома / далее нашей улицы^o
 29 Моя ли жизнь / Воз(ь)ми^o
 29 в удовольствии / в довольстве
 29–30 Моя барышня ~ без памяти / Барышня София Ивановна меня любит до без памяти
 33 не вижу удовольствия / не нахожу вкуса
 33–34 в больших обглоданных костях / в больших костя(х)^o
 34 Кости хороши / Никакого совершенно вкусу. Кости хороши
 35 и притом тогда ~ мозга / и тогда, когда еще не высох в них мозг. Я никак [не нахожу] не могу довольствоваться грубым вкусом
 37 но я не знаю ничего хуже / а. А вот что иногда делают; б. А вот в этом, что иногда возьмут тарелку супу и крошат туда хлеба, то, признаюсь, я в этом совсем не вижу¹⁶ вкусу. Я даже никогда не притра(ги)ваюсь. Кстати когда уже пришлось к слову: я не знаю, как ты, но я не знаю ничего хуже

С. 213

- 2–3 Отказаться как-то неучтиво, ну и ешь / [ну и ешь] Отказать как(-то) неучтиво, ну ешь
 4 Черт знает что такое. Экой вздор! / Чорт знает что, какая дрянь
 5 о чем писать / о кото(ром)^o
 5 Посмотрим на другой странице / Посмотрим далее^o
 7–9 Я с большою охотою ~ человек / Папа чрезвычайно странной человек
 10–11 у них политической взгляд на все предметы / у них политической взгляд, они все высмотрят
 12 очень странный ~ очень редко / Папа чрезвычайно странной человек. Он большою (частью?)[?] все молчит. Очень редко говорит

¹⁵ все *вписано*

¹⁶ *Над строкой вписано:* толку. Чорт знает что такое

- 13 беспрестанно говорил / очень часто говорил
 13–14 Возьмет ~ пустую / Возьмет в одну бумажку, в другую сложит
 пустую
 15 он обратился и ко мне / он обратился он¹⁷ и ко мне
 17–18 в большой радости / в большом удовольствии
 18 Все утро / Весь день⁰
 19 он был так весел / Папа был так весел
 19 никогда не видала / никогда не видала, отпускал анекдоты, а после
 обеда поднял меня к своей шее и сказал, а посмотри, Меджи, что это
 такое. Я увидела какую-то ленточку. Я нюхала ее¹⁸, но решительно не
 нашла никакого аромата, наконец потихоньку лизнула: соленое немно-
 го. Гм! Эта собачонка, мне кажется, уже слишком... чтобы ее не
 высекли....
 20 А! так он честолюбец! Это нужно взять к сведению / Э! [Да (1 нрзб.)]
 так он, выходит, честолюбец, это взять к сведению
 21 окончу письмо / окончу свое письмо
 21–22 Ну здравствуй! я теперь снова с тобою / В рукописи нет
 22 Сегодня барышня моя Софи / Сегодня барышня моя Софи была в
 чрезвычайной⁰
 23 А! ну, посмотрим, что Софи / А, а! посмотрим
 25 ...барышня моя Софи / Сегодня барышня моя Софи
 26 и я обрадовалась / [и целую] [на нее надели целую кучу] и я очень
 обрадовалась
 27–28 сердится / сердится. Я не мо(гу) понять, отчего люди одеваются, по-
 чему не ходят так, например, как мы, и хорошо и покойно. — [Гм. Дура!
 Тотчас видно собачий ум. А кто бы тогда узнал, какой чин на нем?]
 28–29 приезжает с балу / приезжает всегда с балу
 29–30 и я всегда ~ тощему виду / Я тотчас по ее бледному и тощему виду
 [дог(адываюсь⁰)] угадываю
 30–33 Я признаюсь ~ с кашкою / Я, та сhère, никак не могу таким образом
 жить, и если бы мне не дали кофий со сливками или соуса с рябчиком или
 пегушьими крылышками, то, признаюсь, я бы не знала что со мною¹⁹.
 Хорошо очень соус с кашкою, только нужно класть побольше масла
 33–34 никогда не будут хороши / как ни жарь их, никогда не будут хороши
 35 неровный слог / неровной слог
 36 а кончит собачиною / а окончит собачиною
 36–37 Посмотрим-ка еще в одно письмецо / Посмотрим, [какое] это пись-
 мецо
 39 чего-то ожидает / кого-то ожидает
 39 В ушах у меня вечный шум / Мне все слышится какой-нибудь шум

C. 214

- 1 стою несколько минут / стою несколько(?)
 1–3 Я тебе открою ~ если б ты знала / Как только выйду я на двор, как
 уже за мною целая стая бежит кавалеров. Признаюсь, та сhère, их уч-
 тивство мне уже надоедает. Ах, если б ты видела
 3–4 Иной преаляповатой, дворняга / Иной бежит дворняга⁰
 4–7 преважно идет ~ перед моим окном / а и тот машет хвостом и бежит
 за мною. Ах, та сhère, какой страшилище Дога ухаживает за мною
 8 чего, грубиян, он верно не умеет / чего верно он, грубиян, не умеет

¹⁷ Так в рукописи

¹⁸ Я нюхала ее вписано

¹⁹ Так в рукописи

- 9–10 высокого роста / великого росту
 10 Этот болван, должно быть, наглец / Этот болван наглец
 11 Я поворчала на него / Я наконец оборотившись укусила его за ногу
 11 Хотя бы поморщился / [высунул] Хоть бы поморщился. [Такой]
 12 и глядит в окно / и плетется следом
 14–15 перелезающего через забор соседнего дома / с соседнего дома
 15 именем Трезора / по имени Трезора
 17–18 наполнять эдакими глупостями / писать такую глупость
 18–19 я требую пицци / я требую духовной пицци
 19 питала и услаждала мою душу / питала мою душу[◊]
 19–20 а вместо того эдакие пустяки / а не эдакие глупости
 21 ...Софи сидела / Софи... Софи сидела
 25 черные и светлые, как огонь / черные, как агат
 25 И Софи убежала / а. Я увидела; б. Со(фи) убежала
 26 молодой Камер-Юнкер / молодой кавалер
 29 продолжала глядеть / сидела[◊]
 30 наклонила несколько набок / поворотила несколько набок
 31 о каком вздоре они говорили / ты не можешь себе вообразить, [о чем]
 что они гов(орили)[◊]
 32 в танцах ~ фигуры / вместо одной какой-то фигуры [сделала фигуры]
 34 на аиста / на журавля[◊]
 34–35 что у ней ~ и тому подобное / что у нее голубые глаза, между тем как
 у нее зеленые — и тому подобное. Куда ж, подумала я сама в себе,
 если сравнить Камер-юнкера с Трезором, небо! какая разница...
 Во-первых, у камер-юнкера совершенно гладкое широкое²⁰ лицо и во-
 круг бакенбарды, как будто бы он обвязал его черным платком, а у
 Трезора мордочка тоненькая и на лбу белая лысинка. — А талию
 Трезора и сравнить нельзя с камер-юнкерскою. А глаза, приемы,
 ухватки совершенно не те. О, какая разница!
 36 Я не знаю ~ Теплове / Я не знаю, что она нашла в своем камер-юн-
 кере
 38 Мне самому кажется здесь / Мне кажется, однако же, что здесь
 38–39 Не может быть, чтобы ее мог так обворожить Теплов. Посмотрим
 далее / Не может бы(ть), чтобы [она была] ее мог так обворожить
 камер-юнкер
 40 если этот Камер-Юнкер нравится / если камер-юнкер [бу(дет)] нра-
 вится

С. 215

- 1 Какой же бы это чиновник? / Гм...²¹ Как(ой) же бы это чиновник
 [кажется, никакого нет другого чиновника]....
 2 Фамилия его престранная / [Он] Фамилия его пресмешная
 2–3 Волоса на голове его / [А фрачи(шко)] Волоса на голове [ре-
 ш(ительно)]
 3 всегда посылает / иногда посылает
 4 эта мерзкая собачонка метит / это мерзкая собачонка метит
 6 удержаться от смеха / удержаться от смеху
 8–9 чьи здесь штуки / чьи штуки здесь
 10 ненавистию / ненавистью
 10 и вот вредит да и вредит / и вот вредит

²⁰ широкое *вписано*

²¹ Гм... *вписано*

- 11–12 Посмотрим ~ может быть, дело / Посмотрим однако же далее.
Там дело
- 16 Камер-Юнкер теперь у нас каждый день / Камер-Юнкер у нас каж-
дый день
- 16 Софи влюблена / Барышня⁰
- 17 Я даже слышала / и я даже слышала
- 19–20 потому что папа ~ за военным Полковником / а. я сомневаюсь толь-
ко, чтобы они были счастливы. У людей чувства, кажется, гораздо сла-
бее наших; б. потому что папа хочет, чтобы [все на свете] Софи вышла
или за Генерала, или за Камер-Юнкера (*вписано под строкой*)
- 21–27 Черт возьми! ~ глупой собачонки *Соответствующий фрагмент*
вписан в нижней части одного из предыдущих листов (вставка на
л. 105 к л. 108)
- 22 Желал бы я сам / Все, что есть лучшего на свете, все достается или
Камер-Юнкерам, или Генералам. [Золото пролет(ает?)]. Найдешь
себе бедное богатство, думаешь достать его рукою. — Его вырывает у
тебя Камер-Юнкер или генерал. Чорт побери. Желал бы я сам
- 22–23 чтобы получить руку и прочее / чтобы достигнуть и получить руку
- 23–25 для того только ~ что я плюю / чтобы [сказать: плюю я на вас обоих]
увидеть, как они будут подличать, и сказать им: я плюю
- 28 *Декабря 3 / В рукописи нет*
- 29 Не может быть. Враки! / Гм⁰
- 29–30 Что ж из того, что он Камер-Юнкер / [Что ж, что] Камер-юнкер
- 30–31 не какая-нибудь вещь видимая / ведь не видимая какая-нибудь вещь
- 31 взять в руки / взять в руку
- 33–34 как и у меня, как и у всякого / как и у всякого, как²² и у меня
- 34 ведь он ~ не кашляет / ведь он тоже должен нюхать табак и смор-
кать(ся)
- 35 отчего происходят все эти разносити / отчего это эти все разносити про-
исходят
- 37 Может быть, я какой-нибудь / Может быть, я совсем не титулярный
советник. Может быть, я какой-нибудь
- 38 Может быть, я сам не знаю / Может быть, я сам еще не знаю

C. 216

- 1 какой-нибудь простой / какой-нибудь простой мещан(ин)⁰
- 2 а просто какой-нибудь мещанин / а какой-нибудь мещанин
- 3–4 или Барон, или как его / а иногда даже и государь
- 5 может выйти / должно выйти
- 5 Вдруг, например, я вхожу / Вдруг я вхожу к нашему
- 8 и сам папа / и самой твоей папа
- 9–10 прикидывается таким и этаким / прикидывается мартинистом
- 10 если даст кому руку / если подаст (?)⁰
- 11 высовывает только два пальца / высовывает всегда два пальца
- 11 Да разве я не могу / Разве я не могу
- 13 другим каким-нибудь / другим каким-нибудь (1 нрзб.) *На полях сле-
ва вписано без знака вставки: Эту статью непременно нужно обсу-
дить хорошенько*
- 15 *Декабря 5 / В рукописи нет*
- 17 Я даже ~ разобрать их / Я даже не мог хорошенько разобрать (*впи-
сано*)
- 18 чины находятся / *В рукописи нет*

²² как написано дважды

- 23 Да говорят, нет Короля / [Каков] Говорят, нет
 23 не может стать, чтобы / не может быть, чтобы
 24 Государство не может быть / Государство всякое не может быть
 25 он где-нибудь / [может] он верно где-нибудь
 25–26 Он, стать может, находится там же / Он, может быть, и там же на-
 ходится
 27–28 опасения со стороны ~ других / опасения [чтобы] соседствен(ных)
 держав, Франции или других
 28–29 или есть ~ причины / иначе же не может быть никаким образом
 30 *Декабря 8 / В рукописи нет*
 35–36 Австрийский Император / Австрийский Император, наш Государь
 38 я за столом был чрезвычайно развлечен / я чрезвычайно был рассеян

C. 217

- 2–3 Ничего поучительного / Никакой цели и ничего поучительного
 6 Сегодняшний день / Седнишний день
 6–7 В Испании есть Король / Испан(ский?) Король есть
 7–8 Именно ~ Признаюсь, меня / Я именно узнал это только сегодня.
 Меня так
 10–12 Как могла ~ сумасбродная мысль. Хорошо, что еще не догадался ни-
 кто посадить меня тогда в сумасшедший дом / а. [Теперь] Как могла
 эта сумасбродная сумасшедшая мысль; б. Как могла мне взойти в го-
 лову эта сумасбродная сумасшедшая мысль. Хорошо, что меня не до-
 гадались тогда посадить²³
 12–14 Теперь я вижу ~ думаю, оттого / а. Я теперь вижу совершенно так яс-
 но; б. Теперь я вижу все так совершенно как на ладоне. А прежде все
 было в тумане. И это все, я думаю, происходит оттого
 16–17 Сначала я объявил / Прежде всего я [ска(зал)] объявил
 19 никогда не видала / никогда не видела
 19–20 однако же / однако ж
 20–21 сказавши, что ~ иногда / и в милостивых словах старался ее уверить [ее]
 в благосклон(ности) и что я вовсе не сержусь на то, что она иногда мне
 21 черный народ / черной народ
 22 Она испугалась / а. Она, я знаю, думает, что все; б. Она, я уверен, исп-
 пугалась
 24 Но я растолковал ей / Но я растолковал
 24–25 нет никакого сходства / никакого нет сходства и что у меня нет ни
 одного капуцина
 25 В Департамент не ходил. Черт с ним! / В Департамент я не
 ходил. Черт с ним, и не намерен ходить
 28 *Мартобря 86 числа. Между днем и ночью / Мартобря 86го. Между
 днем и ночью*
 29 наш экзекутор / экзекутор из Департамента
 30–31 уже более трех недель ~ в Департамент / а. три недели; б. более трех
 недель я не хожу в Департамент. Но люди несправедливо ведут счет
 неделями. Это жиды ввели, потому что равнин их в это время моет-
 ся. — Я однако же для штуки пошел в Д[†]
 33–34 не слишком гневно ~ не замечая / ни гневно, ни благосклонно, и он²⁴
 сел на свое место опять, как бы никого не замечая²⁵

²³ Хорошо, что меня не догадались тогда посадить *вписано*

²⁴ и он *вписано над строкой; далее знак вставки #*

²⁵ сел на свое место ~ не замечая *вписано в нижней части листа со знаком вставки #*

- 34–35 на всю канцелярскую сволочь / на всю чиновную сволочь
 36 Господи Боже! / Я думаю⁰
 36 какую бы вы ералашь подняли / какую бы вы яралашь подняли (Ар.);
 какую бы вы ералашь (не дописано)

С. 217–218

- 37–1 начал бы мне ~ перед Директором / начал передо мною кланяться
 в пояс так, как он обыкновенно кланяется перед нашим Директором

С. 218

- 2 бумаги ~ экстракт / бумаги [пере(писать)] что-то извлечь
 3 Через несколько минут / Через несколько минут
 4–5 чтобы показать себя перед ним / в швейцарскую скидывать с него шинель
 5–6 через наше отделение / через наше отделение
 6 застегнули на пуговицы / застегнули пуговицы⁰
 6–7 но я совершенно ничего / но я ни с места
 7 чтобы я встал / [какой] Директор² чтобы я встал
 8 Какой он Директор² он пробка / Он совсем не Директор. Он пробка
 9 закупоривают / закупыривают
 10 Мне ~ подсунули / Но больше всего мне было забавно, как подсунули
 11–12 напишу на самом кончике листа / по обыкновению подпишу на самом
 кончике бумаги
 15 сказав / а. говор(я?); б. сказал
 17–18 Лакей хотел меня не впустить / Лакей меня хотел не впустить
 19 Она сидела / Она встрев(ожилась)⁰
 19–20 вскочила и отступила / встревожилась и отступила
 20 однако же / однако ж
 21–22 Я сказал ~ не может / Я сказал ей только, что ее такое счастье ожи-
 дает, [о каком] какого она и вообразить не может
 22 козни неприятелей / козни неприятеля
 24 это коварное существо женщины / это коварное существо женщина
 24 теперь только постигнул / теперь только то постигнул
 25 До сих пор никто еще не узнал / Еще никто до сих пор [не знает] не узнал
 26 я первый открыл это / Это я первый открыл
 26–27 Да, не шутя / Да, [это] не шутя. [Она влюблена в чорта]
 27 Физики пишут глупости / [Это] физики все²⁶ глупости пишут
 27–28 она любит только одного черта / Она влюблена в чорта
 30 что у него стоит за спиною / что у него за спиною
 30–31 Вон он спрятался к нему во фрак / а. Вон он спрятался у него за спи-
 ною; б. Вон он [кивает] спрятался к нему в звезду
 32–33 Все это ~ оттого / А вот эти все [отцы] чиновные отцы их, вот эти
 все, что юлят во все стороны и лезут ко двору и говорят, что они патри-
 оты и то и се. — Аренды, аренды хотят эти патриоты. Мать, отца,
 Бога²⁷ продадут за деньги. Честолюбцы, Христопродавцы... И от(чего)
 все происходит? отг(ого)
 33–34 небольшой червячок величиною с булавочную головку / сидит(?) червя-
 чок величиною в булавочную головку
 36–37 но достоверно ~ хочет / Но главная пружина всего этого Турецкий
 Султан, который подкупает цирюльника и который хочет
 38 и оттого уже, говорят / Уже, говорят

С. 219

- 3–6 Ходил инкогнито ~ представиться ко Двору / Ходил инкогнито по
 Невскому проспекту. Проезжал Государь Император. Весь народ

²⁶ все вписано и зачеркнуто

²⁷ Под строкой вписано и зачеркнуто: и не то

- [и я] снял шапки, и я также. Однако же не подал ни(ка)кого вида, что я Испанский Король. Я почел неприличным тут же при всех открыться. Потому что Высок(ий) Собрат мой верно бы спросил, отчего же [я]²⁸ до сих пор не представляюсь ко двору. И в самом деле прежде нужно представиться ко двору [Когда]
- 6–7 то, что я ~ костюма / что до сих пор я не имею королевского костюма
8 достать мантию / достать порфиру
- 9–10 ударились в аферу и / они²⁹ ударились в аферу и почти все теперь³⁰
- 10–11 Я решился сделать мантию / а. Я однако ж вспомнил перед(елать?);
б. Я решился сшить себе порфиру
11 который надевал / который надевал я
12–13 решился шить / решился дел(ать)
- 13–14 Я изрезал ~ другой / Я его(?)³¹ весь совершенно изрезал ножницами, нужно [совершенно] было вовсе переделать и дать всему сукну вид горностаевых хвостиков
- 15–16 Числа не помню ~ черт знает что такое / Числа не помню. [Чорт эн(ает)]⁰
- 17 Мантия совершенно готова / Порфира совершенно готова
18 Однако же я еще не решаюсь / Но однако ж я все не решаюсь
19 Без Депутатов неприлично / Меня удивля(ет)⁰
- 20 Я ожидаю их с часа на час / Я ожидаю с часа на час прибытия
21 Число 1 / Число 1ое
- 23 Да, это самая / Это самая
- 28–29 Письма пишут аптекари / Письма пишут Аптекари, да и то прежде смочивши уксусом язык, потому что без этого все лицо было бы в ли-
шьях
- 32 Депутаты Испанские / Депутаты
- 32–34 я вместе с ними ~ так шибко, что / а. потащили меня в карету; б. я сел в карету. Мне только странно показалось, что мы ехали чрезвычайно скоро. Так что
- 36 ездят чрезвычайно скоро / чрезвычайно скоро [едут] ездят
- C. 220
- 1 в первую комнату / в первую залу⁰
- 3 или Гранды или солдаты / или доминиканы или Капуцины
- 4 чрезвычайно странным / чрезвычайно странно
- 5 вел меня за руку / вел меня
- 7 то я из тебя выбью эту охоту / то я тебя
- 7 что это было / что это
- 9–10 ударил меня ~ но удержался / меня ударил так больно палкою два
раза, что я чуть³² вскрикнул и удержался
- 11 в высокое звание / в звание
- 13–14 совершенно одна / это совершенно одна
- 14 считают их за разные / считают за розные
- 15 Я советую всем нарочно / Вот попо(бу)йте нарочно
- 15–16 то и выйдет / оно и выйдет

²⁸ Над строкой вписано: Испанский Король

²⁹ Над строкой вписан знак вставки #

³⁰ ударились в аферу и почти все теперь вписано в нижней части листа без знака вставки

³¹ его(?) вписано

³² чуть вписано

- 18 знаменитой / знаменитый
 20 непрочность луны / непрочность
 22 Делает ее / Делал ее
 23 понятия не имеет / понятия не имел
 24 и часть деревянного масла / и деревянное масло
 25 вонь страшная: так что нужно затыкать нос / вонь такая³³, что нельзя
 показать (не дописано)
 26–27 там теперь живут / там живут⁰
 27 И потому-то самому мы не можем / Да, все носы. И мы не можем
 сами оттого
 28 ибо они все / что они все
 32–33 Бритые Гранды / Капудины
 34 очень умный / очень умной
 36 Монаршее желание / монаршеское желание
 36–37 полезли на стену с тем, чтобы достать луну / полезли на стену
 37–38 вошел Великий Канцлер ~ остался один / вошел с палкой Канцлер.
 Все увидевши его разбежались. Я один только, как Король

C. 221

- 1–2 Январь того же года, случившийся после Февраля / Январий того
 же года, случившийся после Февруария
 4 совершенно необыкновенны / совершенно для меня непонятны
 6 изо всей силы / из всей силы
 6–7 о нежелании быть монахом / что не хочу быть папой
 7 Но я уже не могу и вспомнить / Но я не знаю
 7–8 тогда, когда начали мне на голову капать / когда начали мне сверху ка-
 пать
 8–10 Такого ада ~ не понимаю вовсе / Я [впал] готов был впасть в такое
 бешенство, что едва могли удержать. Я ровно не понимаю
 11 Обычай глупой / А обычай глупый
 11–12 Для меня непостижима безрассудность / и я не понимаю безрассуд-
 ности
 12 не уничтожают / не выведут
 13–15 Судя по всем вероятиям ~ великий Инквизитор / Я целый час думал,
 для чего он? но ничего не [вспомнил] [надумал], совершенно потерял-
 ся в догадках. Я дум(аю), что я по всем вероятиям попал в руки
 Инквизиции [Но как же может король по(двергнуться?)] и что тот,
 которого я прин(ял) (не дописано), есть никто другой, как сам вели-
 кой Инквизитор
 16–19 Оно правда ~ водит / Мне кажется, что здесь мешается Франция и
 что все это штуки Талейрана, а если сказать по правде, то тайною пруж-
 жиною здесь
 22 Число 25 / Числа 25
 23 пришел в мою комнату / опять пришел в мою комнату
 25 начал звать / начал кричать⁰
 25–26 Сначала закричал ~ Аксентий Иванов! / Поприщин, Аксентий
 Иванов!
 27 Фердинанд VIII / Фердинанд II^й
 28 подумал: нет, брат, не надуешь / думаю, нет, брат, знаем мы тебя
 29 мне на голову / мне на темя
 29 Однако же он / Но однако же он [опят(ь)]
 30–31 больно бьется / больно бьет

³³ Над строкой вписано: страшная

- 31 за все это вознаградило меня / <за> все наградило³⁴ [меня]
 32–33 что она у него находится под перьями / что она находится у него под
 перьями не [так] далеко [от] возле хвоста
 34–35 совершенно пренебрег / совершенно пренебрегаю
 36 как орудие англичанина / как орудие исполнения

С. 222

- 1 Чи 34 сло Мц гдао. *qvrvvəff 349* / [Число] Чи 34 сло Мц гдъ
 2–4 Нет, я ~ сделал им / Они льют мне на голову холодную воду, они не
 слушают меня. Что сделал я им *Первоначальный набросок*: Боже, что
 они делают со мною, они все льют на самое темя мне [воду] [Льдом и
 вод(ой)] страшную воду, она как стрела расщеливает череп мой.
 Матушка моя, за что они мучат меня. [Царица] (Ко)ролева моя свет-
 лая [взгляни] ты види(шь), как жестоко поступают со мною за любовь.
 Ты [знаешь] ли видишь ли, как обижают меня (ЧН ЭпСм)
 5 Чего хотят / Что хотят
 5 Что могу дать я им? / Что получают от меня
 6–8 голова горит ~ тройку / Давайте мне тройку [быстрых коней] [тройку]
 9 взвейтесь, кони, и несите / взвивайтесь, кони, несите
 9–10 Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего / *В рукописи нет*
 11–12 лес несется ~ месяцем / Лес несется с [месяц(ем)(?)] [д(еревьями?)]⁰
 12 сизый туман стелется под ногами *вписано*
 12 струна звенит в тумане / *В рукописи нет*
 14 Дом ли то мой / Дом ли мой
 15–16 на его больную головушку / на мою больную головушку
 16 как мучат они его / как [меня] мучат они меня
 18–19 А знаете ли что, у Алжирского Дея под самым носом шишка / А зна-
 ете(?) ли что у французского короля шишка под самым носом

БОРИС ГОДУНОВ. ПОЭМА ПУШКИНА

Варианты БА БГ

С. 240

- 1–2 Борис Годунов. Поэма Пушкина. (*Посвящается Петру Александ-
 ровичу Плетневу*) *зачеркнуто*
 22 с пригнутыми немного пальцами / с пригнутыми пальцами
 23 как будто бы в ней / как будто бы между ними
 29–30 ручается успешная-с выручка / ручается успешная выручка
 30 А самое-то / А самое это
 30–31 чувствительно написано / с чувством написа(но)

С. 241

- 1 кинув убийственный взгляд / гордо кинув взгляд
 8–9 творение неумолкно звучит / творение звучит
 12 пожал Поллиор ему руку / пожал ему руку
 23 сохранялось в чертах его / сохранялось в чертах его, как будто бы
 душа его терпела муки невыразимые, непостижимые для
 25 терпела муки / терпела муки непостижимые
 25–26 Что же ты до сих пор / Что же до сих пор
 34 горланят на торжищах / горланят всенародно на торжищах

³⁴ Над строкой *вписано*: воз(наградило)

С. 242

- 9 объемлючий миры *вписано*
22–23 ослепительный камень / блестящий камень
25 на ветхих / на бранных
26 в величественном необъятном здании / в духовном
31–32 будут бесплодны / бесплодны будут
32 все твои попытки возму(тить) его душу / все попытки вызвать
35 ответными слезами / а. ответными глазами; б. ответными слезами на глаза

С. 243

- 1 говорю себе / думаю во глубине души своей
3–4 несмотря ни на какие разделяющие их бездны *вписано*
13 Возьмите, возьмите от меня все / Возьмите, возьмите все
18 счастья миру / счастья людям
23 светлыми херуви(ма)ми / лазурными херуви(ма)ми
27 над сим вечным / над вечным
38 Но нет, оно / Но нет, ты
40 светлых лучей и звуков / светлых лучей звуков

О ПОЭЗИИ КОЗЛОВА

Варианты БА Козл

С. 244

- 3 дать направление поэзии / привлечь к себе
5 жизни природы / жизни мира
6–7 ясными явлениями / светлыми явлениями
14 заключить / заключавшей
17 для нее / для него
18–19 в то страшное мгновение перерождения / в то страшное перерождение
20–21 меряться не имел он достаточных сил / сравниться не дано ему сил
22 Но даже / Даже
26 все великие горькие траты / все великие траты
26 Часто / Иногда
28 показать вместе / показать вместе с тем
28–29 позабыть и удалить мысль о нем / позабыть о нем
31–32 никогда бы не показались бы они / никогда бы не показались они
32 в таком ярком и даже увеличенном / в таком ярком даже увеличенном

С. 245

- 3 росло и увеличивалось / росло и увеличилось
4–5 в сих созданиях, в которых, кажется / в сих созданиях, кажется
8 носит в душе / носит в собств(енной) душе
10–11 устремиться к своему центру, самому себе / устремиться к самому себе
11 что там только его жизнь, что / что там его жизнь,
12–13 Если он долго ~ предмете / Когда же долго остановится он на каком-нибудь предмете
16 что в поэмах у него / что Поэмы его д(?)
21–22 что весь мир его сосредоточился / что вся она сосредоточилась
22 и его одного / а. и одну ее; б. и одного его
22–23 в многообразных изменениях / в ее многообразных изменениях
24 Что обнять / Что обнять жизнь

Варианты ЧА 1834

С. 246

- 2 как слились и столпились / сколько слилось и столпилось (окончания не исправлены — незаконченная правка)
- 3–4 Это та роковая неотразимая грань / а. Это Великий; б. Это та роковая мину(та)
- 7 Молю тебя ~ мой Гений! / а. Како(е); б. Молю тебя ~ Хранитель Ангел
- 8 пободрствуй надо мною / побудь со
- 9 весь этот так заманчиво наступающий для меня год / весь год
- 10 Какое же / Как
- 13 Будь и ты моим Ангелом / Будь моим Ангелом [бер(еги)] [бу(ди)?] [буд(и)?]
- 15 о разбуди меня тогда / буди
- 15 не дай им овладеть мною / не дай им в(ладеть?)
- 16 мно(го)говорящие цифры / мно(го)значительн(ые) цифры
- 16–17 как неумолкающие часы, как завет, стоят передо мною / стоят
- 23 низкой бесцветности / ничтожной бесцветности
- 24–25 увенчанном многоплодными садами / среди
- 26–27 с своими так гармоническими обрывами / неправильн(?)

С. 247

- 2 чистые очи / небесные очи (не зачеркнуто)
- 4 хоть два часа каждый день / хоть немн(ого)

КРОВАВЫЙ БАНДУРИСТ

Варианты КО КрБд

С. 248

- 8 которого прежде одно появление / которого одно уже появление

С. 249

- 27 изыди, диаволе / изыде, диаволе

С. 250

- 19–20 бросал в лицо / бросил в лицо

С. 251

- 14 Это была четырехугольная / Это была почти четырехугольная

С. 252

- 26 Попался, псяюха! / Попала, псяюха!
- 39 знаю добре твою морду / знаю добре твою рожу¹
- 41 разорвали верхнюю эпанчу / разорвали верхний кобеньяк
- 42 которую закрывался / которым закрывался

С. 253

- 9 как могла быть баба / как могла баба
- 11 Как ты, — глупая баба, дьявол бы тебя / Как ты, — терем-те-те басам-зенята
- 12 Але как ты смела? / Але как ты смела обмануть?

¹ В корректуре: роту (опечатка, вызвавшая вынужденную правку)

- 26–35 Губы несчастной ~ перед смертью / а. О, не говори! не говори! — про-
 стонал неизъяснимо ужасный голос из одного угла пещеры; б. Как в
 тексте, с указанными ниже вариантами (вписано на развороте
 корректуры, на полях внизу)
- 27 напряжение их / напряжение ее
- 28 странным происшествием / странным событием
- 29 умоляющие слова / слова
- 33 слышавшие / слышавший
- 33–34 на голове / на головах их
- 41 не присовокупив на этот раз / не присовокупив

С. 254

- 6–7 адские мучения / страшные мучения
- 10 Сердцу с не совсем оглохлыми чувствами / Для сердца, в котором бы
 даже закалились чувства
- 11 Страшно внимать хрипению / Страшно видеть хрипение
- 12 оно может вынести / сердце может перенести
- 13 Когда же врывается в слух стон / Когда слышится стон
- 15 даже сквозь самую ярость мести не ужалила / не уязвила хотя не-
 сколько
- 18 Говори, я тебя / Говори, терем-те-те
- 22–23 так же явственно ~ «Не говори, Гануелка!» / довольно явственно
 раздался и произнес снова медленно: «Не говори!»
- 33 Бандура на кожаной ржавой перевязи висела / Бандура висела
- 41 1832 года / [Гогель] Гоголь. 1832 года.

〈НЕСКОЛЬКО ГЛАВ ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВЕСТИ〉

Варианты ЧА НескГл с включением ЧН НескГл

С. 257

- 4 апрель 1645 года / а. 1623(?) года; б. 1626 года
- 8 давно уже обнимала землю / давно уже облекла
- 11–12 будто обновилась / будто обновилась и моложаво усмехнулась
- 12 толпились козаки / толпились ходоки
- 15 17 столетия / 18 столетия
- 15 Мужественные / Мужественные, загорелые
- 16 худощавые, с резкими чертами лица, подбритые головы / худощавые,
 но исполненные атлетской силы бритые головы
- 19–20 Странно было глядеть на это море голов, почти не волновавшееся /
 а. глядя; б. Глядя на это море голов, почти не волновавшееся. [На это
 остановившееся движение страстей на лицах] На эту
- 27–28 означивалась на нем / вызнача(лась)
- 29 ожидал бы в стороне непременно / ожидал бы непременно

С. 258

- 3 обращаться на него / обращаться на него выход(я?)
- 3–4 для торжественного хода / для торжественного ходу
- 6 стояли несколько жидов / стояли несколько Жидов помечая мело(м)
- 8 пасхи, приносимые для освящения христианами / а. пасхи, которы(е);
 б. пасхи, приносимые для освящения ими
- 9 каждого выходившего / каждого проходившего

- 9 дрогнули скулы. *К этому месту относится фрагмент:* Правительство или лучше сказать Деспотические магнаты мимо правительства с страною имевшею собственные Постановления¹ Поступало безрасудно с народом имевшим. — Но величайшее [заблуждение] ошибка его состояла его в том, что решилось унижать веру [народа кот(орый)] соплеменного народа, который оказывал им почти изумительную покорность при этой ширине разгульной жизни, [и] но который вместе с тем будучи доведен до крайности мог показать весь вихорь самых сильных и² порывных страстей. [Не употребляй] Не одевая своей власти нетерпимостью Польша в соединении этой земли воинствен(ных) козаков (*ЧН НескГл*)
- 10 уже давно объявлено / а. уже изве(стно); б. уже объявлено
- 11 оппозиционисты были испровержены / а. выходя; б. Для(?) выходя(щих?)
- 13–14 приводимого в исполнение / приводимого в действие
- 14 изумлялись исполнению, как будто / изумлялись, как будто
- 20 потрясало / давно потрясало *Над строкой вписано:* выстрелы из пистоле(тов) и мушкетов
- 21 На всех лицах / Лица

С. 259

- 3 поседевшего / седо(го)
- 4–5 он не вносил за них денег / он не там купил их где
- 6 целая толпа готовилась / целая толпа окружила и готовилась
- 6 задавить жидов / задавить нещ(астных?)
- 8–9 одним своим мощным взглядом / одним своим видом
- 10 Люди стоят / Людя(м)
- 17–18 то, будучи ободрен незваною помощью / будучи ободрен защитою
- 20 Э, не понимаешь / Ты чего хочешь
- 21 Ступай же / ступай, ступай же
- 23–24 как лягушка / как лягушка и
- 24–25 с страхом(?) и без памяти пустился бежать / пустился бежать
- 25–26 с начальником польских улан / с отр(ядом?)
- 29 Лысый бес в кашу с смальцем! / чтоб
- 31 и на кого излить / и кого
- 32 если бы жид / если бы сметливый жид
- 34 Что ты, глупой холоп / Что ты, холоп
- 36 Знаешь, что борода попа вашего / Знаешь, что его
- 37 еломок краше / еломок лучше
- 38 Тут схватил / *Над строкой вписано:* При этих

С. 260

- 1–2 дери меня за чуб / дери меня за чуб, дери
- 4 когда я был хлопцем у батька / когда я был у батька
- 4 опять бьют / а. опять де(рут); б. опять бьют меня
- 6 При сих словах стодвадцатилетний старец наклонил / а. При сих словах наклонился; б. При сих словах старец наклонил
- 7–8 и, подпершись ею, долго стоял / и стоял
- 8–10 В словах старца ~ за сабли и пистолеты / [Заметно было, что многие] В словах старца было невыразимо трогательное, заметно было, что многие хватались рукою за сабли и пистолеты [заметно было, что многие]
- 11–12 тихо почти каждому *вписано*

¹ Вертикальная разделяющая черта в рукописи

² самых сильных и *вписано*

- 14 Что ты врешь / Что врешь
 15 руки марал / *Над строкой вписано:* пачкал
 16–17 пусть его освященным сухарем разговееся!.. / Пусть *Над строкой вписано:* <1 нрзб.>
 24–25 и двигаясь толпа народу обступила / Тогда
 25 козака, так заинтересовавшего / козака, заинтересовавшего толпу
 26 к исправлявшему звание алгвазила / к исправлявшему звание Алгвазила
 27 проговорил он / <1 нрзб.> он
 29–30 Славный! Только не туда ты, пан, его крутишь / а. Только не т(уда); б. Славный! Только не туда ты крутишь его
 30–31 дернувши его сильной рукою / ухватя его сильной
 31 осталась у него / осталась в руке его
 32–33 [сделалось цвета вареной свеклы / сдела(лось) так же красно
 33 Рубите его! рубите лайдака! / Рубите его! все на *Над строкой вписано:* он кричал
 33–34 Но почувствовав себя / Но увидя себя *Над строкой вписано:* <3 нрзб.>
 37–38 стал бесчестить / стал бы бесчестить
 40 не у короля в службе был / не у короля был

C. 261

- 7 таки точно взаправду знаю / таки точно знаю
 7–8 Не Острица ли вы Омельченко? / Чи Омельченко ли вы
 9 Ну так! / Так!
 10 то Тарас Острица / то Острица
 11–12 Нет, Острица. Ей, тебе так показалось / Нет, Острица. Ей то только тебе так показалось
 12–13 Как только послушал голос / Как только же заговорили
 13–14 покойный батюшка / покойный батюшка, да(й) Боже ему
 21 насунувшихся бровей, которые / насунувшихся бровей, что-то в
 22–23 простодушное и веселое в губах не давало / *Над строкой вписано:* <1 нрзб.>
 26 Я верю и не верю, что вижу опять вас *вписано*
 26–27 не во гнев будь сказано, прошу извинить / как бы так сказать
 27 но я хотел бы узнать / Хотел бы узнать
 28–29 воротились ли они / верн(улись?)
 33 Я тебя тоже узнал / Я тебя узнал
 34 Христос воскрес!.. / Похристо(суемся)
 34–35 Воистину воскресе / Воистину воскресе. Как на зло не
 38 Ну, Пудько *вписано*
 39–40 Еще слава Богу, что продал табак / Еще слава Богу, продал табак
 40 и (на?) зиму опять / и опять

C. 262

- 3 ей-Богу надул, хоть бы четвертку горелки дал / а. хоть немного; б. хоть что немного
 4 всего скота / всей худобы (всея не зачеркнуто)
 4–5 2 кобыл взяли / кобылу взяли
 6 на гнедого коня *вписано*
 11 пане сотнику *вписано*
 13–14 и храмы Божии взяло на откуп жидовство / а. храмы Божии побрало; б. и храмы Божии взяло на откуп Жидовство. Прежде было горелку
 15–16 Каково было снести всякому христианину, что горелка находится (у) врагов Христовых? / а. Просто было горелку; б. И то

- 18 Говорят, как свечка полетел / Говорят, так
 22–23 Вы слышите, как ~ хаты вздраги(вают)? *вписано*
 25 чем дома с бабами / чем с бабами
 25–26 Пусть жинка и дочка остается сама / Пусть жинка остается сама
 29–30 были оставлены / были оставлены. Народ
 32–33 с оборванным усом / *Над строкой вписано*: видно было, что многие
 (1 нрзб.)
 35–36 козаки, рыцарство и посполитый народ / а. козаки и весь мир право-
 славный; б. козаки и посполитый народ
 36–37 произнес он, возвысив голос / произнес громким, как колокол, голосом
 38 гневный говор между молодежью / говор молод(ежи?)
 38 В другой раз хочет / Уже другой раз хочет
 39 У кого есть свой разум, послушайте / Послушайте
 40 Молоды вы еще / Разве
 41 как делают по-козацки / как по-ко(зацки)

С. 262–263

- 41–1 против трех / против десяти
 С. 263
 3 то, что..... плюнуть хочется / то..... что плюнуть хочется
 4 не скажу страмного слова / не скажу страмного
 4 Как же назвать тех теперь, братцы / Как же назвать тех, братцы
 7 заметив размышление / заметив внимание
 12 топтала нас ногами / топтала под ногами
 17 а может быть, и лень тому мешала / а больше, может быть, лень
 мешала
 18 Крепко бьется / А крепко бьется
 19 принес дурень секиру / принес секиру
 22–23 «Тут виноват, виноват король» / «Нет, нет, — кричали, — зачем же
 дубину бить. Тут виноват, виноват король»
 25 выехал из местечка / выехал из деревни
 27–28 Множество скопившихся чувств нудило его к раздумью / Скопивши-
 еся чувства нудили его к единению
 28–29 нежно одевающиеся деревья / *Над строкой вписано*: (1 нрзб.) и
 30 на вечно упительной природе / на вечно девственной
 32–33 поворотил с дороги / поворотил в дорогу
 34–35 не слишком, кажется, был не доволен / не слишком был доволен
 любимой привычке своей говорить / привычке своей поговорить
 36 А правда, важно жид болтается на виселице. А пана / А правда не
 дурно жид болтается на той виселице. А то(го?)

С. 264

- 3 Может, ты еще спросишь / Ты
 5 он ударил хлыстом / он хлестнул
 6–7 развесил уши и начал ступать уже шагом / начал ступать уже шагом
Под строкой вписано: Конь уже давно ступ(ал)
 10–11 сивухю попотчивают / сивухю попотчивают. Что
 11–12 что лучше для коня / что лучше
 13–14 одной маленько(й) пташке... / одной птичке
 17 к Остринице, давно скакавшему / к Остринице, п(р)оворно
 потерял из вида своего сотоварища / ускользнул от своего сотоварища
 23 еще более увеличивали собою яркость / а. еще давали яр(кости);
 б. еще более давали; в. еще больш(е) уве(личивали)
 24 небесной лазури / небесной лазури. Ветру не было
 27 как будто лес из зеленых игол / как будто куча зеленых игол

- 29–30 была прорыта эта дорога в горе / а. была раскопана гора; б. была прод(елана)
 30–31 по обеим сторонам недо(ст)упного обрыва / по обеим сторонам обрыва
 32 как разящие копь(я) *вписано*
 33 перемежевывала их лоза вся в отпрысках / перемежевывали их неправильные клены в отпрысках
 33–34 которому сто лет, и весь он / и весь
 35 вершину свою над не(ю) / вершину свою
 37 на противоположную сторону / на д(ругую?)
 38 и сыпала на голову путешественника / и овеивала(?)
 39 цветы свои (1 нрзб.) / цветы свои как из

С. 265

- 1 самых нежных первенцах весны. *К этому месту относится фрагмент:* В другом месте деревья так тесно и часто³ перемеживались между собою, что образов(али) несмотря на молодость листьев совершенный мрак, на котором резко зеленела обхваченная лучами солнца молодая ветвь. Здесь было изумительное разнообразие. Листья осин⁴ трепетали под самым небом. Клен простирал свои⁵ листья [как] похожие на зеленые лапы, узколистственный дождь рябин еще более сгустил листья дубов чаще (3 нрзб.)⁶, а терновник и дикий глод, [завдвин(увши)] оградивши их колючею стеною, скрывал темные стволы и сучья, и только очень редко северная береза высовывала из их листьев часть своего ослепительного как рука краса(вицы) ствола (ЧН НескГл)
 2 и наконец / и наконец извивавшись по
 4 сквозь которые / сквозь которые ст(лались)
 5 и над нею стлались хутора *вписано*
 11–12 Посреди хутора над прудом находил(ась) / Посреди хутора находилась
 13 Серая очеретяная / Очеретяная
 15 с белою трубою / с каменно(й)
 15 китайскою черною крышею / китайскою крышею
 19 стараясь идти как можно тише / соблюда(я)
 24 Это слово / При этом
 27 Я дам тебе пряник / Я дам тебе пряник за это и золотый
 37 Шелковая плахта / Шелковая плахта и с золотым шитьем
 38 так что все формы ее / означивались все формы ее

С. 266

- 2–3 она подняла голову / *Над строкой вписано:* дотоле опущенную голову
 7 Но в этом своенравном / *Возле этих слов (начало строки) поставлен знак*. Предположительно к этому месту относится фрагмент:* Одежда ее была так фантастически пестра, что казалось она принесла⁷ с собою кучу самых разнородных цветочей, которые казались шевелились и волновались [по мере] между деревьев по мере того, как она шла. С(ама)я(?) яр(к)ая шелко(вая) плахта, почти скрытая под кашемировою с турецким узором(м) запаскою, сладострастно льнула и вызначала всю роскошную выпуклую фор(му?)⁸ выступавшей ноги. Только до пояса простиралась вся эта пестрота богатого убора, на груди и на руках трепетала белая как снег сорочка, как будто [ни что],

³ и часто *вписано*

⁴ Было: трепещущие осины

⁵ В рукописи: свой

⁶ листья дубов чаще (3 нрзб.) *вписано*

⁷ *Над строкой вписано:* на(несла)

⁸ *Вместо:* выпуклую фор(му?) *было:* выпуклость

кроме [тонкого] [чистого полотна]⁹, не должно прикрывать девических персей. Складки сорочки падали каскадом на упруго¹⁰ [дрожащие] молодые груди дрожали

Нигде так не хороши [перси] девическая¹¹ грудь, как под полотном, он видел как [упругие] молодые груди подымая свои дышавшие негою куполовидные [вершины и д(рожали?)] перси и [ежеминутно их] тотчас опускали их, после чего они упруго дрожали под своим покровом (ЧН НескГл)

⁸ словно огненном или живом *вписано*

⁹ От взгляда ее холонуло / а. Один взгляд; б. От взгляда ее вдруг холонулось

^{17–18} повторила она, немного успокоивш(ись) / а. она; б. повторила она, — где; в. повторила она, немного успокоивш(ись). — Что он будет

^{20–21} татарским конем / хозар(ским)

^{22–23} краснела и бледнела, не произнося ни одного слова / не говорила ни одного слова (слова не зачеркнуто)

²⁵ Я не один / Я не один. Не поймают

^{28–29} и склонила к нему на грудь разгоревшееся лицо / и склонила разгоревшее(ся) лицо (2 нрзб.)

³¹ не то поедem / не то поедem к Турец(кому)

³⁶ Нет, нет, нет, козак / Нет, козак

³⁸ чем все сокровища / чем все золо(то)

С. 267

⁷ станем присматривать за матерью / будем лелеять матуш(ку)

¹³ Но что будешь делать / А теперь

¹⁴ Еще бы я кинула / а. Что будет тогда; б. Что [станет] тогда

¹⁷ Она и то говорит / Она и теперь говорит

^{17–18} видно скоро поставят надо мною крест / а. что ей снилась хата темная, темная, без дверей, без окон; б. видно скоро меня

^{18–19} то что замуж выходит она / *Над строкой вписано: <1 или 2 нрзб.>*

^{23–24} я как хмелинонька около дуба вьюсь к тебе / а. я как тычинка; б. я как хмелинонька теб(я)

²⁴ обвивая его руками / обвивая его руками. — Я без тебя ничего не вижу

²⁹ О, ваш род таков / Ваш

³² что тебе нужно / что тебе нужно сейчас

³⁷ Не плачь, моя / Не плачь, моя¹². Я нарочно, чтобы тебя

С. 268

⁵ как желая вспомнить / как припоминая

¹⁰ к самому хутору / к самому хутору. Ему бы хотелось очень взглянуть на те

¹³ его занимали / его терзали

^{14–15} не чувствовал, почти не заметил, (как) конь / а. не заметил; б. не чувствовал, почти не заметил он

^{16–17} как заливавшиеся со всех сторон собаки ~ хотели ее укусить за морду *вписано на полях слева без знака вставки перпендикулярно строкам текста*

^{18–19} ветки вишен, которые, перекидываясь ~ хлеставши / ветки вишен, перекидываясь ~ хлестали

⁹ *Над строкой вписано:* ничто [так] нейдет как чистое белое

¹⁰ *Было:* упругие

¹¹ *девическая вписано*

¹² *Так в рукописи*

- 21 окошки *вписано*
 22 которого будят / которого будят рано
 24 неподвижною рукою / ленивою рукою
 26 и во сне *вписано*
 28 еще так жив(ительны) / *Над строкой вписано*: падают на
 30 чуть не наехал на улан польских, спящих в их мундирах / а. почти;
 б. чуть не наехал на спящих в их мундирах

C. 268–269

- 38–1 был тронут слегка тем самым / был тронут тем самым

C. 269

- 2 схватиться за саблю / вырваться
 3–4 здесь не в обычае / отвечал
 6 Осмотревши / а. Об(смотревши); б. Осмотревши стремительно
 8 Чего вам нужно / Чего вам нужно еще
 11 Да это ж ты, мой голубчик! / Да это ж мой голубчик!
 14 Тут Горпина (за)рыдала навзрыд / Тут Горпина [пустилась] завыла навзрыд
 17 Чего сдурю ты заревела / Чего ты заревела, [чтоб тебе] дьявол бы тебе начхал
 21–22 Еще когда ты маленьким был, носила я на руках тебя / Еще когда маленьким был, носила на руках тебя
 23 Охо, хо, хо / Господи
 23–24 принялась рыдать / пустилась рыдать
 25 сказал Острианица, приметив / сказал Острианица, [который] приметивший
 35 Добродию, позволь / Добродию, позвольте
 38 и, сбросивши / и улег(ся)
 39 дорога, голод / усталость, голод
 40 что он, разлегшись / что р(азлегшись)
 40–41 в совершенной бесчувственности / совершенно

C. 270

- 2 принадлежала еще деду / принадлежала отц(у)
 2–5 Очень замечательная достопамятность ~ трудолюбие и общежитель-
 ность *вписано на полях слева без знака вставки перпендикулярно*
строкам текста
 3–4 производили жестокое опустошение / распро(стра)няли [разрушение]
 жестокое разрушение
 4–5 что успевало сделать / что могло
 7 время у нас *вписано*
 8–9 как будто, кажется, строитель был твердо уверен, что существование
 должно быть эфемерно / а. строитель знал, на какое время; б. кажется,
 строитель был твердо уверен, что она стр(оилась)
 9–10 Но однако же с поправками / Стены были
 12 Пол в комнате / все
 13 но так был чисто выметен / но так был чист
 13–14 что на нем можно было лечь, не опасаясь / что на нем казалось ни
 пылинки
 14 В углу комнаты / Уг(ол)
 17–18 подобия человеческим лицам / а. челове(ские); б. подобия челове-
 ческих лиц
 18 состояла из / бы(ла)
 19–20 круглые матовые стекла / белые матовые стекла

- 22 Он был изображен / Темные краски
 22–23 в кольчуге, с парюю заткнутых за пояс (пистолетов) *вписано*
 26 Над дверьми висела тоже / Над дверьми тоже
 34 Подальше висели несколько / Подальше несколько
 39–40 стол был уставлен деревянными блюдами / стол уставлен блю-
 д(ами)
 40 с яйцами / с поросятами

C. 271

- 2–3 вот тебе и сметанка / *Над строкой вписано и зачеркнуто*: говорила
 3 Куды ж как / *Над строкой вписано*: он
 4 А я-то думала / А я-то думала еще с утра
 4–5 А я бегала, как бы ему / А я бегала, чтобы
 6–7 и запорож(ец) / *Над строкой вписано*: Пудько
 8 рыцаря / Остр(аницы)
 9 попробуй только зареветь / толь(ко) зар(евн)
 10 Это остановило намерение Горпины / Этот взг(ляд)
 10 Кушай, кушай, сынку мой / Кушай, кушай, мое
 14–15 и (с)хватив / и ухватил
 15 вместо палки(?) / вместо кия(?)
 18 что ты стара / что стара
 19–20 Горпина, которая привыкла / Горпина, привыкши
 25 вышел вслед за Остраницею / вышел вслед из
 30 тому, что он еще говорил вечером / тому, что говорил вечером
 32–33 Заметно было, что на него много сделали влияния запорожцы *вписано*
 40 и которой лежал / лежав(шему)

C. 272

- 2 и присоединиться к другим / и самому последовать примеру других
 (последнее слово не зачеркнуто)
 8 и силою ложились в его мозг / ложились в его голову *Над строкой*
вписано: текли(?)
 8–9 его приезд понапрасну / его приезд понапрасну, она не
 17 пахнет мне на щеки / *Над строкой вписано*: облекшись(?)
 18–19 О! как чудно! как странно / Чудно
 21–22 Она с(е)бе так, как ни в чем не бывало, глядит беспечно и не знает, что
 за муку произвела *вписано на полях слева без знака вставки*
 23 Между тем луна / Но
 24 на время успокоили / на время утишили
 25–26 Они излились в длинном монологе, из которого может быть узнают
 сколько-нибудь о жизни героя *вписано слева на полях*
 26–27 оставить бедную мать / оставить мать
 28 для которой нет ничего / а. Нет, она права; б. которой нет ничего
 29 Она одна для нее радость / Одна для нее радость
 30 Отца я не видал / Батка я не видал
 35 Чужие пригрели / Чужие воспи(тали)

C. 273

- 3–4 Однако ж (хо)ть грустная, а все-таки радость была / а. Однако ж все
 было как-то; б. Однако ж грустная, а все-таки радость была
 5 как измывался католик / как поступают католики
 6–7 Подожди, ляше, увидишь, как растопчет тебя вольный как степи
 народ / Подожди, Ляше, как растопчет вольный народ
 11 почти силою уже заставили / силою уже заставили
 12–13 Что-то делают теперь в полону / Что-то делают теперь в полоне

- 15–16 Бежит все Запорожье, увидав / Бежит все Запорожье, потому что
увидали
18 но не правая месть и не жажда искупить / но не правая месть и жаж-
да искупить
21–22 только сидеть бы возле ней, уставивши на нее очи, прижавши ее ближе
к себе / а. только бы глядеть и все глядеть на нее; б. сидеть бы, сидеть
возле ней, уставивши на ней очи, прижавши к
32–33 воображал себя с нею / а. представ(лял); б. воображал себя живущим
с нею
35 кобеняк слетел / рас(с)тегну(тый?)

С. 274

- 3–4 белые намитьки / белые намитьки, одни(м словом?)
4 одним словом, двор / *Над строкой вписано:* так испестрен(ный?)
12–13 две страшные бочки / две порядочные бочки
13 Хозяин пригласил за стол всех гостей и хуторянцев / а. с медом для;
б. на которые Острица
20–21 стоял неподвижно, только почесываясь / стоял неподвижно, ка(к)
21 и сколько мог удерживал стенания / *Над строкой вписано:* позволя-
ли силы
24 Вот это тебе / Так вот это тебе
26 Вот тебе до пары / Вот тебе еще до пары
27 А этот вкусен, признайся, вкусен / А вот этот вкусен, правда вкусен
30 я знал, что будет весело / я знал, что весело
31 атаман, увидев / *Над строкой вписано:* наконец почувствовали
36 Говори, любезный / Скажи

С. 275

- 1 охота берет люльку затянуть / а. Хоче(тся); б. охота за(тянуть)
3 Что за козак / а. не быть; б. кто
12 Гм... / Возвратиться ни с чем — погано
17–18 Только я не пойду с вами / Только мне нужно буд(ет)
26–27 говорил старый Куз(убия) / говорил старый Пуд(ько)
27 Еще и родниться задумал за мною / Еще и родниться задумал за себя!
Дурень, дурень
28–29 И достало духу / И достало же духу
31–32 Старый Кузубия ~ равняет(ся) с старшим *вписано на полях справа
без знака вставки*
32 с старшим / с старшинами
32 Знать должен / Должен знать
33 не жди милости / нет уже милости
36 окончивал он свою речь / окончивал свою речь

С. 276

- 1–2 в этот несчастной остаток человека / в это жалкое несчастное
5 некогда как уголь, огонь, буря / некогда пылавшие всем жаром стра-
сти (страсти не зачеркнуто)
10–11 и обратилось наконец / а. осталось; б. и осталось наконец

(МНЕ НУЖНО ВИДЕТЬ ПОЛКОВНИКА)

Варианты ЧА и БА Полк

С. 277

- 5–6 сторожевой козак / полков(ой?)
7 грубо искрошенный табак / крошенный табак
8–9 разнесла во все концы мира / разнесла
9–10 Трубка ~ в зубах / Трубка давно у него была в зубах, но еще не наби-
вал ее, рассматривая с чувством человека, в первой раз увидавшего эту
диковину
12 с уже мужественными чертами / с довольно мужественными чертами
14–15 промолвил, поглядев ~ рукав / поглядев на него почти презрительно и
закинув назад алый рукав
17 Отчего же он не станет / Отчего он не станет
18 ты еще недавно / ты еще (1 нрзб.) недавно
25–27 в коротком плаще ~ пистолетами / в коротком плаще, простеганном
золотом, с серебряными вычеканенными пистолетами
27–28 привесною к поясу чернильницею / привесною чернильницею
30 Молодой человек / Молодой человек повалился

С. 278

- 1–2 с тем безгранич(ным) повиновением / с тем [деспотизмом] повинове-
нием, представлявшим совершенно (не дописано)
2–3 которое так странно ~ козацкие войска / а. которым так отличались
козацкие войска; б. которое так странно вмещалось и в одно время
4–5 Ему, казалось, на вид ~ величаво опускались вниз *вписано*
4 Ему, казалось, на вид / с виду
6–10 Длинный синий рубец ~ управлять уздою *вписано на полях без
знака вставки*
6 рубец на щеке и лбу / рубец на щеке и лбу придавал какое-то
11–12 валялось на полу / валялось на полу. Ку(ль?)
21 мой любимый кум и мой любезный приятель / мой любимый кум
23 как следует / как следует, не так, как
24 видел, как козак / видел, как козак при
25–26 у меня пистоль был заряжен / у меня пистоль был заряжен (1 нрзб.)
32 в темном длинном кунтуше / в темном длинном кунтуше, прида-
вав(шем)
34 Мне наскучило ждать, я / Мне наскучило ждать, я уже
37–38 готова и прочищая свою трубку / прочищая свою трубку
39 мать моя родная / мать моя

С. 279

- 4 теперь спит / спи(т)
5 Лжет он. Я не сплю / Лжет он. Пан Полковник не спит

СТРАШНАЯ РУКА

Варианты ЧА СтР

С. 280

- 5 Один фонарь только озарял неровно / Фонарь в конце [улицы] едва озарял
6-7 и остав(лял) в мраке деревян(ные) / а. Такой бле(ск)(?); б. тогда как деревянн(ые) казал(ись?); в. тогда как деревянн(ые) из серых превращались совершенно в черные

〈ФОНАРЬ УМИРАЛ〉

Варианты ЧА Фнр

С. 281

- 3 одни-только белые каменные дома кое-где вызначивались / [Низенькие домики, то каменные] белые, [то черные] каменные дома вызначивались
12 Он был / Э(то?)
16 готовый / приго(дный?)
16-17 но еще покамест ничего кроме / но еще не занявший ничего кроме
22-23 Наконец подходя к большому проспекту, особенно остановил внимание н(а) одном доме / а. Наконец один; б. Наконец подходя к большому проспекту, особенно остановил его внимание
27 разбросанными штукаами материй / разбросанными материями
27-28 Газ почти невидимы(й), бесцветный / Газ самый воздушный, бесцветный
29 Палевые цветы / Оранжевые цветы
30-31 светились из-под газа / светились из газа

С. 282

- 3 стройная(?) женская фигура / женская фигура
3 все для студента / а. Женская; б. Что может быть более иметь для Студента
4 в ослепительно божественном платье / в ослепительно божественном костюме
4-5 в самом прекраснейшем белом / а. в самом прекрасном белом; б. в самом прекраснейшем в прост(ом) белом
5 Сколько поз(э)ни / Какая поз(э)ния (окончание не исправлено)
6 Но белый цвет, с ним нет сравнения / Какой цвет, что может быть жарче, пронзительнее белого цвета
7 в белом / в белом платье
7-8 Она царица, видение, что похоже на самую гармоническую мечту / Она царица, видение, мечта (1 нрзб.)
8 Женщина чувствует это и потому / Женщина чувствует и потому
8-9 в важные(?) минуты преобразается в белую / не всегда на минуты
9 Какие искры пролетают / Какие искры летают
11 все чувства переселяются тогда / все тогда
12 в едва слышимый, но музыкальный шум / в неслышимый шум
13-14 Это самое высшее и самое сладострастнейшее сладострастие / а. Это самое высшее сладострастнейшее; б. Это самое высшее сладострастие

- 16 чудесное видение / чудесное платье
 16–17 которое, стоявши с наклоненною на сторону головою, охваченною до-
 садною тенью / которое стояло поворотив голову в сторону
 20 под капризно и обворожительно поднятым / под стройными подняты-
 ми
 21 были невыносимы / были нестерпимы
 26–27 выдвинулась далее / выдвинулась еще далее

〈ДОЖДЬ БЫЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ〉

Варианты ЧА Джд

С. 283

- 5–6 задернула ~ что прежде видел глаз / а. задернула [даль] близь газом,
 даль; б. задернула соверш(ен)но все [почт(и)], что прежде видел глаз
 6–7 и только ближние ~ сквозь тонки(й) газ / а. между тем как [все]
 [домы] передние дома обвиты были газом; б. и только [пока-
 з(ывались)] до(мы)?
 8 Еще тусклее над ними балкон / выше их балкон
 8 выше его еще / еще выше его
 9 потерять в дождевом / потерять в тумане
 10 отлич(ал) ее немного от воздуха / отлич(ал) ее от воздуха
 11 люблю я это время / люблю э(то)
 12–13 которые останавливаются / которых останавливают
 17 любезный молодой <человек> / [вы(сокий)] длинной [франто(ватый)]
 фронт
 17–18 которое ~ ридик(юль) / меньше порядочного яблока
 20 А вот и суровая дама / А вот и дама
 21–22 далее чего нельзя поднять / до тех пор, как
 24 зеленые, как его воротничок / зеленые, как воротнички его
 28–29 меняет ~ от температуры / меняет свой цвет от
 29–30 как его канцелярский поряд(ок) / как [вицмундир] его канцелярский
 поряд(ок) и ловок
 30 Навстречу русская борода / Но Боже!
 31 на спине или, лучше, на шее / на спине и лу(чше)
 32 С какую купеческую ловкостью / Как ловко

С. 284

- 1 тяжело ~ обвернутая / [э(та)] тяжело пыхтит эта масса мяса, завер-
 нутая
 4 и жирное мясо этой обитательни(цы) / и мясо этого
 6–7 за наглое бесстыдство плутовской бороды / за Моше(н)ничество бес-
 стыдной бороды
 9–10 что же может сделать дождь / где ж
 11 увеличился, переменял / [не стал] увеличился и переменял
 12 <с> шумом хлынул в крыши, мостовую / [ударил(?)] сильно по] шумно
 хлынул в крышу
 13 Окна в кондитерских / Окна Магази(нов)
 14–15 долее всех глазевшая, спряталась / [спрятался] доле(е)

⟨РУДОКОПОВ⟩

Варианты ЧА Руд

С. 285

- ²⁻³ Фамилия его была Рудокопов / Назову его
³ и действительно отвечала его занятиям / и самая фамилия чрезвычайно
⁵⁻⁶ да сотню десятин / сотню

⟨НА БЕСЧИСЛЕННЫХ ТЫСЯЧАХ МОГИЛ⟩

Варианты ЧА НБТМ

С. 286

- ³⁻⁴ огромных великих происшеств(ий) / прои(сшествий)
⁶⁻⁷ разностихийных политических обществ / полит(ических)
⁷ пересуществовало / пережило
⁸⁻⁹ рушились с своих пьедест(ал)ов(?) целые велик(ие) народы *вписано*
⁹⁻¹⁰ Сколько бесчисленных революций раскинуло / а. Сколько Революций от(?); б. Сколько бесчисленных революций с бесчисленными следствиями раскинуло

⟨ОТРЫВОК ДЕТСКОЙ КНИГИ ПО ГЕОГРАФИИ⟩

Варианты ЧА ДетКн

С. 287

- ⁸⁻⁹ Когда были ~ по реке / а. [как] Когда мы все обед(али); б. Когда были маминькины именины и мы все обедали в саду [как]
⁹ играла все в саду / играла в саду
¹⁰ Как они растут / Как они стоят
¹¹ не правда ли, сестрица Соничка / не правда ли, Соничка
¹¹ ведь они достают до самого неба / ведь они достают достают
¹¹⁻¹² Как все тепло тогда / Как
¹²⁻¹³ зачем не приходит так долго это веселое лето / ах, когда бы скорее уже лето (*не зачеркнуто*)
¹⁴ а осени и зимы / а зимы
¹⁵ и духу (не) слышно / совсем и духу
¹⁷⁻¹⁸ фиговое дерево, пальма / фиговое дерево. Там живут звери самые больш(ие) и самые страшные и самые лютые
²⁰ Не совсем весело / Не
²⁰⁻²¹ самые страшные и самые лютые / самые страшные, самые лютые
²¹⁻²² люди, которые ничем не лучше зверей / люди, которые ничем не хуже зверей
²³ Они (не у)меют / Они (не у)меют те люди

- 24–25 А лица ~ ⟨у⟩ трубочистов / а. И все черны; б. А лица у них такие
черные
- 27 такие места на земле нашей / такие земли
- 27 холод вечный / голод
- 28 так скучно в тех местах, так уныло / так скучно в тех местах

С. 288

- 3 ловят рыбу да оленей, которые одни только и живут там / а. ловят
рыбу и одну ее только и едят; б. ловят рыбу да оленей, которые одни
только и живут там
- 4 Снега так там ⟨м⟩ного ~ или сапогах / в тех местах и пройти нельзя
- 6 придельывают под сапоги себе / придельывают к сапогам своим

Комментарий

Третий том Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя состоит из двух не равных по объему частей. Основу тома составляют «Арабески» — вторая-третья (смотря как считать, см. ниже) книга на пути писателя (не считая «Ганца Кюхельгартена»). Во второй части тома собраны разнохарактерные, пестрые материалы раннего творчества Гоголя, не вошедшие в три его первые книги, — художественные тексты, статьи, лирические и риторические наброски. Ряд этих текстов генетически связан с «Арабесками», некоторые автор предполагал включить в книгу, и в целом все эти ранние материалы естественно группируются вокруг «Арабесок», про которые Гоголь писал по их выходе (М.П. Погодину, см. ниже), что хотел в этой книге «выбросить из моей конторки все старое». Таким образом, весь состав настоящего тома можно представить как расширенные «Арабески».

Тексты всех материалов тома подготовлены Л.В. Дерюгиной. Ей же принадлежит текстологический комментарий ко всем произведениям.

Историко-литературный и реальный комментарии написали: Л.В. Дерюгина и С.Г. Бочаров (общая преамбула, «Арабески», «О малороссийских песнях»); Л.В. Дерюгина (предисловие к «Арабескам», «Скульптура, живопись и музыка», «О Средних веках», «Глава из исторического романа», «О преподавании всеобщей истории», «Портрет», «Взгляд на составление Малороссии», «Ал-Мамун», «Жизнь», «Шлецер, Миллер и Гердер», «Невский проспект», «Мысли о географии», «Пленник», «О движении народов в конце V века», «Клочки из записок сумасшедшего», две главы из малороссийской повести «Страшный кабан», «1834», «Кровавый бандурист», весь раздел «Отрывки и наброски»); С.Г. Бочаров («Несколько слов о Пушкине», «Об архитектуре нынешнего времени», «Последний день Помпеи», «Женщина», «Борис Годунов. Поэма Пушкина», «О поэзии Козлова»; реальный комментарий к «Последнему дню Помпеи» — Л.В. Дерюгина, к «Женщине» — Л.В. Дерюгина и С.Г. Бочаров).

Именной указатель составлен Л.В. Дерюгиной.

Редколлегия приносит благодарность научным консультантам и рецензентам тома И.В. Карташовой и Н.К. Гею, а также Е.Е. Дмитриевой, Е.Г. Падериной, В.Д. Денисову, А.Б. Куделину, давшему ценную консультацию по востоковедческой проблематике тома, О.Л. Соломиной, главному хранителю РГБ, Рите Джулиани (Римский университет), Милуше Задражиловой и Ладиславу Задражилу (Пражский университет) за помощь в выявлении переводов гоголевских текстов на иностранные языки, М.Н. Виролайнен и Т.И. Краснобородько (Пушкинский Дом, Петербург), А.С. Касьяну, А.И. Фрумкиной, К.Е. Ломовской, М.А. Денисовой, Е.А. Усовой (Государственный музей А.С. Пушкина, Москва) за помощь в подготовке иллюстративного материала.

Составители тома благодарят Отдел рукописей Российской государственной библиотеки и Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) за предоставленную возможность работы над гоголевскими рукописями.

АРАБЕСКИ

Книгу «Арабески» Гоголь готовил на протяжении 1834 г. вместе с «Миргородом», параллельно и синхронно. В первых глухих эпистолярных упоминаниях о новой работе речь идет, вероятно, об обеих книгах вместе: «Я тружусь, как лошадь (...) но только не над казенною работою, т.е. не над лекциями (...) но над собственно своими вещами» (М.А. Максимовичу, 23 августа 1834 г.). В письме М.П. Погодину 2 ноября сообщается, при представлении *Ар.* в цензуру: «...страшно занят, и печатаю кое-какие вещи! (...) теперь мое имя не слишком видно; но после напечатанья моих небольших мараканий, всё-таки лучше». В ответ на запрос Погодина Гоголь 14 декабря дает уже конкретную характеристику жанрового типа новой книги как «всякой всячины»: «Ты спрашиваешь, что я печатаю. Печатаю я всякую всячину. Все сочинения и отрывки, и мысли, которые меня иногда занимали. Между ними есть и исторические, известные уже и неизвестные. — Я прошу только тебя глядеть на них понисходительнее. В них много есть молодого».

В документах Петербургского цензурного комитета, в «Реестре рукописей и книг, поступивших в комитет на рассмотрение, январь—декабрь 1834», зафиксирована одна и та же дата как поступления рукописи и ее передачи цензору (В.Н. Семенову, с которым у Гоголя сложились неформальные отношения; см.: *Русский мир.* 1860. № 97. С. 618—619), так и цензурного одобрения — 10 ноября 1834 г.; «время обратной выдачи — Ноября 12. Росписка получившего — Получил Н.Гоголь»; с его автографом (*РГИА.* Ф. 777. Оп. 27. Ед. хр. 198. Л. 62 об.—63. № 496). Тем же числом оформлено и разрешение на переиздание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (см. наст. изд., т. 1, с. 613). Скорее всего весь путь прохождения *Ар.* через цензуру был оформлен единым числом цензурного разрешения, и, вероятно, рукопись была представлена несколько ранее (10 ноября приходилось на субботу, 12 ноября — на понедельник).

Об обстоятельствах прохождения книги через цензуру, коснувшихся на разных его стадиях «Невского проспекта» и «Записок сумасшедшего», нам известно из переписки Гоголя с Пушкиным. В письме от второй половины октября Пушкин отвечает на опасения Гоголя еще перед сдачей в цензуру, связанные с эпизодом «секуции» в первой повести; письмо говорит, вероятно, о готовности Гоголя к автоцензурной уступке в этом месте, что, впрочем, не исключает и дальнейшего цензурного вмешательства, поскольку Пушкин не советовал делать уступку («Секуцию жаль выпустить (...) Авось Бог вынесет», *Пушкин.* Т. 15. С. 198). Цензурной рукописи *Ар.* мы не

Письмо к Гоголю
Случилось мне вступить в сношения с
вами, благодаря чему почта доставила
вам мое письмо — Адам Гольдшмитц
в Петербург.

П. А.

Письмо Пушкина Гоголю. Вторая половина октября 1834 г.

имеем и о цензурной истории книги можем судить лишь по двум письмам — упомянутому письму Пушкина к Гоголю и письму Гоголя к Пушкину от конца декабря 1834 — начала января 1835 г. В этом письме Гоголь сообщает о «довольно неприятной зацепе по цензуре по поводу Записок сумасшедшего» и о «выкидке лучших мест», случившейся на последней стадии происхождения книги (см. коммент. к этим повестям).

Из переписки с Пушкиным явствует, что «Невский проспект» был дважды прочитан Пушкиным в рукописи («Перечел с большим удовольствием...», Пушкин. Т. 15. С. 198); вероятно, «Записки сумасшедшего» также были уже знакомы ему. С письмом от конца декабря — начала января Гоголь также посылал ему предисловие к книге с просьбой просмотреть и поправить. Таким образом, он вовлекал Пушкина в творческую историю книги. Скорее всего и со статьей «Несколько слов о Пушкине» он должен был знакомить самого героя статьи еще до печати, о чем есть косвенные свидетельства в ее тексте (см. ниже коммент. к ней). Вероятно, Пушкин был единственным, кто был в какой-то мере, неизвестной нам в точности, допущен Гоголем к творческому процессу создания книги, во внутренний ее мир; во всяком случае каких-либо данных о такой причастности и о знакомстве с книгой на творческой стадии кого-либо еще мы не имеем.

«Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. Санктпетербург. В типографии вдовы Плюшар с сыном. 1835», части первая и вторая, вышли в свет в начале 20-х чисел января 1835 г. Первые экземпляры книги были посланы автором Пушкину и 22 января М.П. Погодину и М.А. Максимовичу; вероятно, письмо Пушкину при посылке датируется тем же числом. Подготовленный параллельно «Миргород» вышел несколько позже — после 20 февраля (цензурное разрешение 29 декабря 1834 г.). Хронологически,

таким образом, «Арабески» оказались второй книгой Гоголя, но стадильно надо признать их его третьей и совершенно новой по характеру книгой, поскольку «Миргород» тематически и жанрово был привязан к «Вечерам» и вышел с подзаголовком «Повести, служащие продолжением *Вечеров на хуторе близ Диканьки*». В заголовках обеих книг впервые было названо имя автора, чего еще не было в «Вечерах» (вспомним цитированные слова в письме Погодину от 2 ноября: «теперь мое имя не слишком видно; но после напечатанья...»). Именно «Арабески», с петербургскими повестями и статьями историческими и эстетическими, открывали в творчестве Гоголя новый путь.

Пушкину около 22 января он писал: «Посылаю вам два экземпляра *Арабесков*, которые ко всеобщему изумлению очутились в 2-х частях. Один экземпляр для вас, а другой разрезанный для меня. Вычитайте мой и сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не останавливайте негодование при виде ошибок, но тот же час их всех на лицо. — Мне это очень нужно».

О реакции Пушкина на этот нарочитый жест мы не знаем (как и, насколько раньше, правил ли он по просьбе Гоголя предисловие к книге). В разрезанном экземпляре в библиотеке Пушкина (интересно, что это единственная книга Гоголя в его библиотеке) заметок нет (*Модзалевский 1988. С. 29*). Письмо показывает, как настойчиво Гоголь привлекал внимание Пушкина к *Ар*. Просьба Гоголя, по-видимому, должна означать, что он посылает Пушкину книгу на первое чтение, но относительно некоторых ее частей это может быть и повторное чтение с карандашом в руках, поскольку мы знаем о предварительном знакомстве Пушкина с отдельными ее материалами, размеры которого нам неизвестны. Трудно сказать, насколько для автора стало сюрпризом, как следует из письма, появление *Ар*. в двух частях; они, таким образом, как и «Миргород», повторяли внешний структурный тип «Вечеров».

В письмах 22 января, вслед за письмом Погодину 14 декабря 1834 г., продолжает строиться оригинальный образ новой книги; автор пользуется при этом уже освоенным им с юности в своих художественных целях оборотом «всякая всячина», которому сообщается жанровая окраска. «Посылаю тебе всякую всячину мою. Погладь ее и потрепли: в ней очень много есть детского и я поскорее ее старался выбросить в свет, чтобы вместе с тем выбросить из моей конторки всё старое, и, стряхнувшись, начать новую жизнь» (М.П. Погодину, 22 января 1835). «Посылаю тебе сумбур, смесь всего, кашу, в которой есть ли масло, суди сам» (М.А. Максимовичу, 22 января 1835).

Этим автохарактеристикам отвечает заглавие — «Арабески». Заглавие это Гоголь принял от немецкой романтической традиции, начало которой было положено статьей Гёте «Об арабесках» (1789). «Куда следует отнести арабески, мы можем лучше всего узнать у древних, которые были и всегда будут нашими учителями во всех областях искусства» (*Гёте 1975. С. 84*). Если Гёте свою теорию арабесок строил и примеры черпал из искусства античного, то для романтиков представили особый интерес формы искусства восточного (индийского, персидского, арабского). Так, Ф.В. Шеллинг называл арабесками подражание растительным формам, отличающее индийскую пластическую культуру, особенно архитектуру

(Шеллинг. С. 123). Фридрих Шлегель перенес идею арабесок как продуктивный творческий принцип в современную эстетику. «Арабески как принцип орнаментальной вольной композиции материала глубоко проникают в художественное сознание 20—40-х гг. XIX в. (...) Это отражается уже в названиях произведений, строящихся независимо от обозначения жанра как сложные и прихотливые циклы. Ср. “Арабески” (1835) Гоголя, сочетающие повести и научные статьи, роман К. Иммермана “Мюнхгаузен. История в арабесках” (1838—1839) и многое другое...» (Шлегель 1983. Т. 1. С. 475; коммент. Ал. В. Михайлова и Ю.Н. Попова). В истолковании Ф. Шлегеля принцип арабесок открывал возможности нового понимания романа как ведущего современного жанра, призванного синтезировать поэзию и философию; «универсальность (Universität), энциклопедия, арабески — три возможности разрешить проблемы объединения искусства и науки», идеальная форма романа — «подлинные арабески» (там же, с. 476). Заглавие книги Гоголя отвечало этим общим тенденциям времени и обнаруживало впервые универсалистские устремления писателя, возманившегося самой формой книги синтезировать поэзию и философию; оно призывало взглянуть на «всякую всячину» книги как на выразительную форму, сообщающую книге особую жанровую цельность. Любопытно уже у юного Гоголя в шутовском названии его записной тетради истолкование «всякой всячины» как энциклопедического принципа: «Книга всякой всячины, или Подручная энциклопедия». Неизвестно, на каком этапе формирования *Ар.* автор нашел заглавие книги, но стоит заметить, что Гёте свою статью 1789 г. построил на описаниях настенных украшений, открытых при раскопках в Помпеях (Гёте 1975. С. 84—86), и можно предположить внутреннюю связь заглавия гоголевской книги со статьей о картине Брюллова, принадлежащей к последним по времени материалам (август—сентябрь 1834) из тех, что составили книгу. Стоит отметить и значение в исторических статьях *Ар.* арабской темы («Ал-Мамун», «О Средних веках», «О преподавании всеобщей истории», «Об архитектуре нынешнего времени»), с которой традиционно связывались эстетическая идея арабесок и самый термин. С.П. Шевырев в своей «Истории поэзии», появившейся в один год с книгой Гоголя, писал об испанской поэзии: «Эти узоры слов, эту пеструю ткань метафор можно очень справедливо сравнить с причудливыми арабесками, которые, как известно в истории искусства, заимствованы от роскошных узорчатых ковров Востока» (Шевырев С.П. История поэзии. М., 1835. Т. 1. С. 57—58). В тексте *Ар.* этой эстетической идее как бы непреднамеренно и причудливо-трагически отвечает описание «странного мира», возникающего для глаза в совершенной тьме тюремной пещеры, как «разноцветных узоров», принимавших «или вид пестрой шали, или волнистого мрамора» («Пленник», с. 182 наст. тома). Интерес автора *Ар.* к ковровой эстетике сказался в письмах начала 30-х годов матери (3 декабря 1832 г., 8 февраля 1833 г.), в которых он посылает описания узоров для ковров «моего изобретения», в том числе «ковра-ландшафта»; сестра Елизавета оставила воспоминания о том, как он своими руками «большими кистями» раскрашивал стены и потолки в родной усадьбе: «...так он нарисовал бордюры, букеты и арабески» (Отрывок из записок Елизаветы Васильевны Быковой, родной сестры Гоголя // *Р.* 1885. № 26. С. 6; см.: Паламарчук

1990. С. 378). В статье Сюзанны Фуссо «Ландшафт “Арабесок”» установлена связь между гоголевской структурной идеей и формами «живописного» ландшафта в английском садово-парковом искусстве конца XVIII в., связь, отозвавшаяся в дальнейшем в гоголевской пейзажной эстетике, в том числе и особенно в описании сада Плюшкина (Фуссо. С. 69–81).

В ряде работ Ал.В. Михайлова *Ар.* Гоголя упоминаются в связи с грандиозным процессом ломки «классических» литературных форм и построением новых сложных форм и конструкций в европейской литературе конца XVIII — начала XIX в. Процесс этот широко описан исследователем главным образом на немецких примерах эпохи Жан-Поля и Гёте. Описан новый, особый тип произведений-ансамблей, непринужденно объединяющих в рамках одной структуры части различных жанров; исследователь уподобляет эту структуру коробке, объему, заданному автором еще до его заполнения материалом, и прямо шкатулке Чичикова: «Упрощенно и условно можно представить себе произведение как коробку, как корабль, который надо заполнить по известному плану, — нечто подобное шкатулке Чичикова, так что заполнение корабля может быть до крайности замысловатым. Однако остов произведения словно существует еще до его содержания, и границы произведения осознаются как независимые от его внутреннего заполнения» (Михайлов А.В. «Западно-восточный диван» Гете: Смысл и форма // Гете И.В. Западно-восточный диван. М., 1988. С. 645–646). *Ар.* представляют аналогию этому типу произведений, только уже на уровне книги. Это больше чем произведение и больше чем цикл, это книга, но книга, представляющая собою ансамбль. Ближайшим же образцом для Гоголя могла быть книга В.Г. Вакенродера «Фантазии об искусстве» (1814), составленная также как ансамбль статей, писем и повести. Сочинение Вакенродера было переведено в кругу московских любителей и издано по-русски в 1826 г. Гоголю оно было хорошо известно и отразилось в его ранних текстах (см. коммент. к статье «Борис Годунов. Поэма Пушкина»). Единство книги Вакенродера — более тесное, у Гоголя — более свободное.

С «альманашными» формами в русской словесности 20–30-х годов, в том числе с появившимся типом «альманаха одного автора»; связывает *Ар.*, называя примеры («Астраханская флора» Н. Розенмейера, 1827; «Элизум» П. Иовского, 1832), В.Д. Денисов («“Арабески” Н.В. Гоголя и русская литература конца 20-х — начала 30-х годов XIX в.» Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. С. 4). Автор другой из всего лишь нескольких существующих диссертаций об *Ар.* (самая ранняя из которых принадлежит Г.М. Фридендеру, 1947), Т.Г. Черняева применяет к книге Гоголя определение, высказанное Белинским также по поводу Гоголя, называя *Ар.* «формой времени» (Черняева Т.Г. О поисках творческого метода в «Арабесках» Гоголя // Художественное творчество и литературный процесс. Вып. 1. Томск, 1976. С. 78). (Относительно недавняя диссертация: Киселев В.С. Структура «Арабесок» Н.В. Гоголя и вопросы поэтики русского прозаического цикла 20–30 годов XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2000.)

Ар. как форма целого, по мысли Ю.В. Манна, стали для Гоголя формой выхода из творческого кризиса 1833 г. «Выход из кризиса Гоголь на-

шел в том, чтобы дать право голоса частям, не сведенным в целое, как бы подводя черту под прошлым». В то же время эта форма открывала читателям новое лицо автора после малороссийского «пасичника». «...Прославление художественных произведений научными и критическими создает в “Арабесках” межтекстуальные связи, в том числе и в плоскости образа автора. “Художник” углубляет и одухотворяет “мыслителя”, а “мыслитель” — историк, этнограф, фольклорист и т.д. — дисциплинирует и упорядочивает “художника”. (...) Скрытая цель “Арабесок” состояла в том, чтобы многими средствами совокупно сформировать новую, более основательную авторскую репутацию» (Манн 2004. С. 329, 324).

Гоголевские автоописания книги в письмах и в предисловии к ней (см. ниже коммент. к предисловию) заключали в себе определенную стратегию авторского поведения. В особенности активно устанавливалась дистанция, отделяющая автора от материалов книги как «старых трудов», в которых «много молодого» и оставшихся вместе с молодостью автора в прошлом. Той же цели служили фиктивные ранние даты, выставленные под рядом статей. В представлении автора книга выглядела расчетом с прошлым, от которого надо освободиться, чтобы, «стряхнувшись, начать новую жизнь». На самом деле новая жизнь писателя Гоголя, автора петербургских повестей, публициста и критика, — новая после двух первых малороссийских книг — начиналась именно здесь, в *Ар.* Текстологическая история книги в основном противоречит авторскому ее представлению. Книга в основе своей сложилась из новых и свежих вещей, написанных в течение 1834 г. и отправленных в печать еще не остывшими. Из напечатанных прежде вещей, включенных в книгу, старыми могут считаться «Мысли о географии» и «Глава из исторического романа», опубликованные в 1831 г. (при этом «Мысли...» подверглись переработке для книги). Два тоже старых текста, также напечатанные в начале 1831 г., — «Женщина» и «Учитель» — присутствовали в обоих планах *Ар.*, однако в итоге все же туда не вошли. Четыре статьи, уже опубликованные (три исторические и о малороссийских песнях), все напечатаны в 1834 г., сразу после того как написаны, в одном и том же *ЖМНП*; все они связаны с новыми замыслами и планами Гоголя, возникшими не ранее конца 1833 г. (преподавание истории и история Малороссии). Вероятно, не был старым текстом и «Кровавый бандурист», не прошедший цензуры в феврале 1834 г. и в усеченном виде вошедший в *Ар.* как «Пленник».

Основной материал *Ар.* — семь статей и все три повести — весь создан на протяжении 1834 г. в одной тетради (так называемая «тетрадь Тарновских» в *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1; см. ее описание на с. 493—494; см. также наст. изд., т. 1, с. 606—608); в ней же записан и второй план *Ар.* (см. далее). Одновременно и параллельно в одной тетради, ныне «петербургской», создавался «Миргород» (см. коммент. к т. 2 наст. изд.), в другой, ныне «московской», возникали *Ар.* Черновые тексты семи статей и трех петербургских повестей пересекают друг друга, переплетаются на страницах этой тетради, текстология которой свидетельствует о том, что создавались в ней не отдельные произведения, а создавался их ансамбль, создавалась книга. У основного состава книги — единая текстология. Гоголь нарочито строил дистанцию по отношению к статьям *Ар.*, преувеличивал ее во всяком слу-

чае, помечая более ранними датами созданные в одной тетради статьи (например, статью о Пушкине; в рукописях даты отсутствуют). Но в основном своем составе *Ар.* — это не книга, собранная из того, что накопилось «в конторке», а книга, написанная единым порывом, единым творческим актом в одной рабочей тетради, и написанная по плану.

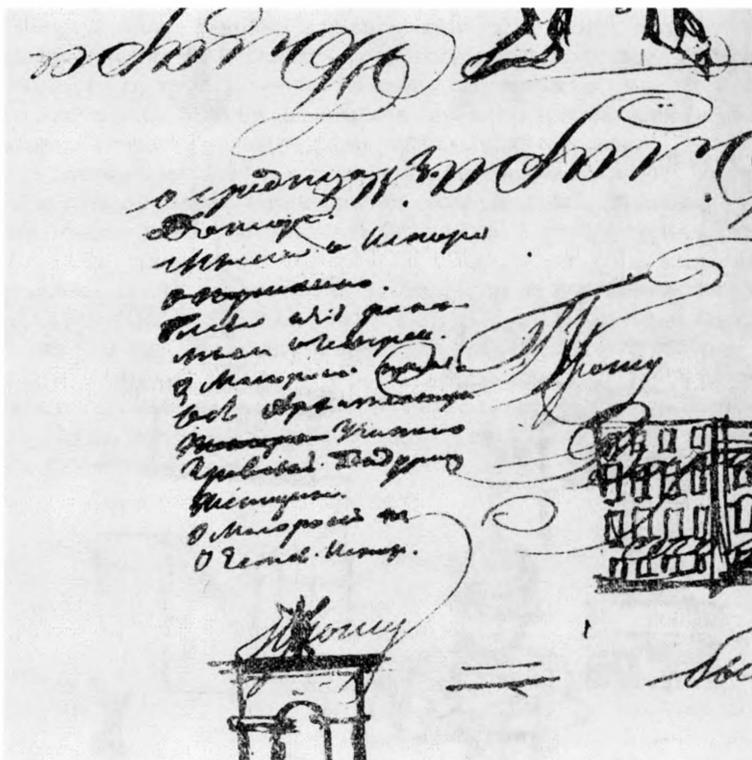
На протяжении 1834 г. состав книги формировался в двух сохранившихся авторских планах. Второй из них, более поздний, записанный среди прочих текстов в той же основной тетради, был опубликован первым в 1889 г. Н.С. Тихонравовым (*Тих.* Т. 5. С. 557–558). Первоначальный, более ранний план опубликован В.В. Гиппиусом по подлиннику из архива ИРЛИ (*ОР ИРЛИ.* Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 49); «план записан в левом нижнем углу листа, заполненного разнообразными рисунками и “пробами пера”» (*Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 5; коммент. с. 21–22; см. факсимильное воспроизведение листа — с. 471 наст. тома). Первоначальный план *Ар.* таков (в обоих планах заглавие будущей книги отсутствует; в квадратные скобки заключено зачеркнутое в плане):

О средних в(еках)
Дождь
Мысли о Истории
[О Пушкине]
Глава из романа
Мысли о Географии
О Малороссий(ских) песнях
Об Архитектуре
[Женщина] Учитель
Кровавый Бандурист
Женщина
О Малороссии
О Естес(твенной) Истор(ии)

Публикатор плана В.В. Гиппиус предельной датой его составления назвал конец февраля или первые числа марта 1834 г. на основании присутствия в нем «Кровавого бандуриста», запрещенного цензурой к публикации в *БдЧ* 27 февраля. Другое основание датировки его февралем — тема «О малороссийских песнях», статья о которых не могла быть начата Гоголем ранее 12 февраля (см. коммент. к ней). План чередует уже опубликованные тексты с новыми, только задуманными или начатыми. Существенно, что в нем еще нет ни одной из трех петербургских повестей, но присутствует «Дождь» как отрывок-завязка «Невского проспекта» и «Записок сумасшедшего» или, вернее, всей будущей петербургской темы, обозначая необходимость ее в задуманной книге. Уже возникла тема «О Пушкине», но название это по неизвестной причине в первом плане зачеркнуто. Зачеркнутая также вначале «Женщина» повторяется несколько ниже — возможно, автор уже работает над расположением текстов. Единственной из записанных тем — «О естественной истории» — не отвечает прямо ничто из известных гоголевских текстов; очевидно, статья не была написана. Идея статьи была, по предположению В.В. Гиппиуса (см.: *Гиппиус* 1941. С. 9), связана с книгой М.А. Максимовича «Размышления о природе» (М., 1833), о которой Гоголь писал Пушкину 23 декабря 1833 г.: «У него в Естественной истории есть много хорошего, по крайней мере ничего похожего на

Лист с рисунками Гоголя и первым планом «Арабесок».
Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург

Первый план «Арабесок». Фрагмент

галиматью Надеждина». Об интересах молодого Гоголя, отразившихся в замысле неосуществленной статьи, говорят воспоминания М.Н. Лонгинова, у которого Гоголь был домашним учителем русского языка в начале 1831 г.: «Сначала предполагалось, что он будет преподавать нам русский язык. Немало удивились мы, когда в первый же урок Гоголь начал толковать нам о трех царствах природы и разных предметах, касающихся естественной истории. На второй урок он заговорил о географических делениях земного шара, о системах гор, рек и проч. На третий — речь зашла о введении в общую историю» (*Гоголь в восп.* С. 71). Будущие *Ар.*, включая тогда же написанные «Мысли о географии» (1830), уже планировались в этих домашних лекциях.

Второй план, записанный в основной тетради (л. 3), судя по присутствию в нем «Картины Брюлового», должен быть датирован второй половиной августа — сентябрем 1834 г. (см. коммент. к «Последнему дню Помпеи»). (Фотоснимок плана — с. 473 наст. тома.)

Скульптура Живоп(ись) и Музыка
 О Средних Веках
 Глава из Историч(еского) ром(ана)

Сказки Милы и Мелоды	1.
О Средних Веках.	2.
Вещь от Копенгагена.	
О Писании Кривой и Вселенной Уго...	5
О Пушкине.	6
Об Архитектуре Вздыха на Малоросию	7
Об Архитектуре	9
Женщина	10.
Миллер Шлецер и Гердер	
О Малоросийских Песнях	
Невский проспект	
О Преподавании Географии	
Учитель Трактат о Правлении	
Картина Брюлова	
Учитель О Переселении Народов	
Отрывок из романа	
Учитель	
Записки сумасшедшего музыканта	

Второй план «Арабесок» (перечень произведений в «тетради Тарновских»).
 Российская государственная библиотека. Москва

О [Плане] Преподаван(ии) Всеобщей Ист(ории)
 О Пушкине
 [Об Архитект(уре)] Взгляд на Малорос(сию)
 Об Архитектуре
 Женщина
 Миллер Шлецер и Гердер
 О Малорос(сийских) песнях
 Невский проспект
 О Преподаван(ии) географии
 [Учитель] Тракт(ат?) о правлении
 Картина Брюлова
 [Учитель] О переселении народов
 Отрывок из романа
 Учитель
 Записки сумасшедш(его) музыкант(а)

По сравнению с первым планом, содержащим 13 названий, одно из которых было зачеркнуто, второй план значительно приближен к оконча-

тельному составу книги; он включает пять новых названий, все пять были реализованы в книге (по предположению комментаторов, «Трактату о правлении» будет соответствовать «Ал-Мамун»). Из старого здесь еще присутствуют «Женщина» и «Учитель», но нет еще «Портрета» и «Жизни»; когда они встанут на место двух исключенных в итоге старых текстов, в книге окажется 18 произведений (не считая предисловия) — ровно столько, сколько насчитывается и во втором плане. Зачеркнутые и вновь записанные названия говорят, по-видимому, об обдумывании композиции текстов; о том же, видимо, говорят и проставленные справа около части названий порядковые номера (1, 2, 5, 6, 7, 9, 10); из них 1 и 2 стоят против двух первых названий, что соответствует будущему порядку в книге. Также встали на свое окончательное, заключающее книгу место «Записки сумасшедшего музыканта», между тем как название это показывает, что повесть не только не закончена, но и не определилась существенно. План целого опережает работу над составляющими его произведениями — Гоголь уже не составляет сборник, а обозначает части целого, которые предстоит дописать. Столь существенное отсутствие в плане «Портрета» и «Жизни» говорит о том, что тексты эти писались последними (или одними из последних). В обоих планах деление книги на две части не предусмотрено.

* * *

После живого приема в журнальной и газетной критике «Вечеров на хуторе» (см. наст. изд., т. 1, с. 632—642) реакция критики на *Ар.* была минимальной. Собственно *Ар.* как таковым посвящены две статьи — в *БдЧ* (1835. Т. 9. Кн. 3. Март. Отд. 6: Литературная летопись. С. 8—14; статья, несомненно, принадлежит самому О.И. Сенковскому) и в *СПч.* 1835. № 73. 1 апр. С. 289—292 (написана, очевидно, также самим Ф.В. Булгариным). Скорое появление «Миргорода» заслонило *Ар.* как книгу, и в большинстве критических откликов уже 1835 г. три петербургские повести *Ар.* рассматриваются отдельно от остального состава книги вместе с малороссийскими повестями «Миргорода». Зато в двух названных статьях об *Ар.* весь критический удар направлен на этот остальной состав, который рассматривается как основное ее содержание, то, что определяет книгу; о повестях же говорится (особенно в *БдЧ*) лишь походя. Новый и неожиданный для читателей «Вечеров» авторский образ, открывавшийся в *Ар.* впервые, и вызвал язвительную реакцию первых критиков, почувствовавших — Сенковский особенно — размер писательских притязаний вчерашнего «пасичника». Поэтому предисловие к книге стало первой мишенью в обеих статьях. В обеих тон предисловия определяется как «диктаторский»: «Только Гёте и только г. Гоголь могут говорить с публикой таким образом. Они знают, что публика примет с благоговением все, что они ей ни кинут, и что каждая их строка, хоть бы в ней, вместо пользы, толку и красот, было одно только молодое, драгоценно для ней и для ее потомства (...) После подобного предисловия, не знаешь, как и говорить о книге. Мы думаем однако ж, что молодой автор избрал себе ложный путь: кто на первой своей странице отзывается к читателям так диктаторски, тот заслуживает, чтобы ему откровенно показали место его в умственном мире. Самонадеянность тем особенно не

выгодна, что теряет право на снисхождение». Собственно, не разбор материалов книги, а шокирующий характер авторского поведения и дерзость его молодого самоопределения — в центре внимания критика *БдЧ*, определяющего жанр *Ар.* как «посмертные сочинения», издаваемые самим автором, на что имеют право лишь «великие писатели» (Гёте). О том, как статья Сенковского чутко прогнозировала ряд моментов будущих отношений критики с Гоголем, особенно в эпоху «Выбранных мест из переписки с друзьями», где тема «посмертного сочинения» будет самим автором выведена на первый план, см. в коммент. к предисловию. Оценка же внутреннего содержания *Ар.* определяется по контрасту с авторскими амбициями: «Это уж полная мистификация науки, художеств, смысла и Русского языка! Автор пишет обо всем в свете: он рядит об Истории, Географии, музыке, живописи, скульптуре, архитектуре, Пушкине; описывает известные места, которых другие не описывают, и предлагает переписки собачек. Это значит, что автор все знает». Замечание об «известных местах», очевидно имеющее в виду описание публичного и сумасшедшего домов, задевает новые петербургские повести *Ар.* (по контрасту с малороссийскими повестями, которые в скоро вышедшем «Миргороде» *БдЧ* будет одобрять; см. ниже) и вводит расхожий мотив «низкого» и «грязного» жанра гоголевских бытовых описаний. Ср.: «Талант его чисто теньеровский», — запись в дневнике А.В. Никитенко 21 февраля 1835 г., т.е. синхронно статье Сенковского; суждение Никитенко очевидно вызвано *Ар.*, хотя и прямо не упомянутыми, и касается как, видимо, «изображения современных нравов» в новых петербургских повестях, так и «ученого» содержания книги: «Написал он и еще несколько повестей с юмористическим изображением современных нравов. Талант его чисто теньеровский. Но помимо этого он пишет все и обо всем: занимается сочинением истории Малороссии; сочиняет трактаты о живописи, музыке, архитектуре, истории и т.д. и т.д. Но там, где он переходит от материальной жизни к идеальной, он становится надутым и педантичным или же расплывается в ребяческих восторгах. Тогда и слог его делается запутанным, пустоцветным и пустозвонным. (...) Но лишь только начинает он трактовать о предметах возвышенных, его ум, чувство и язык утрачивают всякую оригинальность. Но он этого не замечает и метит прямо в гении» (Никитенко. Т. 1. С. 168—169).

В статье Сенковского и в записи Никитенко одновременно формулировались складывающиеся общие места писательской репутации Гоголя; *Ар.* давали особенный повод к подобному формулированию. Бегло касаясь повестей в *Ар.*, критик *БдЧ* сетовал, что автор в них изменяет «роду своего дарования» — «смешить и писать хорошие сказки». «Когда перо автора встречает предметы смешные, фигуры карикатурные, оно является исполненным силы и жизни. Карикатура — преимущество и недостаток его дарования. Недостаток — когда он желает говорить как знаток о предметах важных, потому что тогда статьи его выходят настоящие карикатуры то на бедную Историю, то на архитектуру, музыку, живопись или скульптуру». «Но ученость по-видимому не далась великому писателю» — в подтверждение критик выписывает страницу из статьи «О Средних веках», выделяя своим обильным курсивом образцы «уродливости суждений и слога».

Эта страница, однако, вызвала следующее суждение В.К. Кюхельбекера, прочитавшего статью Сенковского в Свеаборгской крепости: «Об “Арабесках” Гоголя “Библиотека” также судит по-своему: отрывок, который приводит рецензент, вовсе не так дурен: он, напротив, возбудил во мне желание прочесть когда-нибудь эти “Арабески”, которые написал, как видно по всему, человек мыслящий» (Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 360).

В следующей книжке *БдЧ* демонстративно приветствовала выход «Миргорода» в противоположность *Ар.*: «Вот это совсем другое дело! Тут нет ни Всеобщей Истории, ни Изыщных Художеств, — есть только сказки, и Г. Н. Гоголь, у которого мы уже в прошлом месяце заметили особенное дарование рассказывать шуточные истории, является повествователем занимательным, умным, оригинальным. Малороссийская повесть — настоящая его сфера. Эти два тома читаются легко и приятно» (*БдЧ*. 1835. Т. 9. Кн. 4. Апрель. Отд. 6. С. 30).

«Этот томик много повредил ему во мнении людей основательных», — не поленилась *БдЧ* помянуть еще раз *Ар.* по случаю выхода «Сочинений» Гоголя 1842 г., откуда автором «Арабески» были исключены (*БдЧ*. 1843. Т. 57. Отд. 6. С. 23).

СПч совпадала с *БдЧ* в оценке «ученого» содержания *Ар.*: «И чего тут нет? и повести, и мысли об Истории и Географии, и рассуждения о Средних Веках, о Брюлове и Пушкине, об Архитектуре и Живописи, о Скульптуре и Музыке, Автор, повидимому, обладает обширными сведениями: он толкует обо всем, решительно и смело, но, к сожалению, не всегда впопад. Часто он делает жестокие промахи против общих даже понятий о Науках и Искусствах, против Логики и истины, и почти всегда против языка и вкуса». Повествовательная часть судилась более снисходительно, но с теми же оговорками, что она «не всегда управляется разборчивым вкусом и благородством описываемых предметов», и с тем же словом «карикатурь» как определением дарования Гоголя: «Вообще карикатуры и фарсы, всегда остроумные и забавные, всегда удаются Г. Гоголю». Название книги Булгарин назвал фантастическим, толкуя его к невыгоде книги: «В этом отношении, название книги удачно прибрано: в ней большею частию попадают *образы без лиц*» (*СПч*. 1835. № 73. С. 289, 292).

Как и *БдЧ*, *СПч* в статье П.М-ского (Юркевича) (1835. № 115. 25 мая. С. 457) демонстративно в пику *Ар.* приветствовала «Миргород»: «К счастью, в начале этой книги нет никакого Предисловия. Г. Гоголю не всегда удаются Предисловия: пример этому мы недавно имели случай видеть в его “Арабесках”. К счастью также, что в “Миргороде” ни слова нет ни об Архитектуре, ни о Живописи, ни об Истории, ни о Пушкине, ни о Брюлове».

Посылая *Ар.*, а вскоре и «Миргород» в Москву, Гоголь ждал печатного отклика от московских единомышленников и прямо об этом просил, однако на *Ар.* такого отклика не дождался. Погодину 22 января он писал: «Изъяви свое мнение об исторических статьях в каком-нибудь журнале. Лучше и приличнее, я думаю, в журнале просвещения. Твое слово мне поможет. Потому что и у меня, кажется, завелись какие-то ученые неприятли. Но (...) их мать!» В феврале — начале марта Погодин был в Петербурге; в «Письме из Петербурга», напечатанном вскоре в *МН* (1835. Ч. 1. Кн. 2),

он восторженно откликается на «Миргород» и на две его повести («Старосветские помещики» и «Тарас Бульба»), но молчит об *Ар.* 23 марта Гоголь, обеспокоенный, видимо, неуспехом книги в критике и плохой ее продажей, просит Погодина только уже о рекламной услуге: «Да пожалуйста напечатать в Московских Ведомостях объявление об Арабесках. Сделай милость, в таких словах: что теперь, дискать, только и говорят везде, что об Арабесках, что сия книга возбудила всеобщее любопытство, что расход на нее страшный (*НВ.* до сих пор ни гроша барыша не получено) и тому подобное». Но еще до того, 10 марта, он посылает «Миргород» С.П. Шевыреву и, прося его изъяснить мнение в *МН*, добавляет: «Я слышал также, что вы хотели сказать кое-что об Арабесках. Я просил князя Одоевского не писать разбора, за который он хотел было приняться, потому что мнение его я мог слышать всегда и даже изустно. Ваше же я могу услышать только печатно». О намерении В.Ф. Одоевского писать об *Ар.* ничего не известно; в наброске его заметки о Гоголе он назван лишь как «сочинитель Шпоньки» и повести об двух Иванах, напечатанной в 1834 г., еще до «Миргорода» (*Мат. и иссл.* 1936. С. 223—224). Шевырев же действительно изъясил свое мнение о «Миргороде» во второй книжке *МН* (март 1835), где *Ар.* коснулся только тем образом, что отделил и даже противопоставил новые петербургские повести Гоголя и характер их юмора малороссийскому (и тем самым российскому) юмору повестей «Миргорода»: «Но нельзя не заметить, что в новых повестях, которые читаем мы в Арабесках, этот юмор Малороссийский не устоял против западных искушений и покорился в своих фантастических созданиях влиянию Гофмана и Тика — и мне это досадно. Ужели ничто оригинально Русское не может устоять против Немецкого? Ведь эти Немцы, как свидетельствуют нам прекрасные образцы жестяных дел мастера Шиллера и сапожника Гофмана, не русеют же у нас в России: от чего же нам Русским обнемечиваться, у нас же в отечестве? Может быть, это есть влияние Петербурга на Автора... Но утешимся: в своих *Старосветских Помещиках* и в своем *Тарасе Бульбе*, он еще верен во всей силе Малороссийскому духу» (*МН.* 1835. Ч. 1. Кн. 2. С. 404).

Первый отклик Белинского в «Молве» (1835. № 15. Литературная хроника) относился к двум новым книгам Гоголя вместе: «две его пьесы в «Арабесках» («Невский проспект» и «Записки сумасшедшего») и потом «Миргород» доказывают, что его талант не упадет, но постепенно возвышается. Подробный отчет о сих двух его книгах будет помещен в № 5 «Телескопа»; теперь же мы скажем только то, что эти новые произведения игривой и оригинальной фантазии г. Гоголя принадлежат к числу самых необыкновенных явлений в нашей литературе и вполне заслуживают те похвалы, которыми осыпает их восхищенная ими публика» (*Белинский.* Т. 1. С. 174). Знаменитая статья Белинского в *Т* (1835. Т. 26. № 7, 8) — «О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород»)» — вопреки своему подзаголовку не стала, однако, отчетом о двух книгах как таковых, но разбором повестей из обеих; Белинский снял при этом наметившееся в реакциях не только Сенковского, но и Шевырева противопоставление петербургских повестей малороссийским и дал впервые объемную цельную характеристику поэтического мира Гоголя в разнообразных его проявлениях. Однако всеобщее огульное отношение к научному содержанию

Ар. Белинский полностью разделил; в заключившем статью примечании он открыто отмежевывался от «ученых статей» в Ар. и отказывался тем самым говорить об этой книге в целом: «Я очень рад, что заглавие и содержание моей статьи избавляет меня от неприятной обязанности разбирать ученые статьи г. Гоголя, помещенные в “Арабесках”. Я не понимаю, как можно так необдуманно компрометировать свое литературное имя. Неужели перевести, или, лучше сказать, перефразировать и перепародировать некоторые места из истории Миллера, перемешать их с своими фразами, значит написать ученую статью?.. Неужели детские мечтания об архитектуре ученость?.. Неужели сравнение Шлецера, Миллера и Гердера, ни в каком случае не идущих в сравнение, тоже ученость?.. Если подобные этюды — ученость, то избавь нас Бог от такой учености! Мы и без того богаты ею. Отдавая полную справедливость прекрасному таланту г. Гоголя, как поэта, мы, движимые чувством той же самой справедливости, того же самого беспристрастия, желаем, чтобы кто-нибудь разобрал подробнее его ученые статьи. — Б.» (Т. 1835. Т. 26. № 8; Белинский. Т. 1. С. 307).

Семь лет спустя, ожидая выхода «Мертвых душ», в судьбе которых он принял участие, и готовясь писать о них статью, в письме Гоголю 20 апреля 1842 г., Белинский приносил покаяние: «С особенною любовью хочется мне поговорить о милых мне “Арабесках”, тем более, что я виноват перед ними: во время оно с юношескою запальчивостию изрыгнул я хулу на ваши в “Арабесках” статьи ученого содержания, не понимая, что тем самым изрыгаю хулу на духа. Они были тогда для меня слишком просты, а потому и неприступно высоки...» (Белинский. Т. 12. С. 108). В то же время он начинает выделять в составе Ар. статью «Несколько слов о Пушкине» (в «Русской литературе в 1841 году» и в ряде дальнейших статей; см. коммент. к «Нескольким словам о Пушкине»), главным образом гоголевское определение в ней «истинной национальности» и народности, а в 1843 г. в «Литературных и журнальных заметках» расширяет свое признание этой книги, распространяя его в том числе и на исторический этюд, уничтожающе оцененный в знаменитой статье 1835 г.: «... в “Арабесках” напечатаны его превосходные критические статьи о Пушкине, о Брюллове, о Шлёцере, Миллере и Гердере...» (ОЗ. 1843. Т. 26. № 1. Отд. 8. С. 52; Белинский. Т. 6. С. 579).

Но это были оценки позднейшие; при появлении Ар. в 1835 г. книга в целом не получила в печати признания. Позднейшие воспоминания В.В. Стасова, тогда воспитанника училища правоведения в Петербурге, позволяют судить о том, насколько эта публичная печатная оценка книги расходилась с ее восприятием молодыми читателями: «Скоро потом купили два томика “Арабесок”. Тут “Невский проспект”, “Портрет” нравились нам до бесконечности, и я разделял общий восторг. Не могу теперь сказать — как другие, но что касается до меня лично, то я был тогда в великом восхищении и от исторических статей Гоголя, напечатанных в “Арабесках”. “Шлецер, Миллер и Гердер”, “Средние века”, “Мысли об изучении истории” — все это глубоко поражало меня картинностью и художественностью изложения. Что, кабы нам на этот манер читали историю в классе, думал я сто раз, сравнивая статьи Гоголя с тою мертвечиною, тоской и скукой, ка-

кою нас угощали наши учителя, под названием “истории”, конечно и не подозревая, что у нас есть воображение, потребность жизни и пластичности. И, мне кажется, эти статьи не пропали даром. Они имели значительное влияние на отношение мое, и моих товарищей, к истории...» (*Гоголь в восп.* С. 397; *РС.* 1881, № 2. С. 415—416). О влиянии *Ар.* на свое умственное развитие Стасов писал и в автобиографических «Моих воспоминаниях» (*Стасов В.* Избранные сочинения. Т. 1. М.; Л., 1937. С. XI). Так вспоминая исторические статьи *Ар.*, поздний Стасов, возглавлявший своим авторитетом борьбу с академической традицией в русском искусстве, отзывался иначе об эстетических материалах в книге Гоголя, невысоко оценивая его как художественного критика прежде всего на основании статьи о картине Брюллова (см. коммент. к «Последнему дню Помпеи»).

* * *

Прием *Ар.* в критике был первым писательским неуспехом Гоголя, сразу же перекрытым успехом «Миргорода», однако и этот последний сам по себе способствовал неудачной судьбе *Ар.* В контексте «Миргорода» были восприняты и петербургские повести *Ар.*, что предопределило прижизненную судьбу этой книги; вероятно, и чувствительность Гоголя к критике сказалась в дальнейшем на ее судьбе. В последующем три петербургские повести *Ар.* (из них «Портрет» в новой редакции) легли в основу 3-го тома повестей первого гоголевского собрания сочинений 1842 г.; в отличие от первых двух книг — «Вечеров» и «Миргорода», *Ар.* как книга в собрание не вошли. Новое жанровое единство 3-го тома — «Повести» — разрушало и как бы отменяло на гоголевском пути *Ар.* как книгу.

Начиная в 1850 г. готовить к изданию свое второе собрание сочинений, Гоголь подтвердил структуру четырехтомника 1842 г. с 3-м томом повестей, но задумал расширить собрание дополнительным специальным томом статей, к которому составил оглавление и написал предисловие. 5-й том был задуман как осторожное, сокращенное более чем вдвое воспроизведение «Выбранных мест из переписки с друзьями» с присовокуплением нескольких статей из *Ар.*, а также нескольких новых и отдельно опубликованных. Том должен был представить, таким образом, соединение материалов двух разрушенных книг — *Ар.* и «Выбранных мест», без восстановления как таковой и той и другой. Из *Ар.* предполагалось в томе сохранить лишь пять текстов — «Жизнь», «Мысли о географии», «О преподавании Всеобщей истории (переделанное)», «Скульптура, живопись и музыка» и «Брюллов» (*Ак.* Т. 8. С. 497). Весьма заметно отсутствие в этом списке статьи «Несколько слов о Пушкине», уже, очевидно, не отвечавшей новому взгляду на Пушкина, как он выразился в большой статье о русской поэзии в «Выбранных местах...». Задуманный том должен был, таким образом, стать частичным возвратом к *Ар.*, материалы которых, как и «Выбранных мест...», предполагалось включить в новую связь и в новый «теоретический» цикл, обоснованный мыслью, изложенной в наброске предисловия: «...так что пятый том составил в себе почти все мои теоретические понятия, какие я имел о литературе и об искусстве и о том, что должно двигать литературу нашу» (*Ак.* Т. 8. С. 498).

Гоголь умер, не осуществив этот план, и издателями после Гоголя реализован он не был. Но если усматривать в нем «последнюю волю» автора, какой он на уровне творческого намерения и оказался хронологически, то, очевидно, следуя ей как главному принципу академической текстологии, мы должны бы были продолжить разрушение *Ар.*, отрывая статью о Пушкине от статьи о Брюллове, и отказаться от восстановления «Выбранных мест...».

Во втором гоголевском собрании, осуществленном после смерти автора Н.П. Трушковским в 1855—1856 г., гоголевский план был реализован не буквально. К четырехтомнику 1842 г., по которому был повторен и третий том повестей, присоединялись еще два тома, в первом из которых (5-м) *Ар.* были восстановлены, исключая три петербургские повести, а «Выбранные места...» повторены по изданию 1847 г. в томе 6-м. Хотя собрание и следовало в общем последним гоголевским решениям, оно не стало образцом и моделью для последующих изданий. Тип и композиция собрания сочинений Гоголя собранием Трушковского установлены не были.

Уже издание П.А. Кулиша в 6 томах (1857) восстановило полностью *Ар.* вместе с повестями в томе 2-м, соответственно разрушив композицию 3-го тома 1842 г. В редакционной статье академического Полного собрания (1940), в обзоре гоголевских изданий, неточно сказано (Ак. Т. 1. С. 9—10), что в собрании Кулиша первые четыре тома повторяли Трушковского и лишь Н.С. Тихонравов в своем 10-м издании выделил «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего» из цикла «Повестей» и восстановил *Ар.* На самом деле это тридцатью годами раньше сделал Кулиш и повторило издание наследников (1862). Во всех этих изданиях, начиная с Кулиша, проблема была решена в пользу *Ар.*, только порядок томов менялся.

10-е издание Н.С. Тихонравова, таким образом, только следовало установившейся тридцатилетней традиции; том 5-й этого собрания, вышедший раньше других (1889), составили *Ар.*, в окружении «Юношеских опытов», статей из «Современника» и других произведений, при жизни автора не собранных; повести же вошли в т. 2 без «Невского проспекта» и «Записок сумасшедшего». В 11-м издании под ред. Тихонравова (1893) т. 5 с *Ар.* в центре был перемещен в начало издания и вышел как 1-й том.

Интересным с точки зрения *Ар.* было Полное собрание под ред. Н.И. Коробки (1912—1915). *Ар.* здесь придано особенное значение: 3-й том построен как расширенные *Ар.*, вокруг которых издателем собран весь гоголевский материал до 1835 г., сверх «Вечеров» и «Миргорода» — две главы «Страшного кабана», «Женщина», «Борис Годунов», «О поэзии Козлова», части «Гетьмана», «Страшная рука», «Фонарь умирал», «Дождь был продолжительный», «1834», а также материалы по истории, связанные с профессорской деятельностью Гоголя, — программа лекций по Средним векам, наброски лекций, материалы по русской истории. «Арабесками», таким образом, был центрирован синхронный принцип, положенный в основу этого тома. Составители предлагаемого настоящего 3-го тома нового академического Полного собрания должны отметить, что их решение этого тома близко давним решениям Н.И. Коробки.

Едва ли не единственным из крупных дореволюционных гоголевских изданий после Трушковского, решившим проблему *Ар.* и «Повестей»

в пользу последних, было иллюстрированное Полное собрание 1912—1913 гг. под ред. А.Е. Грузинского; *Ар.* здесь даны в т. 7 без трех петербургских повестей. Установившаяся преобладающая традиция в большинстве остальных изданий — сохранение *Ар.* как гоголевской книги.

Параллелизму решений, наблюдавшемуся в посмертных гоголевских изданиях, казалось, положило конец академическое Полное собрание сочинений в 14 томах, 1937—1952 гг.; оно тем самым авторитетно положило на многие десятилетия конец и традиции сохранения *Ар.* как книги. Композиция т. 3 Собрания (1938) воспроизводила композицию третьего тома гоголевского четырехтомника 1842 г., а в т. 8 (1952) *Ар.* были представлены только статьями, без трех повестей и других художественных текстов. Конструкторы *Ак.* и рецензировавшие издание Б.В. Томашевский и Г.М. Фридендер высоко оценили это решение, противопоставив его традиции, по которой в большей части прежних изданий *Ар.* сохранялись как единство. Мотивировалось решение жанровым принципом, установленным Гоголем в издании 1842 г. «В прежних изданиях (в том числе в издании Тихонравова) сохранялся в неприкосновенности гоголевский цикл “Арабески” (...). В результате нарушался резко жанровый принцип: часть петербургских повестей печаталась в одном месте, а часть — в другом, среди статей Гоголя. Между тем еще сам Гоголь, подготавливая в 1842 г. первое издание своих сочинений, выделил “Невский проспект” и две другие повести из состава “Арабесок”, построив все издание по четкому жанровому принципу» (Томашевский Б.В., Фридендер Г.М. Академическое издание сочинений Н.В. Гоголя // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1952. Вып. 1. С. 54—55). Это объяснение не кажется вполне точным: представляется, что в гоголевской организации четырехтомника 1842 г. смешивались два не вполне тождественных принципа — цикла и жанра. Поименованные циклы составили первые два тома, остальные два — жанры. Группировка циклами больше была в духе Гоголя, а третьим циклом на его пути и были *Ар.*; и внутри его жанровых комплексов группировались неоформленные и необъявленные циклы — таков среди «Повестей» 1842 г. внутренний цикл петербургских повестей, а также цикл разножанровых текстов вокруг «Ревизора» и сцен из осколков «Владимира третьей степени».

Вопрос был признан решенным, и на протяжении более полувека после *Ак.* *Ар.* как целое в собраниях сочинений Гоголя больше не появлялись. Отдельным же изданием после 1835 г. они вышли единственный раз в 1990 г. усилиями П.Г. Паламарчука, с его статьей («Узор “Арабесок”») и примечаниями: *Паламарчук 1990*. (Значащееся в каталоге РГБ отдельное издание 1918 г. на самом деле представляет собой простое воспроизведение 3-го тома собрания под ред. Н.И. Коробки, т.е., по его идее, расширенные *Ар.*)

В целом в истории гоголевских собраний относительно *Ар.* наблюдаются два решения, исключаящие друг друга. За то и другое есть свои *pro* и *contra*. Доводы сторонников решения *Ак.* очевидны. Устранение *Ар.* как целого из состава гоголевских собраний — это собственное авторское решение 1842 г. (*Соч. 1842*), подтвержденное и авторским планом второго собра-

ния в 1850–1851 гг. (Соч. 1855), когда был намечен также и дополнительный том статей, т.е. та общая структура Собрания сочинений, которую и осуществило, хотя и не точно по гоголевскому последнему плану, Ак. своими III и VIII томами. Потому что проблема *Ар.* и «Повестей» — это еще и проблема в целом гоголевских статей.

Главным доводом за сохранение *Ар.* в академическом Полном собрании сочинений Гоголя представляется тот факт, что это *книга* Гоголя, момент и этап на его пути. Гоголь развивался книгами, книга — первостепенная реальная единица творчества Гоголя и его эволюции, очевидно более существенная для него единица, чем собрание сочинений. Так, выразительной характеристикой обоих его собраний — состоявшегося и задуманного в начале 1850-х годов — было то, что ни в первое, ни во второе не входили «Мертвые души». В то же время оба собрания как бы сопровождали «Мертвые души» как главное событие всей жизни Гоголя: к выходу первого тома был приурочен четырехтомник 1842 г., как, вероятно, собрание 50-х годов должно было сопутствовать завершению тома второго.

Значение книги как творческого события на гоголевском пути, между прочим, рельефно было выражено Пушкиным в печатном отзыве на второе издание «Вечеров на хуторе» в 1836 г. Автор, пишет Пушкин, «с тех пор непрестанно развивался и совершенствовался. Он издал Арабески (...) Вслед за тем явился Миргород (...) Г. Гоголь идет еще вперед», за чем следует примечание под строкой: «На днях будет представлена на здешнем театре его комедия *Ревизор*» (Пушкин. Т. 12. С. 27). Таким образом Пушкин прочертил путь Гоголя его книгами одной за другой. И несомненно, логика этого пути нарушается, когда из собрания сочинений изымаются *Ар.* — независимо от позднее принятых им самим решений.

Ар. как целое запечатлели момент в развитии Гоголя, и прикрепленность к моменту в них очень сильна; это стало и их слабостью: момент прошел, когда Гоголь составлял свои сочинения 1842 г., и он пожертвовал единством *Ар.*, которое было таким свободным, что оказалось нестойким. Момент *Ар.* был хрупким моментом такого равновесия сил и широты возможностей, какой уже не повторится на гоголевском пути, — в этом смысле и вправду «много молодого» в этой книге, — равновесия в том числе языческого купола и готического острия в эстетике Гоголя, еще без обязывающего выбора, — счастливый момент равновесия еще до первого кризиса, каким вскоре явится «Ревизор».

В связи с проблемой *Ар.* перед академическим Собранием сочинений встает вопрос о том, как понимать задачу академического собрания. Должно ли оно воспроизводить логику пути писателя или следовать его последним решениям (а в случае Гоголя правильнее, по-видимому, говорить о его последней решении, чем о последней авторской воле). Без решения конфликта между двумя этими принципами в данном случае не обойтись. Представляется, что догматическая текстология недаром настаивает на термине «авторская воля» как на авторитарном понятии. Воля — это императив, воля нам завещается и критике не подлежит, решения же меняются. Текстология же творческая в лице Г.О. Винокура в 1920-е годы и Д.С. Лихачева в более позднее время недаром тоже относится настроенно к этой «воле» как принципу механическому.

Г.О. Винокур в свое время посвятил специальную главу в своей текстологии композиционным проблемам собраний сочинений писателя и сформулировал задачу так: определить «широкий и общий контекст» творчества писателя «в его подлинных формах», для чего необходимо со стороны исследователя акт художественной критики. «И здесь таким образом речь идет не о “воле автора” как механическом принципе, а о художественной критике, направленной на цельный контекст литературного наследства изучаемого писателя». Ибо даже последнее авторское решение — это «суд не высший, а только последний из нам известных в каждом отдельном случае в обычном хронологическом смысле» (*Винокур Г.* Критика поэтического текста. М., 1927. С. 111–112, 19–20).

Гоголь при жизни, естественно, не готовил академическое свое собрание, и оба собрания были, естественно, для него переменной, текучей, временной, неокончательной формой, которая, несомненно, должна была помянуться по завершении «Мертвых душ». И научное, академическое собрание сочинений Гоголя не может и не должно просто следовать его прижизненному собранию, у него, по точной формуле Г.О. Винокура, другая задача — *воссоздание цельного контекста творчества в его подлинных формах*. Что *Ар.* как книга входит в этот контекст, не подлежит сомнению. Уже говорилось выше, что это не сборник, а книга; не сборник был собран Гоголем в 1834 г., а книга написана. Параллельно в другой тетради писался «Миргород», и самое это раздвоение творчества в ключевой и кризисный его момент важно для понимания гоголевского пути. Он писал М.А. Максимиовичу 9 ноября 1833 г.: «У меня есть сто разных начал и ни одной повести, и ни одного даже отрывка полного, годного для альманаха» — и рассказывал тут же о «страшных переворотах» за этот год. На исходе года он пишет творческую молитву — «1834»: «Я совершу....» (с. 247). И в 1834 г. он «совершил» — две книги. Кристаллизация творческого процесса и выход из кризиса совершились в виде двух книг, и самая эта их парность важна, хотя она и не была тогда оценена, кроме как, может быть, только Пушкиным, назвавшим подряд обе книги как свидетельство того, что Гоголь «идет еще вперед». *Ар.* как форма объединения статей исторических и эстетических и нескольких повествовательных произведений стали на гоголевском пути существенной кристаллической творческой формой, выразительной личной писательской формой и «формой времени» (Т.Г. Черняева) вместе; и исключение этой формы из общей картины «полного собрания сочинений» не только лишает нас книги Гоголя, но и отдельным частям ее наносит ущерб, в том числе и петербургским повестям.

Наиболее вопиющим примером такого ущерба может служить судьба «Портрета» в редакции *Ар.*; и она же может служить решительным аргументом за сохранение *Ар.* В *Ак.* эта повесть печатается после второго «Портрета» 1842 г. в разделе «Другие редакции», вместе с черновыми редакциями «Невского проспекта» и «Носа». Но в этих двух случаях это в самом деле «другие редакции», тогда как два «Портрета» — случай принципиально иной. Это два разных произведения двух разных гоголевских периодов. Гоголь, конечно, не печатал ранние редакции тех двух повестей, «Портрет» он напечатал второй раз в «Современнике», в журнале после книги, чем подчеркнул качество нового произведения и несколько раз зая-

вил об этом сам. Плетневу он писал 17 марта 1842 г.: «Прочитайте ее, вы увидите, что осталась одна только канва прежней повести, что все вышито по ней вновь». В редакционном же примечании в «Современнике» было сказано, что повесть «переделана вся и здесь помещается совершенно в новом виде» (Ак. Т. 3. С. 665).

Что происходит с «Портретом»-1835 в результате «ссылки» его в «Другие редакции»? Он, во-первых, в значительной мере теряется для читателей, становясь материалом историков литературы. И главное, картина творчества Гоголя искажается, когда *первый* «Портрет» является перед читателем *после второго*. Тем самым «Портрет» *Ар.* изымается из основного состава творчества Гоголя.

Однако ведь конструкторам третьего тома *Ак.* ничего другого и не осталось, когда они уничтожили *Ар.* и соблюли композицию 3-го тома *Соч.* 1842. Для «Портрета» 1835 г. вне *Ар.* не осталось другого места, кроме как в «Других редакциях».

Можно заметить, что «Портрет» в составе творчества Гоголя — не единственный подобный пример. Другой пример — «Тарас Бульба» в редакциях «Миргорода» 1835 и 1842 гг. (см. коммент. к «Тарасу Бульбе» в т. 2 наст. изд.). Не входя здесь в анализ различий двух редакций этой повести, можно лишь отметить, что качество нового произведения (а не только новой редакции того же произведения) в случае «Портрета» присутствует в более сильной степени, чем во втором «Тарасе». Надо признать, что публикация первого «Тараса» 1835 г. также в «Других редакциях» и также после «Тараса» 1842 г. также смещает картину гоголевского пути. Но в этом случае в самом деле не оказывается другого выхода, хотя его и нельзя признать решением совершенным, поскольку Гоголь переписал «Тараса Бульбу» в составе того же «Миргорода» при вторичном воспроизведении цикла в собрании 1842 г., и «Тарасу» раннему в самом деле не найти другого места, как в «Других редакциях».

Иное дело — два гоголевских «Портрета» как два различных произведения, явившиеся в составе двух разных гоголевских художественных единств двух разных гоголевских эпох. Абсурдная судьба «Портрета»-1835, пожалуй, бросает особенно выразительный свет на проблему *Ар.* 1835 г. и «Повестей» 1842 г. как этих единств. «Портрет»-1835 должен быть возвращен в основной ряд гоголевских произведений и должен являться взору читателя ранее «Портрета» второго. Но остается вопрос о двух других петербургских повестях *Ар.*, не подвергшихся при переходе в «Повести» 1842 г., как «Портрет», существенным изменениям.

Если задача академического собрания есть восстановление контекста творчества в его подлинных формах и мы признали, что *Ар.* как целое несомненно входят в этот контекст, то ведь и «Повести» 1842 г. как новое гоголевское единство также входят в него и должны быть сохранены в его составе как единство, в том числе все три петербургские повести, перешедшие в него из разрушенных *Ар.*; надо заметить при этом, что вообще петербургские повести как необъявленный, неформальный гоголевский цикл собрались все вместе и выявились тем самым как содержательный цикл только здесь, в этом новом единстве 3-го тома *Соч.* 1842.

Таким образом, исходя из сформулированного выше понимания цели академического Полного собрания сочинений, мы неизбежно приходим в настоящем собрании к беспрецедентному в истории гоголевских изданий решению о сохранении в неприкосновенности обоих гоголевских единств — «Арабесок» 1835 г. и «Повестей» 1842 г. Решение это приводит к повторному воспроизведению двух повестей *Ар.* — «Невского проспекта» и «Записок сумасшедшего» (но не «Портрета») — в составе нового единства в т. 6 наст. изд. Обоснование этого решения, со ссылкой на аналогичные прецеденты в европейской текстологической и издательской практике (в частности, в немецких изданиях Гёте), см. в редакционном предисловии к т. 1 наст. изд., с. 17–18.

ПЕРЕВОДЫ «АРАБЕСОК» КАК КНИГИ

— на немецкий язык: *Gogol N.V. Sämtliche Werke* / Hrsg. von O. Buek. München, 1909–1914. Bd. 6. Arabesken. — Prosaschriften. — Rom / Deutsch von Ch. Koenig. München, 1912.

— на итальянский язык: *Gogol' N.V. Arabeschi* / Trad. di B. Aruffo, C. Samsonoff. Firenze, Il Fiore, [1945]; *Gogol' N.V. Opere. Vol. 3. Arabeschi. Le Anime Morte* / Trad. di N. Bavastro. Milano: A.Corticelli Editore, 1948.

— на словацкий язык: *Gogol N.V. Spisy v 5 sv. Sv. 3. Arabesky* // Prel. V. Dovinová. Bratislava, 1956.

— на английский язык: *Gogol N.V. Arabesques* / Transl. by A. Tulloch; introd. by C.R. Proffer. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1982.

ПЕРЕВОДЫ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ИЗ «АРАБЕСОК»

— на итальянский язык — все статьи из «Арабесок»: *Gogol' N. Opere* / A cura di S.Prina. Milano: Mondadori ed., 1994. Vol. 1 (секция Articoli; trad. di Igor Sibaldi).

«Скульптура, живопись и музыка»:

— на словацкий язык: *Sochárstvo, mal'ba a hudba* / Prel. Vajanský // Slovenské Pohl'ady, 1882.

— на румынский язык: *Gogol N.V. Opere in 6 vol. Vol. 6. Articole.* Bucureşti, 1958.

— на итальянский язык: *Gogol' N. Il ritratto e note sulla pittura* / A cura di F. Malcovati. Firenze: Giunti ed., 1995.

«О Средних веках»:

— на болгарский язык: *Средните векове (по Гоголя Д-ов)* // Ден. Г. 2 (1876).

«О преподавании всеобщей истории»:

— на болгарский язык: *За преподаванието на всеобщата история (по Гоголя Д.Т.)* // Читалище. Г. 5 (1875). Кн. 12–13.

«Портрет»:

— на английский язык: [Т. 1]: *Gogol. The Portrait* / Transl. by S. Fusso from the original version first published in Arabesques (1835). The Story Gogol wrote twice. An introd. by O. Tielkes; [Т. 2]: Steinmetz. The Portrait: A Fantasy in Twenty-One Sheets. Amsterdame, 2006.

«Взгляд на составление Малороссии»:

— на румынский язык: *Gogol N.V. Opere in 6 vol. Vol. 6. București, 1958.*

«Несколько слов о Пушкине»:

— на французский язык: *Pouchkine // Tardiff de Mello. Histoire intellectuelle de l'empire russe. Paris: Amyot, 1854.*

— на словацкий язык: *O Puskinovi / Prel. Hurban-Vajanský // Slovenské Pohl'ady, 1881.*

— на чешский язык: *Gogol N.V. O literatuře. Praha, 1953.*

— на румынский язык: *Gogol N.V. Opere in 6 vol. Vol. 6. București, 1958.*

«Об архитектуре нынешнего времени»:

— на болгарский язык: *За архитектурата в днешно време / Прев. А.Д. Хлебаров // Задружен труд. Т. 3. Кн. 11–12.*

— на польский язык: *Gogol o architekturyze // Stolica. 1952. № 22.*

— на румынский язык: *Gogol N.V. Opere in 6 vol. Vol. 6. București, 1958.*

«Ал-Мамун»:

— на сербско-хорватский язык: *Јуперо. 1904. № 86.*

— на румынский язык: *Gogol N.V. Opere in 6 vol. Vol. 6. București, 1958.*

«Жизнь»:

— на болгарский язык: *Живот / Прев. Златоустов // Отечество. Г. 1 (1884). № 27 (еще два перевода).*

— на венгерский язык: *Az élet (Arabesk) / Ford. I. Szeman // Alkotmány. 1900. № 288.*

— на сербско-хорватский язык: *Живот. Скица // Ogjek VIII (1908). № 118 (еще три перевода).*

— на чешский язык: *Život / Prel. O.F. Babler // Kroměříž. Kryl, 1947.*

«О малороссийских песнях»:

— на словацкий язык: *O maloruských piesnách / Prel. S.Hurban-Vajanský // Slovenské Pohl'ady. 1881.*

— на чешский язык: *Gogol N.V. O literatuře. Praha, 1953.*

— на румынский язык: *Gogol N.V. Opere in 6 vol. Vol. 6. București, 1958.*

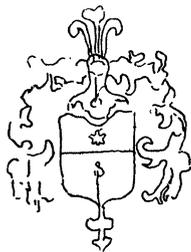
«Последний день Помпеи»:

— на итальянский язык: *Gogol' N. Il ritratto e note sulla pittura. Firenze: Giunti ed., 1995 (в книгу вошли также «Портрет» в редакции 1842 г. и «Скульптура, живопись и музыка», см. выше).*

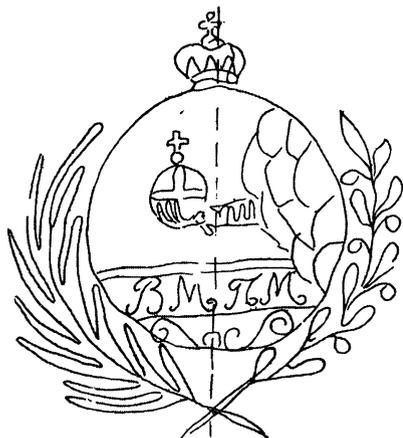
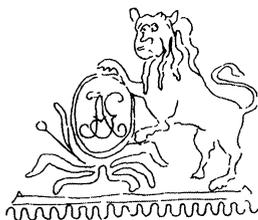
— на румынский язык: *Gogol N.V. Opere in 6 vol. Vol. 6. București, 1958.*

Сведения о переводах повестей «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего» см. в коммент. к т. 6 наст. изд.

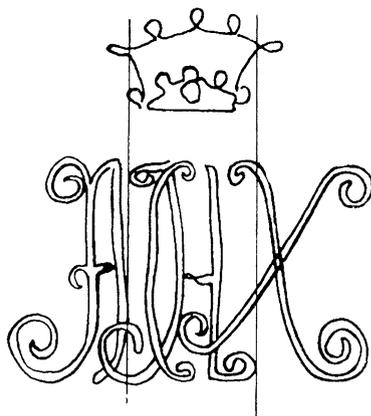
1 8 2 7

М Ф А Г

1 8 3 1

Варианты филигрanei на бумаге, которой пользовался Гоголь при работе над «Арабесками» и произведениями 1830–1834 гг.: наверху — «О поэзии Козлова» (Клепиков 1959. С. 298–299. № 383А; у Гоголя с белой датой «1829»); внизу слева — «1834» и «Фонарь умирал» (Клепиков 1959. С. 175. № 138); внизу справа — «тетрадь Тарновских», левая сторона частично (Клепиков 1978. С. 91. № 71; у Гоголя с белой датой «1824»)

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

АРАБЕСКИ

ЧА Ск — «Скульптура, живопись и музыка», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 22 об.—24 об. Бумага с филигранью: вензель под короной с литерами АСНХ (А.С.Н. Хлюстина) на левой стороне двойного листа, литеры МУСТ (Медынского уезда село Троицкое) на правой стороне двойного листа, с белой датой над ним «1824», разм. 32,0 × 20,7; описана: *Клепиков 1978*. С. 13, 91. № 71 (за 1811, 1813, 1824, 1827). Общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Прт*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жэ*¹, *ЧА Шлц*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЗпСм*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*. Черные чернила, заглавие цветным карандашом. См.: *Описание РГБ 1*. С. 25. Впервые опубликовано: *Тих*. Т. 5. С. 558—561 (в извлечениях). Фотокопия л. 24 об.: Ак. Т. 3, между с. 636 и 637¹.

ЧА Ср — «О Средних веках», черновой автограф. Хранится: *ОР ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 30—33, 35—35 об., 50 (пагинация общая с *ЧА ДетКн*). Бумага серая, без водяных знаков, разм. 34,1 × 22,3, 24,6 × 21,8, 34,1 × 22,5 и 22,4 × 18,8. Черные чернила двух оттенков. Без заглавия. См.: *Описание ИРЛИ 1*. С. 435. *Описание ИРЛИ 2*. С. 6. Впервые опубликовано: *ИВ*. 1902. Т. 87. № 2. С. 630—642 (не полностью); Ак. Т. 8. С. 513—515, 578—591 (в извлечениях).

АС Ср — «О Средних веках», авторский список. Хранится: *РГАЛИ*. Ф. 1571. Оп. 1. Ед. хр. 2521. Л. 31—39 об. (пагинация общая с *АС Преп*). Бумага с филигранью: литеры ФС (Фабрика Сомова) и белой датой «1831», разм. 21,0 × 26,0. Описана: *Клепиков 1978*. С. 58, 83. Впервые опубликовано: *Неизд. Гоголь*. С. 77—88; описание см.: там же, с. 433—436.

НР Гл — «Глава из исторического романа», наборная рукопись (писарская копия) в составе цензурного экземпляра *СЦв* на 1831 год. Хранится: *РО ИРЛИ*. Ф. 244. Оп. 8. Ед. хр. 36 (№ 6. Л. 1—12 об.).

АС Преп — «О преподавании всеобщей истории», авторский список. Хранится: *РГАЛИ*. Ф. 1571. Оп. 1. Ед. хр. 2521. Л. 40—51 (пагинация общая с *АС Ср*). Бумага та же и того же размера, что и в *АС Ср*. Впервые опубликовано: *Неизд. Гоголь*. С. 88—101; описание см.: там же, с. 433—436.

ЧА Прт — «Портрет», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 25—25 об., вставка на л. 24 об., л. 83—86 об., 91 об.—100 (общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жэ*¹, *ЧА Шлц*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЗпСм*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*). Черные чернила, заглавие и пометы цветным карандашом. См.: *Описание РГБ 1*. С. 20. Впер-

¹ Дополнительные сведения об автографах см. в комментариях к каждому из произведений.

вые опубликовано: *Тих.* Т. 5. С. 569–576 (в извлечениях). Фотокопия л. 24 об.: *Ак.* Т. 3, между с. 636 и 637.

ЧА Взгл — «Взгляд на составление Малороссии», черновой автограф. Хранится: *ОР РНБ.* Ф. 199. Ед. хр. 1. Л. 2–4. Общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧН Взгл₁*, *ЧА* и *БА Полк*, *ЧА Руд*; та же бумага в *ЧН Взгл₂*. Разм. 36,5 × 22,6. Черные с коричневым оттенком чернила. См.: *Описание РНБ.* С. 7. Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 5. С. 579–581 (в извлечениях).

ЧН Взгл₁ — «Взгляд на составление Малороссии», два черновых наброска («Какое было первоначальное устройство этого необыкновенного»; «Литовские князь(я) на северо-востоке Европы были сильнейшие владельцы»). Хранится: *ОР РНБ.* Ф. 199. Ед. хр. 1. Л. 3. Общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧН Взгл*, *ЧА* и *БА Полк*, *ЧА Руд*; та же бумага в *ЧН Взгл₂*. Разм. 36,5 × 22,6. Черные с коричневым оттенком чернила. См.: *Описание РНБ.* С. 7. Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 5. С. 577–578.

ЧН Взгл₂ — «Взгляд на составление Малороссии», черновой набросок («Народ не мог сделаться торговым»). Хранится: *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 17. Бумага та же, что в *ЧА Взгл*, *ЧН Взгл₁*, *ЧА* и *БА Полк*, *ЧА Руд*. Разм. 22,5 × 15,8. Черные с коричневым оттенком чернила. См.: *Описание РГБ 1.* С. 33. Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 5. С. 578–579.

ЧА Пушк — «Несколько слов о Пушкине», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 24–24 об., 67 об.—68 об. (общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жз₁*, *ЧА Шлц*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЗпСм*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*). Черные с коричневым оттенком чернила, заглавие графитным карандашом, пометы цветным карандашом. См.: *Описание РГБ 1.* С. 16. Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 5. С. 582–584 (в извлечениях). Фотокопии: л. 24 об. — *Ак.* Т. 3, между с. 636 и 637, л. 68 — *Ак.* Т. 8, между с. 48 и 49.

ЧА Арх — «Об архитектуре нынешнего времени», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 71 об.—78 об. (общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушк*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жз₁*, *ЧА Шлц*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЗпСм*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*). Черные чернила, заглавие и пометы цветным карандашом. См.: *Описание РГБ 1.* С. 16–17. Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 5. С. 585–586, 617–621 (в извлечениях).

ЧА АлМ — «Ал-Мамун», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 112–114 (общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушк*, *ЧА Арх*, *ЧА Жз₁*, *ЧА Шлц*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЗпСм*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*). Черные чернила, заглавие цветным карандашом. См.: *Описание РГБ 1.* С. 30–31. Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 5. С. 586–588 (в извлечениях).

ЧА Жз₁ — «Жизнь», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 100 об.—101 (общая пагинация и одинаковая бумага по

качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Шлц*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЗпСм*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*). Черные чернила, заглавие и пометы цветным карандашом, заглавие над вставками графитным карандашом. См.: *Описание РГБ 1*. С. 10. Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 5. С. 588–589 (в извлечениях).

ЧА Жэ₂ — «Жизнь», черновой автограф начала. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 10; см. *Описание РГБ 1*. С. 10. Разм. 24,3 × 14,8. Тонкая почтовая пожелтевшая бумага, черные чернила. Впервые опубликовано: *Георгиевский*. С. 113.

ЧА Шлц — «Шлецер, Миллер и Гердер», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 79–80 (общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жэ₁*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЗпСм*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*). Черные чернила. См.: *Описание РГБ 1*. С. 32–33. Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 5. С. 590 (в извлечениях).

ЧА НвПр — «Невский проспект», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 26–35 об. (общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жэ₁*, *ЧА Шлц*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЗпСм*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*). Черные чернила, пометы цветным карандашом. Без заглавия. См.: *Описание РГБ 1*. С. 15–16. Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 5. С. 591–601 (в извлечениях); *Ак.* Т. 3. С. 339–379 (полностью). Фотокопия л. 32 об. — *Ак.* Т. 3, между с. 366 и 367.

ЧА Пмп — «Последний день Помпеи. (Картина Брюлова)», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 101 об.—104 (общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жэ₁*, *ЧА Шлц*, *ЧА НвПр*, *ЧН Двж*, *ЧА ЗпСм*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*). Черные чернила, заглавие и пометы цветным карандашом. См.: *Описание РГБ 1*. С. 20–21. Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 5. С. 604–608 (в извлечениях).

ЧН Двж — «О движении народов в конце V века», черновой набросок. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 71 (общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жэ₁*, *ЧА Шлц*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧА ЗпСм*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*). Черные чернила. Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 7. С. 904.

ЧА ЗпСм — «Клочки из записок сумасшедшего», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 104 об.—110 об. Общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жэ₁*, *ЧА Шлц*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*. Черные чернила, графитный и цветной карандаш; заглавие графитным карандашом. См.: *Описание РГБ 1*. С. 10. Впервые опубликовано: *Тих.* Т. 5. С. 612–617 (в извлечениях).

ЧН ЭнСм — «Клочки из записок сумасшедшего», черновой набросок. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 80 об. Общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушк*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жэ*, *ЧА Шц*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЭнСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*. Черные чернила. См.: *Описание РГБ 1*. С. 10. Впервые опубликовано: *Тих*. Т. 5. С. 610.

СЦв — Глава из исторического романа // Северные цветы на 1831 год. Спб. В типографии департамента народного просвещения. 1830. С. 225—256 (ц. р. 18 декабря 1830 г., цензор Н. Цеглов).

ЛГ₁ — Несколько мыслей о преподавании детям географии // Литературная газета. СПб. 1831. Т. 3. № 1. 1 января. С. 4—7 (ц. р. 31 декабря 1830 г., цензор Н. Цеглов).

ЖМНП₁ — План преподавания всеобщей истории // Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч. 1. № 2. Февраль. Отд. 2. С. 189—209.

ЖМНП₂ — Отрывок из Истории Малороссии. Том I, Книга I, Глава I // Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч. 2. № 4. Апрель. Отд. 2. С. 1—15.

ЖМНП₃ — О Малороссийских песнях // Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч. 2. № 4. Апрель. Отд. 2. С. 16—26.

ЖМНП₄ — О Средних веках. Вступительная лекция, читанная в С(анкт)-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем // Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч. 3. № 9. Сентябрь. Отд. 2. С. 409—427.

Ар. — Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. Ч. 1, 2. Санктпетербург. В типографии вдовы Плюшар с сыном. 1835 (ц. р. 10 ноября 1834 г., цензор В. Семенов).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1830—1834 гг.

БА БГ — «Борис Годунов. Поэма Пушкина», белой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 39. Бумага со штемпелем в овальной кольчатой рамке (2,2 × 1,6) с двуглавым Александровским (распростертым) орлом; надписи неразличимы — предположительно: ИМП. П. Б. Ф. (Императорская Петергофская бумажная фабрика). Разм. 35,4 × 21,8. Описана: *Клепиков 1968*. С. 125. № 59 (за 1829), ил. на с. 118; ср. также: *Клепиков 1959*. С. 103. № 69 (за 1830—1832). Черные чернила. Пометы графитным и красным карандашом. См.: *Описание РГБ 1*. С. 8. Впервые опубликовано: *Р*. 1881. № 12. 31 января.

БА Козл — «О поэзии Козлова», белой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 41. Л. 1—2. Бумага серая, с филигранью: герб Гончаровых на левой половине двойного листа, литеры МФАГ (Медынская фабрика Афанасия Гончарова) на развороте, вензель АГ (Афанасий Гончаров) на овальном щите, на который опирается лев, стоящий на постаменте, на правой половине двойного листа, с белой датой над ним «1829», разм. 36,0 × 22,0. Описана: *Клепиков 1978*. С. 36. № 523 (за 1826, 1828,

1829, 1830); она же: *Клепиков 1959*. С. 54, 298–299. № 383А (1827); *Uchastkina 1962*. Рl. 254. Р. 601 (1835). Черные чернила. См.: *Описание РГБ 1*. С. 17. Впервые опубликовано: *РС*. 1890. Т. 65. С. 850–852.

ЧА 1834 — «1834», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 8. Л. 1. Бумага плотная, желтоватая, с левой половиной флиграни двойного листа: герб Вологодской губернии с курсивными литерами *ВМ(ПМ)* (Вологодская мануфактура Петра Мартыанова) в круге, обрамленном пальмовой и лавровой ветвями, с белой датой под ними: 18... (известна за 1831 и 1832 гг.; см.: *Клепиков 1959*. С. 43, 175. № 138; та же бумага в *ЧА Фнр*). Разм. 34,3 × 22,4. Черные чернила. См.: *Описание РГБ 1*. С. 46; *Тих*. Т. 7. С. 893. Впервые опубликовано: *Кулиш 1856*. С. 128–129. Фотокопия: *Ак*. Т. 9, между с. 16 и 17.

КО КрБд — «Кровавый бандурист», корректурный оттиск. Хранится: *РГИА*. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1214. Л. 5–10 об. Впервые опубликовано: частично — *Нива*. 1917. № 1. С. 6; полностью — *Оксман 1919*. С. 27–39.

ЛГ₂ — Учитель. Из малороссийской повести «Страшный кабан» // *Литературная газета*. СПб., 1831. Т. 3. № 1. 1 января. С. 1–4 (ц. р. 31 декабря 1830 г., цензор Н. Щеглов).

ЛГ₃ — Женщина // *Литературная газета*. СПб., 1831. Т. 3. № 4. 16 января. С. 27–29 (ц. р. 24 января 1831 г., цензор Н. Щеглов).

ЛГ₄ — Успех посольства. Из малороссийской повести «Страшный кабан» // *Литературная газета*. СПб., 1831. Т. 3. № 17. 22 марта. С. 133–135 (ц. р. 24 марта 1831 г., цензор Н. Щеглов).

ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ

ЧА НескГл — «Несколько глав из неоконченной повести», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 99. К. 25. Ед. хр. 37. Л. 1–6. Бумага та же по качеству и размеру, что и в *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жэ*, *ЧА Шлу*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЭпСм*, *ЧН ЭпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*, *ЧН НескГл*. Черные чернила. См. описание: *Чарушникова 1976*. С. 188. Фотокопия начала (л. 1): там же, с. 189. Впервые опубликовано: *Соч*. 1855. Т. 5. С. 367–411, ц. р. 10 февраля 1856 г.

ЧН НескГл — «Несколько глав из неоконченной повести», черновые наброски. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 22. Л. 1. Бумага та же по качеству и размеру, что и в *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жэ*, *ЧА Шлу*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЭпСм*, *ЧН ЭпСм*, *ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*, *ЧА НескГл*. Черные чернила. См.: *Описание РГБ 1*. С. 18. Впервые опубликовано: *Тих*. Т. 5. С. 549–551.

ЧА и БА Полк — «Мне нужно видеть полковника», черновой и белой автографы. Хранятся: *ОР РНБ*. Ф. 199. Ед. хр. 1. Л. 6–6 об. (общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Взгл*, *ЧН Взгл*, *ЧА Руд*). Черные чернила. См.: *Описание РНБ*. С. 7. Впервые опубликовано: *Кулиш 1856*. С. 167–169 (только *ЧА*); *Тих*. Т. 5. С. 99–100, 554–555 (*ЧА* и *БА*).

ЧА СтР — «Страшная рука», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 23 (общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жз*, *ЧА Шлц*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЗпСм*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА НБТМ*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*). Черные чернила. См.: *Описание РГБ 1*. С. 26. Впервые опубликовано: *Кулиш 1856*. С. 164.

ЧА Фнр — «Фонарь умирал», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 2. Ед. хр. 32. Л. 1–1 об. Бумага та же, что в *ЧА 1834*, разм. 34,3 × 22,4. Черные чернила. См.: *Описание РГБ 1*. С. 26; *Тих. Т. 7*. С. 893. Впервые опубликовано: *Кулиш 1856*. С. 173–175.

ЧА Джд — «Дождь был продолжительный», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 11. Л. 1–1 об. Бумага без водяных знаков. Разм. 20,7 × 16,0. Черные чернила (бледные); рисунки графитным карандашом. См.: *Описание РГБ 1*. С. 26. Впервые опубликовано: *Кулиш 1856*. С. 171–173.

ЧА Руд — «Рудокопов», черновой автограф. Хранится: *ОР РНБ*. Ф. 199. Ед. хр. 1. Л. 7 об. (общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Взгл*, *ЧН Взгл*, *ЧА и БА Полк*). Черные чернила. См.: *Описание РНБ*. С. 8. Впервые опубликовано: *Кулиш 1856*. С. 169.

ЧА НБТМ — «На бесчисленных тысячах могил», черновой автограф. Хранится: *ОР РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 68 (общая пагинация и одинаковая бумага по качеству и размеру с *ЧА Ск*, *ЧА Прт*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жз*, *ЧА Шлц*, *ЧА НвПр*, *ЧА Пмп*, *ЧН Двж*, *ЧА ЗпСм*, *ЧН ЗпСм*, *ЧА СтР*; та же бумага в *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*). Черные чернила. Впервые опубликовано: *Тих. Т. 7*. С. 903–904. Фотокопия: *Ак. Т. 8*, между с. 48 и 49.

ЧА ДетКн — «Отрывок детской книги по географии», черновой автограф. Хранится: *ОР ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 18–19 об. (пагинация общая с *ЧА Ср*). Бумага с частью филигранный и началом белой даты «18...»; разм. 33,3 × 10,8 и 24,8 × 11,0. См.: *Описание ИРЛИ 1*. С. 435; *Описание ИРЛИ 2*. С. 5. Впервые опубликовано: частично — *ИВ. 1902*. Т. 87. № 2. С. 651, полностью — *Атеней 1926*. С. 78–80.

Автографы большей части произведений, вошедших в *Ар.*, — семи статей (*ЧА Ск*, *ЧА Пушкик*, *ЧА Арх*, *ЧА АлМ*, *ЧА Жз*, *ЧА Шлц*, *ЧА Пмп*) и всех трех повестей (*ЧА Прт*, *ЧА НвПр*, *ЧА ЗпСм*), а также два предварительных наброска к произведениям *Ар.* (*ЧН Двж*, *ЧН ЗпСм*) и два не имевших продолжения начала (*ЧА СтР*, *ЧА НБТМ*) сосредоточены в записной книге Гоголя, известной как «тетрадь Тарновских» (по имени предыдущих владельцев тетради), в нее же Гоголь записал вырезанный впоследствии историко-беллетристический фрагмент (*ЧА НескГл*, *ЧН НескГл*), представляющий собой наиболее значительную по содержанию и объему попытку осуществления замысла исторического романа, непосредственно предшествовавшую первой редакции «Тараса Бульбы» и подготовившую ее.

Эта записная книга в картонном переплете, с кожаными наугольниками и корешком, содержит 119 л.; архивная полистная пагинация графитным карандашом; совпадающая с ней постраничная черными чернилами (только

нечетные номера) сделана Н.С. Тихонравовым, написавшим на последнем листе: «Всего в этой рукописи перемеченных страниц двести тридцать восемь (238). Н. Тихонравов» (Тих. Т. 7. С. 905). Хранится: ОР РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1; см.: *Описание РГБ 1*. С. 56–57; Тих. Т. 7. С. 900–905. Бумага с филигранью: вензель под короной с литерами АСНХ (А.С.Н. Хлюстина) на левой стороне двойного листа, литеры МУСТ (Медынского уезда село Троицкое) на правой стороне двойного листа, с белой датой над ним «1824», разм. 32,0 × 20,7; описана: *Клепиков 1978*. С. 13, 91. № 71 (уточнено по сравнению с т. 1, с. 588, 765, наст. изд.; см. изображение филигрании левой стороны листа на с. 487). Водяные знаки большинства листов перевернуты по вертикали по отношению к написанным на листах текстам; часть листов вырезана или вырвана. Записи черными чернилами разных оттенков; рисунки; пометы графитным и цветными карандашами неустановленного лица, сделанные при позднейшем изучении рукописей (в начале нескольких автографов, помимо названий цветным карандашом, проставлены номера страниц по Соч. 1857. Т. 2). К осени 1833 г., когда Гоголь приступил к систематической работе в «тетради Тарновских», в ней уже имелось два слоя записей, сделанных предыдущими владельцами и затем им самим (см. наст. изд., т. 1, с. 606–608), что во многом предопределило порядок ее дальнейшего заполнения. В то же время Гоголю было не безразлично местонахождение в ней рукописей, уже складывавшихся в книгу, второй план которой (датируемый августом 1834 г.) он не случайно вписал в самое начало тетради (л. 2); пометы возле названий в этом перечне показывают, что их порядок тщательно обдумывался. Тетрадь, конечно, заполнялась не по плану; но можно заметить, что, начиная одни тексты после других, относя одни в конец, другие в начало ее, Гоголь следовал, очевидно, тем же побуждениям, которые определили в конце концов расположение произведений в книге. Отдельной темой изучения могли бы стать смысловые сближения, возникающие на стыках автографов (*ЧА Пушкик*, *ЧА Ск* и *ЧА Прт*; *ЧА Жз*, и *ЧА Пмп* и др.).

Записи третьего, собственно и представляющего собой материалы для Ар. слоя были начаты, по-видимому, примерно в одно время сразу в нескольких местах тетради после заполненных в результате прошлых занятий страниц. Начало ее было уже занято разнородными записями (реестр книг предыдущего владельца, дарственные и шуточные надписи, пробы пера на л. 1–5, выписки хозяйственного характера, сделанные Гоголем на л. 6–12). Естественным разграничивающим массивом почти посередине тетради была беловая рукопись «Ночи перед Рождеством», занимающая вместе с примыкающими материалами л. 43 об.–67 об. Кроме того, сквозь всю тетрадь проходили «реестры» Тарновского — крупно выписанные последние листа заголовки «Реестр Книг[ам]» (л. 2), «Реестр(р) Ландкарт[ам]» (л. 24), «Реестр Нот[ъ]ам» (л. 27), «Реестр Картин» (л. 32), «Реестр Тетрадей» (л. 36), «Реестр Тетрадей оставленных на сохранение сестре моей Марие Антуанете при отъезде в Петербург 1829 Генваря» и «Реестр Тетрадей, взятых в Петербург при отъезде из дому 1829 года Генваря» (л. 89 об.–90), «Реестр разных вещей» (л. 97), из которых только часть сопровождалась соответствующими перечнями (на л. 2 об.–4 об., 36 об.–40, 89 об.–90). Листы с заголовками пустых «реестров» Гоголь

поначалу воспринимал как испорченные и не начинал на них большую работу; они заполнялись вынужденно, если до них доходил текст автографа, или же использовались для вставок, а также набросков, не предполагавших непосредственного продолжения. Впоследствии он перестал обращать внимание на эти вкрапления.

Вероятно, еще в начале 1833 г. Гоголь сделал в тетради несколько заметок, связанных с занимавшим его тогда драматургическим замыслом, — это «Комед(ия). Матер(иалы) Общие» и «Матер(иалы) Частные (?)» (л. 28 и 29, после заголовка «Реестр Нот[ъ]ам» на л. 27), наброски к пьесам и рисунок пером, изображающий военного в мундире, на л. 72 и, судя по общей манере письма и почерку, крупному, размашистому, с петлями, также запись «Обеты и клятвы внутри души при возведении в высокий сан» на л. 69, еще ближе к последней странице «Ночи перед Рождеством» (эта запись, возможно, имеет какую-то связь с пародийным упоминанием впоследствии в «Записках сумасшедшего» «рыцарского обычая» бить палкой по спине «при вступлении в высокое звание»; с. 220); все они не имели продолжения. Ниже на л. 69 затем появляется запись «Я давно уже ничего не рассказывал вам...»; как заметил В.И. Шенрок, этот фрагмент «должен был начать собою какой-нибудь рассказ в роде “Пропавшей Грамоты” или “Заколдованного места”, но затем в измененном виде был перенесен в “Старосветские помещики”» (*Тих.* Т. 7. С. 904; см. также наст. изд., т. 1, с. 250, 851). Здесь у Гоголя другой почерк, тоже довольно крупный, но округлый и ровный, мягкое широкое перо; похожим почерком и пером теми же, но уже совсем бледными, до полной неразличимости, чернилами слева на развороте (л. 68 об.) написан фрагмент об антологических стихотворениях Пушкина (*ЧА Пушкин*; см. коммент. к статье «Несколько слов о Пушкине», с. 665). И снова другим, уже мелким почерком, характерным для гоголевских записей конца 1833 — начала 1834 г., представляющих собой еще даже не черновики текста, а не прояснившиеся, по-видимому, пока для самого автора предварительные наброски, пишется на л. 68 отрывок «На бесчисленных тысячах могил» (*ЧА НБТМ*), вероятно также связанный с мыслью о Пушкине. Статью о нем Гоголь начнет затем ниже на л. 68, перейдет на предыдущий 67 об., возвратится на л. 68 об., но не использует последующие л. 69–70 об., очевидно предназначавшиеся для развития записанного рядом начала (три последние страницы так и останутся незаполненными, а для продолжения статьи о Пушкине Гоголь будет искать в тетради другое место; см. ниже). Последняя в этой своего рода порождающей зоне тетради (сюда Гоголь записывает не начала произведений, а их замыслы, не столько для продолжения здесь, сколько для памяти) — фраза в верхней части л. 71: «Начнем с того места где древний мир уже видел перед глазами эт(их)», представляющая собой запись о замысле статьи «О движении народов в конце V века» (*ЧН Двж*; см. коммент. с. 835). Л. 72, с драматическими набросками, служит границей этой зоны; начатая вне ее на л. 72 об., которым открывается свободное пространство в тетради, статья об архитектуре (*ЧА Арх*) в своей нижней дате определяется только ими и также относится к числу первых, наиболее ранних в третьем слое записей. Эта статья в основной своей части сложилась до того, как был написан первый план *Ар.* (февраль 1834 г.), в который она была включена, но законче-

на уже после того, как на л. 79 Гоголь начал статью «Шлецер, Миллер и Гердер» (*ЧА Шлц*), не вошедшую в план, и поэтому, записывая вставки к ней, он возвращается на л. 71 об.—72, к ее началу. Окончив *ЧА Шлц*, Гоголь на обороте ее последнего листа пишет предварительный набросок к «Запискам сумасшедшего» (*ЧН ЭнСм*; весна 1834 г.), после чего хронологически последовательный ряд записей обрывается: л. 81—82 об. чистые, дальше несколько листов вырезано.

Еще одна исходная точка заполнения тетради образовалась ближе к ее началу, где на л. 23, предшествующем одному из испорченных листов (с заголовком «Реестр(р) Ландкарт[ам]», л. 24), предположительно осенью 1833 г. записан набросок «Страшная рука» (*ЧА СмР*), по мелкому почерку, перу и цвету чернил близкий (почти неотличимо) к *ЧА НБТМ* на л. 68, а на следующем после испорченного листе Гоголь еще мельче пишет первые строки «Портрета» (*ЧА Прт* до слов «В это время невольно остановился»). Этими двумя записями Гоголь переносит в «тетрадь Тарновских» работу над петербургской темой, точнее, над петербургскими повестями, первые наброски которых были сделаны вне ее (см.: *ЧА Фнр*, *ЧА Джд*, возможно, *ЧА Руд*). Но поначалу эти записи не получают продолжения. В первый план *Ар*. петербургская тема внесена пока под общим названием «Дождь»; более того, начало «Невского проспекта» (*ЧА НвПр*; не ранее весны — начала лета 1834 г.) на л. 26, следующем после начала *ЧА Прт*, говорит о том, что Гоголь в то время, по-видимому, не предполагал продолжать первую повесть. *ЧА НвПр* представляет собой единый массив текста на л. 26—35, огибающий все имеющиеся на этих листах предыдущие записи (первого и второго слоя); на л. 35 об. записана только вставка о Лафайете и сделаны рисунки графитным карандашом, в том числе изображение орденского креста, возможно связанное уже с размышлениями о сюжете «Записок сумасшедшего». Этот последний лист вырезан и лежит отделенный от тетради, вероятно, по ошибке, поскольку дальше и между л. 36 и л. 43 об., с которого начинаются материалы, связанные с рукописью «Ночи перед Рождеством», вырезано несколько листов; сохранившиеся же заняты несколькими страницами «Реестра Тетрадей» (на л. 38, 39, 40 большие карандашные портреты) или остались чистыми, с немногими случайными пометами. Оговорка Гоголя, назвавшего (на л. 33 об. *ЧА НвПр*) поручика Пирогова Чертковым, свидетельствует о параллельной и достаточно далеко продвинувшейся работе над *ЧА Прт* (там фамилия Чертков появляется только с л. 91 об. — с начала третьего массива рукописи; см. ниже). Невозможно точно определить и момент, когда Гоголь вернулся к началу *ЧА Прт* и дописал до конца текст на л. 25—25 об., а затем продолжил работу на л. 83—86 об., видимо, после вырезанного впоследствии текста, перед которым находились оставшиеся чистыми л. 81—82. Работа здесь была прекращена, поскольку дальше находился еще один вырезанный затем текст; за ним листы, частично оставшиеся незаполненными (л. 87—89), а частично занятые двумя «Реестрами Тетрадей» (л. 89 об.—90); пропустив их, Гоголь продолжает и заканчивает *ЧА Прт* на л. 91 об.—100. Не ранее конца августа — начала октября далее в тетради подряд появляются *ЧА Жз₁* (л. 100 об.—101), *ЧА Пмп* (л. 101 об.—104) и *ЧА ЭнСм* (л. 104 об.—110 об.), а возможно, также и *ЧА АлМ* (л. 112—114), поскольку

ку оставшийся перед его началом чистым л. 111 вырван из тетради, и не исключено, что из другого ее места. Оставшиеся листы свободны (л. 114 об.—119), и только на последнем в ней л. 119 об. имеются рисунки и надписи, вероятно Тарновских, а также техническая помета Н.С. Тихонравова.

Тогда же, в последний период заполнения тетради, параллельно с произведениями в конце ее Гоголь дорабатывает начатые ранее. Закончив *ЧА Пмп*, он ставит на обороте последнего листа помету «О П(ушкине)», собираясь, очевидно, писать здесь большую вставку к *ЧА Пушкик* (см. коммент. с. 665—666), но меняет свое намерение и записывает ее ближе к началу тетради, на л. 24, ниже заголовка «Реест(р) Ландкарт[ам]», прибавив под ним: «К Пушк(ину)»; две последние ее строки переходят в верхнюю часть следующего, по-видимому, полностью свободного л. 24 об. Только после этого на л. 24, со спуском на четверть, появляется окончание статьи «Скульптура, живопись и музыка» с опережающим наброском к нему в нижней части листа (здесь же на свободном месте между записями к *ЧА Пушкик* и к *ЧА Ск* будет затем сделана вставка к началу *ЧА Прт*, а не уместившиеся две строки ее перенесены ниже, между двумя записями к *ЧА Ск*). Текст *ЧА Ск* писался без заметных перерывов, а значит, был начат незадолго до этого, на л. 23, под *ЧА Стр*, продолжен на л. 23 об. и, минуя л. 24, уже занятый в верхней его части двумя сделанными по ходу работы набросками к л. 23 об., а в нижней — вставкой к *ЧА Пушкик*, завершается на л. 24 об. и окончательно оформляется вставками сначала на л. 23, выше *ЧА Стр*, а затем на соседнем л. 22 об. (см. коммент. с. 504—505). Хотя предыдущие л. 12 об.—22 были совершенно свободны, Гоголь таким образом «прижимает» этот текст к готовому массиву черновиков, несомненно, уже в качестве первого, открывающего собой будущую книгу.

Из «тетради Тарновских» был, кроме того, вырезан текст отрывка «Несколько глав из неоконченной повести» (*ЧА НескГл*) и перерабатывающих набросков к нему (*ЧН НескГл*) на обороте листа с заголовком «Реестр белья, платья и прочих к одеянию служащих вещей». Место ей в тетради было предположительно определено сразу же после окончания второго массива *ЧА Прт*, т.е. после л. 86, где, как установил Н.С. Тихонравов, вырезано семь полулистов (см.: *Кулиш 1856. С. 170; Тих. Т. 5. С. 549*). Текст был начат, как и в других случаях, после листа с заголовком; перерабатывающие фрагменты писались почти синхронно, очень мелким, местами до неразличимости, почерком, напоминающим начало *ЧА Прт* и другие первоначальные наброски в тетради. Внешний вид рукописи позволяет отнести ее к третьему, времени *Ар.*, слою заполнения тетради и, вероятно, к наиболее ранним автографам этого слоя (конца 1833 г.).

«Арабески» вышли в двух частях (два тома; СПб., 1835, 288 и 276 с.), по девять произведений в каждой и написанное последним, уже не попавшее в пагинацию первой части предисловие; вне пагинации и предположенные обем частям оглавления; перед каждым произведением помещен шмуцтитул, причем заглавия над текстом, на шмуцтитуле и в оглавлении не всегда совпадают (см. «Варианты»). В настоящем издании не ставится задача буквально воспроизвести оформление сборника — сняты шмуцтитулы и оглавления частей, поставлено отсутствующее в первоиздании заглавие

(Предисловие) в редакторских угловых скобках, применительно же к остальным заглавиям из трех вариантов (текста, шмуцтитула и оглавления) в качестве основного принимается находящийся над текстом (в частности, не «Записки сумасшедшего», а «Клочки из записок сумасшедшего»). Под 12 произведениями в книге имеются авторские даты; они сохранены, как часть авторского текста, вне зависимости от его реальной датировки (см. коммент.).

Произведения, входящие в *Ар.*, печатаются по тексту этой книги в максимально приближенном к первоисточнику виде. Для большинства из них это последний авторский вариант текста. Но три петербургские повести представлены здесь не в том очищенном от искажающих вмешательств и отражающем последнюю творческую волю автора виде, в котором предполагается напечатать их в т. 6, а в промежуточном варианте: «Портрет» — в ранней редакции, впоследствии измененной настолько, что эту последующую переработку следует рассматривать как совершенно новое произведение, «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего» — в том подцензурном виде, в котором они появились впервые, были повторены в *Соч. 1842* и затем воспроизводились во всех изданиях вплоть до конца XIX в.

В том включены также дополнительные разделы «Произведения 1830—1834 гг.» и «Отрывки и наброски». В первый входят напечатанные при жизни Гоголя произведения — «Женщина» и две главы из малороссийской повести «Страшный кабан», не печатавшиеся, но оформленные для публикации и скорее всего представлявшие им в редакцию «Борис Годунов. Поэма Пушкина» и «О поэзии Козлова», а также никогда не предназначавшийся для чужих глаз отрывок «1834», не имеющий ничего общего с другими произведениями раздела, кроме исчерпывающей полноты авторского самовыражения, приближающей эту интимно-личную запись к лирическому стихотворению в прозе. Поскольку отрывок «Пленник» помещен в томе в варианте *Ар.*, без восстановления запрещенной цензурой концовки, журнальный вариант его, «Кровавый бандурист», подготовленный для публикации в *БдЧ*, печатается здесь полностью, с повторением совпадающей части текста. Во втором дополнительном разделе собраны незавершенные тексты — все это наброски на будущее, потенциальные темы и разработки, частично реализовавшиеся и состоявшиеся в ином виде в готовых произведениях, но в значительной мере сохранившиеся только здесь, как следы скрытой лабораторной работы Гоголя.

Заметным следствием того, что *Ар.* воспроизводятся в томе в своем полном составе, стала невозможность собрать под общим заглавием все тексты, которые рассматриваются обычно как результат работы Гоголя над историческим романом «Гетьман», — два доведенных до печати отрывка, «Глава из исторического романа» и «Пленник», возвращены в целое собрание, остальные помещены в соответствующих разделах и, таким образом, представлены здесь, как кажется, в более близком их историко-литературной реальности виде.

Тексты воспроизводятся с внесением изменений общего характера, в каждом отдельном случае не оговариваемых (о них см. т. 1 наст. изд., с. 563—568); в дополнение к ним везде:

— восстанавливаются удвоенные согласные, даже если формы без удвоения были приняты в то время, в том числе как украинизмы: колонна —

вместо: колона; искусство — *вместо:* искусство; русской — *вместо:* русской; масса — *вместо:* маса и т.п.;

— убираются ненужные удвоения: ветренным — *вместо:* ветренным; истины — *вместо:* истинны; гостиного двора — *вместо:* гостинного двора и т.п.;

— заменяются регулярные у Гоголя суффиксы и окончания: серебряный — *вместо:* серебрянный; недоконченные — *вместо:* недокончаннные; дышащий, дышит, дышат — *вместо:* дышущий, дышет; дышут; незначащий — *вместо:* незначащий; строящиеся — *вместо:* строящиеся; усеивают, рассеивалось — *вместо:* усеивают, рассеивалось и т.п.;

— сохраняются авторские написания: узенький и узинький, маленький и малинький и под.

Гоголь не придерживался единообразия в написании; вариативность сохраняется и при подготовке текстов, если это допускается правилами (например: противоположность и противоположность, физиономия и физиогномия, пьеса и пиеса и др.); унификация допускалась лишь в редких случаях. Важнейший из них — замена написания «казак» (в «Главе из исторического романа» и статьях «Взгляд на составление Малороссии» и «О малороссийских песнях») на исключительно применяемое в гоголевских рукописях «козак» (соответственно и в производных формах). Сохраненное исключение — форма «казак» в печатном тексте статьи «Несколько слов о Пушкине», где Гоголь, собственно, цитирует стихотворение «Делибаш», давая слово «казак» в пушкинском написании.

Сохранены непривычные для современного читателя, но понятные или даже преимущественно употреблявшиеся в современном Гоголю языке формы: алтарь, тысящелетний, поздно, жудко, цымбалы, простолюдим, впоперег и поперег, тополы, снаровка, канура, маетник; во многих случаях также вариативные: пейзаж и пейзаж, кандитерская и кандитерская и др. Ср. также: с оттенкою желтизны, с четырью лепестками, засыпало листьям и др.; в ущельи, о здоровьи; песень. Во всех случаях исправлены гоголевские написания: отсудствие, присудствие, серги, возми, мелчайшая, дожжевая, досечка и некоторые другие.

Исправляются без указания формы, возникшие в результате характерного гоголевского неразличимого написания букв *z* и *x* (или *n*): грех тебе — *вместо:* хрех тебе; Весь народ снял шапки — *вместо:* Весь город снял шапки («Клочки из записок сумасшедшего»); дрожит от холоду — *вместо:* дрожит от голоду («Отрывок детской книги по географии»).

Сохранено авторское написание имен и географических названий, в том числе и непоследовательное в пределах текста (Микеля-Анжела и Микеля-Анжела, Валент и Валенс); при этом исправлены очевидные опечатки или оговорки: Доминициан, Луципин, Варнер, Брюллов (дважды в печатном тексте, при многократном последовательном авторском: Брюлов), река Ирпеть.

По возможности сохранена пунктуация источников во всех случаях, когда она допустима современными нормами или хотя бы понятна; наиболее заметное вмешательство в гоголевские тексты производилось при передаче прямой речи. Оставлено без изменения авторское оформление названий произведений (в кавычках или без кавычек, курсивом, со строчной буквы и пр.). Внесенные пунктуационные добавления минимальны и в некоторых

случаях (например, при вводных словах) даже намеренно недостаточны, поскольку реально опасность нарушить интонационный рисунок текста.

Применительно к двум «петербургским» повестям применяется необходимый смягчить современные требования в отношении использования прописных букв, которые сохраняются не только в индивидуально значимых для автора случаях, но и в большом пласте «административной» лексики (названия учреждений, должностей и чинов — своего рода грамматическая наглядная Табель о рангах, придающая совершенно особенный вид «Невскому проспекту» и «Запискам сумасшедшего»; в минимальной степени это коснулось и «Портрета»). Не сохранены намеченные, но не проведенные последовательно прописные в словах: художник (в «Портрете»), поручик, офицер (в «Невском проспекте»), папа (в «Записках сумасшедшего»). Не представляется возможным сохранить не всегда последовательные прописные буквы в названиях исторических эпох, отвлеченных понятиях, символизированных обозначениях, названиях вероисповеданий. Во всех случаях в текстах с прописной пишется слово *Бог* и производные от него (но не в значении языческих богов), а также еще ряд слов, связанных со Священной историей. Восстанавливаются безусловные прописные в именах собственных: Мещанской улицы, питомцы Марса, ночами Крыма, многосторонность Аргуса, дом в Литейной. В отдельных случаях вносятся редакторские исправления, перечень которых приводится в текстологической преамбуле к каждому произведению.

Несколько текстов во втором и третьем разделах печатаются по рукописи, с вариантами по ней. Кроме того, большие по объему рукописные материалы представлены в виде вариантов к печатным текстам *Ар*. При подготовке к печати здесь принят компромиссный подход, позволяющий, с одной стороны, предложить читателю по возможности связанное и осмысленное чтение основного текста, а с другой — избежать его насильственной реконструкции. Поэтому здесь в большей степени сохраняются авторские отклонения от общеграмматических норм; варианты черновика, напротив, приближены по написаниям к основному тексту, чтобы не создавалось ошибочное впечатление множества разночтений между ними; внимание обращается преимущественно на движение смысла, а не на особенности рукописи как документа. Черновая гоголевская скоропись, часто неровная, с меняющимся размером букв, местами неразличимые о—а, г—х—н—к—п и пр., надстрочная правка, в которой иногда трудно определить даже количество букв в слове, не позволяет выявить со всей полнотой отклонения в написании (так, в большинстве случаев не обусловленные правилами прописные буквы фиксируются не по величине, а только по их рисунку; не показаны частые у Гоголя пропуски букв и другие опiski, не влияющие на смысл, а также удвоения согласных, нестабильные или, наоборот, соответствующие устаревшим, отмеченным выше применительно к печатному тексту нормам и исправленные в нем). Вместо этого ставилась задача дать истолкование неразборчивых, искаженных и недописанных (иногда только начатых) слов, дополняя их в редакторских угловых скобках или сопровождая значком (?), относящимся ко всему слову, при предположительном его прочтении, и таким образом определить назначение и место даже самых мелких деталей рукописи в их отношении к основному тексту произведения, сделав варианты как можно более подробными и полными.

АРАБЕСКИ

⟨ПРЕДИСЛОВИЕ⟩

Источник текста: *Ар.* (см. с. 491).

Автограф не известен. Впервые опубликовано: *Ар.*, ч. 1, б. п. Датируется ноябрем 1834 г. — началом января 1835 г. Печатается по тексту *Ар.*

Гоголь обдумывал предисловие, по всей вероятности, перед представлением рукописи *Ар.* в цензуру в начале ноября 1834 г., написал же позднее, когда получил упомянутые «отпечатанные листы» сборника (ср. текстуальные совпадения с гоголевскими письмами этого времени; см. с. 504); оно помещено в начале книги вне пагинации и, очевидно, было приложено к уже готовому набору. Тогда же он обратился к Пушкину с письмом, в котором говорилось: «Я посылаю вам предисловие. Сделайте милость, просмотрите и если что, то поправьте и перемените тут же чернилами. Я ведь, сколько вам известно, сурьезных предисловий еще не писал, и потому в этом деле совершенно неопытен» (конец декабря 1834 — начало января 1835 г.; посланный Пушкину текст не сохранился, и были ли им сделаны какие-либо исправления, неизвестно). В письме умалчивается о действительно не известном Пушкину, уничтоженном, но тайно актуальном для автора «Ганце Кюхельгартене» с его вполне серьезным предисловием, три основных момента которого — представление произведения, во-первых, как юношеского, давно превзойденного автором, во-вторых, как несовершенного в силу каких-то не зависящих от автора причин и, в-третьих, как уже пропущенного через предвосхищающую читательское восприятие оценку (см.: *Манн 2004. С. 158*), — воспроизведены в предисловии к *Ар.* В нем очевидно и стремление автора «готовить читателя к восприятию и оценке каждой новой вещи с помощью как бы сторонних усилий и “чужих”, беспристрастных приговоров» (*там же*), впервые у Гоголя отмеченное Ю.В. Манном уже в предисловии к юношеской идиллии.

Предисловие к *Ар.* запечатлело переломный момент литературно-теоретического самоопределения Гоголя. Его «несерьезные» предисловия к «Вечерам...» возводились исследователями к традиции отчасти «писуллек» и «суплик» украинской литературы (см.: *Чапленко. С. 67*), отчасти русской прозы XVIII в., как высокой, так и лубочной, и воспринятым при ее посредстве европейским влиянием (см.: *Троицкий В.Ю. Гоголь и русская проза XVIII века // Гоголь и литература народов Советского Союза. Ереван,*

1986. С. 45–46); однако ведущей здесь для Гоголя оставалась традиция мистифицирующих предисловий В. Скотта, с системой приемов, создающих образ фиктивного автора (см.: Якубович 1926. С. 163; Виноградов 1976. С. 213). Пережившее расцвет в конце 1820-х годов литературное мистификаторство было подвергнуто сомнению в критике уже на исходе десятилетия Вяземским (ЛГ. 1830. № 16. 17 марта; см. коммент. к главам из повести «Страшный кабан»), а конкретно в отношении Гоголя Н. Полевым (МТ. 1831. № 17. Сентябрь. С. 171), и уже в конце 1833 г. неудавшаяся попытка Одоевского собрать альманах «Тройчатка» с участием Пушкина и Гоголя (см. коммент. к отрывку «Страшная рука») демонстрировала как исчерпанность литературной игры для обоих писателей, так и продолжающееся автономное существование их литературных масок.

Предисловие к «Ганцу Кюхельгартену» Ю.В. Манн относит «к давней традиции так называемых “формул скромности” (Э. Курциус)», в соответствии с которой «автор начинает произведение с нарочитого самоумаления» (Манн 2004. С. 157); аналогичный прием был использован Гоголем и в *Ар*. Эту традицию пародировал Гофман, предваривший свои «Житейские воззрения кота Мурра» сразу двумя предисловиями — самоуничижительным, взывающим к снисхождению публики, и в высшей степени заносчивым, выражающим истинную самооценку кота-литератора (см.: Гофман 1972. С. 101–102). Обостренная опытом восприятия В. Скотта «установка внимания» на предисловия как самостоятельный жанр (см.: Якубович 1926. С. 165) во многом определила реакцию критики на *Ар*. в целом и на предисловие к ним в особенности, и разговор этот складывался не без влияния гофмановской пародийной схемы. Так, Булгарин в рецензии на *Ар*. отметил высказанное в предисловии убеждение Гоголя в том, «что если сочинение заключает в себе две, три еще не сказанные истины, то уже автор не в праве скрывать его от читателя» (с. 7), и продолжал: «Такое чувство собственного достоинства и глубочайшего уважения к собственным сочинениям служит лучше оценкою книге; по крайней мере, читатель и рецензент, пробежав предисловие, тотчас сводят с автором знакомство, точно так, если бы встретившийся вам на улице незнакомец, до вступления с вами в разговор, объявил вам предварительно свой чин и все свои титулы. (...) В этом же предисловии, которое отзывается приличным достоинству сочинения аристократическим, почти диктаторским тоном, Автор говорит, что некоторых пьес он вовсе не допустил бы, может быть, в это собрание, если б издавал его годом прежде. “Но, вместо того, прибавляет Автор, чтобы строго судить свое прошедшее, гораздо лучше быть неумолимым к своим занятиям настоящим”. Читатели, верно, пожалеют вместе с нами, что для большей части этих разных сочинений не существовало настоящего!» (СПч. 1835. № 73. 1 апр. С. 289). Предисловие было еще раз с насмешкой упомянуто в рецензии на «Миргород» (СПч. 1835. № 115; см. с. 476). В рецензии БдЧ, написанной Сенковским, первый абзац предисловия был перепечатан полностью с замечанием: «Великие писатели имеют свою особенную логику и свой тон обращения к публике (...). Если б, например, мы, люди обыкновенные, написали такое предисловие к своей книге, — все померли б со смеху». Описывая авторскую установку в предисловии, Сенковский определяет жанр книги как «посмертные сочинения», давая кальку с французского

«ouvrages posthumes» — так традиционно назывался том собрания сочинений, в который включались тексты, не предназначавшиеся к печати при жизни автора: «Гёте предоставил своим наследникам и обожателям подбирать все лоскутки его молодости и издать их по его смерти; г. Гоголь, не полагаясь на разборчивость наследников и обожателей, начинает свое литературное поприще тем, что сам издает свои “посмертные сочинения”. Мы, кажется, в первый раз встречаем в нашей Словесности имя этого великого писателя? Нужды нет. Он уже должен быть велик, когда сам говорит, что еще в прошлом году, быть может, он не издал бы таких безделиц, но в нынешнем уже не смеет быть строгим к старым трудам своим, и считает себя не в праве скрывать их от читателя (...). Признаться, мы никогда не были большие охотники до посмертных сочинений, но подобных этим никогда еще не видали» (БдЧ. 1835. Т. 9. Кн. 3. Отд. 6. С. 8—10). Злое и остроумное уподобление Сенковского задевало завуалированный исповедальный момент в предисловии Гоголя — важную для него тему взросления и воспитания души и еще более глубинную, основополагающую гоголевскую тему «непостыдного ответа» на последний вопрос о содержании и смысле прожитой жизни; с другой стороны, оно прозорливо выявляло в авторской установке, в самом «диктаторском» тоне предисловия предпосылки шокировавшей публику и трагической для самого Гоголя ситуации вокруг будущих «Выбранных мест...», о которой он скажет в «Авторской исповеди»: «...Я нечувствительно перешел в тон, мне несвойственный и уж вовсе неприличный еще живущему человеку» (Ак. Т. 8. С. 434).

Сенковский обращает внимание на те же положения предисловия, что и Булгарин, — признание автора в несовершенстве предлагаемых произведений («вместо пользы, толку и красот (...) одно только молодое») и его убеждение в том, что даже нечаянно уроненная мысль «есть собственность целого рода человеческого»; они же выделены в письмах Гоголя по поводу сборника или одновременно с работой над ним (см. с. 504). Можно заметить, что они воспроизводят несколько первоначальных положений предисловия (1784) Гердера к его «Идеям к философии истории человечества», где им дана содержательная философская трактовка. «Кто вспомнит, как кстати бывала ему в жизни та или иная книга, как кстати бывала даже и какая-нибудь отдельная мысль, высказанная в книге (...) как нередко даже одна такая встреченная в книге мысль занимает годами ум, развивает и ведет его вперед, — кто вспомнит все это, тот взглянет на писателя (...) как на друга (...) доверительно высказывающего даже и не додуманные до конца мысли, чтобы читатель, куда более опытный, думал вместе с ним, завершая и совершенствуя все несовершенное, — говорит здесь Гердер. — (...) Я человек, я писал — ты человек, ты читаешь (...) снизойди к доброй воле пишущего, не только кори, не только попрекай, но совершенствуй и строй» (Гердер 1977. С. 8). Три опорные временные точки предисловия Гердера — прошлый скромно-ограниченный опыт как часть нынешнего, несовершенного и принципиально незавершенного труда, который уже сейчас автор с готовностью признает лишь слабым подобием и прообразом угадываемого им в неопределенном будущем законченного целого, — заимствуются Гоголем и с той или иной мерой очевидности присутствуют в его предисловии к *Ар.* или легко восстанавливаются по письмам этого периода, стано-

вась определяющими как для книги в целом, так и для отдельных включенных в нее произведений.

С. 7. *Между ними читатели, без сомнения, найдут много молодого.* — То же Гоголь говорит о произведениях *Ар.* в письме М.П. Погодину от 14 декабря 1834 г.: «Я прошу только тебя глядеть на них поспешнее. В них много есть молодого».

С. 7. ... *за две, три верные мысли можно простить несовершенство целого.* — Ср. в письме Гоголя М.П. Погодину от 2 ноября 1834 г.: «Пять-шесть мыслей новых уже для меня искупают все».

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА

Источники текста: *ЧА Ск, Ар.* (см. с. 488, 491).

Впервые опубликовано: *Ар.* Ч. 1. С. 3–12. Датируется *ЧА* не ранее конца августа — начала сентября 1834 г., окончательный вариант не позднее начала ноября 1834 г. Печатается по тексту *Ар.* с исправлением по *ЧА Ск*:

С. 12, строки 22–23: разлилась и дышит в тысяче разных образов — *вместо*: развилась и дышет в тысячи разных образов

Черновая рукопись статьи первая по своему расположению в массиве произведений для *Ар.* в «тетради Тарновских», — ей предшествуют только посторонние записи и пробы пера, а также второй план сборника на л. 2 (см. с. 472–473). Гоголь начал писать на л. 23, под отрывком «Страшная рука» (поверх которого, видимо, тогда же сделал пробу пера: «благодарн(ость)»), практически без пробела и с фразы, которая заведомо не могла быть в статье первой. Текст писался, по-видимому, без больших перерывов; в отличие от большинства автографов в тетради он не содержит признаков перебеливания ранних подготовительных материалов. Вместо этого Гоголь делал опережающие работу записи в нижней части листа или на соседней странице (см. «Варианты»). Сплошной текст огибает эти записи на л. 23 и 23 об., минует л. 24, уже заполненный снизу на две трети заголовком Тарновского «Реест(р) Ландкарт[ам]» и под ним большой вставкой к статье «Несколько слов о Пушкине», а сверху двумя упомянутыми набросками к л. 23 об., и заканчивается на л. 24 об., где занимает нижние две трети, оставляя свободной верхнюю треть с двумя последними строками вставки к статье о Пушкине, перешедшими с л. 24 (место между текстами двух статей заполнит позднее вставка к началу повести «Портрет»). Набросок начала статьи, вводящий композиционно организующую ее тему трех заздравных кубков, был сделан в верхней части л. 23, над отрывком «Страшная рука», затем зачеркнут и заменен вставкой, уже близкой к окончательному варианту, на соседнем л. 22 об., и, видимо, тогда же под этой вставкой была записана вторая, оформляющая в связи с той же темой начало раздела о живописи. Обе они сделаны, очевидно, до того, как Гоголь перешел к посвященной музыке части, поскольку первая ее фраза в рукописи («Но Музыки мучительной»), созданной религиозным стремлением духа») предполагает нали-

чие композиционно организующего начала (в окончательном варианте: «Но сильнее шипи третий покал мой! (...) ты сверкаешь в честь музыки»). Рукопись написана одинаковыми чернилами и почерком и содержит довольно большую синхронную и местами незавершенную правку. Печатный текст статьи значительно отличается от чернового; белая рукопись не известна.

Название «Скульптура, живопись и музыка», повторяющее заголовок статьи Веневитинова, опубликованной в 1827 г. (см. ниже), отсутствует в первоначальном плане *Ар.* (февраль 1834 г.); во втором его наброске (не ранее августа 1834 г.) оно открывает собой перечень произведений, а заключает его название «Записки сумасшедшего музыканта» (будущие «Записки сумасшедшего»), также появившееся впервые, чужое и говорящее о намерении автора завершить книгу произведением, связанным с музыкальной темой в гофмановской ее интерпретации, сделав ее, таким образом, обрамляющей для *Ар.* в целом (о связи статьи с этой повестью см.: *Золотусский 1976. С. 154; Золотусский 1998. С. 156–157; Вайскопф 1993. С. 191*). *ЧА* Ск принято датировать периодом с февраля по август 1834 г. — временем между составлением двух планов сборника; положение статьи в «тетради Тарновских» показывает, что она была написана не ранее «Нескольких слов о Пушкине», после февраля 1834 г., и закончена до завершения работы над «Портретом», предположительно не позднее августа 1834 г., и, следовательно, не опровергает эту датировку. Но возможно, что к моменту составления второго плана статья была не только не написана, но даже и не начата, а веневитиновское название только указывало на проблематику будущей статьи, как и название гофмановского замысла — на будущую повесть Гоголя; таким образом, появление названия «Скульптура, живопись и музыка» в плане одновременно с «Записками сумасшедшего музыканта» может свидетельствовать как раз о том, что работа над статьей началась только после составления этого плана, т.е. не ранее августа 1834 г. Если действительно вставку к статье «Несколько слов о Пушкине», записанную на л. 24–24 об. еще до того, как на тех же листах появился текст «Скульптуры...», Гоголь сначала собирался писать на л. 104 об. записной тетради — на обороте последнего листа рукописи «Последнего дня Помпей» (см.: *Тих. Т. 5. С. 610*), то это значит, что статья о Пушкине была завершена после статьи о Брюллове и только после этого, т.е. не ранее конца августа — начала сентября 1834 г., писался черновой текст «Скульптуры...». Окончательная обработка текста была осуществлена, очевидно, непосредственно перед представлением в цензуру. Дата «1831» под статьей, памятная для Гоголя опубликованием фрагмента «Женщина», исключенного из плана *Ар.* только после завершения работы над «Скульптурой...», должна была, вероятно, отодвинуть в прошлое его ранние литературные и философские увлечения. Название статьи включено Гоголем в оглавление предполагавшегося пятого тома *Соч. 1855* (1850 — начало 1852; см. *Ак. Т. 8. С. 497*).

Современные Гоголю рецензенты либо вовсе обходили статью молчанием, либо упоминали при беглом перечислении тем, распространяя на нее общую неблагоприятную оценку «ученых» статей сборника (см. с. 474–478). Критика вернулась к статье только в юбилейные дни 1902 и затем 1909 гг.,

когда «Скульптура...» заняла свое место в академических разборах, в которых были обследованы предполагаемые источники взглядов Гоголя на искусство. Так, Г.Г. Павлуцкий писал о сходстве содержательных положений статьи с рассуждениями о скульптуре, живописи и музыке у Тика (имея в виду сборники Вакенродера—Тика «Сердечные излияния отшельника — любителя искусств», 1797; и «Фантазии об искусстве для друзей искусства», 1799, объединенные затем в книгу «Фантазии об искусстве отшельника, любителя искусства», 1814), Ф. Шлегеля («Философия жизни», 1828) и Гегеля («Эстетика»); при этом он отмечал, что в отличие от двух последних Гоголь говорит не о символике искусств, но рассматривает их «с культурно-исторической точки зрения»: «Сопоставляя скульптуру и живопись, как два искусства двух различных миров, он определяет, в чем состоит дух языческий и дух христианский, и отмечает основные черты, которые их определяют» (*Павлуцкий 1902. С. 306*). Уже само обращение Гоголя к искусству далеких веков свидетельствовало, по мнению Г.Г. Павлуцкого, о сильном влиянии на него немецкой романтической эстетики (*там же, с. 307, 312*). А.А. Назаревский, соглашаясь в общем с выводами своего предшественника и ссылаясь на них, обратил внимание на то, что не все приведенные им примеры из сборника Вакенродера—Тика вошли в перевод, которым должен был пользоваться Гоголь (перевод издания 1814 г. был выполнен членами московского кружка Любомудров С.П. Шевыревым, В.П. Титовым и Н.А. Мельгуновым и опубликован в 1826 г. в Москве; см.: *Вакенродер 1826*). А.А. Назаревский признавал, что «высказанные здесь мысли о живописи, особенно же о музыке, сходны с мыслями Гоголя по тем же вопросам» (он, в частности, ссылаясь на фрагменты об органной музыке; см. *там же с. 193*), но «гораздо более сходства разбираемая статья Гоголя представляет со статьей Веневитинова, носящей то же заглавие — “Скульптура, живопись и музыка”» и представляющей собою «такое же “стихотворение в прозе”, как и одноименная статья Гоголя, только еще более общего характера. Скульптура, живопись и музыка также рассматриваются в ней, как три сестры-богини, и в той же последовательности нисходят на землю» (*Назаревский 1911. С. 64—67*). Таким образом, А.А. Назаревский первым указал отечественные источники статьи; из иностранных же он упомянул Шеллинга, поклонником которого был Веневитинов. Назван был и другой ранний последователь философии Шеллинга, А.И. Галич, книга которого «Опыт науки изящного» (СПб., 1825) содержала «немало точек соприкосновения с теми взглядами на искусство, которые Гоголь высказывал как в разбираемой (...) статье, так и в некоторых других» (*Назаревский 1911. С. 65—68, 78*). С.И. Родзевич дополнил круг источников гоголевской статьи, указав на то, что Гоголь в ней «ближе к Гофману, чем к “Phantasien” Вакенродера или статье Веневитинова (...) — ближе в понимании сущности музыки, в романтическом пафосе слова и мысли», и предложив новые, гофмановские аналогии к ее формулировкам (см.: *Родзевич 1917. С. 214—215*).

Новый и очень важный сюжет в истории посмертного восприятия произведений Гоголя сложился, когда его творчество в той не самой популярной его части, в которую входила и статья «Скульптура, живопись и музыка», заново открыл для себя Блок (в письме А.В. Гиппиусу от 13 августа 1901 г.

он сообщал: «Также перечитал очень много Гоголя и пришел в совершенный восторг. Отныне буду любить его и чтить, чего прежде не делал по недоразумению», Блок. Т. 8. С. 23) и сделал его опорой собственного понимания искусства как стихийной силы, внеположной цивилизации и тесно связанной с исторической судьбой народа в ее главных моментах. «В XIX веке оказалось вообще, что искусство способно сделать “как-то скучным разумный возраст человека” и “похитить непохищаемое у жизни”, как выражался Гоголь; когда такое слово произнесено, — становится очевидным, что такое искусство, чему оно сродни, на что оно способно; оно — голос стихий и стихийная сила; в этом — его единственное назначение, его смысл и цель, все остальное — надстройка над ним, дело беспокойных рук цивилизации, — писал Блок в статье “Крушение гуманизма” (1919). — Самые произведения художников в свете такого сознания отходят на второй план, ибо все они до сих пор — несовершенные создания; обрывки замыслов, гораздо более великих, резервуары звуков, успевшие вобрать в себя лишь малую часть того, что носилось в бреду творческого сознания. (...) Все то в искусстве, над чем дрожала цивилизация, — все Реймские соборы, все Мессины, все старые усадьбы — от всего этого, может быть, не останется ничего. Останется несомненно только то, что усердно гнала и преследовала цивилизация, — дух музыки» (Блок. Т. 6. С. 108—109). Дописанные здесь Блоком за Гоголя слова варьируют ту глубоко проблемную словесную формулу, которой Гоголь в первой редакции «Портрета» определял стремление художника выйти «за черту, положенную границей для воображения», «через которую шагнув, он уже похищает не создаваемое трудом человека, он вырывает что-то живое из жизни, одушевляющей оригинал»; ср. в статье «Скульптура, живопись и музыка»: живопись «похищает явления из другого, безграничного мира, для названия которых нет слов» (с. 49, 12). Очень хорошо чувствовавший в том числе и позднего Гоголя Блок (А. Белый полагал, что, «проживи Блок дольше, он явил бы картину нового Гоголя» именно поздней фазы его творчества, рисуя, впрочем, эту картину до крайности болезненно-неприглядной; см.: *Белый 1934*. С. 297) определял близкой к данной в «Портрете» формулой и само гоголевское искусство, причем не столько в живописных, сколько именно в стилистически-интонационных, почти музыкальных и, возможно, бессознательных его аспектах, говоря, что слова его «полны напряжения, гипербол, противоречий, казалось бы несовместимых; точно художник ищет вырвать у жизни самое драгоценное, после чего жизнь сама оскудеет, уступая место воссиявшему над ней искусству», «Размышления о скудости нашего репертуара», 1919, Блок. Т. 6. С. 289—290). Можно заметить, что Блок достраивает гоголевскую формулировку в направлении, подсказанном его же рассуждениями о музыке, которая «отрывает человека от земли его (...) и разом погружает его в свой мир». Таким образом, через творчество Гоголя, по Блоку, осуществлялась работа той стихийной силы, условно названной им (вслед за Вакенродером и Гофманом) духом музыки, которая сбрасывала в своем движении, как ненужную более скорлупу, все материальные, воплощающие формы, все конкретные смыслы, в том числе и созданные самим искусством, стремясь к преображенному новому миру. «Только способный к восприятию нового в высшей мере мог различить в нем новый, нерожденный мир, который над-

лежало Гоголю явить людям, — говорится в юбилейной речи Блока “Дитя Гоголя” (1909). — Заглянувшему в новый мир Гоголя, верно, надолго “становился как-то скучным разумный возраст человека”» (Блок. Т. 5. С. 376—377). Пророческим, трагическим и героическим пафосом такого мировосприятия проникнуты ее заключительные, близко воспроизводящие последнюю фразу статьи «Скульптура, живопись и музыка» слова: «Если же и музыка нас покинет, что будет тогда с нашим миром?» Слова эти, наравне со знаменитым «Слушайте музыку революции», будут звучать у Блока неоднократно, и накануне революции, и после нее (см.: «Юбилейное приветствие М. Горькому», 1919, Блок. Т. 6. С. 92; «Речь по случаю годовщины театра», 1920, там же, с. 392), все отчетливее получая значение заклинания и опоры. «Мы должны быть ритмичными и верными музыке, потому что великая задача сегодняшнего дня — напоить и пронизать жизнь музыкой, сделать ее ритмичной, спянной, острой, — пишет Блок в статье “Большой драматический театр в будущем сезоне” (1919). — “Если и музыка нас покинет, что будет тогда с нашим миром”, — трагически спрашивал Гоголь, спрашиваем вслед за ним и мы» (там же, с. 348—349). Само блоковское жертвенное приятие революции в значительной мере черпало силу в творчестве Гоголя; еще в 1908 г. в статье «Ирония», говоря о гоголевских «Выбранных местах...», он напоминал: «Есть священная формула, так или иначе повторяемая всеми писателями: “Отрекись от себя для себя, но не для России” (Гоголь)» (Блок. Т. 5. С. 325) — и предупреждал десятилетие спустя: «Мы опять стоим перед этой книгой: она скоро пойдет в жизнь и в дело» («Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве», 1919, Блок. Т. 6. С. 27). С чтением «Выбранных мест...» (см.: Блок. Т. 7. С. 359), с упоминанием в них «заунывных, раздрающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам» (в письме по поводу лирического отступления о русской тройке; о связи этого образа с музыкальной темой статьи «Скульптура, живопись и музыка» см. с. 523), связана, по-видимому, и запись Блока в дневнике 1919 г., в ином виде перешедшая в его статью «Крушение гуманизма»: «У нас нет исторических воспоминаний, но велика память стихийная; нашим пространствам еще суждено сыграть великую роль. Мы слушали пока не Петрарку и не Гуттена, а ветер, носившийся по нашей равнине; музыкальные звуки нашей жестокой природы всегда звенели в ушах у Гоголя, у Толстого, у Достоевского» (Блок. Т. 6. С. 114—115; ср. в дневниковой записи: «у нас — (музыкальная) память стихийная», Блок. Т. 7. С. 363). А Белый был убежден в том, что и «гоголевский образ России и русской тройки влияя на Б(лока): его обращение к России, как к женщине, навеяно Гоголем» (Белый 1934. С. 297).

Обсуждение гоголевской статьи возобновилось в 1920-е — начале 1930-х годов в рамках академического литературоведения. Книга В.В. Гиппиуса «Гоголь» (Л., 1924) ограничивает темы недавних философских дискуссий пределами психологического и историко-литературного анализа. По В.В. Гиппиусу, эстетизм — основная стихия гоголевской психики в петербургский период его творчества; «именно в красоте Гоголь, в согласии с некоторыми из своих современников, хочет угадать и постигнуть божественное начало (...) это стремление еще будет отзываться в Гоголе, но будет и

побеждаться идеей чистого эстетизма» (Гиппиус 1924. С. 42), причем у него «эстетическая идейность» становится темой не одних статей, но и художественных произведений», в которых центральное место занимает мысль «о возможности для прекрасного стать добычей темных сил» (там же, с. 49, 51). Статья «Скульптура, живопись и музыка» становится, наряду с фрагментом «Женщина», концептуально опорным моментом в построении книги В.В. Гиппиуса. Вслед за А.А. Назаревским он рассматривает эту статью как вдохновенную воспринятым через посредство отечественных авторов, прежде всего Веневитинова и Галича, шеллингианством (уточняя, однако, что участники московского философского кружка, к которому принадлежал Веневитинов, «были ближе к вакенродеровскому, а не шеллингианскому романтизму», там же, с. 43). «...“Скульптура, живопись и музыка” не только повторяет заглавие статьи Веневитинова, его центральный образ — трех богинь (у Гоголя три сестры, царицы мира) и его стиль — и развивает его задание»; при этом Гоголь часто противоречит Веневитинову, «а подчас и себе самому», замечает В.В. Гиппиус: «Различие здесь важнее, чем сходство. Для Веневитинова уже в скульптуре есть “присутствие тайного божества”, в живописи — мысль о бесконечном делается понятной, музыка, дополняя природу, увлекает душу — далеко от земли в новый мир. Гоголь обостряет различие, сглаженное у Веневитинова, отчасти возобновляя, как бы подхватывая и усиливая схему Галича, для которого живопись романтична: скульптура — чувственность, живопись — соединение чувственного с духовным, музыка — чистая духовность» (там же, с. 44). В пределах творчества самого Гоголя «Скульптура...» рассматривается в ряду «трех статей об искусстве» (две другие — «Об архитектуре нынешнего времени» и «Последний день Помпеи»), в которых получили развитие темы его раннего этюда «Женщина»: «Слова о скульптуре по мысли примыкают к “Женщины”: в античности “вся религия заключалась... в богоподобной красоте женщины”, но теперь это — пройденный этап, “принадлежностью нового мира” должна стать не чувственная скульптура, не чувственно-духовная живопись, а вырывающаяся из тела музыка. Так пытается Гоголь ввести свою эстетику в схему. И вот оказывается, что для чувственной скульптуры он находит подлинно вдохновенный стиль и ритм (...); говоря о живописи, колеблется и исключает рукописные слова о зрителе, наслаждающемся нездешним миром перед ликом Мадонны (...); а о музыке и ее чистой духовности говорит в неопределенно общих выражениях. Сильнее всего — надежды на моральное действие музыки: первый признак еще робко пробивающегося в сознании Гоголя морализма (...). Слабее всего — о самом важном для романтиков — о религиозном действии музыки (...)» (там же, с. 44—45; ниже В.В. Гиппиус еще раз повторит: именно здесь Гоголь впервые предположил «возможность морального влияния искусства», там же, с. 87). Три статьи об искусстве В.В. Гиппиус расценивает как три попытки Гоголя «связать эстетику с религией», и всякий раз эта связь оказывается непрочной. «Схема эволюции искусств от чувственных языческих к одухотворенным христианским разбилась тем, что живопись, стоящая в этой схеме на перепутьи, обернулась Гоголю своей именно пластической, а стало быть, с точки зрения схемы, не христианской стороной; отсюда был только шаг к идеализации чистой “языческой” пластики» (там же, с. 47; см.

также коммент. к статье «Последний день Помпеи»). Перерабатывая незадолго до смерти (в 1942 г.) работу о Гоголе, В.В. Гиппиус по-прежнему возводит «Скульптуру...» к «одноименной лирической статье Веневитинова» и подчеркивает в гоголевской параллели Веневитинову «прежде всего, тот глубоко личный пафос, с которым он говорит о пластике, как об утраченном мире наивной чувственности» (*Гиппиус 1966. С. 86—87*). Преимущественное же внимание В.В. Гиппиус уделяет здесь музыке, которая у Гоголя «утверждается (...) не столько как чистая духовность, сколько как выражение наиболее напряженных человеческих переживаний, как искусство страсти, — и именно это заставляет Гоголя признать музыку наиболее актуальным, наиболее нужным нашему веку искусством (...), от нее ожидается и непосредственный морально-общественный эффект» (*там же, с. 87*).

В книге Андрея Белого о Гоголе статья о трех искусствах почти не упоминается, однако, описывая здесь развитие гоголевской прозы в важнейших ее тенденциях и в тонких подробностях с помощью терминов и представлений, связанных с изобразительным и музыкальным искусством, автор показывает как типологическую общность элементов его поэтики с приемами этих искусств, так и его осознанное обращение к их опыту. Ранний период творчества Гоголя, по А. Белому, поначалу неосознанно музыкальный; проза первого периода столь богата «звуковыми отголосками, что они не пришли бы “в голову поэту с пером в руке” (...); в них, а не во внешнем сюжетном содержании, таится подчас глубочайшая социальная тенденция, узренная лишь позднее у Гоголя». Во второй фазе (границу фаз А. Белый проводит условно между украинскими и петербургскими повестями) «мелодия рвется системою лейт-мотивчиков и испаряется в туман невзрачных словечек (“в некотором роде”, “того”, “этого”); образ, прежде гонимый, как облако, музыкой, на ней плотнеет, как... кровью напившийся паразит»; со второй фазы «Гоголю не до музыки; он более рассуждает о пластических искусствах» (*Белый 1934. С. 12*); теперь «Гоголь учится рисованию (...) живописи посвящаются статьи, письма, очерки»; в повестях «герои сияются видеть “по-итальянски”; увлечение Ивановым и Брюлловым перевлекает внимание Гоголя от собственной природы видеть к перспективным задачам, выдвинутым ренессансом; музыка оттеснена живописью, мелодия — образностью» (*там же, с. 149*). Говоря о том, что в это время Гоголь «увлекается техническими достижениями ему современной живописи», А. Белый цитирует статью «Последний день Помпеи»; вслед за В.В. Гиппиусом он обращает внимание на «скульптурность» картин Брюллова, восхищавшую Гоголя, причем понимает ее прежде всего как гипертрофированное внимание к деталям, становящейся самоценной и омертвленной вне связи с целым; он полагает, что предпосылки к уникальной изобразительной технике «Мертвых душ» были заложены уже в 1834 г.: «Такого величия в изображении мелочей не знала мировая литература» (*там же, с. 23; см. там же, с. 149—150*). В представлении А. Белого, «фазы творчества Гоголя оригинально совпадают с фазами сложения вообще сюжета, сперва данного в напеве, потом в образе, и наконец в рефлексии» (*там же, с. 27*). Прямо пропорционально росту «тенденции» в творчестве Гоголя его мелодическое начало распадается, сменяясь музыкой диссонансов; живописное же начало, развившись в той же пропорции сверх допустимого в словесном

искусстве предела, также уничтожается, на глазах оплотневая в скульптуру (см. *там же*, с. 151); с третьей фазы («Мертвые души») — апофеоз изобразительного начала, а по А. Белому — картина великолепного художественного упадка: «Нигде нет ракурса: дописано все; (...) взгляд — суженный, пристальный; в нем нет — музыки» (*там же*, с. 157–158). Концептуальная линия в книге утоплена в обилии наблюдений и сопоставлений; среди них — отмеченная у Гоголя А. Белым способность «к цветному и фигурному слуху», в которой «творчество Гоголя сплетается с позднейшими символистами и экспрессионистами, а не только с романтиками; экспрессионист Шенберг писал о “звуках красочных мелодий”; “красочной мелодией” продиктованы иные из эпитетов Гоголя» (*там же*, с. 210).

Параллельно интерпретациям содержания статьи шло изучение ее жанровых и стилистических особенностей. А.А. Назаревский определил ее как «стихотворение в прозе», приравняв ее полностью в этом отношении к статье Веневитинова; это определение было повторено затем С.Н. Дурылиным и Д.Д. Благим (см.: *Назаревский 1911. С. 66, Дурылин 1952, с. 73; Благий 1973. С. 371*). В.В. Гиппиус обозначил жанр статьи как «лирико-патетический монолог» (*Гиппиус 1966. С. 86*), по-видимому имея в виду замечание В.В. Виноградова, рассматривавшего статью в ряду ранних образцов «патетической речи Гоголя»; заметной чертой ее В.В. Виноградов считал «романтическую эротику», причем «эротические атрибуты» «вообще существенная принадлежность патетической речи Гоголя — в ранние периоды его творчества, когда образ романтической красавицы как символ красоты неотвязно предстал его поэтическому сознанию, определяя направление символических сплетений»; таковы и «доминирующие семантические ряды в статье», причем особенно характерно «описание скульптуры, в котором еще раз выступает ассоциативная спаянность в стиле Гоголя слов “нега” и “сладострастие”» (*Виноградов 1976. С. 319–320*). П.Г. Паламарчук полагал, что по форме статья «представляет собой довольно редкий для XIX в. образец заздравной речи (панегирика)», т.е. является «опытом в области красноречия» и построена «на испытанном тысячелетиями искусстве нравственной проповеди — гомилетики; подробное их исследование именно с этой стороны поможет (...) раскрыть множество (...) приемов, известных еще античным риторам». «А коренится умелое владение ими Гоголем в том явлении, которое хочется назвать “третьим южно-славянским влиянием”», — пишет П.Г. Паламарчук, имея в виду появление получивших «латинскую или греческую выучку» южнороссов на многих проповеднических, епископских и преподавательских кафедрах после воссоединения в 1654 г. Украины с Россией. В XVIII в. виднейшим представителем этого течения был знаменитый духовный писатель, драматург и поэт Димитрий Ростовский, говорит П.Г. Паламарчук, а для последней его эпохи, XIX столетия, «вершинным созданием» является творчество Гоголя, «впервые во всем блеске» выявленное в *Ар*. (*Паламарчук 1990. С. 387–388, 394*).

В книге М. Вайскопфа статья оказывается центральной при рассмотрении эстетической позиции Гоголя 1830-х годов в связи с его прозой, прежде всего с повестью «Вий». «Полет Хомы Брута и портрет панночки комбинируют в себе скульптуру, живопись и музыку в трактовке, перенесенной из одноименной статьи того же периода»; изображение русалки в повести

М. Вайскопф предлагает сопоставить «с описанием скульптуры в статье об искусстве, а также с пластической темой “Последнего дня Помпей”», а «пронзающую» музыку, внушившую Хоме «бесовски-сладкое», «томительно-страшное наслаждение», — с ее определениями в статье, где присутствует и мотив «болезненного вопля», который «корреспондирует в повести с ощущением Хомы, увидевшего мертвую ведьму» (Вайскопф 1993. С. 147). Возводя взгляды Гоголя на искусство к «шеллингианской метафизике природы и творчества», М. Вайскопф, как и В.В. Гиппиус, останавливается на тех моментах, где он видит отступления от образцов. Так, «три сестры-музы», которые, «как известно, заимствованы Гоголем из Веневитиновской статьи», в этой статье, «в согласии с древней традицией, отождествлены и с библейской художницей-премудростью и с софийными неоплатоническими образами» (круг возможных источников, показывающий, что представление это дошло до Гоголя осложненное ренессансными и романтическими интерпретациями, см.: *Белый 1934. С. 165*), и «им, соответственно, приписана мироустроительная миссия». У Гоголя же «искусства полностью лишены этого космогонического значения», а изображая греческий мир, он «просто следует классицистской догме об утраченном эстетическом рае, прикровенно связав ее с темой изначальной красоты, утерянной человеком»; при этом, изображая в статье «прекрасное идолопоклонство древних» как «часть некоего стадияльного божественного замысла», Гоголь делает «неуместный пантеистический вывод, парадоксально вытекающий как раз из христианско-провиденциалистской схемы»: Бог в его рассуждениях «неожиданно выступает поначалу как покровитель язычества и языческой скульптуры». Отмечается и обрамляющая *Ар.* в целом композиционно-смысловая связь: «последняя сентенция в статье о трех искусствах», истолкованная М. Вайскопфом как «тревожный мотив уходящего Логоса», отзывается в сюжете «Записок сумасшедшего» — «повести, выросшей из “Записок сумасшедшего музыканта” и замыкающей собой весь сборник» (Вайскопф 1993. С. 189–191).

Ю.В. Манн упомянул статью среди теоретических работ Гоголя, которые «близки по жанру к произведениям художественным», в данном случае — «к философской аллегории или “эмблеме”» (Манн 1978. С. 469); соответственно этому определению Ю.В. Манн уточняет ее историко-философскую локализацию, уже намеченную в работах его предшественников, напоминая, что «сопоставление трех видов искусств (олицетворяемых тремя богинями-сестрами) — излюбленная тема эстетических размышлений того времени». «И Веневитинов и Гоголь связывают каждый из видов с определенным историческим периодом — скульптуру с античностью, живопись и музыку с периодом христианства. При этом музыка интерпретируется как наиболее современный вид искусства, отвечающий потребностям сегодняшнего дня», — пишет Ю.В. Манн и далее, развивая положения В.В. Гиппиуса об «идее эстетического морализма» у Гоголя (ср. также: Мордовченко 1939. С. 99), отмечает, что, в отличие от Веневитинова, у Гоголя «описание музыки вдохновлено представлением об общественной, моральной функции искусства» (Манн 1978. С. 494). Те же «три вида искусства вычленил для первоначального философского рассмотрения Шеллинг» (см.: Шеллинг. С. 190); каждое из искусств соответствовало

здесь новому этапу художественного развития человечества, замечает Ю.В. Манн, и хотя «Гоголь избегает таких понятий, как классическое искусство, романтизм и т. д., но он исходит из распространенного понимания каждого из этапов и их общего движения, смены» (Манн 1978. С. 476). При этом «не романтизм, а более широкое явление — философское движение классического идеализма — было его главной питательной средой»; оно «отражало и теоретически обосновывало романтизм», но и «выходило за пределы романтизма и даже вступало с ним в открытое противоборство» — таково же соотношение с ним теории и критической практики Гоголя, «с той только разницей, что значительно возростал у него удельный вес “антиромантических” элементов» (там же, с. 472). В этой связи Ю.В. Манн обращает внимание на недоумение В.В. Гиппиуса, усмотревшего в гоголевском восприятии «неромантическими» формами в архитектуре и живописи неожиданное развитие мысли (Гиппиус 1924. С. 46). «Неожиданным его счел исследователь потому, что Гоголь воспринимался им в русле русской романтической эстетики, с ее акцентом на идеальные моменты — готическую архитектуру, а также живопись и музыку, как наиболее “духовные” виды искусства. Но те более широкие, философские концепции, к которым в действительности тяготел Гоголь, вместо одностороннего восстановления в правах одной формы искусства (“романтической”) обосновывали (...) объединение противоположных форм. При этом преобладающая роль в исскомом синтезе отводилась, пожалуй, моментам классического искусства, с его объективностью и рельефностью рисунка»; отсюда защита Гоголем скульптуры как рода искусства, поскольку она «традиционно считалась наиболее отвечающей античному, классическому мировосприятию» (Манн 1978. С. 477). Анализируя в более позднем исследовании изменения психологического и эстетического восприятия женской красоты и параллельную эволюцию женского типа в произведениях Гоголя, Ю.В. Манн опирается на положения статьи «Скульптура, живопись и музыка», видя в ней связующее звено между «Женщиной» с ее идеей «богоподобности и моральной однозначности красоты» и повестями *Ар.*, к моменту издания которых автор «уже пришел к твердому выводу, что “никакого единства красоты и моральной правды нет”» (Манн 2004. С. 334; цитируется: *Зеньковский В.В.* Н.В. Гоголь. Париж, [б. г.]. С. 128). В том, как изображена у Гоголя в статье скульптура, с которой ассоциируется «красота античная, красота скульптурных форм» и которая «прекрасна, мгновенна, как красавица, глянувшая в зеркало, усмехнувшаяся (...) и уже бегущая, влача с торжеством за собою толпу гордых юношей», Ю.В. Манн видит «напоминание о “Ночи перед Рождеством”, парафраз к ней: так Оксана, глянувшая в зеркало и с удовлетворением решившая, что такой, как она, точно “нет и на свете”, увлекла за собой Вакулу, готового ради нее на все». При этом Ю.В. Манн обращает внимание «на эпитет, который с минусовым знаком применен к античной красоте»: в ней, а также в описании Оксаны «нет отражения “всей долгой, исполненной потрясений и переворотов жизни”. Эпитет становится отличительным признаком другого вида красоты — средневекового, христианского, романтического, олицетворенного не скульптурой, но живописью». Напоминая слова, сказанные Гоголем о живописи: «...Как вдохновенен и долог ясный взор ее!», Ю.В. Манн заключа-

ет: «Долгота — знак трансцендентальности, протяжения жизни “за границы чувственного”, когда похищаются “явления из другого безграничного мира, для названия которых нет слов”»; долгий взгляд, по наблюдению исследователя, — это знак полячки в «Тарасе Бульбе», потому что «с западноевропейским, католическим (в данном случае польским) миром Гоголь, согласно принятой историко-философской типологии, связывает фазу романтического искусства и романтического мироощущения» (Манн 2004. С. 332—333). К этому новому переживанию красоты Гоголь пришел в результате первой заграничной поездки (лето 1829 г.), впечатления от которой отразились на описаниях готической архитектуры и католического богослужения в его произведениях (по мысли Ю.В. Манна, именно полученное в готическом храме впечатление о соединении разнородного, о начале единения, пока еще связываемое у Гоголя с западной церковью, прежде всего католической, позднее «разовьется в фундаментальную мысль об объединяющей роли религиозного переживания, о миротворческой и спасительной функции православной церкви», там же, с. 169). Но для Гоголя существует и более высокий уровень восприятия красоты. «Высшее выражение захваченности красотой — ощущение укола, пронзенности. Отсюда постоянное подчеркивание остроты, резкости (...) выбор “острых” деталей внешности красавицы: “...ресницы ее (...) темными тонкими иглами виднелись резко на ее небесном лице”»; и сравнение со сказанным в статье о музыке напрашивается само собой, когда Ю.В. Манн говорит о полном и часто гибельном самозабвении, сопровождающем в гоголевских произведениях высшую степень этого чувства, о том, что во власти злой силы или сама злой силой оказывается во многих произведениях Гоголя именно женщина-красавица. «Итак, красота несет в себе страшную опасность, ибо в ней заключено семя аморальности и злого соблазна. Но оказывается, что внутренне противоречиво, опасно-проблематично и искусство»; момент «омрачения» гоголевского «эстетического энтузиазма» Ю.В. Манн ставит во взаимосвязь с решением писателя «работать с жизненным материалом (...) не избегать обыденного и эстетически несовершенного». Таким образом, эстетическая и творческая проблема, поставленная Гоголем в «Женщине» и, как следует из представленного анализа, на материале расширенного опыта переосмысленная в статье «Скульптура, живопись и музыка», по-новому и «во весь рост (...) встала в “Портрете”» (там же, с. 333, 335).

Композиционное и смысловое значение статьи для сборника и, шире, на фоне творчества Гоголя охарактеризовано в названных исследованиях достаточно полно. Ближайший и непосредственный источник ее — статья Веневитинова с тем же названием; при этом важно влияние Веневитинова не только как центральной и культовой фигуры интересовавшего Гоголя московского философско-литературного кружка, но и как личности, чьи душевные качества и жизненные обстоятельства получили отражение в нескольких знакомых Гоголю художественных произведениях, осмысляясь как черты одного из героев времени (см. коммент. к повести «Портрет»). Не известно, когда Гоголь впервые познакомился с произведениями Веневитинова и насколько глубоко переживал их; однако можно с уверенностью сказать, что влияние Веневитинова было существенным фактором в стано-

влении раннего Гоголя, имело достаточно долгий отголосок в его творчестве и в значительной мере предопределило круг проблем, затронутых в статье «Скульптура, живопись и музыка» (см. с. 517). Возможны прямые текстуральные сопоставления статьи с некоторыми стихотворениями Батюшкова и особенно Пушкина, от антологических стихотворений, о которых писал Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине», до «Евгения Онегина». Источником первостепенного значения была для Гоголя книга Гердера «Идеи к философии истории человечества», основополагающая для его философско-исторических воззрений; однако и эстетические суждения Гердера были чрезвычайно существенны для выработки представлений Гоголя, в частности, об античном искусстве и мифологии; непосредственными источниками в этой области стали для него, по-видимому, также статьи об античности Гёте и работы Ф. Шлегеля; все они основывались на знаменитом труде Винкельмана «История искусства древности» (1763). Книга Винкельмана упоминается в «Ганце Кюхельгартене» (картина X), а выписка из него есть уже в ранней части «Книги всякой всячины» (см.: Ак. Т. 9. С. 514, см. также с. 522; неизвестные источники знакомства Гоголя с Винкельманом и с его концепцией античного искусства установлены в работе: *Lappo-Danilevskij K. Gogol' und sein «vergessener Winkelmann» // Tuskulum slavicum / Festschrift für P. Thiergen. Zürich, 2005. S. 515–530*); имя Винкельмана присутствует в перечне авторов и книг, датированном предположительно 1840-ми годами (см. Ак. Т. 9. С. 493); но сказанное в статье об античности, кажется, могло быть получено автором и через посредство указанных гениальных интерпретаторов Винкельмана. Важным источником явился для Гоголя сборник Вакенродера—Тика (см. выше), почти исчерпывающе определяющий сказанное в статье о музыке (рассуждения о ней Руссо привлекаются в статье лишь для переосмысления и полемики; сказанное о музыке у Шеллинга и Ф. Шлегеля, кажется, вполне вписывается в рамки этого противостояния; и только у Гофмана Гоголь мог почерпнуть несколько дополнительных и преимущественно экспрессивных акцентов), в меньшей степени — о живописи. Вакенродер был известен Гоголю не только в русском переводе 1826 г., но, вероятно, и в немецком подлиннике; книга была названа уже первыми исследователями эстетики Гоголя, о первостепенном же значении этого источника «как романтической философии искусства» и как пособия «даже в разработке некоторых ситуаций и характеристики персонажей» применительно к повести «Портрет» и к творчеству Гоголя в целом впервые заявил Н.И. Мордовченко (*Мордовченко 1939. С. 100–101*; см. также: *Карташова 1984*). «Сомневаться в знании Гоголем этой книги не приходится хотя бы потому, что перевод ее, сделанный С.П. Шевыревым, В.П. Титовым и Н.А. Мельгуновым и изданный в 1826 г., вышел из кругов “Московского Вестника”, исключительно авторитетного для Гоголя» (*Мордовченко 1939. С. 101*). Другим важнейшим следствием влияния этого кружка, и через публикации, и позднее в результате личных контактов с его участниками, должно было быть знакомство Гоголя с философией Шеллинга, причем можно предположить здесь преимущественное значение записей лекций, пересказов и творческих интерпретаций (в 1830 г. лекции Шеллинга слушал И.В. Киреевский; записи лекций по философии искусства 1798–1799 и 1802 гг. имелись у С.П. Шевырева;

см.: Попов 1966. С. 5; Колубовский И.Я. Русская литература о Шеллинге // Шеллинг Ф.В.И. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936. С. 423, 436). Можно предположить серьезное внимание Гоголя к конкретным рассуждениям Шеллинга о жанрах живописи, сказавшееся в «Портрете»; Гоголь, возможно, также был знаком с работами о живописи Ф. Шлегеля и Гёте; дополнительный интерес для него, причем не только как писателя, но и как живописца, могли представлять конкретные анализы картин у этих авторов; от них же и от Вакенродера Гоголь мог заимствовать и общую установку в своих рассуждениях, направленных на то, чтобы через специфику трех искусств определить сущность нового времени. Оставили след в гоголевских произведениях и изменения в философии Шеллинга в кризисное для раннего романтизма первое десятилетие XIX в., когда он «впервые учит об отпадении лучшего, прекрасного романтического мира от мира в пространстве и времени»; этот мир «существует только в неразвернутом виде, в зародышевом состоянии», реальный же, материальный мир — «область перехода, испытаний и соблазнов, преодолев которые можно возвыситься до состояния, достойного человека, — чисто духовного» и только в человеческой личности «весь пафос земного, вся “острота жизни”» (Берковский. С. 158—159). Этот философский перелом, предвещавший переход к «романтическому натурализму», обращение романтиков к «страшным» жанрам в литературе, многое объясняет и у Гоголя. Отдельно в ряду источников Гоголя стоит Шатобриан с его апологией христианского искусства. В совершенно ином, но также особом отношении мог послужить образцом для него Гофман, следуя за которым в замысле повестей и последовательно продолжая, таким образом, разговор об искусстве, начатый в статьях, средствами художественного повествования, Гоголь, кажется, стремился создать жанровый конгломерат, подобный гофмановскому. Некоторые конкретные точки сближения с Ф. Шлегелем, во многих аспектах своей мысли близким Гоголю и способным послужить опорой для его собственных умозаключений, указаны в реал. коммент.; существеннейшей из них, видимо, является представление Ф. Шлегеля об общественно действенной роли искусства, о перспективе «эстетической революции», в размышлениях о которой он совпадает в своем ощущении катастрофичности хода мировой истории и вере в возможность «обвальных», скачкообразных его изменений с всецело занимавшими внимание Гоголя в период Ар. историками новой французской школы. В равной степени к Шиллеру и к Ф. Шлегелю восходит, видимо, существеннейшее для Гоголя в его осмыслении собственного творчества понятие «пошлости» как чувственного аспекта жизни, который в интерпретации Шиллера непримиримо противопоставлен духовному (благородному) и творчески абсолютно неплодотворен; Шлегель же признает законность расширения области творческого интереса в этом направлении, причем требующего особенной творческой силы и смелости. В венских лекциях Ф. Шлегеля 1812 г., опубликованных им под названием «История древней и новой литературы» (1814) и вышедших в Петербурге в русском переводе В.Д. Кововского (см.: Шлегель 1829), Гоголя могла привлечь, в частности, положительная оценка, данная здесь культуре Средних веков. Позднейшая эволюция Ф. Шлегеля могла представлять интерес для Гоголя с точки зрения переосмысления им собственных ранних увлечений (Гердера, Шеллинга и

ранних романтиков). Он, вероятно, обратил внимание и на то, насколько остро переживал Ф.Шлегель «всеобщую нехудожественность» своего времени, чуждого «искусству и красоте», проявления в современной ему поэзии «общей духовной слабости эпохи, сказывающейся еще более остро “в реальной жизни и в исторических родовых муках борющегося времени” и симптоматически отражающейся в искусстве в том, что зло выступает в нем “во всей полноте гения” и художественного совершенства, устремления же к добру отмечены печатью половинчатости и неуверенности» (Попов 1983. С. 35–36).

С. 9. *Благодарность Зиждителю мириад...* — Ср.: «Творец, создавший землю и все на ней сущее, всеобъемлющим взором Своим окинул нашу планету (<...>). Из таинственного лона Своего рассеял Он мириады многообразных зародышей творения (<...>)» (Вакенродер 1826. С. 58). Первые слова статьи, открывающей Ар., напоминают посвящение гердеровского труда: «И вот, о великое существо, о незримый возвышенный гений рода человеческого, к твоим стопам кладу несовершенный труд, написанный смертным, — в нем он осмелился мыслью и чувством следовать за тобою» (Гердер 1977. С. 11). Слово «благодарность» Гоголь выбрал для пробы пера, приступая к работе (см. с. 504); еще раньше на другом листе той же записной книги он дважды написал фразу «Благодарность всем и всему за все» (см. коммент. к «Нескольким главам из неоконченной повести»), по всей вероятности имея при этом в виду сказанное в Послании св. апостола Павла: «Непрестанно молитесь. О всем благодарите: сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас» (1 Фес 5, 17–18). Ср. написанный много лет спустя отрывок «О благодарности», сохранившийся в бумагах Гоголя (см.: *Неизд. Гоголь*. С. 166–167, 515–516).

С. 9. *Три чудные сестры посланы им украсить и усладить мир: без них он бы был пустыня и без пеня катился бы по своему пути.* — В статье Веневитинова «Скульптура, живопись и музыка» (опубл. 1827) старшая из трех сестер-богинь, «божественных дев», на вопрос, для чего променяли они «жилище красоты и наслаждения на долину желаний и усилий», отвечает: «О смертный! ты часто восхищался этим миром (<...> мы все видимое тобою украсили» (Веневитинов 1980. С. 137); слова «украсить», «украсили» в обоих случаях отсылают к источнику статьи Веневитинова — фрагментам Вакенродера—Тика «Краски» и «Звуки», где с их помощью производится первоначальное тонкое аналитическое расслоение живой картины мира. «Без музыки земля — пустой, недостроенный дом, в котором никто не живет», — говорится здесь. Для Гоголя важны также опущенные Веневитиновым рассуждения, посвященные взаимодополнению и синтезу искусств: «Люди различают в искусстве скульптуру, живопись и музыку, каждая существует отдельно и идет своим путем», но когда «звук, линия и краска будут проникать друг в друга и сольются воедино», искусство станет «подобием природы, в высшей степени украшенной природой, воспринятой нашим чистейшим и высочайшим чувством», как это происходит в богослужении, при котором изобразительное и музыкальное искусство действуют согласно (Вакенродер 1977. С. 189, 152). Ср. в стихотворении Хомякова «Поэт» (1827): «Одна (<...>) / Земля катилась немая, / Небес веселых сирота. / Она без песен путь свершала, / Без песен в путь текла опять, /

И на устах ее лежала / Молчанья строгого печать» (Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 73; впервые: МВ. 1827. Ч. 4. № 15. С. 225).

С. 9. ...призрак того светлого, греческого мира ~ до которого достигает одна только мысль поэта. — Ср. в стихотворении Шиллера «Боги Греции» (1788): «Где ты, светлый мир? Вернись, воскресни, / Дня земного ласковый расцвет!» (пер. М. Л. Лозинского; Шиллер 1954. С. 47).

С. 9. ...мир, несущийся в стройной пляске, при звуке тимпанов, в порыве вакхических движений... — В рукописи далее было: «обнажающих алебастровые плечи», «обнажающих ослепительные руки и плечи»; очевидно, это след параллельной или недавней работы над статьей о Пушкине; ср. там те же детали в строках, посвященных его антологическим стихотворениям, и там же о «ясном мире» древних; в черновике к этому месту сказано: «полный ясный мир» — оба эпитета в аналогичном употреблении встречаются и в черновой рукописи «Скульптуры...» (см.: Виноградов 1976. С. 320). Тимпан — древний ударный музыкальный инструмент из меди. О культовых празднествах в честь Вакха (Диониса) с песнопениями, где «царили смелая безудержная страсть, необузданная радость и свобода, высшее вдохновение» (Шлегель 1983. Т. 2. С. 66; см. также: Берковский. С. 65), см. в коммент. к статье «Жизнь».

С. 9. ...изображающий всю вьющуюся вереницу грациозной мифологии... — Ср. упоминание «Посейдонов, Кронионов, Гефестов, Гелиосов, Киприд и всей вереницы, которую напело играющее воображение греков» в статье Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» (1846; Ак. Т. 8. С. 238—239).

С. 9. ...из пены волн стыдливо выходит богиня красоты, тритоны ~ Посейдон выходит из глубины своей прекрасной стихии... — Греческая богиня красоты и любви Афродита, Пенорожденная, по народной этимологии ее имени, родилась из пены. Тритоны — морские божества, резвящиеся и трубящие в раковины в свите Посейдона (Нептуна), владыки моря, а часто и Афродиты; этот античный мотив широко представлен в литературе и театре; так, в представлении комедии-балета Мольера «Блистательные любовники» при дворе Людовика XIV (см. коммент. к «Страшному кабану»), «в балетных номерах участвовали многие придворные кавалеры. Сидя на скалах, они изображали морских богов и тритонов (...). Под грохот труб и стук жемчужных раковин поднялся из морской пучины бог Нептун, и все узнали в нем короля» (Булгаков М.А. Избранная проза. М., 1966. С. 481).

С. 9. ...мир, где вся религия заключилась в красоте... — «То была религия, иначе нельзя бы и проникнуться таким чувством красоты» — так, по свидетельству П.В. Анненкова, передавал Гоголь свое восприятие «скульптурных произведений древних» (Анненков 1989. С. 74).

С. 9. ...с ее страдающими группами не сливаешь страдающий вопль сердца... — Речь идет, по-видимому, прежде всего о скульптурной группе Лаокоона (ок. 50 г. до н.э.), которая обсуждалась в работах Винкельмана, Лессинга, Гердера, Гёте, Шиллера; в ней, говорит Ф. Шлегель, «предельно возможные страдания и боль выражены с величайшей грацией и красотой» (Шлегель 1983. Т. 2. С. 72). По Шеллингу, рассматриваю-

щему наряду с Лаокооном также группу Ниобы, самое оцепенение ужаса и боли «приводит здесь вновь к покою и высокому безразличию, всего более совместимому с красотой и не искажающему ни единой черты фигуры и формы» (Шеллинг. С. 263).

С. 10. Она обращает все чувства зрителя ~ в наслаждение спокойное, ведущее за собою негу и самодовольство языческого мира. В ней нет тех тайных, беспредельных чувств, которые влекут за собою бесконечные мечтания. В ней не прочитаешь всей долгой, исполненной потрясений и переворотов жизни. — Н.Я. Берковский обращает внимание на определение А. Шлегеля, утверждавшего, что античности была свойственна «поэзия обладания» — «антитезой служило “томление” (Sehnsucht), присущее новому времени» (Берковский. С. 96, 106). «Собственно, поэзия обладания, поэзия наслаждения и пользования, — другое имя для пластического стиля, как говорится о нем у того же Августина Шлегеля (...). Едва в литературу вторгается действие, поэзия обладания поставлена на испытание, кажется, что с нею состязается враждебный ей принцип (...) чтобы обыкновенная жизнь обыкновенных людей рассматривалась как область приложения сил, не только как нечто обладаемое, но и еще как добываемое, с усилием взятое, этого классическая античность почти не знала», в отличие от романа Нового времени, который весь — «летопись жизнестроительства, и наслаждение для этого романа вторично включенный момент, наслаждение бывает найдено в самом жизнестроительстве, а не где-либо в стороне от него» (там же, с. 96—97, 108—109). Ср. у Гёте в статье «Винкельман и его время» (1804—1805): «Если новый человек (...) почти при любом созерцании порывается к бесконечному (...) то древние, без всяких околичностей, испытывали величайшее и единственное наслаждение в чудесных границах этого прекрасного мира» (Гёте. Т. 10. С. 160—161).

С. 10. Напрасно хотели изобразить ею высокие явления христианства ~ Не таковы две сестры ее живопись и музыка ~ Его порывом они развились и исторгнулись из границ чувственного мира. — Шатобриан говорит, что стоило христианской религии появиться на свет, как изящные искусства «признали ее своей матерью и с тех пор неразлучны с нею (...) музыка положила на ноты песнопения религии, живопись изобразила ее мученические победы, скульптура полюбила вместе с нею грезить на могилах, а архитектура воздвигла в ее честь храмы, величественные и таинственные, как ее учение» (Шатобриан 1982. С. 176—177); он называет несколько произведений религиозной скульптуры (преимущественно надгробной, начиная со статуи Моисея работы Микеланджело), которые «показывают, что христианству дано оживлять не только полотно, но и мрамор» (там же, с. 185).

С. 10. Покал — бокал, высокий кубок (см.: Даль. Т. 3. С. 239).

С. 10. ...смирненная и обширная, как вселенная... — Через понятия нравственности и смирения (подчинения) определяет новое искусство в его отличии от античного Шеллинг: «В язычестве конечное, как наделенное само по себе бесконечностью, имеет такое большое значение по сравнению с бесконечным, что в нем даже допустим мятеж против божественного, и это даже составляет принцип возвышенного. В христианстве происходит

безусловное подчинение себя неизмеримому, и это составляет единственный принцип красоты» (Шеллинг. С. 130).

С. 10. *Никогда скульптура не смела выразить твоих небесных откровений. Никогда не были разлиты по ней те тонкие, таинственно-земные черты, глядяваясь в которые слышишь, как наполняет душу небо, и чувствуешь невыразимое.* — Тема «небесных откровений» и «неба на земле» присутствует в статье Веневитинова; ср. слова второй сестры-богини — живописи о безуспешных попытках смертного «изобразить предмет своих желаний» средствами скульптуры: «Взор его напрасно искал в очах изображения того же неба, которое таилось под ресницами прекрасной его подруги; напрасно искал краски стыдливости на мертвых ланитах мрамора; напрасно хотел он окружить образ возлюбленной очарованием бесконечного, к которому стремилась душа его, и в котором являлся ему идеал прекрасной. И что ж? я дала ему кисть, и чувства его вполне вылились на мертвый холст, и мысль о бесконечном сделалась для него понятною. О смертный! хочешь ли видеть небо на земле? Взгляни на сию картину» (Веневитинов 1980. С. 139–140).

С. 10. *...и перед тобою стоит, сложивши накрест руки, безмолвный зритель...* — В черновых вариантах здесь возникает слово «созерцание», которое будет произнесено Гоголем применительно к живописи только в заключительных формулировках статьи. Именно о процессе созерцания живописи говорил Ф. Шлегель, противопоставляя ее скульптуре по характеру «ее изображения и воздействия» и, наоборот, сближая с поэзией и в некотором отношении даже с музыкой (см.: Шлегель 1983. Т. 2. С. 216).

С. 10. *Она не схватывает одного только быстрого мгновения, какое выражает мрамор...* — Ср. сказанное Гёте о скульптурной группе Лаокоона: «Величайшая значительность этой скульптуры в воссоздании определенного мгновения (...) до него ни одна часть целого не может находиться в том же положении, и немедленно после него каждая часть принуждена будет это положение изменить. (...) Такой, какой она стоит перед нами, я бы ее назвал замершей молнией, волной, окаменевшей в тот миг, когда она ударилась о берег» (Гёте. Т. 10. С. 51–52).

С. 12. *Она берет уже не одного человека ~ все прекрасные явления, окружающие человека, в ее власти...* — Ср.: «Живопись, разумеется, не может быть столь же универсальной, как поэзия, но она, несомненно, ближе всего к ней в этом качестве»; это «очень многообразное, богатое и всеохватывающее искусство; она может быть таковой благодаря своим внешним условиям, позволяющим ей не ограничиваться отдельными фигурами и, подобно поэзии, изображать целые истории и их переплетения со всеми побочными обстоятельствами, показывать индивидов со всем их окружением» (Шлегель 1983. Т. 2. С. 217).

С. 12. *Она соединяет чувственное с духовным.* — По Ф. Шлегелю, живопись «всецело обращена к духовному оку и только к нему», но при этом в ней «предмет изображения составляет (...) все доступное глазу видимое явление мира, в этой чудесной смене света и тени, во всем этом магическом блеске цвета, где значимо (...) все, и притом значимо (...) предельно многообразно — пленительно для чувств, ново и необычайно привлекатель-

но для глаза, духовно значимо и символично для духа» (Шлегель 1983. Т. 2. С. 353).

С. 12. *...ты сверкаешь в честь музыки...* — В рукописи в этом месте имелось уточнение — речь шла только о музыке «мучит(ельной?), созданной религиозным стремлением духа», «власть ее могущественнее всех, ее звуками воспитался мрачный Север», — другими словами, о музыке Нового времени, в которой «господствует гармония, которая (...) есть противоположность ритмической мелодии древних» (Шеллинг. С. 201). Об этом противопоставлении рассуждает Руссо в «Опыте о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании» (1761); он говорит здесь о гармонии как о противоположном изобретении Нового времени, призванном лишь компенсировать природные недостатки голосов северных, варварских народов, а в качестве определяющего начала музыкального искусства знаменующем собой его упадок (см.: Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. М., 1963. Т. 1. С. 253—266).

С. 12. *Она восторженнее, она стремительнее обеих сестер своих. Она вся порыв...* — Ср. у Вакенродера о религиозной теме в музыке по сравнению с поэзией и живописью: «Трогательно видеть, как эти три искусства с разных сторон подступают к небесам и в смелом соревновании борются между собой за то, чтобы сколько можно приблизиться к престолу господню. Я полагаю, однако, что рассудительная муза поэзии и в особенности тихая и серьезная муза живописи считают свою третью сестру самой дерзновенной и отважной в воспевании хвалы господу, ибо она осмеливается говорить о небесных предметах на непонятном, непереводаемом языке, с громкими звуками, с сильным движением, объединяя в своей гармонии множество людей» (Вакенродер 1977. С. 166).

С. 12. *...она ~ отрывает человека от земли его, оглушает его громом могущих звуков и разом погружает его в свой мир. Она властно ударяет, как по клавишам, по его нервам ~ и обращает его в один трепет.* — Ср. описание восприятия музыки у Вакенродера: «Настоящее исчезало перед ним; музыка проникала в его нервы тихим трепетом (...). Его душа, все время находящаяся в движении, вся была игра звуков; она словно бы отделялась от тела и свободно трепетала вокруг, или же его тело словно бы тоже превращалось в душу — так свободно и легко охватывала гармония все его существо и тончайшие извивы мелодии отпечатывались в его размягченной душе» (Вакенродер 1977. С. 99—100); еще резче в «Крейслериане» Гофмана: «Что случилось бы со мною, если бы ко мне, почти раздавленному всеми земными бедствиями, которые с недавнего времени беспрестанно обрушиваются на меня, вдруг устремился могучий дух Бетховена, схватил меня в свои пылающие, как расплавленный металл, объятия и унес в то царство беспредельного, неизмеримого, что открывается в его громовых звуках?» (Гофман 1972. С. 35).

С. 12. *...она проникла весь мир, разлилась и дышит в тысяче разных образов.* — «Звук живет везде (...) разве дух музыки не пронизывает всю природу, подобно духу звуков?» — пишет Гофман; он называет музыку «чуждесным искусством», которое «живет (...) в груди самого человека (...) наполняя его внутренний мир благодатными образами (...) бессознательно, как ученик, громко читающий волшебную книгу учителя, вызывает он из

своей души все дивные образы, которые сияющими хороводами несутся через жизнь и наполняют всякого, кто только может их созерцать, бесконечным, несказанным томлением» (Гофман 1972. С. 35, 95; о культе музыки у романтиков см.: Берковский. С. 32–33).

С. 12. Она томительна... — О гармонической музыке как «искусстве томления (Sehnsucht)» (Шлегель 1983. Т. 2. С. 383), в противоположность ритмико-мелодической, которая «будет скорее выражением удовлетворения и здорового аффекта» (Шеллинг. С. 204), говорили, имея в виду более широкие культурологические определения. «В эпоху романтизма музыка понимается как музыка *самого бытия* — как нечто общее, лежащее в основе бытия, его пронизывающее, связывающее его в единое целое. Отсюда поиски музыкального во всех искусствах, включая, наконец, и музыку. В историко-культурном плане такое “музыкальное” качество бытия противопоставляется *пластическому* качеству всего существующего, понятого в духе классической, античной эстетики» (Михайлов А.В. О Людвиге Тике... // Тик. С. 320). Гофман также видит в музыке «искусство, прямо противоположное пластике», «самое романтическое из всех искусств, пожалуй (...) единственное подлинно романтическое, потому что имеет своим предметом только бесконечное»; она «открывает человеку неведомое царство, мир, не имеющий ничего общего с внешним, чувственным миром (...) в котором он оставляет все свои определенные чувства, чтобы предаться несказанному томлению», — такова «инструментальная музыка Бетховена», которая «открывает перед нами царство необъятного и беспредельного (...) и пробуждает именно то бесконечное томление, в котором заключается сущность романтизма» (Гофман 1972. С. 41–43). «Мучительная» — первое же определение, данное у Гоголя музыке в черновой редакции статьи (см. выше); возможно, оно происходит именно от гофмановского представления. Парадоксальным образом гофмановские музыканты временами почти ненавидят музыку — как орудие изощренной интеллектуальной пытки, невыносимой именно для открытой этому искусству души; гоголевское же поразительное утверждение об актуальности музыки для современного человека исходя из способности превратить всего его «в болезненный вопль» по степени резкости и напряженности сразу же взятого тона, кажется, превосходит аналогичные места не только в эстетических рассуждениях Гофмана, но и в художественных фрагментах, имеющих отношение к его предполагавшемуся роману о безумном музыканте, послужившему основой первоначального замысла «Записок сумасшедшего» (см. с. 857–858).

С. 12. *Катедра* — кафедральный собор (от греч. слова «кафедра», обозначающего возвышение, с которого говорили проповеди в церквах; в переносном смысле также архиерейское звание). Книга Вакенродера содержит несколько описаний действия церковной музыки, которые могли послужить образцами для Гоголя (см., например: Вакенродер 1977. С. 99).

С. 12. ...оставляя после себя долгое безмолвие и долго исчезающий звук... — Мотив последнего звука гармонической музыки, «мучительного обрыва или тихого угасания жалобного звука или страстного голоса» (Шлегель 1983. Т. 2. С. 351) мог быть известен Гоголю во многих интерпретациях. Вакенродер в статье «О различных родах в каждом искус-

стве и в особенности о различных видах церковной музыки» описывает три вида музыкального обращения к Богу: музыка одних «в бодрых и веселых созвучиях (...) хвалит господя так, как делают дети», другие «имеют довольно дерзновения, дабы громким, гордым трубным гласом возвестить величие высочайшего на земле (...) со всей силой стремятся возвыситься до него и стать подобными ему». «Но бывают еще и иные — тихие, смиренные люди, вечно преданные покаянию, — пишет Вакенродер, — (...) им не понятна веселость первых, а для дерзновенного взлета вторых у них не хватает мужества. Они (...) прославляют господя лишь тем, что переполняют и питают свои чистые души постоянной мыслью о своей слабости и далекости от него и безнадежной тоской по блаженству чистых ангелов. (...) Их покаянная муза долго упивается одинаковыми аккордами; лишь постепенно она решается перейти к соседним; но каждая новая смена аккордов, даже простейшая, в этом тяжелом, полновесном течении переворачивает всю нашу душу, и медленное шествие мощных звуков заставляет нас содрогаться от страха, наше сердце сжимается и исходит последним вздохом. (...) Приближаясь к концу, ход песнопения становится еще медленнее, чем прежде, и, сдерживаемое, как совестью, глубокой основной мелодией, уничтожение корчится в причудливых изгибах, и человек не может расстаться с прекрасным покаянием, пока наконец не выдохнет всю свою разрешенную от бремени душу в одном долгом, тихо замирающем вздохе» (Вакенродер 1977. С. 166—168).

С. 12. ...она принадлежность нового мира! — «Музыка в том виде, как мы ее знаем, несомненно, из всех искусств самое юное; у нее меньше всего опыта, она еще не пережила истинного классического периода» (Вакенродер 1977. С. 194); ее специфически современный характер проявляется в слиянии в ней математически-рационального и таинственно-душевного начала, составляющее «ее гордость и превосходство над другими искусствами» (там же, с. 171).

С. 13. Мы ~ бросились в музыку. — О том, «что меломания более и более распространяется», Гоголь будет говорить в статье «Петербургские записки 1836 года» (1836—1837), расставляя при этом акценты таким образом, что ретроспективно выявляется внутреннее единство трех связанных с музыкальной темой произведений Ар. — статей «Скульптура, живопись и музыка» и «О малороссийских песнях» и повести «Клочки из записок сумасшедшего» с завершающим ее образом русской тройки, — позволяющее интерпретировать их в направлении, приближающем к кругу идей позднего гоголевского творчества: «Уж не наша ли славянская певучая природа так действует? И не есть ли это возврат к нашей старине после путешествия по чужой земле европейского просвещения, где около нас говорили всё непонятным языком и мелькали всё незнакомые люди, возврат на русской тройке, с заливающимися колокольчиком, с которым мы, привстав на бегу и помахивая шляпой, говорим: “В гостях хорошо, а дома лучше!”» (Ак. Т. 8. С. 183—184).

С. 13. Меркантильный — эгоистически расчетливый; связано с понятием «меркантильная система», т.е. «расширенье круга внешней торговли на счет других народов» (Даль. Т. 2. С. 321). О меркантилизме — теории торговли, составлявшей основу экономической мысли в XVI—XVII вв. и опровергнутой в книге Адама Смита «Исследование о природе и причинах

богатства народов» (1776), см.: *Дэниелс Д., Радеба Л.* Международный бизнес. М., 1994.

С. 13. *Спекулятор* — предприниматель; ср. запись в «Коммерческом словаре» в гоголевской «Книге всякой всячины»: «*Спекуляция*, исследование, то есть знать (...), как производить выгодную торговлю» (Ак. Т. 9. С. 516).

С. 13. *О, не оставляй нас, божество наше!* — О том, что превращает музыку в «божество для человеческих сердец», говорит Вакенродер в статье «Особая внутренняя сущность музыки и психология современной инструментальной музыки», заканчивая, как и Гоголь, обращением к музыке: «Придите же, о звуки, слетайтесь же сюда и спасите меня от этого мучительного земного стремления к словам, окутайте меня своим сиянием, своими сверкающими облаками и вознесите меня в предвечные объятия вселюбящего Отца!» (*Вакенродер 1977. С. 178*).

С. 13. *Но в наш юный и дряхлый век...* — Эпитеты в этом сочетании должны, возможно, передать ощущение исчерпанности исторического времени, те эсхатологические ожидания новой эпохи, которыми был проникнут ранний романтизм; возвращение «золотого века» и обновление человека представлялись задачами эстетики, которую Ф. Шлегель определял как «философию целостного человека». В статье «Об изучении греческой поэзии» Ф. Шлегель говорит о грядущей «эстетической революции», призванной преобразить современность через обращение к той «объективной красоте», вечным образцом которой остается поэзия греков; она описывается как «скачок», «благодетельная катастрофа будущего», альтернативой которой может быть только вырождение и гибель искусства. В «Разговоре о поэзии» («Речь о мифологии») Ф. Шлегель заявляет, что человечество должно «погибнуть или омолодиться» через обретение «материнской почвы, неба и живого воздуха», а именно «средоточия, каковым для поэзии древних была мифология». Подобная ей «новая мифология» будет, по Шлегелю, «создана из сокровеннейших глубин духа»; прообраз ее он видит в романтической иронии, образцы которой романтики находили в произведениях Сервантеса и Шекспира. Как следствие «эпохи омоложения», по Шлегелю, «седая древность снова станет живой, и далекое будущее культуры даст о себе знать в предзнаменованиях» (*Шлегель 1983. Т. 1. С. 387–389, 391; см.: Попов 1983. С. 10–13*).

О СРЕДНИХ ВЕКАХ

Источники текста: *ЧА Ср, ЖМНП₄, Ар., АС Ср* (см. с. 488, 491).

Впервые опубликовано: *ЖМНП. 1834. Ч. 3. № 9. Отд. 2. С. 409–427*. Датируется *ЧА* предположительно концом 1833 — июнем 1834 г. (после 20 декабря 1833 г. — конец февраля 1834 г. и конец июня 1834 г.), окончательная редакция — сентябрем 1834 г. — не позднее октября 1834 г. Печатается по тексту *Ар. Ч. 1. С. 15–40*, со следующими исправлениями:

С. 17, строка 8: Европа бы не устоялась — *вместо*: Европа не устоялась (по *ЧА Ср* и *ЖМНП₄*)

С. 17, строка 9: она бы долее была в хаосе — вместо: она бы более была в хаосе (по ЧА Ср и ЖМНП₄)

С. 17, строки 10—11: в одну стену, устранившую свою крепостью — вместо: в одну стену, устранившую свою крепостью (по ЧА Ср)

С. 19, строка 34: выжимая золото со всего мира — вместо: выжимал золото со всего мира (по ЧА Ср и ЖМНП₄)

Название статьи есть в обоих планах Ар. (см. с. 470, 472). В ЧА входят: а) Р1 — первая черновая редакция статьи (л. 30, 30 об., 32, 31, 31 об., 33); б) Р2 — предварительный набросок первых фраз второй редакции начала в верхней части листа с карандашным рисунком Гоголя (фасад готического собора; л. 50); в) Р3 — вторая черновая редакция начала (л. 35, 35 об.); все листы были многократно неровно разорваны. По сообщению К.Н. Михайлова, порвал их вместе с другими своими рукописями сам Гоголь в припадке «черной меланхолии» и собирался сжечь; Погодин сохранил клочки, но собрать из них целые листы не смог. В начале 90-х годов XIX в. рукописи были куплены П.Я. Дашковым у вдовы Погодина. Поняв, что восстановить их по смыслу не удастся, Дашков «призвал несколько малограмотных людей и просил их на большом просторном столе складывать, за определенную поденную плату, эти бесконечные кусочки не по смыслу, а по виду и цвету бумаги. (...) Дело было благополучно кончено, и листы были сведены» (Михайлов К.Н. Вновь найденные рукописи Гоголя // ИВ. 1902. Т. 87. № 2. С. 602). Первая часть полной черновой редакции (до слов: «как пламя из Везувия») не содержит последовательных вариантных соответствий печатному тексту; продолжение же ее и вторая черновая редакция начала воспроизводят его довольно близко, хотя и с многочисленными отличиями. Первый печатный текст имел вид учебной лекции, прочитанной Гоголем в Петербургском университете в сентябре 1834 г. в качестве вступления к его курсу истории Средних веков и опубликованной в сентябрьской книжке ЖМНП (вышла в свет в октябре). Предположительно зимой или весной 1835 г. была сделана авторская копия с Ар., воспроизводящая печатный текст с мелкими, по-видимому, произвольными отклонениями, со всеми опечатками и неясностями и с дополнительным пропуском одной строки набора (АС Ср); в конце ее подпись «Николай Гоголь» и дата «1830», указывающая, по предположению И.А.Виноградова, «на время созревания основных положений» статьи (см.: Неизд. Гоголь. С. 77—88, 440). Она могла использоваться в качестве учебного пособия для студентов.

Педагогические опыты Гоголя в Петербурге стали первыми шагами как к вхождению в пушкинский круг, так и на пути его самоопределения как историка. В конце 1830 г. он по рекомендации В.А. Жуковского и П.А. Плетнева начинает давать частные уроки (см.: Манн 2004. С. 207), расширяя таким образом и круг светских связей, а немного позднее, в феврале 1831 г., оставляет службу для преподавания истории в Патриотическом институте (см.: Белозверская Н.А. Н.В. Гоголь, служба его в Патриотическом институте. 1831—1835 // РС. 1887. № 12. С. 741—755; Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 288—306). «Сперва он попал было по гражданской службе, но страсть к педагогике привела его под мои знамена: он перешел также в учи-

тели», — писал П.А. Плетнев Пушкину 22 февраля 1831 г., впервые заочно представляя ему Гоголя (*Пушкин*. Т. 14. С. 153); в пушкинский круг он, кажется, входит сначала более как педагог, чем как литератор. Бывший его ученик М.Н. Лонгинов вспоминает, что вместо предполагавшегося русского языка Гоголь по собственной инициативе посвящал занятия естественной истории, географии и всеобщей истории (см.: *Гоголь в восп.* С. 71). Сохранилась лишь часть набросков его лекций для общего курса истории в Патриотическом институте (см.: *Ак.* Т. 9. С. 85—93; *Неизд. Гоголь*. С. 41—76), и совершенно не документированы его ранние занятия украинской историей параллельно и в связи с работой над «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и замыслом исторического романа (см.: *Витберг 1892*. С. 393—394). Тем не менее когда летом 1832 г. Гоголь знакомится с М.П. Погодиным, преподававшим в то время всеобщую историю в Московском университете, основой их быстрого сближения оказывается, по-видимому, кроме общности научных и педагогических интересов еще и достаточно высокий уровень исторической подготовки Гоголя (см.: *Венгеров*. Т. 2. С. 42—43). Сблизило их, вероятно, и знакомство обоих с Пушкиным. Именно к этому времени общее доброжелательное отношение Пушкина к Погодину-литератору сменяется более специфическим и личным интересом к Погодину-историку — как к его опытам народной исторической драмы («Марфа посадница», 1830; «Петр I», 1831), так и к его профессиональной деятельности в связи с изучением Петровской эпохи. «Ваша Марфа, Ваш Петр исполнены истинной драматической силы», — пишет Пушкин автору 11 июля 1832 г. (*Пушкин*. Т. 15. С. 27). Возможно, Гоголь знал об этих оценках Пушкина, когда писал Погодину 1 февраля 1833 г.: «...В Петре вашем драматическое искусство несравненно совершеннее, нежели в Марфе»; очень вероятно, что ему стала известна и характеристика Погодина в письме Пушкина Плетневу от 26 марта 1831 г.: «Погодин очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности» (*Пушкин*. Т. 14. С. 158). Желая Погодину в письме от 25 ноября 1832 г. труда, «читая который, был бы “сам как будто на земли, А пред тобою небо открывалось”», он делает жест интимно-глубокого душевного понимания в сторону адресата, цитируя Гёте в переводе знакового для московского кружка и лично для Погодина Веневитинова, но в то же время как бы применяет к самому Погодину пушкинскую характеристику, видя его как бы в роли ученого Вагнера, честная немецкая приземленность которого противопоставлена у Гёте высокому и опасному фаустовскому порыву (ту же цитату Гоголь использует потом в статье «Шлецер, Миллер и Гердер», внося скрытый оттенок двусмысленности и полемики в свои определения истинного историка). Кабинет Погодина приобретает в осмыслении Гоголя черты покинутой Фаустом и занятой после него Вагнером алхимической лаборатории — кельи средневекового ученого-чернокнижника; возможно, именно здесь определяется для Гоголя этот образ кельи-лаборатории, поставленный им позднее в центре статьи «О Средних веках». Принято считать, что наметившееся отчуждение от пушкинского круга привело Гоголя после поездки в Москву летом 1832 г. к переориентации на группу московских литераторов, со всей очевидностью выявившейся именно в отношениях с Погодиным (см.: *Долинин 1922*.

С. 195—196); таким образом, активизация исторических занятий Гоголя на этом новом этапе, по-видимому, должна бы лежать вне сферы его прежних интересов. Однако переписка с Погодиным рисует более сложную картину этих отношений; очень вероятно, что занятия историей представлялись Гоголю и как новая, дополнительная возможность сотрудничества с Пушкиным; о его внутренней готовности к такому сотрудничеству в любой сфере говорит и неосуществившаяся попытка альманаха «Тройчатка» (см. коммент. к отрывку «Страшная рука»), и состоявшееся позднее участие Гоголя в пушкинском «Современнике».

По-видимому, именно в общении с Погодиным возникает у Гоголя мысль уже не о преподавании, а о создании большого исторического труда. В письме Погодину 1 февраля 1833 г. он обещает: «Лучше обождите несколько времени: я вам пришлю, или привезу чисто свое, которое подготавливаю к печати. Это будет всеобщая история и всеобщая география в трех, если не в двух томах, под названием *Земля и Люди*». Гоголь видит себя уже не учителем, а академическим ученым, автором многотомного труда; такое представление соответствует его литературной установке на большую форму и на сознательную организацию литературного события как жизненного свершения. Труд, «набросанный на бумаге», «написание увесистой вещи» (письма Погодину от 20 февраля и от 8 мая 1833 г.) — именно так Гоголь формулирует теперь свою главную цель; Погодину он желает разрешиться «к новому году томом широким, увесистым» (письмо от 25 ноября 1832 г.). По-видимому, в это время он читает много книг по истории, однако чтение это почти не отражено в его переписке. 1 февраля 1833 г. он пишет Погодину: «Я только теперь прочел изданного Вами Беттигера. Это, точно, одна из удобнейших и лучших для нас история. Некоторые мысли я нашел у ней совершенно сходными с моими, и потому тотчас выбросил их у себя. Это несколько глупо с моей стороны, потому что в истории приобретение делается для пользы всех и владение им законно». Между тем читать на иностранных языках — французском, немецком, латыни — он, видимо, может, но с затруднениями и охотнее пользуется переводами: «Беттиг(ера) я не читал на немецком, — признается он в письме Погодину от 20 февраля 1833 г. — Прочел в переводе. Имеется ли у него и Новая история? или только одна древняя? Мне нравится в ней то, что есть по крайней мере хоть несколько верный анатомический скелет. У нас и этого нигде не найдешь. — Не будет ли еще чего-нибудь у вас историч(еского), переведенного университетскими. А что Европейская история?» «Скоро ли у вас выйдет хоть один том Европейской истории?» — снова спрашивает Гоголь у Погодина в письме от 8 мая 1833 г. Очевидно, что у него крепнет убеждение в необходимости писать именно всеобщую историю, которой, как скажет он позднее в письме Пушкину от 23 декабря 1833 г., «в настоящем виде ее, до сих пор к сожалению не только на Руси, но даже и в Европе, нет». «С генваря месяца и до сих пор я не встретил нигде ни одной новой исторической истины. Набору слов пропасть, выражения усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь, давно знакомая», — пишет он Погодину 8 мая 1833 г. В общем же Гоголь скорее уклоняется от обсуждения с Погодиным проблем истории («Хотел было предложить два историч(еские) вопроса, сильно меня занимавшие. Не раз-

решишь ли? — но после. Они требуют много бумаги. Видишь, я несмотря на всё всё-таки не могу совершенно освобод(иться) от Истории»; Погдину, 20 февраля 1833 г.) и явно охотнее рассказывает о курьезе (см. письмо Погдину от 8 мая 1833 г.). Говоря в конце жизни в «Авторской исповеди», что «получил в школе воспитанье довольно плохое», так что «в зрелом возрасте (...) начал с таких первоначальных книг, что стыдился даже показывать и скрывал все свои занятия» и «наблюдал над собой, как учитель над учеником (...) глядя на себя самого, как на школьника», он, возможно, имеет в виду и этот опыт интенсивной научной подготовки.

Между тем данное в письме от 1 февраля 1833 г. обязательство, по-видимому, тяготило Гоголя; уже 20 февраля он сообщает Погдину, что отказался от мысли издать, «совершенно преобразивши», записи своих лекций: «... я не знаю отчего на меня нашла тоска... корректурный листок выпал из рук моих, и я остановил печатание»; по некоторым данным можно заключить, что он действительно сделал попытку, пусть и очень еще далекую от стадии корректуры, обработать эти материалы (см.: Ак. Т. 9. С. 85—93, коммент. с. 629; *Неизд. Гоголь*. С. 41—76 и коммент.); по-видимому, к этому же времени относятся, целиком или частично, также его записи по истории, от древнейшей до Нового времени («Наброски и заметки по истории древнего мира» и «Наброски и заметки по истории Западной Европы»; см.: Ак. Т. 9. С. 145—172, коммент. с. 635—638), традиционно связываемые с более поздним периодом (см. коммент. к статье «О преподавании всеобщей истории»). «Едва начинаю, и что-нибудь совершу из Ист(ории), уже вижу собственные недостатки: то жалею, что не взял шире, огромное объему, то вдруг зиждется совершенно новая система и рушит старую, — говорится в письме Погдину от 20 февраля 1833 г. — (...) Чорт побереи пока труд мой, набросанный на бумаге, до другого, спокойнейшего времени. Я не знаю, отчего я теперь так жажду современной славы. Вся глубина души так и рвется наружу. Но я до сих пор не написал ровно ничего». Он объясняет свою неудачу возникновением другого замысла: «Я не писал тебе: я помешался на комедии»; как и в работе над историей, Гоголь видит уже готовую обложку («заглавие (...) на белой толстой тетради») и ощущает сильнейший, эмоционально окрашенный творческий порыв. Но порыв этот также не дает результата: «Итак за комедию не могу приняться. Примусь за Историю — передо мною движется сцена, шумит аплодисмент, рожи высовываются из лож, из райка, из кресел и оскаливают зубы, и — история к чорту. — И вот почему я сижу при лени мыслей». В письме Жуковскому от 17 февраля 1833 г. Плетнев описывает неудачу Гоголя-комедиографа почти теми же словами, которыми сам Гоголь описывает свою неудачу как историка: «Его комедия не пошла из головы. Он слишком много хотел обнять в ней, встречал беспрестанно затруднения в представлении и потому с досады ничего не написал» (Плетнев. Т. 3. С. 528). С болезненным сознанием нереализованности своих замыслов Гоголь вступает в кризис 1833 г. (см. коммент. к записи «1834») и уже на выходе из него, в письме Погдину от 28 сентября 1833 г., еще раз подтверждает неутешительный итог своего первого приступа к созданию исторического труда: «...У меня ничего нет, (...) исключая разве двух начал двух огромных творений, на которых лежит печать отвержения и которых я не смею развернуть»; по предположению

исследователей, он говорит здесь о своих «истории малороссийской» и «истории всемирной» (см.: *Переписка 1988*. Т. 1. С. 348).

Таким образом, Гоголь начал работу над книгой по всеобщей истории в период предположительно с конца 1832 г. (после встречи в Москве с Погодиным летом, не позднее 7 июля 1832 г.), а несомненно — с 1 февраля 1833 г. и оставил ее не позднее 20 февраля 1833 г., когда, по его собственному признанию, попытки оформить уже имеющиеся материалы были прекращены без удовлетворительных результатов («ни одного даже отрывка полного, годного для альманаха»; письмо М.А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г.); при этом продолжалось изучение литературы и обдумывание замысла. Поскольку в письме Погодину от 20 февраля 1833 г. Гоголь говорил о книге в стадии корректуры и позднее упоминал о заброшенном им «начале огромного творения», между ними негласно подразумевалось, что не позднее 1832 г. Гоголем был написан пусть не удовлетворявший его, но достаточно серьезный и объемный текст. По-видимому, именно к этому предпологаемому тексту Гоголь отсылал читателя *Ар.*, и прежде всего конкретного и очень важного для него читателя — Погодина, когда ставил дату «1832» под статьями «О преподавании всеобщей истории» и «Шлецер, Миллер и Гердер» (а также «Взгляд на составление Малороссии» и «Несколько слов о Пушкине»), когда писал Погодину: «Ты не гляди на мои исторические отрывки: они молоды, они давно писаны» (письмо от 14 декабря 1834 г.). Датировка обозначала памятный момент в жизни Гоголя, в воспитании его души — его мысли, его труд, выполненные и не выполненные обязательства; она фиксировала год знакомства с Погодиным, рядом с которым Гоголь по-новому осознал себя как историка и очень остро должен был ощутить себя учеником. Но под статьей «О Средних веках» даты нет, и это связано уже со следующими этапами работы над ней.

Первое после кризиса упоминание о намерении Гоголя вернуться к работе над всеобщей историей содержится в его письме Пушкину от 23 декабря 1833 г.; этому предшествовало предложение занять кафедру всеобщей истории в Киеве, сделанное Гоголю М.А. Максимовичем и, по-видимому, неожиданно совпавшее с внутренними устремлениями писателя. В Киеве он предполагает кончить «историю Украины и юга России» и написать «Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор к сожалению не только на Руси, но даже и в Европе, нет» (письмо Пушкину от 23 декабря 1833 г.). Он говорит здесь о замысле как о новом — складывающемся заново, с обновленными силами и надеждами, в изменившейся обстановке («напишу», а не «кончу»); и речь идет именно о книге — предположительно европейского масштаба и достоинства. В этом же письме Гоголь говорит о намерении «набросать (...) мысли и план преподавания на бумагу», чтобы отличаться «от толпы вялых профессоров, которыми набиты университеты». Таким образом, письмо Пушкину от 23 декабря 1833 г. фиксирует момент раздвоения замысла всеобщей истории — в ближайшем исполнении на две статьи: «План преподавания всеобщей истории» и «О Средних веках»; двумя названиями («О средних в(еках)» и «Мысли о Истории») представлен этот замысел и в первом плане *Ар.* (см. с. 470). «Я весь теперь погружен в Историю Малороссийскую и Всемирную; и та и другая у меня начинает двигаться. (...) Ух, брат! Сколько приходит ко мне

мыслей теперь! Да каких крупных! полных, свежих! мне кажется, что сделаю кое-что не-общее во всеобщей истории» (письмо Погодину 11 января 1834 г.). Можно предположить, что он говорит о работе над первой полной черновой редакцией (Р1) статьи «О Средних веках» — параллельно с частично дублирующим ее по содержанию «Планом преподавания всеобщей истории», который к тому времени уже должен был быть закончен или близок к завершению, — и что он начал эту работу тогда же, когда написал ответное письмо Максимовичу, т.е. не ранее 20 декабря 1833 г.; по-видимому, к концу февраля 1834 г., когда Гоголь вписал в тетрадь первый план сборника, рукопись первой полной черновой редакции в целом была закончена.

Сильнейший центробежный порыв заставляет Гоголя в это время обратиться к отложенным наброскам петербургской повести (название «Дождь» включено в первый план Ар.); одновременно на пафосе неприятия Петербурга быстро пишется статья «Об архитектуре нынешнего времени», законченная вчерне, очевидно, не позднее февраля 1834 г. и также включенная в план; и хотя в это же время, по всей видимости, Гоголь делает первые наброски к статьям «Ал-Мамун» и «О движении народов в конце V века», но уже сам факт составления плана свидетельствует о том, что порыв приторможен: Гоголь пересматривает свои старые произведения, некоторые включает в задуманный сборник, замысел других преобразуется; желание уехать отступает на второй план перед захватившей его внутренней работой. В письмах Гоголя к Максимовичу живо обсуждаются возникшие затруднения с их определением в Киев (см. коммент. к статье «О преподавании всеобщей истории»); но можно заметить, что тогда же Гоголь начинает внутренне охладевать к этой идее, а потом и сопротивляться ей (см. письма от 26 и 29 марта 1834 г.); требования его представляются чрезмерными (см.: *Никитенко*. Т. 1. С. 169). Предположительно к этому времени уже завершена вчерне работа над статьей «Шлецер, Миллер и Гердер», концовка которой окрашена тонами будущей «Женитьбы» и ощутимо выдает уход от исторических занятий в область художественного творчества.

Возвращение к черновику статьи летом 1834 г. связано с новым жизненным поворотом — преподаванием в Санкт-Петербургском университете, где Гоголь был утвержден в должности адъюнкт-профессора по кафедре всеобщей истории 24 июля 1834 г. (см. *Ак.* Т. 10. С. 25; *РМ.* 1896. № 5. С. 173). Письмо М.П.Погодину от 23 июля выдает его главную заботу в это время: «Если ты этого желаешь, то я тебе пришлю некоторые свои лекции, с тем только, чтобы ты взамен прислал мне свои. Весьма недурно, если бы ты отнял у какого-нибудь студента тетрадь записываемых им твоих лекций, особенно о средних веках, и прислал бы (...) мне теперь же». Можно предположить, что в это время он редактирует и отдает переписчику уже имеющийся у него текст десяти лекций, соответствующих первому разделу первой части программы курса по истории Средних веков, составленной им ранее, и библиографию к ней (*Ак.* Т. 9. С. 94–145; см. коммент. к статьям «О движении народов в конце V века» и «Ал-Мамун») и, обдумывая вводную часть курса, пересматривает имеющиеся у него материалы. Г.П. Георгиевский, издавший два тома впервые разобранных и описанных им гоголевских рукописей, среди которых были, в частности,

разрозненные листы с записями по средневековой истории, а также «обертка с записной книги большого формата (в лист), с собственноручною надписью Гоголя, большими буквами, в две строки: “Материал лекций”» (*Георгиевский*. С. 119), полагал, что «уцелела лишь самая незначительная часть его работы в этой области» (*там же*, с. VI): «Очевидно, у Гоголя было несколько записных книг, которые он заполнял материалами, служившими ему для составления и чтения лекций по истории. Сюда вносились прежде всего выписки из источников и пособий по истории, а потом уже собственные заметки Гоголя и собственное его изложение исторических событий и характеристик, а также собственный его подбор сведений, относящихся к известному историческому лицу или событию; и лишь некоторые страницы этих книг сохранили попытки Гоголя в литературно-обработанной форме изложить известную лекцию» (*там же*, с. 119—120). «Гоголь уже в предшествующем 1833 году много работал по всеобщей истории, — говорит В.И. Шенрок, — и этими занятиями положил основание для предстоящей профессорской деятельности, т. е. ознакомился с источниками и составил себе, так сказать, общее очертание будущего курса, после чего, как он полагал, ему было бы достаточно, по сделанным выпискам, составлять лекции, — и в самом деле курс, составившийся им потом по этим выпискам, соответствовал заранее начерченной программе» (*Тих.* Т. 6. С. 682); И.Я. Айзеншток, напротив, полагает, что, изложив план своего курса «по крайней мере трижды: сперва в статье “О преподавании всеобщей истории”, затем в представленной им “Программе лекций по истории средних веков” и, наконец, во вступительной лекции» — и предлагая всякий раз «несколько иную последовательность и группировку материала», Гоголь при чтении лекций «сколько можно судить (...) не следовал ни одному из этих планов» (*Айзеншток 1952*. С. 36). Хотя эта во всех отношениях незаконченная работа и подтверждает мнение С.А. Венгерова «не только о выдающейся добросовестности Гоголя, но и о желании блестяще поставить свой курс и внести в него что-нибудь новое» (*Венгеров*. Т. 2. С. 46), но при этом определенно производит «впечатление лихорадочного собирания материала» (*Гиппиус 1924*. С. 62), и трудно представить, чтобы при этом Гоголь взялся за тщательную, вплоть до стилистической отделки, проработку какого-либо отдельного ее раздела. Новое погружение в исторический материал оказалось и не слишком глубоким, и не слишком длительным еще и потому, что для него практически не оставалось времени — Гоголь завершает в это время черновые редакции «Портрета» и «Невского проспекта», тогда же он занимается и «Миргородом» (см. коммент. к т. 2 наст. изд.). В сентябре он читает вступительную лекцию для студентов второго курса филологического отделения. Сохранился известный рассказ о ней слушавшего ее Н.И. Иваницкого: «Не знаю, прошло ли и пять минут, как уж Гоголь овладел совершенно вниманием слушателей. Невозможно было спокойно следить за его мыслью, которая летела и преломлялась, как молния, освещая беспрестанно картину за картиной в этом мраке средневековой истории»; по его утверждению, лекция «продолжалась три четверти часа» и «была превосходна» (*Гоголь в восп.* С. 84; *Иваницкий 1909*. С. 243). «Впрочем, вся эта лекция из слова в слово напечатана в “Арабесках”, кажется, под названием: “О характере истории средних веков”, — пишет Н.И. Иваниц-

кий. — (...) Когда Гоголь вышел из аудитории, мы окружили его в сборной зале и просили, чтоб он дал нам эту лекцию в рукописи. Гоголь сказал, что она у него набросана только вчерне, но что со временем он обрабатывает ее и даст нам» (*Гоголь в восп.* С. 84). Текст лекции был затем опубликован в *ЖМНП* (1834. Ч. 3. № 9. Отд. 2. С. 409—427; номер вышел в октябре — см. *Тих.* Т. 5. С. 562), с заглавием: «О Средних веках. Вступительная лекция, читанная в С(анкт)-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем». 29 сентября 1834 г. Гоголь писал редактору журнала К.С. Сербиновичу: «Очень благодарен вам за присылку корректуры. Если можно, то я бы попросил у вас прислать сегодня же и хвостик ее»; в том же письме отклонена предложенная редакторская поправка (см. с. 540).

Таким образом, вторая черновая редакция начала статьи (*РЗ*) и печатная редакция в варианте *ЖМНП* были, по-видимому, созданы за время с конца июня до конца сентября 1834 г. Скорее всего, вернувшись к своим историческим материалам, Гоголь прежде всего обратился к черновому наброску статьи и переписал ее начало, окончательно придавая ей вид вступительной лекции. Маловероятно, что он тогда же продолжил ее обработку, поскольку предстояла подготовка последующих лекций, от которой его, в свою очередь, отвлекало продолжение повестей. К такой обработке он должен был приступить не раньше конца августа — начала сентября, после завершения черновых редакций «Портрета» и статей «Жизнь» и «Последний день Помпеи»; именно тогда, вероятно, и был создан второй вариант, воспроизведенный в *ЖМНП*. Во всяком случае во время лекции, судя по воспоминаниям Н.И. Иванецкого, белого текста у Гоголя не было, и написание его предполагало некоторую доработку устной версии. Разумеется, нельзя буквально принимать свидетельство Иванецкого о том, что в *Ар.* лекция была воспроизведена «из слова в слово»; и все же более вероятно, что к первой своей лекции, в полной аудитории и в присутствии ректора, Гоголь отнесся очень серьезно и подготовил для нее новый, отработанный текст, который тогда же, в сентябре, перебелив, отдал в журнал. Окончательная редакция статьи в *Ар.* отличается от журнальной лишь небольшой, преимущественно стилистической правкой (см. «Варианты»), которая не могла занять много времени и была сделана, очевидно, в октябре при подготовке книги к печати и скорее всего прямо по журнальному оттиску.

Принято выделять «две до доска отделанные лекции, напечатанные в «Арабесках»» (*Гиппиус* 1924. С. 62), — статьи «О Средних веках» и «Ал-Мамун» — как «два блестящих момента», противопоставляя их в остальном «столь неблестяще сложившейся профессорской карьере Гоголя» (*Венгеров.* Т. 2. С. 46; обзор и анализ оценок см.: *Фомин* 1910. С. 209—211; *Айзеншток* 1952. С. 17—38; *Манн* 2004. С. 310—318). Воспоминания Н.И. Иванецкого, как и слушавшего Гоголя в 1835 г. И.С. Тургенева, передают «совершенное охлаждение» аудитории к лектору и ее разочарование в нем, которое оказалось взаимным, — уже месяца через три после начала курса, 14 декабря 1834 г., Гоголь писал Погодину о своих студентах, что это «народ бесцветный, как Петербург». Между тем в письмах он и далее говорит о намерении продолжать работу над большим историческим трудом. 2 ноября 1834 г., обсуждая издательские и научные планы Погодина, Гоголь сообщает ему: «Я сам замышляю дернуть историю

средних веков, тем более, что у меня такие роятся о ней мысли... но я не раньше, как через год, прийму писать»; преподавательские неудачи переосмысляются в свете этого задуманного целого и оправдываются им. «Я выражаюсь отрывками и только смотрю в даль и вижу его в той системе, в какой оно явится у меня вылитое через год» (письмо Погодину 14 декабря 1834 г.); с этой же точки зрения он предлагает взглянуть и на статью «О Средних веках»: «Она сказана только так, чтобы сказать что-нибудь, и только раззадорит несколько в слушателях потребность узнать то, о чем еще нужно рассказать, что оно такое. Я с каждым месяцем, с каждым днем вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобы я старался только возбудить чувства и воображение. Клянусь, у меня цель высшая». 22 января 1835 г., посылая Ар. Погодину, Гоголь пишет ему: «Я также думаю хватить среднюю историю томиков в 8 или 9, если бог поможет», и в тот же день сообщает о том же М.А. Максимовичу: «Я пишу историю средних веков, которая, думаю, будет состоять томов из 8, если не из 9»; эти сведения были повторены и в официальном отчете по Санкт-Петербургскому учебному округу за 1835 г., где в разделе о состоянии научной деятельности в Петербургском университете было сказано, что «адъюнкт по кафедре истории Гоголь-Яновский сверх должности своей по университету принял на себя труд написать Историю средних веков, которая будет состоять из 8 или 9 томов. Также намерен он издать особенно извлечение из оной истории в одном томе»; при этом предполагалось, «если только обстоятельства позволят», первые три тома ее издать «в следующем году»; он же, говорилось далее, «кроме означенной истории (...) готовит к печатанию сочинение о духе и характере народной поэзии славянских народов: сербов, словенов, черногорцев, галичан, малороссиян, великороссиян и прочих; также занимается он разысканием и разбором для Истории малороссиян, которой два тома уже готовы, но которые однако ж он медлит издавать до тех пор, пока обстоятельства не позволят ему осмотреть многих мест, где происходили некоторые события» (*Машинский 1951. С. 65; Айзеншток 1952. С. 32–33*). И в письмах, и в отчете замысел труда о Средних веках оформляется как живой, длящийся; но рядом в отчете вновь возникает тема отъезда, хотя бы в связи с официальным обязательством писать о Малороссии. По всей вероятности, Гоголь действительно собирался продолжить работу и, возможно, именно для этого переписал из Ар. вскоре после их выхода статьи «О Средних веках» и «О преподавании всеобщей истории», оставляя на листах широкие отогнутые поля для дополнительных записей (см.: *Неизд. Гоголь. С. 435–444*), но так и не сделав ни одной; копию статьи «О Средних веках» он датировал здесь 1830 г., отодвигая ее, таким образом, в уже не актуальное прошлое. Начатая им примерно тогда же (не позднее весны 1835 г.; см. т. 5 наст. изд.) драма из средневековой истории о короле Альфреде также не получила продолжения. Однако в повести «Рим», героиней которой, желая «проникнуть поглубже историю Италии, доселе ему известную эпизодами, отрывками», жадно принимается «за архивы, летописи и записки», Гоголь вводит свои, автобиографические мотивировки обращения к истории родины («без нее казалось ему неполно настоящее») и стремления увидеть ее извне, издавдала («читать не так, как италиянец-домосед, входящий и телом, и душою в читаемые события и не видящий из-за обу-

пивших его лиц и происшествий всей массы целого»). Следуя, видимо, Шевыреву, сказавшему, что «если хотим обратить путешествие в учение классическое, должно (...) начинать его с Италии, ибо она крепким узлом связала цепь древней Истории с новейшею» и «объясняет все символы нового Европейского мира, без нее для нас непонятные» (Отрывки из писем Русского Путешественника по Италии // *МВ*. 1830. Ч. 2. № 6. С. 200–201), Гоголь дает здесь краткую версию средневековой истории, увиденной сквозь историю Италии, очевидно пытаясь договорить то, что не был готов высказать в 1834 г., и перенося в этот уже откровенно художественный текст если и не буквально взятые из статьи «О Средних веках» формулировки, то встававшие тогда в его сознании исторические картины, применяя к частной истории общие обоснования, но самую эту частную историю делая одновременно прообразом прошлого и пророчеством будущего Европы вообще, включая и собственное, далекое северное отечество. В письме к М.П. Погодину от 6 декабря 1835 г. он подводит итоги: «Я расплевался с университетом, и через месяц опять беззаботный козак. Неузнанный я взошел на кафедру и неузнанный схожу с нее. Но в эти полтора года — годы моего бесславия, потому что общее мнение говорит, что я не за свое дело взялся — в эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души. Уже не детские мысли, не ограниченный прежний круг моих сведений, но высокие, исполненные истины и ужасающего величия мысли волновали меня... Мир вам, мои небесные гости, наводившие на меня божественные минуты в моей тесной квартире, близкой к чердаку! Вас никто не знает. Вас вновь опускаю на дно души до нового пробуждения, когда вы исторгнетесь с большею силою и не посмеет устоять бесстыдная дерзость ученого невежи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и проч. и проч. ... Я тебе одному говорю это; другому не скажу я: меня назовут хвастуном, и больше ничего. Мимо, мимо всё это! Теперь вышел я на свежий воздух. Это освежение нужно в жизни, как цветам дождь, как засидевшемуся в кабинете прогулка. Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия!» Эти итоги оказываются внутренними и личными и дают основание рассматривать как прямое следствие исторических занятий уже близкого будущего «Ревизора», вслед за С.А. Венгеровым расценивая в этой связи и время его создания как «момент общего напряжения именно рефлектирующей стороны гоголевского духа, период не непосредственного, а глубоко-размышляющего творчества» (Венгеров. Т. 2. С. 54).

Публикации вступительной лекции Гоголя в журнале предшествовали лекции М.П. Погодина (О Всеобщей Истории. Лекция г. Погодина при вступлении в должность Ординарного Профессора в Императорском Московском Университете // *ЖМНП*. 1834. Ч. 1. № 1. Отд. 2. С. 31–44; перепечатана: *Погодин 1836*) и еще раньше П.А. Плетнева (О народности в литературе. Рассуждение, читанное в торжественном собрании Императорского С.Петербургского Университета Ординарным Профессором оного Плетневым, 31 августа 1833 г. // *ЖМНП*. 1834. Ч. 1. № 1. Отд. 2. С. 1–30); он, таким образом, оказывался здесь в кругу признанных как в литературных, так и в академических кругах имен. Сам жанр университетской лекции, тем более вступительной, для современников Гоголя имел не только

академическое значение — лекционными курсами утверждалась тогда новая философия и эстетика (курсы Канта и Шеллинга) и новая литература (иенские лекции Августа и Фридриха Шлегелей); чтения триумvirата историков в Сорбонне стали фактом общественной и политической жизни и сделали очевидным скрытый в этом жанре публицистический, а отчасти и художественный потенциал (см.: *Реизов 1956*. С. 300—301). Вступительная лекция Шиллера «В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения» (1789) ретроспективно включалась в этот ряд; заглавие ее формулирует тему статьи Гоголя «План преподавания всеобщей истории», а отчасти и статьи «О Средних веках» в той мере, в которой она дублирует первую; «гоголевский» круг исторических проблем представлен и в работе Шиллера «О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках» (1792). Его трактовки иные, однако они выявляют некоторые связи, способные заместить отсутствующие у Гоголя; в этом качестве работы Шиллера важны как источник даже при невозможности прямых текстуальных сближений (о стилистической зависимости статей Гоголя от исторических работ Шиллера см.: *Вайскопф 1993*. С. 205). Любопытны и биографические совпадения: Шиллер, медик по образованию, увлекся историей по-настоящему уже в процессе работы над историческими драмами; после опубликования им в 1788 г. «Истории отпадения Нидерландов от испанского владычества» по протекции Гёте он получил должность экстраординарного профессора истории в Иене, о которой мечтал до того два года, и небольшую правительственную пенсию, позволившую ему решить часть своих материальных проблем (см.: *Вильмонт Н.Н. Фридрих Шиллер // Шиллер 1954*. С. 12). В Иене Шиллер читал лекции в 1789—1791 гг., в течение четырех семестров (Гоголь выдержал в Петербурге только три), причем после блестящего успеха вступительной лекции, прошедшей «при огромном стечении университетской молодежи», столкнулся, кажется, с теми же проблемами, что и впоследствии Гоголь: «педагогическая деятельность требовала подготовки, а Шиллер был связан рядом литературных обязательств. Работая по четырнадцать часов в сутки, он вконец подорвал свое здоровье» (*там же*, с. 12). «У него нет контакта с аудиторией. “Между кафедрой и слушателями высится барьер, через который трудно перешагнуть”, — пишет Шиллер. Он жалуется на слабую подготовку студентов, на невозможность приспособиться к их уровню, “спутившись до плоской яности”. Аудитория его постепенно тает, и в конце концов не более двадцати—тридцати человек продолжает посещать его лекции. В январе 1791 года, когда тяжелей приступ болезни заставил Шиллера навсегда прекратить преподавательскую деятельность, он расстался с ней без всяких сожалений» (*Тер-Акопян Н. Шиллер как историк // Шиллер*. Т. 5. С. 534).

Первая критическая реакция на статью «О Средних веках» последовала уже после публикации ее в журнале: О.И. Сенковский в своих «Повестях» представил Гоголя как «ученика Истории», которому ее преподавали так, что он «ни коим образом не мог отличить ее от сказки о том “Как Тулумбаджи-Мухаммед-эфенди поссорился с Башмакчи-Ахмед-эфенди”», и потому из него «по необходимости вышел отчаянный сочинитель исторических сказок, которые первоначально изобретены в Александрии

одним кривым переплетчиком, сшившим по ошибке в одну книжку второй том “Истории походов Саладина против крестоносцев” с третьей частью “Новых сказок для детей”» (*БдЧ*. 1834. Т. 7. Кн. 11. Ноябрь. Отд. 1. С. 91–92; ср. *Ак*. Т. 8. С. 749). В рецензии на *Ар.* он, пообещав «для обра- щика привести хоть несколько отрывков, взятых на выдержку из ученых пиес автора, перед которыми стоим в совершенном остоленении», выписал полностью заключительный абзац статьи и продолжал: «Надобно же иметь странное понятие о познаниях и слухе Русских читателей 1835 года, чтоб так писать об Истории, и так писать по-Русски! Сильный напор и усилен- ный гнет властей прижал, изволите видеть, так сильно ум человеческий, задвинутый крепкою толщею, что этот несчастный ум, собрав все свои уси- лия, вспыхнул так ужасно, что с отчаяния открыл порох, печать и Америку! Это сравнение средних веков с готическим храмом неподражаемо. Но, если судить по этим “пересекаемым один другим” сводам и по этим “порывам столбов, летящих к небу”, то автор, кажется, никогда не видал готического храма? Тут что-то есть большая “куча изогузурованного”! (...) Но вооб- ще средние века и готические здания — любимые куклы воображения наше- го писателя. Он бы все перестроил на манер готического. Он так и сыплет цветными окнами, шпицами и “пересекаемыми один другим” сводами» (*БдЧ*. 1835. Т. 9. Кн. 3. Март. Отд. 6. С. 11). Отзывы Сенковского пред- восхитили суждения критики о статье почти на столетие вперед: критики от- мечали сказочность изложения, необоснованное пристрастие к Средневеко- вью, преобладание изобразительного дара автора над положительными зна- ниями. В.В. Стасов, вспоминая, что в ученические годы он был «в великом восхищении» от исторических статей Гоголя в *Ар.*, объясняет это свое впечат- ление тем, что они глубоко поражали «картинностью и художественно- стью изложения», удовлетворявшими юношеские «воображение, потреб- ность жизни и пластичности» (*Гоголь в восп.* С. 397; впервые: *РС*. 1881. № 2). Алексей Н. Веселовский, признавая, что преподавание застави- ло Гоголя «обновить и умножить свои сведения о жизни средневековой и новой Европы», увидел тем не менее на его статьях по всеобщей истории «лишь отпечаток художественной виртуозности» (*Веселовский* 1916. С. 193). В.И. Шенрок отмечал в статье «картинное представление собы- тий» и «блестящую роскошь языка», но сомневался в способности Гоголя «соединить суровые требования науки с пламенными порывами поэтическо- го воодушевления», находя в нем «преобладание жилки оратора над строгой последовательностью ученого», «исключительное устремление внимания (...) на внешнюю сторону дела» и «непропорциональный перевес синтеза над анализом» (*Шенрок*. Т. 2. С. 226–228). «Не будучи историком-ис- следователем, Гоголь мог опереться только на свое художественное чутье и мастерство изложения. Слабый в точном анализе, дробящем живые явления на их мертвые элементы, он мог блеснуть синтезом, — правда, гадательным, но творческим, созидающим из безразличных подробностей полные жизни картины», — писал вслед за В.И. Шенроком и М. Ковалевский, замечая, однако, что «художественно-изобразительное понимание и изложение истории» сближает Гоголя с Грановским, и даже усматривая между ними «духовное родство и историческую преемственность». Находя, что в статье «О Средних веках» «много поэтической фантазии и благоговейной веры, но

мало научной правды», М. Ковалевский тем не менее признает, что «вступительная лекция Гоголя произвела и должна была произвести сильное впечатление: это было, поистине, поэтическое воссоздание средневековья, его художественный синтез, сверкающий образами и красками... Нет сомнения, что никто в России до Гоголя не мог так властно воскрешать далекое прошлое и бросать на него свет яркий и ослепительный, как молния. Трудно выбрать наиболее яркие и красивые места из этой вдохновенной поэмы о средних веках: о чем бы ни говорил Гоголь (...) для всего он находит роскошные краски, и все оживает в героических размерах»; особенно выделяет М. Ковалевский ту же цитату, что и Сенковский, — «эффектный конец лекции» (*Ковалевский 1909. С. 42—43, 50*); на него же указывает В. Романовский, полагая, что здесь «особенно резко сказывается историк-художник, привыкший “мыслить образами”, схватывающий сущность исторического процесса не столько силою ума, сколько силою воображения»; будучи «поэтом, художником, а не просто мыслителем», Гоголь «почувствовал», что теперь признается исторической наукой, то есть что изучение истории не может быть вполне объективным и что понимание истории достигается при значительном участии субъективного развития историка»; при этом «в истории он видел, прежде всего, “органическое развитие исторического процесса”, отводя “героям” второстепенное значение, но вместе с тем не отвергая и их известного влияния на направление и ход исторических событий» (*Романовский 1909. С. 225—226, 229, 231*). О «сказочном языке» Гоголя-преподавателя упоминает один из слушателей его (см.: *Русская беседа. 1856. Т. 3. С. 24—26*; см. также: *Котляревский 1908. С. 140—141*); подхватывая это определение, Н.И. Коробка пишет: «“Сказочный язык” Гоголя, конечно, не случайность, он является продуктом его архаичного мирозерцания и методов мышления. Мирозерцание Гоголя оставалось средневековым, и его начитанность в области искусства и истории не меняла этого. (...) Страсть Гоголя к средним векам питается романтизмом, но не создается им: она непосредственнее и искреннее у него, чем у европейских романтиков. Ему чужд и антипатичен был рассудочный, критический склад мыслей человека 19-го столетия, который необходим для историка и вообще для исследователя»; «фантазию, яркую и мощную, постоянно вторгавшуюся в процесс его научной работы и преодолевавшую ее», Н.И. Коробка рассматривает как доминирующее начало у Гоголя, преобладающее «над остальной деятельностью ума»; иногда она «видоизменяет фактический материал, дополняет неизвестное и вводит самого автора в заблуждение относительно степени его осведомленности» (*Коробка. С. 15—16*). Диссонансом среди этих оценок прозвучало мнение С.А. Венгерова, еще в 1902 г. в статье «Писатель-Гражданин» показавшего, что характер лекций Гоголя говорит о серьезной подготовке к ним, в значительной мере по иностранным источникам, и вообще о его достаточно высоком для того времени научном уровне, и назвавшего его вступительную лекцию о Средних веках блестящей. «Литературный помазанник божьей милостью, он на царственном месте своем был “вечным работником” в самом непосредственном смысле слова», — писал С.А. Венгеров в статье «Гоголь-Ученый» (1913) уже после публикаций Г.П. Георгиевского (см. выше) и с учетом их материала, подтверждающего, что у Гоголя «несомненно, было органическое стремление к

научным занятиям» и что «художественная интуиция и методичность ученого сливались в Гоголе в одно органическое целое»: «В 1830-х гг. огромное большинство историков подходило к делу исключительно с внешней и анекдотической стороны. Походы, дипломатические переговоры, придворные интриги, личность государей и их приближенных — вот в чем видели тогда центральные проявления исторической жизни. Гоголя занимает совсем другое. Он в свои тетради, посвященные “материалам по средней истории”, вписывает извлеченные из разных источников сведения о суевериях, о домашней жизни, “коммерции”, положении и роли евреев, морской торговле, промышленности. И если мы примем во внимание, что и в малооцененных в свое время “Арабесках” Гоголь подходит к истории со стороны таких явлений, как архитектура, живопись, быт, религия, то мы должны будем признать, что отношение Гоголя к истории было очень углубленное и всего менее говорит о дилетантизме» (Венгеров. Т. 2. С. 46, 146, 152, 164). Но и после работ С.А. Венгерова В.В. Гиппиус видит в гоголевских занятиях историей лишь «тот же пафос индивидуалиста, что и в нежинские, юношеские его годы», «события для него определяются прежде всего героями»; и хотя в статье «О Средних веках» «на первый взгляд вовсе нет героя» и «даже не названо имен — кроме мимоходом упомянутого Гильдебрандта», но это «только потому, что первая лекция Гоголя — совсем не историческая работа», а «блестящее художественное произведение, откровенно говорящее о средних веках в тонах волшебной сказки»: «“Странная яркость” и “исполнинская колоссальность” — вот признаки средневековья, чудесными неоднократно названы его события. О явлении арабов задается вопрос, уместный в развязке фантастической повести и действительно повторенный в последних строках “Портрета” — “точно ли он (этот необыкновенный народ) жил и существовал, или он — самое прекрасное создание нашего воображения?” В рыцарстве Гоголю видится “чуждость почти сказочная”. Наконец, изображение жилища алхимика (...) — это прямо страница из волшебной повести. (...) Но в сказке должен быть герой, есть он и здесь. Герой этот — папа, пока без имени, как сказочные безыменные цари»; жизнью масс «Гоголь-теоретик интересуется мало, гораздо меньше, чем Гоголь-художник, и всегда воспринимает их как однородное целое» (Гиппиус 1924. С. 61, 64, 66). С.О. Машинский поставил вопрос об источниках исторических представлений Гоголя: «Тьерри и Гизо, Гердер и Нибур — каждый из них оставил более или менее глубокий след на философии истории Гоголя. Работы французских историков эпохи Реставрации были крупнейшими достижениями научной мысли первой половины XIX века. (...) Гоголь изучал этих историков и знал их» (Машинский 1941. С. 42; см. также: Машинский 1971. С. 152—161); он «много читал и впитывал в себя то, что ему импонировало, то, что подтверждало его порой смутные, первоначальные догадки», однако «иные идеи были выношены им самим и являлись результатом его собственных теоретических раздумий»; одним из таких «замечательных примеров самостоятельной мысли Гоголя» считает С.О. Машинский статью «О Средних веках» (Машинский 1971. С. 159—160). По мнению же Л.В. Пумпянского (рукописи 1922—1923 гг.), Гоголь «довел до вульгаризации фальшивый характер всей (и западной) романтической историографии», перенял «одну смешную сторону» ее; у него «нет социоло-

гического мышления», которое было у Тьерри и Гизо и которое прежде всего заметил у них Пушкин. А.В. Пумпянский упрекает Гоголя в неспособности «заразиться великой любовью всей романтической эпохи — к документам, к летописям» (*Пумпянский 2000. С. 294—295*), повторяя давнее мнение о пренебрежительном отношении Гоголя к источникам (см.: *Ковалевский 1909. С. 47*); в его вступительной лекции о Средних веках исследователь видит только «ряд тусклых, но широких вспышек (...) совершенно не то, что метафора и образ действительно знающего историка (...) Ни одной новой мысли, общее туманное представление о развитии (...)» (*Пумпянский 2000. С. 293—294*). А.В. Самышкина обращает внимание на то, что средневековые в статье «характеризуются в соответствии с философским определением, уподобляющим историческую эволюцию человечества возрастным изменениям»; в таком же «органическом произрастании» представлено единство человеческого рода у Гердера. «В статье Гоголя средневековые осмысляется как переходное состояние человечества, и пестрое множество разнородных событий объясняется чертами юношеской поры, в которую только что оно вступило. (...) То, что с позиций последующих веков, или возмужалого возраста, кажется необъяснимым либо иррациональным, в свое время имело глубочайший смысл и подчинялось законам органического роста», — пишет А.В. Самышкина; в прошлом, по Гоголю, «коренятся первоначала современной жизни и реальные возможности будущего ее обновления»; и та «идея целого», о которой Гоголь «упоминает по разным поводам во многих статьях (...) вводя это понятие каждый раз в новый круг проблем», связана, по мысли А.В. Самышкиной, именно с этим кругом философско-исторических идей (см.: *Самышкина 1976. С. 53—55*).

С. 14. ...заглянуть в темное подземелье, где скрыты первые всемогущие колеса, дающие толчок всему... — Этот образ запомнился Блоку, который, обсуждая идею «инсценировок истории культуры» в статье «Об “Исторических картинах”», писал: «Надо, как говорил Гоголь, для изучения истории “заглянуть в темное подземелье, где скрыты первые всемогущие колеса, дающие толчок всему”» (*Блок. Т. 6. С. 424*). Сравнение восходит к пониманию мира как гигантской системы машин у Декарта и повторяется во многих источниках — ср.: «И кто не рад бы предпочесть созерцанию красот и картинных движений живописного местоположения откровение таинств природы и чудесное сошествие в подземную святыню ее, где мог бы он, проникнутый ужасом и благоговением, изучать ее безмолвную работу и познавать пружины, коими движется наружное зрелище, привлекавшее любопытство его?» (*Вяземский. Т. 10. С. VI—VII*).

С. 15. ...как реки, впавшие в море, но долго еще не сливающие своих пресных вод с сильными волнами... — Ср. у Вяземского в статье «Об альманахах 1827 года»: «Талант барона Дельвига имеет отличительные свойства, не сливающиеся с господствующими признаками нашего времени. Поэзия его, как воды Аретузы, сохраняющие свежую сладость свою и при впадении в море, протекает между нами, не заимствуя ни красок, ни вкуса разлившегося потока» (*МТ. 1827. Ч. 16; Вяземский. Т. 2. С. 24*).

С. 15. ...самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы... — Сравнение процессов, проис-

ходивших в средневековой Европе, с брожением вина см.: *Погодин 1836. С. 46.*

С. 15. *...и тысящелетней силы ее...* — Ср. о «воинственном тысячелетии» европейской истории: *Шиллер. Т. 5. С. 486.*

С. 15. *...нужно быть одарену тем чутьем, которым обладают многие историки.* — Эти слова вызвали замечание редактора *ЖМНП* К.С. Сербиновича, на которое Гоголь отвечал ему 29 сентября 1834 г.: «Слова *чутья* никак не могу переменить. У нас совершенно нет ему равнозначного. При том, я его употребил потому, что оно уже получило некоторое право гражданства: его употребил Пушкин, и даже Жуковский в Путешествии по Саксонии, в смысле художественном, хотя это прекрасное письмо его, кажется, доселе не напечатано. Нечего делать, нужно нам перенять некоторые добродетели и у четвероногих» (о возможных источниках, на которые ссылается здесь Гоголь, см.: *Ак. Т. 10. С. 485; Петрунина, Фрилендер. С. 207*). Гоголь мог бы сослаться также на хорошо известные ему еще до публикации афоризмы Погодина: «И вот задача Истории: разобрать сии слагаемые, найти их суммы, понять их соответствия, причины, действия, правила, законы, почуять Бога» (*Погодин 1836. С. 21*).

С. 16. *Уток* — нить, которой ткут; она идет поперек продольных нитей (основы) и, пересекаясь с ними, образует ткань; в гоголевских материалах для словаря русского языка записано: «Зато́к, уто́к, поперечное тка́нье» (*Ак. Т. 9. С. 478*). Сравнение могло возникнуть в связи с чтением Шлёдера, который считал всеобщую историю неполной без истории человеческого образования, подразумевая под ним «собрание всех искусств, которыми обладают жители Европы» (искусством Шлёцер называл мастерство, прежде всего ремесленное). В качестве одного из примеров приводился краткий набросок истории ткацкого дела: «Положили известное число сих волокон вдоль (основа), одну после другой, — потом равное число поперек (уток), — переплели их между собою, и явилась связанная поверхность, в коей нити взаимно себя поддерживали. (...) — От тка́нья рукою перешли после к тка́цкому стану. Нынешний Европейский тка́цкий стан есть высокое, из многих частей составленное, искусственное произведение» (Отрывок из II части Шлецерова Введения в историю // *МВ. 1830. Ч. 2. № 5. С. 48*). Ср. во вступительной лекции Погодина: «История должна (...) с одной стороны протянуть ткань так называемых случаев, как они один за другим, или один из другого следовали, ткань намерений и действий человеческих, по законам свободы. С другой стороны она должна представить другую параллельную ткань законов высших, законов необходимости (...)» (*Погодин 1836. С. 123–125*).

С. 16. *...уединенного, еще скромного римского первосвященника...* — В лекции Гоголя «(5.) Взгляд на состояние Рима и начало духовной и светской власти пап» говорится о росте их религиозного и политического влияния в VI–VIII вв., вплоть до момента, когда «римский первосвященник сделался один правителем Рима с правом независимого герцога, и произошло совершенное отделение западной церкви» (*Ак. Т. 9. С. 124*); по первоначальным вариантам (вместо «римского первосвященника» — «епископа римского», «римского патриарха»; там же, с. 602) видно, что Гоголь именно в тексте статьи «О Средних веках» отработывал формулировку,

использованную им затем и в статье «О преподавании всеобщей истории». Истории папства посвящены заметки Гоголя по истории Западной Европы «Первая жизнь христиан», «История духовной власти в средние века», «Папы» (Ак. Т. 9. С. 166—171). О том, как «римский епископ» положил начало римской иерархии, см.: Гердер 1977. С. 506—508.

С. 16. *Гильдебрандт только отдернул занавес и показал власть, уже давно приобретенную папами.* — Ср.: «Цели римского престола были неизменны, и умудренный опытом старец должен был только дать свое имя событиям, которые происходили» (Гердер 1977. С. 552). Гильдебрандт (ок. 1021—1085) — папа Григорий VII (с 1073 г.); стремясь к подчинению светской власти духовной, добивался автономии духовенства и в то же время его внутреннего самоограничения; был сторонником введения нового тогда порядка выбора папы кардиналами и утверждения в сане аббата и епископа папой независимо от императора, запрещения продажи церковных должностей, безбрачия священников; отлучив от церкви императора Священной Римской империи Генриха IV, вынудил его пешком прийти к себе в Каноссу, чтобы принести покаяние. В гоголевской программе лекций по истории Средних веков в разделе «Время споров между императором и папою» предполагалось рассмотреть вопросы: «Влияние папской полит(ики) в Европе. Намерение папы Гильдебранта освободить духовенство от власти государей и подчинить своей. Причины, побудившие его к этому. Гильдебрантова цель и орудия. Новые строгие постановления для духовенства. Власть императора совершенно пересиливается папскою» (Ак. Т. 9. С. 97). Отмечено, что «в бумагах Гоголя сохранился перевод отрывка из письма Григория VII к Годфриду Горбатуму о порядке избрания нового папы, сделанный в первой половине 1830-х гг.» (Неизд. Гоголь. С. 458).

С. 16. *...в фундаменте которого улегся свежий, крепкий как вечность гранит...* — По Гердеру, «населяемая людьми планета есть горный хребет, выступающий над поверхностью моря (...) какой будет твердая земля, материк, предрешили первые горы: они, можно сказать, были древним ядром и контрфорсами земного строения, вода и воздух складывали на них свое бремя, и вот рассадник живого творения был покрыт покатою крышей и был выровнен (...) проведя цепи гор, проведя линии сбегających с гор рек, природа установила как бы общие, но неизменные начертания человеческой истории вместе со всеми ее потрясениями и переворотами (...) Если бы горные цепи были протянуты иначе, если бы реки текли в ином направлении, если бы иными были очертания побережий, то бесконечно иначе происходило бы и все движение народов на бурлящей сцене истории!» (Гердер 1977. С. 27, 29, 30). «Отсюда гранит, послуживший твердой опорой материков, спускается уже в глубь океана и на значительных пространствах не выходит наружу (там же, с. 32), — говорит Гердер, переходя в своем описании от материков к островам Южного полушария. «...Гранит, составляющий сердцевину нашей земли» (там же, с. 37), — «корень земли нашей, гранит», — переводит современный Гоголю переводчик (Мысли, относящиеся к философической истории человечества, по разумению и начертанию Гердера. СПб., 1829. С. 57; Гоголь мог познакомиться с этими рассуждениями Гердера еще в 1827 г. по журнальной публикации: «Планета наша... есть цепь гор... (из Гердера)», МВ. 1827. Ч. 4. № 13. С. 47—63); гердеровское

буквальное осмысление гранита как первичной основы мира у Гоголя превращается в образное — ср. в письме В.А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г.: «Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент...»

С. 16. *Готфские руны* — «*Рунами* именуются старые письмена Скандинавские (...) известно, что сии буквы употреблялись в Скандинавии уже около VII или VIII века; их находят еще на памятниках и гробах языческих, хотя, кроме сих надписей, не имеем иных древних и важных для Истории монументов Рунических» (Карамзин. Кн. 1. Примеч. к т. 1. Стб. 42). Гоголь, делая выписки, перенимал написание источника; поскольку сам он пишет «Готы», а Карамзин — «Готфы», параллельное работе над статьей чтение «Истории...» представляется вполне вероятным.

С. 17. *...Европа бы не устоялась, не сохранила того равновесия, которое так удивительно ее содержит...* — О том, как в Европе «был преодолен дикий хаос, борющиеся силы государства пришли в состояние благодетельного равновесия, плодом чего является наш теперешний покой» (Шиллер. Т. 4. С. 20–21), говорится в статьях Шиллера «В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения» (1789) и «О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках» (1792). О «доктрине баланса сил» в европейской политической мысли XVIII в. и противостоящей ей идее «вечного мира» (конфедерации христианских народов Европы) см.: Зорин 2001. С. 72–82.

С. 17. *Это не какая-нибудь война за похищенную жену...* — В рукописи: «война за жену Менелая»; из-за похищения Елены, жены спартанского царя Менелая, сыном троянского царя Парисом началась Троянская война, изображенная в «Илиаде» Гомера (перевод Гнедича упоминается в письме Гоголя к А.С. Данилевскому от 8 февраля 1833 г.).

С. 17. *...не кровопролитная битва ~ за корону или за клочок земли...* — Ср. в статье «О составлении Малороссии» о ничтожных причинах, рождавших бесконечные войны «за клочок земли» в русской средневековой истории (с. 82); о войнах, в которых дело идет «о нескольких кучках грязи величиной с вашу пятку», см.: Вольтер. Т. 1. С. 370.

С. 17. *Народы текут с крестами со всех сторон Европы...* — Ср. ниже: «и все текут освободить свою веру»; возможно, отголосок батюшковского «Народы, как волны, в Халкиду текли» («Гезиод и Омир, соперники», 1817).

С. 17. *...короли, графы в простых власяницах; монахи, препоясанные оружием, становятся в ряды воинов; епископы, пустынники с крестами в руках предводят несметными толпами...* — Среди вдохновителей и руководителей первого крестового похода наиболее известен был Петр Пустынный (Петр Амьенский; ок. 1050–1115), католический монах, проповедовавший в деревнях Северной и Средней Франции и прирейнской Германии. Гоголь, возможно, рисует картину похода, следуя поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим» в пересказе Батюшкова (в статье «Ариост и Тасс», 1815), который восхищается тем, как христианский поэт изображает здесь «нравы рыцарей, их великодушие, смирение в победе, невероятную храбрость и набожность»: «Главы и ноги начальников обнажены;

все воинство последует их примеру, и гордое чело рыцарей смиряется пред тем, кто располагает по воле и победою, и лаврами, и славою земною, и царством неба. Такого рода красоты, суровые и важные, почерпнуты в нашей религии: древние ничего не оставили нам подобного. Все обряды веры, все страшные таинства обогатили Тассову поэму. (...) простой отшельник Петр советует рыцарю исповедью очиститься от заблуждений юности, прежде нежели он приступит к совершению великого подвига. (...) И наутро отшельник развевает страшное знамя, в самом раю почитаемое; за ним следует лик медленным шагом; священнослужители и воины (соединившие в руке своей кадильницу с мечом) (...) за ними Годофред, начальники и войско обезоруженное. Не слышно звуков трубы и гласов бранных; но гласы молитвы и смирения» (*Батюшков 1978. С. 145–147*).

С. 18. *И напрасно Крестовые походы называются безрассудным предприятием.* — «Крестовые походы были безумием, — писал Гердер, — и безумие это стоило Европе нескольких миллионов жизней» (*Гердер 1977. С. 578*); о «безумии и ярости, породивших замысел крестовых походов», говорил Шиллер, и он же назвал «безумство священных войн» «самым чудовищным (...) исчадием Средневековья» (*Шиллер. Т. 5. С. 479, 487*); Шлёцер видел в крестовых походах «безумные предприятия, которые совсем не достигли страшной своей цели» (*Шлёцер 1809. С. 183*); само определение восходит, по всей вероятности, еще к Вольтеру, в одном из посвященных критике религии разделов своего опубликованного анонимно в 1769 г. сочинения «Бог и люди» заявившему, что «страшное безумие священных крестовых походов стоило жизни 2 миллионам христиан» (*Вольтер. Т. 3. С. 346*).

С. 18. *И одному только человеку и созданной им религии ~ обязаны они ~ существованием!* — Имеется в виду основатель ислама Мухаммад (570?–632), начавший проповедовать новую религию в 610 г., а в 630 г. признанный пророком и политическим главой арабов; он, как говорит в одной из лекций Гоголь, произвел «всеобщий переворот» и преобразовал «всю Аравию в одну нацию», которая «осталась после него соединенною силою религии и энтузиазма» (*Ак. Т. 9. С. 139, 140*).

С. 18. *С непостижимою быстротою они ~ воздвигают свои калифаты с трех сторон Средиземного моря.* — Калифат (халифат) — государство, возглавляемое халифом, т.е. наместником Пророка (так стали называть правителей арабского государства после смерти в 632 г. его основателя Мухаммада), обладавшим всей полнотою духовной и светской верховной власти. В результате завоеваний VII–VIII вв. арабы подчинили себе огромные пространства в Азии, Африке и Европе, на востоке доходившие до гор Тянь-Шаня и низовьев Инда, включавшие всю территорию Иранского царства, закавказские и малоазиатские земли Византии (две попытки взять Константинополь не имели успеха), принадлежавшие ей же Сирию, Египет и побережье Северной Африки, а на западе большую часть Пиренейского полуострова и юг Франции почти до Тулузы и Авиньона; замыслы завоевания всей Франции, Германии и Венгрии и создания таким образом империи, превосходящей по размеру Римскую, остались неосуществленными (см.: *Беляев 1966*; также: *Гердер 1977. С. 566*).

С. 18. ...как в их сказках... — Сказки «Тысячи и одной ночи» во французском неполном переводе были впервые изданы в 1704—1717 гг.; русский перевод на основе этого издания вышел в Москве в 1763—1764 гг.

С. 18—19. *Век вперед — и уже он исчез, этот необыкновенный народ...* — Уже к началу X в. единая империя арабов распалась на несколько халифатов и далее на отдельные царства, впоследствии завоеванные турками и монголами. «Халифаты быстро росли и распадались, и цветение их было столь же кратким, — на более холодной почве едва ли хватило бы для всех этих изменений и тысячи лет. Восточный цветок быстро расцветает под влиянием более теплой природы, — это видим мы и в истории арабского народа» (Гердер 1977. С. 569).

С. 19. Один — верховный бог скандинавской мифологии (см. коммент. к статье «О движении народов в конце V века»).

С. 19. *По Северному океану плывут их движущиеся королевства под начальством морских своих королей ~ воспитанными бурей, морями, страшною бедностию Скандинавии и дикою религиею.* — М.П. Алексеев называет в качестве источников гоголевского представления об обитателях Скандинавии и, в частности, о «морских королях» книгу О. Тьерри «История завоевания Англии норманнами» (1825) и то место книги Г. Галлама «Европа в средние века» (1818; см.: Ак. Т. 9. С. 639), где он «указывает на бедность и перенаселенность Скандинавии как на причины шедших из нее эмиграционных волн», а также, возможно, книгу П. Малле (Histoire de Dannemarc / Par mr. P.H. Mallet. Vol. 1—9. Genève, etc., 1787—1788), на которую ссылались Карамзин и Полевой (Алексеев 1936. С. 273—276).

С. 19. *...степи, шумящие хлебом, никем не сеянным и не собираемым...* — Карамзин говорит, что в Сибири «сама Природа усеивает обширные степи диким хлебом» (Карамзин. Кн. 3. Т. 9. Стб. 218), ссылаясь в связи с этим на слова Линнея: «Потоп истребил людей, и ковчег Ноев, как сказано в Св. Писании, остановился на горе Араратской, откуда цепь гор идет к Сибири и Татарии, странам высочайшим, из коих текут многие реки в море Ледовитое, Каспийское, Океан Восточный и во все земли окружные. Сии места должны казаться Ноеву семейству лучшими и безопаснейшими для обитания, и Бог произвел там хлеб, которым более всего питается человек вне Тропиков, и который (что известно Ботаникам) растет дикий в одной России восточной. Гейнцельманн нашел в степях Башкирских пшеницу и ячмень. Жители Сибирские пекут хлебы из дикой ржи. Следовательно можно заключить, что Сибирь была первым отечеством Ноевых потомков» (там же, кн. 1, примеч. к т. 1, стб. 12).

С. 19. *...где пасутся табуны и стада, которых от века никто не считал...* — Карамзин приводит слова итальянского путешественника XIII в. Плано Карпини: «Стада и табуны Могольские бесчисленны: в целой Европе нет такого множества лошадей, вельблюдов, овец, коз и рогатой скотины» (Карамзин. Кн. 1. Т. 4. Стб. 35).

С. 19. *...многолюдный Пекин горит целый месяц, миллион народа выстреливается монгольскими стрелами, государь тунгусский гибнет с сотнями тысяч подданных на замерзшем озере...* — И.А. Виноградов

указывает на параллель к этому месту у К.-А. Беттигера: «достигать предсказанного обладания всю землю он начал завоеванием Китая (1209). Пекин горел (1215) целый месяц. (...) На замерзшем озере погиб Государь Тунгутский с 300 000 человек...» (*Исзд. Гоголь*. С. 461; со ссылкой на: *Всеобщая История. Гимназический курс. Соч. Эрлангенского Профессора Беттигера*. М., 1832. С. 217). Тунгут (Тангут) — сильное государство в Центральной Азии, на территории современного Китая; завоевано монголами в 1227 г.

С. 19. ...и коего царственные купцы своими кораблями, горделиво обошедшими все моря, и дворцами при Адриатическом море далеко превосходили многих монархов. — У Шекспира в «Венецианском купце» царственным купцом неоднократно называют Антонио; и о нем же говорится: «У него одно судно плывет в Триполи, другое в Индию (...) третье у него сейчас в Мексике, четвертое в Англии и остальные суда тоже разбросаны по всему свету» (см.: *Шекспир*. Т. 3. С. 224, 267, 279). «Эпитет “царственный” в применении к купцу объясняется тем, что крупным итальянским купцам, торговавшим на архипелаге, представлялись известные административные права на некоторых островах, где они чувствовали себя почти государями, а иногда и на деле основывали самостоятельные княжества. Вообще же выражение *royal merchant* было довольно привычным в Англии, где в значении “королевский купец” оно применялось, между прочим, к Роберту Грешему, основателю Лондонской биржи, советнику Елизаветы и ее агенту в разных финансовых делах» (*там же*, с. 546).

С. 20. ...обратила Европу в какую-то движущуюся столицу... — Так в рукописи и в обоих печатных изданиях. Ср.: «Петербург весь шевелится, от погребов до чердака» (*Ак*. Т. 8. С. 178).

С. 20. Едва только возникли улучшения для жизни... — Обширные выписки на эту тему сделаны в гоголевском конспекте книги Г. Галлама «Европа в средние века» (см.: *Ак*. Т. 9. С. 269—270).

С. 20. Ганза — торговый союз европейских городов, созданный в XIII в. (см. с. 580).

С. 21. ...страшные тайные суды... — Тайные суды образовались в конце XII в. и к XV в. действовали по всей Германии в качестве высшего суда Священной Римской империи; официально были упразднены только в XIX в. Ср.: «В средние века, когда сильные Герцоги и Бароны позволяли себе ненаказанно великие преступления, когда обыкновенные судилища были слабы для их усмирения, составилось тайное братство, коего члены, не зная друг друга, клятвенно обязывались наказывать виновных, не щадя ни друзей, ни родных. Немедленно по произнесении смертного приговора тайными судьями, извещали о том осужденного, восклицая под его окнами или где-нибудь в его присутствии: горе! Сие слово, трикратно произнесенное, служило предостережением; услышавший сию роковую весть, готовился к смерти, которую, хотя неожиданно, но непременно он должен был получить от руки неизвестной» (*МВ*. 1828. Ч. 9. № 10. С. 142—143).

С. 22. ...ужасных пыток, на которых человек показал адскую изобретательность... — Ср. в повести В.Ф. Одоевского «*Opere del cavaliere Giambattista Piranesi*» (1831) упоминание тома с изображениями «темниц разного рода; бесконечные своды, бездонные пещеры, замки, цепи, порос-

шие травую стены — и, для украшения, всевозможные казни и пытки, которые когда-либо изобретало преступное воображение человека...» (Одоевский 1988. С. 70).

С. 23. *Теперь рассмотрите, между какими колоссальными событиями заключается время Средних веков!* — В рукописи далее: «какие сильные катастрофы ограничивают их». По Гердеру, «катастрофы, совершающиеся на Земле, оставляют после себя одни развалины, вечное начало без конца», но «цепь развития, воспитания превращает развалины в целое (...) человеческому роду потрясения нужны, как волны — водной глади, для того чтобы озеро не превратилось в болото» (Гердер 1977. С. 233—234); теория катастроф развивается в сочинениях французских историков (Кине, Балланш; см.: Реизов 1956. С. 388, 428—429).

С. 23. *...в руках у европейцев вместо бессильного оружия — огонь; печатные листы разлетаются по всем концам мира; и все это результаты Средних веков.* — В записях, сделанных Гоголем для лекций в Патриотическом институте, он отмечает, что упоминаемые им здесь события «в совокупности имели чрезвычайное влияние на характер трех последующих столетий»: «Золото Перу и Хили было основанием новой политики; оно дало новую деятельность, новую жизнь народам и Государствам, возбудив в них страсти, неведомые народам средних веков. (...) Порох уничтожил Физическую силу, дал работу силе нравственной. Фауст в своем станке стиснул Папское величие, разбудив гения и воссоздав науки. Такие Эпохи (...) следствиями могут сравниться с Падением Рима, и тем более, что следствия падения Рима уже исчислены, известны, тогда как следствия вышесказанных происшествий не кончились даже и до этих пор» (Неизд. Гоголь. С. 46).

С. 23. *...Средние века, величественные, как колоссальный готический храм...* — С «прочным зданием готического стиля» сравнивает средневековое устройство Европы Гердер (Гердер 1977. С. 562).

ГЛАВА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Источники текста: *НР Гл., СЦв, Ар.* (см. с. 488, 491).

Автограф не известен. Впервые опубликовано: *СЦв* на 1831 г. С. 225—256. Датируется второй половиной (до конца ноября) 1830 г., окончательная обработка — 1834 г., не позднее февраля. Печатается по тексту *Ар.* Ч. 1. С. 43—64, с исправлением:

С. 31, строка 4: неотпущенная коса — вместо: неопущенная коса

Хронологические рамки гоголевского замысла большого произведения на основе малороссийского этнографического и исторического материала очерчены достаточно четко, но порядок и время его конкретизации почти не поддаются уточнению. Уже при первом упоминании этого замысла в письме матери от 30 апреля 1829 г. определенно обозначен исторический интерес — Гоголь просит сообщить «название точное и верное платья носимого до времен гетманских». Письмо от 24 июля 1829 г. показывает, что работа над украинской темой все более увлекает Гоголя; поблагодарив мать за «драгоценные известия о малороссиянах», он далее пишет: «В тиши уеди-

нения я готовлю запас, которого, порядочно не обработавши, не пушу в свет»; он просит «ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования». Но в письмах нет данных, позволяющих предположить, что он уже пишет свое сочинение; и более чем год спустя, уже после анонимной публикации повести «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», в письме к М.И. Гоголь 3 июня 1830 г. он не сообщает в этом отношении ничего нового: «Теперь я собираю материалы только и в тишине обдумываю свой обширный труд». «На самом деле обдумывался не один “обширный труд”, а несколько: исторический роман, “малороссийская повесть”, не говоря уже о работе над произведениями, составившими впоследствии “Вечера на хуторе близ Диканьки»» (Манн 2004. С. 193). Видимо, в письме речь идет не о «Вечерах...» — позднее, посылая «эту небольшую книжку» матери, Гоголь охарактеризовал ее прямо противоположным образом: «Она есть плод отдохновения и досужных часов от трудов моих» (письмо от 19 сентября 1831 г.); вряд ли он мог назвать «обширным трудом» и бытовую «малороссийскую повесть» «Страшный кабан», замысел которой предварял «Вечера...» и был, по крайней мере в своей этнографической и нравоописательной части, поглощен и исчерпан ими. Скорее всего, говоря об «обширном труде», Гоголь имел в виду исторический роман; а значит, в начале июня 1830 г. роман этот только обдумывался, но еще не был начат и именно летом и осенью 1830 г. над ним работал автор, «посвятивший себя всего пользе, обрабатывающий себя в тишине для благородных подвигов», как писал он о себе матери 19 декабря 1830 г., на следующий день после того, как «Глава из исторического романа» в составе альманаха *СЦв* на 1831 г. прошла цензуру. В сохранившейся наборной (одновременно и цензурной) рукописи альманаха гоголевский отрывок представлен в виде писарской копии без цензурских помет; несколько отклонений от текста *СЦв* см. в «Вариантах». Официальная дата поступления альманаха в цензуру — 15 ноября, но фактически материалы продолжали поступать приблизительно до последних чисел ноября; книга вышла в свет 24 декабря 1830 г. (см.: Вацуро 1978. С. 214—215, 223, 273).

«Ты, может быть, заметил в Северных Цветах отрывок из исторического романа, с подписью 0000», — писал П.А. Плетнев Пушкину 22 февраля 1831 г., желая заочно познакомить его «с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее» (Пушкин. Т. 14. С. 153). Реакция критики на публикацию также оказалась вполне благожелательной. Ю.В. Манн обращает внимание на то, что в рецензии *МТ* (1831. № 2) из прозы *СЦв* выделялись только «Последний квартет Бетховена» Одоевского и гоголевская «Глава...», и полагает, что даже несколько нравоучительное заключение рецензента («...что удерживает этих анонимов (Повесть Одоевского также явилась без полного имени автора. — Ю.М.) заниматься литературою: робость или собственное сознание, что их не достанет на многое и большое» В сем случае не худо им помнить, что и упасть в труде лучше, нежели нерешительно останавливаться на безделках, хотя бы сии безделки и доказывали неоспоримое дарование сочинителей») «не могло обидеть Гоголя: во-первых, в нем признавали “неоспоримое дарование”, а во-вторых, поощряли на большой литературный труд, что шло навстречу собственным его устремлениям»; автор рецензии в *Т* (1831. № 2. С. 229) «также поста-

вил гоголевскую вещь вслед за повестью В. Одоевского: “Квартет Бетгоvena прекрасен. (...) С удовольствием также можно прочитать “Главу из исторического романа” (...) в коей быт малороссийский изображается вольною и широкою кистию”»; автором этим был «несомненно, Н.И. Надеждин» (Манн 2004. С. 206), который и впоследствии «встречал почти каждое новое произведение Гоголя кратким, но неизменно дружественным словом» (Манн Ю.В. Факультеты Надеждина // *Надеждин* 1972. С. 30). Только вполне удостоверившись в успехе, Гоголь посылает СЦв с «Главой...» матери и в письме к ней от 21 августа 1831 г. раскрывает свой псевдоним: «Книжка вам будет приятна, потому что в ней вы найдете мою статью, которую я писал, бывши еще в нежинской Гимназии. Как она попала сюда, я никак не могу понять. Издатели говорят, что они давно ее получили при письме от неизвестного и если бы прежде знали, что моя, то не поместили бы, не спросивши наперед меня, и потому я прошу вас не объявлять ее моею никому; сохраняйте ее для себя. Приятно похвастать чем-нибудь совершенным; но тем, что носит на себе печать младенческого несовершенства, не совсем приятно. — Она подписана четырьмя нулями: 0000».

В письме несомненно содержится доля мистификации, но границы ее не очевидны. Прежде всего, не существует сколько-нибудь достоверных сведений о том, каким образом Гоголь вошел в круг сотрудников СЦв и ЛГ, где появились его последующие публикации: получил ли Гоголь от кого-то рекомендательное письмо к Жуковскому, который «сдал его на руки» Плетневу (см.: *Кулиш* 1856. С. 84), и тот ввел Гоголя в новый для него круг, или это Дельвиг рекомендовал уже печатавшегося у него Гоголя Жуковскому (см.: *Шенрок*. Т. 1. С. 297), имело ли значение покровительство В.И. Панаева, влиятельного чиновника, начальника Гоголя по департаменту (см.: *Ак*. Т. 10. С. 426–427), а в начале 1820-х годов одного из заметных участников литературной борьбы, или заинтересованность О.М. Сомова, в те годы выступавшего вместе с Панаевым против Дельвига, а теперь ближайшего сотрудника его в СЦв и ЛГ, редактирование которой после цензурного скандала и запрещения продолжать издание под прежним руководством Сомов берет на себя. Преобладающим является мнение, что «к участию в обоих изданиях Гоголь был привлечен, вероятно, Сомовым» (*Ак*. Т. 10. С. 434). Сомов единственный в литературном обозрении для СЦв на 1830 г. отметил «талант, обещающий (...) будущего поэта» в сочинителе изничтоженного СПч и МТ «Ганца Кюхельгартена» (Манн 2004. С. 193); по предположению В.Э. Вацура, книгу Сомов мог получить от Плетнева, которому она была анонимно послана автором (на каком-то этапе сближения Гоголя с кругом ЛГ и собственно пушкинским роль Плетнева, по-видимому, оказалась первостепенной; об этом говорит А.О. Смирнова в письме Вяземскому (см. ниже, с. 922); исследователь даже полагает, что «по связям своим с Сербиновичем», цензуравшим идилию и осведомленным о настоящем имени сочинителя, Сомов мог знать, что рецензирует первый опыт земляка, и поддержать его сознательно; знал он, по-видимому, и имя автора анонимно опубликованного «Бисаврюка», о котором он одобрительно отозвался в очередном своем критическом обзоре для СЦв на 1831 г. (см.: *Вацура* 1978. С. 209, 222). Но существовали и другие

возможности, и прежде всего связанные с нежинским кружком литераторов в Петербурге: в качестве возможных посредников для Гоголя упоминаются также поэт и переводчик В.И. Любич-Романович, соученик Гоголя по Нежинской гимназии (см.: *Степанов (2)*. С. 6), и близкий к нежинцам В.Н. Щастный (см.: *Вацуро 1978*. С. 222). Но не исключено и использование каких-то способов, подобных описанному в письме матери: Гоголь очевидно не стремился прояснить свои пути и все еще вел себя в литературной среде очень осторожно; вынужденно поставив свою фамилию под публикацией «Женщины» (см. с. 907–908), он продолжал печататься под псевдонимами, так и не раскрытыми при его жизни.

Вопреки авторскому прочтению подписи под «Главой...» в письме Гоголя матери от 21 августа 1831 г. («Она подписана четырьмя нулями: оооо»), в литературоведении сложилась традиция иного истолкования этого псевдонима. Когда П.А. Кулиш в своем сообщении о ранних произведениях Гоголя указал, что в качестве подписи под «Главой...», которая написана «уже со всеми признаками несомненного таланта», стоят «буквы или цифры: оооо» ([*Кулиш П.А.*] Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // *ОЗ*. 1852. Т. 81. № 4. Отд. 8. С. 200), В.П. Гаевский поправил его: «Это не цифры, а буква о, выставленная четыре раза, потому что она встречается четыре раза в имени и фамилии автора: Николай Гоголь Яновский» (*Гаевский 1852*. С. 146). Это возражение было сразу же принято П.А. Кулишом (см.: [*Кулиш П.А.*] Опыт биографии Н.В. Гоголя... СПб., 1854. С. 43) и, кажется, не опровергалось впоследствии (см., например: *Шенрок*. Т. 1. С. 251; *Заболотский П.А.* Гоголь в русской литературе: Библиографический обзор // *Гоголь. сб. 1902*. С. 207; *Ак*. Т. 3. С. 712; Т. 10. С. 18; *Вацуро 1978*. С. 222); и это негоголевское истолкование псевдонима послужило основой для концептуальных построений, иногда достаточно жестких. Так, И.П. Золотусский пишет: «Эволюция гоголевских псевдонимов показательна. От романтического В. Алова до неромантического П.Глечика (по-украински “гличик” — горшок), от четырех “о”, в которых зашифрованы “о” его имени и фамилии (Ник-о-лай Г-о-г-о-ль-Ян-о-вский), до Г. Янова — они путь Гоголя к читателю, муки самолюбия, страх быть непонятым» (*Золотусский И.П.* Душа и дело жизни: Очерки о Гоголе. М., 1981. С. 3). Ю.В. Манн полагает, что процесс, в ходе которого «в Гоголе пробуждается и крепнет самосознание литератора», «косвенно отражается в характере его подписи» — в своих ранних псевдонимах «он как бы кружит вокруг своей фамилии», не сразу решаясь подписаться своим полным именем (*Манн 2004*. С. 194). О.Б. Заславский считает, что «принцип построения, сближающий индивидуальное (имя) и коллективное, родовое (фамилия)», включает подпись под «Главой...» непосредственно «в круг актуальных для произведения проблем, связанных с соотношением родового и индивидуального, тождественного и различного» (*Заславский*. С. 111). Но возможно, что изначально псевдоним действительно представлял собой криптограмму имени и двойной фамилии автора (так же криптограммой «ъ. ъ. й» была подписана, например, повесть В.Ф. Одоевского в том же альманахе), последующее же истолкование его в письме матери могло объясняться отказом Гоголя от второй, полонизированной половины его фамилии (см. его письма матери от 6 февраля 1832 г. и В.В. Тарновскому от 2 октяб-

ря 1833 г.; также: *Гоголь в восп.* С. 71) в 1831 г., во время польского восстания, когда антипольские настроения в обществе подкреплялись секретными правительственными циркулярами (например, «о неопределении на должность уроженцев польских губерний» с 28 июня 1831 г.; см. *РГИА*. Ф. 735. Оп. 10. № 80); в его письмах 1831—1832 гг. косвенно отразились семейные тревоги, связанные с польским происхождением избранника его сестры П.О. Трушковского и затруднениями, возникшими, по-видимому, вследствие этого, при подготовке их свадьбы. Однако Ю.Я. Барабаш, напоминая, что «Гоголь всегда придавал огромное значение имени, фамилии, прозвищу человека», склонен скорее видеть в таком выборе «вполне сознательное стремление (...) акцентировать свою национальную принадлежность, казацкое происхождение, что совершенно соответствовало тогдашним гоголевским настроениям и интересам» (*Барабаш 1995*. С. 19).

Вызывает сомнения и утверждение Гоголя о том, что «Главу...» он «писал, бывши еще в нежинской Гимназии». С одной стороны, тема вставной новеллы о грешнике (разбойнике), через последнее и самое страшное злодеяние приходящем к покаянию и возрождению, несомненно, восходит к допетербургским, а возможно, и совсем детским впечатлениям Гоголя, таким как разговор с матерью о Страшном суде, о котором он напоминал ей в письме от 2 октября 1833 г. «Рассказ о страшном суде гулким эхом отозвался в творчестве Гоголя», — пишет Ю.В. Манн, сопоставляя далее эпизод обличений дьякона из «Главы...» с фрагментом гоголевского «Завещания» (1845), включенного в состав «Выбранных мест...» (*Манн 2004*. С. 28). «...В Малороссии ни один из вопросов христианского вероучения не получил такой детальной разработки на бытовой почве, как вопрос о страшном суде», — замечает по поводу гоголевского письма В.Э. Завитневич, и рассказ матери безусловное «передан был в той художественной форме, в какую облекло его народное воображение» (*Памяти Гоголя*. Отд. 2. С. 384—385). С другой стороны, церковная традиция вводит тему неслыханного греха и прощения в пределы обязательного покаянного опыта верующего как тему личную: «Кий бо вид греха не соделах; кое дело демонское не содеях; (...) кто не восплачет мя осужденного; аз бо един владыко (...) лукавое пред тобою сотворих, превзошед и препобедив вся от века грешники, несравненно погрешивый и непростенно», — говорится в одной из покаянных молитв, которыми сопровождается чтение Псалтири (кафизма 10). На этом общем фоне собственная история семьи Гоголя сложилась так, что легенда о раскаявшемся грешнике становилась здесь домашним преданием. Оно было связано с личностью прапрадеда писателя — Василия Танского, полковника переяславского, жестокого деспота в своих владениях, угнетавшего близких и подчиненных и наконец в результате жалоб на его обиды и разорения арестованного, наказанного после следствия публично и сосланного в Сибирь, а через семь лет, в 1742 г., прощенного и возвратившегося к семье (см.: *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей // *Памяти Гоголя*. Отд. 3. С. 8—21). «Личность Танского вообще трагическая, — пишет В.А. Чаговец, — в его жизни было столько борьбы, столько призрачного торжества порока, неправды и столько страданий! Отважный и самолюбивый, он еще в юные годы достигает славы и почестей; на высоте славы он

проявляет целый ряд жестокостей: его непреклонная воля совершает свое дело, не внимая слезам и стонам притесненных и обиженных... Но здесь правосудие совершает свой приговор (...). Дряхлым страдальцем возвратился Танский из ссылки и вызывает в нас сочувствие: такова очистительная сила человеческих страданий. Не таковы ли герои Шекспира, и в особенности Лир? (...) Так и Василий Танский уже вызывает наши симпатии по возвращении из ссылки, и его слова о Правосудии и о Возмездии, как исходящие из глубины души, остаются в нашей памяти; а сам он, умирая и исполнив долг христианина и гражданина, примиряется с Богом, миром и нами» (там же, с. 21). Именно после возвращения Танского, человека, «который пострадал за свою неправду и из всей своей многотрудной жизни вынес одно: все суета, и над всеми нами царит Божественная справедливость» (там же, с. 20), и после прихода в семью в том же году женившегося на дочери Танского Семена Лизогуба «с его бесконечною добротою, христианским братолюбием и терпимостью» (письма его, замечает В.А. Чаговец, «проникнуты религиозно-мистическим настроением и (...) могут напомнить нам письма Н.В. Гоголя, в последний период его жизни: та же проповедь любви к ближнему, та же покорность воле Божией и ожидание наказания за грехи»), в ней воцарилась та доходящая до мистицизма религиозность, которую В.А. Чаговец считает фамильной чертой Гоголей и которую унаследовала дочь Лизогуба, бабушка Гоголя Татьяна Семеновна (см. там же, с. 24). Домашнее предание корреспондировало с фольклорными и письменными источниками, из которых Гоголь мог заимствовать сюжетно-символические элементы, такие как, например, «мотив о прозябшей ветви» (см.: Яцимирский А.И. Сказания о разбойниках, спасшихся покаянием, в старой южно-славянской и русской письменности // Изв. ОРЯС. 1911. Т. XVI. Кн. 2. С. 250), в трансформированном виде давший гоголевскую мертво-призрачную сосну — сначала орудие кары грешника, затем знак совершившегося искупления. Другим источником допетербургского происхождения была для Гоголя малорусская драма, давшая ему образ странствующего дьяка. «Это братия, вечно бродящая в поисках скудного заработка, ищущая причислиться к клиру какой-нибудь церкви, занять должность в школе, не брезгающая заработком от представлений и ремесла. У них нет ни приличной одежды, ни куска хлеба» — так характеризует этот преимущественно комический тип В.А. Розов; дьяку присущи «бедность, жадность на подачки, мнимая ученость и велеречие», которое «не покидает молодых питомцев мудрости даже в самые затруднительные моменты их жизни»; в тексте западного происхождения к этим чертам добавляется волокитство (Розов 1911. С. 154—156). Тип этот в тех или иных вариациях появлялся во многих произведениях Гоголя — от «Страшного кабана» и повестей «Вечеров...» до петербургских отрывков, «Вия» и даже «Тараса Бульбы», очевидно интересен и даже близок автору и при выражено комическом внешнем контуре способен обнаруживать неожиданный внутренний объем; природа этой странности проясняется в «Главе...», где Гоголь ориентируется на особняком стоящий на фоне общей комической традиции «идеальный образ дьяка-мученика, убитого ляхом» (там же, с. 155), в четвертой интерлюдии к школьной драме Г.Конисского «Воскресение мертвых» (1746); здесь «лях "... и дьячка молодого шаблею порубав, и втек конем". Мужики с

помощью колдовства ловят убийцу (...) топят ляха в болоте». В пятой интерлюдии «душа утопленного шляхтича не может попасть в чистилище, по мнению ксендза, не за убийство православного дьяка, а вследствие смерти без покаяния» (*там же*, с. 154). Бесприютность, незащищенность и жертвенная обреченность скрыто присутствуют у Гоголя во многих образах этого в целом комического ряда.

К нежинским временам относится и знакомство Гоголя с некоторыми литературными источниками «Главы...», прежде всего с драматургией Шиллера, который изобразил священника, обличающего и грозящего Страшным судом, сначала среди шайки разбойников («Разбойники», д. 2, явл. 3), затем в солдатском лагере («Лагерь Валленштейна», явл. 8), оба раза в живописном противостоянии грубой и дерзкой силе, но в обоих случаях в позиции, лишенной моральной убедительности. Возможно, из «Разбойников» заимствована и переосмыслена эта ситуация в повести Сомова «Гайдамак. Малороссийская быль» («Невский альманах на 1827 г.» с этой повестью Гоголь послал сестре 2 октября 1827 г., см.: *Мат. и иссл. 1936*. Т. 1. С. 355); вместо шиллеровского патера, который, грозя посмертными муками, предлагает разбойникам сдаться властям или выдать им атамана и получить прощение, у Сомова изображен инок, старец Питирим, который, «забыв свою старость и слабосилие, забыв, что сам может сделаться жертвою христианского сострадания», безуспешно пытается заступиться за пойманного гайдамаками еврея Лейбу, продавшего их атамана Гаркушу поветовому начальству: «Но старец Питирим не робко подошел к ним, и гайдамаки, из невольного уважения к его сану и летам, остановились. Тогда инок начал свое увещание, представил им всю важность преступления и гнев небесный, постигающий убийц» (*Сомов 1984*. С. 31). Но в «Главе...» заметны и более поздние реминисценции из опубликованного в декабре 1829 г. и вызвавшего всеобщий восторг романа Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Здесь тоже есть страшный памятник злодеянию — хутор в глухом лесу, построенный на месте древней пустыни, разграбленной еще татарами: «...никто не смел и близко к ней подходить... каждую ночь перерезанные монахи встают и з могил и сходятся служить сами по себе панихиду...»; есть встреча с бродящими по лесу призраками: «Один старик (...) божился, что своими глазами видел, как целый ряд монахов в черных рясах, со свечами в руках, тянулся вдоль ограды и, обойдя кругом всей пустыни, пропал над самым тем местом, где и до сих пор видны могилы»; есть пан, осмелившийся построить свой хутор в проклятом месте: «Он был, не тем помянуто, какой-то еретик (...) ничем не лучше тех некрещеных бусурман, которые разорили пустынь»; есть разбойная шайка, защищающая своего пана, и главарь ее, приказывающий повесить на сосне, правда, не священника, но человека, которого издевательски называет крестным: «А скажи-ка, крестный батюшка, — спросил Омяш, — зачем ты сюда зашел? Уж не прислали ли тебя нарочно по выведавать, где наш боярин? (...) Ну, что стали, ребята? Удалой! тащи его к сосне да втяните на самую макушку: пусть он оттуда караулит пчельник!» (*Загоскин 1987*. Т. 1. С. 200—201, 203). Гоголь приехал в Петербург, по-видимому, только с набросками романтической «идиллии» «Ганц Кюхельгартен», но никак не с историческим романом; зарождение украинского замысла в его творчестве

прослеживается на материале писем не ранее лета 1829 г. и обусловлено именно петербургскими впечатлениями, в том числе и всеобщим в столице интересом к «всему малороссийскому» (см. об этом: *Пиксанов 1933*. С. 49—67; а также: т. 1 наст. изд., с. 591—597); здесь, на стыке двух культурных традиций, Гоголь по-новому оценил возможности украинской темы во внешнем противопоставлении, но в глубокой внутренней связи ее с темой петербургской. Ю.В. Манн показал, что «Глава...» содержит признаки не начального, а более позднего этапа гоголевской трактовки темы, когда господствующая установка на этнографизм уже не является для него преобладающей и разрушается изнутри с помощью образа автора, который предстает здесь не только как «беспристрастный историк (...) как этнограф и бытописатель», устанавливающий «отличия прошлого и настоящего», но стремится и «выявить некую общечеловеческую или, по крайней мере, общенациональную черту». В качестве примера приводится эпизод, где Лапчинский «с каким-то грустным чувством» рассматривает старуху: «От “грустного чувства” Лапчинского сделан незаметный переход к авторскому переживанию, а ведь последнее — одно из самых кардинальных, устойчивых на протяжении всей его жизни. Приведенное место прямо предвосхищает (...) все, что напишет потом Гоголь о старости, в лирическом ли отступлении по поводу Плюшкина (“Грозна, страшна грядущая впереди старость...””) или в повторяющихся замечаниях о “том роковом возрасте жизни, когда все становится ленивей в человеке”». Старость видится Гоголю как «обманчивая жизнь, сохранение ее оболочки при утрате или выхолащивании сущности»; с ней он связывает автоматизм и марионеточность поведения, а также такие темы, как погребение заживо, гальванизирование умершего, оживление мертвого, в той или иной мере затронутые им в своих произведениях, в том числе и применительно к искусству. Тематически близок первому и другой анализируемый Ю.В. Манном пример «расширения переживаний персонажа до авторских» — также глазами Лапчинского увиденная «сосна, на которой принял мученическую смерть дьякон и которая как бы стала центром всего окрестного “окаянного места”»: «Сосна — некий аналог “старухи”, ибо ее жизнь также призрачна; но в этом своем качестве она еще подобна “мумии”, то есть продукту не природы и естества, а человеческой деятельности — ремесленничеству в сфере искусства. Между настоящим искусством и мнимым (“суетным”) такое же различие, как между жизнью и подделкой под нее или ее бесполезной гальванизацией. Гоголь впервые проводит грань между живым творчеством и мертвым копированием — тема, которая затем во весь рост встанет в “Портрете”» (*Манн 2004*. С. 200—202). Можно предположить, что сама тема пугающей и грозной старости, являющаяся модификацией очень ранней и впоследствии сквозной гоголевской темы самоосуществления на предначертанном попрехе и ответа на посмертном суде, могла с такой остротой возникнуть в его произведениях не в юношеские, полные надежд и беспредметных пока опасений годы, а лишь в результате петербургского опыта, после первых пережитых здесь реальных неудач (см. его письма матери от 24 июля 1829 г. и 3 июня 1830 г.); точно так же и тема искусства как подделки жизни могла, конечно, волновать Гоголя еще в гимназии, когда он впервые начал заниматься живописью, но более вероятно, что ее появление было связано с петербург-

скими занятиями в Академии художеств, о которых он сообщает матери во второй половине 1830 г., — именно тогда он оказался в кругу, где эта тема заинтересованно обсуждалась. Петербург наложил свой отпечаток и на изобразительный ряд «Главы...» — Украина, обычно у Гоголя представленная во всей роскоши природного изобилия и в противопоставлении северной столице, здесь странно двойственна; украинский ландшафт по-осеннему оголен и в глазах путника получает черты петербургских окрестностей, какими они впечатались в сознание впервые увидевшего их писателя: «кочки и пни», «раздетые безжалостною осенью деревья (...) как решето», дрожь «от вечернего холода», темнеющее сквозь обнаженный лес небо, «резкий ветер (...) с поля», встречный в тулупе, служащем «непроницаемыми латами от холода» (о связи этого определения с темой «Шинели» см.: *Гоголь 1994. Т. 3–4. С. 477–478*), и с лицом «какого-нибудь упыря, выказывавшимся по временам из непробудного болотного тумана», — все это легко идентифицируется с «пространством высохшего болота» «на краю света, куда «забросило русскую столицу» («Петербургские записки 1836 года»); наконец, о сосне прямо сказано: «суровая жилища Севера», и удивление увидевшего ее здесь героя подтверждает намеренный характер этой откровенно чужеродной поэтике украинских повестей изобразительной экспансии. В пределах фрагмента она выглядит немотивированной, однако за ней угадывается пласт историко-философской и культурной проблематики, связанной с петербургской темой.

По-видимому, именно в этих глубинных своих моментах «Глава...» при первом появлении ее в *СЦв* произвела впечатление на В.Ф. Одоевского. И тема старости как подведения неутешительных итогов жизни, и тема предела, положенного искусству в его отношении к действительности, были собственными темами Одоевского. Гоголевская сосна — преследующий преступника и принуждающий его к раскаянию образ греха — очевидно отразилась у Одоевского в его образах греха эстетического — так же неотступно преследующих художника (архитектора) самонадеянных творениях его фантазии: «...Духи, мною порожденные, преследуют меня: там огромный свод обхватывает меня в свои объятия, здесь башни гонятся за мною (...). Иногда заключают они меня в мои собственные темницы, опускают в бездонные колодцы, куют меня в собственные мои цепи, дождят на меня холодную плесенью с полуразрушенных сводов, — заставляют меня переносить все пытки, мною изобретенные (...) и между тем, жестокие, прядают, хочотч вокруг меня, не дают умереть мне», — говорит герой повести «Opere del cavaliere Giambattista Piranesi» («Труды кавалера Джамбаттисты Пиранези», 1831); при этом Одоевский приближается к своему источнику вплоть до прямого узнавания: «...Но пришло же вам в голову открыть передо мною проклятую книгу (...) я видел ясно, как одна из пиластр храма, построенного в середине Средиземного моря, закивала на меня своей косматой головою...» (*Одоевский 1988. С. 73, 74*). В напряженно-морализаторском духе, несомненно близком Гоголю, трактуется тема бесплодно прожитой жизни в повести Одоевского «Бригадир» (1832), фантастика при этом редуцируется до простой метафоры. Здесь рассказывается о смерти «одного из тех людей (...) которые умирают, не оставив по себе ни одной мысли,

ни одного чувства»; образ его начинает преследовать воображение автора: «Тщетно хотел я бежать, тщетно закрывал лицо руками; мертвец всюду за мною, смеется, прядает, дразнит мое отвращение и щеголяет передо мною каким-то родственным со мною сходством» (*там же*, с. 74–75). В рукописи повесть называлась «Русский Пиранези» — таким образом автор отмечал парность двух произведений, разрабатывавших темы, в прямом сопоставлении представленные в гоголевском фрагменте (о влиянии, в свою очередь оказанном этими произведениями Одоевского на повесть Гоголя «Портрет», см. коммент. к ней). Примечателен вероятный отголосок «Главы...» в романе М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831), где были описаны «направо и налево сплошная стена из черных сосен, и кой-где высокие березы, которые, несмотря на темноту, белелись, как мертвецы в саванах» (*Загоскин 1987. Т. 1. С. 419*); здесь же происходит разговор героя с проводником о расстояниях и о польских милях, заставляющий вспомнить аналогичный диалог у Гоголя.

Таким образом, имеется достаточно оснований для того, чтобы признать петербургское происхождение «Главы...». Гоголевское же письмо матери от 21 августа 1831 г. следует, по-видимому, рассматривать по аналогии с авторскими предисловиями — как одну из первых, но характерных для Гоголя впоследствии попыток подготовить и скорректировать восприятие своего произведения и представление о его авторе. Письмо давало ключ и к другому псевдониму писателя — тому, которым была подписана глава «Учитель» из малороссийской повести «Страшный кабан»: «Употребленный здесь псевдоним *П. Глечик* (а не просто *Глечик*, как сказано в “Отечественных Записках”), — писал В.П. Гаевский, продолжая дополнять данные П.А. Кулиша, — имеет то основание, что в историческом романе, из которого напечатана глава в “Северных Цветах”, одно из действующих лиц — миргородский полковник *Глечик*» (*Гаевский 1852. С. 146*). «... Таким образом читателю давался намек на принадлежность обоих произведений одному лицу», — пишет Ю.В. Манн; и оба они «свидетельствуют об укреплении его самосознания и позиции как писателя» — писателя-романиста, если вслед за Пушкиным понимать роман как «историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании», будь то «эпоха борьбы Украины с Польшей за свою государственную и национальную самостоятельность» или гоголевская современность с ее характерологическими и временными переменами; в дальнейшем параллелизм работы сразу над «двумя различными по стилю вещами — условно говоря, историко-героической, высокой, и бытовой, низкой (...) станет постоянным для Гоголя» (*Манн 2004. С. 194, 198, 203, 206*). О.Б. Заславский полагает, что имя героя, сделанное также и псевдонимом автора, выбрано не случайно: глечик — «кувшин, т. е. сосуд: предмет, в который при неизменности его формы может быть помещено какое угодно “содержание”» — оказывается «иконическим знаком» тех свойств, какие, по наблюдению исследователя, присущи изображенному в «Главе...» миру, начиная с неопределенности дорожных указаний и самого поручения, пока чисто внешней и рациональной. Как и Ю.В. Манн, О.Б. Заславский говорит о парности соединенных с помощью псевдонима произведений: «Мир “Главы” и мир “Учителя” соотносятся как сверхизменчивость и окостенелость; форма, способная заключать в себе любое содержание, и

форма, не имеющая никакого содержания. Подпись “П. Глечик” связывает оба произведения, заостряя их противопоставление» (см.: *Заславский*. С. 105–107, 110–111).

Возможно, однако, что степень безразличия сосуда к наполнению преувеличена в последнем исследовании и за формой псевдонима для Гоголя стояло вполне конкретное содержание, существенное для понимания замысла романа. Ведь если имя Глечик способно в сознании Гоголя замещать и представлять его собственное имя в качестве подписи под публикацией, то оно, вероятно, каким-то образом соотносимо с его собственным и в качестве имени героя, — другими словами, можно предположить, что замысел гоголевского романа изначально содержал в себе автобиографический момент, воплотившийся прежде всего в центральном образе. В качестве прототипа героя «Главы...» следует при этом рассматривать, конечно, не писателя Гоголя, а, как можно догадаться, полковника Евстафия (Остапа) Гоголя, к образу которого Вс. Вишневский не только возводил гоголевского Тараса Бульбу, но и видел в нем, как и во всей «сословной и семейной атмосфере, питавшей (...) думы и образы» писателя, «корни удивительнейшего житейского, бытового, художественного и остро враждебного по сути проникновения Гоголя в военную среду России» (*Вишневский 1934*. С. 49–50). «Остап Гоголь, могучий полковник вольной Украины, до конца своей жизни верный гетману Дорошенке, старый упрямый боец, с горстью казаков бьющийся на опустелом берегу Днепра против турок, бьющийся неистово и грозно за каждый шаг и медленно прорубавший себе путь до Вены, до последнего великого побоища креста с полумесяцем, — таким примерно был Остап Гоголь — предполагаемый прапрадед писателя. Такой прапрадед мог породить Тараса Бульбу. И вовсе не важно, что Остап Гоголь рубился вместе с ляхом Собесским, а Тарас Бульба против ляхов, — говорится в статье Вс. Вишневского. — Образ, тип был, существовал в двухвековом отдалении, в приднепровских и приднестровских степях, существовал понятный, кровный. И он ожил волей художника» (*там же*, с. 50).

Евстафий Гоголь, живший в XVII в. и считавшийся первым в роду, не был прапрадедом Н.В. Гоголя — называя его так, Вс. Вишневский опускает еще два поколения между ними; это отдаленное родство было к тому же недостоверным, и связанные с его признанием хлопоты так и не были официально завершены при жизни писателя (см. письмо Гоголя к М.И. Гоголю от середины февраля 1849 г.; также см.: *Ак*. Т. 14. С. 389). Полковник Гоголь, как описывает его Ю.Я. Барабаш, был одним из сподвижников Богдана Хмельницкого, а после его смерти доверенным лицом гетмана Петра Дорошенко (1627–1698) в делах военных и дипломатических, «одно время и самого Остапа Гоголя мы видим наказным правобережным гетманом»; это была «натура, как можно судить по разрозненным свидетельствам, недюжинная, пылая, подчас безрассудная», «образчик казацкой неугомонности» (П. Кулиш), а может быть, добавляет Ю.Я. Барабаш, «и некоторой склонности к авантюризму» (см.: *Барабаш 1995*. С. 13). Имя полковника Гоголя в связи с различными событиями встречается во многих исторических источниках, в том числе в «Истории Русов» (см. о ней в коммент. к статье «О составлении Малороссии»), причем «нередко с присовокуплением полярных характеристик — то это верный слуга Москвы, то

тайный или явный симпатизант и пособник Варшавы. (...) Его имя упоминается среди присягавших московскому царю в январе 1654 года, но его же мы видим и в числе тех авторитетных представителей казацкой старшины (...), которые отвергли как унижительные, неприемлемые для Украины соглашения (...) с Москвой на второй Переяславской раде в 1659 году» (там же, с. 14). Таким образом, отмеченная О.Б. Заславским в герое «Главы...» «способность к трансформациям», «неопределенное, неоднозначное или изменчивое содержание», судя по всему, является реальной характеристикой исторического и далеко не безразличного Гоголю лица; осмысление этой реальности как раз и порождает сюжет, в котором центральное место занимали темы верности и предательства, патриотизма и измены, по-разному представленные в «Страшной мести», в отрывках исторического романа и затем в «Тарасе Бульбе», причем в последних двух случаях, а также, по-видимому, в задуманной Гоголем позднее драме «за выбритый ус» (см. наст. изд., т. 5) сюжет этот содержал специфический момент если не оправдания, то объяснения измены — страстью к женщине, пережитым оскорблением; в «Тарасе Бульбе», кроме того, измене Андрия на переднем плане отзывается в узоре фона эпизод как бы вычеркнутой из истории и стертой в памяти народа измены — рассказ об атамане Мосии Шиле (об этой параллели см.: Гуминский В.М. «Тарас Бульба» в «Миргороде» и «Арабесках» // Н.В. Гоголь: История и современность. М., 1985. С. 256—257).

Ю.В. Манн полагает, что «Гоголь не имел обыкновения приобщать своих предков к персонажам исторического сочинения», даже «по аналогии с восхищавшим его пушкинским “Борисом Годуновым”»; такой важный для Пушкина мотив введения реальных биографических фигур в художественное повествование, как «самоутверждение автора, когда притязаниям людей незнатных, пришлых, неродовитых противопоставлялась прочная укорененность (реальная или мнимая — другой вопрос) в своей истории», не существует для Гоголя. «Мы сталкиваемся в данном случае с совершенно другим типом ориентации, да и с другим типом психики», — говорит Ю.В. Манн; «родовую гордость» в Гоголе умаляло «гордое сознание своего призвания», причем первостепенной для писателя становится задача утвердить свою «причастность общероссийской стихии, по отношению к которой польское начало мыслилось им как чуждое, а украинское — как часть целого» (Манн 2004. С. 15—16). Но если справедливо это противопоставление Гоголя Пушкину — автору «Бориса Годунова», то применительно к Пушкину — автору «Арапа Петра Великого», которому он не успел дать название и отрывки которого публиковал как «главы из исторического романа» (ср. об этом: Денисов 2006. С. 39), отмеченное расхождение оказывается внешним или даже снимается вовсе: в обоих случаях герой, сохраняя национальную и личную характерность, становится проводником, медиумом именно общероссийской истории в важнейших, магистральных ее потоках. Различия связаны скорее с материалом: обосновывающая родословную Гоголя грамота, по которой польский король Ян Казимир жаловал в 1674 г. «Гоголю, полковнику Могилевскому, “wies” Ольховец за то, что тот, во-первых, снова вернулся к нему на службу, и во-вторых, за то, что он, Гоголь, сдал полякам Могилевскую крепость (Могилев здесь разумеется Подольский)» (Лазаревский. С. 7), содержала историю двойного предательства (под-

тверждаемого и другими историческими свидетельствами; см.: *Шенрок*. Т. 1. С. 28–30; *Лазаревский*. С. 7–8), и путь от нее к «Тарасу Бульбе» (образ которого американский исследователь Л. Стилмен склонен интерпретировать как акцию покаяния автора за «грех» службы своего предка на стороне поляков; см.: *Барабаш 1995*. С. 18) был не близок.

Еще В.И. Шенрок считал, что Гоголь «никогда не интересовался, подобно Пушкину, своей генеалогией» (*Шенрок*. Т. 1. С. 27); по мнению Ю.В. Манна, в вопросы генеалогические он не вникал, «к традиционным ошибкам прибавил и свои собственные» и едва ли «вообще замечал какую-нибудь аномалию в своей генеалогии», в которой обнаруживалось «немало (...) неясного, запутанного, а то и просто фантастического» (*Манн 2004*. С. 10, 13–14). Один из таких сомнительных моментов состоял в том, что при внесении фамилии Гоголей-Яновских в родословную книгу в 1784 г. со слов деда писателя Афанасия Демьяновича было записано, что род происходил от полковника Андрея (а не Евстафия) Гоголя; «между тем такое лицо совершенно неизвестно», замечает Ю.В. Манн и предполагает здесь даже не простую ошибку Афанасия Демьяновича (А.М. Лазаревский считал, что тот принял за имя полковника упомянутое в начале грамоты имя прежнего владельца Ольховца Андрея, или *Adryan'a Jaczumirski*; см.: *Лазаревский*. С. 7), а сознательное намерение его «не докапываться до истины и удовлетвориться нарочитой двусмысленностью документов, которая явно играла ему на руку» (*Манн 2004*. С. 12). О том, что по крайней мере один сомнительный момент в родословной был замечен Гоголем, свидетельствует наблюдение И.П. Золотусского, сопоставившего это расхождение имен с именами обоих сыновей Бульбы (см.: *Золотусский 1998*. С. 8); а что обнаруженное совпадение не просто случайность, можно заключить по той последовательности, с которой и другие «аномалии», разрывы в родословной писателя находят соответствия в тех или иных элементах задуманного им исторического романа, играя в нем своеобразно сюжетобразующую роль. Так, полковник Евстафий Гоголь был на протяжении своей жизни связан с многими историческими деятелями: Богданом Хмельницким, Иваном и Данилой Выговскими, Петром Дорошенко, однако Глечик в «Главе...» изображен в некоторой предполагаемой сюжетной коллизии не с ними, а с Казимиром — по-видимому, с тем самым польским королем Яном Казимиром, который, судя по вышеупомянутой грамоте, наградил его прототипа именем Ольховец; но выясняется, что хотя оно, как установил А.М. Лазаревский, «действительно могло быть жалуемо королем в 1674 г., потому что в это время значитя в числе королевских имений» (*Лазаревский*. С. 7–8), но получить его от Яна Казимира полковник Гоголь не мог, поскольку тот, замечает Ю.В. Манн, «еще шестью годами раньше отрекся от престола и уехал в Париж. Реального Евстафия Гоголя награждал другой король, Ян Собеский, владевший польским престолом (под именем Яна III) после 1673 года» (*Манн 2004*. С. 12). Сразу же за этим в родословной обнаруживается новый и, кажется, самый существенный разрыв: оказывается, и о своем деде Иване (Яне) Гоголе Афанасий Демьянович сообщает сведения неточные. «Неточность заключается в том, что Афанасий Гоголь называет “Яна” сыном Прокофия и что он, называя “Яна” шляхтичем, не говорит о том, что этот дед его был таким же священником

с. Кононовки, как и отец», — пишет А.М. Лазаревский, ссылаясь на «юридические акты, свидетельствующие, что Ян Гоголь по отцу назывался не Прокофьевичем, а Яковлевичем, и что он же, Ян, в 1697 г. был викарием Лубенской Троицкой церкви, а в 1723 г. священником с. Кононовки» (Лазаревский. С. 9). Прокофий (Прокоп) был сыном полковника Гоголя; рядом с ним в родословной вынужденно, вопреки сообщению Афанасия Демьяновича, появляется имя Якова, которого А.М. Лазаревский предположительно считает сыном или братом Прокофия (*там же*, с. 10); на каких данных мог основываться Гоголь, не известно, но своему Глечуку он приписывает как раз двоих взрослых сыновей, без имен, безвестно сгинувших на чужбине. По мнению А.М. Лазаревского, Афанасий Демьянович «умышленно скрыл факт священничества своего деда Ивана, потому что не любила перерождавшаяся в дворянство козацкая старшина связывать свое происхождение с лицами духовного и посполитого состояния. Поэтому священники превращались в “польских шляхтичей”, а какие-нибудь бургомистры — в сотников» (*там же*); некоторую аналогию такому превращению предложил, возможно, Гоголь в истории пана, который «стал схимником», искупая грех, а куда делся прощенный, «этого никто не скажет вам». Зеркально, неизвестно откуда, появляется священник в родословной Гоголя, и именно здесь возникает зияющий разрыв преемственности, который выразительно описывает А.М. Лазаревский: «...Родоначальником Гоголей должен считаться Евстафий Гоголь, полковник сначала Подольский, а потом Могилевский. Он был жив еще и в 1674 г., имел в это время уже взрослого сына Прокофия. Затем в конце XVII в. является священник Иван Яковлевич, которого связывает с полковником Гоголем только семейное предание, предание не совсем точное уже и потому, что оно отцом этого Ивана называет сына полковника — Прокофия, а не Якова, указываемого в “ставленной” грамоте. Был ли этот Яков сыном или братом Прокофия — остается неизвестным. Следует полагать, что Иван Яковлевич должен был происходить от полковника Гоголя, потому что у него по-видимому сохранилась королевская грамота на Ольховец, представленная затем внуком его в депутатское собрание. Иван Яковлевич имел одного сына Демьяна, а у Демьяна, именовавшегося уже не Гоголем, а Яновским, было два сына, Кирилл и Афанасий. Первый из них, Кирилл, унаследовал от отца Кононовский приход, а второй, Афанасий, пошел по другой дороге» (*там же*, с. 10—11). Именно от этого зияющего провала в родословной, от неизвестно откуда появившегося Ивана (Яна) Яковлевича и произошла фамилия Яновские (см.: *Шенрок*. Т. 1. С. 30), которую только Афанасий Демьянович ценой таких усилий связал воедино с фамилией Гоголь. По мнению Ю.В. Манна, «этот разрыв мало беспокоил самого Гоголя»; в подтверждение исследователь цитирует письмо Гоголя матери, написанное в середине февраля 1849 г., где по поводу ее тревог «насчет герольдии» сказано: «Все это суший вздор», а полковник Гоголь ошибочно назван Яном (*Манн 2004*. С. 13—14); но письмо это, во-первых, написано по частному поводу, возражает Ю.Я. Барабаш, и, во-вторых, относится к последнему периоду жизни Гоголя, когда «им целиком овладели вопросы религиозно-нравственного порядка» (*Барабаш 1995*. С. 17—18). Сама оговорка Гоголя, слившего воедино полковника Евстафия со священником Иваном Яковлевичем,

знаменательна; вряд ли случайно и то обстоятельство, что в повести «Нос» персонажу, послужившему причиной всего неясного и фантастического, Гоголь после некоторых отраженных в черновиках колебаний дал имя своего предка: «Цырюльник Иван Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте (фамилия его утрачена, и даже на вывеске его — где изображен господин с намыленной щекою и надписью: “и кровь отворяют” — не выставлено ничего более)».

Отрывок последовательно включался Гоголем в оба плана *Ар.* с названиями «Глава из романа» и «Глава из Историч(еского) Ром(ана)»; в сборнике был напечатан с датой «1830» и с примечанием: «Из романа под заглавием: Гетьман; первая часть его была написана и сожжена, потому что сам автор не был ею доволен; две главы, напечатанные в периодических изданиях, помещаются в этом собрании», объединявшим «Главу...» со вторым историко-беллетристическим отрывком в сборнике — «Пленник» в качестве частей единого произведения. Стилистическая обработка текста при подготовке его для *Ар.* не была значительной; слова, выделенные в тексте *СЦв* курсивом как украинизмы, в *Ар.* даны обычным шрифтом, и не все подстрочные объяснения их значений вошли в сборник; таким образом был снят специфический отпечаток этнографизма, намеренно культивировавшегося Гоголем в 1830 г. по примеру украинских повестей Сомова. По всей вероятности, эта окончательная отделка текста производилась в связи и одновременно с работой над отрывком «Кровавый бандурист» и подготовкой его к несостоявшейся публикации в *БдЧ*. Видимо, именно тогда Гоголь включил оба названия во второй план *Ар.* и еще до запрещения цензурой «Кровавого бандуриста» в конце февраля 1834 г. написал объединяющее их примечание, библиографическая часть которого, вызывавшая впоследствии недоумение исследователей, так и не была исправлена в рукописи «Главы...»; это может быть объяснено тем, что текст запомнился Гоголю как совершенно готовый и больше он к нему не возвращался.

«Глава...» и «Пленник» в *Ар.* были замечены Белинским, упомянувшим их в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» как «два отрывка из романа», о которых «нельзя судить как об отдельном и целом создании», но которые «вполне могут служить залогом тех надежд», которые критик связывал в первую очередь с повестями *Ар.* и «Миргорода» (*Т.* 1835. Т. 26, № 8; *Белинский.* Т. 1. С. 306). Вообще же гоголевское примечание, разрушающее самодостаточность фрагмента, в качестве которого «Глава...» появилась при первой публикации, и представляющее ее как часть реального незаконченного произведения, не привлекло внимания критики при выходе *Ар.*, зато вызвало повышенный интерес библиографов и историков литературы после смерти автора. В.П. Гаевский первым пересказал предложенный Гоголем сюжет о сожженном романе под названием «Гетьман», из которого уцелели две главы (см.: *Гаевский 1852.* С. 146), и поставил вопрос о поисках первой публикации отрывка «Пленник» (см. коммент. к нему). В.И. Шенрок на основании письма Гоголя матери от 21 августа 1831 г. уверенно относил «написанный им и потом уничтоженный роман» к нежинскому периоду; он видел в «Главе...» действительно «фрагмент, уцелевший от крупного произведения, вероятно одного из тех, которые Гоголь помещал в рукописном лицейском журнале “Звезда”», и предположил, что «роман,

привезенный в Петербург вместе с “Ганцем Кюхельгартеном”, после решительной неудачи с идиллией, подвергся одинаковой с ней участи (...). Замечательно, что пробы сильного дарования видны уже и в этом еще совершенно незрелом произведении. В том виде, несомненно значительно исправленном и измененном, в каком мы читаем теперь главу из исторического романа, она представляет много изящных выражений, чрезвычайно художественных и часто неожиданных сравнений; местами, среди многих недостатков, глава эта блещет перлами истинно гоголевского юмора и обличает мастерскую кисть первоклассного писателя, но в общем все-таки представляется чрезвычайно вялой и бесцветной, в сравнении хоть бы с первыми же рассказами “Вечеров на хуторе”»; она «должна служить любопытным материалом для изучения художественного развития Гоголя, так как в ней везде видны следы борьбы художественных приемов с некоторой юношеской неопытностью, но самостоятельного интереса роман, конечно, не мог бы представлять» (*Шенрок. Т. 1. С. 251–252*).

И.М. Каманин задолго до публикаций Г.Н. Георгиевского, утвердивших новую репутацию Гоголя как историка, заговорил о «глубоком понимании исторической правды» в его повестях, рисующих быт козачества; при этом он полагал, что «повести, сохранившиеся в отрывках, имеют более права называться историческими, чем сохранившиеся в цельном виде», поскольку «более поздние произведения из прошлого Малороссии основаны на малорусских поверьях, преданиях, думах и песнях», тогда как «первые юношеские исторические романы и повести поэта основаны, главным образом, на летописях; эти произведения подверглись опале впоследствии, когда Гоголь изверился в летописях, как незыблемом источнике для истории» (*Каманин. С. 97, 113*). Исследователь полагает возможным хронологически точное определение действия «Главы...» — здесь «представлено смутное время, последовавшее в Украине за смертью Богдана Хмельницкого». «...Поэт изображает в этом отрывке затруднения в пути посла, отправленного из Варшавы королем Яном-Казимиром к Миргородскому полковнику Глечуку, — пишет И.М. Каманин. — Так как сношения польского правительства с видными деятелями Левобережной Украины начались только в это время, то, я думаю, мы вправе относить этот отрывок к гетманству Выговского, то есть до 1659 года; Миргородским полковником был тогда не Глечик (это — имя, вымышленное поэтом), а Лесницкий; имя же польского посла Лапчинского — действительное; оно взято Гоголем лишь из более позднего времени: Лапчинский был послом от Подольского воеводства к воеводам Шереметеву и Ромодановскому в 1706 г.» При этом И.М. Каманин отрицает всякую возможность воспринимать два исторических отрывка в *Ар.* как части единого произведения; «Пленник», по его мнению, «вопреки утверждению биографов Гоголя, должен быть признан остатком несохранившегося романа с совершенно отдельным сюжетом» (*там же, с. 98–99*).

Несмотря на множество предположений, никаких сколько-нибудь обоснованных ответов на загаданную Гоголем при помещении «Главы...» в *Ар.* загадку дано не было. «Генезис романа оставался таким образом совершенно необъясним, композиция представлялась на редкость сложной, самый сюжет, поскольку определялся он данным Гоголем заголовком, был

спорен, никакой связи между напечатанными «главами» не замечалось, о «Гетьмане» ни в одной из них не было и речи, наконец, ссылка Гоголя на прежнее появление отрывков в печати к «Пленнику» ни в коем случае не могла относиться: до «Арабесок» он, как известно, нигде помещен не был», — пишет Ю.Г. Оксман, формулируя проблему в том виде, как она рисовалась до 1917–1919 гг., когда были опубликованы запрещенный цензурой конец «Пленника» и материалы, связанные с несостоявшейся журнальной публикацией этого отрывка (см. коммент. к «Кровавому бандуристу»), и появились новые основания для обсуждения состава и замысла гоголевского исторического романа. Место «Главы...» в этой новой картине исследователь определил как незначительное — она, по его мнению, «совершенно не примыкает к основному стержню романа»: «Главу эту, самое большее, следует рассматривать лишь как один из подготовительных этюдов к «Гетьману», впоследствии, возможно, и получивший бы в романе некоторое эпизодическое значение, подобное, например, мало известному наброску, изображающему ставку козацкого полковника» (Оксман 1919. С. 348, 350). Таким образом, и И.М. Каманин, и Ю.Г. Оксман, не в равной степени располагавшие материалом и поэтому по-разному представлявшие себе замысел «Гетьмана», тем не менее оба вопреки ясно выраженному свидетельству автора отрицают возможность объединения двух помещенных в *Ар.* историко-беллетристических отрывков в пределах общего сюжета. Также и И.Я. Айзеншток, в 1938 г. впервые объединивший в составе гоголевского полного собрания сочинений все связывавшиеся с этим замыслом отрывки под названием «Гетьман», признавал, что отношение «Главы...» к замыслу в целом «остается неясным»; она «характеризуется скудостью собственно исторических деталей: интерес ее для самого автора сосредоточивается на фигуре полковника Глечика», тогда как «фигура второго действующего лица отрывка, шляхтича Лапчинского, равно как и хронология событий, остаются непоказанными, неосвещенными»; но уже здесь, как позднее в «Тарасе Бульбе», писатель компенсирует эту скудость «широким использованием фольклорного материала»: «Несомненно фольклорную основу имеет и рассказ (...) о закланной сосне. (...) Сосна, на которой был повешен дьякон, соответствует осине легенд; мотив о покаянии пана имеет ряд аналогий в рассказе о покаянии разбойника, восходящих (...) к апокрифам о крестном древе» (Ак. Т. 3. С. 713–715).

Замечание И.Я. Айзенштока о скудости исторических деталей в «Главе...» получило развитие в работе В.П. Казарина, который отмечает в ранних повестях Гоголя целенаправленное «стремление автора лишить исторический фон повести конкретности»; в них «немногочисленные детали и подробности, характеризующие время (...) как правило, основаны на свидетельствах «Истории русов», тогда как «общее содержание исторической эпохи осмыслено в соответствии с позицией по этому вопросу, изложенной Д. Бантыш-Каменским»; эта неслиянность «исторического фона повестей и их проблематики» будет позднее преодолена «через выработку единой исторической концепции, охватывающей и фактическую и содержательную стороны произведения», тесно связанную «со становлением «фольклорного мышления» писателя. «Последовательно соответствуют летописи псевдо-Конисского и находят в ней параллели такие черты эпохи, как предательст-

во зажиточной верхушки казачества, жестокие расправы с православными, постоянные грабительские набеги, надругательства над верой, временные союзы даже в период унии между казаками и поляками против турок и татар»; аналогичный набор деталей обнаруживается и в «Главе...», причем они «в большинстве своем лишены конкретности, а потому им довольно трудно подобрать прямые параллели в рукописи псевдо-Конисского». Говоря о переходном характере гоголевской исторической прозы в это время, В.П. Казарин отмечает, что «Глава...» скрывает в себе «богатые перспективы развития»; в частности, примененная здесь «безлично-авторская форма сказа», при которой отсутствует конкретный рассказчик, а «всеведующий и пронизательный повествователь» в своем отношении к событиям «никогда полностью не совпадает с авторской позицией», позволяет избежать «событийной замкнутости» и композиционной однозначности; с этим типом сказа «будет связано дальнейшее развитие гоголевского творчества вообще и исторической прозы в частности» (Казарин. С. 43—45, 48—51).

С. 24. ...пересек границу, отделяющую ныне Пирятинский повет от Лубенского. — Повет — уезд, часть области или губернии, со своим управлением. Пирятин и Лубны — города в Полтавской губернии. В письме Н.Я. Прокоповичу от 8 июля 1832 г. Гоголь, приглашая друга к себе в Васильевку, описывает тот самый путь, которым едет герой «Главы...» и которым он сам возвращался из гимназии к себе в имение: «Вот тебе маршрут: из Нежина в Прилуки, из Прилук в Пирятин, из Пирятина в Лубны, из Лубен в Миргород, из Миргорода на село Устивицу в местечко Яреськи, а из Яресек всякой укажет тебе дорогу на Каменецкий мост в деревню Васильевку или Яновщину».

С. 24. ...дорога ~ проскальзывала в рытвины, царапалась по косо-роу, вешалась над провалами... — В.И. Шенрок предлагает сравнить это место с описанием украинского ландшафта в статье «О составлении Малороссии» (см. с. 83), видя здесь одну из «поразительных черт сходства между рассматриваемой главой и позднейшими произведениями» Гоголя (Шенрок. Т. 1. С. 253).

С. 24. ...какая нужда Казимиру до начальника какой-то шайки... — Ян Казимир II — польский король с 1648 г.; после присоединения в 1654 г. Украины к России пытался вновь привлечь к себе великого гетмана Хмельницкого, предлагая ему и некоторым полковникам отстать от России и присоединиться по-прежнему к Польше; многие годы стремился вернуть утраченное интригами и прямой вооруженной силой. «В 1668 г. сложил он с себя Корону Польскую и удалился во Францию, где принял игуменство над монастырем Св. Германа, умер 1672 года. Под его владычеством Польша понесла следующие уроны: Козаки присоединились к России; уступлена Бранденбургскому дому верховная власть над Пруссией; отделена Лифляндия и Эстляндия; отторжены Княжества Смоленское, Северское и Черниговское» (Бантыш-Каменский. Ч. 1. С. 48).

С. 24. ...называвшего себя полковником Миргородского полку... — «Полк Козацкий Малороссийский составлял целую Область или Провинцию, назывался по главному своему городу или местечку, и, кроме нескольких местечек, состоял из множества сел и деревень» (Бантыш-Каменский.

Ч. 3. С. 231); в ведении полковника были все военные полицейские и земские дела. Такая система была создана в 1576 г., при Стефане Батории; при Хмельницком Малороссия состояла из 17 полков, в числе которых был и Миргородский (см. там же, с. 211, 280).

С. 25. *Кобеньяк* — «род суконого плаща с пришитою назади видлогою» — «откидной шапкой» (см. гоголевский словарь малороссийских слов, т. 1 наст. изд., с. 146—147; также: *Бантыш-Каменский*. Ч. 3. С. 218). *Смурое сукно* — некрашеное сукно из мешаной темной шерсти.

С. 25. *Пищаль* — старинное тяжелое ружье, заряжающееся со ствола.

С. 25. ...*обнажив увенчанную только на верхушке кистью волос голуу...* — Ср. «Степовики стриглись как Запорожцы, то есть всю голову вокруг, оставляя над лбом длинный клочок, называемый чуприною» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 2. С. 219). По «Истории Русов», недовольство запорожцев «соединением их с Россиею, а паче обращением с ее войсками» вызвали «причины, кажется, ничего не значущие, но много подействовавшие на умы народные (...) насмешки по поводу бритья своих голов (...) называли они Козаков чубами и хохлами, а иногда и безмозглыми хохлами, а сии сердились за то до остервенения, заводили с ними ссоры частые и драки, а наконец нажили непримиримую вражду и дышали всегдашним отвращением» (*История Русов*. С. 145).

С. 25. *Ляхи* — старое название поляков. Ср. в заметке Гоголя «Западные славяне» о том, как вытесненные «славяне дунайские» вынуждены были «поселиться на Висле под именем ляхов»; далее следует выписка из летописи (по Шлёцеру): «Словене же они пришедше седоша на Висле реце и прозвашася ляхове; а инии от тех ляхов прозвашася поляне, а ляхове друзи лутичи, инии мазовшане, инии поморяне», — и заключение: «Стало быть, лях есть общее название народа» (*Ак. Т. 9. С. 37*).

С. 26. ...*далеко ли отсюда до Ромодановского шляху?* — Шлях — большая дорога. Ромодановский шлях шел с севера на юг по Левобережной Украине; был частью пути из России в Крым. Название его связывалось с событиями русско-турецкой войны, когда при двух попытках осады Чигирина турецкими войсками в 1677 и 1678 гг. воевода князь Г.Г. Ромодановский (ум. 1682) вынужден был стремительно перемещать к нему войска. «Дороги в Малороссии были тогда узкие; перевозы и мосты неудобные, не прочные. Сие заставило Российского Полководца Князя Ромодановского, в Чигиринские походы, вести войско из Путивля прямо степными местами, мимо Конотопа, Ромен и Хорола. Доселе дорога сия известна под названием Ромодановской или Ромодана, говоря словами простолюдинов» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 2. С. 211—212).

С. 26. *Не сумею, добродию, сказать...* — См. примечание Сомова к «Гайдамаку»: «Добродий — благодетель. Малороссияне, обращаясь с сим вежливым названием к человеку высшего звания или рода, говорят оное в звательном падеже: добродию» (*Сомов 1984. С. 57*).

С. 26. *Шляхетство* — мелкое польское дворянство.

С. 26. *Сула* — левый приток Днепра.

С. 26. *Мосъпане* — вельможный господин (польск.).

С. 26. ...вымолотить полкопны жита... — Жито — сжатый необмолоченный хлеб. В копну укладывали по 52—60, а местами по 80—100 снопов (см.: *Даль*. Т. 2. С. 157).

С. 26. Ворскл — Ворскла, левый приток Днепра, ниже Сулы. Гоголь пишет здесь название реки так, как оно дано в кн.: *Шафонский*. С. 12, 141; ср. там же, с. 146.

С. 26. Как не знать этой старой собаки. — В рукописи продолжено: «которая ни себе, ни другим добра на полшеляга не сделала». Шеляг (ше-лег) — неходячая монетка, бляшка; говорят: «Денег ни шелега!» (*Даль*. Т. 4. С. 627).

С. 26. Лохвица — город на р. Лохвице, правом притоке Сулы, на Полтавщине; в начале XVII в. — еще деревня, принадлежавшая кн. Вишневецкому. Вблизи неоднократно велись военные действия — при Выговском, когда зимой 1659 г. в Лохвице после выигранной битвы располагался князь Ромодановский с российскими войсками и верными ему козаками, а Миргородский полк присоединился к Выговскому, который взял Миргород в феврале 1659 г., и позднее, когда в 1663 г. король Ян Казимир двинул войска на Малороссию, неудачно пытаясь восстановить гетманство Выговского. По договору 1665 г. Лохвица должна была вместе с Ромнами «состоять при войсковой армате»; дважды была сожжена козаками Дорошенко (см.: *Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 192, 224; Ч. 2. С. 35, 36, 86, 203, 205; *Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке*. Составил Самойл Величко... Т. 1. Киев, 1848. С. 324—400).

С. 27. ...казалось лицом какого-нибудь упыря... — См. примечание Сомова к «Гайдамаку»: «Упырь — вампир или оборотень» (*Сомов 1984*. С. 57).

С. 28. Бердыш — боевой топор. Самопал — то же, что пицаль (см. выше).

С. 28. Цымбалы (цимбалы) «походят на гусли, с тою только разницею, что по струнам бьют палочками, а не пальцами» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 3. Примеч. С. 79). Бандура — также с металлическими струнами, но в форме большой лютни.

С. 28. ...поднимите попа на крылос... — Крылос (кларос) — огороженное место для певчих перед иконостасом. Ср. обычай, в соответствии с которым, «по старым преданиям, сельские громады, при выборе себе дьяков, требовали от них юмора в простонародном духе; для этого кандидат во дьячка должен был произнести с колокольни перед своими избирателями юмористическую речь» (*Петров Н.И.* Южно-русский народный элемент в ранних произведениях Н.В. Гоголя // *Памяти Гоголя*. Отд. 2. С. 69).

С. 29. ...секира не берет ~ дерево стонет, будто дитя некрещеное. — Секира — топор особой формы, лесосечный или похожий на него боевой. По малороссийскому поверью, дети, умершие без крещения, превращаются в мавок — русалок, которые ночью «бегают по берегам рек и озер, поют, хохочут, хлопают по воде и испускают вопль жалобный, страшный, уподобляющийся крику кошек» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 2. С. 216; ср. запись Гоголя о том, что мавки «суть умершие, некрещеные души», *Ак*. Т. 9. С. 519).

С. 29. ...еще черти не бьются на кулачки... — Т.е. рано (см.: *Даль*. Т. 4. С. 597).

С. 30. Схимник — монах, принявший схиму, т.е. монашеский чин, налагающий самые строгие правила.

С. 30. Купала, или Ивана Купала — Иванов день, церковный праздник Рождества Иоанна Предтечи, отмечаемый 24 июня ст. ст. и совпадающий с языческим праздником летнего солнцестояния (в ночь с 23 на 24-е); запись Гоголя о мифах и обрядах, связанных с этим днем, см.: Ак. Т. 9. С. 518.

С. 30. Жупан — верхняя одежда; как сказано в записи Гоголя об одеяниях малороссиян в «Книге всякой всячины», «собств(енно) польское платье, род длинного жилета» (Ак. Т. 9. С. 523; ср.: Бантыш-Каменский. Ч. 3. С. 218).

С. 30. Все в нем было почти так же, как и ныне у простолюдинов Малороссии. — И.М. Каманин говорит, что изображенный здесь «простой быт козацкого полковника в своем доме, ничем не отличающемся от обыкновенного крестьянского», — достоверная черта середины XVII в., и приводит выписки, подтверждающие, что у Гоголя «домашняя обстановка козаков: описание их жилищ, внутреннего устройства, пища, одежды, вооружения, хозяйства — все это может быть проверено по люстрационным актам, документам юридическим и запискам современников» (см.: Каманин. С. 100, 103–104).

С. 30. ...ржаной хлеб и соль, не снимавшиеся с него никогда в знак того, что гость во всякое время может найти радушный прием себе. — Еще в ученическом сочинении Гоголь писал о том, что «славяне славятся своим гостеприимством»: «Встретившегося путника, пришедшего у них просить ночлега, хотя (бы) то был сам неприятель, принимали с радушием. Открывали даже дома свои во весь день, когда уходили, и ставили на столе хлеб для приходящих странников» (Ак. Т. 9. С. 15).

О ПРЕПОДАВАНИИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Источники текста: ЖМНП, Ар., АС Преп (см. с. 488, 491).

Автограф не известен. Впервые опубликовано: ЖМНП. 1834. Ч. 1. № 2. Отд. 2. С. 189–209. Датируется концом 1833 (не позже 23 декабря) — началом января 1834 г. Печатается по тексту Ар. Ч. 1. С. 67–95, со следующими исправлениями по ЖМНП:

С. 37, строки 5–6: ведение истинного Бога — вместо: видение истинного Бога

С. 38, строка 24: из них же составляют себе войско защитников — вместо: из них же составляют себе войско защитником

Статья была написана в самом конце 1833 или начале 1834 г., после того как М.А. Максимович предложил Гоголю вместе добиваться профессорских кафедр в новообразованном университете Св. Владимира в Киеве. Гоголь отвечал: «Представь, я тоже думал. (...) Мне надоел Петербург, или, лучше, не он, но проклятый климат его: он меня допекает. Да, это славно будет, если мы зайдем с тобой киевские кафедры. (...) Там можно обновиться всеми силами» (после 20 декабря 1833 г.). Назначение зависело от С.С. Уварова, тогда еще управляющего Министерством народного просве-

щения, давнего знакомого Жуковского, Вяземского, Пушкина по литературному обществу «Арзамас», одним из основателей которого он был. По словам А.В. Никитенко, Гоголь воспользовался «особенным покровительством» Жуковского, который «возвысил его в глазах Уварова до того, что тот в самом деле поверил, будто из Гоголя выйдет прекрасный профессор», и ему было предложено место экстраординарного профессора всеобщей истории, Гоголь же хотел «ординарного профессора и шесть тысяч рублей единовременно на уплату долгов» (Никитенко. Т. 1. С. 169). Из письма Гоголя Пушкину от 23 декабря 1833 г. можно заключить, что тот также принял участие в его деле и дня за два или более до того оставил ему в связи с этим записку; Гоголь говорит, что все эти дни был болен: «По всему видно, что эта болезнь запрет меня на неделю. Я решился, однако ж, не зевать и вместо словесных представлений набросать мои мысли и план преподавания на бумагу. (...) Во мне живет уверенность, что если я дождусь прочитать план мой, то в глазах Уварова он меня отличит от толпы вялых профессоров, которыми набиты университеты». Видимо, тогда же Гоголь начал работать над статьей и должен был закончить ее скорее всего как раз за неделю болезни — до конца декабря 1833 или в самом начале января нового, 1834 г. Под названием «План преподавания всеобщей истории» статья была напечатана в февральской книжке *ЖМНП* (1834. Ч. 1. № 2. Отд. 2. С. 189—209), с подписью «Н. Гоголь». Публикации, по-видимому, предшествовала достаточно большая редакторская и корректорская работа. В письме к редактору *ЖМНП* К.С. Сербиновичу (конец января — начало февраля 1834 г.) Гоголь писал: «Все ваши и Сергея Семеновича замечания я нахожу очень справедливыми и, как видите, воспользовался ими. В одном месте я только оставил *связь* и *связывают*. Я нарочно так выразился, потому что это составляет фигуру в слоге, а не ошибку, так мне кажется; при том, этот оборот именно тот, который более всего выражает мою мысль. Я очень вам благодарен за ваше присовокупление о истинной религии. Оно очень хорошо, и я бы не выдумал так» (ср.: «Она не есть та видимая, вещественная связь, которую часто насильственно связывают происшествия»; «кроме религии евреев, между коими сохранилось чистое, первобытное ведение истинного Бога»; с. 33, 37; последний случай, кажется, вообще характерен для редакторской манеры Сербиновича, который и впоследствии стремится предложить «специально назначенную для школы формулу для известного рода исторических фактов», особенно связанных с религией, и превышает в своих замечаниях «пределы служебного усердия», так что иногда даже сам Уваров «не находит удобным согласиться с некоторыми из них», *Булгаков Ф.И.* Тенденциозный взгляд на преподавание истории // *ИВ*. 1881. Т. 4. № 1. С. 172—173). Письма Гоголя к К.С. Сербиновичу за это время показывают, что тот требовал усердную работу: «Я к вам заеду в 12 часов (...) сей час никаким образом не могу» (конец января — начало февраля 1834 г.); «Извините меня великодушно, что продержал корректуру (...) вперед буду исправнее и постараюсь возвратить скорее следующие листки» (11 февраля 1834 г.).

Гоголь не включил название статьи в первый план *Ар.* (февраль 1834 г.), хотя к тому времени она была закончена. Скорее всего именно ее, переработав и дополнив, он собирался превратить в «Мысли о Истории»,

вписанные в этот перечень (ср.: «ужасающего величия мысли волновали меня»; письмо М.П. Погодину от 6 декабря 1835 г.), и уйти таким образом от не удовлетворявшей его формы методического пособия. Однако во втором (не ранее августа 1834 г.) плане сборника Гоголь возвращается к первоначальному названию, лишь немного изменив его («О [Плане] Преподавания(ии) Всеобщей Ист(ории)»); одновременно в перечне появляются три новые статьи по всеобщей истории, в которые, видимо, и уходят материалы для предполагавшейся доработки. Под этим названием (а в оглавлении еще более общим — «О всеобщей истории») и с небольшой правкой, также имеющей целью сгладить признаки первоначального служебного назначения текста, статья была напечатана в *Ар.* с датой «1832», общей для большинства исторических статей в сборнике (см. коммент. к статье «О Средних веках»). С текста *Ар.* зимой или весной 1835 г. была сделана авторская копия (*РГАЛИ.* Ф. 1571. Оп. 1. Ед. хр. 2521. Л. 40—51; опубл.: *Неизд. Гоголь.* С. 88—101), воспроизводящая печатный текст с небольшими, возможно произвольными, отличиями, с подписью «Н. Гоголь» и также с датой «1832 года»; она могла использоваться как учебное пособие для студентов. В оглавление пятого тома задуманного в 1850 г. собрания сочинений Гоголь вписывает заглавие «О преподавании Всеобщей истории (переделанное)» (*Ак.* Т. 8. С. 497), но если в 1834 г. он стремился уйти от специфически учебного в статье и конъюнктурного в истории ее создания, то теперь ее единственную из своих исторических статей (помимо «Жизни», поставленной своего рода эпиграфом-вступлением к задуманному тому) он считает возможным вывести из разряда «юношеских опытов» и представить в качестве итоговой.

Для работы Гоголь воспользовался набросками, предназначавшимися, по-видимому, для задуманного им большого исторического труда. Они захватывали материал хотя и бегло, но гораздо шире и проблемнее, чем в этом общем обзоре, и в первоначальном приближении намечали важные для него формулировки, те «мысли», которые вдохновляли Гоголя в его преподавательских и ученых попытках. Отчасти изложение идет также по программе и лекциям по истории Средних веков, первый вариант которых Гоголь тогда же, видимо, диктовал переписчику; в других местах он пользуется конспектом книги Г. Галлама «Европа в средние века»; обращается и к ранним своим записям, к лекционному курсу для воспитанниц Патриотического института. Формулируя общие теоретические положения статьи, Гоголь широко заимствует из текста ранних «Нескольких мыслей о преподавании детям Географии» (см. коммент. к статье «Мысли о географии»). Еще одним существенным источником для нее становятся касающиеся педагогики и преподавания работы Уварова — давние «О преподавании Истории относительно к народному воспитанию» (СПб., 1813) и «Речь президента Императорской Академии наук, попечителя Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 г.» (СПб., 1818), с их установкой на то, чтобы преподающий историю делался «прямо орудием Правительства и исполнителем его высоких намерений», а «каждый из тех, которые (...) будут образовываться великими примерами истории, нашел в них новые побуждения более любить свое отечество, свою веру, своего Государя»

(*Неизд. Гоголь*. С. 465; о связи с этими работами, включая прямые реминисценции, см.: там же, с. 7–10, 464–467, 470–472, 478), а также предупреждение к первому номеру *ЖМНП*, где говорилось, что «Министерство вменяет себе в прямой и священной долг давать (...) полезное направление читателям своего Журнала, да удовлетворится истинных сынов Отечества справедливое желание знать, каким образом они могут лучше содействовать высоким намерениям Отца России» (*ЖМНП*. 1834. Ч. 1. № 1. С. VII). Убеждение в воспитательном значении истории у Гоголя не от Уварова; но именно языком Уварова выражено в статье намерение сделать слушателей «необходимыми и нужными сподвижниками Великого Государя, чтобы ни в счастье, ни в несчастье не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными Отечеству и Государю» (с. 44). По предположению С.О. Машинского, именно статью «О преподавании всеобщей истории» имел в виду И.С. Тургенев, вспоминая, как в 1851 г. Гоголь читал ему некоторые места одной из статей *Ар.* в доказательство того, что «всегда придерживался одних и тех же религиозных и охранительных начал»; там говорилось «о необходимости строгого порядка, безусловного повиновения властям и т.п.» (*Гоголь в восп.* С. 534, 678).

С.С. Уваров (1786–1855), дипломат, критик и историк, сделал неровную, но в целом очень успешную карьеру при Александре I (с 1811 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, с 1818 г. президент Академии наук; но от службы в Министерстве народного просвещения отстранен в 1821 г. из-за чрезмерного либерализма) и особенно при Николае I, при котором был назначен в марте 1833 г. товарищем министра, а с апреля 1834 г. министром народного просвещения и оставался им до 1849 г., несмотря на периодически возникавшие слухи о его отставке. Он старался внешне поддерживать старые приятельские связи, демонстрировал подчеркнутое внимание к Пушкину после возвращения его из ссылки; однако с весны 1834 г., когда Пушкин оказался в полной зависимости от цензуры, руководителем которой был Уваров, их отношения быстро переросли в открытую вражду — см. направленную против Уварова оду Пушкина «На выздоровление Лукулла» (конец декабря 1835 г.) и его оскорбительную эпиграмму на вице-президента Академии наук М.А. Дондукова-Корсакова (декабрь 1836 г.). Уварову приписывали распространение пасквиля на Пушкина; после его смерти жесткая цензура некрологов была расценена в обществе как месть мертвому Пушкину (*Никитенко*. Т. 1. С. 195); современники запомнили, как Уваров «явился бледный и сам не свой в Конюшенную церковь на отпевание Пушкина и как от него сторонились» (*Черейский* 1989. С. 453; *Бартенев*. С. 292). Но в конце 1833 — начале 1834 г. отношение к Уварову в пушкинском кругу было скорее ироническим. В письмах к А.И. Тургеневу от 26 марта и 2 июня 1833 г. Вяземский сообщал о том, что Уваров «на днях читал в Академии наук на французском языке статью о Гете и, по замечанию злоречивых, нашел способ по поводу “Фауста” сказать, что он министр», о приеме его в Дерпте «студентами со всею университетско-рыцарскою торжественностью: депутациями пешими и конными, факелами и виватами» и о том, что в «брошюрке» («*La notice sur Goethe*») его «встречаются блестящие фразы шатобрианские, но вообще много легко-

мыслия и поверхности» (ОА. Т. 3. С. 228, 237). Пушкин, отвечая на просьбу Гоголя упомянуть в разговоре с Уваровым о том, что петербургский климат угрожает его здоровью, пишет ему в том же тоне: «Пойду сегодня же наизада Уварова и кстати о смерти Телеграфа поговорю и о вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, его ожидающему. Авось уладим» (13 мая 1834 г.; *Пушкин*. Т. 15. С. 147), и нет оснований думать, что Гоголь не принимает этого тона; тем не менее его отношение к Уварову иное, чем у Пушкина или Вяземского. В его письме от 23 декабря 1833 г., написанном очевидно для того, чтобы Пушкин мог показать его Уварову (см.: *Ак*. Т. 10. С. 469; такая практика была распространена, и Пушкин мог именно об этом просить Гоголя в записке, о которой упоминается в письме), говорится: «Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли. Как и поступил я назад тому три года, когда мог бы занять место в Московском университете, которое мне предлагали, но тогда был Ливен, человек ума недалекого. Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я понял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гётте. Не говорю уже о мыслях его по случаю экзаменов, где столько философического познания языка и ума быстрого. — Я уверен, что у нас он более сделает, нежели Гизо во Франции». Гоголь хвалит здесь ту же «брошюрку» Уварова — речь о Гёте, прочитанную в общем собрании Академии наук 22 марта 1833 г. и изданную в том же году на французском языке (*Notice sur Goethe lu à la Séance général de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg le 22 mars 1833. S.-Petersbourg, 1833*; рус. пер. И.И. Давыдова — в *Учен. зап. Московского Университета*. 1833. № 1, и отд. изд.), и его статьи 1813 и 1815 гг. в «Чтениях в Беседе любителей русского слова», где доказывалось, что Гомера следует переводить гекзаметрами, а не александрийским и не «русским» стихом (библиография его работ: *РА*. 1871. № 2. С. 2106—2107), возможно по подделке Пушкина (о «силе и полноте мыслей» Уварова ср. в письме самого Пушкина Уварову от 21 октября 1831 г. по поводу его перевода на французский язык оды «Клеветникам России», *Пушкин*. Т. 14. С. 236); упоминание в положительном смысле Погодина и Максимовича, в противоположность «галиматье Надеждина», согласно с мнением о них Уварова (см.: *РП*. Т. 3. С. 488; Т. 4. С. 208, 666). Сложнее с именем Гизо — и оно, и предложенная далее программа деятельности в Киеве (история, с неслучайной переакцентировкой со всеобщей на отечественную, и народное творчество: «Там кончу я историю Украины и юга России и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор к сожалению не только на Руси, но даже и в Европе, нет. А сколько соберу там преданий, поверьев, песен и проч.! (...) Как занимательными можно сделать университетские записки; сколько можно поместить подробностей, совершенно новых о самом крае!») очерчивают реально общую область интересов, в пределах которой Гоголь мог в самом деле оказаться сотрудником Уварова (см.: *Неизд. Гоголь*. С. 9—34). Его известное требование, «чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и народности» (циркуляр, разосланный по учебным округам 21 марта 1833 г. в связи с вступлением Уварова в долж-

ность), предполагало поощрение исследований в области русской истории. Уваров считал, что исправить «умы, помраченные ложными идеями и достойными сожаления предрассудками», можно, «внушив молодым людям охоту ближе заниматься историей отечественной, обратив больше внимания на узвание нашей народности во всех ее различных видах» и таким образом давая им опору «против влияния так называемых *Европейских идей*» (*Зорин 2001. С. 371–372*), в борьбе с которыми Уваров взял себе в союзники Ф. Гизо (1787–1874), первого на тот момент французского историка, занявшего в 1832 г. во Франции пост министра народного просвещения. Гизо говорил о необходимости борьбы «с двойным фанатизмом, революционным и контрреволюционным», противопоставляя им «инстинктивно верное нравственное чувство здравомыслящего большинства» (*там же, с. 346*), и именно на его апологию «золотой середины» ориентировался Уваров, решая задачу, «как идти в ногу с Европой и не удалиться от нашего собственного места (...)» взять от просвещения лишь то, что необходимо для существования великого государства, и решительно отвергнуть все то, что несет в себе семена беспорядка и потрясений» (*там же, с. 367*). Уваров должен был обратить внимание на то, что деятельность Гизо обнаруживает «неожиданные параллели с его собственной карьерой»: «В 1811 г., когда Уваров начал свою службу в Министерстве народного просвещения, Гизо основал журнал “Анналы образования”, где излагал свои взгляды на создание национальной образовательной системы. В 1816 г. вышел написанный им вместе с П.-П. Руайе-Колларом (...) трактат, в котором говорилось об обязанности государства руководить образованием и реализовывать через образовательные институты принципы национального воспитания — идея, в высшей степени близкая Уварову. По странному совпадению, в один год, в 1821 г., Гизо и Уваров были отлучены от деятельности на образовательной ниве из-за чрезмерного либерализма» (*там же, с. 347–348*). В мартовском номере основанного Уваровым в 1834 г. по примеру Гизо журнала была опубликована «Первая лекция г-на Гизо из читанного им курса Истории Европейского Гражданского образования» (*ЖМНП. 1834. Ч. 1. № 3. Отд. 5. С. 428–452*) — вводная лекция из «Истории цивилизации в Европе», содержащая основные теоретические положения двух курсов Гизо по истории цивилизации в Европе и специально во Франции, отредактированная, вероятно, самим Уваровым и с его примечаниями (см.: *Зорин 2001. С. 348–351*). Но в декабре 1833 г. гоголевская параллель между Уваровым и Гизо свидетельствовала об очень заинтересованном внимании к деятельности нового министра — возможно даже, что Гоголю было известно о попытках Уварова сделать «имя Гизо и его идеи хотя бы отчасти политически приемлемыми» для ожесточенного Июльской революцией императора Николая I (*там же, с. 347*), по всей вероятности безуспешных (ср.: «Император терпеть не может Гизо, он называет его “этот школьный учитель-педагг” (...)». Он читает “Журналь де Деба”, то, что ему отмечают красным карандашом, и говорит “Журналь де Деба говорит обо мне много дурного — это доказывает, что я хорошо поступил”», *Смирнова-Россет 1989. С. 309*).

В *ЖМНП* в первый год его существования были опубликованы четыре статьи Гоголя — кроме «Плана преподавания всеобщей истории» еще «Взгляд на составление Малороссии», «О малороссийских песнях»,

«О Средних веках»; при этом статью о песнях он написал по прямому заказу Уварова (см. коммент. к ней). 11 февраля 1834 г. Гоголь пишет К.С. Сербиновичу: «Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать!» Между тем вопрос об определении его (а поначалу и Максимовича) в Киевский университет не решается, несмотря на то, что за них хлопочут Жуковский, Пушкин, Вяземский, Д.В. Дашков, Д.Н. Блудов, даже, по просьбе Д.В. Дашкова, киевский генерал-губернатор граф В.В. Левашов (см. письма Гоголя Максимовичу от 26 марта, 7 апреля, 14 августа 1834 г., Пушкину от 13 мая 1834 г.). Несколько раз Гоголь посещает Уварова, предположительно в мае 1834 г. — «по его приказанию»: «Он дал мне тему для статьи в журнал, но ничего не узнал я о моей участи (...) говорит, чтобы я не отчаивался, что всё будет хорошо» (К.С. Сербиновичу, письмо без даты). Остается загадкой, о какой заказанной статье говорит здесь Гоголь — это не может быть «О малороссийских песнях», поскольку, очевидно, именно оттиск ее и «Взгляда на составление Малороссии» («особо отпечатанные для меня листки моих статей») он просит прислать в том же письме, и не может быть последняя опубликованная в *ЖМНП* его статья «О Средних веках», вписанная в первый план *Ар.* еще в феврале 1834 г. (ср.: *Изд. Гоголь*. С. 10). Все эти протекции, однако, не дают результата. Попечитель Киевского учебного округа Е.Ф. Брадке (1796—1861), взявший на себя все труды по устройству нового университета, включая подбор преподавательского состава, отдал кафедре всеобщей истории, на которую претендовал Гоголь, В.Ф. Цыху (1805—1837), незадолго до того защитившему диссертацию о преподавании истории («Решение вопроса, по причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки, и какой он должен быть именно, как вообще, так и особенно в университетах. Рассуждение, написанное кандидатом Владимиром Цыхом для получения степени магистра по части исторических наук»; см. рецензию: *МТ*. 1833. Ч. 50. № 6. Март. С. 207—227), и Уваров не стал вмешиваться в его распоряжения. От предложений Брадке занять кафедру русской истории или место адъюнкта по кафедре всеобщей истории Гоголь отказывается, хотя эту последнюю должность он вскоре согласится принять в Петербургском университете (см. коммент. к статье «О Средних веках»; о неудачной попытке Гоголя получить киевскую кафедру см.: *Манн 2004*. С. 303—309); Брадке, объяснит он Максимовичу, писал, «что (...) согласен мне дать адъюнкта (как будто об адъюнкте его просили) и что это место для меня очень выгодное (как будто я нищий и мне оно дается из милости). Я заключил, что я не нужен, что я не имею счастья нравиться попечителю»; в Петербурге же «от меня зависит приобрести имя, которое может заставить (...) не почитать меня за несчастного просителя, привыкшего чрез длинные передние и лакейские пробираться к месту» (14 августа 1834 г.). Таким образом, именно попытки, минуя подчиненных, выйти прямо на министра, предположительно просвещенного прогрессиста, дали почву для сформулированной здесь темы просителя в передней и лакейской, и далее прорисовывающейся постепенно в письмах Гоголя. «...Знаешь ли, что представления Брадке чуть ли не боль-

ше значат, нежели наших здешних ходатаев. (...) Он, сколько я заметил, основывается на видимом авторитете и на занимаемом месте. (...) Я же бедный почти нуль для него; грешных сочинений моих он не читывал, имени не слыхивал, стало быть, ему нечего и беспокоиться обо мне» (Максимовичу 20 апреля 1834 г.). Уваров «дает мне экстраординарного профессора и деньги на подъем, но однако ж ничего этого не выпускает из рук и держит меня, не знаю для чего, здесь» (Максимовичу 28 мая 1834 г.); он «сам, кажется, благоволит ко мне и очень доволен моими статьями (...) слышу уверения, ласки — и больше ничего» (Максимовичу 8 июня 1834 г.); «Остановка вся за одним Б.(радке), без Б.(радке) С.(ергей) С.(еменович) ни до порога» (Максимовичу 10 июня 1834 г.); параллельно неопределенности и недоумению растет раздражение: «Если же они меня поведут далее и не отправят теперь же, то, признаюсь, я брошу всё и откланяюсь»; «они воображают, что у меня не достанет духу плюнуть на всё»; «скверно, что я теперь мало всему этому верю, после всех проводов» (Максимовичу 28 мая, 8 и 10 июня 1834 г.). Когда он подводит итоги, в его письмах появляются очень личные по интонации, но неопределенные инвективы, в которых упоминаются «бесстыдная дерзость ученого невежи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и проч. и проч. (...) Мимо, мимо всё это!» (Погодину 6 декабря 1835 г.), позднее еще неконкретнее: «Гордость, которую знают только поэты, которая росла со мною в колыбели, наконец не вынесла. О, какое презренное, какое низкое состояние... дыбом волос подымается. Люди, рожденные для оплеухи, для сводничества... и перед этими людьми... мимо, мимо их! и доньше недостает духа назвать их» (Погодину 28 ноября н.с. 1836 г.). Эта громкая, очевидно пережитая, но не вполне проясненная по происхождению нота ретроспективно легко прослеживается до начала 1834 г., восходя, по-видимому, к оскорбительному опыту общения Гоголя с Уваровым и Брадке.

А. Белый полагал, что в образе Хлестакова «Гоголь в себе опознал хвастливого “гоголька” с коком волос и с откидным наипестрейшим жилетом: “Я — научу профессоров, дерну многотомную историю Малороссии, я уже держал корректуры исследования о земле, я... я... всем покажу... Я — везде, везде”» (Белый 1934. С. 190). О смешном и жалком облике Гоголя на кафедре вспоминают многие мемуаристы (см.: Манн 2004. С. 315–316), и, по мнению И.С. Тургенева, «он сам хорошо понимал весь комизм и всю неловкость своего положения» (Гоголь в восп. С. 540). «Но в эти полтора года — годы моего бесславия, потому что общее мнение говорит, что я не за свое дело взялся — в эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души, — пишет Гоголь Погодину 6 декабря 1835 г., сообщая, что окончательно “расплевался с университетом”. — (...) Я тебе одному говорю это; другому не скажу я: меня назовут хвастуном, и больше ничего. (...) Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия!» Комедия словно прорастает изнутри его исторических занятий (ср. ранее в его письме Погодину от 20 февраля 1833 г.: «Примусь за Историю — передо мною движется сцена, шумит аплодисмент, рожи высовываются из лож, из райка, из кресел»); ее достоянием оказывается и внутренний опыт автора, и внешний комизм происходящего. В «Ревизоре» (д. 1, явл. 1) упоминается «об учителе по исторической части»: «Он ученая голова — это

видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя (...) сбежал с кафедры и, что силы есть, хватя стулом об пол. (...) Говорит: «Как хотите. Для науки я жизни не пощажу»» (наст. изд., т. 4, с. 13—14). Гоголь, кажется, воспроизводит здесь ту давнюю характеристику, с которой Плетнев впервые представил его Пушкину в письме от 22 февраля 1831 г.: «Он любит науки только для них самих, и как художник готов для них подвергать себя всем лишениям» (*Пушкин*. Т. 14. С. 153; о Гоголе как одном из прототипов образа см.: *Лотман Ю.М.* Историко-литературные заметки: (...) 2. Городничий о просвещении // *Тр. по рус. и слав. филологии*. Т. 9. Тарту, 1966. С. 141). Позднее Гоголь будет говорить о нерасположении к нему Уварова, которое «казалось, началось со времен Ревизора» (письмо Плетневу от 6 февраля 1842 г.); см. также письмо П.В. Анненкова к А.Н. Пыпину от 1 июня 1874 г., где сказано, что тон нападок на гоголевскую комедию «был задан, как тогда говорили, самим министром Уваровым» (*Коноваловская И.* Несколько слов о Гоголе // *ВЛ*. 1987. № 12. С. 272; см. также наст. изд., т. 4, с. 673). «Не приведи Бог служить по ученой части, всего боишься. Всякой мешается, всякому хочется показать, что он тоже умной человек» (наст. изд., т. 4, с. 14), — говорилось в «Ревизоре» о ведомстве Уварова; еще до этого служащим именно «по ученой части» Гоголь изобразил пропавший нос майора Ковалева (ср. в письме Вяземского А.И. Тургеневу о том, что Гоголь читал «повесть об носе, который пропал с лица неожиданно у какого-то коллежского ассесора и очутился после в Казанском соборе в мундире Министерства просвещения. Уморительно смешно!», *ОА*. Т. 3. С. 314), а на Щукином дворе, во владениях Министерства, завязал действие «Портрета» (см. коммент. к нему). Высказывалось мнение, что конфликт Пушкина с Уваровым вызвал охлаждение в отношении Гоголя к Пушкину в 1835 г. (см.: *Сегалин 1926*. С. 281) и даже стал причиной того, что Гоголь не попросился с ним перед отъездом за границу (см. письмо Гоголя к Плетневу от 27 сентября 1839 г.). Весной 1839 г. дошедшие до Гоголя слухи (ср.: *Никитенко*. Т. 1. С. 207) заставляют его пережить в воображении предполагаемое отстранение Уварова, и он пишет письмо, показывающее, что фигура министра оставалась все это время предметом его размышлений и сильных эмоций: «Новость твоя об Уварове достигла и сюда. Лучше ее, конечно, не могло ничего быть. Это первая, сколько мне помнится, утешительная новость из России. Кажется, мстительная тень Пушкина вмешалась в это дело и, защищая за гробом любезные ей права литературы и просвещения, наконец, настигла преследуемого неизбежно ею хищника. Здесь говорят об этом розно, но никто не знает настоящего дела. Я тут вижу чудо и больше ничего. Уваров с его гибкостью, с его всеми условиями, требуемыми правительством, мог лишиться его милости! — это почти непостижимо. Я бы желал знать день и час, в который это случилось, со мной теперь происходят какие-то пророческие события. Не случилось ли это в тот самый день, в который я написал ему приговор после разговора нашего с Погодиным; об этом приговоре скажет тебе Погодин. Я хотел было разослать его по знакомым в Россию, но теперь натурально оставляю его в портфеле, как памятник моих тогдашних движений. Лежачего не бьют» (С.П. Шевыреву, май 1839 г.). Можно предположить, что переживание это оказалось для Гоголя творчески проду-

ктивным. Тема высокопоставленного лица (или вельможи — «un puissant personnage de mes amis», как называл Пушкин Уварова; см. *Пушкин. Письма*. Т. 3. С. 419; *Пушкин*. Т. 16. С. 184) занимает его воображение. Летом 1839 г. Гоголь начинает диктовать Погодину «Шинель», с изображением смиренного чиновника на приеме у *значительного лица*. И возможно, тогда же появляется у него необычная мысль переписать по-новому уже опубликованный в *Ар.* «Портрет». В 1842 г., как раз во время очень недолгой завершающей работы над второй редакцией «Портрета» (конец февраля — начало марта), Гоголь пишет Уварову письмо с просьбой содействовать прохождению в цензуре «Мертвых душ» и говорит в нем почти словами повести, применяя к себе описание самоотверженного художника («Все мое имущество и состояние заключено в труде моем. Для него я пожертвовал всем, обрек себя на строгую бедность, на глубокое уединение, терпел, переносил, пересиливал сколько мог свои болезненные недуги»), а к своему адресату — роль мецената («лучшей фамилии, отличившийся уже в молодых летах на государственном поприще (...) ревнитель всего, что породило искусство и ум человека (...) был достойно отличен самой государыней, вверившей ему значительное место (...) где он мог много произвести для наук и вообще для добра. Молодой вельможа окружил себя художниками, поэтами, учеными (...) предпринял на собственный счет множество полезных изданий, надавал множество заказов, объявил поощрительные призы»), который, заняв у ростовщика, «в непродолжительное время изменился совершенно: стал гонителем, преследователем развивающегося ума и таланта» («Во всех сочинениях стал видеть дурную сторону, толковал криво всякое слово. Тогда на беду случилась французская революция. Это послужило ему вдруг орудием для всех возможных подозрений. Он стал видеть во всем какое-то революционное направление, во всем ему чудились намеки (...), стал сочинять ужасные, несправедливые доносы, наделал тьму несчастных»), но наконец «был наказан примерно и отставлен от места», получив «решительное и всеобщее презрение» («Нельзя рассказать, как страдала тщеславная душа; гордость, обманутое честолюбие, разрушившиеся надежды, — все соединилось вместе»). «И ужели вам будет приятно, когда правосудное потомство, отдав вам должное за ваши прекрасные подвиги для наук, скажет в то же время, что вы были равнодушны к создателям русского слова и не тронулись положеньем бедного, обремененного болезнями писателя, не могшего найти себе угла и приюта в мире, тогда как вы первые могли бы быть его заступником и меценатом, — пишет Гоголь (ср. в повести: «Дант не мог найти угла в своей республиканской родине»). — Нет, вы не сделаете этого, вы будете великодушны. У русского вельможи должна быть русская душа» (С.С. Уварову, между 24 февраля и 4 марта 1842 г.; не отправлено). Сходство этих текстов указывает на единую направленность мысли; падение Уварова, если бы оно состоялось, представляло бы собой «чудо и больше ничего» и вполне могло занять место в ряду других «почти непостижимых» событий, приписываемых в повести злему влиянию петербургского демона.

В рецензии *СПЧ* на ч. 1 *ЖМНП* «План преподавания всеобщей истории» был назван в числе статей «весьма любопытных и важных», каждая из которых «украсила бы всякий ученый Журнал» (*СПЧ*. 1834. № 88. 18 апреля.

С. 350). При появлении статьи в *Ар.* критика упомянула о ней лишь косвенно, выразив ироническое удовлетворение тем, что в вышедшем тогда же сборнике «Миргород» «нет ни Всеобщей Истории, ни Изящных Художеств» (*БдЧ.* 1835. Т. 9. Кн. 4. Апрель. Отд. 6. С. 30; аналогичный отзыв: *СПч.* 1835. № 115. С. 57); позднее, однако, было отмечено, что и почти десять лет спустя после появления «Плана...» Гоголя «Белинский, сам хотя и не специалист, но всегда отражавший круг представлений наиболее научно-образованных кругов своего времени, ставит историку такие же задачи (см. начало его статьи о “России до Петра Великого”))» (*Венгеров.* Т. 2. С. 49–50). Но статью читали; по воспоминаниям В.В. Стасова, в сочинении на тему «О пользе истории» он и его соученики «писали, под влиянием Гоголя, о том, как пластично и картинно надо изображать в наше время историю, оставив в стороне сухую номенклатуру королей и принцев» (*Гоголь в восп.* С. 397). «...Его метода преподавания всеобщей истории восхищает меня», — писал П.И. Пейкер С.Т. Аксакову 7 ноября 1841 г., добавляя далее, что гениальность Гоголя «является здесь не в меньшем блеске, как в юмористических сочинениях» (*ЛН.* Т. 58. С. 608). Впоследствии Блок обращался к статье в наброске об «Исторических картинах», связанном с идеей «инсценировок истории культуры» Горького (см.: *Блок.* Т. 6. С. 541).

С. 33. ...она должна обнять вдруг и в полной картине все человечество, каким образом оно из своего первоначального, бедного младенчества развивалось ~ и наконец достигло нынешней эпохи. — Ср. в наброске Гоголя «Введение в древнюю историю»: «Всеобщая история есть полное изображение жизни человечества во все времена, во всех концах земли, от первоначального его младенчества до наших времен» (*Ак.* Т. 9. С. 146).

С. 34. ...схватить все не заметные для простого глаза оттенки... — О теме различий и оттенков см. в коммент. к статье «Шлецер, Миллер и Гердер».

С. 34. География должна разгадать многое, без нее неизъяснимое в истории. — Ср. набросок «Уже очень давно существовали политические общества...» (*Ак.* Т. 9. С. 147). Роль географических описаний в историческом повествовании могла интерпретироваться по-разному; так, Э. Кине вслед за Гердером говорит о значении географической среды как материальной базы истории (см.: *Реизов 1956.* С. 381); другой подход основывался на философии Шеллинга, требовавшей изучения физического и исторического мира в единстве; интерпретировавший ее В. Кузен утверждал, что географическая среда и фаза цивилизации, которая в ней развивается, выражают одну и ту же идею; той же точки зрения придерживался и Ж. Мишле, который, рисуя грандиозные пейзажи для грандиозных событий, «устанавливает соответствия между внешней природой страны и формами протекавшей в ней исторической жизни» (*там же,* с. 358–359).

С. 34. ...они должны увидеть, как образуется правление; что его не люди совершенно устанавливают, но нечувствительно устанавливает и развивает самое положение земли... — О том, «что правление не есть вещь, которая сочиняется в голове некоторых, что она образуется нечувствительно, сама собой, из духа и свойств самого народа, из местности — земли, на которой живет народ, из истории самого народа», говорится в

статье Гоголя «О сословиях в государстве» (Ак. Т. 8. С. 489; ср. у Балланша, Рейзов 1956. С. 420).

С. 35. ...на них она держится, как земля держится на первозданных гранитах, как животное на своем скелете. — Ср.: «Цепи гор (...) утверждены словно каркас, вокруг которого образовалась суша» (Гердер 1977. С. 27).

С. 37. ...изобразить Восток с его древними патриархальными царствами... — Наброски Гоголя по истории древних азиатских государств — Мидии, Вавилона, Трои, Лидии см.: Ак. Т. 9. С. 147–148, 151–152.

С. 37. ...кроме религии евреев, между коими сохранилось чистое, первобытное ведение истинного Бога... — Ср.: «ибо земля будет наполнена ведением Господа» (Ис 11,9); также ирмос покаянного канона: «молюся: Тя въдѣти, Слове Божий, истинного Бога» (Православный молитвослов. М., 1994. С. 245, 284). Возможно вмешательство в текст в этом месте редактора ЖМНП К.С. Сербиновича (см. с. 567).

С. 37. ...один только народ финикийский ~ приводил ~ в сообщении эти почти неподвижные государства... — В наброске «Финикияне» Гоголь говорит, что этот народ «вдвинул в Азию присредиземноморскую Европу и Африку», а затем приближает формулировку к варианту статьи: «Они первые зародили движение и вовлекли в сообщение восток» (Ак. Т. 9. С. 150–151).

С. 37. ...первый всемирный завоеватель, Кир... — Кир — царь персов (правил в 558–529 гг. до н. э.); путем завоеваний стал властителем огромного государства на территории Ближнего и Среднего Востока и двинул войска в Среднюю Азию.

С. 37. ...с свежим и сильным народом, персами... — Ср. заметку Гоголя «Персы» (Ак. Т. 9. С. 152–153), заканчивающуюся словами: «Благодарство и гордость отличают этих сильных горцев».

С. 37. ...эти народы теряли свою особенность и национальность ~ поверглись в азиатскую роскошь... — Ср. в наброске «Плодотворная почва трех частей света...»: «Недолго (...) сохраняли общества свой националь(ный), своеобразный вид (...) они должны были быть бессильны против чувственности, вдыхаемой роскошным климатом» (Ак. Т. 9. С. 153); известна также заметка Гоголя 1830-х годов, посвященная истории создания Персидской монархии: «Кир. Завоевания быстрые, ненасытные (...) Завоеванные земли принимают форму одного государства. (...) Роскошь сатрапов» (Гоголь 1994. Т. 6. С. 496, со ссылкой на: ОР РГБ. Ф. 74. К. 3. Ед. хр. 11. Л. 1 об.).

С. 37. ...народ греческий, с ~ ясными, живыми идеями... — Заметки Гоголя с изложением философских идей Сократа и Диогена см.: Ак. Т. 9. С. 154–155.

С. 37. ...честолюбивый грек... — Александр Македонский (356–323 гг. до н.э.).

С. 37. ...этот великий грек задумал гигантское дело: соединить Восток с Европою и разнести везде греческое просвещение. И вот, чтобы связать теснее три части света, строится город Александрия; герой умирает, всесветная монархия падает вместе с ним. — Александр Македонский умер в Вавилоне в 323 г. до н.э. при подготовке похода в

Аравию и Индию. См. запись Гоголя о нем: «Великое намерение соединить теснее мир и разность везде греческое просвещение, завязать сильнее торговлю и устремить со всех сторон в одно место народы (для этого — Александрия), если не изгладить, то уменьшить разность в нравах между персами и греками, мирить европеизм с востоком» (Ак. Т. 9. С. 154); ср. о том же у Гердера: «Какая великая мысль — править миром из Вавилона, править миром, простирающимся от Инда до Ливии (...) всю эту часть света превратить в единую Грецию (...) основать новые Афины в Бактрах, Сусах, Александрии! И вот — победитель умирает в расцвете лет, а с ним гибнут все надежды, гибнет весь только что основанный греческий мир!» (Гердер 1977. С. 382).

С. 37. ...настает знаменитый Александрийский век... — Гердер говорит, что «в Александрии существовали и процветали учебные заведения, каких больше не было нигде, включая даже и Афины (...) здесь, на общественный счет, обучались четырнадцать тысяч учеников, получавшие пищу и кров; здесь был расположен знаменитый Музей, здесь была и колоссальная библиотека, здесь жила слава поэтов и знаменитых во всех науках людей, — итак, тут было средоточие мировой торговли и тут же великая школа народов» (Гердер 1977. С. 495).

С. 37. ...в Италии, почти невидимо от всех, созревает железная сила римлян. — Истории Рима посвящены две записи Гоголя: «Народ, которого вся жизнь состояла из войны...» и «Как образовалась великая империя?» (Ак. Т. 9. С. 156—157).

С. 37. Уже Цезарь заносит ногу в Британию, римские орлы на скалах Альбиона... — Орел изображался на знаменах римских легионов. Альбион (Альбион) — Англия. Ср. в одной из записей Гоголя по истории Западной Европы: «Англия под римлянами. Цезарь только проходит, не удерживая завоеваний» (Ак. Т. 9. С. 159).

С. 37—38. ...степи ~ извергают толпу неведомых народов... — См. коммент. к статье «О движении народов в конце V века».

С. 38. Римляне перенимают все у побежденных народов, сначала пороки, потом просвещение. — В лекции Гоголя «(1.) Взгляд на состояние Римской империи...» о римском народе говорится: «Всё, что заимствовал он у побежденных народов, было блестящее и наружное — роскошь, без утонченного образа мыслей, понятий и жизни этих народов» (Ак. Т. 9. С. 107).

С. 38. ...в ветхом мире зарождается новый! — См. о возникновении христианства в той же лекции Гоголя (см.: Ак. Т. 9. С. 108—109).

С. 38. ...из них же составляют себе войско... — О вспомогательных войсках из варваров в поздней Римской империи см. с. 845.

С. 38. ...могущественный папа, прежде только римский первосвященник... — Ср. упоминание «еще скромного римского первосвященника» в статье «О Средних веках» (и о нем же в лекциях Гоголя по истории Средних веков; см. реал. коммент. к этой статье).

С. 38—39. ...распространял магометанство на место прежних остатков греческого просвещения ~ из завоевателей делается просветителем... — Имеется в виду завоевание арабами принадлежавших Византии земель по берегам Средиземного моря (см. коммент. к статьям «О Средних веках» и «Ал-Мамун»). В лекции Гоголя «(10.) Первобытная

жизнь арабов. Переворот в образовании нации, произведенный Магометом, и завоевания их» говорится: «Просвещение покоренных провинций произвело глубокое впечатление на победителей, и они мало-помалу входили в жизнь подданных прежней греческой империи, начали узнавать язык и обычаи их» (Ак. Т. 9. С. 143). «Арабы занимались поэзией и философией, географией и историей, грамматикой, математикой, химией, медициной, и в большинстве наук они открывали новое, расширяли круг знаний и воздействовали на дух народов как благодетели их (...) наибольшие заслуги принадлежат арабам в математике, химии и медицине, — в этих умноженных ими науках арабы стали учителями Европы» (Гердер 1977. С. 572, 574).

С. 39. ...выходцами из-за моря Каспийского... — т.е. турками (ср. Неизд. Гоголь. С. 62).

С. 39. ...норманны ~ грабят и овладевают целыми государствами, наконец переменяют дикую религию свою на христианство и прибавляют Европе свою силу и нравы... — Среди заметок Гоголя по истории Западной Европы сохранился набросок «Лекция. Распространение норманов» (см.: Ак. Т. 9. С. 158—159); история норманнов рассмотрена здесь «в трех эпохах»: «время разбоев», «время завоеваний земель» и «сношения их как оседлых», причем конспективно отмечены завоевания их в Западной и Южной Европе и на территории России и отдельно в Британии, где события подведены ко времени Альфреда Великого. «Норманы по установлении во Франции сделались ревностными христианами и отправля(лись) миссионерами по старой привычке к походной жизни», — записывает Гоголь в конспекте книги Г. Галлама «Европа в средние века» и далее излагает сведения об образовании норманнских владений в Италии XII в. (см.: Ак. Т. 9. С. 215). По сообщению С.И. Барановского, Гоголь «произнес одну из лучших своих лекций, художественно охарактеризовав Норманских витязей, завоевателей Сицилии, заселителей Испании, грозных на морях и Черном и Каспийском, на берегах и Франции, и Англии» (РА. 1906, № 6. С. 278).

С. 39. ...император немецкий ~ не смеет противустать ему... — См. коммент. к статье «О Средних веках».

С. 39. ...кладут пламенный Крест на рамена... — Рамена — плечи; участники крестовых походов — рыцари или воины креста носили одежду с нашитыми на нее крестами из красной материи. Ср. в балладе Шиллера «Рыцарь Тогенбург» (1797), переведенной Жуковским (1818): «И помчалась в Палестину, / Крест на раменах».

С. 39. ...и спешат с энтузиазмом в Палестину ~ как это великое событие порождает рыцарство, обнявшее всю Европу; как возникли орденовые общества... — В программе лекций по истории Средних веков Гоголь характеризует первый крестовый поход (1096—1099) как «порождение одно(го) чистого энтузиазма без всяких посторонних целей и корыстолюбия»; второй (1147—1149) совершался «с тем же энтузиазмом, с большими еще силами, но уже с корыстолюбивыми и политическими видами пап», а во время третьего (1189—1192) «рвение охладевает к сожалению немногих ревностных энтузиастов, решающихся составить братства, независимые общества, мимо условий гражданских» (Ак. Т. 9. С. 97—98).

«Положение, права и влияние этих обществ, рыцарских орденов» предполагалось рассмотреть, очевидно, в связи с общим влиянием крестовых походов на народы Европы — вслед за Гердером, говорившим «о блестящем романтическом *рыцарском духе*, который несомненно примешался благодаря арабам к европейскому духу приключений», видоизменив исконные цеховые обычаи воинских дружин (Гердер 1977. С. 575); поэтому Гоголь записывает далее в своей программе: «Перенесение восточных нравов, обычаев, аравийского просвещения и византийского, и оттого происхождение рыцарства, новой готической архитектуры, облагороженной арабскою» (Ак. Т. 9. С. 98).

С. 39. *...беспримерная по величине монархия Чингисханова... — «Первоначальная религия, образ жизни, характер, страсти монголов»* должны были стать предметом одной из лекций Гоголя по истории Средних веков; в программе его далее записано: «Разлитие войск Чингисхановых тремя полосами: одна обт(екает) Китай, Корею и касается Японии; другая протекает Россию и Польшу. (...) Третия обращает в пепел цветущий юг Азии, овладевает Багдадом, Персией, Индией» (Ак. Т. 9. С. 98—99).

С. 39. *Бедные поселяне, вытерпев чашу бед, наконец решаются соединиться ~ в города.* — Ср. в гоголевском конспекте книги Г. Галлама «Европа в средние века»: «Людей, соединенных вместе в города, было труднее угнетать» (Ак. Т. 9. С. 178); обширные выписки по теме городов были сделаны Гоголем из этой книги.

С. 39. *...Ганзейский союз, связывающий всю Северную Европу своей торговлей.* — Гоголь, конспектируя книгу Г. Галлама «Европа в средние века», под заголовком «Торговля балтийская» выписывает сведения о средневековых Любеке, Гамбурге, Бремене, Риге, Данциге, Кенигсберге и продолжает: «Пиратство и грабительство рыцарей заставило их соединиться в Ганзейскую лигу. 80 городов составляли эту лигу. Они разделились на 4 коллегии, главами которых Любек, Кельн, Брунсвик и Данциг. Любек был патриархальным городом этой лиги. Лига имела четыре главные конторы в иностранных землях: Лондоне, Бруге, Бергене и Новгороде. Города богатеют и снабжают королей золотом» (Ак. Т. 9. С. 270):

С. 39. *...порождение Крестовых походов — страшная торговлю Венеция...* — «Торговля была источник Венеции, — говорится в гоголевском конспекте книги Г. Галлама «Европа в средние века». — Она начала ее в грубые времена невежества, прежде Пизы и Генуи, с странами греческими и сарацинами Леванта. Крестоносцы ее обогатили более других городов Италии. Но со времени взятия Константинополя латинцами (в) 1204 нач(инается) ее эпоха величия. (...) Тогда как Генуя, обладательница колоний Перы и Кафы, имела ключ Черного моря, Венеция направляла свои корабли к Акре и Александрии» (Ак. Т. 9. С. 248—249). Венецианские купцы сыграли большую роль в подготовке первого крестового похода, оказали практическое содействие крестоносцам при осаде Иерусалима и затем создали привилегированные колонии на территории образованных крестоносцами государств. Во время четвертого крестового похода (1203—1204) они сумели использовать крестоносцев в своих интересах, направив их силы против христианской Византии, являвшейся торговой соперницей Венеции.

В результате был взят и варварски разграблен Константинополь, на отторгнутой половине византийской территории возникло государство крестоносцев, просуществовавшее более полувека, а Венеция получила важнейшие для ее торговли береговые земли в Южной и Восточной Греции, предместья Константинополя, остров Крит и ряд островов архипелага.

С. 39. ...с таким замысловатым и необыкновенно устроенным правлением. — Оно описано в гоголевском конспекте книги Г. Галлама «Европа в средние века» (см.: Ак. Т. 9. С. 249–252).

С. 39. ...генуэзский гражданин... — Христофор Колумб (1451–1506).

С. 40. Восточный океан — Тихий.

С. 40. ...папские миссии проникают в Северо-Восточную Азию и Африку... — Миссионерскую активность Ватикана связывали с сокращением сферы его влияния в результате Реформации: «Римская церковь утратила в XVI в. пол-Германии, Данию, Швецию, Англию, Шотландию, Ирландию, лучшую часть Швейцарии, Голландию; благодаря завоеваниям испанцев она приобрела в Америке больше земель, чем потеряла в Европе, но, при большой территории, людей у нее стало меньше. Казалось бы, божественным провидением было предназначено, что Япония, Сиам, Индия и Китай подчинятся власти папы, чтобы возместить ему Малую Азию, Сирию, Грецию, Египет, Африку, Россию и другие утраченные государства, о которых мы говорили» (Вольтер. Т. 3. С. 154–155).

С. 40. Лютер Мартин (1483–1546) — основатель немецкого протестантизма; в молодости принял пострижение в августинском монастыре.

С. 40. ...тем сильнее против него работали типографские станки. — Имеются в виду печатные антикатолические памфлеты, в которых, как писал Шиллер, «более или менее удачно выставлялись напоказ главные пороки придворных и католического духовенства, с целью вызвать негодование, омерзение и смех, а догматы новой церкви были изукрашены всеми цветами красноречия и обрисованы в самом чарующем обличье, со всей силою увлечения, в возвышенных тонах, с неотразимым обаяньем благородной простоты»: «Весь просвещенный мир был наводнен такого рода произведениями, появлявшимися чуть ли не ежедневно (...). Все эти шедевры красноречия и остроумия жадно проглатывались, между тем как безвкусные, напыщенные писания противной стороны наводили скуку» (Шиллер. Т. 4. С. 388).

С. 40. ...ужасным и благодетельным изобретением монаха-алхимиста... — Монаха Бертольда Шварца считали изобретателем пороха (см.: Карамзин. Кн. 2. Т. 5. Стб. 69–70). «Смертоубийственным и все же благодетельным инструментом» назвал порох Гердер; изобретение его «остановило слепую резню озлобленных солдат и положило пределы порождавшему ее способу ведения войны» (Гердер 1977. С. 606–607).

С. 40. ...блестящий век, произведенный этим государем (Людвиком XIV)... — Заметка Гоголя под названием «Век Людовика XIV» сохранилась среди набросков лекций, которые он читал в Патриотическом институте. В ней говорится: «Вся вторая половина 17 столетия называется веком Людовика XIV. Это был век славы для Франции. В это время она [стала] на самую блистательную степень государства» (Ак. Т. 9. С. 90). Судя по остаткам вырезанных из тетрадей Гоголя страниц, заметки по истории

Нового времени, в частности касающиеся Людовика XIV, были сделаны им и в период подготовки к чтению университетских лекций (см. там же, с. 637–638).

С. 41. *Напрасно гремит против него в английском парламенте Питт и составляет страшные союзы.* — Вильям Питт, граф Чатам (1759–1806), в 1783–1801 и 1804–1806 гг. премьер-министр Великобритании, был одним из организаторов коалиций европейских государств против наполеоновской Франции.

С. 41. *Освобожденные государства ~ утверждают снова союз...* — Речь идет о создании Священного союза, заключенного европейскими монархами в 1815 г. после победы над Наполеоном; о значении, которое ему придавалось при императоре Александре I, и переосмыслении при Николае I см.: Зорин 2001. С. 289–241.

С. 42. *...об Азии, этой обширной колыбели младенцествующего человечества ~ где ~ формы правления, дух народов одни и те же...* — Ср.: «Отчего так одина вся Азия по нравам своим и верованиям, отчего Азия и стала тем местом, где воспитывались народы и где закладывалась их первая культура? (...) Все так глубоко уходит тут в почву — и религия, и культ предков, и деспотизм! Азия — родной кров всего этого; чем ближе к Азии, тем больше таких древних нравов, и, несмотря на все различия, какие существуют тут между разными государствами, такие древние нравы распространены по всей Южной Азии. Северная Азия, отделенная от Южной высокой стеною гор, и сложилась иначе, однако и здесь, при всем различии народов, существует все же одна и та же основа всего» (Гердер 1977. С. 30).

С. 42. *...в дереве Юга, где на одной ветке, в одно время, один плод цветет, между тем как другой наливается, третий зреет, четвертый переспелый валится на землю.* — Имеется в виду, очевидно, смоковница (инжир, фиговое дерево), распространенная в Средиземноморье и на Ближнем Востоке; плоды смоковницы (винные ягоды) созревают трижды в год, при этом летние смоквы появляются на дереве, когда ранние, весенние уже поспели; зимние же появляются в августе, а зреют, когда дерево уже лишается листьев, и их иногда собирают даже в конце зимы; спелые смоквы легко сваливаются с дерева, если его потрясти. На сложный порядок вызревания плодов и их способность появляться на ветвях без всякого признака цветения и даже прежде листьев ссылаются толкователи Священного Писания при объяснении трудного для понимания эпизода в Евангелии — проклятия смоковницы Спасителем (см.: БЭ. С. 661–662).

С. 42. *...при всех характерных отличиях наций ~ вся Европа кажется одним государством.* — Ср.: «Ни в одной части света народы не перемешались так между собою, как в Европе (...). Тысяча причин размыла и изменила на протяжении веков прежний племенной состав многих европейских наций, а без этого слияния едва ли мог пробудиться к жизни общий дух Европы. (...) Как слои почвы, слои народов следуют в нашей части света одни за другими, часто смешиваясь, но всегда так, что их первоначальное положение можно еще распознать. Исследователям обычаев народов, их языков следует поторопиться, чтобы не поте-

рять время, пока слои еще различаются; ибо все в Европе склоняется к тому, чтобы национальные характеры постепенно стирались» (Гердер 1977. С. 476).

С. 42–43. ...самая бедность и скудость ~ превратили всю страну в вечную жизнь ума. — «Вся Европа — одна ученая империя (...) однажды устремившись к высотам знания, мы уже не можем остановиться в своем движении: мы бросаемся вслед за миражами высшей науки, универсального познания, — мы никогда не достигнем его, однако эта цель поддерживает наше движение вперед, пока существует теперешнее государственное устройство Европы», — говорит Гердер; он полагает, что ее культура могла стать только «культурой, порождаемой деловитостью, науками, искусствами»: «Если бы Европа была богата (...) то не было бы ничего из того, что выросло и сложилось в Европе» (Гердер 1977. С. 312, 608, 607).

С. 43. В этой одной только части света могущественно развился высокий гений христианства, и необъятная мысль, осененная небесным знамением Креста, витает над нею, как над отчизною. — Поэтической цитатой из Гёте, где говорится о вознесенном знаке креста, заканчивает Гердер книгу XVI своего труда, переходя от обзора народностей средневековой Европы к теме возникновения и распространения христианства, которое он рассматривает прежде всего как «новое средство культуры, цель которого была огромна, а именно нужно было все народы образовать и сложить в один-единственный народ, счастливый в современном и в будущем мире; и это средство нигде не действовало столь сильно, как в Европе» (Гердер 1977. С. 477).

С. 43. Наконец об Америке ~ еще не имеющей покамест никакого единства, даже единства религии... — Гердер говорит, что жившие в Америке «были слишком разъединены озерами и реками, крутыми обрывами и пропастями, так что, в отличие от Азии, на ее территории не могла утвердиться и распространиться вширь ни культура, общая для всей части света, ни древнее слово традиции отцов» (Гердер 1977. С. 31).

С. 43. Только тогда вы знаете хорошо историю, говорит Шлёцер, когда знаете ее и вдоль и поперек, и вкось, и во всех направлениях. — Ср.: «...Каждый род происшествий должно читать двояким образом: однажды вдоль, вперед и назад, а по том поперек, в сторону, или синхронистическим (единовременным) образом» (Шлёцер 1809. С. 44). Об А.-Л. Шлёцере см. в коммент. к статье «Шлёцер, Миллер и Гердер»).

С. 44. Эта лестница столетий есть лучшее средство к утверждению в памяти слушателей современности событий, лиц и явлений. — Речь идет о преподавании с использованием синхронистических таблиц, подобных составленной Гоголем таблице по истории стран Европы и Востока в X–XII вв. (см.: Манн 2004. С. 208, 360–361; Гоголь 1994. Т. 8. С. 76–77, 773).

ПОРТРЕТ

Источники текста: *ЧА Прт, Ар.* (см. с. 488–489, 491).

Впервые опубликовано: *Ар.* Ч. 1. С. 99–186. Датируется *ЧА* предположительно концом 1833 — не позднее августа 1834 г., окончательная редакция — сентябрем—октябрем 1834 г. Печатается по тексту *Ар.* со следующими исправлениями:

С. 49, строки 32–33: одушевляющей оригинал — вместо: отдушевляющей оригинал

С. 52, строка 17: в неясном облике — вместо: в неясном облаке

С. 52, строка 23: вперились в него всюю магнитною своею силою — вместо: вперились в него всего магнитною своею силою (по *ЧА Прт*)

С. 57, строки 23–24: доступна тысяче разных наслаждений — вместо: доступна тысячи разных наслаждений

С. 58, строки 13–14: с тою точностию, которую позволяют себе — вместо: с тою точностию, с которою позволяют себе (по *ЧА Прт*)

С. 58, строка 40: чувство досады и злости подкрепило ее — вместо: чувство досады и злости подкрепили ее (по *ЧА Прт*)

С. 62, строки 40–41: некогда были ему знакомы — вместо: некогда были ему знаками

С. 63, строки 31–32: лестницу трудных правил и анатомии — вместо: лестницу трудов правил и анатомии

С. 67, строка 28: пенсион не превышает — вместо: пансион не превышает

С. 70, строка 13: преувеличение итога — вместо: приувеличение итога

С. 70, строки 31–32: такие предлагал условия — вместо: такое предлагал условие (по *ЧА Прт*)

С. 74, строка 27: уста остались неподвижно открыты — вместо: уста остались неподвижны открыты

ЧА Прт в «тетради Тарновских» состоит из трех разделенных другими материалами массивов текста. Он начат на л. 25, после рядячистых листов, отрывка «Страшная рука» на л. 23 (сентябрь—октябрь 1833 г.) и также еще не заполненного, но испорченного надписью прежнего владельца тетради л. 24 (позднее на л. 24–24 об. появилась вставка к статье «Несколько слов о Пушкине», а еще позднее на л. 22 об.—24 об., огибая предшествующие записи, Гоголь работал над статьей «Скульптура, живопись и музыка»; см. с. 497, 504). Начало повести (до слов «В это время невольно остановился») написано ровным мелким почерком и по внешнему виду может быть сближено с набросками конца 1833 г. («Страшная рука», «Фонарь умирал», «Дождь был продолжительный» и др.), которые, вероятно, и имел в виду Гоголь, когда писал М.А. Максимовичу 9 ноября 1833 г.: «У меня есть сто разных начал и ни одной повести»; по-видимому, концом 1833 г. его и следует датировать (см.: *Гиппиус* 1966. С. 76). Продолжение текста на л. 25–25 об. (кончая словами: «Мысли рисовали перед ними другой предмет, и этот предмет были живые глаза. —») написано более крупным почерком, очевидно после перерыва в работе; оно содержит довольно боль-

шую, неразборчивую, местами незаконченную правку, вносившуюся, по-видимому, как в процессе работы, так и позднее. После первого массива текста «Портрета» в тетради на следующем же листе начата повесть «Невский проспект» (л. 26–35 об.), так, словно продолжения работы над «Портретом» не предполагалось; высказывалось даже мнение, что черновая рукопись «Портрета» написана «на страницах, оставшихся пустыми между другими мелкими статьями» и, следовательно, создавалась позднее (Тих. Т. 5. С. 569). Вопреки утверждению В.Л. Комаровича о «полной тождественности чернил и почерка (основного)» (Ак. Т. 3. С. 636) в начале обоих автографов, они заметно отличаются; «Невский проспект» целиком написан более крупным почерком и более темными чернилами, чем первые две страницы «Портрета», что позволяет развести их во времени; и, напротив, полное сходство в этом отношении продолжения «Портрета» с автографом «Невского проспекта», а также отмеченная впервые Н.С. Тихонравовым (см.: Тих. Т. 5. С. 599) оговорка Гоголя, назвавшего в черновике второй части «Невского проспекта» поручика Пирогова именем героя «Портрета» (см. с. 413: «Черткову очень неприятно было такое обхождение»), дают основание думать, что работа над повестями в заключительной стадии шла одновременно. Возможно, в какой-то момент Гоголь изменил замысел повести о художнике и начинал «Невский проспект» не параллельно «Портрету», а вместо него; однако в процессе работы на втором плане начали прорисовываться не ясные прежде автору сюжетные линии «Портрета» (см. с. 752) и замысел распался на две части.

Продолжает работу Гоголь на л. 83; выше в тетради и, видимо, раньше на л. 80 была закончена статья «Шлецер, Миллер и Гердер» (после февраля 1834 г.) и на обороте последней ее страницы был записан предварительный набросок к «Запискам сумасшедшего» (л. 80 об.), за которым следовало два пустых листа и несколько листов было вырезано. По-видимому, возвращаясь к работе, Гоголь перечитал начало и продолжил текст на л. 83 с фразы, которая, как заметил Н.И. Мордовченко, «варирует концовку уже ранее написанного им куска» (Ак. Т. 3. С. 663): «Мысли его были заняты этим необыкновенным явлением»; но вставка к нему на л. 24 об. («Эта лавка точно представляла» и т.д.) будет сделана позднее, уже после окончания статьи «Скульптура, живопись и музыка» (см. с. 497, 504). Последняя страница второго массива рукописи (л. 86 об.) исписана лишь наполовину и в нижней ее части записаны под отделяющей чертой две небольшие вставки; далее следовали несколько вырезанных впоследствии листов. Текст также содержит большую правку, но вся она, включая вставки, написана в процессе работы, тем же почерком и чернилами; заметны ошибки того типа, какие делаются при переписывании с предварительных набросков. Эта часть текста, заканчивающаяся словами: «он не знал даже имени его посетительницы», по-видимому, может быть датирована временем уже после февраля 1834 г., когда был написан первый план *Ар.*, в котором «петербургский» замысел Гоголя был обозначен еще в нерасчлененном виде названием «Дождь» (см. коммент. к отрывку «Дождь был продолжительный»).

В третий раз к работе над «Портретом» Гоголь приступает на л. 91 и заканчивает на л. 100; далее на л. 100 об.—101 пишется черновой автограф

«Жизни» и на л. 101 об. начата статья «Последний день Помпеи», чем и определяется время завершения черного варианта повести — не позднее конца августа 1834 г.; предположительно и не ранее этого срока, если считать, что при работе над ее окончанием Гоголь успел воспользоваться впечатлениями А.В. Никитенко от поездки в Олонецкую губернию в июле—августе 1834 г. (см. ниже). Эта заключительная часть рукописи по характеру правки близка к предыдущей; но почерк крупнее, чернила бледнее. После второго массива текста для Гоголя проясняется имя героя. С начала рукописи это просто художник, потом Корчин, Корчичин (вероятно, описка), Корчев (зачеркнутое Леон возникло, видимо, также в результате оговорки — это имя сына художника из второй части, появляющееся там, однако, только в печатном варианте), и опять просто художник; затем появляется другое имя — Коблев, Коблин, опять Корчин и снова Коблев, потом несколько раз Копьев; и только с л. 91 об., с начала третьего массива рукописи, появляется имя Чертков и уже сохраняется безошибочно. Если принять версию о том, что Гоголю была известна история помешательства студента Черткова и что она произошла во время летней экзаменационной сессии 1834 г. (см. коммент. к повести «Клочки из записок сумасшедшего»), можно предположить, что второй и третий массивы рукописи «Портрета» располагаются во времени до и после июня 1834 г. и что работа над ними шла параллельно работе над «Невским проспектом». В рукописи варьируется также имя ростовщика: Попендуло, Пердомихали, Пертомихали, Петромихали, Мавромихал (о возможном происхождении имен см.: *Вайскопф 1987. С. 36; Сахаров В.И. Русское масонство в портретах. М., 2004. С. 240–241; Денисов 2006. С. 144–145*). В конце л. 98 об. оставлена недописанной фраза «Я никогда не видел такого глубокого неб(есного)» — в окончательном варианте: «Я был поражен глубоким выражением божественности в Ее лице». Н.И. Мордовченко видит в этой незаконченности фразы признак перерыва в работе (см.: *Ак. Т. 3. С. 663*), но она скорее свидетельствует как раз о нежелании автора прерываться, чтобы уточнить неявную цитату в тексте — ср. явление Богородицы у Вакенродера в «Видении Рафаэля»: «Божественность ее лица так поразила его, что он разразился светлыми слезами» (*Вакенродер 1977. С. 31*; в современном Гоголю переводе: образ Ее «так выражал свою божественность, что градом покатились слезы из очей изумленного Рафаэля», *Вакенродер 1826. С. 7*). По сообщению Н.С. Тихонравова, в бумагах наследников Гоголя сохранялась не исправная копия писца, служившая оригиналом для *Ар.* (см.: *Тих. Т. 5. С. 569*); в настоящее время она не известна. «Сопоставление черновика “Портрета” с печатным текстом не оставляет никаких сомнений в том, что существовала недошедшая до нас беловая рукопись, принадлежавшая перу самого Гоголя, — пишет Н.И. Мордовченко. — Во-первых, текст черновика настолько труден и по почерку, и по характерным для Гоголя особенностям письма (условные сокращения слов, незаконченные фразы и пр.), что допущение, будто писец мог сделать копию по такому оригиналу, — невероятно. Во-вторых, то огромное количество стилистических дополнений и исправлений, которое мы имеем в печатном тексте “Портрета” по сравнению с черновиком, технически очень трудно было бы сделать на каком-либо готовом тексте вообще (...). Если и предположить, что все же Гоголь сделал

свои исправления на писарской копии или в корректуре, все равно такая копия или корректура непригодны были бы для типографии и их пришлось бы заново переписывать» (Ак. Т. 3. С. 664). По мнению Н.И. Мордовченко, повесть не вызвала цензурных опасений (единственный, с его точки зрения, случай возможной самоцензуры Гоголя — замена сравнения с удельными князьями сравнением с насекомыми во второй части): «Случаев цензурных извращений или купюр в печатном тексте повести, по крайней мере по сравнению с черновиком, установить невозможно» (там же).

Таким образом, рукопись характеризуется в целом двумя обстоятельствами: во-первых, по-видимому, существовали какие-то предварительные наброски к повести или она была основательно проработана в сознании — отсюда ошибки в черновике, словно при поспешном перебеливании; во-вторых, на эту основу наслаивалась при записи сложная и большая, часто неразборчивая и незаконченная правка; при этом окончательный текст повести сильно — но не в существенном — отличается от чернового. «По своей сюжетной и композиционной схеме черновой текст “Портрета” не имеет никаких расхождений с первопечатным текстом, — пишет Н.И. Мордовченко. — Эти расхождения, и при том в громадном количестве, мы имеем только в стиле повести и в смысловых частностях» (там же, с. 663). Создается впечатление быстрой, целеустремленной и уверенной работы, сопровождаемой множеством мелких несогласованностей и хорошо передающей ощущение подъема и творческого напряжения конца августа — октября 1834 г. — своего рода болдинской осени Гоголя, когда завершалась черновая и затем создавалась окончательная редакция повести; речь здесь может идти не только не о месяцах непосредственной работы — даже наверняка не о неделях — только о днях.

В ранних критических отзывах «Портрет» имел иную судьбу, чем две другие повести Ар. В СПч (1835. № 73. 1 апреля. Новые книги. С. 289–292) он был поставлен в один ряд с «отрывком из исторического романа» «Пленник» и повестью «Невский проспект»; все вместе они были оценены, в противоположность гоголевским рассуждениям «о науках и искусствах», как «создания замечательные во многих отношениях», в которых «дарование г. Гоголя обнаруживается с выгоднейшей стороны». «Надобно признаться, что г. Гоголь обладает фантазиею игривою, прихотливою и чудною, — писал рецензент, — и нельзя не пожалеть, что она не всегда управляется разборчивым вкусом и благородством описываемых предметов»; последний упрек, возможно, имел в виду повесть «Клочки из записок сумасшедшего», намеренно не включенную в этот ряд, но, впрочем, ниже упомянутую в достаточно положительном смысле; с другой стороны, в отличие от «Невского проспекта», представленного более развернуто, с выписками из него и принципиальным для СПч заключением о фарсовом характере дарования Гоголя, но главное, с оценкой характера героя как мастерски созданного, «фантастического и чудовищного, достойного воображения Гофмана», «Портрет» был здесь только назван. Резко недоброжелательно отозвавшийся о книге в целом Сенковский (БДЧ. 1835. Т. 9. Кн. 3. Март. Отд. 6. С. 8–14) даже не упомянул заглавие повести, неявно объединяя «Портрет» с «учеными» статьями Ар. и противопоставляя их «очень немногочисленным» страницам «Невского проспекта» и «Записок сумасшедше-

го», о которых «приятно отзываться с похвалой» (см. подробнее в преамбуле, с. 475); в качестве примера того, что в языке и слоге автора, как писал, издательски переиначивая фразу из гоголевского предисловия, Сенковский, «заметно что-то более, чем молодое», в одном ряду с выписками из статей приводились также цитаты из «Портрета», иногда с искажениями и неоговоренными пропусками. Как заметил Н.С. Тихонравов, некоторые из приведенных Сенковским фрагментов были изменены в поздней редакции повести (см.: Тих. Т. 2. С. 587). Шевырев умолчал об *Ар.* при их появлении; в рецензии же на «Миргород» дал понять, что недоволен ими и причина его разочарования — то, что в петербургских повестях гоголевский талант «не устоял против западных искушений и покорился в своих фантастических созданиях влиянию Гофмана и Тика» (*МН.* 1835. Ч. 1. Кн. 2. С. 404). «Может быть, это есть влияние Петербурга на Автора...» — добавлял Шевырев, по всей вероятности имея в виду как раз «Портрет», наиболее гофманианскую из повестей *Ар.*; еще короче и откровеннее он сформулировал свое мнение через несколько лет в рецензии на «Мертвые души»: «Самые неудачные создания Гоголя из прежних были Вий и те повести в *Арабесках*, в которых он подчинялся Немецкому влиянию»; из противопоставления их здесь «Мертвым душам» можно заключить, что поэзия этих «фантастических созданий» Гоголя представлялась рецензенту бессодержательной, уклоняющейся «в какое-то бытие отвлеченное, произвольное, чуждое значения» (*Москв.* 1842. Ч. 4. № 8. С. 373). Прочитав новую редакцию «Портрета», Шевырев изменил свое мнение о повести (см. его письмо Гоголю от 26 марта 1843 г. в кн.: *Переписка 1988.* Т. 2. С. 299). Еще до того, как Гоголь узнал мнение Шевырева, о «Портрете» резко высказался Белинский и, в отличие от Шевырева, придерживаясь этого убеждения до конца жизни (см. т. 6 наст. изд.); в своей рецензии на два гоголевских сборника в «Молве» (1835. № 15) он подчеркивал обошел молчанием эту повесть Гоголя, назвав не три, а только «две его пьесы в “Арабесках” (“Невский проспект” и “Записки Сумасшедшего”))» как доказывающие, «что его талант не упадает, но постепенно возвышается»; а вскоре после этого в статье «И мое мнение об игре г. Каратыгина» (*Молва.* 1835. № 18) прямо заявил, что «г. Гоголь вздумал написать фантастическую повесть à la Hoffmann (“Портрет”), и эта повесть решительно никуда не годится» (*Белинский.* Т. 1. С. 174, 181). «Портрет» есть неудачная попытка г. Гоголя в фантастическом роде, — писал Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (*Т.* 1835. Т. 26. № 8). — Здесь его талант падает, но он и в самом падении остается талантом. Первой части этой повести невозможно читать без увлечения; даже, в самом деле, есть что-то ужасное, роковое, фантастическое в этом таинственном портрете, есть какая-то непобедимая прелесть, которая заставляет вас насильно смотреть на него, хотя вам это и страшно. Прибавьте к этому множество юмористических картин и очерков во вкусе Гоголя; вспомните квартального надзирателя, рассуждающего о живописи; потом эту мать, которая привела к Черткову свою дочь, чтобы снять с нее портрет, и которая бранит балы и восхищается природою, — и вы не откажете в достоинстве и этой повести. Но вторая ее часть решительно ничего не стоит; в ней совсем не видно г. Гоголя. Это явная приделка, в которой работал ум, а фантазия не принимала никакого

участия». Соглашаясь с мнением Шевырева (по поводу «Вия») о том, что «ужасное не может быть подробно: призрак тогда страшен, когда в нем есть какая-то неопределенность», Белинский замечает: «Вообще надо сказать, фантастическое как-то не совсем дается г. Гоголю»; однако пожелание Шевырева об изменении направления гоголевского творчества представляется ему «ужасным анахронизмом»: «Как! неужели поэт может сказать себе: дай опишу то или другое, дай попробую себя в том или другом роде?.. И притом, разве предмет делает что-нибудь для достоинства сочинения? Разве это не аксиома: где жизнь, там и поэзия?» Гоголь же, по словам Белинского, «верен жизни до последней степени». «Она у него настоящий портрет, в котором всё схвачено с удивительным сходством, начиная от экспрессии оригинала до веснушек лица его», — пишет критик, кажется, впервые пуская в литературный оборот подсказанную повестью метафору, позднее переосмысленную И.Ф. Анненским («Сокровенный смысл повести был разъяснен нам только дальнейшей жизнью Гоголя, а самому поэту — может быть — лишь его смертью. (...) Гоголь тоже убежал и тоже в аскетизм, и тоже от неоконченного портрета, который он писал, как ему казалось, тоже с рабской верностью. (...) Чем долее выписывал Гоголь в портрете России эти бездонные и безмерно населенные глаза его, тем тяжелей и безотраднее должно было казаться ему собственное существование (...) он почувствовал, что никуда от них уйти уже не может (...) потому, что они это — он», *Анненский*. С. 15–16, 18) и А. Бельим («Тут-то и вскрывается провал, “дна которого никто не видал” (...) он стал — дырой рамы портрета; некогда свергнутый грешник в образе Петромихали опять выскочил покупать души, которые от того становятся “мертвыми”; Гоголь промертвел в Петербурге: и не отогрел его Рим: “Мертвые души”, портрет России, — выпрыгнули из рамы» (*Белый 1934*. С. 184). Отвергая «Портрет», Белинский внутренне захвачен его проблематикой и в конце статьи дает собственный ответ на поставленный в повести вопрос о границах дозволенного в искусстве: «Нет, пусть г. Гоголь описывает то, что велит ему описывать его вдохновение, и пусть страшится описывать то, что велят ему описывать или его воля или гг. критики. Свобода художника состоит в гармонии его собственной воли с какою-то внешнею, не зависящею от него волею, или, лучше сказать, его воля есть вдохновение!..» (*Белинский*. Т. 1. С. 303, 293, 307); ответ этот отличается от гоголевского, и в этом расхождении уже намечены исходные моменты будущего конфликта Белинского с поздним Гоголем.

В пушкиноведении отмечалось, что «Портрет» и также повесть «Вий», которые «благодаря сочетанию в них реализма и элементов романтической фантастики составляли особую линию гоголевского творчества», были единственными из значительных произведений Гоголя 1830-х годов, о которых не сохранилось никаких сведений, позволяющих определить отношение к ним Пушкина. «Умолчание Пушкина о них в рецензии на второе издание “Вечеров”, по-видимому, не случайно, если учесть, что и из других источников мы ничего не знаем об отношении к ним поэта (...) правомерно предположение, что повести эти (особенно “Портрет”) не вполне удовлетворяли также и Пушкина, в той или иной мере разделявшего критическое отношение к ним Белинского» (*Петрунина, Фридлендер*. С. 223–224).

«Портрет» стал первой попыткой Гоголя последовательно воплотить свой ранний «петербургский» замысел в той его части, которая зафиксирована в отрывках «Страшная рука» и «Фонарь умирает»; в своем первоначальном виде замысел этот содержал только самые общие, хотя, возможно, важнейшие моменты в петербургском самоощущении Гоголя и не мог быть развит прежде всего из-за отсутствия героя, способного завязать вокруг себя «петербургский» сюжет, т.е. определяемого в данности своей судьбы петербургским пространством и временем со всем комплексом их существенных осмыслений; такой герой — функция петербургского ландшафта и его одушевленный, личностный центр, своего рода «человек в пейзаже» — неизбежно должен был быть автобиографическим, потому что Петербург был сильнейшим потрясением в жизни Гоголя, а ко времени работы над *Ар.* все очевиднее превращался в проблему, в особо острых случаях формулирующуюся для него как проблема личной судьбы. Первые после приезда и вовсе не романтические, убивающие душу обстоятельства столичной жизни стали частью писательского опыта и были потом распределены Гоголем между персонажами петербургских повестей почти без остатка; в его письме матери от 30 апреля 1829 г. («...Я точно сильно нуждался в это время, но впрочем всё это пустое; что за беда посидеть какую-нибудь неделю без обеда, того ли еще будет на жизненном пути, всего понаберешься, знаю только, что если бы втрое, вчетверо, всотеро раз было более нужд, и тогда они бы не поколебали меня и не остановили меня на моей дороге») уже формулируется то самоощущение, которое свойственно в той или иной мере всем его художникам: и Пискареву, и Черткову в начале повести, и автору потрясшей Черткова картины, но прежде всего и буквально — художнику из Коломны, которому «так грустно было разлучиться хотя на время с любимой мыслью, что он лучше готов был несколько дней просидеть голодным в своей комнате». В том же письме появляется и существенная для «Портрета» тема работы ради денег («как бы добыть этих проклятых, подлых денег, которых хуже я ничего не знаю в мире, вот я и решился...»). Тема «проклятых денег», возникшая здесь впервые, пройдет потом через повесть «Вечеров...» в виде мотива «заколдованного клада», оборачивающегося трухой и смертью, как центральная будет заявлена в отрывке «Рудокопов» и затем воспроизведена в «Портрете» со всем комплексом накопленных к тому времени ассоциаций. В том же письме от 30 апреля 1829 г. Гоголь впервые описывает Петербург (см. коммент. к отрывкам «Страшная рука» и «Дождь был продолжительный»), и прежде всего он говорит не о ландшафте города, а о его жителях: «всё подавлено, всё погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их» — вот главное для Гоголя и несомненно лично пугающее, если вспомнить сказанное в его письме Петру П. Косяряковскому от 3 октября 1827 г.: «Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом — быть в мире и не означить своего существования — это было для меня ужасно». Таким образом, тематический комплекс «Портрета» — готовность на лишения ради высокого призвания, соблазн денег и, возможно, опрометчивое решение, оборачивающееся гибелью души, ужас, вызванный перспективой бесплодно истратить жизнь, — представлен уже в

письме от 30 апреля 1829 г., задолго до первых реальных набросков «петербургской» темы и помимо них. Особый отпечаток на первые столичные впечатления Гоголя накладывает непривычный климат. Весна, «которая вовсе не похожа на весну» (письмо матери 22 мая 1829 г.), ночей, «как вам известно, здесь нет», воздуха «здесь нет настояще деревенского; весны совсем нельзя заметить; самые растения утратили здесь свой запах, как пересаженные насильственной рукою на неродную им почву» (письмо от 3 июня 1830 г.); но тяжелее всего оказывается для Гоголя лето (см. письмо от 25 августа н. с. 1829 г.), «когда столица пуста и мертва, как могила, когда почти живой души не остается в обширных улицах, когда громады домов с вечно раскаленными крышами одни только кидаются в глаза» (письмо от 2 февраля 1830 г.); интонационно этот фрагмент близок к описанию пугающего ночного города в отрывке «Фонарь умирал...», и можно предположить, что петербургское лето, которое позднее будет мучить и душить и доводить до преступления героев Достоевского, хотя и не было описано Гоголем ни в одном произведении, но все же задало основную ноту в его трактовке Петербурга — именно здесь возникает впервые у Гоголя чувство непонятого ему страха (о «петербургском страхе» у Гоголя см.: *Белый 1934. С. 186–189*; также см.: *Топоров 2003. С. 90–93*). Мысль «все бросить и ехать из Петербурга» (письмо матери от 2 апреля 1830 г.) не оставляет его все его петербургские годы, завершившиеся отъездом за границу 6 июня 1836 г.; центробежная направляющая присутствует и в структуре всех трех «петербургских» повестей *Ар*. Предварительная попытка бегства летом 1829 г. (см.: *Манн 2004. С. 160–170*) сопровождается личными мотивировками, также соотносимыми с мотивами повестей: в письме от 24 июля 1829 г. Гоголь объясняет его встречей с женщиной, возбудившей в нем мгновенную страсть. Эта тема прямо связывается с «Невским проспектом», герой которого погиб «жертвой безумной страсти» (с. 144); но и герой «Портрета» изначально задан как страстная натура, и уже при первом описании его на первой странице черновика появляются слова «слишком сильная страсть»; показано его азартное волнение при покупке портрета и затем страсть к золоту, обернувшаяся еще более страстной жадной разрушения и наконец гибелью; «размер страстей был слишком неправилен и колоссален для слабых сил ее» (с. 64), говорит Гоголь о жизни этого своего героя, противопоставляя его художнику из второй части повести («власть, которую он брал над собою и над страстями, была неопостижима, его убеждения были тверже гранита, и чем сильнее было искушение, тем он более рвался противуставить ему несокрушимую силу души своей», с. 75), который из всех страстей оставил себе только любовь к Богу, — по определению Гердера, «самый сильный и чистый аффект среди всех доступных человеку» (*Гердер 1977. С. 128*). О твердости в противостоянии страстям, вероятно имея в виду и бегство «от самого себя» в 1829 г., Гоголь пишет 20 декабря 1832 г. А.С. Данилевскому: «Очень понимаю и чувствую состояние души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать (...) это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновение (...) потому-то к спасенью моему у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня от желания заглянуть в пропасть». О том, чего «самому, благодаря судьбу, не удалось испытать», он написал «Невский проспект» (и по-другому, несом-

ненно более полно и точно в автобиографическом отношении, — «Вий»); но «Портрет», повесть, «которую Гоголь написал дважды и в которую он вложил себя более, чем в какое-либо другое из своих произведений» (Анненский. С. 13), он писал о том, что с ним действительно было. В «Портрете» уходит и осязаемый оттенок кошмара в описании таинственного образа: «глаза, быстро пронзающие душу (...) их сияния, жгущего, проходящего насквозь всего, не вынесет ни один из людей...» (письмо матери от 24 июля 1829 г.); ни «сокрушительные» глаза героини «Невского проспекта», ни комическое «Сокрушила» в черновике о глазах Софи в «Записках сумасшедшего» не передают этого ощущения. «Ангел», «божество», говорит Гоголь — но в воспоминании его тоска и ужас. «...И теперь при напоминании невыразимая тоска врезывается в сердце. (...) Если бы она была женщина, она бы всею силою своих очарований не могла произвести таких ужасных, невыразимых впечатлений»; здесь словно предвосхищается «неизъяснимое ощущение», «непостижимый страх» от преследующего «нестерпимого» взгляда старика на портрете, от «непостижимой и вместе странной живости» его «убийственных глаз», чувство в которых «было совершенно необыкновенно и невыразимо». В самом же событии Гоголь видит знак свыше, предостерегающий от уклонения с предначертанного ему поприща, как сказал бы он позднее; «один Бог», говорится в письме от 24 июля 1829 г., указал ему «путь в землю чуждую, чтобы там воспитал свои страсти в тишине, в уединении, в шуме вечного труда и деятельности, чтобы (...) работать на пользу мира», он же «осмелился откинуть эти божественные помыслы и пресмыкаться в столице (...) где все лета, проведенные в ничтожных занятиях, будут тяжким упреком звучать душе» (о мотивах первой заграничной поездки Гоголя см.: Манн 2004. С. 128–130). Тема высокого призвания, которую Гоголь изначально связывал с Петербургом, теперь осмысливается для него отдельно и в противопоставлении теме петербургской жизни и внутренне приобретает черты аскетического служения: посвятивший себя этой цели «должен иметь железную волю и терпение, покамест не достигнет своего предназначения, должен не содрогнуться крутой, длинной — почти до бесконечности и скользкой лестницы (...) должен отвергнуть желание раннего блеска» и признание света. «Никакое желание рассеяния, забав и развлечений всякого рода не должно останавливать его» (письмо матери 3 июня 1830 г.). Мысль эта пока не связана с темой живописи или писательского труда; но образ крутой лестницы на пути к призванию Гоголь почти дословно перенесет в повесть, упомянув в ней «утомительную длинную лестницу постепенных сведений и первых основных законов будущего великого», которой роковым образом пренебрег Чертков (с. 63). Тема монашества в такой трактовке подразумевает не отчуждение от мира, а максимально полную самоотдачу и самоосуществление в нем, исполнение своего мирского назначения; тема иностранной поездки как своего рода послушничества входит в нее как одна из вариаций и практически не содержит никаких дополнительных смысловых моментов; в таком виде обе эти темы представлены в «Портрете» судьбами по-разному, но равно верных своему призванию художника-монаха и художника, приславшего картину из Италии.

Время гоголевских «прогулок в Академию художеств» («я каждый почти день прогуливаюсь по дачам и прекрасным окрестностям (...) делаю сво-

бодно верст 20 и более и не чувствую никакой усталости. (...) В 9 часов утра отправляюсь я каждый день в свою должность и пробываю там до 3-х часов, в половине четвертого я обедаю, после обеда в 5 часов отправляюсь я в класс, в академии художеств», письмо матери 3 июня 1830 г.) дает ему первостепенно важные для работы над «Портретом» впечатления от знакомства с петербургскими художниками, «и со многими даже знаменитыми», как сообщает Гоголь матери в том же письме. Хотя «о связях Гоголя в 30-е годы с художественными кругами Петербурга не сохранилось документальных данных, кроме материала переписки (...), несомненно, что зарисовки быта живописцев, острое внимание к живописной технике, которое имеется в “Портрете”, — все это восходит к жизненным впечатлениям писателя» (*Мордовченко 1939. С. 99*). В письме от 29 сентября 1830 г. Гоголь рассказывает об осенней выставке картин в Академии художеств; очевидно, вся вторая половина года проходит у него под знаком увлечения живописью, которое в этот период сильнейших и разрушительных воздействий на его сознание и психику, вероятно, даже по отношению к первым его литературным опытам, сложно ориентированным в петербургской литературной среде и в этом смысле также подверженным влиянию столичной жизни, составляло его интимный, домашний мир и давало внутреннюю опору.

Конец 1830 — начало 1831 г. ознаменованы для Гоголя первыми публикациями и работой над «Вечерами...», но, по-видимому, более всего — знакомством с Жуковским и Плетневым и затем наконец с Пушкиным. 2 ноября 1831 г. Гоголь пишет А.С. Данилевскому: «Всё лето я прожил в Павловске и Царском Селе. Стало быть, не был свидетелем времен терроризма, бывших в столице. Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. (...) У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая»; далее в письме сообщается о написанных Пушкиным сказках; они и «Домик в Коломне» (1830), таким образом, — первое у Пушкина, что Гоголь получил непосредственно от него и, насколько можно понять, в его чтении. Исключительное значение 1831 года в биографии Гоголя бесспорно; исследователи признают, что «сделанный им, при помощи Жуковского, шаг был действительно “гигантским”, сразу поставившим его в условия, необычайно выгодные для его будущей литературной деятельности» (*Петухов Е.В. Гоголь и Жуковский // Сборник в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, изданный Императорским Юрьевским Университетом. Юрьев, 1903. С. 4; см. также: Манн 2004. С. 230*), однако близость личная и творческая с Пушкиным, продекларированная в письме, вызывает сомнение у исследователей (см.: *Лукьяновский Б.Е. Пушкин и Гоголь в их личных отношениях: (Вопрос о «дружбе») // Беседы: Сборник Об-ва ист. лит-ры в Москве. М., 1915. С. 47; Долинин 1922. С. 187–189; ср.: Петрунина, Фрилендер. С. 200*). «Пушкин, несомненно, высоко ценил талант Гоголя: об этом свидетельствуют его многочисленные отзывы печатные, записанные современниками и встречающиеся в переписке», однако «Гоголя, как человека, они совершенно не касались» (*Каллаш В. Заметки о Гоголе: II. Пушкин и Гоголь // Голос минувшего. 1913. № 9. Сентябрь. С. 236*); «близости настоящей не могло быть (...) отношения сложны, еще не ясны нам

вполне» (*Пумпянский 2000. С. 285*). «Ведь надо считаться с тем, что перед нами, когда говорим о Пушкине, определенный замкнутый круг (...), члены которого очень тесно связаны между собою с давнего времени (...) в это лето 1831 года и в два ближайших года — образ Гоголя ни у кого из членов кружка ни разу не возникает рядом с близкими — с Вяземским, Жуковским, Смирновой, Плетневым и другими» (*Долинин 1922. С. 189*); именно в этой отчужденности скрывается, по предположению А.С. Долинина, «одна из причин, по которым Гоголь сошелся так стремительно быстро с москвичами: с Погодиным, Аксаковыми и другими» летом 1832 г.; с ней связано и стремление Гоголя получить кафедру в Киевском университете. «Это могла быть первая еще не вполне осознанная попытка бежать из той среды, которая тем больше ранит его, что никто ведь в сущности ни в чем не виноват», — пишет А.С. Долинин; последние месяцы 1833 г. он считает кульминационными для Гоголя и видит в них «один из самых тяжелых периодов в его жизни»: «Гоголь мечется в каком-то странном беспокойстве, часто чувствует себя больным; по-видимому, о Киеве мечтает совершенно искренно (...) Там он в самом деле может оказаться единственной формирующей силой» (*там же, с. 195—196*). Положение усугубляют творческие неудачи Гоголя; почти весь год, до самой осени, проходит для него под знаком кризиса (см. коммент. к «1834»), остро сознаваемой невоплощенности замыслов. «Сколько я поначинал, сколько пережег, сколько бросил! — пишет Гоголь М.П. Погодину 28 сентября 1833 г. — Понимаешь ли ты ужасное чувство: быть недовольну самим собою. (...) Человек, в которого вселялось это ад-чувство, весь превращается в злость, он один составляет оппозицию против всего, он ужасно издевается над собственным бессилием»; это «ад-чувство» он заставляет испытать и героя «Портрета». Повесть, таким образом, стала творческим и психологическим итогом кризиса 1833 г.; по-видимому, она была начата сразу после кризиса — и остановлена в самом начале потому, что, как и другие замыслы 1833 г., имела слишком всеобъемлющий характер. «Все, что было в опыте и сознании Гоголя, как переживание и как только возможность, сосредоточено в этом последнем его демоническом сюжете» (*Гиппиус 1924. С. 58*). «Восхищенный Коломной в поэме Пушкина, — пишет М.А. Цявловский, — Гоголь в “Портрете” решил дать свою Коломну» (*Цявловский. С. 252*). Замысел «Портрета» действительно можно жестко связать с «Домиком в Коломне» (именно знакомство с этой поэмой способствовало обращению Гоголя к петербургской тематике вообще; см.: *Петрунина, Фридлендер. С. 199*), и не только с «живой петербургской природой» в поэме, но и с тем местом, которое сама поэма должна была занимать в воспоминаниях Гоголя, оказавшись, по-видимому, и своего рода «моментом истины» в его отношениях с Пушкиным, и некоторой точкой отсчета для нового понимания им собственных творческих возможностей, сложившегося в результате пережитого кризиса. В таком виде замысел мог возникнуть, разумеется, не при первом знакомстве с этим произведением в 1831 г., а позднее, осенью 1833 г., когда, по-видимому, пушкинская Коломна была заново актуализована для Гоголя чтением «Медного всадника». В начале 1833 г. Пушкин опубликовал «Домик в Коломне» в альманахе «Новоселье» (1833. Ч. 1; альманах вышел в свет 19 февраля 1833 г.), и поэма вызвала только недоуменные и раздраженные

отзывы; по словам брата поэта, Л.С. Пушкина, «публика увидела в ней такой полный упадок таланта, что никто из снисходительного приличия не упоминал при нем об этом сочинении»; см.: *Абрамович 1994. С. 100, 118–119, 130–132, 185–186*). Гоголь, говоря об альманахе в письме М.П. Погодину от 20 февраля 1833 г., не упоминает «Домик в Коломне», но год спустя в статье «Несколько слов о Пушкине», говоря о неуспехе «последних его поэм», интерпретирует отношения поэта с публикой как коллизию между художником-портретистом и его моделью: она «похожа в этом случае на женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий, но горе ему, если он не умел скрыть всех ее недостатков»; художнику остается «или натянуть сколько можно выше свой слог, (...) тогда толпа почитателей, толпа народа на его стороне, а вместе с ним и деньги; или быть верну одной истине». Пушкин не избрал первого пути, «потому, что у всякого, кто только чувствует в себе искру святого призвания, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талант таким средством»; такая же «разборчивая, мнительная боязнь за свое непорочное имя» овладевает и Чертковым в те последние минуты, когда он еще помнит о своем призвании, но уже сделал решающий шаг к измене ему. Рукопись статьи «Несколько слов о Пушкине» дописывалась в «тетради Тарновских» на л. 24–24 об., оставшихся свободными перед началом «Портрета» и, вероятно, параллельно с работой над повестью; в единстве сборника статья дополняет повесть и отчасти комментирует ее, заставляя прямо ассоциировать поставленные в ней вопросы с творчеством Пушкина. Для читателя, согласного с толками об упадке его таланта, локализация действия повести в Коломне должна была стать своего рода вызовом, аналогичным тому, который сделал сам Пушкин в «Медном всаднике», демонстративно поселив там Евгения и напомнив таким образом об осужденном общим мнением произведении. Однако опубликовать «Медный всадник» не удалось; Гоголь же сделал затем новый полемический жест в концовке повести «Нос», намеренно дублируя ироническое окончание «Домика в Коломне». За верхним смысловым слоем лежал более глубокий, адресованный кругу посвященных, для которых упоминание Коломны было указанием не только на шуточную поэму Пушкина, но и на его «петербургскую повесть», как сам Пушкин определил в подзаголовке жанр «Медного всадника», со всей ее взрывчатой политической и исторической проблематикой. Действие поэмы было так же определено привязано к петербургской местности; в ней уже содержались моменты, которыми потом Пушкин обозначит течение повседневной петербургской жизни в «Медном всаднике»; были здесь и предчувствия и непонятные страхи, заставляющие сердце биться «как перед бедой». Не ясно, насколько Гоголь чувствовал этот тревожный подтекст шутливой поэмы (о нем: *Бочаров 1999. С. 187–190, 250–251*); но ощущение тревоги должны были восполнить сами обстоятельства знакомства с ней: именно в то время он впервые воспринимает Петербург под знаком реальной катастрофы — эпидемии холеры и польского восстания. Именно с этими событиями Л.В. Пумпянский, говоря о «Медном всаднике», непосредственно связывает «безмерность тревоги, из которой родилась поэма» (*Пумпянский 2000. С. 596*). Осенью 1824 г. тема петербургского потопа проходит через несколько пушкин-

ских писем; эта первоначальная реакция его на известия о наводнении 7 ноября 1824 г. (см. *Пушкин*. Т. 13. С. 122, 131), по-видимому, получила распространение в близких ему кругах и могла дойти до Гоголя. Тема наводнения возникает у Гоголя именно в письме к Пушкину от 21 августа 1831 г. Он мог видеть и Неву 17 августа 1833 г. (он жил в это время на даче в Стрельне, иногда приезжая в Петербург), когда из-за сильного ветра вода поднялась и угрожала снести мосты и затопить город (см. в письмах Вяземского и Пушкина, *ОА*. Т. 3. С. 251; *Пушкин*. Т. 15. С. 71–72). Вариант мифа о водной гибели Петербурга намечен в наброске «Дождь был продолжительный», где есть присутствующая и в «Медном всаднике» наряду с темой потопа-гибели тема потопа-очищения; но «миф начала», творения — тема «светло-прозрачного космоса», преодолевающего хаос в своем вечном обновлении и возрождении, в том виде, как она дана у Пушкина, у Гоголя редуцирована до полной неразличимости; дождь у него не промывает город до прозрачности, а размывает в призрачность, в «темно-призрачный хаос» (*Топоров* 2003. С. 41); вода льет во всех направлениях, «как желая вдавить еще ниже этот болотный город» (с. 284). «Болотный город» — важнейшее гоголевское определение Петербурга (см.: *Вайскопф* 1993. С. 200, 246–247); здесь он традиционен и в то же время, кажется, своеобразен в своем видении города и его окрестностей словно в состоянии перманентного наводнения, усыхающего и загнивающего, пропитавшего город, вдавливающего его в «пространство высохшего болота», неопределенно-«безбрежное пространство», в пределе распространяемое до границ империи; на Козьем болоте в Коломне Гоголь поселил и ростовщика в повести — своего рода «болотную нечисть». Еще до того, как показать в поэме водный хаос, наступающий извне на петровскую твердыню, Пушкин в «Уединенном домике на Васильевском» рисовал как бы внутреннюю эрозию петербургского пространства, как и наводнение, начинающуюся с окраины, с мест, близких к Смоленскому кладбищу; это существование в прямом смысле «на краю», беззащитное перед стихией (в «Медном всаднике») и временем (в «Домике в Коломне»), в «Уединенном домике...» становилось объектом внимания злой силы; деньги здесь, как и в «Портрете», имеют значение платы за душу и искуситель отчасти приравнивается к гоголевскому ростовщику. Тема денег применительно к петербургской жизни оборачивается прежде всего темой скрытой бедности (об особенном петербургско-страшном ее характере, вытекающем «из контраста бедности и цивилизованности, упорядоченности, организованности», см.: *Топоров* 2003. С. 90), заставляющей героя никак не связанного, казалось бы, с Петербургом пушкинского «Скупого рыцаря» видеть в себе не человека, а «мышь, рожденную в подполье» (это чувство станет ядром специфически петербургского «подпольного» комплекса у Достоевского), и общей у него с Германном в «Пиковой даме»; само же движение денег, в «Пиковой даме» определяемое обстоятельствами фантастическими или случайными, в «Скупом рыцаре» описано как аккумуляция возможностей, приобретаемых за счет людского горя и преступлений, поглощением «по горсти бедной» чужого нереализованного существования; при этом противоположным полюсом его демонической мощи («Что не подвластно мне? как некий демон / Отселе править миром я могу») оказывается концентрация вины, накопление инвективного потен-

циала, не случайно, по-видимому, осознаваемого как угроза потопа: «Да! если бы все слезы, кровь и пот, / Пролитые за всё, что здесь хранится, / Из недр земных все выступили вдруг, / То был бы вновь потоп — я захлебнулся б / В моих подвалах верных» (*Пушкин*. Т. 7. С. 110–111). Возможно, следом чтения этой трагедии (1830, опубл. 1836) — неточной, но выразительной реминисценцией отсюда являются слова Гоголя в письме к М.А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г. о собрании народных песен Ходаковского: «Как бы я желал теперь быть с вами и пересмотреть их вместе, при трепетной свече, между стенами, убитыми книгами и книжною пылью, с жадностью жида, считающего червонцы». Той же осенью 1833 или зимой 1834 г. тема ростовщичества могла стать предметом бесед Пушкина и Гоголя, поскольку, по мнению М.А. Цявловского, именно от Пушкина и, следовательно, через его восприятие, образ ростовщика пришел в гоголевскую повесть.

Н.И. Коробка первый связал содержащийся в воспоминаниях П.А. Каратыгина рассказ об индийском ростовщике Моджереме Мотомалове (ок. 1758–1833) с персонажем Гоголя (см.: *Коробка Н.* Оригинал ростовщика в гоголевском «Портрете» // *ЛВ*. 1904. Т. 1. С. 20–23). «Эту оригинальную личность можно было встретить ежедневно на Невском проспекте в своем национальном костюме: широкий темный балахон был надет у него на шелковом пестром халате, подпоясанном блестящим кушаком; высокая баранья папаха, с красной бархатной верхушкой, была обыкновенно заломана на затылок; бронзовое лицо его было татуировано разноцветными красками, черные зрачки его, как угли, блистали на желтоватых белках с кровавыми прожилками; черные широкие брови, сросшиеся на самом переносье, довершали красоту этого индийского набоба» (*Каратыгин П.А.* Записки. Л., 1929. Т. 1. С. 264). Можно заметить, что внешне образ этот хотя и поражает воображение, однако совершенно иначе, чем фигура гоголевского ростовщика, наделенного, правда, «южною резкою физиогномией», но лишенного той почти курьезной экзотичности, которая преобладает в описании Каратыгина; при этом Гоголь изображает человека «высокого роста», «живой скелет», очевидно не ставя себе задачей зрительное сходство с предполагаемым прототипом, о котором Каратыгин замечает: «Он был тогда уже очень стар, приземист и, ходя, пыхтел от своей безобразной тучности» (*там же*). Гораздо больше сходства в другом отношении — действия ростовщика, как и в «Портрете», поддержаны официальной властью. «К театральным он вообще был как-то особенно благосклонен; не потому, чтобы он любил театр, куда он, конечно, не заглядывал, — пишет Каратыгин, — но он пользовался особенной привилегией у театрального казначея и вычеты из жалованья своих должников получал беспрепятственно по предъявлению их расписок» (*там же*, с. 264–265); в приведенном здесь же письме актер Г.Ф. Климовский (1791–1831) жалуется: «Просто мертвая петля на шее. Живодер Моджерам заломил такие дьявольские проценты, что нет никакой возможности иметь дело с этой индийской чумой» (*там же*, с. 266–267). По какой-то причине образ странного ростовщика «оказался закрепленным в литературе 30-х годов. Так, ростовщик, “старик-индеец” упоминается в анонимной повести “Домик на Литейной” в третьей книжке “Сын Отечества” и “Северный Архив” 1834,

с. 164 и 169. Очевидно, он же фигурирует в нравописательном фельетоне Ф.В. Булгарина “Гражданственный гриб, или жизнь, то есть прозябание и подвиги приятеля моего Фомы Фомича Опенкова” (см. “Северную пчелу”, 1833, № 215 от 23 сентября, с. 859)» (Мордовченко 1939. С. 108); можно предположить, что внимание привлекла его смерть в 1833 г. и необычное погребение: «по индусскому обряду, бранные его останки были торжественно сожжены на костре, на Волковом поле (...) и этот печальный обряд мог вполне назваться погашением долгов, потому что Модже-рам, кажется, не оставил после себя наследников и все неудовлетворенные обязательства и недомки рассыпались вместе с его прахом» (Каратыгин П.А. Записки. Т. 1. С. 265). Гоголь, вероятно, знал об индийском ростовщике; на том основании, что, «по свидетельству Каратыгина, этот ростовщик был постоянным кредитором актеров, как известно, издавна проживавших в Коломне», М.А. Цявловский заключает, что и сам он мог быть обитателем Коломны и дополнительные впечатления о нем Гоголь мог получить из разговора с Пушкиным. «Пушкин, по выходе из лицея, жил с родителями до ссылки в 1820 году именно в этой части Петербурга и, конечно, не мог не знать эту колоритную фигуру. Весьма вероятно, что Пушкин и подсказал Гоголю мысль вывести в рассказе ростовщика-индуса» (Цявловский. С. 254).

Статья М.А. Цявловского по-новому ставит проблему источников гоголевского текста, включая в их число воздействия внелитературные и опосредованные. Он называет несколько сюжетов, по-разному связанных с творческой и личной биографией Гоголя и Пушкина и составляющих зыбкое, но выразительное тематическое единство, которое можно было бы охарактеризовать как тему тревожного неблагополучия Петербурга, проходившую, по предположению исследователя, сквозь их разговоры в конце 1833 — начале 1834 г. При этом если тема коломенского демона становится структурообразующей в первой гоголевой петербургской повести, то полтергейст, как сказали бы сейчас, в доме на Конюшенной, упомянутый позднее в повести «Нос», и ночные ограбления на столичных площадях, к которым М.А. Цявловский возводит сюжет «Шинели», никак не отразились в тексте «Портрета», а история великосветского брака, распавшегося при трагических и загадочных обстоятельствах, так же как и история извозчика, за грош зарезавшего седока, появилась только в редакции 1842 г.; тем не менее в сознании Гоголя все эти темы присутствовали уже во время работы над первой редакцией. «Огромная роль, которую играл в творчестве Гоголя Пушкин, дававший ему и темы и сюжеты, общеизвестна», — пишет М.А. Цявловский; тематический комплекс, на фоне которого конкретизовался замысел «Портрета» «тоже пушкинского происхождения, но совсем другой природы»: ни одной из этих тем «Пушкин, конечно, не давал Гоголю как темы, но обо всем этом у них шли разговоры» (там же, с. 259). В то же время упоминание об извозчике, прозвучавшее для М.А. Цявловского как несомненный отголосок пушкинского рассказа (о лицейском дядьке Сазонове, который совершил несколько убийств и, в частности, чтобы не платить полтинник за проезд, убил и ограбил извозчика, см. там же, с. 256—257), легко прочитывается и как реалия городского быта, и как пушкинская реминисценция уже не устного, а литературного происхожде-

ния. В первое время по приезде в Петербург траты на извозчиков были чувствительны для кошелька Гоголя; позднее он привык ходить пешком, как и обитатели его Коломны, о которой в повести говорится: «Здесь все почти пешеходы. Извозчик редко, и почти всегда без седока, волочится, таща вместе с собою сено для своей скромной клячи». Такого же извозчика слышит на другой окраине Петербурга, на Васильевском острове, Чертков, испуганный ночным видением: «Все было тихо; изредка долетало до слуха отдаленное дребезжание дрожек извозчика, который где-нибудь в невидном переулке спал, убаюкиваемый своею ленивою клячею, поджидая запоздалого седока»; этот звук обычной городской жизни успокаивает героя, возвращает ему чувство реальности; при этом, передавая таким способом ощущение петербургского пространства за окнами, Гоголь следует за Пушкиным (ср. в первой главе «Евгения Онегина»: «Все было тихо; лишь ночные / Перекликались часовые; / Да дрожек отдаленный стук / С Мильонной раздавался вдруг»; о реминисценции этого места в «Медном всаднике» см.: *Пушпянский 2000*. С. 193). Переключку часовых на расстоянии — «стражи дальный крик» упоминает Пушкин и в «Домике в Коломне», описывая мирную ночь над спящей окраиной; и часовые, и извозчики были как бы элементами инфраструктуры города, с ними ассоциировалась возможность овладения пространством и защиты от него, однако эта возможность могла оказаться иллюзорной. Ведь во второй редакции «Портрета» извозчик зарезал седока, а не наоборот, как в истории Сазонова; и Гоголь, возможно, имел в виду не ее, а «старые рассказы о мертвых телах, находимых на Волковом поле, об извозчиках, которые там режут седоков своих», приходящие на ум герою повести «Уединенный домик на Васильевском», когда, после погони за таинственным незнакомцем, он «находит себя по колена в сугробе (...) в глухую полночь, у черта на куличках» и послушный извозчик «невеста по каким местам» везет его «домой в такую-то улицу (...) луна во вкусе Жуковского неверно светит путникам сквозь облака летучие». Исполнившись недобрых подозрений, герой «при свете луны (...) захотел всмотреться в жестяной билет извозчика и, к удивлению, заметил, что на этом билете не было означено ни части, ни квартала, но крупными цифрами странной формы и отлива написан был № 666, число апокалипсиса (...) извозчик, оборотив голову, показал ему лицо мертвого остова» (*Пушкин (2)*. Т. 9. С. 527–528). Возможно, именно об этой трагикомической попытке героя пушкинского рассказа апеллировать к официальному статусу нечистой силы, противопоставить «числу апокалипсиса» административно-бюрократическую цифру столичной жизни вспомнил Гоголь, рисуя своего квартального надзирателя — «достойного блюстителя за нравами пьяных извозчиков» и отмечая его отблеском пушкинской иронической inferнальности, прямо подчиняя низших полицейских чинов своему демону («Квартальные Надзиратели всегда умели под какими-нибудь предложениями уклонить и представить дело в другом виде (...) богатство имеет такую странную силу (...) не показываясь может невидимо двигать всеми, как раболепными слугами»), за образом которого здесь просматривается пушкинский Скупой рыцарь с его также демонической, незримой и безграничной властью. Для Гоголя «Домик в Коломне» «послужил поводом дать широкую картину бытописи», ставшую «в русской литературе одним

из первых опытов жанра, который впоследствии получит название физиологического очерка» (*Дявловский*. С. 254); но присутствие Пушкина заметно и в тех моментах гоголевской поэтики, которые обычно расцениваются как антипушкинские (см., в частности: *Петрунина*, *Фридлендер*. С. 226), и, мотивируя необъяснимые поступки своих персонажей «вмешательством потусторонней силы» (*Дявловский*. С. 257), Гоголь, возможно, прямо имеет в виду вопрос, которым заканчивается «Уединенный домик на Васильевском»: «...И откуда у чертей эта охота вмешиваться в людские дела, когда никто не просит их?» Неверно было бы понимать этот вопрос как риторический. В.Н. Топоров в своем исследовании показал, что петербургская фантастика имеет четко направленный внутренний смысл: «...судьба города предопределена “злыми” семенами того далекого “злого” начала. А зло состояло в нарушении законов природы, здравого смысла, человеческой жизни, говоря в общем, — с п р а в е д л и в о с т и, какой она выступает на природном и социальном уровне»; с этим «злым» началом В.Н. Топоров связывает «тему инфернального в Петербурге в разных ее вариантах»: «И сам Петербург в этом отношении подобен “черному” заговору “на зло”, в котором тема зла и дух зла — сквозные, и это зло (...) осознавалось в народной “петербургской” традиции (...) и начиная с 30-х годов XIX в. и в литературе» (*Топоров 2003*. С. 47); описывая город прежде всего как место, «где плохо, где страшно, где страдают», она превращалась в своего рода «поминальный синодик по погибшим в Петрополе, ставшем для них подлинным Некрополем» (*там же*, с. 30). «Для того чтобы слово *Некрополь* в данном случае приобрело свое подлинное значение, нужно напомнить некоторые факты. Прежде всего по смертности Петербург в его благополучные первые два века не знал себе соперников ни в России, ни за ее пределами (...). Статистические данные по петербургским кладбищам характеризуют город как гигантскую и споро работающую фабрику по переработке покойников и приему новых. (...) Роль климатических условий в изживании жизни человека в Петербурге была очень значительной (...): многие приезжавшие в город (...) погибали от простудных заболеваний, воспаления легких, чахотки, а то и от обморожения, о чем свидетельствует петербургская пресса. (...) Перевес смертности над рождаемостью, как правило, был громаден» (*там же*, с. 31–32). Петербург «шел впереди всей России по венерическим заболеваниям, по чахотке, по алкоголизму, по числу душевнобольных и по числу самоубийств»; еще нищенство и бродяжничество, разного вида преступность, типично петербургским явлением был голод (*там же*, с. 33). Гоголь мог ознакомиться со статистикой петербургской смертности хотя бы по журналам («В Петербурге родится в год с лишком 10000 человек, а умирает почти 16000, то есть целую третью более», *БдЧ*. 1834. Т. 3. Кн. 4. Апрель. Отд. 6. С. 9; цифры смертности по возрастам, показывающие, что, в отличие от Москвы, в Петербурге «большая смертность находится между молодыми людьми», причиною чего предполагались «не столько физические, сколько нравственные явления, отличающие одну столицу от другой», см.: *ЖМНП*. 1834. Ч. 1. № 2. Отд. 3. С. 239–240); но и сама жизнь то и дело подбрасывала подобные сюжеты. «Погода ужасная. Дождь. Снег на улицах почти совсем исчез. В городе очень много больных. Много также умирает. Это не зараза, однако особого рода эпидемия.

Как бы то ни было, люди гибнут, как мухи», — записывает А.В. Никитенко 29 января 1833 г.; рядом записи о неожиданных безвременных смертях — о самоубийстве, смерти «от воспаления в мозгу», «от лютой чахотки» (*Никитенко*. Т. 1. С. 125, 119—121, 127). Гоголевский герой в петербургских повестях — по определениям А. Белого, «безродный, бездетный, безбытный чудак, вброшенный в марево петербургских туманов» (*Белый 1934*. С. 285), отщепенец, сумасшедший, мономан, который «залезает на холодный чердак: развивать грезы в волнах опия, как Пискарев», умирает в бреду, как Чертков, или, как Поприщин, «переживает прижизненно бред засмертный» (*там же*, с. 52, 78), — это, при всей его фантастичности, прежде всего герой петербургских полицейских сводок, воплощенная цифра смертности из статистической отчетности. В «Уединенном домике на Васильевском» описана «петербургская» болезнь — следствие потрясения, едва не приведшего героя к гибели («Наружные признаки противоречили один другому, и по ним ничего нельзя было заключить о болезни: всё подавало повод думать, что ее причина крылась в душе, а не в теле. Больной почти ничего не вспоминал о прошедшем; душа его, казалось, была замучена каким-то ужасным предчувствием (...) он метался (...) соединенные усилия врача и слуги едва смогли удержать его» (*Пушкин (2)*. Т. 9. С. 529). Под очевидным влиянием этого описания показана и болезнь Черткова в «Портрете» (см. с. 64—65). Недостаточно было бы видеть здесь только литературную параллель — трудно представить, чтобы и Пушкин, и В.П. Титов, записавший его рассказ, и впоследствии Гоголь не вспомнили в связи с этим описанием болезнь и смерть Д.В. Веневитинова, неожиданную и для московских и для новых петербургских его друзей («Знаю, смерть его должна была поразить тебя, — писал Дельвиг Пушкину 21 марта 1827 г., сообщая об этой утрате. — (...) Письмо твое (...) дало пищу большому воображению несчастного друга. Он бредил об нем и все звал меня» (*Пушкин*. Т. 13. С. 325). В предисловии к посмертному изданию его сочинений (ч. 1, 1829), написанном предположительно Н.М. Рожалиным, Веневитинов, подобно гоголевским героям, был охарактеризован как мономан («...сердце пылкое, но пламенеющее для одного изящного (...); другие страсти были ему неизвестны», *Веневитинов 1980*. С. 7—8); как и Гоголь, он приехал в столицу служить, но скончался там через несколько месяцев после переезда, весной 1827 г., не дожив до 22 лет. «Нет сомнения, что причину преждевременной его смерти были частые, сильные потрясения пылкой, деятельной души его, — говорилось в предисловии. — Они расстроили его внутренний организм, и, наконец, сильная нервическая горячка пресекла в 8 дней юную жизнь его, не богатую случаями, но богатую чувствованиями» (*там же*, с. 9); эта смерть стала предметом художественного осмысления в повести Погодина «Адель» (1830), генетическую родственность которой «типу романтической повести о художнике» отмечает М.Н. Виролайнен (см.: *Погодин М.П. Повести. Драма*. М., 1984. С. 12—13; а также: *Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма*. М., 1976. С. 244), и, по-видимому, также и в выражено фантастической, написанной под впечатлением «Мельмота Скитальца» Метьюрина повести Н.А. Мельгунова «Кто же он?» (1831), в свою очередь повлиявшей на «Портрет».

Таким образом, «Портрет» вырастает из первых петербургских пяти лет Гоголя (1829–1833) — это годы определения его целей, призвания, личной судьбы; во многом это означало для него самоопределиться по отношению к самому городу. В 1834 г. Гоголь скорее всего уже знал, что уедет из Петербурга и из России вообще; в оставшееся до отъезда время он только договаривает начатое и недосказанное (включая «Ревизора»); отчасти будет договаривать и из-за границы. Линия отношений с Пушкиным была в этот период исключительно важна для него; Пушкин же стремительно шел к завершающему ряд существеннейших его проб и попыток «Медному всаднику». Гоголь мог и не знать текста поэмы и все равно оказался бы в максимальном приближении к ней, следуя за Пушкиным — а вряд ли можно сомневаться в том, что не было тогда рядом с Пушкиным более заинтересованного наблюдателя и в то же время гениального читателя; кроме того, имеется общая основа, до такой степени существенная для обоих произведений, что объединяет их в полемическом противостоянии вне зависимости от вопроса о том, отвечал ли Гоголь на текст Пушкина непосредственно. «Прогулка в Академию Художеств» Батюшкова — признанный прототекст «Медного всадника» (см.: *Пушкин А. С. Медный всадник*. Л., 1978. С. 130–131; *Пумпянский 2000*. С. 161, 673), — по-видимому, имела то же значение для гоголевского петербургского замысла в целом и в первую очередь для центрального в нем «Портрета». Пушкин и Гоголь поразному читали Батюшкова; о том, как эпитет «единственный» в том же тоне и значении, в котором он был применен Карамзиным к России («Взглянем на пространство сей единственной Державы; мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских», *Карамзин*. Кн. 1. Т. 1. С. X), а Батюшковым к ее столице (*Батюшков 1978*. С. 75), — этот эпитет Гоголь смог произнести, только описывая «бакенбарды, единственные» и «улыбку единственную», см. в коммент. к повести «Невский проспект» (с. 763). Батюшков говорит, что «надобно видеть древние столицы: ветхий Париж, закопченный Лондон, чтобы почувствовать цену Петербурга», города, который достраивали преемники Петра «среди войн, внутренних и внешних раздоров»; теперь «кто не был двадцать лет в Петербурге, тот его, конечно, не узнает (...) увидит новый город, новых людей, новые обычаи, новые нравы» (*там же*, с. 75–77). Этому новому, живому, строящемуся городу (таким же бодрым, неугомным, деятельным рисует утренний Петербург Пушкин) и его энтузиасту, молодому художнику, оппонирует «знакомый незнакомец» Старожилов, в молодости имевший «живой ум, некоторые познания и большой навык в свете», а ныне сделавшийся «брюзгою, недовольным, одним словом, совершенным образцом старого холостого человека»: «цвет ума его завял, прежняя живость исчезла, познания, не усовершенные беспрестанными трудами, изгладились или превратились в закоренелые предрассудки»; все заботы его — «к трем часам (...) поспеть в клуб, где (...) пробовать новое вино и сказать (...) мнение на счет важного постановления в клубе, о котором (...) размышлял целое утро» (*там же*, с. 77–79). Упоминания «Екатерины, покровительницы наук и художеств» и «некоторых вельмож, покровителей отечественных муз», в частности графа А. С. Строганова (1733–1811), президента Академии художеств в 1800–1811 гг.,

«престарелого Нестора искусств, истинного образца людей государственных» (*там же*, с. 80, 91), выстраиваются в тему меценатства, преимущественно выявляющуюся во второй редакции повести Гоголя, но отчасти представленную и в первой и внутренне важную для нее. Центральная тема «Прогулки...» — судьба искусства в городе Петра, в связи с которой оказывается сама возможность воплощения его замысла о городе — «великой мысли», которая «родилась в уме великого человека»: «Здесь будет город, сказал он, чудо света. Сюда призову все художества, все искусства. Здесь художества, искусства, гражданские установления и законы победят саму природу» (*там же*, с. 73—74). Именно расцвет искусств позволил бы говорить об органичности национальной жизни в том виде, как эту проблему ставили романтики; позднее в статье «Вечер у Кантемира» (1816) Батюшков, обсуждая эту мысль в сфере идей Монтескье, отвечает одновременно и на представление об иррационально-интуитивной природе творчества, выраженное, например, у Новалиса в романе «Генрих фон Офтердинген» — см. здесь рассказ об отце героя, так и не ставшем художником, хотя в нем были «приметы великого дарования к изобразительному искусству»; но «современность пустила в нем слишком глубокие корни, он не послушался зова своей истинной природы; хмурая суровость неба на его родине убила в нем нежные ростки благородного растения. Он сделался искусным ремесленником, и его воодушевление превратилось в сумасбродство» (*Избр. проза*. Т. 1. С. 329); можно заметить, что в эту общую схему гибели таланта вписывается с некоторыми вариациями и история Черткова в «Портрете». В «Прогулке в Академию Художеств» Батюшков решает проблему рационально: «драгоценное собрание» антиков, «истинное богатство нашей Академии» («Надобно желать, чтоб оно еще было удвоено, утроено», *Батюшков 1978*. С. 83), вместе с хранящимся в Эрмитаже «богатым собранием картин единственных в своем роде» должны дать достаточную почву для образования и развития таланта. Главное же богатство, предмет и источник вдохновения для художника — это сам Петербург, «единственный город» во всем его совершенстве. «Сколько предметов для кисти художника! умей только выбирать, — говорит о нем молодой художник. — И как жаль, что мои товарищи мало пользуются собственным богатством; живописцы перспективы охотнее пишут виды из Италии и других земель, нежели сии очаровательные предметы. Я часто с горестию смотрел, как в трескучие морозы они трудятся над пламенным небом Неаполя, тиранят свое воображение — и часто взоры наши. Пейзаж должен быть портрет. Если он не совершенно похож на природу, то что в нем?» (*там же*, с. 75).

В Петербурге Батюшкова присутствует как воспоминание живой Петер; памятник же Петру отмечен в пейзаже во время прогулки, но обсуждается уже в Академии, где «Фальконетово произведение» оказывается представителем художественной безупречности города среди выставленных там образцов живописи и скульптуры («один иностранец, пораженный смелостью мысли, сказал мне, указывая на коня Фальконетова: — Он скачет, как Россия!», *там же*, с. 81). Пушкин подхватывает эту батюшковскую тему («Куда ты скачешь, гордый конь») и в своем изображении «державца полумира» также следует Батюшкову («...Петр Великий, заключив

судьбу полумира в руке своей...», *Батюшков К.Н.* Вечер у Кантемира // *там же*, с. 44). Л.В. Пумпянский видит в «Медном всаднике» «отрицающий эпизод всего петровского цикла»: «Превращение Петра-героя в Петра-демона есть основной процесс в пушкинском представлении о Петре»; совместность этих двух представлений означала «перенесение Петра в область легенды» (*Пумпянский 2000*. С. 196, 592, 815); в уединении Петра «на берегу пустынных волн» видится «договор со стихией», аналогичный обручению дожа с морем («Перед нами грандиозный этиологический миф, темное происхождение великого») и в этом качестве сопоставимый с фаустовской темой об основании новой цивилизации. Двойственная природа свершения «заключается в двусмысленности исполнителя, в неизбежности тени каждого акта, в том числе и основания города; в основании города через договор с нечистой силой. Собственно, это и есть тема “Медного всадника”» (*там же*, с. 597). В результате город двоится, повторяя себя в подземном мире, — под ним «топь небытия, заколоченного Петром, но сильнейшего, чем сам Петр»; и порождаемый им сюжет неизбежно заканчивается «восстанием непобежденной стихии» и отступлением сознания «перед наводнением фактичности», — к этой сфере Л.В. Пумпянский относит «расстройство скульптуры» и, в частности, «портрет, вышедший из рамы» (*там же*, с. 585, 594), — «традиционный в литературе образ вторжения демонических сил в человеческий мир» (*Эпштейн М.Н.* Фауст и Петр // *Гетевские чтения*. М., 1986. С. 195). Гоголь же ничего не говорит о памятнике Петру в своей главной петербургской повести (и, кажется, вообще нигде о нем не говорит, если не считать упомянутый в «Шинели» «вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента»), но пишет ее о портрете, совершенно похожем на природу, как и требовал Батюшков (настолько, что «чересчур близкое подражание природе» заставляет подозревать здесь нечто «выглянувшее мимо законов природы», см. с. 49); батюшковский метафорический императив «Пейзаж должен быть портрет», вовсе не по-батюшковски, а характернейшим для Гоголя способом реализуясь в повести, оставляет значительный след в ее конце, когда «таинственный портрет» буквально возвращается в свое первоначальное состояние, превращаясь в «какой-то незначительный пейзаж». Переход художника «за черту, положенную границей для воображения», возвращает к фаустианской теме человеческого своеволия и двойственной природы свершения; ранние петербургские впечатления («ужасные, невыразимые впечатления», письмо матери от 24 июля 1829 г.) стоят за попыткой назвать словами то «дикое чувство, не страх, но то неизъяснимое ощущение, которое мы чувствуем при появлении странности, представляющей беспорядок природы или, лучше сказать, какое-то сумасшествие природы» (с. 49); и, в свою очередь, эта формулировка заставляет вспомнить гердеровский «закон возмездия», по которому «природа, раз сбитая со своего пути», мстит за себя страшно и разрушительно, уже не слушаясь «произвольных человеческих постановлений» (*Гердер 1977*. С. 404, 408). Кошмар маюра Ковалева — «преглупое, ровное и гладкое место» («Нос»), закономерный в городе «гладких и одинаковых домов», «где положение земли гладко совершенно, где природа спит» и где «искусство во всей силе» не способно «оживить мертвенность гладкой

пустыни» («Об архитектуре нынешнего времени», с. 111), как дополнительный, связан с возникающим на том же «совершенно гладком месте» кошмаром художника: «С трепетом провел Чертков рукою по полотну, но полотном было гладко» (с. 49). При этом имя Петра скрытым образом внедряется в гоголевский текст: М. Вайскопф, напоминая народное представление о Петре как о царе-антихристе, полагает, что в «Портрете» имя ростовщика-«антихриста» *Петромихали* произведено от псевдонима царя — *Петр Михайлов*» (Вайскопф 1987. С. 36; Вайскопф 2003. С. 179; Петр назывался им во время своей анонимной заграничной поездки), а «его облик — “непомерно высокая фигура”, “бронзовый цвет лица”, “широкие складки его азиатской одежды”, удерживая типологическое родство с прежними гоголевскими демонами, впечатляет одновременно и сходством с Петром в изображении Фальконе» (Вайскопф 1993. С. 246). Но главное, возможно, даже не в этих предположительных петровских аллюзиях, а в разительном и очевидно полемическом несходстве гоголевского петербургского облика в целом, архитектурного в том числе, с батушковским образом молодого, нового, бодрого Петербурга (ср. также пушкинское «юный град») — у гоголевского города древнее, а отчасти уже и мертвое лицо доминирующего в нем демона. Петербург окраин (ср. его характеристику как «нечистого» пространства, сочетающего в себе призрачность и иррациональность петербургского центра с опустошенностью глухой провинции, в кн.: *Кривонос В.Ш.* Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб., 1999. С. 33—47), который изображен в «Портрете», не просто далек от архитектурного совершенства — он представляет вовсе не живописную противоположность прямолинейному (казарменному в гоголевской интерпретации, см. «Об архитектуре нынешнего времени») единству центра, а нечто хуже его — аморфность, распад формы вообще («ветхий дом (...) со множеством пристроек (...) на Козьем болоте», с. 69). Возможно, ко времени работы над повестью относится впечатление, отразившееся позднее, по мнению обративших внимание на эту перекличку В.А. Воропаева и И.А. Виноградова, в отрывке из описания имения Плюшкина в одной из черновых редакций 6-й главы первого тома «Мертвых душ»: избы в деревне, говорится здесь, «были такие старье и ветхость, что можно было дивиться, как [они] не попали в тот музей древностей, который еще не так давно продавался в Петербурге с публичного торга вместе с вещами, принадлежавшими Петру Первому, на которые, однако ж, покупатели глядели сомнительно» (*Гоголь 1994. Т. 7. С. 570—571*); это упоминание об аукционной распродаже наследия Петра могло в самом деле сохранить реальный порождающий мотив сюжета гоголевской повести.

Мотив аукциона сквозной в «Портрете» — он возникает в начале первой части повести, при покупке портрета, когда «обыкновенная продажа превратилась в аукцион», и в конце, когда эта единственная продажа вызывает цепную реакцию губительной для искусства скупки его маньяком (с. 48, 64); во второй же ее части тема аукциона становится рамочной, давая возможность ввести предысторию сюжета и затем наконец общую развязку. Для Батушкова предмет гордости и залог будущего — «драгоценные собрания» Академии художеств и Эрмитажа («картин единственных в своем

роде»); но Гоголь только однажды и действительно ради единственного полотна приводит читателя в Академию; о Вандике упоминается не в связи с коллекцией Эрмитажа, а по поводу портрета, найденного «в заброшенной пыли» на полу на задворках петербургского рынка. Реальной средой обитания для искусства оказываются биржа и рыночная картинная лавка, описанная у Гоголя не без влияния сказанного о книжных лавках в батюшковской «Прогулке по Москве» (см.: *Батюшков 1978. С. 384*), кварталный надзиратель в качестве оценщика и критика (ср. тот же критерий в письме Гоголя М.П. Погодину от 20 февраля 1833 г.: «Мне больше ничего не остается, как выдумать сюжет самый невинный, которым даже кварталный не мог бы обидеться»), а в лучшем случае — изнуряющая каждодневная работа на заказчика, не делающего различия между художниками и «французскими парикмахерами и прочими людьми, рожденными для удовольствия других» (с. 55–56), пополняемые на аукционе личные коллекции купцов, которые «щупали без церемонии книги и картины, желая узнать доброту товара» (с. 66), наконец, «коллекция» Черткова с ее страшной судьбой, — и разумеется, сам аукцион, в зале которого, словно в ответ на батюшковское, приписанное Петру: «Сюда призову все художества, все искусства» (*Батюшков 1978. С. 73*), Гоголь изображает «множество картин», разбросанных «совершенно без всякого толку» вместе с ненужными книгами и вещами и представляющих «какой-то хаос искусств», под «погребальный голос Аукциониста, (...) отпевающего панихиду бедным, так странно встретившимся здесь, искусствам» (с. 66). С аукционом в литературе связывается тема подведения итогов, чаще всего гибели рода и личного жизненного поражения (ср. у Жанена, Диккенса, Достоевского); кроме того, это соревнование денег, выступающих неприкрыто как мера всех вещей; поэтому искусство и деньги сходятся здесь в особенно острой коллизии. В сцене аукциона в начале второй части Гоголь, демонстративно цитатно, пользуется описанием Н.А. Мельгунова, в повести «Кто же он?» (Т. 1831. Ч. 3. № 10–12; сопоставление ее с «Портретом» см.: *Денисов 2006. С. 221–257*) изобразившего аукцион в доме «покойного графа»; он, говорит Мельгунов, «был не последнею странностию прошедшего века»: «Душою принадлежал он Италии и Франции; к отечеству же своему был привязан только длинной родословною нитью, на нем же порвавшешюся, да десятком тысяч душ, кои успел прожить — или правильнее — променять на несколько бездушных статуй. (...) К чести нашего века, эти вельможные знатоки образовательных искусств начинают теперь переводиться; может быть, и не успехи истинного просвещения тому главною причиною: но почему не утешать себя приятной мечтою, что экономическим духом нынешних бар мы обязаны не одной расточительности их отцов, но и благотворному влиянию наук и мнения...» (*Русская романтическая новелла. М., 1989. С. 83*). «Экономический дух» нынешнего времени, когда «свекловица, откупа, многопольная система и пр. заступили место картин, статуй и антиков», в общем положительно оценивается Мельгуновым; живое движение толпы, «коего пружиной была потребность денег, денег и еще денег» (*там же, с. 77–78*; см. в коммент. к повести «Невский проспект»), вызывает больше оптимизма, чем «блудная расточительность» времен, когда «наши деды разорялись на искусствах»: «Но прошу сказать мне в свою очередь:

какую пользу принесли те, кои расточили богатые свои отчины на картинные галереи, на библиотечные редкости, на музеи, единственно для того, чтобы по их смерти, а иногда и при жизни удары аукционного молота раздробили на мелкие части их огромное, но суетное стяжание? Пробудили ль они вкус к изящным искусствам? Образовали ль они художников? Доставили ль пособия ученым? Или, по крайней мере, завещали ль они своим согражданам эти памятники тщеславия и, вместо того чтоб оставлять их жалким и глупым своим наследникам, посвятили ль хотя что-нибудь на общественное употребление?» (там же, с. 83—84). Способность десятков тысяч душ «променять на несколько бездушных статуй» вызывает ассоциации с персонажами «Горя от ума»: «и его “Амуры и Зефиры все / Распроданы поодиночке”», — цитирует Грибоедова Мельгунов. Гоголь, несомненно, отмечает это и четко обозначает здесь важную для него зависимость от обоих писателей, рисуя «одного из тех богатых любителей искусств, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные в зефиры и амуры» (с. 65), — рядом с батюшковским образом собирателя и мецената, «престарелого Нестора искусств, истинного образца людей государственных» (см. выше; о возможной связи биографии графа А.С. Строганова, «первого богача России, оставившего сыну миллионные долги, создателя знаменитой художественной галереи, первого директора Академии художеств», с историей о меценате во второй редакции «Портрета» см.: *Диалекторская 1986*. С. 113—114), оказываются грибоедовские «отчества отцы», среди которых — «Тот Нестор негодаев знатных», который выменял на людей «борзые три собаки», и другой, который, «погружен умом в зефирах и в амурах», дал продать за долги свой крепостной балет («Горе от ума», д. 2, явл. 5). Это присутствие темы крепостного права, продажи душ в прямом и символическом значении, предвещающем комплекс ее осмыслений в «Мертвых душах», не случайно за текстом повести об ее существе (между прочим, память современников действительно сохранила дом, выделявшийся «из ряда хибарок, ютившихся по краю Козьего болота», «в малой Коломне на Бугорке», как звалась тогда «площадь с церковью Воскресенья Христова», в которую «упирается Торговая улица»; это был «маленький каменный дом (...) дьячка церкви Спаса на Сенной», бывшего в течение ряда лет негласным «комиссионером по продаже крепостных людей», *Столпянский*. С. 254—255). Из повести Мельгунова Гоголь получает тему аукциона в его, если можно так выразиться, механике — как машины разорения «богатых отчин», перетекания денег в процессе бессмысленного собирательства, при котором происходит обмен ценного и невозполнимого на поддельное и ненужное и, в свою очередь, дробление и распыление собранного, — и интерпретирует его как всеобъемлющий механизм расточения, обращения в ничто человеческой жизни: «в нем все отзывается чем-то похожим на погребальную процессию» (с. 66). Хлам противостоит в новом городе рациональной организации пространства, оказываясь, как и грязь, вонь, гниль, сношенное тряпье, признаком неблагополучия и подступающего небытия, непосредственно связанным с разрушением границ земного в преддверии прихода Антихриста, о котором говорится в конце повести. Духовный аспект этого процесса — рассеяние души; тратится время жизни — «ежедневно без всякой корыстолюбивой цели, но единственно чтобы посмот-

реть, чем что кончится» (с. 66). С возгласом: «...мне нужно рассеяние, единственно рассеяние!» — отправляется смотреть академическое собрание Старожилов, батюшковский прообраз всех гоголевских персонажей, «не находивших другого занятия от 12 до 1-го часа» (с. 66); в «Прогулке в Академию Художеств» он поучительный пример того, к чему ведет «недеятельная жизнь» без пользы обществу — «способности человека в бездействии увядают, и за молодостью невидимо крадется время», когда «общество справедливою холодностию отмстит тебе за то, что ты был его бесплодным членом»: «Старожилов (...) проснулся в сорок лет стариком (...) с душевною пустотою, которая превратилась в эгоизм и мелочное самолюбие. Ему все наскучило, он всем недоволен (...) Сонный садится он в карету и едва просыпается в театре при первом ударе смычка» (*Батюшков 1978. С. 78–79*). О пробуждающем души «могущественном ударе смычка» Гоголь пишет в статье «Скульптура, живопись и музыка» (с. 13); а в «Портрете» — о том, что с годами «могущественный смычок слабее доходит до души (...) но все отгоревшие чувства становятся доступнее к звуку золота, вслушиваются внимательнее в его заманчивую музыку и, мало-помалу, нечувствительно позволяют ей совершенно усыпить себя» (с. 61). Батюшков говорит об убийственной для человека недеятельности, Гоголь — о деятельности «для пользы» по лукавой подсказке «бери все, что ни закажут; но не влюбляйся в свою работу», также мотивированной тем, что «время летит скоро и жизнь не останавливается» (с. 52). Поистине демонической деятельностью, представляющей собой самый страшный вариант рассеяния, становится опустошающий труд Черткова, при котором он, стремясь «ускорять свою работу», «ни на одну минуту не мог предаться размышлению» и «слишком был изнурен дневною работою, чтобы быть в готовности принять вдохновение» (с. 59–60). Батюшков настаивал на домашнем образовании для художника в том числе и потому, что боялся губительного рассеяния европейских столиц («В Париже... согласен; но сколько дарований погибло в этой столице? Рассеяние, все прелести света не только препятствовали развитию дарования, но губили его навеки», *Батюшков 1978. С. 90*); но Чертков как раз в Петербурге, и очень некстати, бездумно «рассеялся почти в одну минуту», потому что, продолжает Гоголь, «русской человек, а особливо дворянин или художник, имеет странное свойство: как только завелся у него в кармане грош — ему все трын-трава и море по колена» (с. 57). Тема вовсе не была литературной: Гоголя тревожит, «что Киреевский при его прекрасном уме слишком рассеян, слишком светски проводит время» (письмо Плетнева Жуковскому от 8 декабря 1832 г., *Плетнев. Т. 3. С. 522*), что Пушкин на балах «протранжирует всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай и более необходимость не зашатит его в деревню» (письмо А.С. Данилевскому от 8 февраля 1833 г.). Пушкинскому видению города Петра как творческого космоса Гоголь противопоставляет свое видение его как территории распада. Гоголевская окраина только в исходной точке смыкается с пушкинским изображением тихого круговорота жизни в «Домике в Коломне», внутри которого завязывается любовный, «молодой» сюжет, — у Гоголя это мир старости, по существу уже кладбище, «тот свет» с закономерным оттенком инфернальности («Тут совершенно другой свет»), представляющий собой отходы столичной жизни.

ни — «все, что осело от движения столицы», «весь жалкий и несчастный осадок человечества». Старухи — элементарные частицы этого мира, кажутся уже не подверженные дальнейшему разрушению («Старухи, которые молятся, старухи, которые пьянствуют, старухи, которые пьянствуют и молятся вместе»), — первые жертвы ростовщика, они же его бессловесные служители (см. с. 69–71), своего рода лемуры; в этой функции неотъемлемой принадлежности города, как бы низших городских духов, по-видимому, вслед за Бальзаком в «Феррагусе» (см. коммент. к отрывку «Дождь был продолжительный»), Гоголь изображает старух в «Невском проспекте» и в «Носе».

Динамика этого отбрасывающего на окраину «движения столицы» чрезвычайно велика; и там из отходов столичной «фабрики смерти» в руках ростовщика, который «не пренебрегал ничем», начинает «страшную прогрессию» расти возвратный, центростремительный импульс злой воли и могущества. Он материализуется в той «страшной куче золота», из которой ничего не достается потенциальным наследникам — нищим, надевшимися, «что авось-либо наконец перед смертью раскается этот грешник и раздаст малую часть из бесчисленного своего богатства» (с. 71; ср. тему обманутых ожиданий у Метьюрина и в «Скупом рыцаре» Пушкина; о теме «скрытого золота» как «изнанки» хлама, «демонической дробности лоскутков и праха» см.: *Вайскопф 1993. С. 379*), — вместо этого она «грязнула к ногам» художника из Коломны в качестве платы за труд, а в какой-то части досталась и Черткову в виде скрывавшегося в рамках портрета «чудного клада» (об этом: *Белый 1934. С. 52*). Клад находит и отказавшийся от золота художник из Коломны — свой предмет, лицо ростовщика, «одно из тех, которые составляют клад для артиста» (с. 72); и в обоих случаях клад оборачивается прахом, а нашедший его подвергается воздействию силы, возмущающей темную, оттененную на грань небытия периферию, и все то, «что улегается, как черный осадок, во глубине человека», восстает на образованный в нем «воспитанием, благородными подвигами и лицемерием прекрасного» строй души, ее внутренний космос (с. 74). В художнике из Коломны «прилив таких отчаянных свирепых мыслей», которых он «неволью содрогался сам», разбивается об «убеждения (...) тверже гранита» и «несокрушимую силу души» (с. 75); в истории же Черткова данный между прочим и прежде всего услышанный совет «Брось этот чердак и найми богатую квартиру» обозначает направление и начало успешной атаки на центр. «Квартирная» тема последовательно проведена в повести; ср. отмеченную И.Ф. Анненским роль «домохозяина — этой живой эмблемы реальности, одного из тех бесчисленных и безыменных Виев когитистой жизни, которыми страшна уже не сказка, а действительность»; герой «не узнал своего домохозяина, когда тот явился к нему потом под видом богатой и нарядной заказчицы и много раз являлся к нему затем в разных видах, пока не добился его гибели» (*Анненский. С. 222*). Именно это существо уже вне жизни, «человек в отставке», вводит в повесть, задолго до разъясняющих событий второй ее части, тему Коломны как петербургской окраины вообще. Всех обитателей ее Гоголь делит на разряды как квартиросъемщиков («Цена квартир редко достигает тысячи рублей; их больше от 15 до 20 и 30 руб. в месяц, не считая множества углов (...). Вдовы-чиновницы (...) занимают

лучшие отделения (...)». За ними следуют актеры» и т. д.; с. 68), как бы с точки зрения того же «хозяина дома», который «аккуратно по истечении каждого месяца навещался к своим жильцам за деньгами» (подобный взгляд был хорошо знаком современникам Гоголя по произведениям французской школы, где социальный срез был дан вертикально, в виде путешествия по бесконечной лестнице многоэтажного дома, или горизонтально, по районам и улицам города; см.: *Резов 1959*; см. также коммент. к отрывку «Страшная рука»). Черткова Гоголь не просто перемещает с окраины в центральный, батюшковский блистательный Петербург, где приготовлены «все выгоды и удобства для художника», в «щегольскую квартиру», где он забывает о своих страхах «среди яркого света, наполнявшего его комнату сквозь огромные окна, и многолюдного шума улицы», — он изображает героя в положении Батюшкова в исходной ситуации «Прогулки...» («сидя у окна моего (...), я предался сладостному мечтанию, в котором тебе не могу дать совершенного отчета; книга и читанное мною было совершенно забыто (...) взглянув на Неву, покрытую судами (...) на великолепную набережную (...) любясь бесчисленным народом, который волновался под моими окнами, (...) я сделал себе следующий вопрос: что было на этом месте до построения Петербурга (...) когда великая мысль родилась в уме великого человека», *Батюшков 1978. С. 72–73*; ср. в «Портрете»: «Лежа на турецком диване и глядя в цельные окна на растущие и мелькающие волны народа, он был погружен в какое-то самодовольное забвение и дивился сам своей судьбе, еще вчера пресмыкавшейся с ним на чердаке», с. 55), смещая ракурс и словно выворачивая пространство, заставляя героя лежа видеть то ли улицу, то ли реку с подступающими волнами, внутрь комнаты перенося городские «стройные, колоссальные стены» и на них вешая «таинственный портрет, который достался ему таким единственным образом». Эти смещения напоминают взорванный в осколки ночной город в сознании героя «Невского проспекта»; и от центра начинается возвратный вал распада. Батюшков мечтал о том, чтобы петербургское «драгоценное собрание» искусств «еще было удвоено, утроено» (*Батюшков 1978. С. 83*), но заказчики Черткова желали только «удвоить и, если можно, удесяттерить свое изображение»; скоро «его портреты видны были во всех кабинетах, спальнях, гостиных и будуарах», все более заключаясь «в известные, определенные, однообразные, давно изношенные формы», делающие их похожими «на те фамильные изображения старых художников, которые так часто можно встретить во всех краях Европы и даже во всех углах мира» (с. 60), — те самые «старые фамильные портреты», которые в начале повести Чертков нашел на полу в пыли в картинной лавке, среди прочих, которые писала чья-то «набившаяся, приобыкшая рука, принадлежавшая скорее грубо сделанному автомату, нежели человеку» (с. 47). Круг, таким образом, замыкается, круговорот множасьего хлама возвращается к исходной точке, чтобы воспроизвестись в нарастающих размерах. Механизм накопления, «экономический дух», на который надеется Мельгунов, не включается внутри этого цикла, несмотря на то что Чертков работает «для пользы», по казавшемуся, как и все вообще выкладки ростовщика, «основанным на законах строгой математической истины» расчету: «Чем более смастеришь ты в день своих картин, тем больше в кармане будет у тебя денег и славы» (с. 52–53).

Деньги и слава в жизни художника не только батюшковская, конечно же, тема, но ближайшим образом она связана в повести все же с «Прогулкой в Академии Художеств»; отсюда, возможно, и сама «страшная куча золота» в «Портрете» — именно о «куче золота», полученной художником за заказанную ему картину, говорит Батюшков, обсуждая последнее и необходимое обстоятельство, без которого даже при всех созданных условиях для развития дарования оно зачахнет: «Поверите ли, он был в отчаянии. — “Ты недоволен платою?” — спросил я. — “О нет! я награжден слишком щедро!” — “Что же огорчает тебя?” — “Ах, любезный друг, моя картина досталась невежде и сгниет в его кабинете: что мне в золоте без славы!”»; он полагает, что никакие сокровища не могут «заменить лестное одобрение людей чувствительных к прелестям искусств» и что хладнокровие общества «ужаснее всего» для дарования, «особливо если оно досталось в удел человеку без твердого характера» (*Батюшков 1978. С. 93–94*). Таков Чертков, в отличие от художника из Коломны, «сила характера» которого «была беспримерна»; слава неизмеримо выше золота в умозаключении Батюшкова — у Гоголя же они сплавлены в грамматически неразделимый конгломерат: художник «величался всеобщю славою, потряхивая червонцами своими», но слава, продолжает Гоголь, «не может насытить и дать наслаждения тому, который украл ее, а не заслужил (...). И потому все чувства и порывы его обратились к золоту. Золото сделалось его страстью, идеалом, страхом, наслаждением, целью» (с. 61). Видение золота, инициировавшее эту страсть, имеет, по-видимому, источником сон Германна в «Пиковой даме»: «...Когда сон им овладел, ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, гнул углы решительно, выигрывал беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман. Проснувшись уже поздно, он вздохнул о потере своего фантастического богатства» (*Пушкин Т. 8 (1). С. 236*; ср.: «он увидел сквозь щелку своих ширм, что изображение старика отделилось от полотна и с выражением беспокойства пересчитывало кучи денег, золото сыпалось из его рук» и т.д., с. 57). Гоголевское описание скупости героя не восходит к какому-то определенному тексту, а скорее к тому общему пониманию образа скупца во многих источниках, которыми пользовался и Пушкин в «Скупом рыцаре» (см.: *Якубович 1937. С. 509–522*), и прежде всего шекспировскому «Венецианскому купцу», самим Пушкиным поставленному среди них на особое место: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы какой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразие и многосторонние характеры. У Мольера скупой скуп — и только; у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолобив, остроумен» (*Пушкин Т. 12. С. 159–160*). Когда в статье «Шлецер, Миллер и Гердер» Гоголь упоминает «шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах» (с. 125), кажется, что он имеет в виду эту не публиковавшуюся при жизни Пушкина заметку. В гоголевской повести, видимо, изначально не предполагалось совмещения двух страстей в герое, судьба которого была предвосхищена в чертах портрета, изображавшего «какого-нибудь скрягу, проводшего жизнь над сундуком, или одного из тех несчастных, которых всю жизнь мучит счастье дру-

гих» (с. 48), — здесь тема зависти присоединилась к теме скупости только в печатном тексте (см. «Варианты»). Названиями «Скупой» и «Зависть» Пушкин обозначил на предварительном этапе работы «Скупого рыцаря» и «Моцарта и Сальери», задуманные, кажется, вместе в 1826 г. и вместе осуществленные в 1830-м; однако если они не были прочитаны Гоголю по рукописи самим Пушкиным летом 1831 г. в Царском Селе (см. выше), то воспринять их как части неявного диптиха было непросто. «Моцарта и Сальери», по словам Гоголя, «чуждую пиесу (...), в которой, кроме яркого поэтического создания, такое высокое драматическое искусство» (письмо А.С. Данилевскому от 1 января 1832 г.), он мог прочитать в *СЦв* на 1832 г. (СПб., 1832). «Скупой рыцарь» был опубликован только в 1836 г., как предполагается, по причинам личного характера (см.: *Якубович 1937. С. 518–519*). «Маленькие трагедии» Пушкина содержали изображение предельного развития страсти как таковой — бескорыстной страсти скупца к золоту, страсти к искусству, поставившей себя выше самого искусства. Гоголь соединил обе эти страсти в своем герое последовательно и, можно сказать его собственными словами, «слишком неправильно и колоссально»: не легкомысленное расточительство наследника развязало «золотые мешки» и раскрыло сундуки скупца, а страсть Сальери, целеустремленная и аскетическая, сумевшая в разрушении обрести ту неограниченную свободу самореализации, которой она не могла достичь в творчестве. Можно проследить литературные истоки и пути каждого из этих мотивов в отдельности, но их соединение и гротескно-точное замыкание друг на друга указывает, по-видимому, на «маленькие трагедии» как единственно возможный источник.

«Полуденные страны были родиною искусств» (говорит устами Кантемира Батюшков в «Вечере у Кантемира»), но искусства «были часто выгнаны из родины своей варварством, суеверием, железом завоевателей» (*Батюшков 1978. С. 45, 43*). Батюшков говорит об уничтожении искусства извне, через «меч и пламень безумца» (*там же, с. 75*), Гоголь — об иррациональном начале, взрывающем его изнутри, сначала через самоуничтожение художника, потом через его же агрессию, через «хищную страсть» коллекционера-артиста, «не знавшую никакой пощады» (с. 64). Город Петра рисуется пространством рассеяния, дробления и наконец тотального распада и затопления хламом, едва ли не под знаком известного пророчества «Петербургу быть пусту», сделанного при начале его постройки (см.: *Топоров 2003. С. 51*). В противоположность ему местом творческой сосредоточенности в повести представлены два столь различные, до противоположности географической и эстетической, локуса, как Италия (о которой позднее, в феврале 1839 г., Гоголь напишет Жуковскому из Рима как о «земле, где всякое место наполнено и где нет пустоты») и монастырь «уединенного городка, окруженного пустынею, где бедный север уже представлял только дикую природу» (с. 75). Исследователями отмечено, что образ художника во второй части повести восходит «к иконописцам средневековых легенд, к Алипию Киевопечерского патерика» (*Гиппиус 1924. С. 57*), «вбирает черты мучеников и подвижников, героев житийной литературы» (*Карташова 1984. С. 70*); в творчестве Гоголя ему предшествуют «простодушный иконописец Вакула» из «Ночи перед Рождеством» и схимник «Страшной

мести» (Гиппиус 1924. С. 57–58); во многих отношениях он определен идеями Вакенродера (ср.: «вначале охарактеризован в духе вакенродеровских жизнеописаний художников средних веков и Возрождения», Карташова 1984. С. 70; представляет собой «православную разновидность вакенродеровского Дюрера», Вайскопф 1993. С. 281; о связи его с фигурой «воображаемого автора» вакенродеровских «Фантазий об искусстве отшельника, любителя искусства» (1814) см.: Гиппиус 1924. С. 57; Карташова 1984. С. 70). Есть указания и на возможные реальные прототипы старика иконописца — это мог быть Василий Козмич Шебуев, у которого Гоголь три года брал уроки в Академии художеств (см.: Молева Н. Загадка «Невского проспекта» // Знание — сила. 1976. № 4. С. 43; Паламарчук 1990. С. 388), или Владимир Лукич Боровиковский, «неподражаемый портретист, (...) вдохновенный религиозный живописец», чьи «картины на библейские сюжеты дышат глубокой и наивной верой, переходящей к концу его жизни в мистический восторг» (Горленко В. Художник В.Л. Боровиковский // Киевская старина. 1884. Т. 7. № 4. С. 703; см.: Манн 2004. С. 48–50). Некоторые впечатления, которые могли, кажется, дополнить эту собирательную работу важными для Гоголя акцентами, он мог получить через посредство А.В. Никитенко, который в июле—августе 1834 г. проехал Олонецкую, Архангельскую и Вологодскую губернии, сопровождая попечителя Петербургского учебного округа кн. М.А. Дондукова-Корсакова в его инспекторской поездке. Дорожные записи Никитенко рисуют картину того самого российского «бедного севера», которого Гоголь никогда не видел сам, но о котором упомянул однажды в письме Жуковскому (от 30 октября н. с. 1837 г.), говоря, что Швейцария и Германия показались ему после Италии «низкими, пошлыми, гадкими, серыми, холодными», как будто он «был в Олонецкой губернии и слышал медвежье дыхание северного океана». Вряд ли сам Никитенко сознавал, насколько последовательно сочетаются воедино его отрывочные замечания, когда записывал после названия очередного инспектируемого пункта: «прескверный городишко», «пасквиль на город», «посмешище городов»; в записях его отсутствуют архитектурные моменты: «не город по виду, а плохая деревня, раскинутая на большом пространстве по берегу реки», «кучка полуразвалившихся деревянных построек, брошенных в яму», зато живо ощущение контраста с недавно оставленной столицей: «плохой город, отброшенный в глубину лесов от образованного мира: казалось бы, и близко от Петербурга, но как далеко!» Введенному Петром просвещению препятствует все та же бедность: училище «хуже трактира», здание семинарии «бедно и неопрятно», «гимназический дом (...) ветх и гадок». «Олонец крайне бедный город. Некоторые из учеников училища утро проводят в школе, а затем идут просить милостыню. (...) От Олонца до Петрозаводска (...) камни и волнообразного вида холмы (...) везде леса, леса, бесконечные леса. (...) Каргополь (...) очень беден: дома в нем осунувшиеся, полуразвалившиеся. Церквей зато двадцать две и два монастыря. (...) Со въездом в Архангельскую губернию точно теряешь след человеческого существования». Везде жива память Петра: «крест, сделанный самим Петром Великим и водруженный им на берегу Белого моря», его дворец — «крошечный домик с четырьмя комнатками», построенная им церковь — «деревянная, но живопись в ней недурна»; и даже

«памятник Петру Великому, воздвигнутый здешним купцом (...) пирамидка (...) в миниатюре»; параллельный ряд достопримечательностей связан с именами заключенных Филарета Романова, императора Иоанна, царевны Софьи; упоминаются декабристы, деятели польского восстания, ссыльные студенты. Монастыри как хранилища истории, места заключения, центры культуры занимают больше места в этих записях, чем инспектируемые Никитенко училища; при этом он отмечает, что Архангельская губерния «богата раскольниками» и «Епископ здешний утверждает, что из всего народонаселения лишь сотая часть принадлежит православию». Упомянут Соловецкий монастырь с заключенными в нем государственными преступниками, где архимандрит составил из показаний заключенных раскольников «точное описание их ересей» (Никитенко. Т. 1. С. 148–157). Записи Никитенко перекликаются с глубинной проблематикой повести как ненамеренная документальная иллюстрация к ней. Они не предназначались для постороннего чтения, но по ним видно, какого рода впечатления вынес он из поездки и о чем мог в первую очередь рассказать петербургским знакомым. 18 августа Никитенко приехал в Ярославль; оттуда через Москву он возвратился в Петербург, что могло занять дней десять; таким образом, в конце августа — начале сентября он мог встретиться с Гоголем, которому непосредственно перед своим отъездом протежировал при его определении адъюнктом в Петербургский университет и который готовился теперь к своей первой лекции. Среди впечатлений Никитенко было одно, которое не могло не заинтересовать Гоголя, — это впечатление от встречи в Вологде с душевнобольным Батюшковым. Вопрос о значении Батюшкова как литературного предшественника Гоголя встает применительно к едва ли не каждому его произведению периода *Ар.*, а по отношению к его петербургским повестям может рассматриваться как первостепенный; тема душевной болезни поэта возникает в связи со специфическим сюжетом «Записок сумасшедшего» (см. коммент. к этой повести). «Портрет» в своем замысле зависит от «Прогулки в Академию Художеств», и эта полемическая зависимость с самого начала определяла движение текста. Но Гоголь не мог предвидеть того, как отчетливо «созвукнется» (говоря его же языком) с его повестью странное обстоятельство, о котором мог рассказать Никитенко. В Вологде он экзаменовал учеников гимназии. «По окончании экзамена ко мне подошел жандармский полковник и после обыкновенного приветствия спросил: не знаком ли я с Константином Николаевичем Батюшковым?»

— Нет, лично вовсе не знаком.

— Странно, между тем он часто вспоминает ваше имя.

— Мое имя? Это удивительно! Да где он теперь?

— Здесь: он мне родственник.

Я решил навестить Батюшкова. (...) Когда ему объявили о моем прибытии, он сказал:

— Очень хорошо: с ним и дева Мария придет ко мне» (там же, с. 157–158).

Возникшая здесь тема ясновидения, внутреннего зрения становится определяющей в завершающей части повести — старец, «казалось, вовсе не

заметил» сына, «хотя глаза его были обращены к той стороне», но назвал его по имени, хотя его «не узнавали даже те, которые (...) видели не так давно», потому что «просил об этом Пречистую Деву и Св. Угодника и ожидал (...) с часу на час» его прибытия; истину об антихристе ему «открыл (...) святой», никем, кроме него, «не узнанный среди многолюдного народа» (с. 77). Сама тема антихриста могла быть подсказана Гоголю упоминанием в записях Никитенко раскольнической ереси о втором пришествии Христа (ср. также рассказ о живущих в деревнях у Чудского озера староверах, которые ждут в гробах Страшного суда и которых возвращают к жизни другим сообщением — «что антихрист уже шестьдесят лет народился (...) что смуты его только в нынешних годах зачались, а Страшный суд настанет не прежде 49 лет, по вычислению на семи седмицах» в отрывке из романа Лажечникова «Последний Новик»; Северные цветы на 1832 год. М., 1980. С. 53—62). Повесть «Портрет» не включена во второй перечень произведений Ар., составленный не позднее августа 1834 г., и это скорее всего объясняется тем, что в работе над ней встретились затруднения, поставившие под сомнение возможность ее быстрого завершения (некоторые несогласованности в черновике могут означать, что Гоголь обдумывал еще два или три эпизода монастырской жизни с участием старца или рассказанные им). Что-то должно было изменить это положение уже после составления перечня; это могла быть именно встреча с Никитенко, рассказ которого дал Гоголю организующую концовку тему; этот штрих завершал и частную тему Батюшкова в «Портрете». Решение, однако, оказалось неорганичным; во второй редакции Гоголь существенно перерабатывает конец повести, полностью отказываясь не только от темы чудесного прозрения, антихриста и 50-летнего срока, но и от темы «бедного севера», выдающей их общее происхождение.

О «горестном зрелище видеть сокровища редких и превосходных произведений искусства в их скоплении, подобно обычной коллекции драгоценностей», как одной из разительных черт Нового времени, когда «небесный огонь искусства» не пронизывает более «универсум человечества», «человек разорван, искусство и жизнь разделены», говорит Ф. Шлегель (*Шлегель, 1983. Т. 1. С. 63—64*); Вакенродер пишет, что выставочные залы «превратились в торжища, где мимоходом судят о новых товарах, хвалят или хулят; а это должны быть храмы, где бы в тихом и молчаливом смиреннии и в возвышающем душу одиночестве мы восторгались великими художниками как высочайшими среди смертных» (*Вакенродер 1977. С. 74*); сами же художники «кичатся собой, но не знают гордости своим искусством», той «благороднейшей гордости художника», которой был полон герой его новеллы «Весьма примечательная смерть широко известного в свое время старого художника Франческо Франча...», чью душу «словно бы пронзило», когда он впервые увидел «божественную картину» Рафаэля и смог «открытыми глазами взглянуть на всю свою жизнь как на жалкую, несовершенную поделку ремесленника». Созданные «долгим напряженным трудом» образы «теперь до основания потрясали здание его духа», они «в искаженном виде метались в его душе, превратившись в мучительный лихорадочный бред», и скоро «ученики нашли его мертвым в постели». Его творения «всегда по праву могли быть причислены к самым выдающимся», пишет Вакенродер,

но «подлинное величие этого мужа проявилось именно в том, что он сумел почувствовать себя таким ничтожным по сравнению с небесным Рафаэлем» и остался в памяти посвященных «как истый мученик художественного одушевления» (*там же*, с. 34–37). Сюжет (взятый у Вазари) сообщен у Вакенродера как невероятная для современных «холодных критиков» принадлежность «героического века Искусства» (*Вакенродер 1826*. С. 10, 12, 21; парафраз истории Франческо Франча в «Портрете» отмечен исследователями, см.: *Назаревский 1911*. С. 85; *Maguire R.A. Exploring Gogol*. Stanford, 1994. P. 165–166): Франческо Франча, низверженный неожиданно «с высоты своей», далек от обиды и зависти — он чувствует себя грешником, неверно истолковавшим и, следовательно, исказившим Божий замысел о себе, об искусстве и о мире в целом; его смерть заставляет вспомнить «ныне отпускаеши» св. Симеона, которому перед концом была открыта часть божественной истины, и самоощущение близко самоощущению святых, чувствовавших себя все более недостойными по мере приближения к ней. Именно «старейшие живописцы Италии (...) многие из которых сами были священниками и монахами» (*Вакенродер 1977*. С. 95), берутся за образец, когда в начале второй части «Портрета» изображается «скромный набожный живописец, какие только жили во времена религиозных средних веков» (с. 70). Когда же в конце ее Гоголь говорит о герое, что он «уже не походит на того тихого размышляющего отшельника, который как к желанной пристани причалил к своей пустыне с желанием отдохнуть от жизни и с христианским смирением молиться Тому, к Которому он стал ближе и доступнее» (с. 78), узнаваемо цитируя при этом название сборника Вакенродера «Сердечные излияния отшельника — любителя искусств» (1797; в рус. пер.: *Вакенродер 1826*), он имеет в виду совсем иное, потому что автор-отшельник у Вакенродера — это человек Нового времени, и важнейшим предметом его размышлений становятся отличительные черты нового искусства. «Сладострастным отшельником», чье наслаждение искусством, однако, «отравлено в самом зародыше», а душа «больна и изливает свой яд по всем жилам» (*Вакенродер 1977*. С. 178–179), называет себя и герой входящей в «Сердечные излияния...» небольшой повести «Примечательная музыкальная жизнь композитора Иозефа Берглингера» (рус. пер. С.П. Шевырева: *МТ. 1826*. Ч. 9. № 9. С. 25–56; *Вакенродер 1826*). Об «опасных, скользких безднах», разверзающихся вокруг художника, глаз которого не имеет «мерила для мира, ни для жизни, ни для человеческой души», говорится во фрагменте «Письмо Иозефа Берглингера». «Искусство — соблазн, запретный плод; кто единожды отведал его сокровеннейшего, сладчайшего сока, тот безвозвратно потерян для деятельного, живого мира, — говорится здесь. — (...) Искусство — обманчивый, лживый мираж; нам кажется, что в нем мы видим перед собой последнюю, глубочайшую человечность, оно же всегда подсовывает нам всего лишь прекрасное творение человека, в котором слиты эгоистические, в самих себе находящие удовлетворение мысли и чувства, бесплодные и недейственные в живом мире. (...) Всю свою жизнь провожу я, сладострастный отшельник, за тем, что внутренне упиваюсь прекрасными гармониями и стремлюсь выискать предельный лакомый кусочек красоты. — А послушать, что творится вокруг меня! Неутомимо и живо, в непрестанных борениях движется вперед

история человеческого мира, (...) без усталости действуют люди, и за каждым малым деянием в тесной сутолоке, подобно огромным привидениям, идут *последствия*, добрые и злые (...) изобретательные полчища бедствий совсем рядом со мной терзают тысячи смертных тысячами различных мук (...) А я спокойно сижу посреди всего этого, как ребенок на детском стульчике, пускающий мыльные пузыри, и сочиняю музыкальные пьесы, хотя завершится и моя жизнь серьезно — смертью» (*Вакенродер 1977. С. 178—180*). Художник чувствует отчаяние и страх, он понимает «чувства благочестивых мучеников-аскетов, которые (...) всю жизнь подвергали свою плоть изощреннейшим самоистязаниям и предавались покаянию, дабы разделить ужасные страдания человечества», однако «не может, как ни стыдится он этого, не стараться извлечь из тягостного зрелища горя нечто прекрасное, материал для своего искусства» (*там же, с. 180*). Внутренняя и внешняя дисгармония убивает художника: «борьба между его эфирным энтузиазмом и низменным убожеством этой земли», которая мучила его всю жизнь, «в конце концов разорвала надвое его существо, состоящее из духа и тела» (*там же, с. 111*). Дисгармоничность отмечает взгляд современного художника и в самом характере нового искусства, прежде всего современной музыки. Сама возможность из «жалкой паутины числовых соотношений, вещественно выраженных в просверленном дереве, в совокупности струн, сделанных из кишок и медной проволоки» (применительно к живописи — «путем хитроумного соединения крашеной земли и жидкости»), вызвать «изумительное явление духа» восхищает как одна из прекраснейших тайн мироздания (*там же, с. 68, 162*). Но она же привлекает людей, которые любят не тайны, а «строгость и определенность» и «относятся к своему искусству как к злейшему врагу (...), стараются победить его и тогда торжествуют, довольные своей силой»; ими «внутренний механизм музыки (...) приведен к удивительному совершенству», и собственные их произведения — то же, что «отличные анатомические этюды или упражнения в изображении трудных поз» в живописи; но тому, кто «подходит к самым прекрасным и божественным предметам в царстве духа (...) с вечными поисками цели и причины, тому, в сущности, безразличны красота и божественность, его интересуют лишь границы и оболочки предметов, ибо с их помощью он строит свою алгебру» (*Вакенродер 1977. С. 172, 174*). Такая односторонность, как замечает И.В. Карташова, уже содержит «намек на духовный конфликт Сальери», конфликт Нового времени, в романтической его интерпретации представленный у Вакенродера как один из сформулированных им впервые вариантов конфликта искусства и жизни (см.: *Вакенродер и рус. лит. С. 29—31*; о соотношении сюжета пушкинской трагедии с историями Франческо Франча и Иозефа Берглингера см.: *Алексеев М.П. Комментарий к «Моцарту и Сальери» // Пушкин. Т. 7. С. 538—542*); и тут же рядом у Вакенродера дан другой вариант его: «Печально видеть, когда творческий талант по ошибке поселяется в беспомощной и бедной чувствованиями душе. Тогда фантастическая страсть, попавшая в чуждую грудь, томится, не умея высказаться в звуках, — а между тем природа, стремясь исчерпать все возможности, часто и, кажется, не без удовольствия производит эти болезненные опыты» (*Вакенродер 1977. С. 172*). Это уже вариант Черткова в конце его пути, когда он «узнал ту ужасную муку, которая

как поразительное исключение является иногда в природе, когда талант слабый силится выказаться в превышающем его размере и не может выказаться», — ту общую у него с Сальери «страшную муку, которая делает человека способным на ужасные злодеяния» (с. 63; о различии их см.: *Анненкова 1989. С. 97*); обоими движет страсть, которую и Пушкин («О Сальери»), и Гоголь одинаково называют завистью, о которой в Писании сказано, что «всякий труд и всякий успех в делах производит взаимную между людьми зависть» и что это «суета и томление духа» (*Еккл 4, 4*), но и то, что «завистью дьявола вошла в мир смерть» (*Прем 2, 24*). Этой зависти не знал Франческо Франча, не знали художники «героического века искусства», когда «весь мир пламенел энтузиазмом»; они «превращали живопись в верную прислужницу религии», «посвящали полученное от бога умение рук своих только божественным и священным сюжетам и вносили в свои творения такой серьезный и богобоязненный дух и такую смиренную простоту, какая и подобает предметам, посвященным богу» (*Вакенродер 1977. С. 33, 95*). На противопоставлении искусства старого времени с его целостностью и полнотой разорванности и рассеянности настоящего основано понимание исторической живописи (на сюжеты Священной истории) у Ф. Шлегеля — он полагает, что вообще «не существует жанров живописи, кроме единой полной картины, обычно называемой исторической; уместнее было бы вообще не давать ей особого обозначения или называть символической картиной» (*Шлегель 1983. Т. 2. С. 242*). В противоположность ей портрет, претендующий на «искусство в изображении индивида», выделяет «ограниченную и фиксированную особенность этой натуры»; при этом «характер предстает сосредоточенным и как бы прочно замкнутым в его ограниченности». Ф. Шлегель допускает и возможность «совершенно иного рода портрета», который также называет символическим и примеры которого находит у Рафаэля и Леонардо да Винчи в «Моне Лизе», где «к портрету, верно воспроизводящему натуру», добавляется «впечатление, производимое изображенным лицом, как бы удвоенное и высшее его отражение», символически означающее то, что «составляет высший дух, скрытую душу в лице человека, ибо лишь немногие действительно выглядят так, как они должны были бы выглядеть по своему внутреннему существу» (*там же, с. 232–233*). Такой символический портрет, говорит Ф. Шлегель, «можно было бы перенести в (...) историческую картину, и даже если нет ни одной такой картины, к какой бы он вполне подходил, он кажется нам все же фрагментом подобной картины, которую мы можем примыслить к нему»; другими словами, «отпало то единственное основание, которое может оправдать портрет как жанр, а именно намерение сохранить изображение индивида в его верной объективности». Ему и не следует быть особым жанром, говорит Ф. Шлегель; вместо того чтобы стараться «сохранить для потомства своеобразные черты лица», не лучше ли было бы предоставить художнику «фиксировать по свободному выбору человеческое лицо само по себе, для собственного поучения и будущего применения», если окажется, «что это определенное лицо каким-то образом принадлежит к сфере форм, присущих этому художнику», и без его «индивидуальной правды, основывающейся в конечном итоге на портрете», исторической живописи недостает «этого и вообще всякого реального смысла» (*там же, с. 232–234*). Предложенный

Ф. Шлегелем выбор не уместается в пределах чисто эстетической сферы; портрет связывает в едином событии художника и модель не только как автора-творца и его предмет, но и как два субъекта, имеющие только по видимости одну цель; их взаимодействие вполне может оказаться борьбой, и это обстоятельство оказывается первостепенным для Гоголя в «Портрете», едва ли не оттесняя на второй план тему отношения к «натуре», актуальнейшую в его время для авторитетных практиков (ср. принцип Венецианова «à la natura» вместо традиционного «à la Rubens» или «à la Rembrandt»; см.: Лит. прибавл. к Рус. Инвалиду. 1831. № 33. 25 апреля. С. 257). Черткову не дают завершить по-своему портрет Анет, художник из Коломны останавливается сам, вдруг «увидев живые глядящие на него глаза» с портрета; и в обоих случаях речь идет о той или иной степени точности художника в воспроизведении «натуры», но не этим определяются последствия и оценка его поступка, а тем, что в обоих случаях его художественное задание оказывается подчинено эгоистической воле заказчика и получает прикладной характер. Тема перехода за грань дозволенного — ср. гоголевские слова о гении, который «уже слишком дерзко перешагнул границы воли человека» (с. 67), — может быть развита не столько в эстетическом (по Шеллингу, целью живописи ни в коем случае не может быть «тот грубый обман чувств, который обыкновенно применяется, чтобы изображенный предмет выглядел как действительно существующий (...) живопись как раз в своих высших проявлениях скорее должна уничтожить видимость действительности в принятом здесь смысле этого слова», Шеллинг. С. 226), сколько в религиозно-философском плане (об опасности неограниченного символического творчества будет предупреждать П.А. Флоренский, полагавший, что «всякий подмен искусства имитацией жизни» составляет «преступление и против жизни и против искусства», потому что и «оживающий портрет (Гоголь) или отделившая тень (Андерсен)», и «материализовавшаяся схема науки (...) или общественного класса, самоопределившись, могут присосаться к жизни и души ее», Флоренский П.А. Т. 2: У водоразделов мысли. М., 1990. С. 121). По Шеллингу, художник должен искать истину «гораздо глубже, чем ее наметила сама природа и чем она обнаруживается всего лишь на поверхности образов»; он «должен снять покров с недр природы», «показать человеческую фигуру не такой, какой она явлена, но такой, какова она в замысле и идее природы, чего полностью не выражает ни один действительный образ»; цель его — «сосредоточить в одном моменте идею человека, рассеянную по отдельным движениям и мгновениям жизни, и этим достигнуть, чтобы портрет (...) более походил бы на человека, т.е. на идею человека, чем сам человек в отдельные моменты». Присутствие же идеи (или, как говорит Гоголь во второй редакции повести, «присутствие мысли в каждом предмете») в ее высшем выражении «уже не может быть взято из опыта (...) художник должен был иметь в самом себе эту идею, возвышающуюся над природой», чтобы запечатлеть ее в материале; но это уже касается преимущественно исторической картины, потому что история «несомненно, есть самый значительный предмет живописи, ведь в ней в самих действиях постигается различие между богами и людьми, этими наиболее достойными предметами живописного изображения» (Шеллинг. С. 230, 252, 263, 260). Таким образом, высшее в искусстве не пишет-

ся с природы; отсюда, между прочим, следует и то, что в «Моцарте и Сальери» вопрос о возможности преступления Микеланджело, как говорит легенда, распявшего натурщика, чтобы писать с него смерть Спасителя, должен решаться отрицательно не только в этическом (см.: Карташова 1984. С. 70), но прежде всего в эстетическом отношении; ср. попытку художника воспользоваться эмпирическим впечатлением — портретом ростовщика как этюдом для исторической картины и затем, в противоположность этому, его же работу над церковными образами «в глубоком размышлении и уединении души» (с. 76). Позднее в «Авторской исповеди» Гоголь в тех же понятиях будет описывать собственный творческий опыт, говоря, что «никогда не писал портрета, в смысле простой копии», но «создавал портрет (...) вследствие соображенья, а не воображенья», и чем больше вещей принимал в соображение, тем «верней выходило создание», что для изображения современной России ему нужно было «удаление от России затем, чтобы пребывать живее мыслью в России» и, «отдалившись от настоящего, обратиться его некоторым образом для себя в прошедшее» (Ак. Т. 8. С. 446—447, 449).

Конфликт художника и модели в комическом его варианте присутствует у Гоголя уже в повести «Ночь перед Рождеством», герой которой, расписывая церковь, изобразил черта в самом жалком и отвратительном облике и навлек на себя месть своей «модели». За основу здесь взята история одного из мастеров «старого века», которым посвящена у Вакенродера глава «Хроника художников», Спинелло; работая над известным сюжетом, он написал Люцифера «в обличье отвратительного чудища», и «как рассказывают, злой дух как раз в этом образе явился ему во сне и угрожающе спросил, почему он представил его в таком постыдном, зверском виде и где он видел его в этой безобразной форме» (Вакенродер 1977. С. 96; см. об этом: Чудаков 1908. С. 94—95). Едва намеченный и намеренно по-средневековому наивный у Вакенродера, конфликт художника с предметом его картины становится всеобъемлющим в «Портрете». «Противоположение иконописца нечистой силе напомним прежде всего “Ночь перед Рождеством” — но нечистая сила здесь не мелкий бес, в ней то же могущество, как в колдуне “Страшной мести”, и те же возможности, как в демонических силах “Вия”. В иконописце развита и его внутренняя жизнь, и самый смысл его искусства: эстетика здесь не случайная принадлежность церковной формы, а самостоятельная сила, и демон борется не с отдельными прекрасными явлениями, а с самой красотой, воплощенной в творчестве» (Гунпиус 1924. С. 55). Было сказано, что предмет художника — героя второй части повести «победил его своей эстетической неразрешимостью» (Анненский. С. 438); можно заметить — и этической; проведенный через эти смысловые сферы, конфликт в «Портрете» достигает той степени зрелости, которая превращает его в центральный и глубоко личный для позднего Гоголя с его тревожным убеждением в двуединой природе творчества, способного одеть свой предмет «портретною живостью, которая делает (то, что) изображенный образ преследует нас повсюду так, что нельзя и оторваться», и не умеющего предотвратить те «исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся» (Ак. Т. 8. С. 456, 221). Гоголь вносит ноту диссонанса и в другой вариант этого сюжета, совершенно безоб-

ланный у Вакенродера; это «Видение Рафаэля» — рассказ, якобы записанный со слов великого художника, о том, как чудесным образом исполнилась его мечта «изобразить деву Марию во всем ее небесном совершенстве»: «Однажды ночью, когда он, как бывало уже не раз, во сне молился пресвятой деве, он вдруг пробудился со стесненным сердцем. В ночной тьме его взгляд был привлечен сияньем на стене (...) и когда он взгляделся, то увидел, что это светится нежнейшим светом его незавершенное изображение мадонны, висящее на стене, и что оно стало совершенно законченной и исполненной жизни картиной (...) это был как раз тот самый образ, которого он все время искал, хотя до сих пор имел о нем всего лишь смутное и неясное предчувствие» (*Вакенродер 1977. С. 30—31*). Связь этого фрагмента с изображением во второй части повести работы художника над образом Богородицы и с его признанием о бывшем ему тогда явлении подтверждается прямой цитатой из Вакенродера, вписанной в окончательный вариант «Портрета»: «Я был поражен глубоким выражением божественности в Ее лице» (ср.: «Божественность ее лица так поразила его, что он разразился светлыми слезами», *Вакенродер 1977. С. 31*; см. с. 586); но несомненно и столь же сильное впечатление совершенно иного характера от светящейся картины, воспроизведенное в изображении портрета на стене в лунном свете, со страшными глазами, просвечивающими сквозь закрывающую его ткань. «Она смотрела на него взглядом, неопишимо трогающим душу, и, казалось, вот-вот шевельнется; и ему почудилось, что она точно шевельнулась» (*Вакенродер 1977. С. 31*). Гоголь опасно приблизился к этому описанию святого лика, показывая встающую из гроба мертвую ведьму в «Вию» — ужас оправдавшегося ожидания ужасного; слезу, покотившуюся из ее глаза, он передал демону с портрета («Казалось, слеза дрожала на ресницах старика»). О том, что образы портрета и иконы в повести «тяготеют к соединению» (созданная отцом Григорием икона «вытесняет собой страшный портрет, который во время работы “перестал навещать его”»), писал М. Вайскопф, указывая «на какую-то их типологическую однородность» (*Вайскопф 1993. С. 304*); однако в эстетическом плане следовало бы говорить скорее о страшном подозрении, под которым оказывается у Гоголя зримая оболочка явлений, способная манифестировать противоположные сущности; соответственно и взгляд художника не всегда способен разобраться в своеобразной омонимии, которой пронизан окружающий мир. Слова Рафаэля в заключительной части фрагмента: «Я обращен к некоторому образу, представляемому мною и нисходящему ко мне в душу» — Вакенродер предлагает понимать буквально: «Неужели не поймут наконец, сколь кощунственна вся невежественная болтовня о вдохновении художника, не убедятся, что здесь речь идет не о чем ином, как о непосредственной помощи свыше?» (*Вакенродер 1977. С. 31*); и Гоголь согласился бы с этим в 1830 г., когда писал свои ранние шеллингианские статьи; но, видимо, как раз на эти слова отвечает он теперь в «Портрете» устами художника-монаха: «Дивись, сын мой, ужасному могуществу беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение художника».

Тема «унижения» искусства в обществе, заданная для последующей литературы Вакенродером (см.: *Карташова 1984. С. 69*), сама, в свою

очередь, восходит к Гёте, изобразившему в драматическом диалоге «Земная жизнь художника» (1774) скромное существование художника, вынужденного, чтобы прокормить семью, откладывать любимую работу и писать ненавистный ему портрет богатой заказчицы под навязчивые советы ее мужа. Через десять лет Гёте завершил тему диалогом «Апофеоз художника» (1784), в котором после смерти художника ученик в картинной галерее копирует его работы, восхищаясь и не веря, что сможет упорным трудом и наукой достичь той же высоты; завязывается спор о природе искусства, о роли в нем упражнения, мысли, таланта; в это время приносят еще одну картину того же мастера, ту самую, для которой он едва находил время из-за подневольной работы, и все присутствующие — ученик и художники, любитель искусства, продавец, смотритель галереи и князь, ее владелец, — единодушно восхищаются ею; казначей отсчитывает деньги продавцу, а муза, являясь на облаке вместе с автором картины, показывает ему плоды его «счастливейших часов» — его бессмертие; художник, однако, вспоминая прожитую без надежды, в бедности и безвестности жизнь, просит музу дать юноше ученику не только «славу рая»: «Молю тебя, подруга неземная, / Здесь на земле не забывай его. (...) Венок ему на небе уготовь, / Но здесь подай сосуд очарованья, / Без яда слез, без примеси страданья» (Веневитинов 1980. С. 98). Переведенный Веневитиновым, этот диптих под названием «Земная участь и апофеоза художника» вместе с тремя фрагментами из опубликованной к тому времени части «Фауста» составил отделение «Переводов из Гёте» в изданной после смерти поэта первой части его Сочинений (Веневитинов Д. Стихотворения. М., 1829) и, таким образом, пришел к читателю в новом, «фаустианском» осмыслении, при котором размышление о современной и посмертной славе художника прочитывалось как вариация на тему самоосуществления человека Нового времени. Письма Гоголя (М.П. Погодину от 20 февраля 1833 г. и 28 ноября н.с. 1836 г., Н.Я. Прокоповичу от 25 января 1837 г.) показывают, что на подходе к Ар. он определял собственное творчество в терминах этого противопоставления и сюжет периода работы над петербургским замыслом разворачивался для него как сюжет внутреннего переворота; это и есть внутренний сюжет «Портрета». Близко к Гёте изображено семейство художника у Вакенродера в «Рассказе, переведенном из старой итальянской книги» (см.: Вакенродер 1977. С. 124–125), и почти буквально по Гёте — семья гоголевского художника из Коломны (с. 71). Тема художника в обществе была подхвачена «Театральным вступлением» к «Фаусту», где говорилось об успехе у толпы, который «засасывает, как трясина», и о «священных правах» поэта, чья мысль зреет для потомков, но также и о том, что «восторги поколений» не достаются даром и могли бы быть наградой не только угожденью «капризам публики», но и истинному вдохновению, если бы оно не было утрачено поэтом вместе с днями его юности (Гёте. Т. 2. С. 9–14); здесь жажда творческого и личного бессмертия, не только материального богатства, но и силы и неисчерпаемости дарования и фантазии смыкалась с мотивами экспозиции «Фауста», обосновывающими обращение к магическим средствам с целью получения чудесной помощи ценой адского договора о продаже души. «Театральное вступление» вызвало заметный отклик (см.: Жирмунский 1982. С. 112, 141) и не столько переводилось, сколько интер-

претиривалось современниками всякий раз применительно к своей личной теме, как собственное «эстетическое кредо» (*Фесенко Ю.П.* Пушкин и Грибоедов: (Два эпизода творческих взаимоотношений) // *Временник Пушкинской комиссии.* 1980. Л., 1983. С. 105) — ср. сокращенный перевод Грибоедова (*ПЭв* на 1825 г.), пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), напечатанный в 1825 г. как предисловие к первой главе «Евгения Онегина» и выдающий его изначально фаустианскую основу; стихотворение «Журналист и злой дух» Шевырева (*МВ.* 1827. № 24, с примечанием издателя: «Пусть будет оно эпилогом к “Московскому вестнику” на 1827 год и прологом на 1828-й»), который персонифицировал соблазн публичного успеха в образе Мефистофеля, сформулировав тему отношений творческой личности с обществом как тему фаустианскую. О.Г. Дилакторская отмечает, что «в действительности 30-х гг. отношения художника к промышленным веком осознавались как отношения Фауста и Мефистофеля» (ср.: «Не голодом материальное общество уморило Поэта; нет, оно уморило его избытком (...) он продал себя обществу, как Фауст Мефистофелю», *Шевырев С.П.* Чаттертон, драма Алфреда де Виньи // *МН.* 1835. Ч. 4. Кн. 16. С. 614); в этой связи повесть Гоголя «всецело передает общие настроения эпохи» (*Дилакторская* 1995. С. 228–229).

Указанная В.М. Жирмунским (см.: *Жирмунский* 1982. С. 141) и многосторонне прослеженная О.Г. Дилакторской (см.: *Дилакторская* 1986. С. 120–139; *Дилакторская* 1995. С. 227–238) фаустианская тема в «Портрете» обнаруживает непосредственные связи повести с «Фаустом» Гёте, народной книгой о Фаусте, а также пушкинской «Сценой из Фауста» (1825). Уже давно В.В. Гиппиус заметил, что «задача подбора западных параллелей к “Портрету” — задача очень благодарная, но мало полезная при мотиве, который стал традиционным»: «Мотив неотразимого по своей живости или прямо оживающего портрета — мотив, излюбленный романтиками, может быть, потому что в нем легко подчеркивается иррациональная “магия” искусства, творящего новые реальности. Он восходит к агиографическому мотиву оживающих икон и имеет и дохристианское прошлое в легендах об оживающих статуях, и в конечном счете коренится в мифическом представлении о переходе части жизни человека к его изображению. (...) Толчком мог быть и Мэчьюрин, и Вашинг. Ирвинг, и автор переведенного Сомовым рассказа Спинелло» (*Гиппиус* 1924. С. 55). Наблюдения О.Г. Дилакторской свидетельствуют о возможности упорядочить этот обширный материал. «Гоголевский сюжет разворачивается так, что мотивы “Портрета” и мотивы других произведений сближаются именно на фаустовской теме», — пишет О.Г. Дилакторская; при этом «ряд сопоставлений “Портрета” с современной литературой (русской и европейской) в самых разных мотивах очень широк и все более сужается и становится избирательным в отношении к литературе, исторически отдаленной от повести Гоголя: так реставрируется, выделяется здесь именно сюжет о Фаусте, объединяющий старые и новые тексты» (*Дилакторская* 1995. С. 230). Художник в «Портрете» представлен как «обладатель фаустовской природы в ее главной сути — преобразования мира» (*там же*, с. 229) и в этом качестве способен группировать вокруг себя не только художественные, но и эстетические

представления своего времени; их высокую концентрацию в повести, своего рода «трактатность» ее, хорошо почувствовала уже первая критика. О.Г. Дилакторская полагает, что заглавный мотив портрета принадлежит к числу тех, в которых повесть обращена непосредственно к легенде о Фаусте, достаточно известной в то время (Пушкин и Шевырев знали ее) (см.: *Дилакторская 1986*. С. 135–136). В качестве еще одного гоголевского источника в этой связи может быть указан роман Ф.М. Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» (1791; см.: *Клингер*. С. 123–124, 128–132); здесь Гоголь мог найти прежде всего собственно фаустовский сюжет, в котором четко обозначено не только начало пути, неудовлетворенность, выход в мир и фантастическое расширение возможностей благодаря договору с дьяволом и чудесной помощи, но и конец — когда внезапно Фаусту раскрывается «смысл его ощущений»: «Забытые чувства юношеских лет пробудились в нем и еще больше усилили его муку. Фауста терзало сознание, что он принес жизнь в жертву заблуждению, не использовал сил своего духа, а, наоборот, истощил их в вихре сладострастия, в мирской суете» (*там же*, с. 185). Этому внутреннему пробуждению, так напоминающему происшедшее с гоголевским героем, предшествовало ночное видение скончавшегося отца: «Бледный призрак его отца, закутанный в белый саван, раздвинул полог над его кроватью (...) Вещий сон и страшный призрак потрясли душу Фауста. Он вскочил и открыл окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха», — ср. видение Черткова, заглядывающее к нему «сквозь щелку в ширмах», и затем его реакцию (с. 52–53). Наконец, и во второй части повести «мрачное состояние души» преследуемого демоном художника напоминает происходящее с Фаустом, который «все больше погружался в мрачные размышления о человеке и его предназначении, о нравственном миропорядке (...) в сердце его всходили семена еще более мучительных сомнений, ненависти и презрения к людям» (*Клингер*. С. 137, 152).

Современники воспринимали «Портрет» прежде всего как повесть «в духе Гофмана» (см. выше об отзывах Шевырева и Белинского); влияние Гофмана отмечала здесь и последующая критика. К Гофману принято возводить элементы откровенной фантастики в повести и отчасти ее композиционное решение; при этом «в “Портрете” нет “игры” планами, реальным и фантастическим, нет гофмановских масок — обе части повести выдержаны в напряженном трагическом ракурсе»; также и идейное содержание ее, «несмотря на наличие сходных мотивов и сюжетных ситуаций (...) в целом далеко от творчества Гофмана» (*Мордовченко 1939*. С. 102). Кажется, С.И. Родзевич первым связал гоголевский интерес к Гофману с «Эликсирами сатаны»; что касается «мотива о художнике, погубившем свой талант», то в этом отношении Гоголь мог не раз встретиться в повестях Гофмана с этим именно мотивом и его вариациями; однако в романе Гофмана, кроме того, представлен и сквозной «мотив вреда, принесенного дьявольским имуществом», показаны внутренний разлад и отклонение с пути, тщеславие, самомнение, неспособность пренебречь похвалами толпы; «идея высокого, божественного назначения искусства» связана с образом художника, под влиянием дьявольского искушения изобразившего святую как воплощение Венеры и затем раскаявшегося и в качестве искупления распи-

савшего церковь в отдаленном монастыре (см. *Родзевич 1917*. С. 216–217; ср.: *Ботникова*. С. 117–118, 122–123). Интерес именно к этому произведению Гофмана мог быть спровоцирован Пушкиным: В.В. Гиппиус отмечает в «Пиковой даме» непосредственную связь с «Эликсирами сатаны» (см.: *Гиппиус 1924*. С. 55–56, 226; о том, что осенью 1833 г. Пушкин был увлечен Гофманом, см.: *Абрамович 1994*. С. 500). Предыстория связана с событиями романа темой родового преступления — герой оказывается потомком художника и этим предопределены его заблуждения. Аналогичное построение и мотивировка сюжета встречаются у Гофмана неоднократно; и именно такие гофмановские композиции считаются образцом для гоголевского двухчастного построения повести, при котором «происшествия первой части (...) раскрываются во второй» (см.: *Мордовченко 1939*. С. 102; *Ботникова*. С. 122–123). В «Эликсирах...» нет темы портрета, но есть тема преследующих глаз, «мертвенно-живых» и внушающих ужас, который неверно истолковывается героем, усматривающим угрозу себе в самом этом взгляде, а не в тех роковых внутренних предпосылках к греху, от которых этот взгляд должен его предостеречь. Художник из «прановеллы» являлся герою в разных обличьях, узнаваемый только по взгляду; в конце же истории он «непостижимым образом сгинул вместе со всем собранием картин» (*Гофман 1984*. С. 169), как и гоголевский портрет.

Сам же мотив портрета в близкой к гоголевской интерпретации исследователи находят в романе Метьюрина «Мельмот Скиталец» (1820; рус. пер.: Мельмот Скиталец. Сочинение Матюрена, автора Бертрама, Албигойцев и проч. Перевод с французского Н.М. Ч. 1–6. СПб., 1833; см.: *Шляпкин И.А.* «Портрет» Гоголя и «Мельмот Скиталец» Матюрена // *ЛВ*. 1902. № 1. С. 66–68. *Виноградов 1976*. С. 99; *Мордовченко 1939*. С. 102). Здесь также обнаруживается портрет среди «всякой ломаной мебели и разных ненужных вещей, какие (...) нередко бывают свалены и гниют в комнатах старых скряг», и он «намного превосходит по мастерству все фамильные портреты, что истлевают на стенах родовых замков»; в отличие от гоголевского, изображенный на нем человек ничем не примечателен («Глаза лишь жили в нем, / Светившиеся дьявольским огнем», — говорит о нем автор цитатой из Саути, *Метьюрин*. С. 15). Во власти «чувства, мучительного и неодолимого», герой не в силах «оторвать глаз от этого странного портрета, сам не свой от охватившего его ужаса»; он замечает, «что глаза портрета, от которых он не мог оторваться, обращены на него»; эти «глядевшие на него с холста глаза» он снова видит ночью «еще ближе от осветившего их внезапно яркого света», и ему кажется, «что губы его предка зашевелились, словно тот собирался что-то ему сказать» (*там же*, с. 16–17, 55). Выполняя завещание дяди, герой сжигает портрет, но «во сне или наяву» видит, как сам оригинал «вошел в комнату, подкрался к его кровати», и слышит его шепот: «Что же, ты меня сжег, только такой огонь не властен меня уничтожить. Я жив; я здесь, возле тебя», а проснувшись, чувствует «легкую боль в правом запястье»: «Он посмотрел на руку: место это посинело, как будто только что его с силой кто-то сжимал» (*там же*, с. 55–56). Сцена уничтожения портрета у Метьюрина повлияла на аналогичный эпизод во второй части гоголевской повести и отчасти на сны художника в первой ее части, особенно во второй редакции. В романе есть и еще один, миниатюрный портрет

Мельмота; он душит, мучит владельца, и тот также уничтожает его, разбивая на куски (*там же*, с. 67). Но в обоих случаях у Метьюрина ни жизнь, ни сверхъестественная сила оригинала не переходят в портрет (в этом смысле ближе к гоголевскому варианту неудавшаяся попытка героя «Удивительной истории Петера Шлемля» (1813) Шамиссо уговорить знаменитого живописца нарисовать ему вместо утраченной искусственную тень); деталь эта не играет никакой роли в сюжете после первого знакомства с героем; и, наконец, с портретом в романе не связана какая бы то ни было эстетическая проблематика. Но «колдовской взгляд» самого Мельмота, «непереносимый свет», «ужасный, неестественный блеск» его глаз (*там же*, с. 31), как и у Гофмана, позволяет опознать героя и указывает на его связь с иным миром (о литературном происхождении этой детали см.: *Алексеев М.П. Ч.Р. Метьюрин и его «Мельмот Скиталец» // Метьюрин. С. 577*). Стремясь, как и гоголевский ростовщик, избежать адской кары, Мельмот отыскивает «самых несчастных или самых испорченных людей», пользуется сверхъестественной силой, «чтобы искушать несчастных в минуты отчаяния», добиваясь согласия обменяться с ним частью, но «даже слабейший из противников оттолкнул его, ибо владел силой, которая всегда будет побеждать его силу», он «исходил весь мир и не нашел ни одного человека, который, ради того чтобы обладать этим миром, согласился бы погубить свою душу»; и именно эта тема составляет фон гоголевского сюжета; от Метьюрина же, вероятно, и мотивы странных расчетов, «страшного договора», «не подлежащих огласке условий» (*там же*, с. 320, 526, 490, 526, 421, 234, 54, 55, 426). Отмечено и сходство кары проговорившимся: у Метьюрина священник на свадьбе, узнав в незнакомце Мельмота, хочет открыть его имя и падает мертвым; умирает и новобрачная; у Гоголя художник собирается сообщить священнику тайну портрета, и в этот момент гибнет его жена от несчастного случая, потом сын (см.: *Мордовченко 1939. С. 105*); преимуществом направленность потусторонней силы на разрушение семьи, рода представлена в истории «о семье Гусмана» и аналогичным же образом — у Мельгунова в повести «Кто же он?» (см. об этом: *Денисов 2006. С. 222*; о фольклорном характере этого мотива в связи с гоголевским образом колдуна см.: *Померанцева Э.В. Рассказы о колдунах и колдовстве // Тр. по знак. системам. Т. 7. Тарту, 1975. С. 91, 94*. Не только непосредственно от Метьюрина, но во многом и через Мельгунова (который, по предположению М.П. Алексеева, и был автором анонимного русского перевода «Мельмота»; см.: *Алексеев М.П. Ч.Р. Метьюрин и его «Мельмот Скиталец». С. 620*) к Гоголю могло перейти и общее ощущение фантастической подосновы обыденного, подменное заполнение нежитью, ищущей воплощения, лакун, возникающих вследствие эгоистически обособленного существования современного человека («нечистый, невоплотимый мир нечисти и его тщетные усилия “быть”, приводящие только к умерщвлению действительно живых»; о «пошлой фантастичности» бытия «без общего замысла жизни», уже в «Вии» и «Страшной мести» предвещающего мир «Мертвых душ», см.: *Пумпянский 2000. С. 288–289*).

Н.И. Мордовченко замечает, что хотя у Метьюрина нет прямой связи портрета с золотом, как у Гоголя, «но фамильный портрет, разумеется,

легко ассоциировался с темой наследства, бытовавшей в литературе первой трети XIX в. Так, например, в повести Сарразен (Sagazin) «Фамильный портрет (Анекдот)» герой (...) находит сверток золота в рамках портрета» (Мордовченко 1939. С. 88, 89; указано Б.В. Томашевским, см. Ак. Т. 3. С. 671). Этот мотив буквально воспроизведен у Гоголя; но находку его героя можно соотнести и с темой запоздалой посмертной щедрости общества к художнику, сформулированной Гёте в «Апофеозе художника»: «Когда бы хоть частицу злата / От этой пышной рамы я имел, / Не голодали бы жена, ребята / И я бы вдоволь пил и ел» (Гёте. Т. 1. С. 116; ср.: Веневитинов 1980. С. 97). У Метьюрина, как и у Гоголя, наследство скупца, с одной стороны, порождает беды, с другой — бесславным и жалким образом распадается в прах (показанный в начале романа приезд наследника в запустелый и захламленный дом умирающего скупца повлиял не только на начало «Евгения Онегина», но и на описание именина Плюшкина в «Мертвых душах», где Гоголь «следует и за Пушкиным, и за Метьюрином», *Смирнова 1987. С. 112*; о влиянии «Мельмота» на Гоголя см. также: *Алексеев М.П. Чарльз Роберт Метьюрин и русская литература // От романтизма к реализму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1978. С. 30–31*). Тема «мертвого» наследства значима в «Фаусте» Гёте, собственно и создавая антагонистический фон фаустианскому порыву (см.: *Гёте. Т. 2. С. 30–31*); причем это не только материальное, но и идейное, гуманистическое наследство: Фауст стыдится народной любви к нему, лечившему когда-то вместе с покойным отцом людей от чумы, потому что отец был алхимик, лечил наугад и «своим мудреным зельем (...) / Самой чумы похлеще бушевал» (*там же, с. 41*; ср. у Вакенродера об отце Иозефа Берглингера, который «был прилежный и добросовестный врач», старавшийся и из сына воспитать «врача, чтобы он (...) был полезен миру», но тот «так создан был небесами, что все время стремился к чему-то более высокому», *Вакенродер 1977. С. 97, 110*). Гёте таким образом воспроизводит важнейшее для самоопределения Нового времени смысловое противостояние накопителей и мотов, породившее целую галерею образов скупцов, от Шейлока до пушкинского Скупого рыцаря и бальзаковского Гобсека (о том, что образ ростовщика как носителя дьявольского начала мог быть подсказан Гоголю Бальзаком, см.: *Мордовченко 1939. С. 107–108*; о теме скупости у Гоголя см. также: *Вайскопф 1993. С. 377–379*). Фауст у Клингера также изображен «расточителем», не имеющим «понятия о том, что такое жажда золота, побеждающая все желания сердца, даже естественные потребности природы» (*Клингер. С. 142*), в противовес скупцу-дворянину, продающему ему за золото дочь и погибающему страшной смертью на своих сундуках, в подземелье, за случайно захлопнувшейся дверью, не решаясь позвать на помощь, чтобы не выдать слугам своего тайника (см. *там же, с. 142–145*). Уже у Шекспира в «Венецианском купце», ближайшим образом повлиявшем на пушкинского «Скупого рыцаря» и вместе с ним задавшим и тему скупости в «Портрете» (ср. также у Шекспира мотив странного условия ссуды, тему обманности золота из сцены выбора Бассанио; там же о портрете Порции: «О, что за полубог / Природу так постиг? Глаза живут!», *Шекспир. Т. 3. С. 263*), ростовщическому капиталу Шейлока противопоставлен торговый капитал Антонио, вложенный в корабли: «Как с

юным мотом схож корабль, когда, / Весь в флагах, покидает порт родимый, / Ласкаемый непостоянным ветром! / Как, возвращаясь, схож он с блудным сыном: / Бока помяты, паруса в лохмотьях, / Он порван, смят непостоянным ветром!» (*Шекспир. Т. 3. С. 244*), и в их конфликте на стороне ростовщика, сравниваемого с дьяволом, не только денежная власть, но и защищающая ее неодолимая сила закона Венецианской республики (ей оппонирует в монологе Порции тема незаконной милости, милосердия царской власти, также не оставленная без внимания во второй редакции «Портрета»). История Венеции изложена вкратце Гоголем-историком в статье «О Средних веках» в терминах того же противостояния — как история «небольшого лоскутка земли, которую всю занимал один город, и город без государства, выжимая золото со всего мира», но на исходе Средневековья «сокровища и всемирная торговля Венеции подрываются» и «пред изумленными очами являются (...) корабли, расширенным взмахом несущиеся по волнам необъятного Океана мимо Средиземного моря» (с. 19, 23); ср. морализаторское (в духе клингеровского Фауста, исправляющего несправедливый мир) переосмысление темы кораблей (колонизации Нового света) у Метьюрина и у Пушкина в «Сцене из Фауста», а с другой стороны, «поэтизирование скупости» (*Якубович 1937. С. 517*) в начальных строфах песни XII «Дон Жуана» Байрона. У Гоголя Чертков совмещает в себе скупца и расточителя, вернее, проходит в своей жизни стадии обоих состояний, еще более сближая их в оценке, чем это было сделано Пушкиным в «маленькой трагедии» не только о скупом отце, но и о «молодом расточителе» наследнике, и в этом отношении повесть Гоголя, как и «Скупой рыцарь», может быть возведена к образам Данте (см.: *Розанов М.Н. Заметка о «Скупом рыцаре» Пушкина // Сб. Отд. рус. языка и словесности АН СССР. Т. СІ. № 3. Статьи по славянской филологии и рус. словесности. Л., 1928. С. 253—256*), у которого «скупцы и расточители» ввергнуты вместе в одни и те же области загробного мира (см.: *Ад, VII; Чистилище, XIX*).

Пушкин и Гоголь каждый по-своему вписывали гофмановские мотивы в контекст собственного творчества; но одновременно в литературе существовала и обособленная от них гофмановская традиция; когда Белинский говорил о том, что Гоголь написал «фантастическую повесть à la Hoffmann» (см. выше), он, вполне возможно, имел в виду не столько непосредственное влияние Гофмана на Гоголя, сколько воспроизведение в ней мотивов русской «гофманианы», прежде всего повестей В.Ф. Одоевского и Н.А. Полевого. Посредническая роль этих писателей отмечалась уже С.И. Родзевичем (см.: *Родзевич 1917. С. 198—214*); в дальнейшем «Портрет» неоднократно рассматривался на фоне «повестей о художниках» (см.: *Назаревский 1911. С. 86—87; Петрунина 1987. С. 299—302; Анненкова 1989. С. 91*; см. также: *Котляревский 1908. С. 146—167*), варьиовавших в разных интерпретациях гофмановский «мотив о художнике, погубившем свой талант» (*Родзевич 1917. С. 216*) или же погубленном враждебными, прежде всего социальными обстоятельствами; ближайшим образом эта традиция восходила к «Крейслериане» Гофмана. В ней разрыв творческой личности с обществом непреодолим в принципе — оно презирает художников, полагая, что только «нужда, случайность, невозможность надеяться

на удачу среди действительно полезных классов общества делает их тем, чем они становятся», и видит в них безумцев, принужденных «влачить жалкое существование в своем фантастическом мире» (Гофман 1972. С. 40); соответственно и преуспевший артист у Гофмана — это «редкостный молодой человек по своему рождению и изначальному занятию, собственно говоря, не что иное, как обезьяна, выучившаяся говорить, читать, писать, музицировать и т.д. в доме тайного советника»; во включенном в «Крейслериану» «Письме Мило, образованной обезьяны, к подруге Пипи в Северную Америку» эта «бывшая обезьяна, ныне частный артист и ученый», делясь приобретенным опытом, излагает правила, которые привели ее к успеху: «Вообще гению следует как можно больше выставлять себя напоказ, заявлять, что все в искусстве кажется ему незначительным и жалким в сравнении с тем, что он лично мог бы создать во всех его видах, а также в науке, если бы только захотел и если бы люди были достойны его усилий. Полное презрение к стремлениям других, убежденность, что далеко-далеко оставляешь позади тех, кто творит в тишине, не возвещая об этом громогласно, величайшее самодовольство, вызываемое тем, что все дается без малейшего напряжения! Все это — неоспоримые признаки высокой гениальности, и я счастлив, что ежедневно, ежечасно их в себе наблюдаю» (там же, с. 73, 78—79); этим правилам буквально следует герой второй редакции «Портрета» на вершине своей карьеры. Ап. Григорьев в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859), рассматривая «две повести Гоголя, где он изобразил нам тип чрезвычайно исключительный, тип художника», замечал, что «это была даже общая тема повестей тридцатых годов нашей словесности, тема, успевшая уже в сороковых годах стать совершенно избитою темою; по крайней мере, в эти годы уже потерял всякий кредит и совершенно опошлится романтический способ представления художников и поэтов в манере повестей Полевого и драм г. Кукольника. У Полевого раз весьма наивно обличилась разгадка этого способа; последнее слово направления сказалось у него в “Абадонне”, где поэты и художники ставятся на одну доску с сумасшедшими. (...) Должно сказать притом, что появление в литературе нашей этого типа, правильно или неправильно взятого, произошло вовсе не из потребностей общежития и что самое отношение к типу было неоригинально» (Григорьев 1967. С. 196—197); очевидно, что для Ап. Григорьева гофмановское у Гоголя стерто и почти заслонено отечественной традицией, превратившейся к тому времени в стереотип, однако в 30-е годы эта традиция была жива и далеко не исчерпывалась для Гоголя теми «фальшивыми отношениями мысли к типу» (там же, с. 197), которые ставил ей в вину в 50-е годы критик. Повесть Н.А. Полевого «Живописец» (МТ. 1833. Т. 51) не содержит элементов фантастики, однако Ап. Григорьев совершенно точно, хотя и в намеренно резкой форме указал признаки, по которым она могла быть определена как одно из самых характерных произведений русской «гофманианы»; это, прежде всего, «романтический способ представления» героя-художника, ставящий его «на одну доску с сумасшедшими» — до такой степени, что слова его «Но чего же хотят они от меня? (...) Они не дают мне местечка и в своем мире!» (Полевой 1986. С. 190) Гоголь в почти буквальном виде передает герою своих «Записок сумасшедшего»; рассказчику в «Живописце» после первых

полученных впечатлений кажется, что он «начал читать Гофманова “Кота Мура”» (*там же*, с. 180). Однако повесть складывается не по Гофману. Из любви к женщине герой отказывается от своего высокого призвания и начинает, как и Чертков в «Портрете», работать ради денег: «Я изодрал мои глупые рисунки, над которыми просиживал ночи и бесполезно тратил жизнь мою (...). Не надобно картин — не хочу писать их; пишу портреты, рожи людские, и пишу как ремесленник!» (*там же*, с. 186); его теперь всецело занимают деньги и рекомендации. О своей возлюбленной он говорит буквально гоголевскими словами: «Она не женщина: это чудное существо, залог мира между небом и землею!» (*там же*, с. 187—188). Но реальная Веринька — ребенок душой, ее пугает всепоглощающая и ревниво-агрессивная, в духе не гофмановских, а скорее шиллеровских героев, страсть Аркадия; любя его, она соглашается по воле отца отдать руку другому. Тогда художник возвращается к творчеству, к своему вдохновенному замыслу написать страдающего Прометея; он надеется, что мир оценит его гений и всеобщее признание вернет ему любовь девушки. Надежда эта не сбывается; суждения толпы на выставке довершают поражение героя. Он уезжает в Италию; через несколько лет приезжий итальянец привозит известие о его смерти и картину, вызывающую на этот раз всеобщий восторг; ее смотрят домашние Аркадия, его соседи, наконец весь город с самим губернатором участвует в этом посмертном «апофеозе художника», к которому приводит Полевой своего героя. Гоголь, как и Полевой, воспользовался венеитиновским переводом Гёте («Земная участь и апофеоза художника»; см. выше) как образцом для нескольких сцен «Портрета», и можно заметить, что именно эти сцены преимущественно и дают материал для сравнения двух повестей. Так, тема семьи художника — земной основы его счастья, олицетворяющей его положительную связь с миром, у Гоголя трактуется очень близко к Гёте, у Полевого же она полностью обойдена, заменена темой небесной любви к женщине в духе шеллингиански истолкованного платонизма (см. коммент. к статье «Женщина»). Тема подневольного труда ради денег, у Гёте понятая как тема внешнего, не затрагивающего душу каждодневного давления быта, становится первостепенной по своей проблемной значимости у Гоголя особенно, но также и у Полевого: в обеих повестях герой оставляет историческую живопись ради портрета, однако у Полевого это только симптом разочарования героя в творчестве и презрения к обществу, не лишённого лицемерия и злого цинизма, у Гоголя же именно здесь проходит основной нерв повести, именно здесь остро переживается первый опыт насилия над душой, переходящий затем в привычку и греховную потребность торговли талантом. Важная и уравновешенно-двойственная у Гёте тема труда и вдохновения в искусстве, связанная с темой ученичества и выбора пути, у Полевого решена в предельно субъективном, романтическом ключе (см.: *Полевой 1986. С. 194*); у Гоголя же тема эта выводится за пределы рассуждений об искусстве вообще и трактуется в плане жизненного строительства, способности распорядиться полученным талантом в смысле евангельской притчи и в этом качестве рассматривается в едином ряду с покаянием художника из второй части повести и с актом жизненного выбора автора картины, присланной из Италии (о теме ученичества у Гоголя и Полевого ср. также: *Вайскопф 1993. С. 282—283*). Есть обстоятельство,

показывающее, что именно с переосмыслением этой темы и был связан, по-видимому, первоначальный интерес Гоголя к повести Полевого, — герой «Невского проспекта» в черновике только к концу своей истории получает имя Пискарев, сначала же его зовут Палитрин; имя это взято из «Живописца» (см.: Полевой 1986. С. 176), из среды художников-поденщиков и копиистов, жизнь которых протекает вне сферы метаний и терзаний главного героя и почти неразличима с высоты его утверждаемого величия; неизвестный Палитрин больше не появляется в повести Полевого, однако если допустить, что Гоголь действительно начал писать «Невский проспект» не параллельно «Портрету», а вместо него (см. с. 585), то можно предположить, что именно это имя он выбрал для героя своей повести о художнике в откровенно полемическом противопоставлении его главному герою «Живописца».

Личный и психологически сложный момент в восприятии Гоголем повести Полевого связан с темой картины, присланной из Италии. В «Живописце» на ней, под очевидным влиянием статьи из сборника Вакенродера—Тика «О детских фигурах на картинах Рафаэля», «изображен был Спаситель, благословляющий детей. Лицо его было божественно, исполнено любви и благодати. (...) В стороне, отворотясь от детей, стоял какой-то человек. Его бледное лицо, его всклооченные волосы, морщины, прорезанные пылкими страстями на лице его, показывали, что это был не простой пастырь галилейский, но страдалец, много испытавший, прошедший бурную жизнь. Казалось, этот человек слышал в словах Спасителя решение загадки, мучившей его всю жизнь; казалось, он хотел бы погрузиться в прежнее невинное младенчество (...) в лице малютки, благословляемого Спасителем, я узнал черты Вериньки, возведенные к идеалу невинности первых лет детского возраста, а этот измученный страстями пастух — это был сам Аркадий!» (там же, с. 274—275). Замысел героя Полевого вернуться на родину из Италии в качестве персонажа картины на евангельский сюжет имеет аналогию в последующей биографии самого Гоголя — Н.Г. Машковцев обратил внимание на то, что один из эскизов А.А. Иванова к картине «Явление Мессии», изображающий одного из персонажей ее — так называемого «ближайшего» (см. ил. в кн.: Золотусский 1998, между с. 384 и 385), — представляет собой портрет Гоголя: «В эскизе Гоголь изображен во весь рост, в сильном движении, согбенный, с головой низко опущенной. Глаз его не видно. Вся фигура дает впечатление величайшей униженности, страха, острейшего и мучительного переживания своей греховности. Среди прочих зрителей “Явления” она представляется разительным исключением. Замечательно, что, описывая картину Иванова (“Исторический живописец Иванов”), Гоголь упоминает между прочим и об этом персонаже, изображающем кающегося грешника: “четвертые понурили головы в сокрушении и покаянии”» (Машковцев 1936. С. 415—416). В окончательном варианте картины, как замечает Н.Г. Машковцев, «нет ни одного персонажа, понурившего голову. Следовательно, слова Гоголя относятся к тому времени, когда “ближайший” был изображен еще с лицом Гоголя и с опущенной головой. Все прочие персонажи картины, кроме “ближайшего”, являются зрителями или слушателями, с большей или меньшей аффектацией относящимися к происходящему. Только “ближайший” переживает это событие с совершенно исключитель-

ной глубиной и потрясенностью» (там же, с. 416). Гоголь редко и неохотно позволял рисовать себя (см.: *Эфрос Н.Д.* Новые портреты Гоголя // *Ст. и мат.* С. 363); известна его остро негативная реакция на публикацию М.П. Погодиным (*Москва*. 1843. № 11) литографии с его портрета, писанного А.А. Ивановым (см.: *Ак.* Т. 8. С. 222–223). Очевидно, что Гоголь не просто хотел уклониться от незаслуженной почести — он болезненно реагировал на грубое вмешательство в его творческий процесс, на разрушение тайного замысла, предполагавшего в итоге появление его портрета перед соотечественниками (см.: *Белоусов А.Ф.* Живопись в «Портрете»: К изучению «загадочной» повести Н.В. Гоголя // *Преподавание литературного чтения в эстонской школе*. Таллин, 1986. С. 14). Возможно, какой-то частью этого замысла и должно было стать его лицо на картине Иванова. «Мысль о введении в картину другого лица, изображение в ней реально существующего человека, современника, вряд ли могла принадлежать самому художнику, — пишет Н.Г. Машковцев. — Она слишком резко противоречит всей системе работы Иванова, сложному методу выработки типов, который неукомственно проводил художник даже по отношению к второстепенным персонажам картины»; он полагает, что «этот персонаж и его роль в картине обдуманы и сообщены Иванову самим Гоголем. Таким видел и так понимал себя Гоголь в 1841 г.» (*Машковцев 1936*. С. 416; см. также: *Елкин В.Г.* Попытки логико-диалектического анализа художественного произведения. Владимир, 1977. Ч. 2. С. 77–80). Но возможно, что таким увидел Гоголь себя уже в 1834 г., работая над первой редакцией «Портрета» и читая «Живописца»; в 1841 г. же он только воспользовался возможностью воплотить это видение в реальном жизненном свершении. В статье «Исторический живописец Иванов» (1846) Гоголь почти буквально воспроизводит образ художника «Портрета» — автора картины, присланной из Италии: Иванов, говорится здесь, в Италии «как труженик, сидел всю жизнь свою над работою и позабыл даже, существует ли на свете какое-нибудь наслажденье, кроме работы», «вытерпел, выстрадал и вынес все»; пример его важен «особенно для художников молодых и выступающих на поприще художества, чтобы не думали они, как заводить галстучки да сердучки, да делать долги для поддержанья какого-то веса в обществе», «чтобы видели все другие, как нужно любить искусство. Что нужно, как Иванов, умереть для всех приманок жизни», отдаться «своему делу, как монах монастырю», вести «жизнь истинно монашескую, коряя день и ночь над своей работою и молясь ежеминутно», чтобы создать полотно, по трудности предмета превосходящее все творения «художников даже прежних богомольно-художественных веков» (*Ак.* Т. 8. С. 329, 335–337). Понятное желание вывести гоголевский идеал художника в «Портрете» в обиход его вариантах — художника из Италии и художника-монаха — из личности А.А. Иванова (см.: *Гоголь 1994*. Т. 3–4. С. 492) противоречит фактам: Гоголь познакомился с ним только около 1838 г. (см.: *Машковцев Н.Г.* Гоголь в кругу художников. М., 1955. С. 52–56), а все названные здесь черты уже существовали в редакции *Ар.* Таким образом, эта поздняя статья Гоголя выявляет в «Портрете» лирический, личный подтекст: идеальные черты созданного им художника Гоголь связывает здесь с личным опытом. Работу Иванова над картиной он рассматривает как «собственное душевное

дело художника, — явление (...), в котором вовсе не участвует произвол человека, но воля того, кто повыше человека. Так уже было определено, чтобы над этою картиною совершилось воспитание собственно художника, как в рукотворном деле искусства, так и в мыслях, направляющих искусство к законному и высшему назначенью» (Ак. Т. 8. С. 329). Эта концепция творчества, в высшем его проявлении понимаемого как процесс воспитания души, внутреннего строительства, предполагает возможность еще большего разлада художника с миром, чем у героев Гофмана и Вакенродера (в этой связи может быть истолкован в личном плане, почти как дневниковое свидетельство, и запрет на разглашение тайны в «Портрете»): «Не думайте, чтобы легко было изъясниться с людьми во время переходного состояния душевного, когда, по воле бога, начнется переработка в собственной природе человека. Я это знаю и отчасти даже испытал сам. Мои сочинения тоже связывались чудным образом с моей душой и моим внутренним воспитанием. (...) Я слышал сам, что мое душевное состояние до того сделалось странно, что ни одному человеку в мире не мог бы я рассказать его понятно» (Ак. Т. 8. С. 333–334). По Гоголю, однако, было бы неправомерно рассматривать трактованный таким образом процесс творчества и героя-художника, его носителя, в рамках традиционно-романтического сюжета. «...Если бы случилось, что он умер от бедности и недостатка средств, вдруг бы всё до единого исполнилось негодованья противу тех, которые допустили это (...). Иной драматический поэт составил бы из этого чувствительную драму, которою бы растрогал слушателей и подвигнул бы гневом противу врагов его, — пишет Гоголь, возможно имея в виду драму Гёте «Торквато Тассо» (1789) или же драму Н.В. Кукольника с тем же названием (1832), посвященные трагической судьбе поэта (о романтическом восприятии образа Тассо, с которым преимущественно связывалась тема славы поэта в потомстве и позора его гонителям, см.: Горохова Р.М. Образ Тассо в русской романтической литературе // От романтизма к реализму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1978. С. 117–188), но, возможно, вспоминая и «Живописца» Полевого с эпитафиями из обоих этих произведений. — И всё это было бы ложь, потому что, точно, никто не был бы истинно виновен в его смерти. Один только человек был бы бесчестен и виноват, и этот человек был бы — я: я испробовал почти то же состояние, испробовал его на собственном теле, и не объяснил этого другим!» (там же, с. 335). Проецируя черты созданного им идеала на реальную личность Иванова, Гоголь отождествляет его опыт со своим, как бы сливается с ним поведенчески и таким образом, став персонажем его картины, оказывается в какой-то мере и ее автором — полностью воспроизводя ситуацию концовки «Живописца». Страдальцу Аркадию на его картине у Полевого Гоголь противопоставляет себя грешника на картине Иванова — это противопоставление имеет мировоззренческий характер и в этом качестве оно должно было вполне сложиться к 40-м годам; но, как и в образе отца Григория, «религиозный опыт явился, как следствие опыта эстетического, уже несомненно лично пережитого» (Гиппиус 1924. С. 58) в сравнении претензий художника Нового времени и легендарного покаяния Франческо Франча. Вопрос о личном опыте вообще составляет внутренний нерв «Портрета», написанного о том, что «испробовал (...) на собственном теле»;

этот опыт прочитывается и в письме Гоголя к С.П. Шевыреву от 8 сентября н.с. 1847 г., где выражена тревога за «юношей, которые уже выступили на литературное поприще» и которые «принуждены бывают весьма часто из-за дневного пропитанья брать работы не по силам и не по здоровью» («Сколько ночей он должен просидеть, чтобы выработать себе нужные деньги, особенно если он при этом сколько-нибудь совестлив и думает о своем добром имени!»), и снова воспроизводится исходный тематический комплекс «Портрета» с заложенным в нем далеко не книжным ощущением опасности для души и таланта художника.

Другое параллельное явление, с которым также связывают «Портрет», — повести о художниках В.Ф. Одоевского начала 1830-х годов. Фантастическую образность Одоевского отличает видение жизненной суеты под знаком проступающей через ее внешнюю оболочку смерти («Бал», 1833), с напряженно-морализаторским оттенком, побуждающим вспомнить будущую «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого и, несомненно, близким Гоголю. Тема греховно нереализованной жизни, «посрамленных даров Провидения» («Бригадир», 1832; *Одоевский 1988. С. 81*), применительно к художественному творчеству предстает как постоянная у Одоевского тема невоплощенности замысла, разрыва мысли и выражения; ср. в повести «Последний квартет Бетховена» (1830): «От самых юных лет я увидел бездну, разделяющую мысль от выражения» (*там же*, с. 114). Гофмановский мотив дьявольского дара в «Импровизаторе» (1833) стягивает воедино эти аспекты; герой ее, Киприяно, имеет поэтический талант; поэзия трудно дается ему и мало приносит; желая «производить без труда», он обращается за чудесной помощью к доктору Селигиелю и находит ее: «чертов мост с китайскими погремушками протянулся для него над бездною, отделяющую мысль от выражения, и Киприяно — заговорил стихами» (*там же*, с. 126). Уже А.А. Назаревский обратил внимание на то, что «Импровизатор» «своим сюжетом и его трактовкой особенно приближается к повести Гоголя» (*Назаревский 1911. С. 87*); так, в облике таинственного, странным образом не стареющего Селигиеля обозначен восточный колорит, сближающий его с гоголевским ростовщиком; он дает займы без отдачи, но приобретает власть над людьми другим способом — чудесно излечивая их. Как и в «Портрете», чудесная помощь связана со странными или пугающими условиями и чревата гибелью; и точно так же попытка расследования приводит к полному оправданию доктора и к разорению и гибели его обвинителей (см.: *Одоевский 1988. С. 120—122*). Киприяно соглашается на два условия: во-первых, говорит Селигиель, «эта способность никогда тебя не оставит», и во-вторых, «ты будешь все знать, все видеть, все понимать» (*там же*, с. 124); в результате он перестает смотреть на мир глазами поэта — словно под микроскопом, он видит лишь отвратительное строение живой плоти, лишенной тайны и образа. Как и Чертков, герой прозревает слишком поздно, когда талант его уже погублен: «Наконец он решил не употреблять более своего дара, заглушить, задавить его, купить его ценою нужды и бедности. Но уже поздно!» (*там же*, с. 130). Не только история Киприяно, но и само условие Селигиеля — «все знать, все видеть, все понимать» — имеет непосредственное отношение к «Портрету». Отчасти Одоевский сближается здесь в трактовке темы с Гофманом, у которого ска-

зочная тема магического всевидения имеет опасный, пугающий оттенок. Герой Одоевского принял адский дар, и жизнь его превратилась в мучение: «Едва на минуту замолкнет его микроскопическая способность, как стихи водою польются из уст его; едва удержит свое холодное вдохновение, как снова вся природа оживет перед ним мертвою жизнью — и без одежды, неприличная, как нагая, но обутая женщина, явится в глаза ему» (*Одоевский 1988. С. 129*); он перешел ту самую «черту, положенную границей для воображения», о которой размышляет гоголевский Чертков, — черту, за которой «следует (...) та ужасная действительность (...) которая представляется жаждущему ее тогда, когда он, желая постигнуть прекрасного человека, вооружается анатомическим ножом, раскрывает его внутренность и видит отвратительного человека». В.В. Виноградов видит в этих размышлениях Черткова «отголоски разговоров, возникших под влиянием “неистойвой словесности”»: герой «Портрета» «повторяет стереотипные фразы, которыми отзывались русские критики на произведения “неистового” жанра, воспроизводившие “ужасную действительность”» (*Виноградов 1976. С. 99*). Позднее П.А. Вяземский в статье «Новая поэма Э. Кине» (1836) почти словами Одоевского характеризовал новую «школу юной Франции», отказавшуюся смотреть на своих героев «сквозь увеличительное и разноцветное стекло преданий»: «Нынешние действующие лица рассматриваются в микроскопы, которые на белой, пухлой руке красавицы найдут тысячи ямок и бородавок и в розе мириады отвратительных чудовищ» (*Вяземский. Т. 2. С. 243*). Та линия гоголевского творчества, когда он, по словам В.В. Виноградова, «пробивался к натурализму по разным дорогам, между прочим, и сквозь узкую полосу увлечения формами “романтически-ужасного” жанра в его нескольких разветвлениях (экзотический роман и новеллы в духе Ж. Жанена)», — линия, которая «от “Кровавого бандуриста” через “Тараса Бульбу” (...) осязательно тянется к “Невскому проспекту” и “Портрету”», исчерпывается в этой повести, где Гоголь декларирует «свой разрыв с “неистойвой” поэтикой» (*Виноградов 1976. С. 46, 94, 219*) и в размышлениях об «ужасной действительности», и, по-видимому, также в описании искушения художника из Коломны «ухватиться за эту черную сторону человека» (с. 75); условие Селигиеля — «все знать, все видеть, все понимать», трактованное как переход за границы допустимого в искусстве, ставится в «Портрете» в один ряд со всеми другими страшными, греховными условиями, которые предлагал ростовщик обращавшимся к нему за помощью. Другой художник, в буквальном смысле, говоря словами Вакенродера, не имевший «мерила для мира, ни для жизни, ни для человеческой души» и в наказание обреченный и после завершения земного пути извлекать «из тягостного зрелища горя (...) материал для своего искусства» (*Вакенродер 1977. С. 178, 180*), показан в повести Одоевского «Opere del cavaliere Giambattista Piranesi» («Труды кавалера Джамбаттисты Пиранези», 1831). Написанная по образцу гофмановского «Кавалера Глюка» — новеллы о композиторе, не способном и после смерти отделиться от своих творений, повесть эта рассказывает о великом архитекторе, которому не дают умереть порождения его фантазии: «проекты колоссальных зданий, на которых для построения каждого надобно бы миллионы людей, миллионы червонцев и столетия (...) иссеченные скалы, внесенные на вершины гор (...) реки, об-

ращенные в фонтаны (...) бесконечные своды, бездонные пещеры, замки, цепи, поросшие травой стены — и, для украшения, всевозможные казни и пытки, которые когда-либо изобретало преступное воображение человека» (Одоевский 1988. С. 70). Как и в «Портрете», его гениальные гравюры противопоставлены ремесленным поделкам; но, как и в гоголевской повести, эти шедевры — недооволощенные создания художника, чей гений «уже слишком дерзко перешагнул границы воли человека», — обладают злой, демонической властью и преследуют своего творца, оказавшегося не в силах дать им полноценную жизнь. «Я узнал теперь горьким опытом, — говорит он, — что в каждом произведении, выходящем из головы художника, зарождается дух-мучитель; каждое здание, каждая картина, каждая черта, невзначай проведенная по холсту или бумаге, служит жилищем такому духу (...) они любят жить, любят множиться (...). Едва я стал смыкать глаза вечным сном, как меня окружили призраки в образе дворцов, палат, домов, замков, сводов, колонн. Все они вместе давили меня своею громадою и с ужасным хохотом просили у меня жизни» (там же, с. 72–73). Талант гоголевского Черткова «сиится выказаться в превышающем его размере», и это порождает в художнике жажду разрушения — следствие неутоленной страсти; иначе, но к такому же человеконенавистническому и разрушительному итогу приводит и Одоевский своего Пиранези: «...везде я ищу разрушенных зданий, которые мог бы воссоздать моею творческою силою; рукоплескаю бурям, землетрясениям (...) я плачу с несчастными, но не могу не трепетать от радости при виде разрушения...» (там же, с. 73); однако мучение Пиранези иного рода: он дерзко отбросил те ограничения, которые ставят человеку «фундаментальные законы и внутренний размер природы», и увидел в ней только материал, назначение которого — подчиниться преобладающей воле гения; такую же авторскую самонадеянность допустил, пусть даже в минутном затмении, художник из Коломны, решивший, что сможет подчинить своей благой цели даже самые страшные явления в природе, и только путем строгой аскезы справившийся с ними в самом себе, не позволивший им «выйти внаружу и развиться во всем своем порочном совершенстве». Образ Пиранези оказывается как бы ступенью от вакенродеровского размышляющего об искусстве «отшельника»; также неоднозначного, расколотого изнутри сомнением в правомерности замкнутого эстетизма, к гоголевским художникам, наглядно демонстрируя ту общую основу, по которой Гоголь чертил их, казалось бы, противоположные пути.

С. 46. ...перед картинною лавочкою на Щукином дворе. — Щукин двор — торговые ряды между Садовой улицей и Апраксиным двором; принадлежали Министерству народного просвещения, получавшему с них доход и пропускавшему через свое хозяйственное отделение все управленческие проблемы, начиная с отдачи в наем торговых мест и взыскания недоимок и до необходимости очистить площадь в Щукином дворе от рассыпанных на ней яблок (см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 104. № 107 и др.).

С. 46. ...портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке... — Хозрев-Мирза (Хосров-Мирза, 1813–1875) — персидский принц, внук шаха, посланный им во главе дипломатической миссии ко двору Николая I с извинениями за убийство 30 января 1829 г. русского полномочного министра в

Персии А.С. Грибоедова. Великолепный въезд Хозрева-Мирзы со свитой в Петербург в августе 1829 г. (а до этого проезд через Москву) дал богатую пищу газетам; он был благосклонно принят императором и провел в столице более двух месяцев, появляясь в обществе, на гуляньях и в театре и привлекая всеобщее внимание (см.: *Розенфельд А.Э.* Произведения Гоголя на персидском языке // *Ст. и мат.* С. 326–328). «Литографированные портреты Хосров-Мирзы впоследствии распространялись в большом количестве и дошли до нас в различных публикациях. Хосров-Мирза обычно изображался в высокой бараньей шапке» (там же, с. 328); картинка с его изображением Гоголь упоминает в письме к А.С.Данилевскому от 2 мая 1831 г.

С. 46. ...портреты каких-то генералов в треугольных шляпах с кривыми носами. — В рукописи: «Портр(еты) Забалканского и Эриванского». Имеются в виду барон И.И. Дибич (1785–1831), генерал-фельдмаршал, начальник Главного штаба, с 1827 г. граф Забалканский, и И.Ф. Паскевич (1782–1856), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом, с 1828 г. граф Эриванский; титулами были отмечены победы в кавказской войне. Имена обоих военачальников связаны также с польской кампанией 1830–1831 гг.

С. 46. Двери такой лавочки обыкновенно бывают увешаны связками тех картин... — В рукописи: «на дверях лавки висели связками те гравированные на лубках картины». Лубок (луб) — липовая доска; лубочные (оттиснутые с липовых, а позднее с медных досок и раскрашенные в три-четыре цвета) картинка с более или менее развернуто излагающей сюжет подписью и тем же способом напечатанные книжки (картинка и текст на каждой странице) были широко распространены и в качестве беллетристики для массового читателя успешно конкурировали с высокой литературой (см.: *Шкловский*).

С. 46. ...Царевна Милитриса Кирбительевна... — Милитриса Кирбительевна — персонаж сказочной повести о Бове Королевиче, известной с XVI в., а в лубочных изданиях представленной с середины XVIII в. (см.: *Кузьмина В.Д.* Русская сказка о Бове Королевиче в лубочных изданиях XVIII — начала XX в. // *Исследования и материалы по древнерусской литературе.* М., 1961. С. 148–193; *Ровинский.* Т. 1. Стб. 191–199); сюжет привлекал внимание Радищева, Пушкина и Батюшкова.

С. 46 ...в фризовых шинелях... — Фриз — «толстая, весьма ворсистая байка» (*Даль.* Т. 4. С. 539).

С. 47. ...на Ерусланов Лазаричей, на объедал и обпивал, на Фому и Ерему... — Еруслан Лазаревич — герой сказочной повести, известной с XVI в., а с середины XVIII в. перешедшей в лубочные листы и книжки; эпизод с богатырской головой, охраняющей меч, и некоторые другие мотивы заимствованы отсюда Пушкиным для поэмы «Руслан и Людмила» (см.: *Афанасьев А.Н.* Заметка о сказке «Еруслан Лазаревич» // *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки и легенды. Берлин, 1922. Т. 2. С. 446–455; *Пушкарев Л.Н.* Повесть о Еруслане Лазаревиче в русской лубочной картинке XIX — начала XX века // *Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.).* М., 1971. С. 351–370). Лубочная картинка «Славный объедала и веселый обпивала» с надписью: «Я одним махом четверть вина выпиваю, пудовым хлебом заедаю, быка почитаю за

теленка, с рогами козла да ягненка, цыплят, кур, утят, гусей и поросят употребляю для потехи, грызу их, как орехи...» связана, как предполагается, с французской гравюрой, изображающей короля Людовика XVI в облике героя народных книг о Гаргантюа (см.: *Ровинский*. Т. 1. Стб. 49–50). Фома и Ерема — «два брата родные, никуда негодные», бестолково берущиеся за всякое дело; лубочная картинка XVIII в. изображает, как они «седчи на бугор, о промыслах раздумались: нет нам, брат, с тобою удачи ни в чем» (*Русская демократическая сатира*. М., 1977. С. 186; *Ровинский*. Т. 2. Стб. 427–428). «...Не доказано, из лубочной ли картинки или изустно усвоил “песню” о Фоме и Ереме А.С. Пушкин, но он знал ее наизусть, если верно, что запись ее была сделана (Кошечевым) именно со слов поэта» (*Елеонский С.Ф.* Сказки в быту и рукописной литературе XVIII века // *Учен. зап. МПИ*. 1954. Т. XXXIV. Вып. 3. С. 95. Сюжет о Фоме и Ереме встречается и в записанных Гоголем южнорусских песнях (см.: *Памяти Жуковского и Гоголя*. С. 280–281. № 13).

С. 47. ...только что получены с биржи, еще и лак не высох и в рамки не вставлены. — Гоголь неявно цитирует здесь стихотворение Веневитинова «Апофеоза художника» (1826–1827; см. с. 622); здесь продавец демонстрирует ценителям гениальную картину умершего в безвестности художника: «Теперь взгляните: вот она! / Без рамки, вся запылена. / Я продаю, как получил, / И даже лаком не покрыл» (*Веневитинов 1980*. С. 94).

С. 48. Лицо вообще сохраняло яркий отпечаток южной физиогномии. — См. в статье «О движении народов в конце V века» о физическом отличии варварских народов, которым предстояло построить христианскую Европу, от древних народов Римской империи (с. 186).

С. 48. ...совершеннейшее творение Вандика... — Вандик — А. Ван Дейк, художник фламандской школы; работал в историческом, мифологическом, религиозном жанре, но прославился главным образом как портретист. В гоголевские времена имя Ван Дейка звучало как обозначение вершины портретного мастерства (см.: *Гофман 1984*. С. 73; *Погодин 1836*. С. 10). Ван Дейк был учеником Рубенса; оба они, вопреки романтическим представлениям о художнике, добились величайшей прижизненной славы и материального успеха, чем способствовали обвинениям в неподобающе прагматическом подходе к искусству, предъявлявшимся школе в целом; их биографии могли подсказать Гоголю многие моменты в истории Черткова.

С. 50. ...на Васильевском острове в 15 линии... — Ввиду близости 15-й линии к Академии художеств здесь часто селились живописцы.

С. 50. ...то, что так чудно дается великим творцам и кажется плодом минутного быстро вдохновения. — Эпитет, вероятно, пушкинский — ср.: «быстрый холод вдохновенья» в стихотворении «Жуковскому» (1818); представление же о природе творческого гения близко к содержащемуся во фрагменте Вакенродера «Ученик и Рафаэль» (*Вакенродер 1977*. С. 39–41; см.: *Мордовченко 1939*. С. 101). «Мысль об искусстве как о способе выражать внесловесным языком “невыразимое”» здесь и далее, в конце первой части повести, как отмечает Е.А. Смирнова, близка формулировкам Жуковского; с его влиянием связывает она и понимание в «Портре-

те» искусства как божественного откровения (Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь: (К вопросу о творческой преемственности) // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 246).

С. 52. ...кинуться с Исакиевского моста в Неву... — Наплавной Исаакиевский мост, соединявший Адмиралтейскую сторону с Васильевским островом, находился перед памятником Петру Великому на Сенатской площади; глыбы въездов на него сохранились на набережной с обеих сторон Невы (см.: Курбатов. С. 185). Этот мост, упоминаемый также в повести «Нос», был назван в честь св. Исаакия Далматского, а фактически — в честь Петра I, день рождения которого совпадал с днем памяти св. Исаакия (см.: Вайскопф 1987. С. 36).

С. 53. Квартальный надзиратель — полицейский чиновник, в непосредственном ведении которого находился городской квартал. Образ полевически ориентирован по отношению к фигуре «идеального квартального» у Булгарина: «маленький человек, квартальный надзиратель, безгласный исполнитель воли начальства» сыграл благотворительную роль в жизни героя романа Булгарина «Иван Выжигин» (1829), способствуя обращению его на путь добродетели; в повести же «Мудреные приключения квартального надзирателя» (Новоселье. СПб., 1834. Ч. 2) автор представил в этом персонаже, по ироническому замечанию Надеждина, «доселе невиданный идеал философии и поэзии» (Надеждин 1972. С. 386).

С. 53. ... был и капитан и крикун... — Возможно, что на самом деле у Гоголя здесь: «хрипун» (в рукописи это слово допускает оба прочтения) — т.е., на жаргоне военных, «фронтоник, фанфарон, шеголяющий французским языком и светской ловкостью обращения» (Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. 3-е изд. М., 1982. С. 247); ср. в «Горе от ума» (1824) о Скалозубе: «Хрипун, удушенный, фагот» или в первоначальной редакции «Домика в Коломне» (1830; именно в этом варианте поэма, по всей видимости, стала известна Гоголю в 1831 г.; см. с. 593): «У нас война. Красавцы молодые! / Вы, хрипуны (но хрип ваш приумолк)»; характеристика хрипунов дана у Булгарина в повести «Мудреные приключения квартального надзирателя». В.В. Виноградов цитирует в связи с приведенными примерами «Старую записную книжку» Вяземского: «Слово хрип... означало какое-то хватовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хрипкостью голоса» (там же; см.: Вяземский П.А. Старая записная книжка. Л., 1929. С. 110).

С. 54. Червонец — в гоголевские времена золотая монета достоинством в три рубля, введенная в обращение в XVIII в.

С. 56. ...какую мадам Сихлер сделала уборку к платью княгини Б... — Мадам Сихлер — владелица модных магазинов в Петербурге, на Б. Морской (см.: Черейский 1989. С. 400), и в Москве, на углу Газетного переулка и Б. Дмитровки (см.: Пушкин. Письма. Т. 3. С. 446); у нее, в частности, заказывала наряды Н.Н. Пушкина. Упомянута Пушкиным в «Рославлеве» (1831).

С. 58. Психея (Психея) — в греческой мифологии олицетворение человеческой души; изображалась в виде бабочки или крылатой девочки, в литературе часто в виде летящей кричащей птицы. История любви Психеи

и Купидона рассказана Апулеем в «Золотом осле»; сюжет представлен у Рафаэля, Рубенса, Кановы, Торвальдсена, Кальдерона, Лафонтена, Мольера, в России у Богдановича в «Душеньке» (1778).

С. 64. *Василиск* — мифический «царь-змея, взгляд которого поражает насмерть, как молния, а дыхание заставляет вянуть травы и никнуть деревья» (Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. М., 1982. С. 131); описан в «Естественной истории» Плиния Старшего (77 г.). «Глаза василиска» упоминаются в «Таинственном портрете» Ирвинга (Атенея. 1829. № 1; см.: Чудаков 1906. С. 269; см. также: Вайскопф 1993. С. 156–157).

С. 64. ...как будто разгневанное небо нарочно послало в мир этот ужасный бич... — Неоднократно встречающийся в книгах Ветхого Завета образ — ср.: «И поднимет Господь Саваоф бич на него» (Ис 10, 26); «Вот, голод и язва, и скорбь и теснота посланы как бичи для исправления» (3 Езд 16, 20–21) и др.

С. 66. *Гриф* — фантастический крылатый лев с головой орла. *Сфинкс* также имел туловище льва, но с головой и грудью женщины и крылья птицы; формы их использовались в точеных деталях и украшениях мебели. *Кенкет* (франц.) — комнатная масляная лампа.

С. 67. *Коломна* (от «коломень» — околица) — окраинная часть Петербурга на правом берегу реки Фонтанки, у ее слияния с Екатерининским каналом. В Коломне жил Пушкин после окончания Лицея до ссылки на Юг (с июня 1817 по апрель 1820 г.).

С. 67. ...имеющие приятное знакомство с сенатом... — Правительствующий сенат был высшей судебной инстанцией по гражданским и уголовным делам.

С. 67. ...на 4 копейки сахару... — Примерно две чайные ложки; ср. свидетельство современника Гоголя: «Сахар здесь с нового года немного вздорожал: лучший я покупаю по 94 к. за фунт» (Росковиенко. С. 487, письмо от 28 февраля 1832 г.).

С. 68. *Штоф* — питейная мера в восьмую, позднее — десятую часть ведра и соответствующая ей стеклянная четырехугольная бутылка с широким горлом, а также вообще посуда такой формы.

С. 68. *Цена квартир редко достигает тысячи рублей; их больше от 15 до 20 и 30 руб. в месяц...* — Ср. в письме современника: «Мы с трудом нашли квартиру 2 комнаты с переднею за 30 руб. ас., без дров и воды, и к удивлению нашему в лучшей части города, когда и дальше от центра такие квартиры дороже. (...) Здесь берут за наем одной комнаты до 200 даже руб. ассигнациями» (Росковиенко. С. 480, письмо от 2 октября 1831 г.).

С. 69. ...от Калинкина моста до Толкучего рынка... — Калинкин мост через Фонтанку у впадения в нее Екатерининского канала, в Коломне. Неподалеку от него жил в 1817–1820 гг. Пушкин. Отдаленное место: в гоголевской «Шинели» «мертвец-чиновник» показывается «даже за Калинкиным мостом».

С. 69. ...черты лица его были совершенно южные. Ходил он всегда в широком азиатском платье... — Ср. выше о «южном» облике «уже остановившегося древнего мира», в противоположность чертам новых

северных варварских народов, отмеченном в статье Гоголя «О движении народов...»; там же он говорит, что германцы и «одевались совершенно противоположно римскому миру и всем народам южным, любителям вольных, широких одежд: они носили платье узкое, которое совершенно обвивалось около их тела» (с. 186, 189).

С. 69. *Козье болото* — «позднее Воскресенская площадь, в конце Торговой улицы, между упраздненным и Дровяным переулками, в глухой части Коломны» (Гоголь 1959. Т. 3. С. 501; коммент. К.Д. Муратовой).

С. 70. *...бриллиантовым перстнем бедного чиновника, получившего его в награду...* — В послужном списке Гоголя указано, что 9 марта 1834 г. он, будучи «старшим учителем истории» в Патриотическом институте, «в награду отличных трудов пожалован от Ея Императорского Величества бриллиантовым перстнем» (РМ. 1896. № 5. С. 173).

С. 71. *...ему стоило только присесть и написать несколько портретов — и деньги были бы в его кармане...* — Ср. у Пушкина: «Стишки для вас одна забава, / Немножко стоит вам присесть», — и далее: «Стишки любимца муз и граций / Мы вмиг рублями заменим / И в пук наличных ассигнаций / Листочки ваши обратим» («Разговор книгопродавца с поэтом»; 1824); отсюда, вероятно, и выше в истории Черткова: «Пук ассигнаций и ласковая улыбка благодарности были ему наградой»; «Пуки ассигнаций росли в сундуках его» (с. 59, 61).

С. 72. *...изобразить одержимого бесами, которых изгоняет могущественное слово Спасителя...* — Ср.: Мф 8, 28–32; Мк 1, 23–26; Лк 4, 33–36; Лк 8, 27–36.

С. 76. *...в действующую армию, которая по поводу объявленной войны турками находилась на границе.* — Россия трижды воевала с Турцией в конце XVIII — начале XIX в.: в 1787–1791, 1806–1812 и 1828–1829 гг. См. о возможной датировке событий повести: Ак. Т. 3. С. 662, коммент. Н.И. Мордовченко; Денисов В.Д. Хронологические особенности повести «Портрет» Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь и русская литература XIX века. Л., 1989. С. 122–132.

С. 77. *...отца Григория.* — Григорий — по-гречески «бодрствующий».

С. 78. *Уже скоро, скоро приблизится то время, когда искуситель рода человеческого, Антихрист, народится в мир.* — Антихрист (греч. противохристос) — «человек греха», «превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею», отрицающий Христа; по пророчествам о конце времен, перед Вторым пришествием Его на землю попытается подменить Его собою, кощунственно имитируя Его облик. См.: Аверинцев С.С. Антихрист // Мифы. Т. 1. С. 85–87.

ВЗГЛЯД НА СОСТАВЛЕНИЕ МАЛОРОССИИ

Источники текста: ЧА Взгл, ЧН Взгл₁, ЧН Взгл₂, ЖМНП₂, Ар. (см. с. 489, 491).

Впервые опубликовано: ЖМНП. 1834. Ч. 2. № 4. Отд. 2. С. 1–15. Датируется ЧА ноябрем 1833 г. и январем 1834 г., окончательная редак-

ция — февралем—мартом 1834 г. Печатается по тексту *Ар. Ч. 1. С. 189—209*, со следующими исправлениями:

С. 81, строка 7: разъединены не ненавистью — *вместо*: разъединены не навистью (по *ЖМНП*)

С. 84, строки 29—30: при реке Ирпени — *вместо*: при реке Ирпети (по *ЧА Вzgl*)

С. 87, строки 19—20: часто над водою — *вместо*: часто под водою

Черновой автограф, без названия, даты и подписи, в записной тетради с повестями «Миргорода», состоит из четырех фрагментов, представляющих собой переработку несохранившегося более раннего текста, возможно предшествовавшего им в той же тетради (перед автографом вырезан лист, а возможно, и не один). Гоголь начал писать на л. 2 со слов «Это Азиатское [происшествие] нашествие», возможно не перерабатывая, а просто продолжая уже имевшийся текст, и оборвал фрагмент незаконченной фразой «Народ, как бы понимающий...», указав таким образом на имеющееся, очевидно, уже продолжение (см. «Варианты»). Фрагмент соответствует концу II — началу III раздела печатного текста (номера разделов в рукописи не проставлены); он содержит небольшую правку, частично незаконченную, внесенную уже после завершения работы. Через пробел примерно в полтора интервала между строками на том же л. 2 следует второй фрагмент: «Когда первый страх прошел, тогда мало-помалу начали (?) селиться в этой земле выходцы из Литвы, из России. ~ Наконец и Киев наполнился жителями», соответствующий разделу IV окончательного текста (для печати Гоголь затем переписал его, дав в пределах фрагмента другую редакцию текста; см. «Варианты»). Таким же интервалом отделен ниже третий фрагмент рукописи: «Между тем когда Россия повергнута была ~ значит мнить историю», соответствующий началу печатного раздела V; фрагмент прерывается рассуждением о баскаках в Киеве, не включенным затем в окончательный текст и глухо отозвавшимся в новой редакции предыдущего, второго фрагмента (см. ниже). Четвертый фрагмент, начатый как переработка продолжения раздела V, превращается в процессе работы в сплошной текст, соответствующий, за немногими содержательными отклонениями и с большими стилистическими вариантами, остальному печатному тексту статьи в полном его объеме. Он отделен более широким пробелом и начинается со слов: «Польшей и Татарской Россией» (ср. печатное: «...литовский завоеватель почти одним движением языческих войск своих, совершенно созданных им, подверг своей власти весь промежуток между Польшей и татарской Россией»); по виду текст несколько отличается от предыдущего, что, возможно, означает некоторый перерыв в работе. Содержащуюся здесь характеристику Гедимины Гоголь в окончательном тексте перерабатывает, очевидно добиваясь бесстрастного тона; в рукописи же она гиперболлизировано восторженна и, судя по правке, все менее удовлетворяет автора; текст становится все более неразборчивым и обрывается в конце л. 2 на словах «Между тем (1 нрзб.)». После этого Гоголь перелистывает не одну, а две страницы и продолжает работу на л. 3 об. с красной строки со слов: «Теперь не мешает бросить взгляд на географическое положение Малорос-*(с)ни*»; он развивает эту новую тему, делая по ходу работы и, очевидно, так-

же после некоторого перерыва большую правку; при этом начатую после слов «12 порогов — выросших из дна реки скал» вставку о «сугаках» он продолжает на соседнем чистом л. 4 (см. «Варианты»). Заполнив л. 3 об. едва наполовину, он возвращается на пропущенный л. 2 об., продолжая начатую фразу без разрыва, но с небольшим спуском, предназначенным, вероятно, для завершения ранее оставленного текста на л. 2. В нижней части л. 2 об. Гоголь, оборвав работу на середине строки, делает вставку к только что написанному выше: «в том только отличие их от рыцарей, что никакие обеты, никакие посты ни воздержание не обуздывали их, они были вольны как степи и в своих буйных наслаждениях позабывали весь мир», в значительно переработанном виде включенную впоследствии в текст; так и не дописав строку, он переносит продолжение фразы на л. 3, где и дописывает до конца текст, ставший впоследствии текстом статьи. Однако автограф еще не предназначался, по-видимому, для этой цели, и границы темы были не ясны автору. Об этом свидетельствуют два фрагмента (см. «Варианты»), записанные на л. 3 другим пером и более крупным почерком, вероятно, после некоторого перерыва. Первый фрагмент — «Какое было первоначальное устройство этого необыкновенного» — без отступа примыкает к предыдущему тексту и по содержанию непосредственно продолжает его; второй — «Литовские князь(я) на северо-востоке Европы», — записанный ниже с небольшим, в строку, отступом, также является ближайшим продолжением темы, от которого Гоголь отказывается, оформляя статью как предварительное введение к ней. Сохранился также набросок, начинающийся со слов: «Народ не мог сделаться торговым» (см. «Варианты»); он записан на листе, предположительно вырванном из той же книги (верхняя правая четверть двойного листа), и представляет, по-видимому, не черновой фрагмент статьи, а проект общей разработки темы с подробностями исторического и этнографического характера, но начало его было использовано Гоголем при написании текста (см. с. 86).

В «Объявлении об издании Истории Малороссии», опубликованном в нескольких петербургских изданиях в январе—феврале 1834 г., Гоголь говорит, что «около пяти лет собирал (...) материалы, относящиеся к истории этого края» (Ак. Т. 9. С. 76), определяя, таким образом, начало работы 1829-м годом. Эту же дату, на основании его письма матери от 30 апреля 1829 г., называет Ф.А. Витберг. 24 июля 1829 г., благодаря мать за «драгоценные известия о малороссиянах», Гоголь пишет: «Сочинение мое, если когда выдет, будет на иностранном языке, и тем более мне нужна точность, (чтобы) не исказить неправильными именованьями существенного имени нации». Ф.А. Витберг полагает, что Гоголь собирал эти материалы для сочинения «очевидно, не поэтического, ибо затевать поэтическое произведение на иностранном языке было бы ни с чем не сообразно (...) и точности (...) для поэтического произведения вовсе не требуется», так что «материалы эти нужны были ему не для чего другого, как для задуманной им истории Малороссии» (Витберг 1892. С. 393—394). С пометой «Из письма ко мне от 4 июня 1829 года» Гоголь вписывает полученные сведения в свою «Книгу всякой всячины», показывающую, что собирать исторический и этнографический материал он «начал еще в 1826 году, то есть за два года до окончания Нежинской гимназии»

(Каманин. С. 85); собственно исторические выписки и заметки в ней начаты в 1827 г. (см. Ак. Т. 9. С. 654). «Нет ли в наших местах каких записок, веденных предками какой-нибудь старинной фамилии, рукописей стародавних про времена гетманщины и прочего подобного?» — спрашивает он у матери в письме от 2 февраля 1830 г. В конце 1830 г. Гоголь отдает в печать свою первую попытку исторической беллетристики — «Главу из исторического романа»; в том же году, еще в марте, он публикует в журнале П.П. Свиньина «Отечественные записки» несколько исторических материалов, возможно вывезенных им с Украины («скорее всего из Нежина или из библиотеки Д.П. Троицкого в Кишинцах», Степанов. С. 54; см. об этом: Манн 2004. С. 358—360). Однако 3 июня 1830 г. Гоголь пишет матери: «Литературные мои занятия и участие в журналах я давно оставил (...). Теперь я собираю материалы только и в тишине обдумываю свой обширный труд»; «занятия мои, которые еще большую принесут мне известность, совершаются мною в тиши, в моей уединенной комнатке (...). Я теперь, более нежели когда-либо, тружусь» (письмо к М.И. Гоголю от 16 апреля 1831 г.); по всей вероятности, именно это время для него — время более или менее систематической работы по источникам (см. его заметки: Ак. Т. 9. С. 29—72, 76—79, 83—84; материалы отнесены там к периоду преподавания в Петербургском университете 1834—1835 гг., но тогда у Гоголя просто не было времени для подобных подготовительных занятий); именно тогда, по-видимому, и определяется гоголевский замысел исторического труда о Малороссии, построенного, подобно «Истории...» Карамзина, в связи с древнейшими сведениями о славянах в процессах, формировавших современную европейскую цивилизацию, и предполагавшего обзор и упорядочение обширного, тематически разнородного материала. Возможно, дополнительным стимулом стало для Гоголя общение с Пушкиным, еще в 1829 г., по свидетельству М.П. Погодина (см. его письмо к С.П. Шевыреву от 28 апреля 1829 г.; РА. 1882. Кн. 3. Вып. 5. С. 80), собиравшимся писать историю Малороссии, а в 1831 г. действительно начавшим «Очерк истории Украины» (1831), доведенный им до поражения при Калке, т.е. как раз до того исторического момента, с которого начинает свое повествование Гоголь. Когда в 1832 г. Гоголь знакомится с Погодиным, тогда профессор всеобщей истории Московского университета, ему удается заинтересовать своим замыслом этого достаточно опытного историка. «Говорил с ним о малорос(сийской) истории и проч. Большая надежда, если восстановится его здоровье», — записывает Погодин в дневнике после знакомства с Гоголем между 11 июня и 7 июля 1832 г., впервые документально подтверждая существование замысла такого труда (Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 114; Ак. Т. 10. С. 450). В письме к Погодину от 8 мая 1833 г. Гоголь упоминает о нем как об «увесистой вещи», к которой «начало (...) уже сделано» (по-видимому, к этому времени он сообщает о ней Пушкину и обещает отрывки для публикации Надеждину и, возможно, Максимовичу, с которым также сблизился в середине 1832 г.). Однако осуществление его затягивается — в 1833 г. Гоголь переживает кризис, и к осени у него нет ничего, кроме «двух начал двух огромных творений, на которых лежит печать отвержения и которых я не смею развернуть», признается он Погодину в письме от 28 сентября 1833 г.; он имеет в

виду, как предполагается, «Историю малороссийскую» и «Историю всемирную», присутствовавшие параллельно в его планах и оказавшиеся тесно связанными в его сознании, кажется, как раз со времени знакомства с Погодиным (см. коммент. к статье «О Средних веках»). И только в письме к Максимовичу от 9 ноября 1833 г. он сообщает наконец о возобновлении работы: «Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокаивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили». По всей вероятности, в это время Гоголь пишет тот несохранившийся текст, переработкой которого стали имеющиеся фрагменты; но главным образом читает — освежает в памяти материалы, получает новые; письма к Максимовичу от 9 ноября 1833 г. и к Пушкину от 23 декабря 1833 г. документально свидетельствуют о работе с летописями. Его сразу же отвлекают заново формирующиеся и сменяющиеся замыслы (см. коммент. к отрывкам и к повести «Портрет») и хлопоты, связанные с предполагавшейся профессурой в Киеве; в том же письме к Пушкину от 23 декабря 1833 г. он мечтает: «Там я выгружу из-под спуда многие вещи, из которых я не все еще читал вам. Там кончу я историю Украины и юга России...» — но занят он в это время уже статьей «План преподавания всеобщей истории» (см. коммент. к ней). Очевидно, только после этого Гоголь снова обращается к своим историческим работам. «Я весь теперь погружен в Историю Малороссийскую и Всемирную; и та и другая у меня начинает двигаться (...), — пишет он Погодину 11 января 1834 г. — Ух, брат! Сколько приходит ко мне мыслей теперь! Да каких крупных! полных, свежих! мне кажется, что сделаю кое-что не-общее во всеобщей истории. Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Меня попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически глуж и жив; но что за история, если она скучна!» Вероятно, именно в это время, параллельно с первыми набросками статьи «О Средних веках», он работает над сохранившимися черновыми фрагментами истории Малороссии, перерабатывая написанное ранее, но очень скоро, по-видимому, этот порыв иссякает. Вместо того чтобы продолжать эту работу, Гоголь пишет объявление о предстоящем издании своего труда и публикует трижды (СПч. 1834. № 24. 30 января. Ц. р. 29 января 1834 г.; МТ. 1834. № 3. Февраль. Отд. «Смесь». С. 523—524. Ц. р. 10 февраля 1834 г.; Молва. 1834. № 8. Ц. р. 23 февраля 1834 г.), всякий раз почти полностью переписывая его; книга представлена здесь сначала как «История Малороссийских Казаков», потом «Малороссийская История» и «История Малороссии». «Половина моей Истории уже готова, — пишет Гоголь в СПч, — но я медлю выпускать ее в свет, подозревая существование многих, может быть, мне неизвестных источников»; он просит присылать ему «какие бы то ни было материялы: записки, летописи, песни, повести бандуристов, деловые бумаги, относящиеся особенно к первобытной Малороссии»; в МТ он поправляется: «уже почти готова», «выдавать в свет первые томы» — возможно, отвечая на вопрос Максимовича, которому в письме от 12 февраля 1834 г. поясняет: «Историю Малороссии я пишу всю от начала до конца. Она будет или в шести малых, или в четырех больших томах». Издателю исторических сборников «Запорожская старина» И.И. Срезневскому, вы-

разившему в ответ готовность делиться с ним своими материалами, Гоголь пишет 6 марта 1834 г., что если бы узнал, «что в эту минуту кто-нибудь готовит тоже Историю Украины», то приостановил бы на время свое издание: «Чем больше попыток и опытов, тем для меня лучше, тем моя История будет совершеннее. Я уверен, что в образе мыслей не встречу с другими, денежной прибыли от нее не ищущу — стало быть у меня нет соперников!» Работа, однако, уже остановилась сама собой: вероятно, именно тогда Гоголь получает предложение опубликовать часть своего труда в *ЖМНП*, где уже был напечатан его «План преподавания всеобщей истории», и начинает готовить эту публикацию, обрабатывая имеющиеся черновые наброски, отсекая намеченные там возможности продолжения темы и дописывая значительные по объему фрагменты, вводящие в качестве фона для сравнения темы европейского Средневековья (роль римской иерархии, священные войны, рыцарство, азиатское нашествие, противоположность европейского и азиатского характера) и прямо связанные со статьями «О Средних веках» и «О движении народов в конце V века». Эта новая редакция текста создается, очевидно, в февралеп—марте 1834 г.; беловая рукопись не известна. Статья была напечатана в апрельском номере *ЖМНП* с заголовком «Отрывок из Истории Малороссии. Том I, Книга I, Глава I» и с примечанием: «Автор избрал первую главу Истории Малороссии для помещения в Журнал, потому что она представляет нечто целое и вместе служит введением в самую Историю. Приложения и ссылки отлагаются за недостатком места». Текст оформлен здесь как часть живого, продолжающегося труда; однако это, несомненно, уже не соответствовало действительности: еще до выхода журнала, в феврале, был составлен первый перечень содержания будущих *Ар.*, в который Гоголь включил название «О Малороссии». Очевидно, что теперь это было заглавие не многотомного научного труда, а только сжатого исторического этюда, и работу над ним Гоголь заранее начинает отодвигать в далекое прошлое. 13 марта 1834 г. он пишет Погодину, что не сможет прислать обещанный Надеждину отрывок из истории: «Она у меня в таком забытии и такую облечена пылью, что я боюсь подступить к (ней), и чтобы вырвать из нее отрывок для печати, нужно его хорошенько перечистить». В мае 1834 г. Гоголь получает печатные оттиски статьи (см. его письмо К.С. Сербиновичу, май 1834) и посылает один Максимовичу, характеризуя ее как «кусочек из Введения (...) в историю Малороссии, впрочем, писанный (...) очень давно», который ему «зело не хотелось давать». «Я слышал уже суждения некоторых присяжных знатоков, которые глядят на этот кусок, как на полную историю Малороссии, позабывая, что еще впереди целых 80 глав они будут читать и что эта глава только — фронтиспис, — продолжает Гоголь. — Я бы, впрочем, весьма жала видеть твои замечания, тем более, что этот отрывок не войдет в целое сочинение, потому что оно начато писаться после того гораздо позже и ныне почти в другом виде. Но из новой моей истории Малороссии я никуда не хочу давать отрывков» (письма от 28 и 29 мая 1834 г.). И.И. Срезневскому он также пишет, что для публикации «нарочно выбрал самое начало, в котором показана только перспектива того, что будет впереди» (письмо от 1 июня 1834 г.), Погодину — что находит в статье «мало (...) того, что нужно бы и что можно бы сказать об этом предмете. Но как бы то

ни было, мысли об этом можно изъять в другом, более удобном случае и месте» (письмо от 23 июня 1834 г.). Погодину, судя по этому письму, «Отрывок из Истории Малороссии» понравился. Из письма Гоголя к Максимовичу от 8 июня 1834 г. можно заключить, что статьей был доволен также министр народного просвещения С.С. Уваров. Сам Максимович в предисловии к «Украинским народным песням» (М., 1834. С. IV) упомянул об участии в этом издании «Н.В. Гоголя — нового историка Малороссии и автора “Вечеров на хуторе близ Диканьки”». «История моя терпит страшную перестройку: в первой части целая половина совершенно новая», — говорится в письме Гоголя к Максимовичу от 23 августа 1834 г.; однако его просьба здесь: «Пронюхай, что есть путнего в вашей библиотеке, относящегося до нашего края; весьма было бы хорошо, если бы ты поручил кому-нибудь составить им маленький реестрец, дабы я мог все это принять к надлежащему сведению. Я получил много подвозу из наших краев. Между ними есть довольно замечательных вещей» — имеет в виду, по всей вероятности, уже работу над повестью «Тарас Бульба», а не «Историю Малороссии» (о внутренней преемственности этих двух замыслов см.: *Казарин. С. 71–95*). Тем не менее и позднее Гоголь не оставляет мысль о продолжении ее — так, в официальном отчете по Санкт-Петербургскому учебному округу за 1835 г., в разделе о состоянии научной деятельности в Петербургском университете было записано, в частности, что «адъюнкт по кафедре истории Гоголь-Яновский (...) занимается (...) разысканием и разбором для Истории малороссиян, которой два тома уже готовы, но которые однако ж он медлит издавать до тех пор, пока обстоятельства не позволят ему осмотреть многих мест, где происходили некоторые события» (*Машинский 1951. С. 65; Айзеншток 1952. С. 32–33*, со ссылкой на: *РГИА. Ф. 733. Оп. 95. № 45488. Л. 40 об.—41*).

В августе 1834 г., составляя второй план *Ар.*, Гоголь включает туда статью под названием «Взгляд на Малорос(сию)». В сборнике текст печатался, видимо, по оттиску *ЖМНП*, но с новым названием и примечанием: «Эскиз этот составлял введение к Истории Малороссии; но так как вся первая часть Истории Малороссии переделана вовсе, то он остался заштатным и помещается здесь как совершенно отдельная статья»; никакой правки текста, за исключением двух минимальных, возможно внесенных корректором, изменений, не проводилось; по всему тексту сохранилось выправленное, по-видимому, корректором журнала негоголевское написание «казак»; была поставлена также авторская дата «1832», имеющая целью связать статью с комплексом исторических статей книги (см. об этом в коммент. к статье «О Средних веках»). Гоголь никак не выделяя «Взгляд на составление Малороссии» среди других своих исторических отрывков в *Ар.*, говоря, что все они «молоды» и «давно писаны» (письмо Погодину от 14 декабря 1834 г.), и точно так же не выделила его и критика в своей общей для всех «ученых» статей негативной оценке (см. с. 475–478).

Немногие сохранившиеся записи Гоголя по истории Малороссии при- мыкают к ряду его набросков, заметок и выписок по славянской и русской истории, в свою очередь находящемуся в связи с занятиями историей всеобщей. Стремление осознать их в комплексе было чертой времени, и инте-

ресы Гоголя-историка не только вписаны в широкий историко-философский фон, но и непосредственно обусловлены им (см. об этом: *Манн 1978; Манн 2004. С. 284–286*). В постановке задачи он следовал Карамзину, в предисловии к первому тому «Истории государства Российского» написавшему, что «Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место» (*Карамзин. Т. 1. Кн. 1. С. XIII*); в гоголевской формулировке положение это переосмыслено и расширено. «До сих пор еще у нас не было полной и удовлетворительной Истории Малороссии и народа, действовавшего в продолжение четырех веков отдельно от Великой России, — говорится в его объявлении о готовящемся издании «Истории Малороссийских Казаков». — Я не называю Историями многих компиляций (впрочем полезных как материалы), составленных из разных летописей без строгого критического разбора, без общего плана и цели, большею частью неполных и не указавших донные места этому народу в Истории мира» (*СПч. 1834. № 24. 30 января*). Задача, таким образом, ставилась чрезвычайно широко, предполагая в идеале последовательное восхождение от изучения и критики источников до обобщений историко-софского характера, вкус к которым был выработан у Гоголя изучением западной историографии и историко-философской мысли. Его стремление «сделать кое-что не-общее во всеобщей истории» (письмо М.П. Погодину от 11 января 1834 г.) распространяется и на историю малороссийскую: «Мне кажется (...), что я скажу много того, чего до меня не говорили» (письмо М.А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г.); «Я уверен, что в образе мыслей не встречусь с другими» (письмо к И.И. Срезневскому от 6 марта 1834 г.); оно отвечает представлению об исключительно важной роли индивидуально-личностного, творческого начала в историографии, свойственному историкам новой французской школы.

Установлено, что при подготовительной работе Гоголь делал выписки из исторических источников и книг по истории Руси (см.: *Ак. Т. 9. С. 623–624; Гоголь 1994. Т. 8. С. 762–769*); сохранились, в частности, его выписки из Киевской летописи (о Всеволоде и Изяславе), сделанные по Хлебниковскому списку (см.: *Георгиевский. С. 124*); но важнейшими для него были «Нестор» Шлёцера (в переводе Д.И. Языкова. СПб., 1809–1811. Ч. 1–3) и «История...» Карамзина (о многообразных и хронологически рассредоточенных отголосках чтения ее у Гоголя см.: *Гоголь 1994. Т. 8. С. 765–767*), основанные на непосредственном изучении памятников. Конспекты источников сопровождаются самостоятельными заметками и выводами, дополняются параллельными свидетельствами и начинают складываться в очерк о славянах, который, как полагает Г.М. Фридендер, должен был составить начало задуманного им труда; при этом Гоголь использует материал свободно, «придавая ему во многом иное, оригинальное освещение» (*Ак. Т. 9. С. 623–624*). Немногочисленные сохранившиеся наброски собственно по истории Украины, относящиеся к началу 1830-х годов (см.: *Ак. Т. 9. С. 77–80*), сделаны преимущественно по трем источникам — «Истории...» Карамзина, второму изданию «Истории Малой России» (Ч. 1. М., 1830) Д.Н. Бантыш-Каменского и рукописной «Истории Русов или Малой России», в то время считавшейся трудом Г. Конис-

ского (см.: Ак. Т. 9. С. 625–626; Казарин. С. 56; Гоголь 1994. Т. 7. С. 547; Т. 8. С. 767–768). Эти фрагменты демонстрируют еще более активное отношение к материалу: Гоголь, комбинируя источники, разыскивает, отбирает и группирует сведения, целенаправленно добываясь если не полноты, то все же некоторой системности заметок.

Гоголя не раз упрекали в том, что он «не прочь пренебрежительно отозваться о том, что составляет основной материал исторической науки — об ее мертвых источниках» (Ковалевский 1909. С. 47), что, занимаясь ею, он «об издании исторических источников никогда не думал» (Майков 1893. С. 229) и «не предпринимал никаких систематических изысканий архивных материалов, необходимых для самостоятельного историка» (Шенрок. Т. 3. С. 8), а в основном «штудировал труды различных историков», рассматривая их «как сырой материал для “гения”» (Казарин. С. 13). С.А. Венгеров, напротив, на основании опубликованных Г.П. Георгиевским 74 гоголевских заметок по истории славян и Древней Руси (в них он видел «подготовительные работы к той истории Малороссии, которую Гоголь собирался написать», и оценивал их как «блестящее доказательство серьезности этой затеи») пришел к выводу, что Гоголь обращается с источниками как «настоящий специалист, свободно и самостоятельно разбирающийся в своем научном материале» и проявляющий «самое углубленное отношение» к своему предмету; летописи он «знает во всех редакциях, тогда изданных, и одно и то же место цитирует в нескольких редакциях», пользуется и «летописными списками, еще не изданными», легко и охотно извлекая «длиннейшие выдержки из летописей и других древних памятников (...) в подлинной орфографии», сочетая «исторические размышления» и «факты, по определенному плану подобранные», в ряде «сводных заметок, соединяющих в одну массу данных, извлеченных из разных источников»; при этом он придает «наибольшее значение внутренним, менее эффектным явлениям жизни народов. (...) Его интересует появление городов и их устройство, интересуют пиры, обычаи, проявления набожности, брачные союзы, сословные отношения, доходы княжеские, юридический быт» (Венгеров. Т. 2. С. 153–156). Письма Гоголя рисуют картину, близкую скорее к этому последнему мнению. О работе с летописями («в которых я теперь роюсь») упоминается между делом в его письме М.А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г. «Порадуйтесь находке: я достал летопись без конца, без начала об Украине, писанную, по всем признакам, в конце XVII века», — пишет он Пушкину 23 декабря 1833 г. Письмо И.И. Срезневскому от 6 марта 1834 г. свидетельствует не просто о знакомстве с памятниками, но о несомненном опыте работы с ними (ср. также набросок «Летописи», Ак. Т. 9. С. 72–73). Даже и замечание об издании источников, кажется, не вполне основательно: в том же письме Пушкину от 23 декабря 1833 г. Гоголь упоминает о найденной рукописи в связи с мечтой о Киевском университете — о том, «как занимательными можно сделать университетские записки; сколько можно поместить подробностей, совершенно новых о самом крае»; Максимовичу, которому он помогал в издании собранных песен, он пишет о том же 12 февраля 1834 г.: «Типография будет под боком. Чего ж больше?» Между тем Гоголь с полной отчетливостью противопоставляет «все черствые летописи» народным песням, которые называет «звонкими, живыми летописями»

(письмо М.А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г.; см. также: И.И. Срезневскому 6 марта 1834 г.). Преимущественно, однако, он имеет в виду именно исторические песни (думы) из репертуара слепых певцов-кобзарей (бандуристов), исполнившиеся мелодической декламацией (речитативом) в сопровождении кобзы (бандуры); текст и мелодия импровизировались, но в известных пределах. Принято считать, что Гоголь обращался к песням потому, что в них «видел более глубокое и правдивое отражение прошлого народа, чем в летописях» (*Машинский 1941. С. 51*), и это верно применительно к художественному творчеству Гоголя; в связи же с его историческими занятиями вообще нет оснований говорить об отказе Гоголя от этого вида источников (см., в частности, его письмо Н.Я. Прокоповичу от 2 ноября ст. ст. 1837 г., где он просит: «Если что-нибудь вышло по части русской исто(рии), издания Нестора, или Киевской летописи, Ипатьевской, или Хлебниковского списка — пожалуйста, пришли»). Его затруднения связаны с особенностями конкретного научного задания — описать историю народа, «которого вся жизнь состояла из движений, которого невольно (...) соседи, положение земли, опасность бытия выводили на дела и подвиги» (письмо И.И. Срезневскому от 6 марта 1834 г.), «действовавшего в продолжение четырех веков отдельно от Великой России» (*СПч. 1834. № 24. 30 января*), причем о начальном периоде этой четырехвековой (с середины XIII в. до середины XVII в.) истории вплоть до первых или даже последних десятилетий XVI в., или, как сказано в черновике статьи, «до времен Ружинского ничего не известно» — потому что не только иноков-летописцев, но «и самых монастырей нигде не было» в той земле и летописи «писались тогда не пером, а кривыми саблями и пищаля(ми)» (с. 355; о Ружинском см. с. 965—966). Даже «повести бандуристов» вряд ли могли здесь помочь, поскольку складывались в основном в XV—XVII вв., и Гоголь жадно, но вряд ли с пользой для начала своей истории ищет новые варианты, веря, «что теперь же еще можно сыскать в каждом хуторе, подалеже от большой дороги и разврата, десятка два неизвестных другому хутору» (письмо И.И. Срезневскому от 6 марта 1834 г.). Применительно к периоду XIII—XIV вв., который рассматривается в статье «Взгляд на составление Малороссии», и эти песни и летописи в равной степени представляют исторические свидетельства, создававшиеся «уже тогда, когда память уступила место забвению». В более поздних (вероятно, 1839 г.) своих заметках Гоголь пишет, что бандуристы «заставили (...) говорить и действовать» древних козаков «по своим понятиям и речам»; повествование в песнях — «это не доказательство», они «сочинялись в народе и большею частью после той эпохи, которую они изображают» (*Ак. Т. 9. С. 82—83*).

Затруднения имели, таким образом, вполне объективный характер. В.И. Шенрок, опровергая мнение, «будто бы Гоголь, как имевший под руками те же источники, которыми пользовался для своей малороссийской истории Д.Н. Бантыш-Каменский, обладал равной с ним ученостью», замечал, что автор первого систематического труда по украинской истории «всю жизнь посвятил историческим изучениям и долго занимался в архивах в Малороссии (...) и кроме того имел счастливую возможность пользоваться для своего труда замечательным рукописным сочинением его отца и

вообще обильными и драгоценными неизданными материалами. Ничего подобного в распоряжении Гоголя не было» (*Шенрок*. Т. 3. С. 7–8). Однако и Бантыш-Каменский первое издание своей «Истории Малой России» (1822) начал только со XVII в., со времен Хмельницкого; во втором же, расширенном издании, вышедшем в 1830 г. и дополненном изложением украинской истории с древнейших времен до периода унии, представлявшем собой «почти цитатную сводку материалов различных первоисточников» (*Казарин*. С. 21), столкнулся в конкретных вопросах буквально с теми же трудностями и, несмотря на все преимущества своего положения, не нашел радикально иных решений. Прежде всего это касается его отношения к рукописи «Истории Русов или Малой России», которая была, в соответствии с ее собственными показаниями, принята им как подлинная летопись («ведена с давних лет — так сказано в предисловии к одной — вновь же пересмотрена и исправлена Преосвященным Архиепископом Белорусским Георгием Конисским. — Она кончится 1768 годом», *Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. X), в отличие от записок А. Шафонского и А. Ригельмана, позднее происхождение которых было очевидно (см. там же, с. VIII, XI), и обильно без критики процитирована при изложении событий в первом томе. Гоголь также выделил «Историю Русов» из массы «черствых летописей», о которых говорилось в его письме И.И. Срезневскому от 6 марта 1834 г.: «Хорошо еще, если между ними попадались с резкою физиономией, с характером: как, например, Конисский, который выхватил хоть горсть преданий и знал о чем он пишет. Но все другие так пусты, так бесцветны!» В письме к нему же от 1 июня 1834 г., отвечая на возражение своего корреспондента, он поясняет: «Конисскому я так же, как и вы, во многом не верю, но я говорил совсем не касательно достоинства летописца. Все происшествия его со времени Петра замечательны. Справедливость многих я узнал, нашедши доказательства в здешних архивах». «Похуже, что Срезневский не уловил мысли писателя, ибо чел нужным обратить его внимание на многочисленные фактические погрешности и примеры субъективизма Конисского», — замечает Ю.Я. Барабаш; Гоголь же «ценит в нем в первую очередь незаурядную личность, ярко выраженную индивидуальность, если угодно — откровенную тенденциозность (...) для Гоголя автор “Истории русов” — не бесстрашный (...) фиксатор событий, но более всего исторический писатель, сама же летопись — не только, а может быть, и не столько, памятник исторический, сколько литературный. Такой взгляд, кстати, близок пушкинскому» (*Барабаш 1995*. С. 147–148). Ставшая известной в 1824–1825 гг. «История Русов», считавшаяся при ее появлении трудом Г. Конисского (см. о ней: *Казарин*. С. 21–23), заметным образом повлияла на современные Гоголю представления о малороссийской истории. Пушкин, узнавший о ней от Максимова в 1829 г. и располагавший ее списком, собирався, кажется, подготовить ее к печати и издать и, как предполагается, в качестве предисловия к ней начал писать свой «Очерк истории Украины» (1831), пользуясь как источниками трудами Карамзина и Бантыш-Каменского, но в сохранившемся в его бумагах общем плане повествования целиком следуя «Истории Русов» (см.: *Пушкин* (2). Т. 8. С. 557–558; ср. также: *Казарин*. С. 100–107). Позднее Пушкин напечатал в «Современнике» (1836, кн. 1) статью о вышедшем Собрании сочинений Конисского,

в котором назвал этот неопубликованный труд главным его произведением и привел оттуда большие выписки о введении унии и казни гетмана Острицы (см.: *Пушкин*. Т. 12. С. 12–24). Именно эти события увлекали и Гоголя; именно вокруг них стоился замысел его исторического романа (см. коммент. к отрывку «Несколько глав из неоконченной повести»). Представлявшие для него в этом отношении наибольший интерес материалы эпохи униатских войн XVI–XVII вв. по «Истории Русов» были приведены почти полностью и со ссылкой на нее в 1830 г. Бантыш-Каменским, и Гоголь должен был хорошо знать их если не по первоисточнику (с 1830 или 1831 г.; см.: *Тих*. Т. 1. С. 663; *Ак*. Т. 3. С. 715), то по этому изданию (см.: *Казарин*. С. 42). В.П. Казарин считает, что основанная в значительной степени на фольклорных источниках «История Русов» отвечала тенденции «фольклоризации» исторического мышления Гоголя (см.: *там же*, с. 51) и связанной с этим переориентации его художественных замыслов. Ю.Я. Барабаш обращает внимание на то, что «История Русов» связывала Гоголя «с традицией украинского барокко, в частности, того корпуса исторических сочинений, которые в литературоведении определяются как казацкие летописи», но являются на самом деле литературными произведениями, аналогом повести, и все вместе становятся «коллективной литературной легендой о героической эпохе освободительной войны 1648–1654 гг.», но с недоумением отмечает, что «из всех авторов казацких летописей Гоголь называет одного псевдо-Конисского», почему-то обходя молчанием другие летописи, известные и вовсе не бесцветные (*Барабаш 1995*. С. 149–150). Можно, однако, предположить, что Гоголя-историка привлекала в «Истории Русов» незаурядность не повествования, а анализа; его не очень внятная похвала ее автору: «знал о чем он пишет» — и пояснение: «я говорил совсем не касательно достоинства летописца» — заставляют вновь вспомнить приведенные выше слова Карамзина, которыми и сам Гоголь определял свою задачу: «Историк не Летописец (...) может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место», а также сказанное о Шлёцере в гоголевской статье о трех историках: «Он анализировал мир (...). И оттого (...) все у него сверкает такими резкими чертами, могущественный удар его глаза так верен (...) что собственное воображение горит, расширяется и дополняет все по такому же самому закону (...) иногда оно стремится еще далее, потому что ему указана смелая дорога. (...) Он (...) показывает, как нужно понять, и тогда сам собою наконец видишь все» (с. 122–123). Пушкин в самом деле буквально так же, как Гоголь, оценивал достоинства «Истории Русов», когда писал о ее авторе: «Он сочетал поэтическую свежесть летописи с критикой, необходимой в истории», — и далее оправдывал недостаточность начальной «летописной» части его труда («Не говорю здесь о некоторых этнографических и этимологических объяснениях, помещенных им в начале его книги, которые перенес он в историю из хроники, не видя в них никакой существенной важности и не находя нужным противоречить общепринятым в то время понятиям»), при этом исчерпывающе и абсолютно внятно формулируя значение гоголевского «знал о чем он пишет»: «Под словом *критики* я разумею глубокое изучение достоверных событий и ясное, остроумное изложение их истинных причин и последствий» (*Пушкин*. Т. 12. С. 18–19). Гоголь также особенно отмечает в «Истории

Русов» исторически достоверный период «со времени Петра» и делает любопытнейшее признание, что нашел подтверждения этих происшествий «в здеших архивах». Его гимн критическому («опозиционному») таланту Шлёцера, кажется, связан именно с опытом работы над источниками для малороссийской истории, когда «История Русов» оказалась для него руководством, которое «показывает, как нужно понять, и тогда сам собою наконец видишь все».

29 мая 1834 г. Гоголь пишет М.А. Максимовичу: «Ты просил меня сказать о твоём разделении истории. Оно очень натурально и, верно, приходило в голову каждому, кто только слишком много занимался чтением и изучением нашего прошедшего. У меня почти такое же разделение, и потому я не хвалю его, считая неприличным хвалить то, что сделалось уже нашим — и твоим, и моим вместе». Максимович выделял в своей периодизации эпохи татарской (1240—1320), литовской (1320—1569) и польской (1569—1654) власти над Украиной и затем эпоху ее «раздвоенного бытия»: Украины восточной — «постоянно под властью русскою»; западной — «в колебании между Россиею и Польшей», а потом «после договора Прутского 1711 года, в постоянной принадлежности Польше до конца ее королевства (1795 г.)» (цит. по: Каманин. С. 91). Ключевым для обзора всех периодов, по-видимому, оказывается для Гоголя положение о соединении в 1386 г. Ягайлом Польши, Литвы и Малой России по принципу «как равный с равным и вольный с вольным» — см. выписку Гоголя начала 1830-х годов «1386. Ягайлом соединяются...» (Ак. Т. 9. С. 79). В.П. Казарин, установивший, что эта выписка является «весьма подробным конспектом» «Истории Русов», отмечает, что автор этого труда «все свое повествование подчиняет строгой и последовательно проводимой идее» изначально именно такого союза, и затем «перечисляет многочисленные услуги, оказанные малороссийским казачеством Литве и Польше в войнах, приводит выдержки из “подтвердительных привилегий” польских королей, в которых они вновь и вновь объявляют равные права Малороссии, говорит о взаимной религиозной терпимости всех трех народов вплоть до конца XVI в.», о притеснениях же малороссиян со стороны литовской и польской шляхты до Брестской унии (1596) упоминает вскользь (Казарин. С. 56, 59—60). Иную историческую концепцию поддерживает в своей «Истории Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменский: он показывает, что «существование Малороссии в составе соединенного королевства (...) никоим образом не гарантировало ее от усобиц с польскими и литовскими князьями (...) союз этот представлял собой нечто весьма условное и непостоянное и XIV—XV вв. пестрят междоусобными войнами и религиозными преследованиями»; именно этой концепции, по мнению исследователя, и придерживается Гоголь, когда изображает Гедимина завоевателем, а не освободителем южнороссийских земель, как в «Истории Русов», и говорит «о постоянных столкновениях на территории Украины “трех враждующих наций”, имея в виду, вероятно, русских, татар и поляков (...), но ни разу не упоминает о существовании союза» (там же, с. 58—59). Следует, однако, заметить, что такой подход у Гоголя определился не сразу; статья его даже в окончательном своем варианте сохранила неизгладимый отпечаток влияния «Истории Русов», определившего само построение ее, ту свойственную во-

обще его историческим статьям (см. коммент. к статье «О Средних веках») обратную экстраполяцию, в силу которой он видит в объединительном трактате 1386 г., заключенном Ягайлом, только исторически документированное подтверждение политики Гедимины, и этот реальный документ словно единой вспышкой освещает ему прошлое вплоть до начала «литовского» периода малороссийской истории. От этого же исторического свидетельства он идет в истолковании последующего, «польского» периода, начало которого, по Максимовичу, отмечено заключением Люблинской унии 1569 г., конституировавшей Речь Посполитую как единое польско-литовское государство, и ростом католической реакции, начавшейся в 1564 г., когда король Сигизмунд II Август (1520–1572) допустил в Польшу иезуитов, окончательно отказавшись таким образом от веротерпимой политики своего предшественника Сигизмунда I; конец же — Переяславской радой 1654 г., присоединившей Украину к России. События этого периода Гоголь изображает уже в художественных произведениях, видя в ярости освободительных войн следствие этой новой политики польского правительства, которое, как говорит он в наброске к своему историческому роману (свидетельствующем о перестроении замысла в направлении решений, позволивших исследователям «Тараса Бульбы» видеть в этой повести новую версию «Истории Малороссии»), «поступало безрассудно» «с страной, имевшею собственные постановления», и тем вызвало «вихорь самых сильных и порывных страстей», чего могло бы избежать, «не одевая своей власти нетерпимостью (...) в соединении этой земли воинствен(ных) козаков» (с. 448).

В.В. Гиппиус полагает, что в изображении Гедимины сказался «личный индивидуализм» Гоголя-теоретика, для которого события «определяются прежде всего героями» и который, даже не называя в своем повествовании «ни одного имени из украинской истории», находит и здесь «личность “исполнокского размера” — Гедимины, который своим явлением нарушает все исторические нормы» (*Гиппиус 1924. С. 63, 65*). Следует, однако, отметить, что Гоголь говорит не о личности Гедимины, а о его политике (такая персонификация свойственна и другим его статьям; см. коммент. к статье «О Средних веках»), опуская вообще личные моменты, не только неприглядные, сопутствовавшие его приходу к власти, но и положительные, о которых упоминает Карамзин (например, что он, будучи язычником, отказался отступить от своей веры, но при этом «построил для Христиан церкви в Вильне и Новогродке (...) любил хвалиться верностию своих обещаний, и ставил себя Христианам в пример честности», *Карамзин. Кн. 1. Т. 4. Стб. 132*). И Карамзин в своей «Истории...», и вслед за ним Бантыш-Каменский, который, по собственному его признанию, «руководствовался бессмертным сим произведением» в первой части «Истории Малой России» и, за немногими исключениями, откровенно повторяет его положения, отдают должное «благоразумной», по определению Карамзина, политике Гедимины, но для них он только умный властолюбивый завоеватель, умевший с выгодой использовать раздоры и беды сильных сопредельных врагов. Карамзин вообще относится к нему скорее неприязненно, хотя отмечает его необыкновенные ум и мужество и в дальнейшем неоднократно противопоставляет его благоразумие безрассудному поведению следующих польско-

литовских властителей. Для Гоголя же он «Гений политики», «глубокой политик», «необыкновенный человек с необыкновенным умом, ясным, проницательным», «Великан», которому ничтожность окружавших его исторических лиц придает «еще более исполинс(кий) размер»; ему наследуют также «два исполина, Ольгерд и за ним Ягайло», проводя «ту же самую политику», — это последнее утверждение переходит в окончательный вариант статьи, как и фраза о «могущественном покровительстве» литовских князей над южными областями России; однако и слово «великан», и в большинстве случаев слово «исполин» оставлены им в черновике (там оно буквально преследует Гоголя; он говорит там о литовцах «исполины», уже когда упоминает их ранние дикие набеги, задолго до Гедимина, нехоти опережая события). В окончательном же тексте о Гедимине сказано только «политик», «дикий политик», «человек ума крепкого», об Ольгерде и Ягайло — «два сильные характера», и с такой же последовательностью вписаны отсутствовавшие в черновом варианте фразы, рисующие картину завоевания: «литовский завоеватель», «навстречу грозному победителю», «все бежало перед мощным литовцем» (см. «Варианты»). Эта последующая корректировка в направлении Бантыш-Каменского (а по существу, Карамзина) не была, разумеется, только внешней и возмещала очевидный для автора первоначальный перекося конкретно-исторического повествования, но не отменяла его понимания причин и следствий событий, его способа видеть историю «пятнами эпох», создавая цельный «исторический образ» страны и времени (см. об этом: *Пумпянский 2000*. С. 291–292). Он учился этому не по «Истории Русов», но именно она, по всей видимости, подсказала ему уже при работе над «Взглядом...» решения, обеспечившие впоследствии историко-поэтический синтез «Тараса Бульбы».

Но для последовательного повествования о начальном периоде малороссийской истории «горсти преданий», которые выхватил из отдаленного прошлого автор «Истории Русов» (см. письмо И.И. Срезневскому от 6 марта 1834 г.), было недостаточно. Не обнаружив достаточных отечественных источников, Гоголь обращается к иностранным. «Я недоволен польскими историками, они очень мало говорят об этих подвигах; впрочем они могли знать хорошо только со времени унии, но и там ни одного летописца с нечерстою душою, мыслями. Если бы крымцы и турки имели литературу, я бы был уверен, что ни одного самостоятельного тогда народа в Европе не была бы так интересна история, как козаков» (письмо к И.И. Срезневскому от 6 марта 1834 г.). Это замечание отражает, по-видимому, и попытку Гоголя воспользоваться материалами «Хроники Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси» Матвея Стриковского (Стрыйковского; ок. 1547 — после 1582), список которой в переводе 1688 г. имел Карамзин (см.: *Карамзин 1989*. Т. 5. С. 418; ср.: «Матвей Стриковский, писатель XVI века, первый изобразил литовскую Историю, в своей *Kronika Polska, Litowska, Ruska, Pruska, Moskiewska, Tatarska* (изд. в 1582 году). Коялович, в XVII веке, сделал из нее выписку. Стриковский писал без всякой критики», *Полевой*. Т. 2. С. 471). Сам Карамзин с самого начала называет рассказ Стриковского сомнительным, но воспроизводит его буквально, большими выписками, как единственную связную версию событий, в результа-

те которых Южная Россия оказалась под литовской властью. Этой версии он противопоставляет другие, большей частью лишь косвенные, не составляющие общей картины, но более достоверные и в большинстве случаев противоречащие польскому историку свидетельству. Выписки из хроники Стриковского в «Истории...» Карамзина и следует, очевидно, считать непосредственным источником статьи Гоголя в части, касающейся Гедимины (сохранился их краткий конспект, сделанный им в начале 1830-х годов, а также поздние более подробные заметки по «Истории...» Карамзина, включающие материалы Стриковского; см.: Ак. Т. 9. С. 74–75, 77–78; *Гоголь 1994*. Т. 7. С. 612–613). Гоголь, по-видимому, очень заинтересованно отнесся к этому источнику и стремился использовать его максимально полно; так, из переданного Карамзиным рассказа Стриковского о крещении Литвы Ягайлом в 1386 г. («Древний огонь Перкунов угас навеки в городе Вильне; святые роши были срублены или обращены в пепел, и новые Христиане славил милость Государя, дарившего им белые суконные кафтаны: “ибо сей народ (говорит Стриковский) одевался до того времени одними кожами зверей и полотном”», *Карамзин*. Кн. 2. Т. 5. Стб. 55) он заимствует этнографические моменты для характеристики раннего, еще до Гедимины, образа жизни литовцев, внося дополнительные черты в их описание, построенное на данных собственно Карамзина и Бантыш-Каменского (см. с. 84). Можно предположить, что поначалу Гоголь рассматривал хронику Стриковского как самоценный материал, способный вместе с «Историей Русов» составить убедительную основу его повествования. Сравнение ее фрагментов с текстом статьи показывает, что Гоголь подвергает их существенной и тщательной обработке, отбирая преимущественно те сведения, для которых у Карамзина не приведено опровергающих данных, и по возможности обходя сомнительные места — так, из нескольких приведенных в выписке из Стриковского имен русских князей Гоголь называет луцкого князя Льва, очевидно потому, что имя это подтверждено Карамзиным как реальное, но опускает имя его брата, по Стриковскому — Владимира, по имеющимся же актам — Андрея, княжившего во Владимире Волынском; опущены и подробно описанные Стриковским осада и взятие этого города в 1319 г., вследствие которых якобы погиб один из братьев и произошло бегство второго, князя Льва, из Луцка, дважды, но крайне невнятно упомянутое Гоголем. По существу, он делает попытку продолжить критическое исследование источника, от которого отказался Карамзин, воспользовавшись для этого его же материалами (которые сначала, возможно, надеялся дополнить или опровергнуть), и таким образом выявить относительно достоверную часть сообщений. Сам Карамзин признает такую задачу невыполнимой. «Сие повествование Историка не весьма основательного едва ли утверждено на каких-нибудь современных или достоверных свидетельствах, — заключает он, закончив выписку о взятии Киева, коротко изложенную у Гоголя. — Оно тем сомнительнее, что Баскаки Ханские, как видно из наших летописей, до самого 1331 года находились в Киеве, где господствовал тогда не Миндов, а Князь Российский. Не зная, когда именно Литовцы овладели странами Днепровскими, знаем только, что Киев при Димитрии Донском уже был в их власти (без сомнения и Черниговская область). (...) Что касается до Княжения Владимиро-Волынского, то оно, в

противность ложному сказанию Литовского Историка, вместе с Галициею еще несколько лет хранило свою независимость и силу. Владетели его, Андрей и Лев, преставились около 1324 года» (Карамзин. Кн. 1. Т. 4. Стб. 129; последнее сообщение подтверждено здесь же независимым польским источником, см. стб. 130). Черновой текст статьи Гоголя содержит прямое возражение Карамзину: «Были ли в этой земле природные русские князья или Ханские Баскаки, я не стану исследовать, верного об этом ничего нет. А говорить о том времени, когда народ был беден и [мал] ничтожен и притом не осталось о нем ни одной черты в Истории, значит мнить(?) историю» (с. 330); судя по его месту в рукописи, оно было сделано заранее, еще до того, как Гоголь проделал вышеописанную работу над внешне эффектным материалом Стриковского, и похоже, что работа после этого на некоторое время прервалась. Приведенные выше его письма и объявление о предстоящем издании выдают его изначально полемическую и новаторскую установку; предварительные исторические наброски содержат моменты полемики со Шлёцером и Карамзиным по вопросам происхождения славян и древнейшей русской истории (см. с. 660, 661); его жадные поиски новых материалов, сличение летописей, архивная проверка данных свидетельствуют о том, что он, кажется, предполагал произвести самостоятельное критическое исследование и, возможно, переоценку источников, дополнить их новыми данными и представить собственную версию исследуемого периода. Однако, вернувшись после паузы к черновому тексту, он отказывается от самостоятельной критики и по возможности следует руководству Карамзина в отборе данных Стриковского (уже здесь можно угадать лишь один-два оставшихся рудимента опровергнутых сообщений); в окончательном же варианте вписывает большие новые фрагменты, показывающие, что на этом этапе работы источником его становится уже сама «История...» Карамзина. Гоголь принимает здесь поправку Карамзина о киевских князьях и отказывается от открытой полемики, отголосок которой едва виден в печатном тексте, где говорится, что известия о Киеве «разом прервались, и несмотря на то, что там оставалась еще отрасль князей русских, ничто не спасло его от полувекового забвения. Изредка только, как будто сквозь сон, говорят летописцы, что он был страшно разорен, что в нем были ханские баскаки, — и потом он от них задернулся как бы непроницаемою завесою» (с. 84). Вместо этого он чрезвычайно усиливает сформулированную как аргумент в этой попытке полемики тему равной недостоверности вообще всех сведений об этом отдаленном периоде, и в этом отношении находит опору как раз у Карамзина, который говорит, что «южные области России (...) с половины XIII века (...) сделались как бы чужды для нашего северного отечества, коего жители брали столь мало участия в судьбе Киевлян, Волынян, Галичан, что Летописцы Суздальские и Новгородские не говорят об ней почти ни слова; а Волынский не доходит до времен наиболее любопытных важностию происшествий», предваряя этим предупреждением рассказ о литовцах и Гедимине с фрагментами хроники Стриковского. Точно так же теперь строит рассказ и Гоголь, заменив неизвестные нам прежние части текста (см. выше); в его характеристике Гедимины также ощутимо влияние Карамзина, который говорит, что «хитрый Гедимин умел снискать дружбу Моголов; по крайней мере никогда не воевал с ними и не платил им дани. Власт-

вудя над Литвою и завоеванною частию России, он именовал себя *Великим Князем Литовским и Российским*; жил в Вильне, им основанной; правил новыми подданными благоразумно, уважая их древние гражданские обыкновения, покровительствуя Веру Греческую, и не мешая народу зависеть в церковных делах от Митрополита Московского (...). Впрочем История отдает справедливость многим его достохвальным делам и качествам. Он старался образовать народ свой; дозволял Ганзейским купцам торговать в Литве без всякой пошлины; призывал людей ремесленных, серебряников, каменщиков, механиков; на десять лет освобождал всех новых поселенцев от дани, ручаясь им за безопасность личную и целостность собственности, которую они приобретут своим трудолюбием; давал им Гражданское Право Риги и все возможные выгоды (...). Нет сомнения, что вся древняя область Кривская, или нынешняя Белорусия, уже совершенно зависела от Гедими-на; но держась правил умеренности в своем властолюбии, он не хотел изгнать тамошних Князей, и довольствуясь их покорностию, оставляя им Уделы наследственные» (*Карамзин*. Кн. 1. Т. 4. Стб. 127, 130—132). «Приложения и ссылки отлагаются за недостатком места», — написал Гоголь в примечании к журнальной публикации статьи; и эти слова можно, кажется, считать косвенным признанием его неудачи на поприще исторической критики. Вряд ли справедливо было бы видеть в этой неудаче исключительно следствие его неподготовленности — скорее наоборот: и его отказ от недостоверных источников, и принятое им решение следовать Карамзину не только в отношении его критических замечаний, но и в общем подходе к освещению событий говорят об обратном. Точно так же, по Карамзину и Стриковскому, цитируя обоих, пересказывая возражения Карамзина и в очень незначительной степени дополняя его рассказ новыми данными, изображает это время и Д.Н. Бантыш-Каменский в своей «Истории Малой России» (ч. 1, гл. IV); у него Гоголь заимствует сведения о древних литовцах и описание погребения Гедимины по французскому источнику (*Histoire générale de Pologne par le Chevalier de Solignac, Secrétaire du Cabinet et des Commandemens du Roi de Pologne. Paris, 1750, in 12. 5 vol.; см. с. 662, 663*), о котором Бантыш-Каменский сообщает, что автор его «превзошел в верности всех иностранных и Польских Писателей» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. XVIII), а также, в черновом варианте статьи, рассказ о браке Ягайло и Ядвиги с отсутствующими у Карамзина подробностями (см. там же, с. 38—41). Говоря о появлении козачества, Гоголь также следует Карамзину, который, в отличие от Бантыш-Каменского, относившего его к XV в., полагал, что хотя «имя их сделалось известно по Истории около 1517 г.; но вероятно, что оно в России древнее Батыева нашествия, и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Торки и Берендеи назывались *Черкасами*: Козаки также»; поэтому вероятно, что «Торки и Берендеи, называясь *Черкасами*, назывались и *Козаками*; что некоторые из них, не хотев покориться ни Моголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих Россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними, и под именем *Козаков* составили один народ, который сделался совершенно Русским, тем легче, что предки их, с десятого века

обитав в области Киевской, уже сами были почти Русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных Татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков, и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшего им многие гражданские вольности вместе с землями выше Днепровских порогов, где город Черкасы назван их именем» (Карамзин. Кн. 2. Т. 5. Стб. 230—231). Можно предположить, что для Гоголя было важно представление Карамзина об исторической роли козачества («Сии-то природные воины, усердные к свободе и к Вере Греческой, должныствовали в половине XVII века избавить Малороссию от власти иноплеменников и возвратить нашему отечеству древнее достояние оногo», там же, стб. 231), и особенно то, что, объяснив происхождение Запорожской Сечи («Собственно так называемые Козаки Запорожские были частию Малороссийских: Сеча их, или земляная крепость ниже Днепровских порогов, служила сперва сборным местом, а после сделалась жилищем холостых Козаков, не имевших никакого промысла, кроме войны и грабежа», там же), Карамзин разграничил, но не противопоставил просто козаков и запорожцев и, не раз затем упоминая о выступлениях козаков с татарами против русских, о разбоях их в южных пределах России, об участии в походах Батория, о том, что, по преданию, у них, «удалых Запорожцев, бдительных стражей и дерзких грабителей Литовского Княжества», «среди густых камышей Днепровских» Отрепьев учился владеть оружием и потом 4000 их, присоединившись к войску Лжедмитрия, бесчинствовали в Москве (см. там же, кн. 3, т. 11, стб. 75, 96), отмечает особо не это, а то «обстоятельство достопамятное», что в 1594 г. «Днепровские Козаки, будучи подданными Литвы, вопреки ей, раболепно угождающей Султану, входят в союз с Императором, чтобы воевать с Турками, и признают себя в какой-то зависимости от Царя Московского! (...) воспоминания общего древнего отечества, единоверие, утеснение Греческой Церкви в Литве и месть народная с того времени уже явно готовили в душе Днепровских витязей присоединение их благословенного края к Державе Московской» (там же, кн. 3, т. 10, стб. 105—106). Рассказ Бантыш-Каменского красочнее, и некоторые моменты его, например, что козаки «всех к себе принимали без разбора, с тем только, чтобы приходящие к ним исповедывали веру Греческую», что они «похищали у Ординцев жен и дочерей, передавали потомкам черты азиатские» (Бантыш-Каменский. Ч. 1. С. 110), Гоголь переносит в свое повествование. Однако, буквально повторив карамзинскую оценку козачества (там же, ч. 2, с. 61), о запорожских козаках Бантыш-Каменский говорит иначе: «Оставшиеся за Днепровскими порогами холостые поселенцы вели жизнь совсем различную от женатых. Укрепленное место, несколько раз ими переменяемое и известное под названием Сечи, было их жилищем. Они не заботились, подобно Малороссийским Козакам, исхитить из рук иноверного народа землю Русскую, потому что земля сия соделалась чуждою для сердец, ожесточенных грабежами и убийствами. И могли ли пришлецы, составлявшие их братство, люди различных с ними языков и исповеданий, упоенные распутствами и безначалием, и скрывавшие под притворною набожною гнусное отвращение к пра-

вославию — иметь какую любовь к стране, в которой процветало благочестие с отдаленных времен?» (там же, с. 61—62), следуя здесь официальной точке зрения, разработанной Г.Ф. Миллером и обосновывающей уничтожение Сечи Екатериной в 1775 г., отразившееся в «Ночи перед Рождеством». Такое представление далеко от гоголевского, однако парадоксальным образом сама резкость этого отзыва и неоднозначность изображенного здесь национального характера («Холостая, праздная и беспечная жизнь, пьянство и необузданная вольность, были отличительные черты характера сего буйного и грубого народа. Скотоводство, звериная и рыбная ловля, воровство, разбой и измена составляли их главные упражнения. Но Запорожцы, со всеми пороками своими, отличались примерною храбростию. Они неоднократно заставляли трепетать Турков и Татар, наводили страх на Поляков и беспокоили самих Россиян», там же, с. 62) могли спровоцировать Гоголя на то, чтобы риторический вопрос Бантыш-Каменского понять как буквальный и дать на него ответ «Тарасом Бульбой». Так или иначе, косвенно задев в своем «Объявлении...» автора «Истории Малой России» отождествлением его труда с «многими компиляциями», которые нельзя считать Историями, Гоголь в письме к Погодину от 13 марта 1834 г. признался, что написал это «совершенно не раздумавши».

С. 81. *...народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманнских князьях.* — Карамзин, говоря о призвании варягов (норманнов) на княжение в 862 г., замечает, что они, «господствуя на морях, имея в IX веке сношение с Югом и Западом Европы (...) должныствовали быть образованнее Славян и Финнов, заключенных в диких пределах Севера; могли сообщить им некоторые выгоды новой промышленности и торговли, благодетельные для народа», и заключенный в 911 г. договор Олега с Византией (Гоголь в заметке «Об Олеговом договоре» настаивает на подлинности его, вызвавшей сомнение у Шлёцера, см. Ак. Т. 9. С. 52) «представляет нам Россиян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народных торжественных условий; имеют свои законы, утверждающие безопасность личную, собственность, право наследия, силу завещаний; имеют торговлю внутреннюю и внешнюю»; см. также заключающую первый том его труда главу X «О состоянии древней России» (Карамзин. Кн. 1. Т. 1. Стб. 68, 85, 141—156).

С. 81. *...удалившиеся в свои кельи и закрывшие глаза для мира...* — О необходимости «большого сближения религии с жизнью людей и народов» писал И.В. Киреевский в статье «Девятнадцатый век» (Европеец. 1832. № 1); в этом требовании, говорит он, сходятся «все религиозные партии, которые теперь в таком множестве волнуются по Европе и которые не согласны между собою во всем остальном» (Киреевский 1979. С. 87—88).

С. 81—82. *...князья умели только поститься и строить церкви...* — О заложенных князьями церквях сообщали летописи, и Карамзин постоянно приводит эти данные в примечаниях.

С. 82. *...жители двух соседных уделов ~ с яростью волков.* — Уделы — удельные (выделенные детям или родственникам) княжества, входящие в великое княжество. «Обыкновенною причиною вражды было спорное право наследства (...) по древнему обычаю не сын, но брат умерше-

го Государя или старший в роде долженствовал быть его преемником. Мономах (...) нарушил сей обычай (...) в сыновьях и внуках Мономаховых ненавидели похитителей Великокняжеского достоинства и воевали с ними» (Карамзин. Кн. 1. Т. 3. Стб. 120).

С. 82. ...потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей... — На территории Литвы в XIII в. сложился сначала союз князей, а затем раннефеодальное государство во главе с великим князем — первым был Миндовг (1230—1264). «Сей народ беспрестанными набегами более и более ужасал соседей; занимался единственно земледелием и войною; презирал мирные искусства гражданские, но жадно искал плодов их в странах образованных, и хотел приобретать оные не меною, не торговлею, а своею кровию» (Карамзин. Кн. 1. Т. 3. Стб. 159—160).

С. 83. Киев давно уже не был столицею... — Разоренный междоусобными войнами Киев в 1169 г. был после осады взят приступом ополчением 11 князей, собранным князем Андреем Боголюбским, и разграблен. С 1169 г. великокняжеским городом сделался Владимир Залесский на Клязьме, Киев же оставался центром Киевского удельного княжества.

С. 83. ...Днепр с ненасытными порогами... — Ср.: «Они в виде многих больших скал и утесов простираются поперег реки; некоторые находятся под водою, другие на равне с поверхностью оной (...). Весною, когда снег растает, все пороги заливаются, исключая седьмого, именуемого *Ненасытным*. Он один в то время препятствует плаванию» (Бантыш-Каменский. Ч. 2. Примеч. С. 11—12).

С. 83. ...в этой земле, настоящей отчизне славян, земле древних полян, северян ~ со всеми языческими поверьями... — В заметках по русской истории Гоголь говорит, что невозможно предположить переселение славян с берегов Дуная, у котором сообщает Нестор (см.: Карамзин. Кн. 1. Т. 1. Стб. 17); он считает, что «как германцы аборигены Европы западной, так славяне аборигены восточной» (Ак. Т. 9. С. 29, 34). Поляне и северяне — древние славянские племена, распавшиеся затем на множество ветвей (см.: Карамзин. Кн. 1. Т. 1. Стб. 19); ср. заметки Гоголя под заголовком «(10.) О местожительстве славянских народов», а также выписки, связанные со славянской мифологией и поверьями (Ак. Т. 9. С. 35, 41).

С. 83. Киев — древняя мать городов русских ~ едва ли мог сравниться со многими ~ городами Северной России. — В декабре 1240 г. Киев был взят и разорен монголами; жители истреблены или уведены в рабство. «Древний Киев исчез, и навеки: ибо сия, некогда знаменитая столица, мать градов Российских, в XIV и в XV веке представляла еще развалины; в самое наше время существует единственно тень ее прежнего величия» (Карамзин. Кн. 1. Т. 4. Стб. 10). Упомянутое определение Киева — «калька с греческого “митрополия Русская”, так как именно в Киев был поставлен из Константинополя (по другим сведениям — из Ахридской митрополии в Болгарии) первый русский митрополит» (Паламарчук 1990. С. 405).

С. 84. Баскак — татарский пристав для сбора податей и надзора за исполнением ханских повелений (Даль. Т. 1. С. 52). С 1240 г. Киевское княжество было в вассальной зависимости от Золотой Орды.

С. 84. *Гедимин* (ум. 1341) — великий князь литовский с 1316 г.; продолжал захват западно-русских земель, сделав своими вассалами многих правивших там князей.

С. 84. *...вывел на сцену тогдашней истории новый народ ~ известный под именем литовцев.* — Ср. у Карамзина: «...когда народ бедный, дикий, платив несколько веков дань России, и более ста лет умев только грабить, сведал от нас и Немцев действия военного и гражданского искусства, в грозном ополчении выступил из темных лесов на феатр мира и быстрыми завоеваниями основал Державу именитую. Говорим о Литве, уже сильной при Миндовге и Тройдене, но еще гораздо сильнейшей при Гедимине» (Карамзин. Кн. 1. Т. 4. Стб. 127). Гоголь дополняет Карамзина сведениями, которые по французскому источнику приводит Бантыш-Каменский: «Литовцы поклонялись огню и грому. Рощи и некоторые деревья считались у них священными. Они не только не дерзали рубить их, но даже дотрогиваться; обожали змей, жаб, ящериц; приносили им в жертву петухов» (Бантыш-Каменский. Ч. 1. Примеч. С. 8, со ссылкой на: Histoire de Pologne de Solignac. Т. 3. Р. 246).

С. 84. *...во владения волыньских князей.* — Карамзин пишет, что «Юрий Львович, Галицкий и Волынский, скончался около 1316 года: ибо в сие время уже господствовали там Андрей и Лев, вероятно сыновья его, коих имена известны нам единственно по их сношениям с Немецким Ордемом, и которые в грамотах своих назывались *Князьями всей Русской земли, Галицкой и Владимирской*» (Карамзин. Кн. 1. Т. 4. Стб. 128).

С. 84. *Гедимин, назначив старост и начальников, шел далее на юг ~ Убежавший луцкий князь Лев...* — В выписке из Стриковского у Карамзина говорится, что, взяв Владимир, «Гедимин, поручив его своим Наместникам, спешил к Луцку, откуда Лев, уstraшенный несчастьем Владимира, бежал к Брянскому Князю, Роману, своему зятю» (Карамзин. Кн. 1. Т. 4. Стб. 128).

С. 84. *...успел кое-как уговорить киевского князя Станислава выйти ~ навстречу грозному победителю ~ и постановил в нем правителем князя Миндова ольшанского, принявшего греческую веру.* — В рукописи: «своего племянника князя Миндова». Ср. заметку Гоголя «XIV (век). — 1320. Гедимин берет Овруч, Житомир, города Киевского кня(жества)», Ак. Т. 9. С. 77). В выписке из хроники Стриковского у Карамзина говорится, что Гедимин «взял Овруч, Житомир, города Киевские и шел к Днепру. В Киеве властвовал Станислав (...) он имел время призвать Моголов, соединился с Олегом Переяславским, с изгнанным Князем Луцким Львом, с Романом Брянским; верстах в 25 от столицы, на берегу Ирпени, встретил неприятеля и долго спорил о победе; но отборная дружина Литовская, ударив с боку на Россиян, смяла их. (...) Гедимин, отдав всю добычу воинам, осадил Киев. Еще жители не теряли надежды и мужественно отразили несколько приступов; наконец, не видя помощи ни от Князя Станислава, ни от Татар, и зная, что Гедимин щадит побежденных, отворили ворота. Духовенство вышло со крестами, и вместе с народом присягнуло быть верным Государю Литовскому, который, избавив Киев от ига Моголов, оставил там Наместником племянника своего, Миндова, князя Голшанского, Верою Христианина, и скоро завоевал всю южную Россию до

Путивля и Брянска» (Карамзин. Кн. 1. Т. 4. Стб. 129; см. также: *История Русов*. С. 5; *Самовидец*. С. 1).

С. 85. Он умер в 1340 году; мертвый был посажен на коня с своим оруженосцем, с охотничьими собаками, соколами, и сожжен по языческому обычаю литовцев. — В рукописи было: «с любимым оруженосцем», ср.: «Гедимин кончил славное поприще свое в 1341 году. Он умер — как жил — язычником. Тело его было сожжено по обычаю, существовавшему тогда у Литовцев: его посадили на лошадь, служившую ему в битвах, вместе с оруженосцем наиболее им любимым; привязали еще к сему костру двух копчиков, столько же охотничьих собак и две медвежьи лапы и все сие предали огню» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 27, со ссылкой на: *Histoire de Pologne de Solignac*. Т. 3. Р. 63). В гоголевском конспекте материалов Стриковского, приведенных у Карамзина (см.: *Ак*. Т. 9. С. 77), запись о смерти Гедимины четко помечена 1341 г. (при этом Карамзин замечает, что «Стриковский, не имея верных источников, уморил Гедимины еще в 1329 году», *Карамзин*. Кн. 1. Примеч. к т. 4. Стб. 131).

С. 85. ...два сильные характера, Ольгерд и Ягайло, вознесли Литву... — В рукописи: «два исполина, Ольгерд и за ним Ягайло». Ольгерд — сын Гедимины, великий князь литовский в 1345—1377 гг.; завоевал ряд чернигово-северских уделов, земли в бассейне Днестра и Днепра, Подольскую и Вольнскую земли, подчинил Литве Смоленское княжество. Около 1362 г. захватил Киев, передав его в вассальное владение своему сыну Владимиру. Пытался распространить влияние на Псков и Новгород, но не добился существенных успехов. В 1368—1372 гг. поддерживал Тверь против Москвы и совершил три неудачных похода на Москву (1368, 1370, 1372). Ягайло (ок. 1350—1434) — сын Ольгерда, великий князь литовский в 1377—1392 гг. (с перерывом). В 1380 г. заключил договор с Золотой Ордой, был союзником Мамай в Куликовской битве 1380 г. Браком Ягайло с Ядвигой (ок. 1374—1399), младшей дочерью короля Венгрии и Польши Людовика (Лайоша I Великого; 1326—1382), польской королевой с 1384 г., заключенным 18 февраля 1386 г., была оформлена уния 1385 г. Литвы и Польши, и Ягайло стал королем польским под именем Владислава II Ягелло с обязательством принять христианскую веру, крестить Литву и подчинить ее польским законам. Ср. в вариантах фрагмент чернового автографа с кратким изложением этих событий, основанным, по-видимому, на книге Бантыш-Каменского (см.: *Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 38—41).

С. 85. *Сайга* (сайгак) — небольшая степная антилопа, распространенная в низовьях Днепра и северном Причерноморье.

С. 85. *Сугаки* — украинское название сайгаков. Они отличаются от соседних, темноногих родов лировидными рогами воскового цвета.

С. 86. ...здесь не мог и возникнуть торговый народ. — Ср. в наброске к статье: «Народ не мог сделаться торговым...» (см. «Варианты»).

С. 86. ...к востоку ли с кипчакскими татарами... — То есть половцами. Карамзин замечает, что они «сами себя называли *Sarchat*» и историк Абульгази «дает общее имя *Кипчак* всем народам, обитавшим между реками Доном, Волгою и Яиком, или Уралом, и причисляет их к Татарам» (*Карамзин*. Кн. 1. Примеч. к т. 2. Стб. 45).

С. 86. Если не к концу XIII, то к началу XIV века можно отнести появление козачества... — В рукописи: «В конце XIV или начале XV в. можно положить происхождение их». Д.Н. Бантыш-Каменский пишет, что козаки появились не прежде XV в. и стали известны в Польше в начале XVI в. (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 109). В печатном варианте Гоголь следует мнению Карамзина (см.: *Карамзин*. Кн. 2. Т. 5. Стб. 230).

С. 87. В это время явился близ порогов городок или острог Черкасы ~ имя которого звучит обитателями Кавказа... — Такое мнение Татищева и Болтина о происхождении этого названия опровергал Карамзин (см.: *Карамзин*. Кн. 1. Примеч. к т. 4. Стб. 62); однако оно было поддержано Д.Н. Бантыш-Каменским, который отнес основание города Черкасы к XVI в. (см.: *Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 109—110). Гоголевская же датировка основана, по-видимому, на данных «Истории Русов» — см. его выписку «1386. Ягайлом соединяются...», где этот город упомянут уже при описании событий XIV в. (*Ак. Т. 9. С. 79*; ср.: *Казарин*. С. 56, 59).

С. 87. Землянки, пещеры и тайники в днепровских утесах ~ служили им укрытием ~ они налетали внезапно... — Изображая эти способы ведения войны, Гоголь пользуется рассказом Г. Боплана, картографа, составившего по заказу короля Яна Казимира карту Украины и посвятившего ему свое сочинение о ней; ср.: «Боплан, Инженер Французский, оказал великую услугу Малороссии своим описанием нрава и обычаев тамошних жителей в XVII веке. — Ему обязаны мы и подробными сведениями о запорожцах, сих храбрых наездниках, столь же отважных на море, перед которыми вместе с Тавридою трепетали разные Области Турецкие» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. XIII). Сохранились заметки, сделанные Гоголем при чтении книги Боплана «Описание Украйны» (Пер. Ф. Устрялова). СПб., 1832; см.: *Ак. Т. 9. С. 80—82*) в 1839 г.; однако он несомненно уже знал ее при работе над статьей; кроме того, Д.Н. Бантыш-Каменский обильно пересказывает Боплана в главах о козаках и о татарах в своей «Истории...». Очевидно, именно его Гоголь имеет в виду, когда в черновом варианте статьи замечает, что «Иностранцы, особливо впоследствии французские инженеры, писавшие об Украйне, нигде не доискивали сведений исторически(х)», а описывали «большею частью (...) географию в настоящем тогдашнем виде» (с. 355).

С. 87. Магометанский сосед ~ называл его козаком. — Карамзин пишет, что «сие имя означало тогда вольницу, наездников, удальцев, но не разбойников, как некоторые утверждают, ссылая на лексикон Турецкий: оно без сомнения не бранное, когда витязи мужественные, умирая за свободу, отечество и Веру, добровольно так назвались»; в турецком же языке слово это «новое и произошло от разбоев Козацких» (*Карамзин*. Кн. 2. Т. 5. Стб. 231—232; Примеч. к т. 5. Стб. 174).

С. 87. ...но он должен был непременно принять греческую религию. — Ср.: «Они всех к себе принимали без разбора, с тем только, чтобы приходящие к ним исповедывали веру Греческую» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 110).

С. 88. ...вино, цехины, жилища. — В рукописи: «турецкие цехины, вино, жилища». Цехин — старинная венецианская золотая монета. Турецкий «цехин» упомянут в выписке Гоголя «Сравнение Монет разных Государств с Российскими» (раздел «Турецкие Деньги») в его «Книге всякой всячины» (см.: *Неизд. Гоголь*. С. 143).

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПУШКИНЕ

Источники текста: *ЧА Пушкин, Ар.* (см. с. 489, 491).

Впервые опубликовано: *Ар.* Ч. 1. С. 213—225. Датируется *ЧА* концом 1833 — началом (не позднее февраля) 1834 г. и концом августа 1834 г.; окончательная редакция — сентябрем—октябрем 1834 г. Печатается по тексту *Ар.* со следующими исправлениями:

С. 95, строка 39: эстетическое — *вместо*: эстетическое

С. 96, строка 3: чувства знакомые одним поэтам — *вместо*: чувства знакомые поэтам (по *ЧА Пушкин*)

Автограф статьи в записной книге («тетрадь Тарновских», см. с. 493—494), в которой Гоголь с осени 1833 г. работал над произведениями, предназначавшимися специально для *Ар.*, начат на л. 68, следующем после рукописи «Ночи перед Рождеством» и вставок к ней; в его верхней части уже был записан набросок «На бесчисленных тысячах могил» (о содержательной связи его со статьей о Пушкине см. в коммент. к нему). Но еще до этого на л. 68 об., под сокращенным заглавием «О П.», был записан фрагмент об антологических стихотворениях Пушкина, соответствующий заключительной части статьи (ср.: «Чтобы быть доступну понимать их ~ своих истинных ценителей»), крупным и четким, но постепенно становящимся мельче почерком, бледными, местами до полной бесцветности, чернилами; на листе несколько синих пятен, делающих текст невозможным дефектным (вероятно, лист был подмочен; Гоголь пытался восстановить поврежденные строки, сделав три небольшие вставки поверх и ниже их). Поскольку фрагмент уже занимал три четверти л. 68 об., Гоголь продолжает писать, переходя с л. 68 не на этот, последующий, а на предыдущий л. 67 об., две трети которого снизу, под вставками к «Ночи перед Рождеством», оставались свободны, а с него все же — в нижнюю часть л. 68 об., сделав предварительно короткую вставку к уже имеющейся на нем части текста. Последним и, по-видимому, через некоторый промежуток времени был написан фрагмент со сравнением дикого горца с судьей в запачканном фраке и принципиальным тезисом об извлечении необыкновенного из обыкновенного предмета. Предварительно Гоголь перечитал написанное ранее и внес довольно значительную правку, частично незаконченную. Хотя соседний л. 69 был частично свободен (см. с. 495), а за ним шли три пустые страницы, он перешел сначала на л. 104 об., следующий после завершенной уже, по-видимому, к этому времени рукописи «Последнего дня Помпеи», и сделал в верхней его части помету «О П(ушкине)», но затем изменил намерение и начал на этом листе «Записки сумасшедшего» (см.: *Тих.* Т. 5. С. 610), а для продолжения статьи о Пушкине выбрал место ближе к началу тетради, именно к первому фрагменту повести «Портрет» (возможно, в связи с очевидными в тексте статьи смысловыми пересечениями с повестью), и

записал эту большую вставку на л. 24 (ниже заголовка «Реест(р) Ландкарт[ам]», рукой Тарновского), предварив ее пометой чернилами «К Пушк»; две последние не уместившиеся строки были перенесены в верхнюю часть чистого тогда л. 24 об. (на нем позднее будет продолжена и закончена работа над статьей «Скульптура, живопись и музыка», а затем вписана на оставшемся свободном месте дополнительная вставка к «Портрету»). Расположение фрагмента в одном из тех мест, с которых Гоголь начинал заполнять тетрадь в 1833 — начале 1834 г. (первые записи третьего слоя, см. с. 494), говорит о том, что статья была начата одной из первых среди произведений, написанных специально для *Ар.* и это могло произойти уже в конце 1833 г. Можно также заключить, что работа была начата под сильнейшим впечатлением от «мелких», антологических стихотворений Пушкина; переключки фрагмента со статьями «Скульптура, живопись и музыка» (см. коммент. к ней) и «Жизнь» выявляют и в них, вероятно, первоначальное «антологическое» вдохновение, исходящее из пушкинского источника (ср. также о «веке Антологии, легкой, душистой, дышащей сладострастием» в статье «Об архитектуре нынешнего времени»).

Название «О Пушкине» есть уже в первом плане *Ар.* (февраль 1834 г.), но здесь оно зачеркнуто; во втором плане (не ранее августа 1834 г.) то же название стоит на пятом месте в перечне, в дополнительной же разметке порядковых номеров произведений справа на полях против него поставлен номер 6. Скорее всего к февралю текст статьи был достаточно проработан, чтобы можно было уже говорить о ней как о реально возникшем произведении, и можно предположительно датировать черновую редакцию статьи временем с конца 1833 по февраль 1834 г., позднюю же вставку отнести ко времени между окончанием статьи «Последний день Помпеи» и завершением работы над «Портретом», т.е., по всей вероятности, к концу августа 1834 г. В сентябре или октябре 1834 г. Гоголь создает окончательный, значительно переработанный вариант статьи, готовя книгу к печати; характер переработки и вид черновой рукописи не допускают предположения, что она могла быть переписана чужой рукой, поэтому можно думать, что автор сам переписал ее набело для представления в цензуру (беловая рукопись неизвестна) или, возможно, продиктовал переписчику.

Дата «1832», поставленная Гоголем под статьей в *Ар.*, дает основания для предположений о зарождении замысла в этом году: «статья неразрывно связана с кругом гоголевских рассуждений именно этого года» (*Манн 2004. С. 257*). «Круг гоголевских рассуждений» о Пушкине 1832 г. был связан с недавними контактами в Царском Селе и затем в Петербурге летом и осенью 1831 г. и отразился прежде всего в письме А.С. Данилевскому 30 марта 1832 г. с развернутым сравнением поэзии Пушкина и Языкова. Биографическим же стимулом к началу работы над статьей в конце 1833 г. могла быть активизация общения с Пушкиным в это время (см. ниже). Статья была подготовлена многолетним, со школьных лет, неколебимым культом Пушкина в сознании Гоголя и его уверенным выбором пушкинского круга литераторов при вступлении в петербургскую литературную жизнь на пороге 1830-х годов. Быстрота, с какой молодой неизвестный провинциал был принят в этот достаточно замкнутый круг, поразительна и

может быть объяснена лишь энтузиазмом его исключительной и преданной ориентации на этот круг, как и угаданным людьми этого круга — Жуковским и Плетневым, а затем и самим Пушкиным — писательским даром Гоголя. Первым быстрым своим печатным откликом на «Вечера на хуторе» (сентябрь 1831 г.) Пушкин начал, по слову П.В. Нащокина, «выводить Гоголя в люди» (см.: *Бартенев*. С. 360). «Литературное общение Гоголя с Пушкиным», как назвал свое исследование (1930) В.В. Гиппиус, не прерывалось в годы их знакомства в 1831—1836 гг. (см.: *Петрунина, Фридлендер*. С. 197—228) и готовило почву для гоголевской статьи, при этом будучи именно литературным общением по преимуществу, с сохранением достаточной дистанции в отношениях личных. «Гоголь знал, что он своего рода побочный сын в историко-литературной семье, которая вырастила Пушкина...» (*Турбин* 1978. С. 57) — и это «побочное», маргинальное положение в пушкинском кругу давало дистанцию и позицию «снизу вверх» (но не без примеси «паче гордости») для столь законченного и даже торжественного суждения о первом и «единственном» поэте.

Предварительной патетической фазой гоголевской концепции Пушкина в статье *Ар.* были две не печатавшиеся автором статьи 1831—1832 гг. — «Борис Годунов. Поэма Пушкина» и «О поэзии Козлова» (см. коммент. к ним). В первой из них, написанной еще до личного знакомства с Пушкиным, «поэма» Пушкина предстает лишь источником вдохновенного эстетического переживания, но почти никакой пушкинской конкретности восторженная статья не содержит. Во второй статье имя Пушкина более определенно вписано в привычную для эстетической мысли эпохи типологию классического и романтического искусства и обретает здесь эпитет, предвещающий окончательные эпитеты статьи 1833—1834 гг. — «необъятного Пушкина» (эпитет этот будет повторен в статье *Ар.* в виде характеристики «каждого слова» поэзии Пушкина); предмет статьи — поэт Козлов — здесь «относится к Пушкину так, как часть к целому», и всякий другой поэт эпохи — так же (так же в письме А.С. Данилевскому 30 марта 1832 г. определяется в отношении к Пушкину Языков: «стихи Языкова кажутся только частью, небольшою рекою, впадающею в этот океан»); имя Пушкина единственное соотносится с категорией *целого*, что предвещает Пушкина как «единственное явление русского духа» в статье *Ар.*

В кризисном для Гоголя 1833 г. его литературное общение с Пушкиным становится интенсивнее, особенно поздней осенью, по возвращении Пушкина из «пугачевской» поездки и Болдина с плодами второй болдинской осени, с которыми он знакомит Гоголя (письмо М.А. Максимовичу после 20 декабря 1833 г.). О мере сближения с Пушкиным к этому времени говорит первый проект литературного сотрудничества, отправленный В.Ф. Одоевским Пушкину в Болдино (письмо Одоевского Пушкину от 28 сентября 1833 г., *Пушкин*. Т. 15. С. 84); проект в немалой степени исходил, вероятно, от Гоголя: во всяком случае название задуманного совместного предприятия — «Тройчатка» — принадлежало ему (*там же*). Можно предположить, что творческий подъем на исходе 1833 г., породивший отрывок «1834» («Я совершу...»), был связан с этим общением, и статья возникла на этом подъеме (он ее «совершил»).

В текущей критике о Пушкине начала 1830-х годов статья «Несколько слов о Пушкине» тоже «явление чрезвычайное», как и сам ее предмет в описании Гоголя. Статья исключительна именно окончательностью суждений о живом еще поэте. «До появления этой статьи у нас почти не существовало таких общих обзоров, посвященных рассмотрению пушкинских творений, так сказать, en masse» (*Гудзий Н.К.* Гоголь — критик Пушкина. Киев, 1913. С. 15). Ю.В. Манн в порядке поправки и уточнения напоминает о статье Ивана Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» (*МВ.* 1828. № 6) — «единственной работе, которая во всей “пушкиниане” 1820—30-х гг. может конкурировать со статьей Гоголя» (*Манн* 1978. С. 499). Но в статье Киреевского Пушкин рассмотрен как поэт, находящийся в развитии, в состоянии роста, и только вступивший в свой третий период «поэзии русско-пушкинской»; пушкинский путь для Киреевского открыт. «Впрочем, кто может разгадать границы возможного для поэтов, каков Пушкин, — им суждено всегда удивлять своих критиков» (*Киреевский* 1979. С. 53). Первым поставив задачу «определить характер его поэзии вообще» (*там же*, с. 43), Киреевский в 1828 г. судит о Пушкине в «границах возможного». Гоголь о том же общем характере поэзии Пушкина судит пять лет спустя в окончательных формулах; поразительное отличие гоголевской статьи — в такой как бы «памятниковой» завершенности характеристик при живом поэте. В то же время именно эти гоголевские характеристики станут завязкой того процесса, который можно назвать национальной пушкинской герменевтикой, процесса русской мысли о Пушкине в XIX и XX вв., который будет озаглавлен именами Белинского, Аполона Григорьева, Достоевского, Владимира Соловьева и Александра Блока.

Гоголевская статья уверенно начата «мыслью о русском национальном поэте»; эта мысль заявлена в первой же фразе как непрерываемый тезис, как уже совершившийся факт. Пушкин — русский национальный поэт — эта тема была основной и в статье Киреевского, но обсуждалась здесь еще как проблема, и на пути Пушкина к его третьему периоду критиком были описаны два периода чужеземных влияний — «школы итальянско-французской» и влияния Байрона. В итоге статьи Киреевского формулируется программа для Пушкина как становящегося национального поэта: «Мало быть поэтом, чтобы быть народным; надобно еще быть воспитанным, так сказать, в средоточии жизни своего народа (...) — словом, жить его жизнью и выражать его неволью, выражая себя» (*Киреевский* 1979. С. 55). У Гоголя описывается исполнение национальным поэтом этой программы. При этом он вопрос о влияниях игнорирует вовсе и говорит — по отношению к статье Киреевского полемически — о национальном поэте уже «при самом начале» его пути. Это утверждение позволяет Гоголю формулировать определение «истинной национальности» поэта, которое станет знаменитым и будет позже восторженно принято Белинским, — теоретическое разграничение «духа народа» как основного определения национального поэта и «сафана» как национального предмета. В выдвигании категории «духа народа» как основной — категории романтической эстетики по своему происхождению — Гоголь следует самому Пушкину, пользовавшемуся этим понятием в своем сопоставлении Лафонтена и Крылова как «представителей духа обоих народов» (*Пушкин.* Т. 11. С. 34).

Однако вопрос о предмете тоже важен в гоголевской статье, и «предмет» — вторая ее теоретическая важнейшая категория; отношения «духа» с «предметом» и образуют ее теоретический сюжет и оказываются существенными и подвижными. Развитие Пушкина и рассматривается далее как переход от одних предметов к другим — от «необыкновенных» к «обыкновенным», от Кавказа как раннего предмета его вдохновения к русским «обыкновенным равнинам». Сам же Пушкин стихотворно описывал свой путь как именно переход от одних предметов к другим (от «брегов Тавриды» к «сереньким тучкам») в программных строфах путешествия Онегина, напечатанных им в первом номере *МГ* 1 января 1830 г. Гоголь следует Пушкину в развитии этих двух тем — народного духа и национальных предметов; они изменчиво соотносятся в ходе гоголевской статьи — теоретически разделяются, а потом сближаются и устанавливаются в прямом соответствии между собой; и критик приходит на этом пути своего размышления к другому общему положению, которое тоже станет знаменитым, — об извлечении необыкновенного из обыкновенного предмета.

Гоголевская статья следовала ведущим линиям мысли самого Пушкина и его лучшего истолкователя в конце 1820-х годов, Ивана Киреевского, уже на другой ступени обнаружения результатов пушкинского развития — чем, конечно, объясняются выразительные различия двух самых веских прижизненных поэту концепций «характера поэзии Пушкина». За время между двумя статьями вышли в свет первые две части «Стихотворений Александра Пушкина» (1829), в которых лирика его впервые предстала в хронологическом последовании, как поэтическая биография автора, а также «Борис Годунов» и «Повести Белкина» (1831), «Моцарт и Сальери» и «Пир во время чумы» (1832), первое полное издание «Евгения Онегина» (1833), «Пиковая дама» (март 1834 г.). Значение Пушкина выяснялось и выступало крупно в этих событиях; но те же годы стали временем затмения пушкинской славы и пересмотра его репутации в журнальной критике и читательском мире; гоголевская статья возникла на этом фоне. Этот процесс, начавшийся выпадами Н.И. Надеждина и Ф.В. Булгарина в конце 1820-х годов, был оформлен и заключениями критика нового поколения, начинающего Белинского, о «конце» Пушкина и пушкинского периода в литературе в статье «Литературные мечтания» (осень 1834 г.), как раз явившейся, когда Гоголь закончил свою статью (*Белинский*. Т. 1. С. 87). В следующей статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (ноябрь 1835 г.), уже после выхода *Ар.*, Гоголь был объявлен Белинским «главою литературы, главою поэтов» и поставлен «на место, оставленное Пушкиным» (*Белинский*. Т. 1. С. 306). По воспоминаниям П.В. Анненкова, Гоголь был «осчастливлен» статьей Белинского (*Анненков 1989*. С. 151), в которой он выходил на первое место в литературе *за счет Пушкина*. В этой нараставшей в начале 30-х годов и двусмысленной для него ситуации Гоголь высказывался о Пушкине ей вопреки; «вся статья — вызов современникам» (*Гиппиус 1924*. С. 48). Непростая двусмысленность ситуации была в том, что он являлся со словом о Пушкине в качестве неожиданного его наследника на месте «главы поэтов» — и своими хрестоматийными формулировками при жизни Пушкина утверждал его абсолютное первенство в литературе на все ее будущее. «Пушкин был совершенным выражением своего времени» —

для Белинского в 8-м разделе «Литературных мечтаний» (Белинский. Т. 1. С. 72). Этому «Пушкин был» и составила вызов синхронная статья Белинского гоголевская проекция Пушкина в отдаленное будущее, условно означенная символическим сказочным сроком в «двести лет».

При этом самую ситуацию изменения отношения публики, «толпы» и критики к «последним поэмам» Пушкина (из которых он прежде всего назвал «Бориса Годунова») Гоголь никак не обходил, но, напротив, поставил в центр своей статьи и объяснение этого «явления» сделал главным пунктом своего толкования Пушкина («Явление это, кажется, не так трудно разрешить»). Статья построена на описании двух периодов творчества Пушкина, в характеристиках же периодов совмещаются признаки биографически-возрастные (от юности поэта к его зрелости), национально-географические (от вдохновений Юга, Кавказа, к «обыкновенным равнинам» России) и, наконец, предметно-содержательные (от «необыкновенных» к «обыкновенным» предметам). На событии перехода поэзии Пушкина от первого ко второму периоду статья и сосредоточена. В объяснении Гоголя это событие сложное, даже парадоксальное. Эволюция Пушкина состоит в приближении к средоточию национальной жизни, «сердцу России» — однако она отдаляет поэта от «массы публики, представляющей в лице своем нацию». Демократический по существу своему путь поэта к сближению с «обыкновенной» жизнью порождает аристократическую ситуацию «поэт и толпа», в описании которой Гоголь следует знаменитым пушкинским стихотворениям конца 1820-х годов. Проходящее через статью противопоставление «массе народа», «толпе» «немногих истинных ценителей» отражает аристократическую позицию пушкинского круга в литературной борьбе 1830-х годов, которую Гоголь в статье разделяет полностью. Отсюда — шаг к его участию в пушкинском «Современнике», и прежде всего к его статье в первой книге журнала — «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», с выступлением против коммерческой журналистики в лице БдЧ О. Сенковского. Тема одиночества поэта, вокруг которого редет «круг обступившей его толпы и наконец так становится тесен...», приобретает личное звучание в лирической концовке статьи «Несколько слов о Пушкине», концовке, напоминающей об «элегическом финале» (Гиппиус 1924. С. 37) «Сорочинской ярмарки» («Скучно оставленному!»), и предвещает, что также отметил В.В. Гиппиус (там же, с. 48), пассаж о двух писателях в седьмой главе «Мертвых душ». Отклик статье 1833—1834 гг. в этом месте поэмы, видимо, очень сложен, но самосопоставление с Пушкиным несомненно. В чем оно; где Пушкин и Гоголь в нарисованной там картине? Существует традиция видеть в ней противопоставление и находить в портрете «счастливого» писателя скрытое указание на Пушкина в противоположность «другой судьбе» второго писателя, т.е. самого Гоголя, — традиция, отразившаяся, например, в замечании С. Эйзенштейна: «Эти слова из «Мертвых душ» я целиком отношу к Пушкину...» (Киноведческие записки. 1997—1998. № 36/37. С. 210). Но элегический мотив одиночества поэта в финале статьи Ар. связывает Пушкина с судьбой второго писателя в пассаже «Мертвых душ» и представляет предварительную параллель концовке этого пассажа: «... без разделенья, без ответа, без участия, как бессемейный путник, останется он один посреди дороги. Сурово его поприще, и горько

почувствует он свое одиночество». Переключка этих концовок содержит в себе сближение Пушкина — героя статьи *Ар.* — и Гоголя — автора «Мертвых душ». Родственные и мотивировки такого сближения: Гоголь дерзнул «вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами...», Пушкин предался «глубже исследованию жизни и нравов своих соотечественников», и наградой ему за это было их охлаждение: «Но попробуй поэт, послушный ее велению, изобразить все в совершенной истине...» (с. 92 — следует уподобление публики женщине перед художником, перешедшее из одновременно пишущегося «Портрета»).

Лирическая основа гоголевской статьи вообще сильна. Образ Пушкина интенсивно окрашен словом Гоголя, внутри которого происходит исподволь самоотожествление автора с Пушкиным, чему способствует цепочка чисто гоголевских сравнений и метафор, посредством которых характеристики пушкинских свойств переводятся на гоголевский язык; таково, кроме публики-женщины, гастрономическое — и по-гоголевски гротескно-комическое — сравнение — как сниженная реализованная метафора «вкуса», потребного для восприятия лирики Пушкина — «птичка не более наперстка», а также уподобление пушкинских «ослепительных картин» струе серебряной реки, в которой мелькают женские плечи, руки, шея, перешедшие сюда из фантастической эротической сцены «Вия», тогда же писанного, как и женщина перед портретом пришла в статью из тогда же писанного «Портрета». В описаниях пушкинского пути и свойств его искусства формируются основные сквозные образные константы художественного мира Гоголя — так, контраст «величавой характерности» кавказских гор и «гладкой неизмеримости России» прообразует структурные координаты космоса «Мертвых душ». В целом в статье ситуацию пушкинскую Гоголь-художник описывает в своем ярком слове, прообразуя и прогнозируя творческую ситуацию собственную.

Статья «Несколько слов о Пушкине» открыла большую перспективу русской мысли — в ней завязалось то, что будет названо пушкинским мифом. Его предпосылкой стал взгляд на Пушкина как на явление исключительное, «чрезвычайное» и «единственное» — эпитеты, которыми был задан в первых фразах статьи абсолютный статус Пушкина в национальном сознании и абсолютный уровень разговора о нем, какой и развернется после Гоголя.

Гоголь утверждает Пушкина как абсолютного поэта, пребывающего вне сравнения и вне общего литературного ряда; отношение общего ряда к Пушкину определяется на примерах поэтов из этого ряда (Козлова и Языкова) — «как часть к целому». Гоголь говорит о «чистой поэзии» Пушкина, «внутренней, неприступной поэзии», и тут же определяет поэта в категории национальной истории. Абсолютный поэт — это русский национальный поэт, он словно перерастает себя и возводится уже в первых строках статьи в ранг «явления русского духа». Характеристика Пушкина как явления национального превышает его характеристику как поэта и в то же время у Гоголя с ней совпадает. Мало того: подобному же символическому расширению подвергается тут же самая личность поэта — «русской человек в его развитии» с перспективой на двести лет наперед это ведь совсем не то, что поэт в развитии в рамках своей поэтической биографии в статье

И.В. Киреевского. Это возведение чистого поэтического качества в степень монументального национально-исторического явления — основная фигура мысли гоголевской статьи, и она открывает проблему, которую будет решать последовавшая за Гоголем русская мысль о Пушкине. Как поэт перерастает в Пушкине собственные границы во что-то большее, оставаясь самим собой как поэтом (из поэта в пророки, как, наконец, открыто выскажет Достоевский), — такой будет главная тема нашей вольной творческой пушкинистики в XIX и XX вв.

Гоголевская статья смогла стать истоком этого творчески-пушкиноведаческого процесса как особого рода критическая статья. В последующем в статье «О театре...» в «Выбранных местах» он заметит: «...Произнести же суд окончательный и полный над поэтом может один тот, кто заключил в себе самом поэтическое существо и есть сам уже почти равный ему поэт...» В статье Ар. Гоголь произвел «суд окончательный и полный» над Пушкиным как «почти равный ему поэт». В этом отличие его творческого суда от сколь угодно пронизательного профессионально-критического (Белинского). Самой статьей своей тем самым Гоголь вступал в творческое соотношение с Пушкиным; «саму историко-литературную проблему “Гоголь и Пушкин” поставил Гоголь» (Макогоненко 1985. С. 23).

Позднейшее развернутое высказывание о Пушкине в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) можно считать второй гоголевской концепцией Пушкина, построенной взамен целостной концепции в статье Ар. Есть существенное различие в акцентах между двумя статьями, и прежде всего в понимании Пушкина как национального явления. В центре второй концепции ключевая фраза: «Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше...» — взамен ключевого определения — «явление русского духа» — в ранней статье. Качество абсолютного поэта одновременно усилено и ограничено в новом определении — с превышающей категорией «русского духа» оно уже программно не связано («...и ничего больше»). На месте этой категории является «дух просыпающегося времени» с новыми «вопросами», от которых Пушкин поставлен теперь в стороне. На последних страницах статьи этот «дух» идейно определяется: «...Христианским, высшим воспитанием должен воспитаться теперь поэт. Другие дела наступают для поэзии». Гоголь от имени *последпушкинской* литературы как первый ее представитель и идеолог объявляет необходимостью для нее *преодоление Пушкина*: «...Нельзя служить и самому искусству, — как ни прекрасно это служение, — не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство; нельзя повторять Пушкина. Нет, не Пушкин и никто другой должен стать теперь в образец нам: другие уже времена пришли». Пушкин в статье Ар. был на двести условных лет впереди своей современности — но уже через десять лет он отстал от нее. Эстетическая характеристика поэта была в той статье тождественна национально-исторической его характеристике, целостная «эстетическая идейность» (Гиппиус 1924. С. 49) была этой характеристикой; теперь во взгляде на явление Пушкина эстетическая и идейная характеристики в немалой мере расходятся. Пушкин теперь предстает явлением чистого искусства скорее, чем явлением русского духа, и в поэтическом его портрете форсированы черты античного образа — поэт как

«звонкое эхо»; «сам поэт» почти сводится к свойству *отзывчивости*, в которой тонут как *личность* поэта («Все наши русские поэты (...) удержали свою личность. У одного Пушкина ее нет»), тонет, таким образом, «русской человек в его развитии», так и всяческие *вопросы*. Пушкинский же круг поэтов характерно уподобляется «какой-то поэтической Элладе». Античный образ поэта и христианское воспитанье как для писателя задача новая, современная — размежеваны в этой поздней гоголевской картине.

Картина несколько меняется в других статьях из «Выбранных мест». Выделяется несколько христианских стихотворений, в которых поэт касался «высоких предметов» («к пастырю церкви», «Пророк» и «Странник»), но им отводится исключительное, отдельное место у Пушкина, как свидетельство, что «даже и тот человек, который заключал в себе все разнородные верования и вопросы своего времени, так сбивчивые, так отдаляющие нас от Христа, как даже и тот человек, в лучшие и светлейшие минуты своего поэтического ясновидения, исповедал выше всего высоту христианскую» (Ак. Т. 8. С. 276). Этот идейный портрет поэта с критическим зарядом, в нем заключенным (особенно в этом вводящем характеристику «даже»), — как он уже далек от монументального образа в ранней гоголевской статье о Пушкине!

Так в завершающем суждении, в статье 1846 г., Гоголь отодвинул Пушкина в прошлое, в отошедшую поэтическую Элладу, от новой умственной современности и новой духовной задачи, которую в это время и в этой книге («Выбранные места») он брал на себя, — провел историческую черту между Пушкиным и собственной миссией и в этих целях не обошелся без известной стилизации античного образа поэта-эха. Для будущего в скором времени противопоставления пушкинского и гоголевского направлений тем самым сам Гоголь здесь заложил основу.

Новый взгляд на позднюю гоголевскую концепцию Пушкина представил в недавней работе М. Вайскопф, путем сопоставительного анализа текстов обнаруживший острые неожиданные сближения ее с рядом существенных положений в цикле статей Белинского о Пушкине тех же 1840-х годов. Исследователь считает возможным даже говорить об «обратном влиянии Белинского на “пушкинистику” позднего Гоголя», подтверждая свое заключение выразительными параллельными местами из текстов; противопоставление исключительной художественности Пушкина современным «вопросам» уже определенно высказано в цикле статей Белинского 1843—1846 гг., что сближает общий взгляд на явление Пушкина его и Гоголя, при углубившейся в эти годы идеологической пропасти между ними в понимании самых «вопросов» (см.: *Вайскопф 2003. С. 255—271*).

В последующем, в 1850—1851 гг., в задуманном V томе нового собрания сочинений, Гоголь намеревался смешать избранные статьи из двух книг — *Ар.* и «Выбранных мест», о чем говорит составленное им оглавление будущего тома (Ак. Т. 8. С. 497). Статья 1846 г. присутствует в оглавлении под названием «В чем особенности русского поэта», статья «Несколько слов о Пушкине» в оглавлении отсутствует; в числе пяти статей из *Ар.*, которые автор хотел сохранить (среди них, например, «Помпья»), она не названа — это говорит, вероятно, о том, что для позднего Гоголя она уже не

была актуальной и в представлениях автора уже не соединялась с новой концепцией Пушкина в статье из «Выбранных мест».

Мы не знаем, как отнесся Пушкин к статье о нем Гоголя; неизвестно и то, знакомил ли Гоголь его со статьей до печати. Последнее не только весьма вероятно, но было бы и естественно при постоянстве гоголевских контактов с Пушкиным в год подготовки *Ар.* (см.: *Летопись 1999*. Т. 4. С. 170, 184, 185, 189, 195, 225, 227, 241, 245, 248, 253, 256). Д.Д. Благой полагал, не имея фактических подтверждений, что Пушкин знал статью до печати (*Благой 1973*. С. 419), как не имевшие их Н.Н. Петрунина и Г.М. Фридлендер полагали обратное (*Петрунина, Фридлендер*. С. 208). Между тем известно из переписки писателей в конце 1834 — начале 1835 г., что автор *Ар.* знакомил Пушкина предварительно с материалами книги — «Невским проспектом» и, вероятно, «Записками сумасшедшего», посылал на просмотр предисловие к книге с просьбой исправить его. Гоголь настойчиво привлекал внимание Пушкина к *Ар.* Естественно допустить, что статья о нем самом Гоголь вряд ли мог при этом от Пушкина утаить. Основания для такого предположения дает и история текста статьи: основное отличие печатного текста от рукописного — исключение фрагмента с защитой молодого Пушкина от обвинений в «вольномудстве» и появление связанного с этой переменной в тексте примечания о «нелепых стихах», приписываемых поэту, — могло быть следствием обсуждения статьи между писателями (о связи фактов, делающей убедительным такое предположение, см. с. 680—681). Как косвенное свидетельство о предварительном знакомстве Пушкина со статьей можно рассматривать запись Пушкина в дневнике 7 апреля 1834 г., т.е. в решающее время работы Гоголя над ней: «Гоголь по моему совету начал Историю русской критики» (*Пушкин*. Т. 12. С. 324). В этом неожиданном совете и вообще склонении Гоголя на новое поприще могла отразиться пушкинская оценка Гоголя-критика; наиболее же убедительным материалом для такой оценки в то время могла быть статья о Пушкине, находившаяся в работе. В разрезанном экземпляре в библиотеке Пушкина заметок нет (см.: *Модзалевский 1988*. С. 29. № 97). Во всяком случае статья не только не помешала дальнейшему общению писателей, но, несомненно, способствовала творческому сближению в последнюю пору общения в 1835 — начале 1836 г., с хрестоматийной передачей сюжетов романа и комедии и привлечением Гоголя в «Современник» в качестве не только прозаика, но и ведущего критика, автора самой видной и боевой статьи в первом томе журнала (версия об осложнениях и даже трещине в отношениях писателей уже в 1836 г., «после “Ревизора”», основана на догадках, впрочем, правдоподобных: *Макогоненко 1985*. С. 254—303; *Дрыжакова*. С. 190—195; ответ на версию: *Манн Ю.В.* Пушкин и Гоголь в 1836 году: Была ли ссора? // Пушкинская конференция в Стэнфорде. М., 2001. С. 343—356).

В журнальной прессе об *Ар.* (в отзывах прежде всего Сенковского в *БдЧ* и Булгарина в *СПч*) статья о Пушкине не была никак выделена из общей уничтожающей оценки всей статейной части книги. Но такой же была и оценка Белинского в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя», в которой он провозгласил Гоголя «главою литературы», но резко отделил от повестей *Ар.* «ученые статьи» в этой книге как компрометирующие литера-

турное имя автора, не упоминая при этом статью о Пушкине, но и не выделив ее из огульной общей оценки. В последующем Белинский отдельно несколько раз упоминал в своих выступлениях начиная с 1842 г. главным образом только статью о Пушкине. Почти во всех этих случаях (в статьях «Русская литература в 1841 году», «Русская литература в 1843 году», в пятой и восьмой статьях «Сочинений Александра Пушкина») он вспоминал одно и то же место в гоголевской статье — определение «истинной национальности», врезавшееся, по его признанию, ему в память (Белинский. Т. 5. С. 558). «Главное влияние Пушкина на Гоголя заключалось в той народности, которая, по словам самого Гоголя, “состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа”. Статья Гоголя “Несколько слов о Пушкине” лучше всяких рассуждений показывает, в чем состояло влияние на него Пушкина» (там же, т. 8, с. 79–80). «И, если хотите, с этой точки зрения, Пушкин более национально-русский поэт, нежели кто-либо из его предшественников; но дело в том, что нельзя определить, в чем же состоит эта национальность». Но в пятой статье о Пушкине присутствует целостная оценка гоголевской статьи; о ней говорится как о единственном исключении во всей критической литературе о поэте: «И таковы все толки наших аристархов о Пушкине, и хвалебные и порицательные; из них ничего не извлечешь, ничем не воспользуешься. Исключение остается только за статью Гоголя “О Пушкине” в “Арабесках”, изданных в 1835 году (часть I-я, стр. 212). Об этой замечательной статье мы еще не раз вспомним в продолжение нашего разбора» (там же, т. 7, с. 336, 316). И далее в продолжение разбора Белинский в два приема выписывает целиком всю гоголевскую статью; второй из этих выписок завершается пятая статья Белинского: «Заклучим наш обзор мелких лирических пьес Пушкина мнением о них Гоголя, — мнением, в котором, конечно, сказано больше и лучше, нежели сколько и как сказали мы в целой статье нашей» (там же, с. 356).

Но прямыми характеристиками и оценками история восприятия гоголевской статьи никак не исчерпывается. Главное свое историческое действие она произвела в русской мысли о Пушкине, иногда вспоминая (в сильнейшем случае — в пушкинской речи Достоевского), но чаще не вспоминая при этом о ней. Статьей, как было сказано, открылось такое явление русской мысли, как пушкинский миф, и процесс его сотворения имел органически-объективный характер прорастания гоголевского зерна, брошенного в национальное умственное поле статьей в *Ар.* (и далее, второй статьей в «Выбранных местах»). Самый идейный рисунок гоголевской статьи пошел в разработку в открывшемся процессе русской мысли о Пушкине, и выступления Аполлона Григорьева, Достоевского и Владимира Соловьева были важнейшими событиями на этом пути в XIX в.

Идея Пушкина в статье Аполлона Григорьева «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859) откликнулась гоголевской идее в статье *Ар.* и предвещала мотивы речи Достоевского. Ставший знаменитым и превратившийся позднее в общее место афоризм — «А Пушкин — наше все...» (Григорьев 1967. С. 166) — откликался гоголевской идее Пушкина как нашего «целого», исключительного, «единственного» национального явления. Григорьев разнообразно варьировал понимание пушкинской личности как высшего и полного выражения возможностей того самого гого-

левского «русского человека»: «Пушкин — пока единственный полный очерк нашей народной личности...» (*там же*); «первый и полный представитель нашей физиономии» (*там же*, с. 169); «единственный полный человек, единственный всесторонний представитель нашей народной физиономии» (Григорьев А.А. Эстетика и критика / Вступ. ст., сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М., 1980. С. 201; статья 1861 г.); «Пушкин — русский человек, каким сделало русского человека соприкосновение с сферами европейского развития...» (*там же*, с. 203). Григорьев следует темам именно первой гоголевской статьи, не упоминая ее; гоголевскую идею «звонкого эха» как всесторонней *отзывчивости* он также воспринимает («на “вся добрая и злая” — (...) удивительная отзывчивость...», Григорьев 1967. С. 181), передавая это слово по эстафете от Гоголя к Достоевскому. Но над этим пушкинским свойством возвышается у Григорьева *личность* поэта, определяемая, однако, *апофатически* («Личность пушкинская не Алеко и вместе с тем не Иван Петрович Белкин...») — по отношению к разнообразным *стихиям*, которым она и служит эхом — однако не только эхом, но и их «заклинателем и властелином». Григорьев строит своего рода теологию пушкинского творчества, концентрируя ее в этом гениальном определении пушкинской личности как «заклинателя и властелина многообразных стихий» (*там же*, с. 173). В определении этом таилось раскрытие темы, заданной Гоголем: «что такое сам поэт» — раскрытие, отсылавшее также, вслед за Гоголем, к античным ассоциациям, а именно — к Орфею как имени абсолютного поэта. Формула Аполлона Григорьева, возникшая на пути от Гоголя к Достоевскому, — открыто мифологическая: она наделяет поэта магической властью творца миропорядка, демиурга, культурного героя и возводит Пушкина к этому древнему архетипу. Этот архетип содержал в себе программу перерастания образа поэта за собственные границы — и тем самым прототип преобразований и пушкинского образа в сознании потомков — прототип, оразившийся и в мифологизированной формуле Аполлона Григорьева. Вослед заключениям Гоголя (главным образом в первой его статье) и на фоне их Григорьев строил сюжет понимания Пушкина русской мыслью; исходные гоголевские суждения содержали, можно сказать, структурную завязку такого сюжета.

Достоевский речь свою прямо начал с цитаты из Гоголя, тут же развив ее «от себя»: «“Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа”, — сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое» (*Достоевский*. Т. 26. С. 136). Цитата была выправлена при подготовке речи к печати; в рукописном тексте, по которому Достоевский и произнес ее 8 июня 1880 г., она была приведена неточно по памяти: «Пушкин есть явление великое, чрезвычайное» (*там же*, с. 334, 456). В этой собственной редакции Достоевский цитировал Гоголя еще ранее, в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., в статье «Пушкин, Лермонтов и Некрасов»: «Пушкин был явление великое, чрезвычайное» (*там же*, с. 114). Достоевский взял себе опорой тезис первой гоголевской статьи о Пушкине и, цитируя «явление русского духа», не вспоминал определение «сам поэт» из второй статьи. Направление речи Достоевского шло в развитие образа Пушкина в первой гоголевской статье и вразрез с отклонившимся от первого образом в статье второй. На гоголевское «поэт, и ничего боль-

ше» Достоевский речью своей отвечал: нет, именно *больше*. Прибавлением к Гоголю «от себя» он поднял тему поэта-пророка и открыл бесконечный в будущем спор о соотношении двух образов этих у Пушкина. И в речи своей говорил как пророк о пророке. Соответственно речью своей он хотел закончить с античным образом Пушкина. Ему в противоположность он строил о Пушкине миф христианский и речью своей открыл путь философской, религиозной, христианской пушкинистике в основном уже будущего, XX века (особенно развитой в 1930-е годы нашими религиозными философами в эмиграции; «духовный» образ Пушкина, разработанный ими, был создан речью Достоевского). Идею пушкинской «отзывчивости», полученную от Гоголя при посредстве Григорьева, Достоевский переориентировал с античного прототипа «эха» на прототип христианский — событие Пятидесятницы, сознательно проецируя его на чудесную пушкинскую способность и строя ассоциацию с чудом «глоссолалии», говорения «на иных языках» (*Деян 2, 4*) в результате сошествия Святого Духа на апостолов. Поскольку же эта пушкинская способность — «всецело способность русская, национальная» (*Достоевский. Т. 26. С. 131*), в Пушкине происходит для Достоевского сближение «русского духа» и христианского Духа (Пушкин как «гений русского христианского духа» — заключение С.Л. Франка уже в XX в.; Пушкин в русской философской критике. М.; СПб., 1999. С. 439). Гоголь во второй статье развел чистого поэта Пушкина с новой задачей христианского воспитания, которую взял на себя; Достоевский тридцать с лишним лет спустя Пушкина с задачей этой совместил. Гоголь развел поэта с идейной жизнью новой, послепушкинской эпохи, с ее «вопросами»; Достоевский, напротив, по слову Д.С. Мережковского, первый открыл «в поэзии Пушкина стройное мирозерцание, великую мысль» (*там же, с. 81*). Утверждая пророческое значение Пушкина в перспективе не только русского, но и всемирного будущего, Достоевский не только восстановил, но еще расширил заявленную Гоголем перспективу (условные двести лет), вне которой Пушкин у Гоголя оказался в статье 1846 г.

Речь Достоевского проложила дорогу Владимиру Соловьеву, развивавшему тему поэта-пророка («Значение поэзии в стихотворениях Пушкина», 1899). Мысль Соловьева о Пушкине следовала той же проложенной Гоголем в русской мысли о Пушкине колее: Соловьев, с одной стороны, принял гоголевское — «сам поэт», говоря о Пушкине как олицетворении чистой поэзии, «самой сущности» ее, не нуждающейся в дополнительном определении; но тут же стал искать такое определение, находя его в «великом служении» на пути пророческого призвания, т.е. в том, от чего Гоголь Пушкина во второй статье своей отлучил, Соловьев же, вслед Достоевскому, в духе первой гоголевской статьи два эти начала в Пушкине воссоединил в итоговом определении: «поэт в одежде пророка» (*Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 318–319, 352–353*).

Пройдет еще два десятилетия с небольшим, и уже в иную историческую эру та же гоголевская парадигма проступит в пушкинской речи Блока (1921): Блок после достоевско-соловьевского посвящения поэта в пророки вернется к гоголевскому — «сам поэт»: «Все это бледнеет перед одним: Пушкин — поэт. Поэт — величина неизменная» (*Блок. Т. 6. С. 160*) — и

примет от Пушкина руководящее имя Аполлона, возвратившись к гоголевским античным ассоциациям; в 1921 г. в устах Блока это имя одновременно и архаично, и злободневно, злободневно-архаично: перед лицом трезвого признания разрыва новой истории с Пушкиным, прозвучавшего на том же вечере (в речи Ходасевича), с одной стороны, и новой советской чиновничьей черни — с другой, Блок этим именем подтвердит, что поэт во всех исторических переменах — «величина неизменная», как и дело поэта, его «назначение», не требующее никакого превышающего определения.

Блоковской речи сопутствовало в те же 1920-е годы становление научного пушкиноведения, также имевшего в качестве отдаленной точки отталкивания исходный гоголевский пафос — «явление чрезвычайное», «единственное явление русского духа». Новая наука начала с низложения пушкинского мифа и абсолютного статуса, каким Пушкин пользовался в традиции вольной творческой пушкинистской критики: «Пора вдвинуть Пушкина в исторический процесс и изучать его так же, как и всякого рядового деятеля литературы (...)» В общем для последних лет характерен сдвиг от «абсолютного» Пушкина к сравнительно-историческому его изучению» (Томашевский Б.В. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 74, 90). Гоголь как источник опровергаемого пафоса не назывался, но поминалась того же пафоса формула — «наше все»; выступая против нее, Ю. Тынянов заявлял, что ценность Пушкина велика, но «вовсе не исключительна», и с историко-литературной точки зрения он «был только одним из многих» в своей эпохе (Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 78; Он же. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 167). Такой реакцией на исходный пафос, заданный русской мыслью о Пушкине Гоголем, открылся новый цикл историко-литературного изучения Пушкина в XX в.; но обнаружилась и другая тенденция, примыкавшая к старому пафосу, в тех же границах нового пушкиноведения: в «Этюдах о русской поэзии» (Прага, 1926) П.М. Бицилли отстаивал подход к Пушкину «не историко-литературный, а эстетический (...)» Пушкина же приличествует изучать вне времени, сопоставляя его — если сопоставления, вообще, нужны — с такими же великанами поэтического творчества, а не с поэтами «его» школы и «его» стиля» (Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 384). То есть, если вспомнить Гоголя, не с Козловым и не с Языковым.

С. 90. *Это русской человек в его развитии...* — В рукописи: «в конечном его развитии...».

С. 90. *...где границы России отличаются резко, величавою характерностью...* — См. в коммент. к «Жизни» (с. 732) об ощущении границ России (географических и государственных, имперских) Пушкиным, испытывавшим в своих пребываниях на Кавказе, особенно в арзрумской поездке 1829 г., но так и не преодолевшим их, о чем рассказано выразительно именно в «Путешествии в Арзрум», и Гоголем, проведшим много лет за границей, но мало «проездившимся» по России и на границах ее бывавшим только проездом (не видевшим ни Кавказа, ни Волги).

С. 90. *...где гладкая неизмеримость России прерывается подобными горами и обвеивается югом.* — Эмоциональная двойственность отличает эту гоголевскую эстетически-географическую антитезу как от-

дельно в статье о Пушкине, так и в геоэстетическом составе *Ар.* в целом; см. особенно «Взгляд на составление Малороссии» о местоположении России, «однообразно-гладком и ровном», показывающем «не жизнь живую, исполненную движения, но какое-то прозябение...» (с. 83). Антитеза эта проходит через ряд статей *Ар.*; в статье об архитектуре: «Неужели найдется такой смельчак или, лучше сказать, несмельчак, который бы ровное место в природе осмелился сравнить с видом утесов, обрывов, холмов, выходящих один из-за другого?» (с. 110). О том, как переосмысленная антитеза эта прообразовывала структуру космоса «Мертвых душ», см. выше. Статья о Пушкине в *Ар.* — единственная, в которой начато переосмысление антитезы и заявлена новая эстетическая оценка «обыкновенных равнин».

С. 90. *Рисует ли он боевую схватку чеченца с казаком...* — Вероятно, в стихотворении «Делибаш» (1829). В рукописи: «с Козаком или Татаринном». На пушкинского «картинного Делибаша» Гоголь обращал внимание А.С. Данилевского, описывая в письме ему 1 января 1832 г. альманах *СДВ* на 1832 г. Позже он включает «Делибаша» в число примеров своей «Учебной книги словесности для русского юношества» (*Ак.* Т. 8. С. 485).

С. 91. *Ничья слава не распространялась так быстро ~ уже оно расходилось повсюду.* — Три эти фразы появились в печатном тексте статьи взамен исключенного более распространенного фрагмента в рукописи с характеристикой Пушкина 1820-х годов как «какого-то идеала молодых людей». Исследователи говорят об автобиографическом характере исключенного фрагмента и содержащегося в нем воспоминания о событиях 1826—1827 гг. в Нежинской гимназии, и прежде всего «деле о вольнодумстве», направленном против гимназического профессора и инспектора Н.Г. Белоусова. В событиях фигурировала ода Пушкина «на свободу» («Вольность»), ходившая у гимназистов по рукам; сам Белоусов вынужден был сообщать по началу, что воспитанники «читают книги, неприличные для их возраста, держат у себя сочинения Александра Пушкина и других подобных» (*Лавровский Н.А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине 1820—1832. Киев, 1879. С. 48), но в ходе «дела» эти факты были обращены против него самого. Исключенный пассаж содержал, таким образом, воспоминание о непечатных стихах молодого Пушкина, которые Гоголь теперь берет под защиту: они не рассеивали «вольнодумство», как твердили «старики и богомольные тетушки», бесполезные «для государства» (под которыми можно разуместь преследователей либерального профессора в памятном «деле о вольнодумстве»), а воспитывали «истинно благородные чувства». «Здесь отразился юношеский опыт Гоголя, не совпадающий ни с осуждением музыки Пушкина официальными кругами, ни с восприятием ее радикальными декабристскими силами» (*Манн 2004.* С. 121). Комментаторы советского времени предполагали и даже уверенно утверждали цензурную или автоцензурную причину исключения этого пассажа, напоминавшего о либеральной молодости поэта (см.: *Ак.* Т. 8. С. 757, коммент. Г.М. Фридендера; также: *Благой 1973.* С. 418); но весьма вероятно, что текст был снят по просьбе Пушкина при предварительном обсуждении с ним статьи (см. след. примеч.).

С. 91. *Под именем Пушкина рассеивалось множество самых нелепых стихов.* — Примечание появилось только в печатном тексте вместе с

новым фрагментом текста (взамен исключенного, см. предыд. коммент.), к которому оно и привязано, т.е. оно возникло на последнем этапе переработки статьи для печати. К этому времени уже написаны «Записки сумасшедшего», где мотив приписывания Пушкину любых стихов, любовных особенно, реализован от лица сумасшедшего чиновника. Такое приписывание — реальный факт литературного быта тех лет, беспокоивший Пушкина и отраженный им в собственных текстах, литературных и личных. В автобиографический «Отрывок», набросанный болдинской осенью 1830 г. и позднее использованный в «Египетских ночах» (1835), Пушкин собирался включить такую более позднюю вставку (написанную предположительно осенью 1832 г.): «Но главною неприятностию почитал мой приятель приписывание множества чужих сочинений, как то: Эпитафия попу покойного Курганова, четверостишие о женитьбе, (...) стихи на брак, достойные пера Ив. Сем. Баркова, начитавшегося Ламартина» (*Пушкин*. Т. 8. С. 961, 1059). 10 мая 1834 г., получив известие о распечатанном на почте его письме, Пушкин записывал в дневнике: «Я вообразил, что дело идет о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства, и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне. Но вышло не то» (*Пушкин*. Т. 12. С. 328). Комментарий Я.Л. Левкович: «очевидно, ходившее в списках псевдо-пушкинское стихотворение “Первая ночь брака”» (*Пушкин А.С. Дневники. Записки*. СПб., 1995. С. 238). Ср. «стихи на брак» во вставке к «Отрывку». Несомненно, об этих «скверных стихах» речь идет в примечании Гоголя: «начали наконец Пушкину приписывать: Лекарство от холеры, Первую ночь и тому подобные». О «Лекарстве от холеры» см.: «Текст “Лекарства от холеры” имеется в рукописном отделе Пушкинского дома в трех списках. Один из них подписан именем Пушкина (...) Это действительно нелепый текст (рецепт, как изготовить эликсир для благоденствия). В нем нет ничего непристойного, как, впрочем, и рецепта от холеры. Однако сам жанр “рецептов” (известно несколько текстов среди эротической литературы) часто представлял собой акrostих, содержащий грубое приглашение к сексу» (*Дрыжакова*. С. 192). «Первая ночь брака» была позднее напечатана в лондонском издании Н.П. Огарева «Русская потаенная литература» 1861 г. под именем Пушкина рядом с «Гавриилиадой» и еще несколько позже с «Царем Никитой» (*там же*). Принимая во внимание обеспокоенность и раздражение Пушкина, можно думать, что Гоголь ввел в статью примечание «со слов Пушкина и по его просьбе» (*там же*). Принимая же во внимание также связанность примечания с новым текстом, появившимся на месте исключенного фрагмента, можно думать и то, что сам фрагмент с напоминанием о непечатаемой ранней политической, вероятно, поэзии Пушкина был также снят по собственной просьбе поэта. Отмеченное может служить аргументом к предположению о знакомстве Пушкина с гоголевской статьей до печати; в этом случае вся единственная столь крупная переработка чернового текста статьи в этом месте, с исключением фрагмента с «вольнлюбивой» темой и введением примечания, могла быть следствием обсуждения текста статьи между Гоголем и Пушкиным. Взяв в примечании Пушкина под защиту от приписывания ему «самых нелепых стихов», Гоголь в то же время стал разрабатывать это как свой художественный мотив и, с теми же одиозными примерами, завел «игру с именем

Пушкина» (*там же*, с. 193) в своем комическом мире, начиная уже с *Ар.* (в «Невском проспекте» и «Записках сумасшедшего»), а затем в «Ревизоре». Во второй рукописной редакции «Ревизора», читанной автором на собраниях у Жуковского 18 января или 1 февраля 1836 г., есть место в монологе Хлестакова в третьем акте, затем исключенное из театрального и печатного текста комедии: «А как странно сочиняет Пушкин. Вообразите себе: перед ним стоит в стакане ром, славнейший ром, рублей по сту бутылка, какова только для одного Австрийского Императора берегут, и потом уж как начнет писать, так перо только: тр... тр... тр... Недавно он такую написал пиэсу Лекарство от холеры, что просто волосы дыбом становятся. У нас один чиновник с ума сошел, когда прочитал. Того же самого дня приехала за ним кибитка и взяли его в больницу. С Булгариным обедаю» (наст. изд., т. 4, с. 288). Вместе с тем же «Лекарством от холеры», с намеком на эротический характер этой «пиэсы» («волосы дыбом становятся» — известный эротический эвфемизм), Гоголь-Хлестаков использовал здесь анекдот о Пушкине, известный ему, очевидно, также от самого поэта, писавшего жене из Болдина тут же по возвращении из оренбургской поездки, 11 октября 1833 г., о том, что о нем говорят в провинции: «Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава» (*Пушкин*. Т. 15. С. 87). Это была «рискованная шутка», по предположению Е. Дрыжаковой вызвавшая при чтении комедии у Жуковского раздражение Пушкина и его «очень строгое объяснение» с Гоголем, в результате чего автор вычеркнул это место из писарской копии комедии; трудно, однако, представить Пушкина столь раздраженно-обидчивым и нечувствительным к гоголевскому комизму, скорее можно представить, как он «во все время чтения катался от смеха» (*Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 65), слушая именно это место; кроме того, из второй редакции вместе с именем Пушкина были исключены и большинство других имен на этом участке текста, и в целом эта правка вряд ли могла объясняться лишь реакцией Пушкина на игру с его именем (см. наст. изд., т. 4, с. 572, 815; коммент. И.А. Зайцевой). В контексте настоящего комментария к гоголевской статье о Пушкине в *Ар.* важно отметить, что материал для этой игры с именем Пушкина в комедии Гоголь почерпнул из разговоров с поэтом после его поездки 1833 г., так же как и другой анекдот, послуживший ближайшим источником самого сюжета, внушенного Гоголю Пушкиным для комедии, относится к той же поездке (как Пушкина приняли в Нижнем за значительное лицо). Контекст этих фактов, включая записи в пушкинском дневнике от 7 апреля и 10 мая 1834 г., т.е. в ходе работы Гоголя над статьей о Пушкине, можно расценить как свидетельство об особом значении разговоров с поэтом после его поездки 1833 г. для зарождения гоголевских художественных планов, связанных так или иначе с Пушкиным, что может послужить еще одним косвенным аргументом для датировки начала работы над статьей «Несколько слов о Пушкине» концом этого года.

С. 92. Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. — На пути к этому гоголевскому определению «нацио-

нальности» («народности») в 1820-е годы были как пушкинские размышления (см. выше), так и споры в критике о народности в произведениях самого Пушкина; таким был спор Д.В. Веневитинова с Н.А. Полевым при обсуждении первой главы «Евгения Онегина»: «Несколько слов о народности, которую издатель “Телеграфа” находит в первой главе “Онегина”: “Мы видим, — говорит он, — слышим родные поговорки, смотрим на свои причуды, которых все мы не чужды были некогда”. Я не знаю, что тут народного, кроме имен петербургских улиц и рестораций. И во Франции и в Англии пробки хлопают в потолок, охотники ездят в театры и на балы» (СО. 1825. Ч. 100. № 8. С. 380—381; Веневитинов 1980. С. 149). Мысль Веневитинова шла в той же линии различения национальной предметности и народного духа «в самих чувствах поэта». В своей второй статье («Ответ Г. Полевому») он писал: «Я полагаю народность не в черевиках, не в бородах и проч. (как остроумно думает г. Полевой), но и не в том, где ее ищет издатель “Телеграфа”. Народность отражается не в картинах, принадлежащих какой-либо особенной стороне, но в самих чувствах поэта, напитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, успехах и отдаленности его характера. Не должно смешивать понятия народности с выражением народных обычаев: подобные картины тогда только истинно нам нравятся, когда они оправданы гордым участием поэта» (Веневитинов 1980. С. 259). Гоголевское определение вскоре восторженно примет Белинский и возведет его в ранг классического тезиса русской эстетики.

С. 92. *Масса публики, представляющая в лице своем нацию...* — В рукописи: «в лице своем народ». Замена понятия здесь содержательна, контрастно и парадоксально рифмуясь с «мыслью о русском национальном поэте», потерявшем признание представителей нации. О качественном различии понятий в идеологии эпохи см.: «В это время даже слово “нация” в согласии с терминологией французской революции прилагалось лишь к “свободному” народу. Народ, находящийся под властью деспотизма, нацией не признавали. Вот почему, например, Тьерри в 1819 г. утверждает, что в эпоху Людовика XIV, т.е. в момент наивысшего расцвета государственной мощи Франции, французы не были нацией, между тем как голландцы в ту же эпоху являлись нацией» (Резов 1956. С. 47).

С. 92—93. *...до того характер народа большею частью был бесцветен...* — Ср. «Взгляд на составление Малороссии» — описание удельного периода русской истории (XIII век) и его разрушительных браней, которые «мало-помалу извели народный характер...» (с. 81). Критическое отношение к допетровской русской истории и к национальному историческому характеру в этом месте статьи и в других местах Ар. В.В. Гиппиус сближает с гораздо более радикальной концепцией Чаадаева (Гиппиус 1966. С. 90).

С. 94. *...пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ.* — Д.Д. Благой обратил внимание на то, что, говоря о Пушкине — поэте «обыкновенного», Гоголь совсем не упоминает о пушкинской прозе, и прежде всего не говорит ничего о «Повестях Белкина». Но «косвенное упоминание о пушкинской прозе» исследователь находит в этом портрете «какого-нибудь заседателя», предполагая за ним заседателя Шабашкина из не публиковавшегося Пушкиным, но, вероятно, знакомого

Гоголю по беседам с автором «Дубровского», 1832–1833 (*Благой 1973. С. 379–380*); Шабашкин именно так пускает по миру и крепостные, и свободные души. «Повести Белкина», вышедшие в свет осенью 1831 г. почти одновременно с гоголевскими «Вечерами на хуторе» и вместе с ними начавшие большую русскую прозу, в самом деле, Гоголь не называет ни разу не только здесь, в статье *Ар.*, но и в своих восторженных отзывах о Пушкине в письмах 1830-х годов. Гоголевское утверждение Пушкина как чистого поэта, с выдвиганием в центр внимания пушкинской лирики, «мелких стихотворений», и умолчание о пушкинской прозе составляли также в статье *Ар.* оппозицию тому «духу времени» и «всемирному направлению», выразителем которого уже в первых статьях Белинского, синхронных гоголевской статье о Пушкине, был объявлен сам Гоголь, а именно переходу от пушкинского периода стихотворной поэзии к господству романа и повести в прозе. Свою защиту пушкинского направления Гоголь продолжит в статье «О движении журнальной литературы...», где отметит в качестве неблагоприятного признака времени «всеобщее равнодушие к поэзии» и поставит вопрос: «Отчего поэзия заменилась прозаическими сочинениями?» (*Ак. Т. 8. С. 172*). В фиктивном «Письме к издателю» сам Пушкин будет вынужден в тактических целях умерять остроту гоголевского пафоса, исподволь в то же время его поддерживая: «Вы говорите, что в последнее время заметно было в публике равнодушие к поэзии и охота к романам, повестям и тому подобному. Но поэзия не всегда ли есть наслаждение малого числа избранных, между тем как повести и романы читаются всеми и везде? И где подметили вы это равнодушие? Скорее можно укорить наших поэтов в бездействии, нежели публику в охлаждении» (*Пушкин. Т. 12. С. 97–98*).

С. 94. ...хорошо растущее, а не сухое. — Реальным автобиографическим комментарием к этому воспоминанию может быть письмо Гоголя матери 22 мая 1829 г., в котором он сообщает о нежелании идти на службу чиновником: «...в день иметь свободного времени не более, как два часа, а прочее время не отходить от стола и переписывать старые бредни и глупости господ столоначальников и проч., в которых мне столько пользы, сколько Елисею Васильевичу Надержинскому в сухом дереве, на котором нет ни хорошего листу, ни рясных ветвей» (ср: *Гоголь 1994. Т. 9. С. 537*). По объяснению А.В. Гоголь В.И. Шенроку, Е.В. Надержинский — помещик, сосед М.И. Гоголь по имению (*Ак. Т. 10. С. 411*); гоголевскую картину с засохшим деревом показывали В.И. Шенроку в Васильевке (см.: *Шенрок. Т. 1. С. 85*). Ср. также из биографии юного Гоголя (о вступительном экзамене в Нежинскую гимназию летом 1821 г.): «Среди отметок Гоголя обращает на себя внимание единица по рисованию. Трудно сказать, что стояло за этой неудачей: или он действительно еще не сумел показать свои незаурядные способности в этой области, или он уже на экзамене оказался в той ситуации, которую затем опишет в статье “Несколько слов о Пушкине”...» (*Манн 2004. С. 56*). Мифологический прототип «сухого дерева», значимый в образном мире Гоголя, в том числе в идейном мире *Ар.*, — евангельская «иссохшая смоковница» (о ней — в христианской концовке «Жизни». С. 120–121). Аналогия полной картины всеобщей истории разветвленному дереву — в статье «О преподавании всеобщей истории» (с. 35). О значении

дерева как эстетического предмета говорит воспоминание П.В. Анненкова о живописных фантазиях Гоголя: «Если бы я был художник, я бы изобрел особенного рода пейзаж. Какие деревья и ландшафты теперь пишу! Все ясно, разобрано, прочтено мастером, а зритель по складам за ним идет. Я бы сцелил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его, вот какие пейзажи надо писать!» (Анненков 1989. С. 77).

С. 94. *Потому что чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту...* — Самая конструкция этого размышления будет повторена вскоре Белинским в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя»: «И чем обыкновеннее, чем пошлее, так сказать, содержание повести, слишком заинтересовывающей внимание читателя, тем больший талант со стороны автора обнаруживает она» (Белинский. Т. 1. С. 289).

С. 95. *В мелких своих сочинениях, этой прелестной антологии...* — На лирику Пушкина переносится категория античной поэзии. Определение антологии как жанрового понятия было дано С.С. Уваровым в совместной с К.Н. Батюшковым статье «О греческой антологии» (1817, опубл. в 1820 г.): «Под именем Антологии разумею мы собрание мелких стихотворений, включая в сие число надписи и лирические отрывки» (Арзамас. М., 1994. Кн. 2. С. 101). Собственную характеристику антологического стихотворения как лирической категории, унаследованной от античности, дал позже в своем сочинении по поэтике («Учебная книга словесности для русского юношества») сам Гоголь, в разделе «О поэзии лирической»: «Она обширна и объемлет собою всю внутреннюю биографию человека, начиная от его высоких движений, в оде, и до почти прозаических и чувственных в мелком антологическом стихотворении, в котором он желает отыскать сторону поэтическую» (Ак. Т. 8. С. 473). Формальное жанровое как бы количественное определение («мелкие стихотворения») получает у Гоголя здесь содержательное качественное наполнение, сближающееся с тезисом об извлечении необыкновенного из обыкновенного предмета в ранней статье о Пушкине. Перечень примеров в «Учебной книге» говорит о том, как широко понимал Гоголь явление антологического стихотворения у Пушкина: в пушкинских примерах здесь не только «Труд» и «Рифма», которые сам поэт печатал как «антологические эпиграммы» (в *СЦВ* на 1832 г., о которых Гоголь писал А.С. Данилевскому 1 января 1832 г.), но и «Монастырь на Казбеке», своей христианской настроенностью решительно отличающийся от классического типа антологического стихотворения с его античной окраской. Тем не менее эта окраска сопутствовала представлениям Гоголя о подобном стихотворении, а тем самым и о пушкинской лирической антологии. В повести «Рим» о современных красавицах в Вечном городе сказано, что подобные образы «мелькают только в барельефах, да в древних антологических стихотворениях. Эти полные взоры, алебастровые плечи, смолистые волосы, в тысяче разных образов поднятые на голову, или опрокинутые назад, картинно пронзенные насквозь золотой стрелой...» (Ак. Т. 3. С. 246). Описание, повторяющее в тех же своеобразно-гоголевских эротических подробностях «ряд самых ослепительных картин» в части о пушкинской «прелестной антологии» в статье Ар. Обращает на себя внимание в этой части статьи парадоксальное утверждение, что Пушкин является в мелких стихотворениях «еще обширнее», чем в поэмах. Для характеристики

пушкинской лирической интенсивности Гоголь намеренно избирает минимальный масштаб, который еще уменьшается в дальнейшей характеристике «каждого слова» пушкинского стихотворения: «В каждом слове бездна пространства...» — хрестоматийное суждение, стоящее у истоков будущих теорий художественного пространства, понимаемого как существенно интенсивное, в отличие от обычного экстенсивного (естественного) представления о пространстве физическом.

С. 95. *Для этого нужно быть в некотором отношении сибаритом ~ глотать изделия крепостного повара.* — Замечание В.В. Гиппиуса: «Любопытно сравнение, которым оттеняет Гоголь свое расхождение с современниками. (...) Известен язвительный штамп, которым заклеил Ап. Григорьев литературных критиков дружининского типа — “литературная гастрономия”. Помнил ли Григорьев о гоголевской статье — неизвестно, но знаменательно, что Гоголь серьезно пользуется гастрономическим сравнением и, стало быть, по пониманию позднейшей критики, подходит к самым крайним рубежам самого неограниченного эстетизма. Для знающих некоторые тонкости гоголевской биографии это сравнение, которое может показаться не то ироническим, не то чересчур наивным, приобретает убедительность своей неожиданной автобиографичностью» (Гиппиус 1924. С. 48—49). Ср. замечание Ю.В. Манна: «Однако “гастрономическое сравнение” Гоголя не такое простое (...) сравнение направлено против пиршественного максимализма, причем не в его исторической, первобытной, “богатырской”, а в современной, “помещичьей” форме (грубые и тяжелые яства “крепостного повара” предвосхищают уже кухню Собакевича). Следовательно, в пределах намечаемого статьей одного только “образа еды” есть свое развитие масштаба, есть своя эволюция, когда более цивилизованный, развитый, утонченный уровень противопоставляется уровню неразвитой и первобытной жизни. (...) Таковы некоторые грани того явления, которое Белинский называл “бесконечной иронией” Гоголя» (Манн 1988. С. 169—170).

С. 95. *...как в струе какой-нибудь серебряной реки...* — О связи дальнейшего описания с фантастически-эротической сценой «Вия», а также о повторении его элементов в позднейшем «Риме» — см. выше. Замечания В.В. Виноградова («Этюды о стиле Гоголя», 1926): «Романтическая эротика в символизации природы определяет стиль гоголевского пейзажа от “Танца Кюхельгартена” до “Мертвых душ”. (...) ...в своих “Нескольких словах о Пушкине” Гоголь для характеристики пушкинской антологии прибегает к образу “ясного мира”, “в котором быстро и ярко мелькают ослепительные плечи, или белые руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темных кудрей...” В статье “Жизнь” эротические символы часты, например: “Колонны, белые, как перси девы, — крутятся в роскошном мраке древесном”. Но эта эротическая символика была оставлена Гоголем в период острых “натуралистических” исканий. Пейзажный стиль “Мертвых душ” резко отличается от соответствующих композиционных частей в ранних новеллах» (Виноградов 1976. С. 319—320).

С. 96. *...чем более поэт становится поэтом ~ тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы и наконец так становится тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных цен-*

телей. — О переключке концовки статьи с финалом «Сорочинской ярмарки» и размышлением о двух писателях в седьмой главе «Мертвых душ» см. выше. Но переключка есть и с размышлением Пушкина о другом поэте «плеяды», о Баратынском: в судьбах и сознании поэтов пушкинского круга воспроизводится общая ситуация. Гоголь мог знать от Пушкина его не публиковавшееся размышление 1830 г. о причинах «меньшего успеха» «последних, более зрелых, более близких к совершенству» произведений Баратынского: «Первой должно почесть самое сие усовершенствование и зрелость его произведений. Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут — юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от их, и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит — для самого себя и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он уединенных, затерянных в свете» (*Пушкин*. Т. 11. С. 185).

ОБ АРХИТЕКТУРЕ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ

Источники текста: *ЧА Арх, Ар.* (см. с. 489, 491).

Впервые опубликовано: *Ар.* Ч. 1. С. 229—271. Датируется *ЧА* предположительно концом 1833 — началом 1834 г., окончательная редакция — не позднее октября 1834 г. Печатается по тексту *Ар.* со следующими изменениями:

С. 99, строки 15—16: кажется, чувствуешь то же — *вместо:* кажется, чувствует то же

С. 100, строка 7: возвысили для этого под ними башни — *вместо:* возвысили для этого над ними башни (*по ЧА Арх*)

С. 102, строки 31—32: выказывать его пространству — *вместо:* выказывать его пространство (*по ЧА Арх*)

С. 104, строка 7: Пусть каждое носит — *вместо:* Пусть каждая носит

С. 105, строка 7: Слово ширина должно исчезнуть — *вместо:* Слово ширина должна исчезнуть

С. 111, строки 40—41: осенила нас мысль ~ и погрузила бы нас в его быт — *вместо:* осенила нас мысль ~ погрузило бы нас в его быт

ЧА Арх начат на л. 72 об., там, где после рукописи «Ночи перед Рождеством» и ряда записанных после нее фрагментов и драматических набросков открывался массив свободных листов в середине тетради, и последовательно продолжается до л. 76, где, говоря о готической архитектуре, о роли В. Скотта в увлечении общества готикой и ее превращении в моду, Гоголь останавливается и начинает в нижней части листа вставку к предыдущему л. 75 об., развивая мысль о вертикальной устремленности готиче-

ской архитектуры и ее высоком, прагматическом назначении; вставка не умещается и переходит на л. 76 об., в его верхнюю часть. Затем он возвращается на л. 76, начиная тему архитектуры Востока, продолжает ее на л. 76 об. под вставкой, отчеркнув ее слева наискось, и далее на л. 77 и 77 об., на котором в нижней части по ходу работы записывает в качестве вставки к тому месту в верхней его части, где упоминается «ровное гладкое место в природе», фрагмент о строящейся Брюлловым кирке, сплошной же текст доводит до места, где говорится о том, как оживляют город группы людей на балконах, на соседнем л. 78 продолжает тему украшения балконов и окон и перечеркивает несколькими штрихами наискось написанное на нем, а в нижней его части записывает вставку об архитектуре «казарм, конышен», очевидно соотносимую с замечаниями о столичной архитектуре на л. 77 об. Оставив незаполненной среднюю часть л. 78, Гоголь переворачивает его и на л. 78 об. пишет, продолжая фрагмент о Брюллове, рассуждение об истинном архитекторе, затем об архитектуре городов и о значении архитектуры как летописи мира; не уместив, он переносит конец последней фразы («в воспоминание и движет духовную нашу деятельность») на предыдущий л. 78, после зачеркнутого текста (это означает, что л. 79 уже занят началом статьи «Шлецер, Миллер и Гердер»). В поисках места для продолжения Гоголь возвращается к началу статьи, возможно перечитывая ее, и записывает на л. 71 об. вставку к л. 76 об. о разнообразии форм зодчества на Востоке, а на л. 72, ниже драматических набросков, фрагмент, ставший потом сноской об улице — архитектурной летописи; продолжая же тему истинного архитектора, на л. 78, в его незаполненной центральной части, он пишет фрагмент о возможностях новых архитектурных форм, соответствующий окончанию статьи. Правка везде достаточно велика, местами не закончена, часть ее сделана непосредственно во время работы и неотличима по почерку и цвету чернил, другая часть — при возвращении к предшествующим фрагментам. В окончательном тексте многие фрагменты переработаны, удалены или переставлены. Завершающая часть статьи выглядит как ряд отрывков, что дало в свое время Н.С. Тихонравову основание говорить о ее первоначальной «совершенно не приведенной к единству» редакции (Тих. Т. 5. С. 584); заключение вряд ли справедливо: ход мысли автора в тексте, в том числе и в последней части, представляется совершенно ясным и связным, и последовательность фрагментов не вызывает серьезных сомнений; единство и целостность статьи так же очевидны, как очевидно единство *Ар.* в целом, с несомненностью выявляющееся во всех разнородных и отчасти разновременных их составляющих. Статья об архитектуре, таким образом, в известной мере выглядит прообразом всей книги, не только содержательно, но и по манере работы над ней, заставляющей вспомнить расположение рукописей в записной книге, в которой уже имеются сделанные ранее записи самого Гоголя и прежних ее владельцев, и новые тексты вынужденно или намеренно размещаются автором в промежутках, огибая заполненные места, а затем сталкиваясь и уже тесня друг друга.

Рукопись статьи с несомненностью свидетельствует о ее принадлежности к основному корпусу материалов *Ар.*, созданному в одной тетради в 1834 г., и о фиктивности авторской даты в печатном тексте книги — 1831.

Подтверждению этой даты должно было служить завершающее печатный текст тактическое примечание об А.П. Брюллове, открывающееся словами: «Статья эта писана давно». Но замечание о Брюллове и строящейся им лютеранской кирке (законченной в мае 1833 г.) присутствует в черновом тексте статьи (см. примеч. к с. 113); в *Ар.* оно исключено из основного текста и вынесено в заключающее статью примечание, несомненно для создания впечатления хронологической дистанции между написанием статьи и ее публикацией.

Название «Об архитектуре» присутствует в обоих планах *Ар.*; в первом плане оно значится седьмым по порядку, во втором сначала шестым, затем переставлено также на седьмое место, при том что состав и порядок окружающих названий менялся; в книге статья идет в первой части восьмой по порядку. Она, по-видимому, относится к раннему блоку текстов *Ар.* Вероятно, черновая редакция или уже возникла ко времени составления первого плана книги, или была в работе; датировка ее концом 1833 — началом 1834 г. стала традиционной (*Ак.* Т. 8. С. 758; *Манн 1978.* С. 500; *Паламарчук 1990.* С. 406); окончательная работа над текстом происходила не позднее октября 1834 г.

В общем плане *Ар.* статья связана как с их историческим циклом, прежде всего со статьей «О Средних веках», завершающейся архитектурной концовкой в виде развернутого сравнения исторического итога этой эпохи с «колоссальным готическим храмом» с его «мелькающим в облаках шпигем» (с. 23), так и с их эстетическим циклом, прежде всего со «Скульптурой, живописью и музыкой»: в последних фразах этой статьи к ансамблю трех искусств присоединяется «мысль о зодчестве» как первая художественная мысль человечества, «вдвинутая» уже «дикому, еще не развернувшемуся человеку» (с. 13); положение зодчества в кругу искусств, таким образом, представлено здесь в соответствии с общей исторической систематикой искусств, разработанной к этому времени в немецкой классической философии и завершенной гегелевской эстетикой, в которой архитектура описана как наиболее характерное выражение первоначальной, символической формы искусства, получившей развитие в египетском и восточном искусстве. Живые же, актуальные и в значительной степени потаённые, залегающие в подтексте, импульсы гоголевской статьи заключались в остром и негативном по преимуществу переживании Петербурга как исторического феномена и в то же время реального окружения автора и его персонажей в петербургских повестях *Ар.*

Первая же фраза статьи, ее завязка — грусть при виде новых строящихся зданий — несомненно, впечатление петербургское, которое непосредственно и порождает в следующей же фразе главную крупную тему статьи — судьба архитектуры в современности, XIX веке («неужели прошел невозвратно век архитектуры?»). Тема XIX в., с его «бесстрастной образованностью» и «дробью познаний», находится, как и в статье о картине К. Брюллова (см. коммент. к ней), в центре статьи и также решается двойственно, но с иным соотношением акцентов: во взгляде на архитектурную современность через призму петербургских переживаний молодого Гоголя отрицательная оценка преобладает, однако и здесь она по ходу статьи перекрывается пафосом будущего и надеждой на творческие возмож-

ности своего века и создание новых архитектурных форм из «совершенно ему принадлежащих стихий»; этой надеждой статья в известном, притом несогласованном, противоречии с исходной ее посылкой оптимистически завершается.

Впечатление бесхарактерности Петербурга, переданное уже в одном из первых писем оттуда матери (30 апреля 1829 г.: «на Петербурге же нет никакого характера»), уже заключало в себе сильную архитектурную составляющую. Впечатление это было, по-видимому, одним из мотивов, непонятных нам до сих пор, летом того же года поездки за границу, похожей на бегство; и в первом же письме из Любека архитектурные мотивы сравнения европейского города с Петербургом преобладают: «нужно знать, что по Петербургу никак нельзя судить о столицах Европы. Здания, украшающие Петербург, все относятся ко времени самому новейшему». В следующем письме (25 авг. н.с.) дано описание кафедрального собора в Любеке, с его «древним готическим великолепием» и «каменным шпилем, теряющимся в небе», при этом отмечена «несравненная» высота его в сравнении с петербургской Казанской церковью, «с шпилем и крестом». Контраст старинной европейской готики и современной, «новейшей» архитектурной бесхарактерности, прежде всего петербургской, таким образом, составил одно из ранних культурно-исторических впечатлений Гоголя и позднее лег в основу статьи «Об архитектуре...». В патетической записи «1834», хронологически, видимо, совпадающей с началом работы над статьей, Петербург отталкивающе представлен также с архитектурной стороны как «куча набросанных один на другой домов» (с. 246), в сравнении с древним прекрасным Киевом, куда собирается в это время Гоголь, что также похоже на бегство из Петербурга.

Ранний интерес к архитектуре еще Гоголя-лицеиста зафиксирован в «Книге всякой всячины», где на л. 8—8 об. его рукой вклеены вырезки из печатных изданий с рисунками архитектурных форм, а именно капителей древнегреческих колонн различных ордеров, с отметкой рукою Гоголя их пропорций, а также выписана справка «Hauteur de quelques monuments remarquables» (л. 30 об.) (Ак. Т. 9. С. 653—654). Бумаги Гоголя содержат много архитектурных рисунков, чертежей и композиций отдельных зданий, башен, колонн, фасадов и окон, в том числе модных готических окон для дома в родной Васильевке (см.: *Сперанский М.Н.* К рисунку Н.В. Гоголя // *Беседы: Сб. Об-ва истории литературы в Москве.* М., 1915. С. 50—56; *Цапенко.* С. 17—20). «Показательно, что уже в ранних рисунках Гоголя явственно чувствуются его определенные архитектурные симпатии, которые позже будут ярко и страстно высказаны великим писателем в специальной статье об архитектуре» (*Цапенко.* С. 18). Уже из Петербурга Гоголь в нескольких письмах 1830 г. матери (5 января, 2 апреля) обсуждает в архитектурных подробностях проект нового дома в Васильевке, ориентируясь при этом на «новый вкус, на манер виденных мною в образованной Европе» и предлагая родным ту самую бытовую, мелкую готику как «всеобщий вкус», о котором будет критически отзываться в статье: «В гостиной и спальне окна и стеклянные двери в сад будут иметь готической вид: это нынче всеобщий вкус, и в деревне я нахожу, что это будет прелестно. Рисунок их прилагаю особенно, а при нем также и по-

яснение». Гоголь поры написания статьи об архитектуре, по воспоминанию П.В. Анненкова, «любил показывать дорогие альманахи, из которых, между прочим, почерпал свои поэтические воззрения на архитектуру различных нравов и на их художественные требования» (Анненков 1989. С. 51).

Этот рано пробудившийся интерес, соединившись с сильными личными петербургско-европейскими впечатлениями молодости, породил в статье Ар. гоголевскую философию архитектуры и ее «идеи своего назначения» в истории человечества и в современности. Историк русской архитектуры XIX в. называет гоголевскую статью симптомом выдвижения архитектурной темы на заметное место в русском общественном сознании (см. Борисова 1979. С. 131). Статьи Гоголя предшествовали несколько значительных выступлений на тему в русской печати. В книге А.И. Галича «Опыт науки изящного» (1825) архитектура рассматривалась как «относительно изящное искусство», «прозаически» связанное практическими целями устройства человеческого жилища, однако имеющее идеальную сторону, возводящую ее «на степень изящного зодчества». Два архитектурных типа — жилище и храм, в котором «облагорожено зодчество», различие этих типов составит одну из мыслей гоголевской статьи. Два же главных типа исторических — «греческий и восточный», при этом к последнему возводится и европейский готический («Восточное, дошедшее до нас под названием готического...»). «Соединение сих противоположных родов в характере великолепного есть задача новейшего зодчества» (*Эстет. трактаты*. Т. 2. С. 238–239).

Ответом (косвенным) на это признание лишь «относительного» статуса архитектуры в кругу искусств была статья В.П. Титова «Несколько мыслей о Зодчестве» в только что открывшемся *МВ* (1827. Ч. 1. № 3. С. 189–200). Для автора отвлеченный от поверхностных жизненных форм, «бестелесный» и «идеальный» характер зодчества возвышает его над чувственными искусствами и ставит ближе к религиозным истокам искусства. «Гимн архитектуре» (Гиппиус 1924. С. 43) в статье Титова отвечал романтическим установкам *МВ*, бывшим при этом, по заключению В.В. Гиппиуса, ближе к вакенродеровскому, нежели шеллингианскому романтизму. «Если орудия Зодчества суть одне формы бестелесного пространства, то ясно, что оно должно изображать их не телами и поверхностями, как Ваение и Живопись, но простыми очертаниями или линиями (...) Вот почему все народы искони употребляли формы Зодчества для служения Существу высочайшему». Геометрическими, абстрактными символами определяет автор и историческое развитие архитектуры — это борьба в ней круга и прямой линии. «Противуположность круга с прямою линией определяет противуположность между Зодчеством Греков и Зодчеством Готическим: ибо круг преобладает в первом точно так же, как линия в последнем (...) Религия Христианская разрушает согласие наше с миром вещественным, и как бы насильственно возвышая нашу душу, заставляет ее в небе, в лоне бесконечного, искать внутреннего, вожделенного спокойствия. Так и церковь Готического Зодчества, подобно свободному порыву самобытного внутреннего чувства, круто восходит от земли, и не кончается красивым фронтоном, подобно Греческому храму, — но угловатым шпиком, теряющимся в небе, и осененным знамением Креста, знамением Веры».

Гоголь, «будучи еще в школе», как он писал С.П. Шевыреву 10 марта 1835 г., начал читать *МВ*, и статью Титова он несомненно помнил, как о том свидетельствует не только его статья в *Ар.*, но, вероятно, и более раннее описание церкви в Любеке в письме матери, где он повторяет буквально, очевидно по памяти, титовский образ угловатого шпица, теряющегося в небе (отмечено: *Gunnius 1924. С. 226*). Антитеза круга и прямой линии, архитектурно представленная языческим куполом и готическим шпицем, станет одной из организующих структурных мыслей статьи в *Ар.* и, сверх того, глубоко внедрится в художественную гоголевскую поэтику (см.: *Виралайнен М.Н. Ранний Гоголь: катастрофизм сознания // Гоголь как явление мировой культуры. М., 2003. С. 10*). Римскому собору Св. Петра как образцу монументального синтеза двух начал европейской архитектурной истории посвятил один из очерков своей книги В.-Г. Вакенродер, и, очевидно, отсылку к нему представляет собой завершающее примечание статьи Титова (одного из переводчиков книги Вакенродера на русский язык в московском издании 1826 г.). Самая же эклектическая, как ее определяют историки архитектуры, тенденция, со стремлением к исторической, объективной и справедливой, оценке различных и противоположных типов и направлений и их возможному синтезу («соединению», по слову как Галича, так и Титова) в архитектурной современности (см.: *Кириченко 1986. С. 27–37*), — становилась ведущей тенденцией отечественной эстетической мысли, отталкивавшейся от академической архитектурной модели, классического «ордера» как доминирующего типа, определявшего облик северной имперской столицы. «Готическое», основанное на образцах средневекового западноевропейского и древнерусского зодчества, занимавшее в классицизме подчиненное место, в эклектике уравнивается в своих правах с классицизмом, восходящим к античности (...) Исторически назревшая к XIX в. потребность в преодолении диктата ордерной системы вызвала к жизни серию “возрождений” и “открытий” неклассических архитектур прошлого — средневековья и Востока, народного зодчества (...) Совсем не эклектизм (использование форм разнохарактерных и разновременных источников) отличает эклектику от типологически родственных ей по принципам формообразования барокко и классицизма, а признание равнозначности всех без исключения эпох в архитектуре» (*Кириченко 1986. С. 29, 32, 33*). Нетрудно заметить, как эта общая «эклектическая» тенденция отразилась в гоголевской статье — призывом к «терпимости» и широтой притягивания всей разнотильной архитектурной истории человечества, и в том числе фантастически-утопическими проектами соединения принципов круга и линии, «млечного купола» и «религиозного бесконечного шпица» в архитектурной картине единого города.

Резко противостояла академической модели мысль П.Я. Чаадаева, напечатанного в 1832 г. в *Т* (№ 11) без подписи и под заглавием «Нечто из переписки NN» специальный отрывок, представлявший собой философский обзор архитектурной истории человечества; в то же время эта мысль противостояла и тенденции эклектической (см.: *Чаадаев 1991. Т. 1. С. 630–637*). Чаадаев также строит свою картину в геометрических символах линий вертикальной и горизонтальной; господство той или другой «дает нам истинную физиономию всех Архитектур мира» и знаменует в

сфере всемирного зодчества «великое разделение человеческого ума, которое объемлет умственное движение всех веков: *Сенсуализм и Идеализм!*» Чаадаев сближает на двух концах истории как вертикальный духовный принцип в двух одновременных проявлениях — египетские пирамиду и обелиск с готическим христианским собором — и противопоставляет этим исторически полярным воплощениям единого типа горизонтальную линию языческой греческой, в том числе и греческой храмовой архитектуры; готическая архитектурная мысль при этом рассматривается как последняя, конечная духовная мысль развития человечества. Чаадаев отчасти следует здесь, по-видимому, Шатобриану, в «Гении христианства» (1802), обратившему внимание на «религиозную стрелу» церковной колокольни и отметившему «сходство готических соборов с египетскими храмами», полагая, «что это искусство принесли в Европу первые христиане Восточной церкви» (*Шатобриан 1982. С. 186, 189*). Философское значение архитектурной темы выразилось в общем итоге, каким в более поздней редакции того же размышления Чаадаев завершил свой обзор — это «не что иное, как символическая история человечества» (*Чаадаев 1991. Т. 1. С. 444*). В чаадаевской картине воспроизводятся те же модели двух главных типов — жилища и храма, поскольку и «прекраснейший Греческий храм есть не что иное, как дом (...) Греки действительно должны были строить жилища своим богам. Мы, Христиане, воздвигаем только священные памятники, ибо нам некого помещать в наших храмах». Чаадаевская апология готики прямо предшествовала, таким образом, «вздоху о готике» (*Гиппиус 1924. С. 46*) как христианском искусстве в гоголевской статье, в начале которой воспроизводится и чаадаевское философское уподобление храма по отношению к жилищу «требованиями души нашей перед требованиями тела» (чаадаевские идеализм и сенсуализм). Гоголевская мысль о значении «колоссального» размера готического сооружения, «неизмеримо возвышающегося» над человеком, следует чаадаевскому утверждению «сверхчеловеческого размера» христианского храма как духовного принципа. Также вслед за Чаадаевым Гоголь понимает западноевропейскую готику как архитектуру христианскую по преимуществу, и при этом «национальную для Европы», в резком противопоставлении византийской архитектурной традиции, в которой он отрицает единство вкуса и стиля; соответственно наследующие византийским формы русской церковной архитектуры остаются в статье вне поля внимания Гоголя. Чаадаев описывает прогулку «по берегам Рейна (...) к одному из тамошних старинных городов, смиренно растянувшегося у подножия своего высокого собора», — картина, которая могла отразиться как в гоголевском образе «старинного германского городка» в противопоставлении нынешней архитектурной «плоскости» как «ряда стен, и больше ничего» (прямо не названный Петербург), так и в гоголевской городской картине с людьми, «лепящимися» у подножия «неизмеримо возвышающегося» над ними собора. Само по себе отдельное, вне цикла его философических писем, выступление Чаадаева на архитектурную тему говорило о повышающемся философском статусе темы в идейной жизни 20—30-х годов; предшествовавшее чаадаевскому выступление Титова и последовавшее Гоголя говорили о том же.

Также отдельно выделена архитектурная тема в речи Н.И. Надеждина «О современном направлении изящных искусств» (Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета... М., 1833; см.: *Эстет. трактаты* Т. 2. С. 417–459). «Возьмем для примера архитектуру, которая, к сожалению, до сих пор наименее соображается с условиями народности», — этой темой заканчивается речь. За надеждинским выпадом в адрес «неуместного подражания» в зодчестве также стоит оппозиция официальному классицизму, обозначенному понятием итальянской архитектуры, против подражания которой в национальных условиях выдвигаются два довода с точек зрения одновременно религии и народности, а эта последняя тесно связывается с естественными природными условиями жизни народа: «До сих пор итальянская архитектура, работающая по светлым, изящным пропорциям греко-римского зодчества, господствует во всех странах Европы. Но ее легкая прозрачность прилична ли величию христианского храма, святилища веры (...)» Ощутительно ли изящество ее размеров в нашем северном климате, где величественные колонны исчезают в вечных туманах, роскошные завитки капителей заносятся снегом, широкая четырехугольная форма сего здания подавляется тяжестью облаков, над ним висящих?» Время должно решить сию великую задачу; но в современном гении обнаруживается уже потребность ее решения. Неуместное подражание начинает возбуждать всюду ропот; и сей ропот, конечно, будет услышан» (там же, с. 457–459). Современная потребность решения проблемы новой национальной архитектуры, таким образом, — последнее слово речи.

Вероятно, петербургская тема скрывалась за этим ропотом и протестом. Спустя десятилетие, уже после надеждинской речи и гоголевской статьи, маркиз де Кюстин будет описывать свои петербургские впечатления в картинах, почти повторяющих надеждинскую: «Природа здесь требует от человека решительно противоположного тому, что он создал; следовало не подражать языческим храмам, но окружить себя зданиями, которые, дерзко устремляясь сквозь туман ввысь, к северному мутному небу, нарушали бы однообразие бескрайних сырых и серых степей, простирающихся вокруг Петербурга». Кюстин говорит о «жалких пастишах, которыми одарила Россию страсть Петра к классической архитектуре, разделяемая и его преемниками (...) Античные дворцы служат казармами для финнов; римские колонны, карнизы, фронтоны и перистили из белого гипса разбросаны под полярным небом (...) Согласитесь, что от такой пародии, от такой Греции и Италии без мрамора и солнца во мне вполне может снова вспыхнуть гнев» (Кюстин. Т. 1. С. 120, 349–350).

О внутренней связи гоголевской статьи с его восприятием Петербурга говорят исследователи русской архитектуры и архитектурных теорий XIX в. Статья создавалась, когда завершались многие из центральных ансамблей Северной Пальмиры и оформлялся образ классического Петербурга (Кириченко 1986. С. 54). В литературе апофеозом его уже стали батюшковская «Прогулка в Академию художеств» (1814) и пушкинское Вступление к «Медному всаднику» (напечатанное отдельно от поэмы в декабре 1834 г., когда печатались *Ар.*). На фоне этих апофеозов и возникал контрастный им гоголевский Петербург в *Ар.* Соединение в петербургском архи-

тектурном типе дворца и казармы бросалось в глаза и старшим современникам; если Батюшков любит великолепными невскими набережными, то Н.И. Тургенев записывает в дневнике: «Ехав по Неве, я невольно любовался набережною; но она не заслонила казарм, снаружи величественных, а внутри...» (Дневники и письма Н.И. Тургенева. Т. 3. Пг., 1921. С. 198). Несомненно, на Петербург то же слово — «казармы» — указывает и в гоголевской статье (домы, похожие более «на сараи или на казармы, нежели на веселые жилища людей»). Петербург в статье не упоминается, но скрыто определяет тот образ современного города как «гладко-однообразной кучи» (ср.: «этой кучи набросанных один на другой домов» в отрывке «1834»), от которого отталкиваются все общие размышления и архитектурные фантазии об «особенной, резкой архитектуре» в статье.

Неожиданный интерес к архитектурной теме у русских авторов 1820—1830-х годов имел своим философским истоком чрезвычайно внимание к этой теме в западноевропейской, особенно немецкой и особенно романтической, мысли на рубеже веков. Внимание было возбуждено статьей молодого Гёте «О немецком зодчестве» (1771; см. *Гёте*. Т. 10. С. 7—15), ставшей открытием (по существу, реабилитацией в эпоху Просвещения) средневековой архитектуры, Страсбургского собора (упомянутый Гоголем как лучший памятник всех времен Кёльнский собор стал предметом восхищения и изучения Гёте в новой статье 1823 г. с тем же названием — «О немецком зодчестве», *Гёте*. Т. 10. С. 250—255). Средневековая готика в этой статье Гёте периода «бури и натиска» противопоставлена понятиям «школы», «принципов» и «системы», под которыми разумеется нормативный классицизм; готика как национальное немецкое зодчество противостоит современному «итальянскому» и «французскому», описанному как беспринципное смешение стилей и утилитарное использование элементов древней (античной) архитектуры в современных постройках, характеризующиеся как однообразные «плоскости»; примером взяты колонны, применяемые «неподобающим образом», прилепленные к современным стенам и в них «замурованные», поскольку в природе колонны «стоять свободно». Господству плоской стены в современной архитектуре противостоит Страсбургский собор, создатель которого сообщил «разнообразие гигантской стене», возведя ее «до небес; пусть она поднимется как величавое, широко разветвленное древо господне и тысячью сучьев, миллионами веток и несметной, как морской песок, листвою возвестит всему краю о славе всевышнего и своего творца». Ср. желание Гоголя, чтобы стена современного «плоского» здания «вдруг возросла и выбросилась на воздух», и проходящие через всю статью описания модных приспособлений «аттических» элементов к современным, «нашим» дворцам и церквям.

Гоголевскому образу «архитектурной летописи», говорящей, «когда уже молчат и песни и предания», предшествовали взгляд Гердера на каменные памятники как на источник исторических сведений, более надежный, чем рассказы историков (*Гайм*. Т. 2. С. 488), и формула «каменной летописи» в знаменитом романе Гюго 1831 г. (*Гюго*. С. 134), повторенная затем, как и другая формула из романа Гюго — «гранитные мемуары», в «Замогильных записках» Ф.Р. Шатобрена (начали публиковаться в Париже с 1834 г.; см.: *Шатобриан 1995*. С. 193, 725). Роман Гюго

(запрещенный в России к переводу министром народного просвещения С.С. Уваровым, но широко читавшийся в оригинале), несомненно, отзывается в ряде мест гоголевской статьи — как описаниями готического собора, так и развернутой панорамой большого города (кн. третья — главы «Собор Богоматери» и «Париж с птичьего полета» — вероятно, последняя отзывается в том месте у Гоголя, где говорится о необходимости в городе башни, которая бы давала «объем кругозора»). Картина собора, неизмеримо возвышающегося над головою зрителя, напоминает у Гоголя то место в романе Гюго, где Клод Фролло переживает «странное впечатление, схожее с тем, которое испытывал бы человек, лежащий навзничь у подножия Страсбургского собора и глядящий, как вздымается над его головой огромный шпиль, вонзаясь во мглу сумерек» (Гюго. С. 365). Вообще роман Гюго был, несомненно, одним из ближайших вдохновлявших источников гоголевской статьи. Другой французский источник можно усматривать в «Гении христианства» Шатобриана (1802; рукописный русский перевод был выполнен в 1821 г. М.П. Погодиным и мог быть известен Гоголю, как и французский оригинал; см.: Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982. С. 414), о котором автор впоследствии говорил в «Замогильных записках», что этому сочинению его век обязан «любовью к средневековым постройкам» (Шатобриан 1995. С. 192–193). Шатобриан обосновал понятие христианской архитектуры (ср. у Гоголя: «Была архитектура необыкновенная, христианская, национальная для Европы...»): «архитектура воздвигла в ее (христианской религии) честь храмы, величественные и таинственные, как ее учение» (Шатобриан 1982. С. 177). Исток идеи храмовой архитектуры Шатобриан находил в природе; типичная антитеза жилища и храма у него выступает как антитеза жилища и леса. «Леса были первыми храмами Божьими; именно в них люди почерпнули первые представления об архитектуре» (там же, с. 189). Шатобрианово развернутое уподобление колонны дереву («Удивительно лишь то, что колонны уступают деревьям в разнообразии» — там же, с. 190) могло впоследствии отразиться в гоголевском описании белого колоссального березового ствола как «правильной мраморной сверкающей колонны» в шестой главе «Мертвых душ» (один из сильных примеров проникновения архитектурной образности в гоголевскую поэтику). Шатобриан скептически относится к распространенному мнению о происхождении готической архитектуры от арабской (Гоголь будет прямо его отрицать); в то же время он говорит о сходстве готических храмов с египетскими (см. там же, с. 189) — сближение, на котором будет строить свою философию зодчества («символическую историю человечества») Чаадаев.

О происхождении «готического вкуса» от арабского, распространившегося через Испанию по Европе, писал Гердер (Гердер 1977. С. 575); в России, как мы видели, этому мнению следовал Галич. Обсуждается этот вопрос в «Философии искусства» Шеллинга, выдвигающего, однако, против этого мнения то утверждение готики как немецкого зодчества, «искони туземного» (Шеллинг. С. 290), с которым еще в XVIII в. выступил Гёте; но для Шеллинга «истоки готической архитектуры лежат еще глубже. Весьма примечательно и бросается в глаза сходство, которое обнаруживается между индийским и готическим зодчеством (...) Листва как архитектурное

украшение, несомненно, восточного происхождения. Расточительность восточного вкуса, который всюду избегает границ и стремится к безграничному, несомненно, проглядывает сквозь готическое зодчество, причем индийская архитектура превосходит последнее своей колоссальностью; каждое ее здание, взятое в отдельности, по своему охвату соответствует большому городу, то же усматривается и в исполинской растительности на земле. Ответ на вопрос, каким же образом этот исконный индийский стиль распространился впоследствии по Европе, я должен предоставить историкам» (*там же*, с. 290–291). «Философия искусства» не была опубликована при жизни как Шеллинга, так и Гоголя, но рукописные записи лекций Шеллинга были на руках у московских шеллингианцев, в том числе у С.П. Шевырева (см.: *Попов 1966*. С. 5), и описания в гоголевской статье индийской архитектуры и ее сооружений, «ужасных своею огромностию», как и египетской с главным ее характером — «колоссальностью», соотносятся с описаниями Шеллинга («В ином направлении нашел свое выражение вкус к грандиозности в зодчестве Египта», *Шеллинг*. С. 291).

Очевидным прямым источником ряда гоголевских архитектурных идей была книга В.-Г. Вакенродера, переведенная и изданная по-русски московскими любомудрами, — «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком» (М., 1826). Гоголевская идея совмещения разных родов — готического и греческого — в одном городском пространстве и самое требование терпимости («Терпимость нам нужна: без нее ничего не будет для художества») находит поддержку в статье «О всеобщности, терпимости и любви к ближнему в искусстве»; здесь Гоголь читал о «Великом Создателе»: «Для Него Готической храм столько же благолепен, как и храм Греков» (*Вакенродер 1826*. С. 61; пер. Н. Мельгунова). Гоголевский пассаж о старинном германском городке с узенькими улицами, «несравненно более говорящем нашему воображению», мог быть вдохновлен восторженной хвалой городу Нюрнбергу как романтической модели в сочинении Вакенродера: «О город Нюрнберг... С каким наслаждением проходил я твои кривые улицы...» (*там же*, с. 68; «Вакенродер и Тик открывают старину Нюрнберга для романтизма» — из коммент. А.В. Михайлова к изд.: *Вакенродер 1977*. С. 256). Наконец, в вакенродеровской статье о римском соборе Св. Петра как Гоголь, так и его русские предшественники, поднявшие в отечественной мысли архитектурную тему, находили утверждение архитектуры как благороднейшего из искусств именно в пору ее глубокого современного кризиса: «Благородно то искусство, которое, презрев и слово и лик человеческий, коим подчинены все прочие художества, стремится единственно представить нашим взорам чувственный, мощный образец разума, крепости и изящной соразмерности — сих коренных достоинств и первообразных идеалов человеческих душ» (*Вакенродер 1826*. С. 177–178; пер. В. Титова, в статье которого, последовавшей за переводом Вакенродера, несомненно, отразился этот взгляд на архитектуру как на самое идеальное из искусств).

Это утверждение архитектуры романтиками и ее отнесение «к числу ведущих философских искусств» (*Кириченко 1986*. С. 44) шло вопреки реальным художественным процессам, где зодчество, занимавшее в традиционалистских обществах положение доминирующего, «идеологического по

преимуществу искусства», теряло эту первостепенную роль и выводилось в реальной художественной практике из числа ведущих искусств (*там же*, с. 36–37). Умирание искусств — тревожная тема гоголевских статей в *Ар.*, побуждающая вспомнить одновременный гегелевский прогноз о конце искусства в буржуазную, «прозаическую» эру. «Скульптура, живопись и музыка» заключается мыслью о последнем искусстве: «Она осталась нам, когда оставили нас и скульптура, и живопись, и зодчество (...) Но если и музыка нас оставит...» (этой тревожной ноты совсем лишена статья Веневитинова, давшая гоголевской теме и название). Вздохом о «веке архитектуры», который «прошел невозвратно», открывается и статья «Об архитектуре...» — но в ходе ее критика настоящего состояния переходит в планы будущего и элегическая интонация сменяется проективной и императивной («Город должен состоять из разнообразных масс...», «Архитектор-творец должен иметь глубокое познание...», «Город нужно строить таким образом...», «При построении городов нужно обращать внимание...»); элегия переходит в утопию. Архитектура как застывшая музыка — эта популярная формула, родившаяся в немецкой романтической мысли и, по-видимому, восходящая к Гёте (говорившему 23 марта 1829 г. И.-П. Эккерману: «Среди моих бумаг я нашел листок, где я называю зодчество “застывшей музыкой”». Право, это неплохо сказано. Настроение, создаваемое зодчеством, сродни воздействию музыки», *Эккерман И.П. Разговоры с Гёте. М., 1986. С. 292*), связывала два наиболее идеальных искусства. У Гоголя архитектура скорее застывшая история («архитектурная летопись», наглядную картину которой он хотел бы иметь в своем изложении в конце статьи фантастическом проекте одной специальной улицы в городе); но в общей гоголевской эстетической теории в *Ар.* она связана с музыкой надеждами на возрождающую роль того и другого искусства в XIX в.; но подобные же надежды связываются и со «светлым воскресением живописи» в картине Брюллова, а в ней подчеркнут элемент пластический и скульптурный — в картине видится скульптура, перешедшая в живопись и сверх того проникнувшаяся «какою-то тайной музыкой» (с. 175); судьба архитектуры, таким образом, включена у Гоголя в общую несогласованно-противоречивую, парадоксальную, но органически убедительную, как бы пессимистически-оптимистическую картину судьбы искусства в XIX в. Историки русской архитектуры говорят об отражении в статье характерной для века «эклектической» архитектурной тенденции и называют даже статью «манифестом эклектики» (*Борисова 1979. С. 17; Кириченко 1986. С. 55*); гоголевские проекты объединения в одном пространстве исторического разнообразия архитектурных типов, «шпица» и «купола», дают повод к таким заключениям и по-своему отражают состояние разброда и архитектурного безвременья (*Цапенко. С. 18*), но самая вызывающая утопичность гоголевских проектов (хотя бы той же архитектурной летописи в виде улицы в городе) никак не соответствует реальной практике архитектурной эклектики, сменявшей в 1830–1840-е годы господство официального классицизма. «Титов кончает свою статью гимном готике, Гоголь с него начинает; мысль об отношениях круга и прямой занимает и его, но он идет дальше. Судя по началу, мы ждали бы призыва к реставрации готики. Но (...) рядом с готикой и решительнее, чем она, идеализируются чувственные архитектурные

стили. Идеализируется купол (...) Идеализируется *восточная архитектура* (...) Наконец, оканчивается статья призывом не к возрождению готики, а к дерзанию, к созданию новых форм» (*Гиппиус 1924. С. 46*). Утопически-фантастически-электрическая программа, развернутая в статье, в итоге приходит к мечте о создании «совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежних условий». «Размышления Гоголя, конечно, трудно назвать теорией. Однако в них присутствует редко доступное профессиональному зодчему осмысление новых веяний в виде программы еще не созданной архитектуры, противопоставленной господствующим в реальной практике нормам» (*Кириченко 1986. С. 52*). Специалисты находят в статье прогнозы реальной архитектуры будущего, в особенности в заключающих статью мечтаниях о зодчестве металлических («чугунных») конструкций. «Опережая на полвека французского архитектора Виолле ле Дюка, который в своих теоретических трудах пропагандировал внедрение металлических конструкций в архитектурную практику, Гоголь писал...» (*Ключарев Ю. Статья Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» // Архитектура СССР. 1952. № 2. С. 21*). «Гоголь предвидел те исключительные перспективы, которые откроются перед архитектурой с применением новой техники, новых строительных материалов, особенно металла. С огромной уверенностью и силой воображения говорит Гоголь о грандиозных ажурных арках, о стремительно взлетающих к небу легких металлических ажурных конструкциях» (*Цапенко. С. 20*). Достаточно одного такого имени в культуре XX в., как Антонио Гауди, чтобы гоголевские фантазии о «совершенно особенной», ни на что не похожей, «мимо прежних условий», «резкой» архитектуры будущего получили реальное историческое оправдание.

С. 97. ...или уродовала их по своим формам... — В рукописи вместо этого было: «алчно отрывала Помпею...».

С. 98. ...Миланский и Кельнский соборы ~ недоконченной башни Стразбургского монстера. — Das Münster (нем.) — собор. Все упомянутые готические сооружения строились веками и достраивались в XIX в. Из них древнейший, Страсбургский, был начат в 1015 г., в XIX в. одна из двух его башен еще не была достроена. Посвятивший ему статью «О немецком зодчестве» Гёте писал в 1771 г. о двух долженствовавших венчать его башнях: «из них — увы! — только одна печально стоит здесь» (*Гёте. Т. 10. С. 11*). Кельнский собор был заложен в 1248 г. и в XVI в. недостроенным был заброшен; достраивался начиная с 1820-х годов и в 1880 г. был закончен. «Идея создателя его, — в 1814 г. писал о Кельнском соборе Йозеф Геррес, — печально витает над башней собора, создатель свел идею с небес, но тело идеи не могли восполнить все поколения, сколько их ни трудилось над ее воплощением...» (*Эстетика немецких романтиков. М., 1987. С. 342*). Миланский собор строился с 1386 до 1805 г.

С. 98. Ее напрасно производят от арабской... — Предположение о подобном происхождении готики было высказано в 1780-е годы Гердером (*Гердер 1977. С. 575*). Об обсуждении этого мнения в европейской эстетике (Шатобрианом и Шеллингом) см. выше. К Шатобриану в особенности восходит следующая далее у Гоголя «лесная» метафора («лес сводов») при описании готического храма.

С. 98. *...тяжесть и легкость...* — Ср. в позднейшем стихотворении О. Мандельштама «Notre Dame» (1912): «Но чем внимательней, твердыня Notre Dame, Я изучал твои чудовищные ребра, Тем чаще думал я: из тяжести недоброй И я когда-нибудь прекрасное создам...».

С. 98. *...невольный ужас присутствия святыни...* — Возможное отражение пушкинского: «И внемлет арфе серафима В священном ужасе поэт» («В часы забав иль праздно скуки...», 1830).

С. 98. *Византийцы ~ перепортили вкус европейцев и колоссальную их архитектуру. Византийцы давно уже не имели древнего аттического вкуса...* — См. в рукописи исключенный затем фрагмент текста между этими фразами, содержащий мысль о связи архитектуры с национальной и природной средой (см. «Варианты»). Тот же взгляд на «испорченный» византийский архитектурный вкус отразился в «Пленнике» в описании церкви (с. 178–179).

С. 98. *...как неудачно привили христианство к своей языческой жизни...* — Ср. воспоминание неизвестного («П.К.») об отношении позднего Гоголя к византийской истории: «Я встретил его в кабинете одного ученого; он сидел, держа в руках том “Истории Восточной Империи” Лебо, в издании Сен-Мартена. С ним был еще гр. Т(олстой). Речь шла о способе изложения византийской истории. Спутник Гоголя обвинял западных писателей в том, что они умышленно выставляют только черные стороны этой империи, которая своею долговечностью показывала уже в себе избыток жизненных сил (...) “Но надобно искать других источников”, — сказал г. Т. (...) В это время вмешался в разговор Гоголь (...) Он говорил (...), что из этих немногих черт можно создать характер народа, нужно только усвоить себе это убеждение в добрых качествах народа, и с этим убеждением вновь пересмотреть все исторические сказания Византийской империи, и тогда они явятся в другом свете» (Русский дневник. 1859. 14 января. С. 3–4). См.: Гоголь 1994. Т. 7. С. 563–564.

С. 99. *Но церкви, строенные в XVII и начале XVIII века, еще менее выражают идею своего назначения.* — Ср. слова Гоголя в передаче Г.П. Галагана в письме последнего из Рима матери 17 февраля 1843 г.: «...Вместе с просвещением, заняв у иностранцев обычаи и одежду, мы не приметно подвергнули и нашу Православную Церковь переменам, вовсе к ней не идущим. Мы начали строить храмы в римском вкусе, или в испорченном вкусе гососо, явились на Руси модели Св. Петра и Пантеона, явились французские церкви, как наш Смольный монастырь, и мы увлеклись модой, совсем забыли про наши святые храмы Киева или Москвы» (Гусева Е.Н. Воспоминания Г.П. Галагана о Гоголе // Памятники культуры. Новые открытия. 1984. Л., 1986. С. 68).

С. 100. *...сладострастный, воздушно-выпуклый...* — Эпитет «сладострастный» в описаниях купола и архитектурных форм александрийской и византийской эпохи 6 раз возникает в тексте статьи. Эпитет был выделен и подчеркнут как «грязный» в издательском переложении статьи рецензентом БДЧ (О.И. Сенковским): «Тут есть вещи, о которых история искусства не имеет и понятия, У него страсть к куполам» (БДЧ. 1835. Т. 9. Кн. 3. Март. С. 11–12), — в цитируемом далее тексте эпитет дважды выделен курсивом рецензента. Ср. в резко отрицательной по отношению к Гоголю критике

современника: «В статье об архитектуре нынешнего времени попадают мысли из Фридриха Шлегеля, поэтически разобравшего красоты готического зодчества, но с примесью Гоголевского цинизма. Трудно поверить — и в Божьем храме пытался он отыскать грязный элемент, и в куполах и колоннах находил подобие каких-то языческих сладострастных форм» (*Герсеванов. С. 109—110*).

С. 100. *Я люблю купол...* — Отсюда и до конца абзаца рукописный текст про купол заменен в печати; см. «Варианты». См. в заметке С.Н. Дурьлина к публикации гоголевской записки «Путешествие Александры Осиповны» (*Ак. Т. 9. С. 490—491*), фиксировавшей маршруты прогулок Гоголя с А.О. Смирновой по Риму в январе 1842 г.: «В Петре Гоголь любил по-настоящему только купол: он им любовался с окрестных римских возвышенностей; к нему относилось постоянное признание Гоголя: “На Петра никогда не наглядисься”; в купол он водил Смирнову, как раньше Жуковского, чтобы лучше уяснить им все величие создания Микель-Анджело (...) Не меньше было у Гоголя любви к другому “куполу” — к Пантеону (...) В этот единственный языческий храм в Риме, дошедший до XIX столетия целиком, (...) Гоголь вводил Смирнову изподволь: в первый день он не пустил ее внутрь, дав ей полюбоваться только совершенством купола (...), а на другой день он ввел Смирнову во внутренность Пантеона, где опять все очарование — в куполе, лишенном окон и проливающим свет через единственное, ничем не прикрытое отверстие» (*Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 30—31*).

С. 100. *Таким самым образом поэт, не имеющий обширного гения, всегда не доволен одним простым сюжетом...* — Характерная особенность гоголевских мыслительных сюжетов в статьях *Ар.*: конкретное размышление выводит на крупную общую формулу гоголевской эстетики.

С. 102. *Старинной германской городок с узинькими улицами...* — Этот образ, столь важный в общем плане статьи, появляется в окончательном тексте — в рукописи отсутствует.

С. 102. *Башни огромные, колоссальные ~ для наблюдения над окрестностями ~ Столица получает существенную выгоду, обозревая провинции и заранее предвидя все...* — В рукописи: «предвидя все бедств(вия)х(?)». Гоголевское непреднамеренное предварение сюжета пушкинской «Сказки о золотом петушке», написанной в сентябре 1834 г., синхронно завершению гоголевской статьи. Характерно, что именно городской метафорой в другой статье *Ар.* («О преподавании всеобщей истории») иллюстрирует Гоголь значение господствующей над материалом позиции для историка (с. 36).

С. 102. *...распространяется необыкновенною прогрессией.* — Контрастная параллель в художественном сюжете, здесь же, в *Ар.*, в рассказе о «необыкновенных выкладках» ростовщика в «Портрете», возраставших «страшную прогрессией».

С. 102. *Чтобы люди лепились под ним и своею малостью увеличивали его величие!* — Ср. в письме Гоголя к Жуковскому от 10 сентября 1831 г. о том, как Пушкин «очутился в Петербурге на Вознесенском проспекте и воззвал голосом трубным ко мне, лепившемуся по низменному тротуару под высокими домами»; здесь же Пушкин и Жуковский названы

«Великими Зодчими», воздвигающими «огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол...». «Великими зодчими всеобщей истории» названы в *Ар.* также Шлецер, Миллер и Гердер (с. 122).

С. 103. *Они невольно, слепо следовали тайному внушению своего вкуса.* — В рукописи далее: «Красота безотчетна и является как будто на зло, мимо правил, извергается из вкуса. Едва по ней составят правила, она вдруг ускользает и творит вновь исключения».

С. 104. *...если бы в английском саду...* — О связи гоголевских художественно-структурных идей с английской садово-парковой эстетикой см.: *Фуссо. С. 75–80.*

С. 104. *Терпимость нам нужна; без нее ничего не будет для художества.* — Этот тезис в статье отзывается общему направлению мысли в статье И.В. Киреевского «Девятнадцатый век» (*Европеец. 1832. № 1*); «разрушительному началу» века предшествующего, нашедшему выражение в просветительской философии и французской революции, здесь противопоставлены «потребность единства» и «успокоительного равновесия», «стремление к мирительному соглашению враждующих начал» и «направление историческое» в поэзии и отвлеченной мысли. «Терпимость вместе с уважением к религии явилась на место ханжества, неверия и таинственной мечтательности». Широта приятия разнообразной архитектурной истории в гоголевской статье отвечает этой общей тенденции, понимаемой Киреевским как задача «девятнадцатого века» (*Киреевский 1979. С. 82–83*); ср. сквозную тему XIX в. в статьях *Ар.* «О всеобщности, терпимости и любви к ближнему в искусстве» Гоголь читал и в переведенной и изданной Любомудрами книге В.-Г. Вакенродера (см. выше).

С. 104. *...не ломайте, не коверкайте eel* — Фраза вызвала сарказмы Сенковского: «Это обращение к нам, Русским, чтобы мы не ломали и готическую архитектуру, которой никогда у нас не было, очень трогательно и доказывает, что автор читал с большой пользою роман Виктора Гюго» (*БдЧ. 1835. Т. 9. Кн. 3. С. 11*). В формулировках гоголевской статьи, однако, господствует европейский пафос и говорится о единой европейской национальности (см. выше: готическая архитектура как «христианская, национальная для Европы»), и готика парадоксально утверждается как «создание европейского духа» и потому более всего приличная нам.

С. 105. *Вальтер Скотт первый отряхнул пыль с готической архитектуры...* — «Характерно, однако, то обстоятельство, что Гоголь в своей статье об архитектуре, говоря с таким восторгом о памятниках средневековой готики, не называет в качестве возбудителей интереса к ним ни одного немецкого романтика, а прямо указывает на романтика английского, на Вальтера Скотта». С ним Гоголь «мог познакомиться еще ранее, чем с немецкими романтиками, так как его произведения не только печатались в названных выше журналах, но и были в полном объеме (в русских переводах) в библиотеке Д.П. Трошинского, книгами которой Гоголь свободно пользовался» (*Назаревский 1911. С. 70–71*). «На самом деле увлечение готикой зародилось в Англии задолго до Вальтера Скотта. Он лишь подхватил эти романтические веяния в своих романах» (*Борисова 1979. С. 81*). «Готика стала знаменем возрождения современного зодчества во многих странах

Западной Европы, и прежде всего в Англии, хотя сущность ее постигалась достаточно различно» (там же, с. 79).

С. 106. *Могущественным словом Вальтер Скотта вкус к готическому распространился быстро везде и проникнул во все.* — Историк русской архитектуры сообщает о Вальтере Скотте, что «вторичность, подражательность и в конечном счете прозаичность, подчас даже “кошунственность” применения форм готики в архитектуре первой половины XIX в. была прекрасно почувствована им самим. Вот что он писал, например, в 1820 г. о современной ему английской псевдоготической архитектуре: “Готический орден в архитектуре приобрел ныне повсеместное распространение и возобладал столь безраздельно, что нас, пожалуй, даже удивило бы, если бы деревенский дом какого-нибудь купца, удалившегося от дел, не являл нашему взору снаружи — стрельчатых окон с цветными стеклами, а внутри — кухонного буфета в виде церковного алтаря и если бы передняя стенка свинарника при доме не была скопирована с фасада старинной часовни”» (Борисова 1979. С. 81–82). Сам Гоголь отдал дань этому «всеобщему вкусу», рекомендуя матери в цитированном выше письме от 5 января 1830 г. готические двери и окна для деревенского дома. Слова Гоголя в статье о новых английских церквях «в готическом вкусе», что «истинного величия, дышащего в великих зданиях старины, в них нет», следуют самому Вальтеру Скотту, писавшему в том же цитированном Е.А. Борисовой предисловии к повести Горация Уолпола «Замок Отранто»: «...Почти невозможно в наши дни возвести готическое здание, которое возбуждало бы в нас чувства, сходные с теми, что мы постарались описать выше. Оно может быть величественным или мрачным, оно может внушать нам возвышенные или печальные мысли, но оно не пробудит в нас ощущения мистического ужаса, неотделимого от зал, где звучали голоса наших далеких предков, где раздавались шаги тех, кто давным-давно сошел в могилу. Но в литературном произведении Хорас Уолпол достиг того, что он же в качестве архитектора, по-видимому, считал превосходящим возможности своего искусства» (см.: *Фант. повести.* С. 237). Уолпол-писатель был также архитектором-любителем, введившим в середине XVIII в. неоготический стиль в современное строительство и в своем имении построившим «маленький готический замок», по собственным его словам; описание своего сооружения он напечатал отдельным изданием. «Эти описания и прежде всего сама постройка послужили образцом для “возрождения готики” в архитектуре XVIII в. не только в Англии, но и по всей Европе. Отражение этой моды мы встречаем и в русских парках того времени — в Гатчине, Павловске, Шувалове и др.» (*Жирмунский, Сигал.* С. 254). Примечательное сходство гоголевских замечаний о новой готике в Англии в контексте при этом ссылке на Вальтера Скотта с собственными замечаниями Вальтера Скотта в его предисловии к роману Уолпола побуждает предположить возможное знакомство Гоголя с этим предисловием (английское издание романа Уолпола с предисловием Вальтера Скотта было в библиотеке Пушкина, в критических и художественных текстах которого конца 1820-х — начала 30-х годов «есть несколько симптоматических точек схождения с этим предисловием, вместе с упоминанием имени Уолпола»: *Вацуро В.Э.* Готический роман в России. М., 2002. С. 43–50). В русской архитектуре готические

тенденции проявились еще в конце XVIII в. в таких крупных сооружениях, как недостроенный ансамбль В. Баженова в подмосковном Царицыне (1776–1785) и московский же Петровский дворец М. Казакова (1775–1782), причем в обоих случаях европейские «готические» влияния налагались на собственные национальные средневековые традиции. «В конце XVIII в. в готике видели прежде всего экзотическую декоративную систему, в чем-то родственную по духу древнему русскому зодчеству. Под “готическим” имелись в виду не только европейские постройки средневековья, но и национальные русские формы допетровского зодчества» (Борисова 1979. С. 77). Позже, в 1820-е годы, новые тенденции стали знаком противостояния официальному, петербургскому по преимуществу, классицизму. «В противовес тем идеям государственности, которые нес в себе поздний русский классицизм, “готика” символизировала стремление к утверждению индивидуального духовного мира, к поискам высоких нравственных идеалов, наконец, к свободе от общепринятых эстетических норм, к камерности, интимности архитектурной среды (...) Распространению “готики” в русской архитектуре 1820-х годов предшествовала первая его провозвестница — мода. Еще достраивались монументальные сооружения русского классицизма, еще царил в гостиных дворцов и особняков строгий вкус ампира, но уже проникло в те же гостиные романтическое увлечение готикой — готическая мебель, готические часы, готическое окно — все это постепенно нарушало стилистическую цельность русского классицизма» (там же, с. 78, 82). В 1831 г. И.В. Киреевский писал в статье «Деятельный век», отмечая преимущественный интерес современных «исторических разыскателей» к эпохе Средних веков: «Даже мода искала готического в своих минутных нарядах, в убранствах комнат и т.п.» (Киреевский 1979. С. 83). При этом именно в петербургской архитектурной среде возникли первые неоготические постройки («Коттедж» в Петергофе, 1826–1829, архитектор А.А. Менелас; церковь в Парголово А.П. Брюллова, 1831, и др., см. Борисова 1979. С. 76–91).

С. 106. ...все обратилось в готическое. И эти величественные, прекрасные украшения употреблены были на игрушки. — А.Б. Ботникова отметила возможное отражение гофмановских «Эликсиров сатаны» в этом гоголевском пассаже (Ботникова. С. 202).

С. 107. ...почти дикий, неразвившийся человек... — Ср. в «Скульптуре, живописи и музыке»: «Дикому, еще не развернувшемуся человеку Он уже вдвинул мысль о зодчестве» (с. 13).

С. 107. Триченгурский храм у индусов... — Возможно, храм Шрирангам в г. Триченгоде.

С. 107. Кутуб-Минар — минарет, мусульманское храмовое сооружение начала XIII в. в г. Дели, башня высотой 72,5 м.

С. 109. Это архитектура катакомб индейских и египетских... — Рассказы о раскопках в египетских подземных гробницах и мавзолеях Гоголь мог читать на страницах МВ (1827. Ч. 1. С. 237–242, 347–348), как мог читать и в речи Н.И. Надеждина «О современном направлении изящных искусств» (1833): «Загляните в мрачную глубь подземных святилищ...» — с дальнейшим перечислением ряда подземных памятников в Индии и Египте (Эстет. трактаты. Т. 2. С. 423–424). Ср. замеча-

ние С.Н. Дурюлина при публикации гоголевского римского «Путешествия Александры Осиповны»: «Примечательно, что ни в один из девяти дней Гоголь не повел Смирнову в катакомбы» (*Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 36*).

С. 109. ...*здание тяжело ступает, как на слоновых пядях...* — Замечание М. Вайскопфа по поводу одновременно и параллельно писавшегося Гоголем «Вия», в котором «олицетворением египетской архитектурной хтоники служит отчасти сам Вий»: его описание в повести текстуально связано с этим местом в гоголевской статье: «Весь он был в черной земле (...) Тяжело ступал он, поминутно оступаясь» (*Вайскопф 1993. С. 149*).

С. 109. *Эта подземная архитектура...* — В контексте *Ар.* ее описание связано с местом о «подземной географии» в статье «Мысли о географии»: «Мне кажется, нет предмета более поэтического, как она (...) Тут все явления и факты дышат исполинскою колоссальностью. Здесь встречаются целые массы» (с. 166). Замечание Ю.В. Манна: «Подземное сродни ночному, скрытому, таинственному, подсознательному (...) Мысль и слово — анализирующее и убеждающее — должны высветить и покорить все неясное и темное, которые, однако, Гоголь уже ощущает как самостоятельную и могущественную сферу бытия» (*Манн 2004. С. 245–246*).

С. 110. ...*главный же ее характер — колоссальность.* — Ср. в речи Надеждина 1833 г.: «Первобытное зодчество проявлялось колоссальными громадами без образа и лица...» (*Эстет. трактаты. Т. 2. С. 425–426*).

С. 110. ...*который бы ровное место в природе осмелился сравнить с видом утесов, обрывов, холмов, выходящих один из-за другого?* — Ср. сложную работу над этим местом в «Вариантах», в том числе первоначально привязанное к этой теме «гладкой архитектуры» упоминание об А.П. Брюллове. Метафизика «гладкого места» у Гоголя — также одна из его сквозных художественных тем, породившая сюжет «Носа»: «...но к величайшему изумлению увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место!». О том, как эта эстетическая тема сложно работает в разных статьях *Ар.*, обретая здесь характер геоэстетической и даже отчасти геополитической антитезы, а также как ею прообразуется структура поэтического космоса «Мертвых душ», см. в коммент. к статье «Несколько слов о Пушкине».

С. 110. *Но обратимся к архитектуре городов.* — От архитектуры зданий к архитектуре городов — путь мысли в гоголевской статье; при этом вместе с этой темой города крепнет активная и проективная интонация автора. См. к этой теме: в статье «значительное внимание уделено не только архитектуре зданий и истории ее стилей, но и особенной философии планировки всего города (...) На сформулированное Гоголем в этой работе своеобразное учение о построении городов (...) возможно взглянуть и с более высокой точки зрения, — и тогда оказывается, что оно приложимо также и к тому, какой он хотел видеть архитеконику собственных произведений (...) Стремление достичь целостного символического обобщения приводит к постепенному соединению основных мотивов “Ревизора” и “Мертвых душ” как раз через образ-ключ “Города”». Прослеживая в гоголевском мире иерархическое развитие триады «городишко — город — Град» и вспоминая

при этом книгу «О Граде Божиим» Блаженного Августина, исследователь формулирует как предельную тему Гоголя: «В идее вечного Града заключается принцип архитектурного единства вселенной» (см.: *Паламарчук П.Г. Козацкие могилы. М., 1990. С. 353–355, 365*).

С. 111. ...самые ошибки уже подают идею о том, как избежать их... — Еще одно формулирование общих принципов гоголевской эстетики; эта формула гоголевской художественной логики получила в литературе определение «негативной антропологии» Гоголя (*Schreier H. Gogol's religiöses Weltbild und sein literarisches Werk: Zur Antagonie zwischen Kunst und Tendenz. München, 1977. S. 98–102, 120–121*). См.: *Бочаров 1999. С. 109*.

С. 111. *Гений богач страшный, перед которым ничто весь мир и все сокровища.* — В сравнении зашифрована ситуация повести «Портрет».

С. 111. *Города строятся или на возвышении и холмах, или на равнинах.* — Зашифрована нарастающая у Гоголя антитеза Петербурга и Рима (а также отчасти Москвы).

С. 112. *Эта улица сделалась бы тогда в некотором отношении историю развития вкуса...* — В рукописи: «историю всего человечества».

С. 113. ...только колонна, купол и арка. — Весь дальнейший текст окончания статьи, вместе с заключающим ее примечанием, появился только в окончательном (печатном) варианте статьи; в рукописи отсутствует.

С. 113. ...какую легкость, какую эстетическую воздушность приобретут тогда дома наши! — В этих архитектурных мечтаниях надежды на новые материалы и формы («висящая архитектура», «чугунные сквозные украшения») организованы вертикальной («готической») устремленностью («полетят вместе с нею на небо»), противостоящей «плоской» организации неназванного Петербурга. Соединение металла (той же «чугунности») и воздуха в организации будущего российского пространства обнаруживается и в пушкинской картине будущего: «Мосты чугунные чрез воды / Шагнут широкою дугой...» («Евгений Онегин», гл. 7, XXXIII). О реальной перспективности гоголевских проектов архитектуры будущего см. выше оценки специалистов XX в. (также в статье С.Н. Дурылина «Н.В. Гоголь об искусстве»: «Гоголь предвидел в будущем торжество новой “стихии” в архитектуре — торжество металла, железа. С этой новой материальной базой Гоголь связывает неизбежность появления новых форм и образов архитектуры», *Дурылин 1952. С. 72–73*). О том, что «железо как новый материал достигло возможности игривых, живых форм, парящих ввысь», поздний Гоголь будет говорить в 1850 г. молодому архитектору и живописцу В.О. Шервуду, будущему строителю Исторического музея в Москве (см.: *Воропаев В.А. «Меня очень занимал Гоголь...» Из записок В.О. Шервуда // Собеседник. М., 1987. Вып. 8. С. 278*).

С. 113. ...из них должно упомянуть о Брюлове... — В упоминании об А.П. Брюлове в рукописной редакции, затем исключенном, выше по тексту статьи (см. выше), было прямо названо его строившееся сооружение — лютеранская кирка на Невском проспекте; она же возникает как «строящаяся церковь» на последней странице повести «Невский проспект» (см. коммент. к ней).

АЛ-МАМУН

Источники текста: *ЧА АлМ, Ар.* (см. с. 489, 491).

Впервые опубликовано: *Ар.* Ч. 1. С. 275–287. Датируется августом—октябрем 1834 г. Печатается по тексту *Ар.* со следующими исправлениями:

С. 115, строка 10: открыли Аристотеля — вместо: отрыли Аристотеля

С. 116, строки 38–39: больше философ-теоретик, нежели философ-практик — вместо: больше философ-теоретик, нежели не философ-практик

Автограф статьи в «тетради Тарновских» на л. 112–114, без названия. Первый лист рукописи не заполнен до конца — можно предположить, что, начав здесь (после слов «огненные страницы Корана (...) исполнялись так же раболопно») характеристику азиатского образа правления и зачеркнув набросанные несколько строк, Гоголь оставил нижнюю часть листа свободной и продолжил с начала следующего листа словами: «В таком виде принял государство Ал-Мамун», а затем вернулся к недоработанному месту и написал абзац об управлении при Гаруне, почти без изменений вошедший в окончательный текст. Рукопись содержит правку двух типов — в процессе работы (в том числе вставка в нижней части л. 112 и две вставки в нижней части л. 113) и последующую сквозную, сделанную, по-видимому, на заключительном этапе тем же тонким пером, которым Гоголь дописывал статью на л. 114 после слов «какими природа наделила араба», причем обилие незавершенной правки позволяет выделить «Ал-Мамун» среди других произведений в «тетради Тарновских» по степени небрежности и, следовательно, по всей вероятности, поспешности работы. В печатном тексте также много опечаток и стилистических дефектов, заставляющих думать, что Гоголь не смог или не успел внимательно перечитать статью в корректуре.

Название статьи отсутствует в обоих планах *Ар.*, но традиционно ее связывают с замыслом, обозначенным во втором из них как «Тракт(ат?) о правлении» (*Ак.* Т. 8. С. 759; см. ниже); в таком случае работа над ней в нынешнем ее виде могла начаться только после того, как был написан этот план и затем изменен первоначальный замысел, т.е. не ранее августа 1834 г.; при этом какие-то наброски к теме, вероятно, были сделаны уже в начале года, при возникновении замысла «Мыслей о Истории» (см. коммент. к статье «О преподавании всеобщей истории»). В «тетради Тарновских» рукопись статьи стоит последней в ряду произведений для сборника, вслед за «Записками сумасшедшего»; пропущенный между окончанием повести и началом «Ал-Мамуна» чистый лист (л. 111) вырван и лежит отделенный от тетради. По сообщению Н.И. Иваницкого, текст «Ал-Мамуна» был прочитан Гоголем в качестве университетской лекции в октябре 1834 г. в присутствии Жуковского и Пушкина: «От швейцара, конечно, они уж знали, что Гоголь еще не приехал, и потому, обратясь к нам, спросили только, в какой аудитории будет читать Гоголь? Мы указали на аудиторию. Пушкин и Жуковский заглянули в нее, но не вошли, а остались в спорной зале. Через четверть часа приехал Гоголь, и мы вслед за тремя поэтами вошли в аудиторию и сели по местам. Гоголь вошел на кафедру и вдруг, как говорится, ни с того ни с другого, начал читать взгляд на историю аравитян.

Лекция была блестящая, в таком же роде, как и первая. Она вся из слова в слово напечатана в “Арабесках”. Видно, что Гоголь знал заранее о намерении поэтов приехать к нему на лекцию и потому приготовился угостить их поэтически. После лекции Пушкин заговорил о чем-то с Гоголем, но я слышал одно только слово: “увлекательно”...» (*Гоголь в восп.* С. 85). Другой слушатель Гоголя, С.И. Барановский, иначе рассказывает о лекции в присутствии поэтов: «...по его версии, визит был неожиданным для Гоголя и читал тот не об “аравитянах”, а на другую тему — о норманнах (по-видимому, свидетельство Иваницкого надежнее). Но оба совпадают в том, что характеризуют эту лекцию как очень успешную» (*Манн 2004.* С. 312; см.: *РА.* 1906. № 6. С. 278). Таким образом, начатая не ранее августа 1834 г. статья была закончена не позднее октября (второй его половины или даже конца, потому что Пушкин вернулся в том году в Петербург только 18 октября; см.: *Тих.* Т. 5. С. 591); за эти полтора-два месяца предположительно были написаны оба варианта текста.

Тема статьи соответствует части первой («До крестовых походов»; первый семестр) гоголевской программы университетских лекций по истории Средних веков, причем захватывает оба ее раздела — «Отделение I. От разрушения Западной империи до Карла I и Гарун (аль) Рашида», в завершение которого Гоголь поставил темы: «Опасения, произведенные в Европе появлением аравитян. Рассмотрение этого нового народа, рассмотрение его отечества — Аравии. Какое влияние имела чудная и ужасная страна их. Обстоятельства и причины, вдохнувшие в них такой сверхъестественный энтузиазм. Рассмотрение новой религии: ее дух и сила, ее влияние. Быстрые завоевания аравитян в Азии, в Африке и наконец в Европе, завоевание Испании и встреча с франками», и особенно «Отделение II. Век аравийского просвещения от Карла и Гарун аль Рашида до крестовых (походов)», поделенное на три «периода», из которых «Период I. Век аравийского просвещения» целиком посвящен «государству Гарунову», от его начала до упадка, среди причин которого Гоголь прежде всего упоминает «слабость калифов, отделение независимых владельцев, новые секты и расколы»; среди предлагаемых здесь к рассмотрению тем названы: «Арабские философы. Состояние наук и искусств. Направление арабских познаний. Арабская архитектура»; имя Ал-Мамуна отсутствует. В соответствии с программой предполагалось рассмотреть «Влияние, произведенное правлением Гарун аль Рашида. Характер правления его» и затем «Управление Западом императора Карла Великого. (...) Характер его правления. Противоположность его государства государству Гаруна» (*Ак.* Т. 9. С. 95—96). Вопрос о правлении, судя по этим разработкам, должен был стать одним из главных в этой части лекционного курса, и «государство Гаруново» выдвигалось в центр обсуждения в связи с традиционной центральной для историографии Европы темой о государстве франков, дополнительно актуализированной в то время работами Гизо, на примере личности Карла Великого рассматривавшего вопрос о природе «великого человека» и его роли в истории и в результате эволюции своих взглядов пришедшего в 1830 г. в «Истории цивилизации во Франции» к пониманию его как правителя, который «понял действительные потребности своего времени» и «работал в направлении естественного течения событий» (цит. по: *Резиов 1956.* С. 201); в подтексте

просматривалось параллельное подведение итогов недавнего и памятного еще правления Наполеона (*там же*, с. 200–202). Сохранившаяся запись десяти лекций начальной части курса заканчивается темой «(10.) Первобытная жизнь арабов. Переворот в образовании нации, произведенный Магометом, и завоевания их» (*там же*, с. 138–144); события здесь обрываются на воцарении Аббасидов и переносе столицы в Багдад при втором халифе из этого рода, Мансуре — Абу-Джафар-Ал-Манзоре, как написано у Гоголя (см. *там же*, т. 9, с. 144), т.е. именно на том историческом моменте, с которого начинается изложение в статье «Ал-Мамун». Если действительно Гоголь читал десять лекций так, как они были записаны, и затем продолжил курс «Ал-Мамуном», эффект смены жанра должен был быть именно таким, как описывает его Н.И. Иваницкий.

В гоголевской «Библиографии средних веков» говорится: «Историей аравитян занимались многие ученые, хотя совершенно полной и удовлетворительной до сих пор нет» (*Ак. Т. 9. С. 103–104*). Задача «спроецировать “Ал-Мамуна” на круг источников и исследований по средневековой арабской истории, имевшихся в распоряжении Гоголя», была поставлена только в недавнее время в статье А.Б. Куделина, основывавшегося на том круге имен, которые упоминает сам Гоголь в своих подготовительных материалах (см.: *там же*, с. 101–105, 596–598, 630–634); с точки зрения того, насколько хорошо представлен материал, касающийся Ал-Мамуна, А.Б. Куделин выделяет среди обследованных им источников книги д’Эрбело и Ч. Милла (Bibliothèque orientale ou Dictionnaire universel, contenant généralement Tout ce qui regarde la connoissance des Peuples de l’Orient. Par M. D’Herbelot. A Maestrich 1776. Histoire du mahométisme. Par Ch. Mills. Trad. de l’anglais sur deuxième édition. Par M.Р***. A Paris, 1825; см.: *Куделин 1996. С. 312–313*) и подробно рассматривает первую из них — «Восточную библиотеку» д’Эрбело (1625–1695), два издания которой вышли соответственно в 1697 и 1776 гг. и о которой Гоголь, называя ученых, занимавшихся историей аравитян, писал: «Из европейских древнейший Гербелот (Восточная библиотека)» (*Ак. Т. 9. С. 104*). «Восточная библиотека» представляет собой словарь, в статьях которого раскрываются различные стороны культуры, быта, истории народов Востока, — пишет А.Б. Куделин. — В статье “Мамон” (стр. 555–556) приводится значительное число сведений исторического характера, никак не учтенных Гоголем. Среди важных биографических данных Гоголь не указывает, что ал-Мамун был сыном иранской рабыни, игнорирует детали острой политической борьбы, предшествовавшей восхождению ал-Мамуна на престол, шиитские симпатии халифа (в частности, провозглашение им в качестве наследника престола не члена аббасидской династии, а шиитского имама Али ибн Мусы ар-Риды) и, наконец, обходит молчанием смерть ал-Мамуна во время военной экспедиции против Византии и т.п. Если очень коротко оценить все эти умолчания, то следует сказать, что они помешали бы разоблачению Гоголем составных элементов идеи превращения “государства политического” в “государство муз”, приписанной им ал-Мамуну» (*Куделин 1996. С. 304*). Чтобы показать, как Гоголь выбирает и акцентирует сведения, необходимые для его замысла, А.Б. Куделин приводит в переводе небольшой отрывок из «Восточной библиотеки»: Ал-Мамон «был осо-

бенно привязан к умозрительным наукам и совершал необычайные расходы, чтобы привлечь отовсюду ученых мужей и приобрести самые увлекательные книги на древнееврейском, сирийском и греческом языках, которые он приказывал переводить на арабский... Вне всякого сомнения он был самым великим и самым известным принцем в династии Аббасидов, династии самой богатой великими людьми среди всех династий, которые правили мусульманами. Его царствование продолжалось 20 лет и 8 месяцев, в течение которых он неизменно оказывал содействие ученым лицам, вне зависимости от того, приверженцами какой религии они являлись, которые, со своей стороны, всячески способствовали славе этого монарха, поднося ему собранные ими наиболее редкие труды индийцев, магов, евреев и восточных христиан, принадлежавших к различным сектам. Этот принц, впрочем, имел слабость принадлежать к секте мотазалов и был осужден наиболее строгими законооведами за недостаточную ортодоксальность в магометанской религии (...) не одобряли и то, что он ввел философию и другие умозрительные науки в мусульманство, поскольку арабы в ту пору еще не были приучены читать ничего иного, кроме книг по своей религии. Собственно и астрономией они стали заниматься лишь в правление этого калифа, который и сам был весьма учен» (*там же*, с. 304–305). Здесь «источник многих фактических данных о состоянии науки, религии и др.», упомянутых Гоголем, но «интерпретация этих фактов в “Восточной библиотеке” и статье Гоголя принципиально различна», более того, «во всей бывшей доступной Гоголю востоковедной литературе преобладают положительные (когда речь идет о науке, искусствах и т.п.) и сочувственные (когда речь идет об ортодоксальном противодействии рационалистическим тенденциям в исламе) оценки деятельности ал-Мамуна. Выводы Гоголя относительно правления этого халифа, таким образом, вполне самостоятельны, хотя и не могут быть признаны достаточно обоснованными по критериям арабистической науки его времени» (*там же*, с. 305); между тем «освещение общих вопросов истории арабов в других работах Гоголя вполне корректно и соответствует уровню востоковедения его времени, однако вполне традиционно и не несет индивидуального отпечатка Гоголя» (*там же*, с. 313). Например, в известном Гоголю учебнике К.-А. Беттигера (см. с. 527, 545) говорится, что «Аравийский Калифат в Багдаде имел свой блестящий период под правлением Ал-Мансура, Гарун-аль-Рашида и Ал-Мамуна»; «с постепенным исчезновением религиозно-воинственного духа, он начал раздробляться и ослабевать» и «был совершенно разрушен сильными Турками»; но более важным, чем территориальные завоевания, Беттигер считает «цветущее состояние умственной образованности, до коей достигли Аравитяне»: «Еще великий Мамун провозгласил, что счастье народа состоит в просвещении! Верные сему положению Калифы учредили Академии, Университеты, училища при всякой мечети и библиотеки даже в небольших городах. Везде заводились больницы, лаборатории для химиков и врачей, обсерватории для астрономов. Превосходные поэты, даже Князья и их жены, состязались о награде за песнопение; великий художник, или ученый, находил дружеский прием у Сарацинов в Европе, Азии и Африке: так всеобща была любовь и уважение к искусствам и наукам! Во вкусе, тонкости общежития, пышности, не сравнялся с ним ни один народ того времени» (цит. по: *Неизд. Гоголь*. С. 455).

В качестве более общих источников замысла следует прежде всего упомянуть Шиллера, который в лекции «В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения» (1789; см. коммент. к статье «О Средних веках») выдвигает перед своими слушателями эффектный тезис: «Даже то, что мы сошлись с вами здесь в сей час, на этой ступени национальной культуры, с этим языком, нравами, гражданскими правами, свободой совести, — (...) нужна вся мировая история для объяснения этого отдельного момента» (Шиллер. Т. 4. С. 19—20). Называя далее основные эпизоды исторического противоборства в Европе, в результате которого «был преодолен дикий хаос, борющиеся силы государства пришли в состояние благодетельного равновесия, плодом чего является наш теперешний покой», Шиллер, в частности, говорит: «Чтобы вырвать наш дух из цепей невежества, в которых его держал гнет духовной и светской власти, должны были снова дать ростки семена учености, несмотря на все бешеные преследования ее, и Аль-Мамуна должен был вернуть науке то, что было грабительски отнято у нее Омаром» (там же, с. 21), делая таким образом из имени Ал-Мамуна символ, равновесный давно ставшему символическим имени калифа Омара, приказавшего уничтожить Александрийскую библиотеку и сопроводившего приказ тем знаменитым умозаключением, которое, по словам Гердера, также явившегося здесь для Гоголя одним из источников, «заслуживает того, чтобы называть его умозаключением халифа»: «В книгах, о которых ты говоришь, содержится или то же самое, что написано в книге бога, в Коране, или нечто противное Корану. Если то же самое, то достаточно и Корана, а если противное, то справедливо уничтожить все эти книги» (Гердер 1977. С. 566). «Ими на протяжении шести месяцев топили печи (...), — продолжает Гердер, — погубили самые драгоценные мысли, самые необходимые сведения, все возведенное с таким трудом здание науки Древнего мира — вместе со всем, что могло пойти от него на протяжении тысячелетий. Как хотелось бы арабам вернуть назад это сокровище, когда, через сто лет после этого, они сумели оценить его!» (там же). Гоголь также говорит в статье «О Средних веках» об уравновесившейся Европе, но, кажется, для него это не абсолютное достижение, как для Шиллера, а лишь одно из промежуточных исторических состояний; он также намеренно идеализирует своего героя, отсекая ненужные конкретно-исторические подробности, но ставит его при этом в средоточие исторических событий, с наглядностью доказывающих то же, что и Шиллер в «Дон Карлосе» (1787), а именно «что субъективная воля правителя — просвещенного или жестокого — неотвратимо подчинена господствующей политической структуре» (Тураев С.В. Молодой Шиллер // История всемирной литературы. Т. 5. М., 1988. С. 228). Еще одно значимое для Гоголя положение было сформулировано в статье Шиллера «О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках» (1792), в которой говорилось об уникальных возможностях, сложившихся для исторического торжества разума в Европе, где впервые культура соединилась не с рабством, а со свободой и юным мужеством народов; но «когда Гарун учил мыслить своих арабов, жар их сердец уже остыл» (Шиллер. Т. 5. С. 484); именно несинхронность развития сердца и ума (увиденная, однако, иначе, чем у Гоголя) сделала, по Шиллеру, арабский расцвет быстротечным, не позволив обратить его на пользу нации.

О «краткости цветения», свойственной жаркому климату, говорит в связи с арабским просвещением и Гердер (см.: *Гердер 1977. С. 569*), однако объясняет его прежде всего отрицательным воздействием ислама; при этом Гердер жестко связывает религиозный и административный аспекты государственной жизни халифата. В его повествовании, не сопоставимом в целом с гоголевским, вычленяется тем не менее некоторая центральная линия, заимствованная, но во многих моментах и отвергаемая Гоголем. Так, Гердер, рассказывая о завоеваниях арабов, очень рано, почти при самом начале их империи, отмечает элементы распада: «неудержимый поток военного счастья иссяк за тридцать лет энтузиазма, пока на троне сидели потомки Мохаммеда; при Омейядах с их наследственной властью завоевания шли медленнее, прерывались, тут начались и внутренние размежевания»; именно тогда «столицей халифов стал Дамаск; арабы стали морской державой, а при наследственном правлении простоту нравов заменила пышность придворной жизни» (*там же, с. 566*). При новой династии Аббасидов была выстроена новая столица — Багдад. «Теперь величайший блеск окружал двор халифа; науки и искусства приблизились ко двору, — навсегда прославились аль-Рашид и аль-Мамун, — пишет Гердер, — но меж тем прошло время не только завоеваний, но и единство монархии при этих халифах распалось» (*там же, с. 566—567*). «Фанатический энтузиазм — вот какая доблесть привела к созданию могучего арабского государства», — продолжает Гердер; если бы халифы были верны суровому образу жизни первых магометанских владык, «какая бы власть на свете могла победить этот народ? А теперь (...) наследственный трон халифов в Дамаске и тем более в Багдаде блистал так, как будто действие происходит в сказке из “Тысячи и одной ночи”, — и вот повторилась сцена, которая уже тысячекратно разыгрывалась на арене истории, — роскошная жизнь повлекла за собой вялость, утонченная слабость уступила грубой силе. Первый Аббасид избрал себе великого везира, и этот везир при преемниках его приобрел такой вес, что (...) повелевал самим халифом. (...) Произошло то же, что с римской империей, — везиры и наемники превратились в государей и деспотов. (...) Строем государства объясняется то, что кругообращение совершалось у арабов быстрее, чем у римлян. Государство было халифатом, другими словами — деспотией: самым строжайшим образом в лице халифа соединялись папа и император» (*там же, с. 567—568*). Гоголь в своих лекциях буквально воспроизводит эту формулировку: «Власть калифа была велика, потому что соединяла в себе власть религиозную и светскую. Калиф был папа и государь вместе (...) строгое исполнение законов Корана давало единство далеко раскинутому государству и утверждало верховность калифа» (Ак. Т. 9. С. 142), также почти пересказывая Гердера, который далее показывает, как «деспотизм, вязавший души, проникал в управление всем государством»: «Но как же легко было, особенно в более удаленных провинциях, переходить от деспотической власти, осуществляемой от имени другого, к деспотической власти, осуществляемой от своего собственного имени! Вот почему почти везде наместники становились властными господами (...). Когда Мамун предоставил слишком много свободы в Хорасане своему смелому полководцу Тахеру, он тем самым передал ему бразды правления (...). То же самое повторялось со всеми наместниками, и, наконец,

обширное государство стало подобно архипелагу, состоящему из отдельных островков» (Гердер 1977. С. 568). Вслед за Гердером Гоголь показывает Дамаск как центр роскоши, Багдад еще и как центр интеллектуальной жизни; хотя описываемая у Гердера опасность привычки к роскоши признается Гоголем (в статье «О Средних веках» говорится о том, каким образом избежала ее рыцарская Европа; в лекции же «Первобытная жизнь арабов...» специально отмечено, что с переносом столицы в Дамаск начали забывать «суровую жизнь прежних калифов. Доселе калифы даже среди цветущих покоренных стран сохраняли простые обычаи. Калиф на расходы получал всего пять золотых монет (...) остаток доходов раздавал он добродетельнейшим людям в государстве и нищим», Ак. Т. 9. С. 142), но он полностью опускает этот хорошо известный ему мотив в «Ал-Мамуне». Распад империи по Гердеру идет уже при Гаруне, по Гоголю же она укреплена волей Гаруна; Гердер ни на миг не отождествляет реального Гаруна с героем сказочного цикла, которому «блестящее правление халифа Гарун-аль-Рашида послужило сценой» и который для Европы стал образцом того, «как скрывать тонкую истину в фантастическом одеянии невероятных событий» (Гердер 1977. С. 573); Гоголь делает это в своем образе «всезрящего, переодетого калифа» настолько демонстративно, что выводит его за пределы исторических интерпретаций. Это позволяет истолковывать предложенный в «Ал-Мамуне» сюжет и в пределах чисто литературного ряда — от иносказательно-«восточных» повестей французских просветителей (Вольтер, Дидро, Монтескье) и страстной реабилитации арабской темы в рамках философско-поэтического осмысления европейского Средневековья у Новалиса («Генрих фон Офтердинген», 1799—1801) до американизированной «Альгамбры» (1832) В. Ирвинга, давшей Пушкину основу для «Сказки о золотом петушке» (1834), и пушкинского же «Путешествия в Арзрум» (1829), тогда еще не изданного, но, возможно, известного Гоголю (см. коммент. к статье «Жизнь»). Между тем в изложении исторических событий, на фоне которых действует его Ал-Мамун, Гоголь почти буквально следует Гердеру, вплоть до упоминания в конце о секте ассасинов (см. с. 118; ср.: Гердер 1977. С. 569). Дважды в статье, почти буквально по Гердеру, формулирует Гоголь сущность, как он осторожно выражается, «азиатских образов правления, не имеющих определенных законов»; в черновом варианте — откровеннее и четче: «При азиатском деспотизме, где не столько страшен верховный властитель, сколько его наместники, желающие каждый в свою очередь быть деспотом, он умел обуздать их страхом своей вездесущности» (с. 116—117, 382); и во всех случаях он словно исходит из гердеровского положения: «Государство арабов не знало никакого строя — вот величайшее несчастье для деспота и для рабов. Весь строй магометанских государств — в одном: в полной покорности воле бога и наместников его, в исламе» (там же, с. 568—569). При выражено антидеспотическом характере своих рассуждений Гердер исключительно большое значение придает личности монарха, полагая, что, призванный к власти волей Провидения, он должен «приложить свои труды, как бы оправдывая Провидение» в его выборе, «ибо велико призвание государя, он словно бог среди людей, высший гений в образе человеческом» (там же, с. 251).

Требование незаемного просвещения, выдвинутое в статье, с большими затруднениями поддается формулированию применительно к рассматриваемой исторической ситуации (см. с. 722); оно ближе к отечественным проблемам и непосредственно может быть возведено к Веневитинову, к его наброску «Несколько мыслей в план журнала» (1826; опубл. 1831), где говорится: «У всех народов самостоятельных просвещение развивалось из начала, так сказать отечественного (...). Россия все получила извне; отсюда это чувство подражательности (...); отсюда совершенное отсутствие всякой свободы и истинной деятельности» (Веневитинов 1980. С. 129). Причиной такого «положения совершенно отрицательного» в литературе и в просвещении стала, по Веневитинову, «та самая быстрота, с которою Россия приняла наружную форму образованности» и получила «форму литературы прежде самой ее сущности»; с ней соотносима быстрота расцвета арабской культуры, о которой Гоголь не раз упоминает в своих статьях как о поразительной и чудесной; «всеобщая страсть выражаться в стихах», «многочисленность стихотворцев во всяком народе» расценивались Веневитиновым как «вернейший признак его легкомыслия» и следствие «недостатка нравственной деятельности» (там же, с. 129—131), он требовал, чтобы «истинные поэты (...) были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения» (там же, с. 131), и это требование стало программным для любомудров; такое противопоставление поэтов вообще немногим избранным очевидно и в гоголевской статье. «Уму человеческому сродно действовать, и если б он у нас следовал естественному ходу, то характер народа развился бы собственной своею силою и принял бы направление самобытное, ему свойственное» (там же, с. 129), — говорит Веневитинов; в противовес современным журналам, которые «служат пищею нашему невежеству, занимая ум игрою ума» (там же, с. 130), он предлагает создать журнал, целью которого было бы «некоторым образом устранить Россию от нынешнего движения других народов, закрыть от взоров ее все маловажные происшествия в литературном мире, бесполезно развлекающие ее внимание, и, опираясь на твердые начала философии, представить ей полную картину развития ума человеческого, картину, в которой бы она видела свое собственное предназначение» (там же, с. 132). В известной мере осуществлением этого проекта явился *МВ*, и первым его оппонентом стал *МТ*, журнал, задачей которого было ввести русского читателя в сферу европейской умственной деятельности и лицо которого до 1828 г. определялось Вяземским, полагавшим, что «в истинном смысле журнальном, все, что в глазах публики кипит жизнью минуты, подлежит ведомству журнальному» (Вяземский. Т. 2. С. 71; впервые: *МТ*. 1828. Ч. 22); его требование литературы, которая была бы живым выражением общества во всей его многообразности, естественным образом противопоставлялось установке на ее исключительно философскую значимость в критике *МВ*. В своих статьях Вяземский рисует в качестве идеала картину французской «республики мнений», управляемой «олигархией нового рода, составленную из умных людей и литераторов» (Вяземский. Т. 1. С. 268; впервые: *МТ*. 1826. Ч. 12), замечая, что и в России сама Екатерина II являла собой «пример владыки народа, с престола братски подающего руку писателям, образователям народов»: «Нет сомнения, что царствование

Екатерины II облагородило в России звание писателя»; она «ободряла покровительством и примером опыты отечественных писателей и, чтобы более приохотить Двор, а посредством Двора и общество к Русскому языку, упражнялась сама в Русской словесности» (*Вяземский*. Т. 1. С. 61, 113). «Многие из вельмож, любимцев власти, разделяли с Екатериною благоволение ее к людям, которые соперничествовали им на поприще вовсе отдельном и противопоставляли аристократии породы и чинов отступную, непокорную аристократию ума и дарований»; они «предупреждали учтивостями и ласками всех чужестранных баловней литературной молвы и в своем отечестве не чуждались сообщества, а, напротив, искали приязни людей, заслуживших известность умом и несколькими остроумными страницами или счастливыми стихами» (*там же*, т. 5, с. 12). С этой восходящей к рассуждениям г-жи де Сталь, а до нее к Руссо (см.: *Сталь 1989*, С. 289–291, коммент. В.А. Мильчиной, с. 445) и в значительной мере порожденной интересами литературной борьбы историко-литературной конструкцией Вяземского хорошо соотносится образ гоголевского Ал-Мамуна; к ней восходит и стилизованный образ Екатерины во второй редакции «Портрета», будто списанный у Вяземского и, вероятно, как и некоторые другие места этой редакции (см. с. 598), порожденный впечатлениями не 1842, а 1834 г. Пушкин, не полемизируя, кажется, прямо с концепцией Вяземского, относился к ней тем не менее со сдержанной иронией, Екатерины не любил и в придворно-просветительскую идиллию верил мало; «халифская», как мог бы сказать Гердер, версия такой идиллии была, по видимому, знакома Пушкину по повести У. Бекфорда «Ватек. Арабская сказка» (1782, изд. 1786), построенной, как и статья Гоголя, на материале книги д'Эрбело, Корана и сюжетов «Тысячи и одной ночи» (см.: *Жирмунский*, *Сигал*. С. 272–284) и также изображавшей правление одного из арабских халифов (ал-Васик, 849–854): «Ватек, девятый халиф из рода Абассидов, был сыном Мутасима и внуком Гаруна аль-Рашида. Он вззошел на престол в цвете лет. Великие способности, которыми он обладал, давали народу надежду на долгое и счастливое царствование» (*Фант. повести*. С. 165). Реформаторская деятельность Ватека в повести Бекфорда началась с перестройки отцовского дворца, и поначалу правление его не выходило за рамки традиций, однако все изменилось, как только «пылкий и беспокойный нрав» халифа привел его, как и гоголевского Ал-Мамуна, на арену научных и религиозных споров. «При жизни отца он столько учился ради развлечения, что знал многое; он пожелал, наконец, все узнать, даже науки, которых не существует. Он любил спорить с учеными; но они не могли слишком далеко заходить в возражениях. Одних он заставлял смолкать подарками; тех, чье упорство не поддавалось его щедрости, отправлял в тюрьму для успокоения (...), — говорится в повести. — Ватек захотел также вмешаться в теологические распри и высказался против партии, обычно считавшейся правоверной. Этим он вооружил против себя всех ревностных к вере; тогда он стал их преследовать, ибо желал всегда быть правым, чего бы это ни стоило» (*там же*, с. 166). «Просветительская» тема в повести довольно скоро уступает место иным сюжетным мотивам, но успевает до этого пройти по многим точкам, из которых складывается похожая сюжетная линия у Гоголя, в том числе в ней присутствует и

момент заемного знания, оборачивающегося, разумеется, обманом и несчастьем. Пожелав «из дерзкого любопытства (...) проникнуть в тайны Неба» (*там же*, с. 166), не обращая внимания на советы и предзнаменования, Ватек увлекает свой двор в запутанное, приобретающее все более символический характер странствие («Со времен Гаруна аль-Рашида не предпринимались столь далекие путешествия, так что никто не знал, какого направления держаться. Ватек, хорошо разбиравшийся в расположении небесных светил, плохо представлял себе, где он находится на земле», *там же*, с. 188), завершившееся бесславно под ропот потерявших терпение подданных. Повесть Бекфорда имела в библиотеке Пушкина в двух изданиях 1834 г. (оба на английском языке; см.: *Модзалевский 1988. С. 152, 155, № 584, 590*), одно из которых разрезано примерно на треть — до тех страниц, где сатирические и прямо фарсовые эпизоды начала повести (см. о попытках мудрецов прочитать загадочные надписи или о священной метле, привезенной из Мекки), заставляющие вспомнить манеру Вольтера, сменяются цепью фантастических, сказочных приключений. Эта начальная часть «Ватека» могла повлиять на изображение совершенно «халифского» отношения царя к мудрецу в «Сказке о золотом петушке». Дата «20 сентября 1834 г.», которую поставил Пушкин под сказкой, фиксирует время его интереса к теме «халифского» правления и, следовательно, возможного обсуждения ее с Гоголем осенью того же года в Петербурге; эта общая направленность их интересов достаточно любопытна.

Современная Гоголю критика не обратила внимания на статью. Осмысление ее началось только в конце XIX в., когда в комментариях Н.С. Тихонравова и В.И. Шенрока она была идентифицирована с упомянутым в воспоминаниях Н.И. Иваницкого «взглядом на историю аравитян» и соответственно датирована (см. выше), а также было установлено ее «некоторое, хотя и отдаленное, отношение к лекции десятой» гоголевского университетского курса и еще более отдаленное — к драме о короле Альфреде, личность которого «напоминала (...) некоторыми сторонами своей исторической деятельности, симпатичного Гоголю “Ал-Мамуна”» (*Тих. Т. 5. С. 587, 645; Т. 6. С. 687*). «Эпоха Аль-Мамуна — страничка из истории быстрого и роскошного развития арабской культуры; это — ее перелом, переход к постепенному упадку и изнеможению (...), — писал в юбилейной статье о Гоголе М. Ковалевский. — Лекция эта построена очень изящно, но грешит риторической изысканностью (...) для слушателей же она, вероятно, была тяжела чрезмерной сжатостью (...) и полным отсутствием исторических дат и конкретных фактов» (*Ковалевский 1909. С. 44*). С.А. Венгеров признавал «Ал-Мамун» одной из двух «блестящих» лекций Гоголя: «Всякий (...) увидит, что это — почти беллетристика, ряд картин и силуэтов чисто художественного пошиба». Эту «эффективную характеристику» Гоголь «тщательно обработал, ожидая, что к нему заглянут в аудиторию Жуковский и Пушкин», и «превосходно прочитал» затем в их присутствии, доказав, что «мог бы быть прямо выдающимся профессором» (*Венгеров. Т. 2. С. 46—47*). Н.И. Коробка, напротив, считал «Ал-Мамун» примером того, как «фантазия, яркая и мощная», постоянно вторгалась в процесс научной работы Гоголя, преодолевая ее: «Работа над историей Малороссии приводит к созданию “Тараса Бульбы”, подготовка к лекции по истории Англии

к созданию наброска трагедии “Альфред”. Иногда этот процесс останавливается на полпути и создаются такие произведения, как “Ал-Мамун” (Коробка. С. 15—16). В.В. Гиппиус видел в «Ал-Мамуне» попытку подхода к истории «со стороны “видимой природы”, “природы вещественной”», при котором «многое в истории разрешает география»; однако саму статью оценивал отрицательно: «Неудачу индивидуалиста Аль-Мамуна Гоголь пытался объяснить тем, что он не понял народа и его верований, возникших “из огненного аравийского климата, из огненной природы араба”: пример натянутого привлечения к делу “видимой природы” — по крайней мере Гоголь своих намеков не развил» (Гиппиус 1924. С. 66, 227). С.О. Машинский находил, что «Ал-Мамун» — «великолепный памфлет против просветительных иллюзий XVIII в.»: «Развитие истории зависит не от доброй или злой воли гуманного или не гуманного монарха. Гоголь с большей последовательностью, чем Вальтер Скотт, снимает эту фикцию французского Просвещения» (Машинский 1941. С. 48). В юбилейные торжества 1952 г. в обсуждение были внесены актуальные идеологические акценты; так, в докладе на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня смерти Гоголя, член-корреспондент АН БССР М.Т. Лыньков отметил, что «в интересной статье-лекции об Ал-Мамуне, известном багдадском халифе, много сделавшем для развития науки, искусства, просвещения своей страны и тем не менее потерпевшем неудачу из-за космополитического преклонения перед чужеземными формами просвещения, мы находим оригинальные мысли Гоголя о развитии национальной культуры», напомнив в связи с этим «антинародные, антинаучные стремления и попытки литературоведов и критиков школы Веселовского, а также и более поздних космополитов представить русскую литературу как продукт определенных чужеземных влияний» (Лыньков М.Т. Великий русский писатель Н.В. Гоголь // Изв. АН БССР. 1952. № 2. С. 48). Соответственным образом была тогда же истолкована статья и в комментарии Г.М. Фридендера, считавшего сказанное об Ал-Мамуне «лишь иллюстрацией для идей, имеющих более широкий смысл — о вреде, который приносит правитель, не знающий условий жизни и нужд своего народа, а также о вреде наносной, космополитической культуры, оторванной от национальной жизни»; исследователь указывал на переключку с другими гоголевскими произведениями 30-х годов («Тарас Бульба», «Альфред», «Ревизор») и полагал, что историко-политический характер статьи был предопределен ее первоначальным замыслом как «Тракт(ата) о правлении», которому позднее Гоголь предпочел форму «исторической характеристики», «более близкую ему как художнику и более зашифрованную в цензурном отношении» (Ак. Т. 8. С. 759). «Статья “Ал-Мамун” — весьма исторична, непосредственно применять ее содержание к гоголевской современности едва ли оправданно», — предупреждает Ю.В. Манн; тем не менее он говорит о «сокровенно личном» характере, который носит «упоминание в “Ал-Мамуне” “великих поэтов”, “которые соединяют в себе и философа, и поэта, и историка”, и — государственного деятеля», и даже о его «дерзком, почти программном практицизме»; центральная в статье проблема «несовпадения субъективной цели “правления” и его объективного результата» могла быть подсказана Гоголю коллизией пушкинского «Бориса Годунова», как она была осознана Гоголем

в ранней статье об этой трагедии (Манн 1978. С. 475–476, 478, 502). И.П. Золотусский видит в лекции Гоголя в присутствии Жуковского и Пушкина главным образом «спектакль, который редким составом своих участников вошел в историю университета», сама же статья являлась «поэтической компиляцией», заметное место в которой занимали «мысли Пушкина о просвещенном монархе», причем, говоря об исключительной роли избранных поэтов, Гоголь имел в виду «не только присутствующих в зале Пушкина и Жуковского, но и себя (...) это была лекция о поэтах и для поэтов» (Золотусский 1998. С. 143–144). А.Н. Лазарева рассматривает «Ал-Мамун» как веху духовного становления, в результате которого «от эстетического восприятия мира Гоголь переходит к более напряженному, этически обостренному переживанию» его в статьях Ар. В статье открывается обратная — «негативная, разрушительная» сторона расширенного художественно-эстетического подхода к действительности, и это делает ее близкой к «Портрету», в котором predeterminedены «проблемы и перспективы творчества позднего Гоголя» (Лазарева А.Н. Духовный опыт Гоголя. М., 1993. С. 44, 49–52). М. Вайскопф соотносит «Ал-Мамун» с темой покидаемого музыкой мира в статье «Скульптура, живопись и музыка» и в повести «Записки сумасшедшего»: «Тот же тревожный мотив уходящего Логоса мерцает в исторических заметках — “Ал-Мамун” посвящен плачевной судьбе воцарившегося философа, не сумевшего воплотить на земле возвышенную мудрость, привить ее народу, чуждому ей по своей “природе”» (Вайскопф 1993. С. 191). Первой специальной работой об «Ал-Мамуне» стала названная выше статья А.Б. Куделина, в которой на примере многих сопоставлений показана связь «Ал-Мамуна» с поздними произведениями Гоголя (см.: Куделин 1996. С. 305). Сравнивая тексты «Ал-Мамуна» и «Выбранных мест...» (учитывается также и «Авторская исповедь») с намерением «показать, в какой степени занятия историей стимулировали вызревание историко-политических идей Гоголя» (там же, с. 303), А.Б. Куделин отмечает их близость прежде всего с точки зрения авторского отношения к проблемам просвещения и цивилизации — «эти два элемента, наряду с отношением к религии, вызвали самую ожесточенную полемику вокруг поздней книги Гоголя», — а также «к вопросу управления государством у раннего и позднего Гоголя» (там же, с. 306–307). «В “Ал-Мамуне” Гоголь не развивает мысль о деятельности монарха “в азиатских образах правления, не имеющих определенных законов”, однако представление о его “необыкновенной” роли при подобном образе правления весьма близко идее “полномощного монарха”, стоящего “выше самого закона” и “умягчающего закон”, получившей впоследствии разработку и необходимые уточнения в “Выбранных местах”» (там же, с. 308–309). В этой связи А.Б. Куделин указывает также «на неслучайное сходство в трактовке важного для Гоголя представления о роли поэта»: «Великий поэт в монархическом государстве “без законов”, управляемом мудрым властителем, уподобляется “жрецу” и в этом плане его роль подобна роли поэта в патриархальном обществе с его “ничтожными законами”, живущем “одним только простым исполнением обычаев старины и обрядов”» (там же, с. 309); исследователь ссылается здесь на статью «Об Одиссее, переводимой Жуковским». Аналогичным образом отношение Гоголя к религии (а этот

момент в «Ал-Мамуне» «представляется (...) важным») прослежено на материале поздних статей «Просвещение» и «Страхи и ужасы России» (см. там же, с. 300). Исследователь приходит к выводу, что «некоторые принципиальные взгляды, получившие основательную разработку в “Выбранных местах”, в существенной мере созрели у Гоголя уже к осени 1834 г. в России до написания его главных художественных произведений и были тогда же впервые обнародованы» (там же, с. 312). Показывая, что в «Ал-Мамуне» Гоголь «препарирует исторический материал таким образом, чтобы извлечь из него “урок” для настоящего» (там же, с. 311), А.Б. Куделин полагает, что гоголевская «явная тенденциозность (...) объясняется желанием занять определенное место в идеологических столкновениях своего времени». «В “Ал-Мамуне” Гоголь явственно, хотя и в “зашифрованной” форме, обнародовал свою позицию по наиболее острым идеологическим вопросам, разделившим Россию на “славянистов”, “восточников”, и “европеистов”, “западников»» (там же, с. 305), — пишет А.Б. Куделин; он признает правомерными те интерпретации, которые изымают статью «из узкоспециального контекста занятий Гоголя вопросами всеобщей истории и соотносят ее с историко-политическими идеями, волновавшими Россию в первой половине XIX в.»: «Действительно, русский дух сквозит в этом сочинении» (там же, с. 303). «Урок “Ал-Мамуна”, — заключает А.Б. Куделин, — Гоголь преподносит на историческом материале, по всей вероятности руководствуясь соображением, высказанным в “Выбранных местах”: “...Отыщи в минувшем событии подобное настоящему, заставь его выступить ярко и порази его в виду всех, как поражено было оно гневом божьим в свое время; бей в прошлом настоящее, и в двойную силу облечется твое слово: живей через то выступит прошедшее, и криком закричит настоящее”. Личный опыт Гоголя не подтвердил этого соображения. “Ал-Мамун”, быть может, из-за своих восточных, “экзотических” одежд остался совершенно незамеченным современниками, несмотря на полную прозрачность его исторических аллюзий. И, напротив, слово “Выбранных мест” облеклось в “двойную силу”...» (там же, с. 312).

С. 114. *Ал-Мамун* — шестой халиф (см. коммент. к статье «О Средних веках») из династии Аббасидов (813—833), старший сын Харуна ар-Рашида (см. ниже) от иранской рабыни; получил трон во внутридинастической борьбе, двинув на Багдад войска из Ирана, куда Харун назначил его несменяемым наместником; преемник Харуна, брат Ал-Мамуна халиф Амин (809—813) был убит при бегстве из осажденной столицы. Ал-Мамун стал знаменит как покровитель наук и искусств, особенно способствовавший разветвлению переводческой деятельности, для которой в Багдаде в 832 г. было создано ученое учреждение «Бейт ал-хикма» («Дом мудрости») с библиотекой и обсерваторией; при его участии было разработано учение мутазилитов (см. ниже), положившее начало мусульманскому богословию. Царствование Ал-Мамуна историки называют смутным временем, поскольку на всем его протяжении практически не прекращались мятежи и многолетние восстания на социальной, религиозной и национальной основе, охватывавшие иногда огромные территории (см.: *Беляев 1966*. С. 215—216, 248—250).

С. 114. ...*Калифат* ~ обнимал на востоке всю цветущую юго-западную Азию и замыкался Индией, на западе он простирался по берегам Африки до Гибралтара. — Калифат (Халифат) — в данном случае название, под которым стало известно в Европе арабское государство, образовавшееся в VII в. и в результате завоеваний расширившееся в VIII в. даже далее указанных Гоголем пределов (см. коммент. к статье «О Средних веках»); однако к началу IX в. оно уже начало распадаться: при воцарении Аббасидов не признал их власти и стал полностью независимым Кордовский халифат (755 г.) на Пиренейском полуострове, затем образовались самостоятельные династии на территории Северной Африки (788 и 800 гг.).

С. 114. *Сильный флот покрывал Средиземное море...* — Сирийско-арабский флот был создан халифом Муавией I (661–680), первым в династии Омейядов, еще до прихода к власти, когда он был наместником Сирии; при строительстве использовались традиции древних мореплавателей-финикийцев, сохранявшиеся среди жителей ливанского побережья. Флот был необходим для морской торговли с Западной Европой и обороны от византийцев, тогда господствовавших в восточном Средиземноморье; уже в 648 г. арабский десант, высаженный с кораблей, захватил Кипр, а во время второго похода на Константинополь флот участвовал в его осаде, начатой в 673 г. и затянувшейся на пять лет, однако был разбит сильным византийским флотом (см.: *Беляев 1966. С. 173–174*).

С. 114. ...*Багдад, столица этого нового чудесного мира...* — Багдад, по названию которого государство Аббасидов вошло в историю как Багдадский халифат, был построен в 762–766 гг. вторым халифом династии Мансуром (754–775), желавшим перенести двор из Дамаска, чтобы уменьшить влияние сторонников прежней династии Омейядов, которых было много в Сирии. Новую столицу строили на месте небольшого поселения в Ираке, на правом берегу Тигра, согнав туда множество работников из Месопотамии, Ирака, Сирии, Ирана; город начал быстро разрастаться по обоим берегам реки, превращаясь в один из крупнейших центров ремесел, искусства и торговли. Первостепенное культурное значение Багдад приобрел при Ал-Мамуне, став средоточием интеллектуальных сил арабского мира (см.: *Беляев 1966. С. 211–212, 230–231*).

С. 114. ...*Бассора, Нишапур и Куфа зрели новообращенную Азию, стекающуюся в свои блестящие школы...* — Бассора — Басра, на побережье Персидского залива, и Куфа на Евфрате — два больших города в Ираке, основанные в 636–638 гг. на месте бывших военных лагерей, центры арабской филологии, философии и богословской схоластики; Нишапур — вероятно, Нишапур, в центре провинции Хорасан, один из крупнейших городов Ирана, с развитой культурой, известный своими библиотеками.

С. 114. ...*Дамаск мог одеть всех сластолюбцев дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами...* — В Сирии было развито шелководство и выделка шелка и парчи; металлообрабатывающие ремесла имели целью прежде всего изготовление посуды, а также вооружения для халифского войска; знамениты были мечи из дамасской стали,

способ заделки которой хранился в тайне (см.: *Беляев 1966. С. 227–228*).

С. 114. *...создавал водопроводы...* — Значительная часть территории Халифата находилась в зоне искусственного орошения; ирригационные работы в сельском хозяйстве велись здесь издавна, строились водопроводы, плотины, оросительные каналы; Гердер упоминает, в частности, о построенном арабами акведуке в Тунисе (см.: *Гердер 1977. С. 567*).

С. 114. *Гарун — Харун ар-Рашид (763–809)*, четвертый халиф (786–809) из династии Аббасидов; стал знаменит в Европе благодаря сказкам «Тысячи и одной ночи», где он изображен как идеальный государь, мудрый и справедливый; историки же видят в нем вероломного и мстительного деспота, боявшегося собственных подданных (см.: *Беляев 1966. С. 214–215*).

С. 114. *Он не был исключительно государь-философ, государь-политик, государь-воин или государь-литератор. Он соединял в себе все...* — Г-жа де Сталь в своей книге «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями» (1800), обсуждая распространенное утверждение, «что мудрый философ, великий писатель, красноречивый оратор вовсе не способны встать во главе нации», говорит, что оно выдвигалось «лишь для того, чтобы не допустить талантливых людей к кормилу власти»; эта «безнадежная разъединенность политики и философии» должна быть, по ее мнению, преодолена, и «лучший способ помочь расцвету просвещения — воспитывать граждан, соединяющих в одном лице воина, законодателя и философа» (*Сталь 1989. С. 290, 294*).

С. 114. *Уже арабы перешли эпоху своего фанатизма и завоеваний, но все еще были исполнены энтузиазма...* — Имеется в виду время от создания арабского государства при пророке Мухаммаде до воцарения Омейядов — те «тридцать лет энтузиазма», на которые, по Гердеру, пришелся первый «неудержимый поток военного счастья» арабов. «Словно жгучий самум пустыни, войны, как только Мохаммед умер, объяли Вавилонию, Сирию, Персию, Египет. Арабы на битву шли словно на богослужение, вооруженные стихами Корана и надеждами на райскую жизнь; не было у них недостатка и в личном мужестве»; роль «фанатического энтузиазма» в создании могучей арабской империи представляется Гердеру первостепенной (*Гердер 1977. С. 565–567*).

С. 114. *Наместники и эмиры, из которых каждый обыкновенно стремится быть деспотом...* — Эмирами называли представителей светской власти. Наместники провинций при Аббасидах назначались халифом и подчинялись только его распоряжениям; подати и налоги должны были поступать в Багдад в государственную казну, присвоение их на местах считалось незаконным, и самоуправство в провинциях выявлялось специальным ведомством контроля и сыска и подавлялось вооруженной силой; тем не менее произвол наместников был нередок, особенно в условиях народных восстаний, когда все ресурсы направлялись на их подавление (см.: *Беляев 1966. С. 239–242*).

С. 115. *Тогда аравитяне только что открыли Аристотеля.* — Сочинения Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), сохранившиеся в византийских рукописях, дошли до арабов через сирийских несториан в конце VIII в.

При Ал-Мамуне в Багдаде было начато систематическое собирание и изучение рукописей, включающее их переводы, изложения и толкования.

С. 115. *Эти бесконечные выводы, это облечение в видимость и порядок того, что они прежде чувствовали в душе пламенными отрывками, не могли не околдовать тогдашних ученых.* — Гердер говорит, что собственно арабская философия «как везде на Востоке, выросла на основе Корана, а благодаря переведенному на арабский язык Аристотелю только обрела научную форму»: «Арабы почти до конца исчерпали синтез метафизики и поэзии и сочетали свою метафизическую поэзию с возвышенной мистической моралью. Возникли разные течения, которые спорили друг с другом и в спорах уже заняты были той тонкой критикой чистого разума, к которой схоластике Средних веков не осталось прибавить ничего, кроме как тонко разделять уже данные понятия в согласии с европейскими, христианскими догматами» (Гердер 1977. С. 573).

С. 115. *...Ал-Мамун ~ употреблял все старания ввести в свое государство этот чуждый доколе греческий мир.* — По черновику видно, что начиная с этого места Гоголь стремится наложить видящуюся ему драматическую коллизию на конкретный исторический материал, однако сталкивается с его сопротивлением.

С. 115. *Естественно, что тогда более всего приносили свои познания в Багдад те...* — В черновике немного выше было начато: «Естественное дело, что более Царьградские греки»; зачеркнув это, Гоголь дописал конец предыдущего предложения, буквально цитируя д'Эрбело (ср. с. 709): «какой бы ни был он религии, каких бы ни был исполнен противоречащих начал»; очевидно, что и просветительская роль сирийских несториан, и чрезвычайно запутанные в национальном отношении истоки ведущей философии того времени не укладывались в пределах противостояния греческого и восточного сознания, на котором основывался в своем описании Гоголь.

С. 115. *...которые еще сохраняли в душе своей образ политеизма, облеченного христианскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммония Саккаса, Плотина и других последователей ново-платонизма...* — Неоплатонизм — течение в греческой философии, стремившееся совместить системы Платона, Аристотеля и некоторые другие философские учения (исключая эпикуреизм) с христианством, а также с восточной мистикой и мифологией (III—VI вв.); легенда возводит неоплатонизм к идеям Аммония Саккаса (175—242); реальным же основателем этой философии стал учившийся у него в Александрии и затем возглавивший собственную школу в Риме Плотин (205—270). См. заметку Гоголя «Новоплатоническая школа. Александрия» (Ак. Т. 9. С. 155).

С. 115. *...которые уже не находили поля для своих ученых ристаний в Царьграде, слишком занятом спорами о догмах христианства.* — О религиозных расприх в Восточной Римской империи Гоголь говорит в лекции «(9.) Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров, битв с персами и завладения земель ее арабами», объясняя именно «ожесточением сект» неспособность Восточной империи сопротивляться аравитянам, захватившим значительную часть ее территорий в VII в. (см.: Ак. Т. 9. С. 133—137); к середине же VIII в. «в Константинополе образовалось совершенно духовное государство: монахи заседали в советах и

вместо важных гражданских дел были предлагаемы прения о предметах религиозных, отлучения и проскрипции» (*там же*, с. 138).

С. 115. *Багдад превратился в республику разнородных отраслей познаний и мнений.* — В черновике сначала было: «превратился в республику мнений»; Гоголь, очевидно, стремится уйти от этой формулировки, слишком напоминающей тезис французских философов-материалистов XVIII в. «мнения правят миром».

С. 115. *Визирь* (везиры) — высшие государственные сановники при Аббасидах; главный везир считался первым помощником и советником халифа, был хранителем его печати и обладал верховной властью, ограничиваемой только волей халифа; должность эта была учреждена по аналогии с организацией правительства Ирана при Сасанидах и традиционно занималась представителями иранской аристократии (см.: *Беляев 1966. С. 240*).

С. 116. *Но для араба поле подвигов было заграждено этим бесплодным чужестранным просвещением. Самый космополитизм Ал-Мамуна ~ уже зашел несколько далеко. Выгоды, которые в государстве получали христиане...* — В рукописи здесь и ниже вместо «христиане» — «иностранцы»; Гоголь также заменяет слово «европеизм» на «полуевропеизм», вычеркивает слово «космополитизм» и снова употребляет его применительно к Ал-Мамуну (см. «Варианты»); эти сомнения отражают сложность этнических, религиозных, сословных и культурных градаций в описываемый период, к тому же и менявшихся с воцарением каждой новой династии арабских владык. Халифат представлял собой многонациональную империю, включившую в себя обширные византийские территории; христианство здесь не вносилось извне, а существовало на значительной части этих земель до их завоевания арабами. Греческое просвещение арабы получили не непосредственно от византийских греков, с которыми воевали на протяжении всей своей истории (причем широко опираясь в этой борьбе на христианские секты), а от сирийских христиан (см. выше). «С падением византийского государства в Сирии прекратились преследования инославных христиан, противников греко-византийского православия, а православное духовенство избавилось от засилья греческих князей церкви. Это несомненно улучшило положение различных местных церквей — монофизитов, несториан, маронитов и др. Кроме того, христианское духовенство сохранило судебные функции, выступало сборщиком податей со своей паствы и гарантом ее платежеспособности (а это усиливало его влияние и приносило ему доходы), ведало школами. Монастырям арабо-мусульманские власти предоставляли значительные податные льготы. Поэтому христианское духовенство в Сирии служило опорой господства Омейядов. Следует иметь в виду, что в то время многие христиане считали ислам не особой религией, а одной из христианских сект. (...) Служба в войске была обязанностью и привилегией арабов, не только мусульман, но и христиан. (...) Арабы еще не имели своей интеллигенции. Людью свободных профессий и интеллектуального труда — архитекторами, врачами, секретарями, специалистами по землепользованию и ирригации — были исключительно выходцы из коренного населения. Наряду с христианами среди них были иудеи, тоже пользовавшиеся свободой вероисповедания» (*Беляев 1966. С. 170–172*).

С. 117. ...глаз его должен иметь многосторонность Аргуса... — Аргус — в греческой мифологии сын богини земли Геи, великан с множеством глаз, никогда не закрывавшихся одновременно.

С. 117. Сильные эмиры ~ думали о независимости, и Ал-Мамун уже при жизни своей видел отторжение Персии, Индии и дальних провинций Африки. — Иран получил относительную автономию еще при Харуне ар-Рашиде, когда тот назначил туда наместником своего сына от иранской рабыни Ал-Мамуна; наместничество в Хорасане с 821 г. было сделано наследственным. Североафриканские территории (Магриб и Дальний Магриб), формально признавая власть Багдада, отделились фактически еще до воцарения Ал-Мамуна (см. выше); самостоятельное государство в Марокко существовало с 788 г., в Тунисе и Алжире — с 800 г. При Ал-Мамуне в 831 г. в Египте произошло восстание коптов (христиан-монофизитов), лично жестоко подавленное им: мужчины были перебиты, а их жены и дети проданы в рабство, страна же пришла в запустение; самостоятельное государство здесь образовалось в 868 г., когда наместничество, по примеру других территорий, было преобразовано в наследственную династию. Халифат как государство распался к 945 г., после чего халифы сохраняли только духовную власть; около 1132 г. их политическая власть была восстановлена, но лишь на ограниченной территории в пределах нижнего Ирака и Хузистана.

С. 117. ...он не мог не видеть всех бесчисленных противоречий, пламенных нелепостей, которые вырывались всеместно в постановлениях исступленного творца Корана. — О пророке Мухаммаде см. коммент. к статье «О Средних веках». Гоголь приписывает здесь Ал-Мамуну представление о Коране в духе французской Энциклопедии под редакцией Дидро и Д'Аламбера, где говорилось: «Противоречия, нелепости, анахронизмы в изобилии содержатся в этой книге» (об идеологическом характере этой оценки и еще более резкой в «Восточной библиотеке» д'Эрбело, также известной Гоголю, см.: *Беляев 1966. С. 88–89*). Совершенно иное по тону изложение главных положений Корана в лекции Гоголя см.: *Ак. Т. 9. С. 140–141*.

С. 118. *Гуриш* — прекрасные «чистые супруги», которые даются в мусульманском раю праведнику для плотских утех и при этом вечно остаются девственными (см.: *Мифы. Т. 1. С. 341*).

С. 118. ...обвинял гласно калифа в мотализме, или ереси. — Имеется в виду учение мутазитов (араб. отделившихся) — мусульманских theologов конца VIII — середины X в., применявших методы греческой логики и философии к истолкованию взаимоотношений Бога и человека; они утверждали, что Бог не подобен своим творениям и непознаваем для них; отрицалась извечность Корана; утверждалась свобода воли человека в пределах предложенных Богом возможностей и его нравственная ответственность за сделанный выбор; халифу, как верховному имаму, вменялось в обязанность утверждать веру мечом. Наиболее известные школы мутазитов находились в Багдаде и Басре. Ал-Мамун сделал учение мутазитов государственным исповеданием, обязательным для всех мусульман (до этого ислам представлял собой соединение разных течений и сект); противники его преследовались властями до 847 г., когда при новом халифе оно было объявляе-

но еретическим. Как указывает А.Б. Куделин, «статью о “мотазалах”» (мутазилитах) Гоголь мог найти в «Восточной библиотеке» д'Эрбело (см.: Куделин 1996. С. 305).

С. 118. ...*секту карматянов, долго еще свирепствовавшую под именем Сирийских Убийц, во время Крестовых походов.* — Карматяны — карматы, мусульманская секта, принадлежавшая к шиитскому течению исмаилитов, признававшему Исмаила седьмым и последним в ряду имамов — потомков халифа Али. Исмаилиты толковали Коран аллегорически и отрицали большую часть исламских обрядов; по их учению, складывавшемуся под влиянием неоплатонизма, божественные субстанции — Мировой Разум и Мировая Душа — через определенные промежутки времени воплощаются в людях, пророках и имамах, призванных учить и разъяснять учение; с пришествием последнего, «скрытого» имама должно быть установлено царство равенства и справедливости. Исмаилиты имели иерархическую организацию с несколькими степенями посвящения и обязанностью слепого подчинения высшим. Секта карматов возникла в IX в. на почве крестьянского движения в Южной Месопотамии и распространилась затем в Сирии, Хорасане и Йемене; карматы выдвинули лозунги социального равенства и общности имущества; они не признавали религиозной власти халифа, не подчинялись нормам шариата, не почитали храма Каабы в Мекке; имели тайную организацию, имя руководителя которой скрывалось от рядовых членов, и сеть миссионеров. Восстания карматов произошли в 890 г. в Ираке и в 894 г. в Бахрейне; в 900 г. началось восстание в Сирии и Южном Ираке, во время которого в 901 г. подвергся осаде Дамаск, а в 906 г. оно было жестоко подавлено войсками халифа, однако и после этого движение карматов продолжалось в Сирии и Палестине, Хорасане и Средней Азии, в Бахрейне же они создали собственное государство, которое просуществовало до конца XI в. и в котором, по свидетельству путешественника, с полной терпимостью относились к поселившимся там последователям всех религий и сект. Сирийскими Убийцами называли ассасинов (так передавали европейцы арабское «хашишийун» — «курильщики гашиша», от названия наркотика, который употребляли воины) — членов другой исмаилитской воинствующей секты; образовавшейся в конце XI в. и объединившей под своей властью несколько крепостей, разбросанных в горах Сирии и Ирана; созданное таким образом теократическое государство, враждебное и арабским халифам, и туркам-сельджукам, захватившим к тому времени Иран, и крестоносцам в Сирии, широко применяло против них тактику политических убийств, осуществлявшихся фанатиками-смертниками; оно управлялось главою секты — «горным старцем» — и просуществовало почти до конца XIII в. Деятельность секты произвела сильное впечатление на европейцев: слово «ассасин» вошло в европейские языки как обозначение особенно коварного, наемного или политического убийцы, образ же «старика с гор», как указывает А.В. Михайлов, был «крайне распространен в немецкой литературе рубежа XVIII—XIX вв. для обозначения тайной, беспредельной, немилосердной власти, а иногда для обозначения особой, тайной мудрости» (Гердер 1977. С. 677).

ЖИЗНЬ

Источники текста: *ЧА Жэ₁*, *ЧА Жэ₂*, *Ар.* (см. с. 489—491).

Впервые опубликовано: *Ар.* Ч. 2. С. 3—8. Датируется концом августа — сентябрем 1834 г. Печатается по *Ар.*

В «тетради Тарновских» *ЧА Жэ₁* начат на обороте последнего листа рукописи «Портрета». Текст содержит значительную правку, местами незавершенную, сделанную в ходе работы; кроме того, после окончания статьи была внесена дополнительная мелкая правка, а ниже последнего абзаца на л. 101 записаны две вставки (первая в окончательном варианте разделена на две). Рукопись без заглавия. На обороте л. 101 начата статья «Последний день Помпеи»; такое плотное расположение материала дает основание предположить, что эти три текста были написаны последовательно один за другим, причем, поскольку завершение «Портрета» и начало статьи о Брюллове хронологически совпадают, на работу над «Жизнью» приходится не более нескольких — очень немногих — дней в конце августа — начале сентября 1834 г. Название статьи отсутствует в обоих планах *Ар.*; в связи с этим было сделано предположение, что «Жизнь» «написана после статьи о картине Брюллова, которая в этот перечень уже включена» (*Коробка.* С. 560; *Ак.* Т. 8. С. 759). Существует также *ЧА* начала статьи (первые три абзаца, до слов «питаемый великим Нилом», *ОР РГБ.* Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 10), написанный каллиграфическим почерком на листке почтовой бумаги и почти совпадающий с печатным текстом (вероятно, это лишь проба пера; на обороте листа отрывок «Особенно нужно знакомить...», см. в коммент. к статье «Мысли о географии», с. 801). Название «Жизнь» включено Гоголем в оглавление пятого тома будущего собрания сочинений (см.: *Ак.* Т. 8. С. 497), причем поставлено здесь первым; поскольку и в *Ар.* статья открывает собой вторую часть, можно предположить, что автор придавал ей особое значение, делающее возможным использование ее в качестве вступления (даже эпитафии) к последующим произведениям, как бы призванного «запечатлеть главную идею сборника» (*Вайскопф 1993.* С. 188).

Статья не была замечена современной Гоголю критикой; преднамеренно искаженный фрагмент из «Жизни» был приведен в рецензии *БдЧ* как пример того, что в языке и слоге научных статей *Ар.* «заметно что-то более чем молодое» («Мы можем взять еще несколько мест, не касаясь даже Египта *повитого* иероглифами, *помавающего тонкими пальцами, жилицами своих равнин, понижающего ниже свои пирамиды, и тысячи других вещей в том же роде*» (*БдЧ.* 1835. Т. 9. Кн. 3. Март. Отд. 6. С. 12). Возможно, однако, что на статью обратил внимание Пушкин, и если не влияние Гоголя, то по крайней мере сближение с его стилистической манерой обнаруживается в отрывке «Мы проводили вечер на даче...» (предположительно 1835 г.) — описание здесь пира Клеопатры, отличающееся «исключительной для пушкинской прозы {...} орнаментальностью стиля» (*Бонди С.М.* Новые страницы Пушкина. М., 1931. С. 188), «воспринимается как своеобразная стилизация: так могла бы выглядеть “Клеопатра” в пересказе Гоголя» (*Петрунина 1987.* С. 293).

В критической литературе «Жизнь» рассматривалась главным образом как художественный этюд на исторические темы. «Иногда Гоголю было тесно даже в широких рамках его лекций, и он давал еще больший простор своему художественному пониманию истории. Так, по-видимому, возник у него изящный отрывок “Жизнь”, ранний прототип тургеневских “Стихотворений в прозе”» (Ковалевский 1909. С. 45). В.В. Гиппиус видел в статье свидетельство того, что «граница между научным и художественным подходом к истории была для Гоголя почти неуловимой» и поэтому «самое широкое из своих обобщений, картину древнего мира — Гоголь дал в “Арабесках” в виде уже откровенной лирики — в ритмической и образной “Жизни”» (Гиппиус 1924. С. 67, 68). Сопоставление «Жизни» с произведениями И.С. Тургенева продолжил А.С. Орлов (см.: Орлов 1927. С. 61–66); при этом «барельефность» гоголевских картин, в которых «все неподвижно и символично», А.С. Орлов возводит к излюбленной в XVIII в. «манере характеризующих эмблем»: «В александровскую и николаевскую эпохи такая эмблематическая характеристика была обычным явлением в русских произведениях изобразительных искусств» (там же, с. 61–63). Существенная историко-литературная локализация последнего признака предложена Ю.В. Манном: «Статья представляет собою характерный для 1820–30-х гг. жанр “эмблематического” сжатого описания человеческой истории, ее основных этапов и воплощающих эти этапы стран и народов (ср. произведение Д. Веневитинова “Утро, полдень, вечер и ночь”, 1825)» (Манн 1978. С. 502). На фоне всего сказанного когда-либо о «Жизни» выделяется совершенно исключительная оценка этого произведения в статье В.В. Розанова «Апокалиптика русской литературы» (1918): «И все оголенное существование Отечества, кажется, не стоит этих единственных во всемирной письменности строк. По их законченности. По их универсальности. По их неисчерпаемости. Но Гоголь, по мысли Розанова, изменил всемирной поэзии «Жизни»: «Что-то случилось. Что-то слукавилось. Кто-то из “бедной ясли” вышел не тот. (...) И стал “бедный сын пустыни” описывать Чичиковых... Подхалюзиных. Собакевичей. Плюшкиных» и «сошел с ума (...) обледенев от ужаса» (Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. С. 471–472). То, что В.В. Розанову виделось роковым и необъяснимым изломом гоголевского творчества, С.Г. Бочаров осмысляет как «сложную ломаную линию пути», образующую его «смысловой объем»; представив в «Жизни» «поэтическую картину всемирной жизни древнего человечества и явления в ней христианства», Гоголь затем сделал «Шинель», собравшую в себе максимум мотивов «оголенного существования Отечества», «проводником универсального мифа в сюжете русской литературы», включив их равным образом в сферу «универсальной поэзии» (Бочаров 1999. С. 146, 147).

Статья может быть соотнесена с тем ключевым моментом труда Гердера («Идеи к философии истории человечества», изд. 1784–1791), когда он, закончив рассмотрение событий древней истории и готовясь перейти к истории новой, посвящает программную книгу XV размышлениям о целях Провидения, о времени, сметающем следы человеческих свершений, и о видимой беззащитности их перед страшной силой уничтожения: «И вот, все в

истории преходяще; и надпись на храме Истории гласит: Ничтожество и Тлен. Мы (...) бродим по ушедшим в землю развалинам человеческих обществ и царств. Словно тени, прошли мимо нас Египет, Персия, Греция, Рим, словно тени, выходят они из своих могил и являются в истории» (Гердер 1977. С. 426). Вопрос о смысле жизни ставится здесь Гердером с трагическим напряжением, заставляющим вспомнить о том, что он был не только ученым, но и поэтом: «Нам положено желать, нам положено стремиться, но плодов своего труда мы не видим и в целой истории не узнаем результатов человеческих устремлений. (...) Мы строим на льду, мы пишем на волнах морских; волна разбивается, лед тает, и вот вся наша планета исчезает, как исчезают наши мысли. Для чего же злосчастный труд заповедан богом роду человеческому в его краткой жизни? (...) Перечтем, в какие времена народы были счастливы и в какие несчастливы (...) и даже у лучших времен и у лучших правителей подведем итог глупости и мудрости, итог разума и страстей, — какая получается страшная отрицательная величина!» Поставив таким образом проблему теодицеи («...Я видел немало людей, которым казалось, будто на бурном океане человеческой истории они теряют из виду бога, которого на твердой почве испытания природы видели своими духовными очами»), Гердер предполагает решить ее в рамках своей теории («Но если есть бог в природе, то есть он и в истории, ибо и человек — часть творения») и формулирует далее свой знаменитый тезис: «Человечество повсюду было тем, во что способно оно было обратить себя»; в соответствии с ним, по Гердеру, история — это «соревнование народов, спорящих о прекраснейшем венце гуманности и человеческого достоинства» (там же, с. 427–428, 431).

Спор ушедших царств о смысле человеческого существования у Гоголя выстроен, как кажется, с последовательной ориентацией на книгу Гердера; об этом говорит уже начало статьи, где показаны в момент перелома три части света, как бы склонившиеся над чашей «великого» Средиземного моря. Мысль о его ключевой роли лежит в основе построений Гердера: «Когда, в изначальной древности, между Пиренеями и Альпами, Апеннинскими и Атласом мощно изогнулась чаша Средиземного моря и поднялись вверх мысы и острова, чтобы служить пристанищем кораблей и народов, тогда уже предначертаны были вечной судьбой пути европейской культуры. Ибо если бы три части света были непосредственно соединены, то Европа никогда не достигла бы своего уровня культурного развития (...) только Средиземноморье подарило нашей Земле Финикию и Грецию, Этрурию и Рим, Испанию и Карфаген, а благодаря четырем первым возникла и вся европейская культура» (там же, с. 334–335); в качестве примера иного варианта развития Гердер называет, в частности, Египет: «Народ, живущий замкнуто, между гор, вдали от берегов, чуждый общения с другими нациями, народ, все свое просвещение воспринявший из одного источника, народ, который железными законами закрепляет свою культуру (...). Примером, не считая Египта, послужат все страны Азии» (там же, с. 350). Он описывает Египет как страну, «которая стоит перед нами неразрешенной загадкой», плотно выстраивая те черты, которые берет и Гоголь для своей сжатой характеристики (см. там же, с. 338–339). Но гоголевское представление более современно; оно дополнено новыми знаниями и ближе

к истолкованию Гегеля, рассматривавшего в своих лекциях по философии религии (курс был прочитан четыре раза — в 1821, 1824, 1827 и 1831 гг. и опубликован посмертно, в 1832 г.) египетскую культуру как представляющую собой ранний, но чрезвычайно важный этап развития духа — когда дух впервые осознает себя бессмертным; именно здесь, по Гегелю, «сознанию открылось высшее определение человека» (Гегель Г.В.Ф. Философия религии. Т. 2. М., 1977. С. 34). В конце 20-х — начале 30-х годов материалы по египетской теме довольно регулярно появлялись в *МВ* (см., например, *МВ*. 1827. Ч. 1. С. 237—242; Ч. 2. С. 293—298; Ч. 6. С. 367—371). Об интересе Гоголя к египетской теме свидетельствует начатый им предположительно в 1834 г. перевод книги «Древний Египет» Ж.-Ж. Шамполиона-Фижака, брата знаменитого египтолога и издателя его произведений (см.: Наркевич А. Мнимая заметка Гоголя // ВЛ. 1960. № 3. С. 124—126); при этом переведенный Гоголем отрывок, содержащий самую общую, первоначальную характеристику Египта, заканчивается словами: «Величайшие нравственные явления раскрылись еще на сей земле» (Ак. Т. 9. С. 146). Не мог не учитывать Гоголь и общезвестное библейское значение Египта как земли, над которой сбылись боговдохновенные грозные пророчества, сделанные в эпоху ее расцвета (см.: БЭ. С. 212—213), неявно присутствующее и у Гердера, когда он отмечает как исполнившуюся закономерность тяжелое запустение современного ему Египта (Гердер 1977. С. 343—344).

Гоголь следует за Гердером и в описании «светлого мира греков». «Ближе к Греции — светает, и мы радостно плывем навстречу этой стране», — пишет Гердер; он называет Грецию «прекрасной проблемой истории». Само географическое положение Греции — ее глубоко изрезанное морем побережье с окружающими его островами — побудило народ «к интенсивному обмену идеями и представлениями и к такой активной деятельности, которая самой природой была заказана живущим на твердом материке народам»; такое следствие Гердер считает совершенно закономерным и повторяющимся в других местах и в другие эпохи. «Напрасный труд перечислять все те пути, по которым, через Фракию, Геллеспонт или острова, шли на юг и запад народы, впоследствии расселившиеся, под прикрытием гор с севера, по всей территории Греции. Одно племя шло за другим, одно оттесняло другое (...). Не было общего правителя над ними, который навязывал бы им культуру; по доброй воле, сегодня — один, а завтра — другой клочок земли, принимали они нравы и законы — чрез звуки лиры, раздающиеся во время священных обрядов, игр и хороводов, чрез науки и искусства, ими же изобретенные, но, главное, в общении между собой и в сношениях с чужими народами; и на пути своем к культуре этот народ оставался народом вольных греков» (там же, с. 349, 350, 353, 354). Для Гоголя гердеровская Греция оказывается дальним прообразом складывающейся новой Европы, говоря о которой в начале статьи «О движении народов в конце V века», он выстраивает демонстративно длинные ряды этнонимов, чтобы затем в конце представить единую, уже сплотившуюся вольную Европу в ее противостоянии натиску деспотической Азии. Так, по Гердеру, были созданы уникальные условия для развития культуры, которая во всех своих областях — от искусства до повседневной жизни — стремилась «от

необходимого к прекрасному и приятному; во всем присущем им греки, можно сказать, достигли высшей точки развития»; только здесь и мог проявиться «легкий и верный дух, которым отмечены все создания греческого вкуса». Греки полностью реализовали свое человеческое назначение, «были всем, чем могли быть в данных обстоятельствах» (*там же*, с. 359, 364–365, 371).

«Народ, которого вся жизнь состояла из войны» — так начинается набросок Гоголя, вводящий в римскую историю (*Ак. Т. 9. С. 156*); эта формула вполне передает сказанное о римлянах в «Жизни», и к ней же сводится развернутая характеристика их у Гердера. По Гердеру, «римляне вели войны необычайно быстро, а число войн росло: одна давала начало другой и одна торопила другую. Римляне даже приберегали на будущее разные поводы, чтобы начать войну, как только окончится предыдущая, и, словно капитал наживы, счастья и чести, они обращали войны на пользу себе. (...) Дружба и союз с римлянами означали опеку, совет был приказанием, решение — войной или порабощением. Никогда гордость не была столь бесчувственной, смелость — бесстыдной, как у римлян, навязывавших народам свою волю; римляне думали, что весь мир принадлежит им, и мир стал принадлежать им» (*Гердер 1977. С. 399*). В набросках Гоголя по древней истории римляне изображены как народ, «поглотивший весь мир в себя или, лучше, проникнувший повсюду перед концом древнего мира»: «И вот мир, превратившись в одно всемирное государство, стал жить внутреннею жизнью. Рим, разросшись, стал сердцем, поглощал и тянул в себя (всё)» (*Ак. Т. 9. С. 156, 157*); этот образ пульсации — расширения до предела и стягивания мира в точку, близкий гердеровскому, но очевидно видоизмененный в соответствии с тем преобразованием, какое идеи Гердера получили у Балланша, видевшего историю как цепь катастроф и возрождений, обновляющих социальную и нравственную жизнь человечества, — положен в основу описания исторического процесса в статье «О преподавании всеобщей истории», где Римская империя, без всякого оттенка аномальности, представлена как третья (после империй Кира и Александра Македонского) в ряду государств, истории которых связаны с гигантскими взрывообразными смещениями народов и рождением из хаоса обломков новой картины мира. Такая пульсация обозначена и в «Жизни», но отгесняется на второй план абсолютно преобладающим здесь даже не образом, а ощущением мощного горизонтального порыва от себя в центре к краям и за пределы мира; при этом совершенно явно реальное движение римских легионов оказывается только метафорой стремления духа: «Стремись вечно: нет границ миру — нет границ и желанию. (...) далее и далее захватывай мир — ты завоеешь наконец Небо» (с. 120). Удаляясь от Гердера по смыслу, Гоголь по-прежнему остается в системе его понятий; он рисует мир жадно выпитой, вычерпанной завоеванием жизни — до пределов — до гердеровских гранитов — до «скал Албиона», до тех земель, «где владение уже не доставляет ничего нужного для человека» («О преподавании всеобщей истории»), и вряд ли Гоголь не помнит при этом, что в том же значении — абсолютного положенного человеку предела — гранит упомянут в библейской Книге Иова, где ставятся вопросы о путях Промысла Божия относительно мира и человека: «Человек полагает предел тьме, и тщательно разыскивает

камень во мраке и тени смертной. (...) На гранит налагает он руку свою, с корнем опрокидывает горы. В скалах просекает каналы, и все драгоценное видит глаз его. Останавливает течение потоков, и сокровенное выносит на свет. Но где премудрость обретается? и где место разума? Не знает человек ценны́я ея, и она не обретается на земле живых» (*Иов 28, 3–13*). Попытки человека обрести смысл жизни — премудрость — собственными силами, прорываясь к границам доступного ему мира, представлены здесь как заведомо тщетные, однако сам образный строй библейского текста показывает, что масштабы усилия предопределены величи́ем цели и что такой порыв принадлежит к числу свершений, ради которых, как и для поклонения Божеству, говоря словами Чаадаева, «раз дана была мысли человека возможность возрасти до высоты самой природы» (*Чаадаев 1991. Т. 1. С. 636*).

«Никогда судьба народов не была так тесно связана с судьбой одного города, никогда такая связь не была столь длительной, как во времена римского господства над миром» (*Гердер 1977. С. 391*), — говорит Гердер; эта картина единой общей истории всех государств в период римского владычества над миром не расширяется, однако, у него до понятия всемирной истории. Возникновение идеи всемирной истории связывает с римской эпохой Шеллинг, видевший именно здесь поворотную точку при переходе от античности к новому миру. «С этого момента, момента высшего могущества и падения римского государства, собственно, впервые начинается то, что мы можем назвать всеобщей историей (...). Древнюю историю в целом можно рассматривать как трагический период истории. И судьба есть провидение, но созерцаемое в реальном, подобно тому как провидение есть судьба, но созерцаемая в идеальном. (...) Есть только одно средство избавиться от судьбы — броситься в объятия провидения. Это и было то чувство, которое охватило мир в этот период глубочайшего переворота, когда судьба строила свои последние козни против всей красоты и великолепия античности. В это время древние боги потеряли свою силу, оракулы смолкли, празднества затихли и, казалось, перед родом человеческим открылась бездонная пропасть, полная дикого смещения всех стихий былого мира. Над этой темной пропастью как единственный знак мира и равновесия сил появился крест, как бы радуга второго всемирного потопа, как его называет испанский поэт, в такое время, когда уже не оставалось ничего другого, кроме как уверовать в этот знак» (*Шеллинг. С. 128–129*). Таким образом, по Шеллингу, именно Древний Рим положил начало новому европейскому мироощущению, когда личность ищет альтернативу чувству оставленности в том, чтобы увидеть себя в мире всеобщей истории, т.е. в мире Провидения; следует обратить внимание на шеллингианское утверждение совершенно особенно, спасительного значения идеи всемирной истории для человека Нового времени, которое занимает современная Гоголю историография; его прекрасно выразила метафора Балланша: «Таинственный ковчег, полный новых судеб, постоянно всплывает над великими водами» (цит. по: *Резилов 1956. С. 428*).

«Идеи к философии истории человечества» были переведены на французский язык поэтом и историком Эдгаром Кине (*Idées sur la philosophie de l'histoire de l'humanité, par Herder. Ouvrage traduit de l'allemand et précédé d'une introduction par Edgar Quinet. 3 vol. 1827–1828*; это название указа-

но в списке книг исторического содержания, подаренных Гоголем А. С. Данилевскому; см.: *Тих.* Т. 6. С. 689–690); по признанию переводчика, книга оказалась для него почти откровением и перевод приобрел значение личного творчества (см.: *Реизов 1956.* С. 372–373). Вместе с предпосланным ему предисловием (частично переведено — см.: «Рассуждение об идее Всемирной Истории, служащее введением к Французскому переводу Гердеровых идей о Философии Истории, Эдгара Кине» // *МВ.* 1828. Ч. 9. С. 383–394), интерпретирующим и развивающим основные идеи Гердера в духе находившейся тогда на пике популярности философии Кузена, он стал своеобразным артефактом, выразившим в себе не только две философские теории, но и две исторические эпохи, между которыми лежал опыт Великой французской революции и наполеоновских войн — тот «опыт девятнадцатого века», к которому Гоголь обращался в наброске «На бесчисленных тысячах могил». Все внимание новой французской историографии было устремлено на то, чтобы осмыслить суть и последствия Империи, в которой видели центральное событие эпохи, начавшейся в 1789 г. и завершившейся Июльской революцией 1830 г. (см.: *Томашевский 1960.* С. 177, 191); еще одна империя — остановившая Наполеона Россия — вела войну на кавказской окраине, расширяя свои границы. Война на Кавказе и польское восстание — крупнейшие государственные события за все время петербургской жизни Гоголя; первое из них обозначено на заднем плане повести «Портрет», второе — лишь мимоходом в письмах, но Гоголь должен был быть в курсе споров о них, так или иначе касавшихся вопроса об имперской миссии России. От самого Пушкина (а он рассказывал в обществе «весьма любопытные случаи и наблюдения свои во время путешествия своего в Грузию и в Малую Азию в последнюю турецкую войну», *Никитенко.* Т. 1. С. 115, запись от 2 марта 1832 г.) Гоголь мог услышать рассказ об одном эпизоде «путешествия в Арзрум», который окрасил бы в тона почти личного впечатления представленный в «Жизни» образ Арарата — «древнего прапращура земли», символа Всемирного потопа, неровно отколотого края той гердеровской гранитной чаши, внутри которой происходили события «второго потопа», давшего начало всеобщей истории: «Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая двуглавая гора. “Что за гора?” — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: “это Арарат”. Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения...» (*Пушкин.* Т. 8 (1). С. 463). Установлено, однако, что Пушкин не мог видеть Арарат оттуда, где находился; предполагается, что ему сказали другое, сходно прозвучавшее для русского уха название (см.: *Пушкин (2).* Т. 6. С. 810); произошла ошибка слуха — но и ошибка зрения: ведь Пушкин увидел двуглаву вершину, он заранее точно знал, что именно хочет видеть и как это должно выглядеть; и почти наверное он знал, что ошибся, когда публиковал в 1836 г. «Путешествие» в первой книжке «Современника». Возможно, дело в том, что тема Арарата выходила за пределы непосредственных впечатлений: в результате военных действий 1828 г. Арарат оказался на русской территории, и, видимо, осознать это событие было непросто (в периодике печатались письма из

Эривани, отрывки из дневника путешествия для осмотра Эриванской области, «сей колыбели народов», упоминались «громы оружия русского близ вершин Арарата»; см.: *МТ*. 1828. Ч. 19. № 2. С. 157; № 4. С. 560; Ч. 20. № 6. С. 258; № 7. С. 386 и др.). Арарат пребывал вне политической географии, даже и вне физической; он был воплощенным эпизодом Священной истории и обладал абсолютной суверенностью; намерение проследить, в какой мере обладал суверенностью человек перед лицом государства, причудливые пересечения и несовпадения их границ, кажется, и создали весь необыкновенно сложный интонационный рисунок «Путешествия в Арзрум» — возможно, самый сложный в пушкинской прозе. «Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. “Вот и Арпачай”, — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимую мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я всё еще находился в России» (*Пушкин*. Т. 8 (1). С. 463). Движение на гребне завоевательной волны, при полном слиянии с ней и глубоком внутреннем обособлении, и попытка обогнать, вырваться за ее границы — как за собственные пределы; на фоне всех градаций свободы внутренней — проба абсолютной свободы, — видимо, именно так приблизительно можно описать то, что для Пушкина «стоило Арарата». Как известно, Пушкин не воспел кавказскую войну; между тем в его стихотворениях и особенно набросках 1828—1829 гг. широко представлена окраинная география империи, связанная с современными и прошлыми завоеваниями; поэтическое сознание его словно ощущивает границы. Тогда же в его поэзии возникает темы будущего «Медного всадника». По-видимому, этот круг мыслей и поэтических замыслов остается актуальным — и даже нарастающе актуальным для Пушкина вплоть до осени 1833 г., когда поэма была написана и обсуждалась; вероятно, Пушкин говорил об этом и с Гоголем во время их участвовавших в конце года встреч. Гоголь иначе ощущал себя в пределах империи; четкие и рельефные в представлении Пушкина, ее очертания для Гоголя теряются в бесконечности, размываются в непонятную и пугающую неопределенность, начинающуюся с самого центра. Империя закономерно стилизовалась под Рим; но в Петербурге архитектурный ампи́р вызывал лишь досаду у французского путешественника, выросшего в Париже времен Наполеона: «Русские (...) рассеивают свои так называемые греческие и римские памятники на бескрайних просторах, где глаз их едва различает. Поэтому, хотя строители здешних городов брали за образец римский форум, города эти приводят на память азиатские степи» (*Кюстин*. Т. 1. С. 175); пятью годами раньше Гоголь смотрит на столицу Российской империи почти тем же взглядом (см. коммент. к статье «Об архитектуре нынешнего времени»). Россия связана с Францией в это время не одинаковым, но общим и во многом взаимодополняющим историческим и духовным опытом как ни с одной другой страной; в своих поисках позиции историка Гоголь легко усваивает эклектизм Кузена и

построенную на нем интерпретацию Гердера у Кине примеривает к собственным взглядам.

Гердер указал на «осязаемые» законы, общие для природы и человека; но, по убеждению Кине, в отличие от жизни природы, эмпирика человеческой истории неуловима: темные воспоминания, обобщения надежды, мечты и игра воображения входят в нее «наравне с действительностью, наиболее угнетавшего мир, и ничто не различает в Истории бытия от небытия: в цепи времен они занимают одинакие пространства, сближаются, смеживаются, сливаются» (МВ. 1828. Ч. 9. С. 389—390); поэтому общее основание для истории должно быть утверждено изнутри сознания. Кине видит его в изначально присущих сознанию идеях. Необходимо знать «высший закон народов, духовный первообраз их жизни», дойти «до самой сущности движений и форм». Чтобы осмыслить историю философски, нужно принять ее целиком, ничего не отвергая, — «довериться философии, начертанной на могилах народов, выслушать до конца долгую аргументацию веков» (Реизов 1956. С. 382); это положение Кине основано на эклектизме Кузена. Психологический метод Кузена использует Кине и когда говорит, что подлинное основание исторической науке можно положить, только исходя на пути к великим историческим явлениям «из малых пределов своего личного “я”». Кине рассказывает о великом дне своей жизни, когда он вдруг увидел в единстве бесчисленное множество людей, живших до него, и понял связь разрозненных явлений: «Увидев это огромное собрание веков и народов, я с радостью почувствовал, что я не один во времени. (...) Со всех точек времени каждое государство слало ко мне закон, идею, сущность явлений, составлявших его судьбу. Без моего ведома древняя Халдея, Финикия, Вавилон, Мемфис, Иудея, Египет, Этрурия резюмировались в воспитании моей мысли и шевелились во мне. Я с изумлением находил в себе их живые развалины и чувствовал, как в моей груди, вместо блуждающего, эфемерного дыхания, исчезающего с каждым вздохом, волнуется душа человечества, которую мое существо принял как далекий звук, принесенный к нему эхом» (там же, с. 385—386). «То, что было философской теорией, Кине изображает как приключения собственной души, — пишет Б.Г. Реизов. — Погружаясь в прошлое, изучая угасшие цивилизации, он, казалось, собирал рассеянные частицы своей личности»; это путешествие души оформляется во что-то вроде философской сказки или романа воспитания. Тема воспитания души первостепенно важна для Гоголя в период *Ар.*; в связи с этим его занятия историей могли приобретать дополнительный смысл, давая опору его внутреннему самоощущению. В поисках такой опоры работа Кине должна была представлять для Гоголя особый интерес, поскольку в ней уверенно утверждается равномасштабность происходящего в человеческой душе и в мировой истории. Говоря о том, что «три модификации человеческого существа» — личность, народ, человечество — подчиняются одним и тем же законам и «человек, который в своей узкой сфере твердо идет за идеальным существом, в нем заключенным, в глазах предвечного равен государству, которое в своем долгом существовании обнаруживает священные законы разума и свободы» (там же, с. 387), Кине обосновывает непререкаемую правоту одинокого, утвержденного только изнутри человеческого пути, не в плане прославления индивидуалистической субъ-

ективной свободы, а в близком Гоголю смысле ответственного определения своего места и долга в мироздании, — говоря языком позднего Гоголя, своего поприща.

Кине разделял общее убеждение современных ему французских историков в том, что истина может быть передана только в художественной форме; он видел в поэзии последнее воплощение и высшее выражение человечества и сам писал драматические поэмы историко-философского содержания. Стремление к поэтической форме, к ритмической речи чувствуется и в предисловии его к труду Гердера; Гоголь должен был уловить у него эту тенденцию и, возможно, следовал ей в замысле «Жизни». Одушевленная, пропущенная через сознание и активно влияющая на него история Кине легко принимает в себя гоголевские говорящие царства, разыгрывающие в лицах живую картину — застывшую драму возникновения всемирной истории, своего рода художественный эквивалент этой философии (М. Вайскопф в докладе «Гоголь на фоне беллетристики и периодики 1830-х годов» отметил ту же связь на материале статьи Кине «О состоянии искусств в Германии», Т. 1833. Т. 13. № 1. С. 14–15). А.С. Орлов обратил внимание на ритмичность и строфику — «на симметрию гоголевской пьесы»: «Двенадцатью абзацами “Жизнь” делится на двенадцать строф. (...) внутри каждой из строф такая же строгая симметрия (...) и в построении фраз и в намеренном повторении фраз и слов (...) и в намеренной их вариации» (Орлов 1927. С. 63); жанр произведения он определяет как «либретто» (там же). Но эта внешняя симметрия — только знак симметрии внутренней, включения в упорядоченный философский мир, и это не мир философии Гердера, у которого человек — это гармония, «не ведающая числа» (Гердер 1977. С. 170). Построение его книги принципиально не симметрично, он берет три части света у Средиземного моря потому, что их на самом деле три; у Гоголя они подменяются сразу же тремя странами, легко образующими триаду (возможно, именно триаду, сконструированную для описания исторического развития у Кине в «Опыте о произведениях Гердера», предназначавшемся для завершающего тома «Идей...»: «индивидуальность человека в лоне мира стремится ограничить себя, чтобы себя утвердить» — личность отождествляет себя с миром, затем с городом, но после разрушения города — после падения Греции и Рима — остается одна и тогда «обнаруживает в себе бесконечность еще более огромную, чем первая... Это мир христианства», см.: Ревзов 1956. С. 390). Кажется, именно взглядом Кине хочет увидеть Гоголь гердеровские характеристики царств; показанные у Гердера последовательно одно за другим без всякой связи, лишь с живыми переключками мысли, у Гоголя они развернуты по отношению к сознанию так, чтобы стать максимально активными и оказаться услышанными. При этом его объединяет с Кине не только мощное влияние философии Гердера, но и чисто поэтическое воздействие, которое оказала на обоих его «философская рапсодия» (Гайм. Т. 2. С. 288).

«Предмет у меня был всегда один и тот же: предмет у меня был — жизнь, а не что другое. Жизнь я преследовал в ее действительности, а не в мечтах воображения, и пришел к тому, кто есть источник жизни», — писал Гоголь в «Авторской исповеди» (1847), объясняя, каким путем «нечув-

ствительно, почти сам не ведая как», он пришел ко Христу; он рассказывает, что сначала «обратил внимание на узнание тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще» и взялся за чтение книг «законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека» (Ак. Т. 8. С. 445, 443). Убеждение позднего Гоголя в том, что ответы на вопросы действительности, возможности воспитания и развития нужно искать «в исследовании собственной души своей, ибо там законы всего и всему» (Ак. Т. 8. С. 248), но при этом их не найдет человек, «не определивший себе ничего и не остановившийся ни на чем», потому что «закон Христов (...) на то, чтобы исполняться на земле, а не на воздухе» (там же, с. 462), складывается уже в период Ар. и, вероятно, именно в чтении Гердера и Кине «поверяется разумом». «Музыку веков» — спасительную гармонию времен, о которой говорил Кине, слышит герой повести Гоголя «Рим» (1842) в торжественную минуту, когда, грустя об утрате былого величия Италии, ощущает вдруг в ее судьбе «великий перст, чертящий свыше всемирные события», и примиряется «с разрушением своего отечества», видя «во всем зародыши вечной жизни, вечно лучшего будущего, которое вечно готовит миру его вечный творец»: «Но утешительная, величественная мысль приходила сама к нему в душу, и чуял он другим высшим чутьем, что не умерла Италия, что слышится ее неотразимое вечное владычество над всем миром, что вечно веет над нею ее великий гений, уже в самом начале завязавший в груди ее судьбу Европы, внесший крест в европейские темные леса (...). И самое это чудное собрание отживших миров, и прелесть соединенья их с вечно-цветущей природой — все существует для того, чтобы будить мир, чтоб жителю севера, как сквозь сон, представлялся иногда этот юг, чтоб мечта о нем вырывала его из среды хладной жизни, преданной занятиям, очерствляющим душу, вырывала бы его оттуда, блеснув ему неожиданно уносящую в даль перспективой, коллизейскою ночью при луне, прекрасно умиряющей Венецией, невидимым небесным блеском и теплыми поцелуями чудесного воздуха, — чтобы хоть раз в жизни был он прекрасным человеком...» (Ак. Т. 3. С. 241—243). Тема пробуждения очерствевшей души переходит сюда в том же виде, в каком она представлена в статье «Скульптура, живопись и музыка» и в наброске «1834»; связывая ее с комплексом тем средневековой истории, почти буквально, «цитатно» взятым из статей «О Средних веках» и «О преподавании всеобщей истории», Гоголь ассимилирует философию Гердера в эклектической интерпретации Кине—Кузена в единую непротиворечивую линию своей мысли. Включив «Жизнь» в план предполагаемого V тома Собрания сочинений (см. с. 479), Гоголь подтвердил, что считает этот круг идей по-прежнему актуальным.

С. 119. *Бедному сыну пустыни снился сон.* — Бедный сын пустыни — араб-бедуин; Гоголь, по-видимому, ориентируется на пушкинские «Подражания Корану» (1824, опубл. 1826) и близкий к ним «Пророк» (1826, опубл. 1828), с концентрированной здесь темой прозрения и пророчества.

С. 119. *...кинамон, виноградные лозы, смоковницы помавают облитыми медом ветвями...* — Кинамон — коричное дерево (лавр коричный,

Cinnamomum); его душистая кора (корица), растолченная в порошок, входила в состав благовонного мира, используемого для помазания священных сосудов (см.: *Исх* 30, 23–33); название записано в гоголевских материалах для словаря (см.: *Ак. Т. 9. С. 447*). Ср. в «Элегии из Тибулла» (1814) Батюшкова описание Элизия, «Где расцветает нарד и киннамона лозь» (*Батюшков 1978. С. 208*). О смоковнице см. в коммент. к статье «О преподавании всеобщей истории». В Священном Писании со смоковницей, как и с виноградной лозой, связан широкий комплекс иносказаний (см.: *БЭ. С. 123–124, 661–662*); вместе же они упоминаются как постоянное эмблематическое обозначение домашнего мира, спокойствия и благогостояния (*3 Цар* 4, 25; *4 Цар* 18, 31; *Песн* 2, 13; *Мих* 4, 4), и даже для выражения высшей степени благоволения Бога: «Как виноград в пустыне, Я нашел Израиля, как первую ягоду на смоковнице» (*Ос* 9, 10). Облитые медом ветви не только метафора сладости и изобилия — в этом качестве мед оказывается атрибутом страны, куда вел Господь свой народ — «в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» (*Исх* 3, 8; см. также: *Исх* 3, 17; *Втор* 32, 13; *Пс* 80, 17), — но, возможно, и конкретно-местная деталь: «Иногда под словом мед разумеется та сахаристая жидкость, которая получается с виноградных гроздий и других медоносных растений и которая по-еврейски называется *dëbbêsh* (*2 Пар* 31, 5). (...) В некоторых частях Востока нередко встречается также особое дерево, с листьев и ветвей которого Арабы собирают в сосуды сладкую, употребляемую в пищу жидкость, которая с первого раза очень походит на мед» (*БЭ. С. 465*).

С. 119. ...колонны белые, как перси девы, круглятся в роскошном мраке древесном... — Ср. у Батюшкова: «Там девы юные, сплетая в хоро-вод, / Мелькают меж древес, как легки привиденья» («Элегия из Тибулла», 1814), у которого «и самый стих (...) исполнился той почти скульптурной выпуклости, какая видна у древних», и который «все прекрасное во всех образах, даже и незримых, (...) как бы силился превратить в осязательную негу наслажденья» («В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», 1846; в статье есть и другая характеристика — «этот облитый ароматами полудня стих Батюшкова, сладостный, как мед из горного ущелья», — позволяющая предположить, что «облитые медом ветви» смоковниц, упоминаемые выше, также связаны и с размышлениями о поэзии Батюшкова, по-видимому сопровождавшими каждое обращение Гоголя к античности вообще).

С. 119. ...увитая гроздиями, с тирсами и чашами в руках она оставилась в шумной пляске. Жрицы молодые и стройные с разметанными кудрями вдохновенно вонзили свои черные очи. — Виноградная гроздь, тирс (жезл, увитый плющом и виноградными листьями) и чаша — атрибуты Вакха (Диониса), греческого бога виноградарства и виноделия и земного плодородия вообще. Экстатическое шествие-пляску вакханок — жриц Вакха Гоголь изображает также в идиллии «Ганц Кюхельгартен»: «Но что при звуке чаш тимпанов дикий вой? / Плющом увенчаны вакхические девы, / Бегут нестройною, неистовой толпой / В священный лес (...)» — это «явная вариация на темы “Вакханки” К. Батюшкова» (*Манн 2004. С. 137*).

С. 119. *Цевница* — многоствольный духовой музыкальный инструмент.

С. 119. *Тимпан* — ударный музыкальный инструмент из меди.

С. 119. *...мусикийские орудия мелькают, перевитые плющом.* — Мусикийский — относящийся к музыке, от «мусикия» — музыка; в гоголевской «Книге всякой всячины» имеется «26 рисунков пером “Музыкальные орудия древних греков” с пояснениями» (Ак. Т. 9. С. 654; воспроизведены: *Неизд. Гоголь*. С. 147). «Перевитые плющом» — цитата из стихотворения Батюшкова «Вакханка» (1815): «Эвры волосы взвевали, / Перевитые плющом» (*Батюшков 1978*. С. 289). Плющ — атрибут не только Вакха (см. выше), но и Аполлона; образы этих богов, резко противопоставленных как символы темного и слепого экстаза, с одной стороны, и гармонии и света и пластического совершенства — с другой, позднее стали сближаться (см.: *Мифы*. Т. 1. С. 92—96, 380—382).

С. 119. *Корабли как мухи толпятся близ Родосса и Корциры...* — Корцира (Коркира или Керкира, *итал.* Корфу) — остров с портовым городом в Ионическом море у северо-западного побережья Греции; Родос — остров в Эгейском море, расположенный на юго-западной оконечности Малой Азии, с богатым городом, знаменитым в древности своими научными школами и развитием искусств, а также Колоссом Родосским — огромной статуей, между ног которой могли проходить корабли, разрушенной землетрясением в 224 г. до н.э. (по записи же Гоголя, основанной, очевидно, на каком-то источнике арабского происхождения, «Моавия, из рода Оммиадов, покорил Нубию, овладел частью Архипелажских островов и разрушил колосс Родосский», Ак. Т. 9. С. 142); Корцира и Родос названы здесь как крайние точки, между которыми протянулась цепь островов Греческого архипелага.

С. 119. *Весь воздух Небесного Океана висел сжатый и душный. Великое Средиземное море не шелохнет, как будто бы царства предстали все на Страшный Суд перед кончиною мира.* — В качестве возможного источника этой картины назван в комментарии П.Г. Паламарчука новозаветный апокриф «Первоевангелие Иакова», где речь также идет о Рождестве Христовом: «И вот я Иосиф шел, и не шел; и взглянул на воздух и видел воздух оцепеневшим, взглянул на свод небесный, и видел его остановившимся, и птицы небесные остановились в полете; посмотрел на землю и видел чашу поставленную (с пищею) и делателей возлежащих и руки их у чаши, и вкушающие не вкушали, и берущие (пищу) не брали, и приносящие к устам своим не приносили, но лица всех обращены были к небу. И видел гонимых овец, но овцы стояли. И поднял пастух руку свою, чтоб погнать их, но рука его оставалась поднятою. И посмотрел на поток реки, и видел, что уста козлов прикасались к воде, но они не пили, и все в это мгновение задержано было в своем течении» (Памятники древней христианской письменности в русском переводе. Т. 1. М., 1860. С. 29; ср.: *Паламарчук 1990*. С. 410). В.А. Воропаев и И.А. Виноградов сопоставляют содержание статьи с тем местом Книги пророка Даниила, где рассказывается о видении вавилонского царя Навуходоносора, которому приснился истукан, составленный из золота, серебра, меди, железа и раз-

битый упавшим с горы камнем; пророк объяснил, что истукан обозначает четыре языческих царства, последовательно владычествовавшие над миром (т.е. Вавилон, Персию, Грецию и Рим): «И во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (*Дан 2, 31–45*; см.: *Гоголь 1994. Т. 6. С. 486–487*).

С. 120. *Камениста земля; презретен народ; немногочисленная весь приклонилася к обнаженным холмам...* — Весь — селение; имеется в виду Вифлеем, где родился Христос; он расположен на возвышенности к югу от Иерусалима. Город Назарет, где жили св. Иосиф и Дева Мария и где протекло начало жизни Иисуса Христа, был также небогат и невелик; его жители «не пользовались хорошою репутациею и были в презрении других. *“Из Назарета может ли быть что доброе?”* — это выражение обратилось как бы в притчу» (*БЭ. С. 500*).

С. 120–121. *...изредка, неровно оттененным иссохшею смоковницею.* — В книгах Священного Писания истребление смоковниц представлено как одно из величайших наказаний Божьих (*Иер 5, 17; 8, 13*). Упоминание об иссохшей смоковнице отсылает к эпизоду, случившемуся, когда Христос шел в Иерусалим (*Мк 11, 12–14, 20–26*).

С. 121. *За низкою и ветхою оградю стоит ослица. В деревянных яслях лежит младенец; над ним склонилась непорочная мать...* — В высоко ценимых Гоголем «исторических афоризмах» Погодина говорится: «Пресвятая Дева Мария есть венец древнего мира, кольцо связующее древнюю Историю с новою» (*Погодин 1836. С. 90*). Деревянные ясли и животные за оградой — атрибуты иконы Рождества Христова.

С. 121. *...над ним высоко в небе стоит звезда...* — Имеется в виду Вифлеемская звезда, указавшая волхвам место рождения Спасителя (*Мф 2, 2–10*).

С. 121. *...великая Азия с народами-пастырями...* — Ср. в статье «О движении народов в конце V века» об Азии как о земле «народов пастушеских».

С. 121. *...Арагат, древний прапращур земли...* — Арагат — гора в турецкой Армении (5165 м над уровнем моря), с двумя снеговыми вершинами; согласно Священному Писанию, «на горах Арагатских» (*Быт 8, 4*) остановился после Всемирного потопа ковчег Ноя, последнего из допотопных патриархов, от сыновей которого произошли народы, заново населившие землю (см. *Быт 10, 32*). «Один из новейших путешественников говорит: если смотреть с равнины вверх, то невольно думаешь, что эти высочайшие горы в свете взгромозились одна на другую, единственно для того чтобы образовать из себя громадную смесь земли, скал и снега, — этот величественный, грозный памятник допотопного мира, эту пограничную поразительную линию в истории человечества прежде и после потопа. Вот когда-то все мировое народонаселение земного шара совмещалось здесь в одном малом семействе, состоявшем из 8 лиц, и оно-то единственно спасалось в ковчеге от Всемирного потопа на сих горах. Представители всех видов и пород животных были собраны здесь в ковчеге. Здесь

установлен завет Бога с людьми, и знамение завета положена радуга на облаке; здесь также устроен был Ноем первый жертвенник Господу после страшной катастрофы истребления потопом лица земли» (БЭ. С. 57–58).

ШЛЕЦЕР, МИЛЛЕР И ГЕРДЕР

Источники текста: *ЧА Шлц, Ар.* (см. с. 490, 491).

Впервые опубликовано: *Ар. Ч. 2. С. 11–21.* Датируется 1834 г., *ЧА* — предположительно после февраля (см. ниже), окончательный вариант — не позднее начала ноября. Печатается по *Ар.* со следующими исправлениями:

С. 124, строки 21–22: по выражению Вагнера в Фаусте — *вместо:* по выражению Варнера в Фаусте

ЧА Шлц в «тетради Тарновских» начат на л. 79, после статьи «Об архитектуре нынешнего времени» до окончания работы над ней (см. коммент.); на обороте последнего листа набросок к повести «Записки сумасшедшего» (л. 80 об.; см. коммент. к ней). Название статьи отсутствует в первом плане *Ар.* (февраль 1834 г.); поскольку в рукописи оно было с самого начала работы, можно думать, что к моменту составления плана замысел ее еще не определился. Правка в *ЧА* невелика, весь текст написан одновременно, возможно по каким-то предварительным разработкам. Во второй план *Ар.* (не ранее августа 1834 г.) название статьи включено в варианте «Миллер, Шлецер и Гердер». Дата «1832» в *Ар.* поставлена, видимо, чтобы связать статью с комплексом работ по истории в составе книги (см. коммент. к статье «О Средних веках»).

Статья принадлежит к числу исторических работ Гоголя, замеченных современниками; Белинский именно ее упомянул в своем крайне резком отзыве об «ученых статьях» в *Ар.* в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835): «Неужели перевести, или, лучше сказать, перефразировать и перепародировать некоторые места из истории Миллера, перемешать их с своими фразами значит написать ученую статью?.. (...) Неужели сравнение Шлецера, Миллера и Гердера, ни в каком случае не идущих в сравнение, тоже ученость?..»; изменив позднее свое мнение, он в 1843 г. назвал ее же, и опять единственную из работ чисто исторического содержания, в числе «превосходных критических статей» писателя (*Белинский. Т. 1. С. 307; Т. 6. С. 579*). Эту статью прежде других вспоминает и В.В. Стасов, с восхищением читавший ее при первом появлении (см.: *Гоголь в восп. С. 397*). Позднее В.В. Гиппиус расценил призыв Гоголя видеть в поэтах образец для будущего историка как аргумент для обоснования тезиса об эстетизме «как основе личного мировоззрения» Гоголя, сложившегося под влиянием «современных Гоголю идей, включавших историю в эстетику» (исследователь ссылается здесь на работы Галича и Погодина, см.: *Гиппиус 1924. С. 67–68*). И.Я. Айзеншток рассматривает статью как резюме общих размышлений Гоголя-историка: в ней «получают свое окончательное оформление и подкрепляются ссылками на общеизвестные авторитеты мысли, уже давно владевшие писателем, — об истории как особом виде искусства» (*Айзеншток 1952. С. 34*). А.В. Самышкина замечает, что, конструируя

будущее «здание всеобщей истории», Гоголь строил планы, простирающиеся «дальше границ сугубо научного познания»; что обращение его к именам Шекспира, Шиллера, В. Скотта выглядит в контексте его статьи как «символическое обозначение основных признаков широкого эпического повествования» и «проблема синтеза поэзии и истории претворяется в художественный принцип эпопейности, определяющий масштаб творчества и позицию современного художника» (*Самышкина 1976. С. 50–51*). Статья «развивает излюбленную мысль молодого Гоголя — об универсальности человеческой истории», из которой писатель делает и «выводы эстетического порядка», пишет Ю.В. Манн и указывает на связь некоторых положений названных историков с различными областями теоретических и творческих интересов Гоголя (см.: *Манн 1978. С. 502, 471–475*). По мнению В.А. Воропаева и И.А. Виноградова, статья скрыто полемична по отношению к Карамзину; поэтому Гоголь противопоставляет Шлёцеру Миллера, которого Карамзин критикует в предисловии (см. ниже), и Гердера, в отличие от Карамзина «уделявшего много внимания изучению народных песен и видевшего в них “архив народной жизни”»; самого же Гоголя «использование в работе над повестью “Тарас Бульба” созданий народно-поэтического творчества привело (...) к овладению новым методом, итог осмысления которого и подводит статья»; первое место среди историков, по сравнению со ««всесокрушающим» гением Шлёцера и слабым, с точки зрения Гоголя, в познании реальной жизни отвлеченным гуманистом Гердером», отдано Миллеру, «во взглядах которого на мировую историю существенное место занимала критика европейской цивилизации» (*Гоголь 1994. Т. 7. С. 572, 574–575*). По мнению же Ю.Я. Барабаша, «менее двух других импонирует автору статьи Миллер» (его скрупулезность, слог скромный, незаметный, без порывов и меткого лаконизма), Шлёцер «внутренне ему намного ближе» (сильная энергия, слог — молния, эпитеты дерзки, вдохновенны), но «еще выше Шлёцера, уж не говоря о Миллере», историк-поэт Гердер (живопись и размах стиля, видит духовными глазами); эти размышления Гоголя «непосредственно связаны с работой над отечественными летописями. (...) в трудах Шлёцера и Гердера он восхищается тем, чего не находит у летописцев и авторов исторических хроник» (*Барабаш 1995. С. 145–147*). Были сделаны также замечания, связывающие статью с близкими к ней по времени художественными произведениями Гоголя; так, Алексей Н. Веселовский сопоставил заключительный абзац со словами героини «Женитьбы» (1833–1835): «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича» и т. д., заметив, что в работах Гоголя по всеобщей истории иногда «в научное изложение как будто вторгались даже отголоски наиболее близкого автору комического стиля» (*Веселовский 1916. С. 193*). М. Вайскопф истолковывает этот «идеальный образ будущего ученого, предвосхищающий матримониальные грезы Агафьи Тихоновны», как проявление гоголевской «тяги к синтезу», которая у него «получает самые многообразные очертания» и в некоторых случаях допускает аналогию с принципом типизации в «Мертвых душах» (*Вайскопф 1993. С. 192*).

При работе над статьей Гоголь, по-видимому, пользовался биографическими сообщениями о Шлёцере и Миллере немецкого историка Герена

(А.-Г.-Л. Геерен; 1760—1842), профессора философии и истории Гёттингенского университета, преподававшего там одновременно со Шлёцером (Август Людвиг Шлёцер. Соч. Герена // *МВ*. 1827. Ч. 4. С. 315—332; Иоанн Миллер. Соч. Герена // *МВ*. 1827. Ч. 2. С. 267—282, окончание с. 389—404; указано: *Гунпиус* 1924. С. 227). Соответствия между текстами Герена и Гоголя очень значительны; говоря словами самого Гоголя, Герен действительно оказался для него автором, из которого «можно таскать обеими руками» (см. с. 744); однако если сведения о Миллере использованы в статье Гоголя просто как информация, то отношение Герена к Шлёцеру вызывает неприятие и сказанное о нем получает иную интерпретацию. В композиционном построении статьи Гоголь мог ориентироваться на опубликованный в *МВ* (1830. Ч. 4. С. 152—195) отрывок «Юм (из лекций Вильмения)», в котором автор по ходу своих рассуждений дает последовательно характеристики крупнейших исторических писателей прошлого — Макиавелли, де Ту и Боссюэ и далее определяет необходимые для историка качества и специально останавливается на вопросах слога.

Август Людвиг Шлёцер (Schlözer, 1735—1809) — немецкий историк, публицист и статистик; в 1761—1767 гг. работал в России, изучал русский и старославянский языки, занимался исследованием летописей, а также преподаванием; член Петербургской академии наук (с 1765 г.). Вернувшись в Германию, преподавал в Гёттингенском университете, написал ряд работ по русской истории. Главный его труд — «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные...» (Т. 1—5. Göttingen, 1802—1809; рус. пер.: Ч. 1—3. СПб., 1809—1819). Среди бумаг Гоголя сохранились его выписки из «Нестора» в русском переводе (см.: *Тих.* Т. 6. С. 440; *Ак.* Т. 9. С. 623—624), а также самостоятельные наброски по русской истории, сделанные на основании или в связи с этим и другими источниками (см.: *Ак.* Т. 9. С. 29—75, 623). Замысел всеобщей истории Шлёцера остался неосуществленным; но отчасти он все же приблизился к решению своей задачи, издав «Всеобщую Северную историю» (1771); она, наряду с переводами на немецкий язык древнерусских памятников, выдвинула Шлёцера на первое место среди европейских авторов, писавших в его время о России (см.: *Гердер* 1977. С. 673). Гоголь в своей «Библиографии средних веков» записал: «История северной Европы более всего разработана гениальными трудами Шлёцера» (*Ак.* Т. 9. С. 104).

Среди слушателей Шлёцера в Гёттингенском университете был швейцарский историк и государственный деятель Иоганн Миллер (Иоганнес фон Мюллер; Müller. 1752—1809); он учился там богословию, но увлекся историей, в результате чего изменил свои планы и вернулся на родину, как пишет Герен, «с намерением сделаться Историком своего отечества» (*МВ*. 1827. Ч. 2. С. 273). Его «История Швейцарской конфедерации» (Т. 1—5. 1786—1808) с первых томов составила Миллеру репутацию классического автора; авторитет его как личности, ученого, стилиста был огромен. Установка Миллера была, в духе его времени, «типично философская и руссоистическая» (*Реизов* 1956. С. 34), идеалы патриархальной жизни он противопоставлял злу современной цивилизации. В «Библиографии средних веков» Гоголь назвал это сочинение Миллера «исполненным великого исторического достоинства» (*Ак.* Т. 9. С. 103). Его «24 книги всеобщей истории»

(1811) во французском переводе 1837 г. Гоголь позднее подарит А.С. Данилевскому (см.: *Тих.* Т. 6. С. 689).

Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) — немецкий философ, один из создателей философии истории. Историю человечества он рассматривает как продолжение истории природы, развитие народов везде зависимо от условий жизни, места и времени и составляет единую цепь культурного развития. Имени Гердера нет в гоголевской «Библиографии средних веков», нет и в дополнительных списках книг, по-видимому использовавшихся при ее составлении (см.: *Ак.* Т. 9. С. 631–634); в более позднем перечне авторов и книг, относящемся к 40-м годам, оно поставлено непосредственно после Шиллера и Гёте — третьим в германском разделе (см. *там же*, с. 493). Можно предположить, что чтение Гердера не было обусловлено гоголевскими занятиями историей в 1831–1835 гг.; интерес к нему был долговременным. В списке книг, подаренных Гоголем А.С. Данилевскому, есть название французского перевода главной книги Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791; см. коммент. к статье «Жизнь», с. 730–731); по-видимому, он читал этот труд и по-немецки (см. *Самышкина* 1976. № 2. С. 51); в русском же переводе во времена Гоголя существовала только его первая часть (Мысли, относящиеся к философической истории человечества, по разумению и начертанию Гердера. СПб., 1829).

То, что Гоголь упоминает в своей статье рядом с историками поэтов, обычно рассматривается как свидетельство художнического дилетантизма в его взглядах на историю. Но для его современников такое упоминание имело противоположный смысл: эти имена указывали на владение методами новейшей французской историографии; они служили как бы опознавательным знаком этой школы и в этом качестве были символом присущего ей научного профессионализма. Б.Г. Реизов отмечает известную исчерпанность к концу 1820-х годов литературной полемики классиков с романтиками: «Классики, увлекаемые общим мнением, явно идут на уступки. Критики готовы признать новую школу и обсуждают не столько принципы, сколько детали романтических драм и поэм. Шекспир признан почти всеми, и центром, объединяющим всеобщие восторги, пунктом примирения всех школ является создатель исторического жанра и глава “исторической школы” в искусстве, организатор “синтетического” романа, “шотландский волшебник” Вальтер Скотт. Его творчество заключает в себе все тот же историзм, те же идеи развития и синтеза, ту же “ученость” и исторические перспективы» (*Реизов* 1956. С. 531). И в обращении Гоголя в конце статьи к именам В. Скотта и также Шиллера и Шекспира, нет литературно-полемического смысла; этими именами обозначен тот новый круг идей, в котором всецело находится Гоголь-историк и с точки зрения приближения к которому в значительной мере оцениваются им корифеи старой историографии.

С. 122. *Шлецер* ~ первый почувствовал идею ~ об одной единице, к которой должны быть приведены ~ все времена и народы. — Гоголь мог найти эту мысль уже в журнальном извлечении из Шлёцера: «Род человеческий есть единица, он происходит от одного прародителя, обитает на одной планете, сохраняет при всем своем рассеянии и перерождении одни и те же коренные свойства, и рассеянные части его действуют чрез великие про-

странства времени и мест одна на другую невидимым, но для исследователя приметным образом, посредством завоеваний, путешествий и торговли» (МВ. 1827. Ч. 5. С. 159–160); в примечании Погодина говорилось: «Шлецер едва ли не прежде всех в Германии начал искать единства в Истории. Он не нашел его, но ему принадлежит лестная честь указать другим дорогу» (там же, с. 175); ср.: «Всемирную историю можно себе представить в двояком виде: или как сумму всех особенных Историй (...); или как систему, в которой мир и человечество есть единица (...)» (Шлёцер 1809. С. 14). Гоголь пользовался книгой Шлёцера при работе над статьей «О преподавании всеобщей истории» (см. в коммент. к ней).

С. 122. *Он хотел одним взглядом обнять весь мир, все живущее.* — «Кто может (...) отыскать маловажные с первого взгляда обстоятельства и прозреть в них семия новейших времен (...) связать происшествия, разнообразные, по видимому не имеющие между собою никакого отношения, — и при всем своем размышлении ничего не вымышляет, — тот имеет истинное всемирно-историческое чувство», — говорится в извлечении из книги Шлёцера; и «все сии происшествия, от Сотворения мира до наших времен, должна душа воображать себе в непрерывности; Всемирная История должна быть одною картиною, должна составить одно continuum» (МВ. 1827. Ч. 5. С. 158–159, 173). Герен говорит, что в Гёттингене Шлёцер «возымел (...) идею о Всеобщей истории, которую преподавал на своих лекциях (...). Сначала хотел он изложить Историю всех народов порознь, числом около 200, каждого на полулисте, то есть исчислить события без всякого об них рассуждения, сжав оные (...). Из сей суммы должно было сочинить систему, совершенно новый труд, который преимущественно должен был заключать Историю образования и следовательно открытий. Шлецер для опыта начал было писать историю вина; но это ему не удалось; во всем остальном он успел еще менее» (МВ. 1827. Ч. 4. С. 321–322); оттенок иронии, очевидный у Герена, совершенно чужд в данном случае Гоголю, и, возможно, некоторая напряженность тона в рассуждениях Гоголя о Шлёцере, исчезающая, когда он переходит к разговору о других историках, порождена полемической направленностью этой части статьи.

С. 122. *...иметь сто аргусовых глаз...* — Об Аргусе см. коммент. к статье «Ал-Мамун».

С. 123. *Будучи одним из первых тревожимых мыслью о величии и истинной цели всеобщей истории, он долженствовал быть непременно гением оппозиционным.* — По Герену, именно Шлёцер «ввел оппозицию в историко-политическую литературу своего века», пребывание в России «образовало его политический и литературный характер» и пробудило в нем «дух противоречия, который и пребыл навсегда Музою, его одушевлявшею»: «Весь он как бы создан был для оппозиции. Главным правилом его было: ничему не верить, чему другие верили, пока оно не будет доказано. (...) Черты лица у него были суровые, язык грубой, иногда более нежели грубый, и он, открытый враг деспотизма, был некоторым образом сам деспотом в кругу своем» (МВ. 1827. Ч. 4. С. 317–318).

С. 123. *...его справедливее, нежели Канта, можно назвать все-сокрушающим.* — О том, что так называл Канта немецкий философ

М. Мендельсон (1729—1786), Гоголь мог прочитать в «Письмах русского путешественника» Карамзина (см.: *Карамзин 1984*. С. 20). «Всесокрушающий Кант» как величайший противник «метафизической бессмыслицы» упомянут также в эпилоге романа Клингера о Фаусте (*Клингер*. С. 208), по-видимому известного Гоголю (см. коммент. к повести «Портрет»).

С. 123. ...в небольшой книжке, изданной им для студентов... — См.: *Шлёцер 1809*. «Он оставил нам Всемирную Историю, по ее главному разделению, в сокращении и связи, в двух небольших томах (первое издание в 1775 году, а второе в 1801), — пишет в статье о Шлёцере Герен. — С первого взгляда видно, что это есть краткое начертание, и между тем оно обнимает начало Историй всех народов. Первый том содержит следующие отделения: мир первобытный, мир темный, и мир пред-исторический; второй простирается только до конца древних времен; третий, который должен был заключать Историю средних веков, не вышел» (*МВ. 1827*. Ч. 4. С. 322—323). «Вообще он занимался почти менее самою Историюю, нежели способом преподавать ее», — добавляет в примечании Погодин (*там же*, с. 322).

С. 123. ...к чему способен бывает историк односторонний и чего не мог избежать и Герен... — Об односторонности Герена, «который далее своего немецкого носа и своей торговли ничего не видит», Гоголь писал 2 ноября 1834 г. Погодину; по-видимому, эта характеристика была оспорена Погодиным, и 14 декабря 1834 г. Гоголь отвечал ему: «Об Герене я говорил тебе в шутку, между нами; но я его при всем том гораздо более уважаю, нежели многие, хотя он и не имеет так глубокого гения, чтобы стать на ряду с первоклассными мыслителями. И я бы от души рад был, если бы нам подавали побольше Геренов. Из них можно таскать обеими руками». В гоголевской «Библиографии средних веков» сочинение Герена «О влиянии крестовых походов» названо среди наиболее заслуживающих внимания работ авторов, разрабатывавших конкретные исторические темы (см.: *Ак. Т. 9*. С. 104).

С. 124. ...единство чувствуется в целом творении несмотря на то, что он, кажется, забывает вовсе дела всего мира, занявшись одним народом. — По Герену, читая «в кругу некоторых юных любителей» в Женеве лекции, которые «обнимали всю историю», Миллер живо почувствовал внутреннюю связь между ее отдельными частями и невозможность заниматься историей Швейцарии без того, чтобы «сделаться историком всемирным» (*МВ. 1827*. Ч. 2. С. 280). Гоголь должен был заметить, что идея всемирной истории у Миллера, как ее излагает Герен, близка к замыслу Шлёцера (см. выше) и, вопреки мнению Герена о ее оригинальности, вряд ли не была вынесена из его гёттингенских лекций: «Он решился обработать все части Истории, сколько можно по их источникам, и таким образом сделаться в полном смысле историком всемирным. Плодом сих трудов была бы — всемирная история» (*там же*, с. 389). Вышедшие после смерти Миллера 24 книги его «Всеобщей истории» «составились при чтении вышеупомянутых лекций, были поправлены при повторении, но еще имеют признаки оных», и их нельзя считать «плодом изучения, коим занимался он в продолжение своей жизни». Герен называет их «драгоценным остатком», но замечает, что «сам сочинитель не почитал их за всемирную Историю» (*там же*, с. 391—392).

С. 124. ...открывается, по выражению Вагнера в *Фаусте*, на земле небо. — Цитируется перевод отрывка из «Фауста» Гёте, выполненный Д.В. Веневитиновым (*Веневитинов 1980*. С. 100—101); тот же фрагмент приведен в письме Гоголя к Погодину от 25 ноября 1832 г. (см. коммент. к статье «О Средних веках»).

С. 124. *Везде он видит одного человека как представителя всего человечества.* — Возможно, Гоголь основывается здесь на характеристике Гердера у Карамзина в «Письмах русского путешественника»: «У него одна мысль, сказал об нем какой-то Немецкой Автор, и сия мысль есть целый мир» (*Карамзин 1984*. С. 71). Фраза о человеке и человечестве многократно варьируется у Погодина в развитие предложенной им для историка установки — «из всего рода человеческого сотворить одну единицу, одного человека» (*Погодин 1836*. С. 1). Ср. в «Философических письмах» (V) Чаадаева: «и как едина природа, так, по образному выражению Паскаля, и вся последовательная смена людей есть один человек, пребывающий вечно» (*Чаадаев 1991*. Т. 1. С. 380—381, коммент. с. 704—705).

С. 124. ...брамин природы — название, которое придают ему немцы. — Брамин — индийский жрец. Так назвал Гердера Жан-Поль Рихтер, написавший о нем: «Он словно родился напоенный любовным напитком страсти ко всей природе; как брамин, он, с его возвышенной Спинозовской верой в сердце, ценил, чтит и лелеял всякое растение и всякое насекомое» (*Жан-Поль*. С. 397).

С. 125. *Он ~ младенец в познании человека...* — Понимание человека у Гердера было основной точкой расхождения с ним новой французской историографии (Кузен, Кине, Мишле). Представление о том, что люди, как «существа индивидуальные и идентичные, действительно одаренные бессмертием», имеют «судьбу иную, чем судьбы государств» (*Рейзов 1956*. С. 185), полемически ориентированное по отношению к Гердеру, было положено Гизо на основу концепции исторического развития, понимаемого как «история цивилизации».

С. 125. *Но высокое и прекрасное ~ вызываются натиском тех бесчисленных и разнохарактерных явлений, которые беспрестанно пестрят жизнь человеческую...* — Интерес к частностям был программным для современной Гоголю историографии; так, по Кузену, нет такого мелкого факта, который был бы недостоин внимания историка; задача его, «идя от связи к связи, уловить, наконец, связь самой мимолетной частности с самой общей идеей эпохи, — таково основное правило истории» (*Рейзов 1956*. С. 315).

С. 125. ...потому что он поэт... — Поэтическое наследие Гердера включает стихотворения и драмы; его переложения испанских романсов о Сиде (1803) были переведены на русский язык Жуковским в 1831 г. Но Гоголь скорее имеет в виду то общее определение его творческой природы, на котором настаивал Жан-Поль Рихтер: «Если он и не был поэтом (...) то был зато большим, был поэмой, индогреческой эпической поэмой, сложеной наичистейшим из богов (...) когда я пытался нарисовать образ высшей поэзии, я имел в виду его (...) в его прекрасной душе, как в поэтическом творении, все сливалось, и благое, истинное, прекрасное составляло нераз-

дельное триединство» (*Жан-Поль*. С. 399; ср.: «Жан-Поль, глубокий почитатель Гердера, крепко и разительно сказал про него: Гердер был более поэта, нежели поэт»; *МТ*. 1828. Ч. 20. № 6. Март. С. 141).

С. 125. ...искусство, которое состоит ~ в драматическом интересе всего творения, который сообщил бы ему ~ тот интерес, который иногда дышит в исторических отрывках Шиллера и особенно в тридцатилетней войне и которым отличается почти всякое немногосложное происшествие. — Шиллер был автором более чем двадцати исторических работ (см. коммент. к статье «О Средних веках»), из которых особенно «История тридцатилетней войны» (1792; рус. пер. 1815) имела успех у широкого читателя. Познакомившаяся с Шиллером во время своего пребывания в Германии г-жа де Сталь печатно назвала его наряду с И. Миллером лучшими среди немецких историков (см.: *Сталь 1989*. С. 238). Но для современной Гоголю историографии едва ли не важнее было художественное творчество Шиллера, и прежде всего как автора драматической трилогии «Лагерь Валленштейна», «Пикколомини», «Смерть Валленштейна» (1797–1799); принципы его драматургии, а также искусство построения шекспировских хроник и исторических романов В. Скотта, были положены в основу нового представления о драматизме как необходимом качестве исторического повествования, способном сообщить ему, как говорил Тьерри, «такой же человеческий интерес, какой невольно вызывает наивный и подробный рассказ о превратностях судьбы и приключениях отдельного человека» (*Реизов 1956*. С. 109).

С. 125. ...занимательность рассказа Валтера Скотта... — Гоголь ценил Вальтера Скотта «за удивительное его распределение материи рассказа, подробное обследование характеров и твердость, с которой он вел много-сложное событие ко всем его результатам» (*Анненков 1989*. С. 53–54).

С. 125. ...его умение замечать самые тонкие оттенки... — В статье Вяземского «Поживки французских журналов в 1827 году» (опубл. 1828) упомянуто мнение, что В. Скотт-историк «упустил много обстоятельств, проглядел много оттенков» в своей «Истории Наполеона», в отличие от В. Скотта-романиста, «который умел какими-то особенными приметами означить исторические лица своих романических вымыслов и таким образом сближать с нами обыкновенную даль истории» (*Вяземский*. Т. 2. С. 76–77). Вопрос об оттенках имел методологическое значение; так, по Кузену, различия между людьми — «основная стихия истории, необходимый элемент, который составляет ее содержание»; именно индивидуальные несходства «свидетельствуют о присущей каждому из нас независимости и отделяют человека от природы» (*Реизов 1956*. С. 308); это положение составляет основу его учения о национальных различиях, полемичного по отношению к установке рационализма XVIII в., рассматривавшего их как отклонения от общечеловеческой нормы, заданной просвещенным разумом. Тьерри в «Письмах о французской истории» признает В. Скотта своим предшественником, обращая внимание на то, что он «первый вывел на сцену различные нации, постепенное слияние которых образовало главные европейские народы (...) в современности он обнаружил следы древних различий, глубокий этнографический рельеф в сглаженной цивилизации и замирренной стране» (*там же*, с. 99).

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Источники текста: *ЧА НвПр, Ар.* (см. с. 490, 491).

Впервые опубликовано: *Ар. Ч. 2. С. 25–98.* Датируется *ЧА* предположительно весной — началом лета 1833 г. и не ранее второй половины сентября 1834 г.; окончательная редакция — не позднее октября — начала ноября 1834 г. Печатается по тексту *Ар.* со следующими исправлениями:

С. 126, строка 11: Едва только взойдешь — *вместо:* Едва только взойдет

С. 127, строки 7–8: старухами ~ совершающими свои наезды на церкви — *вместо:* старухами ~ совершающих свои наезды на церкви

С. 127, строки 24–25: лицами ~ вовсе не думающими о нем — *вместо:* лицами ~ вовсе недумающие о нем

С. 128, строки 12–13: выпившие чашку кофею — *вместо:* выпивших чашку кофею

С. 128, строка 38: ослепят хоть кого — *вместо:* ослепить хоть кого

С. 142, строка 24: Из всех сновидений одно было — *вместо:* Из всех сновидений один был

С. 144, строка 38: за ним идучи — *вместо:* за ними идучи

С. 147, строка 2: имел особенное искусство — *вместо:* умел особенное искусство

С. 147, строка 26: отвечала редко — *вместо:* отвечала резко (в *ЧА НвПр:* отвечала очень редко)

В первоначальном плане *Ар.* (не позднее февраля 1834 г.) петербургский замысел обозначен, по-видимому, в общем виде названием «Дождь» — о происхождении его см. коммент. к отрывкам «Страшная рука», «Фонарь умирал», «Дождь был продолжительный»; во втором плане (не ранее августа 1834 г.) появляется название «Невский проспект». В «тетради Тарновских» рукопись начата на л. 26, непосредственно после первого листа «Портрета» (л. 25–25 об.); после ее окончания видны следы вырезанных листов (вероятно, по ошибке вместе с ними был вырезан и последний его лист, л. 35), а начиная с л. 36 идут записи («Реестр тетрадей» и др.) прежнего владельца тетради. Автограф без заглавия, по-видимому имевший в основе своей предварительные наброски, о чем свидетельствуют немотивированные пропуски слов, как случается при перебеливании; текст огибает на л. 27, в середине его, надпись прежнего хозяина «Реестр Ноть», на л. 32, также в середине, «Реестр Картин», а также более ранние записи Гоголя в верхней части л. 28 «Комед(ия). Матер(иалы) Общие» и в верхней части л. 29 «Матер(иалы) Частные (?)» (см. *Ак. Т. 9. С. 18–19*) и его же пробы пера: «Благодарю № (?) Ж.(?) Ив.Иван. Явление вас Мило»; под всем этим на л. 29 проведена черта, за которой продолжается текст повести. Везде одинаковые чернила (местами расплывшиеся или бледнеющие), один почерк, манера письма, интервалы, расположение строк; временами перо меняется на более тонкое. Внешний вид рукописи производит впечатление быстрой и активной работы, с большим количеством исправлений непосредственно в строке, перестановок, вставок, иногда опережающих набросков фраз; начало сложилось в результате многослойной правки, не содержащей, однако, вопреки замечанию Б.М. Энгельгардта (см.: *Ак. Т. 3.*

С. 644), смысловых разрывов и не вызывающей предположения о ее более позднем характере; заметные изменения сделаны впоследствии Гоголем в окончательном варианте описания снов Пискарева: «рассказ в этом месте значительно отступает в объеме и расположении подробностей» от текста *Ар.*, но затем «идет в той же последовательности и с теми же подробностями» (*Тих.* Т. 5. С. 597); к концу рукопись выглядит все более небрежно, нарастает количество неразборчивой и незаконченной правки. Текст заканчивается на л. 35; на л. 35 об. только вставка о Лафайете и под ней рисунки простым карандашом (среди которых орденский крест), возможно сделанные при работе над повестью.

Черновой текст повести поддается только предположительной датировке. Дату, ранее которой не могла быть закончена рукопись, назвал еще Н.С. Тихонравов на основании фразы «Вы воображаете, что эти два господина, остановившиеся перед Лютеран(скою) киркою, судят об ее архитектуре» (*ЧА НьПр.* Л. 35), указав на то, что лютеранская церковь, строившаяся на Невском проспекте по проекту А.П. Брюллова и упомянутая Гоголем также в черновике статьи «Об архитектуре нынешнего времени», была заложена в мае 1833 г. и судить об ее архитектуре по выстроенным частям здания можно было не ранее конца 1833-го или начала 1834 г. «К этому времени и следует отнести окончание “Невского проспекта”: приведенное место находится на последней странице этой повести» (*Тих.* Т. 5. С. 591). Однако скорее всего к этому времени рукопись повести была не только не закончена, но еще и не начата: биографический и эпистолярный материал этого времени не содержит никаких следов работы Гоголя над ней — он всецело занят своими историческими и педагогическими проектами, статьями по всеобщей истории и истории и этнографии Украины и набросками романа на эту тему; особо следует отметить его работу над статьей «Об архитектуре нынешнего времени», законченной, очевидно, к февралю 1834 г. и находящейся тематически в русле его петербургского замысла, — и только после этого в переписке Гоголя появляются косвенные признаки возвращения к повестям (см. коммент. к статье «О Средних веках»). При этом синхронность создания черновых текстов «Портрета» и второй части «Невского проспекта» не позволяет отнести работу над ней к периоду ранее июня 1834 г. (см. коммент. к «Портрету»). Связь повести, причем именно первой ее части, с романом Т. Де Квинси «Исповедь англичанина, любителя опиума» (1822; см. ниже), который, как предполагается, Гоголь читал в русском переводе (*Де Квинси 1834*; ц.р. 21 августа 1834 г.; рукопись, однако, была получена из цензуры Н.И. Гречем только 4 сентября; см.: *РГИА.* Ф. 777. Оп. 27. № 198. Л. 41), должна бы сдвинуть срок завершения чернового варианта повести на осень (но Гоголь мог познакомиться с романом гораздо раньше во французском переводе или переложении Альфреда де Мюссе, с которого был сделан русский перевод, см.: *Виноградов 1976.* С. 47, 487). Близкий к печатному вариант текста был закончен не позднее октября 1834 — первых чисел ноября 1834 г.; видимо, именно тогда его прочитал Пушкин, возвратившийся в Петербург в 1834 г. 18 октября, и тогда же он писал Гоголю об этой повести: «Прочел с удовольствием. Кажется, все может быть пропущено. Секуцию жаль выпустить: она мне кажется необходима для эффекта вечерней мазурки. Авось Бог вынесет. С Богом» (*Пушкин.* Т. 15. С. 198).

Из записки Пушкина следует, во-первых, что к концу октября или первым числам ноября «у Гоголя имелся уже беловой автограф повести, и притом со сценой “секуции”, так как трудно предположить, чтобы Пушкин пр о ч е л ее по черновику» (Ак. Т. 3. С. 645), во-вторых, что сцена эта была если не удалена, то максимально сокращена в печатном варианте уже после чтения Пушкина в результате или прямого вмешательства цензуры, или самоцензуры Гоголя, и это давало основания искать и находить в повести и другие следы подобного нетворческого воздействия и в той или иной степени «восстанавливать первоначальный текст» по рукописи. Есть, однако, мнение, что именно вариант *Ар.* является авторским, и после некоторых колебаний по поводу решения этой сцены, не зная, одеть Пирогова в мундир или в штатский костюм, Гоголь «нашел другой, более тонкий выход: он намекнул на постигшую Пирогова катастрофу путем иронической перифразы, еще усилившей сатирический эффект». «По-видимому, в последний момент Гоголь предполагал во избежание цензурных привязок вообще выбросить “секуцию”, заменив ее каким-нибудь менее скандальным оскорблением. Именно это, надо думать, имел в виду Пушкин, когда писал, что “секуцию жаль выпустить”, так как она (именно “секуция”, а не что другое) необходима “для полного эффекта вечерней мазурки”. (...) Мы не знаем, как описывалась “секуция” в той беловой копии, которая была в руках у Пушкина, но, судя по его словам: “Кажется, все может быть пропущено... Авось, бог вынесет. С богом!” — можно заключить, что именно так, как в печатном тексте “Арабесок”» (Слонимский А.Л. Вопросы гоголевского текста // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1953. Т. XII. Вып. 5. С. 413–414).

Из всех произведений, включенных в *Ар.*, именно «Невский проспект» не только был наиболее благосклонно встречен критикой, но и получил наиболее содержательные отзывы. Так, Булгарин находил, что в повести «мастерски создан и развит характер живописца, характер фантастический и чудовищный, достойный воображения Гофмана»; столь же «мастерски», по мнению его, были очерчены фигуры «Поручика Пирогова и Немецких ремесленников, медника Гофмана и сапожника Шиллера», хотя иногда, прибавлял он, очерки эти и карикатурны; в рецензии, однако, содержался опасный для Гоголя намек на его непочтительное отношение к армии. Удачным был признан «эскиз главной улицы Петербурга, во всякое время дня и ночи», «эта живая панорама Невского Проспекта», в подтверждение чего приводилась большая выписка из начала повести (СПч. 1835. № 73. С. 290, 292). В рецензии Сенковского в *БдЧ*, чрезвычайно резкой по отношению к *Ар.* в целом, именно в «Невском проспекте», наряду с «Записками сумасшедшего», отмечались «страницы очень немногочисленные, но писанные слогом приятным, чистым и живым», выдающиеся присутствие «следов таланта, который со временем может образоваться и сделаться очень приятным в нашей Словесности»; рецензент замечал, что карикатура — преимущество дарования автора, «когда захочет он быть без притязаний и занимается веселыми вещами»: «Некоторые из страниц его в шуточном роде непритворно смешны и развеселят самого угрюмого человека. Очень забавна история одного Немецкого носа, спасенного от неминуемой гибели поручиком Пироговым» (*БдЧ*. 1835. Т. 9. Кн. 3. Март. Отд. 6. С. 13–14).

Не мог, вероятно, не вызвать разочарования Гоголя авторитетный для него отзыв Шевырева, в рецензии на «Миргород» (МН. 1835. Ч. 1. Кн. 2) заявившего о подражательности «петербургских» повестей Ар. (он называл в этой связи имена Гофмана и Тика; см. с. 588). Тем большее впечатление должно было произвести на Гоголя мнение Белинского, заранее объявившего в «Молве» (1835. № 15. Литературная хроника), что «две его пьесы в “Арабесках” (“Невский проспект” и “Записки сумасшедшего”) (...) принадлежат к числу самых необыкновенных явлений в нашей литературе», а затем в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (Т. 1835. Т. 26. № 8), полемичной по отношению к Шевыреву, написавшего, что повести Гоголя «народны в высочайшей степени» и «народность его поэзии не ограничивается одною Малороссиею»: «В его “Записках сумасшедшего”, в его “Невском проспекте” нет ни одного хохла, всё русские и, вдобавок, еще немцы; а каково изображены им эти русские и эти немцы! Каков Шиллер и Гофман?» Говоря о творческой оригинальности Гоголя, Белинский обращает внимание на «типизм», который, по его словам, «есть гербовая печать автора» («У истинного таланта каждое лицо — тип, и каждый тип для читателя есть знакомый незнакомец. (...) Шиллер, Пискарев, Пирогов — разве все эти собственные имена теперь уже не нарицательные?»). Отдельный восторженный пассаж посвящает Белинский поручику Пирогову: это «тип из типов, первообраз из первообразов (...) многообъемлющее, чем Шайлок, многозначительнее, чем Фауст! (...) Это символ, мистический миф, это, наконец, кафтан, который так чудно скроен, что придет по плечам тысячи человек!». В повестях Ар. он находит «все признаки зреющего таланта» писателя, который здесь «расширил свою сцену действия и (...) пошел искать поэзии в нравах среднего сословия в России». «И, Боже мой, какую глубокую и могучую поэзию нашел он тут! Мы, москаль, и не подозревали ее!.. — продолжает Белинский. — “Невский проспект” есть создание столь же глубокое, сколько и очаровательное; это две полярные стороны одной и той же жизни, это высокое и смешное о бок друг другу. На одной стороне этой картины бедный художник, беспечный и простодушный, как дитя», — и Белинский подробно излагает историю Пискарева, показывая, «какая высокая и ужасная драма была разыграна в этой грешной, страдальческой душе»; особенно восхищает его сон героя («Я не хочу пересказывать его сна, этого дивного, драгоценного перла нашей поэзии, второго и единственного, после сна Татьяны Пушкина: здесь Гоголь поэт в высочайшей степени»); и контрастно комическая история Пирогова и Шиллера «на другой стороне этой картины» (Белинский. Т. 1. С. 174, 295—297, 301—302). По воспоминаниям П.В. Анненкова, Гоголь «был ослеплен» статьей Белинского (Анненков 1989. С. 151); и причина этого, вероятно, не столько в восторженном признании критиком его творческого дарования, сколько в переосмыслении и своего рода «переквалификации» его (см.: Манн 2004. С. 346—349), сделавшей впредь невозможным распространенное отношение к нему как к жанровому, «чисто теньеровскому», равно как и подражательно-гофманианскому. Статья Белинского предопределила восприятие Гоголя на многие годы, и из всего написанного Гоголем к тому времени именно «Невский проспект» — это, по оценке Пушкина, «самое полное из его произведений» (Совр.

1836. Кн. 1; Пушкин. Т. 12. С. 27) — дал для такого перелома более всего оснований.

«Невский проспект» стал этапом конкретизации петербургской темы у Гоголя, заданной до этого в общем виде в набросках «Страшная рука», «Фонарь умирал», «Дождь был продолжительный», «Рудокопов», застопорившейся на первом листе «Портрета» (см. коммент. к этим произведениям); написанная тогда же статья «Об архитектуре нынешнего времени», с очевидным в ней неприятием петербургской горизонтали, полемична по отношению к пушкинскому «Люблю» во вступлении к «Медному всаднику» (об «особом “Люблю”-фрагменте Петербургского текста» см.: *Топоров 2003. С. 9*). Герой автобиографический и одновременно порожденный Петербургом, как функция его, оставляется пока вместе с «Портретом», а для «Невского проспекта» берется новый, иной герой с петербургского фона повести Полевого «Живописец» (Палитрин, как поначалу зовут Пискарева в рукописи, — даже не второстепенная фигура, а только имя, тень, на мгновение появляющаяся у Полевого; см. с. 631); ему передает Гоголь отстраненность наблюдателя, «существа вне гражданства столицы» из наброска «Фонарь умирал», имеющую очевидно гофмановские истоки (см. коммент. к этому отрывку), но памятную, видимо, и самому Гоголю по первым дням пребывания в столице, возвращающую к ранним впечатлениям от нее, которые отсюда и из двух других петербургских отрывков и из собственных ранних писем, почти в буквальных, первоначальных формулировках, щедро вводятся в текст повести. В «Невском проспекте» гофмановское начало усиливается, и не только за счет «фантастики обыденного» (*Гиппиус 1924. С. 51*; см. также: *Манн 1988. С. 75–76*), но и путем прямых заимствований, легко узнаваемых читателем. Отрицавший серьезность влияния Гофмана в гоголевском творчестве С.И. Родзевич отметил тем не менее, что центральная в повести тема художника дана «в гофмановском освещении» (*Родзевич 1917. С. 195*); речь прежде всего должна идти о неспособности артиста вписаться в «так называемую высшую светскую культуру» («они обычно либо смиренны и унижены почти до раболепия, либо неблаговоспитанны и даже по-мальчишески неотесанны», *Гофман 1972. С. 408–409*). Таков и гоголевский художник, «тихий, робкий, скромный, детски-простодушный» (с. 144), но носящий в себе опасную «божественную искру, которая при противодействии становится разрушительной» (*Гофман 1972. С. 40*).

В сюжетном отношении «Невский проспект» связывают с двумя гофмановскими историями. Первая из них — «Золотой горшок» — о любви студента Ансельма к волшебной золотой змейке, сверкнувшей в струящемся течении реки. «В характере Пискарева есть много черт, напоминающих гофмановского Ансельма. (...) Одержимые мечтой, оба они становятся нечувствительными к внешнему миру. Это порождает сходство деталей в описании их поведения»: обоих принимают за пьяных, лунатиков, сумасшедших, обоим мечты, сны заменяют жизнь; и, подобно Гофману, «Гоголь густо населяет художественное пространство своего произведения неодушевленными предметами, которые с гротескной фантазмагоричностью начинают жить на наших глазах, обретая свое самостоятельное бытие» (*Ботникова. С. 127–131*). Сопоставляя вслед за С.С. Игнатовым (см.: *Игна-*

тов С.С. Э.-Т.-А. Гофман: Личность и творчество. М., 1914) образ Ансельма и черты гофмановского музыканта (человека искусства вообще), Ю.В. Манн говорит об особой структуре характера гофмановского типа, послужившей позднее, в процессе переосмысления Гоголем романтического материала, основой для создания образа «маленького человека» в «Шинели» (см.: Манн 1987. С. 69–79; также: Манн 1988. С. 395–400). Такая «минимизация» героя, совершенно незнакомая, кажется, Гофману (за иронической неотмирностью его героев скрывается высшая избранность, причастность мощным силам, с волшебной легкостью переформирующим картонную, кукольную «сущность» бытия), и все же именно от него ведущая свое происхождение, отличает построение «Невского проспекта» от «Портрета» (Пискарев показан более как «мечтатель», чем собственно художник, сюжет развивается вне сферы его профессиональной деятельности, хотя на дальнем плане повести и намечены, как возможные в его жизни, темы «Портрета»: «истинное наслаждение» от труда, «свежий воздух Италии», необходимый для развития дарования, неоконченные, написанные одна поверх другой работы, соблазн дешевого успеха вследствие упомянутой страсти пророчка Пирогова «ко всему изящному» и желания его «видеть мужественную физиогномию свою на портрете» и даже в редуцированном виде тема недостойного употребления таланта, адской сделки — платы им за дьявольский дар опиума). За счет этого как бы раздвигается пространство сюжета и освобождается место для того соотносительно с героем «большого», которое может быть определено как огромность живущего независимой от него жизнью города. От Гофмана же, по-видимому, могла прийти в повесть тема миражности как демонической воли и злого умысла, затаенной агрессии в игре света, в обманных, прежде всего зрительных, подменах, — от другого существенным образом повлиявшего на гоголевскую повесть сюжета его — истории Натаниэля в «Песочном человеке», не разглядевшего в женщине, которую он полюбил, куклы, подsunутой ему странным и страшным мастером-оптиком, покушающимся на его глаза. «Острота изображения конфликта и трагедийность его разрешения роднят эту повесть с “Невским проспектом” в значительно большей степени, чем “Золотой горшок” или другие произведения Гофмана. И тут и там трагическая гибель и безумие из-за недостойного предмета любви. В одном случае им оказывается гулящая девица, в другом — механическая кукла» (Ботникова. С. 139–140). Сюжет «Песочного человека» много раз обрабатывался в русской литературе; две вариации его имели, по-видимому, непосредственное отношение к работе Гоголя над «Невским проспектом». В повести Полевого «Блаженство безумия» (1833) ученый шарлатан фон Шреккенфельд («злой демон») использует дочь Адельгейду как приманку, собирая почитателей ее талантов в своем доме, превращенном в картежную притон; герой повести Антиох, молодой чиновник и в то же время романтический мечтатель, заранее предубежден против красавицы, полагая, «что женщина, показывающая за деньги свои дарования, есть (...) творение нестерпимое», но встреча с ней в обстановке, по-гофмановски сочетающей в себе карточную игру и музицирование и начинающей напоминать сцену бала у Гоголя, когда к ним добавляется тема волшебного мечтательного увлечения женщиной — царицей общества, сопровождаемая моментами оптического

обмана и узнавания, изменяет его чувства. «...Она только поглядела на меня, и — забывши все, я схватил в восторге ее руку! (...) и я невольно воскликнул: “Это она!”» (Полевой 1986. С. 105—119). В «Сказке о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» (1833) Одоевского молодой человек купил в модной лавке превращенную в куклу красавицу, принес домой. Вдруг кукла проявила признаки жизни. «Неужели ты в самом деле живешь?» — говорил ей молодой человек, — если ты в самом деле живая, я тебя буду любить больше души моей». Но кукла отвечала бессмысленными, механически затверженными фразами. «Ах, лучше бы ты не говорила! — вскричал молодой человек, — ты не понимаешь меня, моя красавица!» (...) И часто восклицал молодой человек: “Ах, лучше бы ты не говорила!”», предвосхищая трагическое гоголевское «О, лучше бы ты была нема и лишена вовсе языка, чем произносить такие речи!» и антипигмалионовскую (о теме оживления Галатеи у Гоголя в связи с общеромантическим осмыслением ее см.: Вайскопф 1993. С. 23) мольбу его героя: «Лучше бы ты вовсе не существовала! не жила в мире, а была бы создание вдохновенного художника!» (с. 142). Подобно Пискареву, герой Одоевского предлагает красавице скромное счастье и получает подобный же ответ: «Что я за ключница? (...) разве ты затем купил меня? Купил — так лелей, одевай, утешай. Что мне за дело до твоей души и до твоего хозяйства! (...) я хочу и люблю ничего не делать, не думать, не чувствовать, не хозяйничать, — а твое дело забавлять меня» (Одоевский 1988. С. 37—42).

Понимание любви в «Невском проспекте» идет от Гёте («Вертер») и особенно от Шиллера (ср. рассуждение Констанана о французском и немецком понимании этого чувства, о том, что для немцев любовь — «смысл человеческого бытия на земле, таинственная и всемогущая связь двух душ, которым нет жизни друг без друга»; она «не может угаснуть, ибо бессмертна по своей сути; она может лишь возвратиться в лоно своего создателя», Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982. С. 273—274; о романтическом переживании любви см.: Манн 1987. С. 72), с его различием «черт выразительных, всегда являющихся выражением души», и «черт немых», которые запечатлевают «лишь пластическую природу (...) независимо от всякого влияния души» (Шиллер 1950. С. 176); соответственно строится монолог шиллеровского героя, заподозрившего возлюбленную в измене: «Какое дивное творение небесного ваятеля! (...) Я не призываю тебя к ответу, создатель, но все же отчего твой яд разлит по таким дивным сосудам? Как может порок таиться за этими чертами, дышащими ангельской добротой?» («Коварство и любовь», д. 5, явл. 7; Шиллер 1954. С. 213). Шиллеровское чувство затронуту, однако, в «Невском проспекте» гофмановской иронией, в сложной игре которой любовь предстает то как «могучая таинственная сила, что потрясает и преображает глубочайшие основы бытия (...) через любовь, через наслаждение женщиной уже здесь, на земле, может сбыться то, что живет в нашей душе как предвкушение неземного блаженства и порождает неизбывную страстную тоску, связующую нас с небесами», то как «весьма болезненное психическое состояние, своего рода частичное безумие, выражающееся именно в том, что мы начинаем принимать какой-нибудь предмет совсем не за то, чем он является на самом

деле» (Гофман 1972. С. 24, 197). Женские образы у Гофмана также соотносимы с гоголевскими; например, скромная Розочка из «Повелителя блох», на личике которой «написана была та нежная тайна девственной чистоты, высокой небесной прелести, какую удалось уловить некоторым старым немецким живописцам в их картинах» (Гофман. Т. 2. С. 464), могла бы, кажется, стать другим образцом для идиллического сновидения Пискарева, вдохновленного идеалом «Вертера»; но Гофману известна и другая тайна женского обаяния — это легкость преобразований, поразительные контрастные изменения облика, тайна вечно возобновляемого отчуждения, делающего женщину незнакомкой (см.: Гофман 1984. С. 119); такое построение женского образа, только намеком угаданное у Гофмана и получившее развитие уже в «новых французских романах», как называли тогда произведения позднего течения романтизма — «неистойой» школы, сохраняет в «Невском проспекте» память и об этом своем отдаленном источнике.

Характерные для «неистойой» школы «приемы художественного становления образа красавицы-проститутки — в соответствии с трагической судьбой художника — на фоне вертепа, жизни подонков и картин нищеты, своеобразные формы рисовки городского пейзажа и быта, “предательское смешение образов прелестных и ужасных”» В.В. Виноградов связывает прежде всего с именем Ж. Жанена, «своеобразного Колумба этого цикла», романы которого «Исповедь» и особенно «Мертвый осел и гильотинированная женщина» (в современном Гоголе в переводе: «Мертвый осел и обезглавленная женщина»: В 2 ч. М., 1831, ц. р. 22 декабря 1830 г.) были с интересом восприняты в пушкинском кругу; дополнительное внимание к «Мертвому ослу...» было, по-видимому, привлечено слухами об отражении там петербургских впечатлений автора. Влияние этого романа ощутимо уже в гоголевском «Кровавом бандуристе» (см. коммент. к нему), однако в «Невском проспекте» автор подходит к роману иначе, выделяя в нем прежде всего «проблему нравственных коллизий, трагических противоречий в быту большого города», сопровождаемую «гротескной гиперболизацией анекдотической повседневности». Здесь «эпизоды романа Жюль Жанена проступают смутно, но зримо, как фон затушеванный, на котором Гоголь стремится чертить узоры близкие — и все же отличные»; тем не менее «образ девушки падшей, “с красотой нежной” как символ “существенности отвратительной”, обстановка дома терпимости как “пейзаж”, среди которого разыгрывается трагедия ее духовного умирания, контрастное мелькание облика красавицы-проститутки сквозь призму ее отражений в восприятии художника», откровенные реминисценции «в деталях описания приюта разврата у Гоголя», — такое сплетение мотивов могло восприниматься современниками Гоголя только «на фоне морфологически сходных построений» Жанена; «обе половины новеллы о любви Пискарева и Пирогова, осуществлявшие эмоционально диссонансный синтез, обрывисто висят между фельетонным прологом, изображающим повседневные картины Невского проспекта, которые вдруг — внедрением новеллы о двух приятелях — превращаются в картину одного известного дня, и эпилогом, где сам рассказчик, вступая на Невский проспект, преобразует гримасно свою повесть в символический рассказ об обманчивом Петербурге»; близок к жаненовско-

му и сам образ художественного «я» в повести: «Это образ постоянно меняющейся, ломкой эмоциональной структуры, образ, непрестанно переключаемый из одной тематической и экспрессивной сферы в другую» (*Виноградов 1976. С. 62, 78, 90, 94–97, 99*). В.В. Виноградов обращает внимание и на то, что сама тема падшей женщины у Жанена представляется совершенно иначе, чем в предшествовавшей ему литературе; например, «в романе Дюкре дю Мениля “Юлия, или История человеческого сердца” (...) читается: падшие девушки готовы употребить “руки свои к услугам... повинувались бы... благодарили и почитали как бога того господина, который бы дал им покой, пропитание и одежду без всяких при том худых намерений”» (*там же, с. 176*). У Жанена герой-повествователь, подобно гоголевскому Пискареву, предпринимает «последнюю попытку вытащить несчастную из этого притона» — однако, как и у Гоголя, предлагаемое ей видение сельской идиллии меркнет перед соблазном «бархатного платья, золотого ожерелья, вышитого платка и ажурных чулок» (*Жанен 1996. С. 183*). «Все на свете могут обладать твоей возлюбленной, кроме тебя самого, и ты умираешь от ярости на ее пороге!» (*там же, с. 186–188*). Почти теми же словами формулируется суть сюжетной коллизии в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1831). Герой его, архидьякон Клод Фролло, проникается запретной для него страстью к увиденной перед собором цыганке-танцовщице Эсмеральде и по-своему переживает весь комплекс мучений гоголевского героя, начиная с потрясения от встречи с женщиной, посланной ему «небом или адом» (*Гюго. С. 332*). Эсмеральда — порождение Парижа, предмет его любви и ненависти («эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша невинности и восторгов, которую он лишь трепеща осмелился бы пригубить, была превращена в какой-то общественный котел, из которого все отребье Парижа — воры, нищие, бродяги, — пришло черпать сообща бесстыдное, нечестное и извращенное наслаждение», *там же, с. 362*); танцующая на улицах города, она принадлежит только ему. Роман выявил тенденцию в трактовке темы, достаточно очевидную уже у Жанена: город становится не просто местом действия, но своеобразным действующим лицом, огромным организмом, вовлекающим женщину в свою автономную жизнь с силой, которой не в состоянии препятствовать соперничающий с ним за возлюбленную герой; в результате героиня осознается как воплощение женского начала самого города, его женственной сущности, на которую в конечном счете и обращено сложное чувство героя и автора. Бальзак в повести «Феррагус, предводитель деворантов» (1833; в рус. пер.: Т. 1833. Ч. 13. № 9–12; о влиянии ее, наряду с романом Гюго, на изображение города у Гоголя, со ссылкой на предшествующие западные исследования, см.: *Вайскопф 1993. С. 208–209*) адресует свои наблюдения над жизнью Парижа, «этой вечно оживленной царицы городов», тому «небольшому числу любителей», для которых «Париж — живое создание, каждый человек в нем, каждая песчинка — клетка тела великой куртизанки, чей ум, сердце и необычайный нрав они в совершенстве изучили. Да, все они — любовники Парижа» (*Бальзак. Т. 11. С. 14–15*). Сюжет повести Бальзака вырастает непосредственно из картин «кипучей жизни» Парижа, круговорот которой прослеживается, как и у Гоголя, на протяжении суток, вплоть до ночного времени, незадолго до которого и завязывается действие, из

своеобразно одушевленной, также имеющей соответствия в гоголевских описаниях, топографии города: «Есть в Париже улицы, опозоренные так, как может быть опозорен человек, совершивший подлость; встречаются и улицы благородные, и просто честные улицы (...) есть улицы (...) где светская женщина не могла бы показаться, не возбудив самых оскорбительных для нее предположений». Именно на такой улице в девятом часу вечера герой повести узнал в идущей неподалеку женщине ту, в которую был безнадежно влюблен; он бросается вслед за ней, надеясь убедиться в своей ошибке: «В Париже можно иногда видеть причудливую, странную, непостижимую игру ночных теней — только тот, кто развлекался подобными наблюдениями, знает, какой фантастической становится женщина в сумерках (...) Чувства кипят, все вокруг становится ярким и живым; женщина принимает новый облик; тело ее исполняется необычайной красоты; мгновениями кажется — это не женщина, это демон, блуждающий огонек, влекущий вас глгучим магнетизмом, — но вот вы дойдете, наконец, до какого-нибудь скромного дома, и тогда бедная мещаночка, испуганная вашим настойчивым преследованием и громким стуком ваших сапог, даже не оглянувшись, захлопнет перед вашим носом дверь...» (там же, с. 13–16, 17–18). Это описание уже содержит в зародыше истории Пискарева и Пирогова, и точно так же черты обоих заданы в образе бальзаковского героя, сочетающего способность к неземной любви, заставляющей вспомнить средневековые рыцарские обеты и становящейся источником вдохновения, с офицерским мундиром и привычными нравами военных. Ближе к гоголевскому и описание преследования и его завершения: «Мерцающий свет, отбрасываемый стеклянной дверью какой-то сапожной мастерской, внезапно осветил фигуру женщины, шедшей впереди молодого человека, и обрисовал изящную линию ее бедер. (...) Молодой человек ускорил шаг, обогнал женщину и обернулся, чтобы взглянуть на нее. Увы! Она уже скрылась в доме, за решетчатой дверью с колокольчиком, которая хлопнула и звякнула. (...) Молодому человеку показалось, что он слышал дребезжание колокольчика в квартире третьего этажа» (там же, с. 18–19). «Но прямых текстуальных совпадений такого рода здесь вообще очень много, не говоря уже об огромном сюжетном воздействии», — пишет М. Вайскопф; он отмечает, кроме того, «яркие параллели» к «Невскому проспекту» в повести Бальзака «Шагреновая кожа» (1831), где можно найти «героя-опиомана, сцену ночной оргии, портрет юной развратницы-“наяды”, отказавшейся “от разума”, и т.п. — вплоть до общей темы спасительного “деревенского домика” и “мирной мастерской” художника» (Вайскопф 1993. С. 209, 543). В связи с «опиумной» темой у Гоголя имя Бальзака называет и В.В. Виноградов, указывая, что «сопоставление грез художника с упоением курителя опиума» содержалось в переводе его повести «Страсть художника, или Человек не-человек» (Т. 1831. № 21). Герой «Мертвого осла...» Жанена также «готов был скрыться от ужасов жизни в чаду опиума»; в качестве примера того, что «опиум как средство романтического воодушевления играл значительную роль в литературе того времени», исследователь указывает и на заключительные слова новеллы Одоевского «Себастьян Бах» (1834; опубли.: МН. 1835. Ч. 2. Кн. 5), входившей в неизданную книгу «Дом сумасшедших» и, следовательно, известной Гоголю (см. его письмо И.И. Дми-

триеву от 30 ноября 1832 г.) еще до публикации; наконец, о действии опиума Гоголь мог узнать и «из романов восточного цикла» (Виноградов 1976. С. 46).

Характер документального свидетельства имеет запись опиумных снов в книге Т. Де Квинси «Исповедь англичанина, любителя опиума» (1821), на связь которой с повестью Гоголя указал В.В. Виноградов: «гоголевской фантастике обманчивого Петербурга» соответствовал здесь проступающий «сквозь чад опиума с извращенной утонченностью (...) туманный Лондон». Как и в «Невском проспекте», разрыв «мечты» и «существенности» у Де Квинси «сказывается постепенно в совершенном забвении героем реальной обстановки и полной погруженности его в мир ужасных грез» (Виноградов 1976. С. 48, 51). «Опиум как средство продолжить сон и мечты, им навеваемые, выполняет однородную сюжетную функцию в повести Гоголя и в романе Де Квинси», — пишет В.В. Виноградов; он указывает также «на связь отдельных ситуаций и сцен», отмечая моменты, «согласие в которых, не выводимое из органики обоих произведений, могло быть результатом внешнего их столкновения»: «На высшей степени вдохновения опиофаг “любит уединение (...) ищет тишины, безмолвия, источника глубоких дум и размышлений высоких, усладительных” (...). И один круг таких мечтаний опиофага у Де Квинси был заполнен образом красавицы, который стал для героя большей реальностью, чем окружающая жизнь. “Действие опиума продолжало мечту, которая без того исчезла бы, как тень, и даже, могу сказать, осуществляло ее, ибо если впечатление продолжительно и сильно, если оно оставило в душе глубокие следы, то зачем называть его мечтою!”»; находят соответствие у Де Квинси и мечты Пискарева о деревне. «И “самое радостное” из сновидений Пискарева — картина тихого семейного счастья являлась в мечтаниях и автору “Исповеди”: художник должен нарисовать его “сидящего за столом, перед затопленным камином... сделайте одолжение, нарисуйте мне молодую прекрасную жену, которая бы сидела подле меня”» (там же, с. 46, 47, 50); последний эпизод, впрочем, не менее откровенно проступает в пародийном виде в заказе персиянина нарисовать ему красавицу («чтобы брови были черные и очи большие, как маслины; а я сама чтобы лежала возле нее и курила трубку», с. 141), что свидетельствует о неоднозначном отношении Гоголя к источнику. Исследователь пользуется здесь для сопоставлений русским переводом романа (см.: Де Квинси 1834. С. 72, 76, 77, 109–110), анонимный переводчик которого, следуя французской его версии, дополнил историю знакомства героя Де Квинси с девочкой-проституткой — Анной с Оксфорд-стрит, воплощением кроткой беззащитности и доброты, бывшей недолгое время его спутницей в скитаниях по Лондону в годы нищеты юности и запомнившейся навсегда, уже потусторонним видением вносящей мир в его душу, — рассказом о новой встрече с ней, красавицей в «блестящем собрании» в окружении «толпы молодых людей»: «Это она! думал я. (...) Тот был бы в глазах моих безумцем, кто сказал бы, что я ее увижу здесь и в таком виде (...) Но ее не было между танцующими; надобно было ждать окончания длинного танца. ...тогда... я ее увидел.... — продолжает дописывать за Де Квинси анонимный сочинитель. — Она была бледна; алмазы блестели на голове. Но вид ее скорее был задумчив, нежели печален. Облокотясь небрежно на прекрас-

ную руку, она отказала нескольким мужчинам. (...) Я хотел выйти из моего угла, но (...) находился на одном конце зала, и все матушки, тетки и старшие сестрицы сидели передо мною (...) я ждал нового танца, который бы рассеял находившуюся между нами живую преграду» (*там же*, с. 89–90). В.В. Виноградов отмечает в сравниваемых описаниях одну и ту же позу героя у колонны, в обоих случаях невозможность пробиться сквозь толпу (об этом мотиве см.: *Вайскопф 1993*. С. 82). «В описании Гоголя больше риторики, чередующейся с натуральными сценами, и крикливее краски, чем у Де Квинси, и выступает выпукло гиперболизм сновидения. Но канва рисунка у Гоголя и Де Квинси одна и та же» (*Виноградов 1976*. С. 49). В. Кондратьев дополняет эти сопоставления примерами пародийного ряда, обращая внимание на то, что на бал героя приводит «неизвестно откуда взявшийся в русском переводе “Исповеди...” офицер», превращающийся у Гоголя «в поручика Пирогова, пародирующего любовную историю художника»; давая скрытую отсылку «к самому нелепому эпизоду русского перевода Де Квинси», автор «мучительно снижает пафос разворачивающейся трагедии, усмехаясь над пылким воображением современника» (*Кондратьев В. Показания поэтов // Де Квинси Т. Исповедь англичанина, употребляющего опиум*. М., 1994. С. 137–138).

Русский переводчик честно указал вдохновлявшее его имя на титульном листе книги (см: *Де Квинси 1834*) — Метьюрин предшествовал на русской почве новым французским романистам; «Мельмот Скиталец» (1820), уже в 1821 г. переведенный на французский язык, а в русских переводах в отрывках появлявшийся с 1831 г. (отд. изд., см. с. 625), готовил русского читателя к восприятию «контрастной» поэтики «неистойой» школы и, как показали исследования В.В. Виноградова, сам стал восприниматься как часть ее (о значении его для творчества Гоголя вообще и в период работы над *Ар.* в особенности см.: *Виноградов 1976*. С. 45–46; также в коммент. к повести «Портрет»). Пушкину он был известен с 1823 г. и отразился фрагментами во многих его произведениях; более всего — в «Евгении Онегине», где, среди прочего, поразившая Онегина встреча с Татьяной в петербургском свете (гл. 8, XV–XVI) повторяет рисунок таинственного появления дикой островитянки Иммали в городском «великолепном шествии»: «...она шла, окруженная толпою блестящих красавиц, но одна привлекала все взгляды (...) не искала ничьего внимания, внимание это само устремлялось ей вслед (...) ее поразительная природная красота резко выделялась среди всех ухищрений, которые отличали ее спутниц. (...) Самые развязные волокиты отступали (...) распутникам достаточно было одного ее взгляда, чтобы задуматься (...) старики, глядя на нее, вспоминали дни своей юности, а в юношах пробуждались первые мечты о любви» (*Метьюрин*. С. 321–322). Контраст места, облика, положения увлекает Онегина: «“Ужели”, думает Евгений: / “Ужель она? Но точно... Нет... / Как! из глуши степных селений...” (...)»; с иной предысторией, но тот же контраст, вслед за Пушкиным и Метьюрином, вероятно, и за псевдо-Де-Квинси, поражает и героя Гоголя: «Боже! она стоит перед ним... Но что это? что это? “Это она!” — вскрикнул он почти во весь голос. В самом деле это была она, та самая, которую встретил он на Невском и которую проводил к ее жилищу». Сходство с пушкинскими описаниями светской жизни в «Евгении

Онегине» (полностью роман был опубликован в марте 1833 г.) последовательно прослеживается у Гоголя.

Пушкинские ноты появляются исподволь в течении повести — лаконичной, но узнаваемой детально или очевидным копированием рисунка поэтического фрагмента с дерзким, на грани пародии, переворачиванием всех его смысловых моментов, на которое не мог не обратить внимание его автор, первым, по-видимому, прочитавший гоголевскую повесть: «Ужели та самая Татьяна, / (...) Та девочка... иль это сон?.. / Та девочка, которой (...) / Ужели с ним сейчас была / Так равнодушна, так смела?» — ср.: «Но не во сне ли это все? ужели та, за один небесный взгляд которой (...) ужели та была сейчас так благосклонна и внимательна к нему?». С появления кареты, везущей Пискарева, подобно Онегину (гл. 1, XXVII), на бал, пушкинское сопровождение движения сюжета становится если не сплошным, то достаточно последовательным (подробнее см.: *Дерюгина Л.В.* Пушкинское и пушкинско-петербургское в «Невском проспекте» // *Литературоведение как литература*. М., 2004. С. 99—108). Гоголь воспроизводит не только обстановку, реалии, эпитеты, но и тонкие оттенки впечатления от романа Пушкина, сам рисунок поэтической фразы, дает скрытые ссылки на афоризмы, на любимые пушкинские темы. Гоголевская незнакомка определяется чертами любимых пушкинских героинь: «Но одна между ими всех лучше» (ср.: «Средь жен и дев блестит одна», гл. 7, LI; ср. также выше у Метьюрина); «Невыразимое, самое тонкое сочетание вкуса разлилось во всем ее уборе, и при всем том она, казалось, вовсе о нем не заботилась и оно вылилось невольно само собою» (ср.: «Без притязаний на успех, / Без этих маленьких ужимок, / Без подражательных затей... / Все тихо, просто было в ней», гл. 8, XIV—XV); «Она и глядела и не глядела (...), прекрасные длинные ресницы опустились равнодушно» (ср.: «Татьяна смотрит и не видит», гл. 7, LIII). Общие моменты и при описании встречи: «Она обвела своими глазами весь круг, наперерыв жаждавший остановить ее внимание» (ср.: «К ней дамы подвигались ближе; / Старушки улыбались ей; / Мужчины кланялись ниже, / Ловили взор ее очей», гл. 8, XV), «но с каким-то утомлением и невниманием она скоро отвратила их» (ср.: «Потом к супругу обратила / Усталый взгляд», гл. 8, XIX). «Домой одеться едет» перед балом Онегин (гл. 1, XXII) — и о Пискареве: «Спеша ехать, он позабыл даже переодеться в пристойное платье». В своем робком желании коснуться «прекрасной руки» героини («Коснуться бы только ее — и ничего больше! никаких других желаний — они все дерзки...»), в погоне за ней («Она проскользнула между толпою и исчезла. Он как помешанный растолкал толпу и был уже там»), ускользящей от него так же, как «скользнула вон» Татьяна (гл. 8, XIX), в «припадке нетерпения» и нарастающего упорства, когда «он не в силах был слушать никаких приказаний даже из ее уст» (ср.: «За ней он гонится как тень», гл. 8, XXX; «А он упрям, отстать не хочет», гл. 8, XXXII), Пискарев повторяет Онегина, и даже в несвязных речах своих, твердя: «О, буду! буду! буду!..» — он воспроизводит текст романа (ср. гл. 8, XXI: «Проснулся он; ему подносят / Письмо: князь N покорно просит / Его на вечер. “Боже! к ней!... / О буду, буду!” и скорей / Марает он ответ учтивый. / Что с ним? в каком он странном сне!» — омонимическая игра, слишком принужденная, чтобы быть случайной).

Точки соприкосновения с романом Пушкина выстраиваются очевидным пунктиром и в описании снов и опиумных грез Пискарёва: «Наконец сновидения сделались его жизнью» и т.д. (ср.: «И постепенно в усыпление / И чувств и дум впадает он, / А перед ним воображение / Свой пестрый мечет фараон», гл. 8, XXXVII; «Он так привык теряться в этом, / Что чуть с ума не своротил», гл. 8, XXXVIII) и в обоих случаях содержанием снов становится прожитая жизнь; но самый желанный, главный сон Пискарёва списан буквально с преследующего Онегина видения: «То сельский дом — и у окна / Сидит она... и все она!..» (гл. 8, XXXVII; ср.: «Боже, какая радость! Она! опять она! (...) О как хорошо сидит она у окна деревенского светлого домика!», и далее: «Она сидела возле него, облокотившись прелестным локотком своим на спинку его стула, и смотрела на его работу»). Пискарёв «с нетерпением, со страстию любовника ожидал вечера и желанного видения (...) мысли его были совершенно чисты, как мысли ребенка», — ср.: «Сомненья нет: увы! Евгений / В Татьяну как дитя влюблен; / В тоске любовных помышлений / И день и ночь проводит он» (гл. 8, XXX). Оба доводят себя до реальной болезни («Такое состояние расстроило его силы» — ср.: «Онегин сохнет — и едва ль / Уж не чахоткою страдает», гл. 8, XXXI) и оба чувствуют себя выздоравливающими, приняв решение добиться последнего объяснения: Пискарёв «встал (...) как-то свежее и менее рассеянный, нежели прежде (...) он подошел к зеркалу и испугался сам впалых щек и бледности своего лица. (...) Он дохнул свежим воздухом и почувствовал свежесть на сердце, как выздоравливающий, решившийся выйти в первый раз после продолжительной болезни»; Онегин также «Не умер, не сошел с ума. / Весна живет его: впервые / Свои покои запертые (...) / Он ясным утром оставляет, / (...) Идет, на мертвеца похожий» (гл. 8, XXXIX—XL). С этого момента параллелизм сюжетов снов становится сплошным и приобретает шокирующий характер; речь здесь может идти уже не о влиянии и заимствовании, а только о целенаправленной игре с пушкинским текстом. Вот Онегин «примчался к ней, к своей Татьяне»: «Нет ни одной души в прихожей. / Он в залу; дальше: никого. / Дверь отворил он. Что ж его / С такою силой поражает? / Княгиня перед ним, одна, / Сидит, не убрана, бледна, / Письмо какое-то читает / И тихо слезы льет рекой» (гл. 8, XL), — ср.: «Он быстро вбежал на лестницу, постучал в дверь: дверь отворилась, и кто же вышел к нему навстречу? Его идеал, его таинственный образ, оригинал мечтательных картин, та, к которой он жил, так ужасно, так страдательно, так сладко жил. Она сама стояла перед ним (...) Она стояла перед ним так же прекрасна, хотя глаза ее были заспаны, хотя бледность кралась на лице ее, уже не так свежем, но она все была прекрасна»; пародийная коррозия агрессивно раздвигает здесь не только фабулу и образы героев романа, но распространяется и на сферу авторского голоса в лирических отступлениях (ср. гл. 8, L). «В тоске безумных сожалений / К ее ногам упал Евгений. / Она вздрогнула и молчит, / И на Онегина глядит / Без удивления, без гнева», — ср.: «он затрепетал; он едва мог (в рукописи было: он едва не упал) удержаться на ногах от слабости (...) “А! — вскрикнула она, увидевши Пискарёва и протирая глаза свои. Тогда было уже два часа. — Зачем вы убежали тогда от нас?” Он в изнеможении сел на стул и глядел на нее». Начало и отчасти продолжение

монолог Татьяны уже отозвались выше в тексте в намеренно четко обозначенном и сразу же до неузнаваемости измененном стилистически и перевернутом в смысле отношении варианте в речах незнакомки на балу: «Вы здесь, — произнесла она тихо. — Я буду откровенна перед вами: вам верно странными показались обстоятельства нашей встречи. Неужели вы думаете, что я могу принадлежать к тому презренному классу творений, в котором вы встретили меня» (ср.: «И тихо наконец она: / “Довольно; встаньте. Я должна / Вам объясниться откровенно. / Онегин, помните ль тот час, / Когда в саду, в аллее нас / Судьба свела...”»), и далее: «А мне, Онегин, пышность эта, / Постылой жизни мишура, / Мои успехи в вихре света, / Мой модный дом и вечера, / Что в них?», гл. 8, XLII, XLVI); но если бы упрек пушкинской героини «И я любила вас; и что же? / Что в сердце вашем я нашла? / Какой ответ? одну суровость» можно было передать языком и в понятиях петербургской проститутки, то он звучал бы именно так: «Зачем вы убежали тогда от нас (в рукописи было: от меня)?». «И нынче — боже! — стынет кровь, / Как только вспомню взгляд холодный / И эту проповедь...» — говорит Татьяна, имея в виду речь Онегина в ответ на ее письмо (гл. 4, XVII); тем же словом определяет Гоголь и «длгое и поучительное увещание» Пискарева, когда тот «дрожащим и вместе пламенным голосом» начинает представлять героине «ужасное ее положение», а та с подругой слушают «со вниманием нового проповедника». Любимая мечта Пискарева, вдохновленная видением Онегина — Татьяной, сидящей у окна сельского дома («Я буду сидеть за картинами, ты будешь, сидя возле меня, одушевлять мои труды, вышивать или заниматься другим рукоделием»), грубо осмеивается его слушательницами: «“Как можно! (...) Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работой”. (...) “Женитесь на мне! — подхватила с наглым видом молчаливая дотопе в углу ее приятельница. — Если я буду женою, я буду сидеть вот как!”», — но за этим откровенным глумлением над героем скрывается, по-видимому, не менее грубый, хотя и завуалированный авторский намек на «странности» пушкинской героини, с такой любовью описанные в романе: «Ее изнеженные пальцы / Не знали игл; склонясь на пяльцы, / Узором шелковым она / Не оживляла полотна» (гл. 2, XXVI). На этой последней резкой ноте ряд аналогий заканчивается; в рукописи, правда, сохранилась еще одна — появление «с шумом» и «без церемонии» «одного офицера» (см. «Варианты»; ср.: «Но шпор незапный звон раздался, / И муж Татьянин показался»), делающее окончательным поражение Пискарева, как и Онегина «В минуту, злую для него» (гл. 8, XLVIII). Можно предполагать, что и Пушкину повесть была показана автором до печати (см. выше) не столько ради того, чтобы посоветоваться по поводу возможных цензурных препятствий, сколько чтобы выяснить его личную реакцию, оказавшуюся, впрочем, вполне благоприятной.

Между тем полемика в повести ведется по принципиальным для Пушкина моментам, общим у романа «Евгений Онегин» с «Медным всадником», и не случайно она строится вокруг образа Татьяны — «устроительницы» по-гречески, что, конечно, было известно Пушкину, намеренно обратившему внимание читателя на греческое его происхождение в авторском примечании к строфе XXIV второй главы, и должно было быть известно

Гоголю, всегда внимательному к поэтике имен. Сколько бы ни стремилась она «к жизни полевой», ее жизненный путь необратим, как необратима та работа жизнестроительства, воссоздания внутреннего космоса из первичного хаоса и смятения, на которую в первую очередь и обратил внимание пораженный Онегин. «Крещенским холодом» (гл. 8, XXXIII) недаром скрывает она разрушительный порыв Онегина. Тема зимы, еще более расширяющей простор петербургских набережных, не мертвящей, а оживляющей его румянцем женских лиц и движеньем балов; тема женщины-царицы, не в гоголевском сказочно-импрессионистичном употреблении этого слова (ср. в повести: «она сидела как царица, всех лучше, всех прекраснее...»); именно так Гоголь всегда и в первую очередь определяет «женщину выше женщины»: «Она царица, видение, что похоже на самую гармоническую мечту», «Фонарь умирал»), а в строгом и четко иерархическом пушкинском означении женского начала в истории России и ее побед; тема Невы как естественной основы жизни города, сезонной сменой своих состояний вписывающей его в общий круговорот природы и человеческой жизни, — важные составляющие во вступлении к «Медному всаднику», где пушкинское «Люблю», только обрамленное двумя жесткими «мужскими» формулировками («юный град» и «град Петров»), подчеркнуто обращено им к городу как к женщине: «И перед младшею столицей / Померкла старая Москва, / Как перед новою царицей / Порфироносная вдова» с последующей цепочкой женских образов: «Люблю зимы твоей жестокой / Недвижный воздух и мороз, / Бег санок вдоль Невы широкой, / Девичьи лица ярче роз, / И блеск, и шум и говор балов / <...> Люблю, военная столица, / Твоей твердыни дым и гром, / Когда полношная царица / Дарует сына в царский дом, / Или победу над врагом / Россия снова торжествует, / Или, взломав свой синий лед, / Нева к морям его несет, / И чуя вешни дни, ликует». Татьяна последней главы романа — и создание и «законодательница» пушкинского Петербурга, одним и тем же рисунком данного в романе и «Медном всаднике», поэтическое воплощение его «креативного» мифа (см. о нем: *Топоров 2003. С. 23, 41–42*). Не прежней «девочкой несмелой, / Влюбленной, бедной и простой, / <...> Но неприступною богиней / Роскошной, царственной Невы» видит ее Онегин (гл. 8, XXVII); традиция «неистойвой» школы здесь почти неузнаваема, но, видимо, не случайно Пушкин, чуткий к ее поэтике, словно напоминая о ней, на мгновение усаживает свою героиню рядом с «блестящей» куртизанкой «Ниней Воронскою, / Сей Клеопатрою Невы» (гл. 8, XVI) из шокировавшего общество «Бала» Баратынского. Совершенно иначе, но также соотносительно с писателями французской школы растворяет женщину в городе и отождествляет его с нею Гоголь; так, С.Г. Бочаров обращает внимание на то, что «и сам Невский проспект во всей его мужской словесной оформленности и его сударственным как бы достоинстве тоже — красавица: “Чем не блестит эта улица-красавица нашей столицы!” <...> В повести, собственно, два субъекта, оба как некие сверхгерои — Невский проспект и красавица мира. Они сближаются превращением первого тоже в красавицу, но они при этом теряют свой пол в сюжете и в тексте: мужественный субъект обращается сам в сомнительную красавицу, а красавица перестаёт быть “так отличным от нас существом” <...>. Они обменялись полами; проспект обернулся панелью»

(Бочаров 2007. С. 151–152). В соответствии с авторской установкой в повести Гоголя трансформации подвергается и образ пушкинского Петербурга.

Реальный город гоголевского времени — «строгий Петербург», как определяет его применительно к той эпохе историк архитектуры В.Я. Курбатов, весь — «от “адмиралтейской иглы” до окраин — был целен по стилю и казался одной постройкой, задуманной по общему плану»; по мнению исследователя, впечатление это хорошо передавала, позволяя «оценить “однообразную красоту” зданий, построенных в одном стиле» (Курбатов. С. 6, 149), длинная панорама Невского проспекта — два колоссальных десятиаршинных свитка, литографированные И. Ивановым и П. Ивановым по акварелям В.С. Садовникова («Панорама Невского проспекта»; правая, «теневая» сторона — 1830, «солнечная» — 1835). «Невский проспект есть без сомнения лучшая улица в мире, как по правильности, длине и ширине своей, так и по красоте и великолепию зданий... Поэт мог бы смело назвать Невский проспект душою Петербурга», — писала *СПч* в связи с выходом в свет этого «своеобразного апофеоза главного тракта северной столицы» (Паламарчук 1990. С. 382). «Смотрите прямо на бесконечную полосу единственной, прекраснейшей из всех существующих улиц: какое разнообразие и роскошь!» — говорилось в книге А.П. Башуцкого «Панорама Санкт-Петербурга» (Ч. 3. СПб., 1834. С. 122). В обеих книгах присутствовал жанровый, нравоописательный элемент — как сообщала *СПч*, «многие из обыкновенных посетителей Невского проспекта попали на панораму», по поводу же книги Башуцкого рецензент *БдЧ* (1835. Т. 8. Кн. 2. Февраль. Отд. 6. С. 47–48) писал: «После этого я уж не знаю, как и жить в Петербурге, когда нас, так, без всяких украшений, показывают в публичной Панораме всем провинциалам, когда им открывают наши важнейшие тайны и передают им все ключи к нашим нравам!» (ср: Манн 1987. С. 89), но не это, а тон описания Невского проспекта дает основание увидеть в этих двух изданиях «как бы художественную дань» гоголевского сборника (Паламарчук 1990. С. 382–383). Башуцкий называет Невский проспект «единственной, прекраснейшей из всех существующих улиц», и независимо от него Гоголь в черновике повести варьирует слово «единственный», начиная со значения неподражаемого превосходства «Чудный Невский проспект. Единственный Невский проспект», — но в окончательном тексте остается только значение крайней скудости: «Здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости (...) Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга!», тема же превосходства иронически трагестирована: «Вы здесь встретите бакенбарды, единственные (...) улыбку единственную»; и после слово это возникает только в самой крайней точке сюжета, при уходе героя в наркотик — фактически при уходе его из жизни, где тема скудости приобретает горькое, трагическое значение: «Желая спасти это единственное свое богатство» (в черновике: «единственное свое счастье»). Мнение, что Гоголь в тоне «пародийного благолепия и восторженности (...) передразнивает журналистские панегирики Невскому проспекту» (Вайскопф 1993. С. 206), справедливо лишь отчасти, и именно в той степени, в какой сами эти «панегирики» восходят к общему для них и Гоголя и для Пушкина в «Медном всаднике» (а до того в «Евгении Онегине») ис-

точнику — «Прогулке в Академию Художеств» (1814) Батюшкова. «Едиственный город! — повторил молодой человек. — Сколько предметов для кисти художника! умей только выбирать. (...) Смотрите — какое единство! как все части отвечают целому! какая красота зданий, какой вкус и в целом какое разнообразие, происходящее от смешения воды со зданиями (...) с каким удовольствием взор мой следует вдоль берегов и теряется в туманном отдалении между двух набережных, единственных в мире!»; упоминается бульвар вокруг здания Адмиралтейства: «Прелестное, единственное гульбище, с которого можно видеть все, что Петербург имеет величественного и прекрасного: Неву, Зимний дворец, великолепные дома дворцовой площади, образующей полукружие, Невский проспект, Исакиевскую площадь, Конногвардейский манеж, который напоминает Партедон, прелестное строение г. Гваренги, Сенат, монумент Петра I и снова Неву с ее набережными!» (Батюшков 1978. С. 75—77). Тема развития «художеств» («Здесь будет город, сказал он, чудо света. Сюда призову все художества, все искусства. Здесь художества, искусства, гражданские установления и законы победят саму природу. Сказал — и Петербург возник из дикого болота», там же, с. 73—74) чрезвычайно важна у Батюшкова, и не только потому, что «Прогулка в Академию Художеств» посвящена выставке картин и скульптуры, что само по себе должно было привлечь внимание Гоголя, бравшего в свое время уроки живописи в Академии, но и вследствие того решающего значения, которое тема эта приобретала в споре о перспективах развития России, открытых Петровскими реформами, успех которых, подтвержденный военными победами, могли сделать окончательным, по Батюшкову, лишь столь же убедительные достижения в сфере просвещения и искусства. Сам он не сомневался в будущем ее величии в этой области и устами Кантемира отстаивал это свое убеждение в продолжавшей ту же тематику статье «Вечер у Кантемира» (1816), споря с теорией Монтескье, ставившей развитие государства в зависимость от его географического положения и климата. «Самый климат России разнообразен, — говорится здесь. — Иностранцы (...) полагают вообще, что *Московия* покрыта вечными снегами, населена — дикими. Они забывают неизмеримое пространство России (...). Может быть через два или три столетия, может быть и ранее, блажие небеса даруют нам гения, который постигнет вполне великую мысль Петра — и обширнейшая земля в мире, по творческому гласу его, учинится (...) хранилищем просвещения. (...) Как знать? Может быть на диких берегах Камы или величественной Волги возникнут великие умы, редкие таланты» (там же, с. 44—45, 47). По-видимому, именно Батюшкову отвечает Гоголь в «Невском проспекте», изображая своего «художника в земле снегов», — намеренно утопически поданная в «Вечере у Кантемира», тема эта получает публицистический пафос в «Прогулке в Академию Художеств», где выдвигается требование незаемного вдохновения художника и где Батюшков пренебрежительно отзываясь о традиционной заграничной стажировке выпускников Академии («Или вы думаете, что нужен непременно воздух римский для артиста, для любителя древности», там же, с. 90); крайне важна лично для Гоголя тема «свежего воздуха Италии», необходимого для того, чтобы талант «развился так же вольно, широко и ярко, как растение, которое выносят наконец из комнаты на чистый воздух», также находит соответ-

стве в «Вечере у Кантемира» в опровергаемых замечаниях его оппонентов: «Но искусства? Могут ли они процветать в туманах невских или под суровым небом московским? (...) Ах! им-то нужен прозрачный воздух и яркое солнце Рима, древней Эллады или умеренный климат нашей Франции», *там же*, с. 45); в статье, кроме того, обсуждается вопрос об отношении общества к художнику, о значении денежного и морального поощрения творческого труда, отступающий на второй план в «Невском проспекте», но первостепенно важный, как и некоторые другие ее темы, для «Портрета»; существеннее же всего для петербургской темы Гоголя в целом здесь именно описание Петербурга. По-видимому, впервые, как указывает В.Н. Топоров (см.: *Топоров 2003. С. 67*), город был осознан Батюшковым «как особый и самодовлеющий объект художественного постижения, как некое целостное единство», с огромной эстетической властью, как свидетельствует последующий опыт осмысления его, подчиняющее себе все последующие трактовки, так что «автор или вообще не задумывается, “совпадает” ли он с кем-нибудь еще в своем описании Петербурга», или же сознательно пользуется сложившимся языком описания, «не считая это плагиатом, но всего лишь использованием элементов парадигмы» (*там же*, с. 9). Сам жанр «письма-прогулки» у Батюшкова в значительной мере предопределил тот аспект, в котором рассматривается жизнь города в «Невском проспекте» («Весь город гуляет, и мы с толпой гуляющих неприметным образом пройдем в Академию», *Батюшков 1978. С. 74*); Гоголь, многократно повторявший батюшковский маршрут и вообще исходивший Петербург пешком летом 1830 г. («после обеда в 5 часов отправляюсь я в класс, в академию художеств»; см. его письмо матери от 3 июня 1830 г.), неизбежно должен был совместить в сознании текст и город, становясь таким образом собеседником и оппонентом Батюшкова (об особом «жанре прогулок по Петербургу» см.: *Топоров 2003. С. 98*).

Не менее властно город формировал реальные людские судьбы, оставляя узнаваемый отпечаток; так, одного из заочных «спутников Гоголя по прогулкам на Невском» — автора «Панорамы Санкт-Петербурга» А.П. Башуцкого назвали «воплотившимся гоголевским героем, ускользнувшим в жизнь со страниц произведений своего создателя» (*Паламарчук 1990. С. 383, 384*); своеобразным двойником то ли героя, то ли самого писателя, за вычетом дарования, можно было бы назвать другого его современника, И.В. Росковшенко (1809–1889), в письмах к своему университетскому товарищу И.И. Срезневскому, одному из корреспондентов Гоголя, рассказавшего о своих впечатлениях от столичной жизни. Росковшенко также приехал с Украины, где он окончил Харьковский университет, в Петербург служить по департаменту министерства юстиции, о котором мечтал некогда и Гоголь, но втайне надеялся и на литературную карьеру. В первых же его впечатлениях — Невский проспект («Улица была как будто иллюминирована; здесь находится гибель магазинов всяких; во время вечера магазины на всех проспектах освещаются с величайшим вкусом. Во всех домах стекла огромные, зеркальные; невольно проходишь несколько часов, не чувствуя усталости, и скажешь: очаровательно. С каким вкусом все разложено и расставлено в магазинах фарфоровых, модных, бронзовых, чайных, в магазинах бюстов и проч. (...) Какая разница с Москвою и в зданиях и в

чистоте, и в многолюдстве: на улицах не разойдешься», *Росковшенко*. С. 479); как и в гоголевских письмах, дороговизна всего, модное платье, непривычный климат; квартиру он выбирает «на 5-м этаже», она «самая покойная, только не от стука экипажей; от утра за глубокою полночь раздаётся гул, как будто подле нас шумят сотни мельниц». Город протекает сквозь его сознание таким же, каким его увидел по приезду Гоголь, почти безотносительно к возможностям таланта и индивидуальному восприятию. Он проходит батюшковским маршрутом («по набережной Невы, виды прелестные: Петропавловская крепость, Васильевский остров, дворцы, громады зданий, барки — все это ново для меня и прелестно; но все это чуждо, дико»), но предпочитает ему путь «по проспектам, особенно по Невскому; здесь Публичная библиотека, театр, малый Аничковский дворец наследника престола, гостиный двор, Казанский собор, магазины, словом огромнейшие здания, и в перспективе адмиралтейство с ярко вызолоченным огромным шпидцем. Это мое любимое гулянье; здесь не разминешься с прохожими и гуляющими, лучше сказать, с зевающими на окна магазинов»; «на Невском проспекте не кучами, но стаями прохаживаются; там иногда трудно ходить: целою толпою только движутся», «прибавь к этому два ряда экипажей, от их стука ничего совершенно не слышно, хоть во все горло кричи»; отдельно он отмечает возбуждающую воображение игру света: «Сейчас возвратился я из прогулки по Невскому проспекту. Что видел? спросишь ты. Ничего тебе не могу сказать: точно как китайские тени мелькает у меня все в голове». Он заходит в книжные лавки («Рассматривал в десятый раз повести, изданные пасечником Рудым Паньком или Яновским (его фамилия двойная, дальше не помню). (...) Там находятся книги на всех языках и очень дешево»), описывает театр, предвкушает весенние и летние гулянья «на Елагином, Крестовском островах, в Летнем саду, Таврическом», пока же рассказывает «о веселостях здешней масленицы, о устроенных балаганах на площади Зимнего дворца и ледяных горках, устроенных там же и на Елагином острове», о праздновании юбилея кадетского корпуса: «Иллюминация была великолепная, от которой небо, как от страшного пожара, покрылось заревом. (...) Говорят, что иллюминация стоила 30 тысяч; не знаю, правда ли это. К концу масленицы был, разумеется, театр по два раза в день; в эти дни народ не веселился, но бесился от веселости... Да, вчера я Пушкина видел...». Столичное общество сначала нравится («Этот город, можно сказать, наполнен эгоистами; всяк думает о себе, о своих удовольствиях. И от того не видно той принужденности»); но скоро он начинает тосковать по жизни «в незабвенной Украине» и все сильнее ощущает петербургское одиночество: «...Удовольствия, независимость и инкогнито в многолюдном городе не заменит ничего, всяк думает о себе. Поверишь ли, я до сих пор никого не знаю, кто квартирует со мною в одном доме, а живущих в одном около 800 душ. Знаю только о д н у, но как она мила; наши номера в соседстве. Я люблюсь моею Эдою — это олицетворенная невинность; не думай, чтобы я сдуру влюбился, нет: я как художник люблюсь изящным произведением неподражаемого художника». Служба начинает тяготить его, мешая литературным замыслам: «...Где все мечты, которые прежде роились в моей голове? Все, все подавляет существование. (...) сколько чувств и мыслей волнуется в груди и голове; они мне

не дают покоя и каждую минуту готовы, кажется, вылиться из сердца, но... служба... У нас ужас сколько дела, праздников нет, и воскресенья не всегда свободны, а в будни часто и дома по вечерам работаю (...). Но, несмотря на все это, я у р ы в к а м занимаюсь тем, что близко сердцу. Одну мою мечту уже осуществляю: первое действие приходит к концу — это комедия «Вражда». Преследуемый безденежьем, «служа в министерстве юстиции на ограниченном жалованьи (420 р. асс.), коего надобно втрое, чтоб жить в столице как-нибудь», он вынужден отказаться от того высокого служения, к которому предназначал себя, и перейти на более выгодное место, «в военное министерство, в департамент комиссариатский», вступая, таким образом, в обычную чиновничью колею и все-таки отчаянно перебирая в сознании варианты выхода, подобные гоголевским: «...Хотя здесь и больше дела, но за то штатное место, и к будущей весне или и прежде буду получать до 2 000 р. асс. Но это меня не утешает, я бы все променял на скудную пищу, если б я был свободен только, независим, мог предаться моим мечтам. Теперь я начинаю чувствовать мои силы, теперь я смотрю на все предметы, как должно смотреть; но я связан (...) Исполняя только волю родителей, я служу (...). Здесь службою я еще больше занят (...) иногда и за полночь. Ах, любезный друг, если б я мог предаться тому, к чему влечет меня — и сам не знаю, что... Если б не огорчить родителей, то я был бы счастливейшим человеком, с местом учителя, а здесь так легко иметь хорошее место в отъезд в деревню, а иногда и за границу. Посмотрю, куда судьба меня поведет» (*там же*, с. 480—483, 485—486, 488—490).

Так же, как и Гоголь в своих письмах из Петербурга, Росковшенко не описывает подробно городских зданий, но важнейшие впечатления этого ряда прорываются в его рассказе; среди них существеннейшее для понимания архитектурного облика города — корневая гранитная его основа. «Про Исакиевский собор я тебе еще ничего не сказал (...) я только видел огромные колонны из гранита, блестящие, как зеркало; они уже поставлены (...) памятник Александру Павловичу перед Зимним дворцом (...) будет состоять из колонны гранитной; эта ужасная громада имеет в диаметре 12 футов, а в высоту 84 фута; ее уже везут сюда из Финляндии; говорят, что это целая скала (...). Нынешний государь чрезвычайно украшает Петербург огромнейшими зданиями, каких в Москве нет, и, я думаю, нигде»; в более позднем письме он увлеченно рассказывает о ее установке (*там же*, с. 481, 489). Петербургские граниты поражали ум; образ их, запечатленный Пушкиным и Батюшковым, хранило и сознание Гоголя; о той же колонне, «высеченной из одного куска цельного гранита» он сообщает в письме матери от 1 января 1830 г., но об открытии ее он говорит в письме к М.А. Максимовичу от 23 августа 1834 г. с нескрываемым раздражением: «Город весь застроен подмостками для лучшего усмотрения Александровской колонны, имеющей открыться 30 августа. Офицеры и солдатства страшное множество и прусских, и голландских, и австрийских. Говядина и водка вздорожала страшно». Переосмысляя в «Невском проспекте» те же образы, он едва ли не злорадно бросает эту петербургскую основу под ноги толпы, вымещающей на ней «могущество силы или могущество слабости», — под «неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под тяжестью которого, кажется, трескается самый гранит», оказывающийся податливым

даже под башмачком дамы и хрупким под саблей прапорщика, «проводящей по нем резкую царяпину». «Петербург воспринимает Гоголь со стороны быта; архитектурная сторона перестает быть доминирующим элементом при характеристике города, — говорит Н.П. Анциферов. — Утрачивается способность ощутить душу города через его ландшафт, что так хорошо удавалось Батюшкову и Пушкину»; гоголевский Петербург — это «мираж, (...) уводящий далеко от подлинного города Петра» (Анциферов 1991. С. 68—71). «Гоголь берет за основу свет — главнейший элемент живописной формы, — поясняет Н.Г. Машковцев, связывая примененный здесь писателем “литературный прием, основанный на живописных образах”, с его практическими занятиями живописью. — Таково совершенно своеобразное построение первой половины “Невского проспекта”. (...) В картинах этих свет играет решающую роль. Пейзажа в собственном смысле слова вовсе нет в “Невском проспекте”. Ни одним словом Гоголь не характеризует внешнего вида этой великолепной магистрали. Описание толпы, спешащей или гуляющей по Невскому, служит прелюдией к повествованию, которое начинается с момента появления на сцену будочника, зажигающего фонари» (Машковцев 1959. С. 47); световые эффекты доминируют, как показывает исследователь, и в описании картины бала, которая «представлена как бы отраженной в зеркале, раздробленном на мельчайшие кусочки» (там же); и так же построена «безумная картина» ночного города во время погони за незнакомкой: «Тротуар неся под ним...» и т.д. (с. 133). «Этот беспрецедентный по смелости образ — сдвиг сознания, начисто утратившего логику реальности. В живописи, современной Гоголю, в живописи становящегося реализма, конечно, не найти даже отдаленного подобия этому образу. Только через семьдесят лет, в живописи начала XX века, в произведениях футуристов можно найти совершенную аналогию безумным видениям Пискарева» (Машковцев 1959. С. 47). И также о футуризме в связи с приведенным фрагментом говорил А. Белый: «У кого из писателей до урбанистов такой подход к городу? Он родился с Верхарна, как новые глаза; так разглядывал Гоголь Париж, Рим и Невский, глазами ухватывая массы зданий и толпы, красочно расчлененные: в улицах (...). Гоголь доходит даже до смелостей футуристического письма, которым эпатировала так недавно художественная молодежь, порвавшая с “Миром искусства”. (...) Попробуйте-ка зарисовать. Ахнет Сомов; заплодирует... Татлин» (Белый 1934. С. 309—310). Вряд ли, однако, Гоголь мог бы достичь такого эффекта, «не ощущая красоты масс и линий, не понимая их языка» (Анциферов 1991. С. 69); скорее здесь, как сказано о нем по другому поводу, но в аналогичном смысле (см.: Мережковский Д.С. Гоголь и черт. М., 1906. С. 90), «не скудость, а, напротив (...) чрезмерная полнота» восприятия; да и сама возможность аналогий с футуристами предполагает, кажется, не «сдвиг сознания», но активное, переформировывающее отношение к предмету. Архитектурные детали в повести немногочисленны, но тем более не случайны. Так, в эпизоде ночной погони «мост растягивался и ломался на своей арке»; и еще дважды мост упоминается в описаниях Невского проспекта — при наступлении сумерек, когда «тени (...) чуть не достигают головами Полицейского моста» (с. 130), и глубокой ночью, «когда (...) весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяются с мостов» (с. 155).

Петербург, задуманный как вторая Венеция или второй Амстердам Петром (между прочим, неохотно соглашавшимся вообще на строительство мостов и всячески поощрявшим водное сообщение между его частями), «по количеству мостов (...) когда-то считался вторым после Венеции городом» и «по красоте их (...) стоял близко к этой “царице моря”» (*Курбатов*. С. 156); мосты были существенной составляющей архитектурного вызова города водной стихии, собственно и образующего центральную философскую, фаустианскую коллизию пушкинского «Медного всадника», а у Гоголя, у которого стихия эта, не выступая явно, тем не менее присутствует, переданная через образную систему и детали быта (см. коммент. к «Портрету»), становились симптомом бессосновности города, опасно близко подступившей к нему бездны («Я навожу мосты над хлябью», — говорит о себе Мефистофель у Гёте, *Гёте*. Т. 2. С. 88). С такой же целеустремленностью Гоголь в повести в гротескных сравнениях с человеческим телом переформировывает и шпиль Адмиралтейства, и арку Главного штаба, прорезавшую «великолепные дома дворцовой площади» (*Батюшков* 1978. С. 77) уже после того, как ими восхищался Батюшков; он словно срывает с города его архитектурное обличье, которым в «Прогулке в Академию Художеств» предлагалось вдохновляться художнику — художническому взору остается в повести только допетровская «бледная Нева и бедные рыбаки в красных рубашках» (ср. у Батюшкова: «что было на этом месте до построения Петербурга? (...) лачуга рыбака (...) и весь грубый снаряд скудного промысла»; там же, с. 73; у Пушкина: «бедный челн»). Но и красный цвет гаснет, вливаясь в общий «серинькой мутный колорит» страны, «где все мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно», — «бледных и чиновных» жителей ее столицы, их «бледных, совершенно бесцветных, как Петербург, дочерей»; бледность и бесцветность утверждаются как основные колористические характеристики города и его обитателей.

Описание людской массы, подражание «прекрасному беспорядку» толпы (*Тик*. С. 185) осознается как методологическая проблема у романтиков; материал для таких картин Гоголь обильно заимствует как из собственных наблюдений, так и из литературы (ср., например, «Угловое окно» и «Золотой горшок» Гофмана). Круг источников, отечественных и европейских, на которые опирается здесь Гоголь, чрезвычайно широк, очевидно не исчерпан и практически не поддается систематизации. «Зачин “Невского проспекта”, повествование о жизни этой “улицы-красавицы”, выделяющееся остротой стилистических комбинаций, — своей композиционной схемой уходит в традицию нравоописательных фельетонов», — замечает В.В. Виноградов; он цитирует в качестве примера «сцены Невского проспекта» «Предупреждение публики» (Северный Меркурий. 1831. 18 февр.; см.: *Виноградов* 1976. С. 96). М. Вайскопф выявляет в повести параллели с Булгаринным как в «хронологически упорядоченном показе Петербурга», так и в сквозной теме «обманутого ожидания (...) маски и неприглядной сущности», которая у Гоголя «подключается к общей теме демонического марева, сдвинутой здесь в трагический ряд»; от Булгарина же, по мнению М. Вайскопфа, и «классификация мелких индивидуальных страстей» в «Невском проспекте» («Прогулка в Екатерингоф 1-го мая»), и «установка на несовпадение склонностей» («Иной родился быть отличным кучером; он

с первого раза, взяв возжи в руки, управляет четверкой ретивых коней по ухабам и извилинам, но судьба произвела его на свет в другом состоянии, и он делается, например, дурным поэтом, тогда как его кучер покрикивает на лошадей самым пиитическим образом», «Званный обед»), которая у Гоголя «сразу принимает гротескное обличье, увязываясь со сниженной темой играющего рока (...) уравновешивающего оксюморонные истории Пискарева и Пирогова» (Вайскопф 1993. С. 205–208); последняя тема имеет и более далекие литературные параллели — так, Ю.В. Манн сопоставляет соответствующие строки повести с описанием шествия Фортуны в «Хромом бесе» Луиса Велеса де Гевары (Манн 1988. С. 391). Тема «нагой природы» определяет специфику изображения городской жизни у Жанена (см.: Жанен 1996. С. 48); ср. о заимствованиях у русских последователей «неистойой» словесности, прежде всего у Бестужева-Марлинского («Испытание», 1830; «Фрегат “Надежда”», 1833; см.: Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л., 1969. С. 251; Гусев В.И. Судьба Александра Бестужева // Бестужев-Марлинский 1976. С. 13): «...сходство петербургской типологии простирается тут на лексику городской болтовни и тему светской суетности (...), на бытовые портреты и сценки (...), включая сюда и производимое Марлинским метонимическое укрупнение плана (усы как “благороднейшее украшение”, “дипломатические бакенбарды” и пр.)» (Вайскопф 1993. С. 205). В.Н. Топоров на примере «разыгрывания ситуации обманутого ожидания» в батюшковской «Прогулке по Москве» («Этот, конечно, — англичанин: он, разиня рот, смотрит на восковую куклу. Нет! он русак и родился в Суздале. Ну, так этот — француз: он картавит и говорит с хозяйкой о знакомом ей чревоушателе, который в прошлом году забавлял весельчаков парижских. Нет, это старый франт, который не ежал далее Макарья (...). Ну, так это — немец (...). Ошибся! И он русский, а только молодость провел в Германии», Батюшков 1978. С. 382–383) сравнивает «антитетический принцип композиции, с помощью которого сталкиваются кажущееся (мнимое, поверхностное) и подлинное (истинное, глубинное)» у Батюшкова «со сквозной темой мнимости петербургской жизни» в «Невском проспекте» (Топоров 2003. С. 79). Непосредственно близкий по времени образец — в рецензии на первую часть «Панорамы Санкт-Петербурга»: «И когда хочу я видеть Петербург, который всегда имею перед глазами, то надеваю плащ и галоши, и иду ровно в два часа на Невский Проспект: он тогда гуляет там семейно, ведя за руку наряженное куклою, любимое свое детище, — тшеславие. (...) Шляпы и шляпки роятся на широком и длинном тротуаре любимого гульбища» и т. д. (БдЧ. 1834. Т. 2. Кн. 3. Март. Отд. 5. С. 78). Называя же фантазмагорией совершающееся на Невском дневное действо, Гоголь, по-видимому, отсылает читателя к еще одному своему источнику — повести Н.А. Мельгунова «Кто же он?» (Т. 1831. Ч. 3. № 10–12), где герой-рассказчик в банке «в ожидании выдачи денег» смотрит «на пеструю, движущуюся толпу, которая ежедневно теснится в этом здании»: «Там встречаются все сословия, начиная от вельможи, закладывающего свое последнее имение, до простого селянина, который кладет в рост избыток своих скудных доходов. Меня развлекало это движение, коего пружинной была потребность денег, денег и еще денег. Двери почти не затворялись; знакомые и незнакомые лица мелькали передо мною: то весе-

лые, то пасмурные, а чаще невыразительные, они появлялись и исчезали, как тени в фантасмагории» (Русская романтическая новелла. М., 1989. С. 77–78); человеческое движение интерпретировано здесь как движение (перетекание) денег, в аспекте, становящемся первостепенным в повести «Портрет». Невыразительность этой фантасмагории, отмеченная Мельгуновым и подтвержденная личными впечатлениями Гоголя («Каждая столица вообще характеризуется своим народом, набрасывающим на нее печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера»; письмо матери от 30 апреля 1829 г.), в черновике «Невского проспекта» прямо представлена как эстетическая ущербность картины петербургского общества («Но Живописец харак(еров), резкий наблюдатель отличий, лопнет с досады, если захочет его изобразить в живых огненных чертах. Никакого резкого особенного, ни(ка)кого признака индивидуальности», см. «Варианты»); Гоголь таким образом косвенно включается в дискуссию о том, дает ли русская действительность материал для романиста, прежде всего исторического, для драматурга и собственно для историка (см.: Манн Ю.В. Русская философская эстетика. М., 1969. С. 254–257), — и ближайшим собеседником его здесь оказывается, по-видимому, Вяземский, в статье «О нашей старой комедии» (Альциона на 1833 год, с. 187–229) утверждавший, что «нравы наши не драматические»: «У нас почти нет общественной жизни: мы или домоседы, или действуем на поприще службы. (...) Во всех званиях, во всех степенях общества нашего удивительное однообразие: все как будто вылиты в одну форму, выкрашены под один цвет. Стройный, правильный, выравненный, симметрический, одноцветный, цельный Петербург может некоторым образом служить эмблемою нашего общежития. (...) Воспитание почти у всех одинаковое, поприще общее. (...) Военный был или будет статским, и обратно; он же и автор, он же и деревенский помещик, он же и промышленник, он же и купец. Купеческое звание также не имеет особенных примет; оно двумя концами примыкает или к дворянству, или к простонародию. В таком положении мало игры, мало резких противоречий» (Вяземский. Т. 5. С. 116–117). Таким рисует и Гоголь свой Петербург, «где все или чиновники, или купцы, или мастеровые-немцы» и где «не чиновник, не русская борода, не офицер и не немецкий ремеслен(ник)» оказывается «существом вне гражданства столиц» («Фонарь умирал»), где офицеры составляют «какой-то средний класс общества», в театре смешиваются с простонародьем и «достигают наконец до того, что женятся на купеческой дочери». Военная тема у Гоголя становилась предметом исследования неоднократно, поскольку отличия в ее трактовке от пушкинской, прежде всего, поэтизации воинства (ср. гимн «военной столице» в «Медном всаднике»), были очевидны. Посвятивший этой теме статью Вс. Вишневский обращает внимание на «гигантский авторитет армии 30-х годов, ореол 1812–1815 гг., громы кавказских побед»; на этом фоне Гоголь «в манере усмешки, уверливо, но всегда понятно» ищет случай уязвить армию, а в «Невском проспекте», где особенно заметно «обилие выпадов Гоголя против военной среды», он «проделывает то, что н и к т о до него не проделывал в литературе», — прямо «оскорбляет, издевается над мундиром» (Вишневский 1934. С. 53, 55, 65). С.А. Венгеров, прослеживая отношение Гоголя и к другим сосло-

виям, во всех случаях обнаруживает не негодование, а уравнивающее всех презрение, с которым он относится к купцу (о купеческой теме у Гоголя см. в коммент. к отрывку «Дождь был продолжительный»), к чиновнику; отсутствие «и тени» «преклонения пред большим светом», как и «поэзии бала»; и тем же «безграничным пренебрежением» проникнуто отношение Гоголя к фигуре офицера, с которой в литературе того времени «почти всегда связано представление о чем-то, во всяком случае, молодом, свежем, сплошь да рядом блестящем и увлекательном» (Венгеров. Т. 2. С. 65–67). Именно это избранное и яркое сословие Гоголь изображает как «средний класс», смешивающийся со всеми и в себе смешивающий к старости, как персонаж «Портрета», все «резкие особенности в какую-то тусклую неопределенность». Поручика Пирогова с его талантами Гоголь изображает намеренно по аналогии с Онегиным — отсюда, по-видимому, его способность «говорить так, чтобы не было ни слишком умно, ни слишком смешно», «особенный дар заставлять смеяться и слушать этих бесцветных красавиц» и «очень приятно рассказывать анекдот» (ср. параллели в первой главе романа), умение превосходно декламировать некоторые стихи, пристрастие к театру, где можно «громко вызывать актеров», к мазурке и, наконец, знакомая «тверже всех наук» и увлекающая обоих «наука страсти нежной», в отличие от Онегина («Но вы, блаженные мужья, / С ним оставались вы друзья», гл. 1, XII) не всегда безопасная для Пирогова. Отчасти дублирующий ряд подобий дает роман Булгарина «Иван Выжигин» (1829), см.: *Булгарин 2002*. С. 274, 203, 198, 207, 208, 222, 252), герой которого, умея вовремя «не сказать ничего или сказать пошлую глупость», «достал себе место покровительствами, получил три чина», обзавелся экипажем; «был страстным любителем театра», составил партию буянов для поддержки любезной ему актрисы, решил «поискать невесту в купеческом звании», пользовался благосклонностью начальника, у которого «играл в вист два раза в неделю и обедал каждое воскресенье», наконец, поступил на военную службу хлопотами дам, уверенных, что он «рожден для мундира», и «чуть не занемог от усталости, танцуя из благодарности мазурку со всеми их дочками и племянницами»; он становится поручиком и остается им до выхода в отставку «с повышением в чине и позволением носить военный мундир» (*Булгарин 2002*. С. 203, 207, 208, 222, 252, 261, 268, 272). Дополнительный материал для сравнения дает лубочная литература, откуда Гоголь заимствует, в частности, мотив сечения героя, особенно популярный здесь и в близкой литературной зоне «в силу его эротичности» — В.Б. Шкловский называет в связи с этим «Письмовник» (изд. 1789) Н.Г. Курганова, «Повесть о приключении аглинского милорда Георга...» (1782) и «Невидимку...» (1789) М. Комарова, роман А.Е. Измайлова «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» (1799–1801). Особенно любопытно, замечает В.Б. Шкловский, «наивное сохранение чести мундира» в «Русской Шехеразде» («...вдруг по свисту Ломберов'а явились два рослые, широкоплечие и усатые ловчие его с пуками длинных розг и, как на красного зверя, накинулись на бедного Сицкого (...) Сицкий хватился сабли своей, но она в минуту восхищения была заброшена, как вещь противная сердечной страсти: его схватили за руки четыре сильные руки (...) Сицкий между тем выбил как-то на минуту руки свои из рук борцов, и

видя, что нельзя ему уехать без расплаты, успел швырнуть с себя мундир, розги взвились и тут лампа потухла...»). «Таким образом, высеченный у Гоголя в “Невском проспекте” поручик Пирогов имеет за собою славное литературное прошлое» (Шкловский. С. 152, 173–176) — традицию лубочной эротики и театрального фарса (см.: Гиппиус 1924. С. 54). Отдельную тему составляет свойственная ему резкость критических суждений, заимствованная, вероятно, отчасти у Онегина, который мог «потолковать об Ювенале», «бранил Гомера, Феокрита» (гл. 1, VI, VII); об офицерах же, подобных Пирогову, сказано: «Они любят потолковать об литературе; хватают Булгарина, Пушкина и Греча и говорят с презрением и остроумными колкостями об А.А. Орлове» (см. с. 146); в письме к М.П. Погодину от 11 января 1834 г. Гоголь называет их среди поклонников Сенковского («Офицеры читают и говорят: “Сукин сын, как хорошо пишет!”») и Булгарина («которого лицо очень похоже на лорда Байрона, как изъяснялся не шутя один лейб-гвардии Кирасирского полка офицер»). Написанная в 1836 г. статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» позволяет понять, какие проблемы не узколитературного, а этического и психологического характера волновали Гоголя два года назад, как раз в период работы над «Невским проспектом». Бесцветность, говорит он, «была выражением большей части повременных изданий», среди которых *МТ* «давно потерял тот резкий тон, который давало ему воинственное его положение в отношении журналов петербургских», зато этот тон возродился в *БдЧ*, редактор которой «взошел незаметно в первый номер и в конце его развернулся как полный хозяин». «...Положим, для журналиста необходим резкий тон и некоторая даже дерзость (...), — продолжает Гоголь, оставляя в черновике первоначально появившееся здесь слово “наглость”, — но на что преимущественно было обращено внимание сего хозяина, какая мысль его пересиливала все прочие (...) были ли где заметны те неподвижные правила, без коих человек делается бесхарактерным, которые дают ему оригинальность и определяют его физиогномию?» В черновике же далее говорилось: «Прочитавши все статьи, помещенные в этом журнале, следуя за всеми словами, сказанными им, невольно остановишься в изумлении. Что это такое? Что заставляло писать этого человека, когда его не мучило ни одно желание сказать еще не сказанное свету? Ищем разгадки этому в другой, уже совершенно прозаической причине. Предполагаем, не предложил ли для себя редактор другой цели, более существенной цели: завести себе прекрасный дом, хороший экипаж». Журналисты, пишет Гоголь, «говорили о ближайших и любимейших предметах: они говорили о себе, они хвалили в своих журналах собственные свои сочинения; они решительно были заняты только собою (...). Великое и замечательное было как будто невидимо. (...) Как хвалили книгу покровительствуемого автора? (...) “Эта книга, — говорили рецензенты, — удивительная, необыкновенная, неслыханная, гениальная, первая на Руси (...) автор выше Вальтер Скотта, Гумбольта, Гёте, Байрона. (...)”»; «г-н Булгарин даже написал рецензию, в которой поставил г-на Сенковского выше Шлецера, Гумбольта и всех когда-либо существовавших ученых», сам же Сенковский «первый поставил г-на Кукольника наряду с Гёте, и сам же объявил, что это сделано им потому только, что так ему вздумалось» (Ак. Т. 8. С. 156–159, 160, 172–173, 521). О фамильярном

обращении с великими именами говорил еще до Гоголя Надеждин в 1829 г., и именно применительно к *МТ*, видя в его суждениях «плачевный образец вкуса, изострившегося (...) в блаженном самодовольствии и в счастливой уверенности»: «На его вкус — Гомер мясник, Гораций пьяница, Анакреон повеса, Петроний развратник!..» (*Надеждин 1972. С. 119*); Гоголь словно воплощает в лицах эту тенденцию, прямо сталкивая с пьяными Шиллером и Гофманом своего героя, о котором Достоевский напишет позднее в «Идите» (1868): «Эта наглость наивности, эта несомневаемость глупого человека в себе и в своем таланте, превосходно выставлена Гоголем в удивительном типе поручика Пирогова. Пирогов даже и не сомневается в том, что он гений, даже выше всякого гения; до того не сомневается, что даже и вопроса себе об этом ни разу не задает; впрочем, вопросов для него и не существует» (*Достоевский. Т. 8. С. 385*).

В.В. Виноградов обращает внимание на традицию комического изображения петербургских немцев-ремесленников, в частности на то, что в «Невском проспекте» Гоголь «остро пародирует» их жаргон, «так тускло охарактеризованный раньше Гречем» (*Виноградов В.В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка // Материалы и исследования по истории русского языка. Т. 3. М., 1953. С. 19*); уже в первых петербургских набросках его изображен «студент, занявший пол-угла в Мещанской у сапожника немца» («Фонарь умирал») — «немецкий ремесленник с Мещанской улицы», замечает В.В. Виноградов, «был квартирохозяином Гоголя в горестную пору первых, самых жгучих петербургских разочарований» и «сразу же возбудил нерасположение» его (*Виноградов 1976. С. 20*). Позднее в письмах к М.П. Балабиной Гоголь будет говорить, откровенно утрируя, про «подлую Германию, гадкую, запачканную и закопченную табачищем». «И можно ли сказать, что всякий немец есть Шиллер?! Я согласен, что он Шиллер, но только тот Шиллер, о котором вы можете узнать, если будете когда-нибудь иметь терпение прочесть мою повесть “Невский проспект”» (письмо от 30 мая н.с. 1839 г.); «чудная и фантастическая Германия», существующая «только в сказках Гофмана», «исчезла, когда я увидел Германию в самом деле» (письмо от 7 ноября н.с. 1838 г.). Тем не менее Германия «чудная и фантастическая» — Германия литературная — переполняет «немецкие» сцены повести. «Немецкая» тема здесь задана фразой из «Пиковой дамы»: «Германн немец: он расчетлив, вот и все!» (ср. гоголевское: «Петербург аккуратный человек, совершенный немец, на все глядит с расчетом» в статье «Петербургские записки 1836 года», *Ак. Т. 8. С. 178*). Но не только расчетливость пушкинского петербургского немца спародирована в комических правилах гоголевского немца, который, «если цена на картофель слишком поднималась (...) не прибавлял ни одной копейки, но уменьшал только количество» (с. 151), но и отражен, возможно, вполне серьезный сюжет несчастной жены старого скряги из «Страданий юного Вертера» (см.: *Гёте. Т. 6. С. 32–33*). Тема может также восходить к историку Иоганну Миллеру (1752–1809), о котором Гоголь писал в статье «Шлецер, Миллер и Гердер». Жуковский переводил письма Миллера и учился у него дисциплине и самоорганизации; так, в письме к А.И. Тургеневу от 7 ноября 1810 г. он предупреждает о возможности пауз в их переписке: «Причиною этому Миллер, или, лучше сказать, одно из его прекрас-

нейших правил», — и далее приводит по-немецки слова Миллера: «Постоянство и твердость могут быть вами достигнуты лишь тогда, когда все ваше время будет распределено столь же регулярно, как в монастыре». «Этому правилу стараюсь последовать со всюю точностью трудолюбивого немца, — пишет Жуковский. — Часы мои разделены. Для каждого есть особенное непрерывное занятие. Следовательно, есть часы и для писем. (...) Между тем мое "Послание" очень вертится у меня в голове, и я бы давно написал его, если бы не был рабом моего немецкого порядка, — и восхищению стихотворному назначен у меня час особый, свой. Но это восхищение как-то упрямо и не всегда в положенное время изволит ко мне жаловать» (*Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959—1960. Т. 4. С. 474, 478*). С неурочным «восхищением» комически боролся гоголевский Шиллер, когда «положил целовать жену свою в сутки не более двух раз»; но ведь и сам Гоголь позднее в «Выбранных местах...» («XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России», 1846) не только без малейшей иронии, но с убежденностью, заставляющей подозревать здесь личный опыт, дает своей корреспондентке знаменитый совет разделить деньги на равные кучки с полным запретом занимать из одной в другую (см.: *Ак. Т. 8. С. 338—340*). «Швабский немец», как дважды с гордостью называет себя в повести жестяник Шиллер, «вдохновенно» напивающийся после трудов и грубо третирующий супругу, очевидно пародирует на вульгарном бытовом уровне утопическую Швабию Новалиса (см. с. 788), где люди «умеют заботиться о полезном, не пренебрегая приятным», «вечера посвящаются удовольствиям искусства и общества» и «нигде не увидишь в танцевальных залах такой легкости движений, такой привлекательности лиц»: «Женщинам разрешается украшать общество своим присутствием; не страшась злословия, они вправе изяществом манер вызывать соперничество притязующих на их внимание. Суровая угрюмость и дикая необузданность мужчин уступает место мягкой живости и скромной тихой веселости (...) и во всей Германии, наверное, нет более добродетельных девушек и более верных жен, чем в Швабии» (*Избр. проза. Т. 1. С. 217—218*); но при этом необуздан и груб он точно так же, как честный Миллер в «Коварстве и любви», и жене приказывает слово в слово как тот: «А ты — марш на кухню!» (*Шиллер 1954. С. 173*). Более того, и реагирует на появление поручика Пирогова Шиллер-ремесленник почти буквально по тексту Шиллера-драматурга, у которого бедный музыкант Миллер выгоняет из своего дома высокопоставленного посетителя («...здесь я хозяин (...) дерзкого гостя я выставляю за дверь», *там же, с. 188*), и едва ли не наследует «грубый германский дух» той «новой породы людей» («Грубы и дики ее законы, ее нравы, но они на свой грубый лад чтут природу человеческую»), которая, говорит в статье «О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках» Шиллер-историк, в тысячелетних войнах создала современную Европу (*Шиллер. Т. 5. С. 482—484*); в самом пьянстве его можно узнать отголосок тех пиршеств, о которых Гоголь, конспектируя Тацита, рассказывает в статье «О движении народов в конце V века» и в которых «более всего можно было видеть древнего германца», когда «хлебный напиток из ячменя, может быть, прашур нынешнего пива, так употребительного в Германии, разрешал их

мысли, речи и намерения» и они «как только были разбужены, потрясены и выходили из своего хладнокровного положения, то уже не знали пределов своему стремлению» (с. 189; о том, что «немецкий характер в некоторых своих чертах до сих пор похож на описание немца у Тацита», см.: Гердер 1977. С. 461). Гоголь-преподаватель считал необходимым представить ученикам «физическую историю» народов, т.е. «историю изменения их характера, чтоб объяснилось, отчего, например, тевтонское племя среди своей Германии означено твердостью флегматического характера и отчего оно, перейдя Альпы, напротив, принимает всю игривость характера легкого» («Мысли о географии», с. 167); точно так же и в Петербурге характер «буйных тевтонов», как названы выпоровшие Пирогова немцы в черновике повести, изменяется соответственно городу, у которого «нет никакого характера»: иностранцы «обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские в свою очередь обьиностранились и сделались ни тем ни другим» (письмо Гоголя матери от 30 апреля 1829 г.). Гоголевская псевдоэтнологическая посылка «немки всегда охотницы до танцев», по-видимому, восходит к Гёте (ср. в «Страданиях юного Вертера»: «Речь шла о любви к танцам. “Пусть эта страсть порочна, — сказала Лотта, — сознаюсь вам, что ставлю танцы выше всего (...)” (...) она всем сердцем, всей душой отдается танцу (...) в те минуты все остальное не существует для нее (...) она (...) с очаровательной откровенностью призналась, что до страсти любит танцевать немецкий вальс», Гёте. Т. 6. С. 21–22), но не прямо, а через посредство повести Полевого «Эмма» (1834), у героини которой, российской немки, говорит автор, жизнь, может быть, «пройдет так же тихо и весело, как тихо и весело танцуется немецкий вальс, оканчиваемый гросс-фатером (...) Но что будет с нею, если злобный демон страстей зажжет ее бытие сильными страстями? К стати: на учебном ее столике, подле тетрадок, лежит какая-то маленькая книжка; это Шиллер, сумасброд Шиллер (...). Милое создание! брось, ради бога, брось этого Шиллера!» (Полевой 1986. С. 280–282). «...Ты опять сегодня вздумала мечтать; опять начиталась своего Шиллера!» — упрекает героиню ее подруга и здесь же, радуясь возвращению жениха, восклицает: «Мой Теобальд приедет; мы будем танцевать, много танцевать!» (там же, с. 288). Повесть Полевого с ее противопоставлением мещанского и аристократического миров и изображением безумия, важным для «Записок сумасшедшего», спародирована там Гоголем в переписке собачек (см. коммент. к этой повести), причем своеобразным межтекстовым построением, частично опирающимся и на «Невский проспект», где «глупинькая блондинка» у Гоголя создана главным образом под влиянием героини «Эммы» с ее «стройной ножкой» (там же, с. 278–279), а за той, в свою очередь, просматривается шиллеровская Луиза, о которой в пьесе говорят: «Девчонка красивая, статная, ножки у нее стройные. (...) Стоит такому волоките высмотреть ножки — готово дело!», и далее: «И хорошенькая?.. (...) Прелестная блондинка» (Шиллер 1954. С. 172, 176). Сцены в мастерской ремесленника заставляют вспомнить и гофмановского «Повелителя блох», где также подходящим предлогом прикрывается любовное влечение и где героя также в мастерской и тем же вопросом, что и супруга Шиллера, встречает Розочка, дочь переплетчика Лэммерхирта: «Девушка, покраснев от неподвижно устремленного на нее

взгляда Перегринуса и стыдливо потупив глаза, повторила вопрос, что господину угодно?»), и тот «начал что-то путать о переплетах, которые он заказал (...) наконец он кое-как попал в колею и вспомнил о роскошном издании Ариоста, которое Лэммерхирт должен был переплести в красной сафьян с богатой золотой отделкой» (*Гофман. Т. 2. С. 464*). «Отличная работа» Шиллера на миг примиряет антагонистов не только в согласии, но и во взаимном искреннем восхищении — можно в связи с этим напомнить об апологии ремесла у романтиков, убежденных «в родстве труда материального с трудом духовным, с искусством и поэзией» (*Берковский. С. 186*), в частности, о «Рассказе, переведенном из старой итальянской книги» Вакенродера—Тика, где живописец, изобразивший святое семейство, и пастух, вырезавший палку с набалдашником в виде Ариона на дельфине, каждый по-своему, но в равной мере причастны творчеству и откуда Пушкин, по-видимому, непосредственно заимствовал легенду об Арионе, а Гоголь — историю о том, как художник завышает цену на свое произведение, чтобы отплатить нежеланного покупателя (см.: *Вакенродер 1977. С. 124—130*). Шлёцер, чье мнение авторитетно для Гоголя в период работы над *Ар.*, мечтал дополнить собственно историю «полной историей известных искусств», относя это требование «не только к так называемым тонким, чистым, искусствам роскоши, но преимущественно к искусствам, принадлежащим к домашнему быту, или ремеслам»: «Толпа пренебрегает их; но я никогда не вхожу в мастерскую без некоторого почтения (хотя иногда бывает там и очень нечисто) и представляю себе там кладовую счастливых мыслей, порожденных первоклассными гениями, произведенных целыми массами человеческих сил и составляющих одну необозримую цепь, которая передавалась из рук в руки», — пишет он, цитируя далее поэта: «Высокой дух человеческий так же веет над переплетом, как и над самой книгою, над декорацией в театре, как над изящною пьесою, которая там разыгрывается, над иглою, как над Мессиадою» (Отрывок из II части Шлёцера Введения в историю // *МВ. 1830. Ч. 2. № 5. С. 44; № 6. С. 172—173*). Возможно, именно поэтому за гоголевским Шиллером традиция Нюрнберга Дюрера, гофмановских ремесленников и реальных средневековых жестянщиков (см. с. 788). «Ремесленная» тема у Гоголя связана, кроме того, с темой подземелья, «где скрыты первые всемогущие колеса, дающие толчок всему» («О Средних веках», с. 14), и черные стены и закопченный потолок в прозаической мастерской жестянщика хранят следы подземного огня, выдавая ее мифологический прообраз — подземную кузницу Гефеста-Вулкана, бога огня и кузнечного дела (ср.: «все явления, порождаемые подземным огнем, в свою очередь сосредоточиваются в образе Вулкана», *Шеллинг. С. 103*), с неизбежно сопутствующим мифом Вулкана и Венеры (с которыми опасно ассоциировали Пушкина с женой и самого начала их брака, см.: *Пушкин. Письма. Т. 3. С. 214*), составляющим мифологический аспект темы Пирогова, совершенно не гоголевский, напоминающий своего рода цитату из Пушкина, как и сказанное в «Портрете» о военных: «питомцы Марса». В альманахе Одоевского «Тройчатка» (см. коммент. к отрывку «Страшная рука») Пушкину было предложено «взять на свою ответственность» погреб, и он, отвечая отказом, пошутил: «А куда бы не худо до погреба-то добратся» (*Пушкин. Т. 15. С. 90*); по замыслу Одоев-

ского, подполье, кажется, «должно было быть населено чертями» (*Сакулин*. С. 104), но Пушкин осмысляет его просто как винный погреб — из тех, о которых он с библейскими ассоциациями сожалел при известии о наводнении 1824 г. («Что это у вас? потоп! ничто проклятому Петербургу! (...) Жаль мне Цветов Дельвига (...). Что погребает? признаюсь, и по ним сердце болит. Не найдется ли между вами Ноя, для насаждения винограда?»; письмо Л.С. Пушкину, середина ноября 1824 г., *Пушкин*. Т. 13. С. 122). Впрочем, в литературной традиции винный погреб перенасыщен фантастикой — так, у В. Гауфа там среди посетителей оказываются 12 апостолов, дьявол и ожившая каменная статуя («Фантасмагории в бременском винном погребе», 1827); у Гоголя же пьяные Шиллер и Гофман в сопровождении виноторговца-библиофила Кунца (см. с. 788) прямо воспроизводят мизансцену эпизода «Погреб Ауэрбаха в Лейпциге» из первой части «Фауста» Гёте (ср. также: Легенда о докторе Фаусте. М., 1978. С. 25, 29—30) — здесь Фауст и Мефистофель пируют в погребе со студентами; Мефистофель развлекает гуляк, поет, потом пугает адскими шутками и ссорится с ними, а когда они бросаются на него с ножами, отуманивает им глаза, так что они воображают себя в винограднике и вместо лиц видят охупки винограда, а очнувшись, обнаруживают, что держат друг друга за носы, собираясь срезать их вместо виноградных гроздьев; мотив пьянства в «Невском проспекте», таким образом, не замкнут в сфере «тяжелого, прозаического быта, изображенного остро и сочно» (*Анциферов* 1991. С. 70), но оказывается точкой пересечения нескольких существенных внешних, контекстных тем, значение которых для Гоголя выходит за рамки повести.

С. 126. *Нет ничего лучше Невского проспекта...* — Ср.: «Петербург — город проспектов и, более того, город проспекта (...), потому что Невский проспект — своего рода идеальный образ города, его идея, взятая в момент ее высшего торжества воплощения» (*Топоров* 2003. С. 36—37).

С. 126. *...кто имеет двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сертук...* — Гоголю самому исполнилось 25 лет в 1834 г., ко времени написания «Невского проспекта»; об автобиографическом характере для него в юности темы щегольского сюртука см. в коммент. к главам из повести «Страшный кабан».

С. 126. *...в Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской...* — Перечислены улицы в центральной части города. На Малой Морской, в доме Лепена, № 97, Гоголь жил с лета 1833 г. На Большой Мещанской, в доме 39, он жил с апреля по июль 1829 г.

С. 126. *...житель Петербургской или Выборгской части ~ на Песках или у Московской заставы...* — Перечислены отдаленные или окраинные части города.

С. 126. *Адрес-календарь* (в рукописи: адрес-курант) — «именной список жителям, с показанием их звания, местожительства и прочее» (*Даль*. Т. 1. С. 6).

С. 126. *Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга!* — 30 апреля 1829 г. Гоголь писал матери: «В Петербурге много гуляний. Зимой прохаживаются все празднующиеся от двенадцати до двух часов (в это время служащие заняты) по Невскому проспекту. Весною же (...)

гуляют в Екатерингофе, Летнем саду и Адмиралтейском бульваре. Все эти однако ж гулянья несносны, особливо екатерингофское первое мая, всё удовольствие состоит в том, что прогуливающиеся садятся в кареты, которых ряд тянется более нежели на 10 верст и притом так тесно, что лошадинные морды задней кареты дружески целуются с богато убранными длинными гайдуками. Эти кареты беспрестанно строятся полицейскими чиновниками и иногда приостанавливаются по целым часам для соблюдения порядка, и всё это для того, чтобы объехать кругом Екатерингоф и возвратиться чинным порядком назад, не вставая из карет».

С. 127. *Прапорщик* (от старосл. прапор — знамя) — самый младший офицерский чин.

С. 127. *Фантасмагория* — световые картины, получаемые при помощи оптических устройств («искусство изображать призраки, видения или воздушные картины посредством зеркальных отражений», *Даль*. Т. 4. С. 532).

С. 127. *Начнем с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими только что выпеченными хлебами...* — Ср. у Гоголя позднее в статье «Петербургские записки 1836 года»: «Петербург (...) с полночи начинает печь французские хлебы, которые назавтра все съест немецкий народ»; тема бодрого петербургского утра (см.: *Топоров 2003*. С. 49) с запахом свежего хлеба объединяет здесь Гоголя с Пушкиным, у которого упомянут «хлебник, немец аккуратный» в описании утра Онегина («Евгений Онегин», гл. 1, XXXV), и открывает далее возможность двунаправленных ассоциаций, подготавливая читателя к восприятию последующих событий на фоне пушкинского продолжения.

С. 127. *...старухами в изодранных платьях и солопах...* — Солоп, или салоп (*франц.* salore) — верхняя женская одежда в виде широкой длинной накидки с прорезями для рук или небольшими рукавами, часто утепленная; салопница — «нищая, которая ходит в оборванном салопе» (*Даль*. Т. 4. С. 131). Ср. письмо И.В. Росковшенко от 26 февраля 1832 г. об одежде жительниц Петербурга (с. 782–783).

С. 127. *Комми* (*франц.* commis) — продавец в магазине, приказчик.

С. 127. *Ганимед* — в греческой мифологии троянский юноша необычайной красоты; был похищен Зевсом и сделан виночерпием богов на Олимпе.

С. 127. *...иногда переходят ее русские мужики...* — Ранний пример парадоксального образа, который бросится в глаза современникам на первой странице «Мертвых душ»: «два русские мужика, стоящие у дверей кабака».

С. 127. *...Екатерининский канал, известный своею чистотою...* — В Екатерининский канал спускались сточные воды. Гоголь жил на Екатерининском канале по приезде в Петербург (см.: *Ак*. Т. 10. С. 418).

С. 127. *...каких они верно не услышат даже в театре.* — Во французском театре существовал обычай показывать в заключение спектакля после трагедии фарс — «коротенькую пьеску с незамысловатым сюжетом, обильно уснащенную солеными словечками, палочными ударами, нескромными жестами, насмешливыми песенками — словом, всем тем, что мы привыкли называть “галльским юмором” (...) к этому моменту женщины покидали зал» (см.: *Мольер*. Т. 1. С. 11–12); в гоголевские времена соответственно этому же обычаю вместо фарса в русских театрах ставилась

одноактная комедия. Современные комментаторы видят здесь намек на появление в театральном репертуаре 1830-х годов бытового водевиля с героями — чиновниками, актерами, купцами (см.: *Гоголь 1959*. Т. 3. С. 483; *Гоголь 1994*. Т. 4. С. 482).

С. 127. *Департамент* — подразделение министерства или другого высшего государственного учреждения. Гоголь и сам ходил через Невский проспект на службу.

С. 127. *Гривна* — здесь в значении: десять копеек, гривенник. *Грош* — медная двухкопеечная монета.

С. 127. *...размахивают руками или говорят сами с собою иногда довольно разительными жестами, но никто их не слушает и не смеется над ними...* — Ср. в письме Гоголя матери от 30 апреля 1829 г. о жителях Петербурга: «Забавна очень встреча с ними на проспектах, тротуарах; они до того бывают заняты мыслями, что поровнявшись с кем-нибудь из них слышишь, как он бранится и разговаривает сам с собою, иной приправляет телодвижениями и размахами рук».

С. 127. *...в пестрядевых халатах...* — Пестрядь — грубая ткань из разноцветных ниток, льняная или хлопчатобумажная, вытканная кустарным способом; см. также предисловие Гоголя к «Вечерам на хуторе близ Диканьки».

С. 127. *Английские Джонсы и французские Коки...* — Ср. воспоминания доктора Н.К. Беркута, наблюдавшего больного сына Васильчиковых, учителем и воспитателем которого некоторое время был Гоголь, после чего для мальчика «выписали специально англичанина Джонса, просвещенного мореплавателя. Много он получал жалованья, много творил разных педагогических фокусов, вроде выписывания более или менее сложных игр, способствующих будто бы развитию мозга, и вера в науку так была сильна, что (...) чудилось даже некоторое изменение к лучшему. Кончилось это развитие тем, что Джонса женили на племяннице Васильчикова, и он, забрав ее и все состояние, уехал за границу» (*ИВ*. 1911. Т. 126. № 10. С. 85).

С. 128. *...прочитавшие афишу и важную статью в газетах о приезжающих и отъезжающих...* — В современных Гоголю газетах в специальном отделе регулярно печатались сообщения об именах и званиях значительных лиц, прибывших в город или выехавших из него. По воспоминаниям, Гоголь «всегда читал в “Инвалиде” статью о приезжающих и отъезжающих» (*Смирнова-Россет 1989*. С. 71), а однажды и сам был назван в газете, когда приехал в Москву по дороге из Петербурга на родину в 1832 г. (см.: *Гоголь в восп.* С. 263).

С. 128. *...выпившие чашку кофею и чаю...* — Ср. в письме И.В. Росковшенко от 28 февраля 1831 г.: «Здесь всякий мужик вменяет себе в необходимость пить чай, а женщины, даже кухарки и работницы прачек и проч. пьют два раза на день кофе, из фарфоровых чашек, расписанных золотом, с нарисованным амуром или с вензелем своим или миленького дружка своего» (*Росковшенко*. С. 487).

С. 128. *...благословенным званием чиновников по особенным поручениям.* — Чиновники по особенным поручениям состояли непосредственно при высокопоставленных персонах; деятельность их и продвижение по службе могли осуществляться вне рамок обычного бюрократического порядка.

С. 128. ...те, которые служат в иностранной коллегии... — Коллегия иностранных дел входила в число десяти коллегий — органов центрального государственного управления, учрежденных Петром I; после введения в начале XIX в. министерств составила основу Министерства иностранных дел и была упразднена только в 1832 г. Осенью 1831 г. чиновником Коллегии иностранных дел был зачислен на службу, по высочайшей воле, Пушкин, причем служебные обстоятельства его складывались достаточно странно и были предметом обсуждения в обществе (см. об этом: *Абрамович 1994. С. 287; Пушкин. Письма. Т. 3. С. 421, 483—484*); ранняя неожиданная смерть Веневитинова и многолетняя душевная болезнь Батюшкова каждая по-своему оказались связаны со службой по тому же ведомству.

С. 128. *Редингот* — длинное женское пальто широкого покроя.

С. 128. ...усы чудные ~ которым посвящена лучшая половина жизни... — Познакомившийся с Гоголем в последние годы его жизни Л.И. Арнольди вспоминал: «Знакомые Гоголя уверяли меня, что иногда встречали его в Москве у куаферов и что он завивал свои волосы. Усами своими он тоже занимался немало» (*Гоголь в восп. С. 481*).

С. 128. *Веленевая бумага* — плотная бумага высокого качества.

С. 128. *Поссессор* (франц. *possesseur*) — владелец, обладатель.

С. 129. ...похожи на два воздухоплавательные шара... — Сообщения о полетах на воздухоплавательных шарах Гоголь мог прочитать, в частности, в *МВ. 1828. Ч. 10. № 15. С. 419—420; 1830. Ч. 3. № 10. С. 189—190*.

С. 129. ...так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина... — Ср. замечание Гоголя о том, что «если не прикрепить красавицу к земле, то черты ее будут слишком воздушны, неопределенно общи и потому бесхарактерны», в письме А.С. Данилевскому от 1 января 1832 г. С подзаголовками «Дама», «Мужчина» (позднее «Мужчина») в конце каждой книжки *МТ* печаталось описание двух приложенных к ней цветных французских модных картинок.

С. 129. ...непрременно посмотрят на сапоги ваши, и ~ оборотятся назад, чтобы посмотреть на ваши фалды. Я до сих пор не могу понять, отчего это бывает. — Ср. то же недоумение в отрывке «Дождь был продолжительный».

С. 129. ...чтением газет по кондитерским... — Ср. о них в письме И.В. Росковшенко от 28 февраля 1831 г.: «Там отлично готовят кофе. Известнейшие здесь кондитерские: Амбиела, Малинари, А-ла-реноме и О-берже-фидель; об одной из них упоминает Загоскин (в Рославле). Тыходишь, тебя приветствием встречает миленькая француженка, немка или италианка, требуешь стакан кофе, берешь журнал, без всякого принуждения рассядешься себе; иногда собирается человек тридцать и больше и если нету какого-нибудь чичероне, то всяк занят своим делом; хочешь, садись за фортепиано; если отлично играешь, тебя с удовольствием будут слушать; тебе приносят кофе, на особом блюдечке сахар, молочник крошечный со сливками и пенкою, бисквиты, и все это стоит 50 к. Потребовавши стакан кофе, ты можешь просидеть целый день. Трубок здесь и заведения нету, а цыгары употребляют, но во второклассных кондитерских» (*Росковшенко. С. 487—488*).

С. 129. ...*Титулярные, Надворные и прочие Советники...* — Советник — название нескольких чинов гражданской службы; согласно 14-разрядной Табели о рангах, введенной в России при Петре I (1722), низшим из них был титулярный советник (чин девятого класса), затем по возрастающей шли надворный советник (седьмого класса), коллежский советник (шестого класса), статский советник (пятого класса), действительный статский советник (четвертого класса), тайный советник (третьего класса) и действительный тайный советник (второго класса). Титулярным советником Гоголь сделал героя «Клочков из записок сумасшедшего»; и ко времени работы над *Ар.* титулярным советником был Пушкин.

С. 130. ...*Коллежские Регистраторы, Губернские и Коллежские Секретари...* — По Табели о рангах, коллежский и губернский секретари — чины соответственно десятого и двенадцатого класса (коллежским секретарем Пушкин вернулся на службу в 1831 г.), коллежский регистратор — последнего, четырнадцатого класса. «Сам Гоголь начал службу с низшего, 14-го класса, коллежским регистратором, ко времени выхода в свет “Арабесок” достиг 8-го, но выше уже не поднялся и так и умер в чине коллежского асессора» (*Паламарчук 1990. С. 413*).

С. 130. *Повытчик* — чиновник-регистратор в суде, следивший за порядком и хранением поступавших бумаг.

С. 130. ...*во фризовой шинели...* — См. коммент. к повести «Портрет».

С. 130. ...*в демикотоновом сюртуке...* — Демикотон — плотная хлопчатобумажная ткань.

С. 130. ...*из низеньких окошек магазинов выглянут те эстампы, которые не смеют показаться среди дня...* — Об «окнах магазинов» на Невском, где вечером можно увидеть «картины в сладострастных положениях», говорит и И.В. Росковшенко в письме от 22 октября 1831 г. (см.: *Росковшенко. С. 482–483*).

С. 130. ...*и чуть не достигают головами Полицейского моста.* — Полицейский мост через Мойку, по которому проходит Невский проспект, построен в 1806–1808 гг. по проекту В.И. Гесте (см.: *Курбатов. С. 206*).

С. 130. ...*Губернские Регистраторы...* — По-видимому, оговорка Гоголя в рукописи (такого чина в Табели о рангах не было), воспроизведенная во всех прижизненных изданиях повести; исправлена Н.С. Тихонравовым (см.: *Тих. Т. 5. С. 593*). «Чин губернского регистратора» упомянут в «Пестрых сказках» Одоевского, в редактировании и издании которых принимал участие Гоголь (это чин Севастьяныча в «Сказке о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем»). В связи с этим М.А. Турьян высказала предположение, что, вероятно, «речь идет не о чине, а о должности губернского регистратора (помощника главного регистратора в губернских правлениях), соответствовавшей низшему гражданскому чину коллежского регистратора (14 класс)» (*Одоевский В.Ф. Пестрые сказки / Изд. подг. М.А. Турьян. СПб., 1996*).

С. 131. ...*чтобы заглянуть под шляпку издали завиденной дамы...* — И.В. Росковшенко отмечает, что в Петербурге принято одеваться по-европейски во всех слоях общества и нет «почти ни одной женщины, одетой, как крестьянки ходят»: «Здесь сколько есть много хорошеньких в среднем классе, столько мало в высшем. И как отлично все здесь одеваются,

и простые. (...) Здесь, можно положить, десятая женщина вменяет себе в необходимость иметь шляпку с вуалем, а о салопах и плащах нечего и говорить, редкая нищая не имеет его» (*Росковшенко*. С. 485–486). Неприятно-дезорентирующая манера эта порождает недоразумения; так, любопытной иллюстрацией к этой теме может быть рассказанный в воспоминаниях В.А. Соллогуба случай с Авророй Шерваль (1813–1902), одной из самых красивых (ей посвящали стихи Баратынский, Пушкин, Вяземский), а после брака с П.Н. Демидовым (1836) и самых богатых женщин Петербурга: однажды «ей захотелось пройтись несколько пешком; она отправилась карету и лакея домой, а сама направилась по тротуару Невского к своему дому (...) вдруг к ней подлетел какой-то франт и, предварительно расшаркавшись, попросил у нее позволения проводить ее домой; он не заметил ни царственной представительности молодой женщины, ни ее богатого наряда, и только как истый нахал воспользовался тем, что она одна и упускать такого случая не следует. Демидова с улыбкой наклонила голову, как бы соглашаясь на это предложение, франт пошел с нею рядом (...). Аврора Карловна изредка отвечала на его расспросы, ускоряя шаги, благо дом ее был невдалеке»; и только когда в подъезде толпа слуг кинулась навстречу хозяйке, провожавший ее господин понял свою ошибку (*Соллогуб 1988*. С. 444–445).

С. 131. *Сиделец* — продавец в купеческой лавке.

С. 131. ...совершенно *Перуджинова Бианка*... — Традиционно это гоголевское сравнение возводят к образу Богоматери на фреске Пьетро Перуджино (ок. 1446–1523 или 1524), учителя Рафаэля, «Поклонение волхвов», находящейся в часовне Santa Maria dei Bianchi в Пьеве (Италия). Итальянская исследовательница Рита Джулиани считает эту версию недоверной, поскольку эта фреска Перуджино была в гоголевское время почти неизвестна и получена известность только после реставрации в 1918 г. Гипотеза Р. Джулиани: Гоголь, возможно, имел в виду жену Перуджино Кьяру, «жену-девочку и жену-куклу», о которой мог читать в жизнеописаниях художников Дж. Вазари, книге, которую знал (см.: *Ак*. Т. 9. С. 492). При этом допускается, что имя Кьяра путем «минимального семантического сдвига» превратилась в Бианку; «если наша гипотеза верна, за указанием на жену Перуджино скрывается представление о красавице-кукле» (*Giuliani R. Annunziata di Gogol': un personaggio da dimenticare // Studi in onore di Riccardo Picchio / A cura di R. Morabito. Napoli, 2003. P. 303–317*).

С. 131. ...это прелестное существо, которое, казалось, слетело с Неба прямо на Невский проспект и верно улетит неизвестно куда. — Ср. ниже: «и не узнать даже той святыни, где оно опустилось гостить». Используется романтический образ «таинственного», «небесного посетителя», частый в поэзии Жуковского (см.: *Манн 2004*. С. 364).

С. 133. *Боже, какие божественные черты!* ~ все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось в ее гармонических устах. — 10 марта 1832 г. Гоголь писал А.С. Данилевскому о «северной повелительнице» своего «южного сердца»: «Ни в небе, ни в земле, нигде ты не встретишь, хотя порознь, тех неуловимо божественных черт и роскошных вдохновений, которые ensemble дышут и уместились в ее, боже, как гармоническом лице».

С. 133. ...но как утратить это божество... — «Это божество, но обремененное слегка в человеческие страсти», — писал Гоголь матери 24 июля 1829 г. о женщине, встреча с которой поразила его (см. коммент. к «Портрету»); ср. у Батюшкова в статье о Петрарке: «Для него Лаура была нечто невестственное, чистейший дух, излившийся из недр божества и облекшийся в прелести земные» (*Батюшков 1978. С. 150*).

С. 135. *Выпушка* — оторочка, кант.

С. 135. ...жалкий разврат, порожденный ~ страшным многолюдством столицы. — В.Н. Топоров в своем исследовании приводит цифры, характеризующие «необыкновенную скученность населения» Петербурга, одной из главных аномалий жизни города называя «большое (поначалу огромное), устойчивое (...) преобладание мужского населения над женским. В год смерти Пушкина женщины в Петербурге составляли лишь 30% населения (...). Следствием такого соотношения населения был огромный процент безбрачных и бездетных мужчин (на пятеро приходилось четверо холостых) в низшем, а отчасти и в среднем сословии (...), с одной стороны, и, с другой, сильное развитие проституции и предшествующих ей форм» (*Топоров 2003. С. 32*). Гоголь знал примерно те же цифры — ср.: «в Петербурге на 1 женщину приходится ровно по 2 человека мужчин (...) у нас из трех один мужчина всегда остается без женщины» (*БДЧ. 1834. Т. 3. Кн. 4. Апрель. Отд. 6. С. 8; рецензия на «Панораму Санктпетербурга». СПб., 1834. Ч. 2*).

С. 135—136. ...как бедняк, нашедший бесценную жемчужину и тут же выронивший ее в море. — М. Вайскопф, отмечая, что героиня «Невского проспекта» прямо сравнивается с затонувшей «жемчужиной», с «неоцененным перлом», брошенным в «пучину» демонического Петербурга (см. ниже; см. также: «И неужели равнодушно допустить ее гибель, и притом тогда, когда только стоит подать руку, чтобы спасти ее от потопления»), видит здесь древнее, «идущее от “Гимна жемчужине” в Деяниях Фомы, обозначение “потерянной”, плененной души (Слова, Христа и пр.), очень частое в святоотеческой литературе (у Ефрема Сирина, Феодора Студита, Андрея Критского, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина и др.). Русские масоны усвоили ту же символику и при посредстве софиологии Бёме. В русской литературе XIX века этот мотив прослеживается с самого начала столетия: ср. души-жемчужины, затерянные в глубине океана, у Жуковского в “Сельском кладбище”; в 30-е годы он был уже довольно расхожим: ср. “жемчужные души” в “Аскольдовой могиле” Загоскина (1833 г.), заимствованные им из “Слова о полку Игореве”, откуда и Гоголь, как предполагается, взял “жемчужные души” в «Тарасе Бульбе» (*Вайскопф 1993. С. 275*).

С. 136. ...колокол башни бил половину первого... — В романе Т. Де Квинси «Исповедь англичанина, любителя опиума» колокол отбивает время перед бегством героя из университетского пансиона, знаменующим его разрыв с прежней жизнью и начало пути на лондонское дно и затем в мир опиума; воспоминание о колоколе предшествует описанию череды его опиумных снов как враждебное им начало (см.: *Де Квинси 1834. С. 10, 85—86*).

С. 136. ...к дому, что в Литейной... — Литейная улица долгое время представляла собой «захудалую улицу, с небольшими деревянными, по

большей части, домами, с деревянными же тротуарами», однако именно в 30-е годы XIX в. «застроилась множеством прекрасных домов, и магазинная торговля в ней развивалась в высокой степени», так что к 1840 г. о ней заговорили как о соперничающей с Невским (см.: *Столынский*. С. 319).

С. 138. *Камер-юнкер* — придворное звание. «Николай I в 1826 году установил комплект из 12 камергеров и 36 камер-юнкеров; в 1836 году запрещено представлять к пожалованию в камер-юнкеры чиновников ниже титулярного советника (т.е. 9-го класса). Звания камергеров и камер-юнкеров не приносили каких-либо гражданских чинов» (*Паламарчук* 1990. С. 413—414). Указом Николая I от 31 декабря 1833 г., опубликованным в первый день нового года во всех газетах, званием камер-юнкера был пожалован Пушкин (см.: *Абрамович* 1994. С. 567—572).

С. 139. *Я замечаю, что вы меня ненавидите....* — См. также ниже: «Вам кажутся странными мои поступки, но я вам открою тайну», — ср. у Загоскина начало письма Полины Рославлеву: «Вы должны ненавидеть... (...) Не смею надеяться, что, открыв вам ужасную тайну, которую думала унести с собой в могилу, я заставлю вас пожалеть обо мне» («Рославлев, или Русские в 1812 году», 1831; *Загоскин* 1987. Т. 1. С. 428).

С. 139. *Камергер* — придворное звание (см. выше); отличительным знаком его был ключ на голубой ленте; 5 августа 1831 г. звание камергера получил Вяземский — см. стихотворение Пушкина «Любезный Вяземский, поэт и камергер...», посланное ему в письме от 14 августа 1831 г. из Царского Села в Москву и, вероятно, известное Гоголю.

С. 139. *...но во всех комнатах все сидели тузы за вистом...* — Туз — здесь: высокопоставленное лицо. Вист — коммерческая карточная игра, традиционно считавшаяся игрой «в службе степенных и солидных людей»; в пушкинской «Пиковой даме» противопоставлена азартной игре Германна и Чекалинского («Генералы и тайные советники оставили свой вист, чтобы видеть игру столь необыкновенную»), см.: *Лотман*. Т. 2. С. 406.

С. 140. *...то голова чухонки...* — Чухонцы — финны (от названия народности «чудь»).

С. 141. *...рука ее, стиснутая волосьяным браслетом.* — Такие браслеты плели из человеческих волос, иногда с добавлением миниатюрного изображения (см.: *Паламарчук* 1990. С. 414).

С. 144. *Ум его помутился: глупо, без цели, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродил он весь день ~ Протекли четыре дня ~ наконец прошла неделя, и комната все так же была заперта.* — Ср. в «Медном всаднике»: «Увы! его смятенный ум / Против ужасных потрясений / Не устоял. Мятёжный шум / Невы и ветров раздавался / В его ушах. Ужасных дум / Безмолвно полон, он скитался. / Его терзал какой-то сон. / Прошла неделя, месяц — он / К себе домой не возвращался».

С. 144. *...нашли бездыханный труп его с перерезанным горлом.* — Сцена гибели Пискарёва ориентирована на описание самоубийства Вертера (см.: *Гёте*. Т. 6. С. 86, 101—102). Гоголь следует Гёте прежде всего в изображении страшной, кровавой картины самоубийства и предсмертных страданий героя, дополнительно, кажется, усугубляя ее жестокость; в черновике окончания повести он дважды оговаривается, приписывая Пискарёву вертеровский способ самоубийства (в рукописи было сначала:

«Тот застрелился, другого высекли», затем: «Тот стреляется по своей воле, другого секут, когда он вовсе этого не желает»), хотя в самом эпизоде подобной ошибки и вообще никаких колебаний насчет орудия самоубийства нет. Еще одна деталь у Гёте имела, по-видимому, значение для Гоголя: умирающий Вертер лежал «в синем фраке и желтом жилете» — и Пискарев, выходя из дома в последний раз, «надел новый фрак, щегольской жилет», которые, конечно, и были на нем в момент смерти; известно, что Гоголь сам в юности мечтал иметь синий фрак (см. с. 905), и тема щегольского фрака или сюртука, возникая во многих его произведениях, интерпретируется обычно как незначительная и необязательная автобиографическая ассоциация; однако сопоставление с «Вертером» выявляет ее системный и остро трагический подтекст как проводника темы смерти.

С. 144. *Охта* Большая и Малая — окраина Петербурга, по правому берегу Невы, напротив Смольного монастыря; была известна своим живописным, но бедным кладбищем (см.: *Столпянский*. С. 21; *Курбатов*. С. 291–292).

С. 145. *Красный гроб* — самый дешевый сосновый гроб.

С. 146. ...хвалят *Булгарина, Пушкина и Греча*... — Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) и Греч Николай Иванович (1787–1867) — литераторы, издатели ежедневной газеты *СПч*. Упоминание Пушкина в окружении этих двух имен связано, очевидно, с той недобросовестной игрой, которую газета вела вокруг его имени и авторитета (см.: *Золотусский* 1976. С. 149).

С. 146. ...и говорят с презрением ~ об *А.А. Орлове*. — Орлов Александр Анфимович (1791–1840) — московский писатель, автор многочисленных лубочных повестей и романов — «пяти- и четырехрублевых», как определял этот тип романа Гоголь (*Ак*. Т. 8. С. 200). Часть романов Орлова была написана как продолжение болгаринских романов о Выжигине, что раздражало Булгарина и дало возможность Пушкину издательски объединить имена обоих «гениев» в напечатанных в 1831 г. памфлетах «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем». См. письмо Гоголя Пушкину от 21 августа 1831 г.

С. 146. *Они не пропускают ни одной публичной лекции, будь она о бухгалтерии или даже о лесоводстве*. — Возможно, намек на просветительский проект редактора *МТ* Н.А. Полевого (см. ниже), который имел обыкновение начинать каждую книжку журнала с одной или двух ученых статей; среди них, в частности, под колонтитулом «Лесоводство» было напечатано сочинение В. Скотта «О разведении и воспитании лесных деревьев» (*МТ*. 1833. Ч. 49, № 2 и 3. С. 183–213, 347–381).

С. 146. ...какие-нибудь *филатки*... — Пьесы «*Филатка с детьми*» П.И. Григорьева 1-го и «*Филатка и Мирошка — соперники, или Четыре жениха и одна невеста*» П.Г. Григорьева 2-го были поставлены на сцене Александринского театра соответственно 23 ноября и 30 ноября 1831 г. и пользовались большим успехом у простонародного зрителя.

С. 146. *Кабриолет* — легкая повозка, открытая или с откидным верхом; картинки, изображающие новомодные парижские кабриолеты разных типов, были вклеены в *Прибавления к МТ* № 5 (март) и 10 (май) за 1828 г.

С. 147. ...стихи из *Димитрия Донского* и *Горе от ума*... — «Димитрий Донской» — стихотворная трагедия в стихах В.А. Озерова (1769—1816), поставлена в 1807 г. Комедия Грибоедова «Горе от ума» (1824) была впервые поставлена в Петербурге и в Москве в 1831 г.; первое полное издание ее вышло в декабре 1833 г.

С. 147. ...анекдот о том, что пушка сама по себе, а единорог сам по себе. — Единорог — мифическое животное с одним длинным прямым рогом на лбу и телом лошади или быка; изображался, как геральдическая фигура, на некоторых государственных и личных гербах, а в качестве украшения — на стволе старинного артиллерийского орудия с коническим казенником, также поэтому названного единорогом. Упомянутый анекдот зафиксирован в словаре Даля как «объяснение солдата, чем они рознятся»: «Пушка сама по себе, а единорог сам по себе» (Даль. Т. 1. С. 516; ср.: Вяземский. Т. 8. С. 119).

С. 147. ...он говорил: «ох, ох! суета, все суета! что из этого, что я поручик?» — Ср. Еккл 1, 2. В романе Булгарина «Петр Иванович Выжигин» (1831) один из персонажей, «пробуя перо, иногда тайно писал свою фамилию с разными чинами», но «помалу отвык и от этого невинного наслаждения» и «стал пробовать перо на изречении: “Суета сует и всяческая суета”» (Булгарин 2002. С. 359).

С. 147. Они вошли темными Казанскими воротами в Мещанскую улицу... — Ворота Казанского собора на Невском проспекте открывали вход на Большую Мещанскую улицу; Гоголь упоминает ее также в «Портрете», «Записках сумасшедшего», в отрывке «Фонарь умирал».

С. 148. ...не тот Шиллер, который написал Вильгельма Теля и историю Тридцатилетней войны... — «Вильгельм Тель» (1804) — последняя драма Шиллера; «Тридцатилетняя война» (1792) — его большое историческое сочинение о войне 1618—1648 гг. в Европе. В рукописи было: «написал Валленштейна» — т.е. драматическую трилогию «Валленштейн», («Лагерь Валленштейна», «Пикколомини», «Смерть Валленштейна», 1797—1799), сюжет которой основывался на событиях той же войны.

С. 148. ...сапожник с Офицерской улицы... — Офицерская улица (ныне улица Декабристов) в Казанской части Петербурга шла параллельно Мойке, пересекая Крюков канал и выходя на Вознесенский проспект. Гоголь жил здесь, в доме Брунста, с середины августа 1831 до лета 1832 г.; и именно здесь его, по-видимому впервые, навестил Пушкин (см. письма Гоголя Пушкину от 21 августа 1831 г. и Жуковскому от 10 сентября 1831 г.). В адресном справочнике 1822 г. указаны Шиллер Иоган, «мастер жестеного фонарного дела», по Гороховой улице, № 60, Гофман Готлиб, столяр, по Новому переулку, у пересечения с Б. Мещанской, № 70, и Гофман Христиан, кузнечный мастер, по Б. Мещанской, № 81 (дома нумеровались не в пределах улицы, а в пределах городской «части», в данном случае — 2-й Адмиралтейской), все — «Ведомства Немецкой Ремесленной Управы» (см.: Аллер С.И. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга на 1823 год. СПб., 1822. С. 531, 572, 592). Все они могли оказаться соседями Гоголя, когда он поселился на Б. Мещанской в апреле 1829 г.

С. 148. Я не хочу, мне не нужен нос! — М. Вайскопф отмечает возможность соотнести эту фразу с фрагментом из Первого послания

ап. Павла к коринфянам: «Не может глаз сказать руке: “Ты мне не надобна”; или также голова ногам: “вы мне не нужны”. (...) Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены: славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы — тело Христово, а порознь члены» (1 Кор 12, 21–27; см.: Вайскопф 1993. С. 240). Черновая редакция повести «Нос» (т. 6 наст. изд.) писалась одновременно с повестями Ар.

С. 148. ...это будет рубль двадцать копеек — это будет сорок копеек. — В печатном варианте пропущен промежуточный этап подсчета — умножение на количество месяцев в году; ср. в рукописи: «Двенадцать раз рубль двадцать копеек... это будет 14 рублей 40 копеек».

С. 148. *Rape* — высокосортный французский нюхательный табак; упомянут в повести Гофмана «Принцесса Брамбилла» (см.: Гофман. Т. 2. С. 257, 260).

С. 152. ...с столяром Кунцом, тоже немцем и большим пьяницею. — А.А. Фаустов обращает внимание на «значимый» характер фамилии столяра Кунца, «как будто сбежавшего из идиомы *Hinz und Kunz* — “всякий встречный и поперечный”» (Фаустов А.А. Мечта и истина в «Невском проспекте» // Филол. записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 18. Воронеж, 2002. С. 28). Но возможно, что фамилия приятеля Шиллера и Гофмана также литературного происхождения. Карл Фридрих Кунц (1785–1849) — издатель Гофмана: «Виноторговец и затем издатель, он был владельцем библиотеки в пять тысяч томов (...) большая часть книг была прислана Кунцу книгоиздателями и авторами в обмен на содержимое его погребов. Очень характерны портреты Кунца, сделанные Гофманом (...) — крупный, толстый человек с выражением крестьянской хитрости на лице. Кунц был первым издателем Гофмана. Впоследствии, в 1835 г., вышли его воспоминания, в которых он стремился представить себя другом и благодетелем Гофмана» (Логина О.К. Дневники Гофмана // Гофман 1972. С. 570).

С. 152. *Флегматик* — человек, не склонный к эмоциональным проявлениям; ср. в статье Гоголя «Мысли о географии»: «тевтонское племя среди своей Германии означено твердостью флегматического характера».

С. 153. ...показать его торною... — *Touppige* — фигура, телосложение (франц.).

С. 153. *Гавот* — старинный (XVII в.) французский танец в умеренном темпе.

С. 153. ...у меня в Швабии мать моя... — В рукописи: «в Швабии живет и мать моя, и дядя». Идеализированный, с чертами романтической утопии образ Швабии — страны ремесленников и купцов дан в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1799–1801), где мать героя рассказывает ему «о своей родине, о доме отца и о веселой жизни в Швабии»; ее рассказ подтверждают присутствующие при этом купцы, восхваляющие гостеприимство ее отца и прославляющие «красоту женщин на родине их спутницы», «непринужденное обращение» и «увлекательность бесед» (Избр. проза. Т. 1. С. 217). О месте Швабии в немецкой истории и культуре см.: Аверинцев С.С. Поэты. М., 1996. С. 334–335.

С. 153. ...и дядя мой в Нюрнберге... — Нюрнберг — южногерманский город, центр металлообработки в Средние века; стал культовым местом для немецких романтиков, как родина Дюрера и Ганса Сакса. Вакенродер прославил его в статье о Дюрере, вошедшей в книгу «Сердечные излияния отшельника — любителя искусств» (1797).

С. 153. ...идти прямо к Генералу ~ в Главный штаб ~ тогда идти дальше и дальше. — В рукописи: «тогда прямо в Государственный совет, а не то самому государю». Главный штаб — один из высших органов военного управления, Государственный совет — высшее законосовещательное учреждение России, созданное Александром I в 1810 г.; возглавлялся императором.

С. 154. ...прочитал кое-что из Северной Пчелы... — См. выше. В рукописи сначала было: «прочитал Телег(граф)» — то есть журнал «Московский телеграф», издававшийся в Москве Н.А. Полевым (1796—1846); был закрыт весной 1834 г.

С. 154. ...другой имеет рот величиною в арку Главного штаба... — Триумфальная арка с колесницей Победы над ней, прорезающая во всю высоту его трех этажей колоссальное по протяженности (около 580 м) здание Главного штаба на площади Зимнего дворца, построена К.И. Росси (1777—1849) в 1819—1829 гг.

С. 154. ...он весь состоит из своего сюртучка. — В рукописи продолжение: «и всегда ожидает несколько часов дома, покамест вы(сти)рается его белье, потому что второй переменной он не обзавелся еще». Здесь, возможно, отражен автобиографический момент — ср. в письмах Гоголя матери от 30 апреля 1829 г.: «имею только пару чистого белья для праздника или для выхода» — и от 5 января 1830 г., где он просит прислать «исподнего белья, которого у меня нет ни одной штуки». «Штука белья» оказывается в центре сюжета гоголевской нецензурной новеллы «Прачка» (см.: ЛВ. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 127—128).

С. 154. ...эти два толстяка, остановившиеся перед строящеюся церковью... — В рукописи: «перед лютеран(скою) киркою». Как установлено Н.С. Тихонравовым (см.: Тих. Т. 5. С. 385, 585), имеется в виду лютеранская церковь Св. апостолов Петра и Павла, строительство которой было начато в августе 1833 г. по проекту архитектора А.П. Брюллова (1798—1877), ученика Росси (см. рассуждение о ней в черновой редакции статьи «Об архитектуре нынешнего времени», с. 376).

С. 154. ...он говорит о Лафайете. — В рукописи: «он доказывает, в чем состояла главная ошибка Лафайэта». Маркиз Мари-Жозеф де Лафайет (1757—1834) в 1777 г. уехал в Америку, чтобы сражаться за ее свободу; после возвращения во Францию пользовался большой популярностью и в 1789 г. был избран в Генеральные штаты, а после взятия Бастилии стал командовать Национальной гвардией, однако политические взгляды его быстро правели. В 1792 г. он бежал из Франции и к политической жизни вернулся только в годы Реставрации. Популярность и политическое влияние Лафайета достигли максимума в дни Июльской революции, когда он 29 июля 1830 г. принял командование Национальной гвардией и способствовал вступлению на престол Луи-Филиппа. Смерть Лафайета (20 мая) и похороны его в Париже стали заметным событием весны 1834 г., когда пи-

сался «Невский проспект». Черновой вариант текста позволяет предположить знакомство Гоголя с «Историей французской революции» Тьера, который говорит о Лафайете восторженно, «оправдывая даже его ошибки, затушевывая его неспособность к сложным политическим комбинациям, к искусному маневрированию в политической борьбе» (*Резюэ 1956. С. 274–275*).

С. 155. *Форейтор* — верховой, сидящий на одной из передних лошадей, запряженных цугом.

О МАЛОРОССИЙСКИХ ПЕСНЯХ

Источники текста: *ЖМНП*₃, *Ар.* (см. с. 491).

Автограф не известен. Впервые опубликовано: *ЖМНП*. 1834. Ч. 2. № 4. Отд. 2. С. 16–26. Датируется журнальный вариант концом февраля — началом марта 1834 г., окончательный — не позднее начала ноября 1834 г. Печатается по тексту *Ар.* Ч. 2. С. 101–117.

Тема «О малоросс(ийских) песнях» записана уже в первый, февральский план *Ар.* О происхождении статьи в *ЖМНП* Гоголь писал 29 мая 1834 г. М.А. Максимовичу: «Недавно С(ергей) С(еменович) получил от Срезневского экземпляр песней и адресовался ко мне с желанием видеть мое мнение о них в Журнале Просвещения, так же как и о бывших до него изданиях — твоём и Цертелева». Между тем 12 февраля 1834 г. тому же Максимовичу Гоголь пишет, что «Запорожской старины» И.И. Срезневского он еще нигде не может достать, а 6 марта он уже шлет самому Срезневскому отзыв о его издании и говорит в письме о своем предпочтении, отдаваемом песням как историческому источнику перед летописями: «И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи (...) Если бы наш край не имел такого богатства песен — я бы никогда не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь». 16 февраля Срезневский первый обратился к Гоголю, прочитав в *СПЧ* его объявление о предстоящем издании его малороссийской истории (см. коммент. к «Взгляду на составление Малороссии»), и письмо Гоголя от 6 марта было ответом. Тогда же, вероятно, Гоголь получил издание Срезневского, возможно, от С.С. Уварова («С(ергея) С(еменовича)») вместе с заказом на статью в *ЖМНП*, куда уже в то же время готовил «Отрывок из Истории Малороссии» («Взгляд на составление Малороссии»). Статья (ее журнальный вариант) датируется, таким образом, концом февраля — мартом 1834 г. Обе статьи на малороссийскую тему появились одна за другой в том же самом апрельском номере *ЖМНП*. Окончательный вариант *Ар.* — не позднее начала ноября 1834 г.

Тема народных песен выдвигается как первостепенная в связи с оживлением гоголевских планов создания «Истории Малороссии» в конце 1833 г. «Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!» — пишет он Максимовичу 9 ноября 1833 г. в ответ на сооб-

шение последнего о приобретении им богатого собрания Э. Доленго-Ходаковского, включавшего около 2000 песен (Гоголь вскоре получит его во временное пользование от Максимовича), и со своей стороны сообщает о своем собрании («до двух сот») и предлагает обмениваться богатствами. После встречи с Максимовичем в Москве в 1832 г. Гоголь принимает участие в хлопотах о новом издании украинских песен, которое тот готовит (первое издание — «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем». М., 1827), и неудачно ищет в Петербурге художника для приготовления «национальной виньетки» к этому изданию, в письме Максимовичу 12 декабря 1832 г. выражая сожаление, «что наши песни будут без виньетки». В письме 7 января 1834 г. он обращает внимание Максимовича на «собрание галицких песен, вышедших в прошлом году (довольно толстая книга in-8)». Очень замечательная вещь! Между ними есть множество настоящих малороссийских, так хороших, с такими свежими красками и мыслями, что весьма не мешает их включить в гадаемое собрание». Некоторые песни из этого издания («*Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Sipińskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska. We Lwowie 1833*») Максимович включит в свое «гадаемое собрание» 1834 г., в том числе «Чорна роля заорана», первые четыре стиха которой будут выписаны рукою Пушкина на обороте письма к нему Гоголя от мая 1834 г. Поскольку правописание пушкинской записи отличается от печатного текста сборника Максимовича, можно предположить, что Пушкин получил текст песни прямо от Гоголя (см.: *Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. (репринт). Т. 17: Рукою Пушкина. М., 1997. С. 524–526*), возможно выписав его из полученного от Гоголя львовского сборника Вацлава Залеского (см. статью Я.И. Ясинского: *Временник Пушкинской комиссии. Л., 1941. С. 343–344*). Срезневскому 6 марта 1834 г. Гоголь сообщил: «Около 150 песен я отдал прошлый год Максимовичу, совершенно ему неизвестных. После того я приобрел еще около 150. У Максимовича теперь уже 1200». О посылке «тетради песен, которая в разные времена списывалась», Гоголь пишет Максимовичу 1 июля 1834 г. Максимович часть из полученных от Гоголя песен включит в свое новое издание 1834 г. и в предисловии к нему отметит гоголевское участие.

Просьбы к родным о розыске и присылке песен и благодарности за такие присылки — постоянный мотив писем к матери всех петербургских лет. Есть воспоминания о том, как сам Гоголь любил напевать малороссийские песни. Мать Гоголя показывала рояль, за которым он любил наигрывать и петь свои любимые, «особенно веселые и плясовые» (*Данилевский Г.П. Знакомство с Гоголем // Гоголь в восп. С. 455*). Максимович в письме С.П. Шевыреву после смерти Гоголя пересказал свой сон, «будто пришел ко мне (Гоголь) и говорит: послушай, какую спую тебе песню! И, ставши посреди комнаты, начинает выпевать сквозь зубы, с своими жестами, такие глубокие и сильные звуки, и все crescendo, что я и пробудился от них с слезами на глазах» (см.: *Паламарчук 1990. С. 416*). Размеры собирательской деятельности Гоголя стали открываться только в начале XX в., особенно после публикации Г.П. Георгиевского в 1908 г. (см. далее).

В период подготовки *Ар. Гоголь* — собиратель народных песен объединяется с Гоголем-историком и в письме Максимовичу 9 ноября 1833 г. пре-

жде всего говорит о песнях как незаменимом историческом источнике: «Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни. Даже не исторические, даже похабные: они все дают по новой черте в мою историю, все разоблачают яснее и яснее, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедших людей...». Это понимание внутреннего фольклорного историзма, дающего «по новой черте» в историческую картину, в статье Ар. высказано словами о том, что историк не должен в песнях искать документальной «верной реляции», но узнавать в них «верный быт, стихии характера» и «дух минувшего века» (с. 156—157).

По преимуществу все же Гоголь внимателен к собственно историческим песням (думам) как необходимым ему «материалам», о которых он пишет Срезневскому 6 марта 1834 г.: «Все думы, и особенно повести бандуристов ослепительно хороши». Тема певца-бандуриста — своего рода народного историка — и до Гоголя известна в литературе; так, в повести О. Сомова «Гайдамак. Малороссийская быль» (1826) слепец-бандурист поет о временах Хмельницкого (см.: Сомов 1984. С. 28—29); такой же слепой бандурист у Гоголя в «Страшной мести» поет про «гетманщину, Сагайдачного и Хмельницкого», рассказывая и про «давнее дело», о братьях Петро и Иване. По-видимому, в одном из вариантов гоголевского замысла исторического романа предполагалось сделать такого фольклорного повествователя-историка активным действующим лицом в кругу исторических и вымышленных персонажей (см. коммент. к отрывку «Кровавый бандурист»); но в итоге Гоголь в «Тарасе Бульбе» перенес внимание с личности повествователя на само повествование, основанное на предании и стремящееся не к буквальной верности фактам, а к поэтической истине (ср. там неоднократно возникающий образ бандуриста как хранителя «козацкой славы», «расслаивающего» козацкие подвиги и на весь мир разносящего «свое густое, могучее слово»). В гоголевской художественной, как и теоретической историографии предание рассматривается как незаменимый исторический источник (такой подход был узаконен Миллером и Нибуром и теоретически обоснован в рамках романтической историографии Тьерри, Мишле и Гизо, см. Реилов 1956. С. 112, 194, 209, 335—357, 361). «Эти-то песни заставили меня с жадностью читать все летописи и лоскутки какого бы то ни было вздору», — пишет Гоголь Срезневскому. Открывается обратный путь от устного предания к письменным памятникам: песни возвращают к ним, становясь путеводителем по ним.

Задание Уварова, на котором рассказывал Гоголь, он не исполнил: мнения о «бывших» изданиях (Максимовича 1827 г. и Н. Цертелева «Опыт собрания старинных малороссийских песней». СПб., 1819), как и о «Запорожской старине» И.И. Срезневского, он в статье не высказал и сам объяснил это в своем духе заинтересованным лицам: «Что ж я сделал? я написал статью, только самого главного позабыл: ничего не сказал ни о тебе, ни Срезневском, ни о Цертелеве. После я спохватился и хотел было прибавить и проболтаться о твоём великолепном новом издании, но опоздал: статья уже была отпечатана» (М.А. Максимовичу, 29 мая 1834 г.; в черновике письма вместо «опоздал» первоначально было «позабыл»); «Я хотел было сделать несколько замечаний и оценку с своей стороны Вашей Запорожской Старины и уже приступ к этому под заглавием *О малоросс. песнях*

отослал в Журнал Просвещения. Но лень проклятая одолела, и я сел на одном приступе...» (И.И. Срезневскому, 1 июня 1834 г.).

О более широких гоголевских планах по изучению народной поэзии в эпоху *Ар.* сообщает выписка из «Отчета по Санктпетербургскому учебному округу за 1835 год», где упомянуто, что «адъюнкт по кафедре истории Гоголь-Яновский (<...> из трудов своих, кроме означенной истории средних веков, (<...> готовит к печатанию о духе и характере народной поэзии славянских народов: сербов, словенов, черногорцев, галичан, малороссиян, великороссиян и прочих; также занимается он разысканием и разбором для Истории малороссиян, которой два тома уже готовы, но которые, однако ж, он медлит издавать до тех пор, пока обстоятельства не позволят ему осмотреть многих мест, где происходили некоторые события» (см.: *Машинский 1971. С. 150*).

Гоголевскую критику по преимуществу интересовала в связи со статьей *Ар.* фигура Гоголя — собирателя и исследователя народной поэзии. Поступившие в Румянцевский музей гоголевские тетради с записями песен были в 1893 г. частично использованы В.И. Шенроком (см. *Тих. Т. 7. С. 893*). Подробное же описание наследия Гоголя-собирателя по материалам Румянцевского музея дал в 1908 г. Г.П. Георгиевский (*Памяти Жуковского и Гоголя. С. 3—12*). По подсчетам Георгиевского, в двух тетрадях с южнорусскими и малороссийскими песнями содержится 412 песен, не считая 150, переданных в 1834 г. Максимовичу, и семи, отданных в сборник А. Метлинского (*Народные южнорусские песни. Киев, 1854. Песни, присланные Гоголем, напечатаны на с. 110, 111, 114, 118, 119 и 282*). Издание Георгиевского, оценил его в 1913 г. в статье «Гоголь-ученый» С.А. Венгеров, «безусловно выдвигает Гоголя в первые ряды собирателей русского народного творчества». Гоголь-фольклорист шел по обоим путям фольклористических занятий — по пути собирательства непосредственного и по пути «систематического собирания, для которого требуется жила кабинетного ученого». По результатам деятельности Гоголя можно говорить о «той систематичности и непрерывности усилий, которые делают фольклориста деятелем науки». В статье «О малороссийских песнях», «может быть, слишком много лиризма. Но в сжатости характеристик чувствуется отличнейшее знакомство с предметом» (*Венгеров. Т. 2. С. 146—150*).

В гоголевской статье «даны как бы первые эскизы “Тараса Бульбы” (<...> Эта статья объясняет источник исторических красок Гоголя; Гоголь не археолог, а поэт; он способен спутать хронологию на целые столетия, просто не отдав себе отчета, в какую же эпоху происходит действие, как не отдает себе отчета в этом и устный эпос» (*Гиппиус 1924. С. 74*).

В специальной работе: *Красильников С.А. Источники собрания украинских песен Н.В. Гоголя // Мат. и иссл. 1936. Т. 2. С. 377—406* — картина собирательской деятельности Гоголя дополнена «небольшой коллекцией украинских песен», найденной М.Н. Сперанским «в автографе Гоголя среди бумаг П.В. Киреевского, которому они в свое время были пересланы Гоголем» (со ссылкой на кн.: *Сперанский М.Н. К истории собрания песен Н.В. Гоголя. Нежин, 1912*); отмечено также, что на обратной стороне листов собрания Ходаковского, полученного Гоголем от Максимовича, Гоголь вписал 12 своих песен. Характер этих записей уточняется в

статье С.О. Машинского: в рукописи Э. Доленго-Ходаковского, заполненной в двух тетрадах «на одной правой стороне», «имеется ряд не совсем удобных для печати песен, записанных с левой стороны листа рукою Гоголя...» (*Машинский С.О. Гоголь и народно-поэтическая традиция // Лит. учеба. 1938. № 3. С. 32*). Предположение о том, что Гоголю принадлежала публикация «Исторической запорожской песни» в *ОЗ* уже в 1830 г. (*ОЗ. 1830. Ч. 42. № 121. С. 253*), вслед за В.В. Даниловым (*Русский филологический вестник. 1915. № 1*), высказал в 1957 г. А.Н. Степанов (*Степанов. С. 55–56*). Ю.В. Манн сопоставил взгляды на малороссийские песни Гоголя и его соученика по Нежину П.А. Лукашевича, в момент появления *Ар.* готовившего к печати свое издание: «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни» (СПб., 1836) — и писавшего в предисловии, что «народные песни давно уже не существуют (...) Проезжайте всю Малороссию вдоль и поперек, и я ручаюсь вам, что вы не услышите ни одной национальной песни» (с. 5–6); «Гоголь (как и И. Срезневский в “Запорожской старине”) говорит об украинских песнях как о живом явлении...» (*Манн 2004. С. 292*). По мнению М. Вайскопфа, гоголевская статья «выказывает зависимость от опубликованной в *Т* в 1833 г. (Ч. 14. № 7) статьи Эдгара Кине о богемской эпосе» (*Вайскопф 1993. С. 193*).

С. 156. ...музыка их изредка заносилась в высший круг... — Малороссийские песни «издавна бытовали в русском общественном и литературном обиходе» и были популярны «даже при царском дворе, где украинские певцы и гуслиеры не переводились в продолжение чуть ли не всего XVIII столетия начиная с Петра I, послужившего в этом отношении примером» (*Елеонский С.Ф. Н.В. Гоголь и традиции русской литературы XVIII — начала XIX в. // Учен. зап. МПИ. 1954. Т. XXXIV. Вып. 3. С. 61*).

С. 156. ...собрание песень Максимовичем и при нем голоса, переложенные Алябьевым. — «Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. Ч. I. Кн. I. Украинские *Думы*. Кн. II. Песни Козацкие *былевые*. Кн. III. Песни Козацкие *бытовые*» (М., 1834; ц. р. 23 марта 1834 г.) и «Голоса украинских песен», положенные на ноты А.А. Алябьевым, первая тетрадь которых вышла незадолго до того (см. письмо Гоголя к М.А. Максимовичу от 18 июля 1834 г.).

С. 156. *Реляция* — письменное сообщение о ходе военных действий.

С. 157. ...кружает ли вольно мед, вино... — Ср. в записанных Гоголем текстах: «Ой, из-за горы, та з за крутой, ой, из-за горы висти: / Та выступ па ляхи, а сорок тысяч, а гусарив двисти: / А козак Нечай, та не подумае, та не погадае, / Та з кумаею, та з Хмельницкою, мед вино кружае» (*Памяти Жуковского и Гоголя. С. 393*). Кружать — пить.

С. 157. ...описывается ли ужасная казнь гетмана ~ мнение ли козаков, вид ли убитого козака, с широко раскинутыми руками на траве... — «Указанные Гоголем мотивы и темы, действительно, широко отражены в украинских думах и песнях о старине. Так, песня “Ой, там на гори, тай жинцы жнут” (...) рисует нам поход казаков, дума о Морозенке повествует о страшной казни, которой подвергли народного героя враги. О смерти казака в широкой степи поется во многих украинских песнях; в частности эту

тему мы находим в известной думе «О трех братьях, бежавших из турецкой неволи»» (Державина О.А. Мотивы народного творчества в украинских повестях и рассказах Н.В. Гоголя // Учен. зап. МПИ. 1954. Т. XXXIV. Вып. 3. С. 19–20).

С. 158. *Да вжеж мині не ходыты ~ Дивоцкіе смишки!* — Ср.: «Та вже не ходыты яром за товаром, / Та вже не стояты з козаком Ивановом. / Та вжеж ні ходыты, куда я ходыла, / Та вжеж ні любиты, кого я любила. / Та не ходыты пишки по оришки, / Уже миняються дивоцкіе насьмишки» (Памяти Жуковского и Гоголя. С. 341).

С. 158. ...привожу одну из них в переводе. — В следующем ниже переводе Гоголь придерживается принципов, сформулированных в его письме к М.А. Максимовичу от 20 апреля 1834 г.: «Иногда нужно отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе. (...) Почти всегда сильное лаконическое место становится непонятным на русском, потому что оно не в духе русского языка; и тогда лучше десятью словами определить всю обширность его, нежели скрыть его. (...) В переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам, хотя последние чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я сам, который теперь рассуждаю об этом с таким хладнокровным беспристрастием, вряд ли бы уберёгся от того, чтобы не вклеить звонкое слово в русскую речь, в простодушной уверенности, что его и другие так же поймут. Помни, что твой перевод для русских, и потому все малороссийские обороты речи и конструкцию прочь!»

С. 159. *Рассердилсь, разгневалсь на мене мой милый!* ~ *Жди мене, пока не возвращуь из дальней дороги...* — Ср.: «Ой, куды ты, козаченько, отъїзжаешь, / Ой, ты мене молодую кому вручаешь? / Вручаю дивчиноньку Господу Богу, / А сам пиду, сам же понду, Днипром за водою. / Ой, килы ж тебе, козаченько, у гости ожидать? / Ожидай, дивчинонька, тоди у гости, / Як поросте зелена травця у тебе на погости» (Памяти Жуковского и Гоголя. С. 342).

С. 159. *Они не изумляются колоссальным созданиям вечного Творца ~ Они обращаются к Богу, как дети к отцу...* — Ср. сказанное у Вакенродера о трех родах музыкального обращения к Богу, два из которых называет здесь Гоголь (Вакенродер 1977. С. 167–168; см. коммент. к статье «Скульптура, живопись и музыка», с. 522–523).

С. 159. *Часто тоскующая дева умоляет Бога, чтобы Он засветил на небе восковую свечку, пока ее милый перебредет через реку Дунай.* — Ср.: «Ой, засвичу я ясную свичу, / Пущу ж ее аж до Бога, / Щоб моему миленькому, / Счастливая дорога. / Засвичу ж я ясную свичку, / Пущу ж ее по над ричку, / Щоб моему миленькому / Було видно на всю ничку»; также: «Ой, засвичу свичку, перебре ричку, / До милой хоть на одну ничку» (Памяти Жуковского и Гоголя. С. 255, 317).

С. 160. *Шли коровы из дубровы, а овечки с поля. / Выплакала кари очи, край милого стоя.* — Ср.: «Ишли коровы из дубровы, а овечки з поля. / Плаче, плаче дивчинонька, край козака стоя»; «Шли коровы з дубровы, а овечки з поля; / Ой, плакала дивчинонька, край козака стоя»; также: «Орав милый у царыни, теперь у толоци. / Выплакала кари очи за четьри ночи» (Памяти Жуковского и Гоголя. С. 276, 342, 304). Вариант

ЖМНП: «Ой ревнула корова из череды йдучи: / Наскучило миленького ждучи», вероятно, содержит ошибку в воспроизведении текста — ср.: «Наскучило дивчиноньки пшениченьки жаты, / Выплакала кари очи, чумаченьки ждучи» (*там же*, с. 285).

С. 161. ...под них можно плясать одного только гопака. — В *ЖМНП*: «гопака или трепака». Трепак (тропак) — народная русская пляска в быстром темпе с сильным притопыванием («с дробным топотом, мелкий перебор и топотня ногами», *Даль*. Т. 4. С. 428). Гопак — украинская народная пляска.

С. 161. ...бесприютное положение тогдашней Малороссии... — Ее историю Гоголь, вслед за М.А. Максимовичем, рассматривал как последовательную смену эпох иноплеменной власти (см. коммент. к статье «Взгляд на составление Малороссии»).

С. 161. *Русская заунывная музыка выражает, как справедливо заметил М. Максимович, забвение жизни...* — Цитируется предисловие к первому изданию собрания Максимовича: «...Русские песни отличаются глубокою унылостью, отчаянным забвением, каким-то раздольем и плавною протяженностью» (Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827. С. XII—XIV).

С. 162. ...в ту минуту, когда хищно ворвалась в нее Уния. — Имеется в виду Брестская уния 1596 г., принятая на церковном соборе в Бресте; согласно ей, православная церковь Украины и Белоруссии объединялась с католической под властью папы римского и признавала католические догматы при сохранении собственных обрядов и богослужения на родном языке (об условиях ее см.: *Бантыш-Каменский*. Ч. 1. Примеч. С. 11). Уния встретила упорное сопротивление и положила начало униатским войнам начала XVII в., в результате которых польские власти вынуждены были с 1633 г. разрешить легальное существование православной церкви.

МЫСЛИ О ГЕОГРАФИИ

Источники текста: *ЛГ*, *Ар*. (см. с. 491).

Автограф не известен. Впервые опубликовано: *ЛГ*. 1831. Т. 3. № 1. 1 января. С. 4—7. Датируется редакция *ЛГ* предположительно концом 1830 г., окончательная — концом декабря 1833 — началом января 1834 г. и не позднее начала ноября 1834 г. Печатается по *Ар*. Ч. 2. С. 121—140, со следующими исправлениями:

С. 167, строка 31: сгруппировать — вместо: огруппировать

Географией, как и историей и именно в связи с историей, Гоголь, кажется, увлекся в гимназии; воспоминания сестры говорят о его еще детском интересе к преподаванию этих предметов (*Р*. 1885. № 26. С. 5—9; см. с. 983). Замысел статьи о преподавании географии, вероятно, возник в связи с получением частных уроков в конце 1830 г. в результате знакомства с Жуковским и Плетневым и по их протекции (см.: *Манн 2004*. С. 207; по воспоминаниям его ученика, Гоголь вместо русского языка посвящал свои уроки естественной истории, географии и всеобщей истории: «На второй

урок он заговорил о географических делениях земного шара, о системах гор, рек и проч.», *Гоголь в восп.* С. 71; см. также коммент. к статье «О Средних веках»), а в перспективе и места преподавателя истории и географии в Патриотическом институте благородных девиц (в марте 1831 г.), «заявкой» на которое и стала, по-видимому, статья (см.: *Неизд. Гоголь.* С. 437). Были высказаны также предположения, что знакомство это, поскольку Жуковский был наставником наследника престола и, в частности, обдумывал проект ознакомительного путешествия его по России, а Плетнев преподавал ему и великим княжнам русскую словесность, могло возбудить у Гоголя и более далеко идущие как общественные, так и собственно карьерные интересы и надежды (см. там же, с. 13–14). Никаких документированных сведений о статье до момента ее опубликования не имеется; ее можно датировать только по времени первой публикации самым концом (декабром) 1830 г. (корректурный лист первого номера *ЛГ* поступил в цензуру 2 января 1831 г., и в тот же день было дано разрешение (билет) на выпуск его в свет; см.: *РГИА.* Ф. 772. Оп. 1. № 311. Л. 8; там же, л. 3). Статья называлась здесь «Несколько мыслей о преподавании детям Географии»; стоящая под текстом подпись «Г. Янов» была расшифрована впервые обратившим внимание на эту раннюю публикацию В.П. Гаевским как «Гоголь-Яновский»: «Это была первая подпись, сколько-нибудь приближающаяся к настоящей фамилии автора и разоблачающая его таинственность» (*Гаевский 1852.* С. 146). В конце текста *ЛГ* имелась помета: «Продолжение обещано», к которой было сделано редакционное примечание: «Просим читателей смотреть на предложенную здесь статью, как на одно только начало. Автору, который совершенно посвятил себя юным питомцам своим, более всего желательно знать о сем предмете мнения ученых наших Преподавателей. В последующих за сим мыслях читатели встретят, может быть, более нового, более относящегося к облегчению науки и приведению оной в ясность и понятность для детей»; по предположению Г.М. Фридендера, примечание «по всей вероятности, принадлежит О.М. Сомову, соредактору Дельвига по “Литературной газете”, который способствовал привлечению в нее Гоголя» (*Ак. Т. 8.* С. 761); однако само содержание примечания, стремление представить произведение как несовершенную попытку, на которую тем не менее автор желал бы получить отклики и оценки, необходимые ему для завершения полностью поглотившего его труда, настолько характерны для авторской манеры Гоголя, что заставляют с большой степенью уверенности предполагать здесь его собственную руку.

Продолжая преподавать географию, Гоголь связывал ее со своими историческими занятиями, по-видимому активизировавшимся после знакомства с М.П. Погодиным — его Гоголь заинтересовал при первой встрече в том числе и как преподаватель, среди учениц которого «нет ни одной неуспешей» (см. коммент. к статье «О Средних веках»). В письмах Погодину содержатся сведения о новом проекте Гоголя, который мог бы быть в какой-то мере продолжением и развитием статьи о географии, — это «всеобщая история и всеобщая география в трех, если не в двух томах, под названием *Земля и Люди*». Гоголь представляет ее адресату то как «чисто свое», то как записи учениц, которые он «приводил (...) в порядок, и (...) совершенно преобразивши, хотел (...) издать под именем *Земля и Люди*» и

уже «подготавливал к печати» — но, пишет Гоголь, «я не знаю отчего на меня нашла тоска... корректурный листок выпал из рук моих, и я остановил печатание» (письма к М.П. Погодину от 1 и 20 февраля 1833 г.). Это все, что известно о предполагавшемся труде, название которого, по мнению исследователей, выдает влияние книги К. Риттера «Землеведение в связи с природой и с историей человека, или Всеобщая сравнительная география» (см.: *Мат. и иссл.* 1936. Т. 1. С. 40) и план которого С.А. Венгеров нашел «весьма странным», а весь труд в целом — «одним только пышным замыслом», всецело относящимся «к области (...) “гиперболизма”» (Венгеров. Т. 2. С. 158).

В конце 1833 г. Гоголь начал писать статью «О преподавании всеобщей истории», в первом, журнальном варианте законченную в начале января 1834 г.; при этом он использовал текст «Нескольких мыслей о преподавании детям Географии» в качестве образца и даже источника, на основе которого, несколько изменяя его применительно к новой теме, он составлял для новой статьи целые словесные блоки, переносил в нее удачные формулировки, развивал некоторые затронутые темы и мысли. Работа эта до такой степени очевидна, что дает основания полагать, что, начиная ее, Гоголь не собирался больше вообще возвращаться к данному тексту статьи о географии, рассматривая его только как чисто технический подсобный материал, но по ходу изъятия оттуда фрагментов начал править остающиеся уже под влиянием содержания новой статьи, создавая таким образом, в своеобразном двунаправленном процессе, другую редакцию текста, вошедшую затем в *Ар.* Конечно, то, что определение задачи всеобщей истории в новой статье («Она должна собрать в одно все народы мира, (...) соединить их в одно стройное целое; из них составить одну величественную полную поэму») совпадает с дважды сказанным в варианте *ЛГ* о необходимости представить географический мир как «одно прекрасное целое», как общий «эскиз мира», и его части «должны составить одно целое, одну прекрасную поэму, в которой выразилась идея Великого Творца», само по себе не показательно, поскольку это любимая мысль Гоголя, многообразно укорененная в контексте эпохи. Но стоит обратить внимание на то, как, составляя из лежащего рядом материала (продолжение текста *ЛГ*: «В поэме этой (...) все должно быть живо, ярко») окончание фразы для редакции *Ар.* («чтобы мир составил одну яркую, живописную поэму»), он уводит из этой редакции наиболее значимые для него формулировки, а заодно и отдельные слова («эскиз мира» в приведенном выше фрагменте заменено на «очерк», зато слово «эскиз» многократно и последовательно используется в разделе VI статьи «О преподавании всеобщей истории», становясь здесь опорным: «представить слушателям эскиз всей истории человечества» и след.; см. с. 36, 41). Хотя сверхзадача в обеих статьях определяется аналогичным образом (о географии: показать «прекрасный мир, подаренный нам Непостижимым его Зодчим»; об истории: представить мир «в том же колоссальном величии, в каком он являлся, проникнутый теми же таинственными путями Промысла, которые так непостижимо на нем означались»), но в результате параллельной работы над этими двумя текстами центр тяжести переходит в новую статью, в историческую тематику, статья же о географии все более замыкается в сравнительно более узком круге проблем (это отчасти компенсирует-

ся введением новых фрагментов — например, о подземной географии, вероятно в связи с темой подземной архитектуры в статье «Об архитектуре...»). Поэтому фраза из текста ЛГ: «Протекшее должно быть слишком разительно, должно иметь сильное влияние на судьбу мира, чтобы заставить вызывать его», в варианте Ар. читается: «Протекшее должно быть слишком разительно и разве уже происходить из чисто географических причин...» — очень показательная для этого процесса правка, снимающая, между прочим, некоторую нерешенность взаимосвязи географического и исторического описания, которая присутствовала в варианте ЛГ и, по-видимому, перестала существовать для Гоголя ко времени работы над статьей «О преподавании всеобщей истории», где четко говорится: «География должна разгадать многое, без нее неизъяснимое в истории»; именно как следствие такой установки в эту статью уходит из варианта ЛГ важное для автора замечание о необходимости показать те отпечатки, которые принял характер народа «так сказать, от географических причин», поскольку такое познание «физиогномии каждого народа» объяснит потом воспитаннику, «отчего одному народу необходим такой именно, другому иной образ правления» (ср. в статье об истории: «Здесь-то они должны увидеть, как образуется правление; что его не люди совершенно устанавливают, но нечувствительно устанавливает и развивает самое положение земли; что формы его оттого священны и изменение их неминуемо должно навлечь несчастье на народ»). Из обзора частей света в варианте ЛГ в статью «О преподавании всеобщей истории» уходит и другая, не менее важная для Гоголя тема Священной истории (изымается упоминание о параллельном обзоре ознакомлении «с священными событиями Ветхого Завета, которые все совершались в Азии»); в то же время беглые характеристики частей света во второй редакции статьи о географии, в Ар. местами дополнены или изменены в соответствии с аналогичными, хотя и более развернутыми характеристиками в статье об истории (ср.: «первое место должна занимать Азия, как колыбель человечества» — текст ЛГ; «Во-первых, об Азии, этой обширной колыбели младенствующего человечества» — «О преподавании всеобщей истории»; «лучше следовать за постепенным развитием человека (...) начать с Азии, с его колыбели, с его младенчества» — текст Ар.). Очевиден взаимообмен между текстами и во фрагменте о слоге: сказанное в варианте ЛГ «Слог преподавателя должен быть увлекающий, живописный; все поразительные местоположения, великие явления природы должны быть окинуты огненными красками» в Ар. получает иное окончание: «должны быть окинуты яркими красками», изъятый же эпитет уходит в статью об истории, где говорится: «Слог профессора должен быть увлекательный, огненный», и далее: «Он должен в высочайшей степени овладеть вниманием слушателей. Если хоть один из них может предаться во время лекции посторонним мыслям, то вся вина падает на профессора: он не умел быть так занимателен, чтобы покорить своей воле даже мысли слушателей» — положение, также заимствованное из статьи о географии (ср.: «Леность и непонятливость воспитанника обращаются в вину педагога и суть только вывески его собственного нерадения; он не умел, он не хотел овладеть вниманием своих юных слушателей» — обе редакции) вместе с появляющимся еще ниже замечанием: «Чтобы делаться доступнее, он не должен быть скуп на сравнения» и след.

(см. с. 36); соответственно из статьи о географии изъят фрагмент: «Преподаватель должен быть обилён сравнениями, потому что первоначальный возраст более прочих возрастов жаждет примеров и подобий. В эти примеры, в эти уподобления должны входить предметы, сколько можно ближайšie к еще ограниченным его понятиям, и ни одною чертою, ни одним порывом не должны они вырываться из области детского мира» (текст ЛГ), компенсированный отчасти в Ар. фрагментом о систематике, развивающим замечание в статье об истории о связи явлений, которая «не есть (...) система, создающаяся в голове независимо от фактов и к которой после своевольно притягивают события мира». Возможно, в некоторой связи с фрагментом о сравнениях возникает у Гоголя и архитектурная аналогия, источник которой — то место в статье о географии (ЛГ), где говорится: «можно занять его архитектурой города, в каком вкусе он выстроен, колоссальны ли, прекрасны ли его строения»; эта случайная архитектурная тематика вызвала даже, может быть неосознанно, архитектурную ассоциацию («эскиз всей истории человечества» с обзором города с «возвышенности», с. 36), уже никак не связанную с реальным текстом, но выдающую, возможно, параллельную работу над статьей «Об архитектуре нынешнего времени». В свою очередь, в варианте Ар. при сохранении понравившейся Гоголю словесной формулы (здесь: «сильными и немногими чертами») меняется архитектурная тема, но также несомненно в связи со статьей об архитектуре: «При изображении каждого города непременно должно означить резко его местоположение (...) и вообще сильными и немногими чертами обозначить характер его»; изъятое при этом слово «резкие» появится еще раз в статье об истории в варьированной, но в основе прежней формуле: «нужно собрать не многие черты, но такие, которые бы высказывали много, черты самые оригинальные, самые резкие, какие только имел изображаемый народ» и в конце концов отзовется самопародией на педагогическую тему в «Невском проспекте», где герой «в немногих, но резких словах» дает заметить, что он «поручик, а не другой какой офицер», выдающей (особенно в черновике, см. с. 412), как можно предположить, недовольство Гоголя собой, по всей вероятности, именно в связи с продемонстрированным способом обращения со словом.

Статья была включена в первый план Ар. (февраль 1834 г.) уже под новым, окончательным названием ее — «Мысли о Географии», парным к другому, также появившемуся здесь впервые: «Мысли о Истории»; поскольку во втором случае речь должна была, по-видимому, идти о расширенном и дополненном варианте статьи «План преподавания всеобщей истории» (см. коммент. к ней), можно думать, что предполагалось параллельно этому изменить соответствующим образом и статью о географии. От подобной существенной переработки обеих статей Гоголь отказался, по-видимому, ко времени составления второго плана Ар. (не ранее августа 1834 г.), в котором, также параллельно, появляются названия «О [Плане] Преподавании Всеобщей Ист(ории)» и «О Преподавании Географии», причем из расширенного исторического замысла обособляются, очевидно, дополнительно названия-темы «Миллер, Шлецер и Гердер» и «Трактат о Правл(е)нии» (впоследствии «Ал-Мамун»), географический же замысел не дает дополнительно ничего, и Гоголь компенсирует это отсутствие не-

сколькими новыми фрагментами, но главным образом композиционной перекомпоновкой и переформулированием целых разделов статьи, действуя в этом случае совершенно иначе, чем при создании окончательных вариантов других произведений, вошедших в *Ар.* К этому этапу работы над статьей о географии относят отрывок текста, который Гоголь записал на обороте белого автографа начала статьи «Жизнь» (*ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. № 10*; см. коммент. к этой статье; впервые опубликовано, в несколько ином чтении — *Георгиевский. С. 113*): «Особенно нужно знакомить с теми места(ми), где является сила деятельности, которые человек привел из бесплодных в цветущие, как (это) произошло, с небольшой историей, как он это совершил, это оставляет добрые впечатл(ения) и постоян(ную) любовь к труду и земледелию, охоту бороться с препятствиями»; таким рассуждением в духе Гёте Гоголь мог бы дополнить статью, например, в том месте, где говорится: «История изредка должна только озарять воспоминаниями географический мир их ~ вызывать его» (см. с. 169). Можно предположить, что эта работа была выполнена автором непосредственно перед представлением рукописи в цензуру, т.е. осенью 1834 г., не позднее начала ноября; одну из усиленных при этой переработке формулировок (чтобы точка на карте «как бы раздвигалась» перед учеником, с. 165) отразило письмо Гоголя к М.П. Погодину от 14 декабря 1834 г.

В план предполагавшегося пятого тома собрания сочинений, которое Гоголь задумал в 1850 г. и начал осуществлять в 1851 — начале 1852 г., он вписывает снова парой те же названия: «2. Мысли о географии. 3. О преподавании Всеобщей истории (переделанное)» — и дополняет их новым заголовком-темой: «4. География России» (*Ак. Т. 8. С. 497*), показывающим, по-видимому, и то, в каком направлении он собирался, но не смог или не успел развить замысел статьи, готовя ее для *Ар.* Над этим более широким замыслом Гоголь работал всю жизнь и все-таки оставил его unrealizованным. Масштабы и смысл этого труда выяснились только впоследствии. В *Ар.* же Гоголь ставит под статьей дату «1829» — самую раннюю в сборнике, отодвигая таким образом эту работу в далекое прошлое. «Под нею выставлен 1829 г., — замечает В.П. Гаевский, — следовательно, она была написана скоро после выпуска Гоголя из Лицея и еще до вступления его на службу» (*Гаевский 1852. С. 147*); датировка эта и в настоящее время принимается некоторыми исследователями (см.: *Гоголь 1994. Т. 6. С. 489*), однако уже Н.С. Тихонравов обратил внимание на то, что, как видно из примечания в *ЛГ*, «эта статья “одно только начало”, что статья в январе 1831 г. считалась неоконченной», и пришел к выводу, «что даже первоначальная редакция этой статьи, помещенная без конца в “Литер. газете”, не могла быть написана в 1829 году» (*Тих. Т. 5. С. 603*); в приложениях к *Ар.* он поместил целиком раннюю редакцию статьи, полагая, что она «в такой значительной степени отличается от позднейшей», что подобное решение окажется «неизлишним» (*там же, с. 603—604*).

Статья при первой ее публикации осталась незамеченной современной Гоголю критикой, — было только одно исключение, но намного перевешивающее общее невнимание: Плетнев, впервые представляя Гоголя Пушкину в письме от 22 февраля 1831 г., назвал «Мысли о преподавании географии» в числе произведений «молодого писателя, который обещает что-то

очень хорошее» (*Пушкин*. Т. 14. С. 153). Опубликованная же в *Ар.* редакция подверглась осуждению в ряду «ученых» статей сборника вообще; о географии как предмете занятий Гоголя упоминалось лишь в качестве курьеза, для того чтобы показать, что «Автор пишет обо всем в свете» (*БдЧ*. 1835. Т. 9. Кн. 3. Март. Отд. 6. С. 10). Только к юбилейным торжествам 1909 г. критика признала в Гоголе «широкие задатки педагога», которые, в частности, особенно обнаруживала «маленькая заметка “О преподавании географии”» (*Ковалевский* 1909. С. 48); тогда же было дано истолкование гоголевских педагогических попыток в самом широком общественно-идеологическом плане — по мнению А.И. Попова, в молодости «Гоголь стремился учить современников географии и истории именно движимый тем же чувством любви к родине, которое так окрепло и развилось в нем в зрелом возрасте»: «Науки отвлеченные, как математика, правоведение и т.п., по самой природе своей — международны, космополитичны. (...) Не таковы география и история. (...) Познание данной страны необходимо ее населению, должно служить нервом, двигателем всей его жизни, и, напротив, — для населения соседней страны (...) будет только поучительным» (*Попов А.И.* Вклад Н.В. Гоголя в географическую науку. Одесса, 1909. С. 13; цит. по: *Неизд. Гоголь*. С. 15). В статье В. Романовского «Взгляд Гоголя на историю и географию» были впервые подробно рассмотрены научные и преимущественно педагогические воззрения Гоголя и им была дана высокая с точки зрения современной критику педагогической науки оценка. В. Романовский отметил, что «в своих исторических эскизах Гоголь довольно часто обращается к природе, прекрасно понимая то громадное значение, какое природные условия имеют в ходе исторического процесса», называя источники такого подхода, которые исследователь считает очевидными: Гоголь «жил в то время, когда “Космос” Гумбольдта был настольной книгой для каждого образованного человека и когда знаменитый Карл Риттер своими трудами положил начало современной науки сравнительного земледелия, сосредоточив внимание общества на вопросе о взаимодействии между человеком и природой» (*Романовский* 1909. С. 222). Переходя к более конкретному анализу, В. Романовский отмечает, что Гоголь не становится на сторону так называемого «родиноведения», когда изучение географии начинается с изучения окружающей ребенка среды, но предлагает собственную универсалистскую схему (сначала дается «великий очерк всего мира», потом подробности разглядываются «в микроскоп»), схему, как замечает В. Романовский, «во всяком случае более целесообразную, чем та, которая в его время господствовала, хотя и далеко не вполне соответствующую тем требованиям, которые современная педагогика предъявляет к преподаванию географии» (*там же*, с. 273). «Политическая география у Гоголя занимает второстепенное положение. На первом плане — мир как целое, со всем на нем живущим»; особенно интересуют его такие вопросы, как «состояние человеческой культуры в отдельных частях земного шара», моменты этнографические, преимущественно определяемые географическими причинами, и особенно «брачный союз человека с природой», по выражению Гоголя (*там же*, с. 273–274). Особенно обращает внимание В. Романовский на интерес Гоголя к «подземной географии» — к геологии и истории земли; на то, что как история, так и география для Гоголя — «поэма»,

«картина», «одно прекрасное целое»; на его «настойчивое требование применения принципа наглядности обучения», использования карт, барельефных изображений и других наглядных пособий, на идею «устранить из школьного преподавания географии учебник», к которой, по мнению исследователя, «нельзя отнестись иначе, как только с полным сочувствием. Возможность преподавания географии без учебника и теперь признается некоторыми педагогами» (*там же*, с. 276—277). В. Романовский указывает далее, однако, и на «значительную отсталость воззрений Гоголя» — он всего хотел достигнуть только живым словом учителя, и ему можно было бы попомнить слова Ж.Ж. Руссо: «Давайте предметы, предметы! нет возможности достаточное число раз повторить, что мы даем слишком много власти словам: при нашем болтливом воспитании мы создаем одних болтунов...» (*там же*, с. 278).

Юбилейными статьями 1909 г. географические изыскания Гоголя были переведены из ранга курьеза в разряд странной, но уважаемой причуды гения, продолжавшей тем не менее вызывать недоумение даже в середине XX в.: «Это единственный случай, и не только у нас, но и за границей, чтобы писатель такого масштаба брался за географическую тему» (*Иофа 1948*, С. 42). Между тем в том же юбилейном году Г.П. Георгиевским были опубликованы гоголевские автографы, позволившие переосмыслить это увлечение и прямо связать его с самыми существенными моментами творчества писателя. Это были четыре тетради с конспектом книги академика П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768—1773 гг.», сделанным, по-видимому, в 1849 г. (см.: *Ак. Т. 9. С. 277—414, 641—644*), тетрадь с травниками, составленными на основе этой книги, и другими географическими и этнографическими заметками (1849—1850), и еще одна тетрадь — с конспектом книги Н. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках» (СПб., 1834). Масштабы работы вызывали изумление — на основании изучения выписок Гоголя Г.П. Георгиевским был сделан вывод: «Не подлежит сомнению, что ему удалось собрать для себя все печатные труды по географии России» (*Георгиевский. С. 206*). «Эти тетради подтверждают, — писал в рецензии на публикацию Г.П. Георгиевского А.Г. Фомин, — что Гоголь действительно работал по географии России, что его сообщения об этом не были ложью, как некоторые считали, показывают, как серьезно Гоголь работал в этой области» (*Фомин 1910. С. 208*). Позднее стала очевидна также основательность и тщательность ее: конспектируя, Гоголь перерабатывал текст композиционно и стилистически (см. *Ак. Т. 9. С. 643*). «Конспект представляет собой продуманную и талантливую “генерализацию” огромного труда Палласа. В нем Гоголь отобрал главнейшие города, а маршрутные описания пытался превратить в характеристики местности (...) тщательно выписывал все, что было у Палласа яркого, зрительно воспринимаемого и т.д.» (*Иофа 1948. С. 39*). «По-видимому, Гоголь задался поистине грандиозной целью конспектировать все то ценное, что имелось по этнографии России, и пред нами начало какого-то исполинского фундамента», — говорится в статье С.А. Венгерова «Гоголь-ученый» (*Венгеров. Т. 2. С. 162*); о предполагавшейся же на нем постройке Гоголь писал в июле 1850 г., продолжая работу над «Мертвыми душами»: «Нам нужно живое, а не мертвое

изображенье России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он еще отдается во власть гувернеров-инострanceв, но когда все его способности свежее, чем когда-либо потом, а воображенье чутко и удерживает навеки все, что ни поражает его»; такая книга, продолжает он, «зреет вместе с нынешним моим трудом и, может быть, в одно время с ним будет готова» (Ак. Т. 14. С. 280). Таким образом, предполагалась параллельно «Мертвым душам» всеобъемлющая география России, составляющая вместе с ними впечатляющее научно-художественное единство, слабым подобием которого Гоголь мог видеть уже Ар. с их сочетанием «ученых» и «баллетристических» произведений. «Не знай мы грандиозных планов Гоголя относительно составления книги, которая вмещала бы в себе решительно все сведения о России, мы были бы крайне поражены предметом географических занятий Гоголя», — пишет С.А. Венгеров; он приходит к выводу, что гоголевские проекты типа «Земля и люди», его «чересчур решительные предвозвещения огромных сочинений» были «фантазиями на реальной почве» и «потерпели фиаско (...) по одной и той же причине: у Гоголя слишком широкие были затеи» (Венгеров. Т. 2. С. 162, 159). О том же свидетельствует и статья «Мысли о географии»: «Эти “мысли”, правда, чрезмерно богаты чувством, и лиризм их кое-где просто переходит в довольно дешевую реторику. Но в общем представления Гоголя о географии, в изучение которой “должны ниспослать дань и естественная история, и физика, и статистика”, настолько всеобъемлющи, что ни к каким практическим результатам географические работы его и привести не могли» (там же, с. 159). «В смысле каких-либо результатов географические труды Гоголя самые бесплодные в ряду его научных работ», — признает С.А. Венгеров; однако он полагает, что «ни в какой другой области научных занятий Гоголя не сказала так ярко жилка кабинетного ученого», «та характеристичная черта всякого научного деятеля по призванию», которую можно назвать бенедиктинством, понимая под ним «любовь или вернее страсть к научному труду как таковому, почти независимо от результатов» (там же, с. 163). «Пусть он и неудачный историк, и еще более неудачный географ, но интерес и призвание к науке имели глубочайшие корни в его духовном существе, — заключает С.А. Венгеров. — И даже в самом художественном творчестве своем разве не был Гоголь настоящим бенедиктинцем по той тщательности, с которой — к ужасу позднейших редакторов его сочинений — он многократно переделывал и детали плана, и всякую фразу и даже каждое слово? Ни один из прозаиков русских не работал так упорно и интенсивно над рукописями своими. Муки творчества терзали Гоголя — безусловно самого одаренного из мастеров русской прозы — больше кого бы то ни было другого, именно благодаря желанию его всесторонне все сказать, все обнять, все осветить» (там же, с. 164).

В дальнейшей критике подъем или спад интереса к «Мыслям о географии» можно, кажется, поставить в зависимость от степени интереса и внимания к замыслу второго тома «Мертвых душ», через который эти научные или педагогические рассуждения писателя оказывались причастны наиболее глубинным пластам его творческой личности. В статье отмечалось «много свежего и не потерявшего цены и в наше время — мысли о наглядности,

о преподавании не по книге, а по картам, рисункам и схематическим чертежам, о расположении курса по концентрам, внимание к вопросам самих учеников» (*Гиппиус* 1924. С. 60); признано, что Гоголь «чисто интуитивно высказал ряд идей, значительно опередивших его время» (*Семенов-Тян-Шанский*. С. 19; позднее В.П. Семенов-Тян-Шанский дал подробный разбор статьи о географии на страницах «Известий Всесоюзного Географического общества». 1939. № 6). П.Г. Паламарчук обратил внимание на то, что «в 1938 году В.П. Семенов-Тян-Шанский, как бы выполняя завет гоголевских “Арабесок”, написал книгу для чтения по общегеографическим вопросам под названием “Географические арабески”, представляющую собой популярную сводку материалов первого тома “Большого Советского Атласа Мира”» (*Паламарчук* 1990. С. 418). А.Н. Степанов связал замысел статьи с впечатлениями от первой поездки Гоголя за границу летом 1829 г.; отметив в статье ряд совпадений с письмами Гоголя матери, касающимися этой поездки, исследователь предположил, «что Гоголь начал работать над статьей в конце 1829 г. и окончательно завершил ее, вероятно, осенью 1830 г.» (*Степанов* (2). С. 9). Ю.В. Манн в своем комментарии к статье напомнил, что если первоначально интерес к географии у Гоголя был неотделим от его исторических занятий («обе дисциплины — и история и география — в представлении писателя должны были слиться в единую универсальную науку о человеческом обществе»), то позднее географические и этнографические штудии оказались тесно связаны «с творческими планами Гоголя — прежде всего с его работой над “Мертвыми душами”» (*Манн* 1978. С. 505); как преддверие этих последующих занятий рассматривается статья в комментарии П.Г. Паламарчука (см.: *Паламарчук* 1990. С. 417–418). М. Вайскопф, напомнив гоголевские попытки осознать и определить этапы исторической жизни человечества и степень развития его в каждой из частей света через сопоставление с возрастами и соответственно этапами развития отдельного человека в статьях «О Средних веках», «О преподавании всеобщей истории» и в «Мыслях о географии» и все их вместе признав равно банальными, видит в них соединенными «просветительскую тему постепенного “взросления” человечества и гердеровский принцип его органической эволюции с оптимистически-эволюционистским католическим (и не только католическим) провиденциализмом», проведенным непосредственно, так что «юношеская» статья «Мысли о географии», «возносящая хвалу прекрасной земле Создателя» (*Вайскопф* 1993. С. 187–188, 191), остается лишь одним из полюсов, между которыми движется авторская мысль; и именно на этот несовершенный опыт М. Вайскопф замыкает затем свой анализ «Мертвых душ», цитируя гоголевское обращение к России: «Равно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города», — и заключая: «Перед нами плоскостная картина — икона — или даже карта России, своей графической стороной (“точки-значки”) сближающаяся со страницей литературного текста, оживленного гоголевскими заклинаниями; страница и карта, заговорившая в поэме, как в юношеских “Мыслях о географии”, где Гоголь мечтает о том, чтобы “непонятные изображения” и “дивные иероглифы, коими покрыт мир наш”, сложились в “одну яркую, живописную поэму” (в письмах 1850 года он снова вернется к этой идее)» (*там же*, с. 409). Близким образом опреде-

ляется центральная мысль статьи в комментарии к ней В.А. Воропаева и И.А. Виноградова, в противопоставлении ее современным Гоголю учебникам, которые «отличались чрезмерной перегруженностью сведениями номенклатурного характера, краткостью или полным отсутствием физико-географических описаний», из-за чего «внимание учеников сосредоточивалось на бессистемном вызубривании географических названий». «Интерес же к географии самого Гоголя — это прежде всего его восхищение делом рук Творца. (...) Главный пафос, одушевлявший Гоголя при написании “Мыслей о географии”, заключается именно в том, чтобы преподаватель за частностями не утратил этого основополагающего взгляда на мир, но стремился вместе с учениками постичь “дивные иероглифы, коими покрыт” он. (...) Поскольку пути Промысла отражаются равно и в истории, и в географии, преподавание их должно быть, по Гоголю, тесно связано друг с другом» (*Гоголь 1994*. Т. 6. С. 489). Ю.В. Манн, касаясь «Мыслей о географии», отмечает, что умонастроение, отразившееся в этой статье, «вытекало из господствующего духа времени»: «Познать мир — значит ощутить его цельность и универсальность; потом уже можно двигаться к частностям и подробностям. Именно так рекомендовал он построить курс географии» (*Манн 2004*. С. 208); при этом как раз самым младшим адресовал Гоголь «“весь эскиз мира”, выходя при этом и за рамки географии в естественную и всеобщую историю», а «дифференциацию и уточнение знаний» оставлял на следующие «классы». «Получалось, что младший возраст мудрее старшего, так как прямее ведет к цели, к ощущению “идеи великого Творца”. Замечательно, что создаваемую наукой постройку, отражающую эту “идею”, Гоголь именует “поэмой” — так же как пушкинского “Бориса Годунова”. “Поэма” обозначает высшую степень совершенства, то есть как бы боговдохновенность произведения и искусства, и научной мысли». Обращая внимание на то, «сколько большую роль отводит Гоголь внешней форме, требуя от нее ясности и определенности», Ю.В. Манн заключает: «В глубинах гоголевского сознания наглядность соединяется с просветительством. Он верит — хочет верить — в неуклонное развитие просвещения, чей ход поддается чуть ли не плакатному запечатлению (...) посредством мысли и слова можно овладеть истиной, а значит, и преодолеть хаотичность и неустроенность мира, подобно тому как можно гуманизировать эротизм и любовное чувство. Для Гоголя начала 30-х годов это был единый процесс и одна духовная задача; при этом точку опоры для противодействующей тенденции он ищет в самой красоте и в самой науке» (*Манн 2004*. С. 208–209).

В качестве основных источников статьи называют книги К. Риттера и А. Гумбольдта; следует упомянуть также Гердера, знакомство с которым уже в этой ранней статье (и в написанном тогда же отрывке детской книги по географии, см. с. 984) почти не вызывает сомнения; возможны также отголоски работ французских историков. Перечень учебников и некоторых научных изданий, которые знал и которыми мог пользоваться Гоголь, приведен в кн.: *Неизд. Гоголь*. С. 446–448.

С. 163. ...люди и искусство... — Слово «искусство» употреблено здесь в докарамзинском его значении: знание, умение, ремесло и в более общем

смысле, в противопоставлении природе, всякое дело рук человеческих (см.: Даль. Т. 2. С. 52).

С. 163. ...показывают им ~ безжизненный, сухой скелет ~ дают ~ грызть политическое тело... — Связь этих образов с сюжетом повести «Страшная месть», по-видимому, свидетельствует о близкой по времени работе над поздней редакцией статьи, где это место появляется впервые, и над вторым изданием «Вечеров...». Отмечено, что «в статье Гоголь точно охарактеризовал состояние школьной географии в России в 1820-х годах. В это время наибольшее распространение в гимназиях получили учебники Е.Ф. Зябловского и К.И. Арсеньева — последователей школы камеральной статистики, делавшей основной упор на изучении государства (...). Уроки в школах стали в это время трудными и скучными; внимание учеников сосредоточивалось на бессистемном вы зубривании географических названий из этих “магазинов для справок”» (Гоголь 1994. Т. 6. С. 489).

С. 163. ...великий Гумбольдт... — Александр Гумбольдт (1769–1859) — немецкий географ, путешественник, естествоиспытатель; автор 30-томного «Путешествия в равноденственные области Нового Света», иностранный почетный член Петербургской академии наук. Высказывалось предположение, что «одним из поводов к написанию статьи послужило Гоголю прибытие немецкого ученого в апреле 1829 г. в Петербург. По приглашению русского правительства А. Гумбольдт совершил тогда путешествие на Урал, Алтай, в юго-западную часть Сибири, посетил побережье Каспийского моря. Путешествие широко освещалось периодической печатью; интерес к визиту европейской знаменитости не утихал и после отъезда Гумбольдта из России в декабре 1829 г.» (Гоголь 1994. Т. 6. С. 491; см. также: Неизд. Гоголь. С. 12–13; о путешествии Гумбольдта: Есаков В.А. Александр Гумбольдт в России. М., 1960). Еще до этого Гоголь мог читать в МВ (1827. Ч. 4. С. 103–125; Ч. 6. С. 372) извлечение из записок А. Гумбольдта об Америке и сообщение о его физико-географических лекциях в Берлине. Имя А. Гумбольдта было одним из культовых в кругу ЛГ; он не просто ученый — он представитель и один из символов европейской образованности, европеизма в том широком культурологическом и типологическом значении, в котором это понятие культивировал Вяземский и в котором им охотно пользовался Пушкин.

С. 163. ...дивные иероглифы, коими покрыт мир наш... — Ср.: «Именуемое нами природой — лишь поэма, скрытая под оболочкой чудесной тайнописи» (Шеллинг Ф.В.И. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936. С. 393).

С. 164. ...самому начальному классу достается Европа ~ высшие классы блуждают по степям и пескам африканским... — Эту ошибку Гоголь попытался исправить в «Отрывке детской книги по географии».

С. 164. Это народ, созданный для монархического правления и утративший его в буре политических потрясений. — Тема Французской революции неявно стоит за написанным Гоголем в это время, возникая не вполне мотивированно, например, также в главах «Страшного кабана»; одним из вероятных объяснений этому может быть увлечение Гоголя работами новых французских историков.

С. 165. ...лучше следовать за постепенным развитием человека ~ начать с Азии, с его колыбели, с его младенчества... — Об Азии как месте, «где воспитывались народы и где закладывалась их первая культура», см., например: Гердер 1977. С. 30.

С. 165. ...перейти в Африку, в его пламенное и вместе грубое юношество... — Гердер отмечает «грубую, здоровую силу» как самую общую характеристику представителей африканских народов, тип которых складывался, когда и «все стихии отличались еще своей первоизданной грубой силой» (там же, с. 159, 156).

С. 165. ...обратиться к Европе ~ и зрелости ума. — Ср. в статье «О преподавании всеобщей истории» (с. 43).

С. 165. ...в Америку, где ~ встретился он с первообразным и чувственным... — Речь идет о встрече-столкновении европейских колонистов с американскими аборигенами, находившимися на ранней ступени развития, характеризующейся полной зависимостью человека от природы; слова «первобытный» и «чувственный» Гоголь употребляет фактически как синонимы в статье «О преподавании всеобщей истории», говоря об Африке, «где природа (...) возвращала его в первобытное состояние, в жизнь чувственную».

С. 165. ...и окончить разрозненными по необозримому океану островами. — Гердер, обращая внимание на то, что в Австралии (тогда — Новой Голландии) «нет первосотворенных горных цепей, а Филиппинские, Молуккские и другие рассеянные в океане острова — вулканического происхождения», полагал, что «природа предназначила эти обширные пространства для того, чтобы они служили бездною морскою»; кораллы за тысячелетия создавали «маленькие островочки — вроде точек на поверхности океана; но на большее сил этих южных окраин недостает» (Гердер 1977. С. 32); отдельная глава его книги посвящена органическому строению людей на островах теплых морей. Гоголь в статье «О преподавании всеобщей истории» упоминает «острова Восточного океана» в связи с темой колонизаторской деятельности и торговли Голландии.

С. 166. ...где бедуин ~ мчится по пустыне... — Бедуины — кочевники-скотоводы; ср. в лекции Гоголя «Первобытная жизнь арабов...» о том, что обитатели Аравии «были двух родов: жители городов в Иемене и вообще в южной Аравии, называемые хадрами, и пустынные, бродящие: бедви, или бедуины» (Ак. Т. 9. С. 138—139).

С. 166. ...Риттерево барельефное изображение Европы, хотя оно не совсем еще удобно для детей, по причине неясного отделения света от теней. — Речь идет о карте рельефа Европы из книги: Карты, представляющие: I. Главные хребты гор в Европе, их связь и мысы; II. Высоту гор в Европе...; III. Распространение диких деревьев и кустов по Европе... (...) VI. Величину, народочисление, населенность и распространение народных племен по Европе. С объяснением. Соч. Карла Риттера, Профессора Географии в Берлинском Университете / Пер. с нем. М., 1828, переведенной и изданной М.П. Погодиным (см.: Гоголь 1994. Т. 6. С. 491). Здесь была «представлена поверхность Европы барельефом: низкие места означены темным цветом, который, по мере возвышения их в разные стороны, светлеет и на самых высоких местах превращается в белый» (МВ. 1828. Ч. 12.

С. 100). «Неудобство помянутой карты Риттера обусловлено тем, что при изображении рельефа горы, освещенные сверху, оставлены белыми, так же как и моря, поэтому наиболее ярко бросаются в глаза выпуклости рельефа» (*Гоголь 1994*. Т. 6. С. 491). Гоголь упомянул об этой книге также в рецензии на «Исторические афоризмы» Погодина (1836) в перечне изданных им сочинений. Карл Риттер (1779–1859) — немецкий географ, иностранный почетный член Петербургской академии наук, автор «Землеведения в связи с природой и с историей человека или всеобщей сравнительной географии» (1817–1818), под влиянием которого, по мнению исследователей, возник гоголевский проект «всеобщей истории и всеобщей географии» «Земля и люди» (см.: *Мат. и иссл. 1936*. Т. 1. С. 40).

С. 166. *...горы сообщили форму всей земле...* — Цитируется книга К. Риттера «Карты, представляющие...», на первой странице которой говорится: «Главные горы со своими отраслями и ветвями во время переворотов древнего мира противостояли напору моря и сообщили странам их форму» (*Гоголь 1994*. Т. 6. С. 492); еще до выхода в свет перевода М.П. Погодин опубликовал этот отрывок из него в *МВ* (1827. Ч. 2. С. 147–165; см. также с. 237–251 — о горах европейских). Ср. также перевод из Гердера, где говорилось: «Планета наша... есть цепь гор...» (*МВ*. 1827. Ч. 4. С. 47–63).

С. 166. *...познание их ~ начало всей географии ~ должно показать вид их, форму, состав, образование ~ высоту, до которой подымался человек.* — Сравнительные таблицы высот гор (соч. Перро) были опубликованы в *МВ* (1827. Ч. 5. С. 78–79). Ср.: «Было бы прекрасно иметь карту гор или, вернее, атлас, на котором отмечены были бы самые разные относящиеся к этим столпам и основаниям Земли сведения, важные для истории человеческого рода на Земле (...) если свести все подобного рода наблюдения, рассыпанные по статьям и описаниям путешественников, сколь прекрасная и поучительная физическая география, доступная всеобщему обозрению, окажется в руках историка и естествоиспытателя!» (*Гердер 1977*. С. 35–36).

С. 166. *Не мешало бы коснуться слегка подземной географии ~ нет предмета более поэтического...* — М.П. Погодин числил освоение подземного мира среди достижений последнего времени: современный человек, говорит он, «с Кювье и Стеффенсоном проникает во внутренняя земли и читает минеральные ее летописи яснее письменных» (*Погодин 1836*. С. 115). О «подземных» темах у Гоголя см.: *Манн 2004*. С. 209–210; *Гоголь 1994*. Т. 6. С. 489–491. Тема подземного мира как тающего первоосновы и дающего разгадки тайн творения (ср. «О Средних веках», с. 14) привлекала внимание многих авторов, от Гердера и Новалиса до новейших историков; так, Э. Кине (см. о нем в коммент. к статье «Жизнь») говорит о своего рода геологической поэзии. «Дух миров медленно отмечал эпохи своей истории в геологической формации земного шара. Один за другим, века строили в скале свою вечную могилу; они, не погибая, погружались в сон на своих ложах из гранита, порфира, мрамора и глины»; затем, в результате деятельности первобытного человечества, которое, еще оставаясь силой природы, строит свои памятники, как бобры свои жилища или мура-

выи — муравейники, «глыба порфира, отмечающая неведомую эпоху вселенной, принимает характер и образ эпохи человеческого рода»; таким образом «неподвижная поэма гор становится наследственной поэмой, растущей вместе с народами», превращается в архитектуру — «молчаливую эпопею человечества» (Резов 1956. С. 395).

С. 166. *Тут ~ душа сильнее чувствует великие дела Творца.* — В X книге «Идей...» Гердер, цитируя повествование о сотворении земли в Книге Бытия, приходит к выводу, что оно исчерпывающе описывает новейшие научные представления об этом: «вот и все, что мы знаем, больше мы не знаем ничего» (Гердер 1977. С. 274).

С. 166—167. *Тут дышат вечные огни и от взрыва их изменяется поверхность земли.* — Гердер говорит о первичности в творении не солнечного, а подземного огня, тепло которого «сообщилось всем сотворенным порождениям и до сих пор продолжает творить внутри их существа» (Гердер 1977. С. 278—279, см. также с. 274—275).

С. 167. *Процесс и расселение растительной силы по земле должно показать на карте лестницею градусов...* — В гоголевской «Книге всякой всячины...» имеется выписка «Распространение диких деревьев и кустов в Европе (Из Риттера)» (см.: Ак. Т. 9. С. 654); установлено, что она представляет собой конспект третьего раздела (с. 25—29) книги Риттера «Карты, представляющие...» (см. выше); в пояснениях к картам Риттер описывает пределы распространения и возделывания диких и культурных растений, указывая северную границу в градусах широты (см.: Гоголь 1994. Т. 6. С. 491—492). Ср. о необходимости «ботанической географии»: Гердер 1977. С. 42—45.

С. 167. *Но почва требует другого разделения земли по полосам, из которых каждая должна заключать в себе особенный вид ее.* — Большая выписка о видах почв средней полосы России приведена Гоголем в оставшейся неопубликованной рецензии на книгу М.А. Байкова «Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 годах» (СПб., 1836); заметки о характере почв делались им также в более поздние годы, очевидно, для работы над вторым томом «Мертвых душ» (см.: Ак. Т. 8. С. 206—208; Т. 9. С. 434—438).

С. 167. *Произведения искусства...* — Проф. В.П. Семенов-Тянь-Шанский поясняет в этом месте: «читай индустрии» (Семенов-Тянь-Шанский. С. 20). В таком значении употребляется это слово в «Отрывке из II части Шлецера Введения в историю», опубликованного М.П. Погодиным: «И так под нынешним человеческим образованием должно разуметь собрание всех искусств, коими обладают жители Европы. (...) Каждое искусство в младенчестве мира было грубо. — Каждое искусство Гении подвигали посредством изобретений и улучшений. Таким образом произошла длинная цепь, коей все кольца желал бы я узнать порознь, например от коры или кожи, которую подвязал себе под подошву какой-нибудь дикарь на каменистой почве, до дамского башмачка, который выходит из рук башмачного артиста в Лондоне, Париже, Москве. Другими словами, я желал бы читать полную Историю известных искусств, с показанием всех средних членов и ступеней, чрез кои они переходили» (МВ. 1830. Ч. 2. С. 43—44).

С. 167. *...отчего, например, тевтонское племя ~ перейдя Альпы, на-*

против, принимает всю игривость характера легкого. — Тевтонское племя — германцы, производившие свой род от бога Тевта (см. «О движении народов в конце V века»). Гердер говорит об изменении характера древних германцев при продвижении их из центра материка на побережье Италии, Испании, Франции, к датским и британским островам в тринадцатой книге своего труда, полагая, что живущие близ моря народы вообще обнаруживают «такую мягкость и приятность нравов, каких напрасно будем искать у народов глубинных земель» (Гердер 1977. С. 351); седьмая и восьмая книги «Идей...» целиком посвящены вопросу о влиянии климата и определяемых им жизненных условий на душевный строй и телесное сложение человека, на его рассудок, воображение, чувства и представление о счастье.

С. 168. *Места, где просвещение достигло высочайшей степени, означать светом и бросать легкие тени, где оно ниже.* — О карте просвещения, где различные области обозначены темным и светлым цветом, говорится в извлечении «Нечто о Париже (Отрывок из письма Дюпеня к Редактору Journal des Debats)» (МВ. 1827. Ч. 6. С. 347–350).

С. 168 *...по мере того, как природа дичает и человек оканчивается бездушным эскимосом.* — Описывая различия между народами по мере удаления их к северу, Гердер говорит, что под воздействием сдавливающего тела холода и противостоящей ему изнутри «жизненной силы» сложение и лицо северного человека сделалось непропорционально: «Скулы заняли почти все лицо, а рот от этого стал маленьким и круглым (...) в глазах не видно души. (...) Здесь (...) восседает на самом высоком своем троне жестокая необходимость, так что человек живет почти как медведь. И все же он остается человеком, и даже в кажущихся совсем не человеческими чертах, если рассмотреть их повнимательнее, становится зримой человечность. Природа хотела испытать, вынесет ли род человеческий подобные тягости, и человек выдержал испытание» (Гердер 1977. С. 141–143).

С. 168. *...подымается ли он на горе, опрокинут ли вниз...* — О значении этого разделения для способа застройки города говорится в статье «Об архитектуре нынешнего времени».

С. 168. *Пусть не меряет своим масштабом, составившимся в его понятиях при виде Петербурга, — других городов Европы.* — Ср. в письме Гоголя матери от 13 августа н.с. 1829 г. из Любека: «...по Петербургу никак нельзя судить о столицах Европы».

С. 168. *Но Кремля...* — Кажется, Гоголь еще не видел московского Кремля, когда писал первую редакцию статьи, но, по всей вероятности, знал очерк Батюшкова «Прогулка по Москве» (конец 1811 — начало 1812), с картиной допожарной Москвы, описанием Кремля и вида из него на город; некоторые места в «Прогулке по Москве» заставляют вспомнить фрагменты гоголевских повестей. Очерк был напечатан только в 1869 г., однако рукописные тетради Батюшкова имелись, в частности, у Жуковского (см.: Батюшков 1887. С. XIV–XV) и могли быть известны Гоголю.

С. 168. *...Ватикана...* — Имеется в виду собор Св. Петра в Риме.

С. 168. *Пале-Рояль (франц. «королевский дворец»)* — дворец в Париже напротив Лувра; здание с таким названием было выстроено в XVII в. и связано с именами кардинала Ришелье, Людовика XIII, его жены Анны Австрийской и сына Людовика XIV; затем принадлежало герцогу Филип-

пу Орлеанскому и его потомкам; многократно перестраивалось, так что к началу XIX в. остатки первоначальной постройки были полностью уничтожены; в гоголевские времена представлял собой поражающий воображение торгово-развлекательный комплекс. Гоголь мог прочитать о нем статью «Палероаль (Отрывок из путешествия по Франции)» за подписью «Я. Сабуров» (МВ. 1830. Ч. 3. № 9. С. 66–71), где говорилось: «...Пале-Роаль сердце Парижа. Он один составляет характеристическую черту Парижа, отличающую сей новый Вавилон от всех прочих столиц Европы; Пале-Роаль — есть произведение Французского характера, который стремится привести все идеи к одному началу, собрать все способы в одну точку, и, всегда не довольный настоящим, старается все улучшить и усовершенствовать. Пале-роаль может также служить доказательством (...) обдуманной любви и привязанности к житейскому, положительному, существенному, одним словом к деньгам, которых Палероаль есть великолепный храм. Там оне царствуют и повелевают уму, страстям, искусству, величию с депотической властью. (...) Он построен Кардиналом, подарен Королю, от которого поступил в дом Орлеанский; сделался всеобщим базаром Европы, храмом промышленности и домом разврата. (...) Его знают коротко все иностранцы; иные на опыте, другие понаслышке; некоторые нарочно для него ездят в Париж. (...) вероятно, каждый из жителей Парижа непременно, по крайней мере раз в день, за делом, а чаще без дела, побывает в Пале-Роале» (там же, с. 66–68). Ср. сюжет о человеке, сумевшем прожить жизнь и узнать весь мир, не выходя из Пале-Рояля (Пале-Роаль или похождения Г-на Перрона. Сказка. Соч. Сегюра // МТ. 1827. Ч. 15. С. 138–174).

С. 168. ...*Киевопечерской лавры...* — Вероятно, Гоголь имеет в виду Великую колокольню Киево-Печерской лавры в Киеве, построенную в 1731–1745 гг. «По высоте (96,5 м) она превосходила все колокольни России того времени, в том числе Ивана Великого в Москве (81 м)» (Неизд. Гоголь. С. 499).

С. 168. ...*Кинг-Бенча...* — Ср. правильное написание в тексте ЛГ: Кингс-Бенч — королевская скамья (англ.) — так называется отделение верховного суда в Великобритании. В данном же случае имеется в виду, очевидно, долговая тюрьма в Лондоне, о которой Гоголь мог прочитать в МВ (1827. Ч. 1. № 3. С. 233–237), что она «походит на республику и в своем роде столь необыкновенна, что заслуживает гораздо подробнейшего описания, нежели какое имели доныне от путешественников»: «В самой лучшей и опрятной части города высокая стена окружает большое пространство, на котором находите множество домов и несколько улиц, сады всякого рода, лавки, кофейные дома и проч. Нигде не увидите там решеток, замков, цепей, желез, больших собак — обыкновенных спутников Англинского тюремщика» (там же, с. 233); дальше описываются порядки в тюрьме.

С. 168–169. ...*старинная, повитая столетиями ~ архитектура и ~ архитектура другого города, созданного одним столетием.* — Возможно, здесь неявное сравнение Петербурга, здания которого «все относятся ко времени самому новейшему» (письмо Гоголя матери от 13 августа н.с. 1829 г.) с Москвой, где «на всяком шагу мы встречаем памятники веков протекших» (Батюшков 1978. С. 379).

С. 169. *При мысли о каком-нибудь германском городке ~ представить себе тесные улицы, небольшие, узенькие и высокие домики...* — А.Н. Степанов (см. выше) обратил внимание на сходство этого места с тем, как в письме матери от 13 августа н.с. 1829 г. Гоголь описывает немецкий город Любек: «Домы здесь небольшие, но чрезвычайно высоки — вышина тем еще разительнее, что они так узки, что на переднем фасаде имеется не более, как четыре окна в ряд на целой стене; но все по большей части этажей в пять, шесть, иногда и того более». По всей вероятности, именно эта картина осталась у него в памяти как типичная — с ней связано и поэтическое представление и потребность запечатлеть его («Пишу к вам ночью, — окно у меня отворено, луна светит, и город кажется очарованным, — продолжает Гоголь. — Вот вам вид улицы из моего окна, который наскоро набросал я на бумагу»; далее следует рисунок, и под ним написано: «Таковы дома в Любеке: все дома сплочены тесно один к другому и не разделяются ни в одном месте забором»).

С. 169. *...так просто, так мило, так буколически...* — Буколический (от греч. «пастушеский») — здесь: идиллический.

С. 169. *При мысли о Риме ~ мысль о зданиях-исполинах...* — Ср. в повести «Рим»: «...громадно воздымается он (...) необъятным Колизеем, триумфальными арками, останками необозримых цезарских дворцов...».

С. 169. *...география сливается ~ с историей.* — О месте географии при изучении истории Гоголь писал в статье «О преподавании всеобщей истории».

С. 169—170. *Слог преподавателя ~ должен более подходить к слогу путешественника. ~ Богатый для сего запас заключается в описаниях путешественников...* — Гоголь увлекался путешествиями всю жизнь, начиная с гимназических лет (см. его письмо Павлу П. Косяровскому от 3 октября 1827 г.) и до времени работы над последними, неосуществленными его замыслами (о его конспектировании книги П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768—1773 гг.» см.: Ак. Т. 9. С. 277—414, 641—644). «Намерение положить в основу своего труда путешествия, а не (...) статистические обзоры или описания из вторых рук, говорит о подлинном географическом чутье и высокой научной квалификации Гоголя» (Иофа 1948. С. 39).

С. 170. *Мне часто случалось быть свидетелем, как ребенок, признанный за неспособного ни к чему, обиженного природою, — слушал с неразвлекаемым вниманием страшную сказку...* — Известно, что Гоголь был некоторое время учителем и, как пишет В.А. Соллогуб, «домашним дядькою умалишенного ребенка», нанятым, чтобы «развивать, хотя не сколько, мутную понятливость бедного страдальца, показывая ему картинки и беседа с ним целый день» (Соллогуб 1988. С. 575, 550).

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ

Источники текста: *ЧА Пмп, Ар.* (см. с. 490—491).

Впервые опубликовано: *Ар.* Ч. 2. С. 143—158. Датируется *ЧА* не ранее 15 августа 1834 г., окончательный вариант — сентябрем—октябрем 1834 г. Печатается по тексту *Ар.* со следующими изменениями:

С. 172, строка 6: сильнее всего достигнуто — вместо: сильнее достигнуто (по ЧА Пмп)

С. 173, строка 4: которым обыкновенно приписывают — вместо: которым обыкновенное приписывают

Название «Картина Брюллова» появляется только во втором плане *Ар.* В записной книге с материалами для *Ар.* статья занимает л. 101 об.—104, непосредственно за черновиком «Жизни» и вставками к нему, причем начало одной из вставок («Гляди, как выпукло и прекрасно все в природе...») отражает, по-видимому, синхронные размышления Гоголя об изображении природы у современных художников, высказанные в статье о картине Брюллова. Судя по почерку и по расположению текста, Гоголь начал работу над статьей на л. 101 об., с заметным спуском, крупным четким почерком записав первую и вторую неоконченную фразы рукописи («Картина Брюллова одно из ярких явлений 19 века. Она светлое Воскресение живописи...») и обозначив многоточием незавершенность. Затем он перевернул страницу и, оставив чистым л. 102, перешел на л. 102 об., где с таким же спуском и тем же крупным почерком стал писать текст со слов «Я не стану изъяснять содержания картины», продолжая его с верха л. 103 более яркими чернилами, но тем же крупным и четким почерком, по ходу работы сделав небольшую вставку в нижней части листа в развитие написанного только что на нем же текста, и завершил статью на л. 103 об., поставив под ней тем же почерком дату «1834. Август(а)». Видимо, лишь после этого он возвращается к оставленному началу статьи на л. 101 об., причем, возможно, в какой-то момент перейдя на середину следующего, чистого пока л. 102, работает параллельно над фрагментом, начинающимся со слов «Картина Брюллова может назваться полным, всемирным созданием. В ней все заключилось (...)»; крупный размерный почерк в обоих фрагментах постепенно становится мельче; и совсем мелким, уже неразборчивым почерком Гоголь дописывает этот текст, содержащий описание картины, в верхней части следующего л. 102 об., скашивая строки и стараясь уложиться в промежутке до начала записанного здесь ранее. Это описание перерабатывается в дополнительной вставке на л. 104, дающей варианты, уже близкие к окончательному тексту (в этой вставке строки «От этого на них всех разлилась необыкновенная яркость. Вся картина облечена фосфорическим светом. Для поэта его картина — могущественная красота. Фигуры он кинул дерзко такою рукою, как мечет только могущественный гений» частично подчеркнуты и обведены пером, очевидно, чтобы выделить их мысль для более тщательной ее разработки). На обороте последнего листа (л. 104 об.) Гоголь начинает писать «Записки сумасшедшего». Положение рукописи в записной книге, таким образом, лишь приблизительно указывает на возможное время написания (предположительно август—сентябрь 1834 г.), поэтому при его определении следует основываться на авторской дате — август 1834 г., уточнив ее по времени показа картины Брюллова, выставленной для обозрения в Эрмитаже между 12 и 17 августа (см. *Ак.* Т. 8. С. 762), и указанием в тексте статьи о том, что автор смотрел картину не ранее того, как она была открыта для публики, «вместе с толпою», и написал статью, уже увидев ее «в третий, в четвертый раз» (см.: *Тих.* Т. 5. С. 604—605), т.е., по-видимому,

не ранее 15 августа 1834 г. В окончательном варианте текст подвергся значительной стилистической обработке, что предполагает наличие авторской белой рукописи (не известна); эта работа должна быть отнесена к периоду сентября—октября 1834 г., перед сдачей *Ар.* в печать. Заглавие «Последний день Помпеи. (Картина Брюллова)» появляется только над текстом; на шмуцтителе и в оглавлении второй части статья названа «О картине Брюллова»; под текстом дата «1834. Августа».

В оглавлении предполагаемого тома V своих сочинений (1850—1852), в котором Гоголь намеревался объединить и перемешать избранные статьи из двух книг — *Ар.* и «Выбранных мест из переписки с друзьями», под № 11 записано заглавие «Брюллов» — и здесь же под следующим № 12: «Истор(ический) живоп(исец) Иванов» (Ак. Т. 8. С. 497). Это говорит о том, что статья о «Последнем дне Помпеи» оставалась актуальной для автора и в последние годы жизни и связывалась с последующим развитием его идей о русской живописи, получившим отражение в статье 1846 г. об А. Иванове, вошедшей в «Выбранные места...» (по контрасту надо отметить отсутствие в оглавлении статьи «Несколько слов о Пушкине», идея которой была пересмотрена в новой концепции Пушкина в 40-е годы, и, очевидно, статья *Ар.* того же 1834 г. уже в представлениях автора не соединялась со статьей 1846 г. «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» — см. коммент. к статье «Несколько слов о Пушкине» в наст. томе).

Картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи» была задумана в 1828 г. после посещения художником раскопок Помпей в июле 1827 г. Работа была начата на большом холсте в 1830 г. и закончена в римской мастерской художника в середине 1833 г. Заказчиком работы был молодой богач-меценат А.Н. Демидов, наследник известных уральских горнозаводчиков, живший в Италии. В 1832 г., в последние месяцы жизни, мастерскую Брюллова посетил больной Вальтер Скотт, о чем рассказывал сам художник: «Вот у меня был посетитель — это Вальтер Скотт; просидел целое утро перед картиной; весь смысл, всю подноготную понял» (Леонтьева 1985. С. 52). По преданию, также идущему от художника, Вальтер Скотт сказал о еще находившемся в работе полотне: «Это не картина, это целая поэма» (Брюллов в письмах. С. 195); в другой редакции фразы он назвал ее «не картиною, но Эпопеею» (БдЧ. 1834. Т. 1. Кн. 1. Январь. Отд. 3. С. 129). Выставленная в Риме в студии живописца, а затем в Милане, картина стала художественной сенсацией в Италии и даже снискала автору репутацию «Микель-Анджело XIX века» (там же, с. 137). «Весь город стекался дивиться ей...» (письмо Н.М. Рожалина С.П. Шевыреву из Рима 25 августа 1833 г., Брюллов в письмах. С. 88). В Париже в марте 1834 г. картина была выставлена в Салоне и расположена между полотнами Энгра и Делакруа; реакция французской романтической критики была гораздо более сдержанной, чем итальянской, тем не менее картина была удостоена главной премии выставки. После этого в июле 1834 г. Демидов на корабле привез из Парижа огромное полотно в Петербург и преподнес его в дар Николаю I; картина явилась в Россию без художника, прибывшего со славой («кому Эвропа рукоплескала» — как сообщал П.В. Нащокин Пушкину 10 января 1836 г. о торжественном приеме живописца в Москве, *Пуш-*

кин. Т. 16. С. 75) уже вслед за ней самолично на родину лишь в самом конце 1835 г. (тогда, в 1836 г., и состоялось его знакомство с Пушкиным и, вероятно, с Гоголем). «Санктпетербургские Ведомости» сообщали 12 августа 1834 г.: «Знаменитая картина г. Карла Брюллова “Последний день Помпеи” уже около двух недель привезена в С.-П.-бург и находится в Эрмитаже в той комнате, где покойный г. Дов рисовал портреты генералов. Говорят, что она будет в непродолжительном времени выставлена для публики» (№ 187. С. 729). В Эрмитаже, в Зимнем дворце, картина была открыта для обозрения около 15 августа; тогда ее и видели Пушкин и Гоголь. Экспозиция картины стала громким событием: «Ныне все занимаются участью Помпеи; все толкуют о происшествии, изображенном мастерскою кистию Брюлова», — писала СПч 18 августа (№ 185. С. 739), помещая здесь же, в переводе Я. Введенского, «Письма младшего Плиния к Тациту о бедствии Помпеи». У Пушкина впечатление отозвалось черновым стихотворным наброском «Везувий зев открыл...», Гоголь свою статью датировал тем же августом; принимая во внимание одновременность их впечатлений, можно предполагать осуждение картины Брюллова двумя писателями (о контактах Пушкина с Гоголем в августе 1834 см.: *Летопись 1999*. Т. 4. С. 225, 227).

Гоголь писал статью по свежему впечатлению; видимо, «в третий, в четвертый раз» он смотрел картину на протяжении, может быть, нескольких дней, и его восприятие, таким образом, отличалось повышенной интенсивностью и, очевидно, в неостывшей силе своей передавалось бумаге. Но при этом он был, вероятно, уже подготовлен к подобному восприятию еще до созерцания самой картины громкой молвой и особенно итальянскими отзывами о ней. Он мог знать две брошюры, вышедшие в Риме и Милане в 1833 г.: *L'ultimo giorno di Pompejo, quadro dipinto dal Sig. Cavaliere Carlo Bruloff. P. E. per Sig. Anatolio de' Demidoff, etc., descritto dal Cav. Visconti, socio ordinario et segretario perpetuo della Pontificia Accademia di Archeologia etc. etc. Roma, 1833*; *Le belle arti in Milano nell'anno 1833, relazione del Prof. Giuseppe del Chiappa. Milano, 1833*. Русские переводы фрагментов из этих брошюр с высказываниями о картине Брюллова итальянских знатоков искусства — римского археолога П. Висконти, миланских профессоров Джузеппе дель Кьяппа, Ф. Амброзоли и Ц. Кастельбарко — были собраны в компактную публикацию в *БдЧ* (1834. Т. 1. Кн. 1. Январь. Отд. 3. С. 119–138, ц. р. 31 декабря 1833 г.), под титулом «Последний день Помпеи, картина Карла Брюллова» и с колонтитулом поверх страниц публикации: «Новый Микель-Анджело». Тон высказываний итальянцев соответствовал колонтитулу. Гоголь не только очевидно был знаком с этой публикацией, но и, по наблюдениям И.Н. Медведовой, мог на суждения итальянцев опираться в своей статье (*Медведова*. С. 106). Архитектурские наблюдения итальянцев о сочетании скульптурной пластичности как основного характера изображения фигур и групп с эффектами светотени в живописи Брюллова, в том числе замечания об эффекте молниеносного освещения, должны были быть Гоголю интересны и могли повлиять на его восприятие: «Самовластно владея светом и тению, он отторгает от полотна предметы и фигуры и выводит их вперед с удивительною выпуклостью (...) Здесь мечет он массаами света; там водворяет такой мрак, что невольно затрепещешь»

(БдЧ. 1834. Т. 1. Кн. 1. Январь. Отд. 3. С. 130—131); «Сверх того, молнии, непрерывно исчерчивающие тучи, легко могут образовать на некоторое время почти непрерывное освещение. Те, которые вздумали делать подобный упрек Брюллову, должны бы помнить, что говорит Плиний о *длинных* чертах *пламени*, которые, в ту гибельную ночь для Помпеи, прорезывали облака: они только уподоблялись молниям, но были *огромнее молний*» (там же, с. 132); «он сильно схватил умом нечаянно вспыхнувшую на небе молнию, со всем ее ужасом и великолепием, удержал, затвердил ее в своей душе и, разлив по полотну послушную кистью, представил глазам в изумительнейшем виде» (там же, с. 134—135). Известное влияние тона и даже отчасти словесного стиля этих характеристик на поэтику гоголевского описания картины заметно. «Гоголь воспользовался некоторыми замечаниями итальянцев именно как материалом искусствоведческих познаний, но возвел сказанное в некую присущую его стилю степень, которая находится уже за пределами критики или публицистики. Этот мир метафор чужд деловой речи» (Медведева. С. 108—109).

Статью «Последний день Помпеи» В.В. Гиппиус назвал «последней в цикле», имея в виду внутренний цикл статей на темы эстетики в составе *Ар.* (Гиппиус 1966. С. 87). В этом цикле статья последняя и хронологически, временем написания, и композиционно, расположением в плане книги. Ближе всего в составе цикла она соотносится — по-разному — со статьями «Скульптура, живопись и музыка» и «Несколько слов о Пушкине». С первой статьей, заглавной в книге, она прямо связана одной из ключевых фраз — о скульптуре, которая в картине Брюллова «перешла наконец в живопись и сверх того проникнулась какой-то тайной музыкой». Именно к этому завершающему синтетическому впечатлению относится уточнение Гоголя: «Когда я глядел в третий, в четвертый раз...», т.е. это открылось ему в итоге, на высшей ступени его созерцания; картина Брюллова предстала в таком описании явлением исключительным во всей художественной истории, объединяя в себе и словно бы повторяя весь ее путь, как он — в соответствии с традиционной романтической схемой — был изложен в статье «Скульптура, живопись и музыка». Исключительность явления передается гиперболическими эпитетами — «полное, всемирное создание», гений не только «могущественный», но и «всеобщий» — притом эпитеты эти сохраняют силу в сравнении не только с «полунетаргическим состоянием» живописи в конце XVIII и начале XIX в. (см. начало статьи), но и с являющимися в дальнейшем ходе ее именами Микеланджело и Рафаэля; имя Брюллова не только соизмеримо для Гоголя с этими величайшими именами, но картина Брюллова и в этом высшем сопоставлении является взору Гоголя как новое достижение живописи и даже как ее «высшая степень», притом таковым она ему является как явление *современное*, «одно из ярких явлений 19 века». «Нельзя не признать, что пророчество Гоголя насчет всемирного значения “Помпеи” не сбылось. И все же его статья должна быть признана образцом художественной критики и поставлена в один ряд с лучшими описаниями произведений изобразительного искусства у Дидро, Винкельмана и Гете», — заключает искусствовед XX в. (Алпатов М. Гоголь о Брюллове // *РЛ.* 1958. № 3. С. 134). В послегоголевской художественной критике новой, «передвижнической» эпохи, борющейся с академической тра-

дицией и вдохновлявшейся авторитетом В.В. Стасова, напротив, гоголевская оценка Брюллова была отрицательным свидетельством о Гоголе — критике искусства. «Гоголь вообще мало разумел в искусстве, не взирая на всю свою гениальность, и в 40-х годах понимал Иванова едва ли еще не менее того, чем в 30-х годах — Брюллова», — писал Стасов (*Стасов В.В. Собрание сочинений. СПб., 1894. Т. 2. Отд. 4. Стб. 98*). «Теперь трудно понять тот энтузиазм, с каким относились к картине Брюллова его современники и Гоголь, и странно было бы говорить о всемирном значении картины Брюллова или восхвалять Брюллова как всеобщего гения» (*Павлуцкий 1902. С. 318*). Цитируя Стасова, Павлуцкий продолжал: «Причина этого заключается прежде всего в том, что в статье о Брюллове Гоголь не сумел освободиться от взглядов своего времени и, как человек прогресса, пойти по пути новых идей, так что, когда удалось наконец повалить Брюллова, этого бога, колосса своего времени, дитя привитого нам академического итальянского искусства, то во мнении критики, разумеется, унизился и Гоголь» (*там же, с. 304—305*).

Энтузиазм, который трудно было понять в конце столетия, разделялся, однако, при явлении картины в России не только Гоголем (а в Европе не забудем о впечатлении Вальтера Скотта). «Последний день Помпеи» взволновал и вызвал на острое и обширное размышление и Пушкина (см. ниже) — и даже уже годы спустя и Герцена, записавшего в дневнике 22 сентября 1842 г.: «Высочайшее произведение русской живописи, разумеется, “Последний день Помпеи”. Странно, предмет ее переходит черту трагического, самая борьба невозможна. Дикая, необузданная *Naturgewalt*, с одной стороны, и безвыходно трагическая гибель всем предстоящим. Мало, изображение дополняет и видит ту же гибель за рамами картины. Что против этой силы сделает черноволосый Плиний, что христианин? Почему русского художника вдохновил именно этот предмет?» (*Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1954—1966. Т. 2. С. 229*). «За рамами картины», как он позднее еще раз высказался в одной из статей в «Колоколе» (1859), Герцен находил «вдохновение Петербурга», атмосферу николаевского царствования, политизируя, таким образом, в своем духе свое непосредственное впечатление, но самое это грозное впечатление, «переходящее черту трагического», сближалось с реакциями Пушкина и Гоголя (*там же, т. 18, с. 138*). Это было у всех троих *современное* впечатление: мысль картины, по Гоголю, «принадлежит совершенно вкусу нашего века» и «слишком касается жизни человека»; по этой причине («это слишком очевидно») Гоголь в статье уклонился от толкования «содержания» картины и отдался переживанию ее «стиля», заметив, что подобные замечания относительно стиля делают, вероятно, немного; современное содержание и современное впечатление от картины проступает сквозь поэтику гоголевского ее описания. В описании же этом сделан акцент на *пластику* в живописи Брюллова и именно через это — акцент на *мысль* картины, состоящую в художественной победе прекрасного человека над ужасом ситуации: «Его фигуры прекрасны при всем ужасе своего положения. Они заглушают его своею красотой». В.В. Гиппиус отметил, что в статье о Брюллове Гоголь переносит на его живопись признаки скульптуры из заглавной статьи *Ар.* и тем самым сдвигает общую схему (*Гиппиус 1924. С. 45*). По этой схеме, живопись «соединяет

чувственное с духовным», но с решительным преобладанием духовного; она исторгнулась «из границ чувственного мира», и «чувственность уже не так властвует» в ней (с. 10, 12). В статье о «Помпее» «чувственность» — важное слово; одна из нескольких ключевых, ударных фраз, передающая «мысль» художника: «Нам не разрушение, не смерть страшны (...) нам жалка наша милая чувственность, нам жалка прекрасная земля наша. Он постигнул во всей силе эту мысль». Словарь описания живописи Брюллова не вполне совпадает со словарем описания живописи как рода искусства в заглавной статье *Ар.*, но сближен со словарем описания в ней скульптуры. Наконец: живопись в первой, заглавной статье — христианское искусство, т.е. искусство христианской эры (с. 10). Под христианским знаком является в гоголевской статье и картина Брюллова — как «светлое воскресение живописи», сакральный момент на ее пути. Христианский тон открыто звучит здесь в единственном месте статьи и христианское слово воспринимается как метафора — но такая метафора, которая прообразует дальнейший путь Гоголя; она здесь прообразует уже не метафорическую, прямую и глубоко христианскую тему «Светлого Воскресения» в финале будущих «Выбранных мест...». В самом же описании картины христианское понимание смысла живописи Брюллова проступает неявно из глубины описания и даже, можно сказать по-гоголевски, «заглушается» доминирующим мотивом сохраненной живописью красоты гибнущего языческого мира (см. ниже).

Позднейшие критики академической школы с позиций новой реалистической живописи находили в картине Брюллова «умиротворяющий компромисс между классицизмом и романтизмом» и именно верховенство в ней пластического начала называли ее основной устаревшей особенностью: «Винкельман и Лессинг боролись против смешения изобразительных искусств с поэзией и, вместо этого, проповедовали смешение живописи и пластики, что было еще более опасно. Таким образом в живопись вторгся совершенно чуждый ей элемент — пластичность, которую Гоголь так хвалит в картине Брюллова» (*Павлуцкий 1902. С. 318; то же — Назаревский 1911. С. 81*). Сам Гоголь в статье «воскрешение» пластического принципа в живописи считает ее приобретением после даже и Рафаэля и Микеланджело. Историки искусства наших дней, комментируя Гоголя, читают в картине Брюллова отложившийся в ней «художественный сверхсюжет»: «Итак, идеал совершенства, окаменевший в скульптурных памятниках, претерпел метаморфозу, преобразился и воскрес в живописной форме (...) Отсюда следует, что гибельный сюжет *Помпеи* интерпретирует не трагический случай из истории, а другой, художественный сверхсюжет. В нем повествуется о том, как в искусстве идеал совершенства был схоронен, а значит, сохранен и спасен в камне, чтобы оказаться способным преодолеть, победить время и вновь возродиться в живописи, когда она, постигнув в скульптурных образах черты совершенной красоты, накопила собственные средства, чтобы оживить, вернуть этой красоте дыхание и трепет жизненности. Это был долг, который романтическое (согласно эстетическим построениям начала века) искусство живописи должно было возратить классическому (согласно тем же представлениям) искусству скульптуры, сумевшей преж-

де живописи уразуметь идеал совершенно прекрасного. Таково было общее умонастроение в диалоге “антизма с романтизмом”, таков был эстетический фон, на котором обрисовались контуры брюлловской картины» (Алленова, Алленов. С. 20—21).

Принадлежа эстетическому циклу статей *Ар.* как его заключительное звено, «Последний день Помпеи» тесно связан с историческими статьями книги. Он прежде всего связан с ними темой XIX века. Тема эта как историческая и вместе эстетическая оценка современности вообще — сквозная, ведущая тема всей гоголевской идеологии в статьях *Ар.*, см. в наст. томе отрывок «На бесчисленных тысячах могил», хронологически, видимо, предшествовавший у Гоголя всей работе над *Ар.* как таковыми, но в них не вошедший и оставшийся в авторской тетради как «автоэпиграф» (*Паламарчук 1990. С. 384*) к будущей книге; см. о двойственности характеристик XIX века с контрастными примерами из статей *Ар.* в коммент. к отрывку. Эстетически эта двойственность определяется антиномией понятий великого, полного, колоссального, цельного, энтузиастического — и раздробленного, мелкого, холодного, меркантильного, эгоистического. Сложность гоголевского взгляда на собственный век — в том, что весь второй ряд понятий именно к нему исключительно и относится и составляет его конкретную характеристику (см. «Об архитектуре нынешнего времени»), но он же здесь преодолевается надеждой и верой в возможности века. Картина Брюллова и выступает в книге как средоточие этих надежд и этой веры; тема XIX века в наибольшей мере в центре именно этой статьи *Ар.* (само по себе его цифровое обозначение 11 раз встречается в тексте статьи), и оценка его возможностей здесь наиболее оптимистична. Сама по себе преувеличенная оценка произведения Брюллова как «всемирного создания», столь удивлявшая позднейших читателей, может объясняться тем, что Гоголь на него перенес свою общую историко-философскую, «всемирную» мысль, избрал картину Брюллова для утверждения этой мысли — возможно, избрал ее по предварительной интуиции и гремевшей молве и поэтому был готов на месте к патетическому ее восприятию. Приуроченность к веку с высшей надеждой связаны сразу в двух первых фразах статьи: картина Брюллова — «одно из ярких явлений 19 века» и «светлое воскресение живописи». Картина ставится, таким образом, в заслугу веку как свидетельство о его великих возможностях. Здесь звучит известное разногласие с первой статьей *Ар.*, где наиболее современным искусством признается лишь музыка, оставшаяся нам, когда не только скульптура, но и живопись нас оставила (с. 12), и заключает статью тревожный мотив: «если и музыка нас оставит...» Картина Брюллова описывается в понятиях «полного», «колоссального», «всемирного», «исполнительного», преодолевающих основную у Гоголя же характеристику XIX века как предела всяческой раздробленности. Мало того: и самая эта раздробленность, в том числе распадение живописи на атомы и части, получает свое оправдание как разработка в частях, необходимая для нового целого, каким благодаря этой мелочной разработке, приготовленной для него XIX веком, явился Брюллов. Ср. в статье об архитектуре: «Разве мы не можем эту раздробленную мелочь искусства превратить в великое?» (с. 112). *Мелочь превратить в великое* — характернейшая фигура мысли Гоголя. Это описание отвечает творившемуся

Гоголем именно в *Ар.* мифу о XIX веке как *Фениксе*, восстающем из собственного пепла, в отрывке «На бесчисленных тысячах могил», и заключительной фразе отрывка: «Какую бездну опыта должен приобрести 19 век». На языке же христианском с веком-Фениксом дерзается «светлое воскресение живописи». В последующей, второй теоретической книге Гоголя — в «Выбранных местах...» — эта оптимистическая нота в переживании современности уступает более жесткой и монолитной оценке века, и «Одиссея, переводимая Жуковским», предстанет «сильным упреком» «нашему девятнадцатому веку» как таковому; в статье же «Светлое Воскресенье», где частотность упоминания «девятнадцатого века» и «человека девятнадцатого века» еще выше, чем в статье о «Помпее», эти упоминания всюду находятся в противопоставлении духовной идее Светлого Воскресенья: «один бы день только провести не в обычаях девятнадцатого века, но в обычаях вечного века...» (*Ак. Т. 8. С. 416*).

Вопрос о *гении* — главный в оценке века в статье о Брюллове. Вопрос о возможности «истинного художника» в изменившемся мире вставал для романтиков, им задавался в начале века Фридрих Шлегель: «Вероятно ли, что и сейчас, в наше время, вновь возникнет и возвысится истинный художник?» Такой вероятности как раз нет; но кто стал бы утверждать абсолютную невозможность этого?» (*Шлегель 1983. Т. 2. С. 256*). Выразительна логика этого размышления: возможность истинного художника мыслится вопреки «вероятности», т.е. некоторым объективным условиям «нашего времени»; она возможна как некое чудо. В России 1830-х годов, в условиях вытеснения поэзии прозой и начала расцвета коммерческой журналистики, смены Пушкинского периода «Смирдинским», по молодому Белинскому («Литературные мечтания», 1834), вопрос обсуждается тоже. Гоголевским *Ар.* синхронна идея «последнего поэта» в стихотворении Баратынского, открывшем № 1 *МН*, 1835, вместе (и составляя с ней идейный ансамбль) с программной, «оппозиционной», как назовет ее позже Гоголь (*Ак. Т. 8. С. 168*), т.е. оппозиционной «духу» и направлению века, статьей С.П. Шевырева «Словесность и торговля». Гоголь словно заранее отвечает на эту пессимистическую оценку современной ситуации набором эпитетов для брюлловского гения — «могущественный», «всеобщий», многосторонний и обширный, главное же — «всемирный». «Не помню, кто-то сказал, что в 19 веке невозможно появление гения всемирного...» — трудно сказать, кому именно отвечает здесь Гоголь, скорее всего он здесь отвечает на некое общее мнение «целой эпохи и века» (*Ак. Т. 8. С. 156*) как на мысль, отзывающуюся «каким-то малодушием», — но и прямо, хотя еще и не зная его, на создающееся синхронно стихотворение Баратынского: «Век шествует путем своим железным». Все дело в гении, в «безлюдии крупных гениев», — и вот такой гений чудесно явился из недр того же раздробления и того же века. Градус гоголевского оптимизма в литературной ситуации 30-х годов исключителен и опирается, очевидно, на гордое самосознание собственных сил и «предслышание», говоря его словом, собственной миссии; лирическая основа так же сильна в «Последнем дне Помпеи», как и в статье о Пушкине, и также в громком апофеозе художнику можно расслышать скрытое самоотожествление с ним. Замечательно, что через год после как *Ар.*, так и стихотворения «Последний поэт», Баратынский же вы-

ступил автором «экспромта» в честь Брюллова и его картины (впрочем, еще не видя ее, как ее не видела принимавшая живописца Москва; увидев ее в Петербурге четыре года спустя, поэт вынес о ней более сложное суждение; см. ниже); экспромт был «пропет» на приеме, организованном Брюлову в Москве 28 января 1836 г.: «Искусства мирные трофеи / Ты внес в отеческую сень, / И был последний день Помпеи / Для кисти русской первый день» (экспромт был напечатан без имени автора в статье о московском торжестве: Брюлов в Москве // *МН*. 1835. Ч. 4. Кн. 16 (ц. р. 26 января 1836 г.). Приложение, вышедшее позже отдельно, в марте 1836. С. 3–4; об авторстве Баратынского см.: *Медведева*. С. 121–122). Поэт приветствовал живописца своей мифологемой, очевидно родственной гоголевским образам как «светлого воскресения живописи», так и «феникса», относящимся как к картине Брюллова, так и к веку в целом. При этом игра со словами «последний» и «первый» была у Баратынского, очевидно, непредумышленным автоответом на собственного недавнего «Последнего поэта». Первая русская слава в мире, к которой вослед русской кисти должно выйти и русское слово, была главной мыслью московского торжества, журнальный отчет о котором прямо следовал приведенным здесь же строкам Баратынского: «...Но Москва поняла, что с именем Брюлова соединена первая слава нашего отечества в Европе, на поприще искусств. *Последний день Помпеи* не есть ли первая победа, одержанная нами в таком деле, в котором мы привыкли покорно и униженно склоняться перед другими народами? Не есть ли эта картина первый залог, первое ручательство в том, что и на прочих путях ума и фантазии мы со временем сравняемся с нашими западными соперниками и насильно вырвем у них венцы, которые до сих пор нам недоступны? (...) Что теперь совершилось в картине, то совершится и в науке и в слове! Давно крепкие сознанием силы физической, смотря на эту картину мы в первый раз на деле сознаем уже не одну крепость нравственных сил, но и свежее их превосходство перед другими народами. Кисть есть язык понятный всем народам и столетиям. Мы начали с этого общего языка: кончим и словом Русским» (*МН*. 1835. Ч. 4. Кн. 16. Октябрь. Приложение. С. 1–2).

Строка Баратынского соединяла как смерть с возрождением древний сюжет картины с отечественной современностью. Современность на первом плане и в гоголевской статье. В картине Брюллова заключена *современная мысль*, принадлежащая «совершенно вкусу нашего века» и переходящая в изложении Гоголя, как это вскрыто Ю.В. Манном, в структурное описание основной ситуации имеющего возникнуть в скором времени «Ревизора». «Гоголь решительно провозгласил “Последний день Помпеи” гжуче современным, как мы бы сказали — злободневным произведением». «Это слишком очевидно, слишком касается жизни человека...» — цитирует Ю.В. Манн, замечая: «Это жителей-то средней России, не знавших ни землетрясений, ни других геологических катаклизмов!» (*Манн* 1996. С. 169). Излагая мысль во вкусе века, Гоголь переводит Брюллова на свой язык. О гоголевской структурной формуле этой мысли — век, «чувствуя свое страшное раздробление, стремится совокуплять все явления в общие группы и выбирает сильные кризисы, чувствуемые целою массою» — исследователь замечает: «Это очень интимные строки». Перефразируя Пушкина, в 1836 г. еще раз вспомнившего картину Брюллова («Так Брюлов, усыпляя

нарочно свою творческую силу, с пламенным и благородным подобострастием списывал Афинскую школу Рафаэля. А между тем в голове его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по улице чудно освещенной Волканом», *Пушкин*. Т. 12. С. 372), можно сказать, что в голове Гоголя, созерцающего картину Брюллова, уже строится «Ревизор» с его последней сценой. В гоголевском описании картины главное — молния, что отвечает собственному рассказу художника: «Наконец, мне показалось, что свет от молнии на мостовой был слишком слаб. Я осветил камни около ног воина, и воин выскочил из картины. Тогда я осветил всю мостовую и увидел, что картина моя была окончена» (*Брюллов в письмах*. С. 81). «Но не так ли и Гоголь необыкновенно и дерзко произвел создание своей картины? Не так ли и он бросил на полотно идею “ревизора”, которая залила и потопила весь город?» (*Манн 1996*. С. 183). Описание «группы, остановившейся в минуту удара и выразившей тысячи разных чувств», предвещает заключительную немую сцену комедии и пояснения автора к ней: «все это должно представлять одну окаменевшую группу, (...) здесь оканчивается драма и сменяет ее онемевшая мимика (...) И в этом онемении разнообразия для него бездна. Испуг каждого из действующих лиц не похож один на другой...» (наст. изд., т. 4, с. 92). Страх порождает и скульптурную «онемевшую мимику» в картине Брюллова; итальянский критик (П. Висконти) описывает как «настоящую минуту картины» (по более позднему слову Гоголя о картине Иванова, *Ак*. Т. 8. С. 330) некоторый статический «промежуток», образовавшийся при ударе молнии, ставшей вторым источником ужаса на фоне уже идущего извержения и в то же время в картине вторым источником освещения: «Вдруг, посреди их бегства, раздается над ними грозный, оглушительный удар грома!... Они останавливаются и, пораженные ужасом, смотрят на небо, как бы страшась, чтобы оно не обрушилось на их головы. Прежний их страх подавляется новым и образует некоторый промежуток в их положении: эту минуту избрал г. Брюллов» (*БдЧ*. 1834. Т. 1. Кн. 1. Январь. Отд. 3. С. 121). Именно этот остановивший фигуры людей на бегу, в их бурном движении, «промежуток», момент эскалации ужаса порождает «парадоксальный эффект освещения: при сохранении красных сполохов вся сцена освещена холодным светом молний, отчего выбеленные этим светом тела приобретают сходство с беломраморной скульптурой. Соответственно, эта окаменевающая на глазах толпа разделена на замкнутые “статуарные” группы, выдвинутые на авансцену и ориентированные на зрителя» (*Аленова, Алленов*. С. 53). Немая сцена картины Брюллова в описании Гоголя — момент эсхатологический, состояние, «наконец знаменующее конец мира»; этот момент перейдет в немую сцену гоголевской комедии. «...Последняя сцена представляет последнюю сцену жизни...» — это позднейшее толкование в «Развязке Ревизора» (наст. изд., т. 4, с. 124) не может не напомнить толкование «Последнего дня Помпеи» за десять с лишним лет до того. Несомненно, Гоголь помнил из письма свидетеля события Плиния Младшего Корнелию Тациту: «...многие воздевали руки к богам; большинство объясняло, что нигде и никаких богов нет и для мира это последняя вечная ночь» (*Письма Плиния Младшего*. М., 1984. С. 109).

От «толкования и объяснения» картины Гоголь в статье отказался, но сформулировал ситуацию сильного кризиса, чувствуемого целую массу.

В то же время он отделил картину от «суровых созданий Микеля-Анжело», под которыми, несомненно, прежде всего разумеется «Страшный суд». При «ужасе всеобщего события» фигуры Брюллова «не вмещают в себе того дикого ужаса», каким дышат создания Микеланджело на сцене Страшного суда. Проецируя это сравнение на будущую немую сцену «Ревизора», можно сказать, что ее фигуры именно будут вмещать ужас своего положения, «вследствие великости наделанных каждым грехов» (наст. изд., т. 4. с. 93), и ситуация последнего суда, открыто приписанная комедии «Развязкой Ревизора», присутствует изначально в самой немой ее сцене. Однако на этом фоне грядущего «Ревизора», в обратной перспективе, гоголевский взгляд на картину Брюллова, вопреки ее сюжету, — гораздо более мягкий и светлый; но таков он и рядом с одновременной реакцией Пушкина.

Гоголевская и пушкинская реакции — это два существенно разные описания события картины, заключающие в себе ее имплицитное истолкование (хотя от такого Гоголь в статье и отказывался). Реакция пушкинская — реконструированные текстологами шесть строк: «Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя / Широко развилось как боевое знамя / Земля волнуется — с шатнувшихся колонн / Кумиры падают! Народ гонимый страхом / Под каменным дождем под воспаленным прахом / Толпами стар и млад бежит из града вон» (Пушкин. Т. 3. С. 946).

В сравнении с гоголевской пушкинская картина прежде всего — повышенно динамическая картина, в которой полностью отсутствует момент скульптурно-пластический, статически-эстетический «промежуток»; архитектурные и скульптурные реалии — шатнувшиеся колонны и падающие кумиры — присутствуют здесь в противоречащем их природе катастрофическом движении — в разрушении, таким образом, как самих реалий как таковых, так и утверждаемого ими эстетического качества. Слова «Кумиры падают!» отмечены в автографе стихотворения красноречивым восклицательным знаком; они тем самым поэтом выделены как центральный момент картины, что подтверждает и второе у Пушкина, уже прозаическое, описание события, оставшееся тоже в черновике, что может свидетельствовать о том, как засела «Помпея» в пушкинской памяти, о жгучей существенности и даже интимности впечатления (в черновике статьи о «Фракийских элегиях» В. Теплякова, Пушкин. Т. 12. С. 372; текст приводился выше), где этот момент повторяется, причем слова «кумиры падали» вначале отсутствовали, и «Пушкин их вписал, что подчеркивает, насколько ему была важна эта деталь» (Лотман Ю.М. Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи // Лотман. Т. 2. С. 446). «Деталь», имеющая значение ударного символа, знаменующего крушение античной цивилизации и ее кумиров и историческую смену ее христианской эрой; ср. тогда же у Пушкина в планах продолжения повести «Цезарь путешествовал...» (1835): «Рассуждения о падении человека — о падении богов — об общем безверии — о предрассудках Нерона — [Хр.] раб христианин» (Пушкин. Т. 8. С. 936). Рассуждения, к которым мог быть примером рассказ Плиния Тациту о том, с какими мыслями погибали в Помпее (см. выше). В статье Гоголя падающие в правом верхнем углу картины кумиры совсем не отмечены; в выполненном минимальными средствами поэтическом пушкинском образе события они составляют идейный его центр, тогда как в достаточно развернутом

гоголевском описании они вообще не замечены — различие выразительное. Вообще исторически-религиозный момент гибели античного именно мира как мира «ветхого» здесь у Гоголя не акцентирован; сказано глухо о «страшном явлении, наконец знаменующем конец мира», без уточнения — какого мира. В общей своей картине истории в *Ар.* Гоголь прекрасно видел этот момент — см. прежде всего «Жизнь», а также «О преподавании всеобщей истории» о древнем мире: «...в недрах его неприметно совершается великое событие: в ветхом мире зарождается новый! воплощается не узанный миром Божественный Спаситель его (...) Наконец на весь Древний мир непостижимо находит летаргический сон, та страшная неподвижность, то ужасное онемение жизни...» (с. 38). Этот момент религиозного противостояния идей в картине Брюллова прописан ее основной композиционной осью «по диагонали из правого верхнего угла в левый нижний»; согласно профессиональному искусствоведческому анализу, на который ссылается Ю.М. Лотман, естественное движение взгляда зрителя происходит по этой оси, и взгляд Пушкина этим путем и скользил по картине (*Лотман. Т. 2. С. 445*). Этой диагональной осью, составляющей «основную проблемную линию картины» (*Сурат И. Пушкин: Биография и лирика. М., 1999. С. 162*), связаны на полотне падающие кумиры в правом верхнем углу, фигура языческого жреца в его центре и христианского священника в левом нижнем углу. Описание Гоголя этой оси не следует: с нее у Гоголя есть только жрец, «с безнадежной яростью мечущий взгляд свой на весь мир» и упомянутый среди прочих фигур картины, два предела оси — кумиры и священник — отсутствуют. Между тем присутствие на полотне священника с открытым крестом на груди и атрибутами христианского богослужения в руках, в виде наглядной антитезы рушащемуся миру намеренно живописцем сюда введенный, было отмечено как итальянской, так и нашей критикой. В *БдЧ* Гоголь мог прочесть перевод из брошюры П. Висконти: «Этот старец, почтенной наружности, с седою бородою, приближающийся к их печальной группе, есть Христианский священнослужитель. Символ искупления, святой признак его сана, висит у него на груди. (...) С твердостью покоряется он таинственным законам Природы и один во всей толпе спокойно смотрит на это бушующее небо, ибо в утешительной его религии там, где пресекается надежда, начинается вера. Но посмотрите на этого языческого жреца, удачно выведенного на сцену, чтоб показать различие чувствований в одном и том же бедствии! Какой взгляд мечет он в небеса, где для него уже нет божества!.... Он не верит, и не надеется. В этих двух фигурах целые две Истории» (*БдЧ. 1834. Т. 1. Кн. 1. Январь. Отд. 3. С. 126*). И то же контрастное описание двух фигур Гоголь мог прочесть в статье В.В.В. (В.М. Строева) в *СПч*: «...языческий первосвященник, схватив в испуге языческую священную утварь, спешит за толпою. Его лице, походка, телодвижения, расстройство одежды — все выражает смятение, замешательство; он оставил, забыл богов; его вера потрясена: какая разительная противоположность с Христианином!» (1834. 17 августа. № 184. С. 736).

Если «Кумиры падают!» — кульминация пушкинской картины события, то у Гоголя на роль смысловой кульминации выдвигается фраза: «Нам не разрушение, не смерть страшны — напротив, в этой минуте есть

что-то поэтическое, стремящее вихрем душевное наслаждение; нам жалка наша милая чувственность, нам жалка прекрасная земля наша». Не разрушение и не смерть — не то, что Пушкину важно — и «страшно» — в картине события. Перенос акцента в этой ключевой фразе Гоголя заявлен открыто. Перенос акцента на смертную плоть события, на «милую чувственность», на «прекрасного человека», «блещущую», прекрасную женщину, на красоту, красоту земную, эстетически побеждающую ужас события. Фигуры Брюллова «заглушают его своею красотой». Религиозная тема картины Брюллова «заглушается» также отчасти ею. Этот смысл, заложенный в картине и воплощенный падающими кумирами, в описании Гоголя «заглушается» как неприсутствием кумиров (как и священника) во впечатлении, так и таким акцентом на гибнущую красоту, таким ее апофеозом, который делает ее «опорой» впечатления. Человек Брюллова не только внешне — он благородно-прекрасен, он «исполнен прекрасно-гордых движений»; это «физическая красота человека» как «внешнее выражение морального благородства»: «выбирая для картин красивых и сильных натурщиков, живописцы думали о его нравственном совершенстве» (Поспелов, Стернин. С. 71–72; речь идет об авторах больших академических исторических картин 1830-х годов — Брюллове, Ф. Бруни, А. Иванове); за исключением одного жреца, прочие взятые Гоголем для описания фигуры из группы взяты в благородный момент сопротивления беде и заботы друг о друге: дети, несущие старика, сын, отказывающийся покинуть бесильную мать. Красота прекрасного человека освящена в описании Гоголя, и в целом гоголевский идейный спектр периода *Ар.* широк и оптимистичен, и религиозное в нем еще легко соединяется с эстетическим, включает его в себя. Этому религиозно-эстетическому синтезу мысли автора *Ар.* очевидно противоречит направленность комментария к гоголевской статье в недавнем Собрании сочинений Гоголя в 9 томах, где Гоголю приписывается критическое отношение к «римокатолической живописи Брюллова»; подтверждением комментаторам служит дважды проведенное Гоголем в тексте статьи различие между Брюлловым и Рафаэлем: «Заметим, что Рафаэль избран здесь Гоголем не столько в качестве окончательного образца, сколько лишь как ближайший для сравнения более высокий тип — более понятный людям, не способным воспринять большего, — в этом характернейшая черта “снихождения” Гоголя к своему читателю, — сам же он прекрасно знает о действительном “образце” иконы — превосходящем всякое западное искусство византийском образе» (*Гоголь 1994*. Т. 2. С. 482; коммент. В.А. Воропаева и И.А. Виноградова). Построения комментаторов легко опровергаются текстом гоголевской статьи, где оба раза отличия кисти Брюллова от рафаэлевской поставлены Гоголем очевидно и в артистическую, и в историческую заслугу современному художнику и *утверждаются* как отсутствие у него рафаэлевской отвлеченной идеальности, в том числе утверждается и изображение земной женской красоты, прославляемой Гоголем в сильных словах вслед прославляемому художнику: «но она не женщина Рафаэля, с тонкими, незаметными, ангельскими чертами, — она женщина страстная, сверкающая...» и т.д. в дифирамбическом тоне. «Гоголь прямо противопоставляет картину К.П. Брюллова религиозной живописи и соотносит ее с языческой скульптурой» (*Гоголь 1994*. Т. 6.

С. 505). На самом деле собственную оценку «римокатолической» картины, «языческой скульптуры» и земной красоты комментаторы приписывают комментируемому Гоголю прямо вопреки очевидному смыслу текста гоголевской статьи.

В переживании красоты брюлловских фигур и групп Гоголь прошел мимо свойственных им черт академической искусственности: «В картине нет ни одного ушибленного, раненого, ни одного попросту запачканного лица. Даже лицо, грудь, руки упавшей с колесницы женщины девственно чисты, на них нет ни одного пятнышка грязи, пыли, пепла» (Леонтьева 1985. С. 54–57). Позже Гоголь сказал о картине А. Иванова, что это не «мертвая, академическая картина» (Ак. Т. 8. С. 330). Но картину Брюллова он до того восторженно принял со всеми ей присущими признаками классической академической картины. «Вспышка академизма в изобразительном русском искусстве 20–30-х годов» (Поспелов Г.Г. Русское искусство XIX века. М., 1997. С. 76) происходила на повороте художественных эпох, когда основное в искусстве еще начала столетия циклическое переживание времени сменялось вступающим в свои права необратимым временем историческим, а гармоническое чувство жизни чувством катастрофическим. Историк русского искусства сближает, выходя за границы своего предмета, помпейскую катастрофу на картине Брюллова с петербургским наводнением в «Медном всаднике» — там и здесь в двух разных искусствах синхронно, в тот же самый год, «возмущения природных стихий» становятся «выразительными метафорами исторических катаклизмов» (там же, с. 75). Вероятно, существенно в этой связи, что пушкинское катастрофическое впечатление от «Последнего дня Помпеи» уже принадлежало автору «Медного всадника». На пути же Гоголя вскоре будет переход от оптимистического взгляда на современность и гармонического переживания брюлловской картины в статье о ней к «Ревизору», переход, прообразованный в самой статье грозным мотивом сильных кризисов, чувствуемых массой. Переходное историческое состояние, продолжает историк искусства анализ причин «вспышки академизма», «вызвало тогда потребность опереться на устойчиво-гармоническую картину мира, выработанную искусством предшествующей эпохи. Само существование многовековой художественной традиции, опирающейся к тому же и на античность, казалось, подтверждало в глазах академических мастеров конечную нерушимость законов мира, открытых этой традицией, каким бы мир ни казался меняющимся и катастрофическим» (там же, с. 76). Вероятно, «идея устойчивости человеческого рода, какие бы катастрофы его ни преследовали, неизбежной прочности его моральных, а равно и физических или телесных основ» (там же) важна была Гоголю, созерцающему картину Брюллова, и запечатлелась его созерцанием прекрасного человека как главного в ней. Но начиная с Г.Г. Павлуцкого традиционно картину определяют как компромисс между классицизмом и романтизмом (см.: Леонтьева 1985. С. 54; Алленова, Алленов. С. 23). Романтизм с его новым чувством истории как стихии и образом мира как «волнующейся стихии» вторгся в академическую картину. В брюлловской «Помпее» сосуществуют «религия академизма», которая «опиралась на веру в человеческую верховность, унаследованную от античности и Возрождения», и «религия романтизма», опирающаяся «на не

меньшее увлечение верховенством стихий, торжествующих над величием человека». Это в картине «противоречие между видом совершенных людей и зрелищем их трагической гибели. Зрительская толпа (...) увлечена одновременно и красотой жертв катастрофы, и красотой самой катастрофы — впечатлением пламени, “падающих кумиров”, картинами борьбы или страха (...)» В отличие от толпы погибшего античного города, толпе, подходившей в залах Академии художеств к прославленной картине, решительно ничего не грозило, и пушкинское “упоение в бою” сменялось пиршеством глаз, щекочущей нервы картиной чужого отчаяния. Примешивался и оттенок восторга перед мастерством “машиниста сцены”, умеющего эффектно прокидывать статуи или озарять весь зал сполохами театрального света» (*Поспелов, Стернин. С. 73–74*).

Это противоречие впечатлений, заложенное в картине, будет разворачиваться пестрым спектром суждений о ней современников и потомков. В сознании самого живописца противоречие отзывалось борьбой влияний «итальянской» школы, наследницы мастеров Возрождения, и романтической школы «французской», представленной именами Жерико, Делакруа и их эпигонов; Брюллов хотел быть верен «итальянцам», но «французского» влияния избежать не мог (см.: *Медведева. С. 93–98*). В «Последнем дне Помпеи» катастрофическое уживается с гармоническим, и компромиссно одно умеряет другое; но эта двойственность художественного состава произведения давала возможность и столь существенно различного ее восприятия, какая сказалась в реакциях Гоголя и Пушкина. Выразительна на фоне гоголевской статьи реакция Баратынского; не видя картины, он произвел афоризм, созвучный гоголевской идее «светлого воскресения живописи»; знакомо же с ней уже несколько лет спустя дало впечатление, разительно отличающееся по нескольким пунктам сразу от гоголевского: «Все прежнее искусство бледнеет перед этим произведением; но одно искусство, а не сущность живописи. Колорит, перспектива, округлость тел, фигуры, выходящие как будто вон из полотна, все это выше всякого описания; но думаю, что изучающий Рафаэля, Михель Анджеля, Тициана найдет в них больше мысли, больше красоты. На лицах Брюлова однообразное выражение ужаса, и нет ни одной фигуры идеально прекрасной» (письмо из Петербурга жене в Москву от 12 февраля 1840 г., *Летопись жизни и творчества Е.А. Баратынского. М., 1998. С. 362*). Впечатлением результирующим здесь оказывается изменение в самой «сущности живописи», с отклонением и отходом художника от классической традиции старых мастеров, означенной ренессансными именами, в сторону романтической школы ужасов. Подобная оценка картины в дальнейшем станет преобладающей, и гоголевское гармоническое по преимуществу и в целом (хотя и включающее момент катастрофический) ее восприятие в статье *Ар.* останется более или менее изолированным в русской критике. Петербургский приятель Брюллова Н.В. Кукольник будет в 40-е годы писать о романтической школе: «Мало одной смерти, одного отравления, убийства, бури обыкновенной; надо было выводить на сцену тысячу смертей, землетрясения, извержения огнедышащих гор, явления бичей небесных, и живопись не могла не подчиниться современному вкусу. Поэзия Байрона, живопись К. Брюллова, музыка Бетховена заплатила дань требованиям века» (*Картины русской живописи, из-*

данные под редакцией Н.В. Кукольника. СПб., 1846. С. 78). Брюллов предстает здесь живописным аналогом бывшей в 30-е годы притчей во языцех в русской критике неистовой школы французской словесности, с ее «напряженными произведениями необузданной французской музыки», как будет рисовать ее портрет сам Гоголь в повести «Рим». Уже в середине века в суждениях И.С. Тургенева Брюллов предстанет как «марлинщина» в живописи: «Я объявил им наконец, что художество у нас начнется только тогда, когда Брюллов будет убит, как был убит Марлинский» (П.В. Анненкову, 1 (13) декабря 1857, *Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 279) — и эта характерная реакция Тургенева заденет и Гоголя как художественного критика: «Гоголь нисколько не понимал Иванова, хотя превозносил его “Явление Христа”; ведь тот же Гоголь приходил в восторг от “Последнего дня Помпеи”; а любить эти две картины в одно и то же время значит не понимать живописи» (*Тургенев. Соч.* Т. 11. С. 76).

С. 171. ...пейзажи, которые решительно в 19 веке определили влияние человека с окружающей природою... — Ср. у Шатобриана в «Гении христианства»: «Древние не замечали ни заходящего солнца, то озаряющего последними лучами лес, то осыпающего золотом морскую зыбь, ни игры света, каждое утро заново сотворяющей мир (...) обидно, созерцая необъятную морскую гладь, думать только о приключениях тритонов и nereид, между тем как морские просторы говорят нам о величии нашей души и рождают неясное желание проститься с жизнью, дабы раствориться в природе и слиться с ее Творцом» (*Шатобриан 1982*. С. 157, 159).

С. 172. ...гравюры ~ как будто оцвечены колоритом. — Ср. замечание Ф. Шлегеля о гравюрах Дюрера: «Здесь едва ли замечаешь отсутствие красок (...) и если индивидуальная неисчерпаемость духовного смысла и характера представляется вообще лишь достоянием и привилегией небесного духа цвета, а не телесных бесцветных линий, то здесь достигнуто как бы невозможное, как это дано только величайшим мастерам, — дойти до пределов искусства и его сферы и даже смело преступить их на мгновение, в неизменной уверенности вернуться назад» (*Шлегель 1983*. Т. 2. С. 249). В Петербурге Гоголь собирал «английские кипсеки с видами Греции, Индии, Персии и проч., той известной тонкой работы на стали, где главный эффект составляют необычайная обделка гравюры и резкие противоположности света с тенью» (*Анненков 1989*. С. 51); во время лекций он показывал студентам «маленькие гравюры на стали, изображавшие виды Палестины и других восточных стран» (*Гоголь в восп.* С. 540). Гравированная репродукция «Последнего дня Помпеи», подаренная, вероятно, Гоголем, сохранилась у его сестры в Васильевке (см.: *Чаговец В.А.* На родине Гоголя // *Памяти Гоголя*. Отд. 5. С. 36).

С. 172. ...эффект ~ от сражения света с тенью... — По Шеллингу, светотень «есть субстанция живописи, как таковой»; «это, собственно, магическая часть живописи»; в пейзаже «помимо предмета, т.е. тела, сам свет, как таковой, становится предметом (...) единство настроения вызывается в нас силой света и его чудесной борьбой с тенью и ночью во всеобщей природе» (*Шеллинг*. С. 245, 238, 249, 251).

С. 173. ...кто-то сказал, что в 19 веке невозможно появление гения всемирного, обнявшего бы в себе всю жизнь 19 века. — Появление его было обещано Шиллером, в статье которого «В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения» (1789) говорилось: «Все мыслящие умы объединены теперь всемирными узами, и гений нового Галилея или Эразма будет осиян светом всего их века» (Шиллер. Т. 4. С. 16).

С. 173. ...Видение Валтазара, Разрушение Ниневии и несколько других, где ~ представлены великие катастрофы... — «Пир Валтасара» (1820) и «Разрушение Ниневии» (1829) — картины английского художника Дж. Мартина (1789—1854), изображающие соответственно нечестивый пир последнего вавилонского царя в ночь взятия Вавилона персами (Дан 5, 1—31) и гибель за грехи древней столицы Ассирийского царства, разоренной завоевателями (Наум 1, 7—9, 14; 2, 10—12; 3, 1, 7—19).

С. 176. Я прежде видел ~ семейство Витгенштейна. — Групповой портрет детей графа Л.П. Витгенштейна с няней-итальянкой (1831): «Около ручейка только что искупавшиеся в нем дети и обувающаяся красавица нянька, словно олицетворение прекрасной итальянской природы — ранний прообраз сияющей красоты Аннунциаты» (Машковцев 1959. С. 46). Картина была показана на выставке Академии художеств 1833 г. (см. СПч. 1833. № 273, 274. 30 ноября и 1 декабря. С. 1091—1092, 1096).

С. 177. ...если только опера есть действительно соединение ~ живописи, поэзии и музыки. — По Шеллингу, «сочетание всех искусств, объединение поэзии и музыки в пении, поэзии и живописи — в танце в синтезированном виде составляет самое сложное явление театрального искусства. Такова драма античного мира, от которой нам досталась только карикатура. т.е. опера» (Шеллинг. С. 444). Гоголевское сравнение могло быть подсказано тем обстоятельством, что сюжет картины «был внушен художнику представлениями оперы Паччини “L'ultimo giorno di Pompei”, которая в то время производила фурор на сценах итальянских театров» (Павлуцкий 1902. С. 316).

ПЛЕННИК

Источники текста: КО КрБд, Ар. (см. с. 491, 492).

Автограф не известен. Впервые опубликовано: Ар. Ч. 2. С. 161—172. Датируется временем не ранее марта и не позднее августа 1834 г. Печатается по Ар. со следующими исправлениями:

С. 179, строки 8—9: вызубренный карниз, покрытый — вместо: вызубренный, покрытый (по КО КрБд)

С. 181, строка 14: Запах гнили — вместо: Запас гнили

Текст представляет собой сокращенный вариант запрещенного для публикации в БдЧ отрывка «Кровавый бандурист» (см. коммент. к нему). Датируется в таком виде временем не ранее марта и не позднее августа 1834 г. (см. ниже).

Гоголь предполагал включить отрывок «Кровавый бандурист» в Ар. и вписал это название в первый перечень произведений сборника, вероятно,

незадолго до запрещения публикации (не позднее 27 февраля 1834 г.), во втором перечне (конец августа 1834 г.) оно заменено названием «Отрывок из романа». По-видимому, к этому времени новая редакция, без последней части текста (немного более трети его), которая и вызвала возражения цензуры, определилась для автора, название же появилось позднее. Можно предположить, что при подготовке к печати и в корректуре Гоголь вовсе не читал текст «Пленника» или читал его очень бегло, и никакой дополнительной работы над ним, кажется, не было. Варианты к «Пленнику» представляют расхождения между текстом *Ар.* и журнальной корректурой (л. 5—8 об., без содержащейся в ней правки); они невелики и возникли как следствие двух разных наборов с одного оригинала, последующей корректорской правки и минимальных цензурных или автоцензурных исправлений. Поставленная в *Ар.* авторская дата «1830» изменена по сравнению со стоящей в корректуре «Кровавого бандуриста», по-видимому, чтобы объединить отрывок с «Главой из исторического романа», в примечании к которой оба произведения представлены как части сожженного романа «Гетьман» (см. коммент. к ней). В рецензии Булгарина на *Ар.* «Пленник» («помещенный во II части отрывок из Исторического Романа») отнесен наравне с повестями «Портрет» и «Невский проспект» к числу «созданий замечательных во многих отношениях», в которых дарование автора «обнаруживается с выгоднейшей стороны» (*СПч.* 1835. № 73. 1 апр. С. 289—290). Благоприятен был и отзыв Белинского (*Т.* 1835. Т. 26. № 8; см. в коммент. к «Главе из исторического романа»).

С. 178. *Лукомье* — город Лубенского уезда; на карте Боплана, составленной в начале XVII в., отмечен как местечко на реке Суле, выше впадения в нее реки Сухая Оржица (см.: *Бантыш-Каменский.* Ч. 3. Приложение).

С. 178. ...отрядом рейстровых коронных войск. — Имеются в виду украинские козацкие войска, служившие польскому правительству и внесенные в его реестр; были созданы в 1572 г. для усиления южных и восточных границ Польши. По другим данным, еще в начале XVI в. гетман Евстафий Ружинский «по изволению Короля Сигизмунда Первого, (...) учредил в Малороссии двадцать непременных Козацких полков», которые «наполняемы были выбранными из куреней и околиц Шляхетских молодыми Козаками, записанными в реестр военный до положенного на выслугу срока, и от того названы они реестровыми Козаками» (*История Русов.* С. 15—16). После принятия Брестской унии (см. коммент. к статье «О малороссийских песнях») и последовавших козацких волнений польские власти проводили политику подавления козачества. «Главное политическое намерение состояло в том, чтобы ослабить войска Малороссийские и разрушить их полки, состоящие из реестровых Козаков, в чем они и успели. Полки сии, претерпев в последнюю войну не малую убыль, не были дополнены другими; от скарбу и жилищ Козацких запрещено чинить всякое в полки вспоможение. Главные начальники воинские, перевернувшись в Поляков, сделали в полках великие вакансии. Дисциплина военная и весь порядок опущены, и Козаки реестровые стали нечто пресмыкающееся без пастырей и вождей. Самые курени Козацкие, бывшие ближе к границам Польским, (...)»

последуя знатной Шляхте своей, обратились в Поляков и их веру» (там же, с. 41–42).

С. 178. *...носившая на себе всю летопись страны, терпевшей кровавые жатвы.* — Ср. в статье «Взгляд на составление Малороссии» изображение Украины как «земли опустошений и набегов, (...) где сшибались три враждующие нации»; в отрывке «Несколько глав из неоконченной повести» Гоголь говорит, что там «древностей почти не было (...) вечные брани (...) обращали в руины все то, что успевало сделать трудолюбие и общезнательность».

С. 178–179. *Верх церкви с ~ пятью куполами, которые установила испорченная архитектура византийская, еще более изуродованная варваризмом подражателей...* — Ср. в статье «Об архитектуре нынешнего времени» (с. 98–99).

С. 179. *Теремте те* — Ср. то же восклицание в «Игроках» (явл. XVIII).

С. 179. *Кромешники* — обитатели кромешной (запредельной) тьмы, т.е. ада, преисподней.

С. 179. *Лайдак* — негодяй, бездельник.

С. 180. *Настоятель ~ возвел на них оловянные свои глаза, которые ~ не выражали никакой страсти...* — Ср. в статье «Взгляд на составление Малороссии» (с. 81). О мотиве «оловянных» глаз в современной Гоголю литературе (Погорельский, Загоскин, Полевой) и впоследствии у Салтыкова-Щедрина см.: Манн 1987. С. 272–273.

С. 180. *Наличник* — часть боевого шлема, закрывающая лицо, забрало.

С. 180. *...трихипостасною силою своею!* — То есть силою трипостасного (единого в трех лицах — Отца, Сына и Св. Духа) Божества.

С. 181. *Почти исполинского роста жаба...* — Жаба в Священном Писании — орудие наказания Божия и подобие беса (ср.: Исх 8, 2; Откр 16, 13); в поэме Мильтона «Потерянный рай» в виде жабы изображен сатана.

С. 181. *Ковалки* (кавалки) — комья затвердевшей грязи или навоза.

О ДВИЖЕНИИ НАРОДОВ В КОНЦЕ V ВЕКА

Источники текста: *ЧН Двж, Ар.* (см. с. 490, 491).

Автограф не известен. Впервые опубликовано: *Ар. Ч. 2. С. 175–230.*

Датируется замысел и начало работы временем не ранее конца 1833 г. и не позднее февраля 1834 г.; окончательный текст — концом октября — началом ноября 1834 г. Печатается по тексту *Ар.* со следующими исправлениями:

С. 189, строка 21: обвивалось — вместо: обпивалось

С. 189, строка 41: оказывалась — вместо: оказалась

С. 194, строка 16: Домициан — вместо: Доминициан

С. 196, строка 23: Луципин — вместо: Луципин

С. 198, строка 26: 409 года — вместо: 1409 года

С. 199, строка 16: В 427 году — вместо: В 1427 году

С. 201, строки 34–35: где коснется копыто коня моего — вместо: где коснется копыт коня моего

Названия статьи нет в первом плане *Ар.*; во втором плане появляется заглавие «О Переселении народов». Сообщение Н.И. Иваницкого, слушавшего курс Гоголя по истории Средних веков в Петербургском университете, о том, что его вторая лекция начиналась словами: «Азия была всегда каким-то народовержущим вулканом» (ср. с. 184), дало основание в той или иной степени отождествить ее текст со статьей «О движении народов...», несмотря на очевидное несоответствие ей дальнейшего описания: «Потом поговорил немного о великом переселении народов, но так вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать (...). Вся лекция продолжалась 20 минут» (*Гоголь в восп.* С. 85; впервые — *ОЗ.* 1853. № 2. Отд. 7. С. 120). Оставленная без внимания современной Гоголю критикой, статья затем рассматривалась в ряду его университетских лекций; Н.С. Тихонравов писал, что она «составляет, вероятно, лекцию по средневековой истории, обработанную Гоголем для печати», и работу над ней следует относить «к сентябрю или октябрю 1834 года, когда Гоголь читал в петербургском университете первое отделение “истории средних веков”» (*Тих.* Т. 5. С. 609; ср. программу лекций, ч. 1, отд. 1: «От разрушения Западной империи до Карла и Гарун (Аль) Рашида», *Ак.* Т. 9. С. 94). В.И. Шенрок видел в ней «распространенное воспроизведение» лекции «(2.) О движении народов германских, причинивших разрушение Западной Римской империи» (*там же*, т. 6, с. 687). Как текст «лекции, растянутой и недостаточно стройной», воспринимал статью и М. Ковалевский, признававший при этом, что в ней «нет недостатка в живых картинах и ярких образах» (*Ковалевский 1909.* С. 45). Г.М. Фридендер полагал, что статья «была задумана и, может быть, частично осуществлена за время между февралем и августом 1834 г.» (даты раннего и позднего планов *Ар.*), и «вероятнее всего, во второй половине этого периода, когда Гоголь должен был начать усиленно заниматься подготовкой к первым лекциям своего университетского курса»; по содержанию она соприкасается с лекцией «(2.) О движении народов германских...», но «исторический материал в статье значительно расширен; в повествование внесены те элементы драматизма, а также художественные характеристики народов и отдельных исторических лиц, наличия которых Гоголь требовал от писателя-историка»; но когда Гоголь читал ее «в сентябре 1834 г. в качестве его второй лекции в Петербургском университете», она заняла «лишь 20 минут» и «не имела еще той литературной формы», которую получила в *Ар.*, и это означает, что «к середине сентября 1834 г. статья еще не была дописана Гоголем, и Гоголь читал из нее в университете лишь отрывок», дописывалась же она «лишь в конце сентября или в октябре 1834 г.», при подготовке сборника к печати (*Ак.* Т. 8. С. 763). Той же позиции придерживались позднее в своих комментариях к статье Ю.В. Манн и П.Г. Паламарчук (см.: *Манн 1978.* С. 507; *Паламарчук 1990.* С. 423).

В.А. Воропаев и И.А. Виноградов, комментируя статью, обратили внимание на то, что из десяти университетских лекций Гоголя по истории Средних веков к ней близки по содержанию не только традиционно называемая в этой связи лекция «(2.) О движениях народов германских...», но также и начало лекции «(3.) Взгляд на земли Западной империи по занятии их народами германскими...» и частично лекция «(9.) Состояние Восточной

Римской империи во время религиозных споров...»; имеются также пере-
клички с лекциями «(6.) Состояние франков под начальством королей-
предводителей...» и «(8.) Состояние Европы неримской...» (см.: Гоголь
1994. Т. 7. С. 575–576). Отметив также связь отдельных мест статьи с
лекциями «(1.) Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее
существования и на причины, произведшие разрушение ее», «(4.) Состоя-
ние Италии под владычеством готов, греческого экзархата, ломбардов; их
влияние и отношения к римлянам» и «(7.) Состояние королевства вестготов
в Испании и завоевание ее арабами» (см. с. 854), можно по-другому уви-
деть соотношение статьи с имеющимися текстами лекций Гоголя по истории
Средних веков: в том или ином виде она исчерпывает их материал, охваты-
вая его практически весь, за исключением двух тем — лекции «(5.) Взгляд
на состояние Рима и начало духовной и светской власти пап», которая бы-
ла положена в основу концепции статьи «О Средних веках» и отразилась в
изложении событий в статье «О преподавании всеобщей истории»
(см. с. 540–541), и последней лекции «(10.) Первобытная жизнь арабов. Пе-
реход в образовании нации, произведенный Магометом, и завоевания их»,
подводящей к теме «Ал-Мамуна» и далее к предполагавшемуся обзору
правления Карла Великого в сравнении с государством Гаруна (см. ком-
мент. к статье «Ал-Мамун»). Текст лекций, вероятно, был перед глазами
Гоголя при работе над статьей. Д. Ребеккини, рассматривающий в аспекте
своей темы гоголевских заимствований из Тацита (см. ниже) лекцию
«(2.) О движениях народов германских...», приходит к выводу, что эти, как
он определяет ее, «исторические конспекты» «и по содержанию, и по мно-
гочисленным совпадающим деталям, воспроизводят структуру статьи, но
(...) в сухом схематическом виде, без тех живых и подробных описаний, ко-
торые встречаются в статье» (Ребеккини. С. 89–90); то же впечатление
возникает при сравнении и с другими лекциями, материал которых Гоголь
трансформирует в соответствии с собственным заданием и подвергает лите-
ратурной обработке. Происхождение самих лекций не до конца ясно: пер-
вый вариант их «представляет собой, по-видимому, запись под диктовку Го-
голя», которая затем была выправлена автором и вновь переписана писцом
вместе с «Библиографией средних веков», и на широких полях этой руко-
писи Гоголь вписал даты событий и заголовки разделов лекций; эта работа
обычно соотносится с его курсом по истории Средних веков в Петербург-
ском университете и датируется поэтому осенью 1834 г. (см.: Ак. Т. 9.
С. 634–635). Однако связь этого материала с написанными или начатыми
раньше гоголевскими статьями по истории и очевидно предварительный ха-
рактер его по отношению к ним не позволяют предположить, что работа
проходила в такой последовательности и что, отработав для статей точные
формулировки, Гоголь затем пользовался в лекциях формулировками неточ-
ными и невыразительными. Поскольку из содержания лекций очевидно,
что они не предназначались для воспитанниц Патриотического института,
работа над ними могла быть связана только с предложением М.А. Макси-
мовича занять кафедру в Киевском университете (см. коммент. к статье
«О преподавании всеобщей истории»); можно предположить, что именно
тогда, в конце декабря 1833 — начале января 1834 г., Гоголь по своим
наброскам и записям надиктовал текст, с которым мог бы начать читать

курс в случае скорого решения о назначении. В процессе этой работы с разнородным материалом и должен был возникнуть замысел статьи, концептуально обобщающей его. В хронологическом отношении это подтверждается записью на л. 71 «тетради Тарновских»: «начнем с тех мест, где древний мир уже видел перед глазами» (*ЧН Двж*), соответствующей словам статьи: «начнем с тех мест, где древний мир уже видел этих первоначальных жидителей нового, т.е. от реки Дуная, служившего пределом для римлян» (с. 190). Эта фраза важна, так как фиксирует решение изменить способ организации материала, принятый в источнике; ср.: «Исторически более оправданным выглядит, например, осознанный выбор Гоголя начать описание племен с бассейна Дуная, а не с Рейна, как это делает Тацит» (*Ребеккини*. С. 89). Этот новый порядок изложения был принят уже в первом варианте текста лекции «(2.) О движениях народов германских...» (см.: *Ак. Т. 9. С. 110, 599*), тогда как в черновом наброске программы лекций Гоголь предполагал сначала рассмотреть тему «Расселение германцев по Рейну» (*там же*, с. 594), а из белого варианта убрал это уточнение совсем, вероятно именно тогда обдумывая возможность иного подхода. Незаконченная фраза в «тетради Тарновских» представляет собой, очевидно, предварительный набросок замысла статьи; расположение ее среди подобных же набросков без продолжения в ранней, «порождающей» для третьего слоя записей части тетради (выше на л. 69 записи «Обеты и клятвы внутри души...») и «Я давно уже ничего не рассказывал вам...», потом пропущен чистый с обеих сторон л. 70; ниже на л. 72 наброски к пьесам и рисунки, а позднее эту и предыдущую страницу (л. 71 об.—72) Гоголь использует для работы над статьей «Об архитектуре нынешнего времени», см. с. 687), указывает на конец 1833 — самое начало 1834 г. как вероятное время определения замысла. Не позднее февраля 1834 г., вероятно, была уже написана начальная часть статьи, скорее всего пока в виде набросков неясного назначения, о существовании которых свидетельствует расширительный заголовок «Мысли о Истории» в первом, февральском плане *Ар*. Не известно, возвращался ли Гоголь к этой работе весной или летом 1834 г.; можно предположить, что, если летом 1834 г. Гоголь выправил и отдал снова переписать свои десять лекций по истории Средних веков (см. коммент. к статье «О Средних веках»), перечитывание их могло активизировать его работу над статьей в это время, если же он успел сделать второй вариант лекций сразу после первого, в начале 1834 г., то, возможно, вообще больше не заглядывал в него вплоть до конца августа 1834 г. Именно тогда появляется во втором плане *Ар*. заголовок «О Переселении народов», и именно тогда Гоголь в своей второй лекции пытается, по-видимому, совместить эффективное начало статьи с чужеродным ему стилистически текстом лекций, добиваясь результата, выразительно описанного в воспоминаниях Н.И. Иваницкого. Гоголь, очевидно, читал и далее по своему написанному тексту; странное на первый взгляд замечание одного из мемуаристов о том, что Гоголь, «читая из истории то одно, то другое (...) всегда переходил к рассказу о движении народов» и что «предмет этот служил ему как бы заручкой или опорой исторических его знаний» (Н.М. Колмаков, *РС*. 1891. № 5. С. 461), точно передает структуру гоголевского курса, по крайней мере в записанной первой его части, где каждая лекция строится как цепь ис-

торических следствий, иногда достаточно далеких, но началом своим неизменно уходящих в события, связанные с переселением народов в V веке. Статья, таким образом, должна была узлом скрепить материал примерно тысячелетия средневековой истории вплоть до времен, итоги которых были подведены уже в другом обзоре, «О Средних веках». Текст определился окончательно, кажется, уже в корректуре; не вполне соответствующую ее реальным хронологическим рамкам статьи название ее в оглавлении второй части *Ар.* было заменено на «Движение народов в V веке» (на шмуц-титule — «Движение народов в конце V века»); в пределах же доцензурного периода сборника этот материал, по-видимому, должен быть отнесен к самому концу его — последним дням октября — началу ноября 1834 г.

Общей основой для статьи стали, очевидно, книги XVI и XVIII «Идей...» Гердера, где механика переселения народов показана с отчетливостью, к которой оставалось добавить совсем немного воображения, чтобы получить впечатляющую картину «народовержущей» Азии у Гоголя. «Посмотрите-ка к Востоку, вправо, — вы увидите возвышенность чудовищных размеров, — это так называемая азиатская Татария», — говорит Гердер; Европа же к северу от Альп «представляет собою опустившуюся плоскую равнину, которая простирается от той самой населенной народами татарской возвышенности на Запад вплоть до океана» и на которую «должны были низвергаться, изгоняя отсюда других, находящиеся ближе к Западу орды, как только одни варварские орды начинали теснить другие»; таким образом, «длительное татарское состояние Европы было, так сказать, задано географически», эта картина «заполняет на целую тысячу лет и более того всю европейскую историю, и ни одно царство и ни один народ не могут остановиться, то ли потому, что сами они привыкли странствовать, то ли потому, что другие дают на них» (*Гердер 1977. С. 475*). Гердер подчеркивает внутреннюю упорядоченность этого внешне хаотического движения; он предлагает не удивляться тому, «что народы, которые в течение целых столетий и даже тысячелетий (...) жили в лесах и тундрах северной Европы, даже и в прекраснейшие долины римской и греческой империи принесли с собой образ жизни вандалов, готов, скифов, татар (...) отдельные черты которого до сих пор присущи Европе» (*там же, с. 458*); при этом прочерчивается цепь последствий вплоть до современности, для которых эпоха переселения народов дает идеальную точку обзора («Я сейчас стою на краю древности, словно в центре всемирной истории», *там же, с. 446*). В изображении древних германцев Гердер следует Тациту («Высокий рост, сильное тело, красота и стройность, наводящие ужас голубые глаза — все это одухотворено верностью и воздержностью: немцы послушны старшим, дерзки в нападении, терпеливы в опасностях», *там же, с. 466*), но говорит, что они охотно жертвовали иными добродетелями «в пользу главной склонности или главной потребности — войны» («Земледелием занимались они не особенно усердно (...) с немногими ремеслами, без которых нельзя было обходиться, справлялись женщины и рабы (...). Никакой народ (...) не переселялся так часто, как эти немецкие племена (...). Жизнь довольно-таки татарская», *там же, с. 467—468*); этими их чертами Гердер объясняет в последующем «беды, заложенные в самом государственном

строе немецких народов» (*там же*, с. 518), характеризуя военный феодализм франков как «татарское устройство», которое «нигде не распускалось (...) таким пышным цветом, как на почве этой империи»: «О такой государственной фантазии, о превращении домашнего хозяйства правителя в образ, в понятие, в сумму всего государства, не подозревали ни греки, ни римляне (...) а родные места этой поэзии — на Яике или на Енисее» (*там же*, с. 541–542); у Гоголя акценты расставлены иначе, но, очевидно, суждения Гердера были учтены им если не прямо в картине феодальной Европы в статье «О Средних веках», то в оценке удельного периода русской истории («О составлении Малороссии») и, вероятно, при обсуждении правления Карла Великого, предусмотренном программой лекционного курса. Зато Гоголь вполне воспользовался гердеровским советом не приписывать всем немецким народам одинаковые нравы и одинаковую культуру (см. *там же*, с. 468–469) и почти в точности воспроизвел в своей статье намеченные Гердером различия. Оценка Восточной Римской империи у Гоголя близка к взгляду на нее Гердера (см. *там же*, с. 502). Сходно с ним Гоголь рассказывает о государствах Гейзериха и Теодориха, об Атиле; его, кажется, должен был заинтересовать и король Альфред в описании Гердера — «образец того, каким должен быть король в столь тяжелое время, путеводная звезда в истории человечества» (*там же*, с. 530). Заданное географически, подобно наслоению почв, переселение северных народов в провинции Римской империи Гердер сравнивает с мощной рекой, которая, прорвав плотину, «с неукротимой силой вырывается на свободу и заливает поля и долины, — волна следует за волною, поток обрушивается за потоком, пока все не превращается в широкое море, без конца и без края, — а затем, с трудом обузданная, повсюду оставляет за собой следы опустошения и, спустя время, цветущие луга, оживленные ею, ставшие плодородными» (*там же*, с. 510); этот образ был заимствован Погодиным: «Взгляните на реку весною за минуту пред вскрытием: как спокойны и неподвижны ее скованные воды! Но вдруг треснул лед, поднялась вода и взвороченные глыбы бурной чередою, одни через другие, понеслись в далекое устье. Вот всеобщее движение народов в 4 и 5 веках» (*Погодин 1836. С. 84–85*), — и, по-видимому, отразился у Гоголя в описании потока событий, которые, приближаясь к Средним векам, «текут с усиленною быстротою, как в пучину, как в мятежный водоворот, и закружившись в нем, перемешавшись, переродившись, выходят свежими волнами» («О Средних веках», с. 14).

Существенные оттенки внесло, видимо, и влияние Шиллера, который в статье «О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках» (1792) говорит, что великие эпохи в истории человечества «переплетены между собою так тесно, что одни не могут быть объяснены без других; и событие крестовых походов — лишь начало решения той загадки, которую задало историку-философу переселение народов» (*Шиллер. Т. 5. С. 486–487*), замыкая, таким образом, друг на друга два исторических периода, на которых преимущественно и сосредоточивает свое внимание Гоголь-историк; драматизм шиллеровского исторического повествования, несомненно, прочувствован им. «Разверзается скифская пустыня и извергает на западные страны суровое племя, — пишет Шиллер. — Кровью отме-

чен его путь. Города, где оно прошло, обращены в пепел, с равной яростью топчет оно произведения рук человеческих и плоды полей. (...) Но и в этой дикой сумятице трудится рука порядка, и та доля сокровищ былых времен, которой суждено стать достоянием грядущих поколений, незаметно спасается им от разрушительной ярости современников. (...) Теперь сцена очищена, и новая порода людей занимает ее; тихо и незаметно для нее самой мужала она веками в северных лесах, дабы стать оздоравливающей колонией для истощенного Запада» (*там же*, с. 482—483); этот образ незаметно крепнущей новой исторической силы оказал влияние на постоянное у Гоголя изображение исторического будущего как потаенного, скрыто для настоящего вызревающего в нем или рядом с ним.

Гоголь ссылается в статье на английского историка Эдуарда Гиббона (1737—1794), автора «Истории упадка и гибели Римской империи» (1782—1788), которая, как сказано в гоголевской «Библиографии средних веков», «первая проложила путь для создания истории средних веков, объяснила и открыла начала ее еще в недрах древнего мира»; это «сочинение, означенное глубокою ученостью, увлекательною силою повествования и многосторонним умом (...) более всего может представить в ясном виде все существование византийской империи» (*Ак. Т. 9. С. 101, 103*). Гиббона Гоголь, по-видимому, читал по французскому изданию: *Histoire de la décadence et de la chute de l'empire romain, par E. Gibbon, précédé d'une notice sur la vie et le caractère de Gibbon, par M.F. Guizot* (1828), позднее подаренному им в числе других книг исторического содержания на иностранных языках А.С. Данилевскому (см.: *Тих. Т. 6. С. 689*). Он называет также Жозефа Дегине (*Guignes J. de, 1721—1800*), автора книг по истории Китая, Турции, Монголии, Египта; его сочинением «Общая история гуннов, тюрков, монголов и других западных татар» (1756—1758) пользовался Карамзин. Гоголь упоминает также историка И. Миллера (см. о нем с. 741—742), в данном случае как автора «24 книг всеобщей истории» (1811), где говорится об Азии как общей первоначальной родине человечества; когда Белинский упрекает Гоголя в попытке «перепародировать некоторые места из истории Миллера» (с. 478), он имеет в виду повествование о древних германцах в книге VIII его труда (см.: *Histoire universelle. Ouvrage posthume de Jean Müller... Bruxelles. 1833. Т. 1. P. 29, 310—364*). Здесь же назван Ф. Шлегель как автор книги «О языке и мудрости индусов» (1808), на которую неоднократно ссылается Карамзин в примечаниях, преимущественно делая заключения на основе лексико-этимологических данных (см.: *Карамзин. Кн. 1. Т. 1. Стб. 63—64; Примеч. к т. 1. Стб. 62—64*).

Важнейший источник сведений о германских народах — сочинение Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии» («*De origine et situ Germanorum*», 97—98). Гоголь не просто следует Тациту в описании внешности, одежды и вооружения, образа жизни германских племен, их веры и обычаев, но через восприятие римского историка передает поразивший римлян облик народов, которые «представляли совершенно противоположный и вовсе отличный мир от римского» (с. 186). Тацит отмечает у всех германцев «жесткие голубые глаза, русые волосы, рослые тела»; их одежда «не развевающаяся, как у сарматов или парфян, а узкая и

плотно облегающая тело (...) у женщин не иная, чем у мужчин, разве что женщины чаще облачаются в льняные накидки, которые они расцвечивают пурпурной краской (...) их руки обнажены сверху донизу, как открыта и часть груди возле них» (*Тацит*. Т. 1. С. 355, 360–361). Гоголь повторяет это за Тацитом почти буквально, вслед за ним же замечает, что германцы «одевались совершенно противоположно римскому миру и всем народам южным, любителям вольных, широких одежд» (с. 189), но видит в этих особенностях не этнографическую экзотику, а ту «совершенно новую природу, которою означился новый мир» (с. 186) — зарождающийся мир будущей христианской Европы. Тацит говорит о верованиях германцев, называя их богов римскими именами (о культуре Меркурия, Марса, даже Изиды см.: *Тацит*. Т. 1. С. 357), об их вере в приметы, о разнообразных гаданиях, в частности отмечает знакомый и римлянам обычай «отыскивать предвещения по голосам и полету птиц», но, говорит он, «лишь у германцев в обыкновении обращаться за предсказаниями также к коням» (*там же*). Только эту отличающую германцев от римлян черту выбирает для своего рассказа Гоголь, интерпретируя ее при этом как часть культа героев-предков; когда, вслед за Ф. Шлегелем, он называет Одина «северным Улисом» (с. 194), это только параллель, подчеркивающая автономность скандинавской и западногерманской мифологии. Гоголь говорит не о священных рощах античности, а о дремучих лесах, в которых протекала жизнь новых народов; заметно, что он избегает упоминания о человеческих жертвоприношениях, которыми изобилует повествование Тацита. Такой отбор фактов соответствует требованию современной Гоголю исторической науки выбирать из знаний о прошлом только полезные сведения (ср. слова Гизо о том, что есть «два прошлых: одно совсем мертво и не представляет действительного интереса, так как влияние его прекратилось вместе с ним, другое длится до сих пор, благодаря тому влиянию, которое оно оказало на последующие века», *Рейзов 1956*. С. 176). Выраженно языческие элементы не имеют будущего в новой Европе и не привлекают внимания Гоголя — он опускает свидетельства источников об уничтожении рабов, прислуживавших при жертвоприношениях германцев матери-земле (см.: *Тацит*. Т. 1. С. 370), о том, что были убиты землекопы, отводившие течение реки при похоронах везегота Алариха (*Иордан*. С. 91), но отмечает, вслед за готским историком, что на могиле противника «крепкой и вольной Европы» гунна Аттилы «были заколоты все рабы и копавшие землю» (с. 202; см.: *Иордан*. С. 110). При этом Гоголь не идеализирует германцев; он видит в них «грубые стихии, из которых образовалась новая Европа», говорит, что они «были дики и жестки нравами», «беспечны», «бесчувственно ленивы» (с. 189); из бытовых черт он называет особенно поразившие римского историка (см.: *Тацит*. Т. 1. С. 363) — способность проводить в пиршествах «напролет целые ночи», пить не вино, а «хлебный напиток из ячменя, может быть, прашур нынешнего пива, так употребительного в Германии», склонность к самозабвенной игре — ее «азартность, может быть, служила основанием тех дерзких сильных страстей, которыми исполнены европейцы» (с. 190; ср. изображение европейского Средневековья как времени плодотворных, облагораживаемых воспитанием страстей в статьях Гоголя «О Средних веках» и «О составлении Малороссии»). Традиционная тема германской вольности (ср.:

«Германцы, никогда не испытавши порабощения, пользовались неограниченной свободой», *Монтескьё III*. Избранные произведения. М., 1955. С. 608) вряд ли интересуют здесь Гоголя больше, чем закладывающееся тогда же «устройство и искусное сложение» (с. 14) будущего европейского управления (см. с. 843; иную точку зрения, обнаруживающую у Гоголя признаки руссоистского истолкования истории, «такого понимания исторического процесса, для которого свойственно видеть период варварства как эпоху примитивной простоты и незапятнанной чистоты нравов, за которой неизбежно последовало вызванное прогрессом вырождение», см.: *Ребеккини*. С. 86).

Гоголь называет также имена двух авторов, сочинения которых являются первостепенно важными источниками сведений по истории раннего Средневековья. Это Прокопий Кесарийский (Procopius Caesariensis, ок. 500—565) — византийский историк, наблюдательный и осведомленный очевидец многих событий, написавший, в частности, историю войн римлян с вандалами и готами («Bellum Vandalicum», «Bellum Gothicum»); в «Библиографии средних веков» Гоголь называет его замечательным «по искусству изложения» (*Ак*. Т. 9. С. 103). Современник Прокопия Иордан, или, как сказано у Гоголя в одной из записей по истории Западной Европы, «Иорнанд, готский историк, епископ равеннский в 6-м веке» (*Ак*. Т. 9. С. 163), — автор книги «О происхождении и деяниях гетов» («De origine actibusque Getarum»), посвященной истории готов со времени выхода их из Скандинавии и на компилятивной основе рисующей обширную картину переселения народов в IV—VI вв. («ни у одного автора нет такого количества этнических названий, как у Иордана», *Скржинская*. С. 54). Расхождения в написании имени объясняются разночтениями в рукописных источниках; в форме Иорнанд (Jornandes) оно употреблялось, например, Ломоносовым, Карамзиным, Н.А. Полевым; в настоящее время принята форма Иордан (Iordanes, Iordannis). Сочинения Иордана и Прокопия вошли в первый том собрания Л.А. Муратори (1672—1750) «Писатели итальянской истории» (Rerum Italicarum scriptores praecipui ab anno... 500 ad 1500..., 1723—1751), отмеченного Гоголем в «Библиографии средних веков» в числе наиболее замечательных пособий, «относящихся к общей истории Италии» (*Ак*. Т. 9. С. 102). Гоголь переходит к повествованию по Иордану, исчерпав материал Тацита, завершив перечисление германских и славянских племен (ср.: *Тацит*. Т. 1. С. 365—371), «которых римляне даже вовсе почти не знали», на Севере Европы, куда «никогда не достигали римляне» и откуда вышли «истинные разрушители их владычества» (с. 191). Тацит считал германцев исконными жителями их страны, полагая, что вряд ли кто «стал бы устремляться в Германию с ее неприютной землей и суровым небом, безрадостную для обитания и для взора, кроме тех, кому она родина» (*Тацит*. Т. 1. С. 354). Иордан приводит в движение эту картину своим рассказом о том, как племя готов, вместе с другими, «пришло на европейскую землю, вырвавшись подобно пчелиному рою из недр» Скандинавии, *Иордан*. С. 62), и эта идущая от современников-очевидцев тема стихийного порыва (о происхождении ее см.: *Скржинская*. С. 180) становится доминирующей в статье Гоголя, хорошо сочетаясь с предложенным у Гердера механизмом перемещения колоссальных человеческих масс, берущего на-

чало в Азии. Следуя Иордану, хотя и очень избирательно, Гоголь рассказывает о движении племен, сдвинутых переселением готов и затем ворвавшихся в Европу гуннами, необходимостью объединения против гуннов, новой расстановкой сил в процессе и в результате падения Римской империи, по Иордану дает некоторые легенды, мотивировки, детали, но почти никогда не совпадает с ним в характеристике и оценке исторических деятелей и, как правило, видоизменяет или вовсе опускает детали политических интриг. Труд Иордана, как считается, содержит наиболее полное по сравнению с другими историческими свидетельствами, сообщение о вторжении гуннов в Европу (см.: *Скржинская*. С. 282). Ценнейшим источником для самого Иордана в этом отношении стали записки историка Приска (Priscus), участника посольства 448 г. от императора Феодосия II в ставку Аттилы, содержащие подробные сведения о гуннах, об Аттиле как правителе и человеке, о его окружении, быте, устройстве его дворца, его поведении и речах. Иордан со ссылками на Приска включил в свое сочинение отрывки из его записей и таким образом сохранил некоторые впоследствии утраченные их фрагменты; по Приску он рассказывает, в частности, о Каталаунской битве, о смерти Аттилы и его погребении (см.: *Скржинская*. С. 271). Называя в связи с темой «О гуннах и об Аттиле» имя Фишера, Гоголь скорее всего имел в виду Ф.К.И. Фишера (1750—1797), немецкого юриста, историка, профессора в Галле; его комментарии к посольским запискам Приска и нравам народов того времени собраны в издании найденной им поэмы «De prima expeditione Attilae» (Lips., 1780), и в книге «Нравы и обычаи европейцев в V—VI вв.» (Sitten und Gebräuche der Europäer... Frankfurt a. O., 1784; см.: *Гердер* 1977. С. 516, 676, 695). Образ Аттилы был популярен в художественной литературе; так, В.В. Гиппиус называет в связи с гоголевской трактовкой его трагедию немецкого драматурга Э. Вернера (1768—1823) «Аттила» (1808), отрывки которой в переводе А. Шишкова 2-го печатались в 1831 г. в «Телескопе» и в которой есть «предание о неге Аттилы и его прозвание “божий бич”» (*Гиппиус* 1924. С. 227). Стихотворение Д. Ознобишина «Аттила» (1833) поддерживает легенду об убийстве Аттилы в ночь свадьбы взятой им в жены девушкой из покоренного племени; гораздо раньше из того же предания сложился сюжет мести Гудрун мужу, королю Атли, герою германского и скандинавского эпоса (см.: *Гуревич А.Я.* Атли // *Мифы*. Т. 1. С. 121—122). О том, что Аттила — это Атли, «тот самый король Этцель, о котором рассказывают поэмы разных немецких народов» (*Гердер* 1977. С. 517), Гоголь, кажется, знал; «несколько саг и эдд норманских, объясняющих начало северной истории», упомянуты в качестве источников наряду с летописями в его «Библиографии средних веков» (Ак. Т. 9. С. 104). Гоголевский образ Аттилы — чудовищного карлика-аскета, который «выпил за одним разом всю железную жизнь свою», воспроизведен в поэме Д. Кедрина «Варвар» (1933—1940): «Казалось, весь / Он хочет выплеснуть себя, как чашу. / Казалось, что единым духом — всю / Он хочет выпить жизнь свою. / Казалось, / Всю мощь души, / Всю тела чистоту / Аттила хочет расточить в разгуле!» (*Кедрин Д.Б.* Избранное. М., 1957. С. 236—237). П.Г. Паламарчук указывает также на посвященный Аттиле роман Е. Замятина «Бич Божий» (1928—1936), см.: *Паламарчук* 1990. С. 424.

С. 183. ...современно основанию Рима... — Годом основания Рима считается 753 г. до н. э.

С. 184. ...Азия сделалась народовержущим вулканом. — Ср.: «Азия столько веков извергала народы, подобно горячей лаве, протекавшей от Волги до Рейна», «новые выходцы из Средней Азии, последнее извержение страшного вулкана монгольских степей и Тибетских гор» (Полевой. Т. 1. С. 81, 82).

С. 184. На юге они ~ встретились с древним миром. — Тацит говорит, что городу «шел шестьсот сороковой год» (т.е. 113 г. до н.э.), когда римляне «впервые услышали о кимврских полчищах» (Тацит. Т. 1. С. 368).

С. 185. ...Немецкого моря... — Северного моря.

С. 185. ...парфян, ринувшихся из середины Азии... — Парфяне — кочевое племя иранского происхождения; их сильное государство Парфия существовало до 20-х гг. III в. По Иордану, один из легендарных готских королей, отразив нападение врагов, покорил себе чуть ли не всю Азию, и при этом многие его воины поселились там, «и до сего дня их называют на скифском языке беглецами, т.е. парфянами» (Иордан. С. 69–70).

С. 186. ...роя пещеры для первоначальных своих жилищ или сохранения сокровищ... — То же сказано о козаках в статье «О составлении Малороссии» (с. 87). Карамзин пишет, что древние славяне вместо того, чтобы пользоваться драгоценностями, «обыкновенно зарывали их в землю» (Карамзин. Кн. 1. Т. 1. Стб. 35), отмечая при этом «великое сходство между нравами Славян и народов Германских» (там же, примеч. к т. 1, стб. 51).

С. 186. От ней производили они бога своего Твистона или Тевта, у которого был сын Ман, а от него различные ветви германских народов... — Ср.: Тацит. Т. 1. С. 354.

С. 187. ...самая необходимость заниматься иногда земледелием заставляла их более привязаться к земле. — Эта осторожная формулировка вызвана утверждением Тацита о пренебрежительном отношении к земледелию у древних германцев (см.: Тацит. Т. 1. С. 359–360).

С. 187. Во глубине и глуши лесов ~ они приносили свои жертвы богине-матери Герте. — Ср. о Герте: Шлегель 1829. Ч. 1. С. 284. О священной роще, посвященной матери-земле Нерте (Nerthus), см.: Тацит. Т. 1. С. 370). Ссылкой на это место у Тацита Шеллинг обосновывает положение о национальном характере готического зодчества, полагая, что «при первых шагах цивилизации германцы подражали в строениях, прежде всего в храмах, старому прообразу своих лесов» (Шеллинг. С. 290).

С. 187. Они верили в бессмертие. — «Геродот называет Гетов бессмертными, ибо они верили, что смерть переводит человека в другую жизнь» (Карамзин. Кн. 1. Примеч. к т. 1. Стб. 6–7; о неразличении гетов и готов во времена первых их историков см. там же, стб. 8).

С. 187. Они в своем Валгале видели продолжение воинственной их жизни... — Валгалла (Вальхалла) — в скандинавской мифологии небесный чертог Одина (см. ниже), где, освещаемые блеском мечей, пируют павшие в бою герои, «рай для воинов», в противоположность подземному царству смерти. Ср. в лекции Гоголя «(2.) О движениях народов германских...» (Ак. Т. 9. С. 111).

С. 187. ...кони, из которых белые почитались, по свидетельству Тацита, священными ~ по храпению их узнавали будущее. — См.: Тацит. Т. 1. С. 357–358.

С. 187. ...ему даже чуждые отдаленные племена присылали конные сбруи... — Ср.: Тацит. Т. 1. С. 360.

С. 188. Они сражались почти наги ~ одни щиты их показывали роскошь, испещряемые яркими цветами... — Ср.: Тацит. Т. 1. С. 356, 360.

С. 188. ...толпа жен, детей следовала за ними в битву; сопровождала их своим криком ~ жены тут же среди битвы высасывали раны мужей своих, залечивали их... — В битве «их близкие находятся рядом с ними, так что им слышны вопли женщин и плач младенцев (...) к матерям, к женам несут они свои раны, и те не страшатся считать и осматривать их» (Тацит. Т. 1. С. 357).

С. 188. Смерть предводителя ~ связывала железною силою мести... — Ср.: для германцев «выйти живым из боя, в котором пал вождь, — бесчестие и позор на всю жизнь» (Тацит. Т. 1. С. 359).

С. 188. Бросить щит было верх бесчестия, и несчастный ~ убивал сам себя. — См.: Тацит. Т. 1. С. 356.

С. 188. Предводитель силою одного уважения, без власти, правил самовластно племенами... — Ср.: «вожди начальствуют над ними, скорее увлекая примером и вызывая их восхищение (...) чем наделенные подлинной властью» (Тацит. Т. 1. С. 356).

С. 188. Предводя на войне, они оставляли при себе власть эту иногда и среди мира и назывались гериманами. — Тацит говорит, что слово Германия произошло от наименования племени, первым потеснившего галлов за Рейном; сначала побежденные весь народ «из страха обозначали (...) по имени победителей, а затем, после того как это название укоренилось, он и сам стал называть себя германцами» (Тацит. Т. 1. С. 354).

С. 188. Они были вольны ~ только жрецы могли приказывать наблюдать молчание... — Ср. Тацит. Т. 1. С. 358.

С. 188. ...председательствовали старейшины семейств, седовласые (*grawion*), после изменившие это название в графов... — См.: Тацит. Т. 1. С. 358. Эта этимология, восходящая «к идее преемственности между организационной системой патриархального общества и феодальными учреждениями, возможно, взята Гоголем у английского историка Г. Галлама» (Ребеккини. С. 84); ср. описание системы управления у германцев более позднего периода в лекции Гоголя «(3.) Взгляд на земли Западной империи по занятии их народами германскими...»: «Короли имели власть во время военных предприятий и никакой власти над именем каждого. (...) В провинциях заседали герцоги, в графстве графы и так далее. Они вместе и заседали на собраниях и вели на войну» (Ак. Т. 9. С. 119).

С. 188. ...сильного и сжатого лаконизма, которым отличается бесхитrostное красноречие народов свежих. — Противопоставление отживающему римскому миру «диких и свежих народов, известных под именем варваров», см. в программе лекций по истории Средних веков (Ак. Т. 9. С. 94); ср. ниже об опасности для римлян «от этих свежих сил европейских народов» (с. 191).

С. 188. Они были просты, прямодушны: их преступления были следствием невежества, а не разврата. — Ср.: Тацит. Т. 1. С. 361, 363.

С. 188—189. ...забрасывали тиною и фашинником, как бы желая скрыть то, что не должно бы никогда показываться. — См.: Тацит. Т. 1. С. 358. Фашинник — связки хвороста, которыми укрепляли почву при строительстве оборонительных сооружений.

С. 189. Жена, изменившая ~ примеры эти были редки... — См.: Тацит. Т. 1. С. 361.

С. 189. ...потому что германцы были дики и жестки нравами и что у них были только обычаи, которые обыкновенно сильнее самих законов. — У Тацита: «добрые нравы имеют там большую силу, чем хорошие законы где-либо в другом месте» (Тацит. Т. 1. С. 368). Ср. о «правлении без законов» в статье Гоголя «Ал-Мамун».

С. 189. Они были беспечны, бездейственны в домашней жизни ~ домашние заботы лежали на женах. — См.: Тацит. Т. 1. С. 360, 364.

С. 189. Жена не приносила мужу приданого ~ она должна разделить все его занятия. — См.: Тацит. Т. 1. С. 367.

С. 189. ...они носили платье узкое ~ шея, грудь и руки были открыты. — См.: Тацит. Т. 1. С. 360—361.

С. 189. Гостеприимство ~ было их принадлежностью. — См.: Тацит. Т. 1. С. 362.

С. 189. ...зажженные дубы... — Этот оссиановский образ (ср.: «Сотня дубов горит посреди, и широко стелется дым пиршества чаш», Макферсон Д. Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 104; см. также примеч. на с. 98) был замечен русскими поэтами; ср. оду Державина «На победы в Италии» (1799), элегию Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814), раннее стихотворение Пушкина «Кольна. Подражание Оссиану» (1814). См.: Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе. Л., 1980. С. 37, 43, 95. Он усилен Гоголем до действительно грандиозной картины явления новых народов (см. выше), которое «освещало Европу великолепными иллюминациями, зажигая вековые леса ее, и леса исчезали», представляя «изумленным глазам» вызревшие «незаметно для света» в настоящем составляющие ее будущего (см.: «О Средних веках»).

С. 190. ...предки нынешних гессенцев, жившие при реке Майне... — Имеется в виду земля Гессен в Средней Германии.

С. 190. Гарц (Харц) — горный массив в Германии.

С. 191. Дакия — римская провинция на левом берегу Дуная.

С. 191. Голитиния — земля Гольштейн в Германии на побережье Балтийского моря по правому берегу Эльбы.

С. 191. Горы Альп и Карпата заключали в себе множество клочков или остатков разных племен гальских, германских и венецких, бандитствовавших в дикой Европе. — О племенах, перешедших из Галлии в Германию, см.: Тацит. Т. 1. С. 365. Венеды (венеты) — общее название группы славянских племен, включающей собственно венецов, антов и склавонов; сказанное здесь о них восходит к Тациту, который пишет, что венеды переняли многое из нравов кочевников сарматов, «ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам» (Тацит. Т. 1. С. 372), а не к отмеченному еще Ломоносовым в его разысканиях «о величестве и поколениях славянского

народа» в «Древней Российской истории» (СПб., 1766. Гл. 2) и также известному Гоголю сообщению Иордана о том, что у северного склона Карпат «начиная от места рождения реки Вистулы (Вислы), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов» (Иордан. С. 67; Скржинская. С. 205). Ср.: «Остатки древнейших народов мы встретим еще в горах и в недоступных и суровых уголках земли (...) а победители их давно уже захватили лучшие земли и, если не были изгнаны другими народами, все еще владеют ими по праву завоевателя» (Гердер 1977. С. 459).

С. 192. *Империя отдавала опасные границы свои свежим воинственным народам, которые лучше всего могли защищать их...* — Имеется в виду институт федератов (foederati) — так в поздней Империи назывались вспомогательные войска, предоставляемые ей каким-либо племенем по договору (foedus), по которому император выплачивал им ежегодное жалование или выдавал соответствующее количество продовольствия, они же обороняли границы Римского государства; часто это было целое племя, которое, находясь на территории Империи, было свободно от налогов и сохраняло свой образ жизни (см.: Скржинская. С. 247—249).

С. 192. *Один из сих союзов, известный под именем союза франков...* — К III в. в восточной части Германии существовали племенные союзы вандалов, бургундов, западнее, между Одером и Эльбой, — алеманов, ближе к устью Эльбы — лангобарды, а на юге Ютландии — англв, саксы и юты, мореплаватели и пираты, нападавшие на Британию и западное побережье Галлии. Союз франков составляли племена, жившие по Рейну (батавы, хатты и др.).

С. 192. *...составили наконец одну нацию под именем франков.* — Об этом говорится в начале лекции Гоголя «(6.) Состояние франков под начальством королей-предводителей...» (см.: Ак. Т. 9. С. 125); далее излагается история франков с начала завоеваний Хлодвига (Кловиса) в конце V в. до 768 г., когда королем их становится Карл Великий (742—814; король франков с 768 г.; император с 800 г.). Ср. Гердер 1977. С. 523—525.

С. 192. *...если бы не действовали на нее посторонние силы выходивших из Азии народов.* — По Гердеру, вовсе не расселение варварских племен на территории Римской империи ускорило ее гибель: «Причина падения находилась куда дальше, на Востоке — в азиатской Монголии; там западных гуннов теснили игуры и другие народы: гунны перешли через Волгу, встретили у Дона аланов, набрали на огромное царство готов у Черного моря, и теперь южные немецкие народы, западные и восточные готы, вандалы, аланы, свевы пришли в движение, — за ними шли по пятам гунны» (Гердер 1977. С. 468).

С. 192. *По свидетельству историка Иорнанда, он первобытную жизнь вел в Скандинавии.* — См.: Иордан. С. 65.

С. 192. *...и произвел страшный всемирный переворот...* — В беловом варианте лекции Гоголя «(2.) О движениях народов германских...» выделены на полях подзаголовками разделы «Переворот, произведенный готами» и «Переворот, (произведенный) гуннами» (Ак. Т. 9. С. 112).

С. 193. *Халцедон, Эфес были обращены в пепел; Афины были разграблены страшно, безжалостно.* — Халцедон — Халкедон, город в

малоазийской провинции Вифиния, на Босфоре; был разграблен при нападении на нее готов в 257—258 гг. Эфес — главный город провинции Азия, на побережье Эгейского моря, знаменитый храмом богини Артемиды; готы уничтожили его во время похода 262 г. (см.: *Иордан*. С. 82). Морские походы готов на Грецию и Малую Азию были особенно опустошительны в 50—60-е годы III в.; позднее, в 380—382 гг., готы вновь доходили до Афин и Коринфа, а в 395 г. под предводительством Алариха, двинувшись на Константинополь, повернули в Македонию и Фессалию, прошли через Фермопилы, разрушили Афины, сожгли Коринф, опустошили Пелопоннес (см.: *Скржинская*. С. 258, 286—289).

С. 193. *Деций* (201—251) — римский император (249—251); о его гибели см.: *Иордан*. С. 81.

С. 193. *Готы ~ заняли нынешнюю Россию, приобрели трактатом от римлян всю Дакию...* — После первых завоеваний готы осели в причерноморских степях. В 271 г. император Аврелиан вывел римские войска из Задунайской Дакии (см. выше), оставив ее готам, и создал новую, Прибрежную (правобережную) Дакию в составе Империи (см.: *Скржинская*. С. 239—240, 283).

С. 193. *Нападения свои они сопровождали, так же как и другие германские племена, песнями. В песнях провозглашались имена древних героев Фридригера, Видигана, Этесбамера и других.* — Тацит говорит, что германцы песнью-заклятием «распаляют боевой пыл (...) они устрашают врага или, напротив, сами трепещут пред ним, смотря по тому, как звучит песнь их войска» (*Тацит*. Т. 1. С. 354). По *Иордану*, готы, прежде чем натянуть лук, «воспевали в песнях с припевами» под звук кифар деяния предков — Этерпамары, Ханалы, Фридригерна, Видигойи и других (*Иордан*. С. 68—69).

С. 194. *Поклонялись Водану, бывшему в отдаленные веки их предводителем, вместе с Оденом, этим северным Улисом...* — Водан (Вотан) и Один (Оден) — имя верховного бога германской мифологии соответственно у западных германцев и у скандинавов (см.: *Мифы*. Т. 2. С. 241; о неправомочности отождествления Одина и Водана см.: *Шлегель* 1829. Ч. 1. С. 279). Улисс — латинская форма имени Одиссей. «Племена по морю Балтийскому» Гоголь в лекции «(2.) О движениях народов германских...» называет «племенами Одиновыми, по имени чтимого ими героя. Они были: саксоны, кимвры (голштины), готы, ругии, бургунды, ломбарды и герулы» (*Ак*. Т. 9. С. 110), — и далее пишет: «Потрясение, произведшее первое большое движение народов, было сделано племенами Одинова происхождения и прежде всего готами, долго и до того времени беспокойно блуждавшими в странах Скандинавии, прибалтийских и финских» (*там же*, с. 112). Гоголь ссылается здесь на Шлегеля, имея в виду «то место лекций Ф. Шлегеля, где он говорит, что по скандинавским сказаниям “Один был сперва королем Саксонии, а оттуда прибыл в Швецию”, и толкует одно из свидетельств Тацита (о странствовании Улисса в Германии) как контаминацию двух сказаний: “...вероятно даже, что самое имя сего древнейшего Одина... припоминало римлянам греческого Одиссея и тем легче могло привести их к такому насильственному сближению германского витязя с героем Геллады”» (*Алексеев* 1936. С. 274—275; со ссылкой на: *Шлегель* 1829. Ч. 1. С. 279—281).

С. 194. *Имя царя их Германриха было уважаемо от берегов Черного моря до Ливонии...* — Ливония — земли по восточному побережью Балтийского моря. Германрих (Германарих) — король остроготов (о них и о везе-готах см. ниже), значительно расширивший их державу на северо-западном побережье Черного моря. Иордан говорит, что племя готов «на понтийском побережье скифской земли (...) держало огромные пространства земель и столько морских заливов, столько течений рек!» (Иордан. С. 78); Германарих же «властвовал (...) над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью» (там же, с. 84). Ср.: «Ужасные свирепостью и мужеством, Готфы основали сильную Империю, которая (...) в IV столетии, при Царе их Эрманарихе, заключала в себе не малую часть России Европейской, простираясь от Тавриды и Черного моря до Балтийского» (Карамзин. Кн. 1. Т. 1. Стб. 8; ср. в примеч. к т. 1, стб. 33, о том, что готы «в IV веке, при Эрманарихе, господствовали над всею восточною Европою»).

С. 194. *Но владычество готов было смущено великим азиатским нашествием гуннов.* — Ср.: «Гунны, народ кочующий, от полуношных областей Китая доходят чрез неизмеримые степи до юго-восточной России, нападают — около 377 года — на Алан, Готфов, владения Римские, истребляя все огнем и мечом» (Карамзин. Кн. 1. Т. 1. Стб. 9); их путь «с Северного Кавказа, с Дона и Днепра на Балканский полуостров, к югу от Дуная до стен Константинополя; на запад в Потиссье и на венгерскую равнину; затем до Орлеана на Луаре, до Аквилей и Милана в северной Италии (...) в общих чертах отражен в сочинении Иордана» (Скржинская. С. 270).

С. 194. *Домициан Тит Флавий (51–96) — римский император с 81 г.*

С. 194. *...ничего не знал даже о том, существует ли на свете этот народ, до времени императора Валенса, т.е. до того времени, когда увидел вдруг извергнувшиеся из гор Азии толпы гуннов...* — Валент (Valens) Флавий (328–378) — римский император с 364 г., в качестве соправителя своего брата Валентиниана правил восточной частью Римской империи. Появление гуннов на территории Европы (на Северном Кавказе и на Дону) датируется приблизительно 360–370 гг. Современники признают, что «в древних сочинениях племя гуннов было известно слабо», и говорят о «внезапном натиске», «внезапной буре» их нападения, о «внезапной ярости», которой они «воспламенились против готов» (см.: Скржинская. С. 268–269).

С. 194. *...привели в такой ужас азиатско-римские провинции...* — «Ужас был их предтечею», говорит Карамзин, замечая, что «Современные Историки не находят слов для описания лютой свирепости и самого безобразия Гуннов» (Карамзин. Кн. 1. Т. 1. Стб. 9); он цитирует римского историка Аммиана Марцелина (ок. 332 — ок. 400): «Гунны, прежде едва известные, имеют отвратительные лица (...) все безобразны, толстошеи, сутулы (...) едят траву, коренья и сырое мясо, согрев его на седле под собою; не знают домов, убегая их как могил (...) на лошадях едят и спят (...)» (там же, примеч. к т. 1, стб. 12–13). Иордан говорит, что «их образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз»; они «невелики, но быстры проворством своих движений (...) широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда

горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи»; он же сообщает, что при первом вступлении гуннов на скифские земли всех пленников «они принесли в жертву победе» (Иордан. С. 85).

С. 194. ...думали, что маги и волшебники неизмеримых каспийских пустынь вошли в нечистое сношение с дьяволами и от этого союза произошли гунны. — «Король готов (...) обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний (...) он прогнал их далеко от своего войска (...). Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя» (Иордан. С. 84); в пересказе см.: Карамзин. Кн. 1. Примеч. к т. 1. Стб. 35.

С. 194—195. ...они ~ зацепили путем своим Кавказа, сорвали с его подошвы несколько народов кавказских и увлекли с собою. Вся эта кочевая толпа высыпала в Европу... — Ср. ниже: «алане, оторванные гуннским порывом с подошвы Кавказа» (с. 195). Гоголь воспроизводит тот образ гуннского нашествия, каким он сложился в глазах потрясенных современников; так, Аммиан Марцеллин пишет, что оно возникло «как снеговой ураган в горах»: «По всему пространству, которое тянется к Понту, начиная от маркоманнов и квадов, шевелится варварская масса скрытых до сих пор племен, внезапной силой сорванная со своих мест»; Иордан говорит об «урагане племен» (Иордан. С. 85; Скржинская. С. 270).

С. 195. ...ее обширные ворота... — Ср. выше о равнинной восточной части Европы: «Это были широкие ворота в Западную Европу...» (с. 192).

С. 196. ...разделились ~ на визиготов, которых цари были избираемы из прежней царственной линии Бальтов, и остроготов, избравших царей из новой царственной ветви Амалов. — Соответственно делению на остготов (восточных готов) и вестготов (западных готов), границей между которыми был Днестр. Гоголь знает и эти термины (см.: Ак. Т. 9. С. 162), но здесь (и в тексте лекций) пользуется, вслед за Иорданом, обозначениями визиготы (везеготы) и остроготы (Vesegothae и Ostrogothae, предположительно от austr — «блестящий» и weise — «мудрый»); готы, пишет Иордан, «разделились между двумя родами своего племени: везеготы служили роду Балтов, остроготы — преславным Амалам» (Иордан. С. 68, 129; Скржинская. С. 246).

С. 196. ...часть визиготов под начальством Фридригера, Алета, Сафраха обратилась с просьбою к римскому императору о позволении перейти через Дунай ~ Император Валентиниан, управлявший Империей вместе с братом своим Валентом, принял с радостью неожиданную помощь... — Имена вождей — Fritigernus, Alatheus, Safrac — названы у Иордана (см.: Иордан. С. 146; Скржинская. С. 283—285). Просьба готов последовала как раз тогда, когда после смерти императора Валентиниана I (364—375) правителями западной половины Империи стали его сыновья — бывший уже его соправителем Грациан (367—383) и малолетний Валентиниан II (375—392), правителем восточной оставался Валент (см. выше). Ср. в лекции Гоголя «(2.) О движениях народов германских...» под датой «376»: «Большая часть визиготов (...) выпросили позволения императора Валенса перейти Дунай с условием принять арианство» (Ак. Т. 9. С. 112).

С. 196. ...фракийским правителям Лупцину и Максиму... — О них см.: Иордан. С. 87; Скржинская. С. 285. Фракия — римская провинция на Балканском полуострове от Черного до Эгейского моря.

С. 196. Он был ревностный арианец... — Арианство — христианская ересь, основатель которой Арий (ум. 336) отрицал божественность Христа, утверждая, что Спаситель был сотворен и потому не «единосущен», а лишь «подобосущен» Отцу. На I Вселенском соборе христианской церкви в Никее в 325 г. был выработан Символ веры, утверждавший единосущность Христа и Бога Отца и осуждены положения Ария; но арианство продолжало распространяться в восточных провинциях Империи. Иордан говорит, что «везеготы благодаря императору Валенту сделались арианами, а не христианами» и затем «склонили все племена своего языка к признанию этой секты» (Иордан. С. 86).

С. 197. И так Валенту наконец пришлось поплатиться ~ он спрятался в бедную хижину и был сожжен вместе с нею ~ Готы с торжеством с бесчисленною добычею возвратились в свои жилища... — Восстание готов, начавшееся в 376 г., переросло в разноплеменную войну против римлян. Войска императора Валента были разбиты готами под Адрианополем 9 августа 378 г., и этот день признан днем решающей победы варваров над Империей. После этой «плачевной битвы», говорит Иордан, «римский император бежал в какое-то поместье около Адрианополя; готы же, не зная, что он скрывается в жалком домишке, подложили [под него] огонь, как это обычно для озверевшего врага, и император был сожжен с царственным великолепием. Едва ли не по божьему, поистине, суду случилось так, что спален он был огнем теми самыми людьми, коих он, когда просили они истинной веры, склонил в лжеучение и огонь любви извратил в геенну огненную» (Иордан. С. 87). Еще пять лет император Феодосий I пытался подавить восстание, но в конце концов вынужден был заключить с готами договор, по которому они получали зерно, скот и земли во Фракии, Фригии и Лидии, сохраняли племенную организацию и вождей (см.: ВИ. Т. 2. С. 810).

С. 197. Император Феодосий думал спасти ее чрез эту секуляризацию... — Феодосий I (346—395, правил с 379 г.), воевавший в Испании, был вызван оттуда для подавления готского восстания и назначен августом Востока. Он добивался единства церкви, запретил все вероучения, кроме православного (прежде всего это касалось скомпрометированного готским восстанием арианства) и предоставил епископам небывалую власть и влияние. Последние три года своей жизни был единоличным правителем Империи; с его смертью в 395 г. произошло окончательное ее разделение на Западную и Восточную (см.: ВИ. Т. 2. С. 811).

С. 197. Восточная империя ~ досталась Аркадию, которым управлял пронырливый опекун его Руфим ~ Западная империя вручена была малолетнему Гонорию, которым управлял Стиликон, родом вандал... — Аркадий (377—408) был соправителем отца с 383 г., единолично правил с 395 г. на Востоке, Гонорий (384—423) был соправителем отца с 393 г., единолично правил с 395 г. на Западе. О них, о префекте Руфиме (Руфин) и о военачальнике-полуварваре, командовавшем армией Феодосия, Стиликоне (Стилахон; ок. 365—408), говорится в лекции Гоголя

«(2.) О движениях народов германских...» (см.: Ак. Т. 9. С. 113–114; см. также: Скржинская. С. 295–297).

С. 198. *Эгид* (эгида, от греч. αἴς, αἴδος) — атрибут Зевса, Афины и Аполлона в виде щита, знак власти над грозными природными силами.

С. 198. *Аларих вдруг обратился и очутился под стенами Рима. ~ Великолепные дома и дворцы были разграблены, но грозный Аларих запретил зажигательство и пролитие крови.* — «Наконец, вступив в Рим, они, по приказу Алариха, только грабят, но не поджигают, как в обычае у варваров, и вовсе не допускают совершать какое-либо надругательство над святыми местами» (Иордан. С. 90). Аларих (ок. 370–410) — вождь вестготов. После смерти императора Феодосия вестготы, не получая полагавшегося им как федератам Империи вознаграждения, провозгласили Алариха царем и под его руководством в 401–410 гг. совершили три похода в Италию, последний из которых завершился захватом и разграблением Рима в августе 410 г. (см.: ВИ. Т. 2. С. 811; Скржинская. С. 288–291). В изложении Гоголя три похода Алариха сливаются в одно событие (ср. рассказ о них в его лекции; Ак. Т. 9. С. 113–114).

С. 198. *Гонория и следа уже не было в Риме...* — Во время первого похода Алариха в связи с угрозой захвата императорская резиденция была перенесена в Милан, потом в Асти и наконец в Равенну, признанную наиболее безопасной.

С. 198. *...возвел им царя их же префекта Атала и заставил его ползать у дверей палат своих.* — Приск Аттал был посажен на престол Аларихом в конце 409 г. и им же свергнут летом 410 г. (см.: Скржинская. С. 290–291).

С. 198. *Для гробницы его визиготы отвели течение реки Везанто...* — Аларих умер в конце 410 г. близ города Консенция (ныне Козенца в Калабрии); о погребении его на дне реки Буэнт (Busento) см.: Иордан. С. 91, 148.

С. 199. *...Астольф наконец вывел готов в Испанию, где они ~ составили сильное готское королевство...* — Астольф (Атаульф, Atavulfus; 410–415) — король вестготов; об их королевстве в Южной Галлии и Испании см.: Гердер 1977. С. 510–514.

С. 199. *Гензерих* (Гейзерих; Geiserich, 428–477) — см. о нем ниже.

С. 199. *В Риме управлял именем малолетнего Валентиниана и его матери знаменитый Аэций...* — Валентиниан III (419–455), император Западной Римской империи с 425 г., при регентстве до 437 г. его матери, Галлы Плацидии (ок. 390–450), дочери императора Феодосия I. Аэций (ок. 390–454) — полководец, прославившийся искусством войны с варварами (о нем: Скржинская. С. 305–307).

С. 199. *Он имел сильного противника в Бонифации, правителе Африки ~ В 427 году Гензерих с вандалами и частью аланов высадился на берег Африки ~ Бонифаций был разбит.* — Бонифаций (ум. 432) — один из высших римских военачальников, командовал в Африке войском готов-федератов; в 427 г. против него были двинуты войска Империи. По легенде, переданной Иорданом и Прокопием, он заключил военный союз против Империи с вандалами, с чем связывают их появление на африканском побережье в 427 или, по другим сведениям, в 429 г., потом сра-

жался против них вместе с прибывшим к нему римским войском, потерпел поражение и вернулся в 432 г. в Рим, где погиб от раны, нанесенной Аэцием (см.: Скржинская. С. 301–302).

С. 199. *Каждой год этот нумидийский лев появлялся у всех берегов Средиземного моря от Греции и Илирии до Гибралтара ~ Испания, Сицилия, Сардиния, Далмация попеременно чувствовали ужасную разрушительную руку ~ первое государство христианских корсаров.* — Нумидия — римская провинция в Северной Африке. Илирия — восточное побережье Адриатического моря. Далмация — римская провинция на Адриатическом море. Гердер описал государство вандалов в Северной Африке как «первое христианское разбойничье гнездо, более мощное и сильное, чем все, что впоследствии устраивали их преемники — магометане»: «Гейзерих, король вандалов, один из самых храбрых варваров, каких только видела земля, с очень небольшой кучкой воинов за несколько лет захватил все прекрасное африканское побережье, от Гибралтара до Ливийской пустыни, и построил флот, с помощью которого он в течение полувека, словно нумидийский лев, очищал берега Средиземного моря, начиная с Греции и Илирии, выплывал за Геркулесовы столпы на Западе, проникал в Галицию на Востоке, присвоил себе Балеарские острова, Сардинию, часть Сицилии» (Гердер 1977. С. 514–515).

С. 200. *...пригласил Аттилу ~ напасть с севера на Испанию и Италию.* — Аттила — царь гуннов (ок. 434–453), объединивший в 444 или 445 г. под своей единоличной властью разделенных прежде гуннов и покорные им племена; войско его достигало пятисот тысяч, по словам Иордана; ср. у него же о приглашении Аттилы (см.: Иордан. С. 95–96).

С. 200. *...неуклюжий дворец его.* — О дворце Аттилы, со ссылкой на записи Приска, см.: Иордан. С. 95; Скржинская. С. 309; Гердер 1977. С. 516; Карамзин. Кн. 1. Примеч. к т. 1. Стб. 13–14.

С. 200. *Готы, гепиды, алане, герулы, аказиры, туринги и славяне очутились в границах его ~ империи. Греческий император ~ присылал ему дань ...* — Ср.: «Восточные императоры платили Аттиле дань; он презирал их как слуг их собственных рабов, заставлял отсчитывать себе 2100 фунтов золота ежегодно и при этом ходил в льняной одежде. Ему служили готы, гепиды, аланы, герулы, аказиры, тюринги и славяне» (Гердер 1977. С. 516). Император Восточной Римской империи Феодосий II (408–450) платил гуннам поначалу 350 золотых ливров, затем 700, а после мира 443 г., когда Аттила отказался от осады Константинополя, стал выплачивать им настоящую дань — 2 тысячи золотых ливров (см.: Скржинская. С. 307).

С. 200. *Это был маленькой человек, почти карло, с огромною головою, с небольшими калмыцкими глазами ~ ни один из подданных его не мог выносить их без невольного трепета. Одним этим взглядом он двигал всеми своими племенами, которые ~ слились его словом в одну душу.* — Ср.: «По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения» (Иордан. С. 96). В.В. Гиппиус связывает «легенду о власти глаз Аттилы (...) с одновременно создававшимся "Порт-

ретом”», полагая, что Гоголь не проводил четкой границы «между изучаемой историей и созданиями своего воображения» (*Гиппиус 1924. С. 65–66*). Однако Гоголь всего лишь пересказывает, и достаточно сдержанно, Иордана, который говорит, что Аттила «неведомо по какому жребию, наводил на все трепет (...) метал взоры туда и сюда (...) толпа королей и вождей различных племен ожидала (...) кивка Аттилы: куда бы только ни повел он глазом, тотчас же всякий из них (...) исполнял то, что ему приказывалось. Один Аттила (...) возвышался над всеми и пекся обо всех» (*Иордан. С. 95, 99*).

С. 200. *Посреди своих придворных, блиставших награбленным золотом ~ носил грубую широкую одежду, лежал на простом войлоке, пил почти одну воду из деревянного котла, ни седло, ни лошадь его не видали на себе драгоценных камней, и сам себя называл бичом Божиим...* — Карамзин, ссылаясь на записки Приска, пишет, что Аттила «славился презрением золота и роскоши, ужасал мир и гордился именем бича Небесного»: «Все другие ели с блюд серебряных и пили из золотых стаканов: Аттиле подавали только деревянные. (...) Одежда, мечи и кони вождей его блистали золотом и драгоценными камнями: сам Аттила презирал наружные украшения. (...) Аттила говорил о себе, что он бич Небесный и млат вселенный; что звезды падают и земля трепещет от его взора» (*Карамзин. Кн. 1. Т. 1. Стб. 10; Примеч. к т. 1. Стб. 14*). Постоянно присоединяемое к имени Аттилы определение Бич Божий (*лат. Flagellum Dei*; ср. библейскую метафору «всепоражающего бича Его» — см.: *Иов 9, 23; Ис 10, 26; 28, 15; 28, 18; 3 Езд 16, 20*), по одной из версий, восходит к событиям осады Рима (см. ниже), когда папа римский встретил его словами «Приветствую тебя, Бич Божий».

С. 200. *...чудесный меч, который должен завоевать ему весь мир. — О находке «Марсов меч, признававшегося священным у скифских царей», упоминает Иордан; он приводит рассказ Приска о том, как пастух нашел меч, выступающий из земли, пройдя по кровавым следам поранившейся овцы, «и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах»* (*Иордан. С. 96*).

С. 201. *Альпы были древним хранилищем европейской свободы... — Ср.: «... в горах просыпается и дух мужества и вольности, когда равнины уже томятся под бременем законов, искусств, пороков»* (*Гердер 1977. С. 29*).

С. 201. *Равнинам близ Марны во Франции определено было быть театром этой единственной битвы. — Речь идет о сражении 451 г. на Каталаунских полях (от названия города Catalaunum — нынешний Шалонсюр-Марн) в Шампани. Каталаунская битва описана у Иордана именно как выступление союзников соединенными усилиями против тирана, подчинившего себе «многочисленные народы и различные племена» и жаждущего «порабощения вселенной» (см. *Иордан. С. 96–102*).*

С. 201. *Паннония (Верхняя и Нижняя) — римская провинция на правом берегу Дуная.*

С. 201. *Азгий ~ облегчил ему удаление. — См.: Иордан. С. 102.*

С. 201. *Первый город, испытавший его тяжелую руку, был Аквилея. Он его обратил в пепел и заставил горсть спасшихся жителей зародить на Адриатическом море Венецию.* — Об осаде Аквилеи, главного города провинции Венетий, на северном берегу Адриатического моря, см.: *Иордан. С. 102—103.* Сведения об основании Венеции содержатся в гоголевском конспекте книги Г. Галлама «Европа в средние века» (см.: *Ак. Т. 9. С. 248*). В такой же связи события изложены в лекции Гоголя «(2.) О движениях народов германских...» (см.: *Ак. Т. 9. С. 116*).

С. 201. *Испуганный папа ~ вышел навстречу неумолимому гунну...* — Имеется в виду св. Лев Великий, папа римский (440—461); о нем в записи Гоголя по истории Западной Европы «Папы» сказано, в частности: «Спас Рим от Аттилы и грабительства Гензериха» (*Ак. Т. 9. С. 167*). Тема Аттилы под стенами Рима осмыслена как тема Священной истории у Рафаэля, на картине которого «представлен момент, когда римский епископ склоняет этого завоевателя к отступлению», причем «папа, его свита и реющие в небесах апостолы Петр и Павел» задуманы в духе «спокойствия в величии и той высшей символичности в исторической живописи, которая свойственна ей как выражению идей»: «Папа представлен в тихой уверенности почтенного мужа, умиряющего мятеж одним своим присутствием. Апостолы без всякого бурного движения кажутся угрожающими и устрашающими. В Аттиле видно выражение страха, и покою и тишине величественной части картины противостоят, с другой стороны, беспокойство и движение, где трубят в поход и все в смятении и замешательстве готовится к отступлению» (*Шеллинг. С. 264—265*). В лекции Гоголя «(2.) О движениях народов германских...» говорится, что в 452 г. Аттила отказался от осады Рима, «скло(нен)ный св. папою Львом Великим, подарками и обещаниями императора» (*Ак. Т. 9. С. 116*), т.е. по чисто рациональным соображениям; в статье же он ближе к Иордану, который предлагает здесь мистический мотив, напоминая, что до этого внезапную смерть Алариха (см. выше) связывали с «греховным» фактом захвата им «столицы мира», и поэтому приближенные Аттилы «боялись за судьбу своего короля» (*Иордан. С. 103; Скржинская. С. 313*).

С. 202. *Аттила умер необыкновенным образом. Суровый, воздержный ~ выпил за одним разом всю железную жизнь свою. Кровь у него пошла из ушей, из носа, из рта — и он задохнулся.* — Иордан, напротив, говорит, что смерть Аттилы «оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна», и не дает оснований для версии о его воздержности; ссылаясь на записки Приска, он сообщает, что Аттила «взял себе в супруги — после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, — девушку замечательной красоты по имени Ильдикю. Ослабевший на свадьбе от великого его наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю» (*Иордан. С. 109*).

С. 202. *В неведомой пустыне, среди глубокой ночи копали могилу Аттиле ~ На могиле его были заколоты все рабы и копавшие землю...* — Ср.: *Иордан. С. 110*.

С. 202. *Тогда ~ на востоке начали виднее показываться племена славян...* — Карамзин говорит, что именно после этих событий «выходят на феатр Истории Славяне (...) и народ, коего бытие мы едва знали, с шестого века занимает великую часть Европы, от моря Балтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря. (...) Обстоятельства времени им благоприятствовали. Германия опустела; ее народы воинственные удалились к Югу и Западу искать счастья. (...) Тогда начинают говорить об них Историки Византийские, описывая свойства, образ жизни и войны, обыкновения и нравы Славян, отличные от характера Немецких и Сарматских племен: доказательство, что сей народ был прежде мало известен Грекам, обитая во глубине России, Польши, Литвы, Пруссии, в странах отдаленных и как бы непроницаемых для их любопытства (...) только со времен Юстиниановых, с 527 году, утвердся в северной Дакии, начинают они действовать против Империи» (Карамзин. Кн. 1. Т. 1. Стб. 11).

С. 202. *...разрослись в шестьдесят равных ветвей...* — Гоголь ссылается на швейцарского ученого Конрада Геснера (1516—1565); ср. в выписке Гоголя по русской истории: «... А народов славянских 60 народов (по Конраду Геснеру)» (Тих. Т. 6. С. 441).

С. 202. *Сенатор Максим успел очернить ~ Аэция, и неблагодарный Валентиниан убил его собственной рукою. Но ~ сам погиб, умерщвленный Максимом...* — Ср.: Иордан. С. 105; Скржинская. С. 307, 315).

С. 203. *Гейзерих имел необыкновенное искусство грабить ~ Корабли свои он наполнил множеством пленников, с которыми сам не знал что делать ~ увез даже супругу императора ~ вместе с дочерьми ее, наконец даже сорвал золотой купол с Капитолия...* — Гейзерих, король вандалов, захватив Рим в мае 455 г., «целых десять дней, неторопливо, методично, грабил столицу мира Рим, оставляя после себя одну пустоту, после чего счастливо и благополучно прибыл в свой Карфаген вместе с похищенной императрицей и ее двумя дочерьми, с золотой крышей храма Юпитера, с древней казной иерусалимского храма, с неизмеримой ценности сокровищами и творениями искусства (...) со множеством пленников, которых он не знал, куда и девать» (Гердер 1977. С. 515). Ср. изложение событий 454—455 гг. в лекции Гоголя «(2.) О движениях народов германских...» (см.: Ак. Т. 9. С. 116—117).

С. 203. *...предводитель их Одоакр отрешил своего императора от должности...* — Одоакр (433—493) — командир наемников-варваров, свергнувший в 476 г. последнего римского императора (475—476) Ромула Августула; год его свержения и основания на территории Италии первого германского государства (476—493) считается датой окончательного падения Западной Римской империи. В лекции Гоголя «(2.) О движениях народов германских...» оно описано с узкополитическими подробностями, полностью опущенными в статье (см.: Ак. Т. 9. С. 117).

С. 203. *Сиагрый — римский полководец, наместник Галлии (464—486); так называемое государство Сиагрия на остатках территории Империи в Галлии, севернее Луары, было уничтожено франками, а сам он в 487 г. казнен (см.: Скржинская. С. 316, 360). Кловис — Хлодвиг (466—511), король франков с 481 г. Ср. об этих событиях в лекции Гоголя «(6.) Состояние франков под начальством королей-предводителей...» (Ак. Т. 9. С. 125).*

С. 203. ...остротогы, предводимые Феодориком ~ заняли Италию... — Феодорик (Теодорих, ок. 454—526) — король остготов с 471 г.; об основании остготского королевства на территории Италии (493 г.) говорится в лекции Гоголя «(4.) Состояние Италии под владычеством готов, греческого экзархата, ломбардов...» (см.: Ак. Т. 9. С. 121). Феодорику посвящена также первая часть записи Гоголя «Италия до вестготов» (см.: Ак. Т. 9. С. 162); ср. также: Гердер 1977. С. 517—519.

С. 204. В Испании визиготы... — Об этом говорится в первой части лекции Гоголя «(7.) Состояние королевства вестготов в Испании...» (см.: Ак. Т. 9. С. 128—129).

С. 204. В северной Германии саксоны... — Ср. в лекции Гоголя «(8.) Состояние Европы неримской...» (Ак. Т. 9. С. 130).

С. 204. ...ломбарды, потом блеснувшие в Италии... — О государстве германского племени ломбардов в Италии в VI—VIII вв. говорится в лекции Гоголя «(4.) Состояние Италии под владычеством готов, греческого экзархата, ломбардов...» (см.: Ак. Т. 9. С. 123); см. также: Гердер 1977. С. 519—522.

С. 204. ...ереси Нестория и Евтихия... — Несторий (после 381 — после 451) — патриарх Константинопольский (428—431), положивший начало ереси несторианства. Евтихий — константинопольский архимандрит (V в.), основатель ереси монофизитства. Их сторонники выступали против догмата о богочеловечности Христа; при этом несторианство рассматривает божественное и человеческое в Иисусе как две сущностно разные величины, а путь человека Иисуса — как путь постепенного совершенствования; монофизитство, напротив, говорит о полном поглощении божественной природой человеческой природы Христа (см.: Аверинцев С.С. Христианство // ФЭ. С. 448). Несторианство было осуждено как ересь на III Вселенском соборе 431 г. в Эфесе, монофизитство — на IV Вселенском соборе 451 г. в Халкидоне. Ср. раздел «Секты Нестория и Евтих(ия)» в лекции Гоголя «(9.) Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров...» (Ак. Т. 9. С. 134).

КЛОЧКИ ИЗ ЗАПИСОК СУМАСШЕДШЕГО

Источники текста: ЧН ЭпСм, ЧА ЭпСм, Ар. (см. с. 490, 491).

Впервые опубликовано: Ар. Ч. 2. С. 233—276. Датируется предположительно сентябрем—октябрем 1833 г. Печатается по Ар. со следующими исправлениями:

С. 206, строки 22—23: не дегатированное — вместо: не дигатированное (по ЧА ЭпСм)

С. 213, строка 7: Я с большою охотою — вместо: Я с большою охотою

С. 217, строка 36: какую бы вы ералашь подняли — вместо: какую бы вы яралашь подняли (по ЧА ЭпСм)

ЧА ЭпСм начинается в тетради на л. 104 об. — на обороте последнего листа статьи «Последний день Помпеи» (конец августа 1834 г.) и заканчивается на л. 110 об., после чего один лист оставлен чистым и далее на л. 112

начата статья «Ал-Мамун» (август—октябрь 1834 г.); таким образом, *ЧА ЭлСм* по положению в тетради можно датировать концом августа — октябрем 1834 г. Текст написан черными чернилами, одним и тем же почерком, пером то более тонким, то утолщающимся, без очевидных перерывов в работе. На л. 105 в свободной нижней его части (первые записи дневника Поприщина Гоголь начинают каждую с новой страницы, не дописывая до конца листы) записана вставка к л. 108: «Черт возьми! я не могу более читать ~ Я изорвал в клочки письма глупой собачонки»; имеются еще небольшие вставки, почти все в нижней части листов, сделанные по ходу работы. На л. 104 об. перед началом текста теми же чернилами написаны буквы: «о П», т.е., возможно, «о П(ушкине)», что могло означать намерение Гоголя записать здесь вставку к статье «Несколько слов о Пушкине» (об этом: *Тих. Т. 5. С. 610*). Даты записей первой, «реальной» половины повести отсутствуют, кроме первой, вписанной наискось и неразборчиво в левом верхнем углу листа. Рукописная редакция значительно отличается от печатного текста. «Вышла вчера довольно неприятная зацепка по цензуре по поводу Записок сумасшедшего, — говорится в недатированном письме Гоголя Пушкину (конец декабря 1834 — начало января 1835 г.). — Но слава Богу, сегодня немного лучше. По крайней мере я должен ограничиться выкидкой лучших мест. Ну да Бог с ними! Если бы не эта задержка, книга моя может быть завтра вышла». Начиная с Н.С. Тихонравова позднейшие издатели стремятся так или иначе восполнить эти изъятия, прямо включая в текст до двадцати и более «лучших мест» из черновика или указывая на них в примечаниях (см. об этом в т. 6 наст. изд.).

Эскизом к «Запискам сумасшедшего», использованным при изображении дождливого городского утра в начале повести, является ранний отрывок «Дождь был продолжительный» (1833 — не позднее февраля 1834 г.); названием «Дождь» он обозначен уже в первом плане *Ар.* (февраль 1834 г.). В этом отрывке общий «петербургский» замысел Гоголя, расплывшийся затем на три повести *Ар.*, заметно уклоняется в сторону не фантастического и фантазмагорического, а трезво-практического, далекого от всякой поэзии, делового, бюрократического Петербурга, города чинов, карьеры, власти и прозябания, ремесленников, купцов и чиновников, не романтических «чердаков», а прозаически-нищенских «четвертых этажей» (см. также «Ревизор»; позднее «начиная с Достоевского четвертый этаж — одна из важных констант Петербурга», *Топоров 2003. С. 108*). Во второй перечень содержания сборника (не ранее августа 1834 г.) повесть включена под названием «Записки сумасшедшего музыканта»; это традиционное прочтение (впервые: *Тих. Т. 5. С. 610*) было оспорено В.А. Воропаевым и И.А. Виноголадовым; однако предложенное ими чтение («мученика» вместо «музыканта») («написание букв “з” и “ч” в середине слова у Гоголя практически одинаково; буква “ы” (...) не читается; “н” и “к” опять-таки близки в написании; предполагаемые же окончания слова -анта и -ика равно гипотетичны, ибо буквы в автографе написаны далее очень неразборчиво и переходят в росчерк», *Гоголь 1994. Т. 3. С. 504*) не подтверждается рукописью: рисунок начала слова совпадает с написанием слова «музыка» в названии статьи «Скульптура, живопись и музыка» в том же перечне (и такое же «ы» в названии «Отрывок из романа»; см. ил. на с. 473); окончание же действитель-

но переходит в росчерк, но только после седьмой или даже восьмой буквы, так что «мученика» должно было бы читаться полностью; между тем на шестом месте очевидно гоголевское скорописное же «а», которое можно спутать с «о», но никак в данном случае не с «и». Это название возвращает замысел к возвышенному гофманианству другого «петербургского» фрагмента — «Фонарь умирал», дополняя его гофмановской же темой музыки. У Гофмана во «Фрагментах из жизни трех друзей» из книги «Серапионовы братья» (перевод: МТ. 1832. Ч. 44. № 8; Ч. 45. № 9) Гоголь мог прочитать о чиновнике Неттельмане, вообразившем себя королем Амбойны; как и Поприщин, он для подтверждения своего королевского сана облачается в импровизированную мантию, и его также увозят в сумасшедший дом, когда он полагает, что отправляется в фантастическую подвластную страну (см.: *Виноградов 1976. С. 208–209*, со ссылкой на работу Stender-Petersen'a «Gogol und die deutsche Romantik», 1922; *Ботникова. С. 141, 202*); и у Гофмана же есть сказочно-символическая трактовка темы в «Повелителе блох», где мечтатель Перегринус, в детстве попытавшийся «при помощи картонных ножниц» перекроить халатик «на китайский фасон, дабы, сообразно обычаям страны», ходить по улицам воображаемого Пекина, видит себя в конце повести «на великолепном троне, в богатом индийском царском одеянии», он в самом деле — или в символической истории души — оказывается «королем Секакисом», а «царственная мантия» — его природным, истинным одеянием (см.: *Гофман. Т. 2. С. 349, 477–478*). Однако название «Записки сумасшедшего музыканта» дает основание возводить гоголевский сюжет не только к этим очевидно близким образцам, но в первую очередь к теме безумия у Гофмана (см., например: *Пумпянский 2000. С. 331; Гиппиус 1924. С. 228; Ак. Т. 3. С. 701–702; Золотуцкий 1976. С. 154; Ботникова. С. 141–143; Макогоненко 1979. С. 95–96*, и др.), — непосредственно или через Одоевского, чьи произведения о гениальных безумцах («Последний квартет Бетховена», 1830; «Opere del cavaliere Giambattista Piranesi», 1831; «Импровизатор», 1833; «Себастьян Бах», 1834), вошедшие позднее в книгу «Русские ночи» (1844), предназначались сперва для неосуществленного цикла «Дом сумасшедших» (см. о нем в письме Гоголя И.И. Дмитриеву от 30 ноября 1832 г.; см. также письмо Плетнева Жуковскому от 8 декабря 1832 г., *Плетнев. Т. 3. С. 522*). Н.С. Тихонравов полагал, что Гоголь хотел написать повесть на эту тему, «увлекшись рассказами князя В.Ф. Одоевского о сумасшедших музыкантах», и даже «может быть, действительно написал» ее (*Тих. Т. 5. С. 610*); это, по всей вероятности, преувеличение. Название «Записки сумасшедшего музыканта» во втором плане *Ap.* не гоголевское, а гофмановское, оно почти совпадает с названием «Проблески сознания безумного музыканта» (удалив впоследствии из заглавия слово «музыканта», Гоголь в то же время восстановил в нем гофмановскую раздробленность: «Ключки...») и взято из «Крейслерианы», где «безумие многих музыкантов», полагающих, что «поэтическое парение над повседневностью есть нечто необыкновенное и что при этом многие лишения обращаются в радости», уподоблено в глазах общества, уверенного, что художники «должны почитаться низшими существами», влачащими «жалкое существование в своем фантастическом мире», счастью «императоров и королей», которые «сидят в сумасшедшем доме с

соломенными венцами на головах» (Гофман 1972. С. 39, 40, 41). В качестве чужого название это не обязательно должно было указывать на профессию героя, а только на зависимость замысла, прямую или полемическую, от источника, в данном случае — от того специфического комплекса артистического безумия, которым гофмановский герой отвечает миру в их взаимно агрессивной коллизии. Гофман наложил свой резкий отпечаток на эту тему; трагический разрыв художника с миром у послужившего ему самому образцом Вакенродера, герой которого умирает от нервного истощения, не выдержав этого разлада («Примечательная музыкальная жизнь композитора Иозефа Берглингера»), Гофман превратил в *credo* художника и сделал собственно определением его; о капельмейстере Крейсере говорится, что его «давно все считали (...) безумным (...) все его поступки и действия, в особенности имевшие отношение к искусству, так резко переходили границы разумного и пристойного, что едва ли было возможно сомневаться в его умственном расстройстве. Образ его мыслей становился все необычайнее, все запутаннее (...) величайшие его страдания иногда приобретали шутовской характер»; в оставшейся после него книге история «любви артиста» и «цикла чисто духовных толкований музыки» должны были быть объединены под названием «Проблески сознания безумного музыканта» (Гофман 1972. С. 62, 64); Гофман отдает здесь герою собственный замысел: задуманное сочинение «Часы просветления некоего безумного музыканта» упоминается в его дневнике (см. там же, с. 481, 499, примеч. на с. 626), и, как предполагается, этот «музыкальный роман» о безнадежной любви был прообразом будущих «Житейских воззрений кота Мурра» (там же, с. 472, 569). С ними «Записки сумасшедшего» долгое время сравнивали на внешне-композиционном основании — такое сравнение было подсказано «перепиской собачек», отмеченной первыми же рецензентами (см. ниже); записки героя с включениями ее напоминали чередование дневников Крейсера и записок кота у Гофмана; традиционно упоминалась также послужившая ему самому образцом «Новелла о беседе, имевшей место между Сипионом и Бергансой, собаками госпиталя Воскресения Христова...» Сервантеса; см. об этом: Веселовский 1916. С. 193; Чудаков Г.И. Отношение творчества Н.В. Гоголя к западноевропейским литературам. Киев, 1908. С. 103–104; Родзевич 1917. С. 219; Гиппиус 1924. С. 228 (здесь названа также традиция Тика: «Hinze в “Коте в сапогах” говорит об издании журнала; собака в “Принце Цербино” делается писателем»); Ботникова. С. 141–143. Гофмановская интерпретация темы артиста не прижилась в России; на откровенно гофмановское у Гоголя досадливо реагирует уже Шевырев непосредственно после выхода *Ар.* (см. ниже); Ап. Григорьев позднее скажет, что «романтический способ представления художников и поэтов», при котором они «ставятся на одну доску с сумасшедшими», очень скоро «потерял всякий кредит и совершенно опошлится» и эта «общая тема повестей тридцатых годов нашей словесности» успела «уже в сороковых годах стать совершенно избитою темою»; и хотя он выделяет повести Гоголя о художниках из общего разряда повестей, изображающих этот «чрезвычайно исключительный» тип (Григорьев 1967. С. 196), но и они не создали традиции в литературе — потому, говорит Л.В. Пумпянский, что «музыканты, художники, поэты, мечтатели» не были «серьезным в России социальным

явлением», «в русской жизни этот род людей был едва намечен социально (...) "Портрет" — похоже на перевод (В.Ф. Одоевский — тем более)» (*Пумпянский 2000. С. 332; см. там же, с. 549*). Но именно в отвлечении от темы искусства гофмановское изображение безумия артиста, существенно связанное с рождением «новой цивилизации больших городов труда» (*там же, с. 332*), оказалось необходимо «петербургскому» замыслу Гоголя, целью которого был не художник как таковой, а «определенная исчерпанность исторической жизни» и «фантастичность» ее, исходящая «из несогласия, неравновесия между универсальными силами, данными жизни самим Творением, самой природой, и ничтожно малой способностью их осуществления» (*Анненкова 1989. С. 134–135*). От того нового, что внес в литературу Гофман, «Записки сумасшедшего» не только ведут свое «всемирно-историческое происхождение» (*Пумпянский 2000. С. 332*), но, кроме того, увлечение Гофманом сыграло, по-видимому, исключительно важную роль в историко-литературной ориентации повести на русской почве — в том, что интересы Пушкина и Гоголя так совпали в их «петербургских» сюжетах. В развязке их — безумие и гибель в том или ином варианте во всех трех «петербургских» повестях *Ар.*, как и у Пушкина в «Пиковой даме» и в «Медном всаднике» (оба 1833 г.). «Итак, Пушкин и Гоголь сошлись на Гофмане (...). Пушкин подходит к гофмановской теме. Гоголь отправляется от нее (...) для Гоголя — Гофман уже позади: через безумие, потерявшее уже все оправдывающие черты чудачества и странности, мы стремительно спешим к созданию русской комедии», — пишет Л.В. Пумпянский; «зато у Пушкина есть прямое введение в гоголевскую поэтику: безумие в результате не эстетической, а исторической борьбы, т.е. (...) на повороте эпох» — «Медный всадник», как показывает исследователь, в нескольких отношениях «есть переход к поэзии Гоголя»; тема его — «разорение, вернее, падение рода» и «безумие как последняя ступень деклассирования» героя («безумие Евгения очень близко к Поприщину: нищета, "мелкий человек", Петербург»); и, полагает Л.В. Пумпянский, там можно найти «и ряд стилистических переходов к прозе Гоголя». В «Записках сумасшедшего» не менее, чем в пушкинской поэме, очевидна «связь родословной с сумасшествием или, вернее, социального ничтожества с сумасшествием», оно — «нижнее социальное положение», за которым следует «вытеснение из человеческого рода: ни зверь, ни человек, ни то ни се»; безумие и в «Пиковой даме» «страшно близко к Гоголю, потому что тоже связано с замыслом, с мономанией "своей идеи" и тоже, как у Гоголя, психологически подготовлено». Написанные, как и «Медный всадник», о столкновении частного существования с вневличной мощью государства в ставшем воплощением и символом ее городе, «идиллии» с «дереализованной эпичностью» самодержавной государственности столицы, «Записки сумасшедшего» «суть исторические "записки" об узловом моменте в истории русского государства. Этот момент есть Петербург», оказавшийся для героя Гоголя «безумно-распадающейся, неустойчивой территорией, от которой спастись можно только сойдя с ума» (*Пумпянский 2000. С. 272, 286, 329–334, 586, 815–816; см. также: Макогоненко 1979. С. 91–125*).

У истоков «Медного всадника» странным образом оказался С.А. Соболевский, младший друг Пушкина, библиофил и библиограф, поэт-эпи-

грамматист. 22 июля 1833 г. он приехал в Петербург после пяти лет, проведенных в Европе; это он привез оттуда Пушкину запрещенный в России том сочинений Мицкевича со стихотворениями «петербургского» цикла, под впечатлением которых Пушкин возвращается к давнему замыслу поэмы о городе Петра; с ним Пушкин обсуждает легенду о сошедшем со скалы памятнике и с ним же выезжает из Петербурга 17 августа, наблюдая подъем воды на Неве, угрожавший новым наводнением; Соболевский едет к себе в деревню, Пушкин — по местам пугачевского восстания и затем в Болдино, во вторую свою болдинскую осень; в конце июля и особенно в начале августа в Петербурге Пушкин виделся с Соболевским постоянно (см.: *Абрамович 1994. С. 269–270, 274–276, 281, 291*). В эти дни произошла история, о которой вспоминает В.А. Соллогуб: «Помню я, как однажды Пушкин шел по Невскому проспекту с Соболевским. Я шел с ними, восхищаясь обоими. Вдруг за Полицейским мостом заколыхался над коляской высокий султан. Ехал государь. Пушкин и я повернули к краю тротуара, тут остановились и, сняв шляпы, выжидали проезда. Смотрим, Соболевский пропал. Он тогда только что вернулся из-за границы и носил бородку и усы цветом ярко-рыжие. Заметив государя, он юркнул в какой-то магазин, точно в землю провалился. (...) Мы стоим, озираемся, ищем. Наконец видим, Соболевский, с шляпой набекрень, в полуфраке изумрудного цвета, с пальцем, задетым под мышкой за выемку жилета, догоняет нас, горд и величав, черту не брат. Пушкин рассмеялся своим звонким детским смехом и покачал головою: “Что, брат, бородка-то французская, а душонка-то все та же русская?” Эти слова глубоко врезались в моей памяти» (*Соллогуб 1988. С. 577*). Пушкину, по-видимому, тоже запомнилась история с Соболевским — все три эпизода встреч Евгения с Медным Всадником в той или иной мере вариации на ее тему: дважды упомянутая в первом из них шляпка, сорванная против воли с головы героя перед лицом императора («Без шляпы, руки сжав крестом, / Сидел недвижимый, страшно бледный / Евгений (...) Как ветер, буйно завывая, / С него и шляпу вдруг сорвал»; для Пушкина это была история автобиографическая, из семейной хроники — ср. его воспоминание о своей детской встрече с императором Павлом I, велевшим снять картузик с головы ребенка; см. письмо Пушкина к жене от 20 и 22 апреля 1834 г., *Пушкин. Т. 15. С. 129–130*); попытка вызова и сокрушительный ответный гнев в центральном эпизоде (чего остерегся непозволительно вызывающе выглядевший Соболевский); и наконец восстановленная покорность, когда герой обнажает голову перед статуей, как перед живым императором, в последнем: «Картуз изношенный сымал, / Смущенных глаз не подымал». Эпизод встречи с императором включает и Гоголь в повесть в ее черновом варианте: «Ходил инкогнито по Невскому проспекту. Проезжал Государь Император. Весь народ снял шапки, и я также. Однако же не подал ни(ка)кого вида, что я Испанский Король»; этот эпизод только отдаленно может быть соотнесен с центральной коллизией «Медного всадника», но близко, хоть и иносказательно, воспроизводит историю с Соболевским, которую Гоголь мог в том или ином виде узнать от Пушкина (это могло произойти в конце 1833 — начале 1834 г.); и вероятно, не случайно именно в этом эпизоде и в этой связи возникает слово «инкогнито», произнесенное в «Записках сумасшедшего» задолго до «Ревизора», сюжет

которого, по собственному, но совершенно не поясненному признанию Гоголя, был подарен ему Пушкиным (см. коммент. в т. 4 наст. изд.).

В тетради, где находится автограф повести, на л. 80 об. — оборотной стороне л. 80, которым заканчивается статья «Шлецер, Миллер и Гердер», — записаны четыре строки, представляющие собой, как определяет их В.Л. Комарович, «один из вариантов эпилога» и в этом качестве включенные им, в виде двух отдельных фрагментов, в свод вариантов как часть рукописи (Ак. Т. 3. С. 698, 571); в предлагаемом в настоящем издании прочтении: «Боже, что они делают со мною, они все льют на самое темя мне [воду] [Льдом и вод(ой)] страшную воду, она как стрела расщеливает череп мой. Матушка моя, за что они мучат меня. [Царица] (Ко)ролева моя светлая [взгляни] ты види(шь), как жестоко поступают со мною за любовь. Ты [знаешь] ли видишь ли, как обижают меня» (с. 444). Фрагмент стилистически не организован и только приближается к выражению уже сформулированного в черновике повести, содержательно же несоразмерно объемён и не случайно в последнее время становится объектом многозначительных интерпретаций (см., например, в связи с этим о «софийно-богородичной символике» в образе «“небесной” матушки» героя, *Вайскопф 1993*. С. 278, 123); однако это необработанная, хаотическая содержательность замысла, а не последние смысловые акценты эпилога. Стиль, содержание, внешний вид и даже расположение фрагмента (в давно заполненной глубине тетради, хотя непосредственно после текста повести оставался чистый с обеих сторон лист) говорят о том, что это не перерабатывающая вставка к тексту, а скорее всего предварительная запись замысла повести, первая или одна из первых (ср.: *Денисов 2006*. С. 148). Ее связывает с отрывком «Дождь был продолжительный» тема воды, вбивающей в землю «болотный город», всего лишь «холодной воды» в определенном тексте «Записок сумасшедшего» (и в черновом, и в печатном вариантах), но в сохранившем первоначальную, порождающую замысел эмоцию наброске — «страшной воды», которая «расщеливает череп», становясь средством лечения, неотличимым от орудия пытки «льдом и водой»; эта эмоция узнаваема (ср. в «Невском проспекте»: «двор, где грязный водовоз лил воду, мерзнувшую на воздухе») и очевидно адресована городу на воде, «русской Венеции», почти подсоседившейся, как говорит Гоголь в статье «Петербургские записки 1836 года», «к ледяному полюсу». Город почти не показан в «Записках сумасшедшего», но когда Гоголь все же говорит о нем, то кроме дождя в будни и ледяных гор в качестве развлечения на праздники он упоминает копать и дым и ад, которым несет «из-под ворот каждого дома» (ср. «адскую струю» запаха под карающим «за все» дождем в отрывке «Дождь был продолжительный»); все это реальные наблюдения Гоголя (ср. в его письме матери от 13 августа н. с. 1829 г.). В.В. Гиппиус установил, однако, что употребление эпитета «адский» в двух других «петербургских» повестях *Ар.* не случайно и складывается в систему, заставляющую подозревать в нем во многих, если не во всех случаях буквальный смысл (см.: *Гиппиус 1924*. С. 52, 57), и нельзя не увидеть, что и в «Записках сумасшедшего» Петербург уже откровенно описан как один из кругов Дантова ада — именно тот, где вечный ледяной дождь, град и снег и присутствие ужасного адского пса Цербера составляют невыносимую муку для

грешников (см.: Данте *Алигьери*. Божественная комедия. М.; Л., 1959. С. 24–25; Ад, VI, 7–33; об изображении Петербурга как ада у Гоголя см. также: *Маркович В.М.* Петербургские повести Н.В. Гоголя. Л., 1989. С. 61–62).

Фрагмент на обороте последнего листа статьи «Шлецер, Миллер и Гердер» не мог быть написан ранее февраля 1834 г., как и сама статья (см. коммент. к ней); на ту же нижнюю предельную дату указывает источник, под непосредственным впечатлением которого, по-видимому, сделан набросок, — это повесть Полевого «Эмма», печатавшаяся в *МТ* (Ч. 55. № 1–4) в течение января—февраля 1834 г.; ср. здесь: «Я велю посадить вас в узкий мешок и капать вам водой на голову!»; «Пощади меня; не мучь меня — я не виноват! Они терзали меня нестерпимо! (...) Ничего, ничего! Приложи руку твою к моей голове; слышишь ли, как она болит у меня? (...) Они били меня, они мучили меня! (...) Ах ты не знаешь, как они меня мучат!»; «Мне все кажется, что этого бедного молодого человека мучат, мучат за то, что он был лучше других людей, и он просит пощады у бесчеловечных, а его не слушают» (*Полевой 1986*. С. 292, 295, 296, 298, 301). М. Вайскопф справедливо сопоставляет «горестные тирады» Поприщина с речами героев повестей Полевого и А. Тимофеева (обе 1833 г.), замечая, что они «очень напоминают (...) монологи юного героя тимофеевского “Художника”: “Что я им сделал? (...) За что они так ненавидят меня? Неужели во всем свете нет ни одного доброго человека? Разве я не такой же человек?” — и филиппики Аркадия в “Живописце” Полевого: “Но чего же хотят они от меня? (...) Они терзали меня (...) Они не дают мне местечка и в своем мире”» (*Вайскопф 1993*. С. 299). Герой-художник, особенно из «Живописца», с характерным авторским, но высказанным устами героя убеждением, что истинный художник «враг им, нынешним ремесленникам, и они все заодно против него; мстят ему, как человеку, отказывают ему, если он соглашается на бедное счастье людское» (*Полевой 1986*. С. 190; ср. «бедное богатство» в черновом варианте «Записок сумасшедшего»), со всей очевидностью стоит за Поприщиным; замечательно, однако, что не у Гоголя, а уже у Полевого в «Эмме» языком по-гофмановски не понятого миром художника заговорил просто душевнобольной. Героиня Полевого — молоденькая немка, выросшая в московской Немецкой слободе, в идиллическом домике с садиком, примыкающим к ограде богатой княжеской городской усадьбы; внезапное происшествие обнаруживает, что молодой князь, буйный и опасный сумасшедший, успокаивается в присутствии девушки и сознание его начинает проясняться; его мать, властная эгонистичная аристократка, пользуясь добротой Эммы, уговаривает ее уехать с ней и сыном в поместье и там поощряет их развивающийся и благотворно влияющий на молодого человека роман; когда же большой выздоравливает, мать незаметно возвращает его в прежний круг знакомств, к прежним увлечениям, заставляя забыть неравное чувство. В «Эмме» сумасшествие показано в чисто бытовом и отталкивающем варианте, без следов романтического ореола; в другой повести Полевого, «Блаженство безумия» (1833), герой сходит с ума и умирает в доме умалишенных от мистической возвышенной любви внутри типично гофмановского сюжета, для окружающих выглядящего как уголовная история. Герой повести Антиох — романтический мечтатель, мистик и любитель

музыки, по гофмановскому образцу; в то же время он служащий чиновник, и в дневнике, который он ведет, подобно Поприщину, восточное предание о невидимых райских садах соседствует с записью о том, что «завтра день доклада директору»; чудачества его, становясь явными, также вызывают неудовольствие директора департамента, с той разницей, что Антиох богат и директор мечтает выдать за него дочь и поправить за его счет собственные расстроенные дела; и едва ли не эту фоновую, еле обозначенную интригу Гоголь переиначивает и выводит на передний план «Записок сумасшедшего», где именно такой сюжет мерещится в мечтах Поприщину, по началу подозревавшему особенную благосклонность к себе начальства. В рамочном вступлении к «Блаженству безумия» гости говорят о «Повелителе блох» Гофмана, об изображенной там дочери переплетчика, и на вопрос, нравится ли ему эта повесть, рассказчик истории Антиоха отвечает, что слово «нравиться» употребил бы, говоря о новой шляпке или собачке, но не о Гофмане и не о девушке. «Так лучше желать быть собачкою, нежели тою девушкою, которую вам вздумается любить?..» (*там же*, с. 90) — возможно, эта ответная реплика у Полевого подтолкнула Гоголя к той пародирующей игре с его текстом, в которую оказалась втянута прежде всего героиня «Эммы», в «Невском проспекте» ставшая прообразом «глупинькой немки» (об этом и о связи эпизодов в мастерской переплетчика в «Повелителе блох» и в мастерской Шиллера в «Невском проспекте» см. в коммент. к этой повести), поднявшей «прекрасную ножку», собираясь танцевать, разглядывающей из окна прохожих и поклонившейся при этом «как знакомому» поручику Пирогову; и так же, «поднявши ножку», стоит собачка в «Записках сумасшедшего» и тоже из окна рассматривает «куртизанов». «Этот гусар надоел мне ужасно: он всякий день ездит мимо нас и глядит к нам прямо в окно. Неужели он любит, когда может глядеть на меня, как будто на хорошенькую куклу, и еще прямо, разглаживая свои усы и шеголя лорнетом? Урод!» (*Полевой 1986. С. 291*) — говорит подруге Эмма. «Ах, если б ты знала, какие между ними есть уроды, — вторит ей в своем письме собачка. — Иной (...) воображает, что он презнатная особа, думает, что так на него и заглядывают все. (...) А какой страшный дога останавливается перед моим окном! (...) Этот болван, должно быть, наглец преужасной. Я поворчала на него, но ему и нуждочки мало. Хотя бы поморщился! высунул свой язык, повесил огромные уши и глядит в окно — такой мужик!» «Нет! ваши люди, ваши мужчины мне не нравятся...» (*там же*) — заключает Эмма; они не нравятся и собачке, недоумевающей, что ее хозяйка «нашла в своем Теплове» (ср. пародийное развитие этой темы в черновом тексте повести), сердце ее «равнодушно ко всем исканиям», кроме «одного кавалера, перелезающего через забор соседнего дома, именем Трезора»; необычный, скорее из кошачьей жизни антураж их свиданий проясняется также при чтении «Эммы» — ср. эпизод первой встречи героини с порвавшим цепи безумцем, ее будущим возлюбленным: «Сверх каменной ограды, отделявшей княжеский сад от садика бабушки Эммы, появилась растрепанная голова; рука чья-то уцепилась за верх ограды: это человек — он лезет на ограду; с руки его перемахнулась в садик железная цепь... Другою рукою ухватился он за ограду — другая цепь повисла на ограде» (*там же*, с. 293). «Милая Фидель», которой Меджи пишет письма с продолжением, напоминает

«милую Фанни», которой Эмма тоже давно не писала, а теперь собирается «писать (...) всякий день, а потом вдруг отсылать, что (...) будет написано» (там же, с. 332); и в этом эпистолярном дневнике если «собачье» все же обнаруживается в описываемых обстоятельствах, то в чувствах и в поведении персонажей разительное сходство: «...Каждый день я открываю в милой княгине новые достоинства. (...) Она подарила мне такое множество всякой всячины, что я не знаю даже, куда мне с этим деваться. Не принять совестно, принять тоже» (там же, с. 333) — ср.: «... Я не знаю ничего хуже обыкновения давать собакам скатанные из хлеба шарики. Какой-нибудь сидящий за столом господин, который в руках своих держал всякую дрянь, начнет мять этими руками хлеб, подзовет тебя и сунет тебе в зубы шарик. Отказаться как-то неучтиво, ну и ешь; с отвращением, а ешь...». Гоголь, занятый планами и статьями по истории в начале 1834 г., мог прочитать «Эмму» не сразу, хотя скорее всего читал ее по мере выхода номеров журнала: за *МТ* он следил. Также и статью «Шлецер, Миллер и Гердер» он мог написать в любое время между февралем и августом 1834 г., но скорее всего написал ее вскоре после февраля, как следствие увлеченных занятий историей в конце 1833 — начале 1834 г. и, по всей вероятности, никак не позже мая — начала июня. В это время уже пишется «Невский проспект» и, по-видимому, возобновляется работа над «Портретом» — как раз после наброска на л. 80 об., на л. 83; и существует, вероятно, внутренняя закономерность в том, что набросок был записан именно здесь еще до возвращения к «Портрету» или вписан перед ним, когда работа уже шла (очевидно, не позднее июня 1834 г.; см. коммент. к повести). Верхняя предельная дата наброска на л. 80 об., какой бы она ни была, определяется, видимо, временем перехода от истории к художественному замыслу, ради которого были оставлены мечты о профессуре в Киеве и на который, в свою очередь, скоро начнет давить необходимость готовиться уже к реальным лекциям по истории в Петербургском университете, а внутри него — по-видимому, новым обращением к оставленному на время ради прозы, но внутренне для Гоголя снова выходящему на первый план замыслу пока еще неизвестной комедии. Окончание статьи «Шлецер, Миллер и Гердер» носит след параллельного занятия «Женитьбой», по которой почти цитатно, пародируя сам себя, Гоголь рисует здесь образ «сборного историка» (М. Вайскопф обращает внимание на то, что «С. Фуссо остроумно усмотрела в Поприщине пародию на гоголевский идеал историка из “Арабесок”», *Вайскопф 1993*. С. 544—545; ссылка на *Фуссо*, с. 124—125); очевидно, тогда же он возвращается и к неосуществленному замыслу комедии «Владимир 3-ей степени», выросшему, как признают исследователи, из личных наблюдений в пору его службы и ставшему ближайшим источником повести внутри его собственного творчества (см.: *Ак. Т. 3*. С. 701—703; коммент. В.Л. Комаровича). То, что Поприщин оказался пародией на историка, — это закономерно, как закономерно и помещение первоначального наброска «Записок сумасшедшего» в тетради между историческими и художественными до конца не выявленными и не определившимися замыслами — потому что тема повести связана для Гоголя с поисками места, с собственным самоопределением как историка (ученого, учителя или ученика), прозаика или комедиографа, писателя или чиновника (об этом он позднее напишет в

«Авторской исповеди»), наконец, с выбором города (Петербург — Киев — Рим); на этом скрещении самоопределений и возникает идея Поприщина.

Слово «поприще» в сочетании «поприще службы» Гоголь употребил в письме к М.И. Гоголю от 3 июня 1830 г., рассказывая о собственной службе (писцом) в департаменте уделов министерства двора (время это содержательно охарактеризовано как период «служебной утопии» в жизни Гоголя; см.: *Манн 2004. С. 181–190*); он объяснял здесь матери, что прошли те времена, когда «сенат, губернские правления, казенные палаты были самые наживные места»: «В департаментах же министерств служба несколько более еще облагорожена. Прежде человеку, прослужившему несколько лет верою и правдою, в награждение давали целые поместья, душ тысячу и более крестьян; теперь же вы сами знаете, этого ничего не дают уже. Стало быть, вы спросите, теперь никаких нет выгод служить?» Буквально, почти цитатно, словно имея перед глазами это давнее письмо, по тем же пунктам высказывается Поприщин: «Я не понимаю выгод служить в Департаменте. Никаких совершенно ресурсов»; но о «благодетельстве» департаментской службы говорит охотно. Гоголь имел в виду иначе понимаемые, как объясняет он далее в письме, выгоды — возможность «дать обширный простор своим действиям, сделаться необходимым огромной массе государственной», для чего на пути к своему предназначению «иметь железную волю и терпение», «не упускать из виду малейшего обстоятельства (...) способствующего сколько-нибудь к повышению его (...) отвергнуть желание раннего блеска, даже пренебречь часто восклицанием света: “Какой прекрасный молодой человек! как он мил, как занимателен в обществе!”» Но ко времени «Записок сумасшедшего» эта последняя тема в серьезном своем аспекте ушла в «Портрет», а в пародийно-комическом отозвалась еще в 1831 г. в черновике повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: «сбежались со всех сторон собаки (...) другой лаял издалека и бегал взад и вперед, помахивая хвостом и как бы приговаривая: посмотрите, какой я прекрасной молодой человек» (наст. изд., т. 1, с. 226, 502, 554), и в таком «особаченном» виде может рассматриваться как свидетельство того, что письмо действительно зафиксировало момент биографии и сознания автора, уже содержащий зерно будущей повести о Поприщине. В письме Гоголь представляет матери бюрократическую иерархию, на нижней ступени которой он и которую перенесет в «Записки сумасшедшего», строя действие повести внутри служебного «треугольника»: столоначальник Поприщин — начальник отделения — директор департамента (ср. об их отношениях в статье «Петербургские записки 1836 года», *Ак. Т. 8. С. 180*). «Прежде чем вступить на поприще писателя, я переменял множество разных мест и должностей, чтобы узнать, к которой из них я был больше способен; но не был доволен ни службой, ни собой, ни теми, которые надо мной были поставлены» (*там же*, с. 441), — напишет Гоголь в 1847 г. в «Авторской исповеди»; слово «поприще» в это время у него становится ключевым, наряду со словами «служба», «место», «должность»; все они парадоксальным образом совмещают в себе бюрократически-административный, религиозный и глубоко личный смысл, и выражаемые ими понятия складываются в систему, которая в представлении Гоголя исчерпывающе определяет жизнь человека, желающего следовать Христу, и которую он выводит из личного опы-

та. «Трудней всего на свете тому, — заключает Гоголь, — кто не прикрепил себя к месту, не определил себе, в чем его должность»; «человек, не знающий, в чем его должность, где его место, не определивший себе ничего и не остановившийся ни на чем, пребывает ни в мире, ни вне мира, не узнает, кто ближний его, кто братья, кого нужно любить, кого прощать»; «ему трудней всего применить к себе закон Христов, (...) а потому и жизнь должна быть для него вечной загадкой» (*там же*, с. 462; ср. о фамилии героя: *Шульц*. С. 109—110).

Именно таков Поприщин — человек «ни в мире, ни вне мира», инкогнито прежде всего для самого себя; человек, искусственно, «посредством *idée fixe*», как показал Л.В. Пумпянский, пытающийся закрепить, сделать стабильным «безнадежно релятивный мир» (*Пумпянский 2000*. С. 586). Тема релятивного мира возникает, по-видимому, уже в первых драматических набросках Гоголя, связанных с замыслом комедии «Владимир 3-ей степени» и обработанных автором в 1842 г. для печати в виде самостоятельных одноактных пьес «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок» (см. т. 5 наст. изд.). «Всякий в “Лакейской” одновременно и подчиненный, и значительное лицо. Значительное лицо для одних, он — подчиненный для других (...) В конце концов так запутаются они между собою, что перестанут понимать, кто есть кто», — пишет И.Л. Вишневская и приводит далее слова Дворецкого: «Коли слуга, так слуга, дворянин, так дворянин, архиерей — так архиерей. А то бы, пожалуй, всякий начал... я бы сейчас сказал: “Нет, я не дворецкий, а губернатор или там какой-нибудь от инфантерии”. Да ведь за то мне всякий бы сказал: “Нет, врешь, ты дворецкий, а не генерал”, — вот что!» (*Вишневская 1976*. С. 94). Во «Владимире 3-ей степени» герой полагает, «будто он сам есть не более, как Владимирский крест»; в заключительной сцене «сумасшедший, воображая себя крестом, становится перед зеркалом, подымает руки так... что делает из себя подобие креста и не насмотрится на изображении» (записано А.Н. Афанасьевым со слов П.В. Анненкова, слышавшего два акта комедии в чтении Гоголя; цит. по: *Вишневская 1976*. С. 60). В «Записках сумасшедшего» этот образ «сжат до эпизодической фигуры директора департамента, который гадает об ордене, а потом хвастается им даже перед собачкой» (*Гиппиус 1924*. С. 90—91), и такой же персонаж, «генерал, мечтающий получить орден и поверяющий свои честолюбивые мечты комнатной собачке, дан уже в “Утре чиновника”, т.е. в уцелевшем отрывке начала комедии, относящемся к 1832 году» (*Ак. Т. 3. С. 702*), — пишет В.Л. Комарович, проследившая далее «ряд бытовых, стилистических и сюжетных деталей», перешедших в повесть из набросков неосуществленной комедии; в изображенных там мелких чиновниках Шнейдере, Капунове и Петрушевиче исследователь видит «комедийные прообразы самого Поприщина и его среды», отмечая и грубость ее, и «первую у Гоголя попытку той идеализации бедного чиновника, которая нашла себе воплощение в самом Поприщине», и намек на «тот разрыв со средой, который приводит Поприщина к безумию», и «унизительные для них отношения с лакеем начальника» и т.д., вплоть до «канцелярских диалектизмов» в комедии (*Ак. Т. 3. С. 702—703*). Чтение *СПч* в «Тяжке» (о чужих наградах) становится побудительной причиной для развития интриги, точно так же как в «Записках сумасшедшего» оно

оказывается источником и импульсом безумия; ср. целый ряд переключек в текстах, отмеченный исследователями (см.: Вишневецкая 1976. С. 70—71, 83—84, 93).

Между тем прямой преемственности между «Владимиром 3-ей степени» и «Записками сумасшедшего» нет; и, согласно возвода сюжет повести к этому замыслу, исследователи отмечают значительные и в конечном счете решающие различия в трактовке «центрального типа» комедии и ее «центральной темы — сумасшествия честолюбца» (Гиппиус 1924. С. 90); так, В.В. Гиппиус признает вторичный, производный характер честолюбивых мечтаний Поприщина, выдвигая на первый план романтическую мотивировку его безумия («любовь к недостижимой для него директорской дочке», там же, с. 92), но и здесь вынужден признать, что в повести «психология осложнена социологией»: «Безумная мысль овладела Поприщиным потому, что он оказался выброшенным из социальной нормы, — а самая эта норма представляется его безумному сознанию делом демонических сил» (там же, с. 92); В.Л. Комарович обращает внимание на «прозаическую цель», отличающую героя «Владимира 3-ей степени» «от безумцев Гофмана и русских гофманианцев» (Ак. Т. 3. С. 702); о безумии его как «трагедии пробудившейся личности» пишет Г.П. Макогоненко (Макогоненко 1979. С. 103). Близкого Поприщину героя в набросках комедии нет, и, что еще существеннее, прямого пути к нему в пределах сохранившегося материала не прослеживается. Ю.М. Лотман показал, что в основе его фантазий и безумия не эгоизм, а самоотрицание как следствие предельной «социальной униженности», разрешающейся «психологической реакцией ненависти к себе и стремлением (...) перестать быть собою, вплоть до мифологической жажды “переменишь имя”, и в этом отношении «Записки сумасшедшего», говорит исследователь, «во многом — трагическая параллель к “Ревизору”»: «Поприщин, подавленный своей приниженностью (...) хочет сделаться “анти-собой” и, доводя это до предела, производит себя в короли. (...) Сцена перемены имени и подписания бумаги (“на самом главном месте, где подписывается директор департамента” — “Фердинанд VIII” (...)) (...) знаменует момент перевоплощения Поприщина. Убеждение в том, что подлинная жизнь — по ту сторону двери (...) рождает сначала страсть к подглядыванию, психологический резервуар доноительства, а затем — желание самому сделаться угнетателем и видеть унижение других»; при этом «пробуждение в Поприщине человека, описанное Г.А. Гуковским, делает его героем трагической разорванности» (Лотман. Т. 1. С. 345—346). Ю.М. Лотман сближает самоощущение гоголевского безумца с реакциями П.А. Вяземского, никак, конечно, не «маленького человека», но тем более остро почувствовавшего себя «безликим винтиком, когда правительственный нажим вынудил его пойти на государственную службу» (там же); ему не было дано даже права выбрать род деятельности: высочайшей волей он был определен чиновником по особым поручениям при министре финансов. Свои первые новые впечатления он изложил в записной книжке с четкостью, которой был обязан давней привычке к эпистолярному самоотчету: «Я сбился с числами. Вчера утром в департаменте читал проекты положения макле-рам. Если я мог бы со стороны увидеть себя в этой зале, одного за столом, читающего чего не понимаю и понимать не хочу, куда показался бы я себе

смешным и жалким. Но это называется служба, быть порядочным человеком, полезным отечеству, а пуще всего верным верноподданным. — Почему же нет» (Вяземский П.А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 169, запись от 3 июня 1830 г.). Определяющий в этой записи мотив «посмотри на себя» становится сюжетообразующим в «Записках сумасшедшего»: увидев себя глазами Начальника Отделения («...Ведь ты нуль, более ничего. (...) Взгляни хоть в зеркало на свое лицо»), Поприщин отправляется допрашивать собачек, а увидев себя глазами собачки и ее хозяйки («Совершенная черепаха в мешке»), начинает задумываться об испанском престоле. Через два с половиной года чиновничьей карьеры самоощущение Вяземского не меняется, а лишь усугубляется; 13 декабря 1832 г. он пишет Жуковскому: «Вот тебе сюжет для русской фантастической повести dans les mœurs administratives: чиновник, который сходит с ума при имени своем, которого имя преследует, рябит в глазах, звучит в ушах, кипит в слюне; он отплевывается от имени своего, принимает тайно и молча другое имя, например, начальника своего, подписывает под чужим именем какую-нибудь важную бумагу, которая идет в ход и производит значительные последствия; он за эту неумышленную фальшь подвергается суду и так далее. Вот тебе сюжет на досуге. А я по суеверию не примусь за него, опасаясь, чтобы не сбылось со мной» (РА. 1900. Кн. 1. С. 367). Ю.М. Лотман высказывает предположение, что именно письмо Вяземского стало непосредственным источником для Гоголя, который «через Жуковского ознакомился с сюжетом» (Лотман. Т. 1. С. 346). Это тем более вероятно, что и записные книжки Вяземского не были простым дневником, и письма его в значительной своей части не были просто частными письмами; эта пограничная, околотитературная (и часто непосредственно фиксирующая живую речь) область была зоной эксперимента: она пропускала через себя массу материала, поначалу не осознававшегося как литературный, но постепенно осваиваемого литературой и открывавшего для нее новые возможности. Материал, на котором создан Поприщин, был автобиографически хорошо известен и близок Гоголю (и отразился в его письмах), но в художественных замыслах его он оставался периферийным, не выходя за пределы бытописательства; герой его первых попыток — студент, учитель, вероятно художник, наконец, просто наблюдатель. Повесть о бедном чиновнике у Гоголя получается только после «Медного всадника»; тема эта, судя по всему, не вызревает последовательно внутри гоголевского творчества, и, как замечает В.Л. Комарович, сами «Записки сумасшедшего» в жанровом отношении — «именно как записки, т.е. рассказ о себе героя, не имеют в творчестве Гоголя ни precedентов, ни аналогий» (Ак. Т. 3. С. 704). Мы в деталях и постранично знаем, как в течение многих лет шел к своему герою, бедному чиновнику Евгению Пушкин — но у Гоголя, кажется, аналогичный образ возникает вспышкой, озарением — и наиболее вероятно, что при контакте с «Медным всадником» и с замыслом Вяземского. Для Поприщина, как определил его характер Ю.М. Лотман, нужны были не наблюдения, а анализ, и знаменательно, что предметом этого анализа становится сознание не духовно нищего маргинала, а Вяземского, с его свободой и бесстрашием в самооценке, сочетающимися с большой литературной опытностью. Опыт его, и Пушкина, пушкинского круга вообще, непосредственно стоит за по-

вестью; косвенным свидетельством признания ее в этом кругу является письмо Вяземского к А.И. Тургеневу от 19 января 1836 г. о том, как накануне Гоголь читал «новую комедию “Ревизор”» у Жуковского. «Весь этот быт описан очень забавно, и вообще неистощимая веселость (...) Он удивительно живо и верно, хотя и карикатурно, описывает наши mœurs administratives. Вигель его терпеть не может за то, что он где-то отозвался о подлой роже директора департамента. У нас он тем замечательнее, что, за исключением Фонвизина, никто из наших авторов не имел истинной веселости» (ОА. Т. 3. С. 285). Гоголь здесь свой в кругу своих, в сравнении с Фонвизиним, Дмитриевым, Жуковским и самим Вяземским, упомянутыми рядом. Вигель, вероятно, принял на свой счет не только непочтительный отзыв в повести о Директоре Департамента (сам он с 1829 г. был директором департамента духовных дел иностранных исповеданий), но и упоминание там об ордене — как раз на новый, 1834 г. он был награжден второстепенным орденом Св. Станислава (см.: *Вигель Ф.Ф. Записки* / Ред. и вступ. статья С.Я. Штрайха. М., 1928. Т. 1. С. 32–33; ОА. Т. 3. С. 256). Вяземского и самого могли бы задеть слова Поприщина: «Что ж, и я могу дослужиться. Мне еще сорок два года — время такое, в которое по-настоящему только что начинается служба», — в 1834 г. ему именно исполнилось 42 года, а служебная карьера его тоже по-настоящему только начиналась (ему предстояло дослужиться до товарища министра и кончить жизнь почти через полвека сенатором, членом Государственного совета, заплатив за это тяжким нервным расстройством, временами обострившимся до настоящего сумасшествия). Возможно, именно ощущение творческого открытия и связанной с этим внутренней свободы провоцирует Гоголя на рискованные шутки внутрикружкового характера даже в адрес Пушкина, касающиеся, в частности, крайне болезненной для него темы камер-юнкерства; так, И.П. Золотусский замечает: «Мысль Поприщина помешалась именно на камер-юнкере, и словечко “камер-юнкер” слишком часто повторяется в повести, чтобы мы могли его отнести только к ухажеру Софи» (*Золотусский 1998. С. 197*). «Записки сумасшедшего» отчасти обнаруживают интерес Гоголя в это время и к иным пограничным и окололитературным сферам, а именно к неподцензурному и просто непечатному пласту литературы с его временами изодренной практикой эвфемизма, из которой вырастает писавшаяся тогда же повесть «Нос»; и тогда же, несомненно вслед за Пушкиным («Царь Никита и сорок его дочерей», 1822) и послужившим, вероятно, ему образцом Дидро («Нескромные сокровища», 1748), Гоголь пробует свои силы и непосредственно в этой области (см.: О непечатанном рассказе Гоголя «Прачка» // *ЛВ. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 127–128*); у него появляется вкус к сложной, многоуровневой, конкретно адресованной литературной игре полемического и прямо вызывающего характера; в этой связи возникает в «Записках сумасшедшего» непростая для Гоголя и небезразличная в пределах пушкинского круга тема сумасшествия Батюшкова.

Тема сумасшествия, конечно, не только из литературы пришла в повесть Гоголя; не раз были сделаны попытки связать тему повести с душевным состоянием самого Гоголя и близких ему людей; совершенно специфическую область составляют оценки психики Гоголя и его героев профессиональными медиками (см.: *Скавыш В.А. Психопатология у Гоголя или*

«мертвые души» психиатров» // VII Гоголевские чтения: Н.В. Гоголь и народная культура. М., 2008. С. 355–364). По свидетельству доктора Тарасенкова, Гоголь говорил ему, что не читал подлинных записок психопатов до того, как написал повесть (*Гоголь в восп.* С. 512); но тема, несомненно, давно интересовала его; так, П.В. Анненков вспоминает, что при первом его посещении Гоголя в квартире на Малой Морской («хронологически все это можно приурочить ко времени после июля 1833 года, скорее всего к осени»; *Манн 2004.* С. 300–301) там в числе гостей был «пожилой человек, рассказывавший о привычках сумасшедших, строгой, почти логической последовательности, замечаемой в развитии нелепых их идей. Гоголь подсел к нему, внимательно слушал его повествование» (*Анненков 1989.* С. 50–51). Существовало несколько историй помешательства, которые мог или даже должен был знать Гоголь. Одну из них рассказывает Н.И. Иваницкий, студентом слушавший лекции Гоголя в Петербургском университете; его записки, основанные на студенческих дневниках, по общему признанию, «отличаются большой точностью сообщаемых сведений» (*Айзенштот 1952.* С. 26; также: *Манн 2004.* С. 310). Случай, о котором говорит Н.И. Иваницкий, произошел во время экзаменов: «Мы приготовлялись из метафизики. Чертков, студент одного со мною курса, беспрестанно подходил к кому-нибудь из товарищей и пускался в метафизические объяснения (...) то говорил дельно, то хохотал без толку. Некоторые начали даже подозревать, не сошел ли он с ума. Экзамен из философии кончился, — и мы начали готовиться из Р(усской) истории. Чертков не спал ночь и писал какое-то сочинение. На другой день он отнес это сочинение к Никитенко, и тот, разумеется, не сказал ничего; потому что сочинение было довольно плохое, как и обыкновенно писал Чертков. В полдень Чертков отправился на дачу к Министру. У Министра в это время был Попечитель. Когда человек пришел доложить о Черткове, Попечителю странно показалось, что казенный студент является без ведома его прямо к Министру, и потому вышел к нему сам. Чертков подал просьбу, написанную на фр(анцузско)м языке; в ней объяснял он, что желает держать экзамен прямо на степень доктора. Попечитель отвечал, что этого сделать нельзя; но впрочем он доложит Министру. Чертков отправился обратно в Университет и заговорил с нами уже с такою уверенностью о своем докторском звании, что мы ясно увидели, что он сошел с ума. Вечером пришли на экзамен. (...) Ректор (И.П. Шульгин, профессор Новой истории), предупрежденный уже Инспектором, отвечал Черткову, чтобы лучше он шел теперь гулять и что ему поставят хорошую отметку без экзамена. Чертков был доволен; пошел на двор, взял под руку Инспектора и начал ходить с ним очень скоро... Не знаю уже, о чем говорили они. На следующий день рано утром Чертков надел калоши, подштанники, мундир, на голову зеленый зонтик, и обратился к нам с речью: “вставайте, господа! у вас новый начальник...” Мы проснулись; Чертков рекомендует, что он сделан нашим инспектором и что через полчаса приедет Государь... Мы, разумеется, смеялись и, как умели, отвечали. Чрез четверть часа Чертков забыл уже свое инспекторство и сделался Государем, а минут через 10 и Богом. Тогда его посадили в темную комнату, и он три дня и три ночи бредил без умолку; наконец его отправили в сумасшедший дом» (*Иваницкий 1909.* С. 245–246). Мемуарист

сообщает об этом происшествии почти сразу же после рассказа о лекциях Гоголя, доведенного им до весны 1835 г., когда (раньше положенного времени) состоялся экзамен по его курсу, и начинает словами: «В это время случились в Университете два происшествия» (*там же*, с. 244); однако не уточняет, идет ли речь о весенне-летней (министр на даче) сессии 1835 г., во время которой Гоголя не было в Петербурге (см. *Манн 2004. С. 337*), или о 1834 г., когда Н.И. Иваницкий заканчивал первый курс. Если происшествие со студентом Чертковым произошло в июне 1834 г. (последний экзамен А.В. Никитенко принимал тогда не позднее 21 июня; см.: *Никитенко. Т. 1. С. 147*), то это как раз то время, когда решался вопрос об определении Гоголя на кафедру всеобщей истории при Санкт-Петербургском университете (см. коммент. к статье «О преподавании всеобщей истории») адъюнктом к профессору Шульгину, непосредственному его будущему руководителю (см.: *Айзеншток 1952. С. 26*), а впоследствии (с 1836 г.) ректору, и именно Никитенко хлопотал за Гоголя перед попечителем Петербургского учебного округа М.А. Дондуковым-Корсаковым, от которого зависело решение, не без участия, по-видимому, министра народного просвещения С.С. Уварова, — и трудно представить, чтобы, будучи в постоянном общении с этими четырьмя участниками истории Черткова, Гоголь не узнал о ней. Можно предположить, что именно тогда, в конце июня 1834 г., герой «Портрета» получает окончательное имя (см. коммент. к этой повести), и тогда же в общих чертах начинает вырисовываться сюжет последней повести *Ар*. По предположению С.Л. Козлова, к тому времени Гоголь, возможно, знал и историю сумасшествия П.А. Габбе, также сопровождавшегося социальным самозванством. Отставной штабс-капитан, некогда близкий к декабристам, находящийся под полицейским надзором, он служил управляющим именными генерала Л.А. Нарышкина и был вхож в дом генерал-губернатора Новороссийского края графа М.С. Воронцова в Одессе. Осенью 1833 г. в результате одного разговора Габбе начинает задумываться о некоторых деталях своей биографии и, как полагает исследователь, приходит к выводу, «что в жилах его течет царская кровь». Об этом, судя по всему, он и объявил сначала частным образом, явившись в неурочное время в дом Воронцова, откуда был выведен слугами, а затем публично, выехав в город «на долгой линейке, разряженный в какое-то пестрое платье и в женской шляпке, увязанной лентами и цветами; на линейке сидели певчие, они пели сочиненную помешанным поэтом песнь на французском языке, в которой выражалась любовь его к графине Воронцовой (...) с линейки разбросал он на улице на русском, французском и, кажется, еще на английском языках какие-то листки», вероятно сообщавшие о том же; он был остановлен полицией, заперт, а в феврале 1834 г. по решению императора выслан из России. Если все происшедшее с Габбе понято верно, то «перед нами история о том, как отставной офицер 10-го класса влюбился в жену генерал-губернатора и вообразил себя отпрыском русских царей», имеющая несомненное «сходство с историей о том, как чиновник 9-го класса влюбился в дочь директора департамента и вообразил себя испанским королем», и два скандальных эпизода ее — «беспардонное вторжение в дом возлюбленной и появление в странном платье перед народом — также находят соответствие в гоголевском сюжете» (*Козлов 1990. С. 12–14*). Габбе был

знаком с Вяземским, отметившим некоторые его литературные опыты; у Вяземского в 1832 г. он встретился с Пушкиным и около часа говорил с ним о литературе; с другой стороны, в том же 1832 г. Пушкин впервые после высылки из Одессы встречается с Е.К. Воронцовой в Петербурге, где Воронцовы были проездом, и представляет ей свою жену, а в начале 1834 г. получает от нее письмо с просьбой об участии в благотворительном альманахе в пользу бедных, на которое в марте отвечает согласием (*Абрамович 1994. С. 562–565*); поэтому «очевиден интерес, который могла представить для Пушкина эта новелла о самозванстве и безумии, объединившая его старых и нового знакомых (...) в качестве главных действующих лиц»; исследователь считает весьма возможной «передачу сюжета по цепочке Вяземский — Пушкин — Гоголь; наиболее вероятное время передачи — декабрь 1833 — апрель 1834 г.» (*Козлов 1990. С. 14–15*).

История студента Черткова была историей надорвавшегося от непосильного напряжения бедняка, несостоявшегося русского Растиньяка, приехавшего завоевывать Петербург, но перемолотого им, подобно герою «Портрета», которому Гоголь и отдал это имя; история Габбе отразила неуверенность в себе царствующей династии, вносящую дополнительный элемент фантастического в российскую жизнь. В истории безумия Батюшкова причудливо сочетались фантастическое и реальное: он оставался чиновником в течение более чем десяти лет тяжкого и неизлечимого душевного расстройства, получая прежнее жалованье, и был совершенно уволен от службы только в 1833 г., после того как хлопотами Жуковского ему была назначена пенсия (см.: *Батюшков 1887. С. 304*); его история была по определению историей сумасшедшего чиновника; она же странным образом на фоне общего увлечения Гофманом пересекалась с темой гофмановских безумцев: в 1826 г. Дельвиг написал Пушкину, что Гнедич обнаружил на окне комнаты, где раньше жил Батюшков, оставленную им надпись «*Ombra adorata*» (Возлюбленная тень) (см.: *Пушкин. Т. 13. С. 285*) — этим названием известной арии Гофман назвал вторую главу «Крейслерианы»; именно эта ария сводила с ума его Крейслера, который «незадолго до своего бегства из города (...) часто говорил о несчастной любви соловья к алой гвоздике. Все это было (так он полагал) не что иное, как *Adagio*; которое в свою очередь, собственно, оказалось всего-навсего протяжным звуком голоса Юли, умчавшим в небеса исполненного любви и блаженства Ромео» (*Гофман 1972. С. 35, 62*). В 1832 г. Батюшков находился в Остафьеве, подмосковном имении Вяземского, и с пребыванием его там связан сюжет, почти буквально предвосхищавший «Эмму» Полевого: «по преданию, врачи для излечения от сумасшествия рекомендовали больному физическое общение с женщиной», для чего княгиня «намеревалась, по-видимому, пригласить деревенскую девушку за вознаграждение»; приписка Пушкина на письме Вяземского к жене от 4 июня 1832 г. говорит об иронически-неодобрительном его отношении к этой затее и вместе с тем о том, что тема обсуждалась не только непосредственно имеющими дело с больными лицами (см.: *Пушкин. Письма. Т. 3. С. 330, 500–501*). Отношения между Полевым и Вяземским были тогда резко враждебными, и возможно, Гоголь высмеял «Эмму» в «Записках сумасшедшего» и «Невском проспекте», усмотрев в ее демократической, «антикняжеской» направленности вполне

конкретный личный выпад против Вяземского, а в связи с ним — и против пушкинского круга вообще. Это означало бы, что сугубо интимная история Батюшкова не просто получила огласку, но и стала литературным фактом; эротическая лирика его получила значение медицинский симптома, а тема любовного безумия у любимого Батюшковым и переведенного им Ариосто оказывалась неизъемой из повести о сумасшедшем чиновнике. Между тем эротическая лирика Батюшкова, в которой он был новатором, имела для Гоголя значение, далеко выходящее за рамки повести (любопытным могло бы быть сравнение частых у Батюшкова мотивов в «Послании г(рафу) В(елеурскому)», стихотворениях «Ложный страх. Подражание Парни», «Мои пенаты», «Таврида», «Источник», «Мечта» и др. с повторяющимися в гоголевских изображениях женщины деталями, в том числе отмеченными психоаналитиком; см.: *Ермаков И.Д.* Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя. М.; Пг., 1924. С. 31, 51, 57, 58); и мечта Поприщина «заглянуть туда, на ту половину, где Ее Пр-во», увидеть, «как лежит там разбросанное ее платье, больше похожее на воздух, чем на платье (...) заглянуть в спальню», посмотреть «ту скамеечку, на которую она становит, вставая с постели, свою ножку, как надевается на эту ножку белый как снег чулочик...», обнаруживает, кажется, знакомство с известным третьим батюшковским стихотворением «Из греческой антологии»: «Вы видите: кругом рассеяны небрежно / Одежды пышные надменной красоты; / Покровы легкие из дымки белоснежной, / И обувь стройная, и свежие цветы. / Здесь все развалины роскошного убора, / Свидетели любви и счастья Никагора!» В поздней своей статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) Гоголь говорит, что Батюшков первый в русской поэзии «стал прикреплять ее к земле и телу»: «Все прекрасное во всех образах, даже и незримых, он как бы силился превратить в осязательную негу наслаждения. Он слышал, выражаясь его же выражением, стихов и мыслей сладострастие»; но у Пушкина, продолжает Гоголь, нет «преизобилья сладострастной роскоши» Батюшкова (*Ак. Т. 8. С. 379–380*). Заметное слово «преизобилье» в этом сравнении заставляет обратить внимание на подчеркнуто выстроенный в тексте «Записок сумасшедшего» ряд: «преаляповатой (...) преважно идет (...) презнатная особа (...) наглец преужасной» (с. 214) — и вспомнить, что, по странной случайности, Пушкин в заметках на полях второй части «Опытов в стихах и прозе» предложил рядом с батюшковским «и Тифий преогромный» свой вариант строки: «и Тифий там огромный» (*Пушкин. Т. 12. С. 259*).

Еще одно указание на Батюшкова в тексте повести скрыто за комическим рассуждением о том, что «мы не можем видеть носов своих, ибо они все находятся в луне»; оно при знании гоголевского сюжета о пропащем nose становится прямой отсылкой к любимому Батюшковым Ариосто, который, говорит Батюшков, излагая в статье «Ариост и Тасс» (1815) многообразное содержание поэмы «Неистовый Роланд», «вступает с вами в царство Луны, где находит все, утраченное под луною» (*Батюшков 1978. С. 139*); при этом оно содержит буквальную цитату из батюшковского перевода отрывка XXXIV песни поэмы — из строки, приведенной в его очерке «Прогулка по Москве» (известном, вероятно, Гоголю в рукописи; см. коммент. к статье «Мысли о географии»). Здесь Батюшков, избрав

среди прочих «пожилого человека в шпорах», который «живет на конюшне, завтракает с любимым бегуном и ездил нарочно в Лондон, чтобы посоветоваться с известным коновалом о болезни своей английской кобылы» (ср. в «Невском проспекте»: «узнавшие о здоровьи лошадей и детей своих»), замечает: «Вздыхнем, любезный друг, от глубины сердца и скажем с Ариостом: “Дурачься, смертных род! В луне рассудок твой!”» (там же, с. 383). У Ариосто речь идет об утраченном вследствие любовного безумия рассудке Роланда; чтобы вернуть его, сын Роланда Астольф отправляется на Луну, в долину, «в глубине / Которой все, что мы внизу теряем / Не по своей и по своей вине, / Хранится, в том числе и те пропажи, / О коих мы не вспоминаем даже», за исключением полностью оставшегося на Земле безумия: «Безумию Земля твердыней служит». Разум, который он обнаруживает, «оказался жидкостью летучей, / И посему хранится в склянках он / (...) / На каждой — надпись с именем того, / Чей здравый смысл закупорен в сосуде» (Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 130—132), — отсюда, вероятно, у Гоголя в повести и утверждении, что «человеческий мозг (...) приносится ветром», и сравнение (не только в «Записках сумасшедшего») головы с бутылкой: у Начальника Отделения «лицо похоже несколько на аптекарской пузырек», Директор Департамента — всего лишь «пробка, (...) которую закупоривают бутылки». Батюшков любил этот отрывок; ссылка на него возникает и в ключевом по смыслу и апофеозном по тону месте его статьи «Вечер у Кантемира» (1816), написанной на победном подъеме после войны 1812 г. и вступления в 1814 г. русских войск в Париж; в ней собеседники обсуждают задолго до этих событий перспективы будущего величия России, заданные реформами Петра. «Легче поверю, что русские взяли приступом Париж и уничтожили все крепости, Вобаном построенные!!! — говорит здесь французский аббат-скептик, полагающий, что перспективы эти из области, о которой говорится: “для чудес нет законов”. — (...) Все надежды ваши может быть и сбудутся, или вы найдете их в царстве Луны, с утраченными надеждами Астольфа» (Батюшков 1978. С. 47). Дополнительное живое впечатление, которого Гоголь, по всей вероятности, совершенно не ожидал, могло дать окончательный, завершающий импульс сюжету повести. В 1833 г. Батюшков был перевезен в Вологду и помещен в семье своего племянника Г.А. Гревенса. В том же году стараниями родственников было подготовлено издание его Сочинений в прозе и стихах (2 ч. СПб., 1834, ц. р. 19 октября 1833 г.). Цензором издания был А.В. Никитенко, лично не знавший Батюшкова, но навестивший его летом следующего, 1834 г. в Вологде во время своей инспекторской поездки по северным губерниям (о странных обстоятельствах, при которых состоялся этот визит, см. в коммент. к повести «Портрет»). «Дух этого человека в совершенном упадке. Я прочел ему несколько стихов из его собственного “Умирающего Тасса”: он их не понял. Их удивительная гармония не отозвалась в душе, некогда создавшей их, — записывал Никитенко в дневнике 15 августа 1834 г., сразу после посещения больного. — Он говорил страшный вздор о том, что у него заключен какой-то союз с Англией, Европой, Азией и Америкой; что он где-то видел, как кто-то влачил в пыли Карамзина и русский язык; вспоминал о какой-то Екатерине Карамзиной и все заключил неприличной выходкой против англичан. Затем

он быстро вскочил и побежал в сад. Мы последовали за ним, но он уже больше ничего не говорил: был угрюм и молчалив. Его содержат хорошо. Комнаты его меблированы отлично, и сам он одет опрятно и даже нарядно — в синем шелковом халате и ермолке на голове. Он закидывал конец халата на плечо, в виде римской тоги, и все время старался принять важный, трагический вид» — и далее прибавлял: «Ужасное впечатление произвел он на меня: я долго не мог от него оправиться» (*Никитенко*. Т. 1. С. 158). Вернувшись к началу учебного года в Петербург, Никитенко, по всей вероятности, рассказывал о поездке многим (сведения о Батюшкове были драгоценны для его старых друзей, которые после переезда «совсем потеряли его из виду», *Батюшков 1887*. С. 304), в том числе скорее всего и Гоголю, с которым был пока еще в наилучших отношениях; при этом можно предположить, что «страшный вздор» о политике, услышанный от Батюшкова, только очень осторожно и в самых общих чертах описан в дневнике Никитенко (по-видимому, политические увлечения больного не были минутным эпизодом; см.: *Плетнев*. Т. 3. С. 419). Очевидно, именно тогда, после рассказа Никитенко, сюжет «Записок сумасшедшего» и приобрел свой окончательный вид; повесть была написана быстро и почти сразу же переработана набело; времени до представления ее в цензуру у Гоголя, занятого лекциями, завершением *Ар.*, «Миргорода» и подготовкой второго издания «Вечеров...», почти не оставалось.

В гоголевские времена профессиональные психиатры говорят об отсутствии четких границ безумия. И.А. Сикорский в 1902 г. ссылается в этом смысле на книгу знаменитого французского психиатра Эскироля о душевных болезнях (*Esquirol J.-E.-D. Des maladies mentales*. P., 1831) и говорит о «Записках сумасшедшего» как об изображении такой формы помешательства, «для которой спутанность мыслей является одним из существенных признаков. Но этот мыслительный порок свойствен и здоровому уму», и упрек «ералаш в голове» можно было бы «с полным правом сделать многим и многим, если бы этих многих мы узрели в домашней интимности их мысли. (...) Эту общечеловеческую слабость художник изображает нам на примере помешанного, заставляя нас глядеть в зеркало обнаженной человеческой души. В художественной форме Гоголь показывает нам то самое, о чем научным языком говорит Эскироль» в своей «научно-точной формуле» (*Сикорский И.А. Изображение душевнобольных в творчестве Гоголя // Памяти Гоголя*. Отд. 2. С. 426, 428—429). В художественной же литературе вкрапления безумия в обычную жизнь и их взаимные перетекания и смешения издавна являлись предметом не только комедии и сатиры, но и лирики, публицистики, философии; здесь тема сумасшествия как состояния мира, наиболее здоровым и безопасным местом в котором оказывается сумасшедший дом, появляется еще тогда, когда реальное сумасшествие считалось заразным поветрием, лишающим надежды на бессмертие души. Мотив безумия входил в карнавалы, и в этом качестве, как один из основополагающих, представлен в литературе Возрождения, в частности испанской, величайшая книга которой написана о безумце (о параллелях роману Сервантеса в «Записках сумасшедшего» см.: *Дилакторская 1995*. С. 249—251). В другой знаменитой испанской книге, у Луиса Велеса де Гевары, безумие всеохватно, оно выходит за границы земного мира, претен-

дуя на афористическую интерпретацию в своих пределах даже темы грехопадения ангелов. Тема безумия у просветителей возникает постоянно, в противопоставлении центральной в их философии теме разума; у Монтескье оно ассоциируется с испанскими мотивами прежде всего в связи с просветительским требованием разумного государственного устройства и образа жизни; при этом на первый план выходит тема инквизиции как симптом общего неблагополучия испанской нации и, в более общем ее значении, как важнейшее антиклерикальное обвинение, выдвигавшееся просветителями в их борьбе за права разума и освобождение человеческого духа. В одном из «персидских писем» Монтескье иронически перечисляются составляющие испанской национальной гордости: роман Сервантеса — «У испанцев только и есть одна хорошая книга: та, в которой показана нелепость всех остальных»; открытие Америки — «Они совершили великие открытия в Новом свете, но до сих пор не знают своей собственной страны: есть на их реках порты, которых еще никто не открыл, а в горах — племена, которые никому неизвестны»; претензии на роль мировой державы: «Они говорят, что солнце всходит и заходит в их стране, но нужно также заметить, что на своем пути оно встречает одни только разрушенные деревни и пустынные местности» (*Монтескье III. Персидские письма. М., 1956. С. 194*). Однако в просветительской интерпретации Испания оказывается не просто безумной альтернативой миру разума в философских построениях — может быть, еще большее ее значение в том, что испанская тема, наряду с еще более активной темой восточной, позволяет ему взглянуть на себя чужим, отстраненным взглядом, играет роль своего рода зеркала, глядя в которое, он обнаруживает безумное и в самом себе (см. *там же*, с. 194—195). В романе Монтескье есть история о самозванце, называвшем себя персидским послом (см. *там же*, с. 216—217), имевшая место в действительности и отчасти предвосхитившая сюжет «Ревизора»; есть там и эпизод, возможно послуживший образцом для Гоголя, когда у него «политическое» безумие Поприщина меняет свое направление и приобретает характер «космический», — в одном из писем автор описывает разговоры в кофейне, где, как и в повести Гоголя, увлеченно говорят о тогдашних «делах в Испании» — на испанско-французской границе: «Напротив меня сидел какой-то философ довольно потрепанного вида; он с сожалением глядел на вестовщика и пожимал плечами, по мере того как тот повышал голос. Я подошел к нему, и он шепнул мне на ухо: “Смотрите, какой дурак! Час битый толкует нам о своих опасениях за Лангедок, а вот я заметил вчера вечером пятно на солнце, которое, если оно увеличится, погрузит всю природу в оцепенение, да и то я не проронил ни слова”» (*там же*, с. 307). Во французском Просвещении складывается взгляд на Испанию как на страну, закономерно утратившую свою роль великой державы и превратившуюся в захолустье европейского мира; несколько позднее Гердер и Шиллер каждый по-своему будут говорить о трагическом искажении исторического облика испанской нации сначала в результате ее завоевания римлянами, а позднее вследствие деятельности инквизиции (см.: *Гердер 1977. С. 407; Шиллер. Т. 4. С. 89*). Этот образ Испании (неосвоенность пространства, не востребованность смелых открытий, странность великой литературы, подавление народного духа внешним завоеванием и внутренними причинами в сочетании с общей

темой упадка великой державы) мог быть соотнесен и с Россией; он провоцировал на политические аллюзии. Современную Гоголю репутацию Испании в Европе зафиксировала статья «Современное состояние Испании» (Европеец. 1832. № 2), переведенная П.В. Киреевским с французского перевода в «Revue des Deux Mondes» (1831. Т. 4. Р. 133–170) английского оригинала из «The Foreign Quarterly Review» (1831. Vol. 8. Р. 150–182), и со времен Монтескье она практически не изменилась. Главной причиной нынешнего бедственного положения страны автор статьи считал «убийственное влияние безрассудного внутреннего устройства и унижительной власти духовенства, заодно с правительством действовавшего самым страшным орудием, какое употребляет дух угнетения для подавления человеческого ума» (имелась в виду инквизиция, от которой Испания отказалась только в 1834 г.). Ссылаясь на книгу доктора Фора об Испании, вышедшую в 1831 г. в Париже, в которой, в частности, говорилось: «Умственные болезни (сумасшествие) должны там быть обыкновеннее, нежели в других землях, от солнечного действия на голову и от того, что государственное устройство лишает возможности найти приятное занятие и, на всяком шагу противореча здравому рассудку, постоянно держит народ в раздраженном состоянии», автор статьи перечислял заведения для умалишенных в Испании и замечал, что «религиозный фанатизм дает сумасшествию испанцев характер мрачный и неистовый» (Европеец. Журнал И.В. Киреевского. М., 1989. С. 183–184, 202–203); тема безумия, таким образом, жестко связывалась здесь с внутривосточными и религиозными (тоже трактуемыми как внутривосточными) условиями жизни в стране, а также с климатическим фактором. «На возвышенности, на которой стоит столица Испании, жары так жестоки, что, по народной пословице, в Мадриде *девять месяцев бывает зима, а три месяца ад* (pueve meses d'invierno y tres d'infierno). Глубокая премудрость внутреннего устройства дополнила щедрость природы, и теперь можно сказать без преувеличения, что для большей части жителей столицы ад продолжается целый год» (там же, с. 175), — говорится в статье, и, как замечает Вяч. Вс. Иванов, цитируя крупнейшего испанского поэта Гонгора, «чей сонет о городе начала XVII в. кончается строкой “Esto es Madrid, mejor dijera infierno” (“Таков Мадрид, а скажем лучше: ад”)), именно к такому образу Мадрида восходит урбанистическая тема в новой европейской поэзии вообще: «Те черты столицы Испании, которые могли тогда казаться адскими, позднее оттеснялись другими, становившимися все более отпугивающими» (Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Тр. по знак. системам. Т. 9. Тарту, 1986. С. 23–24).

В 1817 г. в Париже вышла книга Хуана Антонио Льоренте «Критическая история испанской инквизиции», основанная на архивных данных и сразу же запрещенная в Испании и Италии; Гоголь упомянул ее как замечательную в своей Библиографии средних веков (см.: Ак. Т. 9. С. 104). Именно она стала одним из источников для испанских сцен романа Метьюрина «Мельмот Скиталец» (см.: Метьюрин. С. 584, 649). Рассказ испанца о пыточной тюрьме инквизиции проецируется здесь на английский приют умалишенных XVII в., показанный как «обитель ужаса», где ночью раздаются вопли закованных в кандалы узников и щелканье бича смотри-

теля (возможно, именно это описание вспомнил Пушкин в стихотворении «Не дай мне бог сойти с ума...»); сама же Испания, где один из персонажей романа, англичанин Стентон, встречается с искусителем, изображена как место страшного, предельного испытания, полностью открытое дьявольской воле; там, среди прекрасных валенсийских равнин, Мельмот обещает ему новую встречу, местом которой «будут голые стены сумасшедшего дома». Как и в «Записках сумасшедшего», подосланная карета обманом увозит Стентона в сумасшедший дом, когда он думает, что едет на прогулку; там он читает «альбом приюта умалишенных», одна из записей в нем — «Скромное предложение касательно распространения христианства в различных странах, с помощью которого, как надеется автор, можно будет охватить им весь мир», — возможно, отразилась в замечании Поприщина о том, что цирюльник «вместе с одною повивальною бабкою хочет по всему свету распространить магометанство» (*там же*, с. 25, 41–44, 49, 54). В.В. Виноградов, связывая мотив сумасшествия с романтической поэтикой и отмечая прежде всего его «сложные сюжетные роли в гофмановской традиции», говорит также о важности темы сумасшествия во французской «неистовой словесности» 30-х годов (*Виноградов 1976. С. 103*), предшественником которой в России оказался Метьюрин. Дополнительный интерес к Испании вызвало в XIX в. ее упорное сопротивление Наполеону и взбуждавшая Европу революция 1820–1823 гг., установившая в стране конституционный строй и потерпевшая поражение лишь в результате иностранной военной интервенции. С другой стороны, романтизм, эстетизируя тему инквизиции, как и католического культа вообще, изображал Испанию экзотической, диковинной страной, где возможна любая фантастика; а сплетение запутанных приключений с участием в том числе и безумцев, через которое проводил своего героя, ставя и его, в свою очередь, на грань безумия, чрезвычайно занимавший внимание Пушкина Ян Потоцкий в романе «Рукопись, найденная в Сарагоссе», заставляло вспомнить о традиции готических романов, провоцировавшей пародии. Так, отмечает М. Вайскопф, еще в 1832 г. «банальный синтез экзотической Испании и безумия, дополненный мистицизмом, пародировался Баратынским в рассказе “Перстень”»; он был напечатан, кстати, в том же втором номере “Европейца”, в котором была помещена статья П.Киреевского об Испании (...). Герой “Перстня” офицер Антон Опальский, начитавшийся Эккартсгаузена, впадает в мистицизм и становится каббалистом масонского пошиба; вдобавок он воображает, будто родился в Испании, всех своих знакомых считает испанцами, а себя величает доном Антонио» (*Вайскопф 1993. С. 290–291*). В.В. Гиппиус, замечая, что тема «Записок сумасшедшего» «не была в литературе того времени новостью», указывает и на соответствующий ряд журнальных публикаций — это «рассказ о французском офицере, который воображал себя *испанским королем* и обдумывал план новой испанской конституции» (*Бабочка. 1829. № 34*), статья «Сумасшедший честолюбец» в *МТ* 1826 г., в которой упоминалось несколько аналогичных случаев, «Три листка из дома сумасшедших» Булгарина, «опять с темой о сумасшедших честолюбцах» (*СПч. 1834. № 37, 38*; см. об этом и о статье «Больница всех скорбящих» в № 28–30, 32: *Золотусский 1976. С. 146–149*) и др.; исследователь упоминает также драматические источники темы — от грибо-

едовского «Горя от ума» до переводного водевиля Верстовского «Дом сумасшедших или странная свадьба» (1822) (см.: *Гиппиус 1924. С. 91*).

Известна лубочная картинка с изображением пойманного в 1739 г. «гишпанскими рыбаками» «чудища морского или так называемого водяного мужика» (см.: *Ровинский. Т. 1. Стб. 138*; «главные чудища поставляла в Европе Испания», там же, стб. 139); к ней, возможно, восходит упоминание в повести о выплывшей в Англии рыбе, «которая сказала два слова на таком странном языке, что ученые уже три года стараются определить и еще до сих пор ничего не открыли», затерявшееся в «газетном мусоре», высыпавшемся со страниц «Пчелки» в больное сознание гоголевского героя» (*Паламарчук 1990. С. 425*); этот сюжет обыгрывается в литературе от «Бури» Шекспира до статей Стендаля; о нем в средневековых фацециях, в переделках и продолжениях известного испанского плутовского романа «Ласарильо с Тормеса» (1554), у Сервантеса в «Дон-Кихоте» (см.: *Метьюрин. С. 684*); упомянут он и в романе Тика «Странствия Франца Штернбальда», где на городской ярмарке герой видит продающиеся картины с грубо намалеванными на холсте фигурами: «Была здесь история о ремесленнике, во время путешествия попавшем в руки пиратов и проданном в позорное рабство в Алжир. Изображено было, как он вместе с другими христианами тащит плуг в огороде, а надсмотрщик погоняет его ужасным бичом. Другая картина представляла предиковинное чудовище, которое, как утверждал продавец, недавно было выловлено в Средиземном море. Голова у него была человеческая, на груди панцирь, ноги, напоминающие по форме руки, и большие плавники, задняя часть тела — как у лошади. (...) “Вот оно, — сказал себе Франц, — то, что нужно толпе, что нравится всем. Удивительная судьба, о которой каждый думает, что она может постигнуть и его, раз уж постигла другого человека из его сословия. Или нечто невероятное до смешного. Вот какие ожидания должен исполнять художник, вот каким склонностям потрафлять, если он хочет нравиться”» (*Тик. С. 185*). Точно так же, как у Тика, дивится народ на лубки и у Гоголя в «Портрете»; и именно по критерию «что нравится всем» подбираются составляющие того причудливого представления о мире, из которого и вырастает *idée fixe*, взрывающая сознание героя «Записок сумасшедшего». В этой повести, говорит Л.В. Пумпянский, «сумасшествие заменило действие» и его медицинское развитие (его отдельные ступени) «составляет замену драматургического интереса»; при этом «единство повести (...) заключается в пафосе открытия»: «Взрыв происходит 1) из открытия некоторой истины отвлеченного типа, 2) из открытия истины о себе. В высокой степени замечательно, что то и другое открытие связано с “Северной пчелой”» (*Пумпянский 2000. С. 335–336*; по-видимому, именно Л.В. Пумпянский в своей работе 1923 г. впервые выявил эту связь; см. также: *Виноградов 1976. С. 103*; *Золотуский 1976. С. 144–154*). «Основная минута схождения с ума — подслушанный разговор собак (...); но сейчас же (...) объяснение, представляющее сведение к абсурду сведений из “смеси”: о коровах, о рыбе (...) мелкий люд всегда кормили такими жалкими сообщениями из так называемого “мира наук”» (*Пумпянский 2000. С. 336*). Требуемое Тиком «невероятное до смешного» отмечает почти все 17 «научных объяснений и разоблачений» («о человеческом мозге (...), о счете по неделям (...), он пробка (...), о женщине

и черте (...), о происхождении честолюбия (...), о происхождении мусульманства во Франции (...), об Испании и Китае (...), о Земле и Луне (...), о луне и бочаре (...), о причине волн (...), о невидимости носов (...), о петухе (...)+ говорящие собаки, рыба, коровы + “понимаю, понимаю, отчего” и “он ма-сон”»), которые, как показывает Л.В. Пумпянский, последовательно заменяют «схождение» с ума Поприщина и которые связаны ближайшим образом с чтением газетной «смеси»: «Газета подсказала метод (научное открытие) и язык; открытие правды о знатных стало поэтому в центре 17 открытий бескорыстно-научного типа». Решающую же роль в собственно «сошествии» с ума героя в результате «открытия истины о себе», продолжает Л.В. Пумпянский, сыграла та же СПч, но уже «своим политическим отделом», правилом которого было: «поменьше о России и очень много о невинных странах; чем дальше, тем лучше. Недавно была Июльская революция, к французам “Северная пчела” неблагоклонна (...), а о новой династии говорит с достоинством и немного (...) осталось только волноваться о судьбах испанского престола» (*Пумпянский 2000. С. 336–337*). Это открытие подготовлено размышлениями Поприщина о возможности резких изменений в человеческой жизни, примеры которых ему известны и которые близки второму типу сюжетов, указанному у Тика: «Удивительная судьба, о которой каждый думает, что она может постигнуть и его, раз уж постигла другого человека из его сословия». М. Вайскопф полагает, что «наиболее общим, хотя и отдаленным источником монархических амбиций Поприщина является универсальный гностико-манихейский миф о падшем человеческом духе как “царском сыне”, ввергнутом в безумное земное заточение». «В манихейских космогонических текстах, адаптированных барочно-теософской традицией, опьяневшего, отравленного, усыпленного героя, плененного Сынами Тьмы и забывшего о своем царском сане, терзает бешеная собака или змей» (под этим углом исследователь предлагает взглянуть на всю «кинологическую» тему повести, вторым источником которой он считает 21-й псалом, включающий в трагические причитания царя Давида жалобы на «псов», см. *Пс 21, 17; 21*). «Прозрение же “царского сына”, пробужденного спасительным Зовом (Письмом), описанное, например, в “Гимне Жемчужине” и других текстах (...), типологически поразительно сходно с мнимым прозрением Поприщина (“Признаюсь, меня вдруг как будто молнией осветило (...).”) и с его ожиданием вести с родины»; автор напоминает в связи с этой специфической темой, подхваченной русским романтизмом 30-х годов, «о “Странствующем слепце” С. Боброва или о романах М. Хераскова с их героями — царскими сыновьями, попавшими в сатанинское — вавилонское, египетское и пр. — узилище» (*Вайскопф 1993. С. 289–290*). Тема царского сына — и каноническая евангельская тема блудного сына (*Лк 11–32*), упомянутая В.Н. Турбиным в связи с завершающим фрагментом повести (см.: *Турбин 1978. С. 83*), отличающегося тем, что он знает, кто он (точнее, чей он), и знает путь назад (а значит, знает выход), соответствуют Поприщину безумному и Поприщину в просветлении; обе темы, говоря словами Гоголя в «Портрете», «очень доступны и понятны народу» — лубочная картинка с изображением блудного сына, распространенная в начале XIX в. и описанная Пушкиным в «Станционном смотрителе», упомянута также и Гоголем в письме к М.С. Щепкину от 10 августа н. с. 1840 г., а к указанно-

му М. Вайскопфом прообразу, по всей видимости, можно возвести сюжет о человеке, проданном вместе с другими христианами в рабство, на ярмарочной картине у Тика. Но как сказочные мотивы поступают к герою повести Гоголя пропущенными через газетную «смесь», так и тема «земного пленения» приходит к нему в опосредованном виде — через мотив подкидыша («вдруг открывается, что он какой-нибудь вельможа, или Барон, или как его»; с. 216), популярный в массовой беллетристике конца XVIII — начала XIX в., особенно в готическом романе, а в современной Гоголю литературе использованный, в частности, Булгариным в «Иване Выжигине»; и совершенно исключительное по значению место этот мотив занимал на театральной сцене — в жанре мелодрамы.

В «Петербургских записках 1836 года» Гоголь с неудовольствием отмечает, что на петербургской драматической сцене явились «мелодрама и водевиль, заезжие гости, которые были хозяевами на французском театре, а на русском играли чрезвычайно странную роль». «Клянусь, XIX век будет стыдиться за эти пять лет, — говорит далее в статье. — О, Мольер, великий Мольер! ты, который так обширно и в такой полноте развивал свои характеры, так глубоко следил все тени их; ты, строгий, осмотрительный Лессинг, и ты, благородный, пламенный Шиллер, в таком поэтическом свете выказавший достоинство человека! взгляните, что делается после вас на нашей сцене; посмотрите, какое странное чудовище под видом мелодрамы забралось между нас!» (Ак. Т. 8. С. 181–182). В письме матери от 3 января 1829 г. Гоголь назвал театр «лучшим своим удовольствием»; однако в повестях *Ар.* его внимание обращено к тому аспекту театрального зрелища, который делает его привлекательным, наряду с потребителями преимущественно лубочной продукции, для Поприщина и поручика Пирогова и приравнивает по низкопробности к *СПч.* Как замечает В.Л. Комарович, у Гоголя театр занял в жизни петербургского чиновника то первостепенное место, которое занимала у гофмановских безумцев музыка: «Александринская сцена и занесена поэтому в “Записки сумасшедшего”, как одно из главных мест развертывающейся в них социальной драмы. (...) Но иллюзорный мир театрального эстетизма у Гоголя совсем иной, чем у Гофмана. Там он утверждается как высшая реальность; у Гоголя, напротив, он чисто реалистически низводится до сумасшествия в прямом, клиническом смысле слова» (Ак. Т. 3. С. 704). Поприщин в мечтах видит себя словно на сцене: «Вдруг, например, я вхожу в генеральском мундире...»; театральные впечатления глубоко вошли в его сознание, подменяя собственные реакции, подсказывая заимствованные слова, навязывая фантастические трактовки реальных событий. Так, в его знаменитом «Ничего, ничего, молчание!» О.Г. Дилакторская усматривает пародийно преобразованную цитату из «Гамлета» Шекспира, где как внутренняя тема героя возникают «слова о молчании» (Дилакторская 1995. С. 291; о связях с «Гамлетом» см. также: Дилакторская 1986. С. 61–63; Шульц. С. 112–113). В своих заочных инвективах в адрес Начальника Отделения Поприщин воспроизводит обращенные у Мольера к Дон Жуану опасливые обличения Сганареля: «И вот если бы у меня господин был такой, я бы ему прямо в глаза сказал: “Или, может, вы думаете, что если вы знатного рода, что если у вас белокурый, искусно завитой парик, шляпа с перьями, платье, шитое золотом, да

ленты огненного цвета (я не вам все это говорю, а тому, другому), может, вы думаете, что вы от этого умней, что все вам позволено и никто не смеет вам правду сказать?» (Мольер. Т. 2. С. 107–108). Само безумие его, подпитываемое чтением СПч и мелодраматическими штампами, развивается также по театральному образцу — В.Л. Комарович полагает, что, по замыслу Гоголя, реальный испанский «Дон-Карлос 1833 года сливается в фантазии Поприщина с героем Шиллера, и что именно поэтому, попав в сумасшедший дом, Поприщин принимает его обитателей за доминиканских монахов, а больничного надзирателя — за великого инквизитора (Карлос у Шиллера отдан Филиппом в руки великого инквизитора)» (Ак. Т. 3. С. 704; см. также с. 897). Упомянутые Гоголем в его укорах мелодраме «великий Мольер» и «благородный Шиллер», подобно «Шиллеру» и «Гофману» из «Невского проспекта», мстят за себя дезориентированному сознанию, не ведающему источников и утратившему представление о реальной иерархии адаптированной к массовому восприятию информации. Театральность господствует и здесь; герою прежде всего не хватает, как сказано в черновике, «королевского костюма»; на передний план выступают сценические бутафорские предметы — палка и мантия; именно мантия, а не порфира, как было в черновом варианте повести, не только потому, что «порфиру» (церемониальное одеяние действующего монарха) не пропустила бы цензура, но и потому, что мантию, а не порфиру видел Поприщин на короле Филиппе в пьесе Шиллера («Дон Карлос», поставленный впервые в 1829 г., не сходил с Александринской сцены все 30-е годы, см. там же), в одном из самых острых ее эпизодов (д. 5, явл. 5), когда в прямом противостоянии с Филиппом II инфант Дон Карлос терпит поражение («Все гранды окружают короля и, обнажив мечи, преклоняют перед ним колени. Карлос остается один, покинутый всеми, подле тела Позы») и король драматическим жестом делает необратимой свою победу: «Король (срывает с себя мантию и отбрасывает ее прочь): Его оденьте мантией монарха, / Перешагнув растоптанный мой труп!» (Шиллер 1954. С. 301–302). Поприщин запоминает мизансцены; это одиночество Карлоса — претендента на престол, несомненно, и имеет он в виду, записывая: «...но в это время вошел Великий Канцлер. Увидевши его, все разбежались. Я, как Король, остался один», — и в еще большей степени одиночество самого короля Филиппа, когда уже он остается наедине с Великим Инквизитором (ср. ниже в повести: «тот, которого я принял за Канцлера, не есть ли сам Великий Инквизитор»), перед волей и властью которого ему предстоит смириться; ср.: «Входит кардинал великий инквизитор, девяностолетний старец. Он слеп и опирается на палку, его ведут под руки два доминиканца. По мере того как он проходит по рядам, каждый из грандов опускается перед ним на колени и касается края его одежды. Кардинал благословляет их. Все удаляются» (д. 5, явл. 9) — и далее следует решающий диалог короля и кардинала (там же, с. 306); выходу Филиппа II в том же явлении («Медленными шагами проходит он мимо грандов, пристально смотрит на каждого, но кажется, будто никого не видит»; там же, с. 304) Поприщин подражает в сцене в департаменте; но, воссоздавая внешне мир шиллеровской драмы, главное в нем — то «достоинство человека», которое, как сказано в статье Гоголя, «в таком поэтическом свете» выказал Шиллер, — он ищет в переписке соба-

чек; соответственно и о палке больничного надзирателя, видя в ней поначалу то эквивалент меча при посвящении его, как Дон Кихота, в рыцари, то трость — официальный атрибут канцлера или вспомогательная о ней в руках шиллеровского старика инквизитора, он говорит в конечном счете почти словами комического Чуба из «Ночи перед Рождеством»: «Чрезвычайно больно бьется проклятая палка». За драматическим прототипом происходящего с ним легко обнаруживается фарсовый — это те сцены мольеровского «Мещанина во дворянстве», где тема мнимого безумия возникает в связи с социальным продвижением героя (когда Журдену объявляют, что сын турецкого султана прибыл просить руки его дочери, и ряженные турками танцующие слуги под музыку бьют его палками, посвящая в «мамамуши» и напевая: «Палка, палка, / Бей — не жалка»; в этом качестве, в турецкой одежде и тюрбане и с тем же припевом, он затем и предстает перед женой, как Поприщин в новой мантии перед Маврой, *Мольер*. Т. 3. С. 278—279, 283—287), и его же насквозь фарсовый «Лекарь поневоле» (см.: *Мольер*. Т. 2. С. 275, 279, 280—281, 285).

Театральная интерпретация темы царского (королевского — в «Гамлете» и «Дон Карлосе») сына, по-видимому, изначально входила в число источников «Записок сумасшедшего» — об этом свидетельствует упоминавшийся выше набросок (на л. 80 об.), в котором тема лечения душевнобольного сопровождалась обращением к матери-королеве («Матушка моя, за что они мучат меня. [Царица] (Ко)ролева моя светлая») и непроясненным указанием на причину мучений («ты видишь), как жестоко поступают со мною за любовь»). Этот последний мотив, к которому часто сводят центральную коллизию повести — а именно в такой интерпретации, как повесть «о безнадежной любви нищего чиновника к дочери начальника», она послужила, напоминая М. Вайскопф, «моделью для сентиментального направления русской “натуральной школы”», — был, вероятно, подсказан Гоголю одним эпизодом из «Страданий юного Вертера» Гёте, служащим, как определяет его указавший на эту параллель исследователь, «важнейшим символическим комментарием к главной линии романа» (*Вайскопф 1993*. С. 277—278). Имеется в виду запись Вертера о встрече с сумасшедшим за городом, в зимних пустых полях («Смотрите, только не выдайте меня, — сказал он, прикладывая палец к губам. — Я обещал букет моей милой». — «Дело хорошее», — заметил я. «Ну, у нее и без того всего много, она богата (...) У нее и драгоценные камни, и корона есть»»), и затем с его старухой матерью, рассказавшей, что сын ее «с полгода» как «стал тихим, а то год буйным был: его держали связанным в сумасшедшем доме; теперь он никому зла не причиняет — все толкует про королей да государей»; был он «хороший, скромный человек (...) красиво писал, бумаги переписывал (...) потом вдруг загрустил, заболел горячкой, впал в буйство». Вертер завидует его «безумию и гибельному помрачению чувств», горько сетуя, что счастье дано «только не вошедшим в разум или вновь утратившим его»: «Ты бродишь зимой с надеждой нарвать букет твоей королеве! И горюешь, что не нашел цветов, и не понимаешь, почему ты их не нашел. — А я — я брожу без надежды и без цели и ни с чем возвращаюсь домой. (...) Ты не чувствуешь, не понимаешь, что в твоём сокрушенном сердце, в твоём смятённом уме — причина всех горестей, и ни один король на

свете не поможет тебе»; позже он узнает, что этот человек «служил писцом у отца Лотты, и любовь к ней, которую он питал, таил, но не мог скрыть, за что и был уволен, свела его с ума» (*Гёте*. Т. 6. С. 74—76). «Мать» и «королева» обе присутствуют в этом сюжете; но сочетание здесь этих слов не способно вызывать тот драматический эффект, который зафиксирован гоголевским наброском и истоки которого обнаруживаются, очевидно, в мире театральных страстей. В «Гамлете» и «Дон Карлосе» в основе сюжета антагонизм королевского сына с королем; но смятение и неуверенность героя в обоих пьесах вызваны его отношениями с матерью. Гамлет мучается тем, что вынужден видеть в ней не мать, а прежде всего преступную жену своего убитого отца. Драма же Шиллера была задумана автором и увидена зрителями пьесы, знакомыми с положенным в основу ее историческим сюжетом, как «История злосчастного Дом-Карлоса и его мачехи, королевы»; ее источник — новелла аббата Сен-Реаля «История Дом-Карлоса, сына Филиппа II, короля Испании» (1691) — излагала эту историю в стиле авантюрно-любовной повести (см.: *Шиллер 1950*. С. 574, 749): Елизавета, бывшая невеста Дон Карлоса, стала супругой его отца, которую он должен почитать как мать и королеву. Слова «мать» и «королева» сопровождаются звуком рвущейся струны в сердце Дон Карлоса («Слабеет ум, и струны сердца рвутся», *Шиллер 1954*. С. 228) — но, точно так же как и Гамлет, он накануне решающих событий, приводящих к трагической развязке, оказывается в состоянии привести в гармонию эти отношения и произнести эти слова без смущающих и мучительных оттенков (*там же*, с. 310). Между тем в наброске Гоголя сочетание тех же слов в том же четком значении (королева = матушка) хотя и означает гармонизацию сознания Дон Карлоса, которым видит себя Поприщин, но в отношении самого Поприщина самым сокрушительным образом свидетельствует о рецидиве его болезни; оно фиксирует уже в этой первичной записи оба важнейших момента развязки — просветление и возвращение безумия; в дальнейшем Гоголь разделяет их, вводя фразу о «французском короле» в черновике (об «Алжирском Дее» в окончательном варианте повести), момент же гармонизации, сохранив связь с шиллеровским источником («струна звенит»), был переосмыслен им в соответствии с личной своей задачей в «Записках сумасшедшего».

«В финале своей повести Гоголь как бы соединяет Поприщина с миром природы и со всей вселенной, и в ответ природа и вселенная награждают героя человечностью»; отмечается созвучность этой мысли «о человеке, находящем в природе основания естественности и правды», отчасти «идее Фурье о человеке как частице природы и вселенной (...), отчасти идее Руссо, отчасти идее Сервантеса» (*Дилакторская 1986*. С. 76, 190). Романтическая параллель — у Гофмана в повести «Принцесса Брамбилла», в рассказанной там сказке о короле Офиохе и королеве Лирис, где сильнейшим образом выражена тоска по временам, «когда природа лелеяла и пестовала человека, как свое любимейшее дитя, наделив его даром непосредственного видения всего сущего, а следовательно — пониманием высшего идеала и чистой гармонии»; это онтологическое сиротство ощущается королем Офиохом как реальная утрата материнской ласки («ледяными крылами оведал его темный, страшный демон, разлучал с матерью»), вновь обрести

которую и вернуться на родину души (ср.: «О, мы были на чужбине, пустынной, негостеприимной, во власти тяжелых снов и проснулись на родине. Теперь мы узнаем себя, мы больше уже не осиротелые дети!») можно, только увидев свою разрушительно релятивистическую мысль отраженной в зеркале иронии: «Мысль разрушает представление, и человек, оторванный от материнской груди, бродит бесприютный, в вечных колебаниях и заблуждениях, слепой, глухой, пока, вглядевшись в отражение собственной мысли, не осознает, что она *существует* и что в той глубочайшей и богатейшей залежи, которую открыла перед человеком его царственная мать-природа, он полновластный суверен, хоть и должен повиноваться ей как вассал» (Гофман. Т. 2. С. 262, 267–268). Поэтически переосмысленное здесь у Гофмана шеллингианское обращение к первообразам откровенно названо у Шамиссо, повесть которого «Удивительная история Петра Шлемиля» (1813) стала источником важных в смысловом отношении реминисценций у Гоголя в «Портрете» и особенно в повести «Нос»; в меньшей степени она повлияла на сюжет «Записок сумасшедшего» — рассказанная, в частности, у Шамиссо история о том, как героя принимали за прусского короля, путешествующего инкогнито («Мир никогда не имел основания жаловаться на недостаток монархов, а в наши дни особенно; простодушные обыватели и в глаза не видывали королей и посему с равным основанием приписывали мне то одно, то другое королевство»), скорее ближе сюжету «Ревизора»; но вот попытка героя убедить отца своей невесты, не желающего выдавать ее за жениха без тени, «что это, в конце концов, тень, всего только тень; можно отлично прожить и без нее», до крайности напоминает поприщинское: «Что ж из того, что он Камер-Юнкер. Ведь это больше ничего кроме достоинство; не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять в руки» (с. 215). Понявший наконец, что, «если хочешь жить среди людей (...) прежде всего — тень, а уж затем — деньги», и получивший традиционное «адское» предложение, герой Шамиссо отвечает нетрадиционно, отказываясь продавать свою душу «даже за все тени на свете», — и, словно в вознаграждение, тут же попадает в совершенно иной сказочный сюжет: «Перед моим удивленным взором мелькали (...) луга, нивы, долины, горы, степи, песчаные пустыни. Сомнения быть не могло: на ногах у меня были семимильные сапоги (...) я отлучен от человеческого общества, но в возмещение приведен к издавна любимой мною природе; отныне земля для меня — роскошный сад, изучение ее даст мне силы и направит мою жизнь, цель которой — наука (...) с этой поры я смиренно, упорно, с неугасимым усердием трудился, стремясь передать другим то, что в ясном и совершенном первообразе видел своим внутренним оком, и бывал доволен, когда переданное мною совпадало с первообразом» (*Избр. проза*. Т. 2. С. 130–134, 140, 155, 160–161, 167). Это фантастическое расширение рамки кругозора, связанное с выходом за рамки сюжета, имеет прообразом, по всей вероятности, Гёте — семимильные сапоги Мефистофеля и фаустовский полет на его плаще; последний образ, любимый, в частности, Гофманом и использованный им в «Крейслериане» при описании музыкального впечатления (см.: Гофман 1972. С. 28, 72), был вообще популярен и хорошо известен Гоголю (см. в его письме к М.П. Балабиной от 7 ноября н. с. 1838 г.); о возможности соотнесения его с конями Поприщина см.: Ботникова. С. 144. М. Вайскопф

видит в них же «фольклорный адекват христианского “корабля”» в мистико-ностальгической теме возвращения (духовного взлета) в загробный дом, соотносимой непосредственно с популярным в 1830-е годы жанром «мистерий», но прослеживаемой и глубоко в прошлое вплоть до книги Иова и библейских псалмов; вместе с тем «образ стремительной тройки, колокольчика и песни, отработанный в русской литературе (Пушкин, Вяземский и др.), еще до Гоголя связывался в ней с семантикой возвращения с чужбины на сакрализованную деревенскую Русь, — ср., например, у Глинки в стихотворении “Почтовому колокольчику” (1831 г.)» (*Вайскопф 1993. С. 299–300*); как чисто национальный, образ тройки в сопоставлении с гоголевским отмечен в «Страшном гадании» (опубл. 1831) Бестужева-Марлинского (см.: *Гусев В.И. Судьба Александра Бестужева // Бестужев-Марлинский 1976. С. 13*). Представленный впоследствии в «Мертвых душах», этот образ и в «Записках сумасшедшего», где он появляется у Гоголя впервые, отмечен той же лирической интонацией, заставляющей исследователей говорить в связи с ним о «слиянии авторского голоса с голосом героя, даже с голосом народа» (*Диалаторская 1986. С. 77*; см. также: *Гуковский 1959. С. 318–319*). Даже собственную свою то ли мечту, то ли навязчивую мысль о том, что только через Италию можно попасть в истинную Россию (ср. в «Авторской исповеди»; *Ак. Т. 8. С. 450*), Гоголь отдает здесь Поприщину, возвращающемуся из Испании через Италию домой (сам он тоже скажет однажды, что бывал в Испании, загадав этим неразрешимую загадку биографам, см.: *Смирнова-Россет 1989. С. 27–28, 34–35, 642*). Важнейшим источником здесь могла стать итальянская тема у Гёте, которого, по его словам, «отчаяние погнало в Италию» (разговор с Эккерманом 3 мая 1827 г. // *История всемирной литературы. Т. 5. М., 1988. С. 236*); помимо знаменитой «Миньоны» («*Kennst du das Land? ..*», 1784), Гоголь, вероятно, знал в какой-то мере и его «Итальянское путешествие» (1816–1829). Вероятно, не без влияния Гёте у романтиков, даже помимо того значения, которое придавалось итальянской теме в их эстетических концепциях, сама поездка в Италию становилась поэтическим символом освобождения и волшебного преобразования для новой жизни — так у Эйхендорфа, в повести которого «Из жизни одного бездельника» (1823–1824) герой с двумя художниками уезжает в Италию, и начало их поездки напоминает фантастический полет героя «Записок сумасшедшего»: «Мы неслись так, что у меня шляпу чуть не срывало ветром. Справа и слева мелькали села, и города, и виноградники — просто в глазах рябило; позади меня — оба художника в карете, впереди — четверка лошадей, которыми правил великолепный кучер, а я водружился высоко на козлах и часто подпрыгивал на аршин вверх. (...) У самой почтовой станции, под сенью высоких лип, нас уже ждала роскошная карета, запряженная четверкой лошадей. (...) Угрюмый незнакомец взял лошадей под уздцы, художники прыгнули в карету, я — на козлы, и лошади тронулись; станционный смотритель в ночном колпаке выглянул из окна, кучер весело затрубил в рожок, и мы быстро помчались прямо в Италию» (*Избр. проза. Т. 2. С. 248–249*).

В 1830 г. *МВ* печатал в нескольких номерах «Отрывки из писем Русского Путешественника по Италии» Шевырева; Италия, сказано здесь, «крепким узлом связала цепь древней Истории с новейшею. Италия объяс-

няет все символы нового Европейского мира, без нее для нас непонятные. Италия есть корень всего разнообразного древа Европы, которое, с множеством прививков готических, простерло свои цветущие ветви до льдов нашего Севера» (*МВ*. 1830. Ч. 2. № 6. С. 200—201). Вероятно, и эту публикацию имел в виду Гоголь, когда писал Шевыреву 10 марта 1835 г. о том, что любит его со времен *МВ*: «ваши мысли подымали из глубины души моей многое, которое еще донныне не совершенно развернулось». Италия как символ, но, главное, как вечный источник, неиссякаемый ресурс согласия (см. «Рим») во всех сферах, от искусства и до общеевропейского единства, обеспечившего выживание Европы в Средние века и ее современное Гоголю равновесие, которое, как заметил он в статье «О Средних веках», «так удивительно ее содержит» (с. 17), не случайно возникает в разорванном сознании Поприщина в момент просветления и недолгой его гармонии. Неожиданно на каком-то последнем этапе работы появившееся в названии повести слово «клочки» заметным образом звучит и в гоголевских статьях по истории начиная с «Взгляда на составление Малороссии» уже в его журнальном варианте, где изображен «хаос браней за временное, за минутное», когда на ее территории «мелкие государства так были между собою разъединены, как редко случается с разнохарактерными народами», и «брат брата резал за клочок земли» (с. 81, 82); иная картина в европейском Средневековье: Крестовые походы, говорит Гоголь, не битва «за корону или за клочок земли» («О Средних веках». С. 17). Слову этому сопутствует некоторый оттенок филологического сомнения: «Вся Европа состояла, можно сказать, из клочков и отрывков», представляя собой «мир, о котором древние просвещенные народы ничего не знали и который, можно сказать, сам мало знал себя», на окраинах своих имевший к тому же «множество клочков или остатков разных племен (...) бандитствовавших в дикой Европе» («О движении народов в конце V века». С. 185, 191); и тем не менее именно оно наиболее точно обозначает для Гоголя то исторически низшее состояние, от которого поднялся европейский мир и сам процесс восхождения от которого — «процесс слияния двух жизней Древнего мира и Нового (...) эти отрывки или, лучше сказать, клочки римских форм, законов, среди новых, еще неопределенных, не получивших ни образа, ни границ, ни порядка; самый этот хаос, в котором бродят разложенные начала страшного величия нынешней Европы и тысящелетней силы ее», должен «родить в нас величайшее любопытство» («О Средних веках». С. 15). «Записки сумасшедшего» дописывались, когда лекции по истории составляли регулярную обязанность и заботу Гоголя; многие исторические вопросы тогда он волей или неволей должен был прояснить для себя до конца; как раз тогда он неожиданно изменил название повести, введя в него слово «клочки» и действительно приближая его таким образом к гофмановскому его звучанию (см. выше), но и выдавая, возможно намеренно, включенность ее проблематики в ряд своих исторических размышлений.

Музыкальная тема в заключении повести связывается исследователями с рудиментами первоначального, ориентированного «на гофмановские сочинения о безумных музыкантах и на их продолжение на русской почве» замысла, а также с темой музыки, как она представлена в статье Гоголя «Скульптура, живопись и музыка». Финальный образ «с т р у н ы в т у -

м а н е, которую слышит Поприщин и на которую откликается его душа», «не просто метафора, это полная значения м ы с л ь Гоголя, итоговая мысль его повести»: его «титularный советник становится “гением”», возвышаясь в своей жажде любви «до смутного сознания своего высшего назначения» (*Золотусский 1976. С. 154*). Удивительный гоголевский образ исходит из общеромантического понимания музыки, по-видимому глубоко усвоенного им. Н.Я. Берковский иллюстрирует его примером из едва ли известного Гоголю источника — «Философии природы» Гегеля, который «умел высказаться на темы романтиков порою сильнее их самих. Мимоходом он обронил романтическое стихотворение в прозе по поводу звука в одной своей книге чуть ли не учебного характера. “Рождение звука с трудом поддается пониманию. Когда специфическое — внутри себя — бытие, отделившись от тяжести, проступает наружу, это и есть звук; это — жалоба идеального, находящегося во власти другого, но вместе с тем и его торжество над этой властью, ибо оно сохраняет в ней себя”» (*Берковский. С. 32–33*); сюжет этого «стихотворения в прозе» буквально воспроизведен в конце повести. Музыка исцеляла душу (*1 Цар 16, 14–23*); ср. у Шекспира в «Буре»: «Торжественная музыка врачует / Рассудок, отуманенный безумьем, (...) Как утро, незаметно приближаясь, / Мрак ночи постепенно растопляет, / Так воскресает мертвое сознание, / Туман безумья отгоняя прочь» (*Шекспир. Т. 8. С. 200*); в более близкие времена музыкой пытались лечить героя повести Полевого «Блаженство безумия». Но возможно, речь в заключительном фрагменте повести идет не только о музыке или даже не о музыке вообще. Гердер в книге XV своего труда использовал музыкальный образ, чтобы показать, как резонансом отдается в истории человечества сосредоточенная и напряженная деятельность человеческого разума и таланта, даже если она осуществляется малыми силами и на ограниченном пространстве. «Когда звучит струна, то отвечает ей все, что может звучать, и звучат вслед за одним звуком все гармонирующие с ним ее звуки, уходящие в недоступную слуху высь, — так и человеческий дух: он изобретал, создавал, творил, стоило только зазвучать одному гармоническому источнику в его душе. (...) А поскольку от человеческого и от божественного искусства не бывает пользы большей, чем когда дарует оно нам свет и порядок, но еще и сверх того — по своей внутренней природе распространяет и хранит в мире свет и порядок, то возблагодарим творца, он *рассудок* сделал существом человека, а *искусство* — существом рассудка. Рассудок и искусство — вот тайна и средство укрепляющегося миропорядка» (*Гердер 1977. С. 449–450*). Искусству, причем именно в том широком значении этого слова, в каком его употреблял Гердер, включая в это понятие и ремесло, в не одинаковом в каждом случае и достаточно драматическом соотношении этих двух смыслов, посвящены первые две повести *Ар.*, и закономерно, что в третьей повести Гоголь изображает приключения рассудка, индивидуальные проблемы которого слиты, местами до неразличимости, с культурно-исторической проблематикой *Ар.* в целом.

Начало «Клочков из записок сумасшедшего» было перепечатано в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» (1835. № 27. 3 апреля. С. 209–213).

Критика до Белинского видела в «Записках сумасшедшего» произведение чисто комическое, без притязаний на серьезное содержание. Так, Сенковский в своей рецензии в качестве компрометирующего аргумента, подтверждающего, что *Ар.* — это «полная мистификация» не только «науки, художеств (...) языка», но и смысла вообще, завершил перечень «ученых» тем сборника сообщением о том, что автор еще и «предлагает переписки собачек»; сами же «Записки...» были признаны им не менее забавными, чем написанные «в шуточном роде» страницы «Невского проспекта», — «и были бы еще лучше, если б соединялись какою-нибудь идеей»; повесть эта, «о которой нам приятно отзываться с похвалою», говорил далее критик, заставляет сожалеть, что автор в других случаях «обманывает себя», вынуждая «читателя смеяться над неловкостью своих начинаний, тогда как по роду своего дарования он мог бы смешить его и писать хорошие сказки» (*БдЧ.* 1835. Т. 9. Кн. 3. Март. Отд. 6. Литературная летопись. С. 14).

Чувствительно задетая в «Записках сумасшедшего» *СПч.*, похвалив дарование Гоголя «в повествовательном роде» и назвав «замечательными во многих отношениях» две другие повести *Ар.*, выразительно умолчала в этой панегирической части рецензии о третьей, вместо того пожалев, что фантазия автора «не всегда управляется разборчивым вкусом и благородством описываемых предметов»; самой же повести уделила только две фразы: «В *Клочках из записок сумасшедшего* есть также много остроумного, забавного, смешного и жалкого. Быт и характер некоторых Петербургских чиновников схвачен и набросан живо и оригинально» (*СПч.* 1835. № 73. С. 289–290).

Рецензия на «Миргород» Шевырева показывает, что «Записки сумасшедшего» были прочитаны им и дали дополнительную почву для размышлений о природе комического вообще и гоголевского смеха в особенности. «В чем же состоит вообще смешное? — спрашивал Шевырев. — Мне кажется, иначе нельзя определить его, как бессмыслицей жизни. Человек создан разумною тварью, и все то, что не имеет смысла, для него смешно. (...) Нам смешны сумасшедшие, нам смешны привычки, мелкие страсти, противоречия, недоразумения, всякая неловкость; мы сами смешны себе, когда долго не могли отгадать чего-нибудь... Но все это к чему приводится? к бессмыслице... Везде, где блещет свет разума, там уж не может быть смешного...» Оговариваясь, что «смешное есть бессмыслица безвредная», критик подразделял его далее на смешное фантастическое, смешное аллегорическое и «третий, лучший род смешного» — «смешное, прямо снятое с жизни». «В этой жизни нашей так много бессмыслицы; но эта бессмыслица так искусно прикрыта разными формами, разными привычками, обрядами, общепринятыми мнениями, что кажется здравым смыслом общества. Автор Вечеров Диканьки имеет от природы чудный дар схватывать эту бессмыслицу в жизни человеческой и обращать ее в неизъяснимую Поэзию смеха. В этом даре его мы видим зародыш истинного комического таланта. Но желательнее бы было, чтобы он обратил свой наблюдательный взор и меткую кисть свою на общество, нас окружающее. До сих пор, за этим смехом он водил нас или в Миргород, или в лавку жестяных дел мастера Шиллера, или в сумасшедший дом. (...) Но как бы хотелось, чтобы Автор, который, кажется, каким-то магнитом притягивает к себе все смешное, рассмешил нас нами же самими; чтобы он открыл эту бессмыслицу в нашей собствен-

ной жизни, в кругу так называемом образованном, в нашей гостиной, среди модных фраков и галстуков, под модными головными уборами...» Между тем сама повесть получила только косвенную оценку в рецензии Шевырева, и досадливое упоминание далее о «влиянии Гофмана и Тика» на «малороссийский» юмор Гоголя, также, по всей видимости, относящееся к «Запискам сумасшедшего», только усугубляло впечатление недовольства критика (МН. 1835. Ч. 1. Кн. 2. С. 400—404). Напротив, Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (Т. 1835. Т. 26. № 8) вывел обсуждение «Записок сумасшедшего» далеко за пределы проблем комического жанра и этнографически понятой народности. Как наиболее полное на тот момент проявление индивидуально гоголевского взгляда («следствие цвета очков, сквозь которые смотрит он на мир»), его авторской оригинальности, состоящей «в комическом одушевлении, всегда побеждаемом чувством глубокой грусти», и рассматривает Белинский последнюю повесть Ар.: «Возьмите “Записки сумасшедшего”, этот уродливый гротеск, эту странную, прихотливую грезу художника, эту добродушную насмешку над жизнью и человеку, жалкою жизнью, жалким человеком, эту карикатуру, в которой такая бездна поэзии, такая бездна философии, эту психическую историю болезни, изложенную в поэтической форме, удивительную по всей истине и глубокости, достойную кисти Шекспира: вы еще смеетесь над простаком, но уже ваш смех растворен горечью; это смех над сумасшедшим, которого бред и смешит и возбуждает сострадание». Белинский, таким образом, первый понял «Записки сумасшедшего» как произведение большого стиля; позднее в рецензии на Соч. 1842 (ОЗ. 1843. Т. 26. № 2), уже знакомый с «Мертвыми душами» и «Шинелью», он подтвердил это свое первоначальное впечатление от повести, назвав ее одним из глубочайших произведений Гоголя (Белинский. Т. 1. С. 297; Т. 6. С. 661).

И тогда же, вскоре после первой публикации в Ар., еще до перепечатки «Записок сумасшедшего» в третьем томе Соч. 1842 и последовавшего переосмысления, появились первые литературные отклики на повесть, положившие начало последующей связанной с ней традиции. Тема петербургского чиновника в гоголевском ее варианте чрезвычайно занимала, по-видимому, Лермонтова в первых его прозаических попытках; так, Б.В. Нейман сравнивает с Поприщиным чиновника Красинского из его неоконченной повести «Княгиня Лиговская» (1836 — начало 1837 г.); в «Штоссе» (1841), по его наблюдению, герой идет по городу буквально по следам героя «Записок сумасшедшего» (см.: Нейман Б.В. Лермонтов и Гоголь // Учен. зап. Моск. ун-та, 1946. Вып. 118. Кн. 2. С. 124—138). Близкий к Гоголю и хорошо осведомленный о его замыслах Одоевский в повести «Привидение» (1838), связанной отношениями преемственности не только с «Записками сумасшедшего», но и с «Владимиром 3-ей степени», в рассказе начальника отделения о чиновнике, вообразившем себя «решенным делом», изобразил, как замечает В.И. Сахаров, тот же, что и у Гоголя, «род петербургского безумия, когда чиновник не выдерживает бюрократической механики и угнетения» (Сахаров В.И. Гоголь и В.Ф. Одоевский: (По новым материалам) // Гоголь и литература народов Советского Союза. Ереван, 1986. С. 58). Ряд чисто эпигонских подражаний был открыт, кажется, повестью Е.П. Гребенки «Верное лекарство» (ОЗ. 1840. № 8), написанной

в форме дневника умалишенного (о неудовольствии Гоголя в связи с этим см.: *Анненков 1989. С. 41*).

В 1839 г. в Ганау Н.А. Мельгунов вместе с Г.И. Кёнигом перевел «Записки сумасшедшего» на немецкий язык, и этот перевод был напечатан в газете «Morgenblatt» от 27 ноября (см.: *Алексеев М.П. Первый немецкий перевод «Ревизора» // Ст. и мат. С. 189, со ссылкой на: РС. 1898. № 12. С. 553*).

С. 205. ...не понимаю выгод служить в Департаменте ~ в Губернском Правлении, Гражданских и Казенных Палатах совсем другое дело... — Губернское правление — орган высшей административной власти на местах, представляемой губернатором или генерал-губернатором. Гражданские палаты — губернские органы Сената, в ведении которых было гражданское судопроизводство. Казенные палаты — органы министерства финансов, ведавшие сбором казенных налогов. Несмотря на неоднократные попытки пресечь злоупотребления провинциального управления, в царствование Николая I оно «получило более значения и силы в руках чиновников, и значит, выгоды, а власть главных губернских начальников еще возвысилась» (*Аристов Н.Я. Сочинения Н.В. Гоголя со стороны отечественной науки: Две статьи. Пб., 1887. С. 41*). Ср. письмо Гоголя матери от 3 июня 1830 г. (с. 865).

С. 206. ...эге! ~ Что это за бестия наш брат чиновник! Ей Богу, не уступит никакому офицеру... — Ср. в наброске «Дождь был продолжительный» (с. 283). Упоминание об офицере отсылает читателя к изображению погони поручика Пирогова за блондинкой в «Невском проспекте».

С. 206. *Дегатированное* (декатированное) сукно — обработанное особым способом, чтобы не садилось и не пропускало влаги. О вывеске дегатировщика на доме Иохима, где жил Гоголь, упоминается в его письме матери от 30 апреля 1829 г.

С. 206. *Говорят, в Англии выплыла рыба...* — И.П. Золотусский в связи с этим местом указывает на сообщение о рыбе-женщине в СПч. 1834. № 194 (*Золотусский 1976. С. 153*). См. также с. 879.

С. 207. ...в жизни не слыхивал, чтобы собака могла писать. — Ср. в «Житейских воззрениях кота Мурра»: «(...) эта мысль невероятна, ибо кот абсолютно не в состоянии ни писать, ни, тем паче, сочинять стихи» (*Гофман 1972. С. 160*).

С. 207. *Перешли в Гороховую, поворотили в Мещанскую, оттуда в Столярную...* — О Гороховой и Мещанской улицах см. с. 778, 787. В начале Столярного переулка на Мещанской улице, в доме каретника Иохима, Гоголь жил с апреля 1829 г. до отъезда за границу в июле того же года. В Столярном у Достоевского будет жить Раскольников.

С. 207. *Этот дом я знаю ~ Это дом Зверкова.* — В доме Зверкова, на Екатерининском канале, у Кокушкина моста, Гоголь жил с октября 1829 г. до лета 1831 г. По словам А.И. Дельвига, дом этот, построенный в 1817 г., был тогда самым высоким в Петербурге и Гоголь жил в верхнем этаже его (см.: *Дельви́г А.И. Мои воспоминания. М., 1912. Т. 1. С. 152*) — на пятом этаже, как сам Гоголь сообщает матери (см. его письма от 3 июня и 29 сентября 1830 г.); позднее дом был надстроен (см. фото: *Золотусский*

1998. С. 128–129, вкл.; наст. том, с. 207). «Дома здесь большие, особенно в главных частях города, но не высоки, большую часть в три и четыре этажа, редко очень бывают в пять, в шесть только четыре или пять по всей столице», — писал Гоголь матери 30 апреля 1829.

С. 207. *Машина* — здесь: махина.

С. 207. *Там есть и у меня один приятель...* — См.: *Манн 2004*. С. 175, 357. Сохранилось письмо Гоголя к А.С. Данилевскому, написанное в 1831 г. и адресованное «Александру Семеновичу — душечке бесстыднику. В доме Зверкова».

С. 208. *Октябрь 4. Сегодня среда...* — Замечено, что «хроника курьезов» в повести «точно ложится на исторические факты конца 1833 г. (даже день 4 октября, помеченный в “Записках” средой, был действительно среда)» (*Золотусский 1976*. С. 144).

С. 208. *...эх канальство!*... — Слово «канальство» связывают с «собачьей» темой в повести: «оно ведет свое происхождение через польский или немецкий языки от французского и итальянского — “свора собак, сброд, негодяй”, а то, в свой черед, от латинского слова, обозначающего собаку» (*Паламарчук 1990*. С. 426). См. также: *Ковач А.* Поприщин, Софи и Меджи: (К семантической реконструкции «Записок сумасшедшего») // *Гоголь. сб. 1993*. С. 115.

С. 208. *Читал пчелку. Эка глупой народ французы!* — Пчелка — СПч; она единственная, не будучи официозом, имела право печатать внешнеполитические новости. Упоминание о французах содержало намек на революцию 1830 г. и последующие политические события во Франции.

С. 208. *Курские помещики хорошо пишут.* — «Чухонским помещиком» подписывался Булгарин, и в его очерки петербургских нравов, кстати, входили и описание балов (см.: *Золотусский 1976*. С. 148). Курским же по происхождению (но не помещиком, а купцом) был Полевой, подписывавшийся иногда «Московским купцом»; ср. обыгрывание обоих псевдонимов в письме Гоголя к М.П. Погодину от 11 января 1834 г.: «Ведь в столице нашей чухонство, в вашей купечество, а Русь только среди Руси».

С. 208. *Амбра* — вещество, используемое как закрепитель аромата в парфюмерии; отсюда французский глагол *ambreg* — «надушить»; ср. в «Ревизоре»: «и чтоб у меня в комнате такое было амбре» (наст. изд., т. 4, с. 73).

С. 209. *Должно быть, Пушкина сочинение.* — Поприщин приписывает Пушкину стихотворение Н.П. Николева (1758–1815) «Песня» (см.: *Поэты XVIII века. Л., 1972*. Т. 2. С. 108) с измененным, по-видимому в результате устного бытования, последним стихом (стихи Николева включались в популярные песенники). Из аналогичного источника взят и вариант рукописи: «На то ль, чтобы в печали нам время проводить, нам боги сердце да(ли)»; по указанию Н.С. Тихонравова (*Тих.* Т. 5. С. 613), в «Полном новейшем песеннике», собранном И.Г. Гурьяновым, начало этой песни напечатано так: «На то ль, чтобы печали / В любви нам находить, / Нам боги сердце дали, / Способное любить?» (VII, 8).

С. 209. *Надворный Советник* — чин седьмого класса.

С. 209. *я разве ~ из унтер-офицерских детей? Я дворянин.* — Унтер-офицерские чины — низшие чины в армии, предшествовавшие офи-

царским (младший и взводный унтер-офицеры, фельдфебель); не давали дворянских прав.

С. 209. *Дай-ка мне ручевой фрак...* — Руч (Rutch) Конрад — модный петербургский портной, у которого Гоголь заказывал платье для А.С. Данилевского по его поручению (см. письма Гоголя к А.С. Данилевскому от 30 марта и 26 апреля 1832 г.); дважды упоминается в черновой редакции «Ревизора». Счета Руча от февраля и ноября 1834 г. сохранились среди бумаг Пушкина (*Черейский 1989. С. 380*).

С. 209. *Играли ~ Филатку.* — Пьесы о Филатке (см. с. 786) шли на сцене Александринского театра с ноября 1831 г.

С. 209–210. *Был еще какой-то водевиль ~ Пела одна актриса очень хорошо.* — В театре после основной пьесы показывали обычно одноактный водевиль, а завершалось представление концертными номерами; ср. в письме современника (1831): «...На Малом играли трагедию Кребильона “Атрей и Фиест” (...) Потом играли новую комедию в одном действии “Проказы ревнивых” (...) здешние актрисы если не все красавицы, то очень хороши. В заключение были разные танцы и пение» (*Росковиенко. С. 484*).

С. 210. *Хотелось бы мне заглянуть в гостиную ~ В будуар* — Будуар — дамская маленькая гостиная, где принимали только близких знакомых. Упрек в подглядывании — через мутные, искажающие стекла, из передней или лакейской, в гостиную (салон), куда их не пускают, был постоянным полемическим приемом, который использовала ЛГ против Бугарина и Полевого. Ср. в наброске Пушкина: «Но не смешно ли им судить о том, что принято или не принято в свете (...) какое выражение принадлежит гостиной (или будуару, как говорят эти господа). Не забавно ли видеть их опекунами высшего общества, куда вероятно им и некогда и вовсе не нужно являться» (*Пушкин. Т. 11. С. 98*).

С. 212. *...в почерке все есть как будто что-то собачье.* — Ср. в «Житейских воззрениях кота Мурра»: «(...) мне сразу же бросился в глаза совершенно особенный, необыкновенно своеобразный почерк (...) во мне возникла (...) престранная мысль, что Мурр мог собственной персоной насочинять все эти творения!» (*Гофман 1972. С. 160*).

С. 212. *Милая Фидель, я все не могу привыкнуть к твоему мещанскому имени.* — Фидель — верная, преданная (*франц.*); Меджи (уменьшительное от Маргарет) — жемчужина (*лат.*).

С. 212. *...даже буква ъ везде на своем месте.* — Буква ъ, существовавшая до орфографической реформы 1918 г., сохранялась только в исконно русских словах и в произношении в гоголевские времена не различалась с обычным «е»; правильное употребление ее было признаком образованности. М.Н. Лонгинов, в детстве вместе с братом бравший уроки у Гоголя, вспоминает, что он сказал им однажды: «В русском языке главное дело — уметь ставить ъ и е (...). Выучить писать гладко и увлекательно не может никто; эта способность дается природой, а не ученьем» (*Гоголь в восп. С. 71*).

С. 212. *...мысль почерпнута из одного сочинения, переведенного с немецкого.* — В рукописи: «переведенного с немецкого Лабзинным». «Как и следовало ожидать, в лабзинских переводах сходная сентенция не обнару-

живается: Гоголь сигнализирует цитату, но скрывает ее источник. Объектом цитации здесь, возможно, является следующая фраза: «Способность сообщать другому свои мысли и чувства есть без сомнения один из путей к счастью». Это — первая фраза очерка Петра Андреевича Габбе «О способности говорить и молчаливости», напечатанного в прибавлении к 21-му номеру «Московского телеграфа» за 1825 г. (подпись: Петр Г.б.е.). Немецкая фамилия автора и немецкий эпиграф из Шиллера, предпосланный очерку, могут быть поставлены в связь с поприщинской отсылкой к немецкому источнику» (Козлов 1990. С. 12); по предположению С.Л. Козлова, Гоголь вспомнил очерк «потому что осенью 1833 г. Габбе сошел с ума», и подробности его сумасшествия отчасти сходны с описываемыми в повести (см. с. 871).

С. 212. *Я пью чай и кофий со сливками ~ Кости хороши...* — Ср. о гастрономических пристрастиях кошек и собак (Гофман 1972. С. 144, 269, 287).

С. 213. *...беспрестанно говорил сам с собою: получу или не получу? ~ как ты думаешь, Меджи? получу или не получу?* — В драматическом наброске Гоголя «Утро делового человека» Иван Петрович играет с собачкой, думая о получении ордена. Его собеседник, тоже «деловой человек», оставшись один, возмущается: «Вишь чего захотел! ордена! И ведь получит, мошенник! получит! (...) Я таки тебе удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь!» (Ак. Т. 5. С. 108). Слово это одно из многозначительных у Гоголя и способно выражать некоторый комплекс жизненных ожиданий, более общий, чем конкретное в каждом случае его наполнение; ср. в письме Гоголя матери от 24 июля 1829 г.: «Везде совершенно я встречал одни неудачи (...) упорствовал, ожидал целые месяцы, не получу ли чего»; в повести «Портрет»: «Ты думаешь, что долгими усилиями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что-нибудь, — да, ты получишь (...) ты получишь завидное право кинуться с Исакиевского моста в Неву»; см. также коммент. к повести «Нос» (наст. изд., т. 6).

С. 213. *Ах! милая, как ощутительно приближение весны.* — Ср. в «Житейских воззрениях кота Мурра» о весне в кошачьей жизни (Гофман 1972. С. 239–244).

С. 214. *Куртизан (франц.)* — ухажер.

С. 214. *Мне подавайте человека! Я хочу видеть человека...* — Это программная тема движения «Бури и натиска» и сквозная в «Дон Карлосе» — ср.: «Теперь мне нужен человек. О боже, / Ты много дал мне. Подари теперь / Мне человека!»; «Прости, но я возжаждал человека!» (Шиллер 1954. С. 261, 308; об этом: Шульц. С. 112). Слова Поприщина предвосхищают дальнейшие реминисценции из «Дон Карлоса» в тексте повести.

С. 215. *Ведь у него же нос не из золота сделан, а так же, как и у меня, как и у всякого...* — Слова Поприщина могут рассматриваться как ранняя вариация «гуманного места» в «Шинели», прообразом которого стал монолог Шейлока из шекспировского «Венецианского купца»: «Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей?» и т.д. (см.: Луковский 1959. С. 313).

С. 216. *...даже крестьянин — и вдруг открывается, что он какой-нибудь вельможа, или Барон, или как его.* — В рукописи: «какой-нибудь

вельможа, а иногда даже и государь». Г.П. Макогоненко связывал это место с интересом Гоголя к пушкинской «Истории пугачевского бунта» (*Макогоненко 1979. С. 103*); о ней в письме Гоголя к М.П. Погодину от 8 мая 1833 г.: «Это будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательно очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный роман!»

С. 216. ...это масон... — Масонские ложи были запрещены в России в 1822 г. указом Александра I; после восстания декабристов они стали проходить по разряду тайных обществ и фактически были объявлены вне закона. Рескриптом императора Николая I от 21 апреля 1826 г. повелевалось «истребовать вновь по всему государству обязательства от всех находящихся в службе и отставных чиновников и не служащих дворян в том, что они ни к каким тайным обществам, под каким бы они названием ни существовали, впредь принадлежать не будут, а если кто прежде к какому-либо из них когда бы то ни было принадлежал, то с подробным объяснением в обязательстве его, под каким названием оно существовало, какая была цель его и какие меры предполагаемо было употреблять для достижения этой цели». С действием этого рескрипта Гоголь столкнулся еще в Нежинской гимназии, когда у всех преподавателей ее были взяты показания о принадлежности к масонским ложам и обязательство не принадлежать к ним (см.: *Гогол. сб. 1902. С. 348—352*); а впоследствии и сам он должен был дать такое же обязательство — в резолюции об определении его на вакансию писца во второе отделение департамента уделов министерства двора говорилось: «...приведа его на верность службы к присяге, обязать подпискою о непринадлежности его к масонским ложам» (*Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 296*). Масонское влияние на испанского короля Фердинанда VII было одним из обвинений против него оппозиционной хунты во главе с инфантом Дон Карлосом в 20-е годы XIX в. (см.: *Пумпянский 2000. С. 337*).

С. 216. ...хотя он и прикидывается таким и таким — В рукописи было: «прикидывается мартинистом», что позволяет предположить какой-то нереализованный поворот в рассуждениях Поприщина, который, как замечает М. Вайскопф, «выказывает несомненное знакомство с масонской литературой» (*Вайскопф 1993. С. 292*; см. также: *Вайскопф М. Гоголь как масонский писатель // Гогол. сб. 1993. С. 123—136*). Мартинисты — последователи французского философа-мистика и теософа Л. Сен-Мартена (1743—1803), взгляды которого были популярны в среде русских масонов; в начале XIX в. русские мартинисты, возглавляемые А.Ф. Лабзиным, вели активную пропагандистскую и издательскую деятельность, выпускали, в частности, журнал «Сионский вестник». Пушкин в статье «Александр Радищев» (1836) полемически по отношению к официальным оценкам охарактеризовал мартинистов как безобидных просветителей и идеалистов. От Пушкина Гоголь мог знать и его оценку деятельности мартинистов, и выписанные им из «Записок» секретаря Екатерины II Храповицкого ее слова: «...автор мартинист (...) бунтовщик, хуже Пугачева» (*Пушкин. Т. 12. С. 37*).

С. 216. ...пожалован Генерал-Губернатором, или Интендантом... — Генерал-губернатор — глава губернии, совмещающий в своем лице высшую административную и военную власть и назначаемый непосредственно императором, фактически его наместник; во времена Николая I генерал-губерна-

торы были только в десяти губерниях, в том числе в Петербургской и Московской. Интендант — начальствующий частью, например заведующий продовольствием в войсках.

С. 216. *Пишут, что ~ чины находятся в затруднительном положении о избрании наследника ~ говорят, какая-то Дона должна взойти на престол.* — Формальной причиной затруднений стало восстановление при короле Фердинанде VII (1784 — 29 сентября 1833) права женщин на престолонаследование (СПч сообщала об этом в январе 1833 г., в № 14, отдел «Разные известия») и затем его указ, вновь отменяющий это право. После смерти Фердинанда VII в результате внутрдинастического раскола указ был уничтожен и наследницей объявлена трехлетняя дочь короля Изабелла, а регентшей — ее мать Мария-Христина Бурбонская (Неаполитанская). СПч, извещая в № 229 от 10 октября 1833 г. о смерти Фердинанда VII, приводила первый декрет королевы-регентши, называющий в качестве будущей королевы малолетнюю «дону Изабеллу» и еще раз излагала «закон салический, по коему женский пол не может наследовать престола»; здесь же говорилось, что в силу его отмены «чины королевства» признали принцессу Изабеллу наследницей, а претендовавший на престол по мужской линии «брат короля, инфант Дон Карлос, удалился из Испании»; это стало началом семилетней гражданской войны (Ак. Т. 3. С. 703—704; см. также: Пумпянский 2000. С. 337—338).

С. 216. *У меня все не могли выйти из головы испанские дела.* — Так назывался специальный отдел в СПч, в котором сообщалось о событиях в Испании 1833 г. (см.: Берков 1954. С. 359). В газетных материалах, которыми подсказана навязчивая идея Поприщина, «со второй половины октября 1833 г. «испанские дела» начинают занимать главное место» (Виноградов 1976. С. 103, со ссылкой на СПч. 1833. 19, 24 и особенно с 28 октября). «Испанские дела прочно укоренились на полосе, заняв чуть ли не центральное место среди иностранных сообщений. Позже для них была отведена специальная рубрика, печатавшаяся жирным шрифтом. Читателю сразу бросались в глаза два этих слова, отбитых белыми полями (...) испанские дела принимали характер затяжной войны, некоего таинственного приключения, в котором то и дело менялась фабула, а действующие лица то исчезали, то появлялись в неожиданном месте» (Золотуский 1976. С. 145).

С. 217. *После обеда ходил под горы.* — Имеются в виду ледяные горы, устраивавшиеся для народного увеселения на площади Зимнего дворца и на Елагином острове (см.: Росковшенко. С. 486); с них съезжали на санках или лодках, обитых сукном.

С. 217. *...он приносится ветром со стороны Каспийского моря.* — О.Г. Дилакторская возводит эти слова Поприщина к признанию Гамлета: «Я помешан только при северо-восточном ветре; когда же он дует с юга, я могу еще отличить сокола от цапли» (Дилакторская 1986. С. 62). М. Вайскопф полагает, что «Гоголь наряду с натурфилософскими теориями пародирует исихастское «духовное собрание ума», введенное здесь в демонологический контекст: Каспийское море наделялось inferнальной и эсхатологической коннотацией, встречающейся и у самого Гоголя в «Арабесках» (Вайскопф 1993. С. 292); ср. упоминание его в связи с легендой о происхождении гуннов (с. 194) и в рассказе об аравитянах, расцвет которых

«вдруг меркнет и затмевается выходцами из-за моря Каспийского» (с. 39).

С. 217. ...*будто все Короли в Испании похожи на Филиппа II*. — Испанский король Филипп II (1527—1598) вошел в историю как жестокий деспот и в этом качестве сделан антагонистом главного героя в драматической поэме Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский» (1787). Ср.: «Раз речь заходит о Филиппе II, все ожидают не знаю какого чудовища» (Шиллер 1950. С. 575).

С. 217. *Экзекутор* — чиновник, обеспечивавший порядок в канцелярии и выполнявший хозяйственные обязанности.

С. 218. *Столоначальник* — заведующий отделом («столом») в учреждении; «герой Гоголя — не самый мелкий канцелярский служащий», в его подчинении «по меньшей мере десять чиновников» (Дилакторская 1995. С. 293).

С. 219. *Никоторого числа. День был без числа*. — М. Вайскопф обнаруживает параллели этой и последующим поприщинским датировкам в антиутопической и сатирической литературе XVIII в. — в «Сатирическом вестнике» Н. Страхова, «писанном небывалого года, неизвестного месяца, неведомого числа», где есть запись, помеченная «неизвестным месяцем от 94 дня», и в других его сочинениях; также у Левшина: «В лето 7200, месяца Белой Обезьяны в 43 день» (см.: Вайскопф 1993. С. 298—299, 546).

С. 219. ...*теперь по всей Европе чугунные дороги и пароходы ездят чрезвычайно скоро*. — О чугунных дорогах см.: БдЧ. 1834. Т. 2. Кн. 3. Март. Отд. 4. С. 22—23. Слово «пароход» употреблялось для обозначения как водных, так и сухопутных транспортных средств с паровым двигателем. См. в «Попутной песне» Н.В. Кукольника на музыку М.И. Глинки (1840), приветствовавшей первую железнодорожную ветку в России (между Петербургом и Царским Селом): «Дым столбом — кипит, дымится пароход...»

С. 220. ...*показалось чрезвычайно странному обхождение Государственного Канцлера...* — Государственный Канцлер — первый министр, в России по Табели о рангах — высший гражданский чин (первого класса). «В начале XIX в. придворная должность канцлера значилась почти при всех европейских дворах — Англии, Франции, Дании, Швейцарии, Австрии, Пруссии, Италии, России, исключая Испании», где «еще при Филиппе II должность канцлера была отменена вместе с собранием кортесов, главой которых он был. (...) В 1833 г. русскому канцлеру (в это время им был В.П. Кочубей) был присвоен особый знак “трость черного дерева с белым из слоновой кости набалдашником” (...) о чем сообщалось и в “Пчеле”» (Дилакторская 1995. С. 293; см. здесь же о функциях канцлера, дополнительно пародийно обыгрываемых у Гоголя).

С. 220. *Завтра в 7 часов ~ земля сядет на луну*. — И.П. Золотусский указывает на некоторые заметки в СПЧ, прямо напоминающие дневник Поприщина, например, о сообщении «в баварском календаре за 1832 г., что 29 марта в 3 часа пополудни начнется осень» или о предсказанном в 1832 г. «разрушении вселенной, которую комета заденет своим хвостом» (Золотусский 1976. С. 152).

С. 220. ...*знаменитой английский химик Велингтон...* — Поприщин называет знаменитое имя герцога А.У. Веллингтона (1769—1852), фельдмаршала, командовавшего англо-голландской армией в битве при Ватерлоо;

в 1828–1830 гг. был премьер-министром, а в 1834–1835 гг. министром иностранных дел Великобритании.

С. 220. ...луна такой нежной шар, что люди никак не могут жить... — По предположению Г.П. Макогоненко, рассуждения Поприщина о возможности жизни на луне отразили сообщения об открытиях английского астронома Джона Гершеля, якобы обнаружившего там с помощью мощного телескопа растительный и животный мир и даже разумных существ. Возможна также переключка в повести с идеями Фурье (см.: Макогоненко 1985. С. 158–164; Дилакторская 1995. С. 67–76).

С. 220. ...земля вещество тяжелое и может насевши размолоть в муку носы наши... — Как замечает М. Вайскопф, прямое соотнесение носов с небесными телами, «помятыми и переломленными в своем падении», дается в «Ученом путешествии» Сенковского; и у Гоголя и у Сенковского «в соотнесении луны и носа угадывается влияние оживившейся в 30-е годы мистической физиогномики, связывавшей в астрологическом ключе части лица с планетарными сферами» (Вайскопф 1993. С. 294).

С. 221. ...начали мне на голову капать холодную водою. — Старый, но применявшийся еще в гоголевские времена способ лечения душевнобольных; ср. в статье СПч, посвященной больнице Всех Скорбящих: «Самое большое непослушание наказывается холодными капельными ваннами» (СПч. 1834. № 32. С. 128; см.: Золотуский 1976. С. 146).

С. 221. Оно правда могло со стороны Франции и особенно Полиньяк. — В рукописи: «Мне кажется, что здесь мешается Франция и что все это штуки Талейрана». Полиньяк Жюль-Огюст-Арман Мари (1780–1847) — премьер-министр Франции при Карле X. Подписанные Полиньяком в 1830 г. указы о роспуске палаты депутатов и упразднении свободы печати вызвали возмущение и послужили поводом для июльской революции, после которой он вместе с тремя министрами был обвинен в государственной измене и в результате громкого судебного процесса приговорен к пожизненному заключению. Талейран Шарль (1754–1838) — знаменитый французский дипломат; был министром иностранных дел при Наполеоне, а после реставрации Бурбонов — при Людовике XVIII.

С. 221. Потом: Аксентий Иванов! — Аксентий (правильнее: Авксентий) — возрастающий (от греч. «приумножение»); форма отчества «Иванов» была принята для крестьянского и в более давние времена купеческого сословия.

С. 221. ...я узнал, что у всякого петуха есть Испания ~ под перьями. — В связи с этим открытием Поприщина О.Г. Дилакторская указывает параллель у Фурье — павлина, «оперенье которого означает общественное строение, а весь образ олицетворяет всеобщую гармонию» (Дилакторская 1986. С. 74).

С. 222. Они не внемлют, не видят, не слушают меня. — «Ср. державинское — “Не внемлют! — видят и не знают!” о царях и властителях земных в знаменитом обличительном переложении 81 псалма “Властителям и судиям”» (Гуковский 1959. С. 318).

С. 222. А знаете ли что, у Алжирского Дея под самым носом шишка? — Дей — титул верховного правителя Алжира, существовавший до ко-

лонизации страны французами; последний алжирский дей, Хусейн-Паша, правивший с 1818 г., был свергнут ими в 1830 г.; упоминания о нем в связи с событиями в Северной Африке в конце 1820-х — начале 1830-х годов постоянно встречались на страницах газет, в частности в *СПЧ*, которая сообщила и о его смерти в 1834 г. в Египте. Начиная с середины XIX в. слово «дей» постепенно стало выходить из употребления и в конце концов было забыто; о происхождении и значении его, в том числе и об отличии от более привычного обозначения «бей», см.: *Берков 1954. С. 356–361*. Шутка о выскочившей на лице шишке отмечена в текстах народного театра и в бытовом общении XIX в., см.: *Грибоедов А.С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 2006. С. 44, 412–413*.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1830–1834 гг.

УЧИТЕЛЬ. УСПЕХ ПОСОЛЬСТВА

Источники текста: *ЛГ₂*, *ЛГ₄* (см. с. 492).

Автограф не известен. Впервые опубликовано: *ЛГ. Т. 3. № 1. 1 января. С. 1–4; № 17. 22 марта. С. 133–135*. Датируется 1829–1830 гг. Печатается по тексту *ЛГ₂* и *ЛГ₄*, со следующими исправлениями:

С. 227, строка 35: herba rabarbarum — вместо: haerba rabarbarum

С. 229, строка 11: наблюдателя — вместо: наблюдатели

С. 229, строки 23–24: herba rabarbarum — вместо: haerba rabarbarum

С. 235, строка 19: в одно мгновение — вместо: в одно менование

Номера *ЛГ* с главами «Учитель», подписанной «П. Глечик», и «Успех посольства», напечатанной без подписи, прошли цензуру 31 декабря 1830 г. и 24 марта 1831 г.; билеты на выпуск в свет были выданы соответственно 2 января и 27 марта 1831 г. (*РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 311. Л. 3, 165*). По предположению, впервые высказанному В.П. Гаевским, подпись должна означать «Полковник Глечик» (имя героя гоголевской «Главы из исторического романа», опубликованной в *СДв* на 1831 г. с подписью оооо; см. *Гаевский 1852. С. 146*). Название «Учитель» имеется в обоих планах *Ар.*, но в окончательный состав сборника глава не вошла; упоминается в письме П.А. Плетнева к Пушкину от 22 февраля 1831 г. (см. коммент. к «Главе из исторического романа»).

По мнению В.И. Шенрока, повесть «Страшный кабан» была начата Гоголем еще в Нежине (см.: *Тих. Т. 7. С. 952*), однако обоснований такой датировки нет. «О замысле повести, равно как и о времени ее написания, а также о том, была ли она закончена, не сохранилось никаких известий», — пишет И.Я. Айзеншток; он относит работу над ней «к 1830 году, когда осуществлялись уже “Вечера на хуторе близ Диканьки” и намечалась, параллельно фантастическому характеру большинства повестей, также вторая линия интересов Гоголя — комическое бытописание на основе современного украинского материала (...) По-видимому, замысел “Страшного кабана” не был доведен до конца: Гоголь, занятый работой над “Вечерами”, отошел от мысли о большой бытовой повести, и ее материал растворился в отдельных

повестях и рассказах «Вечеров»» (Ак. Т. 3. С. 710); комментатор отмечает, что объяснение Ониська с красавицей Катериной похоже на объяснения Вакулы с Оксаной («Ночь перед Рождеством»), Симониха напоминает Хиврю, а семинарист Иван Осипович — долговязого поповича Афанасия Ивановича («Сорочинская ярмарка»). Ю.В. Манн также датирует повесть 1830 г., ссылаясь на письмо Гоголя матери от 3 июня 1830 г. (см.: *Манн 2004. С. 193*). Отнести замысел к 1829 г. позволяет письмо Гоголя матери от 30 апреля 1829 г., в котором он просит «описания полного наряда сельского дьячка» и «равным образом название платья, носимого нашими крестьянскими девками до последней ленты» (см. с. 906). Просьбу эту можно связать и с работой над «Страшным кабаном», где вопрос об одежде героев обсуждается очень заинтересованно, где среди персонажей есть дьячок и издаലെка видна огненная лента на голове девушки; на раннем этапе «украинский» замысел Гоголя, давший затем «Главу из исторического романа», главы «Страшного кабана» и повести «Вечеров...», существует, по-видимому, в нерасчленном виде. В письме от 24 июля 1829 г. Гоголь просит «ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования. Сочинение мое, если когда выдет, будет на иностранном языке, и тем более мне нужна точность, (чтобы) не исказить неправильными именованьями существенного имени нации». Эта просьба, как отмечалось, связана скорее с научными проектами Гоголя (см. коммент. к статье «Взгляд на составление Малороссии»); однако можно заметить, что при опубликовании глав «Страшного кабана» Гоголь выделяет украинизмы курсивом, вероятно следуя примеру О.М. Сомова с его серьезной этнографической установкой; таким образом он «оттеняет их как иноязычные, нерусские элементы» (*Чапленко. С. 64*).

Об исключительном интересе к украинским теме и материалу в петербургской и отчасти московской литературной жизни 20–30-х годов см. в коммент. к «Вечерам на хуторе...» (т. 1 наст. изд., с. 593–595). «Когда стали появляться первые повести Гоголя, они так естественно входили в готовую традицию, что Н.А. Полевой, ничего еще не зная о молодом авторе, подозревал, что они написаны О.М. Сомовым» (*Пиксанов 1933. С. 55–58*). На литературном фоне того времени «этнографизм» Гоголя выглядел достаточно сдержанно, и для него самого этнографический интерес не был преобладающим — именно в самых ранних замыслах, в «Гетьмане» и в «Страшном кабане», он только сопровождал иную задачу — задачу создания большой художественной формы (см. об этом: *Манн 2004. С. 206*) и в конечном счете поглощался ею.

О возможности большой формы на украинском материале писал П.А. Вяземский в связи с появлением первой части романа Антония Погорельского (А. Перовского) «Монастырка»: «Вот настоящий и вероятно первый у нас роман нравов. Сцена оного Малороссия. Творения покойного Нарежного, автора Бурсака и других романов, уже познакомили нас с сею сценою. Но Нарежный был теньер, и еще русский теньер романа. Как китайские романы обдают нас запахом чая, так, что читая их, сидишь как будто по уши в цыбике, так романы Нарежного обдают нас варенухою, и куда автор ни вводит нас, а все, кажется, не выходишь у него из корчмы. Действующие лица в новом романе совершенно других примет» (*ЛГ. 1830*).

№ 16. 17 марта, без подписи; об авторстве Вяземского см.: Рус. библиофил. 1914. № 4. С. 41–52). Идеалом Вяземского был современный светский роман европейского типа, что исключало возможность замкнутой в себе, доведенной до комизма национальной экзотики и тем более экзотики социальной; на «малороссийской сцене» должны действовать лица, близкие и понятные читателю в общечеловеческом плане, вызывающие живой интерес. Статья Вяземского как бы обозначила второй, противоположный крайнему этнографизму полюс в трактовке малороссийской темы; это не была позиция Гоголя, но заданный здесь уровень свободы, возможно, определил общий характер авторской установки в его повести. Отказ Гоголя от «серьезного» псевдонима и предпочтение при выборе его литературной игры с расчетом на наблюдательность читателя, возможно, также связаны со статьей Вяземского, где говорилось: «... в малой республике нашей словесности нет продолжительной тайны (...) авторские маски у нас похожи на простосердечные хитрости семейных маскарадов, в которых долго интриговать не можно (...) действующее лицо должно быть занимательно собственною игрою, не надеясь на одно любопытство, которое подстрекаемо прелестью тайны».

Подлинность гоголевского этнографизма давно ставилась под сомнение (см.: *Кулиш П.А.* Гоголь как автор повестей из украинской жизни // *Основа*. 1861. № 9. С. 63). В.В. Гиппиус, соглашаясь, что собственные представления Гоголя об украинском быте были «очень смутны», отмечал, однако, подлинность существенной образующей этого мира — украинской комической традиции (*Гиппиус 1924*. С. 28, 39). В.А. Розов считал, что вертепный тип бродячего дьяка отразился в повести «Страшный кабан» в образе учителя Ивана Осиповича, типы злой бабы и флегматичного мужика — в образах Симонихи и Карпо (*Розов 1911*. С. 169); те же типы присутствуют и в «Вечерах», однако там вертепно-анекдотическая традиция, идущая от Котляревского и Гулак-Артемовского, определяет и общий тон повествования, от эпиграфов до деталей (см.: *Гиппиус 1924*. С. 30). В «Страшном кабане» это только островки иной поэтики. Более умеренный этнографизм, изображение героев «более со стороны общечеловеческих свойств» придает здесь иной характер гоголевскому комизму, позволяет, в частности, наряду с чертами вертепного персонажа увидеть в главном герое черты Шпоньки и даже Чичикова, а возможно, и некоторые автобиографические для Гоголя моменты; «некоторые авторские ощущения, которым предстояло затем играть существенную роль в его художественной философии, зарождаются как бы на границе внутреннего мира персонажа, сообщая этому миру некий более высокий смысл» (*Манн 2004*. С. 205). Повесть выглядит как своего рода набросок, проект будущего гоголевского творчества. Так, провинциальный светло-синий сюртук превращается в «щегольской сюртук», словно пришедший сюда из «Невского проспекта»; немотивированно возникает набросок ночного города, явно с рабочего стола, из другого гоголевского черновика (см. с. 226); рассуждения о старости (см. с. 228) ведут не только к одновременно задумывавшемуся историческому роману, но и к «Старосветским помещикам», «Портрету», к Плюшкину, к «Выбранным местам...»; сад в повести — «прообраз знаменитого сада Плюшкина» (*Манн 2004*. С. 205). Картина человеческого мельтешения

ния (см. с. 229) заставляет вспомнить о «Невском проспекте» и еще более об описании Коломны в «Портрете», «бутылкообразное» лицо учителя — о лице, похожем на аптекарский пузырек, в «Записках сумасшедшего», а издевательства младших учеников над Иваном Осиповичем — о «Шинели».

Н.К. Пиксанов заметил, что украинские повести Гоголя всегда считались чтением для школьников: «Думали, что Гоголь, выложивши в них запас еще неостывших воспоминаний своей юности, быстро перешел к иному этапу творчества, к “петербургским повестям”, где отобразил новые, совсем иные литературно-общественные веяния и воззрения». Однако и хронологические, и идеологические, и литературно-эстетические границы между ними не могут быть проведены жестко. «И самое противопоставление двух циклов теряет свою остроту. В сущности, украинские повести такие же петербургские, как и все остальное» (Пиксанов 1933. С. 43, 45–46). В них так же велико влияние западных источников. Один из них — рассказ В.Ирвинга «Безголовый мертвец», перевод которого был опубликован Н.А. Полевым в 1829 г. Его действие происходит в идилической Усыпительной долине (этим задана топографическая связь «Страшного кабана» со «Старосветскими помещиками»), а героем является учитель Ичабод, за свою внешность прозванный Журавлем: «Название Кран (журавль) было ему удивительно кстати. Он был высок и чрезвычайно сух, в плечах тонок, а руки его были предлинные: на несколько вершков торчали они из рукавов платья; ноги были у него как лапы, преширокие, и все шевелилось у него, как на крючках. Маленькая голова его была сплюснута в верхней части, украшалась большими ушами и зеленоватыми, остекленевшими глазами. Нос длинный, похожий на нос большого кулика, уподоблялся вертушке, поставленной на шею, длинной, как веретено» (Полевой Н.А. Повести и литературные отрывки: В 3 ч. М., 1829. Ч. 1. С. 49; портретное сходство с учителем у Гоголя отмечено: Вайскопф 1993. С. 209; при этом зеленоватые глаза учителя упоминаются в рассказе Ирвинга дважды). Как и Иван Осипович, учитель Ичабод пользуется большим вниманием женского пола, однако в других отношениях он не похож на застенчивого Ивана Осиповича: он получает удовольствие, когда сечет детей, и любит пугать их страшными рассказами о привидениях, в том числе о безголовом мертвце, преследующем ночью путников. Учитель влюбляется в Катрину, дочь голландского мызника, а вернее, в богатое хозяйство ее отца. Но у девушки есть возлюбленный, который устраивает розыгрыш, чтобы разрушить эти матримониальные планы: возвращаясь ночью с деревенской вечеринки, учитель встречается с всадником без головы и, до смерти перепуганный, навсегда исчезает из деревни.

Другой иностранный источник повести — пьеса Мольера «Блистательные любовники» (1670) — комедия-балет, сюжет которой был предложен Людовиком XIV; в представлении участвовали придворные и сам король. В пьесе действуют условные герои в условной псевдоантичной местности: два принца ищут руки принцессы Эрифилы, но она не оказывает предпочтения ни одному из них; пружину действия составляет любовное посредничество (ср. «Успех посольства» у Гоголя), в котором вынужден принимать участие тайно влюбленный в принцессу герой, также пользующийся ее тай-

ным расположением. В пьесе очевидно влияние Лопе де Вега: Эрифила проходит через тот же ряд противоречивых чувств, что и Диана из «Собаки на сене». Но если сильная женская натура ренессансной Дианы сокрушает все барьеры, то классицистическая Эрифила — воплощенное самоограничение. Можно заметить, что своенравные украинские красавицы Гоголя — Катерина в «Страшном кабане» и последовавшая за ней Оксана в «Ночи перед Рождеством», совсем не похожие на принцессу Эрифилу, восприняли отраженный в ней психологический рисунок Дианы; можно сказать, что этот яркий, страстный, независимый женский тип у Гоголя происходит хотя и не непосредственно, но именно от Дианы и отчасти отсюда его притягательность и сила.

Уставшие от ожидания принцы решаются на интригу; они инсценируют явление «мнимой Венеры», возвещающей волю богов: Эрифила должна взять в супруги того, кто спасет жизнь ее матери. Предполагалось затем изобразить нападение шайки разбойников и дать одному из принцев спасти принцессу-мать; но вопреки задуманной интриге в судьбу героев вмешивается случай, о котором рассказывают героине: «Ваша матушка шла с небольшой свитой в лесу (...) как вдруг страшный кабан (эти противные кабаны причиняют много хлопот, их следовало бы изгнать из охраняемых лесов), как вдруг страшный кабан, преследуемый, вероятно, охотниками, выбежал на дорогу, по которой мы шли». Мать спасена влюбленным в дочь героем, и его объявляют «счастливым супругом», которого Эрифиле «судили небеса» (Мольер. Т. 3. С. 213; пер. Н.Я. Брянского). Очевидно, мольеровский «страшный кабан» («un sanglier hideux» в оригинале) дал название замыслу Гоголя, выдавая заложенное в нем сюжетное решение. В «Безголовом мертвце» Ирвинга, в «Собаке на сене» или, скажем, в повести Погодина «Суженый» (МВ. 1828. Ч. 7. № 1, 2) счастливый финал обеспечивается умной интригой. Финал «Блистательных любовников» относится к иному типу — самонадеянной и недалековидной человеческой интриге противостоит благодетельный случай, расставляющий все по своим местам в соответствии с древней формулой «Человек предполагает, а Бог располагает», прямо повторенной в «Страшном кабане» (ср. «Барышню-крестьянку» и «Метель» Пушкина и вторую часть (1833) «Монастырки» Погорельского); можно предположить, что таким должен был быть и сюжет «малороссийской повести» Гоголя. Возможно, именно здесь на материале драматического искусства Мольера (Гоголь скажет о нем позднее, что его план «обдуман по законам старым», Ак. Т. 8. С. 554) проясняется для него то «старое правило» драматического построения, которое будет сформулировано затем в связи с замыслом «Владимира 3-й степени»: целенаправленные действия персонажа неожиданно вызывают «отдаление желанно(го) предмета на огромное расстояние» и дают «вдруг всему делу новый оборот» (Ак. Т. 9. С. 18–19; ср. о нем: Манн 1988. С. 175–177).

Впечатление от «Блистательных любовников» оставило след и в имеющихся главах; например, в характеристике «владельницы поместья» просматривается образ «короля-солнца»: «Все прочие лица стояли в тени пред этим светилом». За фразой о чепчике, «покрой которого утратился в толпе событий, знаменовавших XVIII-е столетие» (с. 228), скрывается тема исторической Франции; французская тема в «малороссийской пове-

сти» представлена, как и петербургская, с немотивированной изнутри серьезностью, которая становится понятна, если вспомнить, что «Блистательные любовники» — это придворное представление, в конце его появляется король. Пьеса — королевская игрушка — давала почти физически ощутить суть абсолютизма. В добровольном подчинении принцессы сложившемуся порядку поразительна огромность жертвы и ничтожность причины — в этом особая прелесть пьесы, ее утонченное, немного безжизненное изящество. У Лопе де Вега Диана, как за соломинку, хватается за спасительную интригу, подстроенную мошенником-служгой; но влюбленные Мольера не делают ни единого шага, даже ни единого жеста в направлении своей цели; между ними словно огненная черта; гоголевское «она слишком высока для всякого, не только для меня (...) Но, ради бога, не спрашивайте ее имени. Она слишком высока, высока» (письмо к М.И. Гоголь от 24 июля 1829 г.) — близкая аналогия словам влюбленного мольеровского героя: «Все принцы в мире слишком ничтожны, чтобы мечтать о вас. Только боги могли бы на это притязать, а от людей вам следует принимать лишь фимиам и жертвоприношения». Такой разницы в положении нет в украинских повестях Гоголя, где — как и у Нарезного, Погорельского, Сомова — социальные и особенно сословные градации большей частью игрушечные, имитированные; реально с таким самоощущением Гоголь столкнулся, видимо, только в Петербурге, и проблематика эта целиком уходит в петербургские повести; но задана она уже здесь в умалчиваемой подоснове, за рамками сюжета, под слоем украинского материала. Именно петербургские проблемы и обозначены, по-видимому, в заглавии, понятном образованному читателю того времени (так, Пушкин прекрасно знал Мольера; см. об этом: *Томашевский 1960. С. 117–121; исследователь, в частности, видит в раннем стихотворении Пушкина «Блаженство», 1814, опубл.: Вестник Европы. 1814. № 20, отражение куплетов сатира из интермедии «Блистательных любовников»). Тема неравных притязаний представлена в «Страшном кабане» в комическом плане; но когда она позднее перейдет в трагические «Записки сумасшедшего», то перенесет туда и весь противоречивый политический и социальный подтекст ранней гоголевской повести.*

С. 225. ...в благословенные места голтвянские... — Голтва — река под Полтавой, в родных местах Гоголя.

С. 225. ...цена на соль, вывозимую из Крыма украинскими степовиками. — Традиционно украинские погонщики волов — чумаки — вывозили из Крыма и с Дона рыбу и соль, а туда везли хлеб из степной Украины.

С. 225. Шинок — кабак, питейный дом.

С. 225. Кобеняк — см. с. 564. Свита — широкая и длинная верхняя одежда, обычно с кобеняком.

С. 225. Солопий Чубко — Имя перешло в «Сорочинскую ярмарку».

С. 225. ...из серых решетилловских смушков... — То есть из шкурок ягнят, выделывавшихся в селе Решетилловка, Полтавской губернии. См.: *Шафонский. С. 20.*

С. 226. Мандрыка — подорожник; другое значение — ватрушка, которую готовят к Петрову дню.

С. 226. *Очипок* — исподний чепец, надевавшийся под платок.

С. 226. ...к числу тех семинаристов, у боявшихся бездны премудрости и ... — Ср. у Фонвизина в «Недоросле» (д. 2, явл. 5) просьбу бывшего семинариста Кутейкина, учителя Митрофана, поданную в консисторию: «Такой-то-де семинарист, из церковничьих детей, убогая бездны премудрости, просит от нее об увольнении»; ср.: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! как непостижимы судьбы Его и неизследимы пути Его!» (Рим 11, 33).

С. 226. ...которыми ***ская семинария снабжает ~ в качестве домашнего учителя. — В детстве у Гоголя был также учитель-семинарист (см.: Кулиш 1856. С. 16).

С. 226. ...дошел даже до богословия... — Имеется в виду предмет в учебной программе семинарии.

С. 226. *Чемерка* — растение кукольник; возможно, имеется в виду чемерка чихотная, *Veratrum pigrum* (см.: Даль. Т. 4. С. 589).

С. 226. ...сюртук вообще (не говоря уже о синем), будь только он не из смурого сукна, производит ~ удивительное влияние... — Смурое сукно — из мешаной темной шерсти, некрашеное. Гоголь в юности хотел иметь синий фрак с металлическими пуговицами, см. его письмо к Г.И. Высоцкому от 26 июня 1827 г.

С. 226. *Всех сюртуков, полагая в то число и хламиду дьячка, считалось в селе три...* — В письме матери от 30 апреля 1829 г. Гоголь просил «описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов с поименованием, как это всё называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиан». В полученном им описании (от двоюродного дяди по отцу, священника Саввы Яновского) говорилось, в частности, что «кроме нижнего платья носили они еще наверху так называемую кирею, большей частью голубого сукна, на полях которой, начиная от воротника до пояса, вышиты или выложены шнурком, по три или по четыре на каждой фигуры» (Ак. Т. 9. С. 524).

С. 227. ...составление лекарства против укушения бешеных собак... — В гербарии из полевых цветов, собранном Гоголем, есть запись: «Дрок. Когда бешеная собака укусит» (Гоголь 1994. Т. 7. С. 520). Среди позднейших (1849–1850) записей его о травах есть такая: «Дикая крапива, *Urtica cardica*. Увар ее считается за надежное средство от укушенья бешеной собаки» (Ак. Т. 9. С. 416). Л.И. Арнольди, встречавшийся с Гоголем в поздние годы его жизни, вспоминал, что он знал названия цветов и читал старинные ботаники (Гоголь в восп. С. 479).

С. 227. *Острой водки* — т.е. азотной кислоты.

С. 227. *Herba rabarbarum* — ревеня.

С. 228. *Капот* — женское верхнее платье с рукавами и разрезом спереди.

С. 228. *Шушун* — кофта, длинная душегрейка.

С. 229. *Кухмистр* — ученый повар.

С. 229. ...*Орест и Пилад*... — Сочетание этих имен героев греческой мифологии стало символом верной и преданной дружбы.

С. 229. *Буквица* — так называются несколько растений, в том числе полевой шалфей, которым пользовалась Пульхерия Ивановна в «Старо-

светских помещиках». Ср. в списке дикорастущих лекарственных трав: «Буквица (Betonica)» (*Шафонский*. С. 230).

С. 229. *Мельпомена* — муза трагедии в греческой мифологии.

С. 230. *...был настоящий стоик...* — Стоицизм — течение в эллинистической и римской философии, стремившееся обосновать внутреннюю независимость и непоколебимость человеческой личности; неоднократно актуализовалось в ходе философских дискуссий XVII—XVIII вв. Во времена Гоголя суть стоицизма видели «в бесстрастии и непреклонной суровости нравов»; как пишет Батюшков в статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии», это «лучшая из древнейших систем: ибо она внушает человеку твердость, мужество, постоянство, без которых нет добродетели; ибо она указывает смертному высокую цель и бога на конце поприща жизни, проведенной в правде, в трудах, в отрицании самого себя» (*Батюшков* 1978. С. 186, 190).

С. 230. *...не дошел еще до философии...* — Имеется в виду предмет, преподававшийся в семинарии.

С. 230. *...начиная от Сенеки, Сократа и до лектора ***ской семинарии ~ ergo, любви не существует.* — Ergo — следовательно (лат.). Сенека Луций Анней (ок. 4 г. до н.э. — 65 г.) — римский философ, один из крупнейших представителей стоицизма. Сократ (470—399 гг. до н.э.) — греческий философ. Лектор — «учитель новых языков при заведении, где учителя именовались профессорами» (*Даль*. Т. 2. С. 247).

С. 230. *...homo prouonit, Deus disponit...* — «Человек предполагает, Бог располагает» (лат.).

С. 231. *...козака Харька Потылицы.* — Харько — Харитон («Имена, даемые при крещении» в «Книге всякой всячины»). Потылица — затылок, загривок; существовало выражение «потылить рекрута» — т.е. забраковать (см.: *Даль*. Т. 3. С. 360).

С. 231. *Онисько* — Анисим («Имена, даемые при крещении»).

С. 231. *Запaska* — передняя часть женской юбки из двух несшитых кусков шерстяной дмотканой материи, обычно синей и черной; большее полотнище (плахта) накладывается сзади и огибается вперед, меньшее (запaska) — спереди, в виде передника, и оба запоясываются (см.: *Даль*. Т. 1. С. 612—613).

С. 231. *...огненная лента...* — Ленты, в отличие от замужних женщин, носили на голове девушки. В письме матери от 30 апреля 1829 г. Гоголь просит прислать ему «название платья, носимого нашими крестьянскими девками до последней ленты», и затем делает выписки из полученного в ответ письма в «Книге всякой всячины» (см. «Одеяния малор(оссиян)», *Ак*. Т. 9. С. 524).

С. 232. *Нехай ему так легенько икнется, як з тыну ввирветься!* — Ср.: «Нехай йому так легенько ікнеться, як собака з тину ввирветься» («Пословицы, поговорки, приговорки и фразы малороссийские» в «Книге всякой всячины», *Ак*. Т. 9. С. 525). См. также т. 1 наст. изд., с. 848.

С. 232. *...когда бы стал убирать постную кашу, когда перед самим носом вареники в сметане...* — Ср. вареники в сметане как комическое воплощение соблазна в «Ночи перед Рождеством» (см. т. 1 наст. изд., с. 168).

С. 232. *Комора* — амбар.

С. 233. *Запеканка* — здесь: водка с медом, настоянная на пряностях в печи, в замазанной наглухо посуде (см.: *Даль*. Т. 1. С. 613).

С. 233. *Запал* — конская болезнь, возникающая, если лошадь загнать или напоить неостывшую.

С. 234. ...*штоф лучшей третьепробной водки*... — Штоф — см. коммент. к «Портрету». Третьепробная водка — обычная трактирная водка, получаемая при разведении 100 ведер хлебного спирта 33 1/3 ведра воды.

С. 234. *Паня* (панья) — барыня.

С. 235. *Карпо* — Карп («Имена, даемые при крещении»).

С. 235. *Батог* — кнут на длинном кнутовище.

С. 235. *Евдоха* — Евдокия («Имена, даемые при крещении»).

ЖЕНЩИНА

Источник текста: ЛГ₃ (см. с. 492).

Автограф не известен. Впервые — ЛГ. 1831. Т. 3. № 4. 16 января, пятница. С. 27–29. Датируется концом 1830 — январем 1831 г. Печатается по тексту ЛГ₃ со следующими исправлениями:

С. 239, строка 18: линиями — вместо: линейями

Номер ЛГ, в котором была напечатана статья, оказался первым вышедшим после смерти ее издателя А.А. Дельвига (14 января); он вышел с опозданием (дата цензурного разрешения, по-видимому, была проставлена задним числом, поскольку в документах Санкт-Петербургского цензурного комитета время поступления корректурного листа этого номера газеты указано — 26 января 1831 г., время выдачи билета на выпуск — 27 января, время одобрения — 24 января, РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 311); цензор Н. Цеглов. Под статьей подпись — Н. Гоголь. Публикация в ЛГ — единственный источник текста. Вторичная публикация — уже посмертная: Соч. 1855. Т. 6. С. 399–409.

Как отметил еще В.П. Гаевский, «Женщина» — «первая статья, под которую Гоголь подписал свое имя» (*Гаевский 1852*. С. 147) — факт, который традиционно подчеркивался в большинстве последующих изданий Гоголя начиная с *Тих.* (Т. 5. С. 546) и в исследованиях о нем. «Но статью-эссе “Женщина” автор впервые снабжает подписью Н. Гоголь, видимо, уже не испытывая сомнений в достоинстве своего нового опыта» (*Манн 2004*. С. 194). Возможно, однако, что этот факт имел и чисто внешнее объяснение. 30 декабря 1830 г. А.В. Никитенко записал в дневнике: «Подарок русским писателям к Новому году: в цензуре получено повеление, чтобы ни одно сочинение не допускалось к печати без подписи авторского имени» (*Никитенко*. Т. 1. С. 95; в примеч. на с. 481 сообщает, что 28 декабря 1830 г. А.Х. Бенкендорф передал министру народного просвещения К.А. Ливену «высочайшее повеление» о том, чтобы «никакая статья не могла быть напечатана в газетах и журналах без подписи сочинителя», в соответствии с чем 29 декабря было издано распоряжение по цензуре, в силу которого «все поступающие в редакции повременных изданий статьи, как оригинальные, так и переводные (...) должны быть за подписью сочинителей и переводчиков, и притом не вымышленной, но подлинной их фами-

лии», Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 219). Распоряжение входило в противоречие с существовавшей практикой и уже вскоре было значительно смягчено и фактически отменено (см.: «Журнал заседаний главного управления цензуры», РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 2. Л. 225 об.—227, 232 об.—234). Можно предположить, что «Женщина» была представлена в редакцию в короткий промежуток, когда распоряжение фактически действовало, чем и объясняется подпись Гоголя под статьей. В той же ЛГ несколько позже (в № 17 от 22 марта 1831 г.) Гоголь напечатал главу 2-ю «Страшного кабана» — «Успех посольства» — без подписи.

«Женщина» упоминается в письме П.А. Плетнева Пушкину от 22 февраля 1831 г.: «Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в Сев. Цветах отрывок из исторического романа, с подписью 0000, также в Литературной газете Мысли о преподавании географии, статью: Женщина и главу из малороссийской повести: Учитель. Их писал Гоголь-Яновский» (Пушкин. Т. 14. С. 153). «Женщина» была последней по времени из упомянутых здесь Плетневым первых гоголевских публикаций, готовивших его встречу с Пушкиным, которая состоялась на вечере именно у Плетнева в промежуток между 18 и 25 мая 1831 г. (Манн 2004. С. 220).

«Женщину» Гоголь предполагал включить в *Ар.*, как о том свидетельствуют два плана книги, составленные в феврале и в августе-сентябре 1834 г. (см. в наст. томе, с. 470, 473). В обоих планах она названа в составе будущей книги, но в результате в нее не вошла, будучи, таким образом, исключена из состава уже на последнем этапе подготовки книги к изданию. Ряд текстов *Ар.* близко соотносился при этом с мотивами «Женщины». Таковы описание «светлого греческого мира», в котором «вся религия заключилась в красоте, в красоте человеческой, в богоподобной красоте женщины» (женская красота выразительно выделена здесь как высшая степень из вообще красоты человеческой и возвышена «богоподобным» эпитетом), и связанная с ним характеристика скульптуры как пластического выражения этого мира в заглавной статье *Ар.* — «Скульптура, живопись и музыка»; этот античный корень гоголевской идеи «женщины» и связь ее с идеей скульптуры унаследованы от раннего отрывка 1831 г. Таков центральный женский образ («венец творения, идеал земли» — в характеристике В.В. Гиппиуса, «новая Алкиноя», Гиппиус 1924. С. 45) как кульминация катастрофы в статье о картине Брюллова. Наконец, это женщина как «красавица мира» (формула в тексте повести) и ее трагедия в современной действительности в повести «Невский проспект». По отношению к более зрелому и драматическому развитию этих тем в *Ар.* «Женщина» представлялась наивным эскизом и, вероятно, стала уже пройденной ступенью для автора *Ар.*, и исключение ее из книги должно было быть поэтому решением обоснованным.

Литературные источники гоголевской фантазии определялись исследователями столь же широко, сколь и неопределенно. «Женщина» «выросла из платонизма в понимании немецких романтиков» (Гиппиус 1924. С. 42). «Отрывок Гоголя “Женщина” — пересказ мистики, возводящей женщину в лоно божества, как “Софию”»; романтики сплели эту тему с идеологией

Шеллинга, Баадера, отраженной и Владимиром Соловьевым; Блок посвятил ей свой том стихов; Гоголь же дал малый отрывок-дифирамб» (*Белый 1934. С. 294–295*). «Платоновская идея красоты воспринята Гоголем в контексте романтического культа вечно женственного и его облагораживающего, цивилизующего, воспитывающего влияния; das Ewig-Weibliche zieht uns hinan» (*Манн 2004. С. 197*, со ссылкой на Гиппиуса, упоминающего по случаю «Женщины» знаменитые завершающие слова «Фауста» Гёте, которые, однако, появились в печати годом позже гоголевского отрывка, в 1832 г.). «Гоголевская Женщ. (...) примечательна разве что удручающей банальностью. Если это Платон, то, конечно, очень опосредованный — и массовым платонизмом 30-х годов, и святоотеческой традицией восприятия “Федра” (Августин, Феодор Студит и др.). В женоненавистнических тирадах героя — Телеклеса (сходных с филиппиками Ипполита у Еврипида и Сенеки) мы найдем романтическую Антисофию, а в речи гоголевского “Платона” — Софию подлинную, или Афродиту Уранию» (*Вайскопф 1993. С. 29*). М.Вайскопф находит в «Женщине» достаточно сумбурное отражение бродячих философских мотивов, прошедших сквозь преломляющую среду иенского романтизма, шеллингианства и их ближайшую русскую рецепцию у московских любомудров, Н.И. Надеждина, В.Ф. Одоевского и др. (*там же, с. 15–28*).

Имя Платона как героя-идеолога «Женщины» может быть опознавательным знаком, ориентирующим фантазию Гоголя в круге литературных и философских влияний. Вслед за западными примерами («Бруно» Шеллинга, 1802) пробы творчества в жанре платоновских диалогов предпринимались в России в конце 1820-х годов: «Анаксагор. Беседа Платона» Д.В. Веневитинова, посмертно опубликованный в альманахе «Денница на 1830 год», должен был иметь непосредственное влияние на гоголевский отрывок и выбор его основного героя. Для молодых русских романтиков имя Платона прямо связывалось с современной романтической философией и поэзией: «Милые Платон и Шеллинг» у А.И. Кошелева (*Сакулин. С. 321*) — для московского любомудра сочетание имен характерное; М. Вайскопф сближает его (*Вайскопф 1993. С. 504*) с гоголевским юношеским «Платон и Шиллер своенравный» в описании библиотеки Ганца Кюхельгартена (наст. изд., т. 1, с. 50): в том и другом сочетании имя Платона непосредственно соединяется с новыми современными именами и обретает, таким образом, живую актуальность. «Женщина» после юношеской поэмы — второе присутствие имени Платона в текстах Гоголя; в дальнейшем имя это встречается у него лишь в 1836 г., в эпоху «Современника», в рецензии в первом томе журнала (с. 300), притом в христианизированном контексте, в пересказе «Исторических афоризмов» М.П. Погодина: «Гений Платона, Аристотеля воскресает в Иоанне Златоусте и Григории Назианзине» (*Ак. Т. 8. С. 193*). Но исследованиями последнего времени вскрыты следы воздействия платоновских диалогов в составе главной прозы Гоголя, свидетельствующие о его текстуальном знакомстве с Платоном, в первую очередь с «Федром» и, вероятно, с «Пиром»: в новейших работах показано отражение колесницы душ из «Федра» в чичиковской тройке (*Смирнова 1987. С. 134–136; Вайскопф 2003. С. 197–218*); контуры платонического по своим глубинным истокам сюжета просматри-

ваются и в петербургских повестях: сюжет погони за красотой на Невском проспекте, с раздвоением фабулы на истории художника Пискарева и поручика Пирогова, побуждает вспомнить о двух платоновских Афродитах — небесной (Афродита-Уrania) и площадной, всенародной (Афродита-Пандемос) — см.: Бочаров С.Г. «Красавица мира»: Женская красота у Гоголя // Бочаров 2007. С. 156; не случайное, видимо, имя героя «Носа» майора Платона Ковалева; наконец, «вечная идея будущей шинели» Акакия Акакиевича.

По отношению к этим неявным глубинным проникновениям платонической проблематики в прозу Гоголя открыто присутствующий на сцене в «Женщине» древний Платон представляет условную риторическую фигуру, и, вероятно, можно причислить отрывок 1831 г. к явлению «массового платонизма 30-х годов». Но и к тексту отрывка в гоголевской литературе найдены параллели из «Федра», побуждающие предполагать знакомство с ним уже автора «Женщины»: побежденному красотой «полубогини» Телеклесу, повергнувшемуся «к ногам гордой красавицы» в финале отрывка, указано соответствие в платоновском тексте: влюбленный «при виде божественного лица (...) смотрит на него с благоговением, как на бога, и, если бы не боялся прослыть совсем неистовым, он стал бы совершать жертвоприношения своему любимцу, словно кумиру или богу» («Федр», 251 а, b; пер. А.Н. Егунова). Ю.В. Манн соотносит это место у Платона с концовкой «Женщины» и с изображением влюбленного Вакулы в «Ночи перед Рождеством» (Манн 1996. С. 128–129). Неизбежным коррективом к этой параллели должно быть напоминание о том, что любовным объектом в описанной ситуации не была у Платона женщина и не к красавице, а к красавцу, «любимцу», относилось любовное неистовство; ср. замечание о «коренном пренебрежении к духовному миру женщины», отличавшем в целом античную Грецию (Аверинцев С. София-Логос: Словарь. Дух і Літера. Киев, 2006. С. 281). О положении женщины как «лишь второстепенной цели для мужчины» в греческом мире и о культе мужской любви и дружбы, «о проявлениях которой мы узнаем из Платона, словно читая роман о людях с другой планеты», писал в своих «Идеях...» Гердер (Гердер 1977. С. 366). Гоголевский условный Платон, славящий женщину как существо божественное, представляет собой, таким образом, современный анахронизм, отвечающий эротически-эстетической типологии уже Нового европейского времени. Происхождение этой новой типологии в эпоху Средних веков сам Гоголь вскоре будет описывать в исторических статьях Ар.: «Женщина Средних веков является божеством (...) Если эта возвышенная любовь изумительна, то влияние ее на нравы и того более. Все благородство в характере европейцев было ее следствием» (с. 20).

Подобно условной фигуре Платона, «платоновская» диалогическая форма, в которой построен отрывок, здесь тоже достаточно условная форма; как и в одновременно, по-видимому, написанной статье «Борис Годунов», диалог двоих лишь создает условия для патетического высказывания-монолога одного, и в жанровом отношении оба текста можно скорее определить как «гимн», «апофеоз», «дифирамб», «эстетическую лирику» (Гуннуц 1924. С. 47), чем произведение в традиции платоновского диалога.

Актуальный идейный контекст отечественный, отразившийся в гоголевском этюде, это прежде всего философская публицистика московских авторов веневитиновского круга, статьи самого Д.В. Веневитинова «Скульптура, живопись и музыка» («Северная лира» на 1827 г.) и «Анаксагор. Беседа Платона» и С.П. Шевырева «Елена, классическо-романтическая фантазмагория. Междудействие к Фаусту из сочинения Гёте» (МВ. 1827. Ч. 6. № 21). Темой последней статьи, представившей отклик на опубликованный в 1827 г. фрагмент второй части драмы Гёте, стала судьба женского образа как центрального символа европейской духовной истории; главный ее момент — «преображение красоты во времена рыцарства (...) красота только со времен Христианства получила те права священные и неотъемлемые, какими она пользуется. Свет любви чистой, одушевляющей Религию нашу, освятил все чувства человека, и с того времени женщина стала прекрасною половиною преобразенной души его» (там же, с. 89). Этой мысли о христианском преобразении и возвышении женского образа в эпоху Средних веков Гоголь будет следовать в Ар.; в «Женщине» же идея «женщины» предстает в античном оформлении, на почве классической, но как бы романтически взволнованной, образной топики; в целом стремление к бесконфликтному преемству и совмещению классического и романтического начал, античного и христианского отличает эстетику Гоголя периода Ар. В «Женщине» гоголевскому противопоставлению свободной женщине-красоте греческого мира положения женщины-рабынь у «роскошных персов», которым недоступно «бесконечное море духовных наслаждений», — предсоответствует у Шевырева также восточно ориентированное описание «участи пленниц Троянских, в коих олицетворена женщина древнего мира, назначенная для одних чувственных наслаждений» (там же, с. 91).

Из мотивов статей Веневитинова у Гоголя отразились черты, сопровождающие описание скульптуры как формы духовного пробуждения древнего человека, в том числе уподобление ее Прометею. У Гоголя это уподобление относится к окруженной скульптурными ассоциациями женщине, исхитившей прекрасное от богов и водворившей небо в душу человеку. У Веневитинова «небо на земле» дает человеку уже следующее искусство — живопись, повергая его «на колена»: «ты невольно падешь на колена...» (Веневитинов 1980. С. 140); так в последних строках у Гоголя повергается юноша к ногам Алкиной. Женщина в гоголевском отрывке представляет всю красоту мира и выражающее его искусство, в границах которого объединяются и ваяние, и «картина» в описании творческого процесса художника. Отзывается веневитиновскому и самое это описание художественного процесса, также у Веневитинова олицетворяемого именем «Фидиаса, пораженного идеею Аполлона»; но у Гоголя эта картина сложнее и беспокойнее веневитиновской. Завершающая и высшая точка творчества у Веневитинова — момент воплощения мысли художника в материале: «Но когда вдохновенный художник, победив все трудности своего искусства, передал мысль свою бесчувственному мрамору, тогда только истинное спокойствие водворяется в душу его — он познал свою силу и наслаждается в мире, ему уже знакомом» (там же, с. 126—127). Картина творчества гоголевская, как заметила М.Н. Виролайнен (Виролайнен 1977. С. 363), не успокаивается

на этом моменте и рисует следующее активное звено процесса, когда «очи жарко понимающего искусство» зрителя «ударят» в картину, и в этом в столь острых и напряженных чертах представленном процессе восприятия совершается обратное движение художественной идеи — ее развеивание и развоплощение; идея в сознании воспринимающего возвращается в свое исходное творческое состояние «безграничной, бесконечной, бесплотной идеи художника». За ее воплощением в творческом акте следует развоплощение в творческом также акте ее восприятия, объединяющее зрителя с творцом. Зритель сквозь материальную поверхность картины, ее «вещество», проникает в ее невестественный замысел. Гоголь рисует картину безостановочного процесса-круговорота творческих начал и обмена творческими энергиями между творцом и воспринимающим, процесса, не дающего художнику успокоиться на достигнутом результате-синтезе (как не сможет сам автор «Ревизора» и «Мертвых душ» успокоиться на своем тексте как результате, не получая удовлетворяющего отклика от зрителей и читателей; драма его отношений с читателями не подтвердит изображенной в раннем этюде художественной утопии, объединения с ними у автора не состоится, его «бесконечная» и «бесплотная», как она описана в «Женщине», мысль, т.е. истинно художественная мысль его творчества, до читателей доходить не будет).

О влиянии на эстетику молодого Гоголя книги В.-Г. Вакенродера — Л. Тика, переведенной в кругу московских любителей и изданной ими (М., 1826), см. в коммент. к статье «Борис Годунов. Поэма Пушкина». «Произведение искусства и зритель, слушатель не разделены более ничем; они, напротив, соединены общностью чувства, вложенного в картину и идущего навстречу из души зрителя» (Михайлов 2000. С. 186). Этому описанию взгляда Вакенродера на отношения искусства со зрителем, очевидно, близко гоголевское изображение в «Женщине» встречи зрителя с художником как бы в самой картине.

В качестве параллелей мотивам и тексту гоголевского отрывка в литературе 1820-х годов исследователи указывают стихотворение Александра Глебова «Женщина», говорящее о статусе темы в литературном сознании эпохи (СО. 1829. № 1: «Как призрак темный, но прекрасный, / Другого мира существо, / Предмет мечты и дум неясных, / Как житель неба, божество, / Явилась женщина (...) К стопам пред слабым пал твореньем / Природы гордый царь во прах...»; см.: Гиппиус 1924. С. 225) и историческую повесть А.А. Бестужева «Роман и Ольга. Старинная повесть» (ПЗв на 1823 год), где обличения героем женской изменчивости и непостоянства («Женщины, женщины! — произнес он с дикою усмешкою, — и вы хвалитесь любовью, постоянством, чувствительностию!», Бестужев-Марлинский 1976. С. 29) соотносятся с речами гоголевского Телекlesa, а сцена примирения «почти буквально» переносится в «Женщину» («Невольно склонилась девица на кипящую грудь юноши; щеки обоих горели румянцем, и первый поцелуй любви запечатлел примирение»; см.: Вайскопф 1993. С. 504). Недавно было высказано предположение об отражении в гоголевском тексте, в связи с его скульптурными мотивами и прометеевским мифом, идилии А.А. Дельвига «Изобретение ваяния» (СЦв на 1830 год), включенной впоследствии Гоголем в список примеров его «Учебной книги

словесности для русского юношества», 1845 (см.: *Гоголь 1994*. Т. 7. С. 522; коммент. В.А. Воропаева и И.А. Виноградова).

«Женщину» можно рассматривать как один из прологов к творчеству Гоголя; и о ее «банальности» (*Вайскопф 1993*. С. 29) можно было бы говорить только если ее читать в искусственной изоляции от перспективы гоголевского пути; в перспективе же этой можно усматривать в ней заявку целого ряда существенных гоголевских мотивов, представленных здесь в известном нагромождении. «Женщиной» открывается большая сквозная тема творчества Гоголя, последним же словом на тему можно считать письмо «Женщина в свете» (1846) в составе уже «Выбранных мест из переписки с друзьями». От «Женщины» до «Женщины в свете» — одна из линий пути писателя. Переключка этих двух пограничных текстов обнаруживает неожиданную стойкость исходного эстетического пафоса ранней фантазии, подтверждаемого и автором «Выбранных мест»: «Красота женщины еще тайна. Бог недаром повелел иным из женщин быть красавицами; недаром определено, чтобы всех равно поражала красота, — даже и таких, которые ко всему бесчувственны и ни к чему неспособны» (*Ак. Т. 8. С. 226*). Хотя развитие темы, в соответствии с утилитарной тенденцией «Выбранных мест», трактует далее женскую красоту как полезное «поприще» для дела доброго, главный тезис о божественном источнике и назначении женской красоты находится в положительном соответствии с пафосом «Женщины», и в голосе автора поздней книги отзывается голос Платона из молодого отрывка: в женщине «боги захотели отразить красоту, подарить миру благо и в нем показать свое присутствие на земле!»

Этот исходный тезис в развитии Гоголя-художника приведет к определению женщины как «красавицы мира» в «Невском проспекте». Начиная с «Женщины» женская красота становится постоянным предметом изображения в мире Гоголя, где этот предмет получает, однако, сложное, противоречивое и двойственное (и двусмысленное, по слову Гоголя) освещение. Алкиноя — первая в ряду гоголевских красавиц, от Оксаны в «Вечерах на хуторе...» до Аннунциаты в «Риме» и Улиньки во втором томе «Мертвых душ», с двумя панночками в «Тарасе Бульбе» и «Вии» и лжеперуджиновой Бианкой в «Невском проспекте» в центре ряда. При этом определенные общие свойства этих женских портретов заданы изображением Алкиной: это в каждом случае «не описание, а апофеоз» (*Шенрок. Т. 1. С. 278*); риторические приемы и даже шаблоны описания «неслыханной красавицы» (*Ак. Т. 3. С. 248*) раз за разом воспроизводятся в этих портретах. Противоречивость темы уже намечена и в ситуации «Женщины» — завязку ее сюжета составляет человеческая измена гордой красавицы влюбленному юноше, упрекающему Зевса за создание женщины (что в христианском сознании читателя переносится на библейский сюжет создания Евы) и в первом же слове текста называющему ее «адским порождением». Столкновение адского с божественным и нравственного с эстетическим, таким образом, заложено в ситуации — но оно снимается речью Платона и следующим за ней явлением самой женщины. Факт измены не отрицается, но и не судится: устами божественного Платона божественная женская красота со всей ее мифологически изначальной изменчивостью признается не подлежащей нравственному суду и ревность юноши гасится — потому что можно

ли ревновать идею? Устами Платона женщина как мировая сущность получает целый ряд духовных определений: она «бессмертная идея», «она поэзия! она мысль», и она язык («язык богов!»); женщина — это идея-посредница между богом и «мужским» юдольным миром, т.е. София-художница в романтической интерпретации. Она причастна также стихии света и космогоническому мифу: самая телесность явившейся Алкиной уподобляется «светлому эфиру», который «облекся в видимость и стоял перед ними...» — комическая потенция скрывается по-гоголевски в патетическом описании («эфир... — стоял!»). Алкиной является как живая статуя, но «мраморная» вещественность в ее описании («мраморная рука») сочетается с невещественностью «эфира»; в свою очередь, женственные и «чувственные» характеристики преобладают в описании «нежной скульптуры» в будущей главной статье *Ар*.

Духовное и вещественное, конечное и бесконечное, эстетическое и религиозное, антично-языческое и христианское — коренные антинормы слагающегося мира Гоголя присутствуют в «Женщине» в предварительном очерке; речь Платона и идеей «женщины» этим началам задана здесь тенденция к гармоническому согласию, синтезу, который и будет предметом исканий художника Гоголя; но уже здесь проступают их «несводимые противоречия» (*Виролайнен 1977. С. 363*), какие и станут реальностью мира Гоголя.

Идея «женщины» переходит в отрывке в теорию творчества: первый гоголевский опыт подобной теории. Женщина — это художественное начало мира, источник и эмблема другой божественной силы, способной «отразить красоту», — искусства. Идеей женщины Гоголь хочет связать два противоречивых начала, необходимо соединяющиеся в произведении искусства, — бесплотность и безграничность идеи с вещественностью и материальной ограниченностью мира, и также два процесса, совершающиеся в душе художника при создании картины и в душе зрителя при ее восприятии — воплощение идеи в вещество и развоплощение вещества в «бесплотную» идею (см. выше). За идеальной отвлеченностью этой концепции стоит драматическая и центральная для Гоголя мысль о «двух враждующих природах человека», «примирения» которых он ищет в искусстве; процесс такого примирения в одновременной статье «Борис Годунов» описан как процесс драматический и конфликтный.

В гоголевской критике «Женщину» рассматривали более или менее походя, в связи с общими проблемами гоголевской эстетики, и ближе — с характером женского образа «красавицы», проходящего сквозь главные вещи Гоголя. К этому образу в гоголевской литературе очень рано установилось критическое отношение как к слабости гения, обличающей его неспособность изобразить прекрасное: «Гоголь не создал ни одного женского идеала, а принялся было создавать — вышла чудовищная Улинька» (*Григорьев 1967. С. 364*); «Напрасно надрывается он иногда, настроив фальшиво лиру, создать какой-нибудь женский тип: Аннунциату или Альциною. Это — те же карикатуры, только не в грязном, а в высокопарном роде» (*Герсеванов. С. 128*); о риторическом однообразии гоголевских портретов красавиц заметил В.И. Шенрок (*Шенрок. Т. 1. С. 278*); «Прекрасная женственность у него теоретична, литературна (...) Прекрасная женщина у него мертва, как мертвая красавица “Вия”...» (*Айхенвальд Ю. Силуэ-*

ты русских писателей. М., 1911. Вып. 1. С. 73–74). В статье «Изображение любви у Гоголя» С. Шамбинаго взял под защиту женский образ у Гоголя от критики, в частности Шенрока. «Риторические приемы описаний не стоят особняком, от них зависят дальнейшие определения, делаемые поэтом», — писал автор, рассматривая «Женщину» как теоретическую основу гоголевской философии красоты и любовных сюжетов повестей «Вечеров на хуторе...», «Тараса Бульбы», «Невского проспекта» и даже «Женитьбы». Анализы Шамбинаго не отличаются глубиной, но можно отметить одно его наблюдение (не использованное дальнейшим гоголеведением) — сближение гоголевских описаний мгновенно вспыхивающего любовного чувства с изображением любви в греческих александрийских романах (*Шамбинаго С.К. Трилогия романтизма* (Н.В. Гоголь). М., 1911. С. 47–89).

Внимание, оказанное «Женщине» в книге В.В. Гиппиуса 1924 г., было обусловлено особенным интересом автора к гоголевской «эстетике» как стержневой первоосновной теме всего пути писателя. «Женщина» здесь взята как «ранний эстетический манифест», в разветвленных связях как с первой гоголевой публицистикой до *Ар.* («Борис Годунов») и в *Ар.*, так и с мотивами ранней прозы Гоголя, особенно с «Вием» и «Невским проспектом». «Из сопоставления с “Женщиной” уясняется задание “Вия”: в панночке та же эстетическая властность и действенность, что и в Алкиное, ее “сверкающая красота” очаровывает Хому, как Телеклеса “ослепительный блеск” Алкиной, но очарование это — демоническое... (...) В обеих повестях красота, воплощенная в прекрасной женщине, в недавней богоподобной Алкиное, отдается на поругание и гибнет» (*Гиппиус 1924. С. 41–52*). В книге Андрея Белого «Женщина» возникает в связи с темой «Гоголь и Блок»: «Женщине гоголевского отрывка “Женщина” — посвящены первые циклы стихов о “Прекрасной даме”...» Автор также бросает взгляд на демоническую эволюцию гоголевской красавицы, отождествляя затем в поэзии Блока: «Генезис блоковской женщины и в отрывке “Женщина”, и в позеленевшем трупе “В(ия)”... В ненормальном культе двух “не-женщин”, с провалом женщины между ними, соединились Блок с Гоголем...» На ходу высказываются соображения о философском генезисе гоголевской «Женщины»: см. выше (*Белый 1934. С. 294–295*).

Более обстоятельное выяснение этого генезиса, философского фона, отразившегося в отрывке, предпринято в монографии М. Вайскопфа (1993; см. выше). С иной стороны он рассмотрен в жизнеописании Гоголя, написанном Ю.В. Манном; «Женщина» взята здесь на пересечении биографии и творческого пути писателя. В женоненавистнических тирадах Телеклеса и самом определении женщины как «адского порождения», открывающем текст, прочитан момент автобиографический — отражение страха перед женщиной и женской любовью, переданного в письме Гоголя матери от 24 июля 1829 г., что готовило в будущем творчестве двойственный и двусмысленный образ женщины и женской красоты. Разрушительные тенденции этого образа в тексте отрывка подавлены апофеозом идеи «женщины» в речи Платона, но скрыто они здесь присутствуют, что «говорит о том, что всю сложность проблемы Гоголь ощутил буквально с первых шагов своей творческой жизни» (*Манн 2004. С. 196–198*).

С. 236. *Телеклес*. — Имя это встречается у Гоголя в записи «Нечто об истории искусств» на л. 101 «Книги всякой всячины», заполнявшейся в конце 1820-х годов; запись Гоголя представляет собой переказ истории греческой скульптуры в «Истории искусства древности» И.И. Винкельмана. Телеклес здесь назван как один из сыновей скульптора и архитектора Реко-са, которому приписывалось изобретение ваиния. «Сыновья его, Феодор (и) Телеклес, шли по стопам его» (Ак. Т. 9. С. 514, 654).

С. 237. *Алкиноя*. — Откуда у Гоголя это имя, неясно. В греческой мифологии есть Алкиной, царь феаков, один из персонажей «Одиссеи».

С. 237. *Высмотрел ли ты наперед себя?* — Можно увидеть в этом повороте мысли Платона завязку главной нравственной идеи Гоголя-моралиста, которая наиболее прямо будет высказана в позднейших «Выбранных местах...»: «... тот же самый упрек, который сделал другому, сделай тут же себе самому (...) и я даже не знаю, есть ли такой упрек, которым бы нельзя было упрекнуть себя самого, если только пристально поглядишь на себя (...) Ни в каком случае не своди глаз с самого себя. Имей всегда в предмете себя прежде всех. Будь эгоист в этом случае!» (Ак. Т. 8. С. 282).

С. 237. *Ливия* — древнейшее название Африки.

С. 237. *...как Промефей, все, что ни исхитило прекрасного от богов...* — Известное противоречие в этом сравнении заключается в том, что женщина как «язык богов» уподобляется похитителю творческого огня от богов Прометею; согласно Эсхилу, от него получены людьми все искусства: он научил их строить дома, корабли, заниматься ремеслами, носить одежды, читать, писать и считать, различать времена года, приносить жертвы богам и гадать.

С. 238. *...при виде богини Праксителевой...* — Самая известная статуя Афродиты работы Праксителя (IV в. до н.э.) — Афродита Книдская (сохранилось более 50 копий).

С. 238. *Что такое любовь?* — *Отчизна души...* — Это определение получит сложное развитие у Гоголя; ср. в устах Андрия в «Тарасе Бульбе»: «Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна!» Но в «Женщине» умозрительный тезис Платона еще не содержит в себе трагического конфликта, каким он будет способен обернуться в реальной человеческой ситуации Андрия; с представлением об «отчизне души» здесь связаны райские ассоциации как с «невинным младенчеством» человека, его вечной «родиной».

С. 239. *И когда душа потонет в эфирном лоне души женщины, когда отыщет в ней своего отца — вечного Бога...* — М. Вайскопф сближает это место со словами Бл. Августина о Христе, призывающем «нас возвратиться к Нему — Жизнодавцу, в то лоно, откуда Он явился к нам, в первобытную девственную утробу (...) откуда явился Он, как жених, выходящий из чертога своего...» («Исповедь». Кн. IV. Гл. 12; Творения блаженного Августина. 3-е изд. Киев, 1914. С. 79). См.: Вайскопф 1993. С. 30.

С. 239. *...тонкий, светлый эфир, в котором купаются небожители...* — Эфир — в греческой мифологии верхний, чистый прозрачный слой воздуха, местопребывание богов. У Гомера эфир — жилище богов («Илиада», песнь 2, 412) и путь к Олимпу (песнь 2, 458). В платоновской космологии учение об эфире развито в последней беседе Сократа с учениками:

«Но сама Земля покоится чистая в чистом небе со звездами — большинство рассуждающих об этом обычно называют это небо эфиром» («Федон», 109 с; Платон. Т. 2. С. 83).

С. 239. В изумлении, в благоговении повергнулся юноша к ногам гордой красавицы... — Жест, повторяющийся при описании встреч гоголевских героев с женской красотой; ср. в «Невском проспекте»: «Она бы составила божество в многолюдном зале на светлом паркете при блеске свечей, при безмолвном благоговении толпы поверженных у ног ее поклонников...» (с. 136); сопоставление этого фрагмента с концовкой «Женщины» см.: Гиппиус 1924. С. 52.

БОРИС ГОДУНОВ. ПОЭМА ПУШКИНА

Источник текста: БА БГ (см. с. 491).

Впервые опубликовано: Р. 1881. № 12. 31 января. Датируется периодом не ранее 22–23 декабря 1830 г. — началом 1831 г. Печатается по БА БГ.

ЧА на четырех листах писчей бумаги (второй и третий двойные листы стандартной сфальцованной тетради, сшитые шелковой ниткой; штемпель в правом верхнем углу показывает, что бумага была изготовлена для государственных учреждений, см.: Клепиков 1959. С. 27); постраничная пагинация черными чернилами и надписью той же рукой на л. 4 об.: «В сей тетради восемь страниц. В. Д(умнов)»; архивная пагинация графитным карандашом; на первой странице в левом верхнем углу крупная помета красным карандашом рукой неустановленного лица «№ 17». Рукопись была оставлена Гоголем в числе прочих черновых бумаг К.С. Аксакову при отъезде за границу в 1842 г. Текст белой, с небольшими поправками, сделанными в процессе написания. Заглавие и посвящение П.А. Плетневу зачеркнуты более яркими чернилами, очевидно, рукою автора, причем посвящение — особенно тщательно; рядом теми же чернилами написано крупно и небрежно: «Как вам кажется, как вы находите это сочинение?» Вероятно, текст предназначался кому-то на прочтение (не самому ли Плетневу?). В последнем абзаце простым карандашом рукой неустановленного лица вычеркнут фрагмент текста («и раздастся по мне ~ безответным эхом в свою пустыню....») и поставлен вместо него значок сноски, повторенный под текстом за отделяющей чертой, но самой сноски нет.

Сюжет статьи побуждает думать, что она была написана в тождественной ситуации — сразу или вскоре по выходе в свет и появлении в продаже печатного издания «Бориса Годунова» (22–23 декабря 1830), т. е. в самом конце 1830 или, более вероятно, в самом начале 1831 г. В этом случае она датируется по соседству с «Женщиной», появившейся в ЛГ 16 января 1831 г., и, возможно, туда же предназначалась (см.: Степанов (2). С. 13), чему, однако, никаких подтверждений мы не имеем. В первых двух номерах ЛГ за 1831 г. (№ 1 и 2) появилось начало статьи самого Дельвига о трагедии Пушкина, но из-за внезапной смерти Дельвига статья кончена не была (в № 2 было обещано ее «окончание»), и, таким образом, серьезного разбора «Бориса Годунова» в печатном органе пушкинского кру-

га так и не появилось. Если предположить, что гоголевский этюд должен был восполнить этот недостаток в газете, то следует допустить, что он был написан после статьи Дельвига и его смерти. Однако задаче серьезного критического разбора трагедии вряд ли гоголевский текст-дифирамб отвечал, и газете он мог и не подойти; статья о «Борисе Годунове» в *ЛГ* должна была быть программной, и высказаться о нем в духе и тоне *МВ*, с архаическими условными именами Элладия и Поллиора и почти полным отсутствием конкретного внимания к пушкинскому произведению, газета, наверное, не могла. Позже, в статье *Ар.* о Пушкине, Гоголь будет говорить о «Борисе Годунове», вместе с другими последними «поэмами» Пушкина (но называя только его), как о произведении, так и не получившем справедливой оценки: «по крайней мере печатно нигде не произнеслась им верная оценка и они остались донныне нетронуты» (с. 94).

Есть и еще обстоятельство, допускающее датировать текст Гоголя более поздним сроком: в письме Пушкину от 22 февраля 1831 г. Плетнев, представляя Гоголя, называет ряд его опубликованных вещей, включая «Женщину» (см. выше коммент. к ней), но статью о пушкинской трагедии не упоминает; если она к этому времени была написана и посвящена при этом самому Плетневу, странно было бы, чтобы он не знал о ней, будучи в это время близко осведомлен о занятиях Гоголя; хотя и естественно рекомендовать нового писателя его опубликованными произведениями, доступными в печати, но столь же естественно рекомендовать его Пушкину как автора статьи о нем же, о Пушкине. В этом случае можно допустить создание статьи временем после 22 февраля 1831 г., но во всяком случае первыми месяцами этого года, до знакомства Гоголя с Пушкиным, состоявшегося в мае.

Как, вероятно, хронологически, так и стилистически гоголевский «Борис Годунов» помещается между «Женщиной» и статьей «О поэзии Козлова» и в стремительной эволюции автора является вехой на пути от влияния идеологии *МВ* в пушкинский круг. «Самое произведение Пушкина превращается здесь в обобщенное произведение искусства» (*Гиппиус 1966. С. 61*), что отвечает философической методологии московских критиков-романтиков. «Поэма» Пушкина предстает лишь источником вдохновенного эстетического переживания, но, в соответствии с романтическим тезисом о невозможности передать впечатление, участники диалога о самом предмете переживания в его определенности говорить программно отказываются и почти никакой пушкинской конкретности восторженная статья не содержит; интонация этой «эстетической лирики» (*Гиппиус 1924. С. 47*) — «присяга», «клятва на верность» Пушкину (*Макогоненко 1985. С. 34*). В самом же переживании сильнейшее отражение находит религиозно-романтическая философия искусства, широко изложенная в книге В.-Г. Вакенродера — Л. Тика, переведенной и изданной в 1826 г. московскими любомудрами (переводы С.П. Шевырева, В.П. Титова, Н.А. Мельгунова).

По заключению исследователя, Вакенродер «сумел выразить совершенно новое отношение к искусству (...) Искусство предназначено для совершенно непосредственного восприятия — ничто не должно отделять человека от искусства, не должно быть никаких промежуточных инстанций между искусством и его восприятием. Произведение искусства и зритель,

слушатель не разделены более ничем; они, напротив, соединены общностью чувства, вложенного в картину и идущего навстречу из души зрителя (...) основное, что заключает в себе искусство, раскрывается во встрече с ним чувствующего человека (...) искусство, как и природа, — это божественный, чудесный язык; одним языком говорит сам бог, другим — избранные люди. Поклонение и смирение — вот та среда, в которой происходит восприятие искусства» (Михайлов 2000. С. 186—187).

Этой общей характеристике недостаточно, чтобы убедиться в прямом отражении мыслей знаменитой немецкой книги в редакции русских романтиков-переводчиков в ранних эстетических текстах Гоголя (уже в «Женщине» и особенно в настоящей статье, а также в статье об архитектуре; см.: Карташова И.В. Гоголь и Вакенродер // Вакенродер и рус. лит. С. 71—93). Необходимо обратиться к русскому тексту книги 1826 г. для сопоставления с параллельными местами в гоголевской статье. «На картинные залы обыкновенно смотрят, как на торжища, куда приходят для того, чтобы увидеть новые товары, и вскользь пересудить их (...) Но тот любитель Неба, кто с смиренным вождением ловит те избранные минуты, когда благотворный луч небесный низойдет к нему, и разорвав покров земной ничтожности, облакающий обыкновенно душу смертного, разрешит и отделит в его внутреннем составе благороднейшее: тогда он падет ниц, и в тихом восторге обращая открытое сердце к лучу Небесной благодати, насыщает грудь свою светом божественным (...) только тогда душа ваша соединится в одно целое с творениями художников (...) да не дерзает никто поставять себя выше духа художников великих, и презрительно подвергать их суду гордого разума! (...) Искусство выше человека: — и нам смертным можно только с изумлением чтить превосходные творения его причастников, и раскрывать пред ними сердце к очищению и примирению всех наших чувствований» (Вакенродер 1826. С. 110—112, 115—116). Сверх общих программных и тематических переключек надо отметить у Вакенродера постоянные упоминания о Небесном или Всеобщем Отце, к которому «возрастает» искусство (там же, с. 60), отвержение «системы» как критерия для суждения об искусстве (там же, с. 65; ср. у Гоголя выпад против «системы», в которой будто бы нуждаются для своей оценки поэты, как растения или минералы) и особенно противопоставление звука бессильному слову: «Мне ли растворить звуки в слова? То ли сказал я, что чувствовал? Слетайте же звуки, исторгните, спасите меня от сего грустного влечения к языку земному...» (там же, с. 297). Ср. соответствующий пассаж в речи гоголевского Поллиора, противопоставляющего «слова и буквы» душе человека, которая превращается в «светлые звуки», а эти последние вонзаются в «безобразную грудь его». В пассаже этом можно найти сразу два прямых терминологических заимствования из русского Вакенродера: понятие «звучащей души» (с. 294, 297: «Парит ли к небу звучащая душа...») и романтически-экзотический эпитет «безобразная»: «Но в сих волнах вращается одна чистая безобразная стихия, светлый поток чувствований и тысящевидные его переливы...» (с. 291; курсив в тексте книги). Подтверждением влияния книги 1826 г. может быть, очевидно, и такой ее тезис, отразившийся позже в статье об архитектуре в Ар., что для Великого Создателя «Готической храм столько же благолепен, как и храм Греков...» (ср. с. 696).

Знаком связи с традицией московского романтического круга 20-х годов служат в статье условные имена героев диалога, взятые из ранней повести В.Ф. Одоевского «Елладий (Картина из светской жизни)» («Мнемозина», ч. 2, 1824), о которой Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» будет вспоминать как о «дивном явлении в литературном смысле» для своего времени (Белинский. Т. 1. С. 275).

В то же время, в сравнении с «Женщиной», в новой статье заметно формирование характерных черт гоголевской поэтики, отмеченное еще первым ее публикатором, И.С. Аксаковым, писавшим о «сочетании юмористического таланта (...) с тем лиризмом (очень еще тогда молодым), который был всегда так сказать подпочвой художественного реализма нашего великого писателя» (Р. 1881. № 12. С. 19). «И вся гоголевская статья есть род своеобразного восхождения — от мертвенно-бледных, безжизненных или механических суждений по поводу пушкинского шедевра до его трепетно-вдохновенного, живого восприятия (...) Заметка о “Борисе Годунове” существенно продвигает самосознание Гоголя как писателя» (Манн 2004. С. 194–196). От этого первого опыта начинаются пути гоголевской художественной критики и теоретической рефлексии и авторефлексии над чужим и собственным современным литературным опытом. «Философские диалоги молодого Гоголя, примыкающие к стихотворной прозе Любомудров (Веневитинова и Вл. Одоевского), имеют непосредственное продолжение в эстетических статьях “Арабесок” и отчасти готовят позднейшие эстетические декларации Гоголя в “Театральном разъезде” и “Мертвых душах”, далеко превосшедшие, конечно, эти ранние опыты...» (Гуннуис 1966. С. 61). Возникают в тексте статьи, на переходе от юмористической к лирической ее части, и характерно гоголевские черты фантастического городского ночного (лунного) пейзажа, петербургская гоголевская поэтика (см. коммент. к отрывку «Страшная рука»).

Формируются здесь и начала гоголевской антропологии — мысль о «двух враждующих природах человека», между которыми искусство должно пролить примирение. Но это же действие творческих мук искусства живописуется далее как торжество души над «презренным телом», которому не будет оставлено «ни одной их божественной капли». Гоголевский дуализм в понимании человека, столь отличный от пушкинского монизма, — резкое обособление души от тела — сказывается уже в формулировках этой ранней статьи. Гоголевская антропология совпадает с гоголевской эстетикой в монологе Поллиора, когда он рисует образ читателя «великого творения» как душевного двойника поэта, другой «прекрасной половины прекрасной души» создателя. Открытая в «Женщине» романтическая утопия тождества воспринимающего и творца в процессе их встречи и душевного совпадения в самой «картине» развивается здесь и пророчит в дальнейшем драму несовпадения автора «Ревизора» и «Мертвых душ» со зрителями и читателями. Описание же души человека (как художника, так и читателя) как «неполной души», находящейся в поисках другой «прекрасной» своей половины, напоминает об эротически-эстетической «андрогинной» идее Платона в «Пире» («Вот с каких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу»,

«Пир», 191 e—d) и побуждает предположить знакомство с ним молодого Гоголя.

«Борисом Годуновым» открывается история высказываний Гоголя о Пушкине на протяжении 15 лет (1831—1846), которыми, в свою очередь, был открыт процесс национального размышления о Пушкине, который можно назвать национальной пушкинской герменевтикой; в гоголевских суждениях завязалось то, что будет названо пушкинским мифом (см. коммент. к статье «Несколько слов о Пушкине» в наст. томе). Эту первую статью о Пушкине, вместе со следующей статьей «О поэзии Козлова», можно отнести к предварительной патетической стадии формирования гоголевской концепции Пушкина, как она сложится в *Ар*. Вместе с тем заметно и поступательное формирование этой концепции в статье о Козлове по сравнению с «Борисом Годуновым». Общий характер и тон статьи о Козлове заметно отличен от тона предшествующей статьи-дифирамба, что побуждает предположить определенную хронологическую дистанцию между второй и третьей статьями на пути Гоголя-критика (см. коммент. к статье «О поэзии Козлова» в наст. томе). «Борис Годунов» представляет собой лирическую запись душевного события, статью о Козлове можно считать первым опытом Гоголя в литературной критике. «Такие минуты, как записанная в “Борисе Годунове” — не забываются...» (*Гиппиус* 1924. С. 47). В словах Полаиора о черни, кипящей на площади, — несомненное отражение пушкинского стихотворения «Чернь», напечатанного в 1829 г. в *МВ*. Лирическое самоотождествление с миром поэта вытесняет в статье какое-либо объективное критическое суждение о произведении, которому она посвящена. Лирически и субъективно окрашено и единственное проявление конкретного внимания к нему — сочувственное размышление о «царственном страдальце», дающее заметный сдвиг акцента в истолковании трагической ситуации пушкинского Бориса: момент непонимания его людьми заглушает для Гоголя его нравственную вину; он трагический герой как непонятый и представляет в этом истолковании лирическую параллель одинокой душе самого поэта, не понятого толпой. Исследователь отмечает в этом гоголевском пассаже и отражение его личной «служебной утопии», ссылаясь на его юношеские высказывания в письмах; слова о «благе», «пользе» и «счастии миру», какие нес ему «страдалец» — «это те самые слова, в которые Гоголь облакал свои собственные чувства (“Я всю жизнь свою обрек *благу*”, “на *пользу* отечества, для *счастия* граждан...”); новое лишь — ситуация непонимания, которую он к себе не применял, но которой, конечно, очень страшился (...). Гоголь воспринимает пушкинского героя сквозь дымку мечты о своей государственной миссии» (*Манн* 2004. С. 188—190; здесь же — параллель между отношением Гоголя к пушкинскому герою и трактовкой С.П. Шевыревым фигуры папы Сикста V; статья Шевырева о нем написана и опубликована позже, но сама «проблема Сикста V» как проблема цели и средств в стремлении к общему благу была известна и обсуждалась в русском обществе в 20-е годы, в том числе в кругулюбомудров после декабрьской катастрофы 1825 г.).

С. 240. *Поэма Пушкина*. — Гоголь нигде не называет «Бориса Годунова» трагедией или драмой; к последним поэмам Пушкина он причислен и

в статье «Несколько слов о Пушкине». В теоретической классификации Гоголя «поэма» означает принадлежность к высшему роду и «языку» словесности, который в поздней «Учебной книге для русского юношества» будет назван «высшим языком человеческим, или, как называли все народы, языком богов» (Ак. Т. 8. С. 471). Поэмой будут названы «Мертвые души».

С. 240. *Посвящается Петру Александровичу Плетневу.* — В статье князя П.П. Вяземского «А.С. Пушкин 1826—1837» (1880) — ссылка на письмо А.О. Смирновой П.А. Вяземскому: «Ведь это однако Плетнев открыл это маленькое сокровище (т.е. Гоголя); у него чутье очень верное, он его распознал с первой встречи» (см.: *Плетнев*. Т. 1. С. 577).

С. 240. *...посмотрите, как он искусно того...* — Начало гоголевского пути к Акакию Акакиевичу. «Эта манера изображения варьируется едва заметно, выступает несколько иначе только в Акакии Акакиевиче, напоминающем более Акима из «Власти тьмы» с его типичным “тае” (= “того”); но оно не покидает Гоголя от начала писательской деятельности (когда написана статья “Борис Годунов Пушкина”) до последнего времени, поры создания “Мертвых душ”» (*Мандельштам И.Е. О характере гоголевского стиля...* Гельсингфорс, 1902. С. 159).

С. 240. *...трещал толстенькой кубик с веселыми глазками...* — «Этот прием замещения лица членом тела находится в связи с механизацией живого у Гоголя, с представлением живых образов как автоматов с динамическим зарядом отдельных частей. Прием сокращения лица, внутреннего облика поверхностью, одеждой, которая движется, является другой формой проявления этой тенденции к овеществлению художественного мира. В статье “Борис Годунов”, которая, по-видимому, относится к самому началу 1831 г., уже есть яркие примеры этой замены лиц вещами (главное одеждой) или их плоскостными отражениями — фигурами, кубиками (...) Этот прием овеществления лиц имел широкое применение в поэтике “натуральной” школы вплоть до 60-х годов XIX в.» (*Виноградов 1976*. С. 288). Определяя общие черты гоголевского стиля, исследователи находят их зарождение в статье «Борис Годунов».

С. 240. *Пол-унции* — около 15 г.

С. 240. *...сенатский рябчик.* — В.В. Виноградов приводит это место из статьи как пример «должностного арго» (*Мат. и иссл. 1936*. Т. 2. С. 303).

С. 241. *...то не разобрали бы 400 экземпляров в два часа!* — Очевидно, цифра взята Гоголем из редакционной заметки за подписью издателя, т.е. Дельвига, в № 1 (С. 9. Отд. «Смесь») ЛГ за 1831 г. (1 января): «*Бориса Годунова*, соч. А.С. Пушкина, в первое утро раскуплено было, по показаниям здешних книгопродавцев, до 400 экземпляров». Вероятно, это позволяет датировать статью Гоголя сроком после 1 января 1831 г.

С. 241. *...люди, кажется отбежавшие навеки от собственного, скрытого в самих себе, непостижимого для них мира души...* — Формируются формулы гоголевской антропологии, выражающие внутренний разрыв в человеке в образах пространственного отделения и отрыва, удаления, «убегания» внешнего человека от внутреннего. Ср., например, впоследствии в «Выбранных местах» о человеке, который «убежит от самого себя прямо в руку к чорту» (Ак. Т. 8. С. 298).

С. 241. ...когда чудный город гремит и блещет, мосты дрожат... — Начало пути к «Невскому проспекту».

С. 242. ...священный холод разливается по жилам и душа дрожит в ужасе, вызвавши Бога из своего беспредельного лона... — Очевидное отражение пушкинских строк из послания к митрополиту Филарету: «Твоим огнем душа палима / Отвергла мрак земных сует, / И внемет арфе серафима / В священном ужасе поэт» (опубл. в ЛГ. 1830. 25 февраля).

С. 242. *Разогни перед ним великое творение.* — Формирование формул гоголевской художественной риторики. Ср. в будущем в «Выбранных местах»: «Разогни книгу Ветхого Завета: ты найдешь там каждое из нынешних событий...» (Ак. Т. 8. С. 278).

С. 243. ...и раздаются все необъятнее, все необъятнее, все необъятнее.... — Путь к гоголевскому эпитету, каким он определит Пушкина в последних словах статьи «О поэзии Козлова»: «...кому не завидна участь: быть частью необъятного Пушкина!!» (с. 245).

С. 243. *Если мертвящий холод бездушиного света...* — Вероятное отражение заключительных строк 6-й главы «Евгения Онегина» (опубл. в 1828 г.): «Не дай остыть душе поэта, / Ожесточиться, очерстветь, / И наконец окаменеть / В мертвящем упоеньи света...»

О ПОЭЗИИ КОЗЛОВА

Источник текста: *БА Козл* (см. с. 491–492).

Впервые опубликовано: *РС*. 1890. Т. 65. С. 850–852. Датируется периодом не ранее декабря 1830 — не позже конца 1833 г. Печатается по *БА Козл* со следующими исправлениями:

С. 244, строка 10: обхватившим — вместо: обхватившем

С. 245, строки 21–22: мир его сосредоточился — вместо: мир его сосредоточилась

Впервые опубликовано В.И. Шенроком по рукописи, сохранившейся после смерти Гоголя у семейства Аксаковых и в 1890 г., после смерти вдовы И.С. Аксакова, переданной, вместе с двумя записными тетрадями Гоголя, Д.Ф. Самаринным в Московский публичный и Румянцевский музей (*Тих*. Т. 6. С. 544–545). Рукопись представляет собой белой автограф, писанный крупным почерком, с небольшими исправлениями, на большом листе бумаги, сложенном пополам, а затем еще раз вчетверо; наружная сторона (л. 2 об.) загрязнена. Бумага с водяными знаками 1829 г.; на такой же бумаге в процессе работы над повестями «Вечеров на хуторе близ Диканьки» написаны автографы повестей «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», «Пропавшая грамота» и набросок «Хромой чорт» (см. наст. изд., т. 1, с. 605). Под текстом подпись: *Н.Г.* Первый публикатор текста В.И. Шенрок датировал статью не ранее 1829 г. по упоминанию в ней стихотворения И.И. Козлова «Субботний вечер» («Сельский субботний вечер в Шотландии»), посвященного памяти А.А. Воейковой, умершей весной 1829 г., но при этом предполагал, что она, «вероятнее всего», написана в 1835 или 1836 г., «так как в противном случае она, конечно, вошла бы в “Арабески”» (*Тих*. Т. 6. С. 545). В то же время он по палеографическим

признакам (бумага) связывал статью с более ранним периодом, т.е. со временем работы над «Вечерами на хуторе...», когда был набросан «Хромой чорт» (*там же*, с. 544), датируемый в *Ак.* (Т. 9. С. 617) 1830–1831 гг. Наиболее убедительным хронологическим ориентиром для датировки представляется заключающее статью подстрочное примечание с информацией об издании стихотворений Козлова, которое «находится в таких-то книжных лавках» и «продается по такой-то цене». Речь вряд ли может идти о первом издании «Стихотворений» Козлова 1828 г., когда еще не могло быть стихотворения памяти А.А. Воейковой, но скорее всего о втором «Собрании стихотворений» в двух частях, вышедшем в свет в октябре 1833 г., в котором присутствует это стихотворение. Таким образом, наиболее вероятная датировка — конец 1833 г.; ср. датировку, предложенную Ю.В. Манном: «в конце 1832 или, вероятнее, в начале 1833 года» (*Манн 2004. С. 256*); дата выхода второго собрания стихотворений Козлова позволяет, кажется, ее уточнить. При такой датировке понятна и временная дистанция, присутствующая в упоминании о критических отзывах на поэму «Безумная», относящихся к декабрю 1830 — январю 1831 г.: «Мне кажутся и поныне странными замечания и упреки многих Козлову...»

Датировка концом 1833 г. позволяет взглянуть на статью как на опыт гоголевской рецензии на издание стихотворений И.И. Козлова, по-видимому написанной для печати, о чем говорит заключающее ее примечание с отсылкой к книжным лавкам. Для какого печатного органа предназначалась статья и почему она в печати не появилась, нам неизвестно, как неизвестны и обстоятельства возникновения этого текста у Гоголя; возможна просьба близкого к слепому поэту Жуковского, от которого Гоголь мог узнать и то, что цитируемые им в конце статьи строки Н.М. Языкова говорят об А.А. Воейковой, что открыто не явствует из текста стихотворения и чего он не мог узнать от самого Языкова, с которым познакомился значительно позже. Характер и тон статьи отличаются ее большей зрелостью и спокойствием мысли от двух первых романтически-дифирамбических критических опытов Гоголя («Женщина» и «Борис Годунов») и сближают с эстетическими статьями *Ар.*, которым она, таким образом, непосредственно предшествовала. Так, характеристика «светлого, полного» мира древних греков, открывающая статью, очень близка описанию «светлого греческого мира» в заглавной статье *Ар.* Появляется здесь применительно к Пушкину и понятие «гения всемирного», развернутое затем по отношению как к XIX веку в целом («Не помню, кто-то сказал, что в 19 веке невозможно появление гения всемирного...», с. 173), так и к Брюллову, в статье «Последний день Помпеи». И вообще статья содержит подступ к эстетической программе *Ар.* «В основе статьи — весьма распространенное в критике и эстетике того времени — сопоставление классического и романтического искусства (хотя Гоголь и не употребляет этих терминов). (...) В произведениях Козлова Гоголь видит разновидность второго типа поэзии — романтической; в этом отношении характерно и определение творчества поэта как творчества по преимуществу центростремительного (“центростремительный” и “центробежный” — ходовые обозначения соответственно романтической и классической поэзии в критике 1820–1830-х годов). В интерпретации же пушкинской поэзии, обнимающей и “внутреннюю и внешнюю жизнь”, Гоголь

намечает — также характерное для того времени — понимание третьей, синтетической, новейшей формы искусства» (Манн 1978. С. 490).

Статья, однако, не только не вошла в *Ар.*, но и (в отличие от «Женщины») не значится ни в одном из двух планов этого сборника.

Ход мысли в статье ведет от Козлова к Пушкину как главной цели всего размышления; ради нескольких слов о Пушкине в последних строках статьи очевидно она главным образом и написана. В процессе формирования гоголевской идеи Пушкина статья находится на пути от «эстетической лирики» статьи «Борис Годунов» к зрелым формулам «Нескольких слов о Пушкине», при этом по качеству мысли располагаясь ближе к статье *Ар.* Явление Пушкина здесь предстает не предметом экстатического душевного переживания, но звеном мирового художественного процесса как его итог и синтез, означающий преодоление и «снятие» описанного на примере Козлова противоречия двух универсальных тенденций, которые здесь означены как «мир древних греков» и его наследие и романтическое движение, олицетворенное титаническим образом Байрона. Эпитет «великий» в «Борисе Годунове» сменяется здесь эпитетом «необъятный», предвещающим окончательные эпитеты Пушкина в статье *Ар.* и соотносящимся с появляющейся также здесь по отношению к Пушкину категорией *целого*, что предвещает Пушкина как «единственное явление русского духа» в статье *Ар.* Отношение Козлова к Пушкину как части к целому повторяет подобный структурный рисунок, уже опробованный Гоголем в письме А.С. Данилевскому 30 марта 1832 г., но речь там шла о Языкове в отношении к Пушкину: «стихи Языкова кажутся только частию, небольшою рекою, впадающею в этот океан», что означает формулу отношения всякого другого поэта эпохи к единственному Пушкину. Ср. более позднюю картину в статье 1846 г. в «Выбранных местах...»: Пушкин как «сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечи, зажглись другие самоцветные поэты» (Ак. Т. 8. С. 385). Сближение двух поэтов структурной формулой части и целого в отношении к Пушкину в гоголевском письме и в статье подтверждается подчеркнутым сближением их имен и в статье (в заключительном примечании, с цитированием стихов Языкова рядом с упоминанием стихотворения Козлова, посвященного той же Воейковой), что может быть косвенным подтверждением и хронологической близости письма 1832 г. и статьи 1833 г. Выразительно и появление имени Байрона в противопоставлении Пушкину в другом письме А.С. Данилевскому, от 20 декабря 1832 г., в контексте того же продолжающегося размышления; таким образом, размежевание имени Пушкина с именами Языкова, Байрона и Козлова объединяет гоголевские письма 1832 г. и статью конца 1833 г. в единый контекст.

Поэзия Козлова вошла в круг чтения еще юного Гоголя в Нежине; имена сближенных в гоголевской статье трех поэтов как представителей современной новой поэзии приводятся вместе в воспоминании Н.В. Кукольника о том, как гимназисты подкладывали своему профессору словесности с архаическими вкусами П.И. Никольскому «вместо своих, стихи Пушкина, Козлова, Языкова и других» (Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. Изд. испр. и доп. СПб., 1881. С. 294—295). В поздней статье «В чем же наконец существо русской поэзии...» (1846) Козлов в «целом созвездии» поэтов, образовавшихся вокруг Пушкина, характеризу-

ется как «гармонический поэт, от которого раздалась какие-то дотоле неслышанные, музыкально-сердечные звуки...» (Ак. Т. 8. С. 385).

С. 244. ...в одну ужасную единицу — в мрак... — Полная потеря зрения для Ивана Козлова наступила в 1821 г., в 42 года. Именно после этого он предался поэзии как делу жизни. «...Отчужденный утратами физически от земной жизни, ожил он с лихвою в другом мире...» (Вяземский. Т. 1. С. 186).

С. 244. ...в изумлении остановилась пред Байроном... — Репутация Козлова как байрониста была общепринятой. Сам поэт поддерживал ее своими признаниями, в том числе одним из самых его прославивших стихотворений — на смерть Байрона, «Бейрон» (1824). Дельвиг писал Пушкину 10 сентября 1824 г. о Козлове, «который только что и твердит о тебе да о Байроне» (Пушкин. Т. 13. С. 108). Сам поэт писал Пушкину 31 мая 1825 г.: «Когда я хочу писать стихи, то читаю моего Байрона, Жуковского и вас, и с грехом пополам воображение пробуждается, и я принимаюсь петь» (там же, с. 176; подлинник по-франц.). Имя Байрона постоянно связывалось с именем Козлова в суждениях о его поэзии как критических, так и похвальных. В письме А.А. Бестужева Пушкину 9 марта 1825 г.: «... и не дай бог судить о Бейроне по его переводам; это лорд в Жуковского пудре» (там же, с. 149). Но — сам Пушкин в письме Л.С. Пушкину в первой половине мая 1825 г. о поэме Козлова «Чернец»: «Повесть его прелесть (...) а хотел простить — простить не мог достойно Байрона» (там же, с. 174).

С. 244. ...так чудно обхватившим гигантскою мрачною душою всю жизнь мира... — Физический мрак как судьба поэта Козлова соотносится с душевным мраком романтика Байрона и противопоставляется светлому миру античности и в целом «индивидуальной светлости» «жизни мира». Формируется одна из решающих гоголевских художественных антиitez, о которой вскоре будет сказано как о «сражении света с тенью» («Последний день Помпеи», с. 172).

С. 244. Глядя на радужные цвета и краски ~ тотчас узнаешь с грустью ~ зрящему никогда бы не показались они в таком ярком и даже увеличенном блеске... — Подобный эффект преувеличенно яркого внутреннего зрения во внешнем мраке Гоголь-художник описывал одновременно со статьей о слепом поэте в «Кровавом бандуристе», в усеченном виде и под заглавием «Пленник» вошедшем в Ар. (см. коммент. к обоим текстам в наст. томе): «Он всеми чувствами вселился в темноту. И тогда пред ним развернулся совершенно новый, странный мир. Ему начали показываться во мраке светлые струи — последнее воспоминание света! Эти струи принимали множество разных узоров и цветов. Совершенного мрака нет для глаза. Он всегда, как ни зажмурь его, рисует и представляет цветы, которые видел. Эти разноцветные узоры принимали или вид пестрой шали, или волнистого мрамора...» (с. 182); сопоставление см.: Гоголь 1994. Т. 7. С. 524; коммент. В.А. Воропаева и И.А. Виноградова.

С. 245. Мне кажутся и донныне странными замечания и упреки многих Козлову ~ что Безумная нимало не похожа на русскую крестьянку... — Гоголь вспоминает как уже достаточно отдаленное прошлое крити-

ческие отзывы на поэму Козлова «Безумная» (вышла в свет в октябре 1830 г.); в их числе были рецензия Дельвига в ЛГ (1830. № 68. 2 декабря): «Разделяешь печаль с милым певцом и невольно сердиться на него, что он заставил нас плакать от несчастий вымышленных и рассказанных оперною актрисой, а не настоящею поселянкой. Безумная его театральная Нина, а не Офелия Шекспира, не Мария Кочубей Пушкина» (см.: *Дельвиг А.А. Соч. Л., 1986. С. 267*) — и критика Т (1831. № 1. С. 117; номер вышел 7 января 1831 г.): «Кто узнает в Безумной подмосковную поселянку?.. Самая умнейшая из сих простых дочерей северной природы — если осилит так почувствовать, то — не сумеет и в сотую долю высказать так своих чувствований» (по предположению Ю.В. Манна, рецензия принадлежит Н.И. Надеждину; см.: *Манн 1978. С. 491*). В числе «многих», оценивших поэму как неудачу, Гоголь мог помнить и рецензию М.А. Бестужева-Рюмина (Северный Меркурий. 1830. 5, 10, 14, 17 ноября).

С. 245. *Субботный вечер, перевод...* — «Сельский субботний вечер в Шотландии. Вольное подражание Р. Борнсу И. Козлова», стихотворение-идиллия с посвящением памяти Александры Андреевны Воейковой, племянницы Жуковского, «Светланы», музы нескольких русских поэтов, сыгравшей исключительную роль в жизни Козлова и оказавшей ему душевную помощь в несчастье; «несчастье и Светлана были его вдохновением» (из письма А.И. Тургенева П.А. Вяземскому 21 октября 1821 г.; *ОА. Т. 2. С. 219*). Стихотворение появилось впервые отдельным изданием (СПб., 1829) и вошло в «Собрание стихотворений» 1833 г. И.В. Киреевский писал в «Обзрении русской словесности 1829 года» о Козлове: «Его же “Субботный вечер”, подражание Р. Борнсу, замечателен по приложенным в начале стихам на смерть А.А. Воейковой, где видно трогательное чувство души, умеющей любить прекрасное» (*Киреевский 1979. С. 74*).

С. 245. *Той красоте, которой много...* — Из стихотворения Н.М. Языкова «К П.А. Ос...й» («К П.А. Осиповой», 1826); опубликовано с приводимыми Гоголем строками, относящимися к А.А. Воейковой, в альманахе «Подснежник, на 1830 год» (СПб., 1830. С. 23). В «Стихотворениях Н. Языкова» (СПб., 1833. С. 178) последние две строки цитируемого четверостишия заменены многоточием.

С. 245. *Находится в таких-то книжных лавках.* — Ср. рассказ «провинциала» о петербургских книжных лавках, датируемый 22 октября 1831 г.; называются и поэма Козлова «Наталья Долгорукая» и «стихотворения мелкие Козлова за 2 руб. 50 коп. ассиг., новые, неразрезанные», отдаваемые «букинистом-разносчиком» в числе других изданий «за половину, треть, четверть, пятую или шестую часть цены» (*Росковшенко. С. 484*). Речь идет о «Стихотворениях» И. Козлова 1828 г., плохо, видимо, продававшихся.

1834

Источник текста: *ЧА 1834* (см. с. 492).

Впервые опубликовано: *Кулиш 1856. С. 128—129*. Датируется концом 1833 г. Печатается по *ЧА 1834*.

Запись сохранилась в бумагах, оставленных Гоголем у Жуковского во время пребывания за границей. Текст написан черными чернилами на половине двойного листа тонкой плотной желтоватой бумаги; правка невелика и вся сделана в процессе работы. Лист сложен пополам по горизонтали, левый нижний угол оборван. На такой же бумаге, с тем же сгибом, написан текст наброска «Фонарь умирал».

Судя по письму Гоголя матери от 1 января 1830 г., привычка загадывать о будущем перед наступлением Нового года появилась у него еще в ранней юности: «Что-то скажет нам новый 30-й год? (...) Наступление нового года всегда было торжественною минутою для меня. Каков-то будет для меня этот год?» В конце 1833 г. такие размышления имели особую остроту, поскольку это был год неудач, неосуществившихся планов, год творческого кризиса, что хорошо видно по письмам Гоголя (матери и А.С. Данилевскому от 8 февраля 1833 г., М.П. Погодину от 20 февраля 1833 г., М.А. Максимовичу от 2 июля 1833 г., матери от 9 августа 1833 г.). «Какой ужасный для меня этот 1833-й год! Боже сколько кризисов! настанет ли для меня благодетельная реставрация после этих разрушительных революций? — Сколько я поначинал, сколько пережег, сколько бросил! (...) Боже, да будет всё это к добру! Произнеси и ты за меня такую молитву» (М.П. Погодину, 28 сентября 1833 г.). Только глубокой осенью появляются признаки выхода из кризиса: «Если бы вы знали, какие со мною происходили страшные перевороты, как сильно растерзано всё внутри меня. Боже, сколько я пережег, сколько перестрадал! Но теперь я надеюсь, что всё успокоится, и я буду снова деятельный, движущийся» (М.А. Максимовичу, 9 ноября 1833 г.).

Выход из кризиса совпал с предложением М.А. Максимовича уехать вместе с ним в Киев и занять там кафедру всеобщей истории в новообразованном университете Св. Владимира (см. коммент. к статье «О преподавании всеобщей истории»). «Я восхищаюсь заранее, когда воображу, как закипят труды мои в Киеве», — пишет Гоголь Пушкину 23 декабря 1833 г. «Однако наперед положить условие: как только в Киев — лень к чорту, чтоб и дух ее не пах. Да превратится он в русские Афины, богоспасаемый наш город!» (М.А. Максимовичу, 7 января 1834 г.). Мысль о Киеве привлекательна для него прежде всего возможностью многообразного и деятельного труда. Высказывались различные предположения о причинах кризиса 1833 г. (ср.: Долинин 1922. С. 195; Сегалин 1926. С. 294). Так или иначе, к концу года он был преодолен. «Конец 1833 года напоминает в биографии Гоголя счастливый вдох после остановки дыхания. Кажется, он всерьез садится писать, и ему пишется. (...) Из хаоса начинаний и планов вырисовывается нечто определенное. Это прежде всего повести “Арабесок” и “Миргорода”. (...) Почти в год Гоголь создает “Тараса Бульбу” (первую редакцию), “Старосветских помещиков”, “Портрет”, “Невский проспект”, повесть о Поприщине, “Вия”, “Женихов” (будущую “Женитьбу”), статьи. Все это начинается и обдумывается в 1833-м и завершается в 1834 году, ибо в самом начале 1835 года и “Арабески” и “Миргород” уже выходят в свет. (...) Клятва, данная им накануне 1834 года, сбывается, сбываются ее слова: “Я совершу... Я совершу”» (Золотусский 1998. С. 150).

Позднее Гоголь имел обыкновение составлять письменные молитвы в связи с предстоящими событиями или целями (см.: *Гоголь 1994*. Т. 6. С. 387–390); среди них есть и близкая по содержанию к тексту «1834» молитва на новый, 1846 год.

С. 246. ...*мой Гений!* — Гений — в античной мифологии бесплотный дух, добрый или злой, покровитель человека или места. По Платону, назначение гениев — быть «истолкователями и посредниками между богами и людьми (...) Не соприкасаясь с людьми, боги общаются и беседуют с ними только через посредство гениев — и наяву и во сне» (*Платон. Пир // Платон. Т. 2. С. 132*). Позднее гений отождествляется с ангелом-хранителем (см., например: *Сковорода Г. Сочинения. М., 1973. Т. 2. С. 389*). Образ становится традиционным в поэзии, как в антологической, так и в исповедальной лирике — ср.: «Мой гений» (1815) Батюшкова, «К мимо-пролетевшему знакому гению» (опубл. 1820) Жуковского; по предположению Ю.В. Манна, сам жанр обращения к «гению» был подсказан Гоголю последним стихотворением (*Манн 2004. С. 287*). И Жуковский, и Гоголь ориентируются на молитвенный канон Ангелу Хранителю, где есть, в частности, такие слова: «О святой Ангеле, хранителю и покровителю мой благий! (...) явися мне милосерд и не отлучайся мене скверного даже до кончины моея: возбуди мя от сна греховного».

С. 246. *Гальванический прут* — тонкий металлический стержень, которым пользовались при опытах с так называемым животным электричеством, возникающим, как предполагалось, из противоположно заряженных нервов внутри организма; учение о нем получило название «гальванизм», по имени открывшего это явление итальянского ученого Л. Гальвани (1737–1798), наблюдения которого публиковались с 1791 г. и вызвали всеобщий интерес. Считалось, что путем гальванического воздействия можно заставить двигаться мертвые тела. Дополнительный интерес к теме мог быть привлечен в марте 1832 г. речью Шеллинга в Баварской академии, где он изложил свое понимание тенденции исследований электричества начиная с Гальвани (см.: *Бур М., Ирриц Г. Притязание разума: Из истории немецкой классической философии и литературы. М., 1978. С. 190–192, 196–197, 306*).

С. 246. *Среди ли этой кучи ~ домов...* — То есть в Петербурге.

КРОВАВЫЙ БАНДУРИСТ

Источник текста: *КО КрБд* (см. с. 492).

Автограф не известен. Впервые опубликовано: частично — *Нива*. 1917. № 1. С. 6, полностью — *Оксман 1919. С. 27–39*. Датируется по времени цензурного запрещения 27 февраля 1834 г. предположительно концом 1833 — не позднее февраля 1834 г. Печатается по *КО КрБд*.

Корректурный оттиск под заглавием «Кровавый Бандурист. Глава из романа» с датой «1832 года» и с подписью «Гоголь» был обнаружен Ю.Г. Оксманом в бумагах Петербургского цензурного комитета в деле под названием «О запрещенных Ценсурой С.П. Бургского Комитета рукопи-

сях с уведомлением об этом и других ценсурных комитетов» (1834); материалы о запрещении гоголевского отрывка занимают здесь л. 4—12. Приложенный к документам оттиск (л. 5—10 об.) содержит 11 страниц набранного текста; последняя, двенадцатая (л. 10 об.) — пустая; на л. 5 над текстом надпись редактора О.И. Сенковского: «Поставив пробелы и абзацы, перейдет строк десятков на 12-ю страницу. Нельзя ли, чтобы Автор прибавил в конце еще строк десятков или пятнадцать, а то никак не выходят листы в наборе» (слово «еще» написано сверху); его же рукой написано «(Г. Автору)» в левом верхнем углу этого листа и еще раз на л. 9, а по всему тексту сделаны пометы технического характера, вводящие дополнительные абзацы (до десятка; учтены в тексте) и пробелы между ними (около 30 в дополнение к уже имеющимся); возможно, Сенковскому принадлежит и несколько мелких, преимущественно орфографических исправлений в тексте. На л. 5, представляющем собой первую страницу типографского листа, на полях под текстом набрано: «Т. II. — Отд. I»; на л. 5 об.—8 об. имеются колонцифры с 222 по 228 и колонтитулы «Русская словесность» и «Кривавый Бандурист» соответственно на левой и правой стороне разворота. Можно заключить, что гоголевский отрывок должен был быть напечатан во втором томе *БДЧ* за 1834 г., в отделении I («Русская словесность»), на с. 221—232, т.е. предназначался для третьей (мартовской) книжки журнала и должен был стать завершающим материалом I отделения II тома (том I включал кн. 1, том II — кн. 2 и 3; каждый отдел имел собственную пагинацию, сплошную в пределах тома), того самого, в котором была напечатана пушкинская «Пиковая дама» (т. II, кн. 3, отд. 1, с. 109—140). Текст в заключительной своей части (л. 9—10) содержит значительную авторскую правку; при этом на л. 9 об. Гоголь жирно, с нажимом, вычеркнул три строки и взамен их на развороте л. 9 об.—10, на полях внизу, записал, очевидно и исполняя просьбу Сенковского, вставку («Губы несчастной пошевелились ~ который слышит человек перед смертью»), расширяя таким образом текст до требуемого объема. Еще он добавил несколько уточний и выделил дополнительный абзац с помощью пометы под текстом на л. 10: «Пробел в строчку и сначала: У(жас оковал их)»; характер стилистической правки также позволяет предположить установку на увеличение объема. Под текстом Гоголь поставил дату: «1832 года», а в набранной подписи исправил ошибку («Гогель»).

Отрывок принадлежит к группе текстов, которые связывают с гоголевским замыслом исторического романа на малороссийскую тему (см. коммент. к «Главе из исторического романа»). Никаких сведений о предшествующих корректуре этапах работы не сохранилось. Название «Кривавый бандурист» есть в первом плане *Ар.*, что, по мнению В.В. Гиппиуса, позволяет датировать план временем до запрещения публикации (не позднее конца февраля 1834 г., см.: *Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 21*); но Гоголь, конечно, мог в личных записях называть так отрывок и после запрещения, даже и не надеясь добиться его опубликования под этим названием (ср.: *Гоголь 1994. Т. 7. С. 559*). В сокращенном виде включен в *Ар.* под новым названием «Пленник» (см. коммент. к нему).

История несостоявшейся журнальной публикации содержит много неясного. Накануне ее Гоголь крайне резко отзывался о Сенковском как

редакторе. «Разнесся слух, будто он позволяет себе статьи, поступающие к нему в редакцию, переделывать по-своему, — записывает в своем дневнике А.В. Никитенко 10 января 1834 г. — (...) У меня сегодня был Гоголь-Яновский в великом против него негодовании» (Никитенко. Т. 1. С. 133; ср. объяснение «От издателя и редакции...», БдЧ. 1834. Т. 2. Кн. 2. Февраль. С. I—IV). «Сенковский уполномочил сам себя властью решить, вязать: марает, переделывает, отрезывает концы и пришивает другие к поступающим пьесам», — пишет Гоголь М.П. Погодину 11 января 1834 г. Принимая во внимание, что только первые восемь страниц корректуры типографски оформлены (см. выше), последние же три не имеют колонцифр и колонтитулов и выглядят допечатанными отдельно, можно предположить, что Гоголь в своем возмущении исходит из собственного опыта и какое-то вмешательство Сенковского в текст «Кровавого бандуриста» имело место (ср. приведенную выше просьбу его «еще» дополнить текст). В таком случае первоначальный авторский вариант написан был, вероятно, еще до конца 1833 г. и в течение января—февраля 1834 г. дорабатывался по замечаниям Сенковского и при его прямом участии. «Сенковский очень похож на старого пьяницу и забулдыжника», которого не впускали в кабак; он, «однако ж, ворвался и бьет, очертя голову спьяна, сулен, штофы, чарки и весь благородный препарат» — так оценивает Гоголь эту редакторскую работу в том же письме М.П. Погодину. Цензурному рассмотрению «Кровавого бандуриста» сопутствовала исходящая из самой редакции интрига: соредактор Сенковского, формально же единоличный в то время редактор БдЧ Н.И. Греч 20 февраля 1834 г. обратился к Никитенко, «по особенной просьбе редакции» назначенному цензором журнала (там же, с. 132—133), с письменной просьбой запретить публикацию. «...Сделайте милость, не позволяйте печатать в “Библиотеке для чтения” статьи “Кровавый бандурист”. Эта гнусная картина противна всем цензурным устоям в мире, — писал Греч. — Мы негодуем на французскую литературу, а сами начинаем писать еще хуже. В звании редактора я исключил статью, но на меня нападают целою ватагою, утверждая, что я это делаю из зависти к таланту г. Гоголя. (...) Все отцы семейства к вам взывают: не позволяйте гнусных картин хотя в “Библиотеке”. В целом романе пусть печатают» (ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 545—546); Греч определенно намекал на возможность обращения в связи с этим к попечителю Петербургского учебного округа и председателю Петербургского цензурного комитета князю М.А. Дондукову-Корсакову. На заседании Комитета 27 февраля 1834 г. было представлено следующее официальное «Мнение Цензора Экстра-ординарного Профессора Никитенко о статье под названием: *Кровавый Бандурист*»: «Прочитав статью, назначенную для напечатания в Библиотеке для чтения под названием: *Кровавый Бандурист Глава из романа*, я нашел в ней как многие выражения, так и самый предмет, в нравственном смысле, неприличными. Это картина страданий и унижения Человеческого, написанная совершенно в духе новейшей французской школы, отвратительная, возбуждающая не сострадание и даже не ужас эстетический, а просто омерзение. Посему, имея в виду распоряжение Высшего Начальства о воспрещении новейших французских романов и повестей, я тем менее могу согласиться на пропуск русского сочинения, написанного в их тоне» (РГИА. Ф. 777.

Оп. 1. № 1214. Л. 4); принято решение «удержать статью сию при делах Комитета и о запрещении оной уведомить прочие Ценсурные Комитеты» (*там же*, л. 11). Ю.Г. Оксман полагал, что «неожиданный провал в цензуре “Кровавого Бандуриста” обусловлен был не столько особенностями его содержания, сколько практическим осуществлением в 1834 году общей инструкции о “Библиотеке”, настолько неблагоприятной в отношении Сенковского, что тому, по словам Никитенко, было бы «лучше идти куда-нибудь в писари, чем оставаться в литературе» (Оксман 1919. С. 351–352; Никитенко. Т. 1. С. 134); Гоголь же умалчивал о несостоявшейся публикации, желая «скрыть самый факт своей литературной неблагонадежности» и «затушевать неудачный дебют в издании, резко отрицательное отношение к которому не раз громко заявлено было им и в тогдашних салонах, и в журнальных статьях, и в дружеской переписке» (Оксман 1919. С. 352–353). Позднее Гоголь в письмах матери от 20 апреля и 10 июля 1834 г. будет говорить о журнале Сенковского раздраженно и пренебрежительно; Сенковский же напишет злую, уничтожающую рецензию на *Ар.* и сам станет год спустя объектом направленно недоброжелательного внимания Гоголя в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году». Среди прочего Гоголь несколько раз подчеркнуто, словно желая снять всякие сомнения, повторяет здесь, что Сенковский в *БдЧ* «один законодательствовал», был «главным деятелем и движущею пружиною всего журнала» («Имя г-на Греча выставлено было только для формы, по крайней мере никакого действия не было заметно с его стороны»), и вновь обвиняет Сенковского в том, что он в *БдЧ* позволял себе «переправлять и переделывать все почти статьи, в ней печатаемые», и в результате этой «странной опеки» многие «начали опасаться, чтобы публика не приняла статей, часто помещаемых без подписи или под вымышленными именами, за их собственные, и потому начали отказываться от участия в издании сего журнала» (Ак. Т. 8. С. 161–162).

Циркуляр против «новейших французских романов и повестей», на который ссылался Никитенко, был издан С.С. Уваровым 27 июня 1832 г., еще до вступления в должность министра народного просвещения. Эти произведения, говорилось здесь, содержащие «предпочтительно изображения слабой стороны человеческой природы, нравственного безобразия, необузданности страстей, сильных пороков и преступлений (...) не иначе должны действовать на читателей, как ко вреду морального чувства и религиозных понятий», и «по господствующему в них духу и по ложным нравственным понятиям большей части новейших французских романистов, не могут доставлять полезного общенародного чтения» (Оксман 1919. С. 352). Сделавшись министром, Уваров повел систематическую борьбу с этим разрушительным, с его точки зрения, литературным воздействием на общество; пропаганда «новейшей французской школы» ставила при нем на грань политической неблагонадежности, как произошло с Полевым, энтузиастом ее, публиковавшим в 1833 г. в *МТ* Жанена, Бальзака и Гюго. Сенковский, напротив, декларировал свое неприятие этой школы; тем не менее в споре с ним о «французской юной словесности» едва ли не в день запрещения «Кровавого бандуриста» Полевой заметил: «не вы ли сами пользуетесь и мыслями и даже слогом этих господ, которых так беспощадно браните?»

(Никитенко. Т. 1. С. 138); то же затем повторит и Гоголь (см.: Ак. Т. 8. С. 161), а позднее общим местом станет обвинение в том, «что, нападая на французскую словесность, Сенковский пользуется ее же образцами» (Каверин В.А. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966. С. 71). Он охотно цитирует или пересказывает в журнале шокирующие фрагменты (или сочиняет сам; ср., например, упоминание об эпизоде, «когда герой съедает сердце своей любовницы», БдЧ. 1834. Т. 7. Кн. 11. Ноябрь. Отд. 1. С. 94), говорит о пристрастии «неистой» школы к изображению телесных страданий и сам в рецензии на роман Булгарина «Мазепа» (СПб., 1834) выписывает оттуда обстоятельный рассказ о пытке Огневика. В этой рецензии он объявил, что исторический роман вообще есть «ложная форма Прекрасного», «плод соблазнительного прелюбодеяния Истории с воображением». «...Исторический Роман действует на нас уловкою, обманом, умысленным путанием всех наших сведений и понятий: с начала до конца это мистификация. Только человек, основательно знающий Историю описываемой эпохи, может, и то не всегда, понимать, что такое читает он на страницах подобного творения; (...) всякой другой читатель, беспрестанно волнуясь неизвестностью в этом растворе истины и вымысла, хочет на каждом шагу верить словам автора, и на каждом шагу боится быть обманутым, и по прочтении Романа или не знает сам, что думать о своих впечатлениях, или добродушно предастся обману». Создателя исторического романа В. Скотта Сенковский объявляет истинным основоположником «неистой словесности» — это он «вывел на сцену, под защитою всей прелести своего повествовательного дара, палачей, цыган, жидов; он открыл Европейской публике отвратительную поэзию виселиц, эшафотов, казней, резни, пьяных сборищ и диких страстей (...). Дух нынешней Французской школы есть не что иное, как весь нечистый сок, выжатый в судорожном порыве восхищения из Исторических Романов Вальтера-Скотта на молодые воспаленные мозги» (БдЧ. 1834. Т. 2. Кн. 2. Февраль. Отд. 5. С. 14–15, 18–19).

«Кровавый бандурист» словно нарочно написан для того, чтобы стать иллюстрацией этих рассуждений. В.В. Виноградов, посвятивший несколько работ связям Гоголя с «неистой» поэтикой и находящий «ясные следы глубокой заинтересованности» ею в его произведениях начиная с 1832 г. и кончая «Портретом» (Виноградов 1976. С. 216–219), рассматривает этот отрывок как «ученический опыт», в котором все ее аксессуары взяты «как готовые, без синтеза со сторонними воздействиями и без индивидуальной яркой переработки» (там же, с. 217); здесь творческий путь Гоголя «круто изгибается в сторону “ужасного” жанра в его первом разветвлении сгущенной рисовки физических пыток — красками стиля изысканно-цветистого на фоне экзотического пейзажа», и наружная оболочка стиля «режет глаза» (там же, с. 91, 94), и автор выбирает стилистические приемы построения «ужасной» природы, буквально следуя Жанену, который, как писал он сам, нашел в поэзии «новую жилу — область страдания (...) содрал оболочку с живой природы, убрал ее белую бархатистую кожу, подернутую нежным румянцем и тонким пушком греха (...) подверг поэзию настоящему анатомическому вскрытию: крепкий молодой человек распростерт на большом черном камне, а два искусных палача сдирают с него кожу, теплую,

окровавленную, как заячья шкурка, не оставив на живой плоти ни единого лоскута» (Жанен 1996. С. 41). У Жанена в рассказе палачей о казни героини Гоголь мог почерпнуть те контрасты, на которых построено его описание пытки: «Добавь, что у нее были прелестные руки, — подхватил другой подручный, — ведь это я их связывал; и нежные кисти, тонкие и белые! Их я тоже связал, но только для виду, я боялся сделать ей больно. Что ни говори, прекрасное было создание, прямо совершенство» (там же, с. 267). В.В. Виноградов говорит, что круг произведений «романов исторических и светских», характеризующихся этими стилистическими формами, был широк и уже мало связан собственно с Жаненом (см.: Виноградов 1976. С. 93); при этом сам стиль не только начал приобретать устойчивые очертания, но уже успел стать предметом пародии — исследователь обращает внимание на то, что накануне предполагаемого опубликования «Кровавого бандуриста» Сенковский печатает ироническую рецензию на французский роман, «где описывались страдания поэта — с вырезанным языком и отрубленными руками» и автор которого «весьма посредственный писатель, в одно утро перешеголял всех тогдашних палачей... Эта выдумка имела большой успех целую неделю. Но скоро другие распилили человека надвое, *третьи содрали с него кожу*, четвертые повесили его за ноги» — в выделенных словах В.В. Виноградов подозревает намек на не пропущенного цензурой «Кровавого бандуриста» и полагает, что «обстановка цензурного запрещения этого отрывка должна, несомненно, рисоваться иначе, чем ее воспроизвел Ю.Г. Оксман» (там же, со ссылкой на: БдЧ. 1834. Т. 2. № 2. Отд. 6. Литературная летопись. С. 6).

В жанровом отношении «Кровавый бандурист» близок к той разновидности современного Гоголю исторического романа, которая связана с именами Бальзака и Гюго, а также с вальтер-скоттовской традицией (Виноградов 1976. С. 93), причем прямая зависимость от наиболее популярного в это время Гюго очевидна — ср. в «Соборе Парижской Богоматери» сцену пытки прекрасной женщины, зрелище страданий которой «тронуло бы любое сердце, но не сердце судьи. Казалось, сам сатана допрашивает несчастную грешную душу»; при том что «мозолистые руки помощников» (а не «два жолнера (...) жилистыми руками своими») ломают ей не «снежные руки», а «прелестную ножку», «по знаку Шармолю» («Итак, вы отрицаете?» — «Все отрицаю!» — «Приступайте!» — крикнул Шармолю»; ср.: «Говори!» (...). Она молчала. «А ну, принимайтесь!» — При этом густая бровь воеводы мигнула предстоящим), вызывая «ужасный вопль, передать который не в силах ни один человеческий язык» (ср. «Раздирающий душу крик раздался из уст ее»), и признание: «Во всем сознаюсь! — воскликнула несчастная девушка. — Сознаюсь! Только пощадите!» Она не рассчитала своих сил, идя на пытку. (...) Первая же боль сломила ее» (ср.: «Скажу! — простонала жертва. (...) — Боже! — проговорила она тихо, сложив свои руки, — как мало сил у женщины! Отчего я не могу стерпеть боли!», с. 253—254; Гюго. С. 320). Не менее показательно сходство в описании подземелья под собором — ср. у Гоголя подземелье под церковью (Гюго. С. 325—326; ср. с. 251) — и переживаний узницы («она не бодрствовала, но и не спала (...) не могла более отличить явь от сна (...) не чувствовала, не понимала, не думала, порой лишь грезила (...) что-то холодное,

то там, то тут, пробегало у нее по руке или ноге; тогда она вздрагивала. Сколько времени пробыла она в этом узилище? Она не знала (...) полдень и полночь были одинаково черны в этой гробнице» (Гюго. С. 327–328; ср. с. 251–252); любопытен также прием эмфатического выделения ужаснейшего среди ужасного у Гюго («Ей почудилось, что, вдруг задвигавшись, к ней со всех сторон устремились все эти безобразные орудия пытки. Среди всевозможных инструментов, до сей поры ею виденных, они были тем же, чем являются летучие мыши, тысяченожки и пауки среди насекомых и птиц», Гюго. С. 318), кажется, именно у него замеченный Гоголем (ср: «Сова или летучая мышь была бы здесь красавицею», с. 251), хотя такое представление тюремных мучений было достаточно распространенным; ср.: «Но вот тусклый дневной свет начал пробиваться в (...) сводчатую камеру (...) я схватил кружку с водой, стоявшую подле меня, но что-то холодное и липкое скользнуло по моей руке, и я увидел спасавшуюся неуклюжими прыжками отвратительную, раздувшуюся жабу» (Гофман 1984. С. 135); «Гады, которыми кишела темная яма, куда я был брошен, заставляли меня все время держаться настороже (...) прикосновение их раздувшихся скользких тел (...) заставляло меня содрогаться от ужаса (...) но больше всего меня донимала необходимость постоянно защищать от их непрошенных вторжений хлеб и кружку с водой» (Метьюрин. С. 144); «Порой я чувствовала, как по моей груди движется раздувшаяся жаба» (Льюис М.Г. Монах. М., 1993. С. 321). С точки зрения В.В. Виноградова, поиски в области исторического романа, включая «Тараса Бульбу», полностью вписываются в пределы «неистой» линии гоголевского творчества» (Виноградов 1976. С. 94). Возразивший В.В. Виноградову М.А. Брикман обратил внимание на то, что сам Гоголь позднее отзывался о «неистой» поэтике как преувеличенной и неестественной, что Белинский противопоставил его французской школе, а ее апологет Полевой отнесся к Гоголю весьма отрицательно (см.: Брикман М.А. К вопросу об отношении Гоголя к «неистой» поэтике // Изв. Азерб. гос. ун-та им. В.И. Ленина. Т. 8–10. Обществ. науки / Под ред. А.В. Багрия. Баку, 1927. Приложение. С. 81); при этом специфический мотив содранной кожи (в «Кровавом бандуристе») «нет нужды возводить непременно не только к Жанену, но и вообще к французской школе, так как принадлежит он и украинской народной литературе». «Доказательством (...) служит отрывок из одной из первоначальных редакций “Тараса Бульбы”: “в красных чулках или руженицах, то есть снимая кожу с ног по колени или с рук по кисти”, где это подтверждается специфическим украинским “термином”» (там же, с. 81); даже и характерные для фельетонов Жанена ряды эпитетов или глаголов «могут быть сравниваемы и с приемом украинских дум» (там же, с. 84). Возможно, именно совпадения такого рода способствовали обращению Гоголя к этим выразительным литературным образцам в поисках стиля (В.В. Гиппиус характеризует его «малороссийские» исторические наброски как «пробу стиля, точнее — разных стилей», Гиппиус 1924. С. 72) не только художественного, но и единого с ним по принципам исторического повествования. Так, по наблюдениям В.Т. Адамса, в своих набросках он подчиняется романтическому требованию «нагнетания стилистических эффектов, ввода ритмических интонаций и употребления пейзажей в качестве

интродукций к повествованию», и в исторических набросках «соблюдена именно такая функция пейзажа, но уже здесь ощущается сквозь романтические штампы и даже в них своеобразие гоголевской кисти». Исследователь обращает внимание на слова Гоголя о городке, который «лепился» в провале: «это картинно, наглядно, а для начала 30-х годов XIX столетия это и ново, необычно, как и многие выражения Гоголя, умеющего описывать пространственные отношения, линии и цвета с позиции рисовальщика и живописца» (*Адамс В.Т. Природоописания у Н.В. Гоголя // Тр. по рус. и слав. филологии. Т. 5. Тарту, 1962. С. 85*). Изображение церкви в «Кровавом бандуристе», как и в «Нескольких главах...» (см. коммент. к ним), независимо от статьи «Об архитектуре нынешнего времени», а сочетание «городок — церковь (собор)» воспроизводится в статье «О Средних веках», стягивая к себе важнейшие смысловые линии средневековой истории (о соборе как символе Средневековья на материале романа Гюго см.: *Резнов 1959. С. 138—139*). Словно иллюстрируя свою статью о Малороссии (которая «была землей опустошений и набегов, местом, где сшибались три враждующие нации»), Гоголь показывает общую атмосферу страха «в той земле, где в редкий год не проходило по степям и полям разрушение, где никто не строил крепких строений и замков, зная, как непрочно их существование» (с. 250; об этом же в «Нескольких главах...» — см. с. 270), определяет национальность предводителя отряда как «какое-то смешение пограничных наций» (ср.: «Это было пестрое сборище самых отчаянных людей пограничных наций», с. 87), изображает бессильного настоятеля монастыря, «почти бесчувственного ко всему, кроме церкви, старца», глаза которого «казалось, давно уже не принадлежали миру сему, потому что не выражали никакой страсти» (с. 250; ср. о пагубном бесстрастии народа и о бессилии монастырей, обитатели которых были «схимники, удалившиеся в свои кельи и закрывшие глаза для мира», с. 81). На этом фоне фантастическое изображение пленника «в самом странном наряде, какой когда-либо налагало насилие на человека», — с пушечным лафетом на спине и с закованным в железную решетку лицом (с. 248) кажется причудливым отзвуком гоголевского представления о Средневековье, «когда (...) сила рыцарей делается почти львиною и заковывается с ног до головы в железо, тяжести которого еще не выносил человек» («О Средних веках», с. 20) — а тем более слабая женщина, которую обнаруживают под железным наличником жолнеры, или страдалец с ободранной кожей, которого тоже усматривали в закованном пленнике (см.: *Карпук 1991. Р. 40*). Гоголь сводит вплотную историю и новейшие романы, стремясь к результату, о котором, реально или только мечтательно, сообщает 11 января 1834 г. М.П. Погдину: «Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя (...) что за история, если она скучна!» — и создавая при этом иногда эстетические химеры, превосходящие по причудливости нарочитые пародии Сенковского.

Дата «1543 г.» в начале отрывка не поддается истолкованию, если не считать ее просто опечаткой, дважды прошедшей авторизованную корректуру. Впервые высказал недоумение по поводу ее И.М. Каманин, знавший этот текст только в варианте *Ар.* и уверенно заявивший, что он «ничего общего не имеет с отрывком романа “Гетман”», в котором изображался

«Выговский и отношения его и сочувствовавшей ему партии козацкой старшины к польскому королю Яну-Казимиру в 1658—59 годах» (т.е. с «Главой из исторического романа», см. коммент. к ней), и «должен быть признан остатком несохранившегося романа с совершенно отдельным сюжетом», каковым «должна быть борьба козачества с Польшей, поражение козачества и взятие в плен его вождя», причем «личность пленника не выясняется совершенно из этого отрывка. Дата события не позволяет видеть в нем Острицу, действовавшего в 1638 году» (Каманин. С. 99—100). Пояснение, что «отнюдь не определенная историческая личность занимала Гоголя в Гетьмане: намечавшиеся перипетии романа должны были сковать типический облик вождя народных движений, и именем Острицы “звискательный художник” согласно поэтике оттенял лишь «garantie de possibilit» своего героического сюжета» (Оксман 1919. С. 349), более приемлемо в отношении «Тараса Бульбы», где Гоголь обходится без дат, но он ставит дату и здесь, и в начале «Нескольких глав...», где переправляет ее дважды. Дело не только в биографии реального Острицы (см. коммент. к «Нескольким главам из неоконченной повести»); отрывок и в начальной своей, без исторических имен, части содержит исторические приметы, вынуждающие относиться к дате «1543» как анахронизму. Помимо изображения «реестровых» войск, возникновение которых по-разному датируется в источниках (см.: Казарин. С. 66—67), это еще и упоминание иезуита (с. 250) — они были допущены в Польшу только в 1564 г., а на территории Украины появление их можно связывать с еще более поздним временем, когда в 1624 г. в Остроге и в 1638 г. в Переяславе были основаны иезуитские коллегииумы (см.: Бантыш-Каменский. Ч. 1. С. 201, 223). Но более всего говорит об историческом времени сам сюжет и та атмосфера всеобщей взаимной ненависти, в которой он развивается; между тем «эпоха ужаса и губительства для обоих народов, Польского и Руского», наступает, по Коницкому, только с принятия Унии 1596 г. (История Русов. С. 32). Коронованный еще в 1530 г. Сигизмунд II (1520—1572) поначалу продолжал политику своего отца Сигизмунда I (1467—1548), не притеснявшего православную веру и вообще запретившего светским властям вмешиваться в духовные дела (см.: Бантыш-Каменский. Ч. 1. С. 122—123). Еще при Стефане Батории упоминаются «разные преимущества», им дарованные малороссийскому духовенству и козачеству, и только после его смерти начинаются попытки «обуздать самовольство Козаков» и «величайшие бедствия» для церкви: «Сколько Баторий старался содержать равенство между Духовенством Западным и Восточным, столь, напротив, Сигизмунд III, вопреки дарованных им на Коронационном Сейме Варшавском, в 1589 году, преимуществ Духовенству Греко-Российскому, угнетал оное» (там же, с. 154, 156, 160, 163). В те же годы и позднее принимались постановления и законы «об искоренении Козаков с предоставлением Коронным Гетманам права поступать с ними как с государственными злодеями» (там же, с. 172, 183). Между тем смещенная на век дата «1643 г.» не вызывает в общем возражений и противоречит только времени смерти исторического Острицы (весна 1641 г.), которое скорее всего Гоголю не было известно. Зато ему была известна версия летописей, повторенная и Бантыш-Каменским, о том, что после козацкого восстания 1638 г. руководивший им Острица заключил

мир с поляками и отправился со старшинами без охраны на богомолье в Канев, где все они были обманом захвачены врагами, доставлены в Варшаву, в подземную тюрьму, и затем подвергнуты всенародно жестокой казни, описание которой преимущественно и дало Гоголю краски для изображения гибели Остапа, Тараса и всех других козацких героев (см.: *История Русов*. С. 55–56; *Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 214–216). Исторический Каневский монастырь был связан и с другими историями, возбуждавшими воображение и способными добавить некоторые детали, — там еще при Батории был похоронен гетман Павел Подкова, предательски убитый, а по другой версии, казненный во Львове по воле короля; а вскоре после этого туда же был навечно заточен и кончил жизнь в монастыре выбранный после него гетманом Яков Шах (см.: *История Русов*. С. 29–31; *Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 142–143). На этом драматическом и таинственном фоне Гоголь прорисовывает сюжет предполагаемого спасения Острианицы; в начале другого своего исторического отрывка, где также есть имя Острианицы, он переправляет прежнюю дату действия на «1645 г.» (см. с. 447). Как предполагает И.М. Каманин, Гоголю могли стать известны противоречащие летописям документы, говорящие о том, что в восстании 1638 г. Острианица не погиб. «Восстание это было тогда подавлено и, по показанию летописей, Острианица замучен тяжелой мучительной казнью в Варшаве. Из актовых же данных мы, наоборот, знаем, что Острианица ушел со многими козаками на Дон и там поселился в Чугуеве. Гоголь также представляет Острианицу живым и возвратившимся в 1645 г. на родину (...). Имел ли Гоголь в руках акты, говорившие о существовании Острианицы в 1640-х годах, или это ясновидение художника в прошедшем, потерявшего веру в противоречивые летописи? Во всяком случае, в отрывке судьба Острианицы изображена ближе к истине, чем в летописях. (...) Небольшая лишь ошибка у поэта в определении времени» (*Каманин*. С. 97–98).

Обнаружение «Кровавого бандуриста» было, по существу, предсказано И.М. Каманиным, выразившим сожаление по поводу того, что «судьбу южно-русской женщины в XVI, XVII и даже в XVIII вв.» Гоголь представляет в своих произведениях «такой, какой она сложилась уже в его время»; между тем «в указанные века положение женщины не было ни таким зависимым в браке, ни сама женщина не была так далека от интересов общественных, как в XIX веке. (...) Можно думать, что Гоголю не были известны и народные песни о девушках-козаках. Иначе он не изобразил бы только нежную мать, преданную и любящую жену, всецело уходящую в заботы о семье и хозяйстве» (*Каманин*. С. 122–123). Изображение возлюбленной Острианицы в «Кровавом бандуристе» восполняет этот отмеченный историком пробел и говорит о неслучайном характере выбираемых Гоголем сюжетных ходов.

Находка «Кровавого бандуриста» дала материал для новых попыток реконструировать сюжет романа. До этого Н.И. Коробка предположил в пленнике схваченного поляками Острианицу и соответственно в отрывке «одну из заключительных сцен романа» (*Коробка*. С. 564). Ю.Г. Оксман только отметил, что в новооткрытых сценах действуют и упоминаются виднейшие персонажи «Нескольких глав из неоконченной повести» — Острианица, «Галюночка», «Усатый предводитель», и это «документальное под-

тверждение связи ранее известных “глав” романа с позднейшими фрагментами и полной адекватности последних началу “Гетьмана”. Его героем, итак, был Острица, тот “молодой, но сильный духом гетман Острица”, который в последней главе “Тараса Бульбы” “предводил всюю несметною казацкою силою» (Оксман 1919. С. 349). Зато В.В. Гиппиус решительно заявил, что все сомнения, преимущественно касавшиеся хронологии событий, теперь «должны отпасть — после того, как найдено продолжение “Пленника”, где Острица является в виде “кровавого бандуриста” с заживо содранной кожей, а таинственный пленник оказывается его возлюбленной Галей», и поскольку «Гоголь легко сбивался в хронологии даже на целое столетие», то «все дошедшие отрывки можно считать отрывками “Гетьмана»» (Гиппиус 1924. С. 71; ср. также: Алексеев 1936. С. 282). Именно как принадлежащие к единому замыслу «Гетьмана» все отрывки были опубликованы в Ак., т. 3, причем в комментарии к ним И.Я. Айзеншток высказал предположение, что на основании найденной части текста можно заново осмыслить отрывок «Мне нужно видеть полковника», «предположивши в “отроке, почти юноше”, стремящемся попасть к полковнику, переодетую Гаю, возлюбленную Острицы, которую он в “Нескольких главах” зовет с собою в поход и которая затем в “Кровавом бандуристе”, действительно, оказывается переодетой в мужской костюм» (Ак. Т. 3. С. 713). Это предположение было неоднократно повторено потом комментаторами. Обстоятельно излагается предположительный сюжет отрывка в работе П.А. Карпука: «кровавый бандурист» — это Острица, с которого живого была снята кожа (о «содранной с Острицы коже» ср.: Гиппиус 1924. С. 72) и которого везли под грудой железа (идентифицируется через упоминание кровавого пота под забралом и уменьшительное обращение к героине; ср. «Несколько глав...»), но Гале удалось поменяться с ним местами за время от начала фрагмента и до момента, когда ее узнали в пленнике; при этом вероятным представляется, что Гоголь отказался от продолжения потому, что заглавный персонаж настолько физически изувечен, что не имеет будущего. В целом это история о том, как Галя освобождает Острицу из заключения, но его кошмарный облик заставляет солдат спасаться в панике, давая таким образом Гале возможность бежать (см.: Карпук 1991. Р. 39–40, 43, 48). Еще больше моментов повествования охватывает интерпретация О.Б. Заславского, в основе которой — предположение о хронологически сложном построении замысла, при котором отвергается возможность ошибки во временной приуроченности «Кровавого бандуриста»: этот отрывок, «Глава из исторического романа» и «Несколько глав из неоконченной повести» рассматриваются как трехкратное «воспроизведение исходного конфликта в разных поколениях, разных родовых фазах», хронологически разделенных приблизительно полувеком. Соответственно «существенной оказывается необходимость производить нетривиальные отождествления / различения элементов структуры, выступающих внешне как различные / тождественные» — другими словами, применительно к «Кровавому бандуристу», различать в общем сюжете двух Остриц, двух усатых начальников отряда, а также двух девушек с именем Галя. Предлагается при этом признать «что “кровавый бандурист” и есть тот самый схимник» (расскавший пан-душегубец), который неизвестно куда делся во вставной новел-

ле «Главы из исторического романа»: параллелизм описаний преследующей преступника сосны, на которой был повешен дьякон, и фантома с содранной кожей («ветви = жилы, капающая кровь») с несомненностью, по мнению О.Б. Заславского, приводит к отождествлению «кровавый бандурист = схимник», воспроизводящему архаическое представление о том, что преступник представляет собой олицетворение совершенного преступления. Таким образом, «осуществивший преступление с помощью сосны “нечистый пан” сам как бы превращается в орудие преступления (а до этого, заметим, с сосной отождествляется жертва)» (Заславский. С. 95–96).

Очевидно, что таинственный образ осмысливается противоречиво, единого понимания нет. Но трудно поверить, что это романтический герой, народный вождь Острица «невыносимо жалобно» произносит «умоляющие слова», чтобы спасти себя, отдавая на мучения и гибель возлюбленную; в сюжетном отношении это тупик, такой же очевидный, как и другой, отмеченный исследователями, — то, что он «настолько физически изувечен, что не имеет будущего» (Карпук 1991. Р. 43); литературная традиция сопротивляется такому истолкованию (ср. реакцию критики на историю героя пушкинской поэмы, также спасенного женщиной «кавказского пленника», чье поведение по отношению к ней было признано не соответствующим «естественному ожиданию читателя», вызывающим «неудовольствие» и «осуждение», Вяземский. Т. 1. С. 76–77; см. также: Пушкин. Т. 13. С. 58). Очевидно, все же кто-то другой, не обладающий мощью Острицы, окликает героиню уменьшительным и ласковым именем, поддерживая ее волю и умоляя о стойкости; это мольба слабого существа к еще более слабому, объединяющая их в жертвенном стремлении спасти преследуемого героя. Так может называть ее, например, младший брат, слуга (в роде юного пажа или оруженосца), наконец, монах — но, конечно, не «мощный козак» говорит с ней здесь голосом «средним между голосом старика и ребенка» (с. 253). Такой герой есть в набросках романа — это «молодой человек», «верно попович или школяр», «почти отрок, готовящийся быть юношею, лет 16, с уже мужественными чертами лица» (с. 277), но именно не ребенок и не старик, еще и не мужчина; это и не переодетая в мужское платье Галя, как иногда думают (см. выше), потому что в таком случае Гоголь говорил бы о женственном облике молодого человека, а не об «уже мужественных чертах», которым неоткуда взяться у юной девушки. П.А. Карпук считает его связным, присланным к полковнику и в этом качестве функционально замещающим на данном этапе становления замысла «посланника» Лапчинского из «Главы из исторического романа» (Карпук 1991. Р. 41); перемещение, встречи со многими людьми дают возможность видеть происходящее с разных позиций, сопоставлять их, добываясь, таким образом, если и не объективной, то достаточно объемной картины событий, и поэтому подобный персонаж способен стать выразителем авторского взгляда в романе и организовать его композиционно. Бродяжья природа в той или иной мере присуща гоголевским персонажам автобиографического типа — студенту, учителю, дьячку, бурсаку (в «Главе из исторического романа», в отрывке «Фонарь умирал» и др.); к этому ряду присоединяется и образ бандуриста — странствующего поэта и певца, а в понимании Гоголя — прежде всего

историка народного (см. коммент. к статье «Взгляд на составление Малороссии»). «Бандура на кожаной ржавой перевязи» на плече у «фантома» — опознавательный знак, прежде всего говорящий о том, что им не может быть Острица, не замеченный в склонности к этому искусству. Им вряд ли в прямом смысле может быть и схимник или окровавленная сосна (см. выше) — Гоголь изображает только бандуриста, подвергнувшегося мучительной казни, несомненно, именно за бандуру, т.е. за свое искусство и долг — за слово и свидетельство о событии. Точно так же в «Главе из исторического романа», глумясь, пан приказывал поднять «попа на крылос» — повесить дьякона на сосне за то, что «проповедь читает»; бандурист, как и дьякон, способен только словом противостоять вооруженной силе, и страшная сосна, как преследующий символ греха, может быть памятником и ему и за него мстителем. Сам образ бандуриста известен в литературе (см. в коммент. к статье «О малороссийских песнях»); в «Тарасе Бульбе» хранителем «козацкой славы» представлен «бандурист, с седою по грудь бороною, а может, еще полный зрелого мужества, но белоголовый старец, веющий духом»; здесь же «бородатые, седые бандуристы» славят «козацкие подвиги»; менее заметен существовавший уже в 1834 г. фрагмент с упоминанием «игравшего молодого бандуриста», свидетельствующий о том, что и в таком нетрадиционном варианте этот образ занимал воображение Гоголя в период *Ар.* Как центральный или один из главных он мог быть подсказан романом Лажечникова «Последний Новик» (1831—1833), где во время Северной войны в Лифляндии герой, молодой гуслист, вдвоем со стариком скрипачом бродит между воюющими сторонами, выполняя функции шпиона, тайного агента и курьера. Опыт Лажечникова подсказывал авантюрное и драматическое развитие темы: герой оказывался незаконным сыном царевны Софьи; династические и политические интриги, перипетии частных судеб на периферии исторических событий, смешение многих интересов позволяли вести рассказ в духе В. Скотта. Однако возможные построить роман вокруг образа героя-бандуриста Гоголь предпочел «фольклорное» повествование «Тараса Бульбы» (о его переориентации на фольклорные источники см.: Каманин. С. 124—125), стилистически, а во многом и сюжетно основанное на повестях бандуристов, которые, как написал он И.И. Срезневскому 6 марта 1834 г., «ослепительно хороши». Он «отражает вполне их влияние на своих произведениях: последние, как и песни, неточны; как и песни, они проникнуты горячим чувством любви к родине», и в своей авторской позиции, как определяет ее И.М. Каманин, «он истинный бандурист, поющий с горячей любовью о подвигах козачества» (Каманин. С. 109). В.В. Гиппиус обратил внимание на то, что, приняв впоследствии цензурное вмешательство в «Выбранные места...» как расправу, Гоголь говорил об этом «в образах, сознательно или бессознательно повторяющих мотивы “Шинели” и “Кровавого бандуриста” (“с меня сдирают не только рубашку, но и самую кожу... а тебе кажется, что с меня просто снимают шинель”))» (Гиппиус 1924. С. 187); это позволяет предположить, что заглавный образ зарождался как лирический и был глубоко лично пережит автором.

Реальный комментарий к начальной части текста, совпадающей с вошедшей в *Ар.*, см. выше под заглавием «Пленник».

С. 252. *Жолнеры опустились вниз...* — См. «Лексикон малороссийский» в гоголевской «Книге всякой всячины»: «Жовнір, солдат (польск.)» (Ак. Т. 9. С. 496). Возможно, Гоголю были известны опубликованные позднее со ссылкой на польский источник свидетельства о бесчинствах польских жолнеров в 1634 г. даже на собственной территории: «...Жолнеры на походе, хуже неприятеля, опустошали дворянские, церковные и королевские земли. Они вымогали деньги, брали непомерные провианты, нагружая возы свои, и доходили до такой жестокости, что бедных крестьян, по недостатку коней, запрягали в возы, погоняя их лямми и канчуками. Можно было подумать, что идет татарская орда, а не христианское войско; да и дикие Татары имеют более любви и сострадания к ближнему, чем иногда наши. Особенно Литве дали себя знать Поляки» (Основа. 1861. № 10. С. 73 (2-я паг.)).

С. 252. *Эпанча* (епанча) — накидка без рукавов.

С. 253. *На цугундру* (цугундер) — на расправу.

С. 253. *Остржаница* — Острианица, предводитель козацкого антипольского восстания в середине XVII в.; см. коммент. к отрывку «Несколько глав из неоконченной повести».

С. 253. *...тот ужасный черный голос, который слышит человек перед смертью.* — Ю.Г. Оксман заметил, что эти строки «в несколько иной вариации обусловили позднее одну из заключительных страниц “Старосветских помещиков”» (Оксман 1919. С. 351), имея в виду упоминаемый там «таинственный зов», «голос, называющий вас по имени, который простолюдины объясняют так: что душа стосковалась за человеком и призывает его; после которого следует неминуемо смерть».

С. 254. *Бандура* — См. коммент. к «Главе из исторического романа».

ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ

(НЕСКОЛЬКО ГЛАВ ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВЕСТИ)

Источники текста: *ЧА НескГл*, *ЧН НескГл* (см. с. 492).

Впервые опубликовано: Соч. 1855. Т. 5. С. 367–411. Датируется предположительно концом 1833 г. Печатается по *ЧА НескГл* со следующими исправлениями:

С. 259, строка 13: с какой стати — вместо: с какой кстати

С. 261, строка 14: икнется на том свете — вместо: икнется на этом свете

С. 264, строки 28–29: крутыми глинистыми стенами — вместо: крытыми глинистыми стенами

С. 265, строка 1: самых нежных первенцах — вместо: самых нежных первенцов

С. 274, строка 25: еще на придачу — вместо: еще на придачи

Автограф на шести листах, вырезанных из «тетради Тарновских» (бумага реставрирована, водяные знаки почти не видны). Черные чернила; почерк местами каллиграфический, в других случаях исключительно мелкий, часть правки над строкой не прочитывается. При этом перо и чернила

таковы, что линия то бледна до полной неразличимости, и Гоголь обводит вторично некоторые буквы или делает прямо по написанному мелкие поправки, то заплывает мелкими кляксами, так что не всегда удается отличить исправления от произвольных помарок. Текст на л. 6 (Глава VI) написан более тонким пером и более темными чернилами; так выглядит и фраза о мучениях от любви, вписанная на полях л. 4 об.; остальная правка внешне не выделяется. Она довольно велика; дополнения и новые, часто незавершенные варианты возникают синхронно над строкой или на полях, иногда поперек строк листа (см. л. 3 об., 4 об., 6); имеются некомпенсированные вычеркивания в тексте (воспроизведены в квадратных скобках); при этом работа начиналась, судя по характерным опискам, с перебеливания и сведения воедино каких-то первоначальных набросков (об этом: *Денисов 2006*. С. 66). На л. 1, 1 об., 2 об., 3 и 5 штрихи пером в виде решеток, прямоугольников и профилей, на многих листах пробы пера. Листы дважды пронумерованы графитным карандашом; им же пометы неустановленного лица (точки, плюсы, минусы). Широкие (около трети листа) поля оставлены на л. 4 об. слева и отогнуты на л. 5 и 6 справа; впоследствии все шесть листов вместе были сложены пополам по горизонтали. В 1836 г. Гоголь увез рукопись с собой за границу; по сообщению впервые опубликовавшего текст Н.П. Трушковского, «этот черновой отрывок сохранился в числе бумаг, оставленных Гоголем у В.А. Жуковского» во Франкфурте, и был доставлен издателем *Соч. 1855* его супругою (*Соч. 1855*. Т. 5. С. 411). Публикация («Отрывок неизвестной повести») была подготовлена О.М. Бодянским; он же продолжил работу над текстом при втором его издании П.А. Кулишом (*Соч. 1857*. Т. 3. С. 294–317, под названием «Острица. Начало исторического романа»); участвовал в чтении также П.И. Бартнев. По-видимому, при подготовке этих изданий были сделаны два списка с автографа (*ОР РГБ*. Ф. 99. Елагина. К. 16. Ед. хр. 48; *ОР ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 71), после чего рукопись долгое время была недоступна; см.: *Чарушникова М.В.* Найдена утраченная рукопись Н.В. Гоголя // *Лит. Россия*. 1971. 5 ноября. С. 15; историю возвращения автографа, описание его и заново прочитанный текст см.: *Чарушникова 1976*. С. 185–208. Н.С. Тихонравов обнаружил в бумагах Гоголя вырезанный из той же тетради и сложенный аналогичным образом лист с четырьмя черновыми набросками, представляющими собой переработки отдельных мест рукописи (*ЧН НескГл*), он «был увезен Гоголем за границу вместе с «главами неоконченной повести»» и оказался в числе бумаг, оставленных у Жуковского вместе с главами, «конечно, потому что он относился к начатой повести» (*Тих.* Т. 5. С. 549). Эти наброски сделаны на обороте листа, на лицевой стороне которого заголовочной рукой Тарновского «Реестр белья, платья и прочих к одеянию служащих вещей»; выше и ниже диффы и столбики расчетов рукой Гоголя, пробы пера, а также надпись «Благодарность всем и всему за все», дважды каллиграфически выписанная, с росчерками; мелкий почерк, чернила такие же, как в самой рукописи (внутри последнего фрагмента перо было заменено на более тонкое). Наброски были опубликованы в примечаниях к отрывку «Несколько глав...» (см.: *Тих.* Т. 5. С. 550–551). Позднее И.Я. Айзеншток три из них поместил в разделе вариантов, а четвертый включил в основной текст (см.: *Ак.* Т. 3. С. 286, 576–577). В на-

стоящем томе все они публикуются в составе вариантов, с сохранением их целостности.

Гоголь перешел к систематической работе в «тетради Тарновских» в 1833 г., после того как некоторое время (с 1832 г.) работал в тетради с повестями «Миргорода», где преимущественно и сосредоточены материалы, так или иначе связанные с украинской темой; там находятся автограф статьи «О составлении Малороссии» и два варианта наброска «Мне нужно видеть полковника», датируемые по расположению в тетради предположительно второй половиной 1833 г. Вероятно, Гоголь начал писать «Несколько глав...» уже после наброска, который скорее всего был бы присоединен к такому большому массиву разработок для романа, если бы этот массив уже имелся. Судя по обилию незавершенных вариантов, непоследовательностей, повторов в тексте, «Несколько глав...» писались торопливо, словно с какой-то конкретной целью и к назначенному сроку. Известна одна причина, которая могла побудить Гоголя к такой работе в конце 1833 г.: в это время Гоголь отдает в БДЧ отрывок «Кровавый бандурист», трактующий ту же историческую тему, с теми же героями. Возможно, «Кровавый бандурист» и «Несколько глав...» были результатами общей работы на разных ее этапах или в каком-то ином соотношении (ср.: *Денисов 2006. С. 68*). Крупно каллиграфически выписанное над текстом на л. 1 рукописи слово «Глава. —» позволяет предположить, что здесь Гоголь выставил его как название всего произведения, по аналогии с «Главой из исторического романа»; это означало бы, что текст изначально строился как фрагмент для публикации. Под заглавием Гоголь начинает, также каллиграфически, первую фразу («Был Апрель 1626 года»), после чего, после паузы, продолжает текст обычным своим рабочим почерком. Работа шла несколькими приступами; перед вторым разделом в автографе поставлено «II», третий не имеет номера и отделен лишь пробелом. Заголовки «Глава IV» и «Г(лава) V» поставлены, вероятно, одновременно на л. 4 об. и 5 об.; оставленные большие поля показывают, что автор заранее готовился к значительной переработке написанного. Оба эти раздела посвящены теме отказа героя от первоначальных намерений, очевидно связанных с ролью вождя освободительного движения, во имя любви, и, по всей вероятности, в отличие от предшествующего движения сюжета, тема эта была не вполне ясна автору. Уже другим, более мелким почерком, записав им же вставку о том, «как странно создана женщина», к четвертой главе, Гоголь делает еще одну попытку в следующей, шестой главе, начатой без всякого заголовка с верха л. 6, подойти к теме отступничества во имя любви, но уже более издалека, начиная с отказа отца девушки выдать ее за возлюбленного. Все три последних раздела автономны, начаты во всех трех случаях с нового листа, и во всех трех случаях остается незаполненной значительная часть листа после написанного. Эта третья попытка оказывается тупиковой и приводит к окончательному отказу от разрабатываемой сюжетной линии, свернувшей на шаблон повести о разлученных влюбленных, использованный автором в «Страшном кабаке» и «Вечерах на хуторе...» («Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь...», «Ночь перед Рождеством»). Новое решение темы измены во имя любви будет найдено позднее, в повести «Тарас Бульба». В Ар. же тема отступничества, отказа от своего призвания

и долга (поприща), в ином виде переходит в «Портрет», над которым предположительно тогда же начинает работать Гоголь.

Н.С. Тихонравов, не имевший в своем распоряжении рукописи, в соответствии со словами П.А. Кулиша о том, что шесть ее листов вырезаны из записной книги с материалами *Ар.* (П.А. Кулиш указывал на «сходство почерка и бумаги», на «следы вырезанных листов» в этой книге и находил «соответственность краев рукописи с остатками полулистов в корню книги», *Кулиш 1856. С. 170*), определил их место сразу же после окончания второго массива рукописи «Портрета» (см.: *Тих. Т. 5. С. 549*). Случайное соседство их впоследствии с серединой еще не существовавшего тогда «Портрета», конечно, не могло быть заранее предусмотрено автором; зато с началом его, с первым, гораздо раньше написанным листом этой повести (см. коммент. к ней), начало «Нескольких глав...» действительно связано сходством двух описаний затаенного движения в чертах лица, передающего сложное внутреннее переживание персонажа. В «Портрете» это появляющийся на первой же странице черновика внутренний «судорожный смех» на неподвижном лице героя (даже его первоначальное имя Корчин возводится к этой произвольной мимике, см.: *Денисов 2006. С. 144–145*; об истолковании ее см.: *Манн 1988. С. 123–125*; о ее «общеромантическом происхождении» см.: *Вайскопф 1993. С. 264*). В «Нескольких главах...» лицо героя «было спокойно и вместе так живо (...) как будто бы оно непременно должно было все заговорить конвульсиями»; ср. в «Житейских воззрениях кота Мурра»: лицо «странно завибрировало сотней складок и складочек», на нем «обозначилась та престранная игра мышц, возвещающая, что душою капельмейстера сызнова овладел дух иронии» (*Гофман 1972. С. 264, 321*); это косвенно указывает опять же на конец 1833 г., когда Гоголь, вероятно вслед за Пушкиным, обращается к Гофману. В «Портрете» Гоголь делает задачу изображения неуловимо живого исходной для осмысления эстетической и философской проблематики живописи и искусства вообще: «глаза нарисованного старика глядели так живо и вместе мертвенно (...) были неподвижны, но верно не были бы так ужасны, если бы двигались». Но уже в начале «Нескольких глав...» слушающие пасхальную службу козаки увидены как «картина Великого Художн(ика), вся полная движения жизни, действия и между тем неподвижная» — ср. размышления профессионально вставшего в тупик перед этой проблемой героя «Портрета»: «Нет, я не буду никогда Великим Художником!» (в черновике: «хорошим Художником», что, возможно, свидетельствует о некоторой промежуточной роли «Нескольких глав...» в выработке формулировок «Портрета»). Сравнение с «Невским проспектом» также показывает, что и несбыточная мечта Пискарева («Она была уже его женою. Она сидела возле него (...) все в комнате его дышало раем; было так светло, так убрано») и чисто петербургский конфликт мечты и действительности были прежде сформулированы на ином, малороссийском материале: «Уже он (...) воображал себя с нею в одной светлице, они хозяйничали в этом семейном рае. Но настоящее опять вторглось в это обворожительное будущее» и т.д. (с. 273). В «Нескольких главах...» Гоголь следует в литературной разработке темы женщины в направлении, подсказанном эротической лирикой Батюшкова: женское тело под легкой, прозрачной, колеблемой дыханием, соскальзывающей тканью,

обнажающей руку, ногу, трепещущую грудь; разбросаны благоухающие цветы и небрежно смятые одежды; он рисует в своем описании ткань едва ли не с большим вниманием, чем тело, — собственно, рисует борьбу тела с его покровом: «Шелковая плахта и кашемировая запаска туго обхватывали стан ее, так что все формы ее были как будто отлиты (...) под сорочкою упруго трепетали молодые перси». Он ставит звездочку на полях немного ниже, после изображения лица девушки, и в отдельном фрагменте на чистом обороте предшествующего рукописи листа начинает перерабатывать ее портрет, но в этой переработке так и не доходит до лица, зато утяжеляет каждую из прежнего набора деталей: яркое становится самым ярким, пестрое — фантастически пестрым, изящные батюшковские цветы — кучей «цветочей» (словоупотребление отмечено у Даля. «Иванов цвет всем цветам цветоч, папоротниковый», *Даль*. Т. 4. С. 572); одежда льнет сладострастно к выпуклой ноге (ср. вариацию этого изображения в отрывке «Дождь был продолжительный»), «белая как снег сорочка» становится символом девственности («как будто ничто кроме тонкого чистого полотна не должно прикрывать девических персей»), но от этого только шаг к пересмыслению белого как знака тайны женственности вообще, с которой связано «самое высшее и самое сладострастнейшее сладострастие» («Фонарь умирал»). Отразившийся затем в «Невском проспекте» и «Записках сумасшедшего», этот творческий опыт полнее всего запечатлелся, наряду с упомянутыми петербургскими отрывками, именно в «Нескольких главах...» и особенно в двух из четырех перерабатывающих фрагментов к ним (*ЧН НескГл*). Здесь Гоголь ищет слова и для волновавшего его представления, окрасившего особым светом эстетические размышления в создававшейся тогда же статье «Об архитектуре нынешнего времени», где В.В. Гиппиус угадал в изображении купола «образ, на который наметнула Гоголь и который знаком всем, кто знает Гоголя» («Белая облачная поверхность куполов заставляет вспомнить “два прозрачные облака персей” (“Женщина”) и “облачные перси” (“Вий”)), и прямо сопоставил его с фрагментом к «Нескольким главам...» (*Гиппиус 1924*. С. 46, 226); но еще задолго до того не знавший этих гоголевских набросков Сенковский в рецензии на *Ар.* заподозрил в его панегирике куполу «вещи, о которых история искусства не имеет и понятия» (*БдЧ*. 1835. Т. 9. Кн. 3. Март. Отд. 6. С. 12). Эти разработки непосредственно подготовили также описание женской красоты в начале первой редакции «Тараса Бульбы», ближайшим же образом отразились в запрещенной цензурой концовке «Кровавого бандуриста», где эротическая подоснова изображения женского тела под военными доспехами восходит, видимо, все к тому же Батюшкову — ср. описание прихода возлюбленной на свидание в мужской одежде в «Моих пенатах» (1811—1812): «Вошла — наряд военный / Упал к ее ногам, / И кудри распущенны / Взвезают по плечам, / И грудь ее открылась / С лилейной белизной» (*Батюшков 1978*. С. 262). От Батюшкова же и элемент любовного садизма в «Нескольких главах...», где в сцене свидания девушка изображена «почти упав на коленях и в слезах»; ср. у Батюшкова («Тибуллова элегия XI. Из I книги», 1809—1810): «Счастлив, трикрат счастлив, когда твои угрозы / Исторгли из очей любви бесценны слезы!» (*там же*, с. 226).

След параллельной работы над статьей об архитектуре сохранился в

«Нескольких главах...» и в изображении «деревянной церкви села Комишны» (это выявляется особенно при сравнении с «Пленником», где присутствует и тема купола, и представление об архитектуре как «летописи мира», с. 178—179), и в описании «светлицы, замечательной тем, что постройка ее принадлежала еще деду» Острианицы; здесь сказались размышления Гоголя над проблемой источников в русле его работы над малороссийской историей и непосредственно над статьей «О составлении Малороссии». Отголоском тех же размышлений стал и фольклорно-песенный характер диалога Острианицы и Гали, отмеченный позднейшей критикой как нарушение стиля (см.: *Гиппиус 1924. С. 72*); это фольклорное вкрапление предвосхищало последующую «фольклоризацию» исторического и историко-художественного повествования в целом, сделавшую возможным создание «Тараса Бульбы». Теоретическую подоснову имеет и, казалось бы, вполне импрессионистическое изображение природы в «Нескольких главах...», богатое и яркое уже в первоначальном тексте, но и в таком виде не удовлетворившее автора и дополнительно отработанное им в отдельном фрагменте. В это время уже начинается работа над историческими статьями *Ар.*, где ключевой становится «мысль о зависимости истории народов от особенностей окружающей природы»; они «пронизаны у Гоголя набросками исторического пейзажа»: «Повсюду история объясняется географией, географией объясняется и отсутствие, анонимность истории северных племен» (*Машковцев 1959. С. 100—101*). В статье «Взгляд на составление Малороссии» Гоголь продолжает намеченную в «Главе из исторического романа» тему малороссийской природы в противопоставлении северной; он здесь «набрасывает (...) картину украинских степей, предвосхищающую степные пейзажи “Тараса Бульбы”» (ср. в более широком осмыслении картину степи как места обитания кочевых народов Азии в статьях «О Средних веках» и «О переселении народов в конце V века»), где пейзажная живопись «является поэтической реконструкцией, основанной на изучении Гоголем как книжных источников исторического прошлого Украины, так и народных песен» (*там же, с. 107—109*). Текст статьи об истории тех мест, «где разнovidная природа (...) раскинула степи прекрасные, вольные» и «неожиданно среди них опрокинула косогор, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рытвину всю в цветах и по всем вьющимся лентам рек разбросала очаровательные виды», свидетельствует, что этот живописный ландшафт рассматривался автором как дополняющий картину степи, а возможно, и альтернативный в качестве определяющего характер народа. До 1835 г. Гоголь не бывал в степных областях Украины и не мог основываться в их описании на личных впечатлениях (см.: *Ак. Т. 2. С. 729*); и возможно, именно тема степи, вытеснив «очаровательные виды», дала импульс к изменению сюжета, отодвинув на второй план более соответствующую им и на фоне их развивающуюся в «Нескольких главах...» любовную интригу (ср.: *Денисов 2006. С. 69*).

Записанные на отдельном листе фрагменты Гоголь скорее всего не предполагал включить как вставки в текст рукописи; он отработывал в них направления, уже не вмещающиеся в пределы замысла. Так, фрагмент «Правительство или, лучше сказать, Деспотические магнаты...» можно считать, по существу, уже черновым наброском к будущей повести «Тарас

Бульба» (ср. рассуждение о короле и магнатах в первой редакции ее). Здесь не только формулируется ее исходная коллизия — унижение веры народа, который «будучи доведен до крайности мог показать весь вихорь самых сильных и порывных страстей», но предопределено и изменение жанра в результате проработки исторического фона произведения, в первоначальном виде, кажется, не вмещавшего в себя сколько-нибудь развернутых исторических экскурсов; между тем они органически слиты с текстом «Тараса Бульбы». Но и в самом тексте «Нескольких глав...» зарождались важные моменты, которым предстояло определить облик новой повести. Один из них — упоминание о произведениях живописи, украшавших светлицу: «портрет деда Острицы (<...> в кольчуге, с парюю заткнутых за пояс (пистолетов) (<...> суровое, мужественное лицо, которому жалость и все мягкое, казалось, было совершенно неизвестно», картина, «изображающая беззаботного запорожца с бочонком водки с надписью “Козак, душа правдивая, сорочки не мае”», «несколько икон (<...> [несколь(ко)] нарисованных сцен из Священного Писания. Там был Авраам, прицеливающийся из пистолета в Исаака, св(ятой) Дамиан, сидящий на колу» (ср. аналогичный жанровый ряд «портрет — лубочная картинка — икона — историческая живопись» в «Портрете»). Взятые воедино, как своего рода изобразительно-идеологическая врезка в текст, они не только внешне очерчивают жанровый диапазон будущей повести, ее жестокую, трагическую героиню и бытового комизм, но и демонстрируют иерархический принцип, определяющий ее будущее единство. Авраам, подобно Тарасу Бульбе, прицеливающийся в сына из пистолета как у деда Острицы, и св. Дамиан-бессребреник, который умер иной смертью, но которого Гоголь заставляет принять казнь многих козачьих героев той эпохи, уже намечают строй небесного воинства за персонажами (ср. разговор Христа с душой Кукубенка), словно за воинами-креstonосцами Средневековья, — по аналогии с «Освобожденным Иерусалимом» Тассо (см. коммент. к статье «О Средних веках») и эталонной для всех попыток эпоса нового времени «Илиадой» Гомера, с которой не случайно начали сравнивать «Тараса Бульбу» первые же критики повести. Бессребреничество святых Космы и Дамиана также сродно козацким обычаям — ср. выше: «сорочки не мае». Другой важный момент — козачья пляска (ср. описание и осмысление ее и в «Тарасе Бульбе»), прерывающая тягостное для героя «Нескольких глав...» объяснение с запорожским атаманом; ср. в письме Гоголя М.А. Максимовичу от 22 марта 1835 г.: «Ей богу, мы все страшно отделились от наших первоначальных элементов. Мы никак не привыкнем (особенно ты) глядеть на жизнь, как на трын-траву, как всегда глядел козак. Пробовал ли ты когда-нибудь, вставши поутру с постели, дернуть в одной рубашке по всей комнате тропака?» В том же эпизоде уже присутствует и памятная всем читавшим «Тараса Бульбу» деталь — козачья «люлька» (««Нет ли у тебя в запасе губки, охота берет люльку затянуть”. (<...>) “Как не быть. Что за козак, когда мизерия не имеется”», — ср. слова героини: «Если б я была козаком, и я бы закурила люльку, села на коня и все мне (<...> трын-траву»), стоившая в конечном счете жизни герою будущей повести и осознанная впоследствии поэтом XX века как емкий символ на все «времена, неспособные в общей своей слепоте / отличать выпадавших из люлек от выпавших люлек» (Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 1992. Т. 2. С 162).

Но непосредственная завязка действия — вырванный в стычке Острилицы с начальником польских улан ус поляка — не имеет аналогии в «Тарасе Бульбе». Между тем и текст «Пленника» подсказывает, что теме этой предстояло стать сюжетообразующей в повествовании. Этот нереализованный аспект замысла и стал, очевидно, причиной того, что Гоголь сохранил первоначальные отрывки и наброски и увез за границу, предполагая использовать их впоследствии при работе над «драмой за выбритый ус» (см. коммент. к «Наброскам драмы из истории Запорожья» в т. 5 наст. изд.). Отмечалось, что сюжет с вырванным усом мог быть подсказан Гоголю «Полтавой» Пушкина (*Майков 1893. С. 226*); позднее В.С. Катранов, напомнив «известный рассказ о том, как Петр Великий схватил однажды за ус Мазепу» (у Вольтера), предположил, что занимавший Гоголя сюжет «взял был именно из эпохи Петра Великого» и Мазепы» (*Катранов В.С. Гоголь и его украинские повести // Филол. зап. 1909. Т. 6. С. 52–53*). Хотя это последнее предположение было оценено Ю.Г. Оксманом как «совершенно несостоятельное» (*Оксман Ю.Г. Сожженная трагедия Гоголя из прошлого Запорожья // Атеней 1926. С. 53*), вопрос о возможности «пушкинского» происхождения сюжета продолжает привлекать внимание исследователей (см.: *Карпук 1991. Р. 48; Гоголь 1994. Т. 7. С. 614*). Гоголь не мог не знать ответа Пушкина критикам «Полтавы», опубликованного в альманахе М.А. Максимовича «Денница» (М., 1831), где говорится: «...Мазепа мог помнить долго обиду московского царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы всё равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпенные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус своего неприятеля (см. Летопись Кониского)» (*Пушкин. Т. 11. С. 164–165*). Пушкин ссылается здесь на рассказ автора «Истории Русов» о том, что Хмельницкий, взятый под стражу чигиринским подстаростой Чаплинским (Чаплицким) за дерзкие слова, освободился с помощью дочери своего неприятеля и жаловался на него в Варшаве королю, получив «в удовлетворение то, что Чаплинскому, в наказание за своевольный и оскорбительный поступок его над гвардейским офицером, обрезан был, чрез стражника, Скобичевского, один ус» (*История Русов. С. 50*). Отмечено, что «упоминание о притеснениях, сделанных Хмельницкому Чаплинским, встречается в одной из выписок Гоголя из книги Шерера “Annales de la Petite Russie” (Р., 1788), среди которых находится и несколько набросков “драмы за выбритый ус”» (*Гоголь 1994. Т. 7. С. 614–615*).

Таким образом, работа над «Несколькими главами...» оказалась чрезвычайно плодотворной преимущественно как лабораторная и подготовительная; при этом возникает впечатление, что выходящий из-под пера текст в его единстве и стилистической отделке интересует автора меньше, чем заготовки на будущее. И.Я. Айзеншток, не знавший гоголевского автографа, тем не менее совершенно справедливо предположил в нем «много описок, неувязок, недосказанностей», отметив, в частности, что слова Острилицы «Что делает отец твой? Отец твой?» — это «очевидная фиксация обычной у Гоголя описки, повторения отдельных слов и словосочетаний» (ср.: «ты, ты по-прежнему торгуешь», «виноват, виноват король»); аналогичные

неувязки он обнаруживает и на уровне сюжета: «В главе VI, напр(имер), прозвище старого Пудька оказывается Кузубия, хотя, при первом своем свидании с Острианицею в главе I, сам же он спрашивает: “И Кузубия потонул?”» (Ак. Т. 3. С. 711; первые указания на содержательную непоследовательность отрывка были сделаны уже П.А. Кулишом — см.: *Кулиш 1856*. С. 170). Пример со «старым Пудько», правда, является чистым недоразумением, возникшим из-за того, что в этом месте не была учтена неразборчивая авторская правка (в вариантах: «говорил старый Куз(убия)» вместо «говорил старый Пуд(ько)»), и нет оснований отождествлять эти персонажи; но вот отцу девушки действительно передано имя погибшего казака из написанного ранее раздела текста; можно, кроме того, заметить, что образ старого запорожца в первой главе, где он встречается героя после долгой разлуки и не успевает ничего узнать о его нынешнем положении и намерениях, не вполне идентифицируется с его изображением в главе III, где, напротив, уже он помогает Острианице разобраться в неожиданных для него обстоятельствах, а приезжего запорожского атамана знает по имени: «“Ну, Пудько, где ж Тарас, что он делает, что я его не вижу”. — “А что ж ему делать? Известно, что делает, спит где-нибудь”». Тем же именем Тарас называют и самого Острилицу, что дало повод исследователям усомниться в его тождестве с историческим прототипом, носившим имя, по одним источникам, Степан (Стефан), а по другим — Яков; однако скорее всего это некстати возникающее имя означает только, что автор уже наметил его для героя будущей повести «Тарас Бульба» и этот определяющийся в его сознании образ отвлекает его внимание. Сама же девушка Галя (Ганна) во второй главе ненадолго вдруг становится Присей (Евфросинией); и вряд ли автор забыл ее имя — более вероятно, что он вспомнил образ героини Сомова, «прекрасной, милой и доброй Евфросинии, которую, по малороссийскому сокращению, все называли Присею» (отец ее «был богат, а Прися его единственная наследница»; ее возлюбленный послал к нему сватов, «но получил оскорбительный отказ (...). Отец Приси отвечал, что не отдаст дочери своей за бедняка, который сверх того не может насчитать и трех поколений в дворянской своей родословной. Ни слезы, ни уверения Приси (...) не сильны были разжалобить упрямого старика» — «Гайдамак. Главы из малороссийской повести», *Сомов 1984*. С. 38, 41); имя Прися в таком случае — сокращенная запись сюжетного хода, использованного здесь и затем в шестой главе отрывка. И стилистически, и сюжетно текст содержит не просто неточности и недосмотры, но возможности и пробы (даже и повторы значимы — так вырабатывается ритмический рисунок прозы), он словно пишется сразу в нескольких возможных вариантах. Например, во второй главе Острианица говорит Гале: «И у меня тоже есть старая мать (...). Придет время, женюсь — тогда и мать будет со мною.....» — а в четвертой размышляет о своем сиротстве: «Отца я не видал, его убили на войне, когда меня на свете еще не было. Мать утонула». «Я видел только посинелый и разрезанный труп», — набрасывает дальше внутренний монолог героя Гоголь и тут же, не зачеркивая последних двух фраз, продолжая строку, дает другой, отменяющий их вариант: «Она, говорят, утонула. Ее выгнали мертвую и из утробы ее вырезали меня, бесчувственного, неживого». Между тем ощущение некоторой несообразности возникает у читателя не толь-

ко от слов о том, что младенец, которого «вырезали» из тела мертвой матери, «видел» это тело при появлении на свет, но и при изображении матери Гали, которую Гоголь рисует в VI главе так, что она годится юной дочери в прабабушки. Отмечалось, что этот портрет почти буквально перенесен в текст отрывка из «Главы из исторического романа»; но там возрастные соотношения реальны — речь идет о старухе теще пожилого человека. «Могильное равнодушие» на ее лице вызывает только «чувство тоски и ужаса», показывая «человеку всю ничтожность долголетия, к коему так жадно стремятся его желанья», и точно так же «бесчувстве(н)ное терпение» во всем облике матери Гали вызывает «неизъяснимо тоскливое чувство» у автора, но на это пугающее и отчужденно-жесткое изображение старости (тема, крайне остро поданная в «Портрете» и до последних дней жизни волновавшая Гоголя) накладывается в «Нескольких главах...» тема отношений матери и дочери. В выжившей из ума бесчувственной старухе он смог увидеть здесь мать, «для которой нет ничего и не будет уже ничего в мире, когда не будет [с нею дочери]» (с. 272), объект заботы и самоотверженной любви; это позволило ему впоследствии в «Тарасе Бульбе» показать «бедную мать» как «существо высокое и страждущее», «воплощение святого чувства любви», по словам Белинского, отметившего уже не чувство ужаса, но «тоски, и грусти, и любви в его описании» (Т. 1835. Т. 26. № 8; Белинский. Т. 1. С. 306); однако в пределах отрывка сосуществование старой и новой тем дает ощущение смысловой неурегулированности повествования. Очевидно, некоторым образом размышления о будущей повести оказали влияние и на появление в тексте «Нескольких глав...» «стодвадцатилетнего старца» (возраст Моисея, *Втор* 34, 7): ведь если Тарас Бульба был уже полковником в 1576 г., «когда Баторий строил полки», и пережил восстание 1638 г. под руководством гетмана Острицы, то в последний, роковой свой бой он должен был вступить по меньшей мере двестишестидесятилетним, а более вероятно (если исходить из правдоподобия исторического, а не его частной биографии) — именно «стодвадцатилетним» стариком. После породившего исключительно стойкую традицию утверждения В.В. Гиппиуса, что «Гоголь легко сбивался в хронологии даже на целое столетие (то же в «Тарасе Бульбе»; где то 15-й, то 16-й, то 17-й век), тем легче мог он ошибиться на 10–12 лет и отнести к 40-м годам 17-го века то, что должно бы происходить в 50-х» (Гиппиус 1924. С. 71), положение о том, что действие «Тараса Бульбы» «колеблется в пределах трех столетий» (Оксман 1919. С. 349) и что Гоголь в своих художественных обобщениях вообще не придавал значения реальной хронологии событий, стало исходным постулатом, кажется, любого исследования его исторического замысла. Это, однако, представляется преувеличением. Так, в «Нескольких главах...» уже намечены границы жизненного пути героя «Тараса Бульбы» — упоминанием «деда Острицы», как и тот, «воевавш(его) под знаменем Батория»; светлица, постройка которой, как пишет Гоголь сначала, «принадлежала отцу(у)» — и исправляет: «принадлежала еще деду», простояла «около 50 лет» — т.е. примерно с того же 1576 г. до 1626 г., которым было помечено начало действия в отрывке. Но Гоголь действительно способен оговориться «на целое столетие»; так, поставив эту дату, он несколькими строками ниже предлагает «вообразить себе эту картину 18 столетия» и исправляет: «17 столетия» — это

может быть связано с включением здесь «архитектурной» темы (ср. в черновике статьи «Об архитектуре...» о церквах, строенных «в шестнадцатом и 17 столетии и 18 ст(олетии)» и т.д.). «На столетие» он оговаривается и в начале «Пленника» (а может оговориться и на тысячелетие, см. с. 832) — датировка его действия 1543 г. признана анахронизмом (см. коммент. к этому отрывку); но этой ошибки не было бы вообще, если бы не было самих дат, выставленных в начале обоих отрывков. Применительно же к «Нескольким главам...» дата «1645» может расцениваться как одна из содержательных «неувязок» текста — «незавершенная правка» прямо по написанному, означающая хронологическую переориентацию сюжета и требующая осмысления уже вне рамок отрывка, с точки зрения целого замысла.

Исторический замысел Гоголя корнями своими уходил в семейную генеалогию (поскольку украинское дворянство было включено в состав российского только при Екатерине II, в 1783 г., поясняет Н.К. Пиксанов, «украинским родам приходилось добиваться уравнения с русским дворянством, доказывая свое происхождение от казацкой старшины, а казацкую старшину определяя как казацкую аристократию»; отсюда всеобщий на Украине «интерес к истории казачества», Пиксанов 1933. С. 103–104). Биография считавшегося основателем рода полковника Евстафия (Остапа) Гоголя давала историческому романисту богатый и непростой материал, ставший, судя по всему, предметом осмысления в первом гоголевском опыте художественно-исторического повествования — «Главе из исторического романа». Полковник Гоголь участвовал во многих сражениях и скончался от раны, полученной в бою под Веной в 1683 г. (см.: *История Русов*. С. 180; по другим данным, он умер в 1679 г., см.: *Максимович*. Т. 1. С. 240–241, 519), будучи уже (с 1676 г.) наказным гетманом Правобережной (оставшейся после 1654 г. под польской властью) Украины. Но когда при повторной публикации «Главы...» в *Ар.* автор в примечании объявил ее частью «романа под заглавием: Гетьман» (см. коммент. к ней), он, очевидно, уже имел в виду вовсе не этот последний этап биографии своего героического предка.

Слово «гетман» (*укр.* гетьман, от *нем.* Hauptmann) означало главнокомандующего войсками и военного министра в Польше и Великом княжестве Литовском (с начала XVI в.), на Украине тогда же — выборного начальника козацкого войска; но только в украинском языке в XVII–XVIII вв. оно получает значение верховного правителя страны (в ранних актах «слово *Гетман* (...) означает только полководца, а не Предводителя народа», *Бантыш-Каменский*. Ч. 1. Примеч. С. 9–10); соответственно гетманщиной называется не только «время, пора управления Малороссии гетманами» (*Даль*. Т. 1. С. 349; ср. у Гоголя в «Страшной мести», наст. изд., т. 1, с. 214), но и сама «Малороссия, управлявшаяся тогда гетманами» (*Сомов* 1984. С. 35); Гоголь пользуется этим историческим названием в письме М.А. Максимовичу от 14 августа 1834 г., говоря о своем намерении «ехать осенью непременно в Гетьманщину». Согласно «Истории Русов», вследствие соединения в 1386 г. Литвы, Польши и Малороссии в Королевство Польское были «учреждены в трех оных нациях три равные Гетмана, с правом наместников Королевских и верховных военачальников и с названием: одного коронным Польским, другого Литовским, а третьего Руским, однако после принятия Брестской унии, и особенно с 1622 г., после смерти гетмана Сагайдачного, польские власти, проводя «политику на расстрой-

ство войск Малороссийских (...) подчинили войска реестровые Коронному и Литовскому Гетманам, выбор же в Малороссийские Гетманы весьма за-прещен» (*История Русов*. С. 7, 48). Тем не менее их череда не прерывалась, и хотя официально этот титул был дан польским правительством только в 1648 г. Богдану Хмельницкому, вся история Украины, как она изображена в известных Гоголю источниках, — это почти исключительно история гетманов (см.: «Список именной всем бывшим в Малой России гетманам», *Ригельман*. Ч. 3. С. I—XIV). Гетманская власть была едва ли не единственным выражением политического бытия этого воинственного, как в первую очередь определял его Гоголь, народа; фигура гетмана становится символом чаемой украинской независимости и неосуществленной государственности, воплощением национальной мечты и надежды. «Времена гетманские» (письмо Гоголя матери от 30 апреля 1829 г.) изображались в исторической беллетристике как «истинно героические, когда развившаяся жизнь народа была в полном соку своем, когда закаленные в боях и выросшие на ратном поле казаки бодро и весело бились с многочисленными врагами и всех их победили; когда Малороссия почувствовала сладость свободы и самобытности народной и сбросила с себя иго вероломного утеснителя, обещавшего ей равенство прав, но тяжким опытом доказавшего, что горе покоренным!» (*Сомов* 1984. С. 29). История гетманов после Унии 1596 г., от Наливайко до Хмельницкого, как она описана в «Истории Русов» и других «козацких» летописях, а вслед за ними и в труде Бантыш-Каменского, представляет собой фактически мартиролог на фоне обоюдных чрезвычайных жестокостей. В их биографиях так много общего, что они почти сливаются в общую судьбу. В гоголевском Остриице отмечали черты Хмельницкого (см.: *Каманин*. С. 116—117; *Каприк* 1991. Р. 45—50; *Денисов* 2006. С. 56), но это черты и самого Остриицы, и собирательные вообще: обиды от поляков, раннее сиротство, воспитание у чужих людей, служба королю в реестровых войсках, походы в Крым, против татар и турок, уход на Запорожье от преследования, участие в козацких антипольских и антигерейских выступлениях. Эпоха получает редкое по единству и цельности описание в песнях, в «Истории Русов» и у Бантыш-Каменского: гетман герой и центр ее, антипольская направленность — ее естественный стержень; менее явно выражена, но несомненна линия на единство с единой Россией. Эпоха заканчивается «принятием Хмельницкого с народом и воинством в число подданных Царя Всероссийского. Здесь История о Малороссийском народе соединяется паки с Российской» (*Миллер* (2). С. 68).

Институт гетманства, существовавший формально до конца XVIII в., утрачивает свое значение после 1654 г., когда в качестве сильнейшего игрока на этом политическом поле начинает выступать Россия. И дело даже не в том, что гетманы с 1592 г. избирались «вольными голосами», впоследствии же «свободное избрание соблюдалось для одной только формы и Полномочные Двора Российского управляли умом, волею народа» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 3. Примеч. С. 220), что сторонники Москвы попадали в зависимость от далекой власти, вольной казнить и миловать (казнь в Путивле сыновей гетмана Самуиловича, многолетнего союзника Ромодановского; ссылка его с младшим сыном в Сибирь, см.: *История Русов*. С. 182), а противники иногда кончали свой век крупными чиновниками

в российской провинции (Дорошенко, капитулировав в 1676 г. перед русскими войсками, был назначен воеводой в Вятку, умер в 1698 г. под Москвой), и те и другие — постепенно ассимилируясь с русской аристократией; а в том, что, прежде объединявший народ в одно «политическое тело», как говорили в гоголевские времена, институт гетманства стал фактором разъединяющим, мельчая и вырождаясь в пустую форму. Распад не ограничился делением на Левобережную и Правобережную Украину с собственными гетманами — внутри каждой из них шла борьба различных сил, выдвигавших своих лидеров, выборы объявлялись неправильными, назначенному гетману ложному противостоял выбранный, тому — самопровозглашенный и т.д. «Народ, изумленный непостоянством своего правления и всегдашними в нем переменами, привык уже всему верить и не принимал ничего в свою оборону» (*История Русов*. С. 163); смещенные и изгнанные заключали союзы с вчерашними противниками, неизбежные при все большем дроблении сил, и уже не столько с поляками, с некоторых пор безнадежно проигрывавшими России, но с татарами и турками (такие союзы заключались и ранее, несмотря на противостояние вер; политические интересы пересиливали, вопреки гоголевской идеализации козачества, сближающей его с европейскими рыцарскими и религиозными орденами). К России обращались за защитой и поддержкой, но действия ее были круты, иногда опрометчивы, вызывали недоразумения и обиды, провоцируя сопротивление («воеводы от Царя (...) в три месяца наполнили Малоросию (...). Народ (...) восстал, изумился и считал себя погибшим», *История Русов*. С. 162; ср. о том, как Ромодановский в Конотопе «при встрече его от города с процессиями, помолвившись и перекрестившись пред ними по-Христиански, разграбил потом город и обывателей его по-Татарски» в отместку за поражение неподалеку русских войск и впоследствии «не переставал попускать войску своему озлоблять Малоросиян»; ср. разграбление Нежина, *там же*, с. 149—150, 168); власть упрямо не верила в предательство изменников, была подозрительна к своим сторонникам, обращалась с ними как с холопами; страдало же и от своих врагов и от защитников в первую очередь население. Из самых впечатляющих описаний — действия «храброго Дорошенка» в союзе с турецким султаном и крымским ханом в Малороссии в 1672—1674 гг., бесчинства турок при Дорошенко в Чигирине и затем во взятой Умани (см. *там же*, с. 175—176; *Ригельман*. Ч. 2. С. 146). Именно после этого со многими козаками от Дорошенко отошел Евстафий Гоголь, ставший затем в 1676 г. гетманом на Правобережье (см.: *История Русов*. С. 180; *Бантыш-Каменский*. Ч. 2. С. 162; *Ригельман*. Ч. 2. С. 153). На Левобережье тоже знакомые Гоголю имена — там обозный Лизогуб летом 1687 г. проигрывает выборы Мазепе (см.: *История Русов*. С. 183), имя которого в качестве символа переметничества и измены завершает целый ряд предшественников. После измены Выговского кандидатура гетмана стала согласовываться с русским правительством, после измены Мазепы — фактически назначалась им. В 1764 г. гетманство было упразднено по указу Екатерины II. «Войска и народ Малороссийский, от времен Выговского и Мазепы, видевши столько обманщиков, сколько видела Великороссия Самозванцев, (...) были привержены непоколебимо к законному своему начальству» (*там же*, с. 218).

Вряд ли эта фраза «Истории Русов», предложившая малороссийский эквивалент отличительному типу руской истории, осталась незамеченной Пушкиным, незадолго до того сочинившим «Комедию (...) о царе Борисе и Гришке Отрепьеве», а затем и Гоголем. Пушкин написал поэму об измене Мазепы, Гоголь пробовал объяснить эту измену в «Размышлениях Мазепы», отрывке то ли исторического, то ли романного повествования, делая крупные масштабные заключения о характере двух народов и их национальной истории. Замысел его романа колеблется между эпохами до и после Хмельниччины; и хотя, кажется, его манит именно поздняя эпоха, о которой уже высказался Пушкин, многосложная и наиболее подходящая для романа типа В. Скотта, где герой на историческом фоне, не примыкая ни к одной из политических сил, действует как частное лицо, в личных и семейных интересах, сохраняя независимость личности и судьбы (именно в такие времена действовали предки Гоголя — Евстафий Гоголь, Лизогубы, Танские), но затем его интерес смещается к более ранней и более четко проявленной исторически эпохе униатских войн; это время описывается в источниках как время больших народных движений во имя единой цели, здесь гетман становится народным героем и вождем. Та же историческая эпоха дает почву для романтического героя-индивидуалиста — к этому типу близок в отрывке Острица с его любовным сюжетом. Но и в этой ранней, героической и цельной эпохе Гоголя занимает тема предательства, и история Острицы, первоначально приурочиваемая к 20-м годам XVII в., мыслится автором именно как история потенциального отступничества. Однако обдумывается, по-видимому, только один, общий замысел; два брата — герой и отступник действуют и в «Тарасе Бульбе», обеспечивая баланс истин. «Несходство братьев ведет к различию цивилизаций»; в Андрии «погиб основатель дворянского рода, который потом рассказывал бы чудное о своем предке, пришедшем от варваров. Исторический роман мог бы быть написан здесь с польской точки зрения (...) как рассказ потомка о тех битвах и счастливым спасении и любви...» (*Пумпянский 2000. С. 297*; о значении мотива двух братьев для гоголевской генеалогии см. коммент. к «Главе из исторического романа»). В «Нескольких главах...» уже намечено присутствие в сюжете если не братьев, то, во всяком случае, двух родственников с разной судьбой — см. упоминание о неизвестном Иване Острице (с. 273), которого герой, Тарас Острица, хочет просить ходатайствовать за него перед королем; но главным образом тема отступничества прорабатывается в изображении душевных колебаний героя (где она «затронута как нереализованная возможность», *Кирилук Э.В. Украинская тема в творчестве Гоголя и других русских писателей 20–30-х годов XIX века // Гоголь и литература народов Советского Союза. Ереван, 1986. С. 188*). Она решается здесь как литературно-романтическая; ср. историю предательства одного из братьев в «Изменнике» (1825) Бестужева-Марлинского (см.: *Вайскопф 1993. С. 46, 443*). Замысел гоголевского исторического романа складывался под определяющим влиянием В. Скотта; так, противоречивость характера Острицы допускает «вероятность того, что “мятущийся” герой-индивидуалист (...) волею судьбы станет “мятежным” героем-бунтарем во главе стихийного народно-освободительного движения» (ср. «Пуритане», 1816, рус. пер. 1824); рассказанные героем обстоятельства его появления на свет

напоминают историю бежавшей из-под стражи и бросившейся в море матери, спасенной и вскоре умершей в начавшихся во время бегства преждевременных родах (ср. «Антикварий», 1816, рус. пер. 1825; здесь же изображение старухи, напоминающей мумию, имеющее параллели в «Нескольких главах...» и в «Главе из исторического романа»); таково и изображение богослужения с включением мотивов «оружия в церкви и вооруженного конфликта (насилия), динамики и статики» как явления, которое «достойно кисти художника» (ср. «Ламмермурская невеста», 1819, рус. пер. 1827; *Денисов 2006. С. 63, 64, 71, 86*). В изображении переживаний и мотиваций героев очевидно влияние Шиллера, опосредованное более поздними литературными интерпретациями; ср. сцену свидания Острицы и Гали (с. 266–267) с объяснением героев в драме «Коварство и любовь» (д. 3, явл. 4): «Моя отчизна — там, где меня любит Луиза. (...) Я покидаю родину, Луиза. Уже ли ты не последуешь за мной?» (*Шиллер 1954. С. 193–195*); ср. у Марлинского в «старинной повести» «Роман и Ольга» (1823): «Женщины, женщины! — произнес он с дикою усмешкою, — и вы хвалитесь любовью, постоянством, чувствительностию! (...) И, может статься (...) Ольга захочет видеть меня дружкой своим, чтобы с саблей в руке скакал я в ночь около ее спальни и охранял покой новобрачных!..» (*Бестужев-Марлинский 1976. С. 29–30*); также ср. размышления Острицы: «Странная судьба моя. (...) Кто спас, зачем спас, лучше б пропал не живши» (с. 272) и монолог Франца Моора в «Разбойниках» (д. 1, явл. 1): «Зачем не я первый вышел из материнского чрева? Зачем не единственный? Зачем природа взвалила на меня это бремя уродства? (...) Зачем же она поступила так пристрастно?» (*Шиллер 1954. С. 75*); ср. в «Живописце» (1833) Полевого: «Как странна участь моя! Зачем надобно было юной душе моей соединиться с душою человека единственного, добродетельного, но оскорбленного миром, и людьми, и жизнью! Зачем этот человек исторг меня из ничтожества, в которое судьба поставила меня при рождении! Зачем он оставил меня после того в жертву оскорбленному мною миру!» (*Полевой 1986. С. 192*). Последняя параллель отчасти говорит и о времени создания наброска — не ранее появления в *МТ* (1833. Ч. 51. Май—июнь) «Живописца». Заимствования же из Шиллера скорее всего связаны не с ранним, еще детским увлечением им, а с гоголевскими попытками «бешеной», полной шиллеровского драматизма истории (см. коммент. к статьям «О составлении Малороссии» и «Шлецер, Миллер и Гердер»). Но литературность Острицы «Нескольких глав...» привносит оттенок вторичности, а предполагаемый брат, удваивая, мельчит его образ, освобождая место в сюжете для настоящего героя, — в «Тарасе Бульбе» гетман Острица становится только частью исторического фона. Гоголь возвращается там к схеме «Главы из исторического романа» (старик и два его сына), но на материале иной эпохи и в пределах иного жанра. Л.В. Пумпянский отмечает, что в связи с «Тарасом Бульбой» Белинскому вспоминается Гомер, а не В. Скотт: «Это наиболее противоположно семейной хронике (...) полная победа эпохи над личными интересами (...) культ освобождающей старости, когда ничто уже не мешает предаться высшей жизни. (...) Так как Гоголь не дает исторической эпохе единства частно-семейного, то в центре ее он создает старика, в котором лежит единство ее традиций, т. е. единство достоинства и чисто историче-

ского смысла ее (...). Замечательно, что он на границе безвестного и исторически известного» (*Пумпянский 2000. С. 295–296*).

В «Несколько главках...» отмечено также влияние малорусской драмы и вертепа, заметное в образах главного героя, козака, выступающего, как и на сцене, прежде всего «защитником народа от поляков и православия от униатов» (*Розов 1911. С. 109*), его старой матери (см. с. 966), но более всего в традиционно комических вертепных фигурах «спесивого поляка и карикатурного еврея», для которых, кроме того, «были и литературные образцы — для поляка у Загоскина, для еврея — у Булгарина и Сомова» (см.: *Гиппиус 1924. С. 72*). П.А. Карпук заметил, что здесь начальник польских улан, всего лишь «малеванной шут», хвостун и мелкий деспот, который, однако, не лишен человеческого чувства и отличается от начальника отряда в «Кровавом бандуристе», «искоренившего из себя все человеческое»; и именно в таком близком к вертепному виде этот тип мелькает в «Тарасе Бульбе» («гайдук с усами в три яруса», см.: *Карпук 1991. Р. 42–43*; ср.: *Розов 1911. С. 138–145*). Более сложное, но сходное превращение происходит с типом еврея, почти везде однозначно отрицательно трактуемым в доступных Гоголю источниках (включая вертепные, см.: *Розов 1911. С. 137–138*) и, по известному мнению, являющимся и в «Тарасе Бульбе» «постоянной мишенью для националистического ненавистничества» (см.: *Пиксанов 1933. С. 111–112*; об антисемитизме Гоголя — там же, с. 43). В «Истории Русов» рассказано, в частности, как предатель гетман Семен Перевязка, отрешенный от гетманства и преданный суду воинскому, «помощию Жидка, крамара Лейбовича, очаровавшего, яко бы стражу, проданным от него для караульных табаком, бежал из-под стражи и укрылся в Польше» (*История Русов. С. 52*). Гоголь заимствует этот мотив (см.: *Ак. Т. 2. С. 720*), но переворачивает его радикально — именно такая помощь, но герою, а не его врагам, играет заметную роль в сюжете «Тараса Бульбы», где впервые «из вертепного еврея (...) создана фигура важная и для динамики романа» (*Гиппиус 1924. С. 75*), и намек на это В.В. Гиппиус видит уже в «Несколько главках...». Но дело не только в том, что в романе, по правилам того времени, следовало «между лицами историческими непременно (...) поместить лицо вымышленное, чудесное — или колдуна (...) или цыгана (...) а всего лучше жида (...)». Эти жида в великой моде; они ведут свой род от Шейлока Шекспирова и Исаака Вальтер-Скоттова. Ему надо быть лицом вездесущим, являться повсюду, как *deus ex machina*, связывать и развязывать все узлы происшествия...» (рецензия МВ на «Невский альманах» 1828 г., там же, с. 69–70). Появившаяся тень сомнения в вопросе Пудько «Может, ты еще спросишь, за что ж жида повесили, ведь и он от короля поставлен» (с. 264) предвосхищает слова Янкеля во второй редакции «Тараса Бульбы»: «думают, уже и не человек, коли жид» — вариацию «гуманного места» в «Шинели» (и еще до того в «Клочках из записок сумасшедшего»), прообразом которого является монолог Шейлока в «Венецианском купце», занимавшем тогда внимание и Пушкина и Гоголя. Трагикомическое упорство еврея в «Несколько главках...», который «как скоро оправился от первого страха (...) начал было снова приступать» к своей жертве, но был остановлен окриком «Так тебе еще мало, что душа осталась в галанциях» (с. 259), переосмысливается в «Тарасе Бульбе» как черта

рискованного существования «тех, которые селились у подошвы Везувия», — едва ли не под влиянием «Медного всадника», где показано, как непрочная ткань повседневной городской жизни мгновенно смыкается и зарастает, скрывая следы катастрофы, «беды вчерашней». Жестко однозначная трактовка «Истории Русов» становится у Гоголя объемной, двуголосой. В.Н. Турбин говорит, что «Тараса Бульбу» словно пишут вместе мудрец и воин, голос дан не только силе, но и слабости — Янкель и старая мать представляют эту не героическую, но собственно жизненную сторону жизни; и точно так же, как смягчается в «Нескольких главах...» образ старухи (беспощадной старости), становясь образом старой матери (см. выше), так уже в этом отрывке возникает вопрос о еврее, пока только провоцирующий на размышление. Складывающемуся двуголосью предстояло определить жанровый объем будущей повести: «Комический вестник трагических новостей, Янкель сообщает Тарасу об измене сына. "...Он, по-твоему, продал отчизну и веру?" — рычит эпический лев, Тарас. И мышшь Янкель лепечет в ответ: "Я же не говорю этого, чтобы он продавал что: я сказал только, что он перешел к ним". Янкель — кроткая мышшь, не ведающая тревог и ратных радостей льва, но знающая что-то, чего и лев знать не может» (Турбин 1978. С. 168–169).

«Несколько глав...» стали, таким образом, попыткой с отрицательным результатом, ценным прежде всего в той мере, в какой он выявлял очертания будущей повести «Тарас Бульба». Делались попытки осмыслить фрагменты в пределах единого целого, наиболее масштабные — И.М. Каманина, который полагал, что сохранившиеся отрывки были частями нескольких реальных завершенных произведений («первые юношеские исторические романы и повести» Гоголя «были безжалостно сожжены самим автором, оставившим лишь небольшие отрывки их, которые казались ему лучшими», Каманин. С. 113), и О.Б. Заславского, рассматривающего их как составляющие единой проработанной сюжетной схемы, охватывающей жизнь нескольких поколений (в ее пределах предполагается «вероятным убийство Острицы отцом, не узнавшим в нем сына», причем мальчик Федот из «Главы...» «и есть отец Острицы, его будущий убийца», «Галя — сестра (сводная) Острицы, а их стремление соединиться таит опасность кровосмешения»: «Структуре повести свойственна рефлексивность: происходит некий круговорот Зла, которое обрушивается само на себя (...) по тексту произведения обильно рассыпаны предзнаменования, знаки и скрытые предсказания разрушения рода путем сыноубийства: род должен уничтожить сам себя», Заславский. С. 101, 103, 112–113). Иного мнения придерживается П.А. Карпук, рассматривающий имеющиеся четыре текста, обычно связываемые с замыслом «Гетьмана», как различные версии одного и того же романа на тему малороссийской истории, точнее, четыре попытки начать его всякий раз с другой точки приблизительно той же сюжетной линии, без прямой последовательности между ними, но с включением повторяющегося, важного для Гоголя материала, всякий раз по-новому интерпретированного и впоследствии перенесенного в повесть «Тарас Бульба», эскизами к которой в конечном счете и оказываются эти отрывки (см.: Карпук 1991. Р. 43–44).

С. 257. *Был апрель 1645 года...* — Год переправлен из «1626» и, возможно, еще более раннего «1623» (см. ил. на с. 258). Под датой «1623» Д.Н. Бантыш-Каменский рассказывает о налоženном на Малороссию пошлинном сборе с покупки и продажи съестных припасов («пасочном сборе»), под датой «1626» упоминается неудачный поход казаков против турок (см.: *Бантыш-Каменский. Ч. 1. С. 198–199, 200*; см. ниже). Дата «1645» может быть связана с появлением фрагмента «Правительство или, лучше сказать, деспотические магнаты...», тема которого возникает у Гоголя уже в «Размышлениях Мазепы» и является сквозной в источниках (ср.: «власть Королевская с 1572 года (...) была весьма ослаблена (...) присвоили ее себе вельможи или магнаты Королевства и Духовенство Римское, державшее Короля за одну проформу. Самые Сеймы народные не что иное были, как твари магнатов и Духовенства (...). Историки Польские (...) сколько ни увеличивали вин Козацких и сколько ни прикрывали самовластных посягательств вельмож и Духовенства Римского на землю Рускую, пишут, однако, что “миссия Духовенства Римского, замыслив произвесть в Руской религии реформу, для единства с своею, слишком поспешила совершить ее так нагло и так отважно в народе грубом и всегда воинствующем”», *История Русов. С. 39–40*). Она активизируется в рассказе «Истории Русов» о правлении короля Владислава IV (1632–1648). Сын Сигизмунда III, инициатора Унии 1596 г., колонизации Украины и Белоруссии и интервенции против России в 1609 г., провозглашенный в ходе ее русским царем, Владислав, по утверждению гоголевских источников, был «известный Русский патриот, ходатайствовавший некогда за войска Руские у Короля отца своего» (*История Русов. С. 58*), и уже королем, «памятуя важные утесненных воинов услуги, покушался возратить им старые выгоды; но мнения Польских правителей тому не согласовали» (*Миллер (2). С. 66–67*). Не способный противостоять властолюбию магнатов, которые, «владея в Украине бесчисленными поместьями и находясь в отдалении от оных на своей родине, не обращали внимания на бедствия народа» (*Бантыш-Каменский. Ч. 1. С. 220*), Владислав на петицию наказного гетмана Ивана Барабаша и генерального писаря Зиновия Богдана Хмельницкого ответил, что помочь не может, но они сами могут «стать за себя и свою свободу», и в том же 1647 г., после гибели Барабаша, успел послать избранному казаками Хмельницкому утверждающий его гетманом рескрипт (*История Русов. С. 59, 86*; см. также: *Шафонский. С. 57–58*). Дата «1645» вплотную подводит к этим событиям, к моменту, когда «Малоросия доведена была Поляками до последнего разорения и изнеможения, и все в ней подобилось тогда некоему хаосу или смешению, грозящему последним разрушением. Никто из жителей не знал и не был обнадежен, кому принадлежит имение его, семейство и самое бытие их, и долго ли оно продлится?» (*История Русов. С. 56–57*).

С. 257. *Комишна* (Комишня) — на карте Боплана (начало XVII в., см.: *Бантыш-Каменский. Ч. 3. Приложение*) обозначена как местечко на реке Хорол, примерно на полпути от Лохвицы до Миргорода, выше Сорочинце.

С. 257. *Паникадило* — церковный светильник с множеством свечей.

С. 258. *...несколько жидов...* — В редакторском примечании журнала

«Основа» ввиду возникшего в связи с употреблением слова «жид» читательского недоумения пояснялось: «Слово *жид*, родственное латинскому *Juda eis*, немецкому и французскому *Jude* и *Juif* и польскому *Zyd*, ни по словопроизводству, ни по смыслу своему, ни по значению иудейского племени в ряду прочих племен, нисколько не уступает названиям *Еврей* и *Израильтянин*. Имя *Жида*, т.е. Иудея, только позднейшее (появилось не за тысячи — как другие два, — а за сто лет до Р.Х.), но значение его одно и то же с значением *Израильтянина* и *Еврея* (...) Малороссы стали называть издавна и теперь называют Евреев *жидами* не в презрительном, бранном, оскорбительном смысле, а точно так же, как Великороссиян называли и называют *Москалями*, *Поляков* — *Ляхами*; что другого слова, для названия еврейского племени, они почти и не знают. Слово это пришло в Южную Русь, вместе с еврейским населением, из Польши, где и до сих пор служит народным названием не только у *Поляков*, но и у *самих Евреев*. (...) Ученый, занимающийся изучением старой украинской жизни, также не может избежать слова *жид*, потому что вся старая южно-русская письменность только и знала это слово для обозначения еврейского племени, и всякое, приведенное в подлиннике место акта, летописи, думы, песни, касающееся Евреев, будет содержать это слово» (Основа. 1861. № 5. С. 137—138 (3-я паг.)).

С. 258. ...*помечая мелом пасхи, приносимые для освящения христианами*. — Ср.: «Пред праздником Воскресения Христова везде продавались на торжищах Пасхальные хлебы. Польская стража окружала продавцев. Когда покупающий пасху имел на груди лоскут с надписью «*Унит*», он приобретал ее за обыкновенную цену; кто являлся без сего начертания, обязан был платить дань по одному золоту и более, соответственно величине хлеба. В главных городах пасочный сбор отдан был на откуп *Жидам*, которые, взимая дань сию без пощады, назначали число пасох на каждое семейство, взыскивали следуемые деньги, осматривали в *Церквах*, при освящении, каждую пасху и, если между оными находили испеченные Малороссиянами, делали на них отметки угольем и потом заставляли виновных платить втрое дороже против базарной цены» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 198—199; униты (униаты) — соединенные, в противоположность неунитам — не соединенным, см. там же, с. 169; ср.: *История Русов*. С. 48—49).

С. 259. *Гайда по местам!* — *Гайда* (*татар.*) — пошли (см.: *Даль*. Т. 1. С. 340),

С. 259. ...*потомок Израилев...* — То есть иудей, израильтянин.

С. 259. ...*душа осталась в галанцях*. — В гоголевской «Книге всякой всячины» записано: «*Галанці, штаны немецкие*» («Лексикон малороссийский», Ак. Т. 9. С. 496).

С. 259. *Пейсики* — «*жидовские локоны*» (гоголевский словарь малороссийских слов, наст. изд., т. 1, с. 147).

С. 259. *Смалец* — «*бараний жир*» (*там же*).

С. 259. ...*у него еломок краше, чем ваша холопска вяра* ... — *Еломок* (*яломок*) — «шапка, свалаянная с коровьей шерсти» («Лексикон малороссийский», Ак. Т. 9. С. 496). *Поляки* при унии (см. коммент. к статье «О малороссийских песнях»), когда «знатнейшее малороссийское шляхет-

ство все почти обратилось к ним в католичество и осталось в русской религии из народа одно среднее и низшее сословие», дали «новый титул униатству, назвав его “Холопска вяра”» (*История Русов*. С. 48).

С. 260. *А(й) да Параска! Ай да Пидорка!* — В «Книге всякой всячины» Гоголь, перечисляя «имена, даемые при крещении», записывает: «Параска, Парасочка, Парася — Прасковья»; «Підоря, Підорка — Федора» (*Ак*. Т. 9. С. 513).

С. 260. *Алгвазил* — судебный исполнитель в Испании.

С. 260. *Лайдак* — см. коммент. к «Пленнику».

С. 261. *Добродию* — См. коммент. к «Главе из исторического романа».

С. 261. *Не Острианица ли вы Омельченко? ~ то Тарас Остран(ица)...* — Омельченко — от Омелько (Омелян — Емельян, см. «Имена, даемые при крещении», *Ак*. Т. 9. С. 513). Тарас (Тарасий) (*греч.*) — волнующий (возможно значение: бунтовщик, мятежник, см.: *Денисов 2006*. С. 56). Исторического Острианицу звали, по одним источникам, Степаном (Стефаном), по другим — Яковом.

С. 261. *...пусть ему легко икнется на том свете...* — См. с. 906.

С. 261. *Под кобеняком ~ овчинный кожух* — «Кожух — нагольный тулуп» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. Примеч. С. 19). *Кобеняк* — см. с. 564 наст. тома.

С. 261. *Дитяй твой сидит на колу у турецкого султана. А Кузубия гуляет с рыбами на дне Сивача и тянет гнилую воду вместо горелки....* — Походы козаков против турок и крымских татар не прекращались на протяжении XVI—XVII вв. и часто были причиной репрессий со стороны польских властей, поскольку нарушали заключенные Польшей мирные договоры. Для 20-х годов XVII в. речь может идти еще о победах гетмана Сагайдачного (ум. 1622), который «оружием своим нанес страх и опустошение во всех почти Турецких и Татарских городах, у Черного моря лежащих, преследовал Турков даже до стен самого Стамбула» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 182). Сивач — Сиваш (Гнилое море), мелководный залив у западного берега Азовского моря, где в 1620 г. произошло победное сражение с турками, в результате которого был взят Перекоп и освобождены христианские пленники. В том же 1620 г. казаки вместе с поляками потерпели поражение от турок при Цецоре, у Прута (см. *там же*, с. 186—187). В 1621 г. с помощью козацкого войска была одержана победа под Хотинном, предотвратившая турецкое нашествие на польские земли. После смерти Сагайдачного запорожцы в 1624 г. «пустились на ладиях своих в море Черное, вышли на берег за одну милю от Константинополя, обратили в пепел несколько селений, навели ужас не только на десять галер, но и на самую столицу Турецкую»; но в 1626 г. уже турки «потопили от 15 до 20 лодок их на Черном море и, захватя десять человек (...) предали в Константинополе мучительной смерти несчастных узников» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 199—200). Военные действия козаков «против турков на Черном море» отмечены и позднее, в частности в 1632 и 1633 гг. (*там же*, с. 210); в турецком походе 1640 г. отличился Б. Хмельницкий (о «двойной хронологии в тексте» см.: *Денисов 2006*. С. 56).

С. 261. *Крашанка* — крашеное в один цвет пасхальное яйцо.

С. 261. *Мизерия* — пожитки.

С. 262. *Свез его как доброго ~ хоть бы четвертку горелки дал...* — Четвертка (четвертка) — четверть кружки, косушка (*Даль*, Т. 4. С. 601); ср. записи Гоголя «Мера Жидких вещей» и «Мера винная и Пивная» (*Неизд. Гоголь*. С. 145–146). Сюжет о том, как еврей нанял мужика довести его с товарами до ярмарки, представлен в малорусской драме (см.: *Розов 1911*. С. 128–129).

С. 262. *...пошел бы в компанейство...* — Компанейские, или охочекомонные, полки — вольнонаемная козацкая конница. «Для помещения охотников или волонтеров (<...> устроено пять полков охочекомонных, называвшихся по фамилиям полковников, производимых Гетманами, и они содержатся на страже пограничной, в низу рек Самары, Буга и Днестра, и получали ежегодно небольшое жалованье, а больше довольствовались звериной и рыбной ловлею; за поведение их отвечали полковники; число же их не определено, но полк считался не более пяти сот человек» (*История Русов*. С. 16; см. также: *Бантыш-Каменский*. Ч. 3. С. 233; *Максимович*. Т. 1. С. 835–836; *Шафонский*. С. 68); существовавшие и до военной реформы, связываемой с именами Стефана Батория и гетмана Ружинского (см. ниже), они были сохранны и после нее как дополнение реестровых войск (см. с. 831).

С. 262. *...может, вы теперь уже и не сотник, в другом ранге како(м) значиться.* — Сотник «в сотне своей был то же, что в полку Полковник: надзирал за благочинием, разбираал словесно между Козаками земские и маловажные уголовные дела. Сотники служили большею частию на собственном содержании, не многие из них имели ранговые деревни. (<...> Сотня носила именованье от местечка или селения, в котором была расположена главная ее квартира, заключала несколько сел и деревень, разделялась на Курени, которые были гораздо менее Запорожских. В каждом находилось несколько десятков выборных Козаков и подпомощников» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 3. С. 227, 331). Исторический Острианица впервые упоминается в документе 1633 г. уже не как сотник, а как полковник реестровых козаков.

С. 262. *...уже и храмы Божии взяло на откуп жидовство.* — Ср.: «Церкви несогласавшихся на Унию прихожан отданы Жидам в аренду, и положена за всякую в них отплату денежная плата от одного до пяти талеров, а за крещение младенцев и похороны мертвых от одного до четырех золотых» (*История Русов*. С. 40–41); об аренде церковей также см.: *Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 178, 203, 217; *Шафонский*. С. 57; *История Русов*. С. 48–49, 52, 56; *Горленко*. С. 5–6; *Самовидец*. С. 4–5, 7; Описание Украины, сочинение Боплана. СПб., 1832. С. 141; образ «жида-рандаря» присутствует в малороссийской драме и песнях и в более общем смысле (не только церкви — шляхи, реки, людей, «хрестьянску кровь жидам арендуют», см.: *Розов 1911*. С. 107–108, 130–132; *Основа*. 1861. № 5. С. 46–48 (2-я пар.); № 6. С. 140–141). Тема аренды церковей представлена в выписках Пушкина из «Истории Русов» в статье «Собрание сочинений Георгия Кониского...»; опубл.: *Совр.* 1836. Кн. 1 (см.: *Пушкин*. Т. 12. С. 20); отмечалось, что Гоголь использовал в «Тарасе Бульбе», а до того в «Нескольких главах...» именно те фрагменты, на которые обратил внимание Пушкин (см.: *Тих*. Т. 1. С. 664), а до него Рылеев в набросках

трагедии «Богдан Хмельницкий» и поэмы «Наливайко» (конец 1824–1825 г.; см.: *Вайскопф 1993. С. 452; Денисов 2006. С. 57–61*). И.М. Каманин отметил ошибку Гоголя, состоявшую в том, что такая аренда не могла быть введена постановлением правительства, поскольку «церкви и монастыри рассматривались, по польскому и русскому праву, как частная собственность, в право пользования которой казна не имела основания вмешиваться» (*Каманин. С. 106; ср. об этом: Барабаш 1995. С. 134–136*).

С. 262. ...что горелка находится (у) врагов Христовых? — Ср.: «Жиды не позволяли Козакам иметь для домашнего употребления не только мед, горелку, пиво, но даже и брагу» (*Бантыш-Каменский. Ч. 1. С. 220; о том же: Самовидец. С. 7*).

С. 262. *Мушкет* — старинное фитильное ружье крупного калибра, стреляющее с особой подставкой.

С. 262. *Стойте, козаки, рыцарство и посполитый народ*. — Посполитый народ — «крестьяне в Малороссии» (*Бантыш-Каменский. Ч. 3. С. 236*). По А.И. Ригельману, «Малороссийской народ» составляют «шляхетство, Козаки и посполитые» (*Ригельман. Ч. 3. С. 84*). «Шляхетство, по примеру всех народов и держав, естественным образом составлялось из заслуженных и отличных в земле пород и всегда оно в Руси именовалось рыцарством» (*История Русов. С. 7*).

С. 263. ...когда бы не улизнул на Запорожье... — Запорожье — Запорожская Сечь, пограничная область «над рекою Днепром, пониже порогов (...) где Козаки, ради всегдашнего пребывания, поделали укрепления или редуты, названные засеками от сечения дерев, на палисады употребленных. От чего впоследствии Козаки, тамо засевшие, названы Запорожскими Козаками; место же пребывания их названо Сечью Запорожскою, и Козаки первые переменялись другими, из жилищ их командированными. (...) Для содержания же и снабжения войска сего наданы и отведены ему достаточные земли Малороссийские, с угодьями по обеим сторонам Днепра и порогов, между речек Конской, Самары, Калмиуса, Ташлика и Буга» (*История Русов. С. 14*). «Они зделали себе на Хортицком острове укрепленное место, по их Сечь называемое. Но сие место их пребывания иногда по обстоятельствам переменялось. Считают 8 таких мест, на коих Сечь в разные времена находилась. Они населили в отдалении от Сечи, между Днепром и Бугом реками, деревни, в которых жительствоваали женатые с их семьями, когда в Сечи одним холостым пребывать позволялось» (*Миллер. С. 2–3*).

С. 264. ...недостает одной клепки в голове... — То есть «нет здравого смысла, отчего и все умственные способности рушатся, как посудина без одной клепки» (*Даль. Т. 2. С. 117*). Клепки — выгнутые дощечки, из которых составляется бочка.

С. 264. *Пашница* — «зерновой хлеб, все, что сеется» (*Даль. Т. 3. С. 26*).

С. 264. *Осокорь* — тополь.

С. 264. *Повилика* — ползучее травянистое растение, живущее на стеблях других растений. В вариантах: *глод* — боярышник.

С. 265. ...разбросанные хаты ~ светлица. — Светлица — белая (чистая) изба с большими, имеющими ставни окнами, обычно на восток (на вос-

ход солнца). «Теперь хатую называется простая с малыми окошками изба; напротив того изба или горница с большими окнами именуется *светлицею*» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. Примеч. С. 88).

С. 265. *Очеретяная* — камышовая.

С. 265. *Злотый* (злот) — серебряная польская монета, «на наши деньги 15 копеек серебром» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. Примеч. С. 31).

С. 265. *Гребля* — плотина.

С. 265. *Шелковая плахта и кашемировая запаска...* — См. с. 906. «Жены Чиновников Малороссийских и дочери их одевались прежде как ныне крестьянки, с тою только разницею, что, вместо шерстяных полосатых *плахт* (юпок), обертывали себя, сверх рубашек, шелковыми, подвязывали их около живота богатым кушаком и имели передники шелковые же, *запасками* называемые; верхняя часть тела, кроме рубашки, ни чем не покрывалась. Одежда сия была домашняя» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 3. С. 219; к тому приложена цветная вклейка с изображениями образцов малороссийской одежды из рукописи Ригельмана, среди них № 21: крестьянка в плахте и запаске).

С. 265. *Мережки* — прошитые сквозным решетчатым узором по следу вынутых нитей прямые полоски на ткани.

С. 266. *...моя Галочка...* — «Ганна, Галя, Галька — Анна» («Имена, даемые при крещении», *Ак*. Т. 9. С. 513).

С. 266. *Ляхи еще не вышли из Украйны...* — По источникам, которыми пользовался Гоголь, польские войска вошли в Малороссию в 1596 г., после принятия Унии: «В городах и местечках расставлены были сильные гарнизоны, имевшие повеление препятствовать народу и Козакам собираться в одно место для поставления Старшин; Униатам же оказывать всякое пособие в обращении Греко-Россиян» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 171). Попытки освободительного движения имели лишь частичный и непрочный успех; и в 1639 г., после поражения восстания Остриницы, снова «Поляки властвовали во всей Малороссии. Казалось, со смертию Остриницы угасла на всегда для жителей сего края надежда сделаться свободными» (*там же*, с. 219).

С. 266. *Слушай, Прис(ка)...* — «Пріська, Пріся, Прісечка — Евфро-с(иния)» («Имена, даемые при крещении», *Ак*. Т. 9. С. 513).

С. 266. *...поедем ~ хоть в Галицию...* — Галиция была присоединена к Польше в 1340 г. и оставалась польской до 1772 г. (см.: *Бантыш-Каменский*. Ч. 1. Примеч. С. 4).

С. 266. *...ходить есть в чем, суконь, эдамашек, чего захоти только...* — Сукня — одежда, платье. Эдамашки (эдамашки) — шелковые дамасские ткани.

С. 267. *...я выхлоп(оч)у грамоту от короля и шляхетства...* — Грамота — в данном случае свидетельство на пожалование прав, владений или наград.

С. 267. *Люлька* — трубка для курения; слово пояснено как этнографизм в авторском примечании к «Главе из исторического романа».

С. 267. *...я как хмелинонька около дуба вьюсь к тебе...* — Хмелина — ветвь (плеть) хмеля. Ср. в записанной Гоголем песне: «...ой, хмиль вьетса коло дривьця» (*Памяти Жуковского и Гоголя*. С. 293. № 29;

ср. с. 332–333, № 82); «хмелинонька» — очевидно, по аналогии с формой «дивчинонька», частой в песнях.

С. 269. *Казанец* — «светильня, состоящая из разбитого черепка, наполненного салом» (гоголевский словарь малороссийских слов, наст. изд., т. 1, с. 147).

С. 269. *Горпина* — Агриппина («Имена, даемые при крещении»; *Ак. Т. 9. С. 513*). О комическом характере этого имени см.: *Чапленко. С. 66*.

С. 270. *Баторий Стефан* (1533–1586), польский король с 1576 г.; во время войны России с Ливонским орденом, а затем и с Польским королевством, Княжеством Литовским и Швецией перешел в 1579 г. в наступление, занял Полоцк, Великие Луки, а в 1581 г. осадил Псков, угрожая далее Новгороду и Москве, но после неудачи осады (август 1581 — январь 1582) был вынужден в 1582 заключить десятилетнее перемирие. С его именем связаны также в общем поощрявшиеся им походы казаков против турок на Черном море (см.: *Бантыш-Каменский. Ч. 1. С. 140–144; История Русов. С. 25–26*). «Под знаменем Батория» воевал и герой повести «Тарас Бульба», в первой редакции которой (1835) говорится: «Когда Баторий устроил полки в Малороссии и облек ее в ту воинственную амуницию, которую сперва означены были одни обитатели порогов, он был из числа первых полковников»; в поздней же редакции эта фраза изменена: «Под их (польских королей) отдаленною властью гетьманы, избранные из среды самих же казаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа», на основании чего делается вывод о переломе в историческом мышлении Гоголя — об отказе его от исторической точности Д.Н. Бантыш-Каменского, связавшего военную реформу именно с деятельностью Стефана Батория, в пользу показаний «Истории Русов», где «нашла отражение народная точка зрения» на прошлое и военная реформа Малороссии была связана «с преобразованиями гетмана Ружинского, избранного из казачьей среды задолго до правления Батория» (*Каварин. С. 66–67*). В обзоре деятельности Батория у Д.Н. Бантыш-Каменского (глава XI первого тома его труда) действительно говорится, что именно он «образовал войско Козацкое» (*Бантыш-Каменский. Ч. 1. С. 154*); все «Малороссийские Чины получили начало свое в XVI веке, при Короле Польском Стефане Батории» (*там же, ч. 3, с. 220 и др.*). Согласно же «Истории Русов», выбранный гетманом князь Евстафий Ружинский (гетманство его датируется здесь 1514–1534 гг.) «по изволению Короля Сигизмунда Первого, пресекая своевольтва и нестроения, учредил в Малороссии двадцать неперменных Козацких полков, в две тысячи каждый, назвав их по знатнейшим городам (...). Каждый полк разделил на сотни, названные так же по городам и местечкам» (*История Русов. С. 15*; см. также с. 14–20); однако здесь же отмечена и реформа Батория (с. 28); с другой стороны, и у Д.Н. Бантыш-Каменского указано, что еще при Сигизмунде I (1467–1548, король польский и великий князь литовский с 1506 г.) «предводитель казаков Евстафий Дашкович, первый гетман, разделил сих воинов на сотни и полки, снабдил их ружьями и мечами» (*Бантыш-Каменский. Ч. 1. С. 112*); Карамзин, также упоминающий о Дашковиче, датирует это переустройство 1515 г. (*Карамзин. Кн. 2. Т. 7. Стб. 44–45*). Гоголь, возможно, знал, что при Батории гетманом козац-

ким был другой Ружинский, князь Михаил, упоминаемый в этом звании в 1585 г. (см. *Максимович*. Т. 1. С. 242, 657). О реформе Батория говорит и другая козацкая летопись: «При Стефане же Батории, короле польском, в том же 1576 годе, козаки в лутший порядок устроены, который, ради их мужества, поставил сам им гетмана, дав ему хоругво, бунчук, булаву и печать с гербом, то есть рыцарь с самопалом, на голове колпак перекирвленый и рог при боку, а армат и военных припасов, воюя Турков, сами добули себе. Да тот же король Баторий и старшину войсковую в них учредил: обозных, судей, писарей, асаулов, полковников, сотников и атаманов» (*Самовидец*. С. 2); без дат здесь упомянут «третий гетман запорожский, князь Евстафий Ружинский» (*там же*, с. 1). Наконец, Г.Ф. Миллер, чьи труды также, очевидно, были знакомы Гоголю, называет еще одно имя — князя Богдана Рожинского, «которого можно первым почесть Малороссийским Гетманом, потому что Король Стефан Баторий дал при нем в 1576 году Козакам полное войсковое учреждение. Тогда они разделены были в полки и сотни, в которые действительно служащие Козаки записаны были» (*Миллер*. С. 4), объединяя таким образом обе реформы. Возможно, поэтому, что речь должна идти лишь об историческом недоразумении, которое Гоголь заметил и постарался характерным для него образом обойти; в его формулировке речь идет, кроме того, о распространении «воинственной арматуры» Сечи на всю Малороссию, а не о разрыве «с прежней системой, существовавшей, в частности, и в Запорожье» (*Казарин*. С. 67).

С. 270. «Козак, душа правдивая, сорочки не мае»... — «Любопытно, что эту самую песню мы встречаем в устах казака в вертепе Франка 1790 г.» (*Розов 1911*. С. 167).

С. 270. ...св(ятой) Дамиан... — День святых бессребреников Космы и Дамиана, в Риме пострадавших в 284 г., празднуется 1 июля с. с. (см.: *Жития святых... святителя Димитрия Ростовского*. Кн. 2. Октябрь. М., 1904. С. 410—411), Азийских — 1 ноября, Киликийских — 17 октября.

С. 273. И вот приехал я на родину сирота сиротою ~ Никого, никого. — Ср. об элегических мотивах, сопровождающих образ козака в малорусской драме: «Он только что вернулся на родину. Много он испытал горя на чужбине. (...) Но невеселы его впечатления от родного пепелища. (...) Нет у него более ни имущества, ни семьи. (...) Одна только “мати старенкая” рада его возвращению» (*Розов 1911*. С. 106—107; ср.: «И у меня тоже есть старая мать», с. 267).

С. 273. ...отмстить за ругательств(во) над Христовой верой и за бесчестье народу ~ Что-то делают теперь в полону (1 нрзб.) гетман наш и полковники. — Ср. вопрос о «гетмане и полковниках» в I редакции «Тараса Бульбы» и ответ (*Ак. 2*. С. 309), из которого следует, что речь идет о гетмане Наливайко, который «1597 року, за тую ж Унию взывшися потом против Ляхов (...) с козаками Слуцк и Могилев спалив и Ляхов многих побил. Но оног гетмана коронный Жолковский под Лубнями, на урочище Солонице, поймав и с ним полковника Лободу и Мазепу якогось отослал в Аршаву, где его на медном волу спалено» (*Самовидец*. С. 3; также см.: *Бантъш-Каменский*. Ч. 1. С. 173—176; *История Русов*. С. 39; *Горленко*. С. 3), по другой же версии, Жолковский «прогнал Козаков за Днепр, и в 1597 году на урочище Солоницах, недалеко от Лубен их прину-

дил, что выдали ему *Наливайку* и трех главных Полковников, которые в Варшаве смертию казнены, а паче *Наливайко* на кол посажен был» (*Миллер*. С. 6). В пределах хронологии «Несколько глав» может идти речь о Тарасе Трясиле («Сей Гетман со времени избрания своего именовался просто *Тарасом*», *Бантыш-Каменский*. Ч. 1. Примеч. С. 34), который, победив поляков в Переяславской битве (1628), названной затем *Тарасовой ночью* («ночью Гетман вывел часть пехоты из лагеря и ударил с двух сторон на рассвете на лагерь Польский, обратил в бегство, потопил в реке многих, овладел обозом и артиллериею», *там же*, с. 203; см. также: *История Русов*. С. 51–52), «командировал» своих козаков «для очищения селений Малороссийских от Поляков и Жидов, их фаворитов» (*там же*, с. 52). «Значительная часть Малороссии была очищена от Поляков; более всех пострадали арендаторы тамошние. Несколько тысяч Жидов пали под ударами мстящих Украинцев: их умерщвляли без всякой пощады, припевая ругательства, кони они обременяли Христиан при продаже пасочных хлебов» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 203). Сам Тарас, «побывши Гетманом со славою девять лет, скончался спокойно» (*История Русов*. С. 52), а по другой версии, «был сменен беспокойными Запорожцами, не любившими долго повиноваться одному начальнику, или, может быть, выдан ими Полякам» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 204). Может идти речь также о восстании 1636 г. под руководством Бута (псевдоним Павла Михновича Павлюка, ум. 1638, или Павлюги, как он назван в «Истории Русов»): после сражения 16 декабря 1637 г., в котором победили поляки, положив на месте 6000 человек, а остальных обратив в бегство, козаки отступили в беспорядке к местечку Боровице, где польский гетман Потоцкий окружил их лагерь и предложил мир, обещая именем короля не только прощение, но и подтверждение прежних прав и преимуществ (см.: *Бантыш-Каменский*. Ч. 1. С. 211). «Мир был подписан и клятвами утвержден; но продолжался он потопь, пока Козаки были в укреплении; а как скоро вышли они из замка и, расстроившись, начали расходиться по своим дорогам, то Поляки (...) напад на расстроенных Козаков, многих из них перерубили и перестреляли без обороны, а у других ограбили всю их зброю и обрезали усы и чупрыны. Гетмана же Павлюгу, Обозного Гремича и Есаулов Победима, Лятягу, Шкурая и Путыла, забрали под караул и, оковавши железом, отослали в Варшаву, с донесением, что они полонены во время сражения. Правительство Польское (...) повелело Гетману Павлюге живому содрать с головы кожу и набить ее гречаною половою, а Старшинам его отрубить целиком головы и их, вместе с чучелою Гетманской головы, отослать на позор в города Малороссийские» (*История Русов*. С. 53). По другой версии, после разорения Павлюком крепости Кодак (1635) «Потоцкий, атаковав Козаков в их лагере, принудил сдаться и выдать ему их Гетмана Павлюка и других четырех старшин, обещав, что им будет дана воольность, если станут просить у Короля прощения. (...) Три года Павлюк и старшины содержаны были в Варшаве под крепким караулом, а в продолжении оногo времени Козаки, не похотев просить Королевского прощения, где только случай имели, противились Полякам. Наконец, Павлюк и старшины казнены были в Варшаве» (*Горленко*. С. 5). Похожая судьба (выступление против поляков, победа, нарушенный ими договор, предательство и казнь в Варшаве) постигла, по

версии *Истории Русов* (с. 53–56), и самого Острианицу в 1638 г. После него «очищать города и селения Малороссийские от управления Польского и от Унияства и Жидовства, и восстанавливать в них прежние, на правах и обычаях Руских, строения и свободы» начал уже в 1648 г. Богдан Хмельницкий (*там же*, с. 80).

С. 274. ...усы, (1 нрзб.), жен(с)кие парчовые кораблики, белые намитьки, синие кунтуши... — Д.Н. Бантыш-Каменский говорит, что жены и дочери «чиновников малороссийских», выезжая со двора, «надевали длинные кафтаны (...) из хорошего (сукна) или богатых каких материй, известные под названием *кунтушей*», которые «были с усами и безусные, то есть у иных на перехвате талии клался широкий золотый позумент, а другие не имели сего украшения и назывались безусными»; замужние «носили на головах *кораблики* или шапки, похожие на корабль из парчи и бархата», а бедные — «круглые шапочки, обвернутые в наметку или белую длинную холстину на подобие покрывала у монахинь» (*Бантыш-Каменский. Ч. 3. С. 217–220. Примеч. С. 88*; описание кораблика содержалось в письме матери Гоголю от 4 июня 1829 г.).

С. 274. ...должен был перецеловаться и принять необозримое множество яиц ~ отблагодарить угощением. — Ср.: «А на праздники Господские ежегодно, Декабря 25 числа, то есть на Рождество, и на Светлое Воскресение Христово, собравшись (...) прихаживали с поздравлением на поклон, и приносили гнезда по два и по три лисиц и калачи или куличи, что называлось у них *ралец*; на первой день к Кошевому, которой для праздника и за приход их должен был поить вином и взвардом, то есть взварное вино с медом и сбитнем и медом достаточно, доколе им будет довольно; на второй день ходили к судье, на третий к писарю, а на четвертой к есаулу с таким же приносом, и так же угащивались, как и у Кошевого» (*Ригельман. Ч. 4. С. 80*).

С. 274. ...хлестал его одного из подчиненных своих ~ ласкает родного сына... — Ср.: «Атаманы куренные имеют свою силу при куренях, так что может своего куреня Козака за всякую вину бить, а Козаки куренные его так слушают, как своего отца» (*Мышецкий. С. 20*; см. также: *Ригельман. Ч. 4, С. 77*).

С. 275. Губка — древесный гриб, употребляемый как трут при высекании огня (см.: *Даль. Т. 4. С. 438*).

(МНЕ НУЖНО ВИДЕТЬ ПОЛКОВНИКА)

Источники текста: *ЧА* и *БА Полк* (см. с. 492).

Впервые опубликовано: *Кулиш 1856. С. 167–169* (только *ЧА*); *Тих. Т. 5. С. 99–100, 554–555* (*ЧА* и *БА*). Датируется предположительно второй половиной 1833 г. Печатается по *ЧА* и *БА Полк*.

В записной тетради с повестями «Миргорода» рукописи предшествует автограф статьи «Взгляд на составление Малороссии» (вторая половина 1833 г.), на обороте последнего листа которого (л. 4 об.) был записан позднее первоначальный набросок повести «Нос»; но еще до этого, вероятно, Гоголь делает на л. 6 об. черновой набросок «Мне нужно видеть полковни-

ка», начиная его на левой странице разворота, что объясняется, видимо, желанием оставить достаточно места для продолжения работы над статьей; и далее на л. 7 об., также сохраняя чистой предыдущую страницу, он затем пишет текст «Рудокопова». Очевидно, набросок был сделан во время работы над статьей о Малороссии, с которой он связан тематически, и, еще продолжая писать, Гоголь стал параллельно перебеливать его начало, воспользовавшись для этого предыдущим листом (л. 6, «Мне нужно к полковнику...»). Черновик содержит большую синхронную правку в строке, создающую впечатление быстрой интенсивной работы; отдельно, но также в процессе работы, вставкой над строкой, продолженной на полях, Гоголь дополнил текст описанием внешности полковника. Беловой текст написан более крупным почерком и почти без помарок. По связи с автографом статьи о Малороссии набросок датируется предположительно второй половиной 1833 г. Герой-полковник объединяет его с «Главой из исторического романа» (эти тексты связал И.М. Каманин, считавший набросок «второй главой отрывка романа “Гетман”»; об этом замысле и о возможных интерпретациях наброска в связи с ним см. в коммент. к «Главе...» и отрывку «Кровавый бандурист»); в наброске он «изображен в лагере, в военное время; как военачальник он строг; как человек, ведет себя просто и сам чинит свое седло» и это «в половине XVII в. совершенно соответствует тому времени, когда “дуки-срибленники” до времени Хмельницкого должны были уступить свое место “козакам-нетягам”, выдвинутым войнами Хмельницкого и не успевшим еще выделиться из народной массы и стать в ряды малорусской аристократии» (Каманин. С. 100).

С. 277. *Ставка* — в данном случае жилье, которое ставится на время (палатка, шатер и т.п.; см.: *Даль*. Т. 4. С. 311).

С. 277. ...в полотняном крашеном кунтуше и шароварах. — Ср.: «Малороссияне одежду свою заимствовали частью от Поляков и Черкес. Чиновные особы носили (...) кунтуш или Черкеску с прорезными рукавами; подпоясывались дорогими кушаками. Нижнее платье их состояло из суконных шаравар, порток, также широких, убранием называемых» (*Бантыш-Каменский*. Ч. 3. С. 217); также: «нижнее ж платье шеровары, убрание и штанцы называется» (*Ригельман*. Ч. 4. С. 87).

С. 278. ...не пускать далеко на попас. — Не пускать пасть.

С. 278. *Дрохва* — дрофа (драхва), крупная степная птица; упомянута: *Мышецкий*. С. 35; *Шафонский*. С. 18.

С. 278. *Сухари та вода то козацкая еда*. — Ср.: «Пицца готовились для Козаков, называемая, первая, саламаха, а вторая, тетеря; первая варилась из муки ржаной с водою густо, другая, из муки ж и из пшена жиже, на квасу, или рыбной ухе. (...) Которые же хотели при том иметь когда рыбы или мяса, то покупали (...) на собственные деньги (...). Обыкновенного хлеба в куренях никогда не имели» (*Ригельман*. Ч. 4. С. 81).

С. 279. ...пошли в ставку эсаул и полковой писарь... — Полковой эсаул, четвертый старшина в полку, «смотрел за исправностию и чистотою оного»; полковой писарь, третий старшина, управлял всеми входящими и исходящими бумагами в полковой канцелярии; оба получали годовое жалованье и владели ранговыми деревнями (см.: *Бантыш-Каменский*. Ч. 3.

С. 226—227). Также и у запорожцев были «начальники наподобие старшин Малороссийских Козаков, и назывались войсковою писарь и войсковою есаула»: «Отсутственные же от Сечи, живущие за Днпром, так же (...) исполняли все, что до службы их касалось, но для нарядов потом, и для судов и расправ имели над собою определенного из Сечи особенного полковника (...); он имел двух помощников, писаря и есаула» (*Ригельман*. Ч. 4. С. 69—70).

СТРАШНАЯ РУКА

Источники текста: *ЧА СтР* (см. с. 493).

Впервые опубликовано: *Кулиш 1856*. С. 164. Датируется предположительно сентябрем—октябрем 1833 г. Печатается по *ЧА СтР*.

ЧА СтР в «тетради Тарновских», судя по почерку и местоположению, относится к наиболее ранним записям периода работы над *Ар*. Над наброском и после него находится текст статьи «Скульптура, живопись и музыка» (не ранее конца августа — начала сентября 1834 г.). Вся правка сделана в процессе работы. Заключительные две строки, помимо вычерков в них, перечеркнуты одним косым штрихом. Датируется по времени увлечения Гоголя замыслом альманаха «Тройчатка» (см. ниже). Традиционно объединяется с наброском «Фонарь умирал» как два отрывка начатой повести; точнее было бы говорить о двух вариантах ее начала.

Первичный, синкретический замысел петербургских повестей и *Ар*. в целом относится к 1829 г. и связан с первыми столичными впечатлениями Гоголя. Внешние, зрительные представления о городе были двоякого рода: дневное, бытовое и приземленное (см. в письме к М.И. Гоголь от 30 апреля 1829 г.) — и ошеломляющее ночное, связанное прежде всего с игрой света и как бы приберегавшееся для литературы. Оно прежде всех иных петербургских впечатлений вылилось на бумагу и в статье о «Борисе Годунове» отработано до такой степени, что в «Невском проспекте» повторено почти буквально: «...чудный город гремит и блещет, мосты дрожат, толпы людей и теней мелькают по улицам и по палевым стенам домов-гигантов, которых окна, как бесчисленные огненные очи, кидают пламенные дороги на снежную мостовую, так странно сливающиеся с серебряным светом месяца»; здесь же показан и частный аспект петербургской жизни: «они вошли в его уединенную комнату, одиноко озаряемую трепетною лампой» (с. 241). В «Ночи перед Рождеством» та же картина отнесена в XVIII век, в екатерининский Петербург: «...и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон; дома росли, и будто подымались из земли, на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали (...) “Боже ты мой, какой свет! — думал про себя кузнец, — у нас днем не бывает так светло”. (...) Он только видел один блеск и больше ничего». Это Петербург парадный, центральный, связанный с наиболее блестящим периодом русской истории и с именем Пушкина; здесь есть уже тема петербургской толпы на проспекте и уединенной комнаты, уже

отмечена странность сочетания лунного и искусственного света. Новая формулировка появляется в главе «Учитель» из «малороссийской повести» «Страшный кабан» и почти совпадает с тем, что Гоголь пытается сформулировать в «Страшной руке»: «... когда улица уходит в глушь и одинокий фонарь отливает потухающий свет свой на палевые стены уснувшего города» (с. 226). Здесь появляется ощущение обступающей тьмы и соскальзывания на периферию, на окраину, ощущение неявной угрозы; но нет еще обманной игры света, опасной и увлекающей. В конце 1833 г. представление о городе дополняется вариантами «Старосветских помещиков» («забываешься и думаешь, что страсти, желания и беспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют, и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении») и наброска «1834»: «Среди ли этой кучи набросанных один на другой домов, гремящих улиц, кипящей меркантильности (...) диких северных ночей, блеску и низкой бесцветности» (с. 246). К концу 1833 г. у Гоголя был достаточный опыт трактовки темы, и можно увидеть, как ориентированы мотивы наброска: это тема удаления от центра, погружения во мрак, сочетания лунного и искусственного света, общее сложное впечатление (палевые) заменяется показом преобразующей работы света на стенах каменных и деревянных. Набросок варьирует уже найденное, брошен при первых же затруднениях, а начат был, по-видимому, ради заглавия, из которого собственно и состоит все произведение.

По замечанию Б.М. Энгельгардта, «уже само это заглавие представляет значительный интерес»: название повести «восходит к традициям повести и романа “ужасов”», подзаголовок же заставляет вспомнить «Уединенный домик на Васильевском» — рассказ Пушкина, записанный В.П. Титовым и опубликованный под псевдонимом в *СДВ* на 1829 г. «Гоголь, без сомнения, знал эту повесть (...) знал, вероятно, и ее историю. Возможно, что и самый выбор места действия повести — Васильевского острова — был произведен не без влияния “Уединенного домика” и пушкинского художественного осмысления этой окраины столицы» (Ак. Т. 3. С. 646).

Повесть начинается именно с топографически точного описания места: «Кому случалось гулять кругом всего Васильевского острова, тот, без сомнения, заметил, что разные концы его весьма мало похожи друг на друга. Возьмите южный берег, уставленный пышным рядом каменных, огромных строений, и северную сторону, которая глядит на Петровский остров и вдается длиною косою в сонные воды залива. По мере приближения к этой оконечности, каменные здания, редая, уступают место деревянным хижинам; между сими хижинами проглядывают пустыри; наконец строение вовсе исчезает (...) а дальше лежит луг, вязкий, как болото, составляющий взморье. И летом печальны сии места пустынные, а еще более зимою, когда и луг, и море, и бор, осеняющий противоположные берега Петровского острова, — всё погребено в седые сугробы, как будто в могилу» (Пушкин (2). Т. 9. С. 507–508). О политическом подспудном смысле этого пейзажа — как описанию места, где были похоронены пятеро казненных декабристов, — и о личном значении его для Пушкина см.: Ахматова. А.А. Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 119–126. Устный рассказ Пушкина считается первым по времени из пушкинских произведений петербургского ряда, это

важно для характеристики фона петербургской темы у Гоголя. Для Гоголя эта могила в том смысле (политическом и личном), как она существовала для Пушкина, не существует; но тем более страшна у него мистика места — тем более страшна, чем менее обоснована, чем более неявна. Петербургское пространство начинается у Гоголя жить самостоятельной жизнью, подобно тому, как оно существует в системе мифопоэтических традиций, где «пространство и время не просто рамка (или пассивный фон), внутри которой разворачивается действие; они активны (и, следовательно, определяют поведение героя), и в этом смысле сопоставимы в известной степени с сюжетом» (Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 200—201). Это его свойство выявится окончательно в петербургских повестях, но уже в этом наброске заложены его крайние точки и заданы основные моменты его осмысления.

В.В. Виноградов связывает названную в подзаголовке «чердачную» тему отрывка с замыслом альманаха «Тройчатка» (Виноградов 1976. С. 79), о котором В.Ф. Одоевский писал Пушкину 28 сентября 1833 г.: «Скажите, любезнейший Александр Сергеевич, что делает наш почтенный г. Белкин? Его сотрудники Гомозейко и Рудый Панек, по странному стечению обстоятельств, описали: первый *гостиную*, второй — *чердак*; нельзя ли г. Белкину взять на свою ответственность — *погреб*? Тогда бы вышел весь дом в три этажа, и можно было бы к *Тройчатке* сделать картинку, представляющую разрез дома в 3 этажа с различными в каждом сценами. Рудый Панек даже предлагал самый альманах назвать таким образом: *Тройчатка* или *Альманах в три этажа*, соч. и проч. — Что на это все скажет г. Белкин?» (Пушкин. Т. 15. С. 84). 30 октября 1833 г. Пушкин ответил из Болдина отказом: «Не дожидайтесь Белкина; не на шутку, видно, он покойник; не бывайте ему на новоселье ни в гостиной Гомозейки, ни на чердаке Панка. Не достоин он, видно, быть в их компании... А куда бы не худо до погребка-то добраться» (*там же*, с. 90). Одоевский пытался преобразовать «Тройчатку» в «Двойчатку» вместе с Гоголем (см.: Киевская старина. 1883. № 4. С. 846), однако и этот замысел, видимо, был обречен. Датировка наброска Гоголя по связи с этой историей достаточно предположительна, но если придерживаться ее, за неимением других оснований, то психологически убедительной выглядит дата, близко предшествующая письму от 28 сентября, когда и Гоголь и Одоевский еще верят в осуществимость замысла и готовы к быстрой его реализации.

Название повести и ее подзаголовки наводят на мысль о прямой фантастике гофмановского типа, отсутствующей в «Невском проспекте» и «Записках сумасшедшего» и из петербургских повестей представленной только в «Портрете»; но нельзя не учитывать пародийный характер «страшного» заглавия (а возможно, оно даже не пародийное, а комически дезориентирующее — по наблюдению Ю.В. Манна, оно могло восходить к «школьному» эпизоду повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: «Тогда только с ужасом очнулся он, когда страшная рука, протянувшись из фризовой шинели, ухватила его за ухо и вытащила на средину класса»), а само обозначение «повесть из книги» (с очевидно невозможным названием) намекало на популярность чисто литературных конструкций от «Фантазий об искусстве для друзей искусства» Вакенродера—Тика и «Фантазий в манере

Калло» Гофмана до «многоэтажно» и разнообразно циклизированных повестей «Человеческой комедии» Бальзака и замысла В.Ф. Одоевского «Дом сумасшедших». По мнению В.В. Гиппиуса, «в замысел “Тройчатки” входила, по-видимому, не фантастическая, а социальная мотивировка. Как мотив социальный, мотив “этажей” был использован не раз — см. хотя бы “Les cinq étages” Беранже» (*Гиппиус В.В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Учен. зап. Пермского гос. ун-та. Отд. обществ. наук. Вып. 2. Пермь, 1931. С. 76*); в 30-е годы идея изображения жизни столичного дома в разных его этажах ассоциировалась прежде всего с главами романа Ж. Жанена «Исповедь» (1830), ставшими программными для поэтики «неистойой» литературной школы. «Описание дома занимает несколько страниц. (...) Перед нашим взором словно в вертикальном разрезе проходит все общество с его захватывающими противоречиями. Многоэтажный дом оказывается чем-то вроде микрокосма, в котором отражен огромный социальный мир современной Франции» (*Резов 1959. С. 135*).

Ю.В. Манн конструирует предполагаемый в этой ситуации образ героя: «В каморках на чердаке селилась беднота; следовательно, чердак — показатель необеспеченности, но не только. Еще Я. Княжнин в “Отрывке толкового словаря” поместил: “Чердак — жилище стихотворцев”. У М. Погодина в повести “Адель” (1830) перечислены предметы, имеющие, так сказать, знаковый характер: “это ива Шекспира, этот чердак Руссо или темницы Лутера, Галилея, Данта!” Чердак — приют художников, писателей, студентов; обиталище вдохновения и мечтаний (ср. у В. Филимонова в поэме “Дурацкий колпак”: “Я с чердака вселенной управлял...”). Именно в таком качестве должен был фигурировать чердак у Гоголя. Это значит, что он впервые обратился к персонажу иной душевной организации, чем герои его “Вечеров на хуторе...” или, скажем, “Гетьмана”, человеку свободной профессии (...) к персонажу, близкому ему субъективно и, кроме того, еще и профессионально, повторяющему его собственный жизненный путь» (*Манн 2004. С. 281–282*). Цитируя письмо Гоголя к М.П. Погодину от 6 декабря 1835 г.: «Мир вам, мои небесные гости, наводившие на меня божественные минуты в моей тесной квартире, близкой к чердаку!», исследователь заключает: «Такая интонация, по-видимому, должна была играть существенную роль в задуманном Гоголем произведении» (*там же*).

С. 280. ...на Васильевском острове в 16^й линии — 16-я линия (вместе с 17-й по другой стороне улицы) делит остров примерно пополам и дальше других уходит к северу, в местность, описанную в начале пушкинско-титовского «Уединенного домика на Васильевском», в направлении Смоленского кладбища.

(ФОНАРЬ УМИРАЛ)

Источник текста: *ЧА Ф_{нр}* (см. с. 493).

Впервые опубликовано: *Кулиш 1856. С. 173–175*. Датируется концом 1833 г., по связи с записью «1834», сделанной на такой же бумаге. Печатается по *ЧА Ф_{нр}*.

ЧА Ф_{нр} сохранился в бумагах, оставленных Гоголем у Жуковского во время пребывания за границей; написан черными чернилами, вся правка

сделана в процессе работы; лист сложен пополам по горизонтали. Пометы неустановленного лица графитным и красным карандашом.

В наброске определяется характер петербургского героя Гоголя — это «существо вне гражданства столицы»; такой герой есть в каждой из петербургских повестей (см. *Манн Ю.В.* «Повесть разнообразится чрезвычайно...» // *Гоголь Н.В. Повести. Воспоминания современников.* М., 1989. С. 7). Об автобиографических чертах нового героя Гоголя см. в коммент. к отрывку «Страшная рука»; видимо, для Гоголя было естественно увидеть таким героем студента, школяра, уже не ученика, еще не учителя; автобиографический момент присутствовал и в бурсаках его украинских повестей, несмотря на хорошо осознанную им литературную и культурную традиционность этих образов. Бурсой Гоголь называл и свою Нежинскую гимназию (см.: *Ак. Т. 9. С. 11*). Образ дерптского, т.е. европейского, студента был также достаточно традиционен; например, с изображения студента, пробирающегося ночью по улицам города, начинался роман Л. Велеса де Гевары «Хромой бес»; роман был известен хотя бы по переложению Лесажа; об особой роли студента или бурсака как носителя традиции средневекового гротескного реализма см.: *Бахтин М.М. Рабле и Гоголь* // *Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики.* М., 1975. С. 486–487). В новое время эти традиции отчасти сохранялись в студентах Гофмана. Гофмановский студент Бальтазар из «Крошки Цахеса...», студент Ансельм из «Золотого горшка» много раз упоминались как предшественники гоголевского героя-мечтателя (см. в коммент. к «Невскому проспекту»); но, возможно, ближе к этому раннему отрывку пародийное использование студенческой тематики в «Житейских воззрениях кота Мурра» при изображении кошачьей жизни: коты-филистеры и коты-бурши, пробирающиеся в полночь по крышам, их пирушки с пуншем и песнями, поющие дуэтом и трио кошки на общем музыкальном фоне романа (см.: *Гофман 1972. С. 255–256, 288–290, 307–308* и др.) дают в целом сочетание: ночь — студент — «спевывающиеся» кошки, тщательно прописанное в отрывке «Фонарь умирал».

Тема Дерптского университета могла заинтересовать Гоголя и более непосредственно. В Дерпте в 1822–1829 гг. учился Н.М. Языков, не знакомый в начале 30-х годов с Гоголем, но хорошо известный ему по стихам, видимо преимущественно рукописным, положившим основание целой школе студенческих поэтов. Гоголь был знаком с В.А. Соллогубом, который учился в Дерпте в 1829–1834 гг. («Поэта Языкова я уже не застал, но о нем в студентском кружке сохранилась лучезарная легенда», *Соллогуб 1988. С. 422*). Жуковский был существенно связан с Дерптом в силу биографических обстоятельств; он часто бывал в Дерпте в 1815–1817 гг., деятельно участвовал в университетской жизни; в сентябре 1833 г. он снова посетил Дерпт, и как раз в письме В.Ф. Одоевского Пушкину от 28 сентября 1833 г. по поводу альманаха «Тройчатка» (см. коммент. к отрывку «Страшная рука») упоминается о его возвращении.

Студенты-бурсаки — герои Языкова, возможно, отразились в замыслах раннего Гоголя, но в Петербурге легенда сталкивается с приземленной реальностью: студент отрывка «в этом чинном городе был тише воды». О положении и обычаях петербургских студентов вспоминал Е.А. Мати-

сен: «При хорошей обстановке преподавания и при значительно увеличившемся противу прежнего времени числе студентов, пользовавшихся уже некоторыми преимуществами в общественном положении — обязательный мундир с треуголкой и шпагой получил свое значение не многим меньшее, чем мундир гвардейский. (...) Молодая жизнь, стоявшая еще вне всякого подозрения, требовала свои права, и начала развиваться по примеру университетов германских, в особенности же Дерптского, из которого многие студенты, для пользования лекциями не немецкими, а русскими, начали переходить в Петербург и конечно переносили и дерптские обычаи и самостоятельность. Завелись разные партии, со своими сходками, коммершами и дуэлями, принят был немецкий комман, т.е. студентское обычное право, ввелось пение буршенлидеров попережку с русскими студентскими песнями Языкова — и все это без всякого политического характера, как и ныне еще замечается в Дерпте» (РС. 1881. Т. 31. № 5. С. 155—156). Для Гоголя конца 1833 г., имеющего педагогический опыт и собирающегося стать университетским профессором, студент уже утрачивал черты романтического героя. Возможно, поэтому герой-студент остается в набросках, как, впрочем, остается в нереализованном замысле и герой — гофмановский музыкант; по-видимому, повести реально стали складываться только тогда, когда Гоголь отказался от этих образов. Более перспективный и в конечном счете реализованный поворот замысла обещала проскользнувшая здесь глухо фаустианская тема (см. ниже).

С. 281. ...на одной из дальних линий Василь(евского) Острова... — См. коммент. к отрывку «Страшная рука». Герой начатого рядом с отрывком в записной книге «Портрета» Чертков также живет «в небольшом деревянном доме на Васильевском Острове в 15 линии», и местность, по Гоголю, похожа на все петербургские окраины вообще — «в пятнадцатой линии Васильевского Острова, на Петербургской стороне, или в отдаленном углу Коломны» («Портрет»).

С. 281. ...русская борода... — То есть купец; см. коммент. к отрывку «Дождь был продолжительный».

С. 281. *Существо вне гражданства столицы.* — Это определение героя соотносимо с пушкинской характеристикой Езерского в неоконченной поэме 1832—1833 гг.: «...просто гражданин столичный, / Каких встречаем всюду тьму, / Ни по лицу, ни по уму / От нашей братьи не отличный»; в несколько измененном виде эти строки перешли в черновую редакцию «Медного всадника» (1833), но не были включены в беловую рукопись (см.: *Пушкин А.С. Медный всадник.* Л., 1978. С. 91, 35—36. (Лит. памятники)).

С. 281. ...приехавший из Дерпта... — Дерптский университет (в настоящее время Тартуский) был учрежден в 1802 г., в 20-е годы XIX в. считался выдающимся по составу преподавателей и с 1828 г. готовил также профессоров для русских университетов. По уставу 1803 г. университет получил полную автономию, имел широкую гражданскую и уголовную юрисдикцию, собственный университетский суд, профессорские и даже студенческие корпорации; многократные попытки ограничить университетские традиции самоуправления не давали существенных результатов.

С. 281. ...студент на факул(ь)теты, готовый на все должности... — Ср. в первой части «Фауста» беседу Мефистофеля со студентом, выбирающим «призвание и факультет», и продолжение во второй части этой сюжетной линии (см.: Гете. Т. 2. С. 66–72, 253–257), ставшей, вполне вероятно, одним из источников будущего «Портрета».

С. 281. ...занявший пол-угла в Мещанской у сапожника-немца. — Мещанская улица за Казанским собором у Екатерининского канала — квартал ремесленников. На Мещанской частично происходит действие «Невского проспекта» и «Записок сумасшедшего»; в «Портрете» упомянут «молодой немецкий ремесленник, этот студент Мещанской улицы, один владеющий тротуаром за двенадцать часов ночи» (с. 68).

С. 281. ...подходя к большому проспекту... — Возможно, имеется в виду Большой проспект — улица, идущая перпендикулярно линиям Васильевского острова и ближайшая к набережной Невы параллельная ей.

С. 281. Прильнув к ставне и приставив глаз... — Тема подглядывания у Гоголя возникает в «Женитьбе», в «Записках сумасшедшего»; она изначально двусмысленна (законмерно позднее появление его анекдота про молебен в публичном доме, подсмотренный якобы в аналогичной ситуации, см.: Соллогуб 1988. С. 442–443; Гоголь в восп. С. 475).

С. 281. Штука материи — «кусочек, как он идет с фабрики» (Даль. Т. 4. С. 646).

С. 281. Газ — «самая легкая, тонкая, реденькая шелковая ткань для женских уборов» (Даль. Т. 1. С. 340).

⟨ДОЖДЬ БЫЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ⟩

Источники текста: ЧА Джд (см. с. 493).

Впервые опубликовано: Кулиш 1856. С. 171–173. Датируется 1833–1834 гг. (не позднее февраля). Печатается по ЧА Джд.

Автограф записан на четверти листа плотной бумаги без водяных знаков, вырванном из тетради, последние пять строк переходят на оборот, под ними графитным карандашом изображения готических зданий; правый нижний угол оборван, чернила бледные. Правка сделана в процессе работы. Название «Дождь» включено в первоначальный план *Ар.*, поэтому можно предположить, что текст написан не позднее февраля 1834 г., когда этот план был составлен. В отрывке, как заметил В.В. Гиппиус, «намечены мотивы и целые фразы будущих петербургских повестей»; видимо, Гоголь включил его в план, предполагая обработать для *Ар.*, но «замысел этот расстроился на “Невский проспект” и “Записки сумасшедшего музыканта” (затем “Записки сумасшедшего”» (Гиппиус 1941. С. 8; см. также: Мат. и иссл. 1936. Т. 1. С. 22); эти два названия вместо «Дождя» появятся во втором плане книги (не ранее августа 1834 г.). В.В. Гиппиус воспринимает все три ранних гоголевских наброска повести о Петербурге как части одного целого, связанного импрессионистичностью изображения и единством манеры повествования с повестями *Ар.*: «Когда (...) Гоголь переходит к обстановке петербургской, он склоняется к изображению этой обстановки в фантастическом свете: импрессионистические образы самой

приблизительностью очертаний приближаются к карикатуре, откуда недалеко до фантастики, стиль становится нервно-лирическим, и “третье лицо” в повествовании все время борется с первым, с ролью автора, перебивающего повествование вопросами и восклицаниями. Так в набросках к роману “Страшная рука” с его импрессионистическими мазками — белое платье во мраке, лицо в виде треугольника, масса мяса, обернутая в капот и чепчик. Так и в “Невском проспекте”, где нет прямо-фантастической фабулы, но лирико-импрессионистическая манера освещает все самые обыденные фигуры фантастическим светом и неизбежно приводит к выводу — “все обман, все мечта, все не то, что кажется» (*Гиппиус 1924. С. 51*). В.В. Гиппиус обозначает здесь фрагменты единым названием «Страшная рука», но после ноября 1833 г. это название, видимо, уже не актуально для Гоголя. Можно предположить, что, включая название «Дождь» в первый план, он имел в виду не конкретный текст, а весь петербургский замысел в целом.

М. Вайскопф связывает набросок о дожде с повестью Бальзака «Феррагус, предводитель деворантов» (1833, рус. пер. — Т. 1833. Ч. 13. № 9–12; картина дождя в № 10. С. 160–164; ср.: *Бальзак. Т. 11. С. 34–36*), отмечая в нем возникающую, кажется, впервые у Гоголя тему «болотного города» (см.: *Вайскопф 1993. С. 195–197, 246*).

Неоднократно отмечалась беспрецедентная резкость тона в отрывке по отношению к купечеству; по ощущению С.А. Венгерова, Гоголь здесь «превосходит всякую меру презрения» (*Венгеров. Т. 2. С. 67*). Можно предположить, что преувеличенная экспрессивность, не свойственная повестям *Ар.* (см.: *Манн 2004. С. 323*), связана отчасти с обстоятельствами литературной жизни и адресована не столько купечеству вообще, сколько «литературному купечеству» Н.А. Полевого; после запрещения *МТ* в апреле 1834 г. по негласному литературному этикету нападки такого рода сделались недопустимыми и резкий тон отрывка оказался неактуален.

С. 283. ...будто сквозь тонки(й) газ. — Имеется в виду ткань; см. коммент. к отрывку «Фонарь умирал».

С. 283. Тускло мельк(а)ла вывеска над (вы)веской. — В письме матери от 30 апреля 1829 г. Гоголь рассказывал: «Дома здесь большие (...) во многих домах находится очень много вывесок. Дом, в котором обретаюсь я, содержит в себе 2-х портных, одну маршанд де мод, сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду, дегатировщика и красильщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазин сбережения зимнего платья, табачную лавку, и наконец привилегированную повивальную бабку. Естественно, что этот дом должен быть весь облеплен золотыми вывесками».

С. 283. ...что(бы) посмотреть на сапоги ваши, на штаны, на фрак или на шляпу ~ чтобы осмотреть задний фасад ваш. — Ср. в «Невском проспекте» (с. 129).

С. 283. Теперь раздолье мне закут(ываться) крепче в свой плащ. — Ср. в «Невском проспекте» (с. 154). Близкий мотив встречается и в отрывке «Фонарь умирал». Ю.В. Манн отмечает автобиографичность этого мотива у Гоголя: «Как южанин, привыкший к ненатопленному теплу и к тому же плохо одетый — целую зиму Гоголь, по его словам, “отхва-

тал в летней шинели”, — он страдал зябкостью, чувствовал себя неуютно, стесненно, особенно среди незнакомых или в многолюдстве. Мелькающие в его петербургских произведениях позы, когда человек крепче закутывается плащом своим, прижимается к стенам домов, старается вовсе не глядеть на окружающие предметы, — словом, всячески ступшевывается и ретируется — все это было личное, выстраданное» (Манн 2004. С. 179–180).

С. 283. ...не спасет новенького сюртучка, красу и загляденье Невского проспекта. — Ср. в «Невском проспекте» (с. 154).

С. 283. Бланманже (франц. blanc-manger) — молочное или миндальное желе белого цвета.

С. 283. Они большие бестии, эти чиновники, ловить рыбу в мутной воде... — Ср. аналогичный мотив в «Невском проспекте» и «Записках сумасшедшего» (с. 130–131, 206).

С. 283. ...русская борода, купец ~ с талией на спине или, лучше, на шее. — Ср. в «Невском проспекте» (с. 130, 146). Постоянные у Гоголя «обозначения купцов “бородами”» истолкованы В.В. Виноградовым в ряду приемов «механизации живого» как выражение «тенденции к оществлению художественного мира», очевидной в повестях «Невский проспект» и особенно «Нос», но различимой уже в ранних литературных попытках писателя (статья о «Борисе Годунове» и отрывок «Мне нужно видеть полковника»), см.: Виноградов 1976. С. 287–288.

С. 284. ...какую адскую струю они оставили после себя в воздухе из капусты и луку. — Ср. в «Записках сумасшедшего» (с. 211).

С. 284. Окна в кондитерских захлопнулись. — О петербургских кондитерских см. в коммент. к «Невскому проспекту».

С. 284. Даже серый рыцарь с алебардой и завя(зан)ною щекою убежал в будку. — Имеется в виду полицейский нижний чин — будочник, несущий караульную службу (у караульной будки), имеющий при себе оружие в виде секиры на длинном древке с острым наконечником.

(РУДОКОПОВ)

Источники текста: *ЧА Руд* (см. с. 493).

Впервые опубликовано: *Кулиш 1856*. С. 169. Датируется по расположению рукописи второй половиной 1833 г. Печатается по *ЧА Руд*.

Набросок по расположению его в тетради, где находятся также повести «Миргорода» (описание см. в т. 2 наст. изд.), предположительно датируется второй половиной 1833 г.

«Говорящая» фамилия Рудокопов должна быть связана, по-видимому, с интересом Гоголя к подземному миру прежде всего как источнику материального богатства, но также и как источнику сложных разрушительных и созидательных процессов, оказывающих влияние на ход человеческой истории (см.: Манн 2004. С. 209–210; о теме подземелья у Гоголя в символическом плане см.: Вайскопф 1993. С. 153–155 и др.; об образе рудокопа в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» см.: Берковский. С. 188, 190). Тема подземного мира, с его страшными тайнами, кладами и чудовищными обитателями, в ее последовательно фантастическом варианте была развита в украинских повестях Гоголя («Вечер накануне Ивана Купала»,

«Заколдованное место», «Страшная месть», «Вий»); она также достаточно заметно представлена в статьях *Ар.* во фрагментах о мощных фундаментах и скрытых движущих колесах событий, о подземной географии и каткомбной архитектуре. Можно предположить, что в наброске «Рудокопов» предполагалось решение темы в рамках бытовой повести, и вряд ли на экзотическом материале. «Подземное сродни ночному, скрытому, таинственному, подсознательному», — пишет Ю.В. Манн, связывая интерес Гоголя к этим явлениям с тем, что он начинает осознать «все неясное и темное (...) как самостоятельную и могущественную сферу бытия» (*Манн 2004. С. 209—210*). При таком понимании темы трудно было избежать влияния Гофмана, и в этом случае замысел наброска скорее всего должен был тесно примыкать к петербургскому замыслу Гоголя, на первоначальном этапе представленному набросками «Страшной руки» и «Носа». Предполагаемое развитие темы не ясно, но возможно, что глухая параллель с легендой о царе Мидасе (см. ниже) здесь не случайна.

Можно предположить также, каким образом набросок мог вписаться в круг образов, занимавших Гоголя в это время. «Говорящая» фамилия — прием резко экспрессивный, того же рода, как и необычная, сведенная к одной гипертрофированной черте внешность человека-носа из отрывка «Фонарь умирал» (своего рода гнома, фантастического чудовища; для бытовой повести это, видимо, предел искажения внешности, вообще человеческого образа); функционально эти персонажи могли быть сближены, и, вероятно, оба они должны были воплощать некую в той или иной мере агрессивную силу. Впрочем, сама тема делания денег, движения от бедности к богатству, неоднозначна и позднее создала, возможно, самого сложного героя Гоголя — Чичикова. В пределах же творчества 1834 г. связанная с Рудокоповым тема денег ушла в «Портрет», в образы ростовщика и фантастически разбогатевшего Черткова; тема гипертрофированного качества в своем фантастическом аспекте — также в «Портрет», в аспекте гротескном — в «Нос» и «Невский проспект» с его парадом усов и бакенбард. Гномы — рудокопы и ремесленники, поэтому тема ремесленничества тоже может быть связана с отрывком в разных ее аспектах — как ремесленничества художника Черткова, так и искусного технического мастерства жестянщика Шиллера.

С. 285. ...казалось, к чему ни притрогивался он, все то обращалось в деньги. — Параллель с историей мифологического царя Мидаса, которому богом Дионисом было обещано исполнение любого желания; Мидас пожелал, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. Но в золото стала превращаться и его пища. Мидас избавился от губительного дара, только испулавшись в источнике, указанном Дионисом, и источник стал золотоносным (см.: *Мифы. Т. 2. С. 150*).

С. 285. ...имел только 20 душ крестьян да сотню десятин земли... — Десятина — русская мера земельной площади, равная 2400 кв. саженьям, или 1,09 гектара, применявшаяся до введения метрической системы. Семья самого Гоголя владела примерно 200 душами и 1000 десятин, а, например, Д.П. Трошинский, принадлежавший к числу самых богатых людей Украины, имел более 6 тысяч душ и около 70 тысяч десятин земли (см.: *Манн 2004. С. 35*).

(НА БЕСЧИСЛЕННЫХ ТЫСЯЧАХ МОГИЛ)

Источники текста: *ЧА НБТМ* (см. с. 493).

Впервые опубликовано В.И. Шенроком в издании: *Тих.* Т. 7. С. 903–904. Предположительно датируется 1833–1834, до февраля. Печатается по *ЧА НБТМ*.

По предположению Г.М. Фридендера, набросок представляет собой начало неосуществленной статьи для *Ар.* Но, поскольку в совершенно еще не заполненной записной книге Гоголь записывает начало статьи о Пушкине — одной из первых среди специально предназначенных для *Ар.* — непосредственно после этого фрагмента, не оставляя места для продолжения работы над ним, можно предположить, что этот замысел уже на самом раннем этапе был заменен замыслом статьи «Несколько слов о Пушкине», а возможно, изначально совпадал с ним — т.е. не исключено, что это предварительный набросок статьи о Пушкине.

Содержание фрагмента не противоречит такому предположению. Оно близко соотносится со строками стихотворения Пушкина «Была пора: наш праздник молодой...» (1836): «Чему, чему свидетели мы были! / Игралыща таинственной игры, / Метались смущенные народы; / И высились и падали цари; / И кровь людей то славы, то свободы, / То гордости багрила алтари». Эти строки — сжатая вариация темы стихотворения 1830 г. «К вельможе» с сопоставлением минувшего XVIII и нового века: «...Смотри: вокруг тебя / Все новое кипит, бывшее истребя. / Свидетелями быв вчерашнего паденья, / Едва опомнились младые поколения. / Жестоких опытов собирая поздний плод, / Они торопятся с расходом свесть приход». Тема его остается актуальной для Пушкина на протяжении всего периода его знакомства с Гоголем и могла присутствовать в их личных беседах. Возможно, именно стихотворение «К вельможе», которое Гоголь мог прочитать в ЛГ (1830. № 30. 26 мая), дало импульс к введению французской темы (Франция естественно становится в центре любого исторического осмысления смены XVIII и XIX вв.) в повести «Страшный кабан», кратко обозначенному упоминанием о покрое чепчика, утраченном «в толпе событий, знаменовавших XVIII столетие» (см. об этой связи: *Гоголь 1994.* Т. 7. С. 541).

Возможно также сближение наброска со статьей И.В. Киреевского «Девятнадцатый век» (1832), обсуждавшейся как в пушкинском кругу, так и в обществе московских знакомых Гоголя. Недавний слушатель Шеллинга, Киреевский вслед за ним стремится к внерациональному, «положительному», живому познанию «сущности вещей и бытия»; применительно к истории это оборачивается требованием прежде всего понять настоящее, «постигнуть дух своего времени». «...Не было века, изучение которого представляло бы столько трудностей, сколько представляет изучение нашего, ибо никогда изменения господствующего направления не совершались столь быстро и столь решительно. Прежде характер времени едва чувствительно переменялся с переменою поколений; наше время для одного поколения меняло характер свой уже несколько раз, и можно сказать, что те из моих читателей, которые видели полвека, видели несколько веков, пробежавших пред ними во всей полноте своего развития». Момент современности для позднешеллингианского осмысления истории становится ключевым,

приобретает беспрецедентный философский вес; ср.: «...Одно понятие текущей минуты, связывая общие мысли с частными явлениями, определяет в уме нашем порядок и степень важности для всех событий нравственно-го и физического мира» (*Киреевский 1979. С. 80*). Гоголь осознанно стремится стать современным властителем дум в период *Ар.*, он весь обращен к современности, даже когда говорит об истории, а возможно, и более всего когда говорит об истории, хотя это задание несколько прикрито, спрятано по сравнению с поздним периодом его творчества, когда раздражающий многих пафос «Выбранных мест...» — рискованно откровенная претензия на прорыв к самой сути современности — заставляет вспомнить уже отвергнутые писателем и, возможно, полузабытые им шеллингианские увлечения начала 30-х годов.

В статьях *Ар.* тема XIX века представлена в последовательном осмыслении, она крупно присутствует в центральных статьях книги («Скульптура, живопись и музыка», «О Средних веках», «О преподавании всеобщей истории», «Об архитектуре нынешнего времени», «Последний день Помпеи», см. коммент. к этим текстам). Это «юный и дряхлый век», век «страшного величия (...) Европы», век, позволивший выявить «весь безграничный мир, скрывавшийся в человеке», — и век, имеющий «чудный дар делать все ничтожным», все превратить в моду и игрушку, век энциклопедической «бесстрастной образованности» и рассредоточенной воли, но — «кто-то сказал, что в 19 веке невозможно появление гения всемирного, обнявшего бы в себе всю жизнь 19 века. Это совершенно несправедливо (...). Напротив: никогда полет гения не будет так ярок, как в нынешние времена. Никогда не были для него так хорошо приготовлены материалы, как в 19 веке» (с. 13, 15, 42—43, 106, 97, 173). Характеристики XIX века в статьях Гоголя всегда двойственны и не дают оснований принять одну из оценок как окончательную. Скорее можно сказать, что в размышлениях о нем Гоголь воспроизводит общую схему своего поэтического мышления, описанную Ю.М. Лотманом: старое распадается, затем из хаоса, упадка, раздробления, всеобщего взрыва возникает новое целое; несмотря на различие обстоятельств и целей его «представление о “художественном”, да и обо всяком познании как раздроблении и новом воссоединении объекта останется устойчивым» (*Лотман Ю.М. Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя // Тр. по рус. и слав. филологии. Т. 15. Тарту, 1970. С. 27*). Эта схема задана уже в комментируемом наброске и намеренно усилена через сравнение XIX века с фениксом — волшебной птицей, на исходе жизни сжигающей себя и затем возрождающейся из пепла. Тема обретения исторического опыта параллельна в *Ар.* теме обретения опыта личного, воспитания души; эта параллель подчеркивается сходством ряда выражений в письмах периода кризиса 1833 г. с текстом наброска: «Едва начинаю, и что-нибудь совершу из Ист(ории), уже вижу собственные недостатки: то жалею, что не взял шире, огромное объему, то вдруг зидется совершенно новая система и рушит старую» (М.П. Погодину, 20 февраля 1833 г.); «Какой ужасный для меня этот 1833-й год! Боже сколько кризисов! настанет ли для меня благодетельная реставрация после этих разрушительных революций? — Сколько я поначинал, сколько пережег, сколько бросил!» (М.П. Погодину, 28 сентября 1833 г.); «Если бы вы

знали, какие со мною происходили страшные перевороты, как сильно раз-
терзано все внутри меня. Боже, сколько я пережег, сколько перестрадал!»
(М.А. Максимовичу, 9 ноября 1833 г.). Это позволяет заключить, что на-
бросок имеет своеобразное камертонное значение для *Ар.* в целом; не во-
шедший туда, этот текст, по замечанию П.Г. Паламарчука, «сейчас может
служить как бы автоэпиграфом к нему, если даже не ко всему своему деся-
тилетию» (*Паламарчук 1990. С. 384*).

〈ОТРЫВОК ДЕТСКОЙ КНИГИ ПО ГЕОГРАФИИ〉

Источники текста: *ЧА ДетКн* (см. с. 493).

Впервые опубликовано: частично — *ИВ. 1902. Т. 87. № 2. С. 651*,
полностью — *Атеней 1926. С. 78—80*. Датируется предположительно
временем не позднее конца 1830 г. Печатается по *ЧА ДетКн*.

Рукопись в числе других была куплена П.Я. Дашковым у вдовы
М.П. Погодина (см. с. 525). Она написана на листе шероховатой темнова-
той бумаги, сложенном пополам по вертикали, а позднее разорванном по
этой линии; кроме того л. 18 (правая половина) был разорван на шесть
частей неправильной формы и склеен, л. 19 (левая половина) — на четыре
части и также склеен, но при этом нижняя его часть, вероятно, без текста,
была утрачена; на л. 18 об. — дефекты текста из-за того, что был срезан бо-
ковой край листа. Гоголь начал писать в верхней части л. 18; лист исписан
полностью, и текст переходит на л. 18 об., где всего несколько строк, под
которыми поставлено: § 3 (правильно было бы: § 2), — но лист ниже оста-
влен чистым, а § 3 начат рядом, на л. 19, со значительным спуском (при-
мерно на том же уровне, где кончаются записи на л. 18 об.) и оставлен не-
дописанным; чистый л. 19 об. Гоголь при работе над текстом на л. 18 ис-
пользовал в качестве полей слева и записал на нем слово «веселое» (как
вставку к фразе: «зачем не приходит так долго это веселое лето»), которое
позднее, вероятно когда листы уже были разорваны, было перенесено в
текст на л. 18 простым карандашом рукой неизвестного лица (возможно,
П.Я. Дашкова или К.Н. Михайлова, см. с. 525); тем же простым каранда-
шом вставлено «и» на л. 18 («самые большие, самые страшные и самые лю-
тые»), возможно, как следует заключить по аналогии, также остававшееся
на несохранившейся нижней части л. 19 об.; в обоих случаях эти исправле-
ния внесены в текст как авторские. Текст содержит значительную правку,
небрежную и часто незаконченную, сделанную, по-видимому, в процессе
работы теми же чернилами и почерком.

Замысел детской книги по географии, по всей вероятности, имеет отно-
шение к преподаванию Гоголя в Патриотическом институте благородных
девиц (с марта 1831 по апрель 1835 г.), однако отношение не прямое, и хо-
тя преподавал Гоголь младшим воспитанницам пансиона (от 8 до 14 лет;
см.: *Бардовский А.Ф. Патриотический Институт: Исторический очерк за
100 лет. 1813—1913 г. СПб., 1913. С. 30*), тем не менее, по-видимому, прав
был В.В. Гиппиус, полагая, что книжка была «рассчитана на возраст млад-
ший по сравнению с возрастом учениц Патриотического Института», и от-
вергая возможность соотнести этот замысел с другой задуманной Гоголем

книгой — «Земля и люди», которую писатель намеревался составить, переработав записи своих институтских лекций в «нечто еще более серьезное: "всеобщую историю, если не географию, в трех, если не в двух томах", из которой можно было узнать и мысли его об этих науках» (*Атений 1926. С. 80*; см. также коммент. к статье «О Средних веках»). В.В. Гиппиус связывал происхождение отрывка «с непрерывавшимся у Гоголя в течение всей его жизни интересом к географии и, вероятно, с первыми шагами в деле ее преподавания», отмечая при этом, что сам замысел книги «мог видоизменяться много раз, и еще в 1849 году Гоголь мечтает о "существенной, говорящей географии", которая могла бы врезаться, "как живая, в память даже несовершенного отрока"» (*там же*). Говоря о «первых шагах» Гоголя-преподавателя, можно вспомнить о самых ранних его учительских попытках, засвидетельствованных записками его сестры Елизаветы Васильевны, где сообщается, что Гоголь, приезжая домой из Нежинской гимназии, занимался по утрам с сестрами и, между прочим, учил их истории и географии (см.: *Р. 1885. № 26*). Если статья «Несколько мыслей о преподавании детям географии», напечатанная Гоголем 1 января 1831 г. в *ЛГ*, была, как считается, заявкой «на занятие места учителя истории и географии в Патриотическом институте» (*Изд. Гоголь. С. 437*), то отрывок детской книги мог быть первоначальной и, видимо, неудачной пробой такой заявки; в этом случае его следует датировать временем не позднее конца 1830 г., когда были закончены «Несколько мыслей...» (см. коммент. к статье «Мысли о географии»). Оба произведения в основе своей имеют противопоставление «кипящего» Юга, где «каждое творение бьется двойной жизнью», Северу, «где в искаженных чертах природы прочитывается ужас и земля превращается в оледенелый труп» (с. 163), причем в статье «Мысли о географии» Гоголь, уже не связанный возрастом предполагаемого читателя, выражает свое чувство гораздо откровеннее; а уверенное гоголевское утверждение в статье: «Воспитанник не должен иметь вовсе у себя книги (...) перед ним должна быть одна только карта» — трудно не соотносить с отказом от продолжения «детской книги». Вероятно, в процессе работы над ней и складывалась авторская установка статьи.

Представление Гоголя о том, какими качествами должна обладать учебная книга, было сформулировано им еще в гимназические времена в письме от 13 сентября 1827 г. Петру П. Косяровскому, где он рассказывает о книге по математике, которую признает образцовой: «Мне нравится, что во всем этом курсе (...) всякая часть, даже самая арифметика написана так, что ее никак нельзя учить буквально (...) — всё здесь изъяснено, выведено, всё основано на умственном созерцании, но так просто, так легко, ясно изложено, что дитя в состоянии понимать его». Вопрос об адаптированном изложении научного материала был актуальным в гоголевские времена; классическое решение его, по-видимому, предложил Шлёцер; пропагандировавший его детские книги *МВ* печатал сообщения и о других аналогичных изданиях, например об опубликованной В. Скоттом «Истории Шотландии для внука» (см.: *МВ. 1828. Ч. 8. С. 128*; отрывок из нее см. *там же*, с. 334–348), в связи с которой поднималась проблема изложения для детей; в этом же журнале Гоголь мог встретить сообщение о предназначенной детям книге по географии (*МВ. 1830. Ч. 4. С. 231–232*). Собственно

детская речь в ее специфике также привлекала его внимание (см. письма матери от 30 октября 1831 г. и 26 февраля 1832 г.). Детское восприятие оставалось для Гоголя убедительным критерием и в зрелые годы (в письме к С. Т. Аксакову от 22 декабря н. с. 1844 г. он предлагает Константину Аксакову для приобретения «физиогномии слога» писать серьезную филологическую статью так, как если бы он ее рассказывал своей маленькой сестре).

С. 287. *Что это за зима! ~ не выходи из дому, не закутавшись наперед в шубу.* — Можно видеть здесь след гоголевского восприятия северного климата, личных переживаний Гоголя после приезда в Петербург, отразившихся также в его письмах (например, 3 января 1829 г., 25 ноября 1832 г., 24 июня 1833 г. и др.), а позднее в повестях «Портрет» и «Шинель».

С. 287. *...апельсинов, лимонов, ананасов, за которые мы платим так дорого...* — Этот фрагмент соотносим с изображением реалий петербургской жизни в «Повести о капитане Копейкине»: «вишенки — по пяти рублей штука, арбуз-громадище... ищет дурака, который бы заплатил сто рублей»; ср. также в рассказах Хлестакова: «в сто рублей арбуз» (см.: *Гоголь 1994. Т. 7. С. 523*). Дорогие привозные фрукты в России поражали как экзотика еще длительное время после Гоголя; ср. у Чернышевского в романе «Что делать?» (1863), где отношение к ним Рахметова осознается в ряду морально-этических проблем.

С. 287. *...смоковницы, фиговое дерево...* — Смоковница то же, что фиговое дерево (инжир); см. коммент. к статье «О преподавании всеобщей истории».

С. 287. *Там живут звери самые большие ~ Там живут люди, которые ничем не лучше зверей ~ А лица у них такие черные...* — Ср. в статье «Мысли о географии» сказанное об Африке, где живет «человек, мало чем различий с наружностью и своими чувственными наклонностями от обезьян, кочующих по ней ордами» (с. 166). По Гердеру, в тех местах на земле, «где силы природы наиболее деятельны и энергичны», живут «самые сильные, самые крупные, самые смелые животные (...) к небу поднимаются самые высокие в мире деревья, и на них сверкают самые сочные и самые полезные в мире плоды»; только там, «где могучими потоками изливается электрическая сила солнца, воздуха, земли», возможно появление «тех чудесных животных Старого Света, что, кажется, насквозь прожжены живым огнем» (*Гердер 1977. С. 48*). Особенности климата и условий жизни Гердер далее объясняет строение тела и цвет кожи негритянских племен Африки (см. там же, с. 157–158).

С. 288. *...люди такие маленькие, такие бедные ~ ловят рыбу да олений, которые одни только и живут там.* — Ср.: *Гердер 1977. С. 141–144*.

С. 288. *Это камчадалы, эскимосы, самоеды, чукчи.* — Камчадалы — исконные обитатели полуострова Камчатки (ительмены). Эскимосы — жители американского Крайнего Севера. Самоедами во времена Гоголя называли народы Российской империи, живущие на побережье Северного Ледовитого океана (от саам. самэ-емне — земля саами). Чукчи — жители Чукотки.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

- ОР ИРЛИ* — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

ПЕРИОДИКА

- БдЧ* — журнал «Библиотека для чтения»
ВЛ — журнал «Вопросы литературы»
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИВ — журнал «Исторический вестник»
ЛВ — журнал «Литературный вестник»
ЛГ — Литературная газета
ЛН — Литературное наследство
МВ — журнал «Московский вестник»
МН — журнал «Московский наблюдатель»
Москв. — журнал «Москвитянин»
МТ — журнал «Московский телеграф»
ОЗ — журнал «Отечественные записки»
ПЗв — альманах «Полярная звезда»
Р — газета «Русь»
РА — журнал «Русский архив»
РЛ — журнал «Русская литература»
РМ — журнал «Русская мысль»
РС — журнал «Русская старина»
СО — журнал «Сын отечества»
Совр. — журнал «Современник»
СПч — газета «Северная пчела»

СЦв — альманах «Северные цветы»

Т — журнал «Телескоп»

Учен. зап. МПИ — Ученые записки Московского педагогического института им. В.П. Потемкина

Чтения — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамович 1994 — Абрамович С.Л. Пушкин в 1833 году. М., 1994.
- Айзеншток 1952 — Айзеншток И.Я. Н.В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленингр. ун-та. 1952. № 3.
- Ак. — Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. [Б. м.], 1937—1952.
- Алексеев 1936 — Алексеев М.П. Драма Гоголя из англо-саксонской истории // Мат. и иссл. 1936. Т. 2.
- Алленова, Алленов — Алленова О.А., Алленов М.М. Карл Брюллов. М., 2000.
- Анненков 1989 — Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989.
- Анненкова 1989 — Анненкова Е.И. Гоголь и декабристы: (Творчество Н.В. Гоголя в контексте литературного движения 30—40-х гг. XIX в.). М., 1989.
- Анненский — Анненский И.Ф. Книги отражений / Подг. изд. Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров. М. 1979.
- Анциферов 1991 — Анциферов Н.П. «Непостижимый город...». Л., 1991.
- Ар. — Арабески: Разные сочинения Н. Гоголя: В 2 ч. СПб., 1835.
- Атеней 1926 — Атеней: Историко-литературный временник. Л., 1926. Кн. 3.
- Бальзак — Бальзак О. Собр. соч.: В 24 т. М., 1960.
- Бантыш-Каменский — Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. Ч. 1—3. М., 1830.
- Барабаш 1995 — Барабаш Ю.Я. Почва и судьба: Гоголь и украинская литература: у истоков. М., 1995.
- Бартенев — Бартенев П.И. О Пушкине. М., 1992.
- Батюшков 1887 — Батюшков К.Н. Соч.: В 3 т. / Вступ. ст. Л.Н. Майкова; примеч. Л.Н. Майкова, В.И. Саитова. СПб., 1885—1887.
- Батюшков 1978 — Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подг. И.М. Семенко. М., 1978. (Лит. памятники).
- Белинский — Белинский В.Г. Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. М., 1953—1959.
- Белый 1934 — Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934.
- Беляев 1966 — Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. 2-е изд. М., 1966.
- Берков 1954 — Берков П.Н. Об одной мнимой опечатке у Гоголя: (К истории текста «Записок сумасшедшего») // Ст. и мат.
- Берковский — Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973.
- Бестужев-Марлинский 1976 — Бестужев-Марлинский А.А. Повести и рассказы / Подг. текста, сост. и примеч. А.Л. Осповата; вступ. ст. Вл.И. Гусева. М., 1976.

- БЭ — Библейская энциклопедия / Труд и изд. арх. Никифора. М., 1891 (репринт — М., 1990).
- Благой 1973 — Благой Д.Д. Гоголь-критик // Благой Д.Д. От Кантемира до наших дней. Т. 2. М., 1973.
- Блок — Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960—1963.
- Борисова 1979 — Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX века. М., 1979.
- Ботникова — Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература. Воронеж, 1977.
- Бочаров 1999 — Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999.
- Бочаров 2007 — Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М., 2007.
- Брюллов в письмах — К.П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. М., 1961.
- Булгарин 2002 — Булгарин Ф. Иван Выжигин и его приложение Петр Иванович Выжигин. М., 2002.
- Вайскопф 1987 — Вайскопф М. Нос в Казанском соборе: О генезисе религиозной темы у Гоголя. — Wiener Slavistischer Almanach. 1987. Bd. 19.
- Вайскопф 1993 — Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993.
- Вайскопф 2003 — Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души. М., 2003.
- Вакенродер 1826 — Об искусстве и художниках: Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком. М., 1826.
- Вакенродер 1977 — Вакенродер В.Г. Фантазии об искусстве / Вступ. ст. А.С. Дмитриева; коммент. А.В. Михайлова. М., 1977.
- Вакенродер и рус. лит. — В.Г. Вакенродер и русская литература первой трети XIX века / Под ред. И.В. Карташовой. Тверь, 1995.
- Вацуро 1978 — Вацуро В.Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978.
- Венгеров — Венгеров С.А. Собр. соч.: В 5 т. СПб.; 1911—1913.
- Веневитинов 1980 — Веневитинов Д.В. Стихотворения; Проза / Изд. подг. Е.А. Маймин, М.А. Чернышов. М., 1980. (Лит. памятники).
- Веселовский 1916 — Веселовский Алексей Н. Западное влияние в новой русской литературе. 5-е изд., знач. доп. М., 1916.
- ВИ — Всемирная история: В 10 т. М., 1955—1965.
- Виноградов 1976 — Виноградов В.В. Избр. труды: Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Виротайнен 1977 — Виротайнен М.Н. К вопросу об эстетике Гоголя. (1830—1836 гг.) // Studia Slavica Hung. Vr., 1977. [Т.] 23.
- Витберг 1892 — Витберг Ф.А. Гоголь как историк // ИВ. 1892. Т. 49. Август.
- Вишневская 1976 — Вишневская И.Л. Гоголь и его комедии. М., 1976.
- Вишневский 1934 — Вишневский Вс. Гоголь и военная Россия // Лит. критик. М., 1934. № 4.
- Вольтер — Вольтер. Собр. соч.: В 3 т. М., 1998.
- Вяземский — Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878—1896.

- Гаевский 1852* — [Гаевский В.П.] Заметки для биографии Гоголя // *Совр.* 1852. Т. 35. № 10. Отд. 6.
- Гайм* — Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения: В 2 т. М., 1888.
- Георгиевский* — Гоголевские тексты / Изд. Г.П. Георгиевским // Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. Вып. 3. СПб., 1909.
- Гердер 1977* — Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. и примеч. А.В. Михайлова; вступ. ст. А.В. Гулыги. М., 1977.
- Герсеванов* — Герсеванов Н.Б. Гоголь перед судом обличительной литературы. Одесса, 1861.
- Гёте* — Гёте И.В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1975—1980.
- Гёте 1975* — Гёте И.В. Об искусстве / Сост., вступ., ст., примеч. А.В. Гулыги. М., 1975.
- Гиппиус 1924* — Гиппиус В.В. Гоголь. Л., 1924.
- Гиппиус 1941* — Гиппиус В.В. Заметки о Гоголе // Учен. зап. ЛГУ. № 76. Сер. филол. наук. Вып. 11. Л., 1941.
- Гиппиус 1966* — Гиппиус В.В. Творческий путь Гоголя // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966.
- Гогол. сб. 1902* — Гоголевский сборник, изданный состоящей при Ист.-филол. ин-те князя Безбородко Гоголевской комиссией / Под ред. М. Сперанского. Киев, 1902.
- Гогол. сб. 1993* — Гоголевский сборник / Под ред. С.А. Гончарова. СПб., 1993.
- Гоголь 1959* — Гоголь Н.В. Собр. худ. произв. В 5 т. М., 1959.
- Гоголь 1994* — Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост., подг. текстов и коммент. В.А. Воропаева и И.А. Виноградова. М., 1994.
- Гоголь в восп.* — Гоголь в воспоминаниях современников / Ред. текста, предисл. и коммент. С.О. Машинского. М., 1952.
- Горленко* — Краткое историческое описание о Малой России до 1765 года с Дополнением о Запорожских Козаках и Приложениями... // *Чтения.* М., 1848. № 6. Отд. 2.
- Гофман* — Гофман Э.Т.А. Избр. произв.: В 3 т. М., 1962.
- Гофман 1972* — Гофман Э.Т.А. Крейсериана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники / Изд. подг. И.Ф. Бэлза, А.С. Големба, О.К. Логина. М., 1972. (Лит. памятники).
- Гофман 1984* — Гофман Э.Т.А. Эликсиры сатаны / Изд. подг. Н.А. Жирмунская, А.Г. Левинтон, Н.А. Славягинский. Л., 1984. (Лит. памятники).
- Григорьев 1967* — Григорьев А.А. Литературная критика / Сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Егорова. М., 1967.
- Гуковский 1959* — Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959.
- Гюго* — Гюго В. Собор Парижской богородицы / Пер. Н. Коган. М., 1977.
- Даль* — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989—1991.
- Де Квинси 1834* — Исповедь англичанина, употреблявшего опиум. Соч. Матюрина, автора Мельмота. СПб., 1834.
- Денисов 2006* — Денисов В.Д. Мир автора и миры его героев: (О раннем творчестве Н.В. Гоголя). СПб., 2006.

- Дилакторская 1986* – Дилакторская О.Г. Фантастическое в «петербургских повестях» Гоголя. Владивосток, 1986.
- Дилакторская 1995* – Дилакторская О.Г. Художественный мир петербургских повестей // Гоголь Н.В. Петербургские повести / Сост., ст. и коммент. О.Г. Дилакторской. СПб., 1995. (Лит. памятники).
- Долинин 1922* – Долинин А.С. Пушкин и Гоголь: (К вопросу об их личных отношениях) // Пушкинский сборник памяти проф. С.А. Венгерова. М.; Пг., 1922.
- Достоевский* – Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Дрыжакова* – Дрыжакова Е.Н. Рискованная шутка Гоголя на чтениях «Ревизора» // РЛ. 2001. № 1.
- Дурылин 1952* – Дурылин С.Н. Н.В. Гоголь об искусстве // Вопр. философии. 1952. № 3.
- Жанен 1996* – Жанен Ж. Мертвый осел и гильотинированная женщина / Изд. подг. С.Р. Брахман. М., 1996. (Лит. памятники).
- Жан-Поль* – Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики / Вступ. ст., сост., пер. и коммент. Ал.В. Михайлова. М., 1981.
- Жирмунский 1982* – Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л., 1982.
- Жирмунский, Сигал 1967* – Жирмунский В.М., Сигал Н.А. У истоков европейского романтизма // Фант. повести.
- Загоскин 1987* – Загоскин М.Н. Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. А.М. Пескова; сост. и коммент. А.М. Пескова и С.И. Панова. М., 1987.
- Заславский* – Заславский О.Б. О замысле «Гетьмана» // Russian Literature. 1997. [Т.] 41.
- Золотусский 1976* – Золотусский И.П. «Записки сумасшедшего» и «Северная пчела» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 35. 1976. № 2.
- Золотусский 1998* – Золотусский И.П. Гоголь. М., 1998.
- Зорин 2001* – Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
- Иваницкий 1909* – Автобиография Николая Ивановича Иваницкого // Щукинский сборник. Вып. 8. М., 1909.
- Избр. проза* – Избранная проза немецких романтиков: В 2 т. / Сост. и предисл. А.С. Дмитриева; коммент. М. Рудницкого. М., 1979.
- Иордан* – Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). 2-е изд., испр. и доп. / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб., 1997.
- Иофа 1948* – Иофа Л.Е. Работа Н.В. Гоголя над географией России // География в школе. 1948. № 2.
- История Русов* – История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Кониского, Архиепископа Белорусского // Чтения. М., 1846. № 1–4. Отд. 2.
- Казарин* – Казарин В.П. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: Вопросы творческой истории. Киев; Одесса, 1986.
- Каманин* – Каманин И.М. Научные и литературные произведения Н.В. Гоголя по истории Малороссии // Памяти Гоголя. Отд. 2.

- Карамзин — Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 1—4. Т. 1—12. Приложения. М., 1988—1989. (Репр. 1842—1844).
- Карамзин 1984 — Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л., 1984. (Лит. памятники).
- Карамзин 1989 — Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1989—1993. Т. 1—5.
- Карташова 1984 — Карташова И.В.* «Портрет» Н.В. Гоголя и эстетические принципы В.Г. Вакенродера // Филол. науки. 1984. № 4.
- Киреевский 1979 — Киреевский И.В.* Критика и эстетика / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю.В. Манна. М., 1979.
- Кириченко 1986 — Кириченко Е.И.* Архитектурные теории XIX века в России. М., 1986.
- Клепиков 1959 — Клепиков С.А.* Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959.
- Клепиков 1968 — Клепиков С.А.* Штемпели на бумаге русского и иностранного производства XIX—XX вв. (Дополнение к таблице, опубликованной в 1959 г.) // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968.
- Клепиков 1978 — Клепиков С.А.* Филигрani на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978.
- Клингер — Клингер Ф.М.* Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад. М.; Л., 1961.
- Ковалевский 1909 — Ковалевский М.* Гоголь как историк // Н.В. Гоголь. Три юбилейные речи. Казань, 1909.
- Козлов 1990 — Козлов С.Л.* К генезису «Записок сумасшедшего» // Пятые тыняновские чтения. Рига, 1990.
- Коробка — Коробка Н.И.* «Арабески» и профессорская деятельность Гоголя; Комментарии // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. / Под ред. Н.И. Коробки. Т. 3. СПб., [б. г.].
- Котляревский 1908 — Котляревский Н.А.* Гоголь. СПб., 1908.
- Куделин 1996 — Куделин А.Б.* К характеристике исторических взглядов Гоголя: От «Арабесок» к «Выбранным местам из переписки с друзьями» // Контекст: Лит.-теорет. исследования. 1993. М., 1996.
- Кулиш 1856 — [Кулиш П.А.]* Записки о жизни Н.В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. СПб., 1856. Т. 1.
- Курбатов — Курбатов В.Я.* Петербург. Л., 1993.
- Кюстин — Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: В 2 т. / Статья В.А. Мильчиной, коммент. В.А. Мильчиной, А.Л. Осповата. М., 1996.
- Лазаревский — Лазаревский А.М.* Сведения о предках Гоголя // Памяти Гоголя. Отд. 2.
- Леонтьева 1985 — Леонтьева Г.К.* Картина К.П. Брюллова «Последний день Помпеи». Л., 1985.
- Летопись 1999 — Летопись жизни и творчества Александра Пушкина:* В 4 т. / Сост. Н.А. Тарховой. М., 1999.
- Лотман — Лотман Ю.М.* Избр. статьи: В 3 т. Таллин, 1992—1993.

- Майков 1893 — Майков Л.Н. К вопросу об «Истории Русов» // ЖМНП. 1893. Ч. 287. № 5. Отд. наук.
- Макогоненко 1979 — Макогоненко Г.П. «Медный всадник» и «Записки сумасшедшего»: (Из истории творческих отношений Гоголя и Пушкина) // ВЛ. 1979. № 6.
- Макогоненко 1985 — Макогоненко Г.П. Гоголь и Пушкин. Л., 1985.
- Максимович — Максимович М.А. Собр. соч.: В 3 т. Киев, 1876—1880.
- Манн 1978 — Манн Ю.В. Гоголь — критик и публицист. Комментарии // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6: Статьи. М., 1978.
- Манн 1987 — Манн Ю.В. Диалектика художественного образа. М., 1987.
- Манн 1988 — Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. М., 1988.
- Манн 1996 — Манн Ю.В. Поэтика Гоголя: Вариации к теме. М., 1996.
- Манн 2004 — Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809—1845. М., 2004.
- Мат. и иссл. 1936 — Н.В. Гоголь. Материалы и исследования: В 2 т. / Под ред. В.В. Гиппиуса. М.; Л., 1936.
- Машинский 1941 — Машинский С.О. Заметки об исторической прозе Н.В. Гоголя // Лит. учеба. 1941. № 1.
- Машинский 1951 — Машинский С.О. Гоголь. 1852—1952. М., 1951.
- Машинский 1971 — Машинский С.О. Художественный мир Гоголя. М., 1971.
- Машковцев 1936 — Машковцев Н.Г. История портрета Гоголя // Мат. и иссл. 1936. Т. 2.
- Машковцев 1959 — Машковцев Н.Г. Н.В. Гоголь и изобразительное искусство: Русская живопись 30—40-х годов XIX века и художественное мастерство писателя // Искусство. 1959. № 12.
- Медведева — Медведева И. Последний день Помпеи: (Картина К. Брюллова в восприятии русских поэтов 1830-х годов) // Istituto Universitario Orientale. Annali, sezione slava, XI. 1968.
- Метьюрин — Метьюрин Ч.Р. Мельмот Скиталец / Изд. подг. М.П. Алексеев, А.М. Шадрин. М., 1983. (Лит. памятники).
- Миллер — Миллер Г.Ф. О Малороссийском народе и о Запорожцах // Чтения. М., 1846. № 3. Отд. 2. (2 паг.).
- Миллер (2) — Миллер Г.Ф. Сокращенное уведомление о Малой России // Чтения. М., 1846. № 4. Отд. 4.
- Мифы — Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1988.
- Михайлов 2000 — Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000.
- Модзалевский 1988 — Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. М., 1988. (Репр. 1910).
- Мольер — Мольер. Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1985—1987.
- Мордовченко 1939 — Мордовченко Н.И. Гоголь в работе над «Портретом» // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1939. № 47. Вып. 4.
- Мышецкий — [Мышецкий С.И.] О козаках Запорожских, как оные издревле зачались, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся // Чтения. М., 1847. № 6. Отд. 4.
- Надеждин 1972 — Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика / Вступ. ст., сост., коммент. Ю.В. Манна. М., 1972.

- Назаревский 1911* — Назаревский А.А. Гоголь и искусство // Памяти Н.В. Гоголя: Сб. речей и статей, изд. Имп. ун-том св. Владимира. Киев, 1911.
- Неизд. Гоголь* — Неизданный Гоголь / Подг. текстов, сост., вступ. ст., примеч. И.А. Виноградова. М., 2001.
- Никитенко* — Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. [М.], 1955—1956.
- ОА* — Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. СПб., 1899—1913.
- Одоевский 1988* — Одоевский В.Ф. Повести и рассказы / Сост., вступ. ст. и примеч. А.С. Немзера. М., 1988.
- Оксман 1919* — Оксман Ю.Г. Кровавый бандурист. Запрещенные страницы Гоголя // Лит. музеум. [Вып.] I. Пг., [1919].
- Описание ИРЛИ 1* — Описание автографов Н.В. Гоголя в собрании Института литературы Академии наук СССР / Сост. Б.П. Городецкий // Лит. архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. [Вып.] I / Под ред. С.Д. Балухатого, Н.К. Пиксанова, О.В. Цехновицера. М.; Л., 1938.
- Описание ИРЛИ 2* — Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. [Вып.] I. Н.В. Гоголь / Сост. Е.А. Ковалевская, Е.В. Фрейдель, Е.М. Хмелевская, Б.В. Шапошников; ред. Б.В. Томашевский. М.; Л., 1951.
- Описание РГБ 1* — Рукописи Н.В. Гоголя: Каталог / Сост. Г. Георгиевский, А. Ромодановская. М., 1940.
- Описание РНБ* — Заборова Р.Б. Рукописи Н.В. Гоголя: Описание. (Гос. публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Труды Отдела рукописей). Л., 1952.
- Орлов 1927* — Орлов А.С. Одоевский—Гоголь—Тургенев // Родной язык в школе. 1927. Кн. 1.
- Павлуцкий 1902* — Павлуцкий Г.Г. Гоголь об искусстве // Памяти Гоголя. Отд. 2.
- Паламарчук 1990* — Паламарчук П.Г. Узор «Арабесок». Примечания // Гоголь Н.В. Арабески / Подг. текстов, послесл., примеч. П.Г. Паламарчука. М., 1990.
- Памяти Гоголя* — Памяти Гоголя: Науч.-лит. сб., изданный Ист. об-вом Нестора-летописца, под ред. Н.П. Дашкевича. Киев, 1902.
- Памяти Жуковского и Гоголя* — Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. Вып. 2. СПб., 1908.
- Переписка 1988* — Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. / Сост. и коммент. А.А. Карпова, М.Н. Виролайнен. М., 1988.
- Петрунина 1987* — Петрунина Н.Н. Проза Пушкина. Л., 1987.
- Петрунина, Фридендер* — Петрунина Н.Н., Фридендер Г.М. Пушкин и Гоголь в 1831—1836 годах // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 6. Л., 1969.
- Пиксанов 1933* — Пиксанов Н.К. Украинские повести Гоголя // Пиксанов Н.К. О классиках. М., 1933.
- Платон* — Платон. Соч.: В 3 т. М., 1968—1972.
- Плетнев* — Плетнев П.А. Соч. и переписка: В 3 т. СПб., 1885.
- Погодин 1836* — Исторические афоризмы Михаила Погодина. М., 1836.

- Полевой — Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1—3. М., 1997.
- Полевой 1986 — Полевой Н.А. Избр. произв. и письма / Сост., подг. текста, вступ. ст., примеч. А.А. Карпова. Л., 1986.
- Попов 1966 — Попов П.С. Состав и генезис «Философии искусства» Шеллинга // Шеллинг.
- Попов 1983 — Попов Ю.Н. Философско-эстетические воззрения Фридриха Шлегеля // Шлегель 1983. Т. 1.
- Поспелов, Стернин — Поспелов Г.Г., Стернин Г.Ю. Изобразительное искусство // Очерки русской культуры XIX в. [Вып.] 6: Худ. культура. М., 2002.
- Пумпянский 2000 — Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собр. трудов по истории русской литературы. М., 2000.
- Пушкин — Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1949; Справ. том. 1959.
- Пушкин (2) — Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1956—1958.
- Пушкин. Письма — Пушкин А.С. Письма / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского (Т. 1, 2); под ред. и с примеч. Л.Б. Модзалевского (Т. 3). М., 1989—1990. (Репр. 1926—1935).
- Ребеккини — Ребеккини Д. Об одном античном источнике Гоголя (Германия Тацита) // *Russica Romana*. 1996. Vol. 3.
- Реизов 1956 — Реизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815—1830). Л., 1956.
- Реизов 1959 — Реизов Б.Г. К истории романтического урбанизма: «Исповедь» Жюль Жанена и «Отец Горио» Бальзака // Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л., 1959.
- Ригельман — Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще (...). Ч. 1—4 // *Чтения*. М., 1847. № 5—9. Отд. 2.
- Ровинский — Ровинский Д.А. Русские народные картинки: В 2 т. СПб., 1900.
- Родзевич 1917 — Родзевич С.И. К истории русского романтизма: Э.Т. Гофман и 30—40-е гг. в нашей литературе // *Рус. филол. вестник*. 1917. Т. 77. № 1—2.
- Розов 1911 — Розов В.А. Традиционные типы малорусского театра XVII—XVIII вв. и юношеские повести Н.В. Гоголя // Памяти Н.В. Гоголя: Сб. речей и статей, изд. Имп. ун-том Св. Владимира. Киев, 1911.
- Романовский 1909 — Романовский В. Взгляд Гоголя на историю и географию // Пед. сб. 1909. Сентябрь—октябрь.
- Росковиченко — [Срезневский В.] Петербург в 1831—1832 гг. (По письмам провинциала) // *РС*. 1900. № 2.
- РП — Русские писатели. 1800—1917. Биогр. словарь. М., 1989—2007. Т. 1—5.
- Сакулин — Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма: Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1.
- Самовидец — Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти // *Чтения*. М., 1846. № 1, 2. Отд. 2.

- Самышкина 1976* — *Самышкина А.В.* Философско-исторические истоки творческого метода Н.В. Гоголя // *РЛ.* 1976. № 2.
- Сегалин 1926* — *Сегалин Г.В.* Шизофреническая психика Гоголя // *Клинический архив гениальности и одаренности.* Свердловск, 1926. Т. 2. Вып. 4.
- Семенов-Тянь-Шанский* — *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Памяти Гоголя, первого глашатая у нас правильных идей школьной географии // *География в школе.* 1934. № 1.
- Скржинская* — *Скржинская Е.Ч.* Иордан и его «Getica»; Комментарий // *Иордан.*
- Смирнова 1987* — *Смирнова Е.А.* Поэма Гоголя «Мертвые души». Л., 1987.
- Смирнова-Россет 1989* — *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подг. С.В. Житомирская. М., 1989. (Лит. памятники).
- Соллогуб 1988* — *Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания / Сост., вступ. ст. и коммент. И.С. Чистовой. Л., 1988.
- Сомов 1984* — *Сомов О.М.* Были и небылицы / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.Н. Петруниной. М., 1984.
- Соч. 1842* — *Сочинения Николая Гоголя:* В 4 т. СПб., 1842.
- Соч. 1855* — *Сочинения Гоголя.* Т. 1–4; М., 1855. Т. 5–6. М., 1856.
- Соч. 1857* — *Сочинения и письма Н.В. Гоголя:* В 6 т. / Изд. П.А. Кулиша. СПб., 1857.
- Ст. и мат.* — *Гоголь.* Статьи и материалы / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л., 1954.
- Сталь 1989* — *Сталь Ж. де.* О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями / Вступ. ст. А.А. Аникста; коммент. В.А. Мильчиной. М., 1989.
- Степанов* — *Степанов А.Н.* Гоголь в «Отечественных записках» (1830) // *Рус. лит.: Тр. отд. нов. рус. лит.* Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1957.
- Степанов (2)* — *Степанов А.Н.* Публицистические выступления Гоголя в «Литературной газете» А.А. Дельвига // *Учен. зап. Ленингр. ун-та.* 1957. № 218. (Сер. филол. наук; Вып. 33).
- Столянский* — *Столянский П.Н.* Петербург. СПб., 1995.
- Тацит* — *Тацит Корнелий.* Соч.: В 2 т. / Коммент. А.С. Бобовича. Л., 1969. (Лит. памятники).
- Тик* — *Тик Л.* Странствия Франца Штернвальда / Изд. подг. С.С. Белокриницкая, В.Б. Микушевич, А.В. Михайлов. М., 1987. (Лит. памятники).
- Тих.* — *Сочинения Н.В. Гоголя:* В 7 т. 10-е изд. / Текст сверен (...) Н. Тихонравовым и В. Шенроком. Т. 1–5. М., 1889. Т. 6. М.; СПб., 1896. Т. 7. СПб., 1896.
- Томашевский 1960* — *Томашевский Б.В.* Пушкин и Франция. Л., 1960.
- Топоров 2003* — *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.
- Турбин 1978* — *Турбин В.Н.* Пушкин. Гоголь. Лермонтов. М., 1978.
- Тургенев* — *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. Т. 1–12. Письма. Т. 1–18. М., 1978–1986.

- Фант. повести* — Уолпол Г. Замок Отранто; Казот Ж. Влюбленный дьявол; Бекфорд У. Ватек. Л., 1967. (Лит. памятники).
- Фомин 1910* — *Фомин А.Г.* Новое о Гоголе: (По поводу опубликования новых рукописей Гоголя) // *ИВ.* 1910. Т. 120.
- Фуссо* — *Фуссо С.* Ландшафт «Арабесок» // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. М., 1995. (Расшир. вариант: *Fusso S. The Landscape of Arabesques // Essays on Gogol. Logos and the Russian World.* Evanston. Illinois. 1992).
- ФЭ* — *Философская энциклопедия:* В 5 т. М., 1962—1970.
- Цапенко* — *Цапенко М.* К 100-летию со дня смерти великого русского писателя Н.В. Гоголя // *Архитектура СССР.* 1952. № 2.
- Цявловский* — *Цявловский М.А.* Статьи о Пушкине. М., 1962.
- Чаадаев 1991* — *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма. : В 2 т. М., 1991.
- Чапленко* — *Чапленко В.К.* Украинизмы в языке Гоголя // *Лит. учеба.* 1940. № 2.
- Чарушикова 1976* — *Чарушикова М.В.* Фрагмент незавершенного романа Н.В. Гоголя «Гетьман» // *Гос. ордена Ленина б-ка СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей.* Вып. 37. М., 1976.
- Черейский 1989* — *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989.
- Чудаков 1906* — *Чудаков Г.И.* Западные параллели к повести Гоголя «Портрет» // *Eganos.: Сб. статей в честь Н.П. Дашкевича.* Киев, 1906.
- Шатобриан 1982* — *Шатобриан Ф.Р. де.* Гений христианства // *Эстетика раннего французского романтизма / Сост., вступ. ст., коммент. В.А. Мильчиной.* М., 1982.
- Шатобриан 1995* — *Шатобриан Ф.Р. де.* Замогильные записки / *Вступ. ст., примеч. В.А. Мильчиной.* М., 1995.
- Шафонский* — *Шафонский А.Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России <...> Киев, 1851.
- Шекспир* — *Шекспир У.* Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1957—1960.
- Шеллинг* — *Шеллинг Ф.В.* Философия искусства / *Вступ. ст. П.С. Попова, М.Ф. Овсянникова; коммент. А.В. Михайлова.* М., 1966.
- Шенрок* — *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. М., 1892—1897.
- Шиллер* — *Шиллер Ф.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1955—1957.
- Шиллер 1950* — *Шиллер И.Х.Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 6: Статьи по эстетике. М.; Л., 1950.
- Шиллер 1954* — *Шиллер Ф.* Избр. произв. М., 1954.
- Шкловский* — *Шкловский В.Б.* Матвей Комаров, житель города Москвы. Л., 1929.
- Шлегель 1829* — *Шлегель Ф.* История древней и новой литературы: В 2 ч. СПб., 1829—1830.
- Шлегель 1983* — *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. / *Вступ. ст., сост., пер. Ю.Н. Попова; примеч. Ал.В. Михайлова, Ю.Н. Попова.* М., 1983.

- Шлёцер 1809* – Представление всеобщей истории, сочиненное Августом Лудвигом Шлецером. СПб., 1809.
- Шульц – Шульц С.А.* «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя: топика и нарратив // *Slavica Tergestina*, 10. Trieste, 2002.
- Эстет. трактаты* – Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: В 2 т. / Сост., вступ. ст. и примеч. Э.А. Каменского. М., 1974.
- Якубович 1926* – *Якубович Д.П.* Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер Скотта // *Пушкин в мировой литературе*: Сб. статей. Л., 1926.
- Якубович 1937* – *Якубович Д.П.* Комментарии к «Скупому рыцарю» // *Пушкин*. Т. 7.
- Карпик 1991* – *Карпик Р.А.* Gogol's Unfinished Historical Novel «The Hetman» // *Slavic and East European Journal*. Vol. 35. N 1 (1991).
- Uchastkina 1962* – A History of Russian Hand Paper-Mills and their Watermarks. By Z.V. Uchastkina / Ed. and adapt. for publ. in English by J.S.G. Simmons. Holland, Hilversum, 1962. (*Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia*; IX).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

«Арабески». Титульный лист издания 1835 г.	8
Лист «тетради Тарновских» с фрагментами черновых автографов повести «Портрет» и статей «Несколько слов о Пушкине» и «Скульптура, живопись и музыка». <i>ОР РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 24 об.</i>	11
Гоголь. Портрет работы К. Горюнова. 1835 г. <i>ИРЛИ</i>	45
Лист «тетради Тарновских» с отрывком «На бесчисленных тысячах могил», ниже начало статьи «Несколько слов о Пушкине», черновой автограф. <i>ОР РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 68</i>	91
Пушкин рукою Гоголя. 1837 г. <i>ОР РНБ.</i>	93
Лист чернового автографа повести «Невский проспект» в «тетради Тарновских». <i>ОР РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 32 об.</i>	145
Дом Зверкова на Екатерининском канале. Фотография И.П. Золотусского «1834». Автограф. <i>ОР РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 8. Л. 1</i>	207 247
«Несколько глав из неоконченной повести». Начало чернового автографа. <i>ОР РГБ. Ф. 99. К. 25. Ед. хр. 37. Л. 1</i>	258
Письмо Пушкина Гоголю. Вторая половина октября 1834 г. <i>ИРЛИ</i>	465
Лист с рисунками Гоголя и первым планом «Арабесок». <i>ОР ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 49</i>	471
Первый план «Арабесок». <i>ОР ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 49. Фрагмент</i>	472
Второй план «Арабесок» (перечень произведений в «тетради Тарновских»). <i>ОР РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 2</i>	473
Варианты филиграней на бумаге, которой пользовался Гоголь при работе над «Арабесками» и произведениями 1830–1834 гг.	487

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббасиды (Абассиды) 708, 709, 711, 714, 718–720, 722
Абрамович С.Л. 595, 625, 781, 785, 860, 872, 986
Абульгази (Абу-ль-Гази-Бахадур) 663
Августин Блаженный 705, 909, 916
Аверинцев С.С. 641, 788, 855, 910
Авраам 270, 948
Аврелиан, император 846
Адамс В.Т. 935, 936
Айзенштот И.Я. 531–533, 562, 647, 739, 870, 871, 899, 939, 943, 949, 986, 992
Айхенвальд Ю.И. 914
Аксаков И.С. 920, 923
Аксаков К.С. 917, 984
Аксаков С.Т. 576, 984
Аксаковы 594, 923
Аларих I 198, 204, 839, 846, 850, 853
Александр Македонский 37, 577, 578, 729
Александр I 569, 582, 726, 767, 789, 895
Алексеев М.П. 544, 617, 626, 627, 846, 891, 939, 986, 991, 994
Алет (Alatheus) 196, 848
Али, халиф 724
Али ибн Муса ар-Рида 708
Алпий (Алимпий) Печерский, св. 612
Алленовы М.М. и О.А. 820, 823, 827, 986
Аллер С.И. 787
Ал-Мамун (Мамон, Мамун, Аль-Ма-муна, Ал-Мамон) 114–118, 383–385, 706–712, 714–719, 721–723
Ал-Мансур — см. Мансур
Алпатов М.В. 817
Альфред Великий 533, 579, 715, 837
Алябьев А.А. 156, 419, 794
Амалы 196, 848
Амбиел (Амбиель) X. 781
Амброзоли Ф. 816
Амин 718
Аммиан Марцеллин 847, 848
Аммоний Саккас 115, 382, 721
Амур (Купидон) 607, 640
Анакреон 774
Андерсен Х.К. 619
Андрей Критский, св. 784
Андрей Юрьевич, кн. галицко-волин-ский 656, 657, 662
Андрей Юрьевич Боголюбский, вел. кн. владимирский 661
Аникст А.А. 994
Анна Австрийская 811
Анненков П.В. 518, 574, 669, 684, 690, 746, 750, 829, 866, 870, 891, 986
Анненкова Е.И. 618, 628, 859, 986
Анненский И.Ф. 589, 592, 609, 620, 986
Анциферов Н.П. 768, 778, 986
Аполлон 678, 737, 850, 911
Апулей 640
Аргус 117, 122, 723, 743
Арий 849
Арион 777
Ариосто (Ариост) Л. 542, 777, 873, 874
Аристов Н.Я. 891
Аристотель 115, 382, 706, 720, 721, 909
Аркадий, император 197, 849
Арнольди Л.И. 781, 905
Арсеньев К.И. 807
Артемиды 846
Астольф 199, 850
Атал — см. Приск Аттал
Атли — 841

- Аттила 200–204, 837, 839, 841, 851–853
 Афанасьев А.Н. 637, 640, 866
 Афина 850
 Афродита (Венера, Киприда) 9, 239, 518, 624, 777, 903, 909, 910, 916
 Ахматова А.А. 971
 Ашимбаева Н.Т. 986
 Аэций 199, 201, 202, 850–852, 854

 Баадер Ф.К. 909
 Багрий А.В. 935
 Баженов В.И. 703
 Байков М.А. 810
 Байрон (Бейрон) Дж. 244, 628, 668, 773, 828, 925, 926
 Балабина М.П. 774, 885
 Балланш П.-С. 546, 577, 729, 730
 Балухатый С.Д. 992
 Бальзак О. де 609, 627, 755, 756, 872, 932, 934, 973, 977, 986, 993
 Бальты (Балты) 193, 196, 848
 Бантыш-Каменский Д.Н. 562–566, 648, 650–656, 658–664, 796, 831, 937, 938, 952–954, 959–969, 986
 Барабаш И. 959
 Барабаш Ю.Я. 550, 556, 558, 559, 651, 652, 740, 963, 986
 Барановский С.И. 579, 707
 Баратынский (Боратынский) Е.А. 686, 762, 766, 783, 821, 822, 828, 878
 Бардовский А.Ф. 982
 Барков И.С. 680
 Барсуков Н.П. 644
 Бартенев П.И. 569, 667, 943, 986
 Баторий Стефан 270, 564, 659, 937, 938, 951, 962, 965, 966
 Батый 658
 Батюшков К.Н. 515, 542, 543, 602–608, 610–612, 614, 615, 637, 684, 693, 694, 736, 737, 764–770, 781, 784, 811, 812, 844, 869, 872–875, 906, 929, 945, 946, 986
 Бахтин М.М. 974
 Башуцкий А.П. 763, 765
 Безбородко А.А. 679, 925, 988
 Бекфорд У. 714, 715, 995
 Белинский В.Г. 468, 477, 478, 560, 576, 588, 589, 624, 628, 668–670, 672–675, 682–685, 739, 750, 821, 831, 838, 889, 890, 920, 935, 951, 956, 986
 Белозерская Н.А. 525
 Белокриницкая С.С. 994
 Белоусов А.Ф. 632
 Белоусов Н.Г. 679
 Белый Андрей 507, 508, 510–512, 573, 589, 591, 601, 609, 768, 909, 915, 986
 Беляев Е.А. 543, 718–720, 722, 723, 986
 Бенкендорф А.Х. 907
 Беранже П.Ж. 973
 Берков П.Н. 896, 899, 986
 Берковский Н.Я. 516, 518, 519, 522, 777, 888, 978, 986
 Беркут Н.К. 780
 Бернс (Борнс) Р. 245, 927
 Бестужев А.А. (Марлинский) 770, 829, 886, 912, 926, 955, 956, 986
 Бестужев-Рюмин М.А. 927
 Беттигер К.-А. 527, 545, 709
 Бетховен Л. ван 521, 522, 828
 Бёме Я. 784
 Бицилли П.М. 678
 Благой Д.Д. 511, 674, 679, 682, 683, 987
 Блок А.А. 506–508, 539, 576, 668, 677, 678, 909, 915, 987, 988
 Блудов Д.Н. 572
 Бобович А.С. 994
 Бобров С.С. 880
 Богданович И.Ф. 640
 Бодянский О.М. 943
 Болтин И.Н. 664
 Бонди С.М. 725
 Бонифаций 199, 850
 Боплан Г. 664, 831, 959, 962
 Борис Годунов 94, 240, 243, 921, 955
 Борисова Е.А. 690, 697, 701–703, 987
 Борнс – см. Бернс
 Боровиковский В.Л. 613
 Боссюз Ж.Б. 741
 Ботникова А.Б. 625, 703, 751, 752, 857, 858, 885, 987
 Бочаров С.Г. 463, 595, 705, 726, 762, 763, 910, 987
 Брадке Е.Ф. 572, 573

- Брамбеус — см. Сенковский О.И.
 Брахман С.Р. 989
 Брикман М.А. 935
 Бродский И.А. 948
 Бруни Ф.А. 826
 Брунст 787
 Брюллов (Брюлов) А.П. 113, 376, 687, 688, 703–705, 748, 789
 Брюллов (Брюлов) К.П. 171, 173–176, 423, 425, 426, 428, 467, 472, 473, 476, 478–480, 505, 510, 688, 697, 725, 814–829, 908, 924, 986, 987, 990, 991
 Брянский Н.Я. 903
 Булгаков М.А. 518
 Булгаков Ф.И. 567
 Булгарин Ф.В. 146, 474, 476, 502, 503, 598, 639, 669, 674, 681, 749, 769, 770, 772, 773, 786, 787, 831, 878, 881, 892, 893, 933, 957, 987
 Бур М. 929
 Бурбоны 898
 Бут — см. Павлюк П.М.
 Быкова Е.В. — см. Гоголь Е.В.
 Бэлза И.Ф. 988
- Вазари Дж. 616, 783
 Вайскопф М. 505, 511, 512, 535, 586, 596, 605, 609, 613, 621, 627, 630, 639, 640, 673, 704, 717, 725, 734, 740, 753, 755, 756, 758, 763, 769, 770, 784, 787, 788, 794, 805, 861, 862, 864, 878, 880, 881, 883, 885, 886, 895–898, 902, 909, 912, 913, 915, 916, 945, 955, 963, 977, 978, 987
 Вакенродер В.Г. 468, 506, 507, 509, 515–517, 521–524, 586, 613, 615–618, 620–622, 627, 631, 633, 635, 636, 638, 690, 691, 696, 701, 777, 789, 795, 858, 912, 918, 919, 972, 987, 990
 Вакх — см. Дионис
 Валент (Валенс) Флавий 194, 196, 197, 847–849
 Валентиниан I 196, 847, 848
 Валентиниан II 848
 Валентиниан III 199, 201, 202, 850, 854
 Валтазар (Валтасар) 173, 829
 Вандик (Ван Дейк А.) 48, 314, 606, 638
- Васильчиковы А.И. и А.В. 780
 Ватек (ал-Васик) 714, 715, 995
 Вацуро В.Э. 547–549, 702, 987
 Введенский Я. 816
 Велес де Гевара Л. 770, 875, 974
 Величко С.В. 565
 Веллингтон А.У. 897
 Венгеров С.А. 526, 531, 532, 534, 537, 538, 576, 649, 715, 771, 772, 793, 798, 803, 804, 977, 987, 989
 Веневитинов Д.В. 505, 506, 509–512, 514, 517, 520, 526, 601, 622, 627, 630, 638, 682, 697, 713, 726, 745, 781, 909, 911, 920, 987
 Венера — см. Афродита
 Венецианов А.Г. 619
 Вернер Э. 841
 Верстовский А.Н. 879
 Верхарн Э. 768
 Веселовский Александр Н. 716
 Веселовский Алексей Н. 536, 740, 858, 987
 Вигель Ф.Ф. 869
 Вильмен (Вильмень) А.-Ф. 741
 Вильмонт Н.Н. 535
 Винкельман И.И. 515, 518, 519, 817, 819, 916
 Виноградов В.В. 502, 511, 518, 625, 635, 639, 685, 748, 754–758, 769, 774, 857, 878, 879, 896, 922, 933–935, 972, 978, 987
 Виноградов И.А. 525, 544, 605, 737, 740, 806, 826, 833, 856, 913, 926, 988, 992
 Винокур Г.О. 482, 483
 Виньи А.В. де 623
 Виолле ле Дюк Э.Э. 698
 Виролайн М.Н. 463, 601, 691, 911, 914, 987, 992
 Висконти П. (Visconti) 816, 823, 825
 Витберг Ф.А. 526, 643, 987
 Витгенштейн Л.П. 176, 830
 Витрувий 371
 Вишневецкий И. 565
 Вишневская И.Л. 866, 867, 987
 Вишневский В.В. 556, 771, 987
 Владимир (Василий) Всеволодович Мономах, вел. кн. киевский — см. Мономах

- Владимир I (Василий) Святославич, св., вел. кн. киевский 566, 928, 992, 993
- Владимир Ольгердович, кн. киевский 663
- Владислав IV Ваза 959
- Вобан С. 874
- Водан (Вотан) 194, 846
- Воейкова А.А. 245, 923–925, 927
- Вольтер 542, 543, 581, 712, 715, 949, 987
- Воронцов М.С. 871, 872
- Воронцова Е.К. 871, 872
- Воропаев В.А. 605, 705, 737, 740, 806, 826, 833, 856, 913, 926, 988
- Всеволод (Андрей) Ярославич, вел. кн. киевский 648
- Вулкан — см. Гефест
- Выговский Д.Е. 558
- Выговский (Виговский) И.Е. 558, 561, 565, 937, 954
- Высоцкий Г.И. 905
- Вяземская В.Ф. 872
- Вяземские 992
- Вяземский П.А. 502, 539, 548, 567, 569, 570, 572, 574, 594, 596, 635, 639, 713, 714, 746, 771, 783, 785, 787, 807, 867–869, 872, 873, 886, 900, 901, 922, 926, 927, 940, 987
- Вяземский П.П. 922
- Габбе П.А. 871, 872, 894
- Гаевский В.П. 549, 555, 560, 797, 801, 899, 907, 988
- Гайм Р. 694, 734, 988
- Галаган Г.П. 699
- Галатей 753
- Галилей Г. 830, 973
- Галич А.И. 506, 509, 690, 691, 695, 739
- Галла Плацидия 850
- Галлам Г. 544, 545, 568, 579–581, 843, 853
- Гальвани Л. 929
- Ганимед 127, 394, 779
- Гарун аль Рашид — см. Харун ар-Рашид
- Гауди А. 698
- Гауф В. 778
- Гваренги — см. Кваренги Дж.
- Гевара — см. Велес де Гевара Л.
- Гегель Г.В.Ф. 506, 688, 697, 728, 888
- Гедимин 84, 85, 350, 642, 653–658, 662, 663
- Гей Н.К. 463
- Гейзерих (Гензерих) 199, 200, 202–204, 837, 850, 851, 853, 854
- Гейнцельманн Г.В. 544
- Гелиос 518
- Гензерих — см. Гейзерих
- Генрих IV, император 39, 541
- Георгиевский Г.П. 490, 530, 531, 537, 561, 648, 649, 791, 793, 801, 803, 988, 992
- Гердер И.Г. 122, 124, 125, 388, 391, 473, 478, 503, 515–518, 538, 539, 541, 543, 544, 546, 576–583, 591, 604, 694, 695, 698, 701, 710–712, 714, 720, 721, 724, 726–731, 733–735, 739–742, 745, 746, 776, 805–806, 808–811, 836, 837, 840, 841, 845, 850–852, 854, 855, 876, 888, 910, 984, 988
- Герен (Геерен) А.Г.Л. 123, 740, 741, 743, 744
- Геркулес 132, 399
- Герман, св. 563
- Германрих (Германарих, Эрманарих) 194, 847
- Геродот 842
- Герсегованов Н.Б. 700, 914, 988
- Герта (Нерта, Nertus) 187, 842
- Герцен А.И. 818
- Гершель Дж. 898
- Геснер К. 202, 854
- Гесте В.И. 782
- Гефест (Вулкан) 518, 777
- Гей 723
- Гёррес Й. 698
- Гёте (Гете, Гётте, Goethe) И.В. 124, 390, 466–468, 474, 475, 485, 503, 515, 516, 518–520, 526, 535, 569, 570, 583, 604, 622, 623, 627, 630, 633, 694, 695, 697, 698, 739, 742, 745, 750, 753, 754, 769, 773, 774, 776, 778, 785, 786, 801, 817, 883–886, 909, 911, 976, 988, 989
- Гиббон Э. 192, 838

- Гизо Ф. (Guizot F.) 538, 539, 570, 571, 707, 745, 792, 838, 839
- Гильдебрандт (Гильдебрант, папа римский Григорий VII) 16, 300, 538, 541
- Гиппиус А.В. 506
- Гиппиус В.В. 470, 508–513, 531, 532, 538, 584, 594, 612, 613, 620, 623, 625, 633, 654, 667, 669, 670, 672, 682, 685, 690–692, 698, 716, 726, 739, 741, 751, 773, 793, 805, 817, 818, 841, 851, 852, 857, 858, 861, 866, 867, 878, 879, 901, 908–910, 912, 915, 917, 918, 920, 921, 930, 935, 939, 941, 946, 947, 951, 957, 973, 976, 977, 982, 983, 988, 991
- Глебов А.Н. 912
- Глинка М.И. 897
- Глинка Ф.Н. 886
- Гнедич Н.И. 542, 872
- Гоголь А. 558
- Гоголь А.В. 683
- Гоголь-Яновский А.Д. 558, 559
- Гоголь Е. (Остап) 556–559, 952, 954, 955
- Гоголь Е.В. (сестра Елизавета, в замужестве Быкова) 467, 796, 983
- Гоголь И.Я. (Ян) 558–560
- Гоголь М.И. 467, 546–550, 553–556, 559, 560, 590–593, 604, 643, 644, 683, 689, 691, 699, 702, 765, 767, 771, 776, 778, 780, 784, 789, 791, 805, 811–813, 861, 865, 881, 891, 892, 894, 900, 904–906, 915, 928, 932, 953, 968, 970, 977, 984
- Гоголь П.Е. 558, 559
- Гоголь Я. 559
- Годофред (Готфрид Бульонский) 543
- Годунов Б.Ф. — см. Борис Годунов
- Годфрид (Готфрид) Горбатый 541
- Големба А.С. 988
- Гомер (Омир) 244, 542, 570, 773, 774, 916, 948, 956
- Гонгора-и-Арготе Л. де 877
- Гонорий 197, 198, 849, 850
- Гончаров А.Н. 491
- Гончаров С.А. 988
- Гончаровы 491
- Гораций 774
- Горленко В. 613
- Горленко В.П. 962, 966, 967, 988
- Городецкий Б.П. 992
- Горохова Р.М. 633
- Горький М. 508, 576
- Горюнов К. 45, 997
- Гофман Г. 787
- Гофман Х. 787
- Гофман Э.Т.А. 148, 477, 502, 505–507, 515, 516, 521, 522, 587, 588, 624–626, 628–630, 633–635, 638, 703, 749–754, 769, 774, 776–778, 788, 857–859, 862, 863, 867, 872, 878, 881, 882, 884, 885, 887, 890, 891, 893, 894, 935, 945, 972–975, 979, 987, 988, 993
- Грановский Т.Н. 536
- Грациан Флавий, император 848
- Гребенка Е.П. 890
- Гревенс Г.А. 874
- Гремич 967
- Греч Н.И. 146, 748, 773, 774, 786, 931, 932
- Грешем Р. 545
- Грибоедов А.С. 147, 411, 607, 623, 637, 639, 787, 878–879, 899
- Григорий Назианзин 909
- Григорий VII — см. Гильдебрандт
- Григорьев А.А. 508, 629, 668, 675–677, 685, 858, 914, 988
- Григорьевы П.Г. и П.И. 146, 209, 786, 893
- Грузинский А.Е. 481
- Гудзий Н.К. 668
- Гудрун 841
- Гуковский Г.А. 867, 886, 894, 898, 988
- Гулак-Артемьевский П.П. 901
- Гульга А.В. 988
- Гумбольдт (Гумбольт) А. 163, 773, 802, 806, 807
- Гуминский В.М. 557
- Гуревич А.Я. 841
- Гурьянов И.Г. 892
- Гусев В.И. 770, 886, 986
- Гусева Е.Н. 699
- Гуттен У. фон 508
- Гюго В. 694, 695, 701, 755, 932, 934–936, 988

- Д.Т. 485
 Д-ов 485
 Давид 880
 Давыдов И.И. 570
 Д'Аламбер Ж.Л. 723
 Даль В.И. 519, 523, 565, 637, 661, 778, 779, 787, 796, 807, 905–907, 946, 952, 960, 962, 963, 968, 969, 976, 988
 Дамиан (Дамиян), св. 270, 948, 966
 Даниил 737, 738, 830
 Данилов В.В. 794
 Данилевский А.С. 542, 591, 593, 608, 612, 637, 666, 667, 679, 684, 731, 742, 781, 783, 838, 892, 893, 925, 928
 Данилевский Г.П. 791
 Данте (Дант) 575, 628, 861, 862, 973
 Дау (Дов, Dawe) Дж. 816
 Дашкевич Н.П. 992, 995
 Дашков Д.В. 572
 Дашков П.Я. 525, 982
 Дашкович Е. 965
 Дегине Ж. (Guignes J. de.) 194, 202, 838
 Декарт Р. 539
 Де Квинси Т. 748, 757, 758, 784, 988
 Делакура Э. 815, 828
 Дельвиг А.А. 539, 548, 601, 778, 797, 872, 907, 912, 917, 918, 922, 926, 927, 987, 994
 Дельвиг А.И. 891
 Демидов А.Н. (Demidoff A.) 815, 816
 Демидов П.Н. 783
 Демидова А.К. (урожд. Шернваль) 783
 Денисов В.Д. 463, 468, 557, 586, 606, 626, 641, 861, 943–945, 947, 953, 956, 961, 963, 988
 Денисова М.А. 463
 Державин Г.Р. 844, 898
 Державина О.А. 795
 Дерюгина Л.В. 463, 759
 Деций, император 193, 846
 Джонс 780
 Джулиани (Giuliani) Р. 463, 783
 Дибич И.И., граф Забалканский 312, 637
 Дидро Д. 712, 723, 817, 869
 Диккенс Ч. 606
 Диакторская О.Г. 607, 623, 624, 875, 881, 884, 886, 896–898, 989
 Димитрий Иоаннович Донской, св., вел. кн. московский 656
 Димитрий Ростовский, св. 511, 966
 Диоген Синопский 577
 Дионис (Вакх) 9, 291, 518, 736, 737, 979
 Дмитриев А.С. 987, 989
 Дмитриев И.И. 756, 857, 869
 Дмитриева Е.Е. 463
 Дов — см. Дау
 Доленго-Ходаковский — см. Ходаковский Э.
 Долинин А.С. 526, 593, 594, 929, 989
 Домициан Тит Флавий, император 194, 832, 847
 Дондуков-Корсаков М.А. 569, 613, 870, 871, 931
 Дорошенко П.Д. 556, 558, 565, 954
 Достоевский Ф.М. 508, 591, 596, 606, 668, 672, 675–677, 774, 856, 891, 989
 Дрыжакова Е.Н. 674, 680, 681, 989
 Дружинин А.В. 685
 Думнов В.В. 917
 Дурцын С.Н. 511, 700, 704, 705, 989
 Дюкре-Дюмениль Ф.-Г. (Дюкре дю Мениль) 755
 Дюпень Ш. 811
 Дюрер А. 613, 777, 789, 829
 Дэниелс Д. 524
 Ева 913
 Евдоксия 202, 203
 Еврипид 909
 Евтихий, архимандрит константинопольский 204, 855
 Егоров Б.Ф. 988
 Егунов А.Н. 910
 Езра 640, 852
 Екатерина II 602, 660, 713, 714, 895, 952, 954, 970
 Екклезиаст 618, 787
 Елагины 943
 Елена Троянская 17, 302, 542, 911
 Елеонский С.Ф. 638, 794
 Елизавета I Тюдор 545

- Елкин В.Г. 632
 Ермаков И.Д. 873
 Есаков В.А. 807
 Ефрем Сирин 784
- Жанен Ж. 606, 635, 754–756, 770,
 932–935, 973, 989, 993
 Жан-Поль (Рихтер И.П.Ф.) 468, 745,
 746, 989
 Жерико Т. 828
 Жирмунская Н.А. 988
 Жирмунский В.М. 622, 623, 702, 714,
 989
 Житомирская С.В. 994
 Жолковский (Жолкевский) С. 966
 Жуковский В.А. 518, 525, 528, 540,
 542, 548, 567, 572, 579, 593, 594,
 599, 608, 612, 613, 638, 639, 667,
 681, 700, 706, 715, 717, 745, 774,
 775, 783, 784, 787, 793–797, 811,
 821, 857, 868, 869, 872, 924,
 926–929, 943, 964, 973, 974,
 988, 992
 Журавлева А.И. 676
- Забалканский — см. Дибич И.И.
 Заболотский П.А. 549
 Заборова Р.Б. 992
 Завитневич В.З. 550
 Загоскин М.Н. 552, 555, 781, 784, 785,
 832, 957, 989
 Задражил Л. 463
 Задражилова М. 463
 Зайцева И.А. 681
 Залеский В. (Wacław z Oleska) 791
 Замятин Е.И. 841
 Заславский О.Б. 549, 555–557, 939,
 940, 958, 989
 Зверков И.М. 207, 211, 432, 891, 892,
 997
 Зевс (Кронийон, Юпитер) 236, 237,
 518, 779, 850, 854, 913
 Зеньковский В.В. 513
 Златоустов 486
 Золотусский И.П. 207, 505, 549, 558,
 631, 717, 786, 857, 869, 878, 879,
 888, 891, 892, 896–898, 928,
 989, 997
 Зорин А.Л. 542, 571, 582, 989
 Зябловский Е.Ф. 807
- Иаков (Израиль) 259, 960
 Иаков Младший, ап. 737
 Иваницкий Н.И. 531, 532, 706–708,
 715, 833, 835, 870, 871, 989
 Иванов А.А. 510, 631–633, 815, 818,
 823, 826, 827, 829
 Иванов Вяч. Вс. 877
 Иванов И. 763
 Иванов П. 763
 Игнатов С.С. 751, 752
 Игорь (Георгий) Святославич, кн. нов-
 город-северский 784
 Иеремия 738
 Изабелла II 216, 896
 Изида 839
 Измайлов А.Е. 772
 Израиль — см. Иаков
 Изяслав (Димитрий) Ярославич, вел.
 кн. киевский 648
 Иисус Христос 17, 21, 38, 39, 72, 78, 87,
 121, 180, 250, 257, 258, 261, 262,
 264, 273, 274, 302, 449, 517, 582,
 607, 615, 620, 631, 641, 673, 735,
 737, 738, 784, 788, 825, 829, 849,
 855, 858, 865, 866, 916, 948, 960,
 963, 966, 968
- Ильдико 853
 Иммерман К. 467
 Иоанн Дамаскин 784
 Иоанн Златоуст 784, 909
 Иоанн Предтеча 566
 Иоанн VI 614
 Иов 729, 730, 852, 886
 Иовский П.А. 468
 Иордан Х. (Иорнанд) 192, 202,
 839–842, 845–854, 989, 994
 Иосиф Обручник 737, 738
 Иофа Л.Е. 803, 813, 989
 Иохим И.А. 891
 Ирвинг В. 623, 640, 712, 902, 903
 Ирраиц Г. 929
 Исаак 270, 948
 Исаакий Далматский, св. 639
 Исая 577, 640, 852
 Исмаил 724
- Каверин В.А. 933
 Казаков М.Ф. 703
 Казарин В.П. 562, 563, 647, 649,
 651–653, 664, 937, 965, 966, 989

Казимир — см. Ян Казимир
Казот Ж. 995
Каллаш В.В. 593
Калло Ж. 973
Кальдерон де ла Барка П. 640
Каманин И.М. 561, 562, 566, 644, 653,
936–938, 941, 953, 958, 963,
969, 989
Каменский З.А. 996
Канова А. 640
Кант И. 123, 535, 743, 744
Кантемир А.Д. 603, 604, 612, 764,
765, 874, 987
Карамзин Н.М. 542, 544, 581, 602,
644, 648, 651, 652, 654–664,
740, 744, 745, 806, 838, 840, 842,
847, 848, 851, 852, 854, 874, 965,
990
Карамзина Е. 874
Каратыгин В.А. 588
Каратыгин П.А. 597, 598
Карл Великий (Карл I), император 707,
833, 834, 837, 845
Карл X, французский король 898
Карлос дон (XVI в.) 882, 884
Карлос дон Старший (дон Карлос-Ма-
рия-Исидро-де-Бурбон) 882, 895,
896
Карпов А.А. 992, 993
Карпук П.А. (Карпук Р.А.) 936, 939,
940, 949, 953, 957, 958, 996
Карташова И.В. 463, 515, 612, 613,
617, 620, 621, 919, 987, 990
Кастельбарко Ц. 816
Касьян А.С. 463
Катранов В.С. 949
Кваренги (Гваренги) Дж. 764
Кедрин Д.Б. 841
Кёниг Г.И. 891
Клине Э. (Quinet E.) 546, 576, 635, 730,
731, 733–735, 745, 794, 809
Киприда — см. Афродита
Кир Старший 37, 577, 729
Киреевский И.В. 515, 608, 660, 668,
669, 672, 701, 703, 877, 927, 980,
981, 990
Киреевский П.В. 793, 877, 878
Кирилюк Э.В. 955
Кириченко Е.И. 691, 693, 696–698,
990

Киселев В.С. 468
Клеопатра 725, 762
Клепиков С.А. 487, 488, 491, 492,
494, 917, 990
Климовский Г.Ф. 597
Клингер Ф.М. 624, 627, 628, 744, 990
Кловис — см. Хлодвиг
Клопшток Ф.Г. 777
Ключарев Ю. 698
Княжнин Я.Б. 973
Ковалевская Е.А. 992
Ковалевский М.М. 536, 537, 539, 649,
715, 726, 802, 833, 990
Ковач А. 892
Коган Н. 988
Козлов И.И. 244, 245, 445, 463, 667,
671, 678, 921, 923–927
Козлов С.Л. 871, 872, 894, 990
Колмаков Н.М. 835
Колубовский И.Я. 516
Колумб Х. 39, 40, 581, 754
Комаров М. 772, 995
Комарович В.Л. 585, 861, 864,
866–868, 881, 882
Комовский В.Д. 516
Кондратьев В. 758
Конисский (Кониский) Г. 551, 562,
563, 648, 651, 652, 937, 949, 962,
989
Конобеевская И.Н. 574
Констан Б. 753
Коробка Н.И. 480, 481, 537, 597, 715,
716, 725, 938, 990
Косьма (Косма), св. 948, 966
Косяровский Павел П. 813
Косяровский Петр П. 590, 983
Котляревский И.П. 901
Котляревский Н.А. 537, 628, 990
Кочубей В.П. 897
Кошелев А.И. 909
Кошечев А.А. 638
Коялович В. 655
Красильников С.А. 793
Краснобородько Т.И. 463
Кребильон (Кребийон) П. 893
Кривонос В.Ш. 605
Кронион — см. Зевс
Крылов И.А. 378, 668
Куделин А.Б. 463, 708, 717, 718, 724,
990

Кузен В. 576, 731–733, 735, 745, 746
Кузьмина В.Д. 637
Кукольник Н.В. 629, 633, 773, 828,
829, 897, 925
Кулиш П.А. 480, 492, 493, 497, 548,
549, 555, 556, 901, 905, 927, 943,
945, 950, 968, 970, 973, 976, 978,
990, 994
Кунц К.Ф. 778, 788
Купидон — см. Амур
Курбатов В.Я. 639, 763, 769, 782, 786,
990
Курганов Н.Г. 680, 772
Курциус Э. 502
Кьяппа Дж. дель (Chiappa G. del) 816
Кювье Ж. 809
Кюстин А. де 693, 732, 990
Кюхельбекер В.К. 476

Лабзин А.Ф. 436, 893, 895
Лавровский Н.А. 679
Лажечников И.И. 615, 941
Лазарева А.Н. 717
Лазаревский А.М. 557–559, 990
Ламартин А. 680
Лаокоон 518–520
Лапчинский 561
Лафайет (Лафает, Лафайэт) М.-Ж.
154, 418, 496, 748, 789, 790
Лафонтен Ж. 640, 668
Лебо Ш. 699
Лев Юрьевич, кн. луцкий (галицко-во-
лынский) 84, 350, 656, 657, 662
Лев I Великий, св., папа римский 201,
852, 853
Левашов В.В. 572
Левин Ю.Д. 844
Левинтон А.Г. 988
Левкович Я.Л. 680
Левшин В.А. 897
Лейбович 957
Леонардо да Винчи 618
Леонтьева Г.К. 815, 827, 990
Лепен А. 778
Лермонтов М.Ю. 676, 890, 994
Лесаж А.Р. 974
Лесницкий, полковник миргородский
561
Лессинг Г.Э. 518, 819, 881
Летяга, есаул 967

Лжедимитрий — см. Отрепьев Г.
Ливен К.А. 570, 907
Лизогуб, обозный 954
Лизогуб С.С. 551
Лизогуб Т.С. 551
Лизогубы 955
Линней К. 544
Лихачев Д.С. 482
Лобода И. 966
Логинова О.К. 788, 988
Лозинский М.Л. 518
Ломовская К.Е. 463
Ломоносов М.В. 840, 844
Лонгинов М.Н. 472, 526, 796, 893
Лопе де Вега 903, 904
Лотман Ю.М. 574, 785, 824, 825, 867,
868, 981, 990
Лудовик XIV — см. Людовик XIV
Луи-Филипп (Людовик Филипп),
французский король 789
Лука Евангелист 641, 880
Лукашевич П.А. 794
Лукьяновский Б.Е. 593
Лупицин 196, 832, 849
Лутер — см. Лютер М.
Льньков М.Т. 716
Льоренте Х.А. 877
Льюис М.Г. 935
Любич-Романович В.И. 549
Людовик (Лайош I Великий), король
Венгрии и Польши 355, 663
Людовик XIII, французский король 811
Людовик (Лудовик) XIV, французский
король 40, 312, 518, 581, 582, 682,
811, 902–904
Людовик XVI, французский король
638
Людовик XVIII, французский король
898
Лютер (Лутер) М. 40, 581, 973
Люцифер 620

Магомет — см. Мухаммад
Мазепа (XVI в.) 966
Мазепа И.С. 933, 949, 954, 955, 959
Майков Л.Н. 649, 949, 986, 991
Маймин Е.А. 987
Макиавелли Н. 741
Макогоненко Г.П. 672, 674, 857, 859,
867, 895, 898, 918, 991

- Максим, военачальник 196, 849
Максим, сенатор 202, 854
Максимович М.А. 156, 161, 419, 420, 464–466, 470, 483, 529, 530, 533, 566, 570, 572, 573, 584, 597, 644–651, 653, 654, 667, 767, 790–796, 834, 928, 948, 949, 952, 962, 966, 982, 991
Макферсон Д. 844
Малле П. 544
Малинари 781
Мамай 663
Ман 186, 842
Мандельштам И.Е. 922
Мандельштам О.Э. 699
Манн Ю.В. 468, 469, 501, 502, 512–514, 525, 532, 547–550, 553, 555, 557–559, 572, 573, 583, 591–593, 601, 613, 644, 648, 666, 668, 674, 679, 683, 685, 688, 704, 707, 716, 717, 726, 736, 740, 750–753, 763, 770, 771, 783, 794, 796, 805, 806, 809, 822, 823, 832, 833, 865, 870, 871, 892, 900, 901, 903, 907–910, 915, 920, 921, 924, 925, 927, 929, 945, 972–974, 977–979, 990, 991
Мансур (Ал-Мансур, Абу-Джафар-Ал-Манзор) 708, 709, 719
Мария, Богоматерь 76–77, 79, 121, 293, 342, 347, 509, 586, 614, 615, 621, 738, 783
Мария-Христина Бурбонская (Неаполитанская) 896
Марк Евангелист 641, 738
Маркович В.М. 862
Марлинский — см. Бестужев А.А.
Марс 68, 777, 839, 852
Мартин Дж. 830
Мартьянов П. 492
Марченко Н.А. 990
Матисен Е.А. 974, 975
Матфей Евангелист 641, 738
Матюрень, Матюрин — см. Метьюрин
Машинский С.О. 533, 538, 569, 647, 650, 716, 793, 794, 988, 991
Машковцев Н.Г. 631, 632, 768, 830, 947, 991
Медведева И.Н. 816, 817, 822, 828, 991
Мельгунов Н.А. 506, 515, 601, 606, 607, 610, 625, 626, 696, 770, 771, 891, 918
Мельпомена 229, 906
Мендельсон М. 744
Менелай 302, 542
Менелас А.А. 703
Мережковский Д.С. 677, 768
Меркурий 839
Метлинский А.Л. 793
Метьюрин (Матюрень, Матюрин, Мэчьюрин) Ч.Р. 601, 609, 623, 625–628, 758, 759, 877–879, 935, 988, 991
Мидас 979
Микеланджело Буонарроти (Микель-Анджело, Микель-Анджело, Михель-Анджело) 174, 427, 519, 620, 700, 815–817, 819, 824, 828
Микушевич В.Б. 994
Миллер (Мюллер) Г.Ф. 660, 953, 959, 963, 966, 967, 991
Миллер (Мюллер) И. 122–125, 185, 388, 390, 391, 473, 478, 701, 739–741, 744, 746, 774, 775, 792, 838
Миллс Ч. (Mills Ch.) 708
Мильтон Дж. 832
Мильчина В.А. 714, 990, 994, 995
Миндов, кн. голшанский 84, 350, 656, 662
Миндовг, вел. кн. литовский 661, 662
Михайлов А.В. 467, 468, 522, 696, 724, 912, 919, 987–989, 991, 994, 995
Михайлов К.Н. 525, 982
Михей 736
Мицкевич А. 860
Мишле Ж. 576, 745, 792
Моавия — см. Муавия I
Модзалевский Б.Л. 466, 674, 715, 991, 993
Модзалевский Л.Б. 993
Монсей 519, 951
Молева Н.М. 613
Мольер 518, 611, 640, 779, 881–883, 902–904, 991
Мономах Владимир (Василий) Всеволодович, вел. кн. киевский 661
Монтескьё Ш. 603, 712, 764, 840, 876, 877

Мордовченко Н.И. 512, 515, 585–587,
593, 598, 624–627, 638, 641, 991
Морозенко 794
Мотомалов М. 597, 598
Муавия (Моавия) I 719, 737
Муратова К.Д. 641
Муратори Л.А. 840
Мухаммад (Магомет, Мохаммед) 18,
38, 114, 117, 118, 218, 385, 543,
579, 708, 711, 720, 723, 834
Мышецкий С.И. 968, 969, 991
Мэтьюрин — см. Метьюрин
Мюссе А. де 748

Н.М. — см. Мельгунов Н.А.
Навуходоносор II 737
Надеждин Н.И. 472, 548, 570, 639,
644, 646, 669, 693, 703, 704, 774,
909, 927, 991
Надержинский Е.В. 683
Назаревский А.А. 506, 509, 511, 616,
628, 634, 701, 819, 992
Наливайко 953, 963, 966, 967
Наполеон 41, 582, 708, 731, 732, 746,
878, 898
Нарежный В.Т. 900, 904
Наркевич А.Ю. 728
Нарышкин Л.А. 871
Наум 830
Нашокин П.В. 667, 815
Нейман Б.В. 890
Некрасов Н.А. 676
Немзер А.С. 992
Непгун — см. Посейдон
Нерон, император 824
Нерта — см. Герта
Нестор 603, 607, 648, 650, 661, 741,
992
Несторий, патриарх константинополь-
ский 204, 855
Нефедьев Н.А. 803
Нечай Д. 794
Нибур Б.Г. 538, 792
Никитенко А.В. 475, 530, 567, 569,
574, 586, 601, 613–615, 731, 870,
871, 874, 875, 907, 931–933, 992
Никифор, архимандрит 987
Николай I 44, 417, 440–442, 569–571,
582, 636, 637, 726, 767, 785, 789,
815, 818, 860, 870, 871, 891, 895

Николев Н.П. 209, 892
Никольский П.И. 925
Ниоба 519
Новалис Ф. 603, 712, 775, 788, 809,
978
Ной 544, 738, 739, 778

Овсянников М.Ф. 995
Огарев Н.П. 680
Один (Оден) 19, 194, 303, 544, 839,
842, 846
Одиссей (Улисс, Улис) 194, 839, 846
Одоакр 203, 854
Одоевский В.Ф. 477, 502, 545–549,
554, 555, 628, 634–636, 667, 753,
756, 777, 782, 857, 859, 890, 909,
920, 972–974, 992, 993
Озеров В.А. 147, 411, 787
Ознобишин Д.П. 841
Оксман Ю.Г. 492, 562, 929, 932, 934,
937–939, 942, 949, 951, 992
Олег, кн. переяславский 662
Олег I, кн. киевский 660
Ольгерд 85, 351, 655, 663
Омар (Омар ибн аль-Хаттаб) 710
Омейяды (Оммиады) 711, 719, 720,
722, 737
Омир — см. Гомер
Орест и Пилад 229, 905
Орлов А.А. 146, 773, 786
Орлов А.С. 726, 734, 992
Орфей 676
Осия 736
Осповат А.Л. 986, 990
Оссиан 844
Острица (Остржаница) 253,
261–264, 266–275, 449, 450,
453–455, 652, 937–943, 947–
951, 953, 955, 956, 958, 961, 962,
964, 968
Отрепьев Г. (Лжедмитрий) 659, 955

П.К. 699
Павел, ап. 517, 788, 789, 853
Павел I 860
Павлуцкий Г.Г. 506, 818, 819, 827,
830, 992
Павлюк П.М. (Павлюга, псевдоним:
Бут) 967
Падерина Е.Г. 463

- Паламарчук П.Г. 467, 481, 511, 613, 661, 688, 705, 737, 763, 765, 782, 785, 791, 805, 820, 833, 841, 879, 892, 982, 992
- Паллас П.С. 803, 813
- Панаев В.И. 548
- Панаев И.И. 681
- Панов С.И. 989
- Парис 542
- Паскаль Б. 745
- Паскевич И.Ф., граф Эриванский 312, 637
- Паччини Дж. 830
- Пейкер П.И. 576
- Перевязка С. 957
- Перро 809
- Перуджино К. 783
- Перуджино П. 131, 783, 913
- Песков А.М. 989
- Петерс 434
- Петр, ап. 365, 691, 696, 699, 700, 789, 811, 853, 904
- Петр I (Петр Великий) 168, 526, 557, 576, 596, 602–606, 608, 612–614, 639, 651, 653, 682, 693, 703, 762, 764, 768, 769, 781, 782, 794, 860, 874, 949
- Петр Пустынник (Петр Амьенский) 542, 543
- Петрарка Ф. 508, 784
- Петров Н.И. 565
- Петроний 774
- Петрунина Н.Н. 540, 589, 593, 594, 600, 628, 667, 674, 725, 992, 994
- Петухов Е.В. 593
- Пигмалион 753
- Пиксанов Н.К. 553, 900, 902, 952, 957, 992
- Питт В. 41, 582
- Пифия 237
- Плано Карпини (Дж. дель Пьяно-Карпине) 544
- Платон 236, 721, 909–911, 913–917, 920, 921, 929, 992
- Плетнев П.А. 240, 444, 484, 525, 526, 528, 534, 547, 548, 574, 593, 594, 608, 667, 796, 797, 801, 857, 875, 899, 908, 917, 918, 922, 992
- Плиний Младший 816–818, 823, 824
- Плиний Старший 640
- Плотин 115, 721
- Плюшар А. 8, 465, 491
- Победим, есаул 967
- Погодин М.П. 463–466, 476, 477, 504, 525–530, 532–534, 540, 568, 570, 573–575, 594, 595, 601, 606, 622, 632, 638, 644–648, 660, 695, 738, 739, 743–745, 773, 797, 798, 801, 808–810, 837, 892, 895, 903, 909, 928, 931, 936, 973, 981, 982, 992
- Погорельский А. 832, 900, 903, 904
- Подкова П. 938
- Подольская И.И. 986
- Полевой Н.А. 502, 544, 628–631, 633, 655, 682, 751–753, 776, 786, 789, 832, 840, 842, 862, 863, 872, 888, 892, 893, 900, 902, 932, 935, 956, 977, 993
- Полиньяк (Полиньяк) Ж. де 221, 898
- Померанцева Э.В. 626
- Попов А.И. 802
- Попов П.С. 516, 696, 993, 995
- Попов Ю.Н. 467, 517, 524, 993, 995
- Посейдон (Нептун) 9, 518
- Поспелов Г.Г. 826–828, 993
- Потемкин В.П. 986
- Потоцкий Н. 967
- Потоцкий Я. 878
- Пракситель 238, 916
- Приск 841, 851–853
- Приск Аттал 198, 850
- Прокопий (Прокофий) Кесарийский 192, 840, 850
- Прокопович Н.Я. 563, 622, 650
- Прометей (Промефей) 237, 630, 911, 912, 916
- Псишея (Психея) 58, 59, 326, 639
- Пугачев Е.И. 667, 860, 895
- Пумпянский Л.В. 538, 539, 594, 595, 599, 602, 604, 626, 655, 857–859, 866, 879, 880, 895, 896, 955–957, 993
- Путьл, есаул 967
- Пушкарев Л.Н. 637
- Пушкин А.С. 11, 90–95, 146, 209, 240, 243, 245, 356, 358, 444, 463–466, 470, 473, 475, 476, 478–480, 482, 483, 495, 497, 499, 501, 502, 504, 505, 515, 518,

- 525–527, 529, 539, 540, 547, 548, 555, 557, 558, 567, 569, 570, 572, 574, 575, 589, 593–605, 608, 609, 611, 612, 617, 618, 623–625, 627–629, 637–641, 644, 645, 649, 651, 652, 665–686, 693, 699, 700, 702, 705–707, 712, 714–717, 725, 731, 732, 735, 748–751, 754, 758–763, 766–769, 771–774, 777–779, 781–787, 791, 801, 802, 806, 807, 815–818, 821–828, 844, 856, 859–861, 868, 869, 872–873, 878, 880, 886, 892, 893, 895, 899, 903, 904, 908, 917, 918, 920–928, 930, 940, 945, 949, 955, 957, 962, 970–975, 980, 986–997
- Пушкин Л.С. 595, 778, 926
 Пушкина Н.Н. 639, 681, 777, 860, 873
 Пыпин А.Н. 574
- Рабле Ф. 974
 Радеба Л. 524
 Радищев А.Н. 637, 895
 Рафаэль 174–176, 586, 615, 616, 618, 621, 631, 638, 640, 783, 817, 819, 823, 826, 828, 853
 Ребеккини Д. 834, 835, 840, 843, 993
 Реизов Б.Г. 535, 546, 576, 577, 610, 682, 707, 730, 731, 733, 734, 741, 742, 745, 746, 790, 792, 810, 839, 936, 973, 993
 Ригельман А.И. 651, 953, 954, 963, 964, 968–970, 993
 Риттер К. 166, 798, 802, 806, 808–810
 Ришелье А.Ж. дю Плесси 811, 812
 Ровинский Д.А. 637, 638, 879, 993
 Родзевич С.И. 506, 624, 625, 628, 751, 858, 993
 Рожалин Н.М. 601, 815
 Рожинский Б. 966
 Розанов В.В. 726
 Розанов М.Н. 628
 Розенмейер Н.И. 468
 Розенфельд А.Э. 637
 Розов В.А. 551, 901, 957, 962, 966, 993
 Роман Михайлович, кн. брянский 662
- Романов Ф.Н. — см. Филарет, патриарх
 Романовский В. 537, 802, 803, 993
 Ромодановская А.А. 992
 Ромодановский Г.Г. 26, 564, 565, 953, 954
 Ромодановский Ф.Ю. 561
 Ромул Августул, император 854
 Росковшенко И.В. 640, 765–767, 779–783, 893, 896, 927, 993
 Росси К.И. 789
 Руайе-Коллар П.-П. 571
 Рубенс (Rubens) П.П. 619, 638, 640
 Рудницкий М. 989
 Ружинский Е. 355, 650, 831, 962, 965, 966
 Ружинский М. 966
 Руссо Ж.Ж. 515, 521, 714, 741, 803, 840, 884, 973
 Руфим (Руфин) 197, 198, 849
 Руч К. 209, 434, 893
 Рылеев К.Ф. 962, 963
- Сабуров Я.И. 812
 Сагайдачный П. 792, 952, 961
 Садовников В.С. 763
 Сазонов К. 598, 599
 Саитов В.И. 986
 Сакс Г. 789
 Сакулин П.Н. 778, 909, 993
 Салтыков-Щедрин М.Е. 832
 Сальери А. 612, 617, 618
 Самарин Д.Ф. 923
 Самовидец 962, 963, 966, 993
 Самуйлович (Самойлович) И.С. 953
 Самышкина А.В. 539, 739, 740, 742, 994
 Сарразен 627
 Сасаниды 722
 Саути Р. 625
 Сафрах (Safrac) 196, 848
 Сахаров В.И. 586, 890
 Свиньин П.П. 644
 Сегалин Г.В. 574, 928, 994
 Сегюр 812
 Семенко И.М. 986
 Семенов В.Н. 464, 491
 Семенов-Тянь-Шанский В.П. 805, 810, 994
 Сенека 230, 906, 909

- Сенковский О.И. (псевдоним: Барон Брамбеус) 474–477, 502, 503, 535–537, 587, 588, 670, 674, 699, 701, 749, 773, 889, 898, 930–934, 936, 946
- Сен-Мартен Л. 895
- Сен-Реаль, аббат 884
- Сербинович К.С. 532, 540, 548, 567, 572, 577, 646
- Сервантес 524, 858, 875, 876, 879, 883, 884
- Сиagriй 203, 854
- Сигал Н.А. 702, 714, 989
- Сигизмунд I, польский король 654, 659, 831, 937, 965
- Сигизмунд II Август, польский король 654, 937
- Сигизмунд III Ваза, польский король 937, 959
- Сикорский И.А. 875
- Сикст V, папа римский 921
- Симеон, св. 616
- Сихлер Л. 56, 323, 639
- Скавыш В.А. 869
- Скобичевский 949
- Сковорода Г.С. 929
- Скотт В. 105, 106, 125, 371, 392, 502, 686, 701, 702, 716, 740, 742, 746, 773, 786, 815, 818, 933, 934, 941, 955–957, 983, 996
- Скржинская Е.Ч. 840, 841, 845–851, 853, 854, 989, 994
- Славятинский Н.А. 988
- Слонимский А.Л. 749
- Смирдин А.Ф. 821
- Смирнова А.О. (урожд. Россет) 548, 571, 594, 700, 704, 780, 886, 922, 994
- Смирнова Е.А. 627, 638, 639, 909, 994
- Смит А. 523
- Собеский (Собесский) Ян 556, 558
- Соболевский С.А. 859, 860
- Сократ 230, 577, 906, 916
- Соллогуб В.А. 783, 813, 860, 974, 976, 994
- Соловьев В.С. 668, 675, 677, 909
- Соломина О.Л. 463
- Сомов 488
- Сомов К.А. 768
- Сомов О.М. 548, 552, 560, 564, 565, 623, 792, 797, 900, 904, 950, 952, 953, 957, 994
- София 512, 861, 908–910, 914
- Софья Алексеевна, царевна 614, 941
- Сперанский М.Н. 689, 793, 988
- Спиноза Б. 745
- Срезневский В.И. 993
- Срезневский И.И. 419, 645–646, 648–651, 655, 765, 790–794, 941
- Сталь Ж. де 714, 720, 746, 994
- Станислав, кн. киевский 84, 350, 662
- Стасов В.В. 478, 479, 536, 576, 739, 818
- Стендаль 879
- Степанов А.Н. 549, 644, 794, 805, 813, 917, 994
- Стернин Г.Ю. 826, 828, 993
- Стеффенс (Стеффенсон) Х. 809
- Стилмен Л. 558
- Стиликон (Стилихон) 197, 198, 849
- Столянский П.Н. 607, 785, 786, 994
- Страхов Н.И. 897
- Стриковский (Стрыйковский) М. 655–658, 662, 663
- Строганов А.С. 602, 607
- Строев В.М. 825
- Суворов А.В. 41
- Сурат И.З. 825
- Талейран Ш. 443, 898
- Танские 955
- Танский В. 550, 551
- Тарасенков А.Т. 870
- Тарновские А.П. и В.П. 11, 91, 145, 469, 473, 487, 493, 494, 496, 497, 504, 505, 584, 595, 665, 666, 706, 725, 739, 747, 835, 942–944, 970, 997
- Тарновский В.В. 549
- Тархова Н.А. 990
- Тассо (Тассе) Т. 542, 543, 633, 873, 874, 948
- Татищев В.Н. 664
- Татлин В.Е. 768
- Тахер 711
- Тацит 187, 188, 775, 776, 816, 823, 824, 834–836, 838–840, 842–844, 846, 993, 994
- Тевт (Туистон) 186, 811, 842

Тенирс (Теньер) Д. 475, 750, 900
Теодорик (Феодорик) Великий, король остготов 203, 204, 837, 855
Тепляков В.Г. 824
Тер-Акопян Н. 535
Тик Л. 477, 506, 515, 517, 522, 588, 631, 696, 750, 769, 777, 858, 879–881, 890, 912, 918, 972, 987, 994
Тимофеев А.В. 862
Титов В.П. 506, 515, 601, 690–692, 696, 697, 918, 971, 973
Тихонравов Н.С. 470, 480, 481, 488–495, 497, 505, 531, 532, 585, 586, 588, 652, 665, 687, 707, 715, 731, 741, 742, 748, 782, 789, 793, 801, 814, 833, 838, 854, 856, 857, 892, 899, 907, 923, 943, 945, 962, 968, 980, 994
Тициан 828
Толстой А.П. 699
Толстой Л.Н. 508, 634, 922
Томашевский Б.В. 481, 627, 678, 731, 904, 992, 994
Топоров В.Н. 591, 596, 600, 612, 751, 762, 765, 770, 778, 779, 784, 856, 972, 994
Торвальдсен Б. 640
Троицкий В. Ю. 501
Тройден 662
Трошинский Д.П. 644, 701, 979
Трушковский Н.П. 480, 943
Трушковский П.О. 550
Трясила Т. (Тарас) 967
Ту Ж.О. де 741
Тураев С.В. 710
Турбин В.Н. 667, 880, 958, 994
Тургенев А.И. 569, 574, 774, 869, 927
Тургенев И.С. 532, 569, 573, 726, 829, 992, 994
Тургенев Н.И. 694
Турьян М.А. 782
Тынянов Ю.Н. 678, 990
Тьер А. 790
Тьерри О. 538, 539, 544, 682, 746, 792
Уваров С.С. 566–575, 647, 684, 695, 790, 792, 870, 871, 932
Улисс (Улисс) — см. Одиссей
Уолпол Г. 702, 995

Усова Е.А. 463
Успенский Б.А. 990
Устрялов Ф. 664
Фальконе (Фальконет) Э.М. 168, 603–605
Фауст 526, 546, 604, 622–624, 627, 628, 744, 745, 750, 769, 778, 885, 911, 975, 976, 990
Фаустов А.А. 788
Федоров А.В. 986
Феодор Студит 784, 909
Феодорик — см. Теодорих
Феодосий I, император 197, 849, 850
Феодосий II, император 200, 841, 851
Феокрит 773
Фердинанд VII, испанский король 895, 896
Фесенко Ю.П. 623
Фидий (Фидиас) 237, 911
Филарет, митрополит (Дроздов В.М.) 923
Филарет, патриарх (Романов Ф.Н.) 614
Филимонов В.С. 973
Филипп Орлеанский 811, 812
Филипп II, испанский король 217, 882, 884, 897
Фишер Ф.К.Й. 202, 841
Флоренский П.А. 619
Фома, ап. 784
Фомин А.Г. 532, 803, 995
Фонвизин Д.И. 226, 869, 905
Фор Р. 877
Франк С.Л. 677
Франко И.Я. 966
Фрейдель Е.В. 992
Фридригер (Fritigernus) 196, 848
Фридендер Г.М. 468, 481, 540, 589, 593, 594, 600, 648, 667, 674, 679, 716, 797, 833, 980, 992
Фрумкина А.И. 463
Фурье Ш. 884, 898
Фуссо С. 468, 485, 701, 864, 995
Харун ар-Рашид (Гарун аль Рашид) 114, 116, 382, 706, 707, 709–712, 714, 715, 718, 720, 723, 833, 834
Херасков М.М. 880
Хлебаров А.Д. 486

- Хлодвиг (Кловис) 203, 845, 854
 Хлюстин А.С. 488, 494
 Хмелевская Е.М. 992
 Хмельницкий Б. 556, 558, 561, 563,
 564, 651, 792, 949, 953, 959, 961,
 963, 968, 969, 993
 Ходаковский (Доленго-Ходаковский) З.
 597, 791, 793, 794
 Ходасевич В.Ф. 678
 Хозрев-Мирза (Хосров-Мирза) 46,
 636, 637
 Хомяков А.С. 517, 518
 Храповицкий А.В. 895
 Хусейн-Паша 899
- Цапенко М. 689, 697, 698, 995
 Цезарь Гай Юлий 37, 578
 Цербер 861
 Цертелев Н.А. 790, 792
 Цехновицер О.В. 992
 Цых В.Ф. 572
 Цяловский М.А. 594, 597, 598, 600,
 995
- Чаадаев П.Я. 682, 691, 692, 695, 730,
 745, 995
 Чаговец В.А. 550, 551, 829
 Чапленко В.К. 501, 900, 965, 995
 Чаплицкий (Чаплинский) 949
 Чарушникова М.В. 492, 943, 995
 Черейский Л.А. 569, 639, 893, 995
 Чернышевский Н.Г. 984
 Чернышов М.А. 987
 Черняева Т.Г. 468, 483
 Чертков, студент 586, 870–872
 Чингисхан (Чингис-Хан) 19, 39, 304,
 580
 Чистова И.С. 994
 Чудаков Г.И. 620, 640, 858, 995
- Шадрин А.М. 991
 Шамбинаго С.К. 915
 Шамиссо А. фон 626, 885
 Шамполион-Фижак Ж.-Ж. 728
 Шапошников Б.В. 992
 Шатобриан Ф.Р. де 516, 519, 569, 692,
 694, 695, 698, 829, 995
 Шафонский А.Ф. 565, 651, 904, 906,
 959, 962, 969, 995
 Шах Я. 938
- Шварц Б. 40, 581
 Шебуев В.К. 613
 Шевырев С.П. 467, 477, 506, 515, 534,
 574, 588, 589, 616, 623, 624, 634,
 644, 691, 696, 750, 791, 815, 821,
 858, 886, 887, 889, 890, 911, 918,
 921
 Шекспир У. 125, 392, 524, 545, 551,
 611, 627, 628, 740, 742, 746,
 750, 872, 879, 881, 883, 884,
 888, 890, 894, 896, 927, 957,
 973, 995
 Шеллинг Ф.В. 466, 467, 506, 509,
 512, 515, 516, 518–522, 535, 576,
 619, 621, 630, 690, 695, 696,
 698, 730, 777, 807, 829, 830,
 842, 853, 885, 909, 929, 980,
 981, 993, 995
 Шенрок В.И. 495, 531, 536, 548, 549,
 558–561, 563, 649–651, 683, 715,
 793, 833, 899, 913–915, 923, 980,
 994, 995
 Шервуд В.О. 705
 Шереметев Б.П. 561
 Шерер И.Б. 949
 Шер-шах 365
 Шёнберг А. 511
 Шиллер И. 787
 Шиллер И.Х.Ф. 125, 148, 412, 516,
 518, 535, 540, 542, 543, 552, 579,
 581, 630, 710, 740, 742, 746, 753,
 774–776, 778, 787, 830, 837,
 876, 881–884, 894, 897, 909,
 956, 995
 Шишков А.А. 841
 Шкловский В.Б. 637, 772, 773, 995
 Шкурай, есаул 967
 Шлегель А.В. 519, 535
 Шлегель Ф. 185, 194, 467, 506,
 515–518, 520–522, 524, 535, 615,
 618, 619, 700, 821, 829, 838, 839,
 842, 846, 993, 995
 Шляпкин И.А. 625
 Шлёцер (Шлецер) А.Л. 43, 122, 123,
 125, 388, 391, 473, 478, 540, 543,
 564, 583, 648, 652, 653, 657, 660,
 701, 739–744, 773, 777, 810, 983,
 996
 Штрайх С.Я. 869

Шульгин И.П. 870, 871
Шульц С.А. 866, 881, 894, 996

Щастный В.Н. 549
Щеглов Н.П. 491, 492, 907
Щепкин М.С. 880

Эйзенштейн С.М. 670
Эйхенбаум Б.М. 770
Эйхендорф Й. фон 886
Эккартсгаузен К. фон 878
Эккерман И.П. 697, 886
Энгельгардт Б.М. 747, 971
Энгр Ж. 815
Эпштейн М.Н. 604
Эразм Роттердамский 830
Эриванский — см. Паскевич И.Ф.
д'Эрбело Б. (Гербелот, Herbelot) 708,
714, 721, 723, 724
Эскироль Ж.-Э. (Esquirol) 875
Эсхил 916
Эцель 841
Эфрос Н.Д. 632

Ювенал 773
Юм Д. 741
Юпитер — см. Зевс
Юрий Львович, кн. галицко-волинский
662
Юркевич П.И. 476
Юстиниан, император 854

Ягайло (Владислав II Ягелло, польский
король) 85, 351, 355, 356, 653—
656, 658, 663, 664
Ядвига, польская королева 355, 658,
663
Языков Д.И. 648
Языков Н.М. 666, 667, 671, 678, 924,
925, 927, 974, 975
Якубович Д.П. 502, 611, 612, 628, 996
Ян Казимир, польский король 24, 557,
558, 561, 563, 565, 664, 937

Яновский Д.И. 559
Яновский К.Д. 559
Яновский С.К. 905
Ясинский Я.И. 791
Яцмирский А.И. 551

Aruffo B. 485
Babler O.F. 486
Bavastro N. 485
Buek O. 485
Chiappa G. del — см. Кьяппа Дж. дель
Corticelli A. 485
Demidoff A. — см. Демидов А.Н.
Dovinová V. 485
Fusso S. — см. Фуссо С.
Giuliani R. — см. Джулиани Р.
Goethe — см. Гёте
Guizot F. — см. Гизо Ф.
Hurban-Vajanský S. 485, 486
Karpuk P.A. — см. Карпук П.А.
Koenig Ch. 485
Lappo-Danilevskij K. 515
Maguire R.A. 616
Malcovati F. 485
Mello Tardiff de 486
Morabito R. 783
Picchio R. 783
Prina S. 485
Proffer C.R. 485
Rembrandt — 619
Rubens — см. Рубенс П.П.
Samsonoff C. 485
Schreier H. 705
Sibaldi I. 485
Simmons J.S.G. 996
Sipiński K. 791
Solignac de 658, 662, 663
Steinmetz 485
Stender-Petersen A. 857
Szeman I. 486
Thiergen P. 515
Tielkes O. 485
Tulloch A. 485
Uchastkina Z.V. 492, 996

СОДЕРЖАНИЕ

Арабески	5*		
<i>Часть первая</i>			
〈Предисловие〉	7	501	
Скульптура, живопись и музыка	9	291	504
О Средних веках	14	295	524
Глава из исторического романа	24	309	546
О преподавании всеобщей истории	33	311	566
Портрет	46	312	584
Взгляд на составление Малороссии	81	348	641
Несколько слов о Пушкине	90	356	665
Об архитектуре нынешнего времени	97	360	686
Ал-Мамун	114	381	706
<i>Часть вторая</i>			
Жизнь	119	386	725
Шлецер, Миллер и Гердер	122	388	739
Невский проспект	126	392	747
О малороссийских песнях	156	419	790
Мысли о географии	163	420	796
Последний день Помпеи	171	423	813
Пленник	178	429	830
О движении народов в конце V века	183		832
Клочки из записок сумасшедшего	205	430	855
Произведения 1830–1834 гг.	223	899	
Учитель	225		899
Успех посольства	231		899
Женщина	236		907
Борис Годунов. Поэма Пушкина	240	444	917
О поэзии Козлова	244	445	923
1834	246	446	927
Кровавый бандурист	248	446	929
Отрывки и наброски	255		942
〈Несколько глав из неоконченной повести〉	257	447	942
〈Мне нужно видеть полковника〉	277	456	968
Страшная рука	280	457	970
〈Фонарь умирал〉	281	457	973
〈Дождь был продолжительный〉	283	458	976
〈Рудокопов〉	285	459	978

* В первом столбце указана страница текста, во втором — «Вариантов», в третьем — «Комментария».

〈На бесчисленных тысячах могил〉	286 459 980
〈Отрывок детской книги по географии〉	287 459 982
Варианты	289
Комментарий	461
Условные сокращения	985
Список иллюстраций	997
Указатель имен	998

*Печатается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук*

Николай Васильевич Гоголь

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В двадцати трех томах

Том третий

*Заведующая редакцией Е.Ю. Жолудь. Редактор М.Л. Береснева
Художник В.Ю. Яковлев. Художественный редактор Т.В. Болотина
Технический редактор О.В. Аредова
Корректоры А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова, Л.В. Морозова,
Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 24.11.2009. Формат 60 × 90¹/₁₆
Гарнитура Академическая. Печать офсетная. Усл.печ.л. 63,5
Усл.кр.-отт. 64,5. Уч.-изд.л. 75,3. Тираж 1600 экз. Тип. зак. 2159

Издательство «Наука». 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-035686-3

9 785020 356863